Екатерина II
и
Г. А. Потемкин

Императрица Екатерина II.
Портрет работы С. Торелли, 1762–1766. ГРМ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Екатерина II и Г.А.Потемкин

Личная переписка

1769–1791

Издание подготовил
В.С. ЛОПАТИН

МОСКВА "НАУКА" 1997

ББК 85
Е 45

Ответственный редактор
С.Г. ДЕСЯТСКОВ

Е $\frac{4702010000\text{-}130}{042(02)\text{-}97}$ 267-95, II полугодие ББК 85

ISBN 5-02-011222-4

1769–1770

1. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Безпримерные Вашего Величества попечения о пользе общей учинили Отечество наше для нас любезным. Долг подданической обязанности требовал от каждого соответствования намерениям Вашим. И с сей стороны должность моя исполнена точно так, как Вашему Величеству угодно.

Я Высочайшие Вашего Величества к Отечеству милости видел с признанием, вникал в премудрые Ваши узаконения и старался быть добрым гражданином. Но Высочайшая милость, которою я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне Вашего Величества усердием. Я обязан служить Государыне и моей благодетельнице. И так благодарность моя тогда только изъявится в своей силе, когда мне для славы Вашего Величества удастся кровь пролить. Сей случай представился в настоящей войне, и я не остался в праздности.

Теперь позвольте, Всемилостивейшая Государыня, прибегнуть к стопам Вашего Величества и просить Высочайшего повеления быть в действительной должности при корпусе Князя Прозоровского[1], в каком звании Вашему Величеству угодно будет, не включая меня навсегда в военный список, но только пока война продлится[2].

Я, Всемилостивейшая Государыня, старался быть к чему ни есть годным в службе Вашей; склонность моя особливо к коннице, которой и подробности, я смело утвердить могу, что знаю. В протчем, что касается до военного искусства, больше всего затвердил сие правило: что ревностная служба к своему Государю и пренебрежение жизни бывают лутчими способами к получению успехов. Вот, Всемилостивейшая Государыня, чему научили меня тактика и тот генерал, при котором служить я прошу Вашего Высочайшего повеления. Вы изволите увидеть, что усердие мое к службе Вашей наградит недостатки моих способностей и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший раб
Григорий Потемкин

В квартере К[нязя] Прозоровского
24 маия 1769 году

2. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая державнейшая великая Государыня
Императрица и самодержица Всероссийская.
Государыня Всемилостивейшая.

Всемилостивейшую Вашего Императорского Величества грамоту и орден Святаго Георгия я имел счастие получить, не находя себя довольно в силах заслужить оную Высочайшую милость на самом ли деле. Еще меньше себя чувствую способным на словах принесть верноподданнейшую благодарность. Нет для меня драгоценней жизни – и та Вашему Величеству нелицемерно посвящена. Конец токмо оной окончит мою службу.

Позвольте, Всемилостивейшая Государыня, принесть всеподданнейше поздравление с покорением другого турецкого города на Дунае[1].

Повергая себя освященным стопам Вашего Императорского Величества, с рабскою преданностию есмь

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший раб

1770 год, 21 августа. Григорий Потемкин
Лагерь при Килии

1773–1774

3. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Господин Генерал-Поручик и Кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что Вам некогда письмы читать. И хотя я по сю пору не знаю, предуспела ли Ваша бомбардирада[1], но тем не меньше я уверена, что все то, чего Вы сами предприемлете, ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите.

Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу попустому не даваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься зделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна.

Дек[абря] 4 ч[исла] 1773 г. Екатерина

Скажите и бригадиру Павлу Потемкину спасиба за то, что он хорошо турок принял и угостил, когда оне пришли за тем, чтоб у Вас батарею испортить на острову[2].

4. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[7 февраля 1774. Царское Село]

Quand le Gra[nd] Duc sera sorti de chez moi, je Vous ferés avertir et en attendant amusés-Vous le mieux que Vous pourrés sans toutefois faire tort aux honnêtés gens parmi lesquels je me compte aussi. Adieu, mon bon Ami.

Когда Великий Князь уйдет от меня, я дам вам знать, а пока что развлекайтесь как можно лучше, не в ущерб однако честным людям, к коим я себя причисляю. Прощайте, мой добрый друг (*фр.*).

5. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 февраля 1774]

Mon cher Ami, ayés la bonté de me choisir quelque présent pour l'esprit, et faites moi savoir, si Vous pouvés, comment on se porte? N'ayant aucune communication directe et Mr le Gros n'y étant pas, je suis obligeé de Vous incommoder, je Vous en fais mes excuses.

Мой дорогой друг, будьте любезны выбрать мне какие-нибудь подарки для духа[5] и сообщите мне, если можете, как вы поживаете? Не имея никаких непосредственных сношений и из-за отсутствия господина Толстяка, я вынуждена беспокоить вас[2]. Посему приношу вам свои извинения (*фр.*).

6. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 февраля 1774]

Mon cher Ami, je Vous prie d'envoyer ou de donner le billet ci-joint à Mr le Gros. C'est pour l'esprit de Caliostro.

Мой милый друг, я вас прошу послать или дать прилагаемую записку господину Толстяку. Это для духа Калиостро[1] (*фр.*).

7. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 февраля 1774]

Mon cher Ami, je viens de sortir du bain, l'esprit souhaitait d'y aller avant hier, mais cela sera difficile aujourd'hui: primo, parce qu'il est neuf heures déjà; secondo, que toutes mes femmes y sont presentement et probablement n'en sortiront d'une heure et puis il faudroit encore remettre de l'eau etc. Cela prendroit le reste de la matinée. Adieu, mon cher Ami.

Мой дорогой друг, я только что вышла из бани. Дух желал пойти туда третьего дня, но сегодня это будет трудно. Во-первых, потому, что уже девять часов. Во-вторых, потому что все мои женщины налицо и, вероятно, уйдут не ранее, чем через час. И, кроме того, пришлось бы опять ставить воду и пр. Это взяло бы остаток утра. Прощайте, мой дорогой друг (*фр.*).

8. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 16 февраля 1774]

Mon Ami, moi j'ai dîné, mais il faut que les autres dînent aussi; ainsi lorsque Mr le Gros aura dîné, ayés la bonté de me le faire dire ou de me l'envoyer.

Друг мой, я отобедала, но надобно, чтобы и другие тоже пообедали. Итак, когда господин Толстяк пообедает[1], будьте любезны известить меня об этом или прислать его (*фр.*).

9. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[18 февраля 1774]

Mon cher Ami, malgré le contentement que les esprits de Caliostro ont produit, je suis dans une grande apprehension que je n'aye excedé Votre patience et ne Vous aye causé de l'incommodité par la durée de la visite. Ma montre s'est arrêtée et le tems s'est passé si vite qu'à une heure il paroissait n'être pas minuit; j'ai un autre regret encore qui est qu'au lieu de cette "soupe à la glace" Vous n'ayeé eu sous Votre main il y a un an et demi Médecine chimique de Caliostro que est si douce, si agréable, si maniable, qu'elle embaume et donne de l'élastricité à l'esprit et aux sens, ma Basta, Basta, caro amico, il ne faut pas Vous ennuyer trop longtems; on est rempli de reconnaissance et de toute sorte de sentimens de reconnaissance et de considération pour Vous.

Мой дорогой друг, несмотря на удовольствие, которое нам доставили "духи Калиостро", я встревожена мыслью, что злоупотребила вашим терпением и причинила вам неудобство долговременностью визита. Мои часы остановились, а время пролетело так быстро, что в час (ночи) казалось, что еще нет полуночи. У меня еще одно сожаление: это то, что полтора года назад вместо этого "замороженного супа" у вас не было под рукой химического снадобья Калиостро[1], столь нежного и приятного и удобного, что оно благоухает и придает гибкость и уму, и чувствам. Но баста, баста, милый друг (*ит.*), не следует слишком надоедать вам. Мы полны благодарности и разного рода чувствами признательности и уважения к вам[2] (*фр.*).

10. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[21 февраля 1774]

Чистосердечная исповедь

Марья Чоглокова, видя, что чрез девять лет обстоятельствы остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла инаго к тому способа, как обеим сторонам зделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела[1]. С одной стороны выбрали вдову Грот, которая ныне за Арт[иллерии] Генер[ал]-пору[чиком] Миллером[2], а с другой – Сер[гея] Сал[тыкова] и сего более по видимой его склонности и по уговору мамы, которую в том поставляла великая нужда и надобность[3].

По прошествии двух лет С[ергея] С[алтыкова] послали посланником, ибо он себя нескромно вел, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была в силе его удержать. По прошествии года и великой скорби приехал нынешний Кор[оль] Пол[ьский][4], которого отнюдь не приметили, но добрыя люди заставили пустыми подозрениями догадаться, что он на свете, что глаза были отменной красоты и что он их обращал (хотя так близорук, что далее носа не видит) чаще на одну сторону, нежели на другия. Сей был любезен и любим от 1755 до 1761. Но тригоднешная отлучка, то есть от 1758, и старательства Кн[язя] Гр[игория] Гр[игорьевича], которого паки добрыя люди заставили приметить, переменили образ мыслей[5]. Сей бы век остался, естьли б сам не скучал. Я сие узнала в самый день его отъезда на конгресс из Села Царского и просто сделала заключение, что о том узнав, уже доверки иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации выбор кое-какой[6], во время которого и даже до нынешнего месяца я более грустила, нежели сказать могу, и иногда более как тогда, когда другие люди бывают довольные, и всякое приласканье во мне слезы возбуждало, так что я думаю, что от рождення своего я столько не плакала, как сии полтора года. Сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже, ибо с другой стороны месяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что никогда довольна не была, как когда осердится и в покое оставит, а ласка его меня плакать принуждала.

Потом приехал некто богатырь[7]. Сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его[8], однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша сказывала, что давно многие подозревали[9], то есть та, которую я желаю чтоб он имел.

Ну, Госп[один] Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих. Изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе да четвертого из дешперации я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, естьли точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и естьли б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы

вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статься может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель. Но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того взлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла. Но, право, не думаю, чтоб такую глупость зделала, и естьли хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду[10].

11. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 февраля 1774]

Я, ласкаясь к тебе по сю пору много, тем ни на единую черту не предуспела ни в чем. Принуждать к ласке никого неможно, вынуждать непристойно, притворяться – подлых душ свойство. Изволь вести себя таким образом, чтоб я была тобою довольна. Ты знаешь мой нрав и мое сердце, ты ведаешь хорошие и дурные свойства[1], ты умен, тебе самому предоставляю избрать приличное по тому поведение. Напрасно мучи[шь]ся, напрасно терзае[шь]ся. Един здравый рассудок тебя выведет из безпокойного сего положения; без ни крайности здоровье свое надседаешь понапрасно.

12. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[26 февраля 1774]

Благодарствую за посещение. Я не понимаю, что Вас удержало. Неуже[ли] что мои слова подавали к тому повод? Я жаловалась, что спать хочу, единственно для того, чтоб ранее все утихло и я б Вас и ранее увидеть могла. А Вы тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли. Но не изволь бояться. Мы сами догадливы. Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вивлиофику к дверям, чтоб Вас дождаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одинна[д]цатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна[1]. А нынешнюю ломаю голову, чтоб узнать, что Вам подало причину к отмене Вашего намерения, к которому Вы казались безо всякого отвращения приступали. Я сегодня думаю ехать в Девичий монастырь, естьли не отменится комедия тамо[2]. После чего как бы то ни было, но хочу тебя видеть и нужду в том имею. Был у меня тот, которого Аптекарем назвал, и морчился много, но без успеха. Ни слеза не вышла. Хотел мне доказать неистовство моих с тобою поступков и, наконец, тем окончил, что станет тебя для славы моей уговаривать ехать в армию, в чем я с ним согласилась. Они все всячески снаружи станут говорить мне нравоучения, кои я выслушиваю, а внутренне ты им не противен, а больше других Князю[3]. Я же ни в чем не призналась, но и не отговорилась, так чтоб могли пенять, что я солгала. Одним словом, многое множество имею тебе сказать, а наипаче похожего на то, что говорила между двена[д]цатого и второго часа вчера, но не знаю, во вчерашнем ли ты расположении и соответствуют ли часто твои слова так мало делу, как в сии

последние сутки[4]. Ибо все ты твердил, что прийдешь, а не пришел. Не можешь сердиться, что пеняю. Прощай, Бог с тобою. Всякий час об тебе думаю. Ахти, какое долгое письмо намарала. Виновата, позабыла, что ты их не любишь. Впредь не стану.

13. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Определив жизнь мою для службы Вашей, не щадил ея отнюдь где только был случай к прославлению Высочайшего Вашего имяни. Сие поставя себе прямым долгом, не мыслил никогда о своем состоянии и, если видел, что мое усердие соответствовало воле Вашего Императорского Величества, почитал уже себя награжденным. Находясь почти с самого вступления в Армию командиром войск, к неприятелю всегда ближайших, не упустил я наносить оному всевозможного вреда, в чем ссылаюсь на Командующего Армиею и на самых турков. Остаюсь непобуждаем я завистию к тем, кои моложе меня, но получили лишние знаки Высочайшей милости, а тем единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь ли я в мыслях Вашего Императорского Величества меньше прочих достоин? Сим будучи терзаем, принял дерзновение, пав к освященным стопам Вашего Имп[ераторско]го Вел[ичест]ва, просить, ежели служба моя достойна Вашего благоволения и когда щедроты и Высокомонаршая милость ко мне не оскудевают, разрешить сие сомнение мое пожалованием меня в Генерал-Адъютанты Вашего Импер[аторско]го Вел[ичест]ва. Сие не будет никому в обиду, а я приму за верх моего щастия: тем паче, что находясь под особливым покровительством Вашего Имп[ераторско]го Вел[ичест]ва, удостоюсь принимать премудрые Ваши повеления и, вникая во оныя, сделаться вящще способным к службе Вашему Имп[ераторско]му Вел[ичест]ву и Отечеству.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший раб

27 февраля 1774 года Григорий Потемкин

14. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[27 февраля 1774]

Голубчик, буде мясо кушать изволишь, то знай, что теперь все готово в бане. А к себе кушанье оттудова отнюдь не таскай, а то весь свет сведает, что в бане кушанье готовят.

15. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[28 февраля 1774]

Гришенька не милой, потому что милой. Я спала хорошо, но очень немогу, грудь болит и голова, и, право, не знаю, выйду ли сегодни или нет. А естьли выйду, то это будет для того, что я тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего я доказать могу, как два и два – четыре. Выйду, чтоб тебя видеть.

Не всякий вить над собою столько власти имеет, как Вы. Да и не всякий так умен, так хорош, так приятен. Не удивляюсь, что весь город безсчетное число женщин на твой щет ставил. Никто на свете столь не горазд с ними возиться, я чаю, как Вы. Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих. Только одно прошу не делать: не вредить и не стараться вредить Кн[язю] Ор[лову] в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он более мне хвалил и, по видимому мне, более любил и в прежнее время и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А естьли он свои пороки имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расценить и разславить. Он тебя любит, а мне оне друзья, и я с ними не расстанусь[1]. Вот те нравоученье: умен будешь – приимешь; не умно будет противуречить сему для того, что сущая правда.

Чтоб мне смысла иметь, когда ты со мною, надобно, чтоб я глаза закрыла, а то заподлинно сказать могу того, чему век смеялась: "что взор мой тобою пленен". Экспрессия, которую я почитала за глупую, несбыточную и ненатурально[ю], а теперь вижу, что это быть может. Глупые мои глаза уставятся на тебя смотреть: разсужденье ни на копейку в ум не лезет, а одурею Бог весть как. Мне нужно и надобно дни с три, естьли возможность будет, с тобою не видаться, чтоб ум мой установился и я б память нашла, а то мною скоро скучать станешь, и нельзя инако быть. Я на себя сегодни очень, очень сердита и бранилась сама с собою и всячески старалась быть умнее. Авось-либо силы и твердости как-нибудь да достану, перейму у Вас – самый лучий пример перед собою имею. Вы умны, Вы тверды и непоколебимы в своих принятых намерениях, чему доказательством служит и то, сколько лет, говорите, что старались около нас, но я сие не приметила, а мне сказывали другие.

Прощай, миленький, всего дни с три осталось для нашего свидания, а там первая неделя поста – дни покаяния и молитвы, в которых Вас видеть никак нельзя будет, ибо всячески дурно. Мне же говеть должно. Уф! я вздумать не могу и чуть что не плачу от мыслей сих однех. Adieu, Monsieur*, напиши пожалуй~~, каков ты~~ сегодни: изволил ~~ли~~ опочивать, хорошо или нет, и лихорадка продолжается ли и сильна ли? Панин тебе скажет: "Изволь, сударь, отведать хину, хину, хину!"[2] Куда как бы нам с тобою бы весело было вместе сидеть и разговаривать. Естьли б друг друга меньше любили, умнее бы были, веселее. Вить и я весельчак, когда ум, а наипаче сердце свободно. Вить не поверишь, радость, как нужно для разговора, чтоб менее действовала любовь.

Пожалуй, напиши, смеялся ли ты, читав сие письмо, ибо я так и покатилась со смеху, как по написании прочла. Какой [в]здор намарала, самая горячка с бредом, да пусть поедет: авось-либо и ты позабави[шь]ся.

---

* Прощайте, милостивый государь (*фр.*).

16. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[28 февраля 1774]

Mon cher Ami, commet Vous portés Vous? Je Vous aime de bon coeur, j'ai toussé cette nuit beaucoup à deux reprises. Voici ce que je pense dire au Prince*. Прибавь или убавь, что хочешь, и то скажи – письменно или словесно ли сему быть.

17. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Господин Генерал-Порутчик! Письмо Ваше господин Стрекалов мне сего утра вручил[1]. Я прозьбу Вашу нашла столь умеренну в разсуждении заслуг Ваших, мне и Отечеству учиненных, что я приказала заготовить указ о пожаловании Вас Генерал-Адъютантом.

Признаюсь, что и сие мне весьма приятно, что доверенность Ваша ко мне такова, что Вы прозьбу Вашу адресовали прямо письмом ко мне, а не искали побочными дорогами. В протчем пребываю к Вам доброжелательная

Екатерина

Февраля 28-го 1774-го

18. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1 марта 1774. С.-Петербург]

Голубчик мой, Гришенька мой дорогой, хотя ты вышел рано, но я хуже всех ночей спала и даже до того я чувствовала волнение крови, что хотела послать по утру по лекаря пустить кровь, но к утру заснула и спокойнее. Не спроси, кто в мыслях: знай одиножды, что ты навсегда. Я говорю навсегда, но со времен[ем] захочешь ли, чтоб всегда осталось и не вычернишь ли сам. Великая моя к тебе ласка меня же стращает. Ну, добро, найду средство, буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить, но от тебя же стараться буду закрыть. А чувствовать запретить не можешь. Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение–обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пущу в Алмазный[1], а без того, где скрыть обоюдное в сем случае чувство от любопытных зрителей. Прощай, голубчик.

19. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1 марта 1774]

Часто позабываю тебе сказать, что надобно и чего сбиралась говорить, ибо как увижу, ты весь смысл занимаешь, и для того пишу. Ал[ексей] Гр[игорьевич] у меня спрашивал сегодня, смеючись, сие: "Да или нет?"[1] На что я ответствовала: "Об чем?" На что он сказал: "По материи любви?"

Мой ответ был: "Я солгать не умею". Он паки вопрошал: "Да или нет?" Я сказала: "Да". Чего выслушав, расхохотался и молвил: "А видитеся в мыленке?" Я спросила: "Почему он сие думает?"

---

* Мой дорогой друг, как вы поживаете? Я люблю вас всем сердцем. В эту ночь я кашляла много, два раза сряду. Вот, что я думаю сказать Князю[1] (*фр.*).

"Потому, дескать, что дни с четыре в окошке огонь виден был попозже обыкновенного". Потом прибавил: "Видно было и вчерась, что условленность отнюдь не казать в людях согласия меж вами, и сие весьма хорошо".

Молвь П[анину], чтоб чрез третии руки уговорил ехать В[асильчикова] к водам[2]. Мне от него душно, а у него грудь часто болит. А там куда-нибудь можно определить, где дела мало, посланником. Скучен и душен.

20. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 1 марта 1774]

Миленький, какой ты вздор говорил вчерась. Я и сегодня еще смеюсь твоим речам. Какие счас[т]ливые часы я с тобою провожу. Часа с четыре вместе проводим, а скуки на уме нет, и всегда расстаюсь чрез силы и нехотя. Голубчик мой дорогой, я Вас чрезвычайно люблю, и хорош, и умен, и весел, и забавен; и до всего света нужды нету, когда с тобою сижу. Я отроду так счастлива не была, как с тобою. Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое обыкновенно пробалт[ыв]ает страсть. Знатно, что полно налито и оттого проливается. Я к тебе не писала давича для того, что поздо встала, да и сам будешь на дневанье.

Прощай, брат, веди себя при людях умненько и так, чтоб прямо никто сказать не мог, чего у нас на уме, чего нету. Это мне ужасно как весело немножко пофинтарничать[1].

21. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 1 марта 1774]

Батинька, В[еликий] К[нязь] ко мне ходит по вторникам и по пятницам от 9 до 11 часов. Изволь сие держать в памяти вашей. Критики не было, и, кажется, быть не может, ибо их Граф Тигорд – Ан[дрей] Раз[умовский] к ним ходят в таковом же наряде, и я его заставала не луче прибранным[1]. Бог с тобою, обедай дома. Воронцову пред комедией пожелаю щастливого пути[2], а тебя как теперь, так и прежде от всей души люблю.

22. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 1 марта 1774]

Был у меня известный господин[1] и так покорен, почтителен и умнехонек, что любо смотреть. А я была так, как условились, душа милая, голубчик.

23. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 1 марта 1774]

Mon Ami, faites donner du vin ou de la boisson telle que Vous voudrés aux matelots et soldats, qui ont travaillé au chantier et à la forteresse aujourd'hui, à mes dépens et prenés l'argent chez Strekalof*.

---

* Друг мой, велите дать вина или какого хотите напитка матросам и солдатам, которые работали на верфи и в крепости сегодня на мой счет, а деньги возьмите у Стрекалова (*фр.*).

24. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 марта 1774. С.-Петербург]

Господин подполковник полку Преображенского, с Божиею помощию извольте объявить указ Ваш.

25. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 марта 1774]

Я думала, что ты сам Стрекалову уже приказал, я к тебе его присылала. А что полк будет хорош, о том не сумневаюсь[1]. Я сегодни тверда почти как камень и бодра так, что только чуть что не вовсе весела. Сердце жмет, но ум поверхность совершенную взял. Adieu, mon faisan d'or*.

26. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 15 марта 1774]

Здравствуй, Господин подполковник. Каково Вам после мыльни? А мы здоровы и веселы, отчасти по милости Вашей. По отшествии Вашем, знаете ли Вы, о чем слово было? Лехко Вам можно догадаться: Вы и мысли иногда отгад[ыв]аете. Об Вас, милуша. Расценили Вас, а цены не поставили: ее нет.

Прощай, возись с полком, возись с офицерами сегодня целый день, а я знаю, что буду делать: я буду думать, думать об чем? Для вирши скажешь: об нем. Правду сказать, все Гришенька на уме. Я его не люблю, а есть нечто чрезвычайное, для чего слов еще не сыскано. Алфавит короток и литер мало.

27. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 15 марта 1774]

Гришенька, здравствуй. Я здорова и спала хорошо, и в первом слове не ошиблась, а написала по Вашему представлению. Боюсь я – потеряешь ты письмы мои: у тебя их украдут из кармана и с книжкою[1]. Подумают, что ассигнации, и положат в карман, как ладью костяную. Ты не велел бранитца: это кстате весьма пришло. Я ни малейшей охоты не чувствую и отнюдь не гневаюсь. А Гришеньку разбираю, как умные люди делают, не горячась. Напиши, пожалуй, твой церемониймейстер каким порядком к тебе привел сегодня моего посла и стоял ли по своему обыкновению на коленях?[2]

Пожалуй, спроси письменно или словесно у Панина об известном письме, каково принято будет. Его ответ много повода подаст мне к разбирательству шайки той мысли, а подозреваю, что недомыслие их головы в[есьма] много и часто им самим скучно было[3].

Чего изволил требовать, при сем посылаю. Но не понимаю, тебе они на что?

Пожалуй, прийми от меня дружеский совет, положи на себя воздержание, ибо опасаюсь в противном случае, что приятнее всего любовь теряется, а ты обо

---

* Прощай, мой золотой фазан (*фр.*).

мне зделал некоторое фальшивое заключение. Со времянем увидишь, что ошибся и что я тебе говорила правду. Сегодня, естьли лихорадка тебя не принудит остаться дома и ты вздумаешь ко мне прийти, то увидишь новое учреждение. Во-первых, прийму тебя в будуаре, посажу тебя возле стола, и тут Вам будет теплее и не простудитесь, ибо тут из подпола не несет. И станем читать книгу, и отпущу тебя в пол одиннадцатого. Прощай, миленький, не досуг писать. Поздо встала. Люблю тебя премного. Напиши, каков в своем здоровье.

28. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 17 марта 1774]

Хочется мне весьма все произвождения сегодня кончить, как гвардейския, так и армейския, но не ведаю, успею ли[1]. И из сего мне ожидать потом будет много недовольных людей и лиц, которые все, чаю, сего же дня или завтра увижу, и таковые дни для меня так приятны, как пилюли принимать. Фуй, как хорошо быть на моем месте! Allons, encouragés-moi avec quelque chose*. Ведь Павлу Сер[геевичу] достается в Ген[ерал]-Маиоры, изволишь ли это ведать? Велю ему ехать к Бибикову[2]. Об ласке моей упомянуть нечего: ты сам видел, какова я была вчерась, такова и сегодня. Если б ты мне пожаловал дни с три срока еще, я б все с большим порядком устроила и приготовила, а чрез то ничего потеряно не было бы. Прощай, сударик.

29. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 19 марта 1774]

Только что послать хотела к тебе, когда принесли твое письмецо. А теперь досадно, что упредил, и печально, что, голубчик, недомогаешь. Естьли ты потел, то, пожалуй, не выходи. Помню же я всегда про тебя и без дела и при всяком деле. Проходил в манеж сквозь мою комнату мудреный человек и казался как и вчерась[1]. Естьли не выйдешь, пришли сказать. Adieu, mon tonton**.

30. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 19 марта 1774]

1. Дом, что в Луговой противу дворца строится, он для того год назад куплен, ибо предвиделось тогда, чего сбываться могло. И с тех пор, что куплен, смотрела на него с удовольствием всякий раз, что к окошки подходила, и И.И. Бет[скому] покоя не давала, дабы достроил, но В[еликого] Кн[язя] свадьба нам помешала окончить.

2. Деревень, как заслуг и качеств к заслугам нет, едва ли пригоже дать. Но умнее меня отдаю на размышление сию статью и, естьли разсудится включить, то прошу поступать умеренно, а более двух не дам.

---

* Ободрите же меня чем-нибудь (*фр.*).

** Прощайте, моя юла – от toton (*фр.*). У Екатерины ошибочно – tonton.

3. Деньги я в четыре приема давала, а сколько всего, не помню, а думаю – около шестидесять. За последние весьма на меня осердились, и теперь не ведаю, почему. И так дать впредь кажется излишне, но естьли за нужно почитаться будет, то прошу умеренно поступать: более сорока не дам.

4. Сервиз серебряный персон на двадцать или денег на сие.

31. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 19 марта 1774]

Нет, Гришенька, статься не может, чтоб я переменилась к тебе.

Отдавай сам себе справедливость: после тебя можно ли кого любить. Я думаю, что тебе подобного нету и на всех плевать. Напрасно ветренная баба меня по себе судит. Как бы то ни было, но сердце мое постоянно. И еще более тебе скажу: я перемену всякую не люблю[1]. Quand Vous me connaîtrés plus, Vous m'estimerés, car je Vous jure que je suis estimable. Je suis extrêmement véridique, j'aime la vérité, je hais le changement, j'ai horriblement souffert pendant deux ans, je me suis brulé les doigts, je ne reviendrai plus, je suis parfaitement bien: mon coeur, mon esprit et ma vanité sont également contents avec Vous, que pourrai-je souhaiter de mieux, je suis parfaitement contente; si Vous continuées à avoir l'esprit alarmé sur des propos de commèr, savés Vous ce que je ferai? Je m'enfermerai dans ma chambre et je ne verrai personne excepté Vous, je suis dans le besoin prendre des partie extrêmes et je Vous aime su-delà de moi même*.

32. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 19 марта 1774]

Миленький, и впрямь, я чаю, ты вздумал, что я тебе сегодня писать не буду. Изволил ошибиться. Я проснулась в пять часов, теперь седьмой – быть писать к нему. Только правда сказать, послушай пожалуй, какая правда: я тебя не люблю и более видеть не хочу. Не поверишь, радость, никак терпеть тебя не могу. Вчерась до двена[д]цатого часа заболтались, а его выслали. Не прогневайся: будто и впрямь без него быть не можно. Милее всего из сего разговора то, что я сведала, что между собою говорят: нет, дескать, это не В[асильчиков], этого она инако ведает. Да есть и кого. И никто не дивится. А дело так принято, как будто давно ждали, что тому быть так. Только нет – быть всему инако. От мизинца моего до пяты и от сих до последнего волоску главы моей зделано от меня генеральное запрещение сегодня показать Вам малейшую ласку. А любовь заперта в сердце за десятью замками. Ужасно, как ей тесно. С великой нуждою умещается, того и смотри, что где ни на есть – выскочит. Ну сам рассуди, ты

---

* Когда вы лучше узнаете меня, вы будете уважать меня, ибо, клянусь вам, что я достойна уважения. Я чрезвычайно правдива, люблю правду, ненавижу перемены, я ужасно страдала в течение двух лет, обожгла себе пальцы, я к этому больше не вернусь. Сейчас мне вполне хорошо: мое сердце, мой ум и мое тщеславие одинаково довольны вами. Чего мне желать лучшего? Я вполне довольна. Если же вы будете продолжать тревожиться сплетнями кумушек, то знаете, что я сделаю? Я запрусь в своей комнате и не буду видеть никого, кроме вас. Если нужно, я смогу принять чрезвычайные меры и люблю вас больше самой себя (*фр.*).

человек разумный, можно ли в столько строк более безумства заключить. Река слов вздорных из главы моей изтекохся. Каково-то тебе мило с таковою разстройкою ума обходиться, не ведаю. О, Monsieur Potemkine, quel fichu miracle Vous avés opéré de déranger ainsi une tête, qui ci-devant dans le monde passoit pour être une des meilleures de l'Europe?*

Право пора и великая пора за ум приняться. Стыдно, дурно, грех, Ек[атерине] Вт[орой] давать властвовать над собою безумной страсти. Ему самому ты опротиви[шь]ся подобной безрассудностью. Почасту сей последний стишок себе твердить стану и, чаю, что один он в состоянья меня опять привести на путь истинный. И сие будет не из последних доказательств великой твоей надо мною власти. Пора перестать, а то намараю целую метафизику сентиментальную, которая тебя наконец насмешит, а иного добра не выдет. Ну, бредня моя, поезжай к тем местам, к тем щастливым брегам, где живет мой герой. Авось-либо не застанешь уже его дома и тебя принесут ко мне назад, и тогда прямо в огонь тебя кину, и Гришенька не увидит сие сумазбродство, в котором, однако, Бог видит, любви много, но гораздо луче, чтоб он о сем не знал. Прощай, Гяур, москов, казак. Не люблю тебя.

33. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 марта 1774.
Царское Село]

За вчерашнее Ваше угощенье благодарствую. И хотя я была немного embarrassée**, однако ласку Вашу всю помню и ей веселилась, ложась спать и проснувшись. Одолжи-скажи, что наш племянник говорил, когда вы одне остались. Я, чаю, сумасшествие наше ему весьма странно показалось[1]. Я не могу без смеха вздумать, как собаки пошли ему кампанию делать. Прощай, Гришенька, ужо я чаю, естьли Вы заподлинно останетесь за стулом, я буду красна, как рак. Дай Господи, чтоб в галерее студено было. Как изо стола встану, скажу: уф! Только и тебе вить обедать надобно. Не забудь сие. А я тебя ушлю, как ты вчерась Алек[сандра] Нико[лаевича].

34. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 марта 1774]

Здравствуй, миленький. Со мною зделалась великая диковинка: je suis devenu Somnambule***. Я во сне гуляла по саду, да приснилось мне, что хожу по каким-то палатам, изрядно прибранным. Стены наподобие золота разпестрены цветами и голубками. Тут я нашла Амвон, на котором не стоял, но лежал прекрасный человек. И на нем было надето: одежда серая, соболем опушенная. Сей человек ко мне весьма бы ласков и благодарил за мой приход, и мы с ним

---

* О, господин Потемкин, что за странное чудо вы содеяли, расстроив так голову, которая доселе слыла всюду одной из лучших в Европе? (*фр.*).

** в затруднении (*фр.*).

*** я стала сомнамбулой (*фр.*).

разговаривали о посторонних делах несколько времяни. Потом я ушла и проснулась. Знатно, это был сон, так как рак по спине ползет. А теперь я везде ищу того красавца, да его нету, а в уме моем его воображение никогда не исчезнет. Куда как он мил! Милее целого света. О, естьли б Вы могли его видеть, Вы б от него глаз не отвратили. Миленький, как ты его встретишь, поклонись ему от меня и поцалуй его. Он, право, того достоин. А может статься, что встретишься с ним, естьли встав с постели, обратишься направо и на стену взглянешь[1].

35. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 23 марта 1774]

Матушка, l'esprit de Caliostro* будет гулять на берегу против Эрмитажа. Не пойдешь ли в Эрмитаж?[1]

Рукой Екатерины II: *Cela s'appelle se moquer des gens***.

36. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 марта 1774]

Сего утра в саду подал мне малорос[сийский] Атаман Кардаш приложенные оба прошения. Прикажите его к себе позвать и посмотрите, чем, как и за что его наградить прилично, и дайте мне знать, дабы скорее с ним решение зделать можно было.

37. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 26 марта 1774]

Милая милюшечка Гришенька, здравствуй. Я знаю, что Пр[асковья] Ал[ександровна] про меня скажет? Она скажет, что я без ума и без памяти[1]. А про тебя? Ну, брат, сам знаешь, что она скажет. Угадать не буду, не ведаю, не знаю, опасаюсь, трушу: она скажет, она скажет, что бишь она скажет? Она скажет: "И он ее любит". Чего же больше? Неуже[ли], м[иленький], что о сих строках разворчишься. Погляди хорошенько, разгляди, откуда проистекают. Незачем сердиться. Только нет, пора перестать тебе дать уверения: ты должен уже быть пре пре преуверен, что я тебя люблю. Вот и вся сказка тут, а сказки иные – не суть сказки. А иные сказки – просто разстроил ты ум мой. Как это дурно быть с умом без ума! Я хочу, чтоб ты меня любил. Я хочу тебе казаться любезною. Окроме безумства и слабости крайней тебе не кажу. Фуй, как это дурно любить чрезвычайно. Знаешь, это болезнь. Я больна, только за аптекарем не пошлю и долгих писем не напишу. Хочешь, я зделаю тебе экстракт из сей страницы в двух словах, и все прочее вымараю: а вот он – я тебя люблю.

---

* дух Калиостро (*фр.*).

** Это называется насмехаться над людьми (*фр.*).

38. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март–апрель 1774]

Милая милюша, я встала очень весела и просвещеннее, нежели ложилась. Куда, сказывают, греки в старину какие хитрые были люди: у них науки и художества свои начала взяли, и они очень были лихи на выдумки. Все сие написано в Энциклопедии, но милее, умнее, красивее гораздо их тот, с кого списан точь-в-точь Артикул délicieux*, то есть Гришенька мой любезный.

39. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март–апрель 1774]

Гришенька, здравствуй. Сего утра мне кажется не только, что любишь и ласков, но что все это с таким чистосердечием, как и с моей стороны. А надобно Вам знать, что заключения те, кои я делаю по утрам, те и пойдут правилами до тех пор, пока опыты не подадут причины к опровержению оных. Но естьли б, паче всякого чаяния и вероятья, ты б употреблял какое ни есть лукавство или хитрость, то поверь, что непростительно умному человеку, каков ты, прилепиться к таким глупым способам тогда, когда ты сам собою – первый и лучий способ к обузданию сердца и ума пречувствительного человека на век. И напротиву того знаешь, что из того родиться бы могло ни что иное, как некоторый род недоверки и опасения, вовсе невместный с откровенностию и чистосердечием, без которых любовь никогда твердо основана быть не может.

Бог с тобою, прости, брат. По утрам я гораздо умнее, нежели по захождении со[л]нца. Но как бы то ни было, а ум мой расстроен. И естьли это продолжится, от дел откажусь, ибо не лезут в голову, и голова, как у угорелой кошки. Только стараться буду сию неделю употребить в свою пользу, а Бог даст мне рассуждение и смысл напасть на путь истинный. Вить я всегда была raisonneur de profession**, хотя с бредом иногда.

40. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март-апрель 1774]

Душенька Гришенька, я Вас чрезвычайно люблю. Посмотри, пожалуй, ненарочно случилось, а опять новое [письмо] – лист сей попался, так разгляди, пожалуй, лист поперек писан. А ужо скажешь, что это Финляндия. Добро, ищи лукавство хотя со свечой, хотя с фонарем в любви моей к тебе. Естьли найдешь, окроме любви чистой самой первой статьи, я дозволяю тебе все прочее класть вместо заряда в пушки и выстрелить по Силистрии или куды хочешь. Мррр, мррр, я ворчу – это глупо сказано, но умнее на ум не пришло. Вить не всякий так умен, как я знаю кто, да не скажу. Фуй, чтоб я подобную слабость имела и тебе сказала, кто-то по моим мыслям умнее меня и всех, кого я знаю. Нет, сударь, и не изволь допытываться – не сведаешь.

---

* прелестный (*фр.*).

** резонер по роду занятий (*фр.*).

Я приободрилась. О, Боже мой, как человек глуп, когда он любит чрезвычайно. Это болезнь. От этого надлежало людей лечить в гошпиталях. Il faudroit des calmants, Monsieur, beaucoup d'eau fraîche, quelques saignées, du suc de citron, pointe de vin, peu manger, beaucoup prendre d'air, et faire tant de mouvement qu'on rapporta le corps à la maison*, и черт знает, можно ли и за сим еще тебя вывести из мысли моей. Я думаю, что нет. Adieu, французские пять томов in-folio**.

41. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март-апрель 1774]

Душа моя, душа моя, здравствуй. Выговором Марии Александровны изволь прочесть[1]. A propos***, я видела ее во сне, и сидела она с одной стороны, а Анна Никитишна[2] с другой, и у них гостей было премножество, в том числе и Вы. А Ал[ександр] Ал[ександрович][3] все бегал около стола и подчивал, чего я весьма не люблю. И я на него за то все сердилась, и проснулась от сердца, и лежала в превеликом жаре, и металась после того до утра, не могла спать.

Вот Вам разсказы. Я думаю, что жар и волнение в крови от того, что уже который вечер, сама не знаю что, по-моему, поздо очень ложусь. Все в первом часу. Я привыкла лечь в десять часов. Зделай милость, уходи ранее вперед. Право, дурно. Напиши ко мне, каков ты, миленький, и изволил ли опочивать спокойно. Люблю, а писать недосуг, да и нечего.

42. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[7 апреля 1774]

Мой милый дружочек, здоров ли ты? Я спала хорошо и хочу надеть полонез и казать носу кавалерам[1]. Собственный мой, изготовь лист о Фельдм[аршальской] канцелярии[2].

43. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 7 апреля 1774]

Еще до Вашего письма я приказала Кузьмину зделать с Масловым конец; а думала я, что Алексею Гр[игорьевичу] приятнее будет, как без него оставаться[1]. Об Обрезкове все вычернила, а только оставила то, чтоб с канцелярией остался в Фельдм[аршальской] диспозиции[2]. М[уж] милой, прости[3].

---

* Нужны, сударь, унимающие боль лекарства, много холодной воды, несколько кровопусканий, лимонный сок, чуть-чуть вина, есть мало, много дышать свежим воздухом и так много двигаться, чтобы приходить домой без задних ног (*фр.*).

** Прощайте, французские пять томов ин-фолио, т.е. форматом в пол листа (*фр., ит.*).

*** кстати (*фр.*).

44. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 9 апреля 1774. Царское Село]

Что значит, Матушка, Артикулы, которые подчеркнуты линейками.

Рукой Екатерины II: *Значат, что прибавлены и на них надстоять не будут, буде спор бы об них был.*

45. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[10 апреля 1774. С-Петербург]

Я пишу из Эрмитажа, где нет камер-пажа[1]. У меня ночию колика была. Здесь неловко, Гришенька, к тебе приходить по утрам. Здравствуй, миленький, издали и на бумаге, а не вблизи, как водилося в Царском Селе. Река не прошла еще, только чуть держится, а бродят по ней. Запрети имянным указом Толстому ее переходить[2]: у него жена и дети. Да он мне хорошо служит, я отнюдь не хочу, чтоб он утонул. Полюбилось мне весьма, как он отзывался вчерась, что служил для того, чтоб служить и исполнять на него положенное. Ce sont les sentiments d'un honnête homme et d'une âme remplie de candeur, cela ressemble à son pére*.

Ну полно об других говорить. Прикажи говорить про нас. По милости Вашей я встала весела. Vous faites mon bonheur, Dieu donne que je puisse faire le Vôtre**. И хотя я немножно осердилась было, наказав Вас для образца, сердце отошло и теперь отменно к Вам милостива и отменно вежлива. Примечай, пожалуй, рифму: таково-то с Вами знаться, Господин казак Яицкий[3]. Душа моя милая, чрезмерно я к Вам ласкова, и естьли болтливому сердцу дать волю, то намараю целый лист, а Вы долгих писем не жалуете, и для того принуждена сказать: прощай, Гаур, москов, казак, сердитый, милый, прекрасный, умный, храбрый, смелый, предприимчивый, веселый. Знаешь ли ты, что имеешь все те качества, кои я люблю, и для того я столько тебя люблю, что выговорить нет способу. Mon coeur, mon esprit et ma vanité sont également et parfaitement contents de Votre Excellence parce que Votre Excellence est excellent, délicieux, très aimable, très amusant et précisément tout ce qui me faut et il faudroit je crois se donner au Diable pour pouvoir Vous quitter***.

Из Ваших сетей небось не выпутаешься, а час от часу более завернешься. А как сам как-нибудь умалишь страсть во мне, то зделаешь меня бесчастна. Но едва и тогда перестану ли я тебя любить. Но Бога прошу, чтоб я умерла, кой час ты ко мне не будешь таков, как мне кажется, что недель семь изволишь быть. Только как бы то ни было, мне нужно, чтоб я думала, что ты меня

---

* Это чувство честного человека, души, исполненной искренности. Это похоже на его отца (*фр*.).

** Вы делаете мое счастье. Дай Бог, чтобы я могла сделать ваше (*фр*.).

*** Мое сердце, мой ум и мое тщеславие одинаково и совершенно довольны Вашим Превосходительством, ибо Ваше Превосходительство превосходны, сладостны, очень милы, очень забавны и совершенно такие, какие мне нужны. Мне кажется, чертовски трудно пытаться покинуть вас (*фр*.).

любишь, и малейшее о сем сумнение меня жестоко трогает и несказанно печалит. Миленький, у тебя сердце добренькое: люби меня, хотя крошечко, за то, что я чистосердечно тебе привязана. Я чаю, не будет терпенья у юлы прочесть сие письмо. Ну, кинь в огонь, я согласна. Только будь весел.

46. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 апреля 1774]

Миленькая милюшичка, здравствуй. Я к Вам прийти не могла по обыкновению, ибо границы наши разделены шатающимися всякого рода животными. И так мысленно только Вам кланяюсь и желаю Вам здоровия, а нам – любви и дружбы Вашей. А мы к Вам сегодня, как вчерась и завтра. А, например, как Вам казалось, что мы были вчерась?

47. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 апреля 1774]

Голубчик, я приходила в осьмом часу, но нашла Вашего камердинера, с стаканом противу дверей стоящего. И так к Вам уже не вошла. Я сие к Вам пишу, дабы Вы знали, коей причины ради я нарушила установленный милый порядок. Adieu, mon faisan d'or. Je Vous aime beaucoup, beaucoup*.

48. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 апреля 1774]

Батинька, голубчик, я здорова. Накрывают в Эрмитаже, тамо холодно, да и ты слаб[1]. Сколько ни желаю, чтоб обедал, но однако просить ниже советовать не смею. Adieu, mon bijou**.

49. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 апреля 1774]

Красавец мой миленький, на которого ни единый король непохож. Я весьма к тебе милостива и ласкова, и ты протекции от меня имеешь и иметь будешь во веки. Протопопский крест поехал к Москве[1]. И так не изволь более пещися о его отправленьи. Как я чаю, ты пуще хорош и чист после бани, только это дело странное: я отнюдь тебя не люблю. Не поверишь, радость, терпеть тебя не могу. Легко ли это? Скажи Миха[илу] Сер[геевичу][2], что ты ныне в опале совершенной. Только не вдруг ему объяви, умрет с печали. Иван Ив[анович] Бет[ской] что-то мне обещал сего дни. Не прогневайся, не скажу. Да небось и Фридрихс[3], как не догадлив, но зятю твоему не скажет[4]. Не могу вздумать, как сей войдет в бывшую биллиардную: из двух одно – или умру со смеху, или, как рак, покраснею. Foudra t'il l'admettre au petit souper pour faire pendant à Елагин?***

---

* Прощайте, мой золотой фазан. Я вас очень, очень люблю (*фр.*).

** Прощайте, мое сокровище (*фр.*).

*** Нужно ли его допустить к малому вечернему столу вместе с Елагиным? (*фр.*).

То-то зачинюсь. Подумаю, что в Сенате сижу. Чем-то он позабавиться жалует: в веревки что ли заставит играть? Пожалуй, душенька, не много подобных вводи, вить для меня это будет вместо потовой. Слушай ты, марморный мой красавец, я встала ужасно, как весела и неласкова ничуть к тебе, mon coeur, il faut de la variation dans le style et pour cela je dit*, что неласкова; разумеешь, вить хотя ты разумовский. Adieu, mon bijou**.

50. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[16 апреля 1774]

Сей час получила я, Гришенька, твое письмо. Что нам обеим вчерась покой нужен был, это правда, но в том ни под каким видом признаться не могу, что будто бы я тебя отпустила, душа моя, неласково. И не понимаю, из чего делаешь подобное заключенье. Я тебя люблю чрезвычайно и, когда ты ко мне приласкаешься, моя ласка всегда твоей поспешно ответствует. Я спала хорошо и не скушна, а буду совершенно весела, как тебя увижу. Более сего нету в свете удовольствия. Насилу Мих[аила] Сер[геевича] дождались. По Павла послать надобно[1] – не забудь; а как приедет, то две вещи нужны: первая, поправить его домашнее разстроенное состоянье, без чего он не в состояньи будет делать, чего я от не него требую, без некоторого рода поношенья. Другое – запретить ему нужно мотать и в долг входить. По одним протестованным векселям на него здесь – он около одинна[д]цати тысяч должен, чего я Вам показать могу: именно кому да кому.

Прощай, душа, грустно, что сегодня со мною, ни завтра не будешь[2]. Прощай, Москов, Гяур, козак.

51. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 21 апреля 1774]

Голубчик, при сем посылаю к Вам письмо к Гр[афу) Алек[сею] Гр[игорьевичу] Орлову. Естьли в ортографии есть ошибка, то прошу, поправя, где надобно, ко мне возвратить[1]. Тем, коим не нравится пожалованье Господ Демидовых в советники Бергколлегии, в которой части они, однако, знания имеют довольные и с пользою могут быть употреблены, в ответ можно сказать, что Сенат часто и откупщиков жалует по произволению своему в чины[2]. И так, чаю, и мне можно, по власти моей, жаловать разоренных людей, от коих (порядочным управлением заводов) торговле и казенным доходам принесена немалая и долголетняя прибыль, и оне, чаю, не хуже будут дурака генеральского господина Бильштейна[3], за которого весь город старался. Но у нас любят все брать с лихой стороны, а я на сие привыкла плевать и давно знаю, что те ошибаются, кои думают, что на весь свет угодить можно, потому что намерения их суть безпорочны. Юла моя дорогая, не прогневайся, что заочно написала того, чего Вы мне не дали договорить или б не выслушали, естьли б

---

* сердце мое, нужна перемена в слоге, и посему говорю (*фр.*).

** Прощайте, мое сокровище (*фр.*).

были со мною. Всякому человеку свойственно искать свое оправданье, окроме паче меня, которая подвержена ежечасно безчисленным от людей умных и глупых попрекам и критикам. И так, когда уши мои сим набиты, тогда и мой ум около того же вертится, и мысли мои не столь веселы, как были бы с природою, естьли б на всех угодить могла.

Прошу написать, естьли Вам досуг будет, о Бибикове, Князе Голицыне, Фреймане, Мансурове и Рейнсдорфе[4].

Теперь говорить буду о том, что, статься может, нам обеим приятнее будет: то есть, что Иван Чернышев Вам солгал, когда он говорил, что я заочно любить не умею[5], ибо я Вас люблю и тогда, когда я Вас не вижу. А вижу Вас, по моему мнению, всегда редко, хотя в самом деле и нередко. Изволь сие приписать страсти: кого не любишь, того видеть жадности нету. Прощай, миленький.

52. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[21 апреля 1774]

Миленький, здравствуй. Надобно правду сказать, куда как мы оба друг к другу ласковы. В свете нету ничего подобного. Что встала, то послала к Вице-канцлеру по ленты, написав, что они для Ген[ерал]-Пор[учика] Пот[емкина], после обедни и надену на него[1]. Знаешь ли его? Он красавец, да сколь хорош, столь умен. И сколь хорош и умен, столь же меня любит и мною любим совершенно наравне. Мудрено будет доказать, чтоб один другого больше и луче любил. При сем прилагаю записки, кои я сегодни заготовила для объявления сего же дня[2]. Прошу их ко мне возвратить, естьли в них не найдешь, чего поправить. А естьли что переменить находишь, напиши, милуша, душа моя. Adieu, mon bijou. Пожалуй, будь весел сегодни, а я по милости Вашей очень, очень весела, и ни минуты из ума не выходишь.

53. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 апреля 1774]

Здравствуй, миленький, и с Белым Орлом и с двумя красными лентами и с полосатым лоскутком, который, однако, милее прочих, ибо дело рук наших. Его же требовать можно, как принадлежащий заслуге и храбрости[1]. Нас же просим впредь не унизить, а пороки и ошибки покрыть епанечкою, а не выводить наружу пред людьми, ибо сие нам приятно быть не может. Да и неуместно ниже с другом, еще меньше с ж[еною][2]. Вот тебе выговор, но самый ласковый. Я встала весела, к чему много способствует вчерашний вечер и Ваше удовольствие и веселье. Ужасно как люблю, когда ты весел. Я чаю, сегодни примериванья сколько будет[3]. Adieu, mon bijou, souvent Vous n'avés pas le sens commun, mais toujours Vous êtes fort aimable*.

Об Рейнсдорфе ты ко мне позабыл и писать, и говорить.

---

* Прощайте, мое сокровище, часто у вас нет здравого смысла, но вы всегда любезны (*фр.*).

54. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 22 апреля 1774]

Bonjour, mon coeur! Comment Vous portés Vous*? Фуй, миленький, как тебе не стыдно. Какая тебе нужда сказать, что жив не останется тот, кто место твое займет. Похоже ли на дело, чтоб ты страхом захотел приневолить сердце. Самый мерзкий способ сей непохож вовсе на твой образ мысли, в котором нигде лихо не обитает[1]. А тут бы одна амбиция, а не любовь, действовала. Но вычерни сии строки и истреби о том и мысли, ибо все это пустошь. Похоже на сказку, что у мужика жена плакала, когда муж на стену повесил топор, что сорвется и убьет дитятю, которого на свете не было и быть не могло, ибо им по сту лет было. Не печалься. Скорее ты мною скучишь, нежели я[2]. Как бы то ни было, я привещлива и постоянного сложения, и привычка и дружба более и более любовь во мне подкрепляют. Vous ne Vous rendés pas justice, quoique Vous soyés un bonbon de profession. Vous êtes excessivement aimable**.

Признаться надобно, что и в самом твоем опасеньи есть нежность. Но опасаться тебе причины никакой нету. Равного тебе нету. Я с дураком пальцы обожгла. И к тому я жестоко опасалась, чтоб привычка к нему не зделала мне из двух одно: или навек безщастна, или же не укротила мой век. А естьли б еще год остался и ты б не приехал, или б при приезде я б тебя не нашла, как желалось, я б статься могла, чтоб привыкла[3], и привычка взяла [бы] место, тебе по склонности изготовленное. Теперь читай в душе и в сердце моем. Я всячески тебе чистосердечно их открываю, и естьли ты сие не чувствуешь и не видишь, то недостоен будешь той великой страсти, которую произвел во мне за пожданье. Право, крупно тебя люблю. Сам смотри. Да просим покорно нам платить такой же монетою, а то весьма много слез и грусти внутренной и наружной будет. Мы же, когда ото всей души любим, жестоко нежны бываем. Изволь нежность нашу удовольствовать нежностью же, а ни чем иным. Вот Вам письмецо некороткое. Будет ли Вам так приятно читать, как мне писать было, не ведаю.

55. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Апрель 1774]

Великие дела может исправлять человек, дух которого никакое дело потревожить не может. Меньше говори, будучи пьян. Нимало не сердись, когда кушаешь. Спечи дело, кое спеет трудно. Принимай великодушно, что дурак сделал.

---

* Здравствуйте, сердце мое. Как поживаете (*фр.*)?

** Вы не отдаете себе справедливости, ибо вы сами – истинная сладость. Вы милы чрезвычайно (*фр.*).

56. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[3 мая 1774. Царское Село]

Миленький голубчик. Пришло мне на ум, чтоб ты Панину дал знать, чтоб он естьли завтра, то есть воскресенье, намерен сюда приехать, то чтоб приехал поранее, да и так собрался, чтоб здесь мог остаться на несколько дней, и тогда он луче сам увидит. Да и время изберет, а может статься, что к нему прибегать будут[1]. Все же в понедельник многие другие уедут, и все будет ловчее, нежели в присудствии всех, в день воскресенья и понедельника. Понимаешь, миленький. Естьли же тебе угодно, то всех в одне сутки так приберу к рукам, что любо будет. Дай по-царски поступать – хвост отшибу.

57. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[5 мая. 1774]

Миленький, как ты мне анамесь говорил, чтоб я тебя с чем-нибудь послала в Совет сегодни[1], то я заготовила записку, которую надлежит вручить Кн[язю] Вяземскому[2]. И так, естьли итти хочешь, то будь готов в двенадцать часов или около того. А записку и с докладом Казанской Комиссии[3] при сем прилагаю. За вчерашнее посещенье ласковое благодарствую. Я сказала Стрекалову, чтоб он толк добился или на глаза не казался. Adieu, mon coeur*.

58. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[8 мая 1774]

Я ужасно как с тобою браниться хочу. Я пришла тебя будить, а не то, чтоб спал, и в комнате тебя нету. И так вижу, что только для того сон на себя всклепал, чтоб бежать от меня. В городе, по крайней мере, бывало сидишь у меня, хотя после обеда с нуждою несколько, по усильной моей прозьбе, или вечеру; а здесь лишь набегом[1]. Гаур, казак москов. Побываешь и всячески спешишь бежать. Ей-ей, отвадишь меня желать с тобою быть – самый Князь Ор[лов][2]. Ну добро, естьли одиножды принудишь меня переломить жадное мое желанье быть с тобою, право, холоднее буду. Сему смеяться станешь, но, право, мне не смешно видеть, что скучаешь быть со мною и что тебе везде нужнее быть, окроме у меня.

Г:М:К: К:М: С:С:Т:М:С:** и все на свете брани, а ласки ни одной нету. Я пошлю по Баура[3].

---

* Прощайте, сердце мое (*фр*.).

** Гяур, москов, казак. Казак, москов, сукин сын [?].

59. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 8 мая 1774]

Голубчик милый, о чем, на постели лежа, охать изволишь? Я, не за ширмой стоя, сие подслушала, но ох твой до моих ушей дошел чрезо все галереи и покои даже до дивану. Просим сказать, сей ох что значит? И, Jesus Maria*, значил, что Вас люблю чрезвычайно.

60. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[14 мая 1774. Царское Село]

Приведи Осипова в кабинет[1], где портреты стоят, и прийди мне сказать. Алексей Гр[игорьевич] приехал, и чаю, ко мне прийдет.

61. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 мая 1774. Царское Село]

Я и с губками сижу на кожаном канапе, ноги протянувши, ибо бродила по горам и лощинам часа два. Попадалось мне навстречу, окроме трех камер-юнгфер моих и авдотьиной собаки, никого.

Теперь принялась за дело, любя тебя безмерно и веселясь твоей ко мне любовью, милой и безценный друг собственный, голубчик, Ангел.

62. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[16 мая 1774. Царское Село]

Естьли, голубчик, ты многого вчерась позабыл доложить мне по причине мнимого моего шпионства, то и я по случаю тому, что Вас не видала, а увидав, была сонна, да сверх того упражнена собственным своим состоянием и Вашим, многого весьма Вам сказать не могла, чего во весь день на уме, на сердце и в сердце имела.

Я не спешу делом анжелиевым, но ответствую на письмы Ген[ерал] -Прок[урора] с точностию. Камергер цесарский задержан Губернатором, а здесь мы и не знали, что он с ним[1]. Настоящему Вице-президенту опекунства поручить несходственно, ибо его не знаю, не ведаю. Он же не кредитный человек, а лутче его мне кажется Ржевский, ибо честен и безкорыстен и осторожен[2]. Прости, друг и душа, сегодня пятница, а час – одиннадцать ровно. Обедаю у себя[3]. Работа отошла, пойду одеваться. Вам же от всего сердца желаю здравствовать, поручая себя в милости Ваши попрежнему, впрочем.

---

* Иесус Мария – часто употребляемое католиками восклицание.

63. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[19 мая 1774. Царское Село]

Жалею, душенька, от всего сердца, что еще не вовсе тебе лехче. Письмо Муромцева я прочла и сему удивляюсь, ибо я его почитала между любимцами Чернышева[1].

Сего утра на завтраке я видела Гр[афа] Кир[илла] Гр[игорьевича] да и За[хара] с Бран[ицким] и спросила у них, что вчерась делали после меня? Кир[илл] сказал, что нашед В[еликого] К[нязя] на террасе, с ним гулял, а За[хар] сказал, что лег спать и от меня утаил гулянье[2]. А теперь пришел у меня просить дозволенье Строга[нову] надеть ленту Стани[слава][3], за что я его разбранила, сказав: "Хотелось бы мне знать, хто-то без боли моей выходит всякому черту неслужащему ленту?" С тем изволил от меня и уйти, а ты изволь сказать Браницкому, а естьли ты не берешься, то сама скажу и Штакельбергу напишу, чтоб лент тамо не давали, не спрося наперед – угодно ли мне[4]. Adieu, mon [Ami].

64. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 мая 1774. Царское Село]

Пожалуй спроси и прочти доклада Казанской тайной комиссии, которого сего утра я возвратила Князю Вяземскому, также и мое к Ген[ерал]-Проку[рору] письмо о сем деле[1]. Je crois que la montagne accouchera d'une souris*. Однако, естьли где сих шалунов отыскать должно, то чаю здесь в Царском Селе. А то нигде не опасны. А приметы их при сем посылаю. Один бешеный колодник показывает, что оне от господина Пугачева отправлены меня с сыном и невесткою убить.

65. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 25 мая 1774]

Слышала я; душенька, что с Ржеуским зделалось: его Андрюшка катал и чуть всего не переломал[1]. Я думала же, моя жизнь, кого бы в Синод на место Чебышева сажать, но не придумала. Акчурин умен, но горький пьяница, как все те, кои у Бестужева сидели за душою. Мне же надобно обер-прокурора, на которого и моя довереность пасть могла, а то всякий черт и на меня поедет. Курбатова не знаю[2], но ведаю, что в Иностранную коллегию. Что тебя увижу после обеда, тому радуюсь заранее. Дай Боже, чтоб Вы были здоровы. Прощай, милая душа, а я не груша. Savés Vous bien que cette lettre fait la parodie de la Vôtre**? Я точно держалась Вашего слога. Adieu, mon beau faisan d'or. Je suis Votre servante***.

---

* Я думаю, что гора родила мышь (*фр.*).

** Знаете ли вы, что это письмо – пародия вашего (*фр.*)?

*** Прощайте, мой прекрасный золотой фазан. Остаюсь вашей служанкой (*фр.*).

66. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 25 мая 1774. Царское Село]

Ну, как Кур[батов] будет отправлять должность об[ер]-пр[окурора], то ни он, никто об нем просить не будет ради, ибо или должность упущена будет, или же по утрам и за городом гуляний не будет.

67. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 мая 1774. Царское Село]

Est-ce que Rzeusky и Жержбитский sont partis? Ou aurai-je encore ce soir le plaisir de les voir? Je suis très aise de voir le G[rand] Général, mais je Vous prie, faites en sorte que quand il reviendra, qu'il revienne seul*. Я тово и смотрю, что Андрюшка отведет и Ржеуского ср[азу] к В[еликому] К[нязю].

68. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[30 мая 1774. Царское Село]

Général, m'aimés Vous? Moi aimer Général beaucoup**.

69. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1 июня 1774. Царское Село]

Конец Вашего письма довольно доказывает противоречие в словах сумазброда. Получа единого чина, который сам собою миновать Вас никак не мог, не могла я скучать прозьбами о чинах. И Вы чины просить не могли, ибо Вы уже имели степень, выше которой лишь два чина. Один Вам дан, а другого – я и не помню, чтоб Вы просили[1], ибо Вы столько же, как и я, знали и имели принципии мои, mais cette mauvaise tête compose et décompose les phrases à sa fantaisie, il prend d'une un mot et l'attache à une autre; cela m'est arrivé cent fois avec lui et je ne doute pas que Vous et bien d'autres ne l'aient remarqué, il se pourroit aussi que dans ce moment, où il est enragé, il n'y eut de la méchancete dans son esprit et que ne pouvant se racrocher il ne cherche à bouillonner et qu'il ne soit soufflé à cela peut être par d'autres. J'espère que Vous aurés déjà des nouvelles de la personne qui s'ètoit perdue hier pendant l'ennyeux entretien que Vous aves essuyé. Adieu, mon Ami, portés Vous bien. Je suis bien fachée que Vous soyés tracassé par un fou***.

---

* Разве Ржеуский и Жержбитский уехали? Или я буду еще иметь сегодня вечером удовольствие видеть их? Я очень рада видеть Великого Гетмана, но прошу вас, сделайте так, что когда он вернется, пусть вернется один (*фр.*).

** Генерал, любите ли вы меня? Я очень любить Генерала (неправ. *фр.*).

*** но эта дурная голова слагает и разлагает фразы по своей фантазии, он берет от одной фразы слово и прикладывает его к другой. Это случалось у меня с ним сотни раз, и не сомневаюсь, что вы и многие другие это замечали, и, может быть, что также в эту минуту, когда он взбешен, у него зло на уме, и, не будучи в состоянии обрести равновесие, он кипит от ярости, и возможно, что его на это подбили другие. Я надеюсь, что вы уже имеете известия об особе, растерявшейся вчера во время скучного разговора, который вы вытерпели. Прощайте, мой друг. Будьте здоровы. Мне очень досадно, что вас встревожил сумасброд (*фр.*).

70. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[2 июня 1774. Царское Село]

La tête à l'envers m'a envoyé dire qu'il allait partir et réellement il est venu prendre congé de moi. J'ai ordonné au Gr[and] Ecuyer de Vous envoyer ce billet des qu'il sera parti. Il va en ville; je n'ai pas voulu le contrairier en cela, parce qu'il ne veut y rester que peu de tems, et il sera le plus aisé d'en venir à bout. Il est affligé et abattu et il m'a paru plus tranquille. Je suis très aise qu'il soit hors d'ici. Bonsoir, mon Ami. Envoyés moi dire demain comment Vous Vous portés. Adieu, je m'ennuey beaucoup sans Vous Vous.

Сумасброд прислал сказать мне, что он уезжает, и действительно пришел ко мне проститься. Я велела обер-шталмейстеру послать вам эту записку, как только он уедет[1]. Он едет в город. Я не хотела ему в этом противоречить, так как он хочет остаться там лишь на короткий срок и там будет легче с ним справиться[2]. Он удручен и подавлен и показался мне более спокойным. Я весьма довольна, что он уехал отсюда. Добрый вечер, мой друг, завтра пришлите сказать мне, как вы себя чувствуете. Я очень скучаю без вас (*фр.*).

71. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[4 июня 1774. Царское Село]

Батинька, я завтра буду и те привезу, о коих пишете[1]. Да Фельдм[аршала] Голицына шлюбки велите готовить противу Сиверса пристани, буде ближе ко дворцу пристать нельзя[2]. Прощайте, будьте здоровы, а мы будем к вам веселы так, что любо будет смотреть. Monsieur le Gros* позовите[3], буде изволишь. Adieu, mon Ami**.

72. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 8 июня 1774]

Гришенок бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, цалую и обнимаю душою и телом, му[ж] доро[гой].

73. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 8 июня 1774]

При сем возвращаю, батинька, сия бумага. Но буде еще не про что, то из нее употребление мне зделать не можно.

С[упруг] м[ой] ми[лый].

74. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 8 июня 1774]

Батинька, голубчик, будто ты просишь мудреного чего, что приласкаться. Это весьма натурально для меня, душа милая и бесценная, м[уж] дорогой.

---

* Господина Толстяка (*фр.*).

** Прощайте, мой друг (*фр.*).

75. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 8 июня 1774]

Голубчик, si За[хар] est faux comme je n'en doute pas, il est puni. S'il a souhaité que Vous fussiés à côté de lui, il doit être content*, но, как бы то ни было, гласно досаду показать ему нельзя. Возвращаю к Вам его поздравительное письмо[1], остаюсь в[сегда] л[юбящей] в[ас] в[ерной] ж[еной].

76. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[12 июня 1774. С.-Петербург]

Пусть едет, душенька. Я мучусь духом и телом, что согрешила глупым и неуместным ворчаньем противу твоей и моей ласки. Умру, буде в чем переменишь поступок; милой друг, нежный муж, презри великодушно глупости спящего ума и тела[1].

77. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[14 июня 1774]

Миленький голубчик и безценный дружочек. Я должна к тебе писать, чтоб слово сдержать. Знай же, что я тебя люблю и тем никого не дивлю. Посади возле себя главу полиции и не перемени позиции, а то Черныш перчит, а Разум карту держит**, за что Бран[ицкий] будет коситься и Мих[аил] Сер[геевич] усердится. Не прогневайся, рифма не очень чиста, но принимайте сие за вольный слог et pour Vous l'on feroit l'impossible et pour cela aussi je serai ou Votre très humble servante, ou Votre très humble serviteur, ou bien aussi tous les deux à la fois***.

78. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Около 25 июня 1774]

Il me semble et J.J. Бет[ской] est aussi de mon avis que ce serait une bonne chose, si Vous pouviés dire à Пассек de persuader la soupe à la glace de s'en aller avec lui dans ses terres de la Russie Blanche****.

---

* если Захар лжец, в чем не сомневаюсь, он наказан. Если он желал, чтобы вы были подле него, он должен быть доволен (*фр.*).

** игра слов – Черныш – Чернышев, Разум – Разумовский.

*** и для вас сделали бы невозможное, и для того я буду также или вашей покорнейшей служанкой, или вашим покорнейшим слугою, или также обоими сразу (*фр.*).

**** Мне кажется, и И.И. Бетской согласен с моим мнением, что было бы хорошо, если бы вы могли сказать Пассеку, чтобы он уговорил "замороженный суп" уехать[1] с ним в его Белорусские имения (*фр.*).

79. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Накануне 27 июня 1774. Петергоф]

В викториальные дни производилась всегда пальба во время войны с шведами, а во время мира не стреляют. А сегодня стрелять нельзя, не шокируя шведы, ми[лый] др[уг], м[уж] д[орогой].

80. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 28 июня 1774]

Général, la tête me tourne de Votre projet. Vous n'aurés de moi aucun repos après les fêtes, que Vous ne m'ayés mis par écrit Vos idées. Vous êtes un homme charmant et unique. Je Vous aime et Vous estime de tout mon coeur à jamais.

Генерал, у меня кружится голова от вашего проекта. Вы не получите от меня никакого покоя после праздника, пока не изложите письменно ваших идей. Вы редкий и очаровательный человек. Я люблю вас и ценю всем сердцем навеки (*фр.*).

81. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 28 июня 1774]

Bonjour, mon coeur. Я так встала весела, что ужасть. Ах, радость, не прогневайся, вить ты любишь, когда я весела. Кроме вздора сегодня не услышишь. Однако же есть одна материя невздорная, о которой говорить могу, ибо чувство повсюду занято ею. Но ей кончу сие письмецо, а теперь à propos de cela*, нижайше прошу подполковничий список с Вашими рассуждениями не задержать, а то боюсь, Кузьмин меня высечет, а Чернышев лишний раз комнату свою накурит духом неприятным[1].

Миленький, душа моя, любименький мой, je n'ai pas le sens commun aujourd'huy**. Любовь, любовь тому причиною. Я тебя люблю сердцем, умом, душою и телом. Всеми чувствами люблю тебя и вечно любить буду. Пожалуй, душенька, я тебя прошу – и ты меня люби, зделай милость. Вить ты человек добрый и снисходительный. Приложи старанье у Гри[гория] Алек[сандровича], чтоб он меня любил. Я умильно тебя прошу. Также напиши, каков то он: весел ли он и здоров?

Я сегодня думала, что моя собака сбесилась. Вошла она с Татьяною, вскочила ко мне на кровать и нюхала, и шаркала по постели, а потом зачала прядать и ласкаться ко мне, как будто радовалась кому-то. Она тебя очень любит, и потому мне милее[2]. Все на свете и даже собака тебя утверждают в сердце и уме моем. Рассуди, до какой степени Гришенька мил. Ни минуты из памяти не выходит. Право, радость, ужасть, ужасть, как мил.

---

* кстати (*фр.*).

** я потеряла сегодня здравый смысл (*фр.*).

82. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 30 июня 1774]

Душа милая, за ласку тебе спасибо, и, право, ласка за ласку Вам же отдаю. Когда я Батурина увижу, я с ним говорить буду[1]. Только, пожалуй, не привези вверх всяких людей, не поговоря со мною, а то здесь не можно будет ни от кого отговориться и хуже будет города для меня. Прощай, милай милушичка, поговори сегодня о Бибиковых со мною[2].

83. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Накануне 3 июля 1774. Петергоф]

Миленький, здравствуй. Я встала тому полчаса и удивляюсь, как ты уже проснулся. За письмецо и за ласку спасиба тебе, душенька. Я сама тебя очень, очень люблю. При сем к Вам гостинца посылаю. Вели Параше приехать обедать к Бетскому.

84. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[8 июля 1774. Петергоф]

При сем, голубчик, посылаю и письмо, мною заготовленное к Щербатову[1]. Изволь поправить, а там велю прочесть в Совете подписанное. Это будет не в глаз, но в самую бровь.

85. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[9 июля 1774. Петергоф]

Aussitôt dit, aussitôt fait, Monseigneur*! При сем посылаю письмо мое к Кн[язю] Волконскому, но, право, Чорбу надобно туда отправить, а Кличка при нем быть может[1]. Adieu, Monseigneur et cher tonton**.

86. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 июля 1774]

Михельсона[1] жалую полковником. Всем с ним бывшим треть не в зачет. Мещерядским старшинам – медали[2].

87. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 июля 1774. Петергоф]

Душатка, cher Epoux***, изволь приласкаться. Твоя ласка мне и мила и приятна. Тебе за то спасибо. Концерт будет, а о Лолии изволь сам Гофмарш[алу] приказать[1]. Безценный му[ж].

---

* Как сказано, так и сделано, сударь (*фр.*).

** Прощайте, сударь и милая юла (*фр.*).

*** дорогой супруг (*фр.*).

88. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 июля 1774. Петергоф]

У Князя Долгорукова[1] четыре полка гусарские, а именно: чорный, желтый, Молдавский и Бахмутский, да 8 эскадронов сверх того[2]. Я к нему напишу, чтоб он два полка отправил чрез Воронежскую губернию к Москве для всякого случая. А пришлет он тех из них, кои ближе сюда, а прийдут, как успеют. Я послала звать всех сюда на концерт и предложу им о поездке моей к Москве. А там станем готовиться[3].

89. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 июля 1774]

Батинька, пошлите повеления в обе армии, чтоб, оставя самое нужное число генералов при войсках для возвращенья полков в Русь, чтоб прочие Генералы-Поруч[ики] и Генер[ал]-Маиоры ехали, каждый из тех, коим велено быть при дивизии Казанской, Нижегородской, Московской, Севской и прочих бунтом зараженных мест, в тех местах, где они расписаны иметь свое пребывание, и чтоб каждый из них взял с собою невеликий экскорт и везде б объявляли, что войски идут за ними. А при войсках можно оставить генералитет тот, кому квартировать в спокойных местах: как-то – дивизии Украинской, Ревельской, Лифляндской, Смоленской, Белорусской и пр[очие].

Bonjour, mon bijou, comment Vous portés Vous*?

90. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 июля 1774]

Я думаю, голубчик, что Татияна своим хохотаньем тебя разбудила[1]. А хохотала она тому, что кормилица моя, – хватя меня за голову, долго не пускала и расцаловала меня[2]. Однако образ мысли сей моей кормилицы и тебе полюбится, как услышишь, [что] у ней один сын и есть он капитан артиллерийский и послан тому пять лет назад с эскадрою Спиридова[3] в Архипелаг, с коих пор она его не видала. Да и письмы почти что не получает. Сегодня она пришла ко мне и говорит: "Слава Богу, что мир заключен, и я сына увижу. Я писала к нему: хотя оттудова все станут проситься, но ты останься. Я слышать не хочу, чтоб ты не служил тут, где нужда". Ma foi, il y a de la vigueur à cette façon de penser d'une femme du commun**. Я подарила ей тысячу рублей и отпустила, а тебя, душенька, за вчерашнюю ласку тысячи раз мысленно обнимаю, а притти не могу, ибо передня полна.

---

* Здравствуйте, мое сокровище, как вы поживаете (*фр.*).

** Право, какова сила в этом образе мыслей простой женщины (*фр.*).

91. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[29 июля 1774]

Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, что Господин Граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельною властию в лучшей части Империи[1], то есть, Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губернии, a sous entendu* есть и прочия; что естьли сие я подпишу, то не только Князь Волконский будет и огорчен и смешон[2], но я сама нималейше не сбережена, но пред всем светом первого враля и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в Империи хвалю и возвышаю[3]. Вот Вам книга в руки: изволь читать и признавай, что гордость сих людей всех прочих выше. При сем прилагаю и Бибикова инструкцию для confrontatie**. И тот пункт не худ, где сказано, что всех людей, где б ни были, он может как, где и когда хочет[4] [казнить и миловать].

92. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Июль 1774]

Каким образом до рук Ваших дошел сей пакет? Естьли он прислан к Вам для пересылки к Фельдмаршалу, то пошлите его к Чернышеву назад, сказав, что Вы сие делаете для того, что, конечно, ошибкою он запечатан партикулярною его печатью, а не коллежской.

Естьли же Фельдмаршал его к Вам прислал, то скажите мне, и тогда я Чернышеву скажу, чтоб впредь в противности обычаю сие бы не делал, ибо печать его, конечно, не государственная.

93. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 1 августа 1774]

Голубчик, странное я тебе скажу. Сего утра вздумала я смотреть план московского Екатерининского дворца и нашла, что покои, кои бы, например, могли быть для тебя, так далеко и к моим почти что непроходны, и вспомнила, что я их полтора года назад зделала сама нарочно таково, за что я была бранена[1], но оставила их так, отговорясь, что места нету. А теперь нашла шесть покоев для тебя: так близки и так хороши, как луче быть не можно. Avec Vous tout devient aisé; voilà ce que c'est que d'aimer veritablement***.

Прощай, миленький.

---

* подразумевая (*фр.*).

** сравнения (*ит.*).

*** С вами все становится легко, вот что значит воистину любить (*фр.*).

94. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 1 августа 1774]

Что делать, миленький, не мы одне, с кем сие делается[1]. Петр Великой в подобныя случай посылывал на рынки, где обыкновенно то говаривали, чего он в тайне держал. Иногда par combinaison* догадываются. Прощай, душа. Я на плане черчу твой на Москве покой[2].

95. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1 августа 1774]

Я теперь только читать могла твою цыдулку. В[еликий] К[нязь] у меня сидел. Кой час оденусь, пущу Кохиуса[1], а луче бы его послать в город и тамо бы вручил он мне свой инструмент, ибо я не одета, а сегодня пятница, и я за столом не обедаю.

Д[уша] м[илая], су[пру]г, м[уж] ми[лый].

96. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[16 августа 1774]

Объявить Военной Коллегии, что до утушенья бунта я приказала Гене[рал]-Поруч[ика] Суворова – быть под командою Ген[ерала] Графа Панина.

97. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[18 августа 1774. Царское Село]

Позволь доложить, друг милой и любезный, что я весьма помню о тебе. А сей час, окончив тричасовое слушанье дел, хотела послать спросить. И понеже не более десяти часов, то пред тем опасалась, что разбудят тебя. И так не за что гневаться, но в свете есть люди, кои любят находить другим людям вины тогда, когда надлежало им сказать спасибо за нежную атенцию всякого рода.

Сударка, я тебя люблю, как душу.

98. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 18 августа 1774]

Весьма мне прискорбно, миленький, что недомогаешь, а наипаче, что моими рассуждениями, кои тебе неприятны были вчерась, можно быть, что я умножила в тебе болезни, ибо оне тебя, мне казалось, обезпокоили. Милая душа, верь, что я тебя люблю до безконечности.

---

* по совокупности (*фр.*).

99. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 18 августа 1774]

Сударушка, ангел мой, ты можешь быть здоровейший человек в свете, буде здоровье твое зависит от моей к тебе любви.

Милой м[уж], душа бесценная.

100. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 23 августа 1774]

Умные люди так, как и мы дураки, подвержены ошибкам. Ошибае[шь]ся радость, думав, что малейше о Черныш[еве] задумаюсь[1]. Все прочие заключенья Ваши в сем случае таковой же силы. Adieu, Amour ou congé*.

101. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[23 августа 1774]

Суд не бывает, не выслушивая наперед оправдание обвиняемого. Встала я в осьмом часу, потом пошла в бани[1]. Вышедши оттуда, слушала Генер[ал]-Прокурора. И твои доклады имев на уме, чтоб больного не будить, послала тогда, когда думала, что, например, проснулся[2]. Mon Ami, je suis bien fachée que Vous êtes malade**, а что не с сердцов, не с досадою, о том не сумневаюсь, ибо знаю, что ни об чем ни досадовать, ни ни сердиться. Ужо посетить буду больных.

102. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 августа 1774]

Заготовила я теперь к Гр[афу] П[етру] Пани[ну] письмо в ответ на его от 19 ч. и посылаю к нему реестр тех, кои отличились при Казанском деле и коих награждаю деревнями, как Вы то здесь усмотрите из приложенного письма. А впредь, как офицер наградить, кои противу бунтовщиков? Крестьян не достанет, хотя достойны.

Пришла мне на ум следующая идея: в банк Дворянский орденская немалая сумма в проценты идет[1]. Я из процентов велю противу орденских класс[ов] производить им пенсии. Как Вам кажется?

Adieu, mon tonton***.

103. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 августа 1774]

Я думаю, что прямой злодейский тракт на Царицын, где забрав Артиллерию, как слух уже о его намерении был, пойдет на Кубань. А по сим известиям или сказкам десяти Саратовских казаков он намерен на Дон итти[1], который от

---

* Прощай, любовь или отставка (*фр.*).

** Мой друг, я очень огорчена, что вы больны (*фр.*).

*** Прощайте, моя юла (*фр.*).

Царицына в 60 верстах и, следовательно, уже сие бы было обратный ему путь. И естьли сие сбудется, то он [с]толкнется с Пушкиным[2], и тут его свяжут, нежели ингде. Защищенье Керенска показывает, как сие лехко противу толпищи черни[3]. Делать теперь нечего. Все поздо будет. А вопль Щетнева скорее чего зделает, ибо он правил на ногах и Долгорукова, и Щербинина[4].

Все, что теперь делать Вам для меня нужнейшее, есть то, чтоб быть здоровым и держать счет порядочен.

Изволь и то приметить, что он и от Яика и казацких жилищ не далее, как верст с двести[5].

104. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 30 августа 1774]

Mon très cher Epoux*, я к тебе не прийду, потому что я вспотела немного ночию, что кости болят по-вчерашнему и что весьма холодно. Душечка, спала я хорошо и тебя люблю всем сердцем.

105. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[30 августа 1774. С-Петербург]

Mon cher Ami, donnés-moi un conseil, je n'ai aucune envie d'aller au Couvent**; устанешь, как собака, никто спасиба не скажет. J'écoutairai la Messe ici et je dînerai à la table avec les Chevaliers***. Права рука болит и колика маленько есть, да сверх того сыро на дворе, как сам видишь.

106. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Август–сентябрь 1774]

Голубчик милой, благодарствую за хлеб, за соль. Гришенок мой, накормил и напоил вчерась, однако ж не вином же. Пожалуй, пришли ко мне записки Галахова[1].

107. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Август–сентябрь 1774]

Здравствуй, миленький. За ласку тебе спасибо. Я сама тебя чрезвычайно люблю. Пожалуй, пошли по капитана Волкова. Его отправление подписано, однако мне надобно с ним говорить самой, дабы ему объяснить мое мнение.

---

* Мой дражайший супруг (*фр.*).

** Милый друг, дайте мне совет: у меня нет ни малейшего желания ехать в монастырь (*фр.*).

*** Я буду слушать обедню здесь и отобедаю за столом с Кавалерами[1] (*фр.*).

108. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Август–сентябрь 1774]

Здравствуй, миленький голубчик, который для меня формировался[1]. Я не знаю, поняла ли я Ваши мысли, однако наугад написала при сем приложенное увещеванье, в котором прошу не смотреть на слог, ни на ортографию, а на мысли, а прочее поправить. Adieu, mon coeur.

109. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Август–сентябрь 1774]

Батинька, я спала до десятого часа, а вставши, я здорова, но слаба из меры вон. Скажи мне, сударушка, каков ты и в милости ли я? Ты знаешь, душа моя, что ничего мне столь не мило, как когда сказываешь мне, что меня любишь. Скажи же, а я тебя чрезвычайно люблю. Пришли, пожалуй, ко мне письмы от Панина и из Казани.

110. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Начало сентября 1774]

Я хочу, да и очень хочу, чтоб ты был весел. И для того сказываю, что тебя, голубчика, люблю, как душу.

Цыплетев[1] репортует, что у него между пленными – Пугачева секретарь, мценский купец Трофимов[2]. Я сей репорт к Князю Волконскому отослала.

111. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[13 сентября 1774]

Милуша милая. Поздравляю тебя со днем рождения, моего милого друга к моему щастию.

112. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 сентября 1774]

Как мне подписать что по прошению Собакина, тогда когда мой есть указ о неувольнении их[1]. Есть c'est une contradiction*, а надо прописать какую ни на есть причину, как-то услугу или что вздумаете. Имя Собакина поныне в публике не заслуженное. Он же мне самой грубил прежде сего.

113. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

При усерднейшем исполнении моем Высочайшей Вашего Императорского Величества воли о формировании одного драгунского полка, с приятнейшим удовольствием имел я случай усмотреть ревностное в том соучаствование между

---

* в этом противоречие (*фр.*).

прочими коллежского ассесора Саввы Яковлева, который, по случаю скорого всех к полку сему принадлежащих вещей исправления, споспешествует капиталом своим на всякие вещи – двенадцать тысяч рублей – и пятьсот лошадей. Сей достойный хвалы и признаия поступок его обязывает меня, Всемилостивейшая Государыня, отдав ему пред освященным лицом Вашим должную, как ревнительному сыну отечества, справедливость, всеподданнейше просить о всемилостивейшем избавлении его от ратманской должности, в которую он здешним магистратом избран. Сие Высочайшее к нему благоволение не токмо к лучшему отправлению коммерции его возспособствует, но и послужит примером для других в подобных сему опытах ревности. Купечеству же никакого отягощения тем не нанесется.

Всемилостивейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
верно всеподданнейший раб
Григорий Потемкин

Сентября 14 дня 1774 года

114. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[14 сентября 1774]

Il n'y a rien de plus impertinent que ce "раб"*. Естьли б я браниться намерена была, то бы я привязку имела. Но я не намерена, слышишь ли, сударушка? Я здорова, но не весела, не печальна, а радовалась видеть тебя в окошке.

115. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[14 сентября 1774]

Отчего, матушка, ни весела, ни печальна?

Рукой Екатерины II: *Куды ответ хорош. Нельзя суше быть. Разве надлежит быть необходимо или весела или печальна.*

116. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 14 сентября 1774]

Савву Яковлева можно бы скоро от ратманства освободить (все же сие только годовое дело) пожалованием его дворянином. Только он деревень накупит пропасть и станет мужиков переводить к рудокопным заводам[1] и умножит число роптунов по справедливости.

Преимущество дано и освобождены они от служб казенных, а общественных – едва написано ли. Когда лучие выбудут, кто же останутся – дурные?

---

* Нет ничего более дерзкого, чем сей "раб" (*фр.*).

117. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 14 сентября 1774]

Вы, сколько я Вас знаю, желаете, чтоб не одна часть только была в хорошем состоянье, но все. Когда пришло до того, чтоб выбрать в магистратские члены порядочных людей, а не банкрутных купцов, тогда роптанье ото всех тех, кои, пользуясь купеческими выгодами, не хотят обществу служить. Когда же банкрутных и бездельников выбирали в члены, тогда не менее роптанья было, что ни суда, ни расправы нету в магистрате. Освободя всех лучих людей из сей должности, само собою останутся плохие.

Прошу сыскать средства, как быть? Не думала я, чтоб моя давнишняя цыдулка принесла бы мне толиких выговор[ов] за дело, однако, для общества небезполезное[1].

118. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 сентября 1774]

Здравствуй, миленький. Каков твой кашель, пришли сказать. Отъезжающие в Царское Село теперь ко мне приходили веселехоньки. Я, видя сие, сказала, что я рада видеть, что он веселее сегодня, нежели вчерась, где казался инак, и спросила, что тому причиною было? На что он сказал: " rien, sur mon honneur"*, а она сконфузилась и, не захотя (казалось мне) солгать, смолчала. И погляда друг на друга, он еще повторял, что он ничего не имеет, чему я верить была принуждена, ибо божился "sur son honneur"**.

Прощай, любушичка.

119. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 сентября 1774]

Старайся узнать, отданные в Комиссариат знамены голштинские живописцем Фохтом[1], – целы ли и все шесть тамо ли налицо или куды их девали. И спросите о сем у Мерлина[2]. Он должен знать, ибо он был у разбора и заплаты Голштинских дел. Рисунок же у Федора Матвеевича[3]. А на то, что Фохт говорит, что Белое знамя им отдано было самому императору, нечего смотреть, а надо смотреть в комиссариат.

120. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[21 сентября 1774]

Друг мой сердечный, я очень жалею, что недомогаешь. Я принуждена была из обедни выйти (так голова болела) и, дав аудиенцию шведскому камергеру, разделась и обедую у себя. Мочи нету, такая боль.

---

* "ничего, клянусь честью" (*фр.*).

** "своей честью" (*фр.*).

121. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 23 сентября 1774]

Я думаю, душа моя, что естьли ослепленный В[еликий] Кн[язь] инако не может быть приведен в резон на щет Раз[умовского], то не может ли Па[нин] уговорить его, чтоб он Раз[умовского] услал в море, дабы слухи городские, ему противные, упали. Из приложенного пакета зделайте употребление, как сами разсудите.

122. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 24 сентября 1774]

Первый час. Естьли тебя теперь стригут и завивают, то обедать дома будешь, я догадываюсь. Зятя определю, и мне сие отнюдь не противно. Но и зятю скажи, чтоб он держал ухо востро[1], ибо, конечно, я как не хочу разоренья ничьего, так и равно хочу, чтоб Корона вышла без потери и обмана из сего дела.

123. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 24 сентября 1774]

Пожалуй, голубчик, призови зятя и поговори с ним о разбросанных моих мыслях в приложенной бумаге.

124. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 28 сентября 1774]

Сентября 28 дня за Левенгауптскую баталию положено по табели из Санктпетербургской крепости поднимать штандарт и в присутствии Ея Императорского Величества производить по молебне из 31-й пушки пальбу.

Рукой Екатерины II: *Сие делается только во время войны, а во время мира не стреляют.*

125. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[4 октября 1774]

Не изволите ли помнить, как зовут казака, что с Галаховым поехал.

Рукой Екатерины II: *Астафий Трифонов. Он ушел и увез три тысячи рублей у Галахова.*

126. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[5 октября 1774]

Миленький мой голубчик. Все на свете толку подвержено. Я чаю, и сим строкам подобное толкованье будет, но я на то не посмотрю, а буду писать истину по совести.

Яицким казакам нужен покой, когда оне четыре ночи его не имели, а то с ног свалятся[1]. Один из них уже ясно чувствует, что он неможет, жалуется, что голова болит, лом в спине и лихорадка маленькая. У него же чирьи на груди и рана, которая производит, заживая, обыкновенно лихорадку. Пожалуй, дайте им отдохнуть, по крайней мере, сему больному. Я знаю, что Вы скажете, что он плут и мошенник, но, как бы то ни было, плуту и мошеннику покой нужен же.

Теперь Вам донесу нужнее сего: я Вас чрезвычайно люблю и вечно любить буду, лишь не отнимайте у меня нежности чувства и не откажите мне [в] нижайшей моей прозьбе, к умножению нежности служащей. Bonjour, mon coeur.

127. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[10–12 октября 1774]

Голубчик, Павел прав: Суворов тут участия более не имел, как Томас, а приехал по окончании драк и по поимке злодея[1]. Я надеюсь, что все распри и неудовольствия Павла кончатся, как получит мое приказание ехать к Москве. Пожалуй, возврати ко мне письмы Пе[тра] Ив[ановича]. Ответ нужно сочинить и разрешить некоторые запросы его. А я, миленький, очень тебя люблю и желаю, чтоб пилюли очистили все недуги. Только прошу при них быть воздержан: кушать бульон и пить чай без молока.

128. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 12 октября 1774]

Прикажи, батинька, поточнее разведать и разсмотреть, от чего фрегат потонул у своих берегов и близ своих портов. Кажется, стыдно им тонуть, да и людей много потонуло.

129. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 26 октября 1774]

Говорить хочу о том, кому вверить инспекторский смотр здесь и в прочие места. Голубчик милый, только дело.

130. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 26 октября 1774]

Матушка моя родная и безценная. Я приехал, но так назябся, что зубы не согрею. Прежде всего желаю ведать о твоем здоровье. Благодарствую, кормилица, за три платья. Цалую Ваши ножки.

Рукой Екатерины II: *Радуюсь, батя, что ты приехал. Я здорова. А чтоб тебе согреваться, изволь итти в баню, она топлена.*

131. ЕКАТЕРИНА II - Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 26 октября 1774]

Что все больны, сие не мило слышать. И что ты назябся, о том, миленький, жалею. А естьли полк Кексг[ольмский] Вам понравился, то, надеюсь, что хандра уменьшилась. О прочем после поговорим. Также о том, что ты мил, мой голубчик.

132. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Октябрь 1774]

1. Буш мне сказал, что Ваш аглицкий садовник застрелитца заподлинно, буде ему не дадите наискорее работу[1].

2. Буш и агличан просят, на чем съездить сегодни в Гатчину. Бушу сие нужно для спознания одного-другого вкуса, знания количества и качества. Прикажите им дать лошадей или нанять Льву Катанскому[2].

3. Quand est-ce que je saurai et que j'aurai le registre*, что безподобному надлежит?[3]

4. Bonjour, mon Ami, portés Vous grandement bien et aimés-moi parce que je Vous aime beaucoup, beaucoup**.

133. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 12 ноября 1774]

Приложенное дело прошу сегодни вручить Преосвященному Петербургскому[1] для его собственного известия и понеже сумнения нету (хотя Казанский Архиерей и отпирается) о его непростительной с злодеями пересылке[2]. И для того желаю я, чтоб Преосвя[щенный] Петербургский написал письмо к Казанскому Архиерею с тем, дабы сей из ума выживший старик просился немедленно на обещанье. И естьли сие зделает Архиерей Казанский, то в рассуждение сана уже далее следствие производить не велю и с сим письмом Преосвященного Вы нарочного отправьте будто к Павлу Пот[емкину], а к Моск[ве] Арх[иерею] Казанскому незачем ехать, ибо желаю утушить и слух сего дела.

134. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 ноября 1774]

Гришенька, меня безпокоит весьма, что ты не обедал и что двойжды, когда я к тебе послала, ты почивал оба раза, а теперь слышу впервые, что жалуе[шь]ся головой. Пожалуй, вели сказать: могу ли прийти к тебе, чтоб видеть тебя. Сказывают, что один купидон лишь у тебя. О комедии на той стороне ничего мне сегодни не сказали. Да, кажется, что и не будет, ибо сего утра Вел[икая] Княгиня репортовалась больна, чего он мне сам сказал[1].

---

* Когда я узнаю и буду иметь список (*фр.*).

** Здравствуйте, друг мой. Чувствуйте себя совсем хорошо и любите меня, ибо я вас очень, очень люблю (*фр.*).

135. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[18 ноября 1774]

Гришатка, здравствуй. Был у меня друг твой – Преосвященный здешний – и сидел у меня с планами, и я ему строение монастыря отдала, а тебя люблю, как душу.

136. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 22 ноября 1774. С-Петербург]

Великий Князь имянем жены своей просил меня, чтоб я для нее не женировалась и не отложила своей поездки. На что я ответствовала, что я ее выздоровленье ждать буду до субботы, а в субботу поеду до вторника и не женируюсь, а была бы в отсутствии безпокойна о ея состояньи.

137. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 2 декабря 1774]

О таганрогском коменданте Дежедерасе[1], как при отправлении его для занятия и построения той крепости ему сказано имянем моим, что новогородское место останется порожно для него, дабы по окончании войны он сам избрал, которое из двух комендантских мест для него выгоднее будет. Того для надлежит писать к нему, дабы сие дело аранжировать.

О пикинерных офицер уравнении противу армейских[2] пришло мне на ум, что не будут ли оне полученьем чина, который за уряд имеют, и потом повышеньем двух чинов противу армейских (итого – полученьем трех чинов) весьма в разсуждении армейских награждены. Или же не выйдет ли из сего некоторый род зависти между ними. Но как в существе сии мои мысли могут быть неосновательны, то буду ждать на них объяснений.

138. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

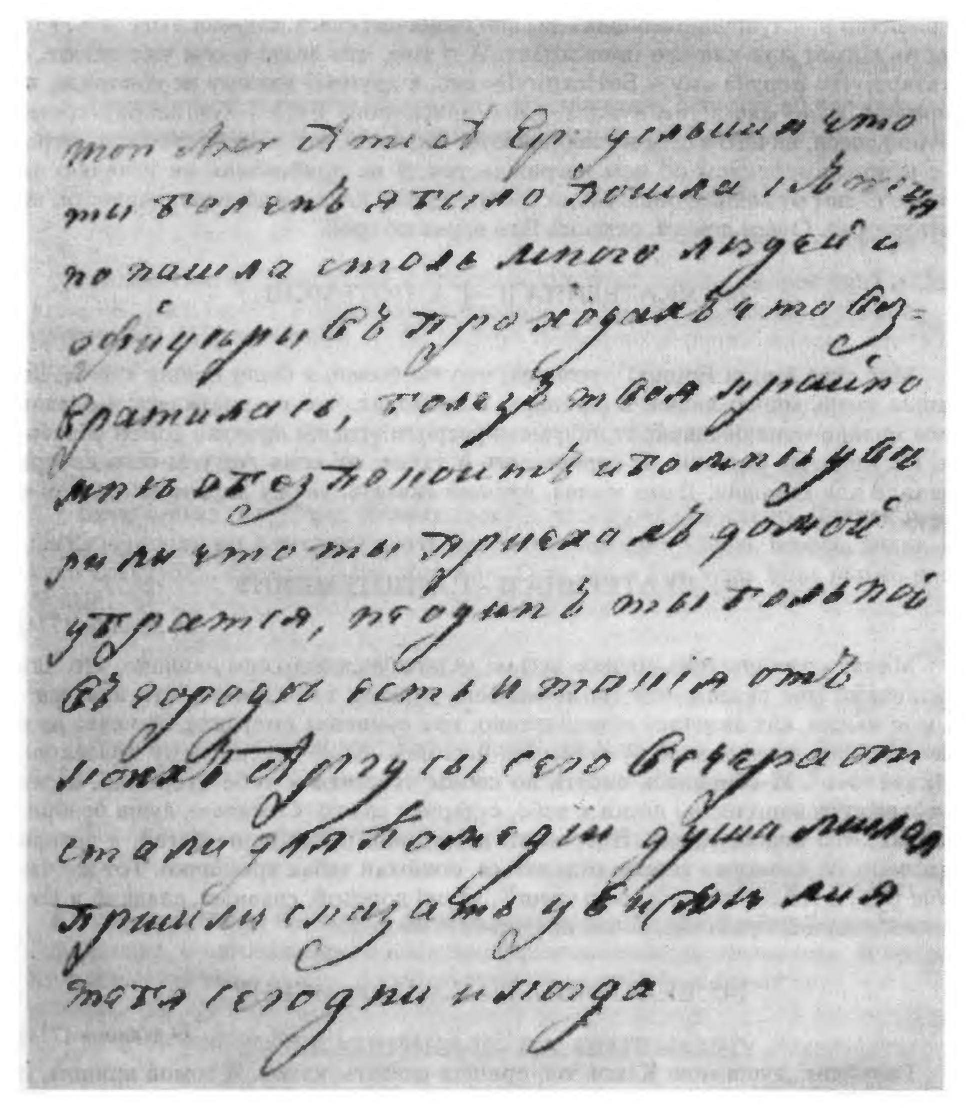
[До 2 декабря 1774]

Батинька, признаю, что положение пикинерного штата весьма безрассудно. А только хотела, дабы дело в моей голове твердое основанье взяло, слышать Ваши объяснения на те мысли, кои понятию моему встретились. За вчерашнюю ласку покорнейший поклон. И я, право, ласкова, только не знаю, почему морщился. Недомогаешь ли, голубчик, или гневен? Adieu, mon tonton.

139. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 декабря 1774]

Бетский ко мне приходил сего утра с тем от В[ице]-К[анцлера], что сей желает теперь чистую отставку и чтоб при том ему дано было деньгами по смерть ежегодно, что теперь имеет, браня притом Панина, который, дескать, гонит из мест и определяет, кого хочет, и всем безпредельно властвует, к чему прибавил, что все те пропозиции, кои я приказала чрез него делать Ви-

Факсимиле письма Екатерины II Г.А. Потемкину (№ 140)

[це]-Кан[цлеру], уже везде по площадям известны, что сей весьма прискорбен.

На чистую отставку я ответствовала, что я никого не принуждаю служить и не служить, что ни черты не переменяю моих обещаний, что должности раздать в воле моей и что одна милость моя не допущает меня сей раз без церемонии сказать Вице-Канцлеру: "Вы мне ненадобны". Брани о властолюбии Панина я

терпеливо выслушала с молчанием, ибо, чаю, хотелось из меня выведать, кто место займет или как сие происходит. А о том, что везде о сем уже знают, я сказала, что поруча ему – Бет[скому] – сие, я другому никому не говорила, и, впрочем, мало мне в том нужды, и что прискорбие Ви[це]-Кан[цлера], кроме глупой спеси, ничего в себе не заключает и что знаю, что служба его сверх меры и с моим намерением об нем награждается. Я не прибавляю, ни убавляю ни слова. С сим от меня и пошел и ни гроша, кроме некоторой вспыльчивости, не выторговал. О чем донеся, остаюсь Вам верна по гроб.

140. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[8 декабря 1774. С-Петербург]

Mon cher Ami et Ep[oux]*, услыша, что ты болен, я было пошла к тебе, но нашла столь много людей и офицеры в проходах, что возвратилась. Болезнь твоя крайне меня обезпокоит, ибо меня уверили, что ты приехал домой убраться. Не один ты больной. В городе есть и такие, от коих Аргусы сего вечера отстали для комедии. Душа милая, пришли сказать, увижу ли я тебя сегодни и когда.

141. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[8 декабря 1774]

Милая милюша, письмо твое весьма меня обрадовало тем наипаче, что Лев Катанский мне сказал, что ты неможешь, и давал выразуметь, что невесел[2]. А моя мысля, как залетает обыкновенно, уже сумнение получила, что едва не я ли тебе чем досадила. И думала, что письмом. Конечно, оно ему неласково показалось[3]. И сбиралась писать по своим чувствам к тебе вторично, а сии чувства суть наполнены ласки к тебе, сударика моего. Сожалею, душа безпримерная, что недомогаешь. Вперед по лес[т]нице босиком не бегай, а естьли захочешь от насморка скорее отделаться, понюхай табак крошичко. Тот же час луче будет. Adieu, m'amour, mon coeur**, м[уж] дорогой, славный, сладкий и все, что себе милое, приятное, умное представить можешь.

142. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[9 декабря 1774]

Голубчик, душа моя. Каков ты, пришли сказать, каков. Я домой пришла, и буде я тебе надобна, как и не сумневаюсь, то вели сказать, сударушка. Душа не на месте, что неможешь. Естьли теперь мне прийти нельзя, то когда можно будет, дай знать.

---

* Мой дорогой друг и супруг (*фр.*).

** Прощайте, моя любовь, сердце мое (*фр.*).

143. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 9 декабря 1774]

Душенок мой, сердечно жалею, что недомогаешь, и прошу об нас не забыть. А мы душою и сердцем на век Гришатке крепки.

144. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 9 декабря 1774]

Миленький, к Стрекалову я писать велю, чтоб послал скорее указ о Собакине. К Лиз[авете] Ро[мановне] послала чет[ыре] ты[сячи] ру[блей]. От пяти часов сижу за делом. Тебя люблю безмерно и очень жалею, что недомогаешь.

145. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 9 декабря 1774]

Батушинька, голубчик. Весьма тоскую, что ты недомогаешь. Зделай мне ту ласку – пошли по Кельхена явить все твои болезни[1]. Очень боюсь, знаю, как худо трактуешь болезни. Mon cher Ami, Dieu donne que Vous Vous portiés mieux demain*.

146. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 9 декабря 1774]

Mon cher Ami, je suis bien fâchée de ce que Vous êtes malade. Envoyés après Kelchen**.

147. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 9 декабря 1774]

Батинька, Ch[er] Ep[oux]***. Можно ли подобный случай на мой щет ставить? Голубинька, о негоц[иации] с Кн[язем] Ор[ловым] после поговорим. Я послала Кельхен грудь твою лечить и люблю тебя очень, мой бесценный друг.

148. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 12 декабря 1774]

Батинька, faut-il donner à Текутьев 1000 paysans ou 600?**** Вели сказать: первое или последнее.

---

* Мой дорогой друг, Бог да поможет вам завтра поправиться (*фр.*).
** Мой дорогой друг, я весьма огорчена тем, что вы больны. Пошлите за Кельхен (*фр.*).
*** Дорогой супруг (*фр.*).
**** надо ли дать Текутьеву 1000 крестьян или 600 (*фр.*).

Факсимиле письма Екатерины II Г.А. Потемкину (№ 147)

149. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[14 декабря 1774]

Указ подписанный к тебе возвращаю. Голубчик, скажи мне, как звать полк: Георгьевской или Орденской?

Что же ты, душа моя, голубчик, доволен моим письмом или резолюциями, сие меня чрезвычайно обрадовало. Дай Боже, чтоб ты мною так был доволен, как я твоей любовью. Что ты болен, сие меня очень обезпокоивает. А мне, хотя я и нездорова, но минуту не дают покой. Черт знает, сколько уже отправила, а столько еще ждет. А у меня все кости болят.

150. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 17 декабря 1774]

Батинька, мой друг. Грустно до безконечности, что ты недомогаешь. Чрез час или менее пришлю я мотивы к Манифесту[1] и прошу тебя, буде нетрудно, оных прочесть. И буде ими доволен, то вручи их Преосвященному, дабы сочинил Манифест[2]. И естьли ему надобно, то и дело дам прочитать, но велико очень, и иного не выберет, как что я написала. Но надобно, чтоб для точности сохранения обрядов Преосвященный прочел Манифест о Мировиче, где увидит, как суд наряжен был.

151. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 17 декабря 1774]

Bonjour, mon coeur. Каков ты, голубчик, сегодни. При сем посылаю к Вам мое маранье. Изволь читать и сказать нам о сем, буде добро и буде недобро. Душечка милая, выйдешь ли сегодни?

152. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[17 декабря 1774]

Превозходительный Господин, понеже двенадцатый час, но не имам в возвращении окончания Манифеста, следственно, не успеют его переписывать, ни прочесть в Совете[1]. И посему он остановит еще на несколько дней других. И до того дня, буде начертания наши угодны, просим о возвращении. Буде неугодны – о поправлении. И пребываем Вам верны на век.

153. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 25 декабря 1774]

Приходил ко мне Ве[ликий] Кн[язь] и сказывал мне, что по новой Генеральной репортиции шурин его написан в Лифляндской дивизии и что Вел[икая] Кн[ягиня] просит, чтоб любезный шурин написан был в С[анкт]-Петербургской дивизии[1]. Я на сие ответствовала, что посмотрю. Мне стыдно было сказать, что не знаю, не ведаю. Прежде сего репортиции наперед мне показывали и не выпускали ее, не показав мне. Голубчик, я тебе все показываю и не имею от тебя сокровенного. И так и ты не введи меня в людях в простяки, что со мною люди говорить будут, кто куда написано, а я принуждена буду или казаться людям о своих делах несведуща, или же непопечительна. А репортиции без меня и, не показав мне, выпустить не должно. Ты сам последнюю у меня в комнатах видел в Петергофе. Да и ни один шеф Военной Коллегии сие делать не мог. Я тебя люблю, а репортиции прошу казать.

154. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 декабря 1774]

Здравствуй, душа. Каков ты сегодни? Как приидешь ко мне, покажу тебе письмо Зах[ара] Гр[игорьевича], дабы с тобою условиться, чего ответствовать. Кан[темир] совсем с ума сошел[1], по признанию Зах[ара] Гр[игорьевича]. По приказанию твоему сегодня наряжусь впрах, pour Vous plaire, mon coeur*.

155. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 декабря 1774]

Сударушка, благодарствую за милое посещенье. Святой Андрей над тобою еще не действует. Но как бы то ни было, вечно мил пребудешь.

---

* чтобы нравиться вам, сердце мое (*фр.*).

156. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[26 декабря 1774]

Сударушка милая, здравствуй. Прошу дать знать, каков Кавалер Святаго Андрея опочивал, ибо опасаюсь, не растрогалась ли старость его необычайными его делами, о чем скорбеть буду, еже[ли] так учинилось, понеже крепко его люблю.

157. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Декабрь 1774]

Мими, думаю я Захара взять к Москве, а то случится отселе отлучиться, мне то ловко Голицына бывало здесь оставить. Как советуешь?

158. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Декабрь 1774]

Батинька, был у меня В[еликий] К[нязь] и, говоря с жалобою на Адми[ралтейств] Коллегию, просил съездить в ней посмотреть. Я, быв на то никак не приуготовлена, сказала – хорошо. На что он прибавил: "Все же делается положение обоих Воен[ных] Коллегий о Георгиевских кавалерах". На сие я промолчала. Душа милая, ты всякий день открываешь новые затеи.

159. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[31 декабря 1774]

Здравствуй, душенька. Поздравляю тебя с Новым Годом и желаю тебе всякого благополучия и здравия наипаче. И любовь, и мир да утвердится от часу крепче. Сударка милая, каков ты сегодни?

ЗАПИСОЧКИ Г.А. ПОТЕМКИНА – ЕКАТЕРИНЕ II

март – декабрь 1774

160.

Матушка родная, позволь полюбопытствовать, был ли у Вас вчера Елагин. Да пожалуйте на минуту план Вашей бани.

Рукой Екатерины II: *Елагин был у меня и все, что привез мне, подписано. План бани пришлю чрез полчаса и послала взять его у Павлова*[1].

161.

Щербачев[1], матушка, имеет нужду ехать на две недели в Москву. Г[ене]р[ал]-Прок[урор] болен, так просит меня доложить.

Рукой Екатерины II: *Пущай едет. Скажи ему, батинька.*

162.

Не удалось мне, матушка Всемилостивейшая Государыня, Вам доложить. Толико Горкину окрестить новорожденную его дочь[1].

Рукой Екатерины II: *Хотя завтра.*

163.

Матушка, я не знаю, не ведаю. Француз принес пиластр [?] сам собою. Не гневайтесь на меня, ради Бога.

Рукой Екатерины II: *Батя, я не гневаюсь, а на француза досадовала, что принесли, чего таили. Да и то прошло. А тебя люблю, как душу.*

ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

март – декабрь 1774

164.

Bonjour, mon coeur. Я по грязи хотя и гулять не люблю, но однако с Вами везде весело и хорошо.

165.

Вздор, душенька, несешь. Я тебя люблю и буду любить вечно противу воли твоей.

166.

Батинька, сударушка, здравствуй. Ты мне мил наравне с душою. Что б ни говорил противное, знай, что лжешь, и для того не верь бредне подобной.

167.

Голубчик мой, я здоров[а] и к обедне выйду, но очень слаба и не знаю, обедню снесу ли я. Сударушка милой, целую тебя мысленно.

168.

Батинька, мой милой друг. Прийди ко мне, чтоб я могла успокоить тебя безконечной лаской моей.

169.

Батинька, здоров ли ты и каков опочивал. Дай знать, душа милая.

170.

Бог видит, голубчик, я не пеняю, что не выйдешь, а только сожалею о том, что недомогаешь и что тебя не увижу. Останься дома, милуша, и будь уверен, что я тебя очень, очень люблю.

171.

Милуша, что ты мне ни слово не скажешь и не пишешь? Сей час услышала я, что неможешь и не выйдешь. Est-ce que Vous êtes faché contre moi et pourquoi*?

172.

Батинька, душа, окроме слабости, теперь ничего не чувствую.

173.

Голубчик, чего получила сию минуту, то к Вам, не мешкав, посылаю, а Брюсу[1] приказала, чтоб к Митусову[2] написал, чтоб сей исполнял данный здесь ордер без отлагательства. Батинька, здравствуй. Каков ты? А я здорова и тебя чрезвычайно люблю.

174,

Или указ и письмо не суще мне ясны, или я безтолкова сегодни. Но, полагаясь на Вашу честность, подписала и возвращаю.

175.

Лжешь, душенька, не я спесива, не я неласкова, а только очень была упражнена своим проектом. А впрочем очень тебя люблю.

176.

Bonjour, mon coeur. Comment Vous portés Vous**? Моей голове есть лехче, и я Вас чрезвычайно люблю.

177.

Лучий подарок в свете ты мне зделал сегодни. Тем же отдариваюсь, милой мой и прелюбезной друг.

178.

Естьли следующий ему чин таков, что Вы оного объявить можете, то, батинька, объяви.

179.

Естьли ошибки нету в ортографии, то возврати, и я запечатаю. А естьли есть, прошу поправить и прислать сказать запросто, могу ли я прийти к Вам или нельзя? А Вас прошу по холодным сеням отнюдь после бани не отважи[ва]ться. Adieu, mon bijou.

180.

Поезжай, голубчик, и будь весел.

---

* Разве вы сердитесь на меня и почему (*фр.*)?

** Здравствуйте, сердце мое. Как поживаете (*фр.*)?

181.

Душенька, разчванист ты очень. Изволишь ли быть сегодни и играть на бильярды? Прошу прислать сказать на словах – да или нет, для того, что письма в комедьи без очков прочесть нельзя. Мррр, разчванист ты, душенька.

182.

Здравствуй, душа. Я здорова, каков-то ты миленький? Изволь водить в Эрмитаж весь причет церковный и знай, что тебя люблю, как душу.

183.

Душа моя милая, я все сие кровью подпишу. Трактат таковой важный и милый инако подписан бы не должен.

184.

Гришенок, не гневен ли ты? А хотя и гневен, я надеюсь, ты сам велел не единожды, что гнев твой перестанет. А я перестала же ворчать на Панин[а] и на его Короля, а не отроду не на тебя.[1]

185.

Здравствуй, милой друг. Я устала так, как нельзя более. Я убирала бумаги да еще не окончила. Два часа целые.

186.

Буде люди сии подобный секрет имеют, то удивительно, что сами тем не пользуются и просят у меня 200 000 ру[блей] да пенсии.

187.

Здравствуй, душенька. Я спала до девятого часа и теперь только встала. Каков ты опочивал, пришли сказать, буде писать поленишься. Рано, а ужо В[еликий] К[нязь] будет. Люблю тебя, как душу, душа, душатка милая.

188.

Хотя тебе, душечка, до меня и нужды нету, но мне весьма есть до тебя. Каков ты в своем здоровье и в опале ли я или нету? А тебе объявляю всякую милость от Бога да и от Государ[ыни].

189.

Выправясь, оказалось, что Мар[ия] Павл[овна][1] в концертные дни в бриллиантовый[2] вхоживала, говорит, с камер-юнгферами, а дале того и более того не бывала.

190.

Je Vous envoyé les papiers que Vous souhaité, l'intérêt que Vous y prenés ne peut que me faire plaisir*.

---

* Посылаю вам бумаги, которые вы желаете. Интерес, который вы к ним проявляете, может причинить мне лишь радость (*фр.*).

191.

Я очень и без перевода поняла, что все сие написано было, и мой ответ точно значил, что я тебя чрезвычайно люблю и тобою весьма довольна и счастлива. Желаю, чтоб ты в том же находился положении.

192.

Bonjour, mon cher Ami. Je [Vous] aime de tout mon coeur*.

193.

Гришенька, знаешь ли ты, вить тебе цены нету. Только, пожалуй, пришли сказать, каков ты после мыленки.

194.

Здравствуй, голубчик. Все ли в добром здоровье. Я здорова и тебя чрезвычайно люблю.

195.

Мамурка, здоров ли ты? Я здорова и очень, очень тебя люблю.

196.

Гришенька, здравствуй. Хотя что ни говори, но люблю тебя чрезвычайно.

197.

Батинька, не смею приходить, что поздо, а люблю тебя, как душу.

198.

Нет, голубчик, мне не подали. Разве [с] секретарем? Я, писав четыре часа, миленький, чуть жива, но притом тебя люблю со всего сердца.

199.

Милой друг, я не знаю почему, но мне кажется, будто я у тебя сегодни под гневом. Буде нету и я ошибаюсь, tant mieux**. И в доказательство сбеги ко мне. Я тебя жду в спальне, душа моя желает жадно тебя видеть.

200.

Батинька милой, я здорова, но спала худо и мало, а Вас люблю много.

201.

Батинька, голубчик, я тебя чрезвычайно люблю.

202.

Шалун, долго ли тебе дуться?

203.

Душа милая, сударушка, люблю тебя чрезвычайно.

---

* Здравствуйте, мой милый друг. Я люблю вас всем сердцем (*фр.*).

** тем лучше (*фр.*).

204.

Bonsoir, mon coeur. Je vais me coucher*.

205.

Воля твоя, милюша милая Гришифушечка, а я не ревную, а тебя люблю очень.

206.

Милая милуша, здравствуй. Знай, что тебя милее нет на свете. Душечка, Гришенок мой.

207.

Благодарствую, милуша, за твое поздравление, а что люблю и непременно любить буду, о том не сумневайся.

208.

Милая милуша, дорогие сладкие губки, жизнь, радость, веселье. Сударушка, голубушка, mon faisan d'or. Je Vous aime de tout mon coeur**.

209.

Батинька, голубчик милой, каков ты опочивал, сударка любезный?

210.

А я тебя за то, что всклепал на меня спесь, тебя накажу поцелуем прямо в губы. Я здорова и радуюсь об Вашем здоровье.

211.

Батинька, милой судаpинька, м[уж] любезный, друг сердечный, палец мой болит и теперь умягчительный пластырь приложен.

212.

Душа моя милая, безценная и безпримерная, я не нахожу слов тебе изъяснить, сколько тебя люблю. А что у тебя понос, о том не жалей. Вычистится желудок. Но надлежит беречься, милой м[уж], сударка.

213.

Судаpинька милой, здоров ли ты? Я здорова и тебя чрезвычайно люблю.

214.

Я всегда помню о Гришеньке и он из памяти не выходит. И я его люблю, как душу.

---

* Добрый вечер, сердце мое. Я иду спать (*фр.*).

** мой золотой фазан. Я люблю вас всем сердцем (*фр.*).

215.

Bonjour, mon coeur, comment Vous portés Vous, а я тебя люблю чрезвычайно.

216.

Милуша, здорова. Я тебя мысленно цалую и милую.

217.

Милушенька, ты не знаешь, как я тебя люблю. Право, чрезвычайно, сударка милой.

218.

Пошлите взять у расходщика кабинетского три тысячи рублей.

219.

Не посылала потому, что камер-юнкера послать хочу, а их еще не видала, д[руг] м[илой], м[уж] д[орогой].

220.

Судариньа, могу ли я прийти к тебе и когда? Умираю, хочу тебя видеть, Гришатка мой собственный.

221.

Je Vous demande pardon, mon coeur, de n'être point venue ce matin. Je me suis leveé tard, mais je ne Vous en aime pas moins*.

222.

Милушенька, как велишь: мне ли быть к тебе или ко мне пожалуешь. А каков ты сего вечера?

223.

Милой мой дружочек. Здравствуй, мой голубчик безценный и безпримерный.

224.

Благодарствую за преласковое и хвалою и усердием наполненное письмо, которое, прочтя, я обще с возвращенным моим письмом тот час в камин кинула.

225.

За вчерашнее письмецо премного благодарствую и от всего сердца подтверждаю до меня касательное в рассуждении тебя. Là-dessus il n'y a qu'un seul mot à dire qui est que je Vous aime, mon Ami, de tout mon coeur**.

---

* Я прошу вас простить меня, сердце мое, что я не пришла сегодня утром. Я встала поздно, но посему люблю вас не меньше (*фр.*).

** Помимо этого, надобно сказать лишь одно слово, а именно то, что я вас люблю, мой друг, от всего сердца (*фр.*).

226.

Батинька, когда угодно тебе будет меня видеть, пришли сказать, премилой друг.

227.

Милуша, здорова. Каков ты почивал? Дай знать, душечка. Я здорова.

228.

Что сказано, то правда. И в самое то время мне зделалось как будто некоторый род судорги в пальцах на левой руке, которой коснулись. Но надеюсь, что неприметно было.

229.

Миленький, мне жаль, что ты худо для меня ночь проводил, а я спала изрядно. Однако чувствую некоторую усталость в руках и ногах. А Рожерсон[1] говорит, что пульс необыкновеный. Не знаю, выйти или нет. Дай совет.

230.

Аллеман[1] приказал мне сказать чрез Кельхен, что ни малейшей, дескать, опасности, и обмороками назвать нельзя, а кровь подымается кверху и причинит ей тягости. И все это значит ничего, а она свежехонька.

231.

Долго ли это будет, что пожитки свои у меня оставляешь. Покорно прошу, по-турецкому обыкновению платки не кидать. А за посещение словесно так, как письменно, спасибо до земли тебе скажу и очень тебя люблю.

232.

Батинька, сказывают, будто нынешнюю ночь чудилось: оказалось, будто я по дворцу ходила и в разные комнаты заходила. Не была ли у Вас? Я, чаю, Вы перепугались.

233.

Миленький, я иду спать и двери запрут. Но естьли приидешь паче чаяния и оне заперты будут, то ей-ей плакать буду завтра. И так, всепокорно прошу остаться дома и быть уверен, что нельзя более любить, как я тебя, душечка, люблю.

234.

Je n'oserai jamais venir si Vous ne m'avertissés*.

235.

Гришенька, друг мой, когда захочешь, чтоб я пришла, пришли сказать, а между тем я села читать газеты.

---

* Я никогда не решусь придти, если вы не предупредите меня (*фр.*).

236.

Mon coeur, je suis venue chez Vous mais j'ai vu par la porte le dos d'un écrivain ou d'un bas officier et je me suis enfuie à toute jambe. Toutefois je Vous aime de toute mon âme*.

237.

Голубчик, друг сердешный, теперь не могу его призвать для того, что одеваюсь. А после, как – оденусь. Душа.

238.

Нет, уж и в девять часов тебя неможно застать спящего. Я приходила, а у тебя, сударушка, люди ходят и кашляют, и чистят. А приходила я за тем, чтоб тебе сказать, что я тебя люблю чрезвычайно.

239.

Батинька, я приходила с тем, чтоб тебе сказать, сколько тебя люблю, но нашла дверь замкнуту.

240.

Bonjour, mon coeur. Je me suis levée tard, je n'ai dormi, que quatre heures**. Не смею к тебе итти, боюсь встречу. Голубчик, Ангел милой, друг собственный, мой м[уж].

241.

Сударушка милой, безценный друг Гришутка, здравствуй. Дай тебе Бог все по сердцу твоему. Я здорова и люблю тебя безмерно. Я искала к тебе проход, но столько гайдуков и лакей нашла на пути, что покинула таковое предприятие к вышнему моему сожалению, ибо хотелось тебя расцаловать весьма-весьма. Пришли, голубчик, Барятинского реляцию, как списана будет.[1]

242.

Les portes seront ouvertes et il dépendre du vouloir et de la possibilité de qui il appartient. Pour moi je vais me coucher***.

243.

Душенька, прошу нам не пенять. Я так заспалась, что встала в девятом, в исходе. И когда я к тебе приходила, тогда уже окошки твои были отдернуты, и, следовательно, я опасалась входить. Однако верь, что тебя люблю примерно.

---

* Сердце мое, я пришла к вам, но, увидав в двери спину секретаря или унтер-офицера, убежала со всех ног. Все же люблю вас от всей души (*фр.*).

** Здравствуйте, сердце мое. Я встала поздно, спала всего четыре часа (*фр.*).

*** Двери будут открыты и все будет зависеть от желания и возможности того, к кому это относится. Что до меня, то я иду спать (*фр.*).

244.

Голубчик мой, я приходила к тебе, но не осмелилась войти для того, что у тебя окошки были подняты уже. И так, отдаю тебе письменно свой поклон. Сама же я встала в девятом часу, а люблю тебя чрезвычайно.

245.

Яур, москов, казак, хочешь ли мириться? Протяни руку, естьли бешенство прошло и в тебе осталась искра любви. Естьли нету, пошлю по твоего зятя. Яур, казак, москов.

246.

Гришенок, по сей записке прикажи себе дать, как в ней написано.

247.

Голубчик, здравствуй. Милая милуша, я желаю слышать, что ты хорошо опочивал и что ты ко мне таков ласков, как я к тебе.

248.

Здравствуй, душа милая. Понеже без ознобления носа неловко будет сегодня кататься, того для не поеду. А вас очень люблю и желаю слышать, что ты, Гришефишечка, здоров.

249.

Ко мне прийти, сударушка, не советую, понеже лехко простудиться можешь. А что после мыльни тебе хорошо, тому радуюсь, parce que je Vous aime, ma commande*.

250.

Батинько, сударик, жалею от всего сердца, что резь продолжается. Сердцу моему сие весьма печально, ибо люблю тебя чрезвычайно.

251.

Возвращаю самую дорогую и необходимую позабытую вещь. Другая подобная едва ли в свете сыщется ли? Прошу доставить кому надлежит, дабы тоску или грусть и прискорбие о ней утолить, заблаговремянно изъясня сие.

252.

Видно, голубчик, что хандрушечка сошла. Я себе сие приписываю. Не прогневайся, буде невиденье сему причиною.

253.

Душою бы рада была исполнить Ваше прошение, но, хотя очень тебя люблю, но все, что делать могу, есть, чтоб не жаловаться. Но, однако, голова болит не очень. Радуюсь, что тебе есть лехче.

---

* потому что я люблю вас, мой владыка (*фр.*).

254.

Что же делать, душенька? Вечеру луче. Я очень смеюсь, mais comment*. Оно тут очень уместно пришло и видно, что диспозиции в Вас не лихорадочные.

255.

Добра ночь, миленький. Сожалею, что недомогаешь. Бог с тобою, и я иду спать.

256.

Mon Ami, je Vous écris ceci pour savoir comment Vous Voue portés, je m'ennuye à mourir. Quand Vous reverroi – je** ?

257.

Голубчик, буде Толстой тебе сказал, что я скончалась, то знай теперь, что я уже воскресла. А газету утащили секретари мои. Я за ней послала к Козьмину.

258.

Милуша, о болезни Михельсона сожалею, а тебя люблю чрезвычайно.

259.

Mon Ami, je m'ennuye si je ne puis Vous voir, envoyés moi quelqu'un pour jaser***. Сударушка, друг милой.

260.

На охоту ехать не очень хочется. Далеко да и ветрено. Пришли сказать, как советуешь.

261.

Здравствуй, голубчик милой, я к обедне иду.

262.

Отошлите донос сей к Князю Вяземскому и с доносителем.

263.

Друг милой и собственный, в мой полк вели дать 500 р[ублей] и изволь ехать свой смотреть.

264.

Пьяный мужик с сыном да баба, кои теперь взяты гусаром и отведены, чаю, в караулы, хотя дрались с извощиком, но тут никто не виноват. Мужик вывалился и, встав, сел опять, и баба стала его держать. Но при первой луже оба, потеряв баланс, упали. Встав, зачли бить извощика, который обороняясь, дрался. И извощика вступившиеся за ездоков ударили его раза три.

---

* но каким образом (*фр.*).

** Друг мой, я написала Вам это, чтобы узнать, как вы поживаете. Я умираю от скуки. Когда я вас снова увижу (*фр.*).

*** Друг мой, я грущу, когда не вижу вас. Пришлите ко мне кого-нибудь, чтобы поболтать (*фр.*).

265.

Буде же, паче чаяния, моя память меня обманывает и докладных пунктов Азовского Губернатора Толстого[1] в кабинетном архиве нету, то у графа Толстого, что здесь, или у брата его можно.[2]

266.

По справке оказалось, что Азовский губернатор Вас[илий] Чертков старее Энгельгардта[1].

267.

Два года искала я панагию, а она лежала в ящике таком, в котором два года никто не заглянул. При сем ее посылаю для вручения Преосвященному Платону[1].

268.

Aveś Vous dit à Saltikof de passer chez moi pendant l'aprèsdîner*.

269.

План Царского Села тотчас пришлю. Я послала к Неелову его взять[1]. Но на нем строения, чаю, разсмотреть не можно, а оным строениям есть частные планы, кои у него потребовать можно, буде нужны.

270.

Lisés ce biller et si Vous le trouvés bien, je seres venir Pouschkin tantôt et l'enverrés avec ce billet**.

271.

Из сих трех выбирать одного для посылки в Швецию: Князь Несвицкий, Василья Бибикова, Алексея Нарышкина[1].

272.

Envoyés Millissino à Га[т]чина avec des plans et dites lui, qu'il empeche qu'il ne se noyé***.

273.

Батинька, здравствуй. Чуть ли дурак не опять приходил к Татьяне. Но истопники его вытолкнули и побежали по пикету, и он стремглав с лестницы побежал.

---

* Сказали ли вы Салтыкову зайти ко мне в послеобеденное время (*фр.*).

** Прочтите эту записку, и если найдете, что она хороша, то я потом призову Пушкина[1] и пошлю его с этой запиской (*фр.*).

*** Пошлите Милиссино[1] в Гатчина с планами и скажите ему, чтобы он остерегся, как бы не утонуть (*фр.*).

274.

Брюс мне сказал, что когда от Салтыкова[1] возвратился человек с капитаном, он его отдал полицейскому офицеру. А человек Ардатова [?] отстав[ного] поручика, и Брюс более ничего не знает.

275.

Сто лет, как я тебя не видала. Как хочешь, но очисти горницу, как прийду из Комедии, чтоб прийти могла. А то день несносен будет, и так ведь грус[т]ен проходил. Черт Фонвизина к Вам привел. Добро, душенька, он забавнее меня знатно. Однако я тебя люблю, а он, кроме себя, никого[1].

276.

Голубчик, завтра ответ напишу, а сегодня голова болит. Я не сердита и прошу Вас также не гневаться и не грустить. В прочем же остаюсь Вам в[ерной] ж[еной] до гроба, буде изволишь; буде нет, то ты Г[яур], м[осков], к[азак].

277.

Естьли, батинька, необходимая тебе нужда меня видеть, то пришли сказать. У меня понос пресильный с шестого часа. Боюсь проходом чрез студеную галерею в такой сырой погоде умножит резь, а что ты болен, о том сердечно жалею. Tranquillisés-Vous, mon Ami. C'est le meilleur conseil que je puis Vous donner*.

278.

Un grand vent contribueroit-il à donner de l'imagination?

Le bon ou le mauvais tems contribueroit-il à la bonne on à la mauvaise humeur?

La bonne ou la mauvaise constitution du corps contribueroit-elle à la force ou à la faiblesse de l'esprit, du coeur, ou de l'âme?

Может ли сильный ветер возбудить воображение? Способствует ли хорошая или дурная погода хорошему или дурному расположению духа? Способствует ли хорошее или дурное телосложение силе или слабости ума, сердца или души (*фр.*).

279.

Корингу аренду дать немудрено, наипаче по Вашей рекомендации и прошению[1], но, о которой прозьба их идет, – велика. А приказала выправиться, сколько гак дается таковым чинам по правилам о раздаче аренд, мною конфирмованным. Пребываю, как обыкновенно. Je dînerai à l'Hermitage, Monseigneur**.

280.

Слушай, миленький. Два раза помешал ты мне своими билетушками слушать дело превеликое. Я сбиралась ответствовать после, но терпенья не стало – выгнала Козьмина. Что ты, сударушка, болен, о том сердечно сожалею. После обеда к тебе буду, естьли не будет у тебя ни гусар, ни арнаут, ни образцов, то есть originali***.

---

* Успокойтесь, друг мой, вот лучший совет, который могу вам дать (*фр.*).

** Я буду обедать в Эрмитаже, сударь (*фр.*).

*** чудаков (*ит.*).

Табатьерку к тебе послала. Что-то это за фигура у тебя на носу сидит? Конечно, это та фигура, что у золотых фазанов вместо мантильи. Она-то растет и оно так и надобно, прилично и уместно.

Adieu, mon beau faisan, je Vous aime de tout mes facultés*. И приказываю тебе быть здоровому и веселому.

281.

Три рескрипта черные и отнюдь не белые мне были читаны и чернены, и исправлены во многих местах. За все мои труды только одну отраду имею. И при многих неблагодарностях ото всех лестна мне одна Ваша ласка. Естьли б ею еще ласкаться могла, желала бы я, чтоб Вы предстали предо мною, но отнюдь не в виде Плутона гневного, но снисходительного божка. К слабости моей, сказав Вам сие, примолвлю при том еще и то, что естьли Вы в сем найдете малейшее затрудненье, то буду предпочитать волю Вашу моим Вам тягостным иногда прихотям.

282.

Встав рано, пришло мне на мысли написать письмом мои бродящие мысли. Посылаю тебе оныя. Отнюдь не настою, чтоб оное письмо послано было, буде в них слово несходное с обстоятельствами; прошу приметить, que cette lettre est écrite d'un seul trait de plume без концепта и copie нету**. Из двух одно: либо кинуть в камин, либо послать.

283.

Длинное Ваше письмо и рассказы весьма изрядны, но то весьма глупо, что ни единое ласковое слово нету. Мне что нужда до того, хто как врет в длинну и поперек, а Вы, перевираючи, мне казалось, по себе судя, обязаны были вспомнить, что и я на свете и что я ласку желать право имею. Дурак, татарин, казак, Гяур, москов, morbleu***.

284.

Изодранное мною мне неприятное письмецо при сем возвращаю. Сожалею, что попустому горячи[шь]ся. Но как сердце сие без основания, то надеюся, что останется и без дальнего хвоста, car coûte que coûte je Vous aime de tout mon coeur et Vous estime de même****.

* Прощайте, мой прекрасный фазан, я вас люблю пресильно (*фр.*).

** что это письмо написано одним росчерком пера без понятия и копии нету (*фр.*).

*** черт возьми (*фр.*).

**** ибо как бы то ни было, я люблю вас всем сердцем и вы у меня в том же уважении (*фр.*).

1775

285. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 января 1775. С-Петербург]

Как Ген[ерал]-Ад[ъютант] дежурный Фельдм[аршал] Разумовский, то я приложенное письмо написала к обер-коменданту, которое к нему пошлите. Bonsoir, mon coeur, je Vous aime bien sincèrement*.

286. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 8 января 1775]

Ответ на вопрос, что делать, буде Порта [потребует] о перемене артикула мирного трак[тата]. Отзыв Кн[язя] Долгорукова.

287. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[10 января 1775. С-Петербург]

Письмы от 7 генваря – оне ответные на те, кои отправлены в Новый Год[1]. В них пишут, что когда ответ мой получат на их письмы от 2 числа, тогда надеются все кончить в три дни[2]. А ты моя сударушка безпримерная.

288. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 3 февраля 1775. Москва]

По получении твоего письма, голубчик, я послала реестр Аннен[ских] кандидатов к Вел[икому] Кн[язю], друг сердечной и милой.

289. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[18 февраля 1775. Москва]

Матушка, après demain c'est le jour de naissance de notre esprit**. Цалую ручки твои. Меня насморк замучил. Donnés-moi conseil, que faut-il lui donner***

---

* Добрый вечер, сердце мое, я люблю вас со всей искренностью (*фр.*).

** послезавтра день рождения нашего "духа" (*фр.*).

*** Дайте мне совет, что следует ему дать (*фр.*).

290. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[19 февраля 1775. Москва]

Il y a trois jours que je ne Vous ai pas vu à mon grand regret*. Тебя замучил насморк, а меня боль в голове. Но как мне лехче, то могу вечеру прийти к тебе. Однако ж до того прошу написать, что вчера сказать хотел[1] par rapport au jour de naissance, qui est demain, de l'esprit**.

291. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 1 марта 1775]

Душа милая и безценная, казаки твои знатно что хороши, ибо я от них без ума. Плевать на твои кирасиры, не прогневайся. Посылаю рисунки, м[уж] родной.

292. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Начало марта 1775]

Гришифишенька, врешь, очень я тебя помню и [люблю?], ибо ты почивал, а я нет. Вот тебе, душечка, письмо Принца Генриха. Он не будет.

293. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Начало марта 1775]

Весьма желаю знать, сударушка, каков ты сегодня. Я не поеду гулять по причине стужи. Милюша, голубчик, пришли ко мне письмо Принца Генриха и Гр[афа] Ал[ексея] Гр[игорьевича] Орлова. Прощай, душа родная.

294. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март 1775]

Для изследования и щета соляных дел[1] я никого не вижу и придумать не могу, окроме Павла Сер[геевича]. Да ему придать брата его Ми[хаила], да двух офицер в гвардии, как то Маврина[2] и еще кого.

Оне хорошохонько в ясность приведут и выдут из унынья, будто в опале. А буде, голубчик, на то скажешь, что неловко, то Андрея Шувалова[3] не изволишь ли. Он щет знает. А буде найдешь, что все мои пропозиции бешены, то не прогневайся, аще за неименьем людей, луче не придумала.

295. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март 1775]

Друг мой сердечный, указ о соляном разбирательстве весьма пространен. Это первый его порок. Другой есть то, что дело сие до кончания века не кончится тем обрядом, и столько винных по всей Империи сыщем, что более

---

* Вот уже три дня, как я, к моему большому горю, не видела вас (*фр.*).

** в связи с днем рождения "духа", который завтра (*фр.*).

будет крика, нежели добра. И на конец из двух одно выйдет: или иных простить и других наказать придет[ся], или же покрыть дойдет Генеральным указом. Третий порок есть тот, что, называя везде директора, сие уже похоже будет на персональное гоненье в умах людей, кои того, может быть, и стерегут, чтоб кричать о чем. И четвертые: все сие будет делаться под Свят[ым] имянем твоим. Пятые: все дело сие есть свойства такого нежного, что Петр Шува[лов], который, конечно, был человек с отменными качествами и который желал сим делом прославиться и принести Империи пользу, от нея понес народную ненависть[1].

И так, дабы добро зделано было, а вред, колико возможно, отвращен был, мое мнение есть указ сей написать коротче и просто сказать, что как мое желание есть видеть устройство и порядок во всех частях и доходах и того для...

Второе, делать исполнение его короткое и возможное. Третье, избегнуть в нем все то, чтоб отзываться могло персональным гоненьем на директора или ином кого. Четвертое, тебя сим не отягощать, ибо от сего более будет ненависти и труда и хлопот, нежели истинного добра. Сверх того, пока сие Вы велите изготовить, я Князю Вязем[скому] велю также написать и который мне понравится, того и подпишу, или же из обеих сочиню своим лаконическим и нервезным штилем[2], в котором обыкновенно более дела, нежели слов.

Третье, прощай, милюха, более о сем при случае словесно поговорим, а что на уме и на совести имела, то Вам чистосердечно сообщила. Еще должна Вам сказать того, что, чаю, Вы знаете, что Шапкин такой же, по крайней мере, плут, как и Моисеев[3], аще не больше.

296. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март 1775]

Горячи[шь]ся по пустому, миленький. Не изволь гневаться. Право, отвадишь истину сказать, как думаю. Прийди скорее. А я тебя ни отроду не сравняла с Шуваловым. А указ переписать нужно.

297. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март 1775]

Встав из-за стола, получила я гневное Ваше письмо[1]. Признаюсь, велика моя вина, что требую, чтоб в моих указах избежено было противуречие и сказано было, какой ни есть, только претекст, дав оный Вам же на выбор. Я дурачить Вас не намерена, да и я дурою охотно слыться не хочу. Прочия изражении письма Вашего принимаю за спыльчивость, на которых ответствовать не буду, а еще меньше горячиться попустому, ибо Вы сами знаете, что Вы вздор написали.

Прошу, написав указ порядочно, прислать к моему подписанию и притом перестать меня бранить и ругать тогда, когда я сие никак не заслуживаю. Дурак, яур.

298. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март 1775]

Батинька, право, приймуся за соляное дело и Камынина[1] означу. А ты весьма мил.

299. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 марта 1775]

Батинька, буде Петр Панин возвратил мой экземпляр, прошу прислать[1]. Опасаюсь, чтоб мерзкий толк не зделали в людях прежде времени. От понедельника до пятницы, кажется, прочеть можно было.

300. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[18 марта 1775]

Я приехала домой, освободясь от своей пакотильи*, при чтении которой многие тронуты были до слезы[1]. Позабыла я тебе сказать, что вчерась Вел[икий] Князь] поутру пришед ко мне, пока я убиралась; велела я ему с Стрекаловым прочесть в спальне всю сию пакотилью, и он сказал Сте[пану] Фед[оровичу], прочтя прощение бунта, что это рано. И все его мысли клонились к строгости[2].

Сие-то я хотела тебе вчерась сказать, голубчик. Буде ты не будешь ласковее прежнего, то, то, то, право, обедать не буду.

301. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 19 марта 1775]

Прошу родительницу поздравить и от нас и послать к ней сей гостинец[1]. Об сбавке с соли просим не говорить более. Дело зделано будет к нашему рождению, а до тех пор таить станем[2]. А ты сударка и сударка милая и безпримерная.

302. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 6 апреля 1775]

Батинька, я тринадцать лет назад приказала Коллегии экономии, чтоб все, что мироварению надлежит, зделать серебряное. И теперь вижу, что варят в серебре, а понесут в церемонии всенародно миро в оловянных премерзких сосудах. Пришло мне на ум на сей случай: пока поспеют серебряные, не можно ли дать взаймы из мастерской или Оружейной кувшины серебряные, но с тем, чтоб опять поставлены были в Грановитую к праздникам мирного торжества. И буде мысль моя Вам нравится, прикажи по ней исполнить, слышишь, душа.

---

* От фр. слова pacotille – дешевый товар.

303. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 14 апреля 1775]

Голубчик родной, при сем посылаю к тебе бухарский мешок для любопытства. Вели Егорьевскому полку мешки [для] денег делать таковые. О Архиерее и архимандрит[е] приказала указы написать[1]. Прощай, душа.

304. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 17 апреля 1775. Москва]

Дабы Крестинека в Синбирске определить комендантом[1], надлежит выправиться, не полковничье ли это место, ибо он только что маиором и в подполковники пожаловать можно, а в полковники много.

305. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 17 апреля 1775]

Батинька, сударка, прикажи себе напомнить о Крестинеке и о его комендантском месте в Синбирск[1]. А буде тебе не можно, то прикажи указ написать и я подпишу. Милюха милая, je Vous embrasse mille fois*.

306. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[17 апреля 1775]

Буде, батинька, у Бородина сыновья есть, то обнадежить их, что я их за службу отца их не оставлю. И в самом деле посмотрите, каковы оне и не можно ли с ними делать какую милость.

307. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[20 апреля 1775]

Батинька, буде притом остается, что приведешь обедать Лаваля, то дай знать маршалам, чтоб стол мой поприборнее был.

308. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 21 апреля 1775]

Чем ужо доложить, чего позабудем оба, напиши, пожалуй, теперь имян подполковников достойных. Или, одевшись, сам прийди. Но естьли очень молоды по списку, то многие за обиды паки почтут.

---

* я вас целую тысячу раз (*фр.*).

309. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 21 апреля 1775. Москва]

По пяти копеек с соли сбавить – учинит 400 000 р[ублей]. Мне в кабинет отпускается миллион. Буде Вяземский инако не согласится и половину на себя убытка не берет, я народу бью челом из моих 400 000 р[ублями].

310. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 апреля 1775]

Вел[икий] Кн[язь] был у меня и сказал, что он опасается, чтоб до меня не дошло и чтоб я не прогневалась. Пришел сам сказать, что на него и на Вел[икую] Кн[ягиню] долг опять есть[1]. Я сказала, что мне это неприятно слышать и что желаю, чтоб тянули ножки по одежке и излишние расходы оставили. Он мне сказал, что ее долг там оттого, от другого, на что я ответствовала, что она имеет содержание (и он такое), как никто в Европе, что сверх того сие содержание только на одни платья и прихоти, а прочее – люди, стол и экипаж – им содержится, и что сверх того еще она платьем и всем года на три снабдена была. И чтоб не хуже было менее купить и заказать всякой дряни и лоскутки и завести хозяйство порядочное. Он говорил, что дорога им дорогà стала[2]. На что я ответствовала, что я их вожу и что за них вдвое пошла противу моего проезда. На сие он меня хотел уверить, что на них кладут то, что на меня пошло. Одним словом, он просит более двадцати тысяч, и сему, чаю, никогда конца не будет. Говори Ан[дрею] Ра[зумовскому], что[б] мотовство унял[3], ибо скучно понапрасно и без спасибо платить их долги. Естьли все счесть и с тем, что дала, то более пятисот тысяч в год на них изошло, и все еще в нужде. А спасибо и благодарности ни на грош.

311. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 апреля 1775. Москва]

Друг милой и бесценный. Я чаю, Вел[икого] Кн[язя] понапугать и тем можно, буде ему Разу[мовский] или кто ни на есть скажут, что подобная репутация быть мотом зделает молодежи дурной пример, ибо на него слаться будут, выпрося у родителей денег на уплату мотовства. Вить скучно.

312. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 апреля 1775]

О сорока тысячах я, окроме Дюранова[1] писем, нигде не слыхала. Пишешь, Г[раф] С[ольмс] – дур[ак][2].

313. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 апреля 1775]

Буде письмо невинное могло зделать скаредному моему Ц[есаревичу] наивящее попотение[1], то, по крайней мере, приложенный указ, которого прошу приказать переписать иной рукой, дабы и из сего толки не вышли, должен пресечь всякое скаредное и неистовое подозрение и восстановить справедливость мысли[2].

314. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 апреля 1775]

Милуша, я весела, я не сержусь, да и не за что. Гришенька премилый, вчерашний день не выключу из числа дней щастливых, ибо кончился весьма приятно. Хотя бы и впредь бы так было. Я, душенька, буду уступчива, и ты, душа моя, будь также снисходителен, красавец умненький. Портрет я тебе дам в мирное торжество[1]. Наперед тебе сказываю для избежания недоразумений. Adieu, mon bijou, mon coeur, м[уж] дорогой.

315. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[24 апреля 1775]

При сем прилагаю издание И.И. Бецкого, из которого увидите его нынешнее ума положение. Но хотя он сие берет на свой щет, но по существу оно выписано из книги "Epîtres diverses sur differents sujets par le etc." de Bayer. "L'Epître à Sa Patrie" était adressée à la Westphalie en 1743. M-r Betzky en a fait une application à la Russie*, и оно идет, как увидите, как корове седло. Тут, чаю, входит и то, что Настасия ныне англозировалась[1].

316. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 25 апреля 1775]

Ехать Репнину в Боровск я дозволяю, а о Боровском монастыре ничего сказать не могу, ибо не ведаю, сколь сие сходствует с общим о погребении по всей Империи зделанным узаконениям.

317. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 1 мая 1775]

Получил я от Графа Панина дошедший к нему рапорт от Суворова и на тот его ответы. Он желает ведать: Вы изволите найтить их достаточными или что отвечать прикажете.

---

* "Некоторые послания на различные сюжеты для и т.д. " Байера. "Послание к его Отечеству" было адресовано Вестфалии в 1743. Господин Бецкой применил его к России (*фр.*).

Рукой Екатерины II: *Резолюцию сходственно с тем, что о сем приказано, а подозрение на башкирцев слишком хитро, в сем я не участвую. Из вышеписанных строк вычернила я речи церемониальные*[1].

318. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 7 мая 1775]

Заготовь же и Манифест, который тогда и публиковать, когда время будет. И в нем-то вносить нужно все их буйствы, почему вредное таковое общество уничтожается.

319. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 9 мая 1775]

Я знаю, для чего ты сегодня меня не пустил и для чего рано встал. Это для того, чтоб я к тебе не приступала с подобными требованиями, как у Троицы Никола к Параше. Однако, это даром. Только пришли сказать, каков ты сегодни?

320. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[20 мая 1775. Село Братовщина]

Здравствуй, сударка. Я пришла дом[ой] и отошла шесть верст и ничего не устала. А ты, душа, здоров ли?

321. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 20 мая 1775. Москва]

Это переманка, душатка, не новая. Крым-Гирей в Балту всегда переманивал. Это штука Девлет-Гирея, чтоб более иметь дохода[1]. Мельгунову в сем изъяснение подавать надоть[2]. Батя, улыбнись.

322. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 24 мая 1775]

Я думаю, что Г[раф] П.И. Панин может от себя приказать объявление делать в те места, где он за нужно находит, что до него слух дошел, что в простолюдье носится молва, будто какой-то злодей Метелька[1] сбирает толпу для народного снова разорения. И для того он, Гр[аф] Па[нин], находя таковой слух общему покою противным, запрещает всякое злодейское подобное разглашение равномерно и произношение слова "Метелька". И буде за сим хто в народе слух таковой рассеивать будет и в том доказан будет, то жестоко на теле наказан будет.

323. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май–июнь 1775]

Хотя Вы и знаете, я чаю, но однако же я Вам даю знать, что и мне известно, что Петр Кирил[лович] увез Черторижскую и обвенчался с ней сего дня[1].

324. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май–июнь 1775]

Батько, письмо твое я получила[1], сидя за столом. А теперь, встав, скажу тебе, батько, что ни один, батько, тебя так не любит, как я. Батько, спроси у Гагарина, каким цветом юбка Демидовой была та, из которой она в церкви выпорола полотнища для подножия при венчании Пет[ра] Кир[илловича]?[2]

325. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 3 июня 1775]

Во веки веков не поеду более Богу молиться. Ты таков холоден ко мне, что тошно становится. Яур, москов, казак, волк, птица.

326. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 6 июня 1775]

Я думаю Степанова выслать из гвардии, по причине прежней его службы, напольным капитаном[1]. И сие будет с унизением одного чина. Однако же ожидаю Ваше о сем мнение. Прошу прочесть сентенцию и ревизию.

327. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[8 июня 1775. С. Коломенское]

Голубчик миленький, прямой наш праздник сегодня, и я б его праздновал[а] с великой охотою, но то дурно, что у тебя все болит, а я всею душою желаю тебя видеть здоровым, веселым, довольным, ибо люблю чрезмерно милости Ваши.

328. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 15 июня 1775]

Милостивый Государь мой Григорий Александрович.

Я желаю Вашему Превосходительству всякого благополучия, а в карты сего вечера необходимы Вы должны проигрываться, ибо Вы меня внизу вовсе позабыли и оставили одну, как будто бы я городовой межевой столб.

Рукой Г.А. Потемкина: (*строка условных знаков, имитирующих арабскую вязь*), *то есть ответ; если сметь сказать или доложить, что все писанное неправда, ибо Вас сюда нетерпеливо ожидали.*

329. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 20 июня 1775]

Голубчик, пошли сказать к Г[рафу] Панину, что я Гр[афа] Шувалова означила ехать к Шведскому Королю с контр комплиментом.

330. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 28 июня 1775]

Позвольте, матушка Государыня, сегодня отлучиться. Я зван в гости.

Рукой Екатерины II: *Желаю веселиться, а по вчерашней записке определите полковниками* (*Вами представленные*).

331. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Июнь 1775]

Я приметила, что Матушка Ваша очень нарядна сегодня, а часов нету. Отдайте ей от меня сии.

332. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 4 июля 1775]

Княгиня Голицына просит за 150 душ 36 000 да 30 000 взаймы на десять лет – итого 66 000. Сумма сия немалая и кондиции не суще умерены и цена деревень тем несумненно увеличится.

36 тысяч, буде необходимость, дать велю, а взаймы на десять [лет] – 30 000 – несходственно с банковым учреждением, думаю отказать. А как орденские [суммы] отдадите в банк, то приказать можно, чтоб 10 000 ей же Княг[ине] дали на семь лет.

333. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 июля 1775]

Avés Vous envoyé du vin aux deux régiments qui ont exercé devant moi? Et avés Vous reçu la liste des gens employés au feu d'artifice de la paix? Pardon, si je Vous importune, mon coeur, mais je souhaiterais que l'un et l'autre fut fait parceque je crains que des misères comme cela ne s'oublié et cependant cela fait plaisir au gens, et avec les artificiers cela s'est toujour pratiqué.

Послали ли вы вино тем двум полкам, что экзерцировали передо мною? И получили ли вы список лиц, кои заняты устройством фейерверка по случаю мира? Простите, что я надоедаю вам, сердце мое, но я желала бы, чтобы и то, и другое было сделано, так как я опасаюсь, чтобы эти мелочи не были забыты. Это доставляет удовольствие людям, а для тех, что устраивают фейерверк, это всегда делалось (*фр.*).

334. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 8 июля 1775]

Батинька, по спискам Бибикова нельзя Фельдм[аршалу] остаться в том доме[1]. Я приказала Гофмарш[алу] сыскать другой, и кой час сыщет, то пошлю сказать. Григо[рий] Ни[китич] говорит, что Дармштадский где жил поедет осмотрит[2]. Прощай, душа.

335. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 8 июля 1775]

J'ai oublié de Vous dire que cela est fort indifférent que le Maréchal passe de jour ou de nuit par les porte triomphales faites pour lui sur le chemin; parce qu'elles sont fort bien de jour aussi.

Я забыла сказать вам, что совершенно безразлично, проедет ли фельдмаршал днем или ночью через триумфальные ворота, устроенные для него на дороге, потому что они очень хороши также и днем (*фр.*).

336. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 10 июля 1775]

1. Повестить Гр[афу] Румянцеву, Князю Долгорукову, Графу Орлову и Гр[афу] Панину, чтоб прислали имян тех, кои достойны по службе прошедшей войны к награждению, а еще не награждены.

2. Подать список тех, кои желают ко двору.

3. Сказать Князю Вяземскому, чтоб Сенат подал о тех, кои десять лет и выше в одних чинах и ревностно исполняют службу, или о таких, кои пресекли непорядки в своих департаментах или подали способы к поправлению той или другой части управления.

337. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 10 июля 1775]

Батинька, не луче ли будет, как Каменскому по штатутам надлежит Георгий второго класса, дать ему при том шпагу, нежели двух лент вдруг[1]. Но буде найдешь двух лент складнее, ни словечушка не молвлю.

338. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[10 июля 1775. Москва]

Матушке твоей во утешение объяви фрейл[ин]ами, сколько хочешь из своих племянниц.

339. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 июля 1775]

Mon Ami, faut il donner toujours au Maréchal le titre Задунайский*?

---

* Мой друг, нужно ли всегда давать фельдмаршалу титул Задунайский (*фр.*)?

340. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 июля 1775]

Жетоны и медали, кои солдатам раздать, пожалуй, прикажи скорее раздать, слышишь, голубчик.

341. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 26 июля 1775]

Милуша, Завадовский[1], чаю, тебе сказал, что я велела об деле Сапожевском[2]. Ответствовать же на ласку досель не могла, ибо был у меня В[еликий] К[нязь], а теперь знай, что ты милая душа и я тебя люблю, как душу.

342. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1 августа 1775]

Деньги четыре тысячи привезли для трех полков, и я приказала тебе сказать, чтоб изволил взять на каждый, сколько надобно, а ты ответ прислал, что не знаешь и не помнишь. Я также не знаю, как фрунт проеду. Остановиться ли, дабы мимо прошли нас или нет?

Прошу о сем ясно сказать, как луче, а отнюдь не ответствовать, "как благоугодно Вам"[1], ибо я ищу ясности и лучей, дабы опять не было от недогадки моей, как у Троицы, что ход с крестами очутился позади кареты оттого, что не знала, что он у приходской церкви, а его позади народа не видно было. Просим о сих наших докладах не гневаться, а ответствовать без гнева, ибо и мы негневны, а только голову ломаем о сотворении Креста Господня.

При самом возхожденьи солнца из недр сна.

343. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 1 августа 1775]

1. Спросите у Князя Долгорукова[1], буде бы кто в доме его, не спросясь у него, стал жить, что бы он зделал?

2. Буде бы кто, живя в его доме без его дозволения и согласия, от него за кустами прятался, где б его увидел издали, что бы он зделал?

3. Буде бы кто, жив в его доме, без его дозволения и согласия, в оном повелевал и распоряжал, ездил бы на его лошадях, с его собаками, посылал бы к его людям приказания и не уважал бы ни его, ни ему принадлежащего, что бы он зделал?

4. Буде бы тот человек, видя, что хозяину его поступки неприятны, на того бы не смотрел и не унимался, что бы он зделал?

5. Буде хозяин, избавясь подобного сокровища из дома, впредь не пустил в дом, а тот бы его назвал несправедливым, что бы он зделал?

Получая его ответ, решу его судьбину.

344. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[2 августа 1775]

Кукла, или ты спесив, или ты сердит, что ни строки не вижу. Добро, душенька, накажу тебя, расцалую ужо. Мне кажется, ты отвык от меня. Целые сутки почти что не видала тебя, а все Щербачев и другие шушеры, что пальца моего не стоят и тебя столько не любят, те допускаются до вашего лицезрения, а меня оттерли. Добро, я пойду в Général des Jamchiks* возле вас, то получу вход к Высокопревосходительному.

345. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[4 августа 1775]

Душенька, я теперь только встала и думаю, что не успею к тебе прийти, и для того пишу. Я спала от второго часа и до сего часа очень хорошо. Ужо часу в двенадцатом поеду прокатывать невестку, а он поедет верхом. Погода райская, и оне вчерась уже о сем говорили мне. И хотя дико покажется, что она выедет сегодня, нашим баринам, но я сие на себя беру. Скажу, что я ее вывезла. Кукла милая, я тебя люблю чрезвычайно. Прости.

346. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 6 августа 1775]

Запрещение о привозе вина из-за границы зделан в рассуждении таком, чтоб уменьшить выход из государства монеты. Ибо вино есть продукт второй нужды, и как сие правило есть общее, которое простирается на все границы, то отмена его в одной части будет отзываться и в других. И понеже правило таковое есть полезно, то без необходимости нарушить ее не должно, ибо весь тариф опрокинет.

347. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 16 августа 1775]

В Петербурхе великое было наводнение, чего видя, Фельд[маршал] Кн[язь] Голицын тотчас приказал зделать фонтаны таковые, кои, вытянув воду с улицы, кидали ее в облака. И теперь, буде ветр облака не разнесет, ожидать надлежит великие дожди.

348. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[18 августа 1775]

Долго, голубчик, тебе со мною обходиться так недружественно. Ко мне В[еликий] К[нязь] приходил спросить, как поеду? Я сказала – обедать в Коломенском. Он сказал, что полкам велено быть готово по утру. Я осталась в дурах, ибо не знаю того, чего мне надлежит приказать и от меня требовать: время и час.

---

* в ямщицкие генералы (*фр*.).

349. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 25 августа 1775]

Очень хорошо. Только Великим Князьям не надобно сказать, что будет, а то вздумают, что будет комедия, которая ныне у них представляется под неприятным видом. Сему причиною Маркети[1] и его кривлянии, а повезу их с собою, будто гулять, буде день будет хорош.

350. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 августа 1775]

Батинька, сударушка. Был у меня В[еликий] К[нязь] и спросил меня с большими околичностями и несмелостию, будет ли чего завтра? И что им хочется спектакель. Я на то ему сказала, что может быть, буде поспеет, то в лесу будет "Аннетта и Любин", но чтоб жене не открыл. А буде не поспеет, то в Коломенском играть велю комедию, с чем пошел весьма доволен и благодарил.

Ainsi, mon Ami, si l'opéra comique ne peut avoir lieu dans le bois, ordonnés la Comédie à Kolomensky*. Милой друг, душа безпримерная.

351. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 сентября 1775]

Я, соизволяя на Ваше прошение, наполненное благодарностию и признанием к Г[оспо]дину Загряжскому (и холодностью ко мне, хем-хем), дозволяю ему пасть ко священным моим стопам, когда и где угодно Вам будет[1]. И сверх того разрешаю Вам употребить слово "Вы" во все утро заочно, сколько изволишь, лишь бы я его не слыхала ни письменно, ни словесно. О, холодно, холодно! Знатно, окошки где открыты. Так и несет ветер буйный, звонится знатно пред Г[оспо]дином Загряжским. Посылаю по обрядного.

352. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 7 октября 1775]

Чтоб со славою поправить усердный, но неосторожный и хлопотливый поступок Де Медема, надлежит возвратить ключи Дербента и восстановить Фет-Али хана.

353. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 27 октября 1775]

Прочитав допрос маиора Лаврова и сличая оный с письмом Ген[ерал]-Пор[учика] Кн[язя] Голицына, нахожу я тут разонствующие обстоятельства. Признаюсь, что вина Лаврова уменьшается в моих глазах, ибо Лавров,

---

* Таким образом, друг мой, если комическая опера не может быть в лесу, прикажите поставить комедию в Коломенском (*фр*.).

пришед в дом Князя Голицына с тем, чтоб требовать за старую обиду, офицерской чести противную, сатисфакцию, не изъясняя, однако, какую, и быв отозван в другую комнату, получил от Князя отпирательства, слова и побои горше прежних вместо удовольствия и удовлетворения. Был посажен в погреб, потом в избу и, наконец, в полицию, где и теперь под строгим арестом.

Я чаю, у нас нету места, которое о сем деле судить может с основанием, ибо в сем деле служба и честь смешаны и легко потерпеть могут. Для такого рода дел во Франции и только в одной Франции, помнится, установлено – Jugement des Maréchaux de France*.

Я б сердечно знать желала о сем мнение Фельдм[аршала] Гр[афа] Румянцева, как сие дело кончить с честию. Пришло на ум, отдать на суд кавалерам Свя[того] Георгия с таким предписанием, чтоб честь, служба и законы равно сохраняемы были, а презусом посадить Каменского Ген[ерал]-Пор[учика]. Но незрела мысль еще.

354. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Начало ноября 1775]

Матушка, ежели уже Великая Княгиня знает, что Принц Де Пон умер, не изволишь ли послать хотя за Николаем Ивановичем, чтоб через него сказать ей Ваше сожаление.

Рукой Екатерины II: *Я Великому Князю поручила то делать, а сама пойду ужо, ибо сказала, что не очень здорова.*

355. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 7 ноября 1775]

Просим и молим при каждой статье поставить крестик таковой +, и сие значить будет апробацию Вашу. Выключение же статьи просим означивать тако #. Переменение же статьи просим прописать точно.

356. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 7 ноября 1775]

Присланных бумаг: первой – план генеральный[1] и все к тому принадлежащее – я читала с большим удовольствием и нашла, что все то с полной головой и глубоким размышлением составлено, за что тебе премного спасибо. И во оном вижу везде пылающее усердие и обширный твой смысл. Вторые бумаги, касательно губерний[2], я тоже читала и об оном приказала с тобою объясниться, ибо число жителей по уездам некоторым вышло из прилагаемой препорции. Луче оные, то есть уезды, умножить.

* суд маршалов Франции (*фр.*).

357. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 13 ноября 1775]

Батинька, три раза старалась я приходить к тебе, но всякий раз я нашла лакей и истопники. И так, посылаю Попову[1], чтоб узнать, каков ты.

358. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 декабря 1775]

Пожалуй, батинька, не упомяни уже более ни о чем. Я твоей ласкою чрезвычайно довольна. И она, конечно, мое есть утешение. И так, je Vous prie d'agir comme si de rien n'étoit*, и все пройдет, и моя бездонная чувствительность сама собою уймется и останется одна чистая любовь[1].

Разсуди, пожалуй, какую плутню учинил Матонис[2]. Кому верить после того из тех людей.

359. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец 1775]

Пошли спросить у Адмирала Спиридова, много ли албанцы во флоте получали, как жалование, так и провиант, дабы узнать можно, сколько на 250 человек на месяц нужно и того и другого. А по тому на первый случай и распоряжения зделаем. Буде же теперь в Керчи и Ениколе тесно и албанцев будет более, то, кажется, луче на первое время их поместить по городам Азовской губернии, по городам и крепостям, а тамо помаленьку можете их позавоживать в Керчь и Ениколе, а то боюсь, чтоб зимою не вытерпели великую нужду. Пожалуй, позабочива[йт]есь об них.

ПИСЬМА И ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А. ПОТЕМКИНУ 1775

360.

Нимало не сумневаясь, ответствую многократным признанием.

361.

Уверена о всем, что пишешь. С благодарностию непременною чувствительно принимаю прекрасный дар, а наипаче сентименты, начертанные Вашей верной рукой.

362.

Кукла, я с концерта, на котором Вы из памяти не выходили, пришла. Могу ли прийти к Вам или нету, не знаю. Или изволишь ли ко мне пожаловать?

---

* я обещаю вам поступать так, словно ничего не было (*фр.*).

363.

Pourrai-je savoir ce que c'est que la nouvelle folie que Vous avés imaginée*?

364.

По причине дальности и дурной погоды желаю, чтоб не утрудились.

365.

Воля Ваша, я безтолкова. Я вижу, что это перо племянницы Вашей[1], mais que voulés Vous que j'en fasse; à moins de la presenter au Perroquet**.

366.

Батинька, за картину тебя благодарю, а Виц-губернатор зделан будет.

367.

Киргизские ханы жалованье получают, помнится, по триста рублей. И так, жалованье уровнять, чаю, можно, чтоб зависти не было между тамошними народами. Это сумма весьма великая.

368.

Присланные письмы чрез вручителя сего получила и на оные ответствовать себе предоставляю в городе. Кланяюсь обоим – и писателю и приписателю и желаю им здравствовать и веселиться.

369.

Si Votre Compagnie Vous amuse, j'en suis bien aise, mais il ne faut pas oublier Vos Amis pour cela. Souvenés Vous que la fierté n'est pas une vertu, pourrai-je avoir l'honneur de Vous voir, Monseigneur?

Если ваша компания развлекает вас, я весьма тому рада. Но из-за этого не надо забывать ваших друзей. Помните, что гордость не есть достоинство. Могу ли я иметь честь видеть вас, милостивый государь (*фр.*)?

370.

Ну, батинька, ждала я до двенадцати часов, думала, что пришлешь по причине вчерашней моей боли спросить, какова я. Но вижу, что моя ожиданья тщетна, хотя знаю, что сие отнюдь не от того, что я не в памяти Вашей. Однако, как Вы делами упражнены, а я уже отделалась, то сие пишу к Вам, дабы узнать, живы ли Вы. А я жива.

371.

Боже мой, увижу ли я тебя сегодни? Как пусто, какая скука. Я политическое ваше собранье желаю быть везде, где хотят, а мне бы быть с тобою.

---

* Могу ли я узнать, что за новая глупость взбрела вам на ум (*фр.*).

** но что вы хотите, чтоб я сделала с этим пером. Разве что подарить его Попугаю (*фр.*).

372.

Недоразумение мое – в щете и весе ошибаться легко. Прошу сказать Князю Вяземскому о договоренной цене, о пошлине и о сроках платежа, а он, Князь Вяземский, так изготовит указы.

373.

Хорошо, пусть сей раз их отпустят без пошлин, но с таким объявлением для избежания ежегодных о сем от них докук, что вперед они должны платить пошлины, а Вице-канцлеру сказать надлежит, чтоб никому в свете пашпорты не были даны в противность моих учреждений.

374.

Qu'est ce que Vous pensés est-il nécessaire et mênıe bienséant de faire repartoire cet enfantillage? Cela s'appelle faire respecter ses caprices, à ce qu'il me paroit.

Как вы думаете: нужнее ли и приличнее исправить это ребячество? Это, по-моему, называется – заставлять уважать свои капризы (*фр.*).

375.

При сем посылаю известные ружья. Я весьма поздо встала да и захлопоталась по причине езды сегодняшней. Прощай, голубчик.

376.

О артиллерии, понеже деньги Вам нужны, приказáла сего утрá Князю Вяземскому, и он с Вами о сем говорить будет.

377.

Voyés mon Ami, puisque Vous m'avés parlé de récompenser la bonne conduite, si cette montre peut servir à cet usage.

Взгляните, друг мой, после того, как вы мне сказали наградить доброе правление, могут ли эти часы служить для этой цели (*фр.*).

378.

Унимай свой гнев, Божок. Вздор несешь. Не бывать ни в Сечи, ни в монастыре.

379.

L'humeur et l'impatience nuisent à la santé tout ce que l'on fait avec humeur et impatience est mal fait et maussade quand on se laisse aller à l'humeur on prend par dépis et par déraison toujours le plus mauvais parti. Voilà ce que je viens de lire dans un livre. Si Vous trouvés que mon livre a raison, venés chez moi.

Дурное настроение и нетерпение вредят здоровью. Все, что делается со злобой и нетерпением, сделано плохо и гнусно. Когда поддаются дурному настроению, то из досады и по недомыслию всегда принимают самое дурное решение. Вот, что я прочла в одной книге. Если вы находите, что моя книга права, приходите ко мне (*фр.*).

380.

Сие письмо сходственно тому, чего я всегда тебе говорила. Доброй ночь, ложусь спать, голубчик.

381.

Mon Ami, comme je ne sais pas qui Vous avés invité, je ne sais pas non plus qui prendre avec moi.

Друг мой, так как я не знаю, кого вы пригласили, то я тем паче не знаю, кого взять с собой (*фр.*).

382.

Я, голубинька, об Виличе и не слыхала, а сказывал Черны[шев], что просит о какой-то деревне родовой дяди своего Кн[язь] Чарторижский. На что я ответствовала, что буде пришлет, что дядя ему дает, то отдадим. Об Виличе велю выправиться. А ты сударка милая.

383.

Голубчик, естьли слезок нет, не изволь морщиться над пряжками, а носи их на здоровье. Прощай, милюшка, я радуюсь, что ты весел.

384.

J'ai choisi pour lui une bret[elle] de 1 800 rs., si Vous ne me conseillés autrement.

Я выбрала для него перевязь в 1800 рублей, если вы не посоветуете мне чего-либо другого (*фр.*).

385.

Запиши имянной указ об уничтожении суда. Но причины надо прописать и чтоб отнюдь не упомянуто было, что сие делается по чьей прозьбе, а прописать можно для наступающих праздников. Здравствуй, милой друг.

386.

У меня так сильно голова болит, что я теперь ни о каких делах рассудить не могу. И так, голубчик, вперед о татар поговорим.

387.

Pour couper court à ce dont Vous m'avés parlé, faites lui dire que j'ai répendu moi [même]*: что унтер-офицеры гвардии инако не выпускаются (окроме наказаний), как в напольные офицеры.

388.

Совет просит почту и курьера Репнина прочесть.

---

* Чтобы покончить с тем, о чем вы со мной говорили, передайте ему, что я сама ответила (*фр.*).

389.

Слишком год, как проект таковой Банка, зделанный Сен-Полем, готовый лежит. Я ныне его возьму паки в разсмотренье. Быть может, что тем курс установится.

390.

Ныне вить не апрель первое число, что прислать бумагу и в ней написать ничего. Знатно сие есть следствие Вашего сновидения, чтоб лишней ласкою не избаловать. Но как я лукавству худо выучилась, то статься может, что иногда и я не догадываюсь, что безмолствие значит. Но, как бы то ни было, как я ласкова, то от Вас зависит платить нас неравной монетою.

Гяур, Москов, козак яицкий, Пугачев, индейский петух, павлин, кот заморский, фазан золотой, тигр, лев в тростнике.

391.

Что-то написано было на сем листе. Уж верно брань, ибо превосходительство Ваше передо мною вчерась в том состояло, что Вы были надуты посереди сердца, а я с сокрушенным сердцем была ласкова и искала с фонарем любви Вашей утомленную ласку, но до самого вечера оная обретать не была в силе.

Что же зделалось? О, Боже! лукавство мое поправило то, что чистосердечие испортило. Брань родилась третьего дни оттого, что я чистосердечно искала дружески и без хитрости лукавства и приуготовления – изъясниться с Вами о таких мыслях, кои нельзя было думать, чтоб кому ни на есть могли быть предосудительны, но напротив того, они еще были в собственную Вашу пользу. Вчерась же вечеру я поступала с лукавством нарошно. Признаюсь, нарошно не посылала к Вам до девяти часов, чтоб видеть, приидешь ли ко мне, а как увидела, что не идешь, то послала наведаться о твоем здоровье. Ты пришел и пришел раздут. Я притворялась, будто то не вижу. И, норовнее во всем тебя, довела сердце и дуванье до упадка и видела с удовольствием, что ты сим уже от нее рад был отделаться. Ты скажешь, что просил у меня ласковое письмо и что я вместо того делаю рекапитуляцию брани. Но погоди маленько, дай перекипеть оскорбленному сердцу. Ласка сама придет везде тут, где ты сам ласке место дашь. Она у меня суетлива, она везде суется, где ее не толкают вон. Да и когда толкаешь ее, и тогда она вертится около тебя, как бес, чтоб найти место, где ей занять пост. Когда ласка видит, что с чистосердечием пройти не может, тот час она облечет ризы лукавства. Видишь, как ласка хитра. Она всех видов с радостию приимет, лишь бы дойти до тебя. Ты ее ударишь кулаком, она отпрыгнет с того места и тот же час перейдет занимать способнейшее по ситуации, дабы стать ближе не к неприятелю, но к ее другу сердечному. Кто же он? Его зовут Гришенька. Она преодолевает его гнев. Она ему прощает неправильное коверканье ее слов. Она крутым его речам присваивает смысл уменьшительный, спыльчивые пропускает мимо ушей, обидные не принимает на сердце или старается позабыть. Одним словом, ласка наша есть наичистосердечнейшая любовь и любовь чрезвычайная. Но сердись, буде можешь, и отвадь нас, буде способ сыщешь, быть чистосердечной. Великий найдешь барыш. Раздумайся, раздуйся, но, пожалуй, хотя мало, соответствуй, и оба будем довольны.

392.

Ласковое Ваше письмо с сумазбродным предложением я получила, и понеже я в полном уме и в совершенной памяти, я оное кину в печь, как лишнюю и недельную бумажку. Я сие принимаю без сердца, ибо мысли мои незлобны и я могу человека не хотеть в том или другом месте, думая, что он годен и способен в других. А об прочих, кажется, нигде и упомянуто не было. Вы были в намерении браниться. Прошу повестить, когда охота пройдет.

393.

Душенька, я взяла веревочку и с камнем, да навязала их на шею всем ссорам, да погрузила их в прорубь. Не прогневайся, душенька, что я так учинила. А буде понравится, изволь перенять. Здравствуй, миленький, без ссор, спор и раздор.

394.

Хотя мои цыдулки у тебя наровне трактованы с дражайшими письмами умной твоей кузины, но однако я не могу тебе не сказать в ответ на твою записку (*следует строка условных знаков наподобие арабской вязи*), то есть – я тебя чрезвычайно люблю, в знак чего посылаю к тебе гостинца, то есть твой зубочист, который у меня квартирует. Adieu, mon coeur*.

395.

Голубчик, возвращая к Вам письмо Господина Браницкого, прилагаю цыдулу к Маврину[1], которой ортографию прошу поправить. Сей человек усерден и со здравым рассудком: он об заводских крестьян что говорит, то все весьма основательно, и думаю, что с сими иного делать нечего, как купить заводы и, когда будут казенные, тогда мужиков облехчить.

За ласку тебе спасиба, я сама ласкова же. Adieu, mon bijou, je Vous aime de tout mon coeur**.

396.

И ведомо пора жить душу в душу. Не мучь меня несносным обхождением, не увидишь холодность. Платить же ласкою за грубости не буду. Откровенно быть я люблю и в сем нету затруднений в душе моей. Что ты болен, голубчик, о том жалею. Calmés Votre esprit, il lui faut du repos. Au reste Vous devés Vous en fier à la bonté de mon coeur, qui n'aime point à voir ou à faire souffrir; j'aimerais bien à trouver la même disposition dans les autres hommes vis à vis de moi***.

---

* Прощайте, сердце мое (*фр.*).

** Прощайте, мое сокровище, я люблю вас всем сердцем (*фр.*).

*** Успокойте Ваш дух, ему нужно отдохнуть. В остальном же вы должны довериться доброте моего сердца, которое не любит видеть или причинять страдание. Мне хотелось бы найти такое же расположение в других по отношению ко мне (*фр.*).

397.

Хотя Вы мне сказали, что Вы ко мне неласковы, и я довольна, потому причину имела не быть к Вам ласкова и Вам то сказать, естьли б сие сходствовало с моими мыслями. Но как во мне ни единой неласковой нитки нету, то Вам в соответствие солгать не намерена для того, что подло для меня говорить то, чего с чувствием не сходствует, гяур!

398.

Я буду весела, душа милая. Ей Богу! Я столь разтронута любовью твоей и твоим сожалением, что я б желала сыскать способ, чтоб ты позабыл прошедшего дня и все, что произходило, и чтоб более о том уже между нами упомянуто не было. Сударушка моя, сердечушко безценное.

399.

Нежное твое со мною обхождение везде блистает и колобродство твоих толков всегда одинакое тогда, когда менее всего ожидаешь. Тогда гора валится. Теперь, когда всякое слово беда, изволь сличить свои слова и поведение, когда говоришь, чтоб жить душу в душу и не иметь тайных мыслей. Сумазброда тебя милее нету, как безпокойство твое собственное и мое, а спокойствие есть для тебя чрезвычайное и несносное положение. Благодарность, которою я тебе обязана, не исчезла, ибо не проходило, чаю, время, в которое бы ты не получал о том знаки. Но притом и то правда, что дал мне способы царствовать, отнимаешь сил души моей, разтерзая ее непрестанно новыми и несносными человечеству выдумками. Сладкая позиция, за которую прошу объяснить: надлежит ли же благодарить или нет. Я думала всегда, что здоровье и покойные дни во что-нибудь же в свете почитают? Я бы знать хотела, где и то, и другое с тобою быть может?

400.

Вы и вам дурак, ей Богу ничего не прикажу, ибо я холодность таковую не заслуживаю, а приписую ее моей злодейке проклятой хандре. Vous affichés il me semble cette froideur, sachés que cette affiche tout comme cette froideur sont deux bêtes ensemble*. Однако же, естьли это affiche только для того, чтобы я сказала, чего ни на есть ласкового, то знай, что это труд пустой, ибо я божилась, что окроме одной ласки я ласкою платить не буду. Я хочу ласки, да и ласки нежной, самой лучей. А холодность глупая с глупой хандрой вместе не произведут, кроме гнева и досады. Дорого тебе стоило знатно молвить или "душенька" или "голубушка". Неужто сердце твое молчит? Мое сердце, право, не молчит.

401.

...по сту и по полторы давала. Теперь изволь щитать: хотя бы по двухсот тысяч в год прибыло, чтобы в десять лет вышло два миллиона, но и сего быть не может, ибо двести – один год только даны откупщикам целой кампании. Погодно

---

* Мне кажется, вы выставляете на вид эту холодность. Знайте, что это выставление на вид так же, как и эта холодность, – две глупости разом (*фр.*).

на персону пятьдесят тысяч не может приходить. И так, естьли б и тут что в кампании даст пользу сущую, то, по крайней мере, барыш есть выдумленный, чего и подписую.

Екатерина

402.

Из криминального дела, по которому с преступника снято дворянство по моей конфирмации, вышло, что бездельники выманили на Тамбовский и Ширванский полк из комиссариата медали и ленты. Потом медали перелили в слитки, ленты сожгли. Мне кажется, что подобное случиться не могло, буде в полках медали инако не раздавались, как с генеральским аттестатом в комиссариат.

403.

В мастерской есть штатский советник Леонтий Исаков[1]. Сей написан в произвождении с десятилетними, но, как я не знаю, дано ли ему сие место вместо отставки, то прошу мне о сем дать знать, ибо таковых я в произвождении не написала, а буде хочешь, произведен будет.

404.

Что касается до Ащерина[1], чтоб его определить в отставной лейб-гвардии баталион, то, чаю, сие невозможно, ибо когда зделана в Муроме инвалидная гвардейская рота, тогда положено Московской баталион дать исчезать, и для того уже давным-давно в сей баталион не определяют никого, и думаю, что уже весьма мало. А в команде он Князя Волконского. И так, желаю знать, куда Ащерина девать.

405.

Брат брату зделал полный экипаж. Одел его от головы до ног. Тоже и людей. Заплатил сим полугодишное жалование вперед. Да сверх того деньгами чистыми дал ему две тысячи рублей, да ныне чрез комиссариат переслал тысячу рублей. А всего обошлось около шести тысячей, о чем щеты явствуют и налицо хранятся, не считая того, что здесь за него заплатил. Вот те самые верные и чистые известия.

406. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[1775]

Ея Императорскому Величеству.

Всенижайшее прошение.

Припадая к стопам Вашим, прошу меня уволить сегодня обедать к Лазоревичу.

Раб Вашего Величества

Г.П.

Рукой Екатерины II: *Увольняю с таким всемил*[*остивейшим*] *подтверждением, чтоб ни обжор*[*ства*], *ни пья*[*нства*] *не было, а за тем болезнь не воспоследовала.*

1776

407. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1 января 1776]

Батинька, сударушка, ласковое твое письмо о новом лете[1] не инако мною принято, как с тем нежным чувствием, с которым принимаю все то, что от тебя приходит. Дай Бог и тебе все то, что только желать можешь. Люблю тебя сердечно и буде ты мне друг, то знай, что, конечно, и я вернейший, которого имеешь. Я твоих прозьб исполняю, прошу тебя и моих не предать забвению. Прощай, душа милая, я сей час позову Морсошникова[2] и велю, чтоб он хранил на мой кошт Гра[финю] Воронцову[3].

408. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1 января 1776]

Я Ан[ну] Кар[ловну] хранить приказала, но и то правда, что братец ее довольно богат[1], чтоб сей долг ее мог на себя взять.

409. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Начало января 1776]

Батинька, здравствуй. Бориско[1] приехал и с деньгами. Тринадцатый день, как из Москвы. И целую гисторию сложил. Я думаю, что он играл, их проиграл, а как отыгрался, то прискакал. А говорит, будто воры его разбили и лошади и будто воров отдал в Новгород.

410. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Начало января 1776]

Выдумка и поклеп Ив[ана] Черны[шева] о Загряж[ском].

411. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 25 января 1776]

Генерал-Порутчик Суворов просит в отпуск на год. По сему и не остается в дивизии Петербургской ни одного Генерал-Порутчика. Я б желал Господина Кашкина, но на сие нужна Ваша воля. Ежели позволите, то Коллегия его определит.

Рукой Екатерины II: *Определите Кашкина*[1].

412. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 31 января 1776]

Петровна на свой щет ставит. Мы ее сватаем. Сметь ли благодарить Перюша. Отнюдь казалась не дика.

413. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[31 января 1776]

Сей день тезоименитая Евдокея многия лета пользовалась щедротами царскими. Но бык прервал сию струю милостей. Она не меньше, как Ио, сокрушалась, лишь только не бегала по свету столько и не была как та превращена в корову. Рада же теперь сесть хоть на козла, лишь бы только приобресть то право, что потеряла. Аминь.

Рукой Екатерины II: *Mon Ami, quand je donne une fois suis-je obligée [de] donner toujours? Cette fois je don nerai, mais pour Vous faire plaisir, mais je ne veut pas qu'elle me fasse un devoir de donner**.

414. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 февраля 1776]

Будте изволишь, подпишу сей, а буде изволишь, то и одно только дозволенье для тысячи лошадей. Естьли сей подпишу, некоторое будет несходство с ответом, данным две недели назад Цесарскому поверенному в делах, ибо тут отговорились недостатком, мором и запрещением, и в согласие сего ответа луче будет выпустить закупленные тысячи лошадей до запрещения. Все же и цесарцам не хочется вспомоществовать противу Абдула-Гамеда Хан Оглу Хан Ахмета. Покорнейшая услужница. Кто умнее, тому и книги в руки. Изволь избрать сходственнейшее с обстоятельствами, и по решению Вашему положу знамение моего имяни.

415. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[20 февраля 1776]

Сухое Ваше письмо я получила и при оном Ваш доклад. Теперь у меня правилы читают, и я с Вами о докладе изъяснюсь, когда зделаете мне честь ко мне прийти.

---

* Друг мой, когда я даю раз, обязана ли я давать всегда? Этот раз я дам, но чтобы доставить вам удовольствие. Но я не хочу, чтобы давать стало моей обязанностью (*фр.*).

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

февраль – март 1776

416.

Благодарность и чувствование соединились во мне, получа, батинька, письмо твое и прекрасный подарок. Прошу быть уверен, что моя к тебе искренная дружба и чистосердечная привязанность никогда непременно во мне пребудет. Будь сам здоров и весел, умножишь тем самым мое удовольствие. Прощай, любезный питомец, желаю тебе добрая ночь. Теперь ложусь спать.

417.

Что моя голова дурна, кружится и слаба, сие непритворно[1]. Я не зла и на тебя не сердита. Обхождения твои со мною в твоей воле. Мучить тебя я не намерена. Напрасно беспокои[шь]ся. Я желаю тебя видеть спокойным и сама быть в равном положении. Друг мой сердечный, истину говорю, приклони слух твой к правде. Некому тебе говорить ея, окроме меня самое.

418.

Подобного ответа на простое предложение о моем желании видеть – нарисовано то, чего меня фрапировало*. Я не ожидала и теперь не знаю, в чем мое любопытство тебе оскорбительно. Еще менее ведаю, кто тебя шиканирует**.

419.

Весьма резонабельное твое письмо я получила[1] сей час и на оное буду ответствовать подробно, чего бы теперь учинила, буде бы не время было выйти. Будь спокоен и надежен, что я тебе отнюдь не враг.

420.

Верности первейший знак есть покорность. Неблагодарность оказать я непривычна. Жизнь Ваша мне драгоценна и для того отдалить Вас не желаю.

421.

Прочитав, душатка, твои письмы, нетрудно решиться: останься со мною. Политичные же твои предложения все весьма разумные.

422.

Больного совестно будить; мне, батинька, Шт[акельберг][1] сказывал, что спишь. Теперь посылаю сие, чтоб узнать, каков ты? Я велела, чтоб от себя написал инструкцию, и чаю, дело так и пройдет[2]. Душа, я все делаю для тебя, хотя б малехонько ты б меня encourageировал*** ласковым и спокойным поведе-

---

* от frapper (*фр.*) – ранить.

** шиканировать – притеснять, вредить (см. Даль).

*** от encourager (*фр.*) – ободрить.

нием. Je ne suis jamais mieux que quand les mouvemens de mon bon coeur ne sont pas gênés*. Сударка, м[уж] любезный.

423.

Батинька бесценный, скажи Штакельбергу, чтоб пришел завтра в десять часов. Теперь у меня мысли весьма устали и притом занята размышленьем о турецком разрушении мирного трактата отказом двух важных артикулов[1]. И сие бродит в голове, а завтра со всяким прилежанием войду в твои дела, кои всегда охотно зделаю, душа милая.

424.

Штакельберг прийти может; хотя теперь голова болит, да немного. Думаю вытти, друг сердечный.

425.

A Vous entendre parler quelquefois l'on dirait que je suis un monstre qui a tout les défauts et surtout celui d'être une bête. Je suis d'une dissimulation horrible, si je suis affligée, si je pleure, ce n'est point par sensibilité, mais par toute autre raison que celle-là, et par conséquent il faut mépriser cela et me traiter de haut en bas, moyen fort tendre qui ne saurait que réussir sur mon esprit. Cependant cet esprit tout méchant, tout horrible qu'il est ne connaît point d'autre moyen d'aimer qu'en rendant heureux ce qu'il aime et par cette raison il lui est impossible d'être brouillé un moment avec ce qu'il aime sans en être au désespoir, il lui est encore plus impossible d'être continuellement occupé à reprocher tous les moments du jour ceci ou cela à ce qu'il aime; au contraire mon esprit est occupé à trouver des vertus, des mérites à ce qu'il aime. J'aime à voir en Vous toutes les merveilles. Dites moi un peu, comment series Vous, si continuellement je Vous reprochois les défauts de toutes Vos connaissances, de tous ceux que Vous estimés ou employés le plus, que je Vous rendisse responsable des bêtises qu'ils font, seriés Vous patient ou impatient? Si, Vous voyant impatient je me fâchais, me levais, m'enfuyais en jetant les portes derrière moi, qu'après cela je Vous battais froid, ne Vous regardois [pas] et même que j'affectois d'être plus froide qu'en effet je ne me trouvais; qu'à cela j'ajoutois des menaces. Décidés cela que je me donnais des airs avec Vous; enfin si après cela Vous aviés la tête aussi échauffée et sang bouillant, seroit-il fort étonnant si tous les deux n'avoitent pas le sens commun, qu'ils ne s'entendissent pas ou qu'ils parlassent tous les deux à la fois **.

---

* Я никогда себя так хорошо не чувствую, как в тех случаях, когда движения моего доброго сердца не стеснены (*фр.*).

** Иногда, слушая вас, можно сказать, что я чудовище, имеющее все недостатки и в особенности же – глупость. Я ужасно скрытная. И если я огорчена, если я плачу, то это не от чувствительности, но совсем по иной причине. Следовательно, нужно презирать это и относиться ко мне свысока. Прием весьма нежный, который не может не воздействовать на мой ум. Все же этот ум, как бы зол и ужасен он ни был, не знает других способов любить, как делая счастливыми тех, кого он любит. И по этой причине для него невозможно быть, хоть на минуту, в ссоре с теми, кого он любит, не приходя в отчаяние. И тем более невозможно ему быть постоянно занятым упреками, направленными то на одно, то на другое, каждую минуту дня. Мой ум, наоборот, постоянно занят выискиванием в тех, кого он любит, добродетелей и заслуг. Я люблю видеть в вас все чудесное. Скажите на милость, как бы вы выглядели, если бы я постоянно упрекала вас за все недостатки

Христа ради выискивай способ, чтоб мы никогда не ссорились. А ссоры – всегда от постороннего вздора. Мы ссоримся о власти, а не о любви. Вот те истина. Я знаю, что скажешь. И так не трудись выговорить. Право, безответно оставлю, ибо с моей стороны я, конечно, намеренье взяла не горячиться. Voulés Vous me rendre heureuse, parlés moi de Vous, je ne me facheré jamais*.

426.

Mon Ami, Vous êtes fâché, Vous me boudés, Vous dites que Vous êtes affligé, et de quoi? De ce que je Vous ai écrit une lettre ce matin qui n'a pas le sens commun, Vous m'avés rendu cette lettre, je l'ai déchirée devant Vous et l'ai brûlée un moment après. Quelle satisfaction pouvés-Vous désirér encore? L'Eglise même, quand un hérétique est brûlé, ne prétend rien de plus. Mon billet est brûlé, Vous ne voudrés pas me brûler aussi, mais, si Vous continués à me bouder, Vous détruisée toute ma gayeté pour le tems que cela durera. Paix, mon Ami. Je Vous tends la main, la voulés Vous?

Друг мой, вы сердиты, вы дуетесь на меня, вы говорите, что огорчены, но чем? Тем, что сегодня утром я написала вам бестолковое письмо? Вы мне отдали это письмо, я его разорвала перед вами и минуту спустя сожгла. Какого удовлетворения можете вы еще желать? Даже церковь считает себя удовлетворенной, коль скоро еретик сожжен. Моя записка сожжена. Вы же не пожелаете сжечь и меня также? Но если вы будете продолжать дуться на меня, то на все это время убьете мою веселость. Мир, друг мой, я протягиваю вам руку. Желаете ли вы принять ее (*фр.*).

427.

Душу в душу жить я готова. Только бы чистосердечие мое никогда не обратилось мне во вред. А буде увижу, что мне от нея терпеть, тогда charité bien ordonnée commence par soi-même**.

Переводы денежные оставьте, как оне теперь суть в Голландии тянуть будут деньги часто в Черное море. Душа милая, голова болит, писать неловко.

428.

Гневный и Высокопревосходительный Господин Генерал Аншеф и разных орденов Кавалер. Я нахожу, что сия неделя изобильна дураками. Буде Ваша глупая хандра прошла, то прошу меня уведомить, ибо мне она кажется весьма продолжительна, как я ни малейшую причину, ни повода Вам не подала к такому великому и продолжительному Вашему гневу. И того для мне время кажется длинно, а, по нещастию, вижу, что мне одной так и кажется, а Вы лихой татарин.

ваших знакомых, всех тех, кого вы уважаете или которые вам служат? Если бы я делала вас ответственным за все глупости, которые они делают, были бы вы терпеливы или нет?! Если же, видя вас нетерпеливым, я сердилась бы, встала бы и убежала бы, хлопая дверьми, а после этого избегала бы вас, не смотря на вас, и даже бы притворялась более холодной, чем на самом деле; если бы я к этому добавила угрозы – значит ли это, что я важничала? Наконец, если после всего этого у вас голова также разгорячена и кровь кипит, было бы удивительно, что мы оба не в своем уме, не понимали друг друга и говорили одновременно (*фр.*).

* Желаете ли сделать меня счастливой? Говорите со мною о себе. Я никогда не рассержусь (*фр.*).

** своя рубашка ближе к телу (*фр.*).

429.

Пора быть порядочен. Я не горжусь, я не гневаюсь. Будь спокоен и дай мне покой. Я скажу тебе чистосердечно, что жалею, что неможешь. А баловать тебя вынужденными словами не буду.

430.

Mon mari m'a dit tantôt*: " Куды мне итти, куды мне деваться? Mon cher et bien aimé Epoux, venés chez moi, Vous serés reçu à bras ouverts **.

431.

Я написала и изодрала для того, что все пустошь. И как Вы умны очень, то на все сыщете ответ, а я на себя Вам оружия не подам. Впрочем, поступайте, как изволите. Мне Вам предписывать нечего, да того знайте, что и я стараюсь разбирать Ваши мысли и поступки, кои во мне действия производят потому единственно, как я в них нахожу те сентименты, кои я бы желала найти.

Je Vous avoue outre cela que j'aime mieux voir Votre visage que Votre dos***.

432.

Батинька, голубинька, зделай со мной Божескую милость: будь спокоен, бодр и здоров, и будь уверен, что я всякое чувство с тобою разделяю пополам. После слез я немного бодрее и скорбит меня только твое безпокойство. Милой друг, душа моя, унимай свое терзанье, надо нам обеим tranquillité****, дабы мысли установились в сносном положенье, а то будем, как шары в jeu de paume*****.

433.

Как слепой о цветах судит, так судишь о положении человека, которого не ведаешь мысли. Мне скучно, это правда. Из доверенности я Вам сие открыла и более еще сама не знаю за собою, да и знать нельзя, понеже от глаз и взгляда издалека о положении объектов и мест судить нельзя. Расстояние же изчислить и измерить нет возможности. И так, до зрелости откладываю и отнюдь на почту скакать не хочу, ибо обижена.

434.

Владыко и Cher Epoux******! Я зачну ответ с той строки, которая более меня трогает: хто велит плакать? Для чего более дать волю воображению живому, нежели доказательствам, глаголющим в пользу твоей жены? Два года назад была ли она к тебе привязана Святейшими узами? Голубчик, изволишь суп[с]онировать******* невозможное, на меня шляся. Переменяла ли я глас, можешь ли

* Мой муж сказал мне только что (*фр.*).

** Мой дорогой и горячо любимый супруг, придите ко мне: вы будете встречены с распростертыми объятиями (*фр.*).

*** Признаюсь, кроме того, что я более люблю видеть ваше лицо, нежели вашу спину (*фр.*).

**** успокоение (*фр.*).

***** игре в мяч (*фр.*).

****** дорогой супруг (*фр.*).

******* от soupçonner (*фр.*) – подозревать.

быть нелюбим? Верь моим словам, люблю тебя и привязана к тебе всеми узами. Теперь сам личи: два года назад были ли мои слова и действия в твоей пользы сильнее, нежели теперь?

435. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Февраль–март 1776]

Рукой Г. А. Потемкина	Рукой Екатерины II
Моя душа безценная,	*Знаю.*
Ты знаешь, что я весь твой,	*Знаю, ведаю.*
И у меня только ты одна.	*Правда.*
Я по смерть тебе верен,	*Без сомненья.*
и интересы твои мне нужны.	*Верю.*
Как по сей причине,	
так и по своему желанию,	
мне всего приятнее	*Давно*
твоя служба и употребление	*доказано.*
заранее моих способностей.	
Зделав что ни есть для меня,	*С радостию, чего?*
право не раскаешься, а увидишь	*Душой рада, да*
пользу.	*тупа. Яснее скажи.*

436. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Февраль–март 1776]

Рукой Г. А. Потемкина	Рукой Екатерины II
Позволь, голубушка, сказать последнее, чем, я думаю, наш процесс и кончится. Не дивись, что я безпокоюсь в деле любви нашей. Сверх безсчетных благодеяний твоих ко мне, поместила ты меня у себя на сердце. Я хочу быть тут один преимущественно всем прежним для того, что тебя никто так не любил; а как я дело твоих рук, то и желаю, чтоб мой покой был устроен тобою, чтоб ты веселилась, делая мне добро; чтоб ты придумывала все к моему утешению и в том бы находила себе отдохновение по трудах важных, коими ты занимаешься по своему высокому званию. Аминь	*Дозволяю. Чем скорее, тем луче. Будь спокоен. Рука руку моет. Твердо и крепко. Есть и будешь. Вижу и верю.* *Душою рада. Первое удовольствие. Само собою придет. Дай успокоиться мыслям, дабы чувства действовать свободно могли; оне нежны, сами сыщут дорогу лучую. Конец ссоры. Аминь.*

437. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 8 марта 1776]

По поводу известий бригадира Бринка[1], что мне сообщил Фельдмаршал, как их только получил, я предложил ему, чтоб усилить тот деташемент Смоленским драгунским и Острогожским гусарским, которые к той стороне расположены. Он уже и писал о сем к Князю Прозоровскому.

Надлежит мне знать, угодно ли Вашему Величеству обратить помянутые полки в ту сторону. Я у сего прилагаю записку о числе войск, какие уже действительно в том краю находятся.

Рукой Екатерины II: *Из записки усмотрела с удовольствием, что сила на той стороне достаточная.*

438. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович!

Всемилостивейше дозволяем Мы Вам принять от Римского Цесаря присланный к Вам диплом на Княжеское достоинство Римской Империи и соизволяем впредь Вам именоваться повсюду в силу онаго диплома Римской Империи Князем.

Впрочем остаемся как всегда к Вам доброжелательна.

Екатерина

Марта 21 ч., 1776 г.

439. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 марта 1776]

Батинька, Ch[er] Ep[oux], хандришка от купанья в холодной воде. Я тебе сказывала, что надо мною тоже бывает. Сейчас из Риги получила известье, что Принц Генрих 21 ч. мар[та], то есть в прошедший понедельник, к вечеру приехать хотел в Ригу и примахнет, чаю, на страшную неделю, в начале. Мызишку сыщем. Напишу к Броуну[1], чтобы приискал. Батя, голубчик, друг милой, будь весел, откинь хандру.

440. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 марта 1766]

Когда ни поступки, ни слова не могут служить доказательством, тогда или воображение наполнено пустотою и своенравием, либо подозрением равномерно пустым. Как бы то ни было, не имев на сердце, ни за душою оскорбительной для тебя мысли, пребываю в надежде, что бред сей наискорее кончится, чему истинная пора.

441. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 марта 1776]

Je Vous fais ce billet pour Vous dire que cette nuit en songe me sont apparus les esprits de Caliostro et ils m'ont dit: "Tout songe est menteur", mais écrit: "Le Pr [ince] Pot [iomkine] dans la mixture chimique qu'il alambique pour toi, il employe toute sorte d'herbes excellentes et très saines; ils m'ont nommé toutes les herbes par noms et surnoms; j'en pourrais faire un Catalogue à part (mais comme cela ne gâte point la chose ou ni entre pas, je le réserve pour une autre fois); mais ont ajouté les petits esprits d'un pouce et demi de haut, il y en a deux qui croissent sur la même tige qu'il méprise ou néglige d'y faire entrer; cependant il est essentiel pour toi et ton bonheur qu'elles s'y trouvent, ces herbes sont tendres et délicates, elles n'ont point d'autre nom, mais la tige d'ou elles sortent a un nom sacré pour les âmes nées. Je fus frappée de ce que me disaitent les esprits; je me hâtois de porter à Votre alambic un brin de ces herbes sans lesquelles, me disoitent les esprits, tout le reste se réduiroit à rien; mais j'eus beau marcher sur la pointe des pieds, à peine m'aprochai-je de Votre alambic, que je Vous trouvai sur mon chemin. Vous me repoussâtes avec tant de véhémence que je me réveillai en sursaut, les yeux baignés de pleurs de ce que les seules herbes qui pouvaitent rendre la mixture bonne, saine et agréable pour moi étoitent celles, que Vous négligiés et dont Vous ne vouliés pas entendre parler. Réveilleé je rappelois mes esprits et je dis: il faut qu'il sache mon rêve. Tenés le voilà. S'il ne Vous amuse pas, Vous n'avés qu'à faire dire à Caliostro de tenir ses esprits en bride, afin qu'ils cessent de faire des apparitions pour moi, je m'en passerai aisément.

Я пишу это письмецо, чтобы сказать вам, что этой ночью во сне явились мне духи Калиостро и они мне сказали: "Всякий сон – ложь", но написано "Князь Потемкин" на химической микстуре, над которой он мудрит для тебя, он употребляет все сорта превосходных и весьма здоровых трав. Они мне назвали все травы по именам и прозваниям. Я могла бы сделать особый Каталог (но так как это не портит дела и в него не входит, то я откладываю его до другого раза). Но, – прибавили малые духи двухдюймового роста, – есть две травы, растущие на одном и том же стебле, которые он не ставит ни во что, или которые не хочет или забывает вводить туда. Однако, это очень существенно для тебя и для твоего счастья, чтобы они там находились. Эти травы – нежность и деликатность. Они не имеют других имен, но стебель, из которого они исходят, имеет священое имя для душ благородного происхождения. Я была поражена тем, что сказали мне духи. Я поспешила принести щепотку этих трав, о которых мне сказали духи, к вашему перегонному кубу. Все прочее осталось втуне. Но хотя я пошла на цыпочках и едва приблизилась к вашему перегонному кубу, как нашла вас на своем пути. Вы оттолкнули меня с такой силой, что я проснулась внезапно, и глаза мои купались в слезах оттого, что единственные травы, которые могли сделать хорошей микстуру, здоровой и приятной для меня, были именно те, которыми вы пренебрегли и о которых вы не хотели даже слушать. Проснувшись, я собралась с духом и сказала: "Нужно, чтобы он знал мой сон". Вот он. Если он вас не забавляет, вам стоит только сказать Калиостро, чтобы он держал своих духов в узде, чтобы они перестали являться мне, и я легко обойдусь без них (*фр.*).

442. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 марта 1776]

От Вашей Светлости подобного бешенства ожидать надлежит, буде доказать Вам угодно в публике так, как и передо мною, сколь мало границы имеет Ваша необузданность. И, конечно, сие будет неоспоримый знак Вашей ко мне

неблагодарности, так как и малой Вашей ко мне привязанности, ибо оно противно как воле моей, так и несходственно с положением дел и состоянием персон.

Венский двор один. Из того должно судить, сколь надежна я есмь в тех персон[ах], коих я рекомендую им к вышним достоинствам. Так-то оказывается попечение Ваше о славе моей.

443. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 21 марта 1776]

Батинька Князь! До рождения моего Творец назначил тебя мне быть другом, ибо сотворил тебя быть ко мне расположенным таковым. За дар твой благодарствую, равномерно же за ласку, которую вижу и с зрительною трубкою, и без нее, куда не обращуся.

444. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[4 апреля 1776. С.-Петербург]

Защитница и друг твой тебе советует надеть Прусский орден и сие будет учтивость и аттенция.

445. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[9 апреля 1776. С.-Петербург]

Когда Принц о чем говорить тебе будет, то выслушай, да мне скажи, чтоб по материи разобрать было можно. Советовать в твою пользу я всегда рада. О преданности твоей не сумневаюсь. Добра ночь, ложусь спать.

446. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[10 апреля 1776. С.-Петербург]

Я была в четыре часа, и она мучилась путем. Потом успокоились боли, и я ходила пить кофе. И выпивши, опять пошла и нашла ее в муке, коя скоро паки так перестала, что заснула так крепко, что храпела. Я, видя, что дело будет продолжительно, пошла убираться. Убравшись, опять пошла. Настоящие боли перестали и он идет ломом. Сие может продлиться весьма долго. Я приказала, чтоб меня кликнули, когда увидят, что дело сериознее будет. У меня у самой спина ломит, как у роженицы, чаю, от безпокойства.

447. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[12 апреля 1776]

M[onsieur], пророчество мое сбылось. Неуместность употребления приобретенной Вами поверхности причиняет мне вред, а Вас отдаляет от ваших желаний. И так, прошу для Бога не пользоваться моей к Вам страстью, но выслу-

шать ко времяни и к случаю мои резоны, кои, право, основаны не на пустых отговорках.

Теперь не могу ответствовать ни за четверг, ни за пятницу, ниже за воскресенье. Я знаю, что ты все сие за пустошь, за лукавство примешь, но оно самое истинное. Ну хотя единожды послушай меня, хотя бы для того, чтоб я сказать могла, что слушайся. Прощай, миленький, люблю тебя чрезвычайно и очень весела, а впрочем здорова, да ночь была крута.

448. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 15 апреля 1776. Царское Село]

Естьли Вы удовольствия не находите в беспрестанной со мною быть ссоре, естьли есть в Вас искра малейшей любви, то прошу Вас убавить несколько спыльчивости Ваши, выслушав иногда и мои речи, не горячась. Я от самой пятницы, выключая вчерашний день, несказанное терплю безпокойствие. Естьли покой мой Вам дорог, зделайте милость, перестаньте ворчать и дайте место чувствам, спокойствием и тишиной совокупленные, и кои, следовательно, приятнее быть могут, нежели теперешнее состоянье.

Я, право, человек такой, который не токмо ласковые слова и обхожденье любит, но и лицо ласковое. А из пасмурности часто сему противное выходит. В ожиданьи действия сего письма по воле Вашей, однако же, пребываю в надежде доброй, без которой и я, как и прочие люди, жить не могла.

449. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Вашему Императорскому Величеству известны все дерзновенные поступки бывшего сечи Запорожской кошевого Петра Калнишевского и его сообщников судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коих вероломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, Всемилостивейшая Государыня, исчислением онаго трогать нежное и человеколюбивое Ваше сердце, а притом и не нахожу ни малой надобности приступать к каковым-либо изследованиям, имея явственным доводом оригинальные к старшинам ордера, изъявляющие великость преступления их пред освященным Вашего Императорского Величества престолом, которою по всем гражданским и политическим законам заслужили по всей справедливости смертную казнь.

Но как всегдашняя блистательной души Вашей спутница добродетель побеждает суровость злобы кротким и матерним исправлением, то и осмеливаюсь я всеподданнейше представить, не соизволите ли высочайше указать помянутым, преданным праведному суду Вашему узникам, почувствовавшим тягость своего преступления, объявить милосердное избавление их от заслуживаемого ими наказания, а вместо того по изведанной уже опасности от ближнего пребывания их к бывшим запорожским местам повелеть отправить на вечное содержание в монастыри; из коих кошевого в Соловецкий, а протчих в состоящие в Сибири монастыри с произвождением из вступающего в секвестр бывшего запорожского имения – кошевому по рублю, а протчим по полуполтин на день.

Остающееся же за тем обратить по всей справедливости на удовлетворение раззоренных ими верноподданых Ваших рабов, кои, повинуясь божественному Вашему предписанию, сносили буйства бывших запорожцев без наималейшего сопротивления, ожидая избавления своего от десницы Вашей и претерпев убытков более, нежели на 200 000 рублей, коим и не оставлю я соразмерное делать удовлетворение.

Всемилостивейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший раб

Князь Потемкин

Апреля 21-го дня 1776-го года

Рукой Екатерины II: *Быть по сему. 14 маия 1776 Царское Село.*

450. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 9 мая 1776]

Касательно до Разумовского, то зделанное останется в своей силе. Пр[инцу] Дарм[штадтскому] ответствовать прилично, как ты намерен. Сей враль и впредь, чаю, удержится от посещения. Что ты болен, о том жалею. И у меня вчерась голова болела, а сегодня здорова. Возвращаю письмы.

451. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май 1776]

Vous m'avés pour une action au fond estimable, mis le poignard dans le sein car Vous m'avés dit qu'une action pareille de ma part diminuait Votre amour pour moi. Ma foi! s'il n'est pas bien léger cet amour, il n'y a pas là de quoi, car je n'ai rien fait du tout qui puisse Vous offenser ni ne ferai, ni n'ai l'idée de faire, malgré tout ce que Votre esprit vif et ombrageux pourra Vous faire imaginer avec Votre fougue ordinaire; mais quoi que Vous disiés, je ne m'alarme pas sur Votre compte; je sais fort bien qu'à tout moment Vous me témoignés en parole peu d'estime et d'égard, mais en effet Vous en avés beaucoup dans Votre esprit et dans Votre coeur pour moi; je ne me repents point d'avoir écrit cette lettre, mais je suis sensiblement affligée de l'effet qu'elle a fait sur Vous et je prévois que Vous me punissés suffisamment en rabâchant continuellement cette matiére avec toutes les imprécations imaginable; comme de coutume, je me soumets avec résignation, courage et patience. Allons, commencés! Il n'y a qu'un point que je ne saurois supporter, c'est si réellement Vous cessiés de m'aimes.

Вы нанесли мне удар кинжалом в грудь за действия, достойные уважения, сказав, что подобное действие с моей стороны ослабляет вашу любовь ко мне. Честное слово, если это любовь не настоящая, то нет причины для ссоры, так как я не сделала ничего, что могло бы оскорбить вас, и не сделаю и не имею намерения сделать это, несмотря на все то, что ваш живой и мнительный дух может натворить в вашем воображении при обычной вашей пылкости. Что бы вы не говорили, я не тревожусь относительно вас. Я очень хорошо знаю, что в любой миг у вас в словах мало уважения и внимания ко мне, но на самом деле в вашем сердце и в вашем уме для меня имеется много и того и другого. Я не раскаюсь тем, что я написала то письмо. Но я буду чувствительно огорчена эффектом, который оно произвело на вас, и я предвижу, что вы достаточно накажете меня, повторяя одно и то

же по этому поводу со всеми мыслимыми проклятьями. Следуя обычаю, я подчинюсь судьбе с покорностью, мужеством и терпением. Ну, начинайте! Только одного я не смогу перенести, если вы действительно перестанете меня любить (*фр.*).

452. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май 1776]

Прочтите с терпением мой ответ, ибо я без скуки прочитаю Ваши письмы. Вот Вам ответ на первую строку: Бог да простит Вам, по моему желанию, пустое отчаяние и бешенство не токмо, но и несправедливости, мне оказанные, ради причин, кои приписываешь и кои не инако, как приятны мне быть должны. Но буде можно, просим позабыть неприятное. Катарина никогда не была безчувственная. Она и теперь всей душою и сердцем к тебе привязана. Она иного тебе не говорила и, снося обиды и оскорбления (читай вчерашнее ея письмо), увидишь, что ты найдешь всегда, как ее желать можешь. Я не понимаю, почему называешь себя немилым и гадким, а меня милостивой ко всем, опричь тебя. Не прогневайся, сии суть три лжи. В милости по сю пору ты первый. Гадким и немилым едва быть ли можешь. Слово "омерзение" не токмо из тебя, но и из меня душу извлекает. Je ne suis pas née pour la haine, elle n'habite point dans mon âme, je ne l'ai jamais sentie ni n'ai l'honneur de la connaître*.

Я верю, что ты меня любишь, хотя и весьма часто и в разговорах твоих и следа нет любви. Верю для того, что я разборчива и справедлива, людей не сужу и по словам их тогда, когда вижу, что они не следуют здравому рассудку. Ты изволишь писать в разуме прошедшем, изволишь говорить "был, было". А мои поступки во все дни приворотили лад на настоящее время. Кто более желает покой и спокойствие твое, как не я. Теперь слышу, что ты был доволен прошедшим временем, а тогда тебе казалось все мало. Но Бог простит, я не пеняю, отдаю тебе справедливость и скажу тебе, чего ты еще не слыхал: то есть, что, хотя ты меня оскорбил и досадил до бесконечности, но ненавидеть тебя никак не могу, а думаю, что с тех пор, что сие письмо начато и я тебя видела в полном уме и здравой памяти, то едва ли не пошло все по-старому. Лишь бы устоял в сем положении, а буде устоишь, то, право, каяться не будешь, милой друг, душа моя. Ты знаешь чувствительность моего сердца.

453. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май 1776]

Буде есть в тебе капля крови, еще ко мне привязанная, то зделай милость – прийди ко мне и выложи бешенство. Ей, ей, сердце мое пред тобою невинно.

---

* Я не рождена для ненависти. Она не обитает в моей душе, я ее никогда не ощущала, не имею чести с нею знаться (*фр.*).

454. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май 1776]

Батинька, верь, что я не сердита и что желаю тебя видеть спокойным. Я тебе стократно повторяла, что одно твое обхождение может нам доставить жизнь схожую с нашим состоянием. Друг мой, кто столько желает дружно и спокойно жить, как я, и кто нравом тише. Возьми рассудок предводителем, а не имажинацию. Она тебя выводит из натурального положения.

455. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Май 1776]

Вы изволили мне приказать: "такого-то смотреть сквозь пальцы". Я, Всемилостивейшая Государыня, где смотрю, там смотрю не сквозь пальцы. Отступаюсь же там, где у меня вырвутся из пальцев. Но, когда бы перестали мои способности или охота, то можно избрать лутчего, нежели я, на что я со всей охотой согласен.

Рукой Екатерины II: *Я колобродным пересказам не причиною. Я никогда не сказывала, что "такого-то смотреть сквозь пальцев", а сказывала: "такого-то несмотрение". И того я говорила на щет Толстого, ибо непростительно ему полк или, лутче сказать, солдат толикое число оставить без нижнего платья. Я столько смыслу имею, что подполковник не может быть каптенармус.*

456. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май – июнь 1776]

Vous m'avés grondée hier toute la journée sans aucune raison. Dieu merci aujourd'huy Vous en avés trouvé une. J'ai écrit une lettre qui Vous déplaît, mais si Vous pouviés un monent envisager la chose, sans aucune sorte de passion, Vous verries que cette lettre est la lettre d'une Impératrice élemente à un sujet qui l'a offensée par étourderie, par extravagance et par manque de jugement, que cette Impératrice a puni comme elle le devoit, un sujet qui l'a offensée, mais qu'un même tems elle n'a pas oublié que ce sujet a exposé souvent sa vie, comme il le devoit pour son service. Voilà l'examen sans passion et sans fougue de cette lettre, qui est une pièce à imprimer.

Вы на меня ворчали вчера целый день без всякой причины. Благодаря Богу сегодня вы, наконец, причину нашли. Я написала письмо, которое вам не понравилось. Но если бы вы могли на миг сообразить без всякого пристрастия его суть, вы бы увидели, что это письмо все же письмо императрицы подданному, который ее оскорблял легкомыслием, сумасбродством и отсутствием рассудка. Что императрица наказала, как она должна была наказать подданного, который ее оскорбил. Но в то же время она не забыла, что этот подданный часто рисковал жизнью, как приказывал ему долг на ее службе. Вот анализ (без страсти и горячности) этого письма. Письмо это достойно быть опубликованным (*фр.*).

457. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Май–июнь 1776]

Прочитала я тебе в угодность письмо твое[1] и, прочитав его, не нашла следа речей твоих вчерашних, ни тех, кои говорены были после обеда, ни тех, кои я слышала вечеру. Сие меня не удивляет, ибо частые перемены в оных я обыкла видеть. Но возьми в рассуждение, кто из нас безпрерывно строит разлад и кто из нас непременно паки наводит лад, из чего заключение легко родиться может: кто из нас воистину прямо, чистосердечно и вечно к кому привязан, кто снисходителен, кто обиды, притеснения, неуважение позабыть умеет. Моим словам места нету, я знаю. Но, по крайней мере, всякий час делом самим показываю и доказываю все то и нету роду сентиментов в твою пользу, которых бы я не имела и не рада бы показать. Бога для опомнись, сличая мои поступки с твоими. Не в твоей ли воле уничтожить плевелы и не в твоей ли воле покрыть слабость, буде бы она место имела. От уважения, кое ты дашь или не дашь сему делу, зависит рассуждение и глупой публики.

Просишь ты отдаления Завадовского. Слава моя страждет всячески от исполнения сей прозьбы[2]. Плевелы тем самым утвердятся и только почтут меня притом слабою более, нежели с одной стороны. И совокуплю к тому несправедливость и гонение на невинного человека. Не требуй несправедливостей, закрой уши от наушник[ов], дай уважение моим словам. Покой наш возстановится. Буде горесть моя тебя трогает, отложи из ума и помышления твои от меня отдалиться. Ей Богу, одно воображение сие для меня несносно, из чего еще утверждается, что моя к тебе привязанность сильнее твоей и, смело скажу, независима от événements*.

Сожалительно весьма, что условленность у Вас с Гагариным, Голицыным, Павлом, Михаилом и племянником[3], чтоб свету дать таковую комедию, Вашим и мои злодеям торжество. Я не знала по сю пору, что Вы положения сего собора исполняете и что оне так далеко вникают в то, что меж нами происходит. В сем я еще с Вами разномыслю. У меня ни единого есть конфидента в том, что до Вас касается, ибо почитаю Ваши и мои тайны и не кладу их никому на разбор. Всякий человек устраивает свои мысли и поступки по своей нежности и по своему уважению к тем особам, к коим имеет обязанности или склонности. И как я никогда не умела инако думать о людях, как по себе, то равное ждала и от других.

Из моей комнаты и ни откудова я тебя не изгоняла. В омерзении же век быть не можешь. Я стократно тебе сие повторяю и повторяла. Перестань беситца, зделай милость pour que la douceur de mon caractère puisse rentrer dans son état naturel, d'ailleurs Vous me ferés mourir**.

---

* происшествий (*фр.*).

** для того, чтобы мой характер мог вернуться к натуральной для него нежности. Впрочем, вы заставите меня умереть (*фр.*).

458. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 2 июня 1776]

Вот, матушка, следствие Вашего приятного обхождения со мною на прошедших днях. Я вижу наклонность Вашу быть со мною хорошо. Но довели и до того, что Вам ко мне милостивой быть становится уже не в Вашей воле. Я приехал сюда, чтоб видеть Вас для того, что без Вас мне скушно и несносно. Я видел, что приезд мой Вас амбарасировал*. Я не знаю, кому и чему Вы угождаете, только то знаю, что сие и ненужно и напрасно. Кажется, Вы никогда не бывали так стеснены.

Всемилостивейшая Государыня, я для Вас хотя в огонь, то не отрекусь. Но, ежели, наконец, мне определено быть от Вас изгнану, то лутче пусть это будет не на большой публике. Не замешкаю я удалиться, хотя мне сие и наравне с жизнью.

Рукой Екатерины II: *Mon Ami, Votre imagination Vous trompe***. *Я Вам рада и Вами не embarrasирована****. *Но мне была посторонняя досада, которую Вам скажу при случае.*

459. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 3 июня 1776]

Даваясь точь в точь в мою волю, не будешь иметь причины каяться. Пришли Елагина. Я с ним говорить буду и готова слушать, что ему поручишь со мною говорить. И, чаю, что сие коротче будет, нежели письменные изражения.

460. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 3 июня 1776]

Изволь сам сказать или написать к Елагину, чтоб сыскал и купил и устроил дом по твоей угодности. И я ему то же подтвержу, а впротчем уверениям твоим охотно веру подаю, потому что таковые мысли сходственные суть с честностию и добросердечием.

461. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 3 июня 1776]

Душа любезная, ужо о доме Биби[кова] поговорим.

---

* от embarrasser (*фр.*) – стеснять.

** Друг мой, ваше воображение вас обманывает (*фр.*).

*** не стеснена.

462. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 7 июня 1776]

Матушка Государыня, я четыре дни ждал, когда по обещанию Вашему начнете говорить о судьбе Бибикова дому.

Всемилостивейшая Государыня (*серия знаков, имитирующая арабское письмо*).

Рукой Екатерины II: *Если дело пошло на фигурничанье, то Вашему Превосходительству донесу, что некогда было говорить о доме Бибикова для того, что я видела, что Вы упражняетесь в ворчанье и роптанье. А теперь, быв чувствительно тронута сей Вашей цыдулы, имею честь быть Вашего Превосходительства (серия знаков, имитирующая арабское письмо).*

463. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 7 июня 1776]

Ecoutés Mon Ami, Votre lettre demanderait de longues discussions, si je voulais y répondre en détail; j'en ai choisi deux points essentiels. Le premier, la maison d'Anitchkoff. A Moscou on en voulait quatre cent mille roubles. C'est une somme énorme que je ne saurais où prendre, mais Елагин n'a qu'à demander le prix; peut-être est-elle à meilleur marché; c'est une maison inlogeable et qui menace ruine; tout un côté est une muraille crevassée; l'entretien et la réparation seront, je crois, pas de peu d'importance. Le second point est l'amitié; j'ose affirmer qu'il n'y a pas d'ami plus fidèle que moi, mais que faut-il pour être ami? Il m'a paru toujours confiance réciproque; de mon côté elle a été entière. Il y a bien longtems que je Vous ai dit ce que je pensais là-dessus. Reste à savoir, de quel côté penchait la balance, et du quel les égards... etc; mais trève de discussions: je ne prétends ni disputer, ni aigrir; je sais estimer et connais le prix des choses.

Послушайте, друг мой, ваше письмо повело бы к длинным рассуждениям[1], если бы я пожелала ответить на него подробно. Но я выбрала из него два существенных пункта. Во-первых, Аничков дом. В Москве же требовали четыреста тысяч рублей. Это огромная сумма, которую я не знала бы, где достать. Но пусть Елагин спросит о цене: может быть, он и дешевле. Это дом – непригодный для жилья и грозящий разрушением[2]. С одной стороны вся стена в трещинах, содержание и восстановление обойдутся, я думаю, недешево. Второй пункт – о дружбе. Смею утверждать, что нет друга более верного, чем я. Но что требуется, чтобы быть другом? Мне всегда казалось, что это взаимное доверие, и с моей стороны оно было полное. Уже давно я высказала вам мои мысли по этому поводу. Остается узнать, что перетягивало на весах со стороны доверия и т.д. Но довольно рассуждать: я не хочу ни спорить, ни раздражать. Я умею уважать и знаю цену вещам (*фр.*).

464. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 21 июня 1776]

Батинька, видит Бог, я не намерена тебя выживать изо дворца[1]. Пожалуй, живи в нем и будь спокоен. По той причине я тебе и не давала ни дома, ни ложки, ни плошки.

Буде же для диссипации* на время уроченное ты находишь за лучий способ объездить губернии, о том препятствовать не буду[2]. Возвратясь же, изволь занять свои покои во дворцах попрежнему. Впрочем, свидетельствуюсь самим Богом, что моя к тебе привязанность тверда и неограниченна и что не сердита. Только зделай одолжение – menagés mes nerfs**.

465. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 21 июня 1776]

Que de choses dans un menuet et dans Votre lettre aussi***. Верь, что отъезд меня не амбарасирует. Думаю, что сам, подумавши, тому поверишь. Пишешь тетрадями. Ответствовать пришлю[1]. Но как едешь, то буду ожидать возвращения. Бог с тобою, и я тебе желаю всякого добра.

466. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 21 июня 1776]

Mon cher Ami, voyés un peu si cette tournure Vous accommode, j'espère bien que Vous ne Vous en irés pas sans me voir, Vous ne rendés pas justice à mes sentimens, cela m'afflige.

Мой дорогой друг, взгляните, устраивает ли вас подобный оборот дела. Я надеюсь, что вы не уедете, не повидавшись со мною. Вы не отдаете должного моим чувствам. Это меня огорчает (*фр.*).

467. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович, купленный Нами Аничковский у Графа Разумовского дом Всемилостивейше жалуем Вам в вечное и потомственное владение. Извольте принять его от Елагина, которому и исправить, и убрать его по Вашему вкусу приказано, употребя на то до ста тысяч рублев.

Екатерина

В 22 день июня 1776 года. Царское Село

468. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович. Письмо Ваше господин Елагин мне вручил[1]. Будьте уверены, что я справедливость отдаю усердию Вашему ко мне и к службе моей. Князю Вяземскому говорить буду, чтоб начатое окончил. Великий Князь пишет ко мне из Риги от 20 июня[2], что полки, кои под Ригою, терпят

---

* От dissipation (*фр.*) – рассеяние, рассеянный образ жизни.

** пощади мои нервы (*фр.*).

*** В вашем письме столько же смысла, как в менуэте (*фр.*).

нужду в обуви и в одежде и что от ссоры Ген[ерал]-Пор[учика] Эльмпта с Генерал-Губернатором служба терпит. Наведаетеся, от чего полки те и наги и босы, и прикажите поправить, чего поправить надлежит. Что же до Эльмпта касается, то, чаю, он не имеет с Генерал-Губернатором в той губернии дела, и так, чаю, и ссора их есть ссора и ничего более, ибо формальной жалобы нету.

Пребываю с искренним доброжелательством благосклонна.

Екатерина

Из Села Цар[ского]. Июня 23 ч. 1776

469. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович, два письма Ваши: одно без числа, а другое от 29 сего месяца, я получила. За поздравление благодарствую. Репорты Кн[язя] Прозо[ровского], знатно, Вы позабыли прислать[2], хотя в письме пишете, что их прилагаете. Ко мне из Риги пишут, что полковники аммуниционные вещи не принимают. Унимайте сей безпорядок. Соммерса при сем отправляю. Что Вы ногу разбередили, о том сожалею. В прочем пребываю как и всегда доброжелательна.

Екатерина

Из с. Петергофа, 30 июня 1776 г.

470. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

По сообщению от Ивана Перфильевича о пожаловании мне дома Аничковского я лобызаю ноги Ваши. Приношу наичувствительнейшую благодарность. Милосерднейшая мать, Бог, дав тебе все способы и силу, не дал, к моему несчастию, возможности знать сердца человеческие. Боже мой, внуши моей Государыне и благодетельнице, сколько я ей благодарен, сколько предан и что жизнь моя в Ея службе.

Всемилостивейшая Государыня, имей в твоем покрове и призрении человека, тебе преданного душою и телом, который наичистосердечнейшим образом по смерть

Вашего Величества
вернейший и подданнейший раб
Князь Потемкин

Июля 5 [1776]. Новг[ород]

471. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 июля 1776]

Mon Ami, par rapport à Vos Gouvernements, pour les mettre sur le nouveau pied avés Vous fait quelque chose? Et Vous en êtes-Vous occupé depuis Votre retour ou non? Je Vous prie de me faire savoir.

Друг мой, сделали ли вы что-нибудь по переустройству ваших губерний?[1] И занимались ли вы ими после вашего приезда или нет? Прошу вас о том меня уведомить (*фр.*).

472. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 июля 1776]

Батинька, не изволишь ли, чтоб Лифляндскому Ген[ерал]-Губ[ернатору] дала на сей случай такой указ, чтоб он в тех полках на щет Комиссариату выдал сколько следует из рижских казенных доходов.

473. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 26 июля 1776]

Князь Григорий Александрович. Князь Вяземский везет к Вам письмо Князя М.Н. Волконского, из которого усмотрите, что он уже наряд зделал, и, кажется, едва есть ли нужда послать более того. Чего отдаю на Ваше разсмотрение. О Рожнове Брюсу прикажу[1].

474. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[26 июля 1776]

При сем посылаю к Вам письмо Архангелогородского губернатора к Генерал-Прокурору[1] и письмо сего ко мне, из которого усмотрите, что надлежит послать небольшую легкую команду для очищения Вологодского уезда от разбойничей шайки. Видно, что у страха глаза велики и что гора мышь родить может.

475. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[26 июля 1776]

Чрез Сенат донесено уже, конечно, о сем. Такой же рапорт Князя Волконского, в Военную коллегию дошедший, у сего подношу. Шайка воровская может быть и вправду достойна уважения и довольно Князь Волконский принял мер отрядом трех шквадронов и приближением одного баталиона. Но что он предписал в Рязани квартирующему полку, сие мне кажется больше наделает шуму и привязок с стороны воинской команды. Ежели там еще воров нету, то по сему предписанию доискиваться будут, Матушка Государыня, я так думаю.

Рукой Екатерины II: *Рязанскому полку, надеюсь, и дела не будет, а у страха глаза велики.*

476. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 27 июля 1776]

Подан мне от Сената доклад по делу Глебова[1]. В сем докладе полагается, дабы установить на Москве комитет из трех Сенаторов, кой бы имянем Сената (которому от меня поручено сие дело) производство вел. Сие делается для того, чтоб все щеты и людей из Москвы не таскать сюда. Хотя Глебов и жалуется на Кн[язя] Волконского, но, однако, как сему следствие уже поручено, то, думаю, ему только придать двух Сенаторов, и имянно: или Измайлова[2], или Козлова[3],

или Камынина[4], или Вяземского[5]. Из сих четырех – двух. Но как дело сие комиссариатское, то прошу мне сказать для пользы, кого Вы находите из них луче, буде иных не придумаете.

477. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 27 июля 1776]

Конечно, матушка, Всемилостивейшая Государыня, лутче быть следствию в Москве. Сенаторы кажутся все равны, которым изволили написать. Только я мою мысль предварительно Вам открою, что в похищении казны едва ли найдут его виноватым, а ежели б следовали в упущении должности, то б он был бы повинен и виноват не меньше, как в похищении. Не прикажете ли тут прибавить и Г[енерал]-К[ригс]комиссара Дурново[1].

Рукой Екатерины II: *Я б сего определила, но опасаюсь отнять у него время от обширной должности. Что неможете, о том сердечно жалею.*

478. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Октябрь 1776]

Un plan formé pendant quatre à cinq mois (dont même NB, la ville et les faubourgs étaient instruits) pour plonger le poignard dans le sein de son amie, de la personne qui nous affectionne le plus, qui n'avait en vue que notre bonheur réel et constant; un pareil plan fait-il honneur à l'esprit et au coeur de celui qui l'a conçu et qui le met en exécution?

План, составленный в продолжение четырех–пяти месяцев (о котором даже были уведомлены NB город и предместья), чтобы вонзить кинжал в грудь своей подруги, особы, которая любит нас более всего, которая имела в виду только лишь наше действительное и постоянное счастие; делает ли подобный план честь уму и сердцу того, кто его составил и приводит в исполнение (*фр.*)?

479. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович. Пошлите к Генерал-Поручику Павлу Олсуфьеву[1] абшит, как непрочному к военной службе, ибо, быв наряжен в поход, просится к Москве и сюда для тяжебных дел и по слабости здоровья. И прикажите его выключить из армейского списка.

Екатерина

Но[ября] 12 ч., 1776 г.

ПИСЬМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1776

480. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Приложенное письмо к Графу Штакельбергу я нарочно не дописала[1], дабы Вы могли оного содержание распространить, колико за полезно рассудите. После чего допишу и подпишу.

481. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Вот, матушка Государыня, какие странности. Быть так, что один брат вздумал было с Сардинским двором заключить оборонительный и наступательный трактат, сие было только смешно. Но что другой в Сибири затеял, могло б навлечь худые следствия. Ежели не дошло до Вас губернатора Немцова представление, то я от себя посылаю, которое мне Немцов, как начальнику войску иррегулярному, прислал при секретном рапорте.

Рукой Екатерины II: *Я приказала послать сенатского маиора Смирнова арестовать Нарышкина и сего сумасшедшего привести в Сенат.*

482. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Естли б поданные от меня штаты о поселенных полках достойны были Вашего Величества апробации, то б я просил конфирмовать их. Необходимая нужда того требует. Сии полки, не имея положения, терпят нужду в мундирах и аммуниции, а бывшие запорожцы без упражнения не отправляют никакой службы, следовательно, в праздности. Сумм же на сии полки в прибавок, как сами изволите видеть, ничего не требуется.

Рукой Екатерины II: *Мундиры и аммуницию откуда брали прежде? Запорожцев упражнять и умещать долго ли? Таможенные те доходы по сю пору едва естьли достаточны, а при начатии каждой войны с той стороны вовсе пресекутся. Комиссариат же разстроен многими воровствами, недоимками, но отягощен чуть ли не выше мер, доходы убавлены, а расход прибавляется ежечасно, и для того до тех пор, пока Комиссариат окажется исправен, лутче новизны не вчинять, есть мое мнение.*

483. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня! Естьли я не прошу из Комиссариата ни полушки, следовательно, и убытку сему месту нет? Известно ли Вашему Величеству, что я Комиссариату в каждый год зделал меньше расходу 452 943 рубли, а и еще бы зделал до трех сот тысяч. А чтоб полки тамошние были теперь на прежнем продовольствии, как изволите упоминать, сего не мо́жно. Они содержались сборами с селений своих, которыми истощились и разорились во время войны.

Я донес Вашему Величеству, что должен Вашей пользе. Впротчем, как угодно Вам.

Рукой Екатерины II: *Из Комиссариата не берете, таможенных нету, следовательно, другие снова расходы из других сумм, кои без того разсигнованы; потребные откуда взять, не знаю. Я читаю штаты губерний Ваши[х][1]: тут определяются и учреждаются снова воеводы и их канцелярии, кои в Манифесте моем от 11 ноября 1775 году отрешены и описаны, как оне и суть. Буде конфирмую, как представлены, то и выдет из того, что в одном месте хулю того, что в другом ввожу. Медиус термо* сыскать можно. Хотя сердишься, но нельзя не говорить то, что правда.*

484. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Светлейший Князь, Милостивый Государь! По твоему желанию, батя, отысканы три места и, может быть, еще будут. Изволь выбрать: 1. Кайкуша на Неве. 2. Койрова, позади дачи Чернышева. 3. Сказываемый зверинец с шумной речкой у Горелова кабака – Березень, сударушка.

485. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Приложенное у сего письмо[1] получил я чрез почту, которое для усмотрения Вам, матушка, посылаю. Мне помнится, что Вы приказали сии деревни присматривать в губернии, а как сие последнее зделалось, я не знаю.

Рукой Екатерины II: *Спрошу, что происходило, а помнится Вам я поручила ея торговать.*

486. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Ваше Императорское Величество мне об этом, то есть, чтоб торговать, не изволили приказывать ни слова.

Рукой Екатерины II: *Что так церемонисто. Пожалуй, батинька, поторгуй.*

487. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Сожалею, что часто принужден Вам скучать и такою прозьбою, которая мне потому только нужна, чтоб быть вяще Вам обязану. Мельгунов уехал[1], и так распорядок, касательный до выкупа деревень Ягужинского, остановился без действа[2]. Ежели б Ваше Величество на

---

* правильно "medius termenus" (*лат.*) – среднее между двумя крайностями.

место его приказали быть Елагину Ивану Перфильичу, дело б кончилось, конечно, к общему удовольствию.

Впротчем, матушка моя родная, поверьте, что я равно буду доволен, будут ли у меня сии деревни или нет. Вы мои намерения об них знали из первого моего благодарения. Притом, Бог знает, что я вперед буду и владеть ли мне чем-нибудь.

Рукой Екатерины II: *К чему такие мысли печальные и от чего? Елагину быть велю.*

1777

488. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 5 марта 1777]

Mon cher et bien aimé Ami, soyés persuadé que mon coeur partage tendrement tout ce qui peut Vous affecter, je n'aime point à parler de sujet triste*. Поезжай, батинька, в свой дом, тебе здорово проехаться.

489. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 марта 1777]

В одиннадцатом часу вечера.

Сей час, батинька, получила твое письмо[1]. Оставляю до завтра чтение сие. Теперь ложусь спать. Bonsoir, mon Ami, demain je Vous dirai** с свежей головы, что Бог на ум положит о важной материи твоего письма. Будь здоров и весел.

490. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 30 марта 1777]

Ваше Императорское Величество о прощении капитана Якова Княжнина[1] в содеянном им преступлении и о возвращении ему прежнего чина, не определяя в службу, Высочайше повелели мне учинить оное самой Военной Коллегии. Но как сия Коллегия, имея записанное Графом Захаром Григорьевичем Высочайшее повеление, чтоб отставить Княжнина без всякого чина, не может собою приступить к сей милости, то не соизволите ли, милосердная мать, повелеть мне объявить Коллегии Высочайший указ.

Рукой Екатерины II: *Князь Григорий Александрович, объявите Княжнину прощение и возвратите ему чин.*

491. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 13 апреля 1777]

Не удалось мне, матушка Государыня, самолично принесть поздравление с принятием Святаго причастия. Дай Вам Бог безсчетные лета и непрерывно совершенное удовольствие, а мне только одну Вашу милость.

Рукой Екатерины II: *Премного благодарствую, рука руку моет. Ложусь спать, устала очень.*

---

* Мой дорогой и горячо любимый друг, будьте уверены, что мое сердце нежно разделяет все то, что может вас огорчать. Я не люблю говорить о грустных вещах (*фр*.).

** Добрый вечер, друг мой, завтра я скажу вам (*фр*.).

492. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 17 апреля 1777]

Чтоб унять плутни, нужно бы было знать, чрез кого с той стороны тому или другому оказывают, что с ними дурно обходятся для того, что с Вами знаются. Тогда, знав употребленных, я б уже знала, как унять. Панину же говорить велю чрез Бетского или Гр[афу] Остерману[1]. Буде же луче знаете, то прошу сказать чисто.

493. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 17 апреля 1777]

Батя, я приказала Князю Орлову к Вам отписать, что я Гейкину возвращаю секунд-маиорский чин. Добра ночь.

494. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец апреля 1777]

Курьер от Прозоровского приехал. Хан выбран. Депеши мною не все прочтены. По прочтении пришлю. Убор годиться будет [для] китайских домиков. Посылая, желаю Вам всякое здоровье и благополучие.

495. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 мая 1777]

Светлейший Князь, Милостивый Государь! Ответствуя на причины Вашей посылки, чтоб узнать о моем здоровье, объявляю Вам, что я здорова, но в страдании сердечном и душевном, и сему конца не предвижу сегодня. Буде Бог мне судья, то не мне одной. Всегда я снисхожденьем своим плачу̑ всекрайним своим безпокойством. Невинных не забываем не токмо, но ни единой минуты из памяти не выпускаем. Прощайте, Бог с Вами, коли то будет завтра после обеда! Mais tout cela sont paroles perdues car Vous ne parleres pas plus de moi aux personages intéressés que Vous m'en parlés à moi. Adieu, mon Ami, je suis et sera horriblement fâchée contre Vous jusqu'à ce que je Vous voie et cela sera je croi Dieu sait où et Dieu sait quand*.

496. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 14 мая 1777]

Я посылала к нему и спросила, имеет ли он, что со мною говорить? На что он мне сказал, что, как он мне вчерась говорил, угодно ли мне будет, естьли кого выберет, и получая на то мое согласие, то выбрал Гр[афа] Ки[рилла] Гр[и-

---

* Но все это потерянные слова, ибо вы с лицами заинтересованными не более обо мне говорить будете, чем со мною о них. Прощайте, мой друг, я есмь и буду ужасно сердита на вас, пока не увижу вас. А это, мне кажется, будет и Бог знает где, и Бог знает когда (*фр.*).

горьевича] Ра[зумовского]. Сие говорил сквозь слез, прося при том, чтоб не лишен был ко мне входить, на что я согласилась. Потом со многими поклонами просил еще не лишать его милости моей et de lui faire un sort*. На то и на другое я ответствовала, что его прозьбы справедливы и чтоб надеялся иметь и то, и другое, за что, поблагодаря, вышел со слезами. Весь разговор сей ни пяти минут не продолжился. Теперь ждать буду Фельдм[аршала]. Когда-то приидет? Конечно, не сего же дня.

Прощай, миленький, забавься книгами. Оне по твоему росту.

497. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 мая 1777]

В одиннадцатом часу.

Сей час получила известия, что Король Шведский вчерашний день хотел выехать из Стокгольма, что от того дня считая он намерен здесь очутиться чрез две, а не позднее трех недель, то есть неделя после Троицына дня[1]. Хочет во всем быть на равном поведении и ноге, как Император ныне во Франции[2], всем отдать визиту, везде бегать и ездить, всем уступать место. Посла Шефера[3] и камергеров шлет наперед и никаких почестей не желает принимать. Будет же он под именем Графа Готландского и просит, чтоб величеством его не называли. Я велю Нолькену[4] приехать сюда в пятницу, и он едет ему навстречу. Я послала по Гр[афа] Чернышева, чтоб яхты послать навстречу или фрегату, как успеют.

Отдайте Сенюше приложенное письмецо[5]. Куда как скучаю без Вас[6]. Adieu, mon cher et bien aimé Ami**.

498. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[27 мая 1777]

Сима n'a pas de montre, donnés lui celle-ci de ma part, mon cher Ami***.

499. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 10 июня 1777]

Пожалуй, нарядите нас для Петергофа так, чтоб мы у всех глаза выдрали и чтоб наровне слух был о нашем экоссерстве**** да и о приезде Короля Шведского[1], Перюша[2], сударушка. Je crois qu'il y a des chevaux turks à mon écurie, ils sont à Votre choix. Je Vous baise les mains et j'ordonne à la Perruche de les becqueter*****.

С какой смешной тварью Вы меня ознакомили[3].

---

* и устроить его судьбу (*фр.*).

** Прощайте, мой дорогой и горячо любимый друг (*фр.*).

*** У Симы нет часов. Дайте ему эти от меня, мой милый друг (*фр.*).

**** высоком прибытии – от exhausser (*фр.*) – поднимать, возвышать.

***** Мне кажется, что в моей конюшне есть турецкие лошади. Они в вашем распоряжении. Целую вам руки и приказываю Перюше (Попугайчику) поклевать их (*фр.*).

500. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 июня 1777]

Письмо Ваше и с приложением сей час получила[1]. Я сего дня веселюсь тем, что завтра у Вас буду обедать[2]. О Вашей же дружбе нежной никак не сумневаюсь, уверения же принимаю с крайней чувствительностью. Прошу Perruche вручить приложенную цыдулку, а Катишу привезу[3], mais à condition que la Perruche ne fasse pas des projets d'attaque sur ce retranchement-là*.

Понеже не упоминаете о моем письме, посланном с конюхом, то знатно еще до Вас не дошло.

501. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[23 июня 1777]

Что неможешь, о том сердечно жалею. Репорта полкового и письмо получила[1]. Прошений тех людей, о коих пишешь, знаете сами, что без решения не оставлю. Бриллиантового пера в получении нету, хотя пишете, что послали[2]. С великою охотою готовлюсь быть у Вас во вторник[3]. Персон же сколько и кого – на Вашу волю и благоразсмотрение предаю. Adieu, mon Ami, portés-Vous bien et surtout soyés gai et content, ou bien cela m'affligera**.

502. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[24 июня 1777]

Князюшка, перо мною получено и отдано Симе, и Сима разщеголял, по милости Вашей. Vous lui avés envoyé une canne superbe. Il ressamble au Roy de Suède avec la sienne, mais il surpasse celui-ci en reconnoissence pour Vous***. В том от сердца жалею, что неможешь. Пожалуй, будь здоров завтра и весел, или я буду весьма недовольна. Adieu, mon Ami.

503. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 28 июня 1777]

Матушка Государыня. Позвольте мне послать к Петрову[1], чтоб он прислал ко мне лексикон Белев ради некоторой справки. Еще, матушка моя кормилица, прошу приказать мадам Мальтиц[2], чтоб комнаты К[нягини] Катерины Николавны[3] отдать моей Варваре Васильевне[4].

Рукой Екатерины II: *Батинька, о первом, то есть о лексиконе, прикажите Петрову, а о втором прикажу чрез Барятинского, Голубчик, будь весел и здоров.*

---

* но при условии, что Перюша не будет строить проектов атаки этого ретраншемента (*фр.*).

** Прощайте, друг мой, будьте здоровы и главное будьте веселы и довольны. В противном случае это меня огорчит (*фр.*).

*** Вы ему послали превосходную трость. Он похож на шведского короля, но, без сомнения, превосходит его в благодарности по отношению к вам (*фр.*).

504. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 3 июля 1777]

Также найдете в письме от Князя Прозоровского, кое вчерась прислано[1]. Но не вем, не введет ли нас сие с Портою в новые хлопоты. Хана же Шагина Гирея, буде ему принадлежат, обижать неприлично. И так, буде будут на Дон, пожалуй, последует доброе; буде же обещают Вам вдруг, то хлопотно.

505. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 3 июля 1777]

Некрасовцы не принадлежат никак Порте, а естьли б и принадлежали, то принятие их паки в Россию позволительно в замену того, что турки запорожцев почти большее против их число приняли по заключении уже мира. Естьли ж некрасовцы принадлежат Хану, то весьма убедительные резоны есть к склонению самого Хана согласиться на их выход в Россию и Князю Прозоровскому так приняться хорошо, что сам Хан о сем просить будет. Дело сие большой пользы. Не угодно ли будет о сем сделать разсмотрение.

Рукой Екатерины II: *Понеже в рапортах Прозоровского о сем деле упоминается, то при чтении оных в Совете старайтесь вскользь о сем завести разговор, не показывая горячего к сему желания, и повыслушивайте о сем, что разсуждать будут. И буде в пользу, то велите о сем записать в протокол. Новых же хлопот с Портою и чего б Хана дискредитировать могло, отнюдь не желаю завести ради сих людей наипаче.*

506. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 5 июля 1777]

Скажите Языкову, что я его умещу Губернатором прежде осени[1] и чтоб ознакомился с Сиверсом[2]. Посмотрю, не годится ли и в Твери. Проститься изволь прийти ужо после комедии.

507. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Письмо сие я читала сама. Приложенный же реестр читал предо мною Турчанинов[1]. Я буду ожидать от Вас мнения, чем наградить Прозоровского. Генер[ал]-Маиор[ов] его лентами, чаю, наградить довольно. Похвальный рескрипт составить Вам же к нему. Случай же к тому удобный будет после аудиенции татарских посланников[2].

Пребываю навеки дружелюбна.

Екатерина

11 июля 1777 г.

508. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 19 августа 1777]

За письмецо благодарствую[1]. У Кингстонши желаю веселиться[2]. Видеть Вас в добром здоровье здесь очень жадно хочу. У нас теплее, мы целое утро повсюду гуляем, и все, в том числе и я, здоровы. Adieu, mon bon Ami, portés-Vous bien*. Спеша пишу.

509. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 4 сентября 1777]

Радуюсь, батинька, что Осиновая Роща тебе понравилась. Когда точная справка вынесена будет, на сколько верст в Осиновой Роще Систербекские заводы лес рубят в Ваших дачах или же сколько Вы захотите, чтоб дачи Ваши освобождены были от рубки леса, то, не мешкав, тебе дам подписанный большими литерами указ. Будь здоров и весел, вот мое желание.

510. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 сентября 1777]

Батя, ты иногда замысловато докладываешься. Мне куды девать 100 человек колодников, коих острог вода разнесла. Я говорю: в Карантинный дом, но не ведаю, крепок ли он. Канальи живы, а пятнадцать человек верных солдат в том месте у них потонули.

511. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 11 сентября 1777]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Твое великодушие и сострадание всегда ходатайствуют о прегрешивших. Я к сим чувствованиям и к незлобливому твоему сердцу повергаю прозьбу винного.

512. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 11 сентября 1777]

К достижению милости моей способ у всех, следовательно, и у Чичерина[1] в руках: исполнение с ревностию и точностию возложенную должность. Всегда заслужит от меня призрение. Равномерно да покорится терпеливо воле моей. Сердце Царево в руце Божией. Оно же незлобливо, по Вашему изречению.

---

* Прощайте, мой добрый друг, будьте здоровы (*фр.*).

513. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 11 сентября 1777]

Батинька, о болезни Чичерина жалею. Сей случай при мне в третье над ним случилось. Пожалуй, не будь скучным. Я желаю тебя видеть веселым. Прийди ко мне.

514. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович, поздравляю Вас со днем двойного празденства – рождения и имянин Ваших. Я приказала вручить Фридриксу на диспозицию Вашу полтораста тысяч рублей, кои имеете употребить на оплату Вашего долга. Пребываю к Вам отлично доброжелательна.

Екатерина

Сент[ября] 30 ч., 1777 г.

515. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 2 октября 1777]

Матушка моя безпримерная, скажите Князю Вяземскому, чтоб уже он не торговал больше Пудваши. Да нельзя ли ему приказать об Осиновой Роще.

Рукой Екатерины II: *Об Осиновой Роще уже вчера приказала, а другое прикажу.*

516. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 6 ноября 1777]

Указ я прочла и вижу, что полки командированы, куда приказала. О больных ничего не ведаю, а впредь, что до меня дойдет, Вам сообщу. Намерения теперь инаго нет, как только смотреть, что турки предприимут, ибо о трактовании с ними теперь полномочия у Стахиева. В случае же войны иного делать нечего, как оборонительно бить турков в Крыму или где покажутся. Буде же продлится до другой кампании, то уже на Очаков, чаю, приготовить действие должно будет. Хорошо бы и Бендеры, но Очаков по реке нужнее[1].

О летах баста, более ни словечушку не молвлю.

517. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 ноября 1777]

Батя, ректор Академии будет наречен по твоей прозьбе[1]. За апельцыны и картины спасибо. Что Осиновая Роща нравится, тому радуюсь, ибо Аз избрахом для тебя сие место. Веселися ей ныне и на сто лет. Прощай, будь здоров, аще я.

Savés Vous, mon Ami, tout ce que j'écris depuis trois jours; cela sent la poésie: allés à Назия[2] et revenés chez nous gai comme un pinson*.

---

* Знаете ли вы, друг мой, что я написала в течение трех дней. Это отзывается поэзией: отправляйтесь к Назии и возвращайтесь к нам веселым, как зяблик (*фр*.).

518. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 12 декабря 1777]

В Вену послать думаю камергера: или Лопухина, или Кня[зя] Серг[ея] Гагарина, или Талызина. Для Берлина и Швеции – камерюнкера: или Кн[язя] Ал.Ал. Долгорукова, или Кн[язя] Гавр[илу] Гагарина, или Гра[фа] Миниха. К родителям Вел[икой] Княг[ини] капи[тана] гвардии прошу дать.

519. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 20 декабря 1777]

Граф Иван Григорьевич Чернышев спрашивает от дежурства позволения быть в церемонии погребальной Адмирала Мордвинова в Невском монастыре обыкновенной пальбе. Они дают от Адмиралтейства один баталион.

Всемилостивейшая Государыня! Он служил 61 год, а Вы заслуженных людей почитаете. Не благоугодно ли будет приказать прибавить еще один полк армейский в уважение того, что он был полный генерал. Не прогневайтесь, матушка, на меня, что я от себя осмелился нечто прибавить.

Рукой Екатерины II: *Помнится есть запрещение о церемониальных погребениях. Выправьтесь о том. Мое есть мнение, чтоб морским оставить погребение, не посылая других команд.*

520. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 28 декабря 1777]

Батинька, Панина я пришлю к Вам. Что неможешь, о том весьма сожалею. Не пошлете ли Вы на Дон запрещенье, чтоб пруссакам лошадей не продали, а то все-таки покупать станут. Хотя Панин Сольмсу и говорил, генеральное запрещенье делать нельзя, а частное можно, как то Донскому войску и Малороссийской коллегии, чтоб от себя упреждение о сем делали. Adieu, mon tonton.

ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1777

521.

Голубчик Князь, напрасно обезпокоился. Я и давича тебе сказала, чтоб изволил быть уверен, что нимало мне не досадно все, что говорил. Пожалуй, будь здоров и весел и я буду довольна.

Паранья, Леонус, Магнус, Лоди, Мими и я Вам кланяемся.

522

Слушай, голубчик, Варенька очень неможет. Si c'est Votre départ qui en est cause, Vous avés tort*. Уморишь ее, а она очень мне мила становится. Ей хотят кровь пустить.

523

J'aurai l'honneur de Vous dire, la Perruche, dans peu de tems, que je Vous aime de tout mon coeur.

Я буду иметь честь сказать вам, Перюша, в скором времени, что я люблю вас всем сердцем (*фр.*).

524

Voila qui paye les dettes de la Perruche**.
О, Перюша, Перюша, Перюша.

525.

Je Vous donne les lignes ci-jointes à la Perruche et faites Vous les montrer.

Я даю вам приложенные строки Перюше, покажите их ему (*фр.*).

526.

Que faites Vous? Que fait ma Perruche?

Что вы делаете? Что делает моя Перюша (*фр.*).

527.

Батинька Князь, за письмо благодарствую и желаю тебе быть здоровым и веселым. У меня голова болела весьма сего утра, а теперь молитвами Вашими есть лехче. Surtout для surtout*** мне кажется, как седло для коровы. Мещанк[ов]у прикажу отпустить гродитуру, которого желаете иметь, но буде не более надобно, как двести аршин, то не луче ли взять фасоны.

Андрея Вашего я приказала делать мундшенком. Adieu, mon Ami. Portés Vous bien.

528.

Батинька друг сердечный, за ласковый прием тебе спасибо! Притом посылаю я рескрипт к Стахиеву. В нем точно сказано: от пятнадцати до двадцати процентов. Сама же не несу его к тебе, потому что голова кружится от самой минуты, что проснулась.

529.

С благодарением принимаю присланные от Вас ко мне богатые подарки и все то, что при сем случае ко мне пишешь. Таковой образ мысли благородной душе свойственен, а я бываю ли благодарна или нет, тому свету на суд отдаю.

---

* Если ваш отъезд тому причиною, вы неправы (*фр.*).

** Вот, кто платит денежные долги Перюши (*фр.*).

*** Верхнее платье для верхнего платья (*фр.*).

530.

Grand merci, cher Ami, pour la superbe et charmante boite que Vous m'avés envoyeé; elle m'est autant agréable que Vous même m'étes cher.

Большое спасибо, милый друг, за великолепную и прелестную шкатулку, которую вы мне прислали. Она мне так же приятна, как и вы сами милы (*фр.*).

531.

Что давно тебя, батинька, не видала, о том жалею и на пожара Вашего негодую. За финифтную картину благодарствую тебе и посылаю дыню здешнего произращения. Изволь кушать на здоровье.

1778

532. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 20 февраля 1778]

Матушка Всемилостивейшая Государыня!

Препровождаю у сего копию с челобитной от наших, находящихся в Хиве в плену, и рапорт ко мне Астраханского губернатора[1]. Моя щедрая мать, будь здорова по мере моего желания.

Рукой Екатерины II: *При сем посылаю мое мнение. Здорова и тебя, батя, прошу быть здоров и весел. Прощай до завтра.*

533. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 20 февраля 1778]

Князь Григорий Александрович. Прочтя приложенные бумаги, пришло мне на ум, что пока Иностранная коллегия положит на меры, как впредь пленных выкупать, чтоб Вы приказали будто имянем Вашим выкупать пленных, хотя тысяч на двадцать на первый случай. И та сумма весьма долго не избудет и что число их весьма меньше, нежели выходцы сказывают. Что же по временам издержано будет, о том сообщите в Кабинет, дабы плата производилась, а на месте можно взять хотя из соляного или инаго дохода.

534. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 6 марта 1778]

Отзывом Князя Прозоровского я довольна и весьма. Но для Гр[афа] П[етра] Алек[сандровича] уже пять губерний: дело невозможное. И когда случай надстанет, я о прозьбе Князя Прозоровского не забуду, чего ему сказать можешь.

Ты цалуешь у меня ручки, а я у тебя щечки.

535. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 21 апреля 1778]

Сердечно сожалею, батинька, о твоей болезни. Берегись, пожалуй. Очень холодно повсюду. И как ни рада тебя видеть, но еще более хочу, чтоб был здоров.

Ефремова прощу в мое рождение и, буде о том указ надобно, то подпишу. Цыпляты Ваши здоровы[1]. Bonsoir, mon Ami*.

---

* Добрый вечер, друг мой (*фр.*).

536. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[21 апреля 1778]

Князь Григорий Александрович. Находящемуся ныне в Пернове бывшего войска Донского атаману Степану Ефремову я позволяю жить в Таганроге.

537. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 мая 1778]

Батя, план операции из рук Ваших с охотою приму[1]. Об Голицыне с Вами поговорим в городе[2]. Пеняю, сударь, на тебя, для чего в притчах со мною говорить изволишь. Ум не достанет догадаться, на кого целишь. Бог тя знает, кому обязан и кому родство есть сильным правом.

Parlés net ou bien je me fâche, mais j'aimerais mieux que Vous me disiés à la fois toutes ces belles choses et ce que Vous souhaités, [не] как урывками tous les jours quelques choses*.

Дитятя уехал et puis c'est tout: du reste nous parlerons ensemble**. За табатьерку Осиновой Рощи нижайше кланяюсь. Не забыли ли Вы, что Вам завтра обедать dans le château de Tunderthentrunk, en grec Кекериксина.

Adieu, mon bijou, que le ciel Vous bénisse et surtout que je Vous voye guai comme un pinçon demain, ou bien je ne ferai que bouder à Espenbaum***.

538. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 1 июня 1778]

Боюсь пальцы обжечь и для того луче не ввести во искушение, а наипаче не казать на глаза параклиту****. И так, опасаюсь, что вчерашний день разславил мнимую атракцию*****, которая, однако, надеюсь лишь односторонняя и которая Вашим разумным руководством вовсе прекратиться лехко может. И так, хотя не хотим и не хотя хотим. Morbleu, voila qui est clair comme le jour******.

539. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 1 июня 1778]

Никакой робости не было, вели себя приятнейшим образом. C'est un Ange, grand, grand, grand merci*******.

---

* Говорите яснее, не то рассержусь. Я бы хотела лучше, чтобы вы мне сказали сразу все эти хорошие слова и то, чего вы желаете, не как урывками всякий день чего-нибудь (*фр.*).

** Дитятя уехал[3] и это все. Впрочем, переговорим вместе (*фр.*).

*** в замке Тундертентрунк, по-гречески Кекериксина. Прощайте, мое сокровище, да благословит вас небо и в особенности да увижу вас завтра развеселым, не то буду дуться, в Эспенбауме[4] (*фр.*).

**** от paraclit (*греч.*) – Святой Дух-утешитель.

***** от attraction (*фр.*). – притяжение.

****** Черт возьми, вот что ясно, как Божий день (*фр.*).

******* Это ангел, большое, большое, большое спасибо (*фр.*).

540. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 1 июня 1778]

Батинька, голубчик. Что тебе есть лехче, тому весьма радуюсь. У меня Рожерсон был и сказал, что Вам дал лекарства. Черноголовый имеет приказанья тебе сказать всякую от меня ласку. Позабываю же тебя, как себя.

О Александр-шанце я приказала уже, а сей час еще погоню[1]. Adieu, mon cher et bien aimé Ami, je Vous embrasse*. Мне очень скучно, ожидаю скучное прощанье[2].

541. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 18 июня 1778]

Надлежит сделать на Лимане редут, в котором бы уместились Адмиралтейские верфи и прочее по примеру здешнего Адмиралтейства, и назвать сие Херсон. Тамошний Кронштадт естественный есть Очаков, осада онаго и взятье не станут так дорого, как крепость, прожектированная господином Медером[1]. Сивильное же строение Херсона можно обнести полевым укреплением.

542. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[23 июня 1778]

Голубчик, батинька, письмо Ваше я сейчас получила. Благодарствую за угощение. Ваши фре[й]лины будут в Иванов день в город. Я послала к ним сказать. Я здорова и сего утра купалась. Adieu, mon cher Ami, je Vous embrasse. Будь здоров и весел.

543. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 июня 1778]

Получила я от Турчанинова здесь, в Левендале, в первом часу письмо твое[1], барин, и приложенные ко мне и к тебе письмы. Корыстолюбие более всего не двояко, все прочее – тебе разбирать, а от меня первое не ушло. Прощай, мой друг, не забудь нас. А об тебе всегда помню. Указ возвращаю. Что мною подписано, то подписано. Я торговаться и торга не люблю. Буде бы ничего не дала, то бы претензии не было, а дареному коню в зубы не смотрят. Adieu, mon Ami, je Vous embrasse.

544. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 28 июня 1778]

Батя, что касается Херсона, то мне все равно, где б ни стояла, лишь бы у меня корабли строились и двойной крепостной и иной работы не было.

Указы получила, но переписать надлежит. Все же Пирр царь Эпирский протестует противу камерюнкерского чина. Вы позабыли, что тут же и Путятина

---

* Прощайте, мой дорогой и горячо любимый друг, обнимаю Вас (*фр.*).

надлежало вписать. О Давыдове буду иметь честь с Вами говорить[1]. Adieu, mon bijou, grâce à Vous et au Roy d'Epire je suis gaie comme un pinson et je veux que Vous soyés aussi gai et bien portant. Grand merci pour les fruits. Les dessins je les regarderai aujourd'huy où je n'ai rien autre chose à faire*.

545. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 22 июля 1778]

Необходимо нужно иметь наготове корпус нарочитой в близости Цесарской Польши. И для того я думаю командировать к Киеву пехотных три полка: Санктпетербургский, Невский, Сибирский; конные – Орденский, поселенных 10 эскадронов. Сим и состоять в окружностях Киева до повеления, а когда нужно будет соединить корпус, тогда сии вместе с находящимися у Ширкова и командированными прежде в Подолию составят пехотных полков девять, а конницы 22 эскадрона, да Донской полк.

Рукой Екатерины II: *Надлежит также предписать ближним по цасарской границе камандирам, чтоб дезертиров, наипаче же нашего закона, не выдавали обратно, но под разными предлогами удерживали и в Киев или Новороссию отправляли.*

546. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 29 июля 1778]

Присланный формуляр указа я подписала, но не без опасения, что в Ганнибаловом может встретиться противуречие немалое[1], чего к немалому дискредиту в людях служит, как и всякая двоякость. Без справок дело делать неловко. Суворова репорт я читала, и кондиции греков, не думаю, чтоб много разнствовали с нежинскими[2]. Здесь никого не имею привилегии для составления, ибо Вяземский уехал, равно и Безбородко[3]. И для того к Вам возвращаю о том и о деньгах. И буде иное что нужно, с Ген[ерал]-Проку[рором] прошу переговорить. Прощай, Бог с тобою. Скакун, скорохват, я тебя не люблю, и дело пришло не ко времени. Голова чрезмерно болит, чуть вижу, что пишу.

---

* Прощайте, мое сокровище. Благодаря тебе и царю Эпирскому я весела, как зяблик, и хочу, чтобы и ты был также весел и здоров. Большое спасибо за плоды. Рисунки посмотрю сегодня, когда у меня не будет другого дела (*фр.*).

547. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 29 июля 1778]

Умен и очень умен и умнехонек и предан ей самой без изъятия Князь Григорий Александрович. Je Vous embrasse mille fois, mon Ami, pour Votre lettre d'aujourd'huy*, и ты прав: без тебя Херсон не будет построен[1]. И буде ты говоришь, что в твоем указе противуречья нету с Ганнибаловым, то полагаюсь на твое изреченье. J'étais très malade hier de la tête, mais aujourd'huy je me porte bien. Adieu, mon Ami, Vous êtes charmant et Vous avés de l'esprit comme un ange**. Спасибо, что не хорохори[шь]ся, и тысячи спасибо. Будь здоров и весел.

548. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 5 августа 1778]

Во ожидании твоего приезда с часа на час живем и жили. Жалею весьма, что неможешь. Дитя мне поручило, что буде в небытности его приедешь, чтоб поцаловать в губы.

За виды италианские и швейцарские благодарствую. Пожалуй, выздорови скорее и приезжай к нам. А ден чрез десять уже в городе неразлучно будем. Adieu, mon cher Ami, je Vous embrasse et je désire beaucoup Vous voir, parce que je Vous aime de tout mon coeur***.

549. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 августа 1778]

Спасибо и премного спасибо за прилагаемое попечение о Херсоне, а лес сей час прикажу Кашкину тебе дать, голубчик, на строение, Бог с тобою.

550. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[9 августа 1778]

Спасибо, голубчик, и весьма спасибо за расторопное разпоряжение о Херсоне. Комендантство же смело изволь обещать Соколову[1], хотя с теми выгодами, кои имел Дежедерас в Таганроге при заведении. Верфи же, хотя на три военных корабля, чаю, довольно будет на первый случай. Здешняя имеет одиннадцать эллингов, но вдруг более как на пять кораблей строить нельзя, одиннадцатая – фрегатная. Сие пишу примерно, чтоб Вы к сему примениться могли. О крепости буду ожидать Ваше предположение. Здесь весьма же скучно, обрадуюсь весьма вашим завтрешним приездом. Прощайте, Бог с Вами. Будь здоров, батинька, для меня.

---

* Я вас целую тысячу раз, мой друг, за ваше сегодняшнее письмо (*фр.*).

** Я была очень больна вчера головою, но сегодня здорова. Прощайте, друг мой, вы милы и остроумны, как ангел (*фр.*).

*** Прощайте, мой дорогой друг, Я целую вас и очень желаю видеть, так как люблю вас от всего сердца (*фр.*).

551. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 22 августа 1778]

Батинька, письмо твое мне Турчанинов отдал[1]. Я говорила с Михельсоном, и он сказывал мне, что многие есть дворяне в Курляндии, недовольные герцогом[2]. Сие есть для меня не новое. Я и сама Герцогом недовольна. Жалобы приносить им запретить нельзя, но все сии люди весьма ветренные: я их видела в четырех случаях при четырех хозяйствах[3]. Я к послу напишу, чтоб он им не препятствовал жаловаться, но наперед с тобою поговорю. Баурово письмо я не получила[4]. Adieu, mon cher Ami.

552. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 сентября 1778]

Vou jugés bien qu'il ni saurait y avoir chez moi, pour ce qui regarde le personnel, aucune sorte de comparaison entre Vous et le D[uc] de C[urlandie] et assurément toute ma vie ce sera avec le plus grand plaisir et empressement que je me porterai vers tout ce qui pourra procurer ou seulment contribuer à Votre bien–être. Dans l'affaire dont m'est venu parler hier Michelson, il faut avant tout poser des principes de justice et d'équité, afin de partir de là pour lui donner de la solidité. Le mécontentement juste ou faux de quelque sujet inquiet ne suffit pas pour contenter l'Europe. Celui que je puis avoir dans l'affaire de sa femme, que j'ai protégée, n'est pas non plus suffisant pour que je défasse mon propre ouvrage.

Приведите в безопасность славу и справедливость et comptés après cela que personne ne combattra avec plus de zèle et sincérité pour Vous que moi, parce que je Vous aime et que je suis convaincue que Vous m'êtes plus fidèlement attaché qu'âme du monde. N'allés point recevoir cela en Jupiter Tonnant, dont Vous êtes l'image lorsque Votre sang bouillonne, mais souvenes–Vous de l'inscription grecque et lettre d'or dans Votre jardin Фемиды.

Samedi, à quatre heures du matin.

Вы хорошо судите, что у меня не может быть лично никакого сравнения между вами и герцегом Курляндским[1]. И, конечно, во всю мою жизнь я с величайшим удовольствием и усердием буду склонна к тому, что может доставить или только способствовать вашему благосостоянию. В деле, о котором приходил вчера мне говорить Михельсон[2], должно прежде всего установить правила справедливости и правосудия, дабы, исходя из них, придать прочность этому делу. Справедливого или ложного недовольства какого-нибуль беспокойного подданного недостаточно для удовлетворения Европы. Недовольство, которое я могу иметь в деле его жены, которой я покровительствовала, также недостаточно для того, чтобы я переделывала свой собственный труд[3]. Приведите в безопасность славу и справедливость и рассчитывайте после того, что никто не будет ратовать за вас с большим рвением и искренностью, чем я, потому что я люблю вас и убеждена, что и вы привязаны ко мне сильнее, чем кто-либо на свете[4]. Не примите это подобно Юпитеру–Громовержцу, которого вы изображаете, когда ваша кровь кипит, но помните о греческой надписи золотыми буквами в вашем саду Фемиды.

Суббота, в четыре часа утра (*фр.*).

553. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[21 сентября 1778]

Князенька, батинька. Что тебе есть лехче, за то Бога благодарю. Пока ты слаб, пожалуй, береги себя, не езди и имей для меня попечение о своем здоровье. Я здорова. Вчерашний день весьма тихо и благообразно прошел. Чаю, Волков Вам сказал, что я о Гориче приказала[1]. Буде сыщут, прикажи учинить с ним, как законы повелевают.

Что дитятю люблю, о том будь уверен[2]. Он сам к тебе написал, что он у меня выпросил: je n'ai [pas] pu lui refuser une chose aussi aisée à faire pour le rendre content, d'autant plus qu'il agit par reconnaissance. Adieu, mon Ami. Quand je Vous reverroi en bonne santé, je Vous embrasseroi de tout mon coeur*.

Приложенную Вашу записку для скорости пошлите к Вяземскому[3].

ПИСЬМА И ЗАПИСОЧКИ

1778–1779

Екатерина II – Г.А. Потемкину

554.

Вы помните, чаю, что начало сего дела происходить должно тамо, откуда посыланный Ваш приехал. Тамо и жалобы уважаемы будут. Подкрепить угнетенных и истину от меня предписано и всякий час готова подтвердить сии повеления и всего того, что в пользу Вашу служить может непременно. Иного писать не имею, ибо сама с Вами при свидании переговорю.

555.

За сафьяны, батинька, премного благодарствую. Мне есть лехче и я здорова молитвами Вашими. Теперь назад только что приехала. Ездили гулять по Стрельнинской дороге. Adieu, mon Ami, je Vous embrasse tendrement**. Завтра дитя к Вам отпущу.

556.

Я б Мансурова тот час определила в Иркутск, но понеже правит Оренбургом, то несколько обождать придется. Приятность Озерков и веселость тамо бывшей компании подают причины завидовать тем, кои тут не случились. Пребываю, как и всегда, с крайним доброжелательством.

557.

Надо посмотреть те места, где я поставила на письме Ганнибала карандашем NB. Не значат ли подкрепление Крымским шалостям.

---

* Я не могла ему отказать в вещи, столь не трудной для выполнения, чтобы сделать его довольным. Тем более, что он действует из признательности. Прощайте, друг мой. Когда я увижу вас снова в добром здоровье, я расцелую вас от всего сердца (*фр.*).

** Прощайте, друг мой, я вас нежно целую (*фр.*).

558.

Вице-канцлер сей час был у меня и сказывал, что его жена раза четыре Герцогине говорила о известном деле, и всякий раз получила в ответ, что сестра бы рада была и делу непротивна, но будто бы желала, чтоб брат ей говорил, а брату говорить отклонила, говоря, что таковое дело зависит от склонности.

Сей министриальный ответ тебе сообщаю. Надо теперь посмотреть поведение того господина. Может статься, что высматривает девицу.

559.

Г.А. Потемкин – Екатерине II

Премного спасиба, что приехали. Не можете ли Вы ко мне притти на час хотя на малую лес[т]ницу. Je voudrais Vous parler*.

560.

Я давно собирался просить о предложении перехода в Россию славянам, как то черногорцам и прочим. А теперь увидел, что они и сами вызывались. Не можно ли сие произвести в действо.

561.

Матя, nous sommes de retour, à présent on veut souper**.

Рукой Екатерины II: *Mon Dieu, qui auroit cru que Vous reviendriés. Etes Vous prié à Gatchina****?*

562.

Non, je ne suis pas prié. Madame la Princesse Orloff fait la difficile, et ce n'est pas pour y aller, que je suis revenu; mais parce que je Vous ai promis****, я думаю, голубушка, тебе это не досадно.

Рукой Екатерины II: *Mon cher Ami, je suis enchantée de Vous savoir ici; mais bien fâchée que Vous soyés malade. Ne prie pas chez Vous******.*

563.

Матушка Государыня! Симолин у меня пружина действующая в известном Вам деле, и здесь, что делается, я только его каналом знаю. Вы через меня обещали ему место в Дании. Я к сему хотел просить еще ему об милости, но он, против его желания и способности, определяется в другое место.

Рукой Екатерины II: *Батинька, из Дании есть прозьба, чтоб его туда не посылать. Я думала самое хорошее место ему доставить, но опасаюсь, что трудно его удовольствовать. Буде же тут быть не хочет, то сказать может.*

---

* Мне надобно с вами поговорить (*фр.*).

** Матя, мы вернулись, теперь хотим ужинать (*фр.*).

*** Боже мой, кто бы мог подумать, что вы вернетесь? Приглашены ли вы в Гатчину (*фр.*).

**** Нет, я не приглашен. Княгиня Орлова привередничает, и не потому, чтобы ездить туда, я вернулся, но потому что вам обещал (*фр.*)

***** Мой дорогой друг, я очень рада знать, что вы здесь. Мне досадно, что вы больны. Не захожу к вам (*фр.*).

1779

564. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Ваш характер не мстит обидящим. Вы подражаете Богу, а я Вам. И для того упадаю у ног Ваших. Прошу милосердия столько, как Вы показали справедливости. Простите, Всемилостивейшая Государыня, бригадиру Ергольскому его неосновательный поступок. Укажите сие дело вечно предать забвению. Воззрите на его состояние и поданием помощи отвратите тяжесть, угнетающую его состояние. Я с сей прозьбою к Вам дерзаю приступить, как к сильнейшей гонительнице бедности и несчастия.

Ваше Величество взыскали меня более моих заслуг, но не более моего усердия. В награждение сего последнего покажите прошлую мне милость, за что не отречется заплатить жизнию

Вашего Императорского Величества
верный раб

Князь Потемкин

23 февраля [1779]

565. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До марта 1779]

Позабыла сказать, что Анненскую ленту Тутолмину по справедливости дать надлежит.

566. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 июня 1779]

Кланяюсь те, Князь, поживитка с нами. На степи и без тебя исправно будет распоряжениями твоими же. Я люблю тя, Князь, и не забуду тя. Те дитя[1] приказал писать, шаля. Он кланяется и цалует тя, Князь. Завтра в шестом часу за полдень приеду и буду весела. Газету посылаю, прошу не потерять.

Adieu, mon bijou. Параша[2] кланяться приказала.

567. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 23 июля 1779]

Благодаришь ты меня много, только воистину не знаю, за что. Французы говорят: Voila comme les gens de qualité se ruinent*.

---

* Вот как разоряется знать (*фр.*).

В первом письме изволишь писать, что прибудет тебе доход[1]. Я любопытствовала узнать от К[нязя] В[яземского] – как? Но, говоря с ним, узнала, что вместо прибылого дохода забираешь за десять лет наперед нынешний. Ma fois je m'étonne comment Vous trouvés cela si réjouissant. Si cela peut payer Vos dettes ou si cela les paye, encore à la bonne heure, cette idée peut rejouir, mais si cet argent, tiré du sanctuaire auquel il ne faudroit, en bonne économie, jamais toucher, est employé en choses dont on peut se passer et que Vous resties chargé de dettes; je Vous avoue que je regretterai infiniment ce que je fais par complaisance pour Vous cette fois*, затем, что никому в добро не оборотится. Аглинскому посланнику, хотя я означила вчерашний день для свидания, но как Вы уехали, то я его только, проехав мимо, стоя у ворот, видела[2]. Прощай, батинька, до свидания. Что же у тебя голова болела от жара, в том от сердца жалею. Ma malgré cela il faut gronder les jeunes gens comme Vous, quand leurs amis voyent qu'ils font mauvaise économie, et qu'ils manquent de parole**.

568. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 августа 1779]

Mon cher Ami, j'ai un regret infini de ce que peut–être j'ai contribué à Votre mal de tête. Ma lettre aura, je supose, hâté Votre retour. Pardonnés la vivacité qu'elle contenoit. Ma situation hier étoit si cruelle que tout m'impatientoit; c'étoit une journée insupportable; la promenade de ce matin a mis du baume dans mon âme. Je n'ose Vous demander le sort de mon tout petit billet d'hier; je vois bien qu'il n'est pas devenu courtisan du Roy Pyrrhus, car s'il étoit là, je pense qu'il auroit daigné l'honorer d'un mot de réponse, peut–être, aussi mes prétentions sont–elles trop fortes, mais c'est que mon jugement est nébuleux depuis quelques jours.

Мой милый друг, мне бесконечно жаль, что, может быть, я была причиной вашей головной боли. Мое письмо, полагаю, ускорило ваше возвращение. Извините за пылкость, которую оно содержало. Мое положение вчера было так ужасно, что все приводило меня в нетерпение. Это был несносный день. Сегодняшняя утренняя прогулка пролила бальзам на мою душу. Я не решаюсь спросить у вас об участи моей вчерашней маленькой записочки. Я хорошо вижу, что он не сделался придворным царя Пирра, потому что если бы он был здесь, то, думаю, почтил бы его хоть словом в ответ. Может быть также, что мои претензии слишком велики, но это потому, что уже несколько дней, как мое суждение затуманилось (*фр.*).

* Право, удивляюсь, как вы находите это столь веселым. Если это могло бы оплатить ваши долги или оплачивать их, ну, тогда в добрый час. Эта мысль может радовать. Но если эти деньги, извлеченные из святилища, к коему при экономных расходах не нужно было бы притрагиваться, будут употреблены на вещи, без которых можно обойтись, и вы останетесь обремененным долгами, – сознаюсь вам, что буду бесконечно сожалеть о том, что на этот раз из любезности к вам было мною сделано (*фр.*)

** Сожалею, но все же должно ругать молодых людей, вроде вас, когда их друзья видят, что они расточительно ведут хозяйство и не держат своего слова (*фр.*).

569. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 3 сентября 1779]

Что неможешь, о том от сердца жалею. Не изволь жечь дом, он весьма мил. Пожалуй, будь здоров. Привезите с собою веселый вид, а то и я нахмурюсь. Дитя же буду ждать нетерпеливо.

570. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 16 сентября 1779]

Пожалуй, прочти и буде находишь основательность, то пошли сказать, чтоб не ломали. И Принца также отговори ехать[1]. А буде найдешь в сем прошении пустошь, то не делай ни то, ни другое.

571. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 20 сентября 1779]

Кажется год целый тебя, барин, не видать. Пора тебе покидать чухонские леса и болоты и возвратиться к нам. Право, батинька, медведи и лоси Осиновой Рощи цены твоей не знают, а мы любим и чтим тебя. Хорошо ли покидать своих друзей и от них бегать в пустыни? Я радовалась третьеводнишним тучам, когда увидала, что идут на тот берег реки, надежде той, авось–либо тебя выгонят паки к нам. Adieu mon cher Ami, portés–Vous bien et revenés au plustôt trouver Vos Amis qui Vous aiment*.

572. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 20 сентября 1779]

Mon Ami, il fait si froid ici, que j'ai pris la résolution de m'en aller demain ou ce soir à Czarsko Celo**.

Слышу я, батинька, что ты живешь в лагерь. Весьма опасаюсь, что простуди[шь]ся. Пожалуй к нам в покой: каков ни есть – суше и теплее, нежели в палатке. Мне кажется год, как тебя не видала. Ау, ау, сокол мой дорогой. Позволь себя вабить***. Давно и долго ты очень на отлете.

573. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец сентября 1779]

NB. Tout la parenté, qu'il aime, soupe chez lui, mais lui est allé, m'a–t–il dit, passer le soirée chez Марина Осиповна. Si Vous aviés à propos quelque furet qui pût guetter les deux portes de S[on] E[xcellence] mad[emoiselle] la Comtesse où il paurroit bien se

---

* Прощайте, друг мой дорогой, будьте здоровы и возвращайтесь скорее, чтобы найти ваших друзей, которые вас любят (*фр.*).

** Друг мой, здесь так холодно, что я решила завтра или сегодня вечером ехать в Царское Село (*фр.*)

*** призвать, приманить (старинное *русск.*).

rendre au sortir de chez Осип[овна] ou bien aller chez lui, ce seroit une bonne chose. Bonsoir, mon Ami.

NB. Вся родня, которую он любит, ужинает у него, но он ушел, как он мне сказал, провести вечер у Марины Осиповны. Если бы вы кстати имели какого-нибудь осведомителя, который бы мог подстеречь у дверей ее сиятельства мадемуазель графини или мог оказаться при выходе его от Осиповны (вместо того, чтобы пойти к нему), это было бы хорошо. Добрый вечер, мой друг (*фр.*).

574. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 26 октября 1779]

За апельцыны благодарствую, батя. Мне есть лехче. Я спала днем четыре часа. У Турчанинова готова крестить или сама или par délégué*. Прощай, Бог с тобою.

575. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 26 ноября 1779]

Матушка, Николай Петрович Румянцев просится к отцу и спешит туда ехать, а обер-камергер болен и поручил мне доложить Вам об нем.

Рукой Екатерины II: *Отпусти его, а я тебя не люблю.*

576. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[4 декабря 1779]

J'ai le plaisir de Vous annoncer que le Monsieur dit de Катенька qu'elle est et plus aimable, et plus attentive, et plus jolie que toutes les Demoiselles du courant. Il parle d'elle fort volontiers, il trouve fort agréable d'être avec elle, voilla ce que je sais jusqu'ici; tantôt la Ryibas viendra chez moi et ce qu'elle me dira je Vous en ferai part.

Имею удовольствие сообщить вам, что сударь говорит о Катеньке: что она и любезнее, и внимательнее, и красивее, чем все нынешние фрейлины. Он говорит о ней с большой охотой, находит очень приятным быть с ней. Вот, что мне известно до сих пор; вскоре Рибас приедет ко мне и о том, что она расскажет, я вас уведомлю (*фр.*).

577. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 декабря 1779]

Le petit Bo[brinski] dit que Катенька a plus d'esprit que toutes les autres femmes et filles de la ville. On a voulu savoir sur quoi il fondoit cette opinion, il a dit que cela seul le prouvoit à son avis qu'elle mettoit moins de plumes, de rouge et de bijou que les autres. A l'opéra il a pensé casser la grille de sa loge parce qu'elle l'empêchoit de voir Катенька et d'en être vu; enfin il a réussi je ne sais comment à agrandir un des carreaux de la grille et alors – adieu l'opéra, il ne faisoit plus d'attention; il s'est défendu comme

* через посланного (*фр.*).

un lion hier contre le Pr[ince] Or[loff] qui vouloit le turlupiner sur la passion; il lui a répondu à la fin avec tant d'esprit qu'il l'a fait taire, car il lui a dit que Катенька n'étoit point la cousine germaine.

Маленький Бобринский говорит, что у Катеньки больше ума, чем у всех прочих женщин и девиц в городе. Хотели узнать, на чем он основывал это мнение. Он сказал, что, на его взгляд, это доказывалось одним лишь тем, что она носит меньше перьев, меньше румянится и украшается драгоценностями, чем другие. В опере он задумал сломать решетку своей ложи, потому что она мешала ему видеть Катеньку и быть видимым ею. Наконец, я не знаю, каким способом, он ухитрился увеличить одну из ячеек решетки и тогда – прощай опера. Он не обращал на нее больше внимания. Вчера он защищался, как лев, от Князя Орлова, который хотел высмеять его за его страсть. Он отвечал ему под конец с таким остроумием, что заставил его замолчать, так как сказал ему, что Катенька вовсе не была его двоюродной сестрой (*фр.*).

578. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 декабря 1779]

Selon ce que Ribas m'a dit hier son élève n'aime pas beaucoup qu'on le moralise ainsi; je crois que ces prêcheurs ne feront pas grand effet sur lui, d'ailleurs je sais que le ton de papa ne lui plaît toujour*. Он же чутья имеет боле, нежели летам его свойственно, лжей не любит, и не всегда тот успеет, который думает брать или вкрас[ть]ся ласканием. Il a beaucoup de candeur et de franchise**.

579. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 5 декабря 1779]

Parole d'honneur je n'en dirai rien; mais Бетский m'a demandé hier si cela était et qu'on en parloit en ville. J'ai juré que je n'en savais rien, comme en effet je l'ignorois avant Votre billet de cet après-dîner. Adieu, mon Ami, portés-Vous bien.

Честное слово, не буду об этом говорить, но вчера Бетский спросил меня: так ли это и что об этом говорят люди в городе? Я поклялась, что ничего не знаю; как в действительности и было до вашей послеобеденной записки[1]. Прощайте, друг мой, будьте здоровы (*фр.*).

580. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[6 декабря 1779]

Catiche est-elle allée aujourd'hyi au Corps des Cadets?

Отправилась ли сегодня Катенька в кадетский корпус (*фр.*)?

---

* Судя по тому, что мне сказал вчера Рибас, его ученику не всегда нравится, чтобы его таким образом назидали в нравственности. Я думаю, что эти проповеди не произведут на него большого впечатления. Впрочем, я знаю, что тон папа не нравится ему всегда (*фр.*).

** У него много чистосердечия и наивности (*фр.*).

581. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[14 декабря 1779]

Катенька hier a fait des merveilles. Elle a enchanté tout le monde par sa politesse et ses manières. La Ribas est allée chez son mari pour voir ce que dit le Monsieur*. Воровка у всех умела вкрасться в милости.

582. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[1779]

Граф Никита Иванович просит меня исходатайствовать Высочайшую ему милость пожалованием внука его сержанта Лобанова Князя Якова в тот же Семеновский полк прапорщиком.

Рукой Екатерины II: *Объявите.*

---

* Катенька вчера творила чудеса. Она очаровала всех своей любезностью и манерами. Госпожа Рибас поехала к своему мужу, чтобы узнать, что говорит сударь (*фр.*).

1780

583. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 2 января 1780]

Матушка Государыня. Николай Иванович хотел распросить, что это за вздор насказали камердинеры. Третий уже раз меня спрашивают: несколько раз Граф Чернышев и Николай Ив[анович], что Великая Княгиня может ли ласкаться милостию к ея брату пожалованием голубой ленты[1]. Я сказал, что я не знаю. Меня предупредили, что Ваш братец получил, будучи еще 13 лет[2], и служил после получения полковником у Цесаря. Покойная де Государыня была тетка, а Вы мать. Да он же уже дядя двум Великим Князьям[3]. Я Вам божусь, что отнюдь не подам виду, что я Вас, матушка, просил. А коли угодно, зделай собственным своим движением. Притом сказали, что он после сего скоро поехал.

Рукой Екатерины II: *Накануне его отъезда я дать могу. Не луче ли всем ея братьям дать разом. Так меньше приезжать станут. Моего никто не видал и он России, кроме двух аршин голубой ленты, ни единой копейки не стоит.*

584. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 2 января 1780]

Государыне есть легче и по желанию Вашему совершенно здорова и довольна будет, когда узнает, что Вы веселы и благополучны пребываете. Батя, прощай.

585. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 10 февраля 1780]

Барятинский испугал меня смертельно: с весьма сериозным лицом пришел ко мне и сказал: "Le Prince est au désespoir*, капитан у него ушел". "Кто, кто? Капитан?" У меня сердце от désespoir** твоего забилось. Наконец, все сие обратилось на бомбардирского. Не плачь, батенька, найдешь его, как оставил, всегда ласковым и дружелюбным к тебе.

---

* Князь в отчаянии (*фр.*).

** отчаяния (*фр.*).

Здесь холодно, а вчерась и скучно уже было: je n'ai point mon Ami, mon Prince*.

О Днепровских порогах Турчанинов Вам скажет мое мнение. Одни пороги легко чистить, вываливая одинокие каменья из форватера, а другие уступами, сих нельзя переводить. И так, il faut que Vous commencies par me donner des matériaux qui me comvainquent de la possibilité**. Сумма же весьма мала и за нею, видя пользу, не постою. Adieu, mon cher et bien aimé Ami.

586. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 19 апреля 1780]

Сей час возвратился ко мне Ал[ександр] Дм[итриевич] и сказывал, что дух твой наполнен безпокойствами[1]. Но как из всего того, кроме сущепустых бреден, я ничего не понимаю и притом знаю, что душа моя и его в рассуждении тебя весьма безпорочны, с каковым душевным спокойством и пребуду до тех пор, пока рассудишь за благо со мною переговорить. И я ни мало не сумневаюсь, что всякая клевета и неправда уступит истинной той дружбе, которую всегда и непременно найдешь в моей и ко мне привязанной душе того, который тебя наравне со мною любит и почитает. Сожаление же наше единственно об тебе, что ты находи[шь]ся в безпокойстве.

587. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 19 апреля 1780]

Пожалуй, дай мне знать: досадил ли тебе Александр Дмитр[иевич] и серди[шь]ся ли на него и за что имянно?

588. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 19 апреля 1780]

Mon cher Ami, j'ai fini mon dîner et la porte du petit escalier est ouverte. Si Vous voulés me parler Vous pouvés venir.

Мой дорогой друг, я кончила обедать и дверь с маленькой лестницы открыта. Если вы хотите говорить со мной, вы можете прийти (*фр.*).

---

* у меня нет моего друга, моего князя (*фр.*).

** нужно, чтобы вы начали доставлять мне материалы, которые бы убедили меня в возможности (*фр.*).

589. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 19 апреля 1780]

Зорич набрал всякой сволочи в эскадрон[1], в который положено с переменою брать из полков гусарских. Теперь из таковых представляется в кавалергарды некто Княжевич[2], никогда не служивший, и все у него ходил в официантской ливрее восемь месяцев, как записан; и прямо из ливреи – в офицеры.

Рукой Екатерины II: *Ливрейные служители мне не надобны в кавалергардии, а Зоричу запретите именем моим кого жаловать и пережаловать в такой корпус, где положено не быть, окроме заслуженных, попеременно из полков.*

590. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 мая 1780]

Батинька, письмо твое из Могилева я сейчас, приехавши, в Сенном получила[1], то есть в 10 часов за полдень. Весьма ласкательныя речи Графа Фалькенштейна приписываю я более желанию его зделаться приятным, нежели иной причине[2]. Россия велика сама по себе, а я что ни делаю – подобно капле, падающей в море. Что же его речи обо мне тебя веселят, о том не сумневаюсь, зная, колико меня любит любезный и признательный мой питомец. О свиданье с Графом Фалькенштейном отдаю на собственный его выбор, как день, так и час во дню, когда с ним познакомиться без людей.

Si je n'avais suivi que les mouvements de mon impatience et ma vivacité naturelle, dès que Votre lettre m'est parvenue, c'est-à-dire à dix heures du sour, je me serais remise en carrosse et aurais courru sans m'arrèter nulle part tout droit à Mohilef, où j'ai beaucoup de regret de savoir que Mr. le comte de Falkenstein m'ait devancé. Mais comme cela aurait fait une brêche à son incognito, la réflexion a retenu mon premier mouvement, et je m'en vais suivre ma route, comme Vous saves qu'elle a été réglée. Je coucherai demain à Шклов et dimanche je viendrai pour la messe à Mohilef*. Только тут не знаю, как выгоднее будет условиться о свидании без людей; ибо как прийду из обедни, тут люди ко мне повалят; опять отложить до после обеда – не учтиво будет; разве пока все люди со мною у обедни будут, не пожалует ли ко мне, дабы вошед я во внутренние свои покои, то есть пред спальнею, уже бы тут его нашла. Но только буде луче найдешь способ, то уведоми меня, а кажется, и так ловко быть может. Как Гр[аф] Румян[цев] ко мне пишет[4], что гость нигде не хочет обедать, то заключаю, что и со мною обедать не станет за большим столом, о чем буду ждать уведомления. Письмо его влагаю, дабы Вы знали, что и как пишет. Rien

---

* Если бы я следовала только движениям нетерпения и природной живости, то, как только дошло бы до меня ваше письмо, т.е. в 10 часов вечера, я села бы в карету и устремилась бы, нигде не оставаливаясь, прямо в Могилев, где, к моему сожалению, граф Фалькенштейн меня опередил. Но как это причинило бы вред его инкогнито, то размышление удержало мое первое движение, и я буду продолжать свой путь так, как вам известно он был начертан. Буду ночевать завтра в Шклове[3], а в воскресенье приеду к обедне в Могилев (*фр.*).

de plus flatteur ni de plus agréable que cette lettre que Vous m'avés envoyée. Je Vous prie de réitérer à Mr. le Comte de Falkenstein les assurances que mon premier désir est de me conformer en toute façon à tout ce qui pourra lui rendre le séjour de Mohilef supportable*.

Прощай, друг мой, мы очень тоскуем без тебя. Я весьма желаю скорее увидеться с тобою.

591. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[23 мая 1780] из Шклова,
в 11-том часу вечера

Сейчас получила я твое письмо, друг мой сердечный[1]. Я завтра к вам надеюсь быть рано, всем скучно без вас. Что пишешь, во всем том вижу твою ко мне дружбу. О Фальк[енштейне] стараться будем разобрать вместе. Добра ночь. Саша Дмитр[иевич] кланяется и тоскует весьма по тебе.

592. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Мшаги, июня 9 ч. 1780

Батинька Князь, письмо твое из Вязьмы, приехавши сюда в 10-том часу вечера, сегодни я получила[1], из которого усмотрела, что Гр[аф] Фалькенштейн, а ты за ним, полетели к Москве. Мы все, равно и дети Ваши, здоровы[2]. Я их везу скоренько, думаю быть в пятницу дома. Спешу, чтоб Вы меня не упредили. Буде Вас найду в Новогороде, то увезу с собою. Вы подумаете, что брежу; нет не брежу, но знаю, что с проворными людьми дело имею. Буде гость заботится еще знать мое о нем мнение, то можете сказать, что je pense qu'aucun Souverain présentement vivant ne l'approche en fait de mérite et de connaissances et de politesse; je suis enchantée d'avoir fait sa connaissance; comme particulier même ce serait une excellente connaissance à faire. Adieu, mon bon Ami**.

Будь уверен, что моя к тебе дружба равна твоей ко мне привязанности, которой цены не ставлю. За каврижки благодарствую. Ал[ександр] Дм[итриевич] просил Вам поклониться, без Вас скучаем, нивесть как долго не видали[3].

593. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Новогорода, 11 ч. июня 1780,
то есть, в четверг

Сюда мы приехали благополучно сего утра в четыре часа, и после обеда уеду прямо в Царское Село. Я здорова и все при мне находящиеся, начав с детей, от тебя мне вверенных. Весьма желаю знать, батинька, каков ты. Спешу

---

* Ничто не может быть более лестным и приятным, как письмо присланное мне вами. Прошу повторить графу Фалькенштейну уверение, что мое первое желание – всеми способами сообразоваться с тем, что может сделать ему сносным пребывание его в Могилеве (*фр.*).

** Я думаю, что ни один ныне живущий государь не подходит к нему, касательно заслуг, сведений и культуры. Я в восхищении, что познакомилась с ним; даже как частное лицо он был бы превосходным знакомством. Прощайте, мой добрый друг (*фр.*).

я, чтоб вы меня не упредили в дороге. Теперь, чаю, я выиграла скоростью. Mon bon Ami, пусто без тебя. Je suis charmée de Vous revoir et je m'en vais ordonner Vos quartiers à Czarsko село*. Прощай, батинька. Архиерей меня принял без речи, что приписывать должно его скромности, что безпокоить не хотел посреди ночи.

Как-то тамо Вы поживаете, а ко мне никто о том не пишет.

594. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 июля 1780]

Буде обер-полицмейстер Лопухин Ранцова не сыщет в городе или у матери в деревне в трое сутки от сего 25 ч. июля[1] и после того от меня наряженные его сыщут, чтоб он – Лопухин – знал, что он сам со мною будет иметь дело, ибо мне в обер-полицмейстеры в Питербурх не нужен трус, либо непроворный человек, или нерасторопный. Прошу о сем ему дать знать последнее мое приказание.

Екатерина

595. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[27 июля 1780]

Уж не посылай мое письмо к Архарову. Ранцов уже привезен от матери из деревни и отослан к Вяземскому.

596. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 26 августа 1780]

Жалею, батинька, что ты не очень здоров[1]. Снова потеть будешь. Осенью при приезде насл[едного] принца Прусского[2], чаю, у Панина рассудка мало увидим.

597. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Август–сентябрь 1780]

Dites au Prince de Ligne, Mon Ami, en le remerciant de son livre, que la description de Beloeil m'a enchantée. J'ai toujours aimé les têtes à tapage et je n'ai guère lu de livre qui renferme une plus grande Encyclopédie de mouvements que le sien; je fais chorus avec lui lorsqu'il dit que l'on voit, que l'on pense tout en beau. Que personne ne se plaigne.

Скажите принцу Де Линь, мой друг, поблагодарив его за книгу, что описание Белейля восхитило меня. Я всегда любила буйные головы и читала немного книг, которые содержали бы больший круг сведений о силе воображения, чем его книга. Я разделяю его мнение, когда он говорит: пусть видят все и думают обо всем с хорошей стороны. Пусть никто не жалуется (*фр.*).

---

* Мой добрый друг, пусто без тебя. я буду в восхищении опять видеть вас и распоряжусь относительно помещения вашего в Царском Селе (*фр.*).

598. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25 сент[ября] [1780], пятница,
в девятом часу вечеру.

Сейчас, батинька, получила я твое письмо от 24[1] и очень тем обрадованы мы, то есть Саша и я. Вложенная цыдулка ему отдана и при сем посылаю его ответ. Что скорее возврати[шь]ся, то тем приятнее будет для меня, не то, чтоб забыть тебя. В ту минуту, как милое твое письмо принесли, то об тебе речь была и сумневались, что возврати шь ся ко вторнику, а теперь не без сожаления вижу, что и в середу в твои имянины не изволишь быть[2]. Однако, как бы то ни было, лишь будь здоров и об нас знай, что ты нами весьма любим.

К Александре Васильевне за письмом к тебе послала я, но она, чаю, уехала к Гаррису[3], и так не прогневайся, быть тебе сегодни без письма от них.

599. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 24 ноября 1780]

Позвольте, матушка, представиться нынче Соллогубу.

Рукой Екатерины II: *Приехал ли он или едет, или иной ли причины ради?*

600. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1780]

Батинька, как Сейм Польский кончился теперь, то время войск оттуда возвратить и привести мое о том данное повеление в исполнение. При сем посылаю письмо Послу, буде твой курьер неравно дорогою пропал, чтоб сие письмо верно дошло.

Желаю сердечно, чтоб ты скорее выздоровел.

601. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[1780]

О комиссариатских суммах донесу мое усерднейшее мнение, как о приходе доходов в сие место, так и об экономии. В числе остающихся мест мне кажется наибезполезнейшим Коммерц-коллегия, которая и прежде, Бог весть, что делала. Правило, положенное мануфактуре, еще более простирается на торговлю. Прибыток наилутчим есть поощрением оной. Естли ж разправа между агличанами до сей коллегии надлежит, то мне кажется лутче ей быть на основании трактата в общем месте купеческом, которое, как называется по новому учреждению, я теперь не помню. И тем наипаче, что дела их наиболее связаны с нашим купечеством. А дальновидное распространение внешней торговли, умножение и облегчение способов внутренней оставить времяни, просвещению и попечению купеческому обществу, ибо состояние торгующих становится часто хуже от того, когда о прибыли их слишком стараются другие.

Рукой Екатерины II: *За уничтожение Коммерц-коллегии никто не берется, но в трактате точно сказано о разборе агличан с нашими "быть в той коллегии". Трактат же изчезнет чрез шесть лет. Все же прочее весьма сходственно и моему мнению. В военных казначеях почитаю немалую нужду, но остаточных казначеев собенных устроить ли? О сем ожидаю Ваше мнение.*

602. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[1780]

Касательно коллегии Экономии: оная уничтожиться может, ибо легче смотреть подробности хозяйства по наместничествам. Но содержание монастырям и прочему духовенству истекать долженствует из одного места, которое назвать духовнойренториею в ведомстве Государственного казначея. Потому что нельзя не замешаться в щотах, когда расход на содержание многих частей последует из разных мест. То же на починку церквей и других ея строений лутче ассигновать из одного же места, иначе несравненно более расходы будут по многим причинам, и произойдет немалая трудность в соображении сумм.

Рукой Екатерины II: *Радуюсь, что мои мысли встретились в сем пункте с Вашими. Я вчерась еще приказала включить духовного казначея с казначейством.*

1781

603. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 14 января 1781]

Вчерась, опасаясь, чтоб Панин не возвратил Кобенцелю[1], не присылая ко мне, его предложения, приказала ему и Вице-канцлеру, чтоб оне взяли мне на доношение то, что Кобенцель им предложить будет и о чем Император ко мне пишет[2]. Вследствие чего и присланы при сем следующие бумаги. Теперь буду требовать от них о сем рассуждения, а там положу, как мне угодно окажется.

604. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 14 января 1781]

Как к вранью старого мошенника уже нечувствительна и на это нечего смотреть. Про Вас спросили у Салты[ковых]: каковы Вы[1]. Обо мне прошу верить, что я непременна.

605. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 25 января 1781]

Сравнивать прилично не ради трусости, но ради честности, что имея обязательства, нарушить оные безчестно. Трактат же равной дружбы не есть безчестное дело по тому правилу, что всякая держава старается со всякой державой жить дружно, когда не в войне. Войну же не вчинять без причин и без нужды. Я ни от кого из держав зависима быть не желаю. Венский двор весьма может хвалиться, что я сравниваю с двадцатилетним союзником тогда, когда десять лет назад оный двор отказался ото всякой связи с нами в нужное для нас время и всякую пакость чинил во время оное.

Что слабеешь, о том от сердца жалею и не знаю, чему приписать. Ужо сама посмотрю тебя. Прощай, мой любезный друг. Проект трактата, который ты читал, представлен Кобенцелем. Наш контр-трактат заготовляется.

606. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 25 января 1781]

При сем посылаю мой ответ, который прочесть можешь, батинька, Гаррису, переведя на слова и диктуя ему. Кажется, я тут сохранила все, что только сохранить можно, не компрометируясь. Ответствовала же я на всякий пункт, сколько время дозволило. Тут опасение еще есть и то, что кой час на предва-

рительную негоциацию соглашусь, то та и другая держава от мира уклонятся по противуречащим причинам, и мирное дело (уж конечно и то с афронтом) из моих рук выйдет, и тогда заневолю втянуты будем в дело. Или же с меньшей доверенностию поступят с нами те, кои и без того насилу с нами повидимому ласковы.

Только Кингстонша ко мне пишет и просит дозволения о покупке какой-то деревни, об которой велю выправиться. Adieu, mon Ami. Исписалась до смерти, устала.

607. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 27 января 1781. Санкт-Петербург]

Третьего дни я сказала Бра[ницкому]: Si Vous êtes dans quelque embarras, parlés-moi tout net, je m'offre à Vous en tirer*.Он благодарил и сказал: Il se pourra que je prenne cette liberté**. Вчерась, слыша, что он тут, я его призвала и повторила те же слова. Быв наедине, он мне сказал: Je crois deviner de quoi il est question. A mon âge on est si peu sûr de pouvoir plaire, mais je crois que j'aurai recours à Vos bontés. Cependant je tâche de voir si nous nous convenons***. На что я сказала: Vous ferés comme Vous l'entendés****. Он мне несколько раз сказал: Commandés, je feroi tout ce que Vous voudrés*****. На что я ответствовала: Je n'ai rien à Vous commander, mais volontiers je Vous tireroi d'embarras******

Что ты, батинька, слаб, о том очень, очень жалею.

608. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Февраль–март 1781]

Кобенцель буде тебе говорить будет так, как он заговаривал, что между Императором и Российскою Императрицею альтернатива быть не может[1], то прошу сказать, чтобы он отстал от подобной пустоши, которая неминуемо дело остановит, что мои правилы были суть: никому места не отымать и никому не уступать.

609. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 1 апреля 1781]

Приказали, матушка, мне прислать к себе записку о Генералах, кои достойны получить анненские ленты. Я ту же записку повторяю, которую два года назад подносил и на которую Вы изволили милостиво отозваться. Я тут

---

* Если вы находитесь в некотором затруднении, скажите мне откровенно все, я постараюсь вывести вас из него (*фр.*).

** Возможно, я осмелюсь (*фр.*).

*** Я полагаю, что угадываю, о чем идет речь. В моем возрасте так мало уверенности понравиться, но я думаю, что я прибегну к вашей доброте. Между тем, я стараюсь примечать, соответствуем ли мы друг другу (*фр.*).

**** Делайте, как вам угодно (*фр.*).

***** Приказывайте, и я сделаю все, что вы хотите (*фр.*).

****** Мне нечего вам приказывать, но я охотно выведу вас из затруднения (*фр.*).

выключил Михайла Сергеича, который всех их старее, для того, что Король за окончание комиссии подарит свой орден, естли Ваше милосердие будет дать позволение. Включил вместо его Талызина[1], который служил отлично.

610. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Апрель 1781]

Je suis curieuse de savoir ce que Cobenzel aura dans son sac et quand celui-là sera vidé, j'ai une idée qui pourra remédier à tout: c'est qu'en laissant tomber tous discours et propos d'alternative, chaque Souverain fasse mettre par écrit un exemplaire du Traité et qu'il le fasse commencer ainsi: Moi ou Nous par la grâce de Dieu promettons de donner à Notre Cher Frère (Soeur) ceci et cela selon la teneur des articles dont on sera convenu, et que chacun signera et ces signatures seront échangées, et alors...

Мне любопытно узнать, что у Кобенцеля в мешке и когда тот опустеет. У меня мысль, которая может помочь всему, а именно: выпустив всякие разговоры и речи об альтернативе, каждый государь издал бы письменно по экземпляру договора, и чтобы начали его так: я или мы, Божиею милостию обещаем дать нашему дорогому брату (сестре) это и то, смотря по содержанию статей, о которых будет согласие, и каждый подпишется и эти подписи будут разменены, и тогда... (*фр.*).

611. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 29 июня 1781]

Были ли деланы опыты из тростника сего писанного моря делать сахар и, буде не было делано, пожалуй, постарайся узнать, можно ли будет из того тростника варить сахар?

612. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 29 июня 1781]

Mon ancien Pylade est un homme d'esprit*. Сахарный тростник, найденный Войновичем[2], подал мне мысль присоветовать сыскать охотников к заведению в Астрахани сахарной фабрики. Прикажи скорее к нему послать морской всякой провизии, чтоб нужды не претерпел. С большим удовольствием прочла его рапорты и не сумневаюсь в добром успехе сей экспедиции, тобою руководствуемой.

613. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Июнь–июль 1781]

Протопоп Преображенского собора умер. На место его есть при посольстве в Париже священник, отличный поведением и ученостию. Перевод его на французский язык "Богословий" Платоновых доказывает, что он сей язык совершенно знает. Он годен будет к употреблению для школы бомбардирской. Да благоволите, Ваше Величество, его определить.

---

* Мой старинный друг Пилад[1] – человек умный (*фр.*).

614. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Июнь–июль 1781]

Когда протопоп Андрей при сущем своем невежестве был пожалован Синода членом для знатности полку, то я надежнее прошу Ваше Императорское Величество о нынешнем протопопе, сколь честном, столь же и ученом человеке, бывшем очень долгое время при посольствах с похвалою в Вене и Париже, а пред тем в Гамбурге. Ему было объявлено министрами Вашего Величества дозволение носить крест. Но сей с него здесь сняли.

615. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 22 октября 1781]

Мироныч Ушаков[1] жил во все время, как Вы были в Царском Селе, в Кузьмине[2], а как двор был в Петергофе, то там. Я ни его, ни отца его не знаю. Он хвалился явно, что успеет меня отставить, и на мое место будет определен Граф Алексей Григорьич. Я никогда об этом не хотел говорить, потому что я сие презираю и считаю его за дурака. Он и в Гатчине и здесь бывает у Князя, и там его дураком не считают.

Рукой Екатерины II: *Мне вчерась Князь Орлов сказал об нем, что он сумасшедший и много непристойного говорит, а сегодня мои люди из Эрмитажа сказывали, что он шатается по коридору. Буде бы я скорее о сем узнала, то бы не оставила сумасшедшего отдать туда, куда таковых сажают. О том же, что он делал летом, я ни слова не знала, и его в лицо не знаю, в чем присягаю. Отца же я знаю по делу Пушкиных, которого он вез из Нейгаузена[3].*

616. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До ноября 1781]

Mon cher Ami, permettés que je m'explique avec Vous sur un point qui nous touche vivement et de si près et dont Vous m'avés parlé il y a trois jours, et sur lequel je vois que Vous avés de l'inquiétude ce qui en donne à mon amitié pour Vous.

Vous êtes dans l'opinion que je suis contraire à l'inclination de ces deux jeunes gens l'un pour l'autre, tandis que je puis dire avec vérité que je n'y ai jamais été contraire ni ne suis contraire. Je pense que notre désir est égal, Vous et moi nous souhaitons qu'ils soyént heureux. Mais pour qu'ils le soyent il faut de part et d'autre que ce soit affaire dépendante d'eux-mêmes et de leure inclinations réciproques. Je Vous promets, que ni directement, ni indirectement je ne m'y opposerai. Mais je ne puis Vous cacher que ce jeune homme n'est encore rien moins que formé, qu'il est niais et gauche, et qu'il se pourroit bien qu'une femme dans ce moment ne trouve pas son compte

avec lui, ce qui ne laissera pas que de déranger leur bien-être et causer bien des amertumes*.

Мое чистое мнение есть дать им волю аранжироваться меж собою, как хотят, а то неровно оба на нас с тобою пенять будут, буде в женитьбе не найдут удачу. До тех же пор, пока оба согласятся, оставить его под смотрением, где ныне, и в продолжение изучения, дабы молодость его не учинилась без призрения порочно.

J'ai vuidé mon sac avec sincérité et amitié; si ma vue est bornée et que Vous avés à me fournir des idée plus solides je les écouterai avec amitié et plaisir**.

617. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1781]

Прочтя сей проект, я нашла, [что] оный составлен по правилам всех монополистов, то есть, – захватить все в свои руки, несмотря на раз[з]орение вещей и людей, из того последуемое. В начале моего царствования я нашла, [что] вся Россия по частям роздана подобным кампаниям. И хотя я девятнадцать лет стараюсь сей корень истребить, но вижу, что еще не успеваю, ибо отрыжки (авось-либо удастся) сим проектом оказываются. Буде сам его не издерешь, то возврати его сочинителям с тем, чтоб и вперед о том и подобном не заикались.

618. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1781]

За табатьерки, батинька, благодарствую, а фре[й]лины увольняю. Прощай, друг сердечный.

---

* Мой дорогой друг, позвольте мне объясниться с вами по вопросу, который живо трогает нас обоих и нам близок, о котором вы говорили со мною три дня назад и который, как я вижу, вас беспокоит, что при моей дружбе к вам тревожит и меня. Вы предполагаете, что я против взаимной склонности этих молодых людей. Тогда я могу сказать искренне, что я и не была никогда, и не есмь против. Я думаю, что наше желание одинаково: и вы, и я желаем, чтобы они были счастливы. Но для того, чтобы это было, надобно, чтобы и с той, и с другой стороны это было делом, зависящим от них самих и от их взаимной склонности. Я обещаю вам, что ни прямо, ни косвенно не буду противиться этому. Но я не могу скрыть от вас, что этот юноша еще не возмужал, что он глуповат и неловок и что, возможо, сейчас он может быть не устраивает женщину, что только нарушит их благополучие и причинит много огорчений (*фр.*).

** Я высказала свое мнение с чистосердечием и дружески. Если я смотрю близоруко и вы можете снабдить меня более основательными мыслями, я выслушаю их дружески и с удовольствием (*фр.*).

1782

619. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 8 апреля 1782]

Друг мой сердечный, глупость и безтолковчина Турчанинова заставляет тебя читать устав благочиния вместо городового положения[1]. Сию пьесу приказала отыскать между моих бумаг и едва ли найдут начисто переписанный экземпляр. Je Vous fais ce billet pour Vous éviter une grande lecture dans laquelle Vous ne trouverés rien de ce que Vous cherchés*.

620. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Естли добродетель и производит завистников, то что сие в сравнении тех благ, коими она услаждает своих исполнителей. Она мой ходатай пред Вами. Она обнадеживает теперь и Бибикова моим уже ходатайством у источника ея.

Просить недолго там, где милость всегда на пути. Вы уже помиловали, верно. Он потщится, исправя развращенные свои склонности, учинить себя достойным Вашего Величества подданным, а я и сию милость причту ко многим на меня излияниям. Пребывая по смерть непоколебимо

Вашего Императорского Величества
наивернейший и всеподданнейший раб
Князь Потемкин

15 апреля [1782]

621. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[19 апреля 1782]

Моего мщения напрасно он страшится, ибо между способностьми, которые мне Бог дал, сей склонности меня вовсе лишил. Я и тово торжества не желаю, чтоб он и прощения у меня публично просил.

Пусть он удовлетворит правосудие познанием Вашей милости, сравнивая суд Ваш с судом бывших Государей, и чтоб сердце его, наполненное до сего времени развращенными склонностями, впредь было занято чувствиями верности к особе Вашей и святым почитанием Высочайших узаконений. Он ничево со всем бешенством не нашел на меня выдумать и что ни сказал, во всем от меня опровержен. Равно не найдет он примера, чтобы в жизнь мою кому мстил.

---

* Я пишу вам эту записку, чтобы избавить вас от долгого чтения, в котором вы не найдете ничего из того, чего ищете (*фр.*).

622. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Батинька Князь Григорий Александрович. Не токмо желание мое узнать о твоем добром состоянии принуждает меня послать к тебе сего нарочного, но и самая нужда по делам: в Крыму татары начали снова не малые безпокойства, от коих Хан и Веселицкий уехали из Кафы водою в Керчь[1]. Филисовым приняты не ласково[2]. Теперь нужно обещанную защиту дать Хану, свои границы и его, нашего друга, охранить. Все сие мы б с тобою в полчаса с тобою положили на меры, а теперь не знаю, где тебя найти. Всячески тебя прошу поспешить своим приездом, ибо ничего так не опасаюсь, как что-нибудь проронить или оплошать[3]. Adieu, mon cher Ami, revenés au plus vite, portés-Vous bien*, а обо мне будь уверен, что я тебя, как душу, люблю. Денег пошлю и суда наряжу, а о войсках полагаюсь на тебя, также – кого пошлешь. Ведь ты горазд избрать надобного. Cette affaire me paraît délicate parce qu'elle peut avoir des suites, qu'il serait bon d'éviter encore quelque tems**.

Агличане жестоко побили на море: французский Адмирал с четырьмя кораблями взят в полон у острова Доминго близ Ямайки[4]. При сем прилагаю цыдулу человека, тебе крайне привязанного, и который жестоко по тебе тоскует[5].

Июня 3 ч., 1782 г. Пятница по утру

623. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 1 июля 1782]

Батинька Князь, пишу к тебе, дабы узнать от тебя, в каком полку и каким чином советуешь принять сына Княгини Дашковой[1]. А тебе желаю быть здоровым и возвратиться к нам frais et gaillard comme un poisson***.

624. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 3 августа 1782]

Из последних посланника Булгакова[1] депешей видно, как турки тонко хитрят. Сверх неминуемого и всегдашнего подстрекания татар против России нынешняя посылка трехбунчужного паши в окрестности Тамана явно их намерения открывает[2]. Рассказывая (Рейз Эфенди – Булгакову) жалобы от татар на Хана, насказал множество причин смеху достойных. Но утаил главное, что их тревожит, а именно – привязанность Хана к Персоне Вашей, и что наивяще ознаменило Его русским – сего также не сказал, то есть что Хан принял чин военный в гвардии[3]. Их намерение было Его умертвить, чего теперь не удалось, но умысел на веки остался, то хотя бы татары и покорились, но как Хану у них жить без охранения? Случай же ввести в Крым войски теперь настоит, чего и мешкать ненадобно. Преданный Вам союзник и самовластный

---

* Прощайте, мой дорогой друг, возвращайтесь возможно скорее и будьте здоровы (*фр.*).

** Это дело, мне кажется, деликатное по последствиям, и его надобно избегать еще на некоторое время (*фр.*).

*** здоровым и веселым, как рыбка (*фр.*).

Государь своей земли требует Вашей защиты к усмирению бунтующих. Естли Вам не подать помощи Ему, сим некоторым образом дознают, будто бунтовщики имели право возстать на Хана. И так повелите Хану из Керчи переехать в Петровскую крепость, откуда с полками, поблизости находящимися, вступит он в Перекоп. Те же войски останутся в Крыму доколе нужно будет.

Я Вас уверить могу, что татар большое число, увидя войски, отпрутся от прозьбы Порте вознесенной и вину всю возложат на начальников возмущения.

625. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[28 августа 1782]

Le Mr. Jankovitsch sera le bienvenu dès demain Lundi ou bien Mardi après dîné entre 5 et 6 heures du soir. Je dis Mardi parce que peut–être est–il fatigué du voyage, ou peut–il avoir tel autre empêchement causé par la même cause.

Господин Янкович будет желательным гостем завтра в понедельник или точнее во вторник после обеда, между 5 и 6 часами вечера. Я говорю – вторник, – потому что возможно он устал от путешествия или у него могут быть другие подобные препятствия, вызванные той же причиной (*фр.*).

626. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 1 сентября 1782]

Что причиною, что Самойлов ни о чем не пишет касательно его переговоров с Ханом. Или он говорил, или ты ему ничего не предписал говорить?

627. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[12 сентября 1782]

Сожалею, батинька, о неприятных спутниках, худой погоде, дурных дорог[ах] и нехороших лошадях, кои тебя до Пскова проводили. Что же Гдов поукрасился, то добрые вести, но лучшия имею ожидать от тебя. Вчерашний день, то есть 11 числа, я приехала в город. В сенях встретила Соммерса и спросила у него, какова графиня Скавронская[1]. Он мне сказал то, что после и Рожерсон мне подтвердил, что ей есть гораздо луче и что сегодня ее перевезут в город.

При сем прилагаю письмо к тебе Ал[ександра] Дми[триевича] Лан[ского], который чуть что не плачет, что к нему нет ни строки от тебя. Прощай, любезный друг, будь здоров и возвратись к нам скорее веселехонько.

У агличан пропал, сказывают, стопушечный корабль[2] на рейде в Спитеге от неосторожности, и на оном утонул искусный адмирал Кемпенфельд и из 900 человек лишь триста спаслось. Хотели что-то чинить и перевезли пушки на одну сторону, а в самое то время ветр опрокинул и потопил того корабля.

628. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Письмо твое, друг мой сердечный, от 10 сентября из Могилева я сегодни получила[1]. Сожалею о безпокойной твоей езде. Пожалуй, побереги свое здоровье: луче день позднее приехать, да быть здоровым. Здесь ныне дни стоят изрядные. Из Царяграда получила я от Булгакова[2] вести, что весь город выгорел и горел 55 часов (пожар начался 10 августа, а письмы от 15 числа): казармы янычарские, все судебные места и многие мечети. Людей же тысяч до четырех сгорело, а несколько сот тысяч погорело. Ожидали от сумятицы бунта, и для того сменен визирь и кегая-бей. На место первого зделан визирем Очаковский паша, а на место другого – какой-то Эмин-паша, который слывется умным и знающим человеком. А чернь злится на нас и нас клеплет поджиганием города. И улемы вранье подкрепляют. В городе же в хлебе оказывается скудость, мельниц и пекарен мало что осталось. Пожарища простирались от сераля, который однако цел, так как и Софийская мечеть, до Семи башен.

Больная твоя оправляется, сидит. Алек[сандр] Дми[триевич] у ней вчерась был и нашел ее гораздо луче. Она здесь в город перевезена.

Прощай, мой милый друг. Алек[сандр] Дми[триевич] тебя за цыдулку сам будет благодарить[3].
Сент[ября] 19 ч., 1782

629. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Письмы твои, батинька, из Херсона от 16 сен[тября] я имела удовольствие получить сего утра[1]. И хотя подробностей не пишешь, но как тебе самому кажется удивительно, сколько сии места после заключения мира переменились, то из того заключить уже можно, что зделано много. По известиям Веселицкого Хан спешит своим переездом. И так думаю, что вы с ним уже виделись[2]. О уходе крымцев в Анатолию и цареградские вести гласят. Удивительнее всего, что посреди сумятицы тамошней после пожара, спешили уплачивать деньги, кои нам должны[3], и сие приписую трусости. Благодарствую за добрые вести, что провиант и сено заготовляются с успехом и что урожай был добрый. Катиша выздоравливает. У ней два чирьи оказались наружные и оба открылись. Бауру также есть лехче. Прощай, друг мой сердечный, будь здоров и весел. С будущими имянинами тебя поздравляю. Дай Бог тебе всякого добра.
Сентября 25, 1782

630. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 30 сентября 1782]

Заехал ты, мой друг, в глушь для своих имянин. Я думаю, что у тебя ни nécessaire*, ни нужного прибора. И для того посылаю к тебе необходимонужное в деревне, наипаче в праздник такой, который для меня столь драгоценен и любезен, как твое рождение. Прийми, друг мой, дар доброго сердца и дружбы. Будь здоров и весел, я тебе сие желаю искренно. Бог с тобою.

---

* несессер (*фр.*).

631. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Сентября 30 ч., 1782 года

С сегодняшними твоими имянинами поздравляю тебя от всего сердца. Сожалею, что не праздную их обще с тобою. Желаю тебе тем не меньше всякого добра, наипаче же здоровья. Об моей к тебе дружбе всегдашней прошу ни мало не сумневаться, равномерно и я на твою ко мне привязанность щитаю более, нежели на каменных стен. Письмо твое от 19 сентября из Херсона до моих рук доставлено[1]. Неблистающее описание состояния Очакова, которое ты из Кинбурна усмотрел, совершенно соответствует попечению той Империи об общем и частном добре, к которой по сю пору принадлежит. Как сему городишке нос подымать противу молодого Херсонского Колосса! С удовольствием планы нового укрепления Кинбурна прийму и выполнение оного готова подкрепить всякими способами. Петр Первый, принуждая натуру, в Балтических своих заведениях и строениях имел более препятствий, нежели мы в Херсоне. Но буде бы он оных не завел, то мы б многих лишились способностей, кои употребили для самого Херсона. Для тамошняго строения флота, как Охтенских плотников, так и Олончан, я приказала приискать, и по партиям отправим. А сколько сыщутся, тебе сообщу. По письмам Веселицкого из Петровской крепости я почитаю, что скоро после отправления твоего письма, ты с Ханом имел свидание. Батыр-Гирей и Арслан-Гирей изчезнут, яко воск от лица огня, так и они, и их партизаны, и покровители – от добрых твоих распоряжений[2]. Что татары подгоняют свой скот под наши крепости, смею сказать, что я первая была, которая сие видела с удовольствием и к тому еще до войны поощряла всегда предписанием ласкового обхождения и, не препятствуя, как в старину делывали. Здесь говорят, что турки до войны не допустят, а я говорю: cela se peut*.

Кажется по последним известиям, что носы осунулись у них. Курьер сказывает, что по всей дороге нет ни единого города, ни единого замка, который бы не заперт был по причине внутренних конвульсий[3] каждого из тех городов и замков.

Принц Виртембергский приехал сегодни[4] и завтра ко мне будет. Прощай, мой друг сердечный. Кате, твоей племяннице, есть лехче, только наружные чирьи еще не все миновались.

632. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Окт[ября] 8 ч., 1782 г.

Из писем твоих, друг мой сердечный, от 25 и 26 числа я усмотрела твое свиданье с Ханом и пустой его страх[1]. Пуганая ворона куста боится. Татары об нас судят по тем правилам, по которым приобыкли судить о турецких распоряжениях, и для того нам подножием служат ныне. Что-то Хан к тебе напишет? Войск весьма достаточно наряжено идти[2], лишь бы в Крыме достаток был на зиму в фураже; а прочие заботы в моей голове исчезли, видя из твоих писем приуготовление пропитанья. Что мои письмы тебе приятны, сие служит к моему большому удовольствию. Бог знает, Веселицкий или Хан причиною недо-

---

* это может быть (*фр.*).

разумения о Ахтиярской гавани, я никогда на эти слова много не полагалась: надобно будет – займем и без них, не надобно, то перед ними.

Катя все еще возится с чирьями. Пятый оказался. Я почитаю сие за великое щастие, что материя сама сыскала такой путь. Виртем[бергская] Принцесса приехала, и в четверг у ней в Эрмитаже глаза были так распухли и расплаканы, что жалко было смотреть[3]. Они, сказывают, живут, как кошка с собакою. Вел[икий] Кн[язь] приехал в Вену 23 сентября, тамо останутся две недели[4]. И так теперь на обратном пути.

Саша ужасно как обрадован твоими письмами. Прощай, любезный друг, будь здоров и приезжай скорее к нам.

633. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Около 14 октября 1782]

1. Об экстраординарной сумме, надеюсь, что остановки не зделается, ибо Кн[язю] Вяз[емскому] экстраординарные деньги на сей неделе даны.

2. На заведение литейного дома в Киеве нельзя не согласиться, тем более что в Малороссии еще находятся тамошней артиллерии литейщики и другие мастеровые, от коих помощь ожидать можно, а иного и сберечь [от] лишней пересылки людей и вещей.

3. Хотя не люблю, когда ты не у меня возле бока, барин мой дорогой, но признаться я должна, что четырехнедельное пребывание твое в Херсоне, конечно, важную пользу в себе заключает, как сам упоминаешь[1].

Bonjour, mon Ami, portés Vous bien*.

О наборе рекрут еще нужно промышлять.

634. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Около 26 ноября 1782]

Чаю, не оспоришь, буде Генерал-кригскомиссара Дурнова вмещу в число Александровских кавалеров[1]. Что же касается до мужа твоей племянницы, то прошу тебя отложить сие прошение до другого дня[2], а наипаче к праздникам всякие прозьбы за неделю, а еще лутче за две, доставить к моему сведению, дабы мысли время имели бродить, аки брага. Я, увидясь с тобою, объясню тебе мои мысли дружественно и дружеские, car, m'amour, je n'en ai point d'autres pour toi**.

635. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 14 декабря 1782]

Естли б Император своему Министру у Порты повелел обще с нашим настоять только в том, чтоб Порта не инако почитала Хана, как Государя самовластного и никак не подлежащего их суду[1], тем паче, что жалобы и неправильно взнесенные и ложно вымышленные, да и никак по соседству Порту безпокоить не могущия.

---

* Прощайте, мой друг, будьте здоровы (*фр.*).

** ибо, моя любовь, для тебя у меня нет иных (*фр.*).

В таком дознании Хана независящим будет сильно всякое с ним постановление. Некстате заставлять цесарцев говорить о уступке чрез пособие Порты нам гавани Ахтиарской, ибо сие наделает больше тамо подозрения, нежели пользы[2]. И мы вящее только подарим прежде время подозрение. К тому же не надлежит турков вмешивать в дела, Хану принадлежащие, чтобы они и мыслить не могли быть господами в татарском имении.

Я все, Всемилостивейшая Государыня, напоминаю о делах, как они есть и где Вам вся нужна Ваша прозорливость, дабы поставить могущие быть обстоятельства в Вашей власти.

Естли же не захватите ныне, то будет время, когда все то, что ныне получим даром, станем доставать дорогою ценою. Изволите разсмотреть следующее.

Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или с стороны кубанской – в обеих сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего Хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце.

Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубани сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово.

Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна. Мореплавание по Черному морю свободное. А то, извольте рассудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще в прибавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах.

Всемилостивейшая Государыня! Неограниченное мое усердие к Вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая Вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, Цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит[3]. Удар сильный – да кому? Туркам. Сие Вас еще больше обязывает. Поверьте, что Вы сим приобретением безсмертную славу получите и такую, какой ни один Государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море. От Вас зависеть будет запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду.

Хану пожалуйте в Персии, что хотите, – он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешную зиму и жители охотно принесут о сем прозьбу[4]. Сколько славно приобретение, столько Вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах так скажет: вот, она могла, да не хотела или упустила. Естьли твоя держава – кротость, ту нужен в России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость християнского правления.

636. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец 1782]

Благодарю, друг мой сердечный, за прекрасный подарок и за письмо с начертанием твоих ко мне чувствований[1]. Видит Бог, что я тебя люблю и чту, яко вернейшего и умнейшего друга.

Письмо паши к Хану доказывает весьма твои предсказания к le moment est très favorable pour oser beaucoup* и для того надлежит начать занятьем Ахтиярской гавани[2].

637. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец 1782]

Mon Ami, faites venir chez Vous le Comte Cobenzel, et quand il sera venu, faites chercher chez moi la lettre de la Grande Duchesse que je viens de recevoir par estaffette et que je ne Vous envoie pas dans ce moment, parce que je suis pressée d'y répondre, et qu'en la retenant je gagne du tems. Elle me mande qu'elle, le Gr[and] Duc, son père et sa mère sont d'accord de faire habiter à Vienne la Princesse Elisabeth, comme l'Empereur en avait le dessein, qu'elle, la Princesse y ira demeurer cet été peut–être et qu'on n'attend que mon consentement pour conclure; je m'empresse à le leur donner et je leur glisserai l'idée de conduire la Princesse à leur retour jusqu'à Prague ou à Vienne même et par là je ferai d'une pierre deux coups. Vous pouves dire cela aussi au Comte Cobenzel, en le priant de ne point écrire cela chez lui par la poste qui passe par des pays où on aurait intérêt à contrecarrer mes vues.

Мой друг, пригласите к себе графа Кобенцеля и, когда он придет, пошлите ко мне за письмом Великой княгини, которое я только что получила с нарочным и которое я не посылаю вам теперь, потому что спешу отвечать на него и, удерживая его, выигрываю время. Она объявляет мне, что она, Великий князь, ее отец и мать согласны на то, чтобы принцесса Елизавета жила в Вене, как этого желал и Император; что она, принцесса, намерена пробыть там это лето и ожидают только моего согласия для окончательного решения. Спешу дать им оное и внушить мысль проводить принцессу по возвращении их до Праги и даже до Вены. И так я сделаю одним камнем два удара. Вы можете сказать это также графу Кобенцелю, попросив его не писать о том к себе по почте, которая проходит по землям, где имели бы интерес воспротивиться моим намерениям (*фр.*).

---

* моменту весьма благоприятному, чтобы многое решить (*фр.*).

1783

638. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[28 февраля 1783]

Mon cher et bien aimé Ami, j'at baptisé Votre petit–neveu, je Vous prie de choisir pour leur faire présent ce qu'il Vous plaira, ou bien faites–moi dire ce que Vous voudriés, que je fisse pour l'enfant.

Мой дорогой и горячо любимый друг, я крестила вашего внучатого племянника. Прошу вас выбрать им для подарка все, что вам понравится, или сообщить мне, что вы хотите, чтобы я сделала для ребенка (*фр.*).

639. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Февраль – март 1783]

Прилагается здесь наряд войск к шведской стороне, из которого Ваше Величество усмотреть изволите, сколь он достаточен своим числом против государства, где все военные силы состоят из сорока тысяч.

До дальней нужды не посылать более к шведским границам, как один корволан, который с полками Финляндской дивизии расположится по той границе. Противу Прусского Короля не вижу я нужды ополчаться. Его демонстрации не на нас будут, но устремится может быть он самым делом на Данзиг. Тут Император дремать не станет, а мы отдалим время.

Но естли б Прусский Король вместо Данзиха стал забирать Польшу, тогда поднять поляков, обратив против Его корпус Салтыкова частью и прибавя из оставших полков в России; составится нарочитая сила, с чем, присоединясь к Австрийским войскам, воспрепятствовать Ему приобретать от Польши.

С турками дела наши не остановятся: корпус Князя Репнина удержит в узде их войски по Хотинской и Бендерской границе. Я на Буге учрежу отряд, и сии обе части будут оборонительные. Осаду Очакова до время отложим, а Крым займем, удержим и границы обезпечим. Корпусами же Кубанским и Кавказским умножим как наиболее демонстрации и заставим Порту заботиться с той стороны. Флоту летом пребывание назначить так, чтоб он смотрел на Стокгольм, и приуготовления флотские делать как можно казистее. На Швецкого Короля смотреть не надобно, а сказать Его Велич[еству], что Вы собрания лагерные близ Ваших границ в другое время сочли бы забавою, но в обстоятельствах настоящих, ето пахнет демонстрациею. Объявите ему сериозно, что Вы не оставите употребить всего, что возможно к избавлению себя впредь от таковых забот.

Приведение войск Малороссийских на лутчую и строевую ногу немало послужит к устрашению недобромыслящих[1]. Я по воле Вашей скоро кончу как об них, так о мундирах[2], лаская себя наперед, что, конечно, удостоюсь апробации Вашего Величества.

640. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Март 1783]

Отправление флота в Архипелаг (естли будет с турками ныне война) последует не ради завоеваний на сухом берегу, но для разделения морских турецких сил. Удержав их флот присудствием нашего, всю мы будем иметь свободу на Черном море. А естли бы что турки туда и отделили, то уже будет по нашим силам. Когда же нет нужды делать десантов, но ненужно и число столь неудобное сухопутных войск, какое Адми[рал] Грейг[1] полагает, а паче пеших кирасир; для службы же при флоте прибавить к числу их солдатской команды егерей один баталион, а к сему еще навербовать пять или шесть баталионов албанцев из Химары, и славян также число достаточно и для службы на острове Лемне, естли флот тут возьмет свое место, и ради поисков, где случай удобный представится.

Главный вид для флота Вашего Величества притеснять сообщения по морю туркам с их островами и Египтом, и чрез то лишать их помощи в съестных припасах. Притом все целить пройтить Дарданеллы, что и несумнительно при благополучном ветре. Препятствовать ли турки захотят? Тут они обязаны будут дать баталию морскую, чего нам и желать должно. Но чтоб Дарданеллы форсировать с сухова пути, на сие нужна армия. Ибо у турок достанет сил их оборонять. Притом мы видели в прошедшую войну, что они и тремя стами человеками гоняли наши большие десанты.

Какая же разница флоту действовать единственно на водах. Число пятнадцати кораблей уже несумненно превосходит силу морскую турецкую. К тому числу почтенному сколько пристанет каперов, обезпокоивающих везде их транспорты, а искусный и предприимчивый адмирал верно выждет способ пролететь Дарданеллы.

Усердие мое побуждает Вашему Величеству представить, что нужен испытанный в предприимчивости и знании адмирал. Нигде столько успехи от манер и стратигем не зависят, как на море, а сих вещей без практики большой знать нельзя. А Вашему Величеству известна практика наших морских.

Я не смею сказать, а думаю, что бы мешало секретнейшим образом соединить ескадры, кои теперь в походе, и послать под видом прикрытия торговли в Архипелаг, и пока турки еще не готовы, пройтить в Черное море. Тогда бы уже в Архипелаг нужды не было посылать другова флота. Но сие может быть мои бредни. Только кажется, что...

641. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 31 марта 1783]

Князь Репнин прислал ко мне, чтоб доложить о месте в Невской церкви покойному Г[рафу] Никите Ивановичу.

Рукой Екатерины II: *Пошли Архиерея сказать, есть три места еще.*

642. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Март–апрель 1783]

Об одежде и вооружении сил

Исполняя Высочайшую Вашего Императорского Величества волю об обмундировании кавалерии наивыгоднейшим образом для солдата, я употребил всю мою возможность к избежанию излишества и, облача человека, дал однако же ему все, что может служить к сохранению здоровья и к защите от непогоды. Представя сие на Высочайшую апробацию, могу уверить Ваше Императорское Величество, и самое время покажет, что таковое Ваше попечение будет вечным свидетельством материнского Вашего милосердия. Армия Российская, извлеченная из му́ки, не престанет возносить молитвы. Солдат будет здоровее и, лишась щегольских оков, конечно, поворотливее и храбрее.

В прежние времена в Европе, когда всяк, кто мог, должен был ходить на войну и по образу тогдашнего боя сражаться белым оружием, каждый по мере достатка своего тяготил себя железными бронями. Защиты таковые простирались даже и до лошадей. Потом, предпринимая дальние походы и строясь в эскадроны, начали себя облегчать. Полные латы переменились на половинные, а, наконец, и те уменьшились так, что в коннице осталось от сего готического снаряду только передняя часть и каскет на шляпе, а в пехоте – знак – и то только у офицеров. Как тогда более сражались поодиночке, то защиты таковые немало обороняли, особливо же от копий, почему не напрасное имели к ним уважение, которое, превратясь в некоторое военное педантство, поставило цену и аммуниции, вовсе не обороняющей. А как все казалось легко в разсуждении железного снаряда, то при перемене аммуниции ввели множество вещей излишних и нескладных.

В Россию, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего времени. А наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах и прочем. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как-то: марширования, разных построений и оборотов. А что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте. Стрелять же почти не умеют. Словом, одежда войск наших и аммуниция таковы, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в 30 почти лет возраста узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих.

Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением: платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может. На сем основании предложу по порядку о вещах, составляющих аммуницию.

Шляпа убор негодный: она головы не прикрывает и, торча концами во все стороны, озабочивает навсегда солдата опасностию, чтоб ея не измять, особливо мешает положить голову и, будучи треугольником, препятствует ей поворачиваться да и не закрывает также от морозу ушей.

Кафтан и камзол с рукавами: как сих вещей вдруг не носят, то которая-нибудь и есть излишняя. Покрой кафтана подает много поводу делать его разнообразным, следовательно, уравнения быть не может.

Штаны в коннице лосинные, которым срок положен весьма долог, так, что сберегая их, солдат должен на свои деньги делать другую пару суконных: убыток несносный, коего требовать от него несправедливо. При том много заботят чищеньем и трудностию надевания. Зимою от них холодно, а летом жарко. Под ними же нельзя иметь полотняной одежды. Ныне лосинная одежда ненужна. В старину ее носили для того, что употребляли железные латы, и как лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась.

Сапоги делают так узки, что и надевать трудно, а скидывать еще труднее, особливо, когда они намокнут. При том сколько подвязок, чтоб они гладки были, и сколько лакирования, чтобы лоснились!

Для пехотного шпага лишняя тягость: оружие неудобоупотребительное, о котором главное старание у всех, как бы ловчее надеть, чтобы маршировать свободнее, также и ворочаться. Многие армии шпаг в пехоте не употребляют, а носят штыки.

Седло венгерское лучше всех седел. Доказательством тому, что все нации, ездящие верхом, такие употребляют: венгры, татары, черкесы, казаки и поляки. Оне легки, лошадей вовсе не саднят. Делать их в полках можно и оне дешевле старых.

О уборке волос. Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то готов. Если б можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет! Простительно ли, чтобы страж целости Отечества удручен был прихотьми, происходящими от вертопрахов, а часто и от безразсудных?

Употребление солдатами пуколь и кос сопряжено с следующими невыгодами: 1. уносит у них понапрасну время и изнуряет их, ибо когда бывает отряд на карауле, то обыкновенно 6, а когда эскадрону или целому полку назначается строй, то до 12 часов употребить им непременно должно для убирания себе взаимно волос и препроводить целую ночь в сем безпокойстве без сна, от чего неминуемо должно последовать неизбежное упущение в других нужных исправлениях. Тем, что препроводивши таким образом ночь в изнурении, не имеют они

ни времени, ни силы исправить других своих дел, как например, вычистить и накормить своих лошадей, или, ежели в сем упущения не сделают, то, не будучи подкреплены сном, бывают слабы, нерасторопны и малоспособны к таким действиям, где потребны бодрость, живость и сила.

2. Требуют раззорительного иждивения для бедных солдат, которые, нуждаясь и так во многом по малости своего жалованья, должны еще из того употребить на пудру, помаду и косные ленты в год каждый по меньшей мере по 1 рублю 5 копеек.

Суконные лосинных штанов выгоднее тем, что суконные полагаются только на один, а лосинные на 4 года, почему нижние чины принуждены бывают заменять оные суконными, покупая их на счет своего жалованья, что составит в год каждому не дешевле 60 копеек. Во время осенних и дождливых погод лосинные причиняют великое безпокойство, а паче вновь приверстанным. Зимою же оне нимало не греют. Лосинные суконных убыточнее для солдат, поелику не только потребно их часто вохрить, на что в год изойдет по меньшей мере 20 копеек, но надлежит еще иметь к ним пары три штибель-манжет, что будет стоить в год, по крайней мере, 30 копеек, а суконные по новому образцу ничего того не требуют.

Просторные сапоги пред узкими и онучи или портянки пред чулками имеют те выгоды: 1. что в случае, когда ноги намокнут или вспотеют, можно при первом удобном времени тотчас их скинуть, вытереть портянкою ноги и, обвертев их опять сухим уже оной концом, в скорости обуться и предохранить тем их от сырости и ознобу. В узких же сапогах и чулках того учинить никак не можно, которых ни удобно скинуть, ни свободно опять надеть нельзя. Да и чулки не всегда бывает возможность переменить или высушить, чрез что бедные солдаты, имея безпрестанно ноги мокрые, подвергают себя нередко простуде и другим болезням.

2. Что, не имея нужды, так как при узких сапогах, подвязывать крепко своих ног, солдаты могут и свободнее ходить и более переносить путевого труда, да и обращение крови не останавливается.

Ежели все сии столь очевидные в теперешних мундирах и других вещах неудобства исправить, то солдат, сверх других многих выгод, будет иметь еще от своего жалованья в остатке против теперешних издержек до 2-х рублей.

Каска сверх выгоды и способности в употреблении своем пред шляпою и ту предпочтительность имеет, что вид дает пригожий солдату и есть наряд военный характеристический.

643. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 6 апреля 1783]

Генерал-маиоры Князь Меншиков, Салтыков, бригадир Фаминцын. Но последние два еще и полков своих не здали, на что требуется время. Ежели Вашему Величеству угодно Меншикова, то не благоволите ли в Измайловский полк, а ко мне пожаловать Олсуфьева. Но естли угодно обождать, не представится ли впредь лутчий, промежду тем повелите маиору Левашову командовать полком.

644. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Письмо твое из Нарвы без числа я вчерашний день от Мих[аила] Сер[геевича] получила[1]. Жалею, что дороги так дурны. Я чаю, ты весь разбит. Пожалуй, друг мой любезный, будь здоров. Я здорова. Прощай, Бог с тобою. Скучаем весьма без тебя.
Апреля 9 ч., 1783

645. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14 апреля 1783 г. в Великую Пятницу

Mon Ami. J'ai reçu hier une lettre de l'Empereur dont je Vous envoye copie, c'est la réponse à ma dernière, j'ai ordonnée de Vous envoyer un résumé de tout le bavardage de Cobenzel. Je ne fais aucune réflexion sur tout cela parce que je suis très fermement résolué de ne compter sur personne que sur nous-même.

Quand le gâteau sera cuit chacun prendre de l'appétit*.

Как мало я щитаю на союзника, так мало я опасаюсь и уважаю французский гром, или луче сказать, зарницы. Сожалею, что от самой Нарвы от тебя строки не видала. Пожалуй, не оставь меня без уведомления о себе и о делах, дабы я, знав о всем, излишнего безпокойства не имела. Будь здоров и пиши чаще.

Ал[ександр] Дм[итриевич] тебе кланяется и ежедневно ходит [на] почту осведомиться. Татьяна Васильевна здорова ли? Adieu, mon cher Ami, je Vous souhaite santé et bonheur**. С наступающим праздником тебя поздравляю.

646. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Приходил Ефимович[1], хотел со мною проститься. Я велела сказать ему, что с отрешенными за плутни судьями я знакомства не имею. Везде ходя, лжет на тебя, говорит, что ты ему полк дал. Я тому не верю, понеже знаю, что для него бездельника добрых и честно служащих подполковников не будешь обижать. А его дела скорее кнута, нежели полка, в награждение удостойны по суду. Я о сем спешу написать к тебе, дабы ты знал, как тебя облыгает Ефимович. Прощай, мой друг, желаю тебе здоровья и лучую дорогу. Знаю, что ты 10 числа апреля приехал во Псков.
Апреля 18, 1783

647. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка моя родная, Государыня.

Я всем должен дню твоего рождения, он для меня источник всех благостей. И так я его праздную душой и сердцем. Сохрани Бог твою жизнь и продли Ея на щот моих дней.

---

* Мой друг, я получила вчера письмо императора[1] и посылаю вам с него копию. Это ответ на мое последнее послание. Я приказала сделать для вас резюме из всей болтовни Кобенцеля. Я вовсе не задумываюсь над этим, потому что твердо решилась ни на кого, кроме себя, не рассчитывать. Когда пирог будет испечен, у каждого появится аппетит (*фр.*).

** Прощайте, мой друг, желаю вам здоровья и счастья (*фр.*).

Во многих местах реки меня останавливают и починка экипажей. Несколько дней для сего и для устройства деревень моих, что от тебя, кормилица, мне пришли, здесь пробуду.

Писал я письмо к Князю Вяземскому о пакостях, какие в Шклове происходят[1]. Он Вам доложит обстоятельно. Прикажи, матушка, Генерал-Губернатору пресечь при начале. Ему вся тамошняя клика людей известна. Он Вам донесет, что от них всего ожидать можно.

Проезжая чрез здешние губернии, я единогласно слышу удовольствие мелких людей. Они благодарят, что Вы дали им правосудие, чего они в Польше не знали. К сему благу, ежели бы убавить некоторый род людей, называемых патронами и адвокатами, и искам поставить термин, то бы еще жители были благополучны, а то множеством фальшивых привилегий и документами, за сто лет (как вино венгерское) подделанными, почти взаимно все перепутаны. Еще здешний край терпит на границе от бывшего униатского Архиерея Смогоржевского[2], который на той стороне построив слободы, приманивает мужиков с обещанием льгот, и немало бегут, а ему последуют и другие. Не прикажите ли, будто под видом отыскания беглых, роты две послать в его деревни.

Всякий раз, как здесь проезжаю, не могу довольно надивиться, для чего Витебск Вам не показан. Большой город, имеющий прекрасное положение, наполненный великими зданиями; множество богатого купечества. Город наипристойнейший для наместнического правления, внутри земли и центр всем караванам, кои барками идут. Он бы по Петербурге был красивейший зданиями город.

Моя матушка, цалую безценные твои ручи. Примите безделку, какую я посылаю, с той милостью, каково мое к Вам усердие.

Дай Бог, чтоб я нашел случай доказать Вам на деле. Помни, кормилица, того, кто душей и телом

твой во веки
вернейший раб
Князь Потемкин

20 апреля [1783]. Могилев

648. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня! Приложенная копия Императорского письма немного твердости показывает[1], но поверьте, что он инако заговорит, как Вы и угадываете, когда пойдут предположения Ваши в действо. Кауниц[2] ужом и жабою хочет вывертить систему политическую новую, но у Франции они увязли, как в клещах, и потому не смеют отстать от нее, хотя бы в том был и авантаж. Стремятся также поссорить Вас с Королем Прусским, а это их главный пункт. Я щитаю, что их всех мучит неизвестность о наших движениях. Облекись, матушка, твердостию на все попытки, а паче против внутренних и внешних бурбонцев: все что ни будет, будет только одна пустая замашка, а на самом деле все захотят что-нибудь также схватить. На Императора не надейтесь много, но продолжать дружеское с ним обхождение нужно. Впротчем, право, и нужды большой нет в его помочи, лишь бы не мешал.

Будь уверена, моя матушка родная, что я не упущу нигде к твоей делать пользе и всегда с жаром таким, коим сердце мое наполнено. Я скоро буду на месте, откуда непрестанно буду уведомлять о всем происходящем. В дороге получил рапорты из Крыма[3], но ничего важного нету, ниже известий, кроме того, что подножного корму нету, почему конные полки придвигать неловко. Но я надеюсь, что скоро покажется. Зима была сей год продолжительна.

Время Вам докажет, сколь Вы хорошо зделали, что не послали флот.

Прости, моя матушка, цалую твои ручки.

Вернейший по смерть раб твой
Князь Потемкин

Скажите спасибо Ал[ександру] Дми[триевичу].
22 апреля [1783]. Дубровна

649. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Апреля 24 ч., 1783. Из Царского Села

Письмо твое, друг мой сердечный, из Полоцка я получила[1], но оное без числа, и так не знаю, когда доехал. Сожалею, что ты столь много трудностей нашел в дороге. Надеюсь, что ты всю экспедицию получил. Репнин, отъезжаючи, просил меня, чтоб когда ему вперед итти прийдет, чтоб его уведомить гораздо заблаговремянно, понеже на его корпус пропитанья имеет не долее 15 июня, дабы пропитанье заготовить мог[2].

Бог с тобою, будь здоров и пиши чаще ко мне и ставь числа. И уведоми меня подробно обо всем. Тем самым убавишь во мне много безпокойства. Прощай, желаю тебе щастливого пути. Саша тебе кланяется.

650. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Апреля 27 ч., 1783

Друг мой сердечный, за поздравление твое со днем моего рождения благодарствую, также и за присланный подарок. Хвалю тебя, что ты отдохнул несколько в Могилеве. Пассек сам едет ради Шкловских диковинок[1], и он, конечно, пресечет наискорее и станет смотреть за ними. Винных накажет, а за прочим будет иметь бдение. Что людей ты нашел своим нынешним состоянием довольных, тому радуюсь. Чего не достает, постараюсь поправить со времянем. Прикажу и Смогоржевского унимать[2]. Спасибо тебе, что числа вписал и место, откуда пишешь. Пожалуй и впредь так делай и пиши часто и подробно, а твои письма весьма мне приятны. Я здорова. Adieu, mon Ami, portés-Vous bien. L'Empereur est allé pour six semaines en Hongrie pour visiter sa frontière. Voila ce qu'il m'écrit*.

---

* Прощайте мой друг, будьте здоровы. Император поехал на шесть недель в Венгрию для осмотра границы. Вот, что он мне пишет[3] (*фр.*).

651. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Маия 4 ч., 1783

По получении последнего твоего [письма] от 22 апреля из Дубровны я так крепко занемогла болью в щеке и жаром, что принуждена была, лежа на постеле, кровь пустить. Но как круто занемогла, так поспешно паки оправилась, и вся сила болезни миновалась коликою в третьи сутки. И выздоровела Царица и без лекарства, похоже, как в сказке "О Февее" написано[1].

Я уже писала к тебе, что от Цесаря ко мне два письма были, кои уже опять иным тоном. Я на него никак не надеюсь, а вредить не станет. На внутренних и внешних бурбонцев я ни мало не смотрю, а думаю, что война неизбежна. Время у нас отменно хорошо и тепло, и, по тому судя, думаю, что и подножный корм у вас поспевает. В Малороссии зделано теперь распоряжение о платеже податей по душам[2]. Таковые не худо делать и в местах Полтавского и Миргородского полков, кои приписаны к Новороссийской губернии, не касаясь новых поселений, которым даются льготные годы.

Тутолмина я велела отпустить к тебе[3]. Прощай, мой друг сердечный. Прошу быть столь уверен о моей к тебе непременной дружбе, как я в твоей ко мне верности. Прощай, будь здоров и весел и имей во всем успех.

652. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Маия 5 ч., 1783 года

Голубчик мой Князь, сейчас получила твое письмо из Кричева и из оного и прочих депеш усмотрела, что Хан отказался от ханства[1]. И о том жалеть нечего, только прикажи с ним обходиться ласково и со почтением, приличным владетелю, и отдать то, что ему назначено, ибо прочее о нем расположение не переменяю.

Непростительно Ефимовичу оболгать тебя повсюду: он здесь везде в шарфе и в полковничьем мундире ходил.

Ответ твой Вел[икому] Князю по причине Екеля весьма пристоен[2]. На сих днях Грейг ко мне будет, и я посмотрю, можно ли будет в Кронштадте строить без него, или нужен ли он, по крайней мере, при начале работ, ибо он знает Бауеровы мысли. Adieu, mon cher Ami, portés-Vous bein.

653. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня. Приехав в Херсон, измучился как собака и не могу добиться толку по Адмиралтейству[1]. Все запущено, ничему нет порядочной записки. По протчим же работам также неисправно. Дороговизны подрядов и неисправность подрядчиков истратили много денег и время. Я Вице-Адмиралу Клокачеву[2] приказал учредить комиссию, чтобы привести в порядок. Никто из тех, кои должны были смотреть, не были при своем деле, ниже капитан над портом. Все были удалены, а в руках находилось все у секретаря Ганнибалова – Князя Шахматова[3], которого он увез с собою, не оставя здесь ни лет, ни примет. Когда Вы указом повелели в Адмиралтейств Коллегию, чтобы нынешний год

было готово семь кораблей, он в Коллегию рапортовал, что готовы будут. Теперь выходит, что и лесу всего на корабли не выизготовлено, а из готовленного много гнилого. Я приказал выправляться, кто подрядчики, и за сим доставлю подробную ведомость о всем, как и что нашел.

Достанет, конечно, моего усердия и сил, чтоб все сколько можно поправить, а прошу только иметь ту милость, чтоб заметить, как было до сих пор и как пойдет у меня в руках.

В Крыму я предупредил моими предписаниями нерешимость тамошнего начальника[4]. После тех пор значительного ничего не произошло. На сих днях еду туда сам, и что будет, не премину донесть.

Немало мне прискорбно, что давно не слышу про тебя, моя матушка родная. Молю Бога, чтобы Вы были здоровы. Цалую ручки Ваши и

по смерть неложно
вернейший раб Ваш
Князь Потемкин

Я свидетельствую усердие Графа Браницкого и за него, как за себя, ручаюсь, что естли Вы употребите на Вашу службу, то он не уступит рвением подданному[5].
11 маия [1783]. Херсон

654. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16 мая [1783]. Херсон

Матушка Государыня. Вы мне все милости делали без моей прозьбы. Не откажите теперь той, которая мне всех нужнее, то есть – берегите здоровье.

Как Хан уедет, то крымские дела скоро кончатся[1]. Я стараюсь, чтоб они сами попросили подданства, думаю, что тебе, матушка, то угодней будет. Сближаю теперь полки к Крыму, которые далеко зимовали, дабы можно было обнять надежнее полуостров.

Ох, матушка, как Адмиралтейство здесь запутано и растащено. Я по сю пору много доволен Клокачевым. Поверьте, что работать начали с того только дня, как я приехал. Я все неустройства приписываю к одной ленности, но ленность и беспечность непростительные, превосходящие всякую меру. Вам удивительным покажется, что он в пять лет ни на одной работе не был ни разу, и секретарь при нем Князь Шахматов – сущий мошенник – все расхитил и щоту не оставил. Я бьюсь как собака с этой частью. Крепость и строения не меньше запущены, но то скоро поправиться может.

Жар здесь несносный тем паче, что закрытия нету. Не было ума дерев насажать. Я приказал садить. О многих нуждах по делам я писал к Безбородке, чтобы Вам доложил. По обеим частям Городской и Адмиралтейской я учредил комиссии, дабы разбирать и щитать суммы.

Прости, моя матушка родная, сударка моя. Дай Бог тебе здоровья, чего желаю от чистейшего сердца.

Твой вернейший раб
Князь Потемкин

Генерал-кригскомиссар в худом состоянии. Поспешите, матушка, определением другого. Право, кроме Святого, годного к сему месту нет[2]. В бытность мою в Петербурге просил меня Петр Васильич Завадовский[3], что он желает быть при мне, ежели я найду годным его к чему употребить и чтоб со времянем пособствовать перейтить ему в Армию – исходатайствовать Вашу милость ему – переименованием в чин придворный в егермейстеры, гофмейстеры или на место Святого в шталмейстеры. Все сие зависит от твоей, матушка, воли. Я же с моей стороны, право, рад буду таковому о нем благоволению.

Прусский Король точно как барышник все выпевает вероятности перед французами. Я бы желал, чтоб он успел Короля уговорить послать сюда войск французских, мы бы их по-русски отделали[4].

655. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 16 мая 1783]

Пожалуй будь здоров и весел. Я принуждена буду, по причине болезни Ген[ерал]-кригскомиссара, к его должности определить другого, лишь теперь ищу для себя шталмейстера. Прощай, друг мой.

656. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Маия 26, 1783

Письмо твое, друг мой сердечный, из Херсона я получила вчера. Жалею много о приключенном тебе безпокойствии дорогою и о том, что ты по Адмиралтейству и по крепостному строению не все нашел в надлежащем порядке. Сюда приехал Ганнибал и уверил меня, что крепость совершенно в безопасном положении противу нечаянного нападения и что корабли отстраиваются. Я для славы города Херсона и для гремящего сего града с младенчества имяни дала строителю большой крест Владимирский. Не сумневаюсь, что в твоих руках и твоим попечением все пойдет, как должно. Крымских известий дальних ожидаю нетерпеливо и думаю, что ныне уже объявлены Российскими подданными[1]. В Цареграде начали хулить суджукского паши предприятия на Таман. Из репортов с разных мест вижу, что и с Темрюком последовало то же, и нельзя, чтоб Порта о том не знала[2].

Я не знаю, почему мои письмы к тебе не доходят. Кажется, я писала к тебе при всяком случае. Пока ты жалуешься, что от меня нет известий, мне казалось, что от тебя давно нету писем. Теперь я здорова, а с начала мая я здесь занемогла, по моему обычаю, круто. Принуждены были кровь пустить, чем жар прорвался.

Вчерась получила письмо от Короля Шведского, который к 13 июня сбирается приехать в Финляндию и спрашивает, где может со мною увидеться. Я означила Фридрихсгам, куда к тому времяни поеду на три дни, а всего ден десять отселе отлучусь, и первый мой ночлег будет в Осиновой Роще. Король Шведский, взяв от французов денег для демонстраций, делает из шести полков лагерь у Тавастгуса и в самое то же время нам подтрушивает свиданием[3].

Я не знаю, кто-то компоновал Графине Браницкой русское письмо такое странное ко мне, что расхохотаться надлежит. Луче бы она запросто писала сама[4]. Adieu, mon Ami, portés-Vous bien et écrivés-moi le plus souvent possible. Avés-Vous vu le Maréchal Roumanzof ou ne l'avés-Vous pas vu? Qu'est-ce qu'il fait; je pense rien*.

657. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Херсон. Маия 28 дня [1783]

Матушка Государыня. Немало меня смущает, что не имею давно об Вас известия. Дай только Бог, чтоб Вы меня не забыли. По сие время еще Хан не выехал, что мне мешает публиковать манифесты. Татары не прежде будут развязаны, как он оставит Крым. При нем же объявить–сие народ почтет хитростью и попытками, по прозьбе его зделанными. И так еще неделю подожду, а там уже приступлю. Зараза вновь не распространяется, к чему меры взяты наистрожайшие.

Вы, матушка, не можете прéдставить, сколько мне забот по здешнему краю одно Адмиралтейство. По сие время распутать не могу. Нету ничему ни лет, ни примет. Денег издержано много, а куда, тому не сыщу. Строение колаблей с моего приезда идет успешно. За лесами, коих недостает, послал. Зделайте милость, прикажите командировать сюда потребное число чинов, о чем прилагаю ведомость. Кузнецов здесь недоставало. Послал по коих в Тулу. С другой стороны по Губернии напакощено немало. Тут мои заботы облегчил много Губернатор[1], которого теперь я послал, куда нужно. Одна часть меня услаждает – это закупка хлеба, которая дешева и успешна. По сие время была бы оная еще и выгоднее, естли б не встретилось по таможням недразумение: в тарифе написано, хлеб в прилежащие Губернии к Польше пропускать без пошлин, но как тут именно упомянуты только что Малороссия и Белоруссия, то и не пропустили без пошлин, а поляки, не имея чем платить, отвезли сей хлеб в Очаков и Аккерман, которого было 50 тысяч четвертей.

Я застал мало, однако тысяч пять купил у них за 65 ко[пеек] четверть. По сей цене и весь бы был куплен. Я, имея Ваше повеление покупать в Польше в помешательство туркам, приказал, не брав пошлин, провозить, записывая число четвертей. Я не знаю, матушка: для Новороссии то запрещено, что позволено старым Губерниям, а наша еще в младенчестве[2]. Кроме пособия в хлебе, в котором от саранчи терпели нужду, была от привозщиков и та польза, что мужики часто у нас оставались.

Прости, матушка родная, я совсем наготове ехать в Крым. Жду с часу на час выезда ханского[3].

Цалую ручки Ваши

вернейший раб
Князь Потемкин

---

* Прощайте, мой друг, будьте здоровы и пишите мне возможно чаще. Видели вы или не видели фельдмаршала Румянцева?[5] Что он делает? Я думаю – ничего (*фр.*).

658. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Маия 30 числа 1783

Письмо твое из Херсона от 16 мая я получила вчера и, по прозьбе твоей выполняя, имею тебе объявить, что я здорова, а в начале мая захворала так, что первого числа вместо гуляния пустила кровь и то лежа на постели.

Вместе с твоим письмом получила я из Вены курьера с письмом от Иосифа Второго, с которого при сем копию прилагаю[1]. Увидишь из оного, что твое пророчество, друг мой сердечный и умный, сбылось: l'appétit leur vient en mangeant*.

Дай Боже, чтоб татарское или, луче сказать, крымское дело скоро кончилось. Я думаю, что менее теперь станешь мешкать, то лутче, дабы турки не успели оному наносить препятствия, какие ни на есть, буде скорее узнают, нежели зделается. А на прозьбу татар теперь не смотреть, а ногайские и так уже по письмам Павла Сергеевича о подданстве заговаривают[2].

Сожалею, что в Херсоне строения военные и цивильные не таковы, как желалось. Надеюсь, что усердием все исправлено будет. У нас весь май месяц так хорош, что луче желать нельзя.

Святова я определю в должность Генерала-кригскомиссара, а что пишешь о Завадовском, то трудно разбирать: не понимаю, как от Сената да к собакам, а от собак к полководству дорога лежать может. Я на время возьму к шталмейстерской должности или Князя Ник[олая] Алекс[еевича] Голицына[3] или Юсупова[4]. Adieu, mon Ami, portés-Vous bien. Саша тебе кланяется и сам писать будет.

По разным представлениям получишь резолюции. Восьмое июня поеду на десять дней в Финляндию, где в Фридрихсгаме увижусь с Королем Шведским.

659. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1-е июня [1783]. Херсон

Матушка Государыня! Хан свой обоз на Петровскую крепость отправлять уже начал. После чего и сам в Херсон будет скоро[1]. Резон, что я манифестов при нем не публикую, есть тот, что татары сами отзываются, что при Хане они желания быть в подданстве российском объявить не могут, потому что только тогда поверят низложению ханства, когда он выедет. Самовольное же их покорение тем полезнее делам Вашим, что нельзя уже никому будет грозить и тем, что их к подданству принудили. Я не упускаю ничего к приуготовлению умов[2].

В Очакове починка крепости начинается; войски прибывают помалу; я теперь начал Кинбурн приводить в оборонительное состояние, который положением своим не поручен был поддерживаем от какого-либо корпуса, и так надлежит его поставить на долгую оборону.

Адмиралтейство здешнее ни копейки денег не имеет, так что и рабочим платить нечем, кроме тех, что на плотников отпускаются. Комиссию я учредил, чтобы изследовать расходы, но сего скоро зделать неможно, а при том и барыша

---

* аппетит приходит во время еды (*фр.*).

мало будет. Найдутся только дорогие цены, а не деньги. Чтобы не остановить работ, которые так горячо пошли, благоволите поддержать. Что касается до городских строений, сии достаточно своими деньгами исправятся.

Пред сим представил я о доставлении следуемого числа людей в Адмиралтейство: зделайте, матушка, милость, прикажите их командировать, они бы заменили в работе армейские полки, которым теперь нету способа уже людей уделять на работы: сверх содержания разных постов ими я производить буду строение в Кинбурне и на Глубокой пристани. Осадная артиллерия почти уже вся доставлена в Херсон; огромное число и так больших орудий я не замедлил скоро доставить, не требуя на сие новой суммы, а изворотился старою и экстраординарной экономией; число орудий почти в пять раз больше того, что было под Бендерами.

Повторяя мою просьбу о снабжении Адмиралтейства Херсонского деньгами и людьми, доношу, что первый корабль спустится "Слава Екатерины"; позвольте мне дать сие наименование, которое я берусь оправдать и в случае действительном.

Цалую ручки Ваши,

вернейший раб
Князь Потемкин

Александру Дмитричу кланяюсь.

660. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Июня 5 числа 1783 года

Третьего дня получила я от Кор[оля] Шведского извещение с нарочным, что он приехал в Або благополучно, быв 22 часа на море; а вчера прислал он другого с тем, что он, смотря войски при Тавастгусе, стоя на одном месте верхом – лошадь его, испугавшись от пушечного выстрела, бросилась в сторону, и Его Вел[ичество], упав с ней, левую руку меж плеча и локтя переломил наискось. Присланный сказывает, что с места Короля понесли на кресле до Тавастгуса. Он же сам правою рукою написал ко мне, чтоб я согласилась отсрочить свидание до двадцатого июня и что тогда лекарь обнадеживает, что с перевязанной рукой ко мне быть может. Я писала к нему с сожалением, послала камер-юнкера для осведомления о его здоровье и согласилась на отсрочение. Pardi, mon Ami, voilà un héros bien maladroit, que de tomber comme cela dans une manoeuvre devant ses troupes*.

Письмо твое, мой милый друг, от 18 мая я получила[1]. Чтоб Ханское желание в рассуждении голубой ленты удовлетворить[2] и притом сохранить все то, что мне и ему сохранить надлежит, то приказала я изготовить голубую ленту чрез плечо с медальоном овальным, на котором посреди алмазов слово из надписи ордена Святаго Андрея: "Верность". Звезда же бриллиантовая и с тою же надписью. А ему при том сказать надлежит, что креста ни он носить не может, ни я дать не могу ему, потому что он не христианин, а даю ему голубую ленту с надписью

* Нечего сказать, мой друг: вот довольно неловкий герой, который упал таким образом, маневрируя перед своими войсками (*фр.*).

ордена Святаго Андрея и с преимуществом того ордена – с Генерал-Поруческим чином. Нетерпеливо жду от тебя известия о окончании Крымского дела. Пожалуй, займи прежде, нежели турки успеют тебе навернуть сопротивление. К Павлу Сергеевичу и к тебе приказала отправить подарок: мехи и вещи, которые ты требовал[3].

Путь на Ригу и вверх по Двине, а там по Днепру, который ты желаешь, чтоб ȅдинороги взяли, дабы Ахтиярской гавани доставить против неприятельских судов оборону, не есть ближний. Конечно, ты имеешь тем путем иное намерение. Буде тебе скорее куда надобно, то везти в Смоленск – кратчайший отселе путь. Отселе в Ригу будут три недели в пути, а там вверх по Двине проедут ли, Бог еще знает, а там переволок до Днепра. Однако ж отправить велела.

Фельдмаршал Румянцев пишет ко мне, требует генерального штаба, инженеры и экстраординарной суммы[4]. Я приказала к тебе сообщить его письмы. Он же опасается, чтоб турки его не упредили. Как война не объявлена, то, кажется, все ко времени еще поспеть может.
Adieu, mon Ami, portés-Vous bien. После похода моего переменю Ген[ерал]-кригскомиссара.

Зорич ехал было сюда, но я послала ему сказать, чтоб он до решения дела Зановича не казался мне на глаза. И так просил, чтоб ехать в Сесвеген, чего я ему дозволила.

661. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. 9 июня 1783

Письмо твое от 28 прошедшего я получила сегодня из рук Ал[ександра] Дм[итриевича]. Я надеюсь, что мои письмы теперь, Князюшка, до рук твоих дошли, а когда изволишь писать: "Дай Боже, чтоб Вы меня не забыли", то сие называется у нас "писать пустошь". Не токмо помню часто, но и жалею и часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я, как без рук[1]. Прошу тебя всячески: не мешкай занятием Крыма. Пугает меня теперь зараза для тебя и для всех. Для Бога возьми и вели взять всевозможные меры. Я очень жалею, что ты с Фельдм[аршалом] Румянцевым где ни на есть не съехались. Все на свете теперь на него находят заботы: штаба генерального, инженеров, деньги экстраординарные и вестей от Булгакова просит. Также боится быть упрежден турками и чтоб чего не проронить. Видя сие, приказала к нему послать, что можно будет. Авось-либо все по-пустому. Верю, что тебе забот много, но знаю, что ты да я заботами не скучаем. Что строение кораблей идет с поспешением – сие слуху моему весьма приятно. Потребное число людей стараться буду прислать. В покупке хлеба удача была, а таможенным недоразумениям легко пособить: в теперешнее время оно и нужно.

Король Шведский руку переломил в Тавастгуском лагере, и для того наше свидание в Фридрихсгаме отложено до 20 сего месяца. Adieu, mon Ami. Христос с тобою.

Сего утра Изм[айловского] полку маиор Олсуфьев умер. Напиши несколько достойных людей, из коих мне выбрать на его место. Теперь поручила полк Левашову.

662. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

13 июня [1783]. Херс[он]

Матушка Государыня! Богу одному известно, что я из сил выбился. Всякий день бегаю в Адмиралтейство для понуждения, а притом множество других забот: укрепление Кинбурна, доставление во все места провианта, понуждение войск и прекращение чумы, которая не оставила показаться в Кизикермене, Елисавете и в самом Херсоне, но везде, благодаря Бога, предостережено и прекращено. Сею язвою я был наиболее встревожен по рапортам из Крыма, где она в розных уездах и гофшпиталях наших показалась. Я немедленно кинулся туда, зделал распоряжения отделением больных и незараженных, окуря и перемыв их одежду. Разделил по сортам болезней, и так, слава Богу, вновь по сие время – пять. Не описываю о красоте Крыма, сие бы заняло много время, оставляя до другого случая, а скажу только, что Ахтияр лутчая гавань в свете[1]. Петербург, поставленный у Балтики, – северная столица России, средняя – Москва, а Херсон Ахтиярский да будет столица полуденная моей Государыни. Пусть посмотрят, который Государь зделал лутчий выбор.

Не дивите, матушка, что я удержался обнародовать до сего время манифесты. Истинно нельзя было без умножения войск, ибо в противном случае нечем бы было принудить, к тому же и транспорты хлебные остановились: вощики, убоясь карантина, все было ушли. Я нашелся принужденным публиковать облегчение и указать возвращение из Крыма на Александровскую крепость, где они употребят много время в прохождении степью, почти тот же выдержат карантин, и у Александровской их окурят.

Обращаясь на строение кораблей, Вы увидите из ведомости, что представлю за сим, в каком было все расстройстве. Одним словом, из всех один мастер корабельный – честный человек[2], протчие все были воры. Адмирал Клокачев истинно попечительный человек, но что ему делать без помощников. Я просил пред сим о присылке следующих людей к здешним кораблям. Тогда способы все будут. Также по представлению моему о прибавке пехотных полков, которые должны сформироваться уделением рот от старых[3]. Естли б вышла резолюция скорее, то бы я послал нарочных к приему, и сии полки к сентябрю были бы все в Крыму. Тогда бы достаточно было войск для отрядов на поиски. Я считаю по собрании всех фрегатов, которые из Дону выдут, можно будет в случае разрыва (и когда турки флотом от своих берегов отделятся) произвести поиск на Синоп или другие места.

А что касается до Императора, не препятствуйте ему. Пусть берет у турков, что хочет. Нам много это пособит. И диверсия одна с его стороны – великая помощь. Я получил известие от консула из Букарешт, что уже пикеты цесарские стражу молдавскую прогнали, объявя, что далее занять намерены, и о сем послано к Порте.

Посланное почтовое судно от капитан-паши в Очаков, о котором упоминает Булгаков, подлинно в Очакове было и пошло в Царьград. Александру Дмитричу мой поклон. Прости, матушка родная, цалую ручки Ваши.

Верный раб Ваш
Князь Потемкин

P.S. Естли, матушка, изволишь определить Святого к комиссариату, то прикажите ему приехать ко мне. Первое, ради учреждения департамента и большого магазейна в здешней стороне, где Малороссийская и моя дивизии составляют почти половину армии, а запасов никаких нет; а что еще страннее, что многие соседние фабрики ставят вещи в Москву, а оттуда присылают сюда и плотят напрасно провоз. Второе, и подушные на жалованье прямо можно из ближних мест посылать. Третье, множество вещей старых образцов у них гниет даром, которые все можно употребить на формируемые вновь войски, а совсем ненужное продать. Я много и других способов покажу им к сбережению знатной суммы.

Через три дни отправляюсь в Крым[4].

663. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[13 июня 1783]

Сколь нужны потребные для кораблей здесь строющихся офицеры и нижние чины, Вы сами знать изволите. За употреблением на фрегаты, здесь почти ничего не остается. Положенное же число на здешние корабли людей много бы поспешествовало работе. А ежели будет воля Ваша, чтоб сих отрядить, то прикажите хороших, а то что барыша, когда в новое место нашлют дряни. Ежели бы приказали В[еликому] К[нязю], так как Г[енерал] Адмиралу, сей наряд зделать, сказавши, что Ваша воля есть, чтоб люди были, как офицеры, так и протчие – годные, то бы, конечно, разбор был лутчий.

Я, матушка, прошу воззреть на здешнее место, как на такое, где слава твоя оригинальная и где ты не делишься ею с твоими предшественниками. Тут ты не следуешь по стезям другого. Прикажите поспешнее отправить. Цалую ручки Ваши.

Вернейший раб твой
Князь Потемкин

Того же дня

664. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Июня 13 ч., 1783 года

Письмы твои, друг мой сердечный, от 1 июня из Херсона я третьего дня получила. Желательно весьма, чтоб ты скорее занял Крым, дабы супротивники как-нибудь в чем излишнее препятствие не учинили, а в Цареграде, кажется, о занятии уже глухие слухи доходят. А на это смотреть нечего: добровольно ли татары на то поступают или предаются, или нет. Отовсюду известия подтверждаются, что турки ополчаются. Я приказала к тебе сто тысяч рублей переслать на Херсонские нужды по твоим требованиям на первый случай. Понеже ты сумму не означиваешь, то я не знала, сколько переслать по тамошним необходимостям, а избрала переслать сию сумму. Я приказала людей число командировать, следующих к Адмиралтейству, и надеюсь, что нарядом тем служба исправлена будет. Что осадной артиллерии впятеро более довезено, нежели под Бендеры было, сие подает надежду добрую. Хорошо, что и в

перевозах лутчая экономия наблюдаема, за что спасибо эконому. Пожалуй, не давай кораблям очень огромные имяна, afin que des noms trop tot fameux ne deviennet à charge et qu'il ne soit trop difficile de remplir une pareille carriere*, впрочем, как хочешь с имянами, ma bride en main, parce qu'il vaut mieux être que paraître et ne pas être. Adieu, mon Ami**.

По прочим твоим требованиям ссылаюсь на данные резолюции.

Пожалуй, дай мне знать о продолжении или утушении или пресечении язвы. Сия меня стращает, опасаюсь все, чтоб не прокралась паки от какой ни на есть оплошности форпостной внутрь России. Прощай, будь здоров. После завтра означила ехать в Фридрихсгам. Не знаю, как Король с изломленной рукою снесет дорогу. Послала проведать. Александр Македонский пред войском от своей оплошности не падал с коня.

Саша кланяется.

665. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Июня 29, 1783. Из Царского Села

Друг мой сердечный, с праздниками тебя поздравляю[1]. В прошедшую субботу я возвратилась из Фридрихсгама, где я виделась с Королем Шведским, который много терпит от изломленной руки. Ты его знаешь, и так писать о том нечего. J'ai seulement trouvé qu'il étoit excessivement occupé de sa parure se tenant fort volontiers devant le miroir, et ne permettant à aucun officier de se présenter autrement à la Cour qu'en habit noir et ponceau et point en uniforme; ceci m'a choqué parce que selon moi in n'y a point d'habillement plus honorable et plus cher qu'un uniforme***.

Видела я и Крейца[2], его нового министра. Сей прямо из Парижа в Фридрихсгам приехал. Il m'a paru que Шефер avoit plus d'esprit****. Лутчим в suite***** королевской показался Таубе[3], что зимою был в Петербурге, а прочие все люди весьма, весьма молодые. Вот тебе вести наши. Теперь ответствовать буду на твое письмо из Херсона от 12 июня. Что ты выбился из сил, о том весьма сожалею; ты знаешь, что ты мне очень, очень надобен. И так прошу тебя всячески беречь здоровье. К оружению морскому люди отправлены и отправляются, и надеюсь, что выбор людей также недурен – самому Ген[ерал]-Адмир[алу] поручен был[4]. На все взятые тобою меры о укреплении Кинбурна, о доставлении повсюду провианта и о понуждении войска, имею твердую надежду, что все то пойдет, как желается. Одна чума меня страшит, чтоб не распространилась. Для Бога, не упущай ни единого известного способа для предосторожности от оной, как для себя, так и для всех. Опасаюсь иногда и того, чтоб

---

* для того, чтобы слишком громкое не сделалось тяжким и чтобы не было слишком трудно соответствовать этому назначению (*фр.*).

** дай волю поводу, потому что лучше быть, чем казаться и вовсе не быть. Прощайте, мой друг (*фр.*).

*** Я только нашла, что он чрезвычайно был занят своим убором и охотно держался перед зеркалом и не позволял ни одному офицеру являться ко двору иначе, как в черном и пунцовом платье. Это меня неприятно поразило, потому что, по моему мнению, нет платья почетнее и дороже мундира (*фр.*).

**** Мне показалось, что Шефер был умнее (*фр.*).

***** свите (*фр.*).

не вкралась паки в Россию. Пехотные полки по твоим представлениям апробованы. Генерал-кригскомиссар[ом] зделан Святой[5]. Проект твой на Синоп или другие места, естьли война будет объявлена, недурен. Отовсюду слышу. что турки сильно вооружаются, но друзья их удержут от войны до времяни. О Цесаре мысли мои с твоими весьма согласны, лишь бы он не был в том положении, как был в прошедшей войне; всякая иная [помощь] нам от него полезна. Мих[аилу] Серг[еевичу] Пот[емкину] по твоей прозьбе прикажу ехать к тебе. Надеюсь, что по сей час судьба Крыма решилась, ибо пишешь, что туда едешь.

Adieu, mon cher Ami, portés-Vous bien, je Vous embrasse de tout mon coeur*.

Саша тебе кланяется.

666. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10 июля [1783]. Лагерь при Карасубазаре

Матушка Государыня. Я чрез три дни поздравлю Вас с Крымом. Все знатные уже присягнули, теперь за ними последуют и все. Вам еще то приятнее и славнее, что все прибегли под державу Вашу с радостию. Правда, было много затруднения по причине робости татар, которые боялись нарушения закона, но по уверениям моим, зделанным их присланным, теперь так покойны и веселы, как бы век жили у нас. Со стороны турецкой по сие время ничего не видно. Мне кажется, они в страхе, чтоб мы к ним не пошли, и все их ополчение оборонительное.

Чрез три дни отправленный курьер поднесет подробные донесения, то здесь сокращаюсь повергнуть себя и всех трудившихся, о которых просить буду. Что до меня касается, я выбился из сил. Право, все самому надобно приводить в движение и бегать из угла в угол. Пред сим занемог было жестоко в Херсоне спазмами и, будучи еще слаб, поехал в Крым. Теперь, слава Богу, оправился. Чума вокруг лагеря, но Бог хранит по сю пору. Простите матушка, целую ручки Ваши, не забывайте.

вернейшего раба Вашего
Князя Потемкина

Принц Виртембергский вступил в командование и очень охотен к службе[1].

Александру Дмитричу кланяюсь.

667. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из царского Села. Июля 10 ч., 1783

Давным давно, друг мой сердечный, я от тебя писем не имею, думаю, что ты уехал в Крым. Опасаюсь, чтоб болезни тамошние как ни на есть не коснулись, сохрани Боже, до тебя. Из Царяграда получила я торговый трактат, совсем подписанный, и сказывает Булгаков, что они знают о занятии Крыма, только никто не пикнет, и сами ищут о том слухи утушать[1]. Удивительное дело!

---

* Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы. Обнимаю вас от всего сердца (*фр.*).

С часа на час ждем родины Вел[икой] Княг[ини][2]. Я здорова. Отправляю ныне к тебе Святого, а на его место взяла я паки Ребиндера[3]. У нас теперь Папский посол[4]. Вот те вести здешние. Только признаюсь, что жду нетерпеливо от тебя вестей. Пуще всего береги свое здоровье. Adieu, mon cher et bien aimé Ami*.

668. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Села Царского. Июля 15 ч., 1783

Ты можешь себе представить, в каком я должна быть безпокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель. Сверх того здесь слухи бывают ложные, кои опровергнуть нечем. Я ждала занятия Крыма, по крайнем сроке, в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и Папа Римский. Сие неминуемо производит толки всякие, кои мне отнюдь не приятны. Я тебя прошу всячески: уведомляй меня почаще, afin que je reste un fil des choses; l'activité naturelle de mon esprit et de ma tête forge mille idées qui me tourmentent souvent**.

Сюда и о язве приходят всякие сказки. Частым уведомлением успокоишь мой дух. Иного писать не имею: ни я и никто не знает, где ты. Наугад посылаю в Херсон. Фельдмаршал Румянцев, как и всегда, выискивает разные неудовольствительные замашки.

Adieu, mon Ami, portés-Vous bien. Quand est-ce que Votre histoire de la Crimée sera une fois terminée***.

669. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Лагерь при Карасу Базаре. Июля 16 [1783]

Матушка Государыня. Я прошу милости Генерал[ам], подо мною служащим: Суворову – Володимерский крест и Павлу Сергеевичу. Графу Бальмену – Александровский. Не оставьте и Лашкарева, он, ей Богу, усердный человек, и очень много я его мучил[4].

Упражняюсь теперь в описании топографическом Крыма[2]. Деревни все уже описаны, только надобно перевесть на русский язык. Я поспешу все представить, как о продуктах земли, так и о сборах. Теперь только могу доложить, что редко можно найтить так плодородную землю: нонешний год не в силах будут всего урожая убрать.

При всем удовольствии татар тревожит их посеянный от турков очаковских в них слух, что браны будут с них рекруты[3]. Я им на сие дал уверение, что таковой слух пущен от их злодеев и что он пустой. Ежели, матушка, пожалуете указ, освобождающий их от сего, то они совсем покойны будут. Также просят неотступно, чтобы подать им платить не по душам, а с земли и со всего – десятину, что учинит гораздо более доходу, да для них честнее. И ежели это будет, то поверьте, что можно тогда в Анатолию послать Манифесты, и там примут подданство.

---

* Прощайте, мой дорогой и самый любимый друг (*фр.*).

** Для того, чтобы я могла следить за ходом вещей. Природная деятельность моего ума и головы выковывает тысячи идей, которые меня часто мучат (*фр.*).

*** Прощайте, мой друг, будьте здоровы. Когда же, наконец, кончится ваша крымская история? (*фр.*).

Сочинив таблицу о доходах, поднесу мои примечания, на что ассигновать нужно, дабы угодить магометанам: как то на содержание некоторых мечетей, школ и фонтанов публичных. Сей последний пункт считается у них великим благодеянием и весьма их обрадует, ежели прикажете на Ваше имя построить большой и хороший. И от сей безделицы пойдет громкая слава не в пользу Султана турецкого.

Турки по сие время везде смирны. По известиям, в пограничных местах починивают, но слабо, и гарнизоны не умножаются. Они боятся, чтобы мы к ним не пришли. Укрепляют всячески проход Боспорский, да и в Цареграде велено починивать укрепления. Ежели и быть войне, то не нонешний год. Теперь настоит рамадан и кончится двадцатого августа, то много ли уже останется до осени. Я не дивлюсь Короля шведского жеманству, что же бы ему другое и делать. Он хорошо делает, что не носит военного мундира для того, что у них больше комического, нежели сериозного. Я пишу, матушка, к Безбородке некоторые мои примечания политические, о чем он Вам доложит[4].

Прости, моя матушка милая.

Твой вернейший раб
Князь Потемкин

Алекс[андру] Дмитричу мой поклон.

670. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Июля 20 числа 1783

После долгого ожидания, наконец, вчерашнего числа получила я, любезный друг, твое письмо от 10 сего месяца из Карӑсу-Базара с приятными вестьми о присяге Крыма и двух Ногайских орд. За все то благодарю тебя. Авось-либо все обойдется на сей раз без дальних хлопот. Ожидаю теперь курьера с обстоятельными вестьми. Прошу тебя уверить трудившихся, что оставлены не будут, а от тебя ожидаю о том представления. Сожалею только о том, что ты был болен и, в слабости быв, много труда понес. Стращает меня чума, дай Боже, чтоб ты успел своих охранить от оной и в Крыме пресечь ее пребывание. Что Принц Виртембергский охотник служить, скажу сестре; с час на час ждем разрешения сей.

Саша так больно ушиблен от аглинского коня, что почти в постеле лежит недвижим. Однако опасности нету. Сие зделалось вчерась по утру, теперь ровно сутки.

Adieu, mon cher et précieus Ami, portés-Vous bien.

Просит у меня Безбородка 2 000 душ ранговых полковничьих деревень в Украйне[1]. Говорит, что сие не делает еще шестой доли того, что законы определяют за промыслы барыша короне, а он мало ли придумал. Il me semble que ce raisonnement est assez juste, cependant je serais bien aise de savoir ce que Vous en pensés*.

---

* Мне кажется, что это рассуждение довольно справедливо. Однако же я была бы довольна, узнав, что вы об этом думаете (*фр.*).

671. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Села Царского. Июля 26 ч., 1783

Отпуская маиора Глазова[1] обратно к тебе по твоему желанию, вручить велела и сие письмецо, чрез которое уведомляю тебя, друга моего сердечного, что я с прошедшим курьером ответствовала на твое письмо о занятии Крыма. Публика здешняя сим происшествием вообще обрадована: цапанье нам никогда не противно, потерять же мы не любим.

Напиши ко мне, отослал ли ты к Шагин-Гирею голубую ленту[2], да пришли ко мне имян людей, кои в маиоры годятся в Измайловский полк, ибо Олсуфьев умер. Также не забудь мне ответствовать о деревнях, кои Безбородка просит. Александр Дм[итриевич] выздоравливает от своего нещастливо[го] с лошади упадения. С часа на час месяц целый ждем разрешения Великой Княгини, но по сю пору тщетно. Adieu, mon Ami, portes-Vous bien, я здорова.

672. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Лагерь у Карасу Базара. 29 июля [1783]

Матушка Государыня. Я пишу оправдание мое в особливом письме, а здесь доложу о Крыме. Я все старанья употребляю делать подробное описание, но язва, разплодившаяся во всех почти деревнях, препятствует зделать верный щет жителям. Несказанно изобильное и способнейшее место, как для флота, так ради торговли и многих заведений, приличных теплому климату. Сей полуостров еще будет лутче во всем, ежели мы избавимся татар на выход их вон. Много можно обрести способов. Ей Богу, они не стоят земли, а Кубань для них жилище пристойное.

Положение соседей здешних по сие время смирно. Сбирают они главные силы у Измаила и пост у Кочибея. Тут уже сыщется способ их разбивать в поле от корпусов, в Польше расположенных, которые с прибавкою от части полков, назначаемых прежде к Салтыкову, составят хорошую армию. Тем паче сильную, что не будет нужды делиться, ибо я щитаю не ходить дале, а держать у себя в руках места, теперь занятые. Нам нужно выигрывать время, чтоб флот усилить. Потом будем господа.

Меня и Кавказский корпус – помилуйте – оставьте прямо под Вашим предводительством[1], иначе, право, все пойдет верх ногами.

По отправлении курьера поеду в Ахтияр для положения, как укреплять; и как о сем месте, равно и о всей пограничной системе, представлю мое мнение[2].

Корсаков[3], матушка, такой инженер, что у нас не бывало. Как он Кинбурн отделал, истинно дорого смотреть. Сего человека нужно беречь.

Чтобы понудить полки Малороссийские скорей привести в годность на службу, назначьте из них 4 к Г[рафу] Салтыкову, 3 к К[нязю] Репнину и 3 ко мне. Я ручаюсь, что те, кои ко мне написаны будут, верно на будущую кампанию выдут во всякой исправности.

Цалую ручки Ваши. Прости, матушка родная, я по отправлении К[нязя] Дашкова очень было занемог, да слава Богу оправился.

Вернейший раб Ваш
Князь Потемкин

Александру Дмитричу кланяюсь.

P.S. Язва сильно в Крыму продолжается, но в войске в мое время в третьем полку Гр[еческом] умер один, а больных сею болезнию только трое. В Херсоне все взяты предосторожности. Я, матушка, стою, право, как на часах, имея себе большим помощником Сергея Николаевича Салтыкова, который у меня дежурным генералом. Я об нем Вам примечаю, как о годном весьма для употребления в дела государственные. Он не белоручка. Естли б милость была в уравнении с товарищами его пожаловать Анненский орден, так как и Вице-Адмир[алу] Клокачеву.

Желание, матушка, чтоб я доложил, кого я знаю, в Измайловский полк: не угодно ли будет Псковского полку полковника Князя Лобанова[4] или Буксгевдена[5], а из Генералов, право, не знаю, и никто не пожелает. В корпус кадетский годится Генерал-Маиор Князь Меншиков.

673. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Лагерь при Карасу Базаре. Июля 29 дня [1783]

Матушка Государыня! Я виноват правда, что не уведомлял долго Вас, кормилица, и сокрушался, что держал долго в неизвестности. Но причина сему была та, что Гр[аф] Бальмен от 14 числа июня обнадеживал меня чрез всякого курьера о публикации манифестов и, протянув до последнего числа того месяца, дал знать, наконец, что татарские чиновники не все собрались еще. Я, видя, что съезд их зависел от их воли, и тут не доставало того, что я ему еще с дороги предписывал сими словами: "возьмите тон военного начальника", решился поскакать сам и чрез три дни объявил манифесты, не смотря, что не все съехались. Говорено было мне всюду, что духовенство противиться будет, а за ними и чернь, но вышло, что духовные приступили из первых, а за ними и все.

Что Вы, матушка, изволили упоминать в письме Вашем, что Вы ожидали покорения Крыма в половине маия, но в предписаниях мне данных сказано сие учинить по моему точно разсмотрению, когда я найду удобным. А писал ко мне Безбородко, что он считает к времяни объявить министрам чужих дворов, естли учинится сие в половине мая. Матушка Государыня, я тогда только что приехал еще в Херсон, и полки в Крым вступить не могли прежде половины июня, а которые дальние, из тех последний сегодня только пришел. Большей части полков марш был по семисот верст. Притом две, иным – три переправы чрез Днепр и Ингулец, из которых меньшая задерживала по четыре дни каждый полк. Естли б Вы знали, сколько мне труда стоило набирать паромов, которых не было вовсе.

Государыня, я Ваши дела произвожу с охотой душевной и с попечением неограниченным. Мне предстояло тысячу забот, и я все исправил, борясь с климатом, с водой и разными недостатками природными и, снабжаясь всем со всевозможной дешевизною, с малым числом помощников и посреди большой

язвы, везде один за всех, не щадя себя. Помощию Божиею язва не распространяется ни в войсках, ни в губернии Вашей, и что Вы пишете о слухах заразы, размножают оные трусы, кооторые и без того сюда не поедут: сборное их место Спа и Париж[1].

Замашки неудовольственные Фельдмаршала, как Вы называть изволите, не новое, а старое. Дай Бог, чтоб по принятии команды пошло хорошо. Только то известно мне, что на меня за полки Малороссийские кроется досада, что и выплатит, как попадусь в руки[2], чего Вы меня можете избавить, естли усердие мое и служба Вам надобны. Я прилагаю на будущую операцию мои мысли, как и составление армии, что и подаст способ оставить край, где я командую, под особливым Вашим руководством[3].

Я еще раз скажу, что я невольным образом виноват, не уведомляя, матушка, Вас долго. Но что касается до занятия Крыма, то сие чем ближе к осени, тем лутче, потому что поздней турки решатся на войну и не так скоро изготовятся.

Мне что пришло на ум, то я писал к Безбородке. Не везде может быть умно, но везде преисполнено усердием[4]. Простите, матушка Государыня, и будьте уверены, что по моей службе никто со мной не сравнится рвением, и по разположению моего сердца я могу сказать, что нет вернее

Вашего нелицемерного раба.
Князь Потемкин

674. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Августа 5 [1783]. Лагерь у Карасу Базара

Матушка Государыня. Вот, моя кормилица, и грузинские дела приведены к концу[1]. Какой Государь составил толь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза еще большая. Земли, на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому, а таврический Херсон – источник нашего християнства, а потому и людскости*, уже в объятиях своей дщери. Тут есть что-то мистическое.

Род татарский – тиран России некогда, а в недавних времянах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич. Вы же истребили корень. Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской. Взойди на трофей, не обагренный кровию, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги.

Я скоро за сим пришлю курьера с многими представлениями, для которых теперь езжу осматривать в Крыму нужные места. Пишу примечания нужные до инвеституры царя Ираклия к Безбородке[2]; что, матушка, мешает наградить его 2000-и душами ранговых. Я к сей присовокупляю еще две прозьбы о подполковнике Тамаре[3], столь похвально в Грузии дела производившему, и подполковнике Корсакове, искуснейшем не только у нас, но и везде инженере, весьма трудолюбивом и усердном. Они оба старшие по полкам Екатеринославским.

---

* Свойство, состояние людского – человечность, гуманность (*Даль*).

Целую ручки твои, матушка родная, и еду сей час вЕниколь, а третьего дни только приехал из Ахтияра.

Вернейший раб Ваш
Князь Потемкин

Не стыдно Александру Дмитричу ездить на бешеной лошади, которая раз уже его ушибла. Я желаю сердечно ему облегчения.

675. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Лагерь между Акмечетью и Карасу Базаром на Бурунче. 9 августа [1783]

Матушка Государыня. Изготовя отправлять сего курьера с ответом об Адмирале Эльфинстоне[1], получил присланного со Всемилостивейшим рескриптом и награждениями Генералам, от меня рекомендованным.

Матушка моя родная, побывай у меня в сердце, ты увидишь, сколь нелицемерно я несу живот мой, паче на службу, и естли ты благоволишь призирать на мои дела, то я пойду охотно в воду. Возвращаюсь на Эльфинстона. Конечно, предприимчивый Адмирал здесь нужен, но как согласить: Клокачев был капитаном, как тот был уже Адмирал, а теперь старее чином. Ежели Вы найдете способ обойтить сии затруднения, не отымая Клокачева, который нужен для строения, то бы я просил Эльфинстона и с сыном[2].

В какие приятные стечения обстоятельств Бог Вам дал внуку Александру Павловну. Насаженные лавры будут возрастать на брегах Эвксина с Александром и Константином, а для нее взойдет роща маслин у мыса, что в древности назывался Парфенион, то есть – девичий. Урочище сие при Балаклаве, тут был в древности храм Дианин. Там Ифигения была жрицей[3].

Готовя за сим отправить подполковника Попова[4] с описаниями Крыма, теперь не распространяюсь, а целую ручки Ваши. Остаюсь по смерть.

вернейший раб Ваш
Князь Потемкин

676. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Августа 13, 1783

Письмы твои, друг мой сердечный, из лагеря у Карасу-Базара от 29 июля я получила, и уже о прошедшем, по которому ты прислал объяснение, упоминать не буду. Слава Богу, что ты и с тобою в лагере находящиеся войски, посреди сильной Крымской язвы, здоровы. Хорошо бы было, естьли б каждую татарскую деревню для пресечения язвы можно было до того довести, чтоб наблюдали обряд тот, который у нас каждая деревня наблюдала в подобном случае. Скорее пресеклась бы зараза. За все приложенные тобою труды и неограниченные попечения по моим делам не могу тебе довольно изъяснить мое признание. Ты сам знаешь, колико я чувствительна к заслугам, а твои – отличные, так как и моя к тебе дружба и любовь. Дай Бог тебе здоровья и продолжение сил телесных и душевных. Знаю, что не ударишь лицом в грязь.

Будь уверен, что не подчиню тебя никому, окроме себя. Что дешевле подряжаешь, и за то великое тебе спасибо. Только, пожалуй, береги себя для меня. Я очень смеялась тому, что пишешь о слухах заразы размножения теми, у коих сборное место Спа и Париж. C'est un mot délicieux*.

Я чаю, после Байрама откроется, на что турки решатся, а дабы не ошибиться, кладу за верно, что объявят войну[1].

О чем ты писал, о том решение к тебе отправлено. Во флот отправленные к тебе люди, чаю, уже до тебя доходят.

Радуюсь, что Корсаков тебе пригодился и что мои о нем попечения и деньги не втуне остались[2].

Росписание Малороссийских полков зделано, как сам усмотришь[3].

Прощай, мой друг сердечный, Бог с тобою.

Саша тебе кланяется.

677. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Августа 18 ч., 1783. Из Царского Села

Вчерашний день я письмо твое от 5 сего месяца получила чрез подпол[ковника] Тамара, который привез и Грузинское дело, за которое снова тебе же спасибо. Voilà bien des choses de faites en peu de tems**.

Прямо ты – друг мой сердечный! На зависть Европы я весьма спокойно смотрю: пусть балагурят, а мы дело делаем.

По представлениям твоим дела не будут залеживаться, изволь прислать. О Тамаре и Корсакове получишь с сим курьером[1]. Радуюсь, что сей последний столь искусен. Дай Бог тебе здоровья и всякого счастия и удовольствия. А про меня знай, что я на век к тебе непременна.

Саша выздоровел и благодарит тебя за поклон.

678. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Августа 31 дня 1783

Когда я получала от тебя не иные известия, как радостные о твоих успехах и, веселясь о том, на сих днях приказала отпустить на достройку петербургского твоего нового дома на Литейной улице сто тысяч рублей из кабинета, ожидала ли я, чтоб ты всекрайне опечалил меня известием о твоей опасной болезни, которое усмотрела из письма твоего из Кременчуга[1]. Просила я тебя, да и прошу, ради самого Бога и естьли меня любишь, приложи более прежняго старание о сбережении драгоценного твоего для меня здоровья.

Игельстрома[2] оставь у себя, буде тебе надо, а Хану вели сам ехать, куда разсудишь. Лишь будь здоров. Браниться с тобою и за то хочу, для чего в лихорадке и в горячке скачешь повсюду? Теперь крайне буду безпокойна, пока отпишешь, что каков.

Сына Эльфинстона я взяла в службу, а с ним никто не уладит[3].

---

* Это восхитительное выражение (*фр.*).

** Вот как много славных дел совершено в короткое время (*фр.*).

Дай Бог скорее услышать о твоем выздоровлении. Тогда станем паки веселиться о твоих успехах. Adieu, mon cher et bien aimé Ami*.

679. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До сентября 1783]

Естли Ваше Императорское Величество благоволите 22 сентября жаловать Александровские ордены, то осмеливаюсь представить Генерал-Порутчика Апухтина[1]. Он первый по армии в сем чине, человек знающий и прилежный.

680. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Царского Села. Сентября 11 числа 1783

Друг мой сердечный, я об тебе в крайнем безпокойстве, и для того посылаю нарочного курьера, чтоб узнать, каков ты? От посторонних людей слышу, что маленько будто легче тебе[1], чего от сердца желаю, а наипаче, чтоб ты совершенно выздоровел. О делах тебе скажу, что мое мнение есть, аще турки не объявят нам войны прежде 1 числа октября, чтоб от того числа войски расположить по винтер-квартерам. А именно где, о сем прошу прислать твое мнение, буде тебе в мощь, как надеюсь с помощию Божиею. Сестренцевич[2] сюда приехал и отдал мне твое письмо, и я его всегда находила, как его описываешь. Как Киевский наш Митрополит умер[3], то переведу в Киев Ростовского, а дабы Новгородский, Московский и Псковский не были в черных клобуках, когда тот наденет белый, то думаю всех трех нарядить в белые клобуки, дав им титул митрополичий. А на Ростовскую и Владимирскую епархии, опорожненные, переведу по Синодскому докладу из степени в степень.

Теперь отовсюду французские интриги и происки до нас доходят, mais ils ne feront que de l'eau claire, pourvu que Vous Vous portiés bien. Adieu, mon cher Ami**.

681. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Двои письмы твои из Кременчуга от 31 августа и 8 сентября, друг мой сердечный, я получила одно за другим[2]. Дай Боже, чтоб ты скорее здоровьем оправился. Всекрайне меня обезпокоивает твоя болезнь. Я ведаю, как ты не умеешь быть болен и что во время выздоровления никак не бережешься. Только зделай милость, вспомни в нынешнем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает: благо Империи и мою славу добрую. Поберегись, ради самого Бога, не пусти мою прозьбу мимо ушей. Важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что. Не токмо чтоб осудить, я хвалю тебя, что в Кременчуг переехал, но сие не должно было делать в самую опасность болезни. Я ужаснулась, как услышала, что ты в таком состоянии переехал триста верст.

---

* Прощайте, мой дорогой и горячо любимый друг (*фр.*).

** Но они толкут воду. Лишь бы вы были здоровы. Прощайте, мой дорогой друг (*фр.*).

Саша благодарит за поклон, не пишет, чтоб излишним чтением не обременить больного[2].

Вести о продолжении прилипчивых болезней херсонских не радостные. Много ли тамо умерло ими? Отпиши, пожалуй, и нет ли ее между посланными матрозами и работниками. По причине продолжения оной едва ли поход мой весною сбыться может[3].

Прощай, друг мой любезный, молю Бога, да укрепит твое здоровье.

Сен[тября] 17 ч., 1783 года. Из Петербурга

В коронацию мою белый клобук дам одному Новгородскому Архиерею, буде от тебя не получу письма прежде[4].

682. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

В крайнем изнеможении от жестокой и продолжительной болезни моей, не в состоянии будучи сам писать к Вашему Императорскому Величеству, должен я сие заимствовать. Я осмелился, Всемилостивейшая Государыня, искать убежища от страданий моих, коего не нашел я в Кременчуге, наполненном лихорадками. Я спешу удалиться оттуда, но болезнь моя остановляет меня ежечасно. Едва в неделю довезли меня до Нежина, и здесь принужден я несколько дней остаться, чтоб собрать остатки ослабевших сил своих и укрепиться на дальнейший путь, которого я уже продолжать не мог. Не знаю, Всемилостивейшая Государыня, чем кончатся мучения мои, но между тем все дела и войски, Всевысочайше мне вверенные, так распоряжены, что не учинил я и не учиню никакого по оным упущения и коль скоро получу облегчение, то и на службе Вашего Императорского Величества.

Хан Шагин-Гирей, пользуясь влиянием своим в ордах, продолжает приклонять ногайцев к своим видам и не подает ни малой надежды ехать в Россию, отзываясь между прочим, что находится он и теперь в границах Российских[1]. Он требует отправления курьера своего в Петербург, но как сею пересылкою старается выиграть время, то я и приказал ему сказать, что курьера того может он отправить по прибытии своем внутрь Российских пределов. Недавно, призвав к себе находящегося при нем приставом подполковника Рахманова[2], отзывался он ему, что хочет писать о состоянии своем в Константинополь, к находящимся тамо иностранным министрам, но послано от меня к господину Генерал-Поручику и Кавалеру Суворову предписание о высылке его из Тамани внутрь Империи[3] Вашего Императорского Величества. Надеюсь я вскоре кончить все его затеи.

Вашего Императорского Величества
верновсеподданнейший раб
Князь Потемкин

Сентября 23 дня 1783 года. Нежин

683. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Построенный в Херсоне корабль, имянуемый "Слава Екатерины", о шестидесяти шести пушках, сего месяца 16-го дня благополучно спущен на воду, о чем всеподданнейше донося Вашему Императорскому Величеству, прилагаю я теперь всемерное старание о скорейшем выведении оного в море.

Вашего Императорского Величества
верноподданнейший раб
Князь Потемкин

Сентября 23 дня 1783 году. Нежин

684. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Сент[ября] 26 ч., 1783 г. Из С[анкт]-Петер[бурга]

С днем имянин твоих, любезный друг, сим я тебя поздравляю и от всего сердца желаю слышать наискорее о твоем совершенном выздоровлении. Последнее полученное от тебя письмо было от 8 сентября[1], следовательно, сегодня 18 ден, как об тебе ничего не знаю, ни о состоянии Крымской и Херсонской язвы. Здесь ее описывают свирепствующей, наипаче между корпусами твоими и Репнина, но как от тебя и от Репнина ничего о том не имею, то почитаю те вести увеличенными. Однако о сем грущу.

Увидишь из сообщенных бумаг твердый ответ Цесарского двора Французскому[2]. Теперь ожидаю с час на час объявления войны по интригам французов и пруссаков. Adieu, mon cher Ami, portés-Vous bien. Саша тебе кланяется.

685. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Петербурга. Сент[ября] 28, 1783 г.

Сейчас получила я твои письмы, любезный мой друг, из Нежина от 23 числа, кои меня всекрайне отревожили[1], ибо вместо того, что думала, что тебе есть легче, вижу я, что ты слабее пуще прежнего. Бога прошу, да сохранить дни твои и даст тебе силы душевные и телесные. Мне чрезвычайно печально твое состояние. Je serais dans des inquiétudes mortelles si Vous me laissiés longtems sans nouvelles. Adieu, mon cher Ami, portés-Vous bien, quand Vous Vous porterés bien, tout le reste ira*.

Ничему так не дивлюсь, как в крайней болезни скачешь. Тем болезни умножаешь. Больному покой нужен.

---

* Я буду в страшном беспокойстве, если долго оставите меня без вестей [о себе]. Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы. Когда вы будете здоровы, все пойдет хорошо (*фр.*).

686. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Петер[бурга]. Октября 3 ч., 1783

Письмо твое от 27 сентября из Нежина, любезный мой друг, тем наипаче мне нужно было, что в крайней печали погружена была по причине опасного состояния твоей болезни. Мои безпокойства, однако, инако не пройдут, как тогда, когда узнаю о совершенном твоем выздоровлении. Дай Боже скорее о том узнать. Много в том сам можешь способствовать en soignant Votre convalescence*.

Мне пришло на ум, естьли Шагин-Гирей еще шалить станет, то приводить ему на память, что Портою смененные ханы по двести тысяч пенсии никогда не получали[2].

Французы посылают Шуазеля Гуфиер послом в Цареград. Это тот, который "Вояж питореск де ла Грек" выдал и к оному предисловие, где предлагает из Греции составить республику.

Je crois que Vous connoissés cela, si non je Vous prie de lire la préface dans le livre; il est fort animé contre nous et décrit notre guerre avec les Turks avec la plus grande animosité**.

Прощай, мой любезный друг, Бога молю, да возстановит твое здоровье, мне столь нужное, скорее.

687. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Октября 16 ч., 1783

Письмы твои, любезный мой друг, от 6 и 7 сего месяца я получила[1], и хотя ты меня уверяешь, что тебе есть луче, но мое безпокойство продолжается и продолжаться будет, дондеже узнаю, что ты совсем оправился, понеже знаю, каков ты, когда болен. На меня же – черный год: на сей неделе умер Фельд[маршал] Кн[язь] Алек[сандр] Мих[айлович] Голицын, и мне кажется, кто Рожерсону ни попадется в руки, тот уже мертвый человек.

Слышу я, что Соммерса нет с тобою, и то меня безпокоит. Дай Боже, чтоб ты скорее выздоровел и сюда возвратился. Ей, ей, я без тебя, как без рук весьма часто. Паче всего, зделай милость – побереги себя. О делах не пишу, увидишь из сообщений и из прочих моих писем. Кажется, в течение зимы по Крымским делам мир или война решится. Adieu, mon Ami, опасаюсь долгим чтением тебя обезпокоивать.

Принц Вирт[ембергский] к тестю писал, что он одну часть Херсона от язвы охранил, а другую не мог, но он с корпусом своим в числе 28 000 в целости остался. C'est à Vous d'apprécier la vérité du fait, du moins cela peut-il Vous faire une idée de l'homme***.

К сестре же и к жене он о сем не писал.

---

* Заботясь о своем выздоровлении (*фр.*).

** Я думаю, вы это знаете; если нет, то прошу вас прочитать предисловие в этой книге, он очень раздражен против нас и с отъявленной враждебностью описывает нашу войну против турок (*фр.*).

*** Вам оценить справедливость факта. По крайней мере, это даст вам понятие о человеке (*фр.*).

688. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Петерб[урга]. Октяб[ря] 19 ч., 1783

Сего утра получила я твое письмо, любезный мой друг, от 13 сего месяца[1]. Богу благодарение за то приношу, что ты выздоровляешь. Не могу тебе описать, в каком я была безпокойстве до сегодняшнего дня по причине тяжкой твоей болезни. Знатно и Фельд[маршал] Румянцев оной испуган был, ибо пишет ко мне, что по причине настоящего кризиса о мире или войне надлежит наивящще все иметь в готовности[2] для снабдения войск чрез зиму всем потребным, и просит меня, чтоб я ему наставление давала и сообщить приказала известие и о корпусах Кубанских и прочих, кои вступить могут или будут в его команде по объявлению войны. Касательно снабдения войск всем потребным чрез зиму, я надеюсь, что места и люди, коим оное вверено, не упустят время приличного к тому. Надеюсь, что ты, мой друг, понудишь кого надлежит, а касательно расположения корпусов, кажется, Его Сия[тельству] заботиться также излишне, ибо слышу, что нужное ему и от тебя сообщается.

Вадковский,[3] под[полковник] Семе[новский] на сих днях умер, и в Сенате, паки по департаментам, пусто становится, ибо и больных по городу много. Не знаю, за кого взяться: армейских требовать не сметь; по губерниям – или молоды, или трогать не сметь же. Заглянула в придворных, прошу смотреть, кому по старшинству следует в Тайные Советники, право, тут выбрать немного. Знаю, что в Сенате иногда bouche-trous* с имянами быть могут, но признаюсь, что дельных людей луче бы хотела. Буде кого знаешь, скажи мне. Adieu, mon cher Ami, portés-Vous bien.

Саша кланяется.

689. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня! Я час от часу благодаря Бога лутче теперь. Выезжаю из Чернигова в Кричев и, тамо совсем оправясь, поеду к моей матушке родной на малое время. От турков никакого движения на границах не видать. Прости меня, кормилица.

Твой вернейший раб
Князь Потемкин

Александру Дмитричу кланяюсь.
Октября 22 дня 1783 году. Чернигов.

690. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1783]

Si Vous voulés envoyer Votre Adjoint au moins faut-il dire avec quoi**. Никто проворнее Самойловича[1] из лекарей не поскачет. И естьли Вы сие апробуете, то только что запечатать осталось приложенные письмы.

---

* затычки (*фр.*).

** Если вы хотите послать своего помощника, то, по крайней мере, надо сказать, с чем (*фр.*).

691. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1783]

Прикажи узнать заподлинно о Таманской язве – сколь с одной стороны для действительной от оной предосторожности, как с другой, чтоб татары, распуская слух о язве в Тамане, слухом тем отдаляя наших ездоков, не приняли турков вооруженных в Тамане.

692. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1783]

Сия пиеса ходит здесь и на Москве и, сказывают, Степаном Ржевским[1] сочинена была. Нового, кажется, тут нет, окроме жалобы на меня, что заслуженные, то есть он, не пущен за кавалергарды[2], да другая строфа на моих адъютантов.

693. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1783]

Вице-полковника Уварова[1], как заслуженного человека, я охотно зделаю флигель-адъютантом. Буксгевдена тоже, понеже знаю его. От прочих отрицаюсь.

1784

694. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Начало 1784]

Хотя в рапортициях и назначены новые войски, но я об них готовлю подробное описание с показанием пользы и економии.

К швецкой стороне назначен один полк башкир. Небезполезно бы было несколько нарядить калмык и вызвать также волонтеров черкесс.

Действие флота много поспешествовать может, то и нужно сему быть в знатном числе. Назнача на все стороны войски, я кратко упомянул о их определении. Большой же операции план представлю естли повелено будет.

695. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Начало 1784]

Весьма, матушка, хороши и достаточны предписания. Я одно только желал бы напомнить, чтоб в учении языков греческий поставлен был главнейшим, ибо он основанием других. Невероятно, сколь много в оном приобретут знаний и нежного вкуса сверх множества писателей, которые в переводах искажены не столько переводчиками, как слабостию других языков. Язык сей имеет армонию приятнейшую и в составлении слов множество игры мыслей; слова технические наук и художеств означают существо самой вещи, которые приняты во все языки.

Где Вы поставили чтение Евангелия, соображая с латынским, язык тут греческий пристойнее, ибо на нем оригинально сие писано.

Рукой Екатерины II: *Переправь по сему.*

696. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[1784]

Grâce à Votre beau livre, la Chronologie de mon Histoire de Russie ou plutôt des mes Mémoires sur la Russie va devenir la partie la plus brillante. Grandissime merci*.

---

* По вашей милости хронология моей "Истории России", или, лучше сказать, моих воспоминаний о России, становится самой блестящей частью. Превеличайшее спасибо (*фр.*).

697. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Начало 1784]

Исполняя Высочайшее повеление о составлении армий на разные пункты предполагаемые, имел уже я честь представить росписании: Армии обсервационной против Прусского Короля, Армии против Порты, Армии против Швеции.

Как таковые ополчения Ваше Императорское Величество предполагать изволите противу демонстраций, неминуемо быть долженствуемых от Прусского Короля в препятствии Цесарю, от французов к озабочиванию нас турками и шведами, то и долженствует армия Вашего Императорского Величества против Прусского Короля быть обсервационная, стоящая всегда на готовой ноге – отвлечь его силы, естьли б он действительно пошел в земли австрийские, убегая [как можно] давать баталии, ибо с ним они кровопролитны и весьма убыточны. А пользоваться поисками конных войск, паче же употребляя казаков, которыми, изноровя время, удобно в тылу их армии срывать конвои, а паче естьли удастся, отрезать пекарен хлебных, то сим новым ударом в один день разрушить армию можно. От начальника будет зависеть пользоваться случаем и наносить вред после больших сражений с Цесарскими войсками, где пруссаки хотя б и победителями остались, но уже против свежих войск почти полубитыми должны считаться. Превосходством легких Вашего Величества войск такие можно делать извороты, что транспорты его будут безнадежны или принудят его прикрывать их большими отрядами, а чрез то отнимется скорость его движения, что прежде главною было его силою. Сказав генерально об операции против сего Государя, присовокуплю мое усерднейшее разсуждение: сколько обстоятельства позволяют догадываться, то почти неможно верить, чтоб Прусский Король вошел в действительную войну, ибо его дела – как бы действующего оборонительно против сильнейшего неприятеля, где наступательные оказательствы для того внушаются, чтоб только скрыть прямую слабость. При старости ж своих лет не пожелает ли он лутче уснуть на приобретенных лаврах, нежели пожертвовать ими. Он испытыл, что его войски не так страшны, а цесарские не столь слабы, как прежде. Генералы его состарились с ним, а офицеры и солдаты потеряли тот фанатизм, какой к нему имели. Естьли ж еще Ваше Императорское Величество при размене земель прикажете по министерству зделать ему дружественные выражения, что Вы в справедливых причинах всегда своим друзьям спомоществуете и как ему в последнее время то доказали, так и Императору поставляете помочь, наипаче в деле ненаносящем никому предосуждения и зависящем единственно от обоюдного согласия, и что по сему свято наблюдаемому Вами правилу и он в подобных случаях может ожидать добрых услуг. Приласкан будучи таким образом, мне кажется, не дойдут дела до крайности.

Против Швеции при малейшей демонстрации с их стороны объявить должно войну. Назначенный корпус к переходу за Кюмень заранее должен стать наготове. Датчане не должны остаться нейтральными. Сими озаботив шведов, удержим большую часть сил их на границах норвежских, а тогда Финляндия без труда достанется в руки. Флоты наш и дацкий на море шведов конечно не найдут; то, посадя войски, должно устремиться прямо на военный их порт. Во что бы то ни стало изтребить их флот за один раз и, следовательно, навеки.

Действия войск Вашего Императорского Величества против Порты Оттоманской по натуре своей все в славу и пользу Вашу. Тут ревность и усердие командующего погонит успехи скорым шагом. Мы испытали турецкую силу, а потому и знаем, чего убегать и как поражать их. Искать в поле и, разбив, не давать оправляться. Войско их не останавливается, следовательно, простирая успехи, впереди не найдем препон. Сильны турки защищаться в укреплениях, для того не должно брать крепостей штурмами, тем паче, что положение их большею частию таковое, что сами упасть должны. Днестровские крепости первым движением отрезаны от сил своих будут. Поморские от Очакова до Измаила, в мертвом углу лежащие, не могут быть подкрепляемы.

Движение Кавказского корпуса по занятии Дербента простретса за Ериван к границам Оттоманским. Турки, увидя себя в Европе и Азии атакованными, не узнают, куда итти на помочь. Непослушания, грабежи и целых провинций возмущения необходимо последуют. Сборы государственные доходить в свои места не будут. Молдавия и Валахия прибавят войск знатное число, ибо я, не имев ни способов, ни денег, имел более трех тысяч при своем корпусе, а под конец провинции Сорока, Кишенев и Лапушня все ко мне записались. Обе земли наверно по двадцати тысяч войска конного прибавят.

Силы наши в сей стороне на первый раз туда долженствуют умножены быть, куда потянется неприятель. И всячески стараться должно скорее разбить их в поле. Я полагаю наверно сбор их в Бессарабии у Измаила, а потому и движение главное наше от Буга будет. Очаков во-первых схватить должно, а как осадная артиллерия уже вся в Херсоне, то и сборы недолго займут. Цесарцам в содействие нам довольно употребить тридцать тысяч, которая армия разположиться может против Боснии и тем удержать те народы обратиться к нам. Корпус от пяти до шести тысяч в Трансильвании, и, заняв за Фокшанами между гор узкую долину, называемую Лунка маре, будут властны по удобности входить в Валахию для вреда проходящим туркам к Хотину, безо всякой опасности быть отрезанными. Нет способа описать всех выгод, какие ревностная преданность в командующем изобрести может. Сокращаюсь одним донесением, что конницы чем больше, то лутче. Движения должны быть как можно стремительны и что тут Божия помощь видима.

698. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[2 февраля 1784]

Я сей час подписала все касательно Тавриды, только прошу тебя не терять из вида умножения доходов той области и губернии Екатеринославской, дабы оплачивали издержки, на них употребленные.

699. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 27 февраля 1784]

В Екатеринославской губернии находятся раскольники, вышедшие из заграницы, которые требуют позволения иметь церкви в следствие обещания, данного всем приходящим в Россию свободно пользоваться отправлением службы Божией по их закону.

Наконец, подали с некоторым присоединением к церкви, что здесь и прилагается. Пользуясь таковым способом, не угодно ли будет Высочайшей воле назначить им селиться на степи крымской, дав Епископа той стране, к которому и их, и стародубовских привязать, также и белорусских, и сему повелеть мне с Новогородским Архиереем для поднесения Вашему Императорскому Величеству составить проект.

700. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 6 марта 1784]

Я тебя прошу полный проект о сей монете прежде битья представить и дать на уважение Сената, дабы оный соображен был с законом 1762 или третьего года и тем оный проект признан был за непротивный Государственному правилу о единстве монет. Чрез то снимешь навек у людей способ врать и лихо истолковать оный.

701. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 11 марта 1784]

В силу Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, нам с Преосвященным Гавриилом Митрополитом данного, о приискании способов к удовлетворению старообрядцев, живущих в Белоруссии, Малой России и Екатеринославском наместничестве, соображая все обстоятельства, мы находим лутчим способом поручить их Архиерею, которого Епархия будет в Херсоне Таврическом, а между тем, когда угодно будет Высочайшей воле, чтоб повелеть Митрополиту Новогородскому отписать к Архиереям Белорусскому и Славянскому, чтоб помянутым старообрядцам священников давать и по старым обрядам службу отправлять дозволить. Когда же дастся Архиерей в Тавриду, тогда о сих народах подробно предпишется.

702. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 11 марта 1784]

Я рассуждаю, что, конфирмовав сей доклад, подам повод ко многим подобным от раскольников прошениям, из чего родиться может Церкви нашей неприятное: иногда раскольникам род привилегии таковой, что раскольники, всегда избегая местных Архиереев установленной власти, захотят быть у избранных ими Архиереев, чего тогда избегнуть инако не можно будет, как разве подчинив все раскольники в России единому Архиерею, чрез что войти могут в состояние прочих в России христианских исповеданий, кои не нашей веры. Сей пункт поныне всегда избегаем был с ними, и по сю пору о сем никто, а наипаче духовный чин слышать не хотел. И для того советую без всякой огласки и без формального установления, чтоб посредством Вашим Архиерей Херсонский и Московский между собою зделали так, чтоб овцы были целы, а волки сыты. О делах же Церкви едва ли и прилично установлять что-либо, минуя Синод.

703. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князюшка дружок сердечный, сие пишу к тебе единственно для того, чтоб тебе сказать, что я здорова, и спросить, каков ты находишься в дороге? Впрочем пребываю как всегда с крайним доброжелательством. Прощай, мой друг. Будь здоров.

Екатерина

Мар[та] 13 ч., 1784 г.

704. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Вот второе письмо. Будь здоров, о том я тебя весьма прошу. Я здорова. Прощай, Бог с тобою.

Марта 14 ч., 1784 году

Известия из Молдавии гласят, что молдаване завидуют состоянию Тавриды и что запорожцы беглые просятся паки к нам, також де и вышедшие из Крыма татары назад идут[1], а Цесарь окончил хлопоты свои торговые с турками[2], одержал выгоды почти те же, что и мы. Саша мне сказал, что Катя отъезжает[3]. И так начертила я сию хартию тем же пером, которым подписала сего утра похвальную грамоту Князя Потемкина[4].

705. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Апр[еля] 15 ч., 1784

Друг мой сердечный, твое письмо из Дубровны от 5 сего месяца я получила[1]. Хотя я все праздники выстояла, но, однако, я здорова, а за твои поздравления тебя благодарю и равномерно с прошедшим поздравляю, буде в прошедших письмах о том не упомянуто мною.

Скажи ты мне, друг мой, начисто: буде думаешь, что за язвою или другими препятствами в будущем году в Херсоне побывать мне не удастся, могу тогда ехать до Киева? Лутче, чтоб Бальмен тебя ждал на месте, только, пожалуй, сам не давайся в опасности. Ты знаешь, каковы мне твои болезни.

У нас погода была прекрасная и самая теплая от половины марта, а теперь ненастлива по вскрытии реки.

Что персидские дела плавно идут, тому радуюсь[2].

В городе слух носится, будто в лейб-грена[дерском] полку ни копейки денег нет и будто полк так обеднел, что одной суммою затыкивают другую и перебивается с день ото дня.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров и весел.

Саша кланяется.

706. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из Села Царского. Апреля 25 ч., 1784

Носится слух по здешнему народу, будто язва в Херсоне попрежнему свирепствует и будто пожрала большую часть адмиралтейских работников. Зделай милость, друг мой сердечный, приймись сильной рукой за истребление херсонской

язвы. Употребляй взятые меры при московском нещастии. Они столь действительны были, что от сентября по декабрь истребили смертоносную болезнь. Прикажи Херсон расписать на части, части на кварталы; к каждому кварталу приставь надзирателей, кои за истребление язвы бы ответствовали. Одним словом, возьмись за дело то, как берешься за те дела, коим неослабный успех дать хочешь. Ты умеешь вить взяться за дело. Установи карантины и не упусти ни единой меры, кои к тому способствовать могут. Пиши, пожалуй, здоров ли ты сам? И для чего давно от тебя писем нет, а из губернии твоей репортов?

Штат Тавриды я конфирмовала[1].

Папский посол получил обещание, что вскоре наименован будет кардиналом[2]. Кобенцель получил посольский кредитив. Adieu, mon cher Ami, portés-Vous bien et aimés-moi*.

707. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Маия 5 ч., 1784

За поздравление со днем рождения моего благодарствую тебя[1], друг мой сердечный. Я, слава Богу, здорова и желаю то же слышать и об тебе и чтоб повсюду болезни умалялись, а тебе советую не даваться ни в какую опасность, ибо для меня и для службы твое здоровье нужно. О походе будущего года буду ожидать, что скажешь, Господин Генерал-Фельдмаршал. Только знай, что жестоко прогневаюсь, буде вдашься в опасности тогда, когда можешь пресечь добрым одним порядком.

Не бойся, дружок, не позабуду тебя. Нельзя ли Хана переманить на твердую землю?[2] Adieu, mon Ami.

Сашенька тебе кланяется и тебя любит, как душу, и часто весьма про тебя говорит.

708. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Маия 17 ч., 1784

Письмо твое, друг мой сердечный, из Кременчуга я получила[1]. Радуюсь, что местами язва пресеклась, и надеюсь, что добрыми твоими распоряжениями вовсе и в Херсоне пресечена будет. Из Англии и из Дании столь много и обстоятельных известий приходят о почти на сумасшествие похожих предприятиях Короля Шведского на Норвегию и самого города Копенгагена, что об оном, уже не оплошая, почти сумневаться не можно. Данию же ему атаковать не можно, чтоб с нами дело не иметь. И для того, дабы шалости его скорее унять, приказала я на десять тысяч пехоты и три тысячи конницы, да сорок орудий полевой артиллерии, заготовить генеральному штабу за Невою лагерное место, а провиантский [магазин] – в Финляндии – на то число провиант и фураж на целый год, а ты пришли сюда полка два или тысяч до двух казаков Донских.

---

* Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы и любите меня (*фр.*).

Датчане готовятся на всякий случай. Морского же вооружения будет столько, что всю Швецию раздавить можно, а имянно: пять кораблей, идущих из Ливорно, три от города Архангельского, да 7 из Кронштадта, а у датчан шесть будут в Зунде. Шведскому посланнику я сказать велела, что слухи таковые носятся и что хотя, кажется, вероятия не стоят, но чтоб оне знали, что на датчан наступать им неудобно, ибо союзники суть России.

Ты видел, что и речи Короля Шведского с Марковым на то похожи были[2]. Теперь посмотрим, выехавши из Франции, убавит ли дурачества или нет. Чаю, от турок помочи по своему прославленному союзному трактату, которым хвастается, немного ему ожидать.

У нас стужи непрерывные и листы на березах не более серебряной копейки, а липа и дубы и не думают за листы приняться. Великая Княгиня опять беременна и думает в ноябре родить.

Пусть строят в Смоленске суда, а как ехать – всегда о том расположить можно. Прощай, будь здоров. Приятно мне было слышать, что упражняешься и по земским делам[3]. Несумнителен и успех, ибо когда прямо примешься, так уж пойдет, как по маслу. Adieu, mon Ami, je Vous aime beaucoup et avec raison*.

709. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28 маия 1784

Вчерашний день я получила письмо твое, друг мой сердечный, из Херсона[1]. Пожалуй, побереги ты себя и не очень ходи по зараженным местам. Просим этим не чваниться. Приятно мне слышать было, что болезнь пресеклась в Кизикермене. Дай Боже то же узнать скорее и об Херсоне. Осторожности, которые ты взял, я надеюсь, достаточны будут на сей раз, но все осторожности нужны, чтоб паки не привезли или навезли. Кажется, письмы Ибрагим-хана гораздо вежливее писаны, нежели турецкие и иные персидские[2], когда до моих глаз дошли. Пожалуй, дай мне знать, кто он таков? и как учинился ханом? Молод ли или стар, силен ли или безсилен, и склонны ли персияне к нему? Что же до Шагин-Гирея надлежит, то, кажется, все теперь приведено в то положение, в котором желалось его видеть[3].

Что у тебя ноги пухнут, о том я жалею, это знак слабости и противу этого лучее лекарство – купаться, буде у вас тамо не так холодно, как здесь, где только, только что листы стали казаться.

Из Италии пишут, что и тамо первого числа маия по нашему штилю листов не было и шел снег.

По известиям из Швеции вооружения продолжаются; посмотрим, дадут ли французы денег на завоевание Норвегии. В Шкании и прочих Свенских областях совершенный недостаток в хлебе. Adieu, mon bon et cher Ami. Будь уверен, что забыть тебя никак не могу, понеже верен мне и любезен.

Александру Дми[триевичу] я кланялась от тебя, и он тебе кланяется же.

---

* Прощайте, мой друг. Я вас очень люблю и есть за что (*фр.*).

710. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Имеретинский Царь Соломон[1] минувшего апреля 23 дня совершил течение своей жизни. Пред самою кончиною, почувствовав приближение оной, в жестоком страдании своем призвал он духовенство и знатные чины и по совершении пред ними таинств покаяния и причащения сказал предстоящим, что умирает с должною верностию к Императорскому Российскому престолу и что назначает по себе преемником двоюродного брата своего Князя Давида[2]. Привел он всех к клятве, чтоб после его смерти сохраняли они ненарушимую верность к России и чтоб, повергнувшись к Освященному Вашего Императорского Величества престолу, искали всемерно Высочайшего Вашего Величества покрова и противились врагам до крайности. С сими словами излетело последнее его дыхание.

Незадолго пред смертию своею прислал он к Генерал-Порутчику и Кавалеру Потемкину на Высочайшее Вашего Императорского Величества имя прошение, подписанное не только им самим и князьями дому его, и всеми знатнейшими духовными и гражданскими чинами, о принятии Имеретии под верховную Вашего Императорского Величества власть[3]. Оное имею счастие при сем поднести Вашему Императорскому Величеству.

Имеретинцы оплакивают неутешно смерть своего Государя. Новый Царь подтвержден народом и, вступя в правление, прислал письмо с сим известием к Генерал-Порутчику Потемкину, а таковое же прислано к нему от всех властей имеретинских. Как Царь, так и народ, свидетельствуют о глубочайшей преданности своей к Высочайшему Вашего Императорского Величества престолу и готовности следовать по стезям, предписанным от Соломона, уведомляя при том о намерении своем отправить посольство к Высочайшему Вашего Императорского Величества двору, которое еще покойным Соломоном было приуготовлено.

Младые лета племянника Соломонова Давида[4], которого он по примирении с Ираклием предполагал нарещи себе преемником, воспрепятствовали Ему исполнить сие намерение. Царь Карталинский при всем участии, которое он, яко родной дед, принимал в сем младом князе, пожертвовал выгодами своими общему спокойствию, признавая Царем старшего Давида, брата Соломонова, но предоставляя впрочем требования в пользу внука своего до его совершеннолетия.

Для лучшего наблюдения Высочайших Вашего Императорского Величества интересов приказал полковнику и кавалеру Бурнашеву[5] перенесть пребывание свое из Тифлиса в Кутаис и стараться содержать нового Царя Имеретинского и народ в том расположении, в котором их Соломон оставил.

Вашего Императорского Величества
верноверноподданнейший раб

Князь Потемкин

Июня 3 дня 1784 года. Херсон

711. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Грузия имела ныне случай воспользоваться защитою войск Вашего Императорского Величества. Лезгины, скучась быть в недействии, учинили в семистах человеках нападение на соседственные грузинские селения[1]. Они их разграбили, но, возвращаясь с пленом и добычею, поражены и разсыпаны егерями. Белорусского егерского баталиона подполковник Квашнин–Самарин[2] при первом слухе о их нападении, собрав три роты, пресек путь сим разбойникам и первым ударом обратил их в бегство. Конники царские, туда ж приспевшие, преследовали бегущих и многих потопили в реке.

Бедные поселяне воздавали хвалу Вышнему, получа вольность свою и имущество, и удивлялись безкорыстию войск Вашего Императорского Величества, которые, не взирая на утомление свое, отреклись принять предлагаемую порцию, дабы не коснуться убогому стяжанию земледельническому.

Царь отзывается о сем с крайнею признательностию, отдавая должную хвалу храброму подвигу и безкорыстию войск, оный произведших.

Вашего Императорского Величества
верновсеподданнейший раб
Князь Потемкин

Июня 3 дня 1784 года. Херсон

712. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 14 декабря 1784]

Прилагаю здесь Вашему Величеству записку полкам, которые я назначаю в корпус за Днепр. Число пехоты и конницы – одних рядовых – более пятнадцати тысяч. С прибавкой их будет в той стороне – одной пехоты 34 только, следовательно, двумя полками превосходнее 1-ой армии, как она была в первую кампанию. Ежели Ваше Величество сие изволите апробовать, то мы пошлем секретный указ к помянутым полкам, чтоб они следовали заблаговремянно. Еще ж не соизволите ли артиллерию уравнять так же против того, как в Первой армии было. Протчие пункты записки Вашей я, что касается до меня, выполню, как то о Польском корпусе, о Кубанском и еще к стороне Горской, и подробное расписание буду иметь честь представить после завтра. Я не упущу, чтоб не охранить сторону Оренбургскую[1]. Одним словом, все возьмутся предосторожности, дабы вперед, ежели дело начнется с турками, не кидаться из стороны в сторону.

Рукой Екатерины II: *Все сие не инако, как апробовать могу.*

713. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

В сходственность Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления привел я в единообразие одежду войск Вашего Императорского Величества с наблюдением всей выгоды солдатской и Главный кригскомиссариат при изтечении ныне сроков делает уже все подлежащее войскам снабжение по данным от меня образцам. Кирасирские полки удержали прежний свой цвет палевый, прочие кавалерийские полки, как карабинерные, так и легкоконные, вместо многих разных цветов имеют синий, различаясь только пуговицами, которые у карабинерных медные, а легкоконных белые. Пехота и драгуны остались при зеленом цвете.

Таковою одинаковостию облегченный комиссариат с лучшею удобностию может производить свои заготовления.

Вашего Императорского Величества
верновсеподданнейший раб
Князь Потемкин

Декабря 30-го дня 1784 года

1785

714. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 23 февраля 1785]

Как в Екатеринославском университете, где не только науки, но и художества преподаваемы быть имеют, должна быть консерватория для музыки, то приемлю смелость Всеподданнейше просить об увольнении туда придворного музыканта Хандошкина[1] с пожалованием за долговременную его службу пенсии и с награждением чина мундшенка придворного.

715. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Дворянское общество вверенных мне губерний, как страны, посвященной славе имяни Великия Екатерины, возложило на меня создать вечный монумент благодарности его и признания. Сие теперь исполняется изваянием образа Вашего Императорского Величества, который в новом губернском городе пред домом дворянства воздвигнут будет.

Вашего Императорского Величества
верновсеподданнейший раб
К. Потемкин

23 апреля 1785

716. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 9 мая 1785]

Премиер-маиор и кавалер Иван Меньшой Горич, принужденным образом вовлечен в поединок и, имев несчастие застрелить соперника своего, уехал в Польшу. По невинности его Ваше Императорское Величество сами Всемилостивейше благоволили, дабы он туда скрылся от гонения сродников убитого. А как ныне сродники его успокоились, то премиер-маиор Горич, приехав сюда, приемлет смелость, повергшись к освященным стопам Вашего Императорского Величества, всеподданнейше просить: во-первых, прощения в своем поступке, а потом о дозволении быть в Польской службе, где он в пристойных случаях может новыми опытами доказать наиревностнейшее к службе Вашего Императорского Величества усердие так, как верноподданнейший и усерднейший Вашего Величества раб.

717. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Июнь 1785]

По полученному сегодня репорту от Якобия китайцы закрыли торг на Кяхте с пушечною пальбою, что приписывать надлежит за некоторый род объявления войны. Сие подтверждает и сказание китайского купца. Я думаю, что неизлишне будет: 1. Собрать Братских казаков и оных распределить, где Вам пособнее окажется по ту сторону Байкала. Как их подкрепить, о сем помышлять. Подумать о обороне Нерчинских заводов. Каменогорскую крепость приводить на первый случай в лучее оборонительное состояние, равномерно и Колыванские пограничные места. А как все сие распорядить и снабдить войсками на первый случай, о сем, подумавши, прошу мне представить скорее.

718. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Июнь 1785]

Отдаленность границ китайских не позволяет зделать скорого распоряжения. Все что на первый случай может быть учинено состоит в укреплении упоминаемых мест, которое с углубленными рвами и довольно высоким валом для китайцев будет довольно трудным. Гарнизоны тамошнего департамента привесть в состояние полевое. Рекрут, со всей Сибири собираемых, обратить на составление тамошнего корпуса. Половину Сибирского драгунского полку перевесть к той дирекции и, дополня новыми, составить два полка. Братских и казаков тамошних собрать сколько возможно больше. Между тем послать отсюда комиссионера с переводчиком изъясниться о положении, как с обеих сторон наказание производить вместо смертной казни. Стараться продлить до сентября, с которого начнется формирование нового гранодерского корпуса и егерей. Тогда армия, усилена будучи, подаст способ некоторые мушкетерские полки отделить для тамошнего охранения.

Теперь же следует сохранить возможную осторожность и не подать вновь ни малейшей причины к прицепке. Я сужу, что распря побудилась наиболе, что Якобию хотелось взять тон, а китайцы имя его терпеть не могут за то, что отец его как-то при разводе границ их обманул. Нужно бы добиться, чтобы зделано было обоюдное посольство, чтоб чрез сей способ китайцы увидели Россию в настоящем положении, а то они о нас судят по прежнему.

Я несколько сумневаюсь, не дошло ли как-нибудь до китайцев требование, Якобием зделанное, о войсках для наступательного действия.

719. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 29 июля 1785]

О разбитии секунд-маиором Синненберхом[1] турок и лезгин, учинивших впадение в Грузию.

Паша Ахалцихский, раздраженный сею неудачею, новое употребил усилие к раззорению Грузинских пределов. 27 дня маия 1 200 лезгин и около 500 турков, прошед ночью из Ахалциха вниз по реке Куре, опустошили несколько деревень.

Идущие с пленом и добычею встречены они были секунд-маиором Синненберхом, имевшим триста егерей и грузинской конницы сто двадцать пять человек. Неприятель, бросясь с стремлением, смял грузин и ударил в егерей, но не взирая на опрометчивость его, с которою он более часа продолжал нападение, ни на помешательство, нам причиненное грузинцами, был обращен в бег, с потерею своих до трехсот человек убитыми на месте, причем, пленные поселяне освобождены и отнятое им возвращено.

Секунд-маиор Синненберх прислал в Тифлис взятых в плен четырех турков, прочих же пленников, грузинами полученных, число простирается до шестидесяти человек. Все они уверяют, что встретя егерей, дали друг другу клятву отмстить кровь побитых при Сураме и бросились на фрунт и пушки, но принуждены были, наконец, уступить жестокому действию пушечного и ружейного огня.

Второе сие поражение удостоверило Грузию и Имеретию, что малое число россиян всегда может побеждать великия тысячи неприятелей.

720. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 29 июля 1785]

Турки в Грузии явно действуют – лезгинскими лапами вынимают из огня каштаны. Сие есть опровержение мирного трактата, который уже нарушен в Молдавии и Валахии. Противу сего всякие слабые меры действительны быть не могут. Тут не слова, но действие нужно, нужно, нужно, чтоб сохранить честь, славу и Государства и пользу Государя.

721. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 13 декабря 1785]

Имев счастие докладываться Вашему Императорскому Величеству о суконной Князя Хованского[1] фабрике, известной по немалому количеству и доброте заготовляемых на ней для Армии Вашего Величества сукна, и получа по тому изустное Вашего Императорского Величества повеление, входил я во обстоятельства сей фабрики и сносился с Генерал-кригскомиссаром о способах к ея содержанию.

Князь Хованский обременен знатным долгом, свыше двухсот пятидесяти тысяч рублев простирающемся. Кредиторы его требуют продажи имения его, состоящее в четырех тысячах девяносто девяти душах. Естли на сие будет поступлено, то не только должна фабрика совершенно упасть, но и армия от разрушения ея может потерпеть нужду в снабжении своем, получая с оной лутчия и в великом количестве сукна. Но естли в сходственность предлагаемого Князем Хованским обязательства о ежегодной на армию поставке сукна по двадцати тысяч аршин взята будет сия фабрика в управление комиссариатское с залогом всего помянутого имения, то, во-первых, сохранится лучшая в России фабрика от разрушения, откроется тут точный от сукна доход и удержится в пользу казенную цена оного, которую прочие фабриканты весьма стараются возвысить; уплатятся из прибыли долги его и остаток из оной разпорядится на

содержание его, Князя Хованского, и детей его, чем вся сия фамилия спасется от угрожающей крайности.

Я о всем том приемлю смелость Вашему Императорскому Величеству чрез сие всеподданнейше представить.

722. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец 1785]

Князь Вяземский сейчас ко мне привез ответ Княжны Трубецкой. Она соглашается ити замуж за Алек[сандра] Нико[лаевича] Самойлова, с чем и тебя поздравляю.

723. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[1785]

Я всегда считал Озерки способными для учреждения там училища и потому предполагал перевесть туда школу гарнизонную. Ныне же по Всемилостивейшем мне пожаловании сего места нахожу я весьма выгодным помещение там Греческой гимназии и прочих заведений, принадлежащих к университету Екатеринославскому. Наблюдая економию в Гимназии, сберег я достаточную сумму для сооружения потребных зданий и приемлю только смелость испросить на то Высочайшего соизволения.

724. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[1785]

NB. Граф Потоцкий[1], командующий региментарь, трусит бунта и суетится подлинно так, как должно тому, у кого из-под носу жену увезли и уморили. Местечко Смила[2] подле нашей границы и принадлежит Князю Любомирскому[3], службы нашей Генерал-Маиору, то, естли б что там подобное было, он сам не оставил бы донести командующему на границе нашему генералу. Не упустил бы и Граф Соллогуб о сем рапортовать. Он боится того, что в его Гумане[4] наших поселенных гусар больше двух тысяч, зашедших туда во время впадения татар в Елисаветградскую провинцию, которые желают возвратиться, но он не пускает.

Что же касается до успокоения духов по причине раздора между нашими и униатами, сие наилутче может зделаться чрез самого Епископа, которому приказать повелеть Его паствы церквам послать письмы циркулярные с подтверждением и тишины, и мирного обхождения с сущими в иной церкви.

725. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[1785]

Престол Епископа Переяславского не перенесен в Польшу, но Архимандриту Слуцкому дан сан и Епархия Переяславская с властию управления церквей благочестивых в Польше, которая всегда в ведомстве находилась Митрополита Киевского, а он был и есть Его соправитель. Ежели Епископу Могилевскому доставил право Хмельницкий, то неужели Екатерине Второй посмеет

отказать Польша. Утверждение прав одному больше служит примером о занятии его места другим, нежели исключает. Но в теперешнем случае и Епархии в Польше Россия не назначила, следовательно и дела остались в прежнем положении с переменою только личного пребывания Переяславского Архиерея.

ПИСЬМА 1785–1786

726. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

По делу Свистунова с его падчерицею[1] я приказала Князю Прозоровскому наведываться у Фельдмаршала Румянцева и от него Князю Прозоровскому в ответ сказано, что он, Фельдмаршал, от меня повеления о том деле не получал, а как я помню, что я сама своей рукою писала о сем деле к Фельдмаршалу, письмо же отдала тебе, то прошу дать знать, чрез кого ты послал и каким образом мое письмо до Фельдмаршала не дошло. Писано же прошедшею зимою. И так, тому круглый год. Причина же к тому письму – поданное безъимянное письмо, к тебе присланное.

727. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

По городу сказывают уже третий день, будто Князь Дашков застрелен тем, у кого полк принял, и за то, что Дашков его нашед в похищении полковых денег, назвал его вором. Правда ли это? И буде правда, прикажите вора и убителя наказать примерно.

728. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Увидя тебя, я столь зарадовалась, что позабыла тебе сказать, что я вчера, приехавши сюда, не нашла не токмо во дворце дежурного флигель-адъютанта, но он осмелился и отлучиться из города без дозволения. Я, увидя его, Буксгевдена, сего утра, спросила и со гневом, где он был. Тут он вздумал отлыгаться, сказал, что ходил осматривать городовые караулы, о чем прошу приказать исследовать точно, и буде окажется, что он осмелился мне солгать, то надобно этого молодца отучить солгать и равномерно дабы неповадно было флигель-адъютантам отлучаться от своего поста без дозволения.

729. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Нимало не сумневаюсь о всем том, что в Вашем ласковом письме написано, за что – за все – и за прекрасную табатьерку от сердца благодарствую.

730. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Вы приказали червям работать на людей. От плодов учреждений Ваших Ахтуба приносит Вам на платье. Естли моление мое услышано будет, то Бог продлит лета Ваши до позднейших времян, и ты, милосердная мать, посещая страны, мне подчиненные, увидишь шелками устлан путь.

Рукой Екатерины II: *За прекрасную присылку и за доброе желанье Ваше от всего сердца благодарю.*

731. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Я на пути теперь к исповеди. Простите, меня, матушка Государыня, в чем согрешил пред Вами ведением и неведением.

Рукой Екатерины II: *Прошу равномерное прощение и с Вами Бог. Прочее же вышеописанное j'entend bien, mais je ne comprand rien ou fort peu**; *читаючи, много смеялась.*

732. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Si Vous voulies bien avoir la bonté de me procurer l'air de Sarti, composé sur des points posés par hazard par Vous-même. Grimm, en Vous faisant bien des remercîmens pour l'opera d'Armide, me prie de lui faire avoir ce fameux air dont il a entendu parler.

Если бы вы были так добры доставить арию Сарти, сочиненную на точки, случайно поставленные вами же. Гримм, принеся вам большую благодарность за оперу "Армида", просит меня достать ему эту знаменитую арию, о которой он слышал (*фр.*).

* я разбираю хорошо, но ничего не понимаю или весьма мало (*фр.*).

1786

733. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

По полученному из Таврической области рапорту имею счастие Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше донести, что как вторая половина февраля, так и первые семь дней марта протекли там благополучно и не только нигде не оказалось опасной болезни, но и бывшие по городам и селениям лихорадки и горячки совсем прекратились.

Что касается до достопамятных произшествий, то с 10-го числа февраля при деревне Кучук-кой, лежащей между Ялтою и Балаклавою, поверхность земли, начавши прежде нечувствительно отделяться, наконец, 13-го числа с сильным треском провалилась на немалое разстояние. Сколько же при сем случае разрушилось в помянутой деревне домов и иного строения и погибло садов с плодовитыми деревьями и посеянного хлеба, осмеливаюсь поднести ведомость, так как и планы прежнему и нынешнему там местоположениям. Жители сей деревни едва почувствовали начало движения, то, предвидя опасность и боясь землетрясения, которое, по уверениям старожилов, случилось в той деревне лет за пятьдесят, поспешили сами со всем скотом и имуществом перейти в ближайшую деревню Кнеиз и по таковой осторожности все остались в живых.

Вашего Императорского Величества
верный подданный

Князь Потемкин

28 дня марта 1786 года

734. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[17 апреля 1786]

Во-первыя, и спасибо тебе за богатый дар. Гримму ушью и пошлю все к нему от тебя. Безбородку завтра же посажу в Совет[1], который почти пуст и пустой.

735. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[20 апреля 1786]

Imaginés, je Vous prie, ce que dit la Gazette Allemande de Deux-Ponts. Devinés si Vous pouvés. Après avoir fait un éloge des soins que Vous Vous donnés pour rendre la Tauride florissante, elle finit par dire que Vous êtes: Suisse de naissance. Je Vous avoue qu'en lisant cela, je suis partie d'un grand éclat de rire.

Вообразите себе, пожалуйста, что рассказывает немецкая газета "Цвайбрюкенская". Отгадайте, если можете. Воздав хвалу вашим стараниям привести Тавриду в цветущее состояние, она кончает словами, что вы швейцарец по рождению. Признаюсь, что, прочитав это, я сильно расхохоталась (*фр.*).

736. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 30 мая 1786]

Это не может быть дурно и заслуживает большого внимания. Я давно известен от самих турков, что такое дело им желательно.

Рукой Екатерины II: *Трактаты дружбы и коммерции полезны будут, но оборонительный и наступательный может впутать в такие хлопоты, что сами не рады будем. Это францу*[*зская*] *замашка противу Константина.*

737. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 28 июня 1786]

Я крайне безпокойна, здоровы ли Вы? Столько дней от тебя ни духа, ни слуха нету, а сегодня и вчерась погода так велика была, что уже я зачала опасаться, как то Вы Вокшу переехали. И для того нарочного посылаю – знать, где и каковы Вы. Adieu, mon Ami, je prie Dieu que Vous Vous porties bien*

Пятница в вечеру в девятом часу.

738. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 20 июля 1786]

Арбуза больше или равной величины Турчанинова я получила[1]. Его за арбузом не видать было, как он его в комнаты внес. Спасибо Вам или тебе, Баринскакун. Во-первых, я щитала тебя на Вокшу, а ты изволил очутиться в Шлюссельбурх. О фельдмаршальских реляциях переговорю с тобою увидясь[2]. Сие есть второй пункт сего моего письма. Третье – содержит желанье мое тебя видеть, ибо, кажется, год, как не видала. Прощай, Бог с тобою. Je Vous embrasse, mon Ami**. Приезжай весел и здоров или бит будешь[3].

739. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[20 июля 1786]

Матушка, обошед Петербург, Петергоф, Ораниенбаум, возвратясь сюда, лобызаю твои ножки. Параклит*** привез цел, здоров, весел и любезен.

---

* Прощайте, мой друг. Я молю Бога, чтоб вы были здоровы (*фр.*).

** Целую вас, мой друг (*фр.*).

*** См. примеч. на с. 124.

Рукой Екатерины II: *Батинька, великий труд, барин, каков ты в своем здравьи и не спавши? Приездом весьма радуюсь.*

740. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[26 июля 1786]

Граф Безбородко получает всегда от Булгакова что посекретнее бывает из ведомостей. Мне всегда он дает читать их, и как теперь нужно знать больше, нежели когда, то я и прочел, которые и подношу[1].

Вы, матушка, изволите увидеть, какая кабала там действует: я знаю точно, что французы манят Порту помочь им недопущением флота нашего в Архипелаг и ссудою офицерами[2]. Я почти догадываюсь, что и Кюстина[3] они прочат куда-нибудь противу нас; и то несумнительно, что пруссаки делают уверение[4], но сие только словами.

О Шах-Мансуре[5] много фабал*, а я думаю – разве не другой ли это или не тот ли, что турки к нему подсылали?

По прочтении пожалуйте мне сии бумаги обратно, дабы списать описание фигуры Мансуровой и расспросить тех, кои его видели.

Сколько мне кажется, то кашу сию Франция заваривает, чтобы нас озаботить, боясь приближения смерти Прусского Короля, при которой они полагают конечно Императору затеи на Баварию[6]. Сие тем вероятнее, что во Франции приказано конницу всю укомплектовать лошадьми, чего у них без намерения о войне никогда не бывает.

Пусть, хотя и уверили французы, что не пустят нас в Архипелаг, однако же флот потребно иметь в состоянии. Прикажите себе подать ведомость о кораблях и фрегатах с описанием годности каждого. Расположение духа в Швеции, кажется, в нашу пользу, но назначенный туда министр годится ли по нынешнему времяни[7], где устремлять все, что можно, против французов следует?

Мне сии последние Булгакова известия по многим обстоятельствам вероятны. Однако же я надежен, что французский посол[8], снесясь с Булгаковым, поворотит сии дела, чтоб получить у Вас мерит**.

К Г[рафу] Сегюру[9] привезен большой пакет из Константинополя. Завтра он у меня будет обедать, я сам не зачну говорить, а ежели он зачнет, то из сего можно будет заключение сделать. Главное то, чтобы выиграть несколько времяни.

741. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[26 июля 1786]

Я читала от начала до конца все бумаги, от тебя ко мне присланные. Твердость Царя Ираклия похвальна. Хорошо бы было, естьли Сулейман-паша к

* от fable (*фр.*) – басня, небылица.
**от mérite (*фр.*) – заслуга, достоинство.

независимости бы приступил[1]. Твои представления ожидать буду. Петергофскую ноту, как тогда, так и теперь, хвалю. Из репортиции более еще увижу твое мнение. Естьли поездка твоя необходима, то и на оную соглашусь, хотя признаюсь, что весьма люблю тебя видеть при себе по дружбе и доверенности моей к тебе.

742. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[26 июля 1786]

Несумненно, что кашу заваривает Франция. Приготовиться надлежит к войне. О Имаме Мансуре почитаю за сказку, а Монтемурли[1], все быть может, из тех орудий, кои повсюду враги разсылают.

743. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Из сих непрестанных хлопот Французский двор может видеть, что неудобно товар возить на военных судах. Таможенные законы суть зделаны и оных отменить по прихотям, конечно, не буду. Естьли Гр[аф] Сегюр подаст жалобы, то рассмотреть велю. Я думаю, что оне придирки (то есть французы) ищут.
30 июля 1786

744. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 30 июля 1786]

Признаюсь чистосердечно, что я не люблю дать матрозы на купеческих кораблях, и всем вообще отказала, а зделала для торговых кораблей выходцев, коих нанимать можно (и столько же привычны ходить по морю, как и матрозы). Не люблю же давать матрозы для того, что ежели снабдить матрозами купеческих кораблей, то матрозы не сыщу, когда в них нужда случится. Иван же Чернышев всегда готов истребить военный флот, раздавая и растаскивая матрозы, а я почитаю за полезно, чтоб торговые корабли снабдили флот, а не флот торговых кораблей матрозами. Еще ни единый данный назад не приходил.

745. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 6 августа 1786]

Mon Ami, ce qui Vous a donné mal au bras Vous rend aussi de mauvaise humeur*. Что же ты не в раю живешь, о том сердечно жалею. В приложенных письмах есть одно немецкое из Берлина к Сольмсу, в коем сказывают, что Кор[оль] Прусский час от часу хуже и слабее становится здоровьем[1].

Я б пришла к тебе, буде бы не услышала, что ты брее[шь]ся, да Архиерей сидит.

---

* Друг мой, то, что причинило вам боль в руке, довело также вас до дурного расположения духа (*фр.*).

746. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Август 1786]

Репорты Аршеневского[1] о присяге горских и татарских народов Султану надобно сообщить Графу Остерману, дабы сообщены были Булгакову, ибо ему служить будут новым орудием в доказательство каверзы Порты. Павлу же Сергеевичу о подлинности сего прикажите разведать, и буде правда, то во взаимство положим меры, кои дело не испортят, но к развязке приведут.

Надеюсь, не оставишь Гене[рал]–Пору[чика] Потемкина снабдить нужным по его прозьбам.

747. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Повергая к освященным стопам Вашего Императорского Величества проекты строениям города Екатеринослава, осмеливаюсь испрашивать на произведение оных всех остающихся за расходами сумм доходов губернских. Сия часть Империи Вашей, будучи, так сказать, в сущем еще младенчестве, однако ж содержит все чины и расходы по наместничеству, выплачивает отпущенные три миллиона на строение крепостей и прочих зданий в Тавриде, а за тем остатки довольны еще будут на созидание знаменитого города.

Всемилостивейшая Государыня, где же инде как в стране, посвященной славе Вашей, быть городу из великолепных зданий? А потому я и предпринял проекты составить, достойные высокому сего града названию. Во-первых, представляется тут храм великолепный в подражание Святаго Павла, что вне Рима, посвященный Преображению Господню, в знак, что страна сия из степей бесплодных преображена попечениями Вашими в обильный вертоград, и обиталище зверей – в благоприятное пристанище людям, из всех стран текущим.

Судилище наподобие древних базилик в память полезных Ваших узаконений. Лавки полукружием наподобие Пропилей или преддверия Афинского, с биржею и театром посредине.

Палаты Государские, где жить и Генерал-Губернатору, во вкусе Греческих и Римских зданий, имея посредине великолепную и пространную сень. Архиепископия при соборной церкви Преображения с дикастериею и духовной школой.

Как сия губерния есть военная, то в призрение заслуженным престарелым воинам – Дом инвалидный со всеми возможными выгодами и с должным великолепием.

Дом Губернаторский, виц-губернаторский, дом дворянский и аптека. Фабрика суконная и шелковая. Университет купно с академиею музыкальною или консерваториею.

Для всех сих строений довольно всяких припасов заготовлено, на что употребится двести тысяч рублев, оставшиеся от экстраординарной суммы.

Вашего Императорского Величества
всеподданнейший

Князь Потемкин

Октября 6 дня 1786 году

748. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 13 октября 1786]

Как узаконением о банках проценты теперь уменьшены, то с банка Екатеринославского, накопленного мною разными сбережениями капитала до трехсот сорока тысяч рублев, университета с академиями художеств и музыки, с училищем хирургическим и народною школою содержать невозможно. Благоволите, Всемилостивейшая Государыня, определить из доходов Екатеринославского наместничества на все сие шестьдесят тысяч рублев.

По соседству Польши, Греции, земель волошской и молдавской и народов иллерических множество притечет юношества обучаться, которые возвратятся с незагладимою благодарностию к Вашим благодеяниям и привязанностию к России. Капитал же банковый обратится в капитал фабрик, столь для того места пристойных по дешевизне хлеба и столь нужных для России.

Полуденные места Империи Вашей изобилуют руноносным скотом почти больше, нежели вся Европа вместе. Переменив шерсть в лутчую чрез способы верные и простые, превзойдет в количестве сукон все прочие государства. Из всех тех мест, где находятся лутчие бараны, я выписал самцов, которых и ожидаю на будущее лето; мастера же прибыли и директор столь искусный, что и в Голландии был знаменитейшим. Франция много жертвовала денег для утверждения у себя сей мануфактуры. Вашему же Величеству почти ничего не станет. Сверх делания сукон на сей фабрике приниматься будут ученики от дворян, чрез что разойдется сие ремесло по всему государству.

По всей Тавриде и степи Перекопской назначено разводить шелковицу, которой в Крыму и дикой множество. Прежде десяти лет, конечно, шелку будет, как пеньки. Для того шелковые мануфактуры в Екатеринославе полезны, которым и теперь довольно дела будет обрабатывать шелк, из Брусы и Мореи привозимый, который я уставил променивать на соль, что все равно, как бы и на простой песок меняли.

Шелковые фабрики в России без изъятия все в несовершенстве. Ни красы довольной, ни крепости производимые на них товары не имеют, а особливо те материи, где требуется ровная поверхность. Лутче прочих работают у Лазарева, но и его материи недолго выдерживают красоту. Выключая сию фабрику, прочие все не в надежном состоянии, покупая шелк в долг, в термины большие с несносными процентами, а употребляя шелк наиболее персидский, столь дурно размотанный, что почти всегда оного третья часть пропадает. По причине такового отягощения прибегают к разным плутовствам, как деланием основы тоньшей, нежели должно, примешивая вычески в уток, где должен быть шелк хороший, и тем делают, что материи имеют вид ветошек.

В помощь и благодеяние сим фабрикам намерен я завести в Екатеринославе из шелку, остающегося за употреблением тамошних фабрик, магазейн крашеных и хорошо размотанных шелков, откуда отпускать заимообразно на 6 процентов. Сим возстановится дешевизна и фабрики не будут нужды иметь тростилен, разматывальных мельниц и красилен, которые тем еще превосходнее, поелику в климате Екатеринославском не будет нужды красить в зимние месяцы, ибо шелк, высушиванный не на солнце, далеко разнствует в красоте.

По Высочайшему изволению, данному мне, пещись о размножении доходов и искусств я ничего не щажу соответствовать исполнением. Колонии ремесленников выписаны, фабрикаты в большом числе находятся у меня теперь в Белорусских деревнях во ожидании построения жилищ в Екатеринославе, которые к будущей осени поспеют, и они на судах Днепром с инструментами доставятся в свое место.

Что касается до области Таврической, там хлебопашество год от году усиливается, виноград венгерский дал уже первоплод, вино делают лутче прежнего, водку французскую гонят лутче настоящей и чрез год, конечно, большое количество оной будет.

749. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Милостивейшая матушка!

Князь Вяземский, Ваш Генерал-Прокурор, мне сообщил Вашу Всемилостивейшую милость, кою Вы, Всемилостивейшая Государыня, прибавкой Генерал-Губернаторам определенных 6 000 рублей на год, мне вновь без моих малейших заслуг и из единого Вашего ко мне благоволения, в коем я все мое благополучие полагаю, оказать удостоили.

Будучи Вам, Всемилостивейшая Государыня, единой всем моим благосостоянием должен и с сими чувстви[ями] безконечной благодарности и всеглубочайшего благоговения, что я имею щастие к Вашим ногам пасть и быть по мое последнее издыхание.

16 октября 1786 года

750. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До ноября 1786]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Из письма ко мне Г[рафа] Стакельберха[1] усмотрите его прозьбу о сыновьях. Ежели будете к нему милостивы, то б и я сию милость почувствовал.

Рукой Екатерины II: *Офицерами их зделать недолго и отпустить их на пять лет можно. Но определить их к посольству излишне. Bonsoir*.*

751. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Ноя[бря] 19 ч., 1786

Вчерашний день меня твое письмо из Могилева от 11 сего месяца обрадовало[1], ибо вижу, что ты здоров, мой друг. Нелюбо же я усмотрела из твоего репорта, что корабль "Александр" вовсе пропал. Слава Бога, что люди спасены. Более месяца уже италианские министры таскались с той вестью, а я ее поставляла за ложь. За антик благодарствую; где-то их берешь?

---

* Добрый вечер (*фр.*).

Репнин сюда приехал и стал хуже старой бабы. Вздумал в Егорьевской думе заражать сумнение: первый корпус армии – гвардия, которой я полковник, а он, дурак, за честь почитать должен, что подполковник, почитать ли тот корпус и инженерный за военный? С тем пришел словесно мне доложить. Je l'ai rambouré comme Vous pouvés croire*. Но как я думала, что ушам своим едва могу ли верить и не ослышалась ли я, то требовала, чтоб о том подал записку; и он оную подал. Что же мудренее всего, что в той же думе сидели Вице-президент Военной Коллегии и три майора гвардии[2], аки сущие болваны, и ни единый вопреки не растворил уста. То-то люди, ниже муху с носу не сгонят! J'ai été fâchée comme un Démon de cette absurdité** тот пакостит, а они нюхают.

Вольно тебе скакать так, что под тобою все ломается. Изволь на всякие сто верст чинить после того терпеливо изломленное. Лишь будь здоров, все прочее Богом исправлено будет. Александр Матвеевич[3] тебя благодарит за ласковое приписание. Он сам тебя любит чистосердечно и с благодарным сердцем. Я здорова и упражняюсь, как всегда, а более всего занимает нас наша езда. Прощай, мой друг, будь здоров.

752. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Ноября 20 [1786]

Письмо твое, друг мой, из Чернигова от 13 ч. я сего утра получила[1]. За твое поздравление и за антики благодарствую. Знаю твою искреннюю и чистосердечную привязанность ко мне. Будь здоров и помни, что ты мне обещал беречь себя.

Турки трухнули. Увидим, будет ли Ахалцихский паша сидеть смирно[2].

Бог с тобою, у нас только и разговора, что дорога и езда[3]. Прощай, до свидания.

753. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович, твои два письма ко мне дошли сегодня[1]. Одно чрез Графа Безбородко, а другое чрез Александра Матвеевича. Восхитительное предложение Князя Репнина принудило меня в день Святаго Георгия надеть гвардейский мундир и гордиться им, аки пава[2].

Боюсь, чтоб Днепр и с нами не пошутил, как и с тобою. Не у вас у одних балы, и у нас, да сверх того еще хлопоты безконечные. Les étrilleries du Prince de Wurtemberg ont enfin obligé sa femme de se retirer chez moi, parce que réellement elle étoit en danger de sa vie; j'ai saisi cette très favorable occasion pour les renvoyer tous les deux d'ici, et sous peu de jours nous en seront quittes. J'ai fait ce que j'ai dû faire et j'ai fait bien, la femme ira chez les parens et le mari où il voudra***.

---

* Я его отделала, как вы можете мне верить (*фр.*).

** Я была рассержена, как демон, этой нелепостью (*фр.*).

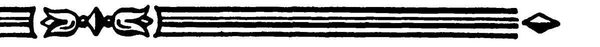
*** Дурное обращение принца Виртембергского принудило, наконец, его жену удалиться ко мне, потому что действительно ее жизни угрожала опасность[3] Я схватилась за этот удобный случай, чтобы отослать отсюда их обоих, и чрез несколько дней мы будем квиты. Я сделала, что должна была сделать, и сделала хорошо: жена поедет к родным, а муж – куда хочет (*фр.*).

Странно, как тебе Князь Нассау[4] понравился, тогда когда повсюду имеет репутацию d'un cerveau brûlés*, а притом известно, что он храбр. Твои с ним разговоры поправляют его в моей мысли.

Сожалею очень, что тебя не увижу ранее, как в Киеве. Сегодня чрез две недели, то есть 2 января, непременно выеду отселе. Письмо Императора к тебе я читала с удовольствием[5]. Оно самое ласковое, он же пишет правду. О пути его не сумневаюсь, что возьмешь надлежащие меры. За перстеньки с антиками благодарствую. Мы все ничто так не желаем, как чтоб Бог нас отселе скорее вынес. Письмо твое к Александру Матвеевичу[6] я с крайним удовольствием читала, и ты не ошибся: от тебя душою и сердцем любит и он час от часу любезнее становится. Прощай, мой друг, будь здоров. Уж быть так, естьли скорее нельзя видеться, так увидимся в Киеве. Племянницы твои поехали отселе вчерась. Весь свет отселе скачет, так что лишь завидно.
Декабря 18 ч., 1786

---

* сумасброда (*фр.*).

1787

754. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня! Цалую ручки Ваши, благодарю за милостивое писание. У нас здесь зелень на лугах начинает показываться. Я думаю, скоро и цветы пойдут. По дороге пыль, а у Перекопа еще снег. Дай Боже, чтобы сия страна имела счастие тебе понравиться, моя кормилица[1]. В этом состоит главное мое удовольствие. Простите, моя матушка родная, я ласкаюсь скоро предстать пред Вами.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин

Симферополь. 7 генваря [1787]

755. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Письмо твое, друг мой сердечный, я сегодня получила здесь, в Смоленске, где я остановилась дни четыре долее, нежели я думала, по причине той, что Александр Матвеевич был болен[1]. Да все устали, а многие и глазами жаловались. У вас начинает показываться зелень, а у нас весьма холодно. Здесь снеги велики. Я не сумневаюсь, что Таврида мне и всем понравится. Завтра по утру еду отселе. Дай Боже увидеться с тобою скорее, и чтоб ты был здоров. Сегодня у меня здесь был превеликий бал. Я здорова. Прощай, мой друг, до свидания.
Смоленск. 17 января 1787

756. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня. По крайним недосугам, а паче озабочен будучи приходящими войсками[1] и боясь, чтобы их не поморозить, нужно еще несколько мне здесь побыть. К тому же и Господарь Молдавский явился, в границах Вашего Величества ища прибежища[2]. Он теперь в Ольвиополе. Я отправил за ним нарочного, чтоб узнать от него о тамошних обстоятельствах, а потом не умедлю быть в Киев. Я здесь пробуду еще двои сутки, а чрез трои буду иметь счастие увидеть Вас, моя мать родная.

Булгакова депеши требуют необходимо делом самим с турками ладить и тем показать им, сколь нелепы толки посторонних держав. Приехав, сам получит мочь Высочайших по сему повелений. О протчем послал к Г[рафу] Безбородке[3]. По смерть

вернейший подданный
Князь Потемкин

1 февраля [1787]. Кременчуг

757. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 7 марта 1787]

Греки Таврические и Мариупольские, лишась пастырей единоземцев своих Игнатия и Никифора, не могут сие сносить без чувствительности[1]. Пенсия последнего Архиерея Готфийского и Кефайского, в трех тысячах рублях состоящая, остается в казне Вашего Императорского Величества. Ваше Величество, излив безчисленные на сей народ милости, новый опыт всемилостивейшего к оному благоволения оказать изволите пожалованием викарного пастыря из единоземцев их, к чему известные достоинства Архимандрита Нежинского Дорофея путь ему отверзают.

Естьли благоугодно будет Вашему Величеству препоручить ему оных в паству в качестве викария Екатеринославского и с титлом Епископа Феодосийского и Мариупольского, то и Екатеринославский Архиепископ много будет облегчен в разсуждении пространства Епархии и подастся повод к привлечению в Тавриду заграничных греков. Внутренние же возсылать будут благодарные молебны за услышание моления их.

758. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 апреля 1787]

Сказывал мне Александр Матвеевич желание гостя[1], чтоб я осталась здесь еще на один или два дни, но ты сам знаешь, что по причине свидания с Императором сие зделать нельзя. И так, пожалуй, дай ему учтивым образом чувствовать, что перемену делать в моем путешествии возможности нету. Да сверх того всякая перемена намерения, ты сам знаешь, что мне неприятна.

759. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 апреля 1787]

Я на тебя сержусь, ты сегодня ужасно как неловок.

760. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[25 апреля 1787]

Предложение о завтрашнем обеде зделано без вычеты возможностей. Сегодня Е[го] В[еличество] возвратиться должен водою в Канев – 7 верст. Завтра к обеду послать – 7 верст, приедет – 7; отобедавши, паки отвезти – 7 верст; шлюбкам возвратиться – 7 верст к нам; тамо ехать в путь. В котором же это часу будет? Отъехавши три версты, ради усталых шлюбок, кои двадцать восемь верст уже зделали, придется лечь паки на якорь. Когда я что определяю, тогда обыкновенно бывает то не на ветру, как в Польше часто случалось. И так, еду завтра, как назначила, а ему желаю всякого благополучия и выгоды зделать по возможностям.

Право, батинька, скучно.

761. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Апрель–май 1787]

В отличность Епархии Екатеринославской и Херсонеса Таврического не благоугодно ли будет пожаловать здешнему Архиерею[1] на Чорный клобук бриллиантовый крест.

762. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[20–21 мая 1787]

Лежала я вечер в беседке ханской,
В средине бусурман и веры мусульманской.
Против беседки той построена мечеть,
Куда всяк день пять раз имам народ влечет.
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Как уши он заткнув, взревел изо всей мочи...
О, Божьи чудеса! Из предков кто моих
Спокойно почивал от орд и ханов их?
А мне мешает спать среди Бахчисарая
Табачный дым и крик... Не здесь ли место рая?
Хвала тебе, мой друг! Занявши здешний край,
Ты бдением своим все вяще укрепляй.

763. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[9 июня 1787]

Папа, вить я надеюсь, что ты меня отпустишь завтра без больших обрядов.

764. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Екатеринославское наместничество и область Таврическая при всей доброте земель своих недостаточествуют в жителях к возделанию оных, а прекрасные места остаются необитаемы.

Имея долг пещись о благосостоянии Высочайше вверенных мне стран, дерзаю испрашивать Высочайшего Сенату повеления о вопрошении по губерниям и записке желающих переселиться в здешнее наместничество и Тавриду. Число охотников будет, конечно, весьма велико, особливо же из однодворцев, землями крайне нуждающихся.

Россия возчувствует пользу такового переселения, плодородие здешних стран разпространит изобилие внутри ея, изнуренные же всегда отягощением поля по умалении жителей получат отдых и исправятся. Прекратятся побеги, от нужды предприемлемые. И как пресечь не было возможности, противно бы было пользе государственной запретить прибытие здесь беглецов. Тогда Польша всеми бы ими воспользовалась.

Ваше Императорское Величество возстановить изволили всю землю. Населяя же оную, будете основательницею новых сил Империи Вашей.

Князь Потемкин Таврический

22 июня 1787

765. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Я здорова сюда доехала и обед имела в Дубровицах[1], которое село таково, как Вы сказывали. И естьли Вы намерены продавать, то покупщик я верный, а имя в купчую внесем Александра Матвеевича, Вашего маиора. Праздники возьмем здесь, а там поедем далее[2]. Писем от Вас не имею. Будьте здоровы, а мы здесь чванимся ездою и Тавридою и тамошними Генерал-Губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях.

Прощай, Бог с тобою.

Село Коломенское. 25 июня 1787

766. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Папа, по написании моего письма последняго, я получила твое письмо. Слава Богу, что ты здоров. Пожалуй, поберегись. Я из Москвы уже выехала. Мне, кажется, весьма рады были. Прощай, Бог с тобою.

Папа, я здорова. Котенок твой доехал со мною – здорова же[1].

Из Подъездного дворца. 1 июля 1787

767. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Когда из Москвы к тебе я сбиралась писать, тогда твои письмы от 22 июня из Кременчуга[1] так были засунуты, что я их, спеша, найти никак не могла. Наконец здесь, в Твери, куда я приехала вчерась, я уже их открыла. Извини меня, мой друг, в такой неисправности. Теперь на оные имею ответствовать: во-первых, расположение умов и духов в Кременчуге по отъезде моем мне весьма приятно, а твои собственные чувства и мысли тем наипаче милы мне, что я тебя и службу твою, исходящие из чистого усердия, весьма, весьма люблю, и сам ты безценный. Сие я говорю и думаю ежедневно.

Мы до Москвы и до здешняго места доехали здоровы, и дожди за нами следовали так, что ни от пыли, ни от жаров мы не имели никакого безпокойствия. Тебе казалось в Кременчуге без нас пусто, а мы без тебя во всей дороге, а наипаче на Москве, как без рук.

В Петров день на Москве, в Успенском соборе Платона провозгласили мы митрополитом[2] и нашили ему на белый клобук крест бриллиантовый в пол аршина в длинну и поперек, и он во все время был, как павлин Кременчугский.

При великих жарах, кои у вас на полудни, прошу тебя всепокорно, сотвори милость, побереги свое здоровье ради Бога и ради нас и будь столь доволен мною, как я тобою. Прощай, друг мой, Бог с тобою. После обеда еду ночевать в Торжок.

Тверь. 6 июля 1787

За четыре эскадрона регулярных казаков благодарствую. Ей Богу, ты молодец редкий, всем проповедую.

768. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Третьяго дни окончили мы свое шести тысячеверстное путешествие, приехав на сию станцию в совершенном здоровье, а с того часа упражняемся в разсказах о прелестном положении мест, Вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, усердии, попечении и порядке, Вами устроенном повсюду. И так, друг мой, разговоры наши почти непрестанные замыкают в себе либо прямо, либо с боку твое имя, либо твою работу.

Пожалуй, пожалуй, пожалуй будь здоров и приезжай к нам безвреден, а я, как всегда, к тебе и дружна, и доброжелательна.

Царское Село. 13 июля 1787 г.

Император приехал в Вену. Фландрия и Брабантия бунтовать не перестают[1]. Он туда наряжает 30 000 войска. Голландцы двое суток держали Принцессу Оранскую, сестру Короля Прусского, под арестом[2]. Посмотрим, как братец сие примет. Людвиг XIV за сие заставил бы их кричать курицею[3]. Агличане наряжают 12 кораблей и уже факции Оранской помогают деньгами[4]. Вот вести, каковы есть в здешнем месте.

Тепло и фрукты мы наехали лишь на севере, а у вас ни жаров, ни фруктов нет, сим вас теперь дразнить станем. Саша весьма милый человек. Просим его любить и миловать, и он тебя любит душою.

769. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня! Я получил Ваше милостивое писание из Твери. Сколь мне чувствительны оного изъяснения, то Богу известно. Ты мне паче родной матери, ибо попечение твое о благосостоянии моем есть движение по избранию учиненное. Тут не слепой жребий. Сколько я тебе должен. Сколь много ты зделала мне отличностей. Как далеко ты простерла свои милости на принадлежащих мне. Но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мне причинить у тебя зла, и все коварства не могли иметь успеху. Вот что редко в свете. Непоколебимость такого степеня тебе одной предоставлена.

Здешний край не забудет своего счастия. Он тебя зрит присно у себя, ибо почитает себя твоею вотчиною и крепко надеется на твою милость.

Благодарю за Катиньку, которая хвалится чувствительно милостями ей оказанными. Впротчем у нас все благополучно. Я еду в Елисавет от здешних несносных жаров: там место выше. Однако же, благодаря Бога, болезней нет, а ежели кто и занеможет, выздоравливает скоро. Прости, моя благотворительница и мать, дай Боже мне возможность доказать всему свету, сколько я тебе обязан, будучи по смерть

вернейший раб
Князь Потемкин Таврический

17 июля [1787]. Кременчуг

770. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[17 июля 1787]

P.S. Прилагаю доклад об артиллерии морской. Естли последует повеление доставить мне оную, то зделайте одолжение, препоручите сие Адмиралу Пущину[1]. Он поскорей повернется.

Доставить же чрез Ригу и оттоль на барках до Витебска, отколь перевезут восемьдесят верст до Дубровны сухим путем, а оттудова прямо до Херсона водою. Мелководье Днепра остановило транспорты лесов выше порогов. Я предпринял из польских лесов доставлять сухим путем.

771. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Я имел счастие словесно Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше докладывать об уделении в здешний край части фарфорового завода из Петербурга. Сие удостоилось Всемилостивейшего благоволения, а потому я и приемлю смелость испрашивать Высочайшего повеления отрядить и отправить ко мне того завода каждого мастерства по два человека, кроме составщика, который может быть один. Найденные в Тавриде глины доброты чрезвычайной, обещают превосходный в сем деле успех.

Князь Потемкин Таврический

17 июля 1787

772. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Июнь–июль 1787]

Для доклада

Исполняя Высочайшую Вашего Императорского Величества волю о заведении столь нужного здесь для Адмиралтейства навигационного училища, положил я, опричь народных школ, все принадлежащие губерниям, Высочайше мне вверенным, училища соединить, дабы начать вдруг обучением большего числа учеников. Сие будет основанием Екатеринославского университета, которого цель будет к морскому употреблению. Греки врожденную имеют способность, то я сим всеподданнейше прошу повелеть: их уже в Петербург более не отсылать, а училище, тамо находящееся, присоединить в Екатеринослав, оставя теперь находящихся доучиться, где я приказал завести класс навигационный:

Господин церемониймейстер Мусин–Пушкин[1] из усердия берется иметь надзирание в мое отсудствие за греческим училищем. По охоте и прилежности его будет правление хорошее. И я на него, как на себя, надеюсь. Благоволите, Всемилостивейшая Государыня, ему препоручить должность директора к управлению подо мною помянутого училища.

Как школы народные должны быть приуготовлением к вышним классам, то не благоугодно ли будет и в тех преподавать краткое понятие о навигации, об архитектуре морской и номенклатуру терминов. Таковые ученики с основанием вступать уже будут и при начале их учения откроется способность каждого. Из Харьковского училища и Кременчугского прошедшие геометрию скоро поспеют на море и я все силы к обучению их употребить приказал.

Из солдатских детей много отданы в мастерствы. Естли Бог поможет, то в краткое время обойдемся без заимствования. Для Екатеринославских строений нужен архитектор. Я не знаю, где взять, то и прошу снабдить меня оным.

Князь Потемкин Таврический

773. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 17 июля я получила на сих днях и из оного увидела, сколько тебя обрадовало мое письмо из Твери. Между тобою и мною, мой друг, дело в кратких словах: ты мне служишь, а я признательна. Вот и все тут. Врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностию к делам Империи. Радуюсь, что ты здоров. От фруктов прошу иметь воздержание. Слава Богу, что нет болезни и больных.

Дела в Европе позапутываются. Цесарь посылает войски в Нидерландию. Король Прусский противу голландцев вооружается. Франция, не имев денег, делает лагери. Англия высылает флот и дает Принцу Оранскому денег. Прочие державы бдят, а я гуляю по саду, который весьма разросся и прекрасен. Прощай, Бог с тобою.

Из Царского Села. Июля 27, 1787

774. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня. Слава Богу, сохранившему тебя здраву во все трудное путешествие, которое нам навеки останется приятнейшим напоминовением. Будь, моя матушка родная, здорова и во всяком удовольствии. Я бы тебе душу свою отдал, естли бы возможно было. Столь ты меня осыпала милостьми. Осенью мы будет сеять леса, садить сады, а потомки наши разсказывать будут: вот роща, которую Екатерина Великая приказала посеять; вот дерево каштанное, которое она приказала сажать на песчаных местах; а пивши хорошую воду, воспоминать будут о твоем попечении. Теперь везде тут ключей около Екатеринослава найдено уже двадцать. В Кременчуге жар несносный и духота. Я еду в деревню жить, в семидесяти верстах отстоящую, да и все разъезжаются.

Что пишете мне, матушка, об Александре Матвеевиче, и я то же об нем скажу. Притом верьте, что очень его люблю.

Куда бы хорошо, матушка, естли бы Голландия довела французов до драки с англичанами.

Прости мне, безценная благотворительница. Я по смерть вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

1 августа [1787]

775. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня. Я было занемог в Кременчуге, теперь в деревне Елисаветградского уезда помощию прекрасного воздуха выздоровел, только

слаб, однако же совершенно здоров. Чрез несколько дней поеду в Херсон. Канцелярия моя и Попов в Кременчуге в заботах с Губернатором о хлебе. Так прижались, что еще никто не продает. Прости, моя матушка родная, дай тебе Боже всяких благ.

Ваш вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

7 августа [1787]

776. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 1 августа я получила третьего дня. Я с неделю сюда приехала в город, и, пока Вы в Кременчуге праздновали мое благополучное возвращение, я праздновала здесь день Преображения, слушала обедню в полковой церкви, обедала с офицерами и пила здоровье подполковников обще с подкомандующими. Причем, не оставила и говорить о том, что я едучи видела и как старший отличается, аки Генерал-губернатор. Я здорова, и все те, кои со мною приехали. Здесь с моего приезда, то есть месяц целый все дожди идут, и, кроме одного дня, мы теплую погоду ниже издали здесь не видали. Облака непрестанно самые густые, и погода пасмурная. Такова Санктпетербургская каникула. Я почти живу в Эрмитаже и там погоду оставляю быти погодою.

Желаю тебе щастливого успеха в сеянии лесов и сажании садов. Зделав сие, дашь тем местам точно то, чего им не достает, уменьшением зноя солнечного, и притянешь дождия. О приискe ключей тако же внимала я с удовольствием. Cela s'appelle faire du bien à la contrée. Vous lui donnés ce quelle n'a pas*.

Пожалуй, пожалуй будь здоров, поберегись от фруктов et ne Vous exposés pas trop à la chaleur**.

По письмам Цареградским видно, что турки пошаливают[1]. Кажется, будто англичане хотят возпользоваться французским недостатком в деньгах и для того замешались крепко в голландские дела.

Спасибо тебе, что милова Сашу любишь. Он честный и благородный человек. Прощай, друг мой, будь здоров. Катя приехала сюда.

Августа 12 ч. 1787 из города Святого Петра, что на берегах Невских и который ужасно как хорош, но в дурном весьма климате построен.

777. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Papa, прислал ты к Графу Безбородке поверенное письмо для продажи Дубровицы, но как в оном письме переправки и слова выскобленные, такожде в свидетельствах гражданской палаты, то я писала к Безбородке, чтоб он здесь приказал поверенное письмо написать начисто без ошибки и послал бы к тебе ради подписания, а мое мнение о сем послал Александр Матвеич к Попову. За сим пребываю как всегда к тебе, *Papa*, весьма, весьма доброжелательна.
Августа 12, 1787

---

* Это называется делать добро стране. Вы ей даете то, чего нет (*фр.*)

** и не слишком подвергайте себя действию жары (*фр.*).

778. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня. Я совсем оправился, но засхуа в Кременчуге и Херсоне умножила болезни. Я беру все меры к отвращению и надеюсь на Бога. Работы в Херсоне генерально все остановил до половины сентября. Сие послужит к облегчению сил. Туда не еду ради того, чтоб слухом моего прибытия не привлечь у соседей большого внимания к Очакову. Я и войскам назначил собираться к Ольвиополю[1].

Я принужден миновать страницу: на обороте чернилы проходят. У нас воды нет в речках, и мельницы все без действия. Я уже зерном начинаю покупать. Барышники, пришедшие из других мест, набили цену втрое.

Матушка моя родная, будь ко мне всегда милостива, Я по смерть

Вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

14 августа [1787]. Село Михайловка

779. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Письмы твои, друг мой Князь Григорий Александрович, от 7 августа до рук моих доставлены. Я весьма сожалею, что ты сверх забот нынешних и при оных занемог было. Пожалуй поберегись и вспомни о сем мои прозьбы. Я с первым Цареградским курьером ожидаю из двух приключений одно: или бешеного визиря и рейс-эфендия сменят, либо войну объявят. О смене министерства, кажется, интерес французский требует, чтоб посол того двора старался; а как сам Султан мир, а не войну хочет, то сие вероятнее еще[1]. На большое письмо сочиняю и большой ответ[2]. Естьли думаешь, что смена консула Селунского надобна, то под видом отпуска на время призвать его можно оттудова[3].

Прощай, мой друг, будь здоров. Мы все здоровы, а Саша весьма любезен.

Авгу[ста] 19 ч., 1787

780. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Война объявлена. Булгаков посажен в Едикуле[1]. Я в крайности. Полки с квартер подойти скоро не могут. В Херсоне страшное число больных. В Крыму тоже довольно. Кораблей выведенных – защитить на Лимане трудно. Бог один в силах подать помощь. Транспорты все хлебные станут. Естли бы моя жизнь могла удовлетворить всему, то бы я ее отдал. Прикажите делать большой рекрутский набор и прибавлять двойное число в оставшие полки в России. Трудно нашим держаться пока какая помощь прибудет.

Верный подданный

Князь Потемкин Таврический

21 августа [1787]

781. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня. Стремление все теперь идет на меня. Войски мои подходят. Однако же прежде пятнадцати дневного сроку уповать нельзя. Больных в Херсоне множество. Бугская граница нельзя чтобы не потерпела от первого движения. Собравшись, я поддерживать стану все части. Войски Графа Румянцева ничего противу себя не имеют. Я просил его, чтобы часть ближних ко мне ввести, а там в Польшу их ввести можно будет[1]. Корабли, на Глубокой стоящие, невооруженные совсем, много меня заботят[2].

Прикажите рекрутский набор большой и все полки по военному комплекту поставить. Нельзя не видеть, что французы скрытые нам враги. Они верно вид только делали[3]. Я насилу хожу, после болезни слаб еще был, а теперь лихорадка начинает показываться. Матушка, прости, не смогу больше писать.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

22 августа [1787]

782. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович, радуюсь, что ты оправился, но притом весьма жалею, что в Херсоне болезни умножились. Здесь говорят, будто ни единого здорового нет, и все больны поносом. Вы бы запаслись в Херсоне и в те места, где поносы, пшеном сарочинским. Эти поносы, кроме пшеном сарочинским[1], ничем не уймете. Вспомните, что татары, турки, персияны, итальянцы и все обитатели теплых мест пшено сарочинское употребляют. Когда оно будет дешево, тогда все будут покупать, а больных и даром накормить можно. Сверх того при сем кушаньи больным Вы б приказали дать по рюмке вина крепкого виноградного. Как сии мысли мне на ум пришли, то я за долг почла Вам оных сообщить и надеюсь, что они не останутся без пользы. Естьли б можно было, я б к Вам на почту переслала здешние дожди. С десятого июля, что я сюда приехала, по сегодня ежедневные дожди и мы почти дней ясных и теплых не видали от Петрова дни.

Все сие писано было тотчас по получении Вашего письма от 14 августа. А вчерась вечеру, пришедши из оперы "Февей", я получила известия, присланные от консула Селунского от 11 и 14 августа, из которых явствует, что сам Молдавский Господарь ему велел сказать, что война объявлена и чтоб он и со всеми русскими выехал в Россию[2]; et comme pour ne me pas tromper je mettrai les choses ainsi*, то есть почту войну за объявленную, дондеже не получу иных вестей, хотя и сия высылка Селунского быть может сама по себе. Понеже и отзыва его домогалися и говорили, что вышлют его. Прочее же похоже на вести Молдавские и Волошкие, кои иногда бывали ложны, mais ceux-ci cependent paroissent avoir le cachet de la vérite**. И так мысли мои единственно обращены к ополчению, и я

---

* И как будто для того, чтобы не ошибиться, я полагаю также (*фр.*).

** но эти, однако, кажется имеют печать правды (*фр.*).

начала со вчерашнего вечера в уме сравнивать состояние мое теперь в 1787 с тем, в котором находилася при объявлении войны в ноябре 1768 года. Тогда мы войну ожидали чрез год, полки были по всей Империи по квартерам, глубокая осень на дворе, приготовления никакие не начаты, доходы гораздо менее теперяшнего, татары на носу и кочевья степных до Тору и Бахмута; в январе оне въехали в Елисавет[г]радский округ. План войны был составлен так, что оборона обраще-на была в наступление. Две Армии были посланы. Одна служила к обороне Империи, пока другая шла к Хотину. Когда Молдавия и подунайские места заняты были в первой и второй кампании, тогда вторая взяла Бендер и заняли Крым. Флот наряжен был в Средиземное море и малый корпус в Грузию.

Теперь граница наша по Бугу и по Кубани. Херсон построен. Крым – область Империи и знатный флот в Севастополе. Корпуса войск в Тавриде, Армии знатные уже на самой границе, и оне посильнее, нежели были Армии оборонительная и наступательная 1768 года. Дай Боже, чтоб за деньгами не стало, в чем всячески теперь стараться буду и надеюсь иметь успех. Я ведаю, что весьма желательно было, чтоб мира еще года два протянуть можно было, дабы крепости Херсонская и Севастопольская поспеть могли, такожды и Армия и флот приходить могли в то состояние, в котором желалось их видеть. Но что же делать, естьли пузырь лопнул прежде времяни. Я помню, что при самом заключении мира Ка[й]нарджи[й]ского мудрецы сумневались о ратификации визирской и султанской, а потом лжепредсказания от них были, что не протянется далее двух лет, а вместо того четверто на десятое лето началося было. Естьли войну турки объявили, то, чаю, флот в Очакове оставили, чтоб построенных кораблей в Херсоне не пропускать в Севастополь. Буде же сие не зделали, то, чаю, на будущий год в Днепровское устье на якоря стать им не так лехко будет, как нынешний.

Надеюсь на твое горячее попечение, что Севастопольскую гавань и флот сохранишь невредимо, чрез зиму флот в гавани всегда в опасности. Правда, что Севастополь не Чесма. Признаюсь, что меня одно только страшит, то есть язва. Для самого Бога я́ тебя прошу – возьми в свои три губернии, в Армии и во флоте всевозможные меры заблаговремянно, чтоб зло сие паки к нам не вкралось слабостию. Я знаю, что и в самом Царе Граде язвы теперь не слыхать, но как оне у них никогда не пресекается, то войски оныя с собою развозят. Пришли ко мне (и то для меня единой) план, как ты думаешь войну вести, чтоб я знала и потому могла размерить по твоему же мнению тебя. В прошлом 1786 тебе рескрипт дан, и уведоми меня о всем под[р]обно, дабы я всякого бреда могла всегда заблаговремянно здесь унимать и пресечь поступки и возможности[3]. Кажется, французы теперь имеют добрый повод туркам отказать всякую подмогу, понеже противу их домогательства о сохранении мира война объявлена. Посмотрим, что Цесарь зделает. Он по трактату обязан чрез три месяца войну объявить туркам.

Пруссаки и шведы поддувальщики, но первый, чаю, диверсию не зделает, а последний едва ли может, разве гишпанцы деньги дадут, что почти невероятно. И чужими деньгами воевать – много зделаешь[4]? К Графу Салтыкову[5] писано,

чтоб ехал в Армию. Прощай, мой друг, будь здоров. У нас все здорово, а в моей голове война бродит, как молодое пиво в бочке, и Саша в крайней заботе и старается успо[ко]ить мою безпокойную головушку.

Посол цесарский еще курьера не имеет[6]. Фицгерберт[7] уехал, Сегюр и Линье хотели ехать во вторник, но Линье, как услышит о войне, то едва не поскачет ли, получа дозволение Цесаря, к тебе[8]. Я думаю, у тебя на пальцах нохтей не осталось – всех сгрыз.

Adieu, mon Ami.

Августа 24 ч., 1787

Настоящая причина войны есть и пребудет та, что туркам хочется переделать трактаты: первый – Ка[й]нарджи[й]ский, второй – конвенцию о Крыме, третий – коммерческий. Быть может, что тотчас по объявлении войны оне стараться будут обратить все дело в негоциацию. Оне поступали равным образом в 1768. Но буде мой министр в Семибашни посажен, как тогда, то им по тому же и примеру ответствовать надлежит, что достоинство двора Российского не дозволяет подавать слух никаким мирным предложениям, дондеже министр сей державы не возвращен ей.

Еще пришло мне на мысль, кой час подтверждение о войне получу, отправить повеление к Штакельберху, чтоб он начал негоциацию с поляками о союзе[9]. Буде заподлинно война объявлена, то необходимо будет в Военном Совете посадить людей, дабы многим зажимать рта и иметь кому говорить за пользу дел. И для того думаю посадить во оном Графа Вал[ентина] Пушкина, Ген[ерала] Ник[олая] Салтыкова, Гр[афа] Брюса, Гр[афа] Воронцова, Гр[афа] Шувалова, Стрекалова и Завадовского[10]. Сии последние знают все производство прошедшей войны. Генерала Прокурора выписываю от вод царицынских. Иных же, окроме вышеописанных, я никого здесь не имею и не знаю.

783. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня, турки предварили объявлением войны и тем переменили весь план наступательный, который чрез год от нас с выгодою несумненною мог бы произвестись. Флот бы наш три раза был больше нынешняго, и армии к нам пришли б прежде, нежели они двинуться могли. Теперь же войски все соберутся у нас к здешнему пункту в полтора еще месяца. Я защитил, чем мог, сторону Буга от впадения. Кинбурн перетянул в себя почти половину херсонских сил. Со всем тем мудрено ему выдержать, естли разумно поступят французы – их руководители. И во время сражения фрегата их были артиллеристы на шлюбках бомбардных. Их судов, то есть французских, употребится 80 для транспортов[1]. Сии злодеи издавна на нас целят. Как везде поставлено от меня к защите, то тем и оборонятся. Флоту приказано атаковать, что б во что ни стало[2]. От храбрости сих частей зависит спасение. Больше я придумать не могу ничего. Болезнь день ото дня приводит меня в слабость. Теперь войски Графа Петра Александровича идут сюда к соединению. До лета же армиям наступательно действовать и разделяться нельзя будет, то прикажите ему всю команду: то естли б я изнемог, то будет к кому относиться генералам[3]. Хлеба так скудно везде, что и двойной ценою трудно добывать. Вперед же не знаю, что и думать.

Я не могу таить от Вас здешних обстоятельств. Дай Бог, чтоб мы додержались до тех пор, как соберемся.

Вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

28 августа [1787]

784. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Собственноручное твое письмо от 21 августа я сего утра получила, из которого я усмотрела подтверждение Молдавских известий о объявлении войны. Благодарю тебя весьма, что ты передо мною не скрыл опасное положение, в котором находи[шь]ся. И Бог от человека не более требует, как в его возможности. Но русский Бог всегда был и есть и будет велик, я несумненную надежду полагаю на Бога Всемогущего и надеюсь на испытанное твое усердие, что колико можешь все способы своего ума употребишь ко истреблению зла и препятствий родов розных. С моей же стороны не пропущу ни единого случая подать помощи везде тут, где оная от меня потребна будет. Рекрутский набор с пятисот–двух уже от меня приказан, и прибавлять двойное число в оставшие полки в России велю и всячески тебя прошу и впредь с тою же доверенностию ко мне отписать о настоящем положении дел. Я знаю, что в трудных и опасных случаях унывать не должно, и пребываю как и всегда к тебе дружно и доброжелательна

Екатерина

Августа 29 ч. 1787

785. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Пущая и главная моя теперь забота и безпокойство о твоем здоровье, о котором Бога усердно молю. Пожалуй уведоми меня чаще, каков ты. Лишь бы тебя Бог возвратил в здоровье, то я надежна, что мой друг и любимец будет, каков мое об нем мнение и какова и моя к нему и доверенность. Твое письмо от 22 августа я вчерась получила и вижу из оного, что тобою все возможные меры взяты, хотя и стремление все неприятельское теперь идет к тебе, и как ты считал, что от 22 августа чрез пятнадцать дней войски наши подойдут, то от сего дня чрез четыре дни я считаю, что оныя будут, где им быть нужно.

Что больных много в Херсоне, о том я весьма сожалею. Русский Бог велик особливо; и Бугская граница останется без вреда. Я к Фельдмаршалу Румянцеву приказала заготовить рескрипт, а к тебе отправлена будет копия с оного. Рекрутский набор – уже приказано, как я к тебе писала. Посол получил вчерась курьера и объявил Вице-канцлеру, что Император признает Казус федерис* и готов выполнить свои обязательства и послать повеления своим войскам итти к границам турецким. При сем прилагаю копию с Императорского письма ко мне[1].

---

* Латинское выражение casus foederis – "договорной случай", т.е. случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору.

Теперь я все бдение мое устремляю к тому, чтоб тебе никто и ничем помеху не зделал, ниже единым словом. И будь уверен, что я тебя равномерно защищать и оберегать намерен[а], как ты меня от неприятеля, и что я касательно тебя так щекотлива, что даже до изражения и слова размеряю, и вешу на весы, так как я отроду еще не делала. И как ты мне даешь несумненно опыты своей ревности и верности во всяком случае, то будь уверен, что и ты от меня имеешь ожидать во всяком случае несумненные знаки дружбы и прямо дружеского подкрепления. Бог да укрепит телесные твои силы, ты же, мой друг, употребишь дарования твоего духа и ума к пользе Империи и дел моих.

И да увидят языцы, каков возпитанник и любимец мой, и да будет он в славе попечителен и в благополучии не горд, но точно таков, как я его видеть желаю. Ты, может быть, будешь смеяться сим моим изражениям и скажешь, что оне излишние, а я тебе на то скажу: пусть излишны, с кем говорить излишнее, естьли не с другом. Прощай, друг сердечный, будешь здоров, а я буду спокойна.

Сентября 2 ч., 1787

Естьли б я была теперь в Севастополе, то бы я села с Войновичем на том корабле, на котором я находилась в бытье моем в том порту. Его роля блистательна быть может, естьли Бог их благословит, как я от сердца желаю, щастьем и смыслом и храбростию. Adieu, mon Ami.

786. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 28 августа я вчерашний день получила. Не страшит меня состояние дел наших, ибо все возможное делается, не страшит меня и сила неприятельская, руководима[я] французами, понеже из опытов известно мне, колико коварство то было уже опрокинуто раз, но страшит меня единственно твоя болезнь. День и ночь не выходишь из мысли моей, и мучусь тем заочно нивес[ть] как. Бога прошу и молю, да сохранит тебя живо и невредимо, и колико ты мне и Империи нужен, ты сам знаешь.

Прошу тебя всячески приложить весь свой смысл к избежанию того, что здоровью твоему быть может вредно, или употреблению того, что тебе может возвратить силы и прекратить немочи. Сказав сие и полагая надежду на Бога, который меня в нужде никогда не оставлял, приступлю к ответу по твоим письмам. Не дай Боже слышать, чтоб ты дошел до такой телесной болезни [и] слабости, чтоб ты принужден был сдавать команду Графу Петру Александровичу Румянцеву, как ты о том ко мне пишешь. Но естьли бы случай таковой нещастный состоялся, либо по делам находишь то за необходимонужное, то сам о сем перепишись с ним, а в запас я к нему написать велю, чтоб он принял команду тогда, когда от тебя о том получит предложение.

Касательно хлеба, который пишешь, что везде скудно, мне пришло на ум послать сего дня курьера к Генералу Поручику Де Бальмену, который отправился уже отсель в Курск, где по известиям значится, что с миллион четвертей в продаже, а у него уже и приказание есть тысяч десятов пять закупать, чтоб он, Де Бальмен, тебе, да и Фельдмаршалу Румянцеву дал знать, сколько у него закуплено и где тот хлеб, чтоб вы из того могли сами судить, удобно ли тот хлеб к вам обратить и не получите ли от него себе пособие.

Пишешь ты ко мне то, чего естественно выходит из теперешнего положения нашего: то есть, что до лета наступательно действовать нельзя. Но до тех пор, что войски в границы и не перейдут, оныя мы почитать не инако можем, как в оборонительном состоянии. И так еще время довольно имеем установить того, что делать надлежит, когда Бог велит оборонительное состояние переменить в наступательное. Ты уже известен, что Цесарь ко мне пишет, что он признал Казус федерис, что войски его получили приказание итти к границам и что посол его здесь подал словесное изъяснение о сем и о том, чего им желается знать от нас. По сем дружественном поступке Императорского я велела принести к себе все касательные до сего союза бумаги от 1781 года до нынешнего дня. Из оных явствует: первое, что Император, не ожидав ныне от нас реквизиции*, уже решился действовать противу турок. Второе, сие быв зделано, по силе секретного артикула маия 24 ч. 1781 г. уже сепаратный мирный договор либо перемирие места иметь не может. Третье, буде по сему общему делу иная держава наступательно действовала противо которого Императорского двора, тогда колико можно силами обоюдными отражать оное, не давая однако в опасности собственные границы каждого. Четвертое, в письме Императора ко мне от 13 ноя[бря] 1782 г. он признает приобретение Очакова с землею и несколько островов в Архипелаге за дело, не подлежащее затруднению, а себе выговаривает Хотин с округом для закрытия Галиции, да Буковину и часть Валахии до Ольты. Пятое, в записке твоей по сим делам нахожу я следующие изражения, "что касается до сил военных, как их обращать на действие, в сем затруднений не будет. Ежели Император обратит на турков только сорок тысяч, сего будет довольно. Пусть он вспомнит, с чем мы воевали. За таким отделением много еще останется у него против Прусского короля. Что берет он в Валахии, это точно то, что Вы назначили. Хотин уступить можно, ибо он уже вокруг почти обрезан".

Шестое, – в моем письме к Императору от 4 генваря 1783 года записано тако:

"L'armeé d'observation que V.M.I. aura en Bohême et en Moravie suffira je m'assure de ce côté la, et j'aurai de voir d'entretenir les corps de troupes dans mes provinces voisines de la Suéde et de la Pologne en les portant au point d'assurer non seulment mes frontières, mais aussi d'être prêts a agir en cas de besoin, ce qui suffira je pense pour tenir en respect ceux qui pourroient être tentés de s'opposer aux succès communs"**.

Седьмое, в рескрипте к Князю Голицыну[1] в Вену от 8 генваря 1783 году написано, что "взаимные обязательства, особливо же секретный Артикул с доброю верою исполним, поколику силы наши в продолжении турецкой войны, хотя уже в оборонительную тогда превращаемую, дозволить нам могут... и что ожидаем откровенного сообщения мысли Его Вел[ичества], дабы единообразный план учредить". NB сии мысли не были присланы. Восьмое, в рескрипте к послу

---

* требования – от réquisition (*фр.*).

** Обсервационная армия, которую Ваше Императорское Величество будете иметь в Богемии и Моравии, я уверена, будет достаточна в той стороне; я же буду должна поддерживать в хорошем состоянии корпуса войск в моих провинциях, соседних со Швецией и Польшей, не только для обеспечения моих границ, но также готовыми действовать в случае необходимости. Этого, полагаю, будет достаточно, чтобы удержать в почтении тех, кто мог бы соблазниться противопоставить себя общим успехам (*фр.*).

Князю Голицыну от 8 июня 1783 года паки писано, "что на случай открытия у нас с Портою войны и на всякий другой подобный охотно представляем мы готовность нашу войти с Его Вел[ичеством] в ближайшее и точное определение, как пропорциональных и на обе стороны приобретений, так и запасных операционных планах, и что ожидаем от двора его сообщения проекта постановляемой о том конвенции". Девятое, в твоей записке 1784 года при случае умножения войск упоминается о корпусе, который ввести надлежит в Польшу в соседстве новых приобретений Короля Прусского.

Сию краткую выпись, друг мой сердечный, я нарочно зделала для тебя, чтоб ты на одном листе имел перед глазами то, что в больших пуках записано, дабы нас не могли попрекать, что чего проронили или пропустили.

Еще пришло мне на ум к тебе писать и требовать твоей мысли: ты знаешь, что Муловски[й] наряжен обходить Кап де Бон Эсперанц* и поехать к Камчатке. Вместо того – не лутче ли будет под видом той экспедиции оборотить его деятельно в Красное море, на Мекку и Медину, незаметно делать туркам пакости. Я отъезд его уже под рукою остановил[а], а естьли ты мысли мои похвалишь, то отправлю его заподлинно, и он не будет знать, куда едет, дондеже доедет до Кап де Бон Эсперанс. Прощай, Бог с тобою.
Сент[тября] 6 ч., 1787

787. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. С великим нетерпением ожидаю известия о твоем здоровии и о том, что у вас делается. И естьли посреди хлопот тебя смею чем трудить, то прошу тебя прислать сюда архитектора Неелова с планами Бахчисарайскими ханского дома. Я, чаю, что Вам в нем теперь нужда мала, а мне он надобен. Прощай, мой друг, я молю Бога, чтоб тебе дал здоровье да силы телесные и душевные и успехов тьму на море и на суше.
Сен[тября] 9 ч. 1787

788. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[15 сентября 1787]

Поздравляю тебя, мой друг Князь Григорий Александрович, с доброю обороною фрегата "Скорого" и бота "Битюга". Естли по сему сметь судить, то о успехе Марка Войновича за верно полагать можно.

Бога прошу, да поможет тебе и всем. Adieu, mon Ami.

789. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Почти один за другим возвратившиеся курьеры привезли мне дражайшие письмы Ваши. Ты мне покровительница пишешь подлинно, как родная мать, но не в силах соответствовать столь неописанным твоим милостям.

---

* Мыс Доброй Надежды (с *фр.*).

Прежде всего начну, что Кинбурн неприятель жестоко притесняет, направя все свои бомбарды, и 4 сутки безпрестанно канордирует и бомбардирует, как днем, так и ночью[1]. Вред он причинил еще небольшой. Убито у нас 4, а ранено 10. Бог вливает бодрость в наших солдат. Они не унывают. Я приказал всем тамо находящимся производить винную порцию и мясо. Командует тем отрядом Генерал-маиор Рек[2], курландец, храбрый и разумный, по-русски разумеет, как русский, и сие много значит для людей. Комендант тамо Тунцельман[3] – человек испытанный. Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит и потом, и кровью. Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать. Каховский в Крыму – полезет на пушку с равною холодностию, как на диван, но нет в нем того активитета, как в первом[5]. Не думайте, матушка, что Кинбурн крепость. Тут тесный и скверный замок с ретраншементом весьма легким, то и подумайте, каково трудно держаться тамо. Тем паче, что с лишком сто верст удален от Херсона. Флот Севастопольский пошел к Варне. Помоги ему Бог.

Граф Петр Александрович прислал ко мне два полка пехотных, два карабинерных и Генералу Каменскому приказал следовать с его частию из Орла. Но он еще не двинулся, кроме Ростовского пех[отного] полку, который из Белагорода пришел уже в Кременчуг. Легче мне будет, как он сюда придет. Тогда я его введу в Польшу, а стоящими отрядами по Бугу буду действовать, ибо граница будет тогда безопасна.

Матушка, рекрут возьмите не меньше 60 тысяч. Ежели теперь сего не зделаете, то никогда армия не укомплектуется и тем самым изведется теперь же. По дороговизне хлеба жители о сем тужить не будут.

Слава Богу, что Император решился принять участие и что скорей объявит войну, то лутче будет.

Между тем прикажите ласкать агличан и пруссаков. Флот в Архипелаг нарядить нужно. Не меньше двадцати линейных кораблей, а приуготовлять 40. Французам о сем отправлении сказать с тем, что Вы не сумневаетесь, что они дозволят на своих берегах нашему флоту нужные выгоды. То же и агличанам. Тут увидите, как кто отзовется.

Матушка Государыня, что до меня касается, разве Бог даст сил, а то я в слабости большой, забот миллионы, ипохондрия пресильная. Нет минуты покою. Право, не уверен, надолго ли меня станет. Ни сна нет, ни аппетиту. Все в играх, чтобы где чего не потерять. Когда уже удалюсь или скроюсь, что свет обо мне не услышит?! Это проклятое оборонительное положение. Один Крым с Херсоном держит пехотных полков 20. Какая бы из сего была армия![6] Да больные, ох, много отымают сил.

Матушка, простите, не смогу писать больше. Ежели бы скорей Иван Петрович приехал[7]. В зимние месяцы позвольте мне на малое время приехать в Петербург. Нет способу написать, обо всем изъяснить.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

16 сентября [1787]. Кременчуг

790. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Из флота никакого известия нету. Кинбурн не престают канордировать, и несколько раз турки пытались зделать ночью десант, но нашли наших в осторожности[1]. Я приказал готовиться всеми возможными судами зделать попытку на бомбардирские турецкие суда[2]. Все сие готово будет не прежде, как дней чрез пять. Каменский, Господь ведает, когда еще будет здесь. Пехота, то есть баталионы гренадерские, частию готовы, а частью не прежде половины будущего месяца. Но я, моя матушка, изнемог до крайности. Спазмы мучат, и, ей Богу, я ни на что негоден. Теперь нужна холодность, а меньше большая чувствительность, какова во мне. К тому же, Боже сохрани, ежели бы зделалась какая потеря, то, естли не умру с печали, то, наверно, все свои достоинства я повергну стопам твоим и скроюсь в неизвестности. Будьте милостивы, дайте мне хотя мало отдохнуть. Ей, немогу[3]. Я все зделал, что можно по сие время сделать: в хлебе уверен, войски, кои формируются, поспевают. Но делать нынешний год – не знаю, что. Графа Петра Александровича войски теперь должны быть заодно с здешними, то следует ему всю иметь команду. К его же флангу и цесарский кордон. Он будет с ними лутче уметь переговорить, имев уже с ними прежде дело. Если б, поруча ему, дозволили мне приехать в Питербург, я бы в дороге обмогся. Матушка, Бог видит, не в силах.

Вернейший и благодарнейший раб Ваш
Князь Потемкин Таврический

19 сентября [1787]

791. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

P.S. Третья неделя, как я от Вас не имею не единой строки, почему нахожусь в великом душевном безпокойстве столько по делам, как и о Вашем здоровье[1]. Уведомите меня чаще о том и о другом.
Сен[тября] 20 ч. 1787

792. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Услыша, что сегодня из канцелярии Вашей отправляют к Вам курьера, то спешу тебе сказать, что после трехнедельного несказанного о твоем здоровье безпокойства, в которых ни откудова я не получала ни строки, наконец, сегодня привезли ко мне твои письмы от 13, 15 и 16 сентября[1] и то пред самою оперою, так что и порядочно оных прочесть не успела, не то чтобы успеть еще сего вечера на них ответствовать. Ради Бога, ради меня, береги свое драгоценное для меня здоровье. Я все это время была ни жива, ни мертва от того, что не имела известий. Молю Бога, чтоб вам удалось спасти Кинбурн. Пока его турки осаждают, не знаю почему, мне кажется, что Александр Васильевич Суворов в обмен возьмет у них Очаков. С первым и нарочным курьером предоставляю себе ответствовать на Ваши письмы.

Прощайте, будьте здоровы и, когда Вам самим нельзя, то прикажите кому писать вместо Вас, дабы я имела от Вас известия еженедельно.

Сент[ября] 23, 1787

С Вашими имянинами Вас от всего сердца поздравляю.

793. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Государыня, я стал несчастлив. При всех мерах возможных, мною предприемлемых, все идет навыворот. Флот севастопольский разбит бурею; остаток его в Севастополе – все малые и ненадежные суда, и лучше сказать, неупотребительные. Корабли и большие фрегаты пропали[1]. Бог бьет, а не Турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую; не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв; я все милости и имение, которое получил от щедрот Ваших, повергаю стопам Вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к Графу Петру Александровичу, чтоб он вступил в начальство, но, не имея от Вас повеления, не чаю, чтоб он принял[2]. И так, Бог весть, что будет. Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком. Но что я был Вам предан, тому свидетель Бог.

Вернейший и благодарнейший
раб Ваш
Князь Потемкин Таврический

24 сентября [1787]. Кременчуг

794. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня.

Сколько еще достает моего рассудка, то я осмеливаюсь доложить, что без флота в полуострове стоять войскам Вашего Императорского Величества трудно, ибо флот турецкий в Черном море весь находится и многочислен кораблями и транспортами, а посему и в состоянии делать десанты в разных местах.

Одиннадцать полков пехотных, четыре баталиона егерей, 22 эскадрона конницы, 5 полков донских тамо заперты безо всякого действия. Ежели их вывести, силы наши умножатся, получа меньшую окружность для обороны, и войски больше взаимно себе помогать будут иметь удобности. Теперь же все части по своему положению на обороне, а наипаче Кинбурн подвержен всем силам неприятельским, и естли б не устоял, то Крым с Херсоном совсем разрезан будет, равно как и всякая коммуникация прервется.

Может быть, другой лутче придумать может, но я боюсь, чтобы не было сбытия по моим мыслям.

Вашего Императорского Величества
вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

24 сентября [1787]

795. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Любезный друг мой Князь Григорий Александрович. По семнадцати денном ожидании от Вас писем, вчерашний день я получила вдруг отправления Ваши от 13, 15 и 16 сентября, по которым Вы получите немедленно мои резолюции. Перечень же оных я здесь припишу, кой час кончу мой ответ на собственноручное Ваше письмо, который я теперь начну тем, что я с немалым удовольствием вижу, что ты моим письмам даешь настоящую их цену: они суть и будут искренно дружеские, а не иные. Безпокоит меня весьма твое здоровье. Я знаю, как ты заботлив, как ты ревностен, рвяся изо всей силы. Для самого Бога, для меня, имей о себе более прежняго попечение. Ничто меня не страшит, опричь твоей болезни. Dans ce moment-ci, mon cher Ami, Vous n'êtes pas un petit particulier qui vit et qui fait ce que lui plait; Vous êtes à l'état, Vous êtes à moi; Vous devés, et je Vous ordonne de prendre garde à Votre santé; je le dois, parce que le bien, la défense et la gloire de l'Empire sont confiés à Vos soins, et qu'il faut se porter bien de corps et d'âme pour faire la besogne que Vous avés sur les bras; après cette exortation maternelle, que je Vous prie de recevoir avec docilité et obéissance je m'en vais continuer*.

Что Кинбурн осажден неприятелем и уже тогда четыре сутки выдержал канонаду и бомбардираду, я усмотрела из твоего собственноручного письма. Дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря неприятна. Но положим так – то для того не унывать, а стараться как ни на есть отмстить и брать реванш. Империя останется Империею и без Кинбурна. Того ли мы брали и потеряли? Всего лутче, что Бог вливает бодрость в наших солдат тамо, да и здесь не уныли. А публика лжет в свою пользу и города берет, и морские бои, и баталии складывает, и Царь-Град бомбардирует Войновичем. Я слышу все сие с молчанием и у себя на уме думаю: был бы мой Князь здоров, то все будет благополучно и поправлено, естьли б где и вырвалось чего неприятное.

Что ты велел дать вино и мясо осажденным, это очень хорошо. Помоги Бог Ген[ерал]-Маи[ору] Реку да и коменданту Тунцельману. Усердие Алек[сандра] Вас[ильевича] Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало. Ты знаешь, что ничем так на меня неможно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности[1]. Хорошо бы для Крыма и Херсона, естьли б спасти можно было Кинбурн. От флота теперь ждать известия.

Несколько датских офицер морских, услыша о войне, хотят к нам в службу идти. Писал ко мне Князь Репнин[2], представляя свою готовность служить под кем и где мне угодно. Я отвечала, что с удовольствием вижу его расположение и что не премину тут его употребить, где случай предстанет. Отпиши ко мне, надобен ли он тебе или нет, а он пишет ко мне из Сарепты, где он с Вяземским

---

* В эти минуты, мой дорогой друг, вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живет и делает, что хочет. Вы принадлежите государству, вы принадлежите мне. Вы должны, и я вам приказываю, беречь ваше здоровье. Я должна это сделать, потому, что благо, защита и слава империи вверены вашим попечениям и что необходимо быть здоровым телом и душою, чтобы исполнить то, что вы имеете на руках. После этого материнского увещания, которое прошу принять с покорностию и послушанием, я продолжаю (*фр.*).

пили царицынские воды; по последнего я послала еще при первом известии, а между тем они от Горичев, кои поехали в Астрахань, сведали о войне, и Репнин ко мне писал, как выше сего. Я не знаю, что Гр[аф] Ив[ан] Пет[рович] Салтыков мешкает. Я однако велю писать, чтоб ехал скорее.

Один рекрутский набор уже делают, а теперь зделаю другой и почитаю, что не 60, но 80 тысяч взято будет в обеих. Надеюсь, что сие достаточно.

Император, как ты увидишь из бумаг, пред сим к тебе присланных, готовит 120 тысяч, с коими действовать намерен, и множество генералов пожаловал, в числе которых и Линь.

Ласкать агличан и пруссаков – ты пишешь. Кой час Питт[3] узнал о объявлении войны, он писал к С[емену] Воронцову, чтоб он приехал к нему, и по приезде ему сказал, что война объявлена и что говорят в Цареграде и в Вене, что на то подущал турок их посол, и клялся, что посол их не имеет на то приказаний от Великобританского министерства. Сему я верю, но иностранные дела Великобритании неуправляемы ныне аглинским министерством, но самим ехидным Королем по правилам Ганноверских министров[4]. Его Величество уже добрым своим правлением потерял пятнадцать провинций. Так мудрено ли ему дать послу своему в Цареграде приказания в противность интересов Англии. Он управляется мелкими личными страстьми, а не государственным и национальным интересом.

Касательно пруссаков, то им и поныне, кроме ласки, [ничего] не оказано, но они платят не ласкою, и то может быть не Король[5] но Герцберх[6]. Их войски действительно вступили в Голландию. Что французы теперь скажут, посмотрим. Они, кажется, вступятся, либо впадут в презрение, чего, чаятельно, не захотят. Король Французский отдался в опеку, зделал Принципал-министра, отчего военный и морской министр пошли в отставку[7].

На тот год флот большой велю вооружить, как для Архипелага, так и для Балтики, а французы скажут, что хотят. Я не привыкла учреждать свои дела и поступки инако, как сходственно интереса моей Империи и дел моих, и потому и державы – друг и недруг, как угодно им будет.

Молю Бога, чтоб тебе дал силы и здоровье и унял ипохондрию. Как ты все сам делаешь, то и тебе покоя нет. Для чего не берешь к себе генерала, который бы имел мелкий детайль. Скажи, кто тебе надобен, я пришлю. На то даются Фельдмаршалу Генералы полные, чтоб один из них занялся мелочию, а Главнокомандующий тем не замучен был. Что не проронишь, того я уверена, но во всяком случае не унывай и береги свои силы. Бог тебе поможет и не оставит, а Царь тебе друг и подкрепитель. И ведомо, как ты пишешь и по твоим словам, "проклятое оборонительное состояние", и я его не люблю. Старайся его скорее оборотить в наступательное. Тогда тебе да и всем легче будет. И больных тогда будет менее, не все на одном месте будут. Написав ко мне семь страниц, да и много иного, диви[шь]ся, что ослабел! Когда увидишь, что отъехать тебе можно будет, то приезжай к нам, я очень рада буду тебя видеть всегда.

По издании Манифеста о объявлении войны Вел[икий] Князь и Великая Княгиня писали ко мне[8], просясь: он – в армию волонтером, по примеру 1783 г., а

она – чтоб с ним ехать. Я им ответствовала отклонительно: к ней, ссылаясь на письмо к нему, а к нему – описывая затруднительное и оборонительное настоящее состояние, поздой осенью и забот[ами], в коих оба Фельдмаршала[9] находятся и коих умножают еще болезни и дороговизны, и неурожай в пропитании, хваля, впрочем, его намерение. На сие письмо я получила еще письмо от него с вторительною прозьбою, на которое я отвечала, что превосходные причины, описанные в первом моем письме, принуждают меня ему отсоветовать нынешний год отъезд волонтером в армию. После сего письма оба были весьма довольны остаться, разславляя только, что ехать хотели. С неделю назад получила я от Принца Виртембергского[10] также письмо с прозьбою его определить в армию. Сему я ответствовала пречистым, но учтивым отказом, чем и сестра и зять довольны же.

Прощай, мой друг, набор рекрутский приказан. Мекноб[11] прощен будет. Ты пишешь, чтоб Грейга послать со флотом, – я его пошлю, но не громчее ли было [бы] имя Алек[сея] Григ[орьевича] Орл[ова] Чесмен[ского]? Однако сие между нами, и ни он не отзывается, ни я. А от изобилия мысли написала, что на ум пришло. Деньги присланы будут. Так же артиллерия в обеих армиях прибавлена. Выпуски унтер-офицер и кадет предписаны, и по прочим твоим письмам и докладам, что от меня зависит, во всем полное решение последовало. Молю Бога, да возвратит тебе здоровье.

Сен[тября] 24 ч., 1787

Саша умен и любезен, как нельзя больше.

796. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. С час тому назад я получила твое письмо от 19 сего месяца и реляцию твою от того же числа, из которых вижу, что турки продолжают канонировать Кинбурн и что двойжды предприяли учинить десанты, которые однако были отражаемы. Дай Боже, чтоб предприятия ваши на турецкие бомбардирские суда были удачны и чтоб вам удалось спасти Кинбурн. Судить естли издали по обороне фрегата и по предерзкому поступку галеры "Десна", то неприятель будет отпотчиван самым храбрым образом[1]. Теснит грудь мою Ваше собственное состоянье и Ваши спазмы. Чувствительность и горячность, которые производит усердие, понимаю весьма, что возбуждает в Вас нетерпеливость. Я сама весьма часто в таком же положении, паче же тогда, когда дела таковой важности, как ныне. Но ничего хуже не можешь делать, как лишить меня и Империю низложением твоих достоинств человека самонужного, способного, верного, да при том и лутчего друга. Оставь унылую таковую мысль, ободри свой дух, raidissés Votre esprit et Votre âme contre tous les évènements, et soyés assuré que Vous les vaincrés tous avec un peu de patience, mais c'est une vraie faiblesse*, чтоб, как пишешь ко мне, снизложить свои достоинства и скрыться. От чего? Я не ведаю. Не запрещаю тебе приехать сюда, естьли ты увидишь, что твой приезд не разстроит тобою

---

* укрепите ваш ум и вашу душу против всех случайностей и будьте уверены, что с небольшим терпением вы их всех победите; но ведь это – настоящая слабость (*фр.*).

начатое, либо производимое, либо судишь, что побывание твое здесь нужнее, нежели тут, где ты теперь. Приказание к Фельдмаршалу Румянцеву для принятия команды, когда ты ему сдашь, посылаю к тебе[2]. Вручишь ему оное, как возможно позже, естьли последуешь моему мнению и совету. С моей же стороны пребываю, хотя с печальным духом, но со всегдашним моим дружеским доброжелательством.
Сен[тября] 25, 1787

Как отъедешь от своего нынешнего поста, кому поручишь Кавказский корпус? О сем Фельдм[аршал] Румянцев и о тамошних делах сведений не имеет и едва может ли оными управлять, и что из того выйдет, – не ведаю. Ты сам знаешь, каково трудно мне показывается всякая мысль, к которой я никак не приуготовлена, но однако на такой для меня трудный шаг я решилась, понеже говоришь, что здоровье твое того требует. Здоровье твое мне нужно. Я тебе его желаю, равномерно и продолжения дел славных для тебя и Империи. Дай Боже, чтобы ты раздумал сдать команду Фельдмаршалу Румянцеву. Не понимаю, как одному командовать ужасной таковой громадою. Разве в такое время, когда за верно будет безопасно от неприятельских нападений или предприятий.

797. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Спешу, Всемилостивейшая Государыня матушка, отправлением сего курьера с известием, что разбитый флот собирается в Севастополе. Слава Богу, что люди не пропали. Слава Богу, что не прибило их к неприятельскому берегу и что не было на то время турецких судов в море, как они ходили без мачт. Флот надолго теперь без употребления, но, по крайней мере, люди могут быть употреблены.

Всемилостивейшая Государыня, сжальтесь над моим слабым состоянием, я не в силах: дела Ваши от сего потерпят. Вы изволили писать мне милостиво, что дадите письмо к Г[рафу] Румянцеву в запас о принятии начальства, но он не получал.

Стал ли бы я Вас безпокоить, естли б был в силах.

Вернейший подданный
К[нязь] Потемкин

26 сентября [1787]

798. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Поздравляю тебя со днем твоего рождения и имянин и посылаю тебе гостинец. Дай Боже тебе здоровья и всякого благополучия. Нетерпеливо ожидаю от тебя вестей. Что чаще пришлешь, то более на меня угодишь.
Прощай, Бог с тобою.
Сен[тября] 30 ч., 1787 г.

799. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Естли бы Вы видели мои безсменные заботы и что я ночи редкие сплю, Вы бы не удивились, что я пришел в крайнюю слабость. Уничтожение флота Севастопольского такой мне нанесло удар, что я и не знаю, как я оный перенес. Притом же в сем, что я упустил, и Бог мне помогающ везде ставил преграды, где мог. Разрыв меня застал при двух казацких полках на Буге. Вдруг зделавшаяся тревога о ложном переходе татар чрез Буг подняла целые провинции у нас и в Польше, что насилу возвратили. Не было хлеба нигде по тем местам, куда войски шли брать новые позиции, да и генерально и в самых запасных местах не более на месяц. Теперь я так изворотился, что на все войски мои станет по будущий август. Я слаб, спазмы меня мучат всякий день, которые причиняют столь сильную ипохондрию, что я не рад жизни. На тот час просил я увольнения. Теперь и имею, отчего покойнее буду, ибо естли б дошел до крайнего изнеможения, тогда бы мог взять отдых и, конечно, без крайности не пошлю к Графу Петру Александровичу.

Крайне не худо, ежели бы Князь Репнин был здесь. Он старее моих генералов и разделил бы со мною труды. На сих днях вооруженные суда в Херсоне поспеют. Я приказал атаковать Очаковский флот и силою, и хитростьми. Бог да пошлет свою помощь, чего я прошу из глубины сердца. Правда, как изволите писать, что и без Кинбурна Империя останется Империей. Но по настоящим обстоятельствам он крайне важен. Я имею две крепости, из которых ни одна ни людей, ни мест не защищают, но их должно защищать, также теперь и флот в Севастополе.

Болен ли я буду или здоров, но, приведя здесь все в порядок, к будущему месяцу должно и нужно необходимо приехать мне в Питербурх, ибо обо всем нельзя описать.

Не дивите, матушка, на меня, что я Вас безпокою: я не виноват, что чувствителен. И последние два донесения, ей Богу, в жару писал. И третьего дни пресильный имел параксизм.

После сего курьера я опишу все деталь и что я был должен делать, приказывать, строить, то Вы увидите, каково мое бремя. Ежели пожалуете мне Князя Репнина, то я крайне облегчен буду. По смерть вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

2 октября [1787]. Кременчуг

P.S. Чтобы послать начальствовать во флот Архипелагский Графа Алексея Григорьевича, сие будет весьма у места. Но Адмирала Грейга необходимо послать туда же, потому что мы не знаем навигации и как пользоваться ветрами. Я теперь вижу, ежели бы у нас пропустили Equinoxe*, то бы флот Севастопольский цел остался.

---

* равноденствие (*фр.*).

800. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Сего утра приехал сперва курьер, отправленный 26 числа от Вас с известием, что флот, по вытерпении бури, собирается в Севастополь, а несколько часов спустя я получила письмы Ваши от 24 числа сентября. Ни те, ни другие, конечно, нерадостные, но однако ничто не пропало. Сколько буря была вредна нам, авось-либо столько же была вредна и неприятелю. Неужели, что ветр дул лишь на нас? Как ни ты, ни я сему не причиною, то о сем уже более и говорить не стану, а надеюсь от добрых твоих распоряжений, что стараться будут исправить корабли и ободрить людей, буде они унылы, чего однако я не примечаю.

Я сожалею всекрайне, что ты в таком крайнем состоянии, как ты пишешь, что хочешь сдать команду. Сие мне всего более печально.

В письмах твоих от 24 ты упоминаешь о том, чтоб вывести войски из полуострова. Естьли сие исполнишь, то родится вопрос: что же будет и куда девать флот Севастопольский? У Глубокой, чаю, что пристань и прежде признана за неудобную. Я надеюсь, что сие от тебя писано было в первом движении, когда ты мыслил, что весь флот пропал; и что мысль таковую не исполнишь без необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лутче было, естьли б можно было зделать предприятие на Очаков, либо на Бендер, чтоб оборону, тобою самим признанную за вредную, оборотить в наступление. Начать же войну эвакуацией такой провинции, которая доднесь не в опасности, кажется спешить не для чего. Равномерно – сдать команду, сложить достоинства, чины и неведомо чего, надеюсь, что удержишься, ибо не вижу к тому ни резона, ни нужды, а приписываю сие чрезмерной твоей чувствительности и горячему усердию, которые имели не такой успех, как ожидали. Но в таких случаях всегда прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может. Все сие пишу к тебе, как к лутчему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположения, нежели я сама. Но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова.

По известиям из Цареграда в последних числах августа еще кораблей в море Черном не было.

По твоему желанию и теша тебя, я послала к тебе желаемый тобою рескрипт о сдаче команды, но признаюсь, что сие распоряжение мне отнюдь не мило и не славно. Никто на свете тебе не желает более добра, как я, и для того тебе так говорю, как думаю. Естьли же уже сдал команду, то прошу приехать сюда скорее, чтоб я могла тебя иметь возле себя и чтоб ты мог сам узнать, как я думаю и о сем сужу. Здесь найдешь, что я как всегда к тебе с дружеским и искренним доброжелательством. Прощай, Бог с тобою.

Окт[ября] 2 ч., 1787

А вот, как я о сем сужу: Que Vous êtes impatient comme un enfant de cinq ans, tandis que les affaires dont Vous êtes chargé en ce moment demandent une patience imperturbable. Adieu, mon Ami*. Ни время, ни отдален-

* Что вы нетерпеливы, как пятилетнее дитя, тогда как дела, вам порученные в эту минуту, требуют невозмутимого терпения. Прощайте, мой друг (*фр.*).

ность и никто на свете не переменит мой образ мыслей к тебе и об тебе.

P.S. Пришло мне на ум еще по случаю того, что пишешь о выводе войск из полуострову, что чрез то туркам и татарам открылася [бы] паки дорога, так-то сказать, в сердце Империи[1], ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону. В прошедшие времяна мы занимали Крым, чтоб укратить оборону, а теперь Крым в наших руках. Как флот вычинится, то надеюсь, что сия идея совсем исчезнет и что она представлялась лишь только тогда, когда ты думал, что флота нету. Но естьли хочешь, я тебе дюжинку фрегат велю построить на Дону. Вить и Севастопольский флот ими же пользуется и ныне.

801. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович, нетерпеливо ожидаю я узнать о Вашем здоровье и порученных Вам делах. Впрочем я здорова и непременно к Вам доброжелательна.

Октября 6 ч., 1787

802. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисаветград, 6 октября [1787]

Получа здесь 4-е число рапорт Александра Васильевича о сильном сражении под Кинбурном[1], не мог я тот час отправить к Вам, матушка Всемилостивейшая Государыня, курьера, ибо донесение его было столь кратко, что я никаких обстоятельств дознать не мог. Вчерашнего же числа получил полную реляцию, которой по слабости после труда и ран прежде он написать не мог[2]. Дело было столь жарко и отчаянно от турков произведено, что сему еще примеру не бывало. И естли б Бог не помог, полетел бы и Кинбурн, ведя за собою худые следствия. Должно отдать справедливость усердию и храбрости Александра Васильевича. Он, будучи ранен, не отъехал до конца и тем спас всех. Пришло все в конфузию и бежали разстроенные с места, неся на плечах турок. Кто же остановил? Гранодер Шлиссельбургского полку примером и поощрениями словесными[3]. К нему пристали бегущие, и все поворотилось. Сломили неприятеля, и конница ударила, отбили свои пушки и кололи без пощады даже так, что сам Генерал Аншеф не мог уже упросить спасти ему хотя трех живых. И одного, которого взяли, то в руках ведущих ранили штыком. Но он выздоравливает теперь у меня, которого показания послезавтра с курьером отправлю.

Сегодня имел я сильный параксизм и так ослабел, что не могу много писать. Извините, матушка.

Я выехал из Кременчуга и спешил сюда с тем, чтобы ехать в Херсон, но так ослабел, что ей Богу не в силах. Дни чрез два отправлюсь и побываю в Кинбурне. Нужда требовала взять мне квартеру здесь по близости к Бугу, где зачали часто показываться партии турецкие. К Херсону же зделал я новую дорогу, по которой отсюда сто верст меньше. Теперь ожидаю, что зделает

вооружение херсонское на Лимане. Ежели завтре получу известие, того же часу отправлю.

В Польше хлеба недостаточно и дорог. Сколько я ни старался, но не мог закупить, кроме весьма малого числа. Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Атаку распоряжал француз Тотт[4], который просверливал пушки в Царе Граде. Они положили взять или умереть. Потому их суда, на которых перевозили, отошли прочь, оставя без ретирады.

803. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 2 октября я получила. Твои безчисленные заботы я понимаю и весьма жалею, что ты ночи не спишь и в крайней слабости. Потеря флота Севастопольского не тебе одному нанесла удар, я сие нещастие с тобою делю. Что ты ничего не упускал, о сем ни я и никто не сумневается, и все твои распоряжения совершенно соответствуют возложенной от меня на тебя полной доверенности. Слава Богу, что успел наполнить магазины.

О твоих спазмах я такой веры, что они ни что иное, как ветры et qu'en chassent les vents Vos spasmes seront soulagés, essayés je Vous prie, et faites Vous donner des choses qui chassent les vents. J'ose croire que les spasmes s'en iront avec les vents; je suis d'opinion que tout spasme est causé par les vents*.

Я знаю, каковы они мучительны, наипаче чувствительным и нетерпеливым людям, как мы с тобою. Радуюсь, что ты теперь покойнее, и надеюсь, что ты стараться будешь о своем здоровье, как о делах моих, всякий раз, когда вспомнишь, что ты мне нужен и надобен. К Князю Репнину я писала, чтоб ехал к тебе.

Пиши ко мне, что с Кинбурном происходит: уже с двумя курьерами о Кинбурне ни слова не упоминаешь. Дай Боже, чтоб вы предуспели в защищении, но естьли б Очаков был в наших руках, то бы и Кинбурн был приведен в безопасность. Я невозможного не требую, но лишь пишу что думаю. Прошу прочесть терпеливо: от моего письма ничто не портится, не ломается, лишь перо тупится, и то не беда. Будь здоров, а не болен, вот что я желаю. Будешь здоров и сюда приедешь, тогда переговорим, о чем нужно будет. Я свое безпокойство мало щитаю и в щет не ставлю: авось-либо Бог силу даст снести. Один способ есть уменьшить мое безпокойство: чаще пиши и уведоми меня о состоянии дел. С нетерпением ожидаю обещанные детали. Не забудь и о Кинбурне ко мне писать. С Гр[афом] Алек[сеем} Григ[орьевичем] и о его поездке осведомлюсь, а Грейгу, конечно, ехать с ним или и без него. Конечно, луче было, естьли б

---

* и что, удалив ветры, облегчатся ваши спазмы. Испытайте, прошу вас, и велите дать вам средства ветрогонные. Смею думать, что спазмы с ветрами удалятся. Я того мнения что все спазмы причиняются ветрами (*фр.*).

Equinoxe* пропустили, но что делать? Что зделано, то зделано. Разве буря лишь была для нас, разве туркам она вреда не нанесла? Очаковской эскадре разве от бури ничего не зделалось? Adieu, mon Ami, полно писать, тебе недосуг читать, я чаю. Бог с тобою.
Октября 9 ч., 1787

804. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я отправился в Херсон, Кинбурн и на флот. Возвратясь и увидя сам, донесу обо всем обстоятельно. Из раненых теперь меньше умирает. Реку хуже, Александру Васильевичу, кажется, полутче[1]. Слабость моего здоровья не позволяет мне скакать попрежнему, а для того я не так скоро могу возвратиться.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

13 октября [1787]

805. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Вчерашний день к вечеру привез ко мне подполковник Баур твои письма от 8 октября[1] из Елисаветграда, из коих я усмотрела жаркое и отчаянное дело, от турков предпринятое на Кинбурн. Слава Богу, что оно обратилось так для нас благополучно усердием и храбростию Александра Васильевича Суворова и ему подчиненных войск. Сожалею весьма, что он и храбрый Генерал-Маиор Рек ранены. Я сему еще бы более радовалась, но признаюсь, что меня несказанно обезпокоивает твоя продолжительная болезнь и частые и сильные пароксизмы. Завтра однако назначила быть благодарственному молебствию за одержанную первую победу. Важность сего дела в нынешнее время довольно понимательна, но думаю, что ту сторону (а сие думаю про себя) не можно почитать за обезпеченную, дондеже Очаков не будет в наших руках. Гарнизон сей крепости теперь, кажется, противу прежняго поуменьшился; хорошо бы было, естьли б остаточный разбежался, как Хотинский и иные турецкие в прошедшую войну, чего я от сердца желаю.

Я удивляюсь тебе, как ты в болезни переехал и еще намерен предпринимать путь в Херсон и Кинбурн. Для Бога, береги свое здоровье: ты сам знаешь, сколько оно мне нужно. Дай Боже, чтоб вооружение на Лимане имело бы полный успех и чтоб все корабельные и эскадренные командиры столько отличились, как командир галеры "Десна". Что ты мало хлеба сыскал в Польше, о том сожалительно. Сказывают, будто в Молдавии много хлеба, не прийдет ли войско туда вести ради пропитания?

Буде французы, кои вели атаку под Кинбурн, с турками были на берегу, то вероятно, что убиты. Буде из французов попадет кто в полон, то прошу прямо

---

* равноденствие (*фр.*)

отправить к Кашкину в Сибирь, в северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставить турков[2].

Я рассудила написать к Генералу Суворову письмо, которое здесь прилагаю[3], и естьли находишь, что сие письмо его и войски тамошние обрадует и неизлишно, то прошу оное переслать по надписи. Также приказала я послать к тебе для Ген[ерала] Река крест Егорьевский третьей степени. Еще посылаю к тебе шесть егорьевских крестов, дабы розданы были достойнейшим. Всему войску в деле бывшим жалую по рублю на нижние чины и по два – на унтерофицеры. Еще получишь несколько медалей на егорьевских лентах для рядовых, хваленых Суворовым. Ему же самому думаю дать либо деньги – тысяч десяток, либо вещь, буде ты чего лутче не придумаешь или с первым курьером ко мне свое мнение не напишешь, чего прошу, однако, чтоб ты учинил всякий раз, когда увидишь, что польза дел того требует. Сказывают, Князь Нассау к тебе поскакал[4], а Линь все еще здесь и от своего двора ни о своем произвождении и ни о чем неизвестен.

Прощай, мой друг. Который день я от тебя имею курьера, тот день я поспокойнее, а в прочие дни в уме и помышлении все одно нетерпение знать, что у вас делается и каков ты.

Прощай, Бог с тобою.

Октября 16, 1787

Пришло мне было на ум, не послать ли к Суворову ленту Андреевскую, но тут паки консидерация та, что старее его Князь Юрья Долг[оруков], Каменский, Меллер и другие – не имеют. Егорья Большого [креста] – еще более консидерации меня удерживают послать[5]. И так, никак не могу ни на что решиться, а пишу к тебе и прошу твоего дружеского совета, понеже ты еси воистину советодатель мой добросовестный.

806. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Вчерашний день мы молебствовали за победу вашу под Кинбурном. Вы из другого моего письма и из рескрипта усмотрите касательно до того. Бог видит, я день и ночь и во всякий час мысленно с Вами, и меня Ваше здоровье пуще всего безпокоит. Сего утра Линь получил от Цесаря повеление ехать к Вам. Он думал иметь команду, взять Белград, а вместо того его шпионом определяют. Естьли он Вам будет в тягость, то, чаю, его отправить можно в Вену с условием о будущей или нынешней кампании, чтоб истолковал возможность либо невозможность того, чего Вы рассудите, что нам делать или не делать. Кажется, по письму Императора к нему, что нас от Валахии и Молдавии отдалить хотят, да и из Галиции пропитания не обещают, а оставляют все себе. Тут есть, что убавить, как обыкновенно во всех сношениях со всеми дворами, mais il faut les ramener à la raison et les faire agir en conformité de ce qu'il nous convient autant que de ce qui leur convient*.

Он отправляется завтра к Вам и сам весьма недоволен. Известия гласят, что

---

* Но надобно научить их уму-разуму и заставить действовать согласно тому, как им и нам приличествует (*фр.*).

60-пушечный корабль севастопольский, а именно "Мария Магдалина", попал на турецкое адмиралтейство и что аглийский капитан Дистель хотел подорвать корабль, но экипаж не допустил[1]. Что делать, быть так. Прошу тебя только сие отнюдь не брать с лишней чувствительностию. Я к тебе уже писала, естьли надобно, то скажи слово, – велю построить на Дону, какие назначишь и какой величины надобны фрегаты в запас. Вперед пригодятся.

Adieu, mon Ami. С нетерпением жду обещанных курьеров. Дай Боже, чтоб привезли о твоем здоровье лутчие известия.

Октября 18 ч., 1787

Что Император пишет о стороне Кавказа, он худо понимает, что тем самым турецкая сила принуждена делиться, и естьли б у нас тамо не было войска, то бы татары и горские народы к нам бы пожаловали по-прежнему[2].

807. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я объехал семьсот верст, ослабел очень. Впротчем болезнь моя становится легче. Будучи в Кинбурне, мог я видеть, сколь неприятельское усилие было отчаянно и сколь потому победа сия важна. Александр Васильевич единственно своим присутствием причиною успеха. Мы потеряли 200 человек убитыми и помершими от ран до сего времяни, а раненых у нас за 600, и много побито и ранено лошадей.

Флот огромный турецкий по малом сражении с нашими вооруженными судами отдалился в море, а потом и совсем ушел[1]. Касательно Очакова будьте, матушка, уверены, что без формальной осады взять его и подумать невозможно. Да и атаку вести надобно со всеми предосторожностьми. Я его смотрел и протчие весьма близко, менее, нежели на пушечный их выстрел. Александр Васильевич при всем своем стремлении и помышлять не советует инако. Генерал Меллер с Корсаковым делают план атаки, который, получа, пришлю[2].

Много меня заботит помещение войск, а особливо конных, в подкреплении Кинбурну. Тамо на всей стороне никакого жилья нету. Прежде, нежели вступить в зимние квартеры, наведу мосты на Буге и переправлю часть Генерала Каменского до Бендер, а от себя пошлю до Очакова, дабы очистить от их деташементов, какие бы нашлись в поле. В это же время прикажу с моря бомбардировать Очаков. Хорошо, естли б Бог послал, чтобы они испугались. Более ж делать нечего. Больные в Херсоне уменьшаются, но долго не приходят в силу. В Таврическом корпусе много становится. Ожидаю рапортов подробных обо всех дефектах флота Севастопольского с прожектом о построении новых судов и какого рода они быть должны, что представлю в самой скорости. Большой некомплект полков мушкатерских по военному времяни требует скорейшего доставления рекрут. Прикажите, матушка, отправлением, что соберется, немедленно, дабы иметь время их обмундировать и выучить.

Вернейший и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

22 октября [1787]. Елисавет

808. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня.

Князь Нассау приехал ко мне с письмами из Парижа от Симолина, который свидетельствует о его ревности к интересам Вашего Императорского Величества. Желание его служить при армии Вашей. Но как в настоящее время идут здесь приуготовления еще, то я и уговорил его ехать в Петербург, где ему дав чувствовать, что он нужен и полезен нам будет пребыванием своим во Франции, а весною к армии возвратиться может, то он тотчас туда поедет. Я могу уверить Ваше Императорское Величество, что он в истину наполнен усердием показать свои услуги.

Я за сим немедленно вслед отправлю курьера с моим мнением о настоящих делах.

Вашего Императорского Величества
вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

23 октября [1787]. Елисавет

809. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Прилагая у сего записку моих мыслей, прошу, чтобы ее другим не открывать и в переговорах с французским министром не показывать, что мы их двора разположение знаем[1]. Из Принца Нассау, ежели прикажете Александру Матвеевичу, – он все вытащит[2]. Прикажите ему объявить, что Вы уведомлены о его усердии, за что и поблагодарите его, обещая со времянем показать ему на деле Ваше удовольствие. Примите, матушка, его милостиво. Право, он пригодится.

Князь Николай Васильевич приехал[3] третьего дни с большим удовольствием и желанием служить. Я скоро поеду по Бугу в Херсон и Тавриду. Теперь, слава Богу, день от дня прихожу в силу, и параксизмы весьма слабы.

Я, матушка Государыня, пока жив
вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Прикажите потребовать от Сегюра, чтобы они отозвали своих французов, что у турок.
26 октября [1787]. Елисавет

810. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Прикажите рескрипты написать к командирам армий, чтобы, получа рекрут, укомплектовать пехотные полки к будущей кампании и кавалерийские иметь в полном числе. Подтвердить также, чтобы полковые командиры пеклись о сохранении людей, а комиссариат доставил бы нужные вещи, дабы ни в чем не было остановки.

Вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

26 октября [1787]

811. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 13 октября я получила, из которого вижу, что ты предпринял путь в Херсон, Кинбурн и на флот. Дай Боже, чтоб от сего похода ты бы не претерпел в своем здоровье.

Что раненые выздоравливают, сие мне приятно весьма слышать. Желаю то же услышать о Александре Ва[сильевиче] Суворове и о Реке. Весьма ты зделал хорошо, что поехал потише: "тише едешь, далее будешь" и пословица говорит.

Здесь по городу носится слух о какой-то знатной победе в Кавказе[1]. Жду о сем от Вас подтверждения и вестей всегда с нетерпением. Дай Бог тебе совершенного здоровия и милостей Божеских тьму. Я здорова. Прощай, Бог с тобою.

Октября 26, 1787

Обрати лист.

Отпиши ко мне, плывучую батарею отыскали ли вы, или она попалась туркам? Неуже[ли] что ветр и ее придул в Царьград к "Марии Магдалине"? Желательно, конечно, чтоб наши корабли военные узнали сей путь, но не таким образом[2]. С тех пор что тебе полегче, и мне стало полутче на сердце. При сем посылаю тебе лент для солдатских медалей[3].

812. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я чувствую все цену милостивых изъяснений сожаления Вашего, что меня тронет потеря корабля "Св[ятой] Марии". Я уже знал прежде. О чем и донес Вам. Правда, матушка, что рана сия глубоко вошла в мое сердце. Сколько я преодолевал препятствий и труда понес в построении флота, который бы чрез год предписывал законы Царю Граду. Преждевремянное открытие войны принудило меня предприять атаковать разделенный флот турецкий, с чем можно было. Но Бог не благословил. Вы не можете представить, сколь сей несчастный случай меня почти поразил до отчаяния в самое хлопотное время, когда ничего нигде не было еще к защите, и [в] самую жестокую мою болезнь.

Неужели Бог нам не поможет впредь, он, который столь явно помогал нам на сухом пути, и на воде у Кинбурна. В первые две недели от воли неприятеля зависело взять Кинбурн, сжечь на Глубокой корабли, да и Херсон предать той же участи. Турки два раза покушались прежде на Кинбурн по объявлению выходцев. Но в первый раз помешал сильный дождь. В другой – совсем отъехали от Очакова, вышли на косу ночью несколько, но воротились назад, сказывают, что сами не знают отчего. На всех такой напал страх, что шагу вперед не осмелились зделать.

Естли бы можно было чрез агличан или других как ни есть достать Ломбарда или выпустить, много он обещал.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1 ноября [1787]

813. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Кому больше на сердце Очаков, как мне. Несказанные заботы от сей стороны на меня все обращаются. Не стало бы за доброй волею моей, естли бы я видел возможность. Схватить его никак нельзя, а формальная осада по познему времяни быть не может, и к ней столь много приуготовлений. Теперь еще в Херсоне учат минеров, как делать мины. Также и протчему. До ста тысяч потребно фашин и много надобно габионов. Вам известно, что лесу нету поблизости, я уже наделал в лесах моих польских, откуда повезут к месту. То же и на протчие потребности приказал отпускать.

Я возвращаюсь на Очаков. Сие место нам нужно, конечно, взять, и для того должны мы употребить все способы верные для достижения сего предмета. Сей город не был разорен в прошлую войну. В мирное ж время турки укрепляли его безпрерывно. Вы изволите помнить, что я в плане моем наступательном по таковой их тут готовности не полагал его брать прежде других мест, где они слабее. Естли бы следовало мне только жертвовать собою, то будьте, Государыня, уверены, что я не замешкаюсь минутою, но сохранение людей столь драгоценных обязывает итить верными шагами и не делать сумнительной попытки, где может случиться, что потеряв несколько тысяч, пойдем не взявши, и расстроимся так, что уменьша старых солдат, будем слабы на будущую кампанию. Притом, не разбив неприятеля в поле, как приступать к городам. Полевое дело с турками можно назвать игрушкою, но в городах и местах тесных дела с ними кровопролитны. Они же, потеряв баталию, и так города оставляют.

Изволите, матушка, писать, как бы я думал пристойно наградить Александра Васильевича. Прежде, нежели донесу свою мысль, опишу подробно его подвиг. Назначив его командиром Херсонской части, не мог я требовать от его степени быть в место главного корпуса в Херсоне – на передовом пункте. Но он после атаки от флота турецкого наших двух судов, ожидая покушения на Кинбурн, переселился совсем туда, и еще до прибытия 22-х эскадронов конницы и 5 полков донских он тамо выдерживал в разные времяна и почасту стрельбу и бомбардирование, отвращал покушения десантов на наш берег. А как скоро прибудут полки, то долженствовало допустить неприятеля высадить войски; и сие положено было, что пришли помянутые полки, то он, приближа их к Кинбурну, за двои сутки спрятал в укреплении людей и в окружности запретил показываться[1]. Неприятель возомнил, что в Кинбурне людей или нет, или мало, подошел на близкую дистанцию всеми судами и открыл сильную канонаду и бомбардирование. Чрез полторы сутки он все сие выдержал, не отвечая ни из одной пушки, дал неприятелю высаживать свои войски и делать ретраншементы. А как уже они вышли все на наш берег и повели первый удар на крепость, тут первый был из крепости выстрел, и то уже картечный. Приказал Генералу Реку атаковать, который из нескольких укреплений их выгнал, был ранен в ногу. Остался он один. Семь раз наших прогоняли. Три раза подкрепляли от нас новыми. Настала ночь. На тесноте места сперлось множество конницы и пехоты, и, смешавшись с неприятелем, сделали кучу, которую было уже трудно

в строй привести. Он своим постоянным присутствием в первых всегда рядах удержал людей на месте. Солдаты сами повторяли бегущим: "Куда вы? Генерал впереди!" Сими словами обращены назад. Ранен будучи пулею и получа картечную контузию, не оставил своего места. Наконец, опроверг неприятеля, и наши так остервенились, что по сказкам турок, греков и протчих выходцев из Очакова единогласно показывают, что было более 5 тысяч, а спаслось до осьмисот, из которых все почти переранены, а больше половины умерло, возвратясь. Такого числа у турок никогда не побивали. Истребление самых лутчих воинов произвело следствие, что их многочисленный флот ушел, лишь показался наш на Лимане. Кто, матушка, может иметь такую львиную храбрость. Генерал Аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностию, как двадцатипятилетний, которому еще надобно зделать свою репутацию. Сия важная победа отвратила от нас те худые следствия, какие бы могли быть, естли б нам была неудача удержать Кинбурн.

Все описав, я ожидаю от правосудия Вашего наградить сего достойного и почтенного старика. Кто больше его заслужил отличность?! Я не хочу делать сравнения, дабы исчислением имян не унизить достоинство Св[ятого] Андрея: сколько таких, в коих нет ни веры, ни верности. И сколько таких, в коих ни службы, ни храбрости. Награждение орденом достойного – ордену честь. Я начинаю с себя – отдайте ему мой. Но, естли Вы отлагаете до будущего случая ему пожаловать, который, конечно, он не замедлит оказать, то теперь что ни есть пожалуйте[2]. Он отозвался предварительно, что ни деревень, ни денег не желает и почтет таким награждением себя обиженным. Гвардии подполк[овником] (в Преобр[аженском] по штату три) или Генер[ал]-Адъю[тантом] – то или другое с прибавлением бриллиантовой шпаги богато убранной, ибо обыкновенную он имеет. Важность его службы мне близко видна. Вы уверены, матушка, что я непристрастен в одобрениях, хотя бы то друг или злодей мне был. Сердце мое не носит пятна зависти или мщения.

Перед расположением войск на квартеры я, наведя мост на Буг, пошлю отряды за Очаков и к Бендерам очистить степь. А как реки замерзнут, то много безпокойств будет здесь для охранения жилищ, тем паче, что новый Хан[3], конечно, зделает попытку впасть. Я буду стараться самих их алармировать с помощию Божиею. Непристойно мне оставить такие хлопоты другому, и для того, сколь ни нужно было бы по службе и по своим делам побывать, хотя бы курьером, в Петербурге, но останусь здесь; и так счастье видеть Вас сим мне отдаляется. Впротчем, слава Богу, я прихожу в крепость. Поеду по границе и в Тавриду для многих устроений. Во всю жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1-е ноября [1787]. Елисавет

814. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня.

Изволите писать, что прикажете построить несколько фрегатов на Дону. Они, конечно, нужны. Но прикажите построить по моему чертежу. Во флоте бдят калибр пушек, а не число[1]. Ежели трехдечной корабль наполнить 12 ф[унтовыми] пушками, то фрегат двадцати пушечный ево побьет, ежели на нем будут 28 ф[унтовые] и 30 ф[унтовые]. Итак нужно, чтобы фрегаты носили большую артиллерию.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1 ноября 1787

815. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович, твой курьер, отправленный по твоем возвращении в Елисавет в 23 день октября, вчерашний день привез ко мне твои письма. Что ты, объехав семьсот верст, ослабел, о сем весьма жалею. Желаю скорее слышать о совершенном твоем выздоровлении.

О важности победы под Кинбурном и заочно понимательно мне было, и для того отправлено молебствие. Знаменитую же заслугу Александра Васильевича в сем случае я предоставила себе наградить тогда, как от тебя получу ответ на мое письмо, о сем к тебе писанное. Из числа раненых и убитых заключить можно, каков бой упорен был. Я думаю, что огромный турецкий флот ушел к своим портам на зимование. Понеже Кинбурнская сторона важна, а в оной покой быть не может, дондеже Очаков существует в руках неприятельских, то заневолю подумать нужно о осаде сей, буде инако захватить не можно, по Вашему суждению. Хорошо бы было, естьли бы то могло зделаться с меньшею потерею всего, паче же людей и времяни. Обещанные о сем от вас планы Меллера и Корсакова ожидать буду.

Жаль, что для помещения войск, особливо конных, в подкрепление Кинбурна, жилья нет на той стороне. Я того и смотрю, что ты из тростника построишь дома и конюшни, видя, что из того делают в Херсоне. И сие для меня уже не было бы диво. Весьма мне нравится твое намерение: прежде нежели вступить в зимние квартиры, наведя мосты на Буге и переправя часть Генерала Каменского до Бендер, от себя послать до Очакова, дабы очистить от турецких деташементов, и в это время бомбардировать Очаков. Дай Боже тебе успеха и чтоб гарнизон выбежал, как Хотинский и иные подунайские[1]. Приятно мне слышать, что больные в Херсоне выздоравливают: одинакие ли болезни в Херсоне и в Тавриде, или разные?

Одному из наших консулов с островов Венецианских случилось говорить с турецким каким-то начальником, который его принял за Венецианца и ему сказывал, что в бытность мою в Тавриде мечетям и школам и всем их веры людям столько показано добра, щедрости и снисхождения, что и самые мусульмане того бы не делали. Вот, как вести кругом ходят.

Надобно, чтоб буря, которая щелкала Севастопольский флот велика была, что зделала оный совсем неупотребительным. О некомплекте в мушкатерских полках и по той причине о доставлении к ним рекрут, по мере как соберут, уже от меня приказано. Нассау еще не приехал, я посмотрю, как его с лучей пользою для нас употребить.

Прощай, Бог с тобою.

Ноября 2 ч., 1787

Действия на Кубани и за Кубанью я насилу на карте отыскала и, нашед, вижу, что они для безопасности Кавказской линии и самой Тавриды немаловажны, и надеяться надлежит, что после экспедиции Текеллия[2] уже чрез Тамань наезды не будут.

816. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Дай Боже тебе терпения сие трилистное письмо прочесть.

Друг мой Князь Григорий Александрович, письмы твои от 26 октября сего 4 ноября до моих рук дошли, и с сим же курьером получишь потребуемые ответы. Спасибо тебе за то, что ко мне пишешь откровенно свои мысли. Я из оных не зделаю употребление иное, нежели то, которое сходно будет с моей к тебе дружбою и с общей пользою, а французский министр о сем останется неизвестен. Князь Нассау еще не приехал, а как приедет, то прийму его сходственно усердию, которое он повсюду выставляет. А Александр Матвеевич постарается из него вывести le fond du sac*. Но потому, что французское министерство употребляет подобные способы, вверяя половину доверенности Нассау, а другую половину – Сегюру, оно не токмо само вредит своим делам, но еще показывает при том не малую слабость, а более охоту к интригам и каверзам, нежели пристойно, прилично и прибыльно знаменитой державе.

L'on voit que les moyens de M[onseign]eur l'Archevêque de Toulouse à la tête des affaires sont tout aussi bas et petits que ceux qui l'ont porté au poste de Principal Ministre; ils ont beau prôner leur situation presente, ils n'ont ni argent, ni troupes dans ce moment**, и щелчок, полученный им[и] в Голландии, ныне во мнении всей Европы их поставил нарочито низко[1].

Что Князь Репнин приехал к тебе и показывает желание, и охотно служит, сему я рада. От твоей поездки на Буг и в Херсон и Тавриду ожидаю немалое добро. Дай Боже только, чтоб здоровье твое снова не почувствовало какой ни есть вред от сей поездки.

После Кинбурнской победы, когда Сегюр услышал, что тут предводительствовали французы (что ему Линь сказал по моему внушению), тогда уже на другой или третий день он послал курьера во Францию с представлением, чтоб отозвали французов, кои у турок, естьли хотят, чтоб здешние мысли о них были, что они нам не злодеи. Вообще Сегюр весьма уныл и сам отзывается, что его

---

* самое сокровенное (*фр.*).

** Видно, что средства архиепископа Тулузского, находящегося во главе дел, так же низки и ничтожны, как и тех, которые выдвинули его на степень первого министра. Они могут, как хотят, гордиться своим настоящим положением – у них в настоящую минуту нет ни денег, ни войск (*фр.*).

двор ему менее верит прежняго и что епископ Тулузский и Монморен враги отцу его[2].

Французские каверзы по двадцатипятилетним опытам мне довольно известны. Но ныне спознали мы и аглинские, ибо не мы одни, но вся Европа уверена, что посол аглинский и посланник прусский Порту склонили на объявление войны. Теперь оба сии дворы от сего поступка отпираются. Питт и Кармартен[3] клялися, что не давали о сем приказаний, и сами почти признали, что подозревают на самого Короля и Ганноверское министерство.

В "Альтоновской" газете[4] нашла я странный артикул, который я в иное время поставила бы за ложь, но ныне оный привлек мое внимание. Тут написано из Ливорно, что к аглинским консулам в Средиземном море писал посол Энсли[5], чтоб все аглинские вооруженные и военные суда, кои покажутся в портах, где аглинские консулы, прислали к нему. Я сей артикул послала к Гр[афу] Воронцову, дабы его доставил до сведения Аглинского министерства, дабы узнать от них, как судят о таком поступке их посла, и естьли осталась в них хотя крошка доброго намерения, то не возьмут ли намерения отозвать такого человека, на которого вся Европа говорит, что он огонь раскладывал, а они сами говорят, что он то делал без их ведома – следовательно, им ослушник. Левантская же компания аглинская, сказывают, что весьма жалуется на Энслия и его мздоимства и корыстолюбие.

Естьли аглинские министры желание имеют войти с нами в дружбу и доверенность, то, по крайней мере, не могут себя ласкать, чтоб мы дали доверенности тем (или тому), кои нам тайно и явно враждуют. Они же никогда и ни в какое время ни [на] какой союз с нами согласиться не хотели в течение 25 лет. Франция конечно и безспорно находится в слабом состоянии и ищет нашего союза, но колико можно долее себя менажировать. С Франциею и с Англиею без союза нам будет полезнее иногда, нежели самый союз, тот или другой, – понеже союз навлечет единого злодея более. Но в случае, естьли бы пришло решиться на союз с той или другой державою, то таковой союз должен быть распоряжен с постановлениями, сходными с нашими интересами, а не по дуде и прихотям той или иной нации, – еще менее по их предписаниям.

Я сама того мнения, что войну сию укоротить должно, колико возможно. Я почитаю, что укрощение ея много зависит от Ваших, дай Боже, успехов. Вы столь благоразумно вели двухмесячную оборону, что враг имяни християнского и нарушитель мира, приготовясь коварно и лукаво долгое время к войне и объявя ее незапно, хотя начал тотчас действовать наступательно, не выиграл однако нигде ни пяди. Буде вам Бог поможет, как я надеюсь, в нынешних ваших предприятиях, то тем самым откроется дорога к мирному трактованию и миру. Но к сему не одна наша, но и неприятельская склонность нужна. Теперь они еще горды и надуты своею спесиею и чужим наущением, а визирь, спасая свою голову, будет сутенировать, колико ему можно, им начатое. Но по смене его скорее достигнем. Я же от мира никогда не прочь, но Вы сами знаете, что возвращение Тавриды и уничтожение всех трактатов и заключение новых – турецкий был предмет, которого не токмо на конференции предлагали, но и в свое объявление войны не постыдились вносить. Французскому двору сказано,

что мы от мира не прочь и всегда готовы, когда только сходственно достоинствам Империи, слушать мирные предложения. Шуазель пишет к Сегюру, что он старается привлечь паки доверенность турок[6].

За величайшее нещастие почитать бы можно, естьли б хлеба не было у нас. Сие нещастие велико во время мира, а еще более, конечно, в военное время, и тогда облегчило бы таковое внутреннее состояние и то, чтоб армию ввести в неприятельскую землю, и тамо достать оный. Дабы же дороговизну для солдат облегчить и им доставить мясо, советую Вам на мой собственный щет закупить в Украйне или где за удобнее найдете – тысяч на сто рублей или более – баранов и быков, и оными производить порции солдатам по стольку раз в неделю, как за благо рассудите.

Буде никакой надежды к миру чрез зиму не будет, то, как рано возможно, весной отправим отселе флот[7]. Нужно, чтоб оному от Англии не было препятствия, конечно; но когда мои двадцать кораблей пройдут Гибралтарский залив, тогда, признаюсь, что бы и лестно, и полезно быть могло, чтоб авангард его была эскадра французская, и ариергард оной же нации, а наши бы корабли составляли Кор-дарме и так бы действовали и шли кончить войну, проходя проливы. За сию услугу и заслужа грехи, французам бы дать можно участие в Египте, а агличане нам в сем не подмогут, а захотят нас вмешать в свои глупые и безтолковые германские дела[8], где не вижу ни чести, ни барыша, а пришло[сь] бы бороться за чужие интересы. Ныне же боремся, по крайней мере, за свои собственные, и тут, кто мне поможет, тот и товарищ. Касательно же наших торгов с Англиею, тут себе руки связывать не должно.

Прощай, мой друг, вот тебе мои мысли.

Ноя[бря] 6 ч., 1787

Король Шведский поехал в Копенгаген и в Берлин. Знатно он у французов ушел, а поехал достать на место французских субсидий – прусских или аглинских. Странно будет, естьли Англия ему даст деньги противу датчан[9].

Il faut avouer que l'Europe est un salmigondis singulier bien dans ce moment*.

Они, как хотят, лишь бы Бог дал нам с честию выпутываться из хлопот.

Саша день ото дня любезнее и милее становится.

817. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Я получила сегодни твои письмы от 1 ноября в самое то время, когда я сбиралась говорить с Нассау, и теперь, переговоря с ним, так много имею к тебе писать, что воистину не знаю, с чего начать. Сегюр здесь предлагал также готовность его двора войти с нами в союз, как ты уже мог усмотреть из посланных к тебе сообщений и ответ – ему зделанный.

Нассау, говоря со мною, сказал мне теперешние расположения Французского двора и перемены в их образе мысли. Я приняла все сие с приятным видом и сказала, что с удовольствием вижу, что инако думают, нежели думали, и благо-

* Надобно признаться, что Европа в настоящее время представляет весьма странную смесь всякой всячины (*фр.*).

дарила его за оказанное его усердие и добрые старательствы и показывала опасение, чтоб тот двор паки не переменял свое доброе расположение. На что он сам отозвался, что естьли по получении первого курьера он приметит малейшее колебание в мыслях Французского министерства, то он паки поскачет во Францию, чтоб употребить все свои силы к подкреплению того двора в добрых к нам расположениях. Когда он говорил о сближении союзом, я сказала, что я от него не скрою, что мы в весьма деликатных обстоятельствах в рассуждении нашего торга с Англиею и относительно великого морского нашего отселе вооружения и что для сего мы привыкли находить прибежища в аглинских портах. На сие он предлагал французские, а я сказала, что локальное положение первых удобнее, что все сие однако говорится для того более, чтоб изыскивать с ним удобности и неудобности в том или другом положении, и что я признаю и уже видела разные выгоды от дружбы Лудовика XVI[1]. И мы расстались весьма ладно, и все говорено, что можно было. Оне вооружаются, и войну иметь будут, ибо сами чувствуют, что от голландского дела, естьли его оставить так, потеряют всю свою консидерацию.

Нассау мне сказал, что французы щитают иметь Короля Шведского в своем кармане, а я ему говорила, чтоб они лишне на сего человека не надеялись, что доказывает езда сего в Копенгаген и даже, говорят, в Берлин, и что Король Шведский будет в кармане того, кто ему дает денег, чем иногда и неприятели Франции могут воспользоваться. Вот тебе, друг мой любезный, чистая исповедь происходящего между мною и Нассау.

Возвращаюсь к твоим письмам. Во-первых, спасибо тебе за оные, и что ты так откровенно и прямо дружески ко мне пишешь и при всех хлопотах по месту и должности однако не оставляешь меня подробно уведомить. Я сие принимаю с отличным и сердечным чувством и тобою чрезвычайно довольна, и ты развернул свету в нынешнее время такое обширное и искусное знание и поведение, которое моему выбору и тебе делает честь, и я тебя люблю вдвое более еще. Вижу, что Очаков тебе делает заботу: я, тут уже отдавая тебе полную волю, лишь Бога прошу, чтоб благословил твое добрые предприятия.

Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность Свя[того] Андрея, который сей курьер к тебе и повезет[2].

Помоги тебе Бог очистить степь за Очаков и к Бендерам и побить и отогнать нового хана от наших жилищ.

Сегюр имеет от Шуазеля письмы, будто визирь уже в колебленном состоянии и будто на него ропщут за объявление войны и что доныне остается в недействии.

Что хлопоты тебя не допустят побывать здесь, хотя на короткое время, о сем весьма жалею. Я б к тебе бы поскакала, естьли сие можно было делать без прибавления хлопот.

Что твое здоровье поправляется, сие служит мне к великому утешению, понеже люблю тебя весьма и тобою очень, очень довольна.

Фрегаты построить велю с большой артиллериею и по твоему чертежу. О потере корабля "Мар[ия] Маг[далина]" более говорить не буду: что зделано, то

зделано, также и о других потерянных судах. Об Ломбарде же приказала стараться его как-нибудь достать.

Касательно Принца Гессен Филипстальского[3], который в Конной гвардии служит и желает быть волонтером, я тебе скажу, что я уже многим и вообще всем отказала, кто ни просился волонтером, и для того и ему дозволить не могу. Разве, естьли хочешь, то выпущу его в Армию и тогда подарю на экипаж. А волонтерам я отказала, имея на то разные причины: и в последние кампании последней войны положено было – волонтеров не принимать ниоткуда.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, и никогда чтоб тебе на ум не приходило, чтоб ты мною мог быть позабыт.

Ноября 9 ч., 1787

Александр Матвеевич тебя как душу любит.

Отпиши, пожалуй, каковы раненые и больные и посылал ли ты мое первое письмо к Суворову?

818. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Напиши ко мне, правда ли, что ногайские татары учинили нападение на Таман? Здесь пруссаки таскаются с ложным слухом, будто татары ногайские не токмо учинили нападение, но и завладели Таманом[1] et qu'ils y ont pris pied*. Но я полагаю, что сия весть выдумана вот каким образом: когда получено известие, что Павел Потемкин ходил за Кубань, то приняли или конфондировали Кубань с Таманом[2], а зломыслящие или желающие сложили прочее, ибо имея от тебя столь подробное описание состояния дел, нельзя, кажется, статься, чтоб ты не упоминал о чем подобном.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров, бодр, весел и благонадежен на лучего твоего друга, то есть я, и напиши ко мне, что признаешь меня таким.
Ноября 11 ч., 1787 г.

819. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Дождался я Принца Линя и теперь отправляюсь по Бугу для осмотра границ. Крайнее затруднение настоит препятствовать впадениям, которые неприятель татарами производить будет. Нет довольного числа селений, чтобы поместить большое число войск. Притом же и дров для топления ни лучинки. Я из всех селений, посредине лежащих на Буге, жителей вывел и усилю войсками окружность Ольвиополя и по устью Ингула пущу их в средину, дабы отрезать с боков. Трудно будет и хлопотно – и зимою.

Принц Линь, которого я люблю, но в теперешнее время он в тягость. Им все хочется знать, а сами мало сказывают, когда Импер[атор] зделает декларацию Порте[1]. Кажется, уже пора. Я несколько писем получил от Князя Голицына из Вены, но ни слова не пишет о нынешних обстоятельствах. Граф Шта-

---

* и там утвердились (*фр.*).

кельберг сообщил мне, что министр прусский объявил ему благоразположение к нам своего Государя, так же и аглинский[2]. Прикажите, матушка, воспользоваться сим случаем. Ежели б нашлось какое-нибудь дело в Константинополе, по которому бы попросить их старания, то бы Порта чрез сие увидела, что Ей нет на них надежды. За это Импер[атору] негодовать нельзя будет. Притом можно Короля Прусского поманить Данцигом[3]. Ежели бы Императ[ору] случилось от турков попользоваться, тогда бы он ничему не помешал. Я по смерть

Ваш вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

12 ноября [1787]. Елисавет

К цесарской армии послать я не нахожу лутче, как Генерал Аншефа Князя Юрья Волод[имировича] Долгорукова[4], о чем и буду ожидать повеления.

820. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Другой мой Князь Григорий Александрович. По двенадцатидневном ожидании от Вас писем, наконец, курьер приехал с Вашими письмами от 12 ч. сего месяца. От добрых Ваших распоряжений осталось теперь ожидать, что татары в зимние свои операции не более преуспеют, как турки в осенних и в прошедшей войне при впадении татар, где они нашли хотя малый отпор, тут вскоре обратились вспять.

Что Цесарь доныне не объявил еще туркам войну, сие приписую я интригам прусским и аглинским. Сии дворы разсевают, что они нашли способ нас к себе переманить, несмотря на то, что они турок противу нас возбудили на объявление войны, и что мы долженствуем плясать по их дуде. Данцигом прусскую политику манить нельзя[1], ибо и в лутчее время дружбы за Казус федерис положено и признано было, буде до Данцига коснется. Сему городу даны предками моими и мною подписанные гарантии о их вольности и пребывании как ныне существует, и в раздельной конвенции о Польше сие еще подтверждено.

Касательно Цесаря еще скажу то: он, не более ожидая войны, как и мы, также неготов, а теперь до марта и ждать от него нечего, понеже в трактате написано, что декабрь, январь и февраль исключаются для движения войск[2]. А что приуготовления у них великие идут, о сем везде известно. Я здесь послу напоминать велю почаще, а Вы говорите Линю. Правда и то, что мы в прошедшей войне воевали одне противу турок и воевали щастливо. Но имев трактат и надежды к получению помощи, на оный в нынешнее время и положиться прилично и, по крайней мере, надежнее, нежели на услуги и добрые намерения или расположения тех дворов, от которых за опыты имеем злодейственный поступок в объявлении войны. Система с Венским двором есть Ваша работа, она и издревле по полуденным делам и границе предпочитаема была, ибо существует по локальному положению тех стран и общего интереса. Сам Панин, когда он еще не был ослеплен прусскими ласкательствами, на иные связи смотрел, как на pis-aller*, которые не награждали в разсуждении общего

---

* ловушку (*фр.*).

врага, то есть турок, потери Австрийского союза. Из многих Ваших писем мне бы казаться могло, что Вы колеблетеся в выполнении Вами же начертанного и уже начатого плана в рассуждении турок[3] и относительно до того, но я сии мысли себе никак не дозволяю и выбиваю их из головы, понеже не могу себе вообразить, чтоб в мыслях Ваших находилась подобная колебленность, ибо нет ни славы, ни чести, ни барыша, предприяв какое дело и горячо оное поведя, потом, не доделав, самовольно исковеркать, паки начать иное. Оборону границ Вы вели с совершенным успехом. Даст Бог здоровья, мой друг, поведешь с успехом и наступательные действия.

Морское здешнее вооружение приготовляется, к Гр[афам] Орловым я писала и получила их ответ, который, кажется, отклоняет их езду[4]. И я б его почитала отказом от принятия команды, буде бы тут же не писали, что едут сюда. Сия поездка теперь остановилась на несколько время смертию старшего сына Гр[афа] Влад[имира] Гри[горьевича][5]. Чаю, что для сего остались на несколько в Москве. Теперь для сего морского здешняго вооружения Адмирал Грейг полагает до пяти тысяч регулярного войска. В прошедшую войну послано было всех, как из гвардии, так шлиссельбургского полка, артиллерии, кирасир – всех чинов 2 370 человек. Теперь требую от тебя совета, чего послать? Мне кажется, Грейг требует много, и кирасиры суть излишни. Из которых полков послать? Послать ли полками или из разных полков баталионами? Еще при сем наряде войск требуется генерал сухопутный на флот. Сей может ехать прямо в Италию, и желалось бы, чтоб он был таков, чтоб от него можно было надеяться пользы. Дай совет, кого послать?

С сим курьером получишь рескрипт о посылке Кн[язя] Юрья Вл[адимировича] Долгорукова к цесарской армии.

Фельдмаршал Румянцев пишет: 1. О рогатках и о подвижных мостах, и о сем полагается на здешнее усмотрение[6]. Естьли то и другое нужно, то советую вам снестись между собою и исправить на счет экстраординарной суммы. 2. О казаках, что не бывали к нему. Но я надеюсь, что пока он писал сюда, оные уже от тебя отправлены или пришли к нему. 3. Об артиллерии для гранодерских полков. – Нужно, чтоб вы оба, снесясь, назначили, каким числом и какого калибра орудиями снабдить сии полки и откуда их и людей для оных взять. И потом, приказав кому следует о доставлении того, сюда донести обстоятельно. 4. О старых и увечных, тоже и о малолетних. – И тут прошу согласиться, кому и где оставить.

Касательно построения фрегат на Дону, я Генерал-Прокурору и Пущину приказала, чтоб они, снесясь с тобою, сколько тебе надобно, старались тебя оными снабдить. Отпиши ко мне, правда ли, что турки и прочие недоброжелательные разславляют, будто корабль "Сл[ава] Екатерины" у них в руках, и они будто его взяли у дунайского устья, и будто Войнович на шлюпке с оного съехал? Пожалуй, переименуй сей корабль, буде он у нас. Не равен случай, не хочу, чтоб злодеи хвастались, что "Сл[ава] Екатерины" в их руках[7].

Прощай, мой друг, Бог с тобою. Будь здоров и благополучен, а мои мысли непрестанно с тобою.
Ноября 23 ч., 1787

821. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейщая Государыня. Изволите писать о Тамани. Тамо ничего нет, кроме пустого места, так как и Копыл. Вы по первому моему донесению известны, что я все части отделенные собрал. Там же, ежели бы что поставить, то бы был пропащим постом, а притом нечем и жить. Татарам нельзя препятствовать разъезжать на дистанции столь великой, где и войск по Кубани нету. Они мало ли что публикуют; у них было торжество в Яссах, что Керчь и Ениколь взяли.

Нечаянная сильная зима здесь все остановила, и я насилу мог несколько землянок зделать на Кинбурнской стороне. Траспорты все остановились, и много судов, не дошед до своих мест, замерзли. По Бугу стоявшие команды ввожу в квартеры. Из селений малых по Бугу и которых защищать нельзя жителей удалил внутрь. Объезжая ныне, нашел больных много, что меня крайне тяготит.

Хан прибыл к Каушанам и отряжает татар к Очакову и по Днестру. Из известий Цареградских изволите увидеть, что турки намерены флот обратить в Черное море, и я думаю, что он придет к Суджуку. Знать и в зиму покоя не будет. Капитан-паша прибыл в Родос. Что-то будет, как приедет в Царь Град[1].

Со стороны союзника нашего нет еще изъявления Порте. Я доносил, что провиянту у меня по будущий июль будет, но впредь закупать никакой надежды нету. Изволите ведать, как пункт сей страшен. Нету другого способу, как собрать в Смоленской губернии и Белоруссии по два четверика с души, заплатя им цену, по чем только продается, и тем снабдимся. В Польше скудно хлеба, а в прилегшей ко мне части жители питаются жолудями. Худой ресурс Молдавии: тамо ржи вовсе почти не сеют, а пшеницы мало. По большей части кукурузу. А мы, будучи тамо, питались польским хлебом.

Поздравляю, матушка Государыня, с прошедшим праздником[2]. Препровождаю реляцию Г[енерала] Текеллия и прошу пожаловать ему для ободрения Владимира Первого класса[3]. Также и о протчих рекомендованных. Александр Васильевич без ума от радости. Я первое письмо его отправил[4]. О разделении орденов и медалей не успел прежде донести, потому что тут много было в выборе церемоний, особливо рядовым, о которых ото всех солдат в полках брали одобрения.

За сим курьером чрез два дни пространнее писать буду. Ожидаю посланного из Каушан для разведания о Хане.

Признаюсь, матушка, что я насилу пишу, страдаю от гемороидов, и голова болит чрезвычайно. Замучился, объехав тысячу верст по дурной дороге и в холод.

Прости, матушка Всемилостивейшая Государыня,

вернейший и благодарнейший подданный

Кн[язь] Потемкин Таврический

30 ноября [1787]. Елисавет

822. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Сим свидетельствую, что я сама видела (и естьли б не видела, не поверила), что Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов сам резал посылаемую с сим аттестатом сердоликовую печать, и что Лебрехт к оному делу ни которую руку не приложил[1]. А работал вышеописанный Ген[ерал]-Маи[ор] месяц целый ежедневно один, весьма прилежно.

Екатерина

Дек[абря] 16 ч., 1787

823. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Другой мой Князь Григорий Александрович. Не имея от Вас уведомления месяц целый, наконец, получила письмы Ваши от 30 ноября[1] с уведомлением о успехе Генерала Текеллия. Сии вести были полнее тех, с коими давно носились по городу, но лжи опровергнуть было нечем, понеже я находилась между опасением и надеждою, и в том неприятном положении, в котором нахожусь, когда так долго от Вас писем нет. К Текеллию посылаю Владимира 1-го класса.

С Смоленска и Белоруссии хлеб собрать велю.

Со 12 числа я не очень здорова – простудная лихорадка. Сегодня я первый день, как на ногах, но глава слаба и писать не могу.

Прощай, Бог с тобою.

Дека[бря] 16 ч., 1787 г.

824. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Получа в Херсоне милостивые весьма Ваши писания, возвратясь, получил много меня оскорбляющее письмо, где Вы полагаете колеблемость во мне мыслей[1]. Не знаю я, когда бы я подал причину сие обо мне заключить. В службе ли моей, где вся цель моя состоит, чтобы доказать Вам усердие, и сие столь непоколебимо, что одна смерть может от сего разлучить. Ежели мысль моя о ласкании Короля Прусского неугодна, на сие могу сказать, что тут не идет дело о перемене союза с Императором, но о том, чтобы, лаская его, избавиться препятствий, от него быть могущих.

Употребление их министров в пользу нашу при Порте предлагал я ради показания туркам, что надежда их на дворы сии тщетна. Употребление же их ни в чем другом быть долженствовало, как в какой-нибудь неважной вещи, например, – выручить Ломбарда, что и Императору не могло бы оказаться подозрительно. Артикул о Данциге я сказал, не знав, что он так важен. А думаю, что естли бы нам удалось получить желаемое, тогда бы немудрено было сим удовольствовать. Одним словом сказать, я полагал и полагаю, что для нас не худо бы было, чтобы и он вошел в наши виды, хотя бы только ради Польши, дабы не делать помешательств. И сие можно, лаская его, получить.

Вы изволите упоминать, что союз с Императором есть мое дело. Сие произошло от усердия. От оного же истекал в Киеве и польский союз. В том виде и покупка имения Любомирского учинена, дабы, зделавшись владельцем, иметь право входить в их дела и в начальство военное. Из приложенного у сего плана Вы изволите усмотреть, каков бы сей союз был[2]. Они бы теперь уже дрались за

нас, а это бы было весьма полезно, ибо чем тяжеле наляжем на неприятеля, тем легче до конца достигнем. Мои советы происходили всегда от ревности. Ежели я тут неугоден, то вперед, конечно, кроме врученного мне дела, говорить не буду.

Возвратясь из Херсона, я мучился долго болезнию головной так, что не мог ничего делать. Теперь лутче, и сия боль кончилась небольшой глухотой, которая прошла. С четвертого на десять числа ноября стала зима жестокая. Продолжалась восемь ден, реки все замерзли, потом все растаяло. А теперь вновь замерзает. Вообразите, какова моя забота быть должна велика о помещении войск на степях. Когда дело дойдет давать летом баталии, поверьте, что не легче для меня будет.

Всемилостивейшая Государыня, трудно исчислить все мои заботы. Я посреди войны должен строить жилищи, обучать людей стрельбе, готовиться к осаде, чинить суда, подвозить провиант, формировать вновь войски – и то с препятствием воздушных перемен, – а к тому бороться с болезнями. Издали сих безпокойств не видно, но вблизи они гораздо труднее казистых и удачных дел, которые больше уважаются. Помоги Бог дотянуть до лета и чтобы успеть исправиться. Тогда я не подам нужды меня понукать. Я рвусь, Государыня, оттого, что не могу Вам теперь показывать тех услуг, которые бы я желал.

Неприятель прибавляет всегда сил своих понескольку в Орсове. Хан в Каушанах, а султаны с татарами под Очаковом, у Делагела и выше к Ольвиополю. Разъезжают по Бугу и смотрят броды, показывая вид к переправе. Часть их есть и на Днестре.

Я стараюсь переманить от них запорожцев, которые им служат проводниками и без которых бы они не смели соваться. Я собрал до 500 казаков пеших, которые прежде у меня были на Дунае. Они так полезны в устье Днепра, что турецкие разъезды не будут сметь показываться малыми лодками. Сидор Белой у них атаман. Названы они – верное казацкое войско, в опозицию тем, кои у турков[3]. Просят они меня, чтобы исходатайствовать им землю, куда пойдут жить большим числом, а именно в Керченском куту или на Тамани. Сие будет весьма полезно. Они будут преградою от черкесс, и мы чрез сие избавимся худых хлебопашцев. Из них уже большая часть женаты, то заведут тамо порядочные селения, много и из Польши к ним пристанет.

Не знаю, что делать с больными, коих уже в некоторых деревнях и между крестьян умножается: все эпидемические поносы.

Во флот, ежели угодно будет, послать Михельсона. Больше я не знаю. Ферзен мне нужен здесь[4].

По смерть с непоколебимою ревностию и усердием
вернейший подданный

Князь Потемкин Таврический

25 декабря [1787]. Елисавет

825. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Тебе известно, с чем Нассау сюда приехал, и, приехавши, я его выслушала. Вскоре потом Сегюр послал курьера во Францию, которого он и Нассау нетерпеливо ждали. Сей курьер на сих днях и

действительно возвратился, и Сегюр после того имел конференцию с Вице-канцлером, в которой искал своему разговору дать вид такой, будто я ищу со Франциею установить союз и чтоб для того отселе посланы были полномочия во Францию, чтоб о том деле тамо трактовать, а не здесь. Нассау же просил, чтоб я его к себе допустила, и, пришед, мне сказал, что он в крайней откровенности и с глубоким огорчением долженствует мне сказать, что Французский двор его во всем здесь сказанном совершенно desavoueровует* и что оный двор с Лондонским в негоциации находится[1], чего он от меня не скроет. Сколько во всех сих или предыдущих разговорах правды или коварства, оставляю тебе самому разбирать: но о том ни мало не сумневаюсь, что то и другое более со стороны двора, нежели Нассау и Сегюра. Первый теперь едет к тебе, ибо более здесь остаться не хочет. И естьли поступит сходственно желанию его двора, то будет искать тебя отвратить ото всякого предприятия противу турок, к которым, кажется, наклонность как Французского, так и Аглинского министерства и двора, равносильна в нынешнее время. Гордое и надменное письмо Лорда Кармартена к здешнему политичному щенку Фрезеру к тебе послано[2]. Отчет подобной никакой двор у другого требовать не властен. Они же нам в замен ничего не предлагают, да и посла своего бешеного нам в сатисфакцию не отзывают: одним словом, и тот, и другой двор поступают равно коварно и огорчительно тогда, когда оне от нас никогда не видали огорчения или каверзы противу себя, и мы их во всяком случае менажировали.

О неудачном предприятии на Белград со стороны цесарской Вам, чаю, уже известно[3]. Лучее в сем случае есть то, что сей поступок обнаружил намерение Цесаря пред светом и что за сим уже неизбежно война воспоследует у него с турками.

Я тобою, мой друг, во всем была бы чрезвычайно довольна, естьли б ты мог себя принудить чаще ко мне писать и непременно отправить еженедельно курьера. Сей бы успокоил не токмо мой дух, сберег бы мое здоровье от излишних безпокойств и отвратил бы тысячу не одну неудобств. В сей час ровно месяц, как от Вас не имею ни строки. Из каждой губернии, окроме имяни моего носящей, получаю известия двойжды в месяц, а от Вас и из Армии ни строки, хотя сей пункт есть тот, на который вся мысль и хотение устремлены. C'est me faire mourir de mille morts, mais pas d'une**. Вы ничем живее не можете мне казать привязанность и благодарность, как писать ко мне чаще, а писать из месяц в месяц, как ныне, сие есть самый суровый поступок, от которого я страдаю ежечасно и который может иметь самые злые и неожидаемые и нежелаемые от Вас следствия.

Прощайте, Бог с Вами.

Декабря 30 ч., 1787

С Новым годом Вас поздравляю.

---

* дезавуирует (*фр.*).

** Это заставляет меня умирать не одною, а тысячью смертей (*фр.*).

1788

826. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Сего дня приехал к Линю курьер и привез от Императора описания Белградского дела, о котором сюда два дни прежде дошли слухи. Введены были в Белград цесарских людей, переодетых в другое платье, 130 человек с офицером. Караулы у ворот подкуплены, ворота отворены, и только что оставалось 12 баталионам войтить. Но, будто, туман помешал, а потому бывшие в городе, не могши дождаться, вышли вон. Тем все и кончилось. Но я имею верное описание с другой стороны, которое переводят теперь для меня с немецкого, и оное у сего приложу.

Ежели б Император помнил из моих предложений, что я делаю чрез Линя, о занятии Хотина, столь слабо в то время оберегаемого, и взял бы пост в Банате Крайовском, разположил частью в Мехадии, которая лежит к Орсове, и частью от Рымника; что на Ольте – к замку Браниован, да от Кронштадта к Камполунге и Кампино, он бы тогда всею тягостию висел на шее турков. Двести тысяч для сего довольно бы было[1]. Все бы тряслось тогда. Сборы хлебные и всякие денежные в Валахии, да и войскам неприятельским проход был бы опасен, имея его силы в боку, почти на всей дистанции в Валахии. Ежели у них заварится каша, нам лутче, и дай Боже успех.

Всемилостивейшая Государыня! Решите Польшу предприять войну с нами[2]. И хотя я заклялся говорить, то усердие побуждает: ласкайте при том Берлинский двор. Тогда мы без помехи с помощию Божией живо и далеко пойдем.

Еще прошу для пользы Вашей, прикажите мне по моим представлениям о казаках о покупке партикулярных имений. Сим прибавится войска легкого[3], которым займем везде неприятеля, а ежели Бог даст успех, то погоня будет истребительная для них. Будьте уверены, что сие нужно и полезно.

Писал я о Кингсбергене. Прикажите его доставить сюда во флот[4].

Кинбурн кончен укреплением, что только возможно было. Херсон приводится в оборонительное состояние. К осаде Очаковской приуготовления производятся. Для запорожцев суда строятся[5]. Теперь лежат у меня татары на сердце. Хан собирается учинить впадение от Буга или Польши. Войски разположены так, что большого успеха, с помощию Божиею, ожидать нельзя, но невозможно всех селений, защитить, которые разположены по двору и по четыре. По сих пор Бог милостив: Буг еще не утвердился.

На требовании Графа Петра Алекса[ндровича] я отметки зделал и у сего прилагаю[6]. Впротчем я здоров и по конец жизни пребуду

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Елисавет. 3 генваря [1788]

827. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Подполковник Сидор Белой и некоторые старшины бывшего войска запорожского явились ко мне с таким объявлением, что они слышали о казаках, служащих у турков под имянем запорожцев, что их побудило открыть свое сердце и желание служить Вашему Императорскому Величеству до последнего издыхания, клянясь Богом о своей верности.

Я, похваля их движение, приказал им собираться и теперь уже до тысячи человек на службе под Кинбурном, под именем войска верных казаков. Атаманом у них Сидор Белой, с которым Ваше Императорское Величество благоволили разговаривать в Бериславле.

Вашего Императорского Величества
вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

Генваря 3 дня 1788 года. Елисаветград

828. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 25 декабря и от 3 января до моих рук доставлены. Из первого с удовольствием усматриваю, что ты с оскорблением принял мысли, будто бы в твоих мыслях колебленность место иметь могла, чего и я не полагала. Прусский двор менажируем, но на его вражеское поведение при разрывае в Цареграде смотря, немного доброго от него ожидать нам. При сем посылаю тебе примечания о польском плане[1]. Что ты был болен, возвратясь из Херсона, о том весьма жалею; и я несколько похворала, но теперь оправилась. Здесь в один день и оттепель, и от двадцати до двадцати пяти градусов мороза.

Что твои заботы велики, о том нимало не сумневаюсь, но тебя, мой свет, станет на все большие и малые заботы. Я дух и душевные силы моего ученика знаю и ведаю, что его на все достанет. Однако будь уверен, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попечения. Я знаю, что они истекают из горячей твоей любви и усердия ко мне и к общему делу.

Пожалуй, отпиши ко мне, что у тебя пропало судов в прошедшую осень, чтоб я могла различить всеместное вранье от истины, и в каком состоянии теперь эскадра Севастопольская и Днепровская? Дай Бог тебе здоровья в таких трудных забот[ах]. Будь уверен, что хотя заочно, но мысленно всегда с тобою и вхожу во все твои безпокойства по чистосердечной моей к тебе дружбе. И то

весьма понимаю, что будущие успехи много зависят от нынешних приуготовлений и попечений. Помоги тебе Всевышний во всем и везде.

Естьли тебе удастся переманить запорожцев, то зделаешь еще дело доброе, естьли их поселишь в Тамане, je crois que c'est vraiment leur place*. Пугают меня больные и болезни. Я во флот Михельсона не пошлю, а думаю уговаривать Заборовского[2]. Он сюда будет. Михельсон в подагре, да он же и здесь нужен, буде шведы зашалили[3].

Что предприятие цесарское неудачно было на Белград, то хотя для них не очень хорошо, но для нас добро, понеже заведет дело далее, и сие сумнение решилось. Авось-либо решатся, как ты предлагал. О Польше и казаках приказания заготовлены будут. О покупке же деревень по Бугу, спора нет, понеже сам ты сыскал денег.

Кингсберг[ен], чаю уже ангажирован. Давно курьер в Голландию поехал с сим приказанием, а что будет, то к Вам отправлю. Что пишешь о окончании укрепления Кинбурна, о оборонительном состоянии Херсона и о заготовлении осады Очаковской, – все сие служит к моему успокоению и удовольствию. Предприятия татарские авось-либо противу прежних нынешний раз послабее будут, а естьли где и чего напакостят, то и сие вероятно, что будет немногозначущее и им дорого станет. Двух обещанных приложений я не нашла в моем пакете. Разве находятся в других, а имянно – какие ты отметки зделал в требовании Графа Петра Александровича, а другое о Белграде; разве под сим ты разумел французский перевод?

Зорич под чужим имянем уехал из Империи, был в Вене и оттудова уехал же, сказав, что вскоре возвратится из Венгрии, но не бывал. Прикажи спросить у Неранчича[4], куда брат его поехал?

Прощай, мой друг сердечный, будь здоров. Я молю Бога, чтоб укрепил твои силы душевные и телесные.

Вел[икий] Кн[язь] сбирается теперь ехать в армию, а как надежда есть, что она беременна, то авось-либо сие его остановит. Только за верно ничего еще сказать нельзя.

Adiue, mon Ami voilà un embarras de plus pour Vous que je serais enchantée de Vous épargner**.

Января 11 ч., 1788 г.

829. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Графы Орловы отказались ехать во флот, а после сего письменного отрицания по причине болезни, Гр[аф] Ал[ексей] Гр[игорьевич] сюда приезжал и весьма заботился о сем отправлении флота и его снабдении. Но как они отказались от той службы, то я не рассудила за нужно входить уже во многие подробности, но со всякой учтивостью отходила от всяких объяснений, почитая за ненужно толковать о том с неслужащими людьми. Потом просил пашпорт – ехать за границу к водам, но, не взяв оный, уехал к Москве.

---

* я думаю, это их настоящее место (*фр.*).

** Прощайте, мой друг, еще раз обнимаю вас, не переставая восхищаться вашей бережливостью (*фр.*).

С чужестранными консулами в Херсоне можешь поступать без церемонии. Вели им сказать учтиво, что до заключения мира Херсон не торговый город, но крепость военная, в которой пребывание их более не может иметь места по военным обстоятельствам, и чтоб ехали восвояси, а здесь дворам о сем же дастся знать.

У тебя, мой друг, кригсрехт над сержантом Преображенского полка, о котором я требовала мнения. Пришли оное. Родня его мучит о решении, а он украл во дворце[2].

Еще тебе скажу, что поручик Иевлев так промотался, что чужие вещи закладывает, и уже должники ко мне начали жалобы приносить. Ему в гвардии едва ли прилично остаться по дурному поведению[3].

Прощай, мой друг, продолжи Бог милость свою над тобою и твоими предприятиями, и будь уверен, что я тебя люблю и полную справедливость отдаю твоей службе и горячему усердию ко мне. Спасибо тебе и за то, что любишь Сашу и что ты ему отдаешь справедливость. Он тебя любит всем сердцем. Adieu, mon cher Ami, portés Vous bien. Estampe* к тебе посылаю киевского портрета[4].
Января 13 ч., 1788 г.

830. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Всякие двенадцать дней у меня курьер отправляться будет. Поверьте, что я был головою так сильно болен, что ни за что не мог приняться по приезде из Херсона. Теперь дни три опять чувствую. Что изволите писать о Нассау, я думаю, он мне высказал из сердца, а что французы хотят трактовать в Версали, это обыкновенно двор всякий себе хочет дать тон. Но как бы то ни было, мой усердный совет не озлоблять, а вводить всех в свои виды, показывая собственную их пользу.

Дело Белградское будет загадкою навсегда. Они опять везде с турками дружны и друг с другом торгуют и ездят взаимно. Сей час получил известие, что турецкое войско из Бендер выступает к Балте, а флот из Царя Града поспешает вытить.

Изволите писать, чтоб я стерегся Нассау, что он будет, может быть, отводить меня от предприятий. Помилуйте, Государыня, может ли кто меня отвлечь от долгу службы. Никто меня не побудит к предприятию, ежели нет пользы, и никто не отведет, когда представится полезный случай.

Зимой, когда болезни пресекаются, ныне больных весьма в войске много, но Бог дарует победы, и надежда должна быть на него, а не на густые батальоны.

Хлеб смоленский и белорусский с покупкой и поставкой войдет до Кременчуга – четверть в десять рублей. Прошлого года сие бы стало в двести тысяч, а ныне в два миллиона. Да что делать: везде дороговизны чрезмерные. Помилуй нас Бог в будущее лето. По сю пору всходы обещают хорошее, но все

---

* эстамп (*фр.*).

уже не спустится до прежней цены. Промен денег на медь по 12 и по 15 копеек с рубля. Солдаты сим теряют половину трети жалования. Я ожидаю медных денег и для того велел пообождать раздавать жалование[1]. Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня. Я пока жив

благодарнейший и вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

15 генваря [1788]. Елисавет

831. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович, твои письмы от 15 января до меня дошли. Дай Боже, чтоб сие отправление застало тебя в совершенном здоровье. Здесь все люди больны насморком и кашлем. Я думаю, что треть города, по крайней мере, сим обезпокоена и простудными лихорадками.

Вели[кая] Княгиня брюхатая и в мае родит, и он до ея родин не поедет уже[1].

Пишешь ты ко мне, чтоб прислать к осаде Очаковской Преображенскую бомбардирскую роту. В каком она числе комплекта, при сем посылаю Татищева[2] поданный список. Буде ее комплектовать из протчих рот, кои и без того весьма слабы, то едва останется ли довольно людей ходить на караул. Естьли комплект набрать из напольных, то нынешний рекрутский набор оный не наградит, паче же тогда, когда на флот теперь из них наряжают пять тысяч человек. И так отложила сей наряд до тех пор, что от тебя получу ответ. Прошу тебя дать совет, как рассудишь за лутче.

Что у тебя больных много, сие весьма мне печально слышать. Дай Боже, чтоб болезни скорее пресеклись.

Медные деньги к вам отправлены. Дороговизна во всем ужасная, дай Боже силу снести все видимые и невидимые хлопоты. Доныне я здорова.

Пришло мне на ум, что ты мои шубенки любишь, а которые есть, я чаю, уже старые, и для того вздумала снабдевать тебя новой. Носи ее на здоровье. Прощай, мой друг, будь уверен, что я тебе чистосердечный друг и люблю, как всегда. Adieu, mon Ami.

Января 26 ч., 1788 г.

Саша без ума от твоих писем[3], и он тебя любит, как душу, и крайне благодарен. Правда ли, что ты Кременчугский дом перевез в Елизавет?[4]

832. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Боясь удержать курьера, которого время посылать, я сокращиваю препровождать моими рассуждениями, оставляя до облегчения моего. Я крайне занемог со вчерашнего дни. Припадки такие здесь часто бывают от простуды и реша[ю]тся в двое сутки. Но теперь меня ломает очень. Чрез три дни отправлю курьера и, ежели будет свободнее, буду много писать. Видит Бог, я немогу.

Вернейший и благодарнейший Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

27 генваря [1788]

Какие суда пропали я в свое время доносил, а больше нет.

833. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[5 февраля 1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я очень [слаб] стал после последней моей болезни, которая, однако ж, благодаря Бога, совсем прошла. Больных у меня много, о чем грус[т]но напоминать. Сколь я пекусь об них тому свидетель Бог, но сил, право, не достает. Здесь по сие время спокойно. Татар несколько пришло к Очакову опять, хан сам подвинулся к Дубоссарам. От прихода наших в Нанию, о чем я уже донес, великая зделалась в Яссах тревога[1]. Из всех дирекций кордона моего пограничного ежедневно ходят партии за Буг открывать, часто верст по сорок в степь под Очаковом. Деревню Аджигюль верные запорожцы наши раззорили на сих днях, но люди прежде ушли. Я почасту их алармирую, удерживаю их неподвижными[2]. Естли бы зима не столь сильна была, то бы и далее партии посылал, но нет возможности. Агент цесарский на сих днях из Ясс не выехал, но почти бежал в свой кордон. Войски в Снятине бывшие подвинулись к Буковине, и сказывают, что на сих днях публикуются манифесты о войне[3]. Также, известно мне, делается покушение вторичное на Белград и большими силами. Предприятие сие должно уже кончиться. Боже, дай успех. Хлеб, собранный в Яссах и положенный тесно в монастырь, будучи сыромолотный, весь сгнил, и теперь приказано вновь собирать, но трудно будет.

Куда бы, матушка, хорошо поскорей решить поляков и при сем им надобно обещать из турецких земель, дабы тем интересовать всю нацию, а без того нельзя. Когда изволите апробовать бригады новые народного их войска, то та, которая Г[рафу] Браницкому будет, прикажите соединить к моей армии. Какие прекрасные люди и, можно сказать, наездники. Напрасно не благоволите мне дать начальства, естли не над всей конницей народной, но хотя бы одну бригаду. Я столько же поляк, как и они[4]. Я бы много добра зделал. Пулавский[5] с пятьюстами шляхетства уже готов на Волыни и по одному моему слову будет тотчас здесь. Они, ласкаясь получить государству приобретение и питаясь духом рыцарства, все бы с нами пошли. Притом прошу, матушка, Вас не препятствовать нашим ехать волонтерами, хотя число назнача. То же и полякам. Сим все в войне интересоваться будут. И тут иногда оказываются люди способностей редких. Пусть здесь лутче ломают головы, нежели бьют баклуши в резиденциях и делаются ни к чему годными. Приехал ко мне Граф Дама[6], сущий дитя, но скромный и отменно вежливый. Адресуясь ко мне, сказал, что ежели ему не будет позволено служить волонтером, то он запишется рядовым в который-нибудь полк. Не надобно отказывать приверженным нам французам. Пусть будут лутче здесь, нежели у турок. Вы изволите знать пылкость этой нации: ежели они услышат, что здесь их терпят, а коли еще к тому и удастся у нас из них кому отличиться, то тотчас войдет мода кричать за Россию.

Я, Государыня, любя Вашу пользу, славу и землю свою, говорю свободно, что к лутчему мог придумать. Ваша воля из оных моих мыслей что одобрить.

Болезни, дороговизны и множество препятствий заботят нас, и столь совершенное оскудение в хлебе, что и в Питербурге, как изволили писать, недужных много. В сем случае, что Вам делать? Терпеть и надеяться несум-

ненно на Бога. Христос Вам поможет, Он пошлет конец напастям. Пройдите Вашу жизнь, увидите, сколько неожиданных от Него благ по несчастию Вам приходило. Были обстоятельствы, где способы казались пресечены. Тут вдруг выходила удача. Положите на Него всю надежду и верьте, что Он непреложен. Пусть кто как хочет думает, а я считаю, что Апостол в Ваше возшествие пристал не на удачу: "вручаю вам Фиву, сестру вашу сущу, служительницу церкви еже в Кехреях, да приимете ю, о Господе, достойне святым и пр."[7]

Людям нельзя испытывать, для чего попускает Бог скорби. Но знать надобно то, что в таких случаях к Нему должно обращаться. Вы знаете меня, что во мне сие не суеверие производит.

Граф Петр Александрович требовал следующее: провиантских комиссариатских и генерального штаба чинов. Сие все наряжено при открытии войны. Требовал о рогатках, на что я мои сказал мысли, которые он и принял, то есть, чтобы не иметь[8].

О казаках: положенное их число 4 полка еще в ноябре туда пришли. Я щитаю нужным еще прибавить, и для того наряжены и идут два полка.

О легких войсках: не благоволено ли будет преобразовать из карабинер некоторые полки в оныя, на что я предлагал, что естли он хочет, то можно 4 полка малороссийские одеть гусарами, которые, впротчем, тем же вооружены оружием, как и гусары. И по окончании войны по четыре эскадрона присоединить к остальным шести полкам, чем казна выиграет. Полки усилятся, и конница малороссийская ими по границе может в мирное время содержать караулы. На сие ответствовал Граф, что войски ныне так единообразно устроены, что от командующего зависит, как их рассудит потребность. О сем я и представлял Вам, матушка, потому что он больше не требовал.

Об отставке из полков старших и определении их в гарнизон киевский. Сие зависит только от его, он как главный командир может сие зделать.

Вот, матушка Государыня, что зделано от меня, и Вы изволили видеть, что многое давно уже исполнено и иное ненужно. Я забыл прежде донести о сем, хотя и упомянул в моем письме, что посылаю.

О судах военных: какие дефекты они получили, разбиты будучи бурею, я о самых легких давно уже донес. Есть которые и больше повреждены. Изволите из тех донесений увидеть, как трудно их исправить, но все возможное делается или, лутче сказать, сверх возможности. Возим все сухим путем и столь огромные штуки, не щадя ни живота, ни иждивения, ниже останавливаемся строгостию зимы. Только не смею сказать, когда исправятся, и не прежде донесу, как будут готовы. Я так уже настращен. Строются суда в Кременчуге и в моих имениях в Польше: бомбардирные и прочие[9]. Одним словом сказать, естли бы кто посмотрел с высоты, в каком труде здесь все, узнал бы тогда мой покой.

Кто сказал, что я перевез дом в Елисавет из Кременчуга, у того, конечно, мозг тронулся с своего места. Я дом купил в Миргороде у отставного маиора Станкевича и перевез его в Елисавет, и то не ради себя, но слыша, что их Высочества ехали. Сам я жил бы, как ни попало, ибо я не возношусь и караулу не беру себе должного. Привезено же сюда из Кременчуга несколько мебелей[10] Простите, матушка Государыня, голова от слабости кружится.

У меня изготовлен штат войскам всем: полякам, как им быть, ежели кончится трактат, о их чинах и о сравнении степеней с нашими. Так же о кавказских народах, а паче о кабардах и Фет-али-хане, из которых много к пользе можно нашей вместить[11]. И сие нетрудно, ибо они хотят служить. После о сем донесу. Еще в Киеве мною начатое, но некому переписать. Попов болен. Ежели Вы услышите об огромности нашего флота в Архипелаг посылаемого, сию ведомость я пустил к полякам, в Молдавию к туркам и в Венецию.

Цалую ручки Ваши, благодарю за шубу. У нас так холодно, что нужно было согреть. Естли можно снабдить меня двумя шлафорами китайскими, я [бы] крайне рад был. Один бы я так носил, а другим бы подбил сюртук мундирный. Простите, Государыня матушка. Дай Бог, чтобы пришло то время, где б я мог распространить мою к Вам верность и безпредельное усердие к службе. Я по гроб

по верности и благодарности
подданный Князь Потемкин Таврический

834. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Касательно роты бомбардирской Преображенской: я ее просил для пользы службы, чтобы они, будучи при осаде, знали практику. Комплектовать ее нужды нет из рядовых, ибо, я сколько помню, оная состояла всегда из 24 кадетов и того же числа бомбардир с унтер-офицерами, коих числа не помню, из пушкарей и других чинов, кои были для фейерверка в Тавриде. Я имею их здесь, а к ним прислать остальных пушкарей, унтер-офицеров, знающих артиллерию несколько. А в рядовых нужды нету. Я для них здесь изготовил осадных четыре орудия да одну мортиру.

Князь Потемкин Таврический

Февраля 5 дня 1788 года. Елисаветград

835. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 27 января, в котором пишешь, что ты опять занемог, немало меня тревожит. Божусь тебе, что я почти дрожу всякий раз, что имею о твоем здравии известия не такие, как мне желается; дай Боже, чтоб ты скорее выздоровел.

Вчерась получен из Вены курьер с ведомостию, что Цесарь объявил туркам войну[1]. Заборовский приехал, и естьли возьмется, то пошлю его для командования войск во флот. Буде нет, то думаю удержать Князя Василья Долгорукова, который сюда приехал с женою[2]. Поудерживает меня маленько то, что не очень знаю, колико он тебе надобен. Однако русский кто имянитый во флот необходим, и так надеюсь, что в случае нужды его уступишь на сию посылку.

Слушай, *Papa*, я тебя очень люблю и хочу, чтоб ты был всячески здоров и благополучен. Я здорова. Бог с тобою.
Февр[аля] 10 ч., 1788

836. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. В американской войне имянитый аглинский подданный Пауль Жонес[1], который, служа Американским колониям, с весьма малыми силами зделался самим агличанам страшным, ныне желает войти в мою службу. Я, ни минуты не мешкав, приказала его принять, и велю ему ехать прямо к вам, не теряя времени. Сей человек весьма способен в неприятеле умножить страх и трепет. Его имя, чаю, Вам известно. Когда он к Вам приедет, то Вы сами луче разберете, таков ли он, как об нем слух повсюду. Спешу тебе о сем сказать, понеже знаю, что тебе небезприятно будет иметь одною мордашкою более на Черном море. Дай Боже тебе здоровья, а мне скорее получить известие о твоем выздоровлении. Последнее твое письмо меня тревожит, понеже ты разнемогался. Обещанный курьер чрез дни – доныне не бывал. Прощай, мой друг

Февр[аля] 13 ч., 1788 г.

837. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Чтобы не упустить время отправлением курьера обыкновенного, я не прилагаю теперь обещанных мною в предыдущем моем письме штатов войску польскому, естли бы дошло до того, чтобы их основать, ниже соглашения их чинов государственных с нашими. Потому что у меня Попов болен, и почти вся моя канцелярия. Я принужден и текущие дела сам писать, хотя еще истинно слаб.

Здесь снег сошел, и грязь ужасная. Реки ослабели, и неприятель в том же положении. О произшествии в Хотине цесарских хитростей письмо Витта я у сего включаю[1]. Мне кажется, где намереваются нами стращать, тут бы нехудо нас наперед уведомлять. Здесь же прилагаю письма ханские к Графу Потоцкому и его ответы[2].

Примите, Всемилостивейшая Государыня, мое усерднейшее предложение, решите с Польшею. Обещайте им приобретения. Несказанная польза, чтобы они были наши. Ей, ей, они тверже будут всех других. Привяжите богатых и знатных, почтив их быть шефами наших полков или корпусов. Они сим к России прилепятся и большие деньги от себя в пользу полков наших употребят. Впротчем сие ничего не стоит. Тут должно смотреть на мочь и имущество, а не на лицо: королевский ли или противный[3]. Но верьте, что, будучи так устроены, зависеть будут от воли Вашей. Не давайте сему делу медлиться, ибо медленность произведет конфедерации, в которые, не будучи заняты, сунутся многие. Но я Вас [у]веряю, что преимущественно к нам пойдут, даже и великопольские.

Второе покушение на Белград не далось по причине бури на Дунае, которая помешала переправиться[4]. И после сего сообщение с турками продолжается. Не смею говорить!

Рекруты собрались поздно, и я принужден полки одни другими комплектовать, отправляя на сие поступившие комплектования наместо собрания рекрут. Пехота моя весьма слаба будет по сей причине и по множеству больных.

Ярославский и Шлиссельбургский полки почти не существуют. Необходимо роты сильнее делать должно, лутче их меньше иметь числом, подобно четырехбаталионным полкам, а то рота в числе малая, имея те же нужды, как большая отправлением службы, приметным образом скорее слабеет.

По худобе Буга партии за реку наши уже ходить перестали. Последняя из казаков была в семи верстах от Очакова. Донцы и верные запорожцы забрали из деревни хлеб и скот, и на обратном пути достигли их турки, но были обращены от наших безо всякого нашим вреда, а их старший был ранен, что вышедший из Очакова на другой день запорожец подтвердил.

Простите, матушка Государыня, я, пока живу, непоколебимо

вернейший и благодарнейший
подданный

Князь Потемкин Таврический

Третьего дни приехал Князь Нассау. Наполнен ревности к службе. Просит неотступно самой опаснейшей комиссии, какая может представиться[5].

Столь знаменитый американский Генерал Пауль Жонс, прославившийся самими дерзновенными предприятиями на море, желает быть употреблен здесь. А у нас с Ломбардом, право, пропало много, и редки предприимчивые люди. Позвольте мне его звать. Лутче он будет у нас, а то худо, коли пойдет к туркам[6].

15 февраля [1788]. Елисавет

838. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. К тебе Князь Василий Долгорукий везет мое письмо, чрез которое тебя уведомляю, что имянитый Пауль Жонес хочет к нам войти в службу. А как я вижу, что приезд Кингсбергена весьма в даль тянется, и буде приедет, то приедет поздо, а быть может, что и вовсе не приедет, то я приказала Пауль Жонес[а] принять в службу и прямо поедет к Вам. Он у самих агличан слывется вторым морским человеком: Адмирал Гов – первый, а сей – второй[1]. Он четырежды побил, быв у американцев, агличан. Кингсбергена же постараюсь достать, но по причине того, во-первых, что он от Генеральных Штатов имеет лишь годовой отпуск, по конец которого он должен в мае явиться в Голландию (где имеет ращетное по Средиземному морю своей экспедиции дело) и потом взять увольнение, которое еще неизвестно получит ли; также тестя своего Ван Гофта[2], которого хочет вывезти или на покое заставить жить, ибо боится, чтоб его за патриотизм не повесили на восьмидесятом году, из чего Вы сами увидите, что Кингсберген к весенним действиям никак не поспеет, а другой авось-либо доедет ранее первого.

Что ты, мой друг, при отпуске последнего своего письма был слаб и что у тебя больных много, о том весьма жалею. О сих пришли ко мне хотя ежемесячный репорт, также о убыли. Что ты об больных печешься, о сем я весьма уверена. Подкрепи Бог твои силы.

Татарской предприимчивости, повидимому, против прежних лет и веков поубавилось. По заграничным известиям везде християне единоверных своих ожи-

дают, как израи[ль]тяне Мессию. Что верные запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со времянем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное прозвание. В людях же незнающих, чтоб не возбудила мечты, будто за нужно нашлось возстановить Сечу, либо название.

Достохвальные твои распоряжения держали во всю зиму неприятеля в великом респекте. Зима здесь очень сурова, и вижу, что и у вас на оную жалуются. Мне кажется, что цесарцы под Хотином зделали петаду*, немного разнствующую от белградской. Манифест их об объявлении войны повсюду публикован.

Поляков решить теперь приказано будет. Гр[афа] Браницкого бригада примкнет к войскам, под твоим руководством и командою находящимся, да и прочих поляков отдать под команду тебе не трудно уже будет тогда. Касательно волонтеров я тебе скажу, что я доныне не давала дозволения ни нашим, ни чужестранным ехать в армии по той причине, что в прошедшей войне в последней кампании уже положено было волонтеров никаких не принимать. Знатнейшие – были командирам в тягость. Ныне же, когда повсюду недостаток и дороговизна в хлебе (а подымалось волонтеров сотнями), то я думала, что много едунов излишних в армии умножат дороговизну и недостаток. Вы же жаловались на писателей ложных вестей. Из Херсона и консулов я велела выслать, а тут бы нашлось число их еще умножено. Представить себе не можете, сколько их подымалось: действительно сотнями. Тут же разбора делать нельзя и сказать – добрый поезжай, худой останься. Датчан ехало 30, пруссаков 50, наши целыми полками записались; французов, италианцев, испанцев, немцев, шведов, голландцев – дождь волонтеров шел. Сим я отделалась, что никого не приняла. Когда Бог даст пропитание достаточное и не скудное, тогда можно будет повсюду сообщенный уже отказ разрешить, mais à toute armée les bouches inutiles l'on tâche de les éloigner ou diminuer**. Граф Дамас пускай с Вами останется. Буде иные французы явятся, то с разбором впредь посмотрим, кому дать дозволение. О своих же, когда у вас кормление облегчится, тогда об них разрешить недолго. Но сам пишешь, что дороговизна и оскудение в хлебе тебя озабочивает. Молитву к Богу я возсылаю и стараюсь, колико возможно моим силам, не оплошать.

Касательно требований Фельдм[аршала] Гр[афа] Румянцева я усматриваю, что все зделано и не остается о чем, кажется, грустить.

Севастопольской гавани неудобство то, что не имеет реки, по которой довезти бы можно, но сие не в нашей возможности поправить, и Вы делаете, подвозя сухим путем таковые тягости, конечно, сверх возможности. Советую в эквиноксию не высылать никакую эскадру в Черное море по пережди бури.

О Кременчугском доме по городу носился слух. Что ты не горди[шь]ся, сие мне весьма мило: кто не гордится, тот никогда не унывает. Только, Бога ради, будь здоров. Меня сие более всего стращает, что ты часто жалуешься головою и доныне прямо не оправился. И сие приписываю ужасным трудам твоим и заботам.

---

* расстройку, беспорядок от petaudière (*фр.*).

** но во всей армии стараются удалить или уменьшить бесполезные рты (*фр.*).

Штаты польским войскам, также о кавказских народах, о кабардинцах и о Фетали-хане, буде что до меня доставишь, то будь уверен, что не оставлю без надлежащего уважения. Что Попов болен, о том жалею.

Во все газеты огромность нашего флота написана[3].

Прощай, мой друг, радуюсь, что шубка моя тебе [по]нравилась. Китайских два шлафрока посылаю. Я не сумневаюсь, что везде увижу твою ко мне любовь, верность и усердие. Я сама, Ваша Светлость, Вас очень, очень и очень люблю.

Прости, Бог с тобою.

Февр[аля] 22 ч., 1788 г.

Преображенских бомбардир к тебе отправлю на почтовых. Саша тебя любит и почитает, как отца родного, и ко мне и к тебе чрезвычайно привязан, что ясно видно изо всех его слов и поступков.

Кингсберген, быв в Вене и узнав, что я его хочу взять в службу, сказал, что он охотно бы пошел, но жена не пускает, понеже у ней отец, имя его Гофт, который из главных противников Штатгальтера; что он его постарается вывезти из Амстердама, куда назад едет, а там, взяв у Штатов отставку, буде отпустят, к нам приедет. Voilà bien des déboires*, а все сие пишет Чернышев[4], увидев и говоря с ним в Вене, куда нарочно для свидания из Италии поскакал. Дай Боже, чтоб Чернышев с своим разговором дело не запутал только.

839. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Из письма твоего от 15 февр[аля] вижу я, что при несовершенном здоровье твоем ты принужден по причине болезни твоей канцелярии все сам писать; а как и Попов очень болен, то пришло мне на ум прислать к тебе на время твоего старого правителя канцелярии Турчанинова; естьли иного нет, то, по крайней мере, он проворен, как сам знаешь. Употреби его, либо возврати его обратно, как тебе угодно.

Пока у вас реки вскрываются и грязи, у нес еще зима глубокая, лед толстый, и снег ежедневно умножается. Добрым твоим распоряжением сия война с турками есть первая еще, в которой татары в Россию не ворвались никуда. Происшествия Хотинские суть третья петада**, по моему щету, которую цесарцы зделали. Послу со всякою благопристойностию сказано, что мы имя Цесаря без его дозволения или согласия не употребляем никогда и для того на сии польские вести мало полагаемся, ибо оттудова часто приходят ложные и непристойные.

Касательно польских дел – в скором времяни пошлются приказания, кои изготовляются для начатия соглашения; выгоды им обещаны будут; естьли сим привяжем поляков и они нам будут верны, то сие будет первый пример в истории постоянства их. Естьли кто из них (исключительно пьяного Радзивилла[1] и Гетмана Огинского[2], которого неблагодарность я уже испытала) войти хочет в мою службу, то не отрекусь его принять, наипаче же Гетмана Гр[афа] Браницкого, жену которого я от сердца люблю и знаю[3], что она меня любит и

---

* Вот сколько осложнений *фр*.).

** беспорядок – от petaudière (*фр*.).

памятует, что она русская. Храбрость же его известна. Также воеводу Русского Потоцкого охотно приму, понеже он честный человек и в нынешнее время поступает сходственно совершенно с нашим желанием. Впрочем, поляков принять в армию и зделать их шефами подлежит разсмотрению личному, ибо ветренность, индисциплина или разстройство и дух мятежа у них царствуют. Оной же вводить к нам, наипаче же в армии и корпуса, ни ты, ни я и никто, имея рассудок, желать не может, но всячески стараемся оные отдалить от службы, колико можно. Впрочем, стараться буду, чтобы соглашение о союзе не замедлилось, дабы нация занята была.

Что рекруты собраны поздо, сему причиною отдаленность мест и образ и время, когда объявлена война. Я о сем сведала в конце августа, а в первых числах сентября первый набор приказан был, который, я думала по первым известиям, достаточен. Вскоре же потом и второй последовал[4]. Дай Боже, чтоб болезни прекратились. Естьли роты зделать сильнее, то и денег, и людей более надобно. Вы знаете, что последний набор был со ста душ. Деньгами же стараемся быть исправны, налогов же наложить теперь не время, ибо хлебу надорода, и так недоимок не малое число.

Отгон скота в семи верстах от Очакова донцами и верными зап[орожцами] и прогон турецкой партии я усмотрела с тем удовольствием, которое чувствую при малейшем успехе наших войск, parce que quand il s'agit des coups, il vaut toujours mieux d'en donner que d'en recevoir*.

Что Князь Нассау мною доволен и оказывает ревность к службе, мне весьма приятно. Из письма моего, посланного чрез Ген[ерал]-Пор[учика] Князя Долгорукого, ты увидишь, что с Пауль Жонесом я уже вступила в переговоры и что он прямо к тебе поедет.

Оригинальное письмо Ломбарда я к тебе послать велела[5]. Из оного увидишь все его происшествия и сколько он пострадал и в полон попался от своих. Признаться должно, что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и к оному мало склонны. Авось-либо в нынешнюю войну луче притравлены будут. Морские командиры нужны паче иных. На Кингсбергена не щитаю, понеже разные связи его вяжут доныне. Дела в Голландии не кончены, Принц Оранский старается зделаться владетелем, жена его собирает под рукою себе партию, а патриоты паки усиливаются[6]. Надо ждать весны, что тамо покажет.

Прощай, мой друг, будь здоров. Бог с тобою. Я здорова.

Февр[аля] 26 ч., 1788 г.

840. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Усматривая из твоего письма последнего, что у тебя Попов и вся канцелярия так больна, что ты сам принужден писать текущие дела, и опасаясь, чтоб сие не умножило твою слабость, на которую жалуешься, пришло мне на ум послать к тебе Турчанинова. Оставь его у себя, дондеже тебе в нем будет нужда, а там возврати его. Буде же он излишен вовсе, то отправь его хотя на другой день, ибо он только с

---

* так как когда дело касается ударов, то хочется всегда лучше их давать, чем получать (*фр.*).

тем и послан, чтоб его употребить, буде годиться может; наипаче же, чтоб тебе доставить привычного человека, а Попову дать время оправиться, буде Бог изволит, чтоб жив остался.

Прощай, мой друг, Бог с тобою. Не сердись за присылку, ибо от самого доброго намерения.

Февр[аля] 26 ч., 1788 г.

841. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисавет. 4 марта [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Отправлением сего курьера я замедлил по причине, что несколько дней назад рапортовано мне было из Кинбурна, что слышны были пушечные сперва выстрелы у острова, они потом отвечали в Очакове, и видно из оного было выезжающих несколько сот турков к острову. Сие походило на приближение их флота, о чем я дожидался узнать и, получа рапорт от посыланного из Севастополя судна, видел что то происходило от приближения нашего к их берегам. О поступках сего грека особый рапорт здесь прилагаю[1].

Флот не выдет скоро из починки, дефекты столь сильны были, что почти переделывали суда, притом несколько раз дорога так портилась, что ничего нельзя было возить, как и теперь провиантские подвозы все остановились, и я без ума и в хлопотах поеду завтре в Кременчуг приискивать способов. Но естли не просохнет, то Бог весть, как извернуться. То же и покупкой: хлеб в Польше с места тронуться не может. Я, право, из сил выбился, но о сем меньше всего я думаю, лишь бы общее шло хорошо.

Река Буг прошла, и часть Днепра, а вверху, до Кременчуга лед слаб, но еще не проходит. О судах вообще прила[га]ю ведомость. "Слава Екатерины" по приказанию Вашему переимянован будет "Преображением". Матрозы и плотники и теперь еще не все пришли, а офицеров морских весьма у меня недостаточно. На гребные суда определяю армейских. Принц Нассау пренаполнен усердия: он у меня будет другой Суворов[2]. Гримм пишет ко мне об одном артиллеристе, что хочет в службу, о котором доносил он и Вам[3]. Не худо бы инженеров оттоль достать. Сие необходимо нужно. Атака Кинбурнская доказывает, сколь они искусны. Также я беру смѐлость выписать из практикованных офицеров, которых у них много в портах, выписать для хваток на море. Сей род, что они называют des officiers bleus*, отменно храбрые и знающие, но они не производятся в дольние чины, будучи не дворяне. Я посылаю нарочного к Симолину, как об артиллеристе, так инженере, и о сих последних надежду имею, что Бугенвиль выберет мне все Ломбардов[4].

О Поль Жонсе я уже докладывался, матушка, Вас. Не упущайте, Государыня, его из рук. У нас, право, редки практикованные люди. Прощайте, матушка Всемилостивейшая Государыня, право, я служу Вам усердно.

Вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

---

* синие офицеры (*фр.*), выслужившие чин выходцы из третьего сословия. Красными офицерами называли дворян.

842. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. В ожидании от Вас курьера я здорова. В проекте польского трактата[1], буде встретятся, как чаятельно, многие затруднения, то думаю, чтоб Вы взяли от Графа Браницкого и воеводы Русского кондиции, на каких бы отдавали бригады свои на наше содержание и диспозицию, и тогда, что скорее и удобнее покажется, на то и согласиться с нашей стороны скорее можно будет. Я без тебя, как без руки, и сама затруднения нахожу тут, где с тобою не нахаживала. Все опасаюсь, чтоб чего не проронили.

Прощай, Бог с тобою. Каков Попов? И доехал ли Турчанинов?

Марта 8 ч., 1788 г.

843. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисавет. 17 марта [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Начинаю принесением чувствительнейшей моей благодарности за попечение прямо матернее обо мне присылкою Турчанинова, которого я встретил, ехавши в Кременчуг. Попов уже выздоровел, а Турчанинов поехал в Кинбурн. А по возвращении, ежели не найду ему дела, то направлю.

Поставщики провианта в Тавриду большею частью зделать не в состоянии, хотя что ни делай. Я все возможности употребляю доставить туда столько, чтобы стало до хорошего пути. Здесь трава начинает показываться, и цветов множество.

Что изволите, матушка, писать о поляках в разсуждении моего представления об них, дабы делать их шефами наших полков – что то делать должно с рассмотрением – конечно, Государыня, так я для того и предлагал сей способ, находя тут пользу для службы. Ибо такой, как Граф Браницкий или Потоцкий, во время военное верно к тем полкам, где будут шефы, по нескольку присоединят собственных своих войск и сами сим будут привязаны. А в рассуждении дисциплины, то, матушка, будьте уверены, что я Вам говорю истину: что у них в учрежденных войсках оная наблюдается даже до педантства. Персонально же из них выдаются люди отличной храбрости, и немало было знаменитых в других службах. Зейдлиц, Малаховский, Понятовский. В Пруссии, в гусарах мелкие офицеры – лутчие из поляков[1]. Во Франции сих принимают с охотою. Пусть они ветрены и вздорны в их государственном обращении, но сему причина конституция сей земли, что для нас лутче, нежели какая другая. Я так говорю: ежели удастся их нам связать взаимной пользою с собою, то будьте уверены, что они не так полезут, как союзники наши теперешние, которые щиплют перед собой деревенишки турецкие, и те не все с удачею, а так возносят высоко, что, не смотря на невозможности существительные по времяни и не ставя сего в резон, понукают поминутно иттить, и думаю – и везде им кажется, что неприятель обратился на них, хотя сего отнюдь нет. Банат Крайовский у них в боку, который с двух сторон их

окружен границами. Какой бы безделицы стоило его занять и где так легко держаться. Однако ж туда нейдут, а сулят все Белград брать. Но сие дело еще будет на словах. Теперь Кобург намеревается на Хотин. Дай Боже. Я с начала о сем им говорил, и тогда тамо тысячи человек не было. Что будет, еще неизвестно.

Настоит крайняя надобность составить план операции. Генерально действовать, по моему мнению, Украинская армия должна между Буга и Днестра. Моя же оборонительно в Крыму, наступательно – к Кубани и на Очаков тою частью, которая у меня составляет Кор д'Арме. Обратя обе армии к одному пункту, осада очаковская прикроется, и силы неприятельские, навлекши к сей стороне, естли Бог поможет разбить, то и Бендеры упадут, и все кончится одним разом. Но естли будем действовать порознь, то сего не выдет. Нужно, матушка Государыня, чтобы Вы приказали Г[рафу] Румянцеву о всех подробностях операции согласиться со мною и, положа на мере, действовать дружно. По сему положению и с Цесарем условиться.

Что изволите, матушка, писать по поводу письма Ломбардова о скудости нашей в морских офицерах, то сие есть великая истина, которую я больше всех чувствую. Пример тому, что Ломбард один больше делал всех. Бог видит, что нет человека. Все, что ни было хорошего, то от Ломбарда и некоторых греков. Нассау берется гребными судами предводить. Я сему весьма рад. Тем паче, что он любит Суворова и будет под ним. Для парусных же судов нетерпеливо ожидаю Пауль Жонса.

По последним известиям неприятель множество имеет в готовности судов по берегу Анатольскому для десанта на Крым. Войски понемногу в Очаков прибывают, и, кажется, что и суда есть у Аджибея, ибо слышны в той стороне часто выстрелы. Буду ожидать возвращения из крейсерства нашего судна, и, что узнаю, донесу.

Написав, матушка, к Вам о усилении рот в полках пехотных, не разумел я тут прибавления никакого, которое бы, как изволите писать, вело к набору рекрут или же к накладке. Напротив. Я о сем донес, как о вещи испытанной и самим резоном доказываемой, что когда части сильные, то и расход людей не так чувствителен и отправление службы легче. Тут не нужно прибавлять людей, но вместо 12 рот в полку зделать восемь и по примеру четырехбаталионных полков – слишком по 200 человек в роте. Мы в прошедшую войну были в восьмиротном комплекте, но с малым числом людей в ротах. А тут без всякой прибавки полки будут сильнее, потому что части их будут многолюдны, а как их меньше, то расходу будет меньше. Ибо рота, хотя бы была из два[дца]ти человек, то некоторые расходы в людях равные будут двухсотной. Из приложенной табели изволите усмотреть разницу Алексопольского пехотного полку противу других двухбаталионных, который мною для пробы приведен в восемь рот по гранодерскому комплекту. И ежели бы полки легкоконные были вместо 6-ти эск[адронов] по 12-ти, то бы, вместя два в один, людей строевых было бы то же, а расход в половину меньше – и убавлением безполезного унтер-штаба и нестроевых каждый год от содержания оставалось бы от всех полков по 40 т[ысяч] рублей.

Я не могу, матушка, оставлять без примечания, где испытываю из опытов пользу.

Пока жив, с непременным усердием

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

844. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[18 марта 1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. О больных и умерших ведомости присылаемы будут регулярно. А ведомость о судах севастопольских, как они исправляются починкою, также о изготовляемых для Лимана – здесь представлено[1].

Что ж изволите писать о запорожском имяни, дабы не возобновлять его, сего я не пропустил. Изволите увидеть, как они называются из приложенного здесь моего листа и рапорта Сидора Белого. Верных имя им дается в укоризну тем, кои служат туркам. Теперь получил рапорт из Кинбурна, что слышна пальба была на острове, аще и за оным к стороне Кочабея. Надлежит думать, что их суда показались. Наших же больше в море нет по возвращении в Севастополь того, которое ходило. В Очакове четыре дни сряду была пальба раз по двадцати и больше. Я, пока жив, вернейший подданный

Князь Потемкин Таврический

Того же числа

845. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Слух носится у Швеции, будто Король Шведский в намерении имеет нас задирать[1]. Граф Разумовский, о сем слухе говоря с старым Графом Ферзеном[2], сей ему сказал, что без сумашествия сему верить нельзя, mais que d'un cerveau un peu dérangé on peut tout attendre*. Что заподлинно в сем деле есть, – то, что в Карлскрону послано приказание вооружить двенадцать военных кораблей и несколько фрегатов. Деньги в Голландии негосиирует, и в Финляндии Шведской делаются приготовления к лагерям. Также три полковника из Финляндии призваны к Королю в Стокгольм и паки отправлены в Финляндию. Ген[ерал] Поссе[3] объезжает границу и делает магазин – 14 000 бочек всякого хлеба, сам же Король поехал в Упсалу на несколько времяни. Все сие видя и слыша, благоразумие требует, не тревожась, взять приличные случаю осторожности, дабы пакости какой неприличной [не] учинил. И для того, окроме вооружения флота, который пойдет в Архипелаг, вооружить здешние пять, да от города Архангельского столько же кораблей и фрегат, держать [на]готове галеры и гребные суда и оным предписать разъезд для сбережения наших берегов от нечаянной высадки и тому подобного. Здешние полки и остзейские гарнизоны приводить в комплектное состояние, такожде

---

* но от помешанного всего можно ожидать (*фр.*).

артиллерию и тому принадлежащее. На все сие, касательно людей, требуется до осьмнадцати тысяч рекрут. От архиереев подано еще прежде сего, что излишних церковников есть до двадцати четырех тысяч; из оных годные в военной службе быть могут, иные сами требуют записаться в оную.

Петербургская губерния еще никогда не давала рекрут, с нее брать и набрать можно до семи сот. Я перечитала на сие время все прежние планы и почитаю, что ныне остаться должно при демонстрации на демонстрацию. Буде же заподлинно вздумает нас задирать, то оборону обратить в наступление. Есть подозрение, будто целит на Лифляндию: он туда посылал полковника Армфельда[4], нивесть чтоб его сбыть, либо заподлинно узнать тамошние места, но потом отменил. Еще бы был способ к комплектованию, но к сему также приступить еще опасаюсь по причине родить могущие неудобности: то есть – в столицах обеих находящихся беглых, к ружью способных, отдать в полки, чтоб служили, дондеже хозяев[а] отыщут, либо с защетом. Из сего родиться будет ропот, сие известно, и умножить может побеги, а люди надобны. Буде бы крайность была, я чаю, и по подписке самих помещиков в городе здесь соберется великое число, но во всем недели две розницы не зделают большой розницы. Рассудила писать к тебе, дай совет, как комплектовать? Магазейны мы соберем и все приготовления прочие зделаем без огласки. Пока флот еще в Балтике, опасаться нечего. Естьли пакости быть, то по выходе оного. Шевелить Его Вел[ичеству] нельзя, чтоб и датчане с нами общего дела не делали[5]; и так, чаю, поодумывается, но хорошо на всякий случай приводить здешний край в почтительное состояние. Башкир и калмыков приведем сюда хотя тысячи две[6].

Письмы твои от 4 марта я получила и на оные не ответствовала доныне, чтоб приводить в некоторую ясность вышеописанное. Видно, что грек, который взял в Хаджи-бее судно, а тобою произведен мичманом[7], отревожил весь тот берег и до самого Очакова, что пальба их везде слышна была. Добрым твоим распоряжением, надеюсь, что все ко времяни поспеет. Жалею лишь о том, что ты из сил выбился.

Морских офицеров надеюсь до тебя доставить добрых. Павел Жонес приехал уже в Копенгаген, и думаю, что скоро получу известие, что принят и к тебе поедет. Принц Оранский к Кингсбергену послал увольнение; я думаю, что он ему в тягость, понеже не переставал ему твердить о умножении флота, а сей ту часть терпеть не может, а старается о сухопутной, чтоб иметь, чем обуздать голландцев.

Французских артиллеристов, наипаче же инженеров, я приказала принять, и сам господин Дево[8] (De Vaulx) едет. Я чаю, Нассау его знает. Которых ты выписал, за то тебя хвалю.

Прощай, мой друг, будь здоров. Бог с тобою. Я достала от Кениха[9] твой портрет марморный: чрезвычайно хорош, и с него зделано empreinte en pâte* и положено в моей коллекции. C'est charmant**.
Марта 24 ч., 1788

---

* оттиск из массы (*фр.*).
** Это прекрасно (*фр.*).

846. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Замечания мои на польский трактат я зделал, что пришло мне на ум. Многие из Волынского воеводства готовы следовать, куда я укажу. Просят только ружей, но я не знаю, что отвечать. Затруднение будет обойтиться в сем деле с Королем, которому хочется самому предводить. Естли б он с своими примкнул ко мне, я бы не поставил себе в обиду, в самом же деле не давая ему от себя как только одного виду начальства. Ежели же бы его отклонить от сего, то лутчая манера тем, что Королю Польскому не совместно предводить часть, а сесть ему на конь при рушении Речи Посполитой. Отклоняя его от сего, не можно ли будет в утешение поправить домашнее его состояние из способов в их же земле.

Последние известия от Витта здесь прилагаю[1].

На сих днях пришло судно греческое из Царяграда, и, что показал хозяин оного, у сего подношу.

Трава еще недостаточна для корму лошадей. Как скоро будет велика, то прикажу войскам выступить, и для сего приготовляю мосты на Буге.

Повидимому турки сбираются зделать десант от Тендровых островов на Кинбурнскую сторону и с Сербулату на берегах Таврических. Я приказал предположить меры противу сего. Я сие заключаю из того, что несколько раз в сих местах они показывались на малом судне, делая промеры.

Бомбардиры Преображенские пришли. 25 канонерских судов, построенных в Кременчуге, уже отправлено Днепром. 25 еще готовы и конопатят. Остальные 50 тоже будут скоро окончены, но что делается морскими, то с великою медленностию.

Матушка Государыня, Поль Жонс, как человек предприимчивый, годен будет на хватки, но Кингсберген по нашей службе старее всех здешних необходимо надобен для командования. Наши, ежели знают, то теорию, практикованы мало. Ядрами же почти никто не стрелял, кроме двух кораблей в прошедшую войну. Мне истинно флот по теперешнему состоянию больше в тягость, нежели на пользу. Какая пропорция с числом турецкого, от которого мне нужно его прятать и тем привязывать к одному месту. Ежели бы не то, так бы я впустил неприятеля до самого Перекопа и посмотрел бы, как они попали бы на свои корабли, а теперь много будет хлопот, но надежда на Бога. Какие трудности в починке кораблей, ей Богу, описать нельзя.

Ежели бы Кингсберген мог побольше привести офицеров искусных, хорошо бы было. Пока жив, с непременной преданностию

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

27 марта [1788]. Елисавет

847. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Курьер приехал ко мне третьего дни поздно, на которого сего дня отвечаю. Донесения Разумовского состоят только в поверхностях; или он мало сведущ, или недовольно попечителен. Мало

сказать только, что двенадцать кораблей вооружать велено, но есть ли они? Я мню, что Королю удалось в прошлую войну отвлечь несколько полков из армии, то думает и теперь также услужить туркам[1]. Во всех посылках к нам подсматривания их и протчее делается так гласно, что кажется больше походит на демонстрацию. Готовиться должно, но не столь уважисто, ибо сим он взъярится. Имея 10 кораблей, несколько фрегатов и других судов, с помощию еще датчан, – нет опасности от десантов. Магазейн его весьма невелик. Нужен бы министр тамо старательный.

Граф Чернышев, прослыша войну, уехал; побывал в Вене, где виделся и сосватал Разумовского[2]. Потом пожил в Варшаве. Мне все сие мудрено. Не трудно бы было шведам растолковать в теперешнем случае, для чего они не ищут нам доказать доброе свое расположение вместо оказательств недобрых. Они бы могли благорасположением привязать к себе Россию и иметь в ней друга полезнейшего. Я думаю, хорошим объяснением с министром их всех дел – кончится все тихо.

В рассуждении укомплектования, то бы я думал одни только армейские полки да гвардию. Гарнизонных [же] не только половиною, но и меньше, – довольно будет. Мысль Ваша о безпашпортных весьма хороша. Также и церковников, да и мещан[3]. А после можно их распустить.

Я с часу на час ожидаю прибытия флота турецкого. Во всю жизнь неизменно

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

6 апреля [1788]. Елисавет

P.S. Перлюстрованное письмо сына принца Линя у сего представляю, в котором описаны деяния цесарские[4].

848. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Любезный друг мой Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 27 марта я получила. Замечания твои на польский трактат тем же курьером привезены и теперь на станке. Буде тебе ружья нужны для поляков, то напиши к Кречетникову[1]. Ему от меня писано, чтоб отпустил по твоему требованию.

Третьего дни с Венским курьером получено известие чрез Венецию, будто турки, Булгакова освобождая, отправляют возвратно, но куда – не ведаю[2]. Не знаю еще – верить ли сему, понеже глухо Кауниц пишет к Кобенцелю. Увидим, что почта привезет. Она по причине разлитья вод не бывала еще. С первым курьером о сих двух артикулах, то есть, польском деле и освобождении Булгакова яснее писать можно будет.

У нас река прошла и время сырое и холодное; я чаю, у вас потеплее. С наступающим праздником тебя поздравляю. Здесь больных много. Дай Боже, чтоб у вас здорово было. Я щитаю, что ты на сих днях уже войски приведешь в движение, щитая по прошлогодней погоде в тамошних мест[ах], понеже чрез неделю год будет, что я из Киева выехала. Посмотрим, сборы турок куда наклониться удобности найдут. Желаю, чтоб нигде прощелины не нашли. Кано-

нерских судов знатное, кажется, у тебя число. Ни о Пауль Жонесе, ни о Кингсбергене не имею снова известий, разве почта привезет прежде запечатания сего письма, тогда припишу.

Трудности в починке кораблей весьма понимательны, понеже места безлесные около Черноморских наших гаваней. Прикажи для будущих веков горстьми раскидать около гаваней дубовых желудей. Естьли б до нас живущие сие делали, то бы мы нашли лутчие удобности. Не пренебрегай при своих безчисленных хлопотах и сим советом. Adieu, mon Ami, portés Vous bien.
Апр[еля] 14 ч., 1788

849. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Апр[еля] 20 ч., 1788

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы и репорты твои от 6 апреля я получила в самый день праздника, с которым тебя поздравляю, и желаю тебе щастия, здоровья и силы душевной и телесной в высшней мере. Спасибо тебе, что немешкотно ты ответствовал на мои письмы о шведском вооружении. Оне в самом деле существуют, но будут ли употреблены в действие противу нас – сие время докажет. Между тем, здравый рассудок требует, чтоб с той стороны были всячески обезабочены мы, наипаче во всех тех способах, кои от нас самих зависят: и для того на море изготовляются, как тебе уже известно, 10 кораблей и прочее. А вчерашний день я подписала набор из церковников. И так наша постура* теперь весьма почтительна. Датчанам также сказано, чтоб свой долг не упустили, в чем не откажут, я уверена. Лишней же тревоги никакой, конечно, не окажем. Нолькен сам собою изъяснился[1], по городовым слухам о войне с шведами, с Вице-канцлером и между прочими речами сказал, что Король его без сумашествия подобный шаг предпринять не может, но что от молодежи, его окружающей, всякую нелепо[сть] ожидать немудрено, и естьли сие зделается, то он, Нолькен, поедет жить в Лифляндии. Сказывают, что шведская нация на сие не будет взирать с приятностию, а очень статься может, что Король, выманя деньги у других держав под видом вооружения, потом оные покинет.

Отселе писано к Разумовскому, и надеюсь, что все на речах кончится. Перлюстрированное письмо Линьева сына не великое уважение прибавляет к распорядку нашего союзника; но лутче его иметь для, нежели противу нас, как в прошедшей войне.

Пришли ко мне чертеж двойных шлюпок, как у тебя строятся и какие советуешь употребить. Касательно мещан и ямщиков пришли план и штат, как их формировать на казацкий образец. Я надеюсь теперь получить вскоре известие о выступлении войск, понеже и у нас уже трава показалась и погода весенняя и красная.

Прощай, мой друг, будь здоров и весел. По полученным из Царяграда известиям, то капитан-паша выжидает только первой неудачи турков, чтоб сильно домогаться о мире, и повсюду разнесся, что под осень заключен будет[2]. Дай

* положение – от *фр.* posture.

Боже. Я сие от сердца желаю и чтоб ты сюда возвратился, и я б не была бы без рук, как ныне.

Как возьмешь с Божиею помощию Очаков, тем и кончится, а Булгакова я щитаю теперь уже в Ливорно, понеже хотели его отпустить в половину марта, морем.

850. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Херсон. 28 апреля [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Отправясь из Елисавет, был я здесь, в Кинбурне и у Каменного мосту на Каланчаке, где войски, назначенные в тот деташемент, прибыв, разположились. Был на гребной флотилии, а теперь еду в эскадру на Глубокую. Будучи везде, распорядил, что нужно, и спешу только донесть[1]. Простите, матушка, возвратясь в Елисавет, отправлю курьера с предположениями кампании настоящей. Будучи по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

851. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Сожалею, что ты простудился и от того почти оглох. Прошу вспомнить, что твое здоровье мне нужно, и мои увещания, чтоб иметь о себе всякое попечение. Я вчерашний день из города сюда переселилась, понеже день был теплый, а к вечеру у нас слышен был издали гром. Сегодня год, как я была в Кременчуге.

Пауль Жонес приехал сюда и дни чрез два или три поедет к вам. Он ищет переводчика, которого дать ему приказала[1]. Он охотою к нашей службе пылает. Он мне говорил, что для нашего флота полезно бы было иметь Синоп, либо гавань на той стороне, ради случиться могущих бурь. Я на сие ничего не отвечала, чтоб тебе ничем руки не связать, а ты расположишь к лутчему.

Теперь ожидать буду от тебя писем и известий о предприемлемых действиях и в чем вы с Фельдм[аршалом] Румянцевым условитесь.

Александра Матвеевича я зделала шефом Казанского кирасирского полка, и полковникам разменяться приказано. Также о Браницком к тебе рескрипт подписан[2].

Прощай, мой друг, будь здоров.

Царское Село. Маия 1 число 1788

852. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

[1 мая 1788]

В ответ, мой друг, на твое письмецо тебе скажу, что приезду твоему обрадуюсь. Но хотя и знаю, что отъезд твой необходимо нужен, однако об оном и думать инако не могу, как с прискорбием. Я вчерась сюда приехала и с большим удовольствием глотала загородный воздух.

853. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 5 мая 1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. С тех пор, как я существую почти на свете, не пропустил я ни одного случая, где б не подал опытов моей верности, наипаче к персоне Вашей, и все столь знаменитые милости отличностно получил прямо от Вас, не употребляя ничьего покровительства, ниже моих пронырств. Не следовал я другим – собирать партии и вооружаться сими противу усиливания моих ненавистников. Я равно старался услуживать как тем, кого я люблю, так и тем, кои мне завидуют. Знатность степеней от Вас мне данных тем мне лестна, что подавала всегда способы приносить Вам мои услуги, в чем я обращался с истинным усердием.

Позвольте мне, как матери, как благодетельнице, открыть прямо угнетающие меня обстоятельствы. Австрийцы устраивают на меня ков, ища всячески моей пагубы[1]. Узнав, что я вижу лутче других их хитрости и что интересов своего Государства не променяю на их, считая по сему, что не могут со мною иногда успеть в своих видах, устремились теперь выискивать момента меня у Вас повредить. Принц Линь, как человек ветреный и ничего святого не имеющий, инструментом сего мерзкого предприятия. Он писал с своим нарочным курьером к Графу Кобенцелю, что я не тот, который бы хотел вести дела здешние в пользу его Государя, и что я не хочу отнюдь делать движения для отвлечения сил турецких от их пределов, что я сумневаюсь в чистосердечии их. Одним словом, что теперь настоит время меня спихнуть, прибавя к тому, что на запрос от Кобенцеля, ему присланный, какие мои мысли о предосторожностях противу Прусского Короля, я отвечал не по их желанию, а ответ был, чтобы, пока не кончим мы с турками, его менажировать. Им и то не полюбилось. Он предложил Кобенцелю способ выискать случай, когда бы Вы были мною недовольны, вредить меня у Вас чрез Завадовского. Пока еще не было столь сильного на меня от них стремления, он терпеть не мог одного из наших здесь пребывающего, так как и тот его. Теперь же зделались согласны, а именно по получении от Императора последнего курьера.

Матушка Государыня, я уверен в твоей твердости, но нельзя чтобы не трогало меня безпокойство защищаться от завистников. И, ежели нужно им дать покой, я сам от всего отойду с удовольствием, но чтобы не быть жертвою; как они неукротимы в злобе, пускай они останутся свободными без меня. Мне наскучило смотреть на мерзкую их неблагодарность. С истинной по смерть преданностию

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Я уверен, что Кобенцель не вдруг откроется, будучи не так ветрен. Однако же в письме своем упомянул, что по объявлении у Порты ими войны я уверен должен быть о истинном участии Импер[атора].

854. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисаветград. 5 маия [1788]

Цесарцы, заняв Яссы, не оставили их, но держат тамо деташемент из пяти тысяч, чрез что Хотин, не имея продовольствия, поставлен в нужное состояние. Взяли они и Шабац на Савве. Матушка Всемилостивейшая Государыня, все сие доказывает, что союзники начали действовать серьезно, а движения их в Молдавии принуждают нас переменить план и поддерживать их успехи, для чего армии Украинской теперь действовать надлежит между Днестра и Прута. Таким положением корпус Цесарский зависеть будет от Г[рафа] Петра Але[ксандровича], и Бендерский неприятель конечно прижмется к крепости. Союзники просят об общем тамо действии; нельзя их оставить без удовольствия, иначе они остановят начатые успехи: уже объявили, что будут принуждены и Буковину оставить. За чистосердечие тем же платить надлежит; мы, по велению согласить действия, решились на сей план ради предстоящих выгод. От меня Принц Линь требовал отзыву письменного; я ему дал, как и письмо ответное мое Графу, от которого сей час получил, где он меня благодарит за решительность; и с сего копию прилагаю здесь[1].

Полки мои подходят к Бугу ближние, дальние же – в дороге; но которые в Кременчуге переправляются, тем скоро быть нельзя по трудности переправы. Суда неприятельские у берегов Крымских и у Березани начали показываться: сии мне больше всего наскучат, а на сухом пути я рад их найтить. Текеллию выступить приказал[2].

Теперь дела много; не до того, чтобы заниматься о злодействах, на меня устремленных[3], а скажу только, что, Матушка Государыня, полагаю всю и во всем пространстве надежду на Вас и из-за сей презираю злостью. Принц Линь как ветряная мельница: я у него иногда Ферсит, а иногда Ахиллес[4]. Теперь превозносит меня до небес, а навалился на капуцина здешнего.

Прилагаю чертежи лодки канонерской большой и малой. Я приказал сделать рисунок первой со всем вооружением: они несравненно лутче галер.

Касательно обращения ямщиков и мещан в казаки, нужно мне знать, сколько их, где, дабы по сему расписать станицы. Впротчем тут только будет прислать с Дону старосту к приобучению их изворотам казацким и построению седел, что и буду ожидать.

О хорунгах, Матушка, Белорусских указ был дан мне и команда над ними; у меня все заготовлено для начатия; теперь же повелено Пассеку их формировать[5]. Я боюсь, чтобы не вышло вздору; и как ему это дело производить. Ежели изволите приказать от меня сему зависеть, то я преподам образ. Я сего прошу для пользы Ваших дел. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Я сделал девятьсот верст на дрожках. Поехал больной, воротился здоров. Матушка Государыня, цалую ручки Ваши.

855. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Вручителю сего письма Контр-Адмиралу и Кавалеру Пауль Жонесу я долженствую отдать справедливость, что он показывает великую охоту оказать свое усердие, служа под Вашим предводительством или руководством, где за благо найдете его употребить.

Письмы Ваши от 28 апреля я получила и на них вскоре ответствовать буду. Пребываю к Вам доброжелательна и прошу быть здоровым.

Екатерина

Царское Село. 7 мая 1788

Прочтя сие письмо, мне оно показалось очень чинно написано и для того заблагоразсудила сказать, что я тебя, мой друг, очень люблю запросто.

856. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисавет. 10 маия [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня, полки частию подходят к Бугу, а и прочие в движении. Я скоро туда отправлюсь, и что придут передовые войски, то переправлю от Крым[ских] степ[ей] к Очакову и Бендерам. Из приложенных писем Витта и показаний взятых турок изволите усмотреть, в какой крайности Хотин. Цесарский полковник Фабри[1] взял и с деньгами транспорт, идущий в Хотин. Пора нашим в той части, где жилье и продовольствие, и по самой границе ровнее оказаться, да и переходить. Не должно оставлять цесарцев, которые уже не шутя повели действия в Молдавии. Матушка Государыня, в той части еще наш ни пистолет не выстрелил.

Мой мичман Глези уже в третий раз себя показал. Пожалуйте ему володимерский крест для поощрения других. Также и Платову, армии полковнику и старшине Донскому. Какое прекрасное войско из однодворцев – далеко перещеголяют донских[2].

Лодок канонерских, речных и мореходных, построенных в Кременчуге, числом сто: половина пришла в Херсон, часть в пути, а последние с катерами на сих днях отправятся. Мало у меня только пороху, также бомб и ядер для флотилии. Транспорты, подвижные магазейны все в Елисавет пришли, оприч трех сот фур из Харькова. Мосты на своих местах; лошадей не получил еще для полевой артиллерии, на которых год уже как деньги отпущены. Но они покупались в Петербурге и в Москве. Однако ж я здесь велел других скупить.

Кавказскому и Кубанскому корпусам приказал идти; в Крыму предписал защищаться, стараясь впустить неприятеля в землю и отрезать от судов. Дай Боже помощь. Но при том напомяну мою прежнюю мысль, что, не имея тамо крепостей надежных, ни флоту еще сильного, гораздо бы лутче было его оставить, и, дав войти неприятелю, его выгнать. Войски же тамошние, находясь за Перекопом, могли по обстоятельствам действовать и умножить наше паки малое число, а теперь они, кроме обороны, по которой привязаны к Севастополю, в Тавриде, как в кошеле, лежать должны.

Матушка Всемилостивейшая Государыня, я и пойду и буду действовать со всею ревностию, несмотря на новость моей пехоты, которая почти вся из рекрут. Я везде собою показывать стану пример, с охотою принесу на жертву жизнь

мою Вам, моей матери, Государству и, можно сказать, Христианству[3], надеясь несумненно, что Бог мне поможет. Я везде зделал всевозможные разпоряжения противу неприятельских покушений, но как успехи военные перемене подвержены, то естли бы за всеми моими стараниями где-либо неприятель получил выигрыш, не причтите, Всемилостивейшая Государыня, мне в вину. Бог видит, сколько я распален желанием принести Вам славу.

В Польше в большой ферментации, а особливо молодежь[4], а не меньше их всех Г[раф] Браницкий. Матушка, прикажи поспешить, ибо их другой наклонить может. Пользуйтесь их расположением к нам. Ко мне приехал Пулавский, храбрый человек и столь известный на Волыни. Он противу Пугачева дрался. Спрашивает только, какой мундир надеть, и сюда явится. А люди у него готовы. Он хочет быть везде с Браницким. Взяв в сем деле всю осторожность, чтобы отнять у Прусского Короля всякое подозрение, успеть будет нетрудно.

Ежели Граф Чернышев не выехал еще из Варшавы, то бы лутче его оттоль вытащить. Пока жив, с непременной преданностию

вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

857. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Любезнейший друг Князь Григорий Александрович. Вчерашний день Великая Княгиня родила дочь, которой дано мое имя, следовательно, она – Екатерина[1]. Мать и дочь здоровы теперь, а вчерась материна жизнь была два часа с половиною на весьма тонкой нитке. Видя крайность, я решилась приказать accoucheur* спасти ей жизнь, за что теперь меня и муж, и жена много благодарят.

Твои письмы от 28 апреля я получила. Из коротенького вижу, что ты летал повсюду на сухом пути и на воде и распорядил все нужное. Курьера, обещанного из Елисавета, буду ждать нетерпеливо.

Брюс не хочет ехать, говорит, что ты в 1783 году, когда он просился в армию, ему от меня сказал, что он здесь оставляется ради командования против шведов. А что он говорил о том с Безбородкою, которому я приказала с ним о сей поездке говорить, то пускай сам к тебе напишет.

Прощай, мой друг любезный. Я здорова. Пауль Жонес к тебе поскакал. Будь здоров и дай Боже тебе всякое щастие и благополучие.

Из Царск[ого] Села. Маия 11 ч., 1788

У нас так холодно, что я пишучи почти замерзла.

858. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисавет. 19 маия [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Я получил о разрешении Ея Имп[ераторского] Высоч[ества] и на другой день праздновал. В тот же день было освящение знамен казацкого прекрасного войска, что Вы позволили составить из однодворцев Екатеринославских.

---

* акушеру (франц.).

Греки крейсирующие весьма храбро и охотно поступают. Хорошо, коли бы наши морские подобились им, но их погубила наука, которую они больше употребляют на отговорки, нежели на действия. Я произвел мичманами тех, кои сражались в близости флота неприятельского. Повидимому, турки смотрят, куда мы обратим свои силы, дабы туда же и им собраться. Войски почти все к Бугу пришли, выключая казаков, которых Днепр удержал. Подлежащее к осаде приходит в готовность; я был бы уже на Буге, но присутствие мое здесь нужно для побуждения задних, дабы скорее шли. Переход за Буг будет в двух местах: 1-й мост понтонный поставится ниже Ольвиополя в двух верстах, где с частью пехоты переправятся почти все легкие войски и передовая конница, которую я составил из полков легкоконных Ольвиопольского и Воронежского. Сии состоят из чужестранцев, которые хотели все взять абшиты, но я их уговорил служить, согласясь на их прозьбу – быть по-гусарски одетым, что и легко было зделать, переменя токмо одни камзолы, коим минул срок, на доломаны. И тут была мне пакость: разсказали им, что из малороссийских полков брали карабинер в гренадеры, то и с ними будто то же будет, а они все почти из служивших в других армиях гусаров, то и не желали от страха остаться, разве бы зделать их гусарами. Сии два полка и полк волонтеров гусарский, да корпус казаков Екатеринославских регулярный, назвал я передовою конницею и впредь поднесу доклад, как сему корпусу быть в военное и мирное время.

Как первая часть, перейдя Буг, достигнет тою стороною до места, противу Александровки лежащего, тогда наведется тут другой мост, и перейдет все остальное. Соединя тут войски, пойду вперед до Аджигиола, где присоединятся ко мне, переправясь судами из Херсона, 6 баталионов пехоты, и осадная артиллерия переправляться будет у Русской косы на устье Буга. В то же время все суда подступят к Очакову, и Александр Васильевич своими войсками наступать будет с моря, а я с сухого пути, да благословит Бог.

Матушка Государыня! я слышу, будто Император Вам и чрез посла Вицеканцлеру жаловался на несодействие армий[1]. С какой стати меня они тут припутывают. Войски мне вверенные большею частию хранить должны границы; наступательное же у меня на один пункт, то есть на Очаков, которое не может им служить диверсиею; и для чего я должен путем собраться и взять все меры, чтобы не плестись так, как они с Дубицею, местом почти без укрепления. По нечаянной войне мне было нужно зделать в 4 месяца то, что бы должно было в два года произвесть. Пущай другой мог бы возыметь кураж чинить совсем разбитый погодою флот, настроить гребных судов, могущих ходить в море, такое множество и сформировать совсем вновь шестнадцать баталионов пехоты, да десять тысяч совсем новой конницы, составить большой магазейн подвижной, снабдить артиллерию ужасным числом волов, изворачиваться в пропитании – и все это в 4 месяца, охраняя границы Ваши, на которых, благодаря Бога, все сохранено, – на степях, без достаточных квартир, и паче на Кинбурнской стороне, где слишком на десять тысяч людей в три недели было должно построить жилища.

Им в содействие по своему положению следует единственно от армии Украинской, которая всюду могла обращаться, имея везде выгодные селения. Я

весьма доволен Неранчичем: он в короткое время вывел уже тысячу гусар на службу. Скоро и другая довербуется, и очень хорошо вооружены. Я признаюсь, что в нем много способностей.

Матушка Всемилостивейшая Государыня, Вы увидите, с какою я охотою пойду, будучи по смерть

вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. У нас Александра Васильевна отошла было на тот свет, но вдруг и неожиданно Бог помог[2].

859. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Мая 27, 1788

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Вчерашний день, когда я сбиралась ответствовать обстоятельно на твое письмо от 10 сего месяца, тогда приехал Рибопьер[1] с его отправлением от 19 маия. Исправное и подробное твое описание состояния дел и действий, также отправление курьеров чаще прежнего, служит к моему удовольствию и спокойствию душевному. Я вижу из твоих писем вообще разумные твои распоряжения, что все уже в движении и что во всех случаях и везде соответствуешь в полной мере моей к тебе доверенности и моему выбору. Продолжай, мой друг, как начал. Я надеюсь, что Бог благословит твою ревность и усердие ко мне и к общему делу и увенчает твои предприятия успехами. А во мне, будь уверен, – имеешь верного друга.

От Фельдм[аршала] Румянцева давным давно я писем не имею и не ведаю, что он делает, а только о сем знаю чрез письма его, которые ты ко мне присылаешь. Ужо скажет, я чаю, что смерть матери его погрузила в такую печаль, что писать не мог[2].

Мичману Глези и полковнику Платову Владимирские кресты даны в крестины Вел[икой] Кн[яжны] Екатерины. Мне Рибопьер сказал, что ты Пауль Жонеса весьма ласково принял, чему я тем паче радуюсь, что он несколько опасался, что он тебе не понравится. Но я его уверила, что с усердьем и ревностию тебе весьма легко угодить можно и что ты его приезд ожидаешь нетерпеливо, с чем и поехал. И вслед за ним для подкрепления его в добрых расположения[х] я к нему послала оригинальное письмо Симолина, тогда полученное, в котором прописано было, как ты домогался Пауль Жонеса достать, что служить могло ему доказательством, как ты к нему расположен и об нем думаешь.

На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу. Об нем идет война, и, естьли сие гнездо оставить, тогда и Севастополь и все труды и заведения пропадут и паки возстановятся набеги татарские на внутренние провинции, и Кавказский корпус от тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды паки упражнены будем, и не будем знать, куда девать военные суда, кои ни во Днепре, ни в Азовском море не будут иметь убежища. Ради Бога, не пущайся на сии мысли, коих мне понять трудно и мне кажутся неудобны, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгоды и пользы. Когда кто сидит на

коне, тогда сойдет ли с оного, чтоб держаться за хвост. Впрочем, будь благонадежен, что мысли и действия твои, основанные на усердии, ревности и любви ко мне и к Государству, каков [бы] успех ни был, тебе всеконечно в вину не причту.

В Польшу давно курьер послан и с проектом трактата, и думаю, что сие дело уже в полном действии. Универсал о созыве Сейма уже в получении здесь[3]. Граф Чернышев сюда возвратился.

Из письма твоего от 19 маия вижу, что ты получил мое извещение о рождении моей внуки Екатерины. При сем случае родители ея оказались противу прежнего ко мне гораздо ласковее, понеже почитают некоторым образом, что я матери спасла живот, ибо жизнь ея была два часа с половиною в немалой опасности от единого ласкательства и трусости окружающих ее врачей, и видя сие, ко времяни и кстати удалось мне дать добрый совет, чем дело благополучно кончилось, и теперь она здорова, а он собирается к вам в армию, на что я согласилась, и думает отселе выехать двадцатого июня, то есть, после шести недель чрез день, буде шведские дела его не задержат. Буде же полуумный Король Шведский начнет войну с нами, то Вел[икий] Князь останется здесь, и я Графа Пушкина назначу командиром армии противу шведов, а Брюс – бесись, как хочет: как мне дураку, который неудачу имел, где был, вверить такую важную в теперешнее время часть[4].

Шведские дела теперь в самом кризисе. Что по оным делается и делалось – усмотришь из сообщаемых тебе с сим курьером бумаг. [О] вооружениях наших для Средиземного моря, о которых всем дворам сообщено и, следовательно, и шведскому, Король Шведский притворяется, будто принимает, что то все противу него[5], и в Карлскроне делает заподлинно великое вооружение. Команду сего флота дал своему брату, поехал теперь в Карлскрону выводить корабли на рейд, а пред тем собрал Сенат и оному объявил, что как Россия противу него вооружает[ся] и его всячески к войне провокирует (к сему прибавил лжей и клеветы на нас и на своего министра Нолькена), то он должен готовиться к войне же. Все сенаторы хвалили его бдение. Выехавши из Сената, приказал галеры вооружить и его гвардии и еще шести полкам готовиться к переправе в Финляндию, куда, возвратясь из Карлскроны, сам отправиться намерение имеет. Подозревают, что Порта ему дала денег на сие вооружение. Пока Король сии распоряжения делал, его министр призвал датского министра и ему говорил, что, видя российское вооружение, он должен вооружиться и что надеется на их дружбу, что ему сие не почтут в недружбу. С сими вестьми курьер приехал от Разумовского. К сему разговору Оксенстиерны с датским министром и от сего последнего сюда сообщенного теперь возьмем повод к объяснению: Вице-канцлер скажет Нолькену, а Разумовский в Стокгольме Оксенстиерну[6], как ты увидишь из бумаг, и, может быть, что дело кончится тем, что Король, приехавши в Финляндию, со мною обошлется, как обыкновенно, комплиментом и своею демонстрациею будет доволен. Но буде вздумает воевать, то стараться будем обороняться, а что с кого-нибудь получил денег, о том сумнения нет. Средиземную эскадру теперь выводят на рейд, також де войски отчасти уже посажены на суда. Датские и аглинские транспортные к нам явились с тем только,

чтоб имели наш флаг. Сей им я дозволила, и о том и спора нет. Посмотрим, будут ли шведы сему флоту препятствовать выйти из Балтики или нет, и получили ли на то денег. Все сие в скором времяни откроется.

Что греки у тебя весьма храбро поступают – сему радуюсь, а что наших наука погубила, быть легко может. Турки кажутся в немалом замешательстве. Странно, что чужестранные у тебя захотели лутче гусарский наряд, нежели иной, а с сим нарядом пошли в передовую конницу. Александр Ва[сильевич] Суворов зделает, как я вижу, контр-визит Очакову[7]. Бог да поможет вам.

Кто, мой друг, тебе сказывал, будто Император мне и чрез своего посла Вице-канцлеру жаловался на несодействие твоей армии, тот совершенно солгал. О сем ни единого слова ни я, ни Вице-канцлер ни в какое время не слыхали ни прямо, ни стороною. Впрочем, кому известно столько, как мне самой, – с открытия войны сколько ты трудов имел: флот чинил и строил, формировал снова пехоту и конницу, собрал в голодное время магазейны, снабдил артиллерию волами и лошадьми, охранял границу, так что во всю зиму ни кота не пропускал (NB. Сему еще примеру не было и сему же я многократно дивилась) и Кинбурн предохранил.

Естьли для Неранчича желаешь иметь крест владимирский, которого класса, то дай мне о сем знать. О болезни Александры Васильевны много сожалею. Присланные от нея ко мне деревья принялись, но выдержат ли зиму – не ведаю; садовники говорят, будто нет.

Усердие к России при тебе находящихся поляков мне весьма приятно. Друг мой, я бы рада была тебе дозволить набрать войско, но не знаю, станет ли у меня на прибавку войск денег. Копии с писем Гр[афа] Петра Алек[сандровича] я у себя оставила.

Что за письмы Зернак-Эфендия, кои пропали?[8]

Известия же Гр[афа] Салтыкова о намерении поляков почитаю за ложь[9]. Прощай, мой друг, Бог с тобою. Желаю тебе здравия, счастия и благополучия.

Алек[сандру] Матв[еевичу] от Цесаря прислано Графское достоинство, а как он себя ведет, как ангел, то я его зделала Генер[ал]-Адъютантом. Ты его любил, как сына, и так не сумневаюсь, что ты в сем возьмешь приятное участие.

Пришли ко мне скорее свой план о формировании казацких войск из ямщиков и мещан, такожде старшин казацких.

Бог видит, я не сумневалась, что будешь поступать, как честь и добрая вера приписуют, а теперь еще больше надеюсь на твое доброе и безпорочное разположение.

860. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисавет. 27 Маия [1788]

Капитан-паша с огромным флотом прибыл к Очакову[1]. Отправил я Пауль Жонса на Лиман и в Кинбурн для осмотра[2], но еще не могу дождаться ответа: по причине большой бури на Лимане не могли они переехать. Я бы, матушка Всемилостивейшая Государыня, был уже сам за Бугом, где войски теперь находятся, но нужно дождаться из Херсона от Пауль Жонса уведомлений. Флот неприятельский многочислен и силен людьми. Как они пришли, то стоящая на

бранд-вахте наша дупель-шлюпка от Кинбурна лишь отвалилась, то за ней более тридцати разных судов кинулись. Командир оной капит[ан]-лейтенант Сакен, не могши более уходить, полетел с судном на воздух[3]. Столь мужественная решительность заслуживает воздаяние его оставшим. Здесь дело, матушка, идет не на шутку. Нужно, чтобы и другие действовали, а то все на один пункт обратится. Моя наступательная сила состоит в 22 баталионах пехоты; конницы достаточно. Протчее все – на карауле: я должен и флот беречь, и Кинбурнскую, так называемую, крепость. Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня, я во всю жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

861. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Вчерашний день до моих рук дошло твое письмо от 27 маия с известием о приезде турецкого флота к Очакову. Мужественный поступок капитана-лейтенанта Сакена заставляет о нем много жалеть. Я отцу его намерена дать мызу без платежа аренды, а братьев его приказала отыскать, чтоб узнать, какие им можно будет оказать милости.

Ко мне пишет Фельдм[аршал] Румянцев, что он к тебе поедет за Буг для свидания, чтоб с тобою согласиться о действиях согласных. Пока сила турецкая на вас обращена, Король Шведский, получа от турок денег, вооружил военных кораблей до двенадцати и переводит войски в Финляндию. Все сии демонстрации идут, я думаю, на тот конец, чтоб флот, снаряжаемый в Средиземное море, тем остановить. Но сей, несмотря на то, пойдет в свой путь[1], и будет ему зделают на дороге препятствие, то будет искать истребления препятствия. У нас же мысли разделены: Вице-канцлер говорит – "Не выходя отселе, бить шведский флот, хотя и не задерет", а другие говорят – "Как наш флот уйдет, тогда шведы задерут". А мне кажется, они не задерут, а останутся при демонстрации[2]. Осталось решить лишь единый вопрос, терпеть ли демонстрации? Естьли б ты был здесь, я б решилась в пять минут что делать, переговоря с тобою. Естьли б следовать моей склонности, я б флоту Грейгову да эскадре Чичагова приказала разбить в прах демонстрацию: в сорок лет шведы паки не построили бы корабли[3]. Но зделав такое дело, будем иметь две войны, а не одну, а, может быть, потянет за собою и следствия непредвидимые. И для отдаления сего, как шведский министр в Стокгольме говорил датскому посланнику, что сей сюда сообщал, то и писано, чтоб дело довести до объяснения; а между тем, пиши ко мне скорее свое мнение, оно мне нужно, чтоб я могла установить бродящие мои мысли. Дней же двенадцать розницы не зделают никакой – только скорее скажи, что думаешь, и хотя бы и Грейг пошел в море, у нас будет двенадцать кораблей, окроме датских, а с Грейгом всего двадцать семь военных кораблей, окроме фрегат[ов]. Смотря на сие, руки чешутся, но не без оглядки. Правду сказать, разбитье шведской морской силы дало бы и туркам острастку, но однако

не хочется и шведского Короля оправдать, который разславляет, будто он вооружается, имея опасение, что мы готовимся на него напасть, и будто для того привели к его границам калмык и татар, что сущая ложь, как сам знаешь.

У нас препакостная холодная погода и пятые сутки буря, что деревья ломает.

Прощай, мой друг, хлопот нам обоим довольно. Но Бог милостив. Он знает, как выведет, дай Боже благополучно. Будь здоров и счастлив.

Июня 4 ч., 1788 г.

Начать нам и потому никак не должно, что естьли он нас задерет, то от шведской нации не будет иметь по их конституциям инакой помочи; а буде мы задерем, то они дать должны. И так полагаю, чтоб ему дать свободное время дурить, денег истратить и хлеб съесть.

862. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Июня 8 [1788]. Лагерь на Буге
между Чичиклей и Чортица

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Выехав из Елисавета не очень здоров, от сильных жаров в дороге захворал, чрез что пришел в слабость, да и не имев при себе до сего моей канцелярии, ни курьеров, замедлил несколько присылкою писем. Теперь, слава Богу, мне гораздо лутче.

Неприятель день ото дня усиливает флот свой под Очаковом, наипаче гребными судами, которые и поворотливее, и многолюднее наших, много меня заботят. Я иду к той стороне, преодолевая все трудности, которые по причине многих переправ немало меня удерживают, а естли б обходить все речки и рвы, то бы еще больше труда было, да и в воде недостаток последовал бы. Партии мои открывают к самому почти Очакову, но неприятель столь осторожен, что от пушек не отделяется. Одним словом сказать – не те турки, и чорт их научил.

Граф Петр Александрович необходимо должен оказаться к Бендерам, а без того все силы устремлены будут ко мне, и так уже довольно, притом все что ни лутчее, то здесь. Я повторяю, что флотилия их на Лимане сильна и тяготит меня много.

Неранчичу крест второго класса Владимирский пожаловать прошу, ибо он трудился много.

Зернак-Эфендия – Фериери[1].

Об отправлении старшин для формирования казаков из ямщиков и мещан я приказал атаману.

Получил я договор с Императором о препятствии Королю Прусскому на Польшу устремляться. Сие бы и без того могло быть. Будьте уверены, что они откроют и тем решат Короля Прусского на предприятие. Венский двор добивался сего не для чего иного, как для того, чтобы сцепить нас с Прусским Королем, а и без того хлопот много; нужно крайне помириться здесь, а то трудно будет ладить с другими и почти противу всех. Сие я говорю к Вам, как верный Ваш подданный.

Что касается до Швеции, то на что наш министр церемонится? Я думаю не токмо письменно подать, но и напечатать можно, что Вы не намерены с ними нарушить мир, а что приготовляете защищать свои границы, видя их ополчение.

Эскадра наша близко турецкой; ежели что будет, тотчас донесу. Г[рафа] Александра Матвеевича я уже предварительно поздравлял[2]. Во всю жизнь

вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Из Тавриды не имею известия, последнее было от 31 маия; тогда еще было спокойно. Император поставил себя в оборонительное положение – ничего не делает.

863. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[8 июня 1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Сколь велика милость Господня, того изъяснить довольно неможно, ибо естли бы им удалось, то нечем бы держать их было. Тут были сбиты самые прыткие. Запорожцы показали великую услугу: естли бы не они, то бы не могло ни одно наше судно двинуться. Я, получа подробное донесение, отправлю и буду просить для одобрения о награждении. Цалую ручки Ваши.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Все с такою охотою были, что и больные выехали. Бригадир Рибас, от меня посланный, много показал услуги, и, будучи в горячке, был в передовом сражении; он согласил раздоры, которые возникли по причине приезда Пауль Жонса: никто почти не хотел оставаться в службе.

864. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Июня 15 [1788] Лагерь на Буге

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Мысль Ваша святая, чтоб шведов не задирать, а флот в Средиземное море отправить, ибо, задравши, нация отдаст Королю и власть, и способы. Хорошо, если бы наверное можно было истребить флот их; но они, приметя первое наше движение, отойдут к портам укрепленным, и так дело начнем напрасно и удержим флот свой, который единственной диверсией для морских сил турецких, ибо Вы изволите знать, какое ужасное неравенство между нашими силами на Черном море. Лутче стоять на дефензиве и уверять как можно гласнее двор шведский, чтобы и народ узнал, сколь Ваше расположение есть вечно с ними сохранять мир, что сие есть непреложное правило Государства нашего. Естли бы дошло как-нибудь, чтобы завелась у Вас прямо с Королем переписка, тут бы всему конец был; тогда бы в откровенности можно было ему сказать: пусть он от Порты возьмет сколько хочет, что для Вас это еще выгодно, да лишь бы сидел смирно. Вдруг с сими обстоятельствами

нужно приобрести Короля Прусского, а без того, ей, много хлопот будет. Я крайне скорблю о поставленном условии с Цесарем, пусть оно только на случай, который не существует, и что от него зависит не привести сего в действо. Однако ж, по желанию австрийскому нас сцепить со всеми, дадутся другие стороны. Я бы думал нам самим открыть ему.

О, коли бы нашелся способ нам примириться здесь скорей, тогда бы путным образом и стремительно можно было проучить Шведского Короля, но сие долженствует остаться весьма тайно.

Я уже о сию пору был бы под Очаковом, но дожди сильные и необычайные отняли у меня способ переправиться в том месте, где была удобность. Буг, вылившись из берегов, зделался неприступен. Насилу нашли место, подавшись назад 35 верст. Какое затруднение было подымать мосты вверх, того описать нельзя. Однако ж все исправлено, и завтре все будет за Бугом. Половина давно уже между Солонихи и Чичаклеи.

В числе остающегося флота в Балтике прикажите на фрегатах прибавить укрепления ради 18-ти фунтовых пушек, они сим зделаются линейными. Тоже умножить на кораблях и фрегатах гаубиц и единорогов: их чиненые заряды несравненно вреда больше делают. 7 июня в один миг три судна турецкие полетели, иные на воздух, иные в воду, и ежели б капитан-паша постоял еще час, то бы много сгорело.

Матушка Всемилостивейшая Государыня, все сие дело произведено от флотилии Принца Нассау, и он неутомим и ревностен. Не оставьте его отличить, чрез сие повернете головы у всех французов, да и справедливость требует.

Пауль Жонс весьма нам будет полезен, чрез него зделано приобретение не малое для службы; он знающ и в сооружении судов, мною совершенно доволен, и я, конечно, ему подам все выгоды, но не могу скрыть от Вас, сколько принятием его людей огорчилось: почти никто не хотел остаться. Агличане все хотели оставить службу, тоже и наши многие морские[1]. Бригадир Алексиано[2], командир был эскадры, которую я Пауль Жонсу поручил, – чуть было с ума не сошел от печали; он и с ним все греки хотели оставить службу. Что мне стоило хлопот это все устроить. Я послал дежурного бригадира, писал ко многим и ласками и угрозами насилу удержал.

Алексиано, человек добрый, но упрямый и прямой, так было озлился, что насилу уговорили. Сказал, что он сердит на меня, да и на Вас тут же; это было по утру, а в вечер пришел и объявил, что остается для того, что неприятель враг нашего Закона, и греки все остались по его примеру. Что ж зделалось потом? 7 июня во всех такое было рвение, что друг перед другом рвались, и как по причине ветра противного парусные суда не могли тронуться с места, а в дело вошла только флотилия Принца Нассау, то все, даже больные, приехали на шлюбках. Пауль Жонс на шлюбке у Нассау был вместо адъютанта, а Алексиано вел запорожцев, которыми тянули суда на буксире, и все кричал, чтоб целили на капитан-пашу; он с такою был холодностию, что всех удивил – доверенность к нему чрезвычайная. Помилуйте, матушка, зделайте с ним милость, произведите его. Ей, ей, он достоин. Жаль будет его потерять. Даже сам Пауль Жонс об нем просит.

В рассуждении морских – нельзя ли прибавить у них одной степени, которой у них нет – зделать капитан-лейтенанта секунд-маиорского чина. Чрез сие прибавился бы способ в нынешнее время к одобрению. Молодой Граф Дамас храбр, усерден и трудолюбив. В краткое время выучился уже по-русски.

Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня!

По смерть вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

865. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[15 июня 1788]

Вы, матушка Всемилостивейшая Государыня, всегда щедры были в воздаяниях. Как наши поколотили капитан-пашу при всех препятствиях от ветра противного и какое рвение было во всех, и чем мы дрались противу сильного числа и людей столь знающих действовать гребными судами, – Богу слава!

Я представляю на апробацию: Принцу Нассау второй класс Егорьевский. Пауль Жонсу – анненскую, тоже и Мордвинову – за большие заботы и труды. Алексиану, который здесь старший бригадир, – Контр-Адмир[ала], чего он весьма достоен.

Командирам батарей и судов, бывших в сражении: подполковникам и капит[ан]-лейтенантам – шпаги золотые, червонных в двести каждую, с надписью: "За мужество, оказанное в сражении 7 июня на лимане Очаковском". Тоже бригадиру Корсакову[1] и Графу Дама де Рожер. Запорожского Кошевого Сидора Белаго – полковником. Походного атамана подполковника и кавалера Исаева[2] – полковником.

Прочим, коим я могу делать произвождение, дадутся чины. Рядовым и запорожцам – по рублю.

Бригадиру Рибасу третий класс Владимирского.

856. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Июня 16 ч., 1788

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Письмы Ваши от 8 июня из лагеря на Буге между Чичаклеей и Чортицой вчерашний день я получила. Сожалею весьма, что, выехавши из Елисавета, от сильных жаров на дороге ты занемог и пришел в слабость и что сим и иными препятствиями остановилось отправление писем к нам. Мы же жили две недели во ожидании посреди пресильных жаров, что духоты, признаться должно, не уменьшало. Радуюсь, что тебе есть гораздо лутче.

Неприятель, усиливая день ото дня под Очаковом, наипаче гребными судами, флот свой (хотя оные поворотливее и многолюднее наших), однако, заботя вас много спекулятивно, в самом деле подал случай к преодолеванию всех трудностей, что усматриваю из письма Вашего, писанного при самом отправлении курьера, на которое ниже сего особенно ответствовать буду. Я надеюсь, что трудности в переходе за Буг вы равномерно преодолеете. Что турки

осторожнее стали и от пушек не отходят, сие не столь приписывать, может статься, должно искусству, колико опасности. Петр Алекс[андрович] ко мне пишет, что он на Буге с Вами хотел съехаться. Имеете ли Вы какие вести – где визирь или та часть турецкой армии, наряженная противу нас?

Неранчичу крест второго класса Владимирский посылаю.

По случаю Зернак-Эфендия можно сказать, что гора мышь родила.

Здесь слухи о шведском вооружении и о намерении Шведского Короля нам объявить войну ежедневно и [еже]часно умножаются. Он в Финляндию перевел и переводит полки. Флот его уже из Карлскрона выехал, и его самого ожидают в Финляндии на сих днях. Графа Горда[1] он из Берлина выписал, чтоб командовать Финляндской армиею противу нас. Сему человеку мы спасли живот, ибо его покойная Импер[атрица] Ели[савета] Петр[овна], имея его пленником, не выдала шведам, кои хотели его казнить, как казнили Горна и Брага[2] в 1756 году. В договоре или министерством данном Венскому двору подтвердительном обнадеживании о целости польских поссесий иного ничего не включено, как то, что уже в трактатах включено было, что им и сказано было, но они неотступно просили, и для это[го], казалось, браниться было не за что.

18 июня

Датчане начали с шведами говорить тоном твердым. Я весьма рада буду мириться, но сей мир ничем не пойдет поспешнее, как успехами вашими, наипаче же взятьем Очакова, [о] котором, дай Боже, услышать скорее[3].

19 июня

Вчерашний день получено известие об шведском флоте, что он встретился со тремя стопушечными кораблями нашими, кои пошли вперед к Зунду, и шведы требовали, чтоб Контр-Адмирал фон Дезин им салютовал[4], на что послал в ответ сказать, что по трактату между Россиею и Свейскою короною 1743 года 17 артикул положено друг другу нигде не салютовать, но понеже Герцог Зюдерманландский[5] брат королевский и двоюродный брат Императрице, то он его поздравит – и выстрелил из 13 пушек, а шведы ответствовали из 8 пушек, и потом наши пошли к Зунду, а их – от Готланда на восток.

Теперь приступлю к ответу на твои письмы, писанные при самом отправлении курьера. Наша публика здесь несказанно обрадована победою, на Лимане одержанною, с которою тебя от всего сердца поздравляю. На три дни позабыли говорить о шведском вооружении. Я вести от тебя о сем полученные скорее разослала повсюду. Теперь ожидаю от тебя подробности и с радостию раздам награждения по сему случаю и по всякому такому, где польза и ободрение службы того требуют.

Прости, мой друг любезный, будь здоров и благополучен, и да поможет и благословит тебя Господь Бог.

Июня 20 число

Сего утра из Стокгольма приехал курьер с известием, что Король Свейский прислал к Разумовскому сказать, чтоб он выехал из Стокгольма[6], привязавшись к нему за то, что он в ноте, поданной для изъяснения о вооружении, написал: "Король и нация", – выражение, которое во всех трактатах со всеми державами

однако употребляется, а Королю Шведскому казалось оскорбительным. Из чего видно, что лишь искал слабый случай.

Пушкин[7], которого я наряжаю командовать в Финляндию, говорит, что Генералов-Маиоров у него мало. Я ему говорила, чтоб с Москвы, хотя из отставных или неслужащих, достал; а буде можно, пришлите сюда, кого отделить можете. Правду сказать, из Москвы скорее доедут. С Графом Ангальтом[8] мы почти в ссоре: je ne sais quelle mouche l'a piqué*. Когда ехать пришло, тогда начал требовать чин и команду, и буде не уймется, то заверно разстанемся, ибо закона себе предписать я, конечно, никому не дозволю.

Теперь Грейг разделается наперед со шведами, а там отправится.

867. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Лагерь на марше к Солонихе. [19 июня 1788]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня! Поздравляю с победой знаменитой[1]. Капитан-паша, хотевши нас проглотить, пришед с страшными силами, ушел с трудом. Бог видимо помогает. Мы лодками разбили в щепы их флот и истребили лутчее, а осталась дрянь, с которою он уходит в Варну. Матушка, будьте щедры к Нассау, сколько его трудов и усердия, и к Алексиану, который его сотрудником. А пират наш не совоин[2]. Воздайте всем трудившимся. Я по Кинбурнскому делу имел столь великую доверенность, что Вы мне вверили несколько егорьевских крестов, из которых я не зделал злоупотребления. Ежели я буду столько же счастлив и теперь, то пришлите, матушка, 16 крестов, в том числе 4 третьего класса. Ежели дожидаться подробной реляции, то сие протянется. А скорее наградим, то впоследствии произведем еще больше пользы.

Принцу Нассау за первое дело я просил о втором классе, но за сие нужно щедро его наградить имением и тем привязать навсегда. Сколько он зделал и сколько подвергался смерти. Тоже и Алексиано. Как я счастлив, что сие припало к празднику, от которого мое все истекло благополучие. Я от радости вне себя, и мочи нет – много хлопот: все должно понуждать. Сейчас еду к передовому корпусу. О, естли бы Бог даровал повергнуть стопам Вашим Очаков[3]. Матушка родная, я по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Вот, матушка, сколько было заботы, чтобы в два месяца построить то, чем теперь бьем неприятеля. Не сказывая никому, но флот Архипелажский теперь остановить совсем можно, а вместо того прислать в самой скорости тысячи две хороших матрозов, еще и штурманов с прочими нужными чинами, также и офицеров[4]. Бог поможет – мы и отсюда управимся, а то в Архипелаге, ежели они не выдут, да теперь и не с чем, то флот тамо будет понапрасну. Прикажите на переменных обывательских подводах прислать.

---

* не знаю, какая муха его укусила (*фр.*).

868. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Июня 24 ч., 1788 г.

Друг любезный Князь Григорий Александрович. Вчерашний день я получила твои письмы от 15 июня. Радуюсь, что твои мысли сходствуют с моими по шведским делам. Разумовского Король выслал. Видя сие, хотя три стопушечные корабля уже и пошли к Зунду, но флот Грейга, состоящий в двенадцати, и здешняя эскадра в пяти линейных кораблях, будут крейсировать пред Ревелем, дондеже решится опасение, что, надеюсь, не замедлится; а буде Бог тучу пронесет, либо в нашу пользу будет решительно, тогда, конечно, отправлю флот в Архипелаг, а между тем и Архангелогородская эскадра подойдет, и из тридцати кораблей будет что отправить.

На сухом пути теперь собираем, и все идет со всех сторон, и стараемся недостаток или некомплект комплектовать. Графу Вал[ентину] Пла[тоновичу] я дала команду в Финляндию, Вел[икий] Кн[язь] едет с ним[1]. Николай Ив[анович] Сал[тыков] будет сидеть до возвращения Прези[дента] или Вице-президента в Военной Коллегии; Брюс и он – я написала – при мне остаются.

Когда Нолькену[2] сказали, чтоб ехал, тогда спросил: его миссия останется ли? Я велела отвечать: "Смотря на то, что с миссиею нашею будет в Стокгольме". Потом просил конвой; сей не дан будет, дабы не сказали, что выслан под караулом. Он же едет чрез Финляндию. Везде запрещен первый выстрел и велено только поступать оборонительно. Мне нельзя переписаться теперь самой с Королем; он же и в ноте Разумовского привязался не к делу, но слова лихо и развратно толковал. Из Берлина есть известие, будто Король Прусский хочет вступить в медиацию между нами и шведами. Я от сего не прочь, лишь бы кондиции были непостыдные, а сохранить мир настоящий либо на разоружение, что противу шведов, мы согласиться можем, лишь бы с обеих сторон равное было. Для меня, конечно, выгодно, что денег взял у турок, ибо у них меньше будет.

Дай Боже вам способы примириться скорее. Простой народ у нас Короля Шведского хочет бить кнутьями, и на него ужасно сердиты[3].

Слава Богу, что ты преодолел все препятствия. Каковы сильны у вас дожди в начале июня, таковы у нас здесь были две недели.

869. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25 июня 1788 г.

Сегодня мы пели молебен за дарованную от Бога нам победу 7 июня. Вышедши из молебна, Вел[икий] Князь свой кирасирский полк вел здесь мимо, а как сей прошел чрез двор, я получила весть от Нейшлотского исправника, что шведы подослали потихоньку к заставе солдат, увезли к себе таможенного надзирателя и осмотрщиков. Я приказала, чтоб исправник и Губернатор[1] свою должность наблюдали: у себя ловили воров, а на шведских жаловались, где надлежит.

Из Дании есть известие, что они шведам сказали, что они обязаны нам дать помочь и дадут. Естьли Король Прусский предложит медиацию, то приму.

Храброе дело на Лимане Очаковском меня и всех много обрадовало. Я награждения с сим же курьером посылаю: к герою Князю Нассау-Зиген, к Пауль Жонесу, к Алексиану, к Мордвинову и ко всем от тебя представленным, а тебе скажу, что ты друг мой любезный и что я тебя много, много и очень много люблю и качества твои чту и надеюсь от тебя видеть величайшие услуги. Будь лишь здоров и благополучен, Что морские все сбесились от Пауль Жонеса, о том жалею. Дай Боже, чтоб перестали беситься – он нам нужен. Я приказала к тебе послать несколько крестов егорьевских и владимирских в запас, кого рассудишь за благо отличить. Алексиано зделан Контр-Адмиралом по твоему представлению, а как у тебя их теперь четыре, то естьли неравно нужно их ввести под одну шапку, то к тебе подписала я особый рескрипт, что буде нужно будет и усмотришь надобность, то тем самым дозволяю Князю Нассау употребить и поднять мой Вице-Адмиральский флаг: он же ишпанский Генерал-Поручик[2]. О капитан-лейтенантских чинах посмотрим. Для Рожер де Дамаса шпага пришлется.

Прости, мой друг крайний, Бог с тобою. Я ни единую минуту праздную или без забот теперь не имею, однако я здорова. Саша же человек, которому цены нет.

Еще прибавить тебе за нужно нахожу, что я Гр[афом] Ангальтом недовольна. Когда пришло его нарядить в Финляндию, тогда начал требовать главной команды и Генерала полного чин. Я велела сказать, что тут будет случай оный чин заслужить. Он ответствовал, что шпагу не вынет без того чину. И так он не вписан в репортиции. У нас 23 человека военно-служащих его старее, да и по его старшинству в саксонской и прусской службе наши многие старее. Он говорил: "qu'il ira planter des choux" et j'ai répondu: "Bon voyage"*. Мне казалось, что я и так для него много делала, а ему бы заслуживать. И так его поступок в такое нужное время мне весьма, весьма не нравился – оно глупо и неуместно. Я же его нашла в разных случаях нечто торопливым и не так, как люблю людей видеть.

870. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный. Сего утра я получила чрез Графа Апраксина[1] твои письмы, коими меня уведомляешь, что Всевышний даровал нам победу, что флот капитана-паши гребною флотилиею разбит; шесть кораблей линейных созжены, два посажены на мель, а тридцать судов разбитых спаслись под своею крепостию; что капитан-пашинский и вице-адмиральский корабли истреблены и более трех тысяч в плен нам попались, и что батареи Генерала Суворова много вреда зделали неприятелю. Сему я весьма обрадовалась. Великая милость Божия, что дозволил чудесно гребными судами победить военные корабли. Ты получишь рескрипт, в котором написаны награждения. Нассау даю три тысячи душ, Алексиано – шестьсот, и кресты посланы. Тебя, моего друга, благодарю за твои труды и попечения, и да поможет тебе сам Бог. С нетерпением будем ждать подробностей всего сего и прошу всем сказать от меня величайшее спасибо.

---

* "что он поедет садить капусту", на что я ответила: "добрый путь" (*фр.*).

Отселе получишь незабавные вести: шведы атаковали Нейшлот, в котором две роты егерей, а война не объявлена[2]. Cela s'appelle agir en forban*. Мы со всех сторон войски собираем. На другой день праздника поеду в город и тамо буду жить, чтоб людей ободрить, хотя и духи не упали; однако все войски идут. Rira bien qui rira le dernier; la justice, la raison et la vérité sont de notre côté**.

Сейчас подписала к Грейгу приказание шведский флот искать и стараться его атаковать и разбить, естьли Бог поможет. Я б желала, друг мой, чтоб тебе дать могла отселе скорее добрые вести, я знаю, что ты ими бы был обрадован, как сама я. А с вашей победою Вас от всего сердца поздравляю. Даруй тебе Боже Очаков взять без потери всякой, и будь здоров. Отселе теперь и думать нельзя, чтоб единого матроза тронуть. Нельзя ли тебе пленных греков употребить, а как здесь пооглядимся, тогда, что можно будет, того пришлем. Но на сей стороне все в дело употреблено. Прощай, мой друг, Бог да поможет нам.

Июня 26 ч., 1788 г.

Графа Апраксина я произвела в капитан-поручики гвардии Преображ[енского] полка и дала ему табакерку и пятьсот червонных.

871. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный и любезный Князь Григорий Александрович. Во ожидании твоего курьера с подробным известием об одержанной победе на Лимане Очаковском 17 июня я к тебе отправляю сего курьера, чтоб тебя уведомить о здешних неприятных происшествиях. По двудневной стрельбе на Нейшлот шведы пошли грабить Нейшлотский уезд. Я у тебя спрашиваю, что тут грабить можно? Потом шведский секретарь требовал у Вице-канцлера час и, пришед к нему, подал ноту, подписанную им по королевскому повелению, в которой, по многим оскорбительным мне самой и Государству речам, Его Вел[ичество] предлагает мне мирные кондиции[1]. Копия сей сумашедшей ноты к тебе послана будет с сим же курьером. В ответ я приказала выслать подателя оной. Сказывают, шведы и финны равно недовольны королевским поведением противу нас. Он сказывал и уверял всех, что идет действовать оборонительно, а вместо того начал наступательно. Сегодня пришла весть, что он от Аберфорса вошел в Финляндию 15 верст, идет к Фридрихсгаму.

Полки наши, сколько можно было, пошли, Пушкин поехал, а Михельсон давно тамо и взял позицию от Вильманстранда к Выборгу. Фридрихсгам может держаться несколько недель, как сказывают. Грейг со флотом, чаю, сегодня или завтра съедется; дай Боже удачу. О сем прошу Всесильного Бога, который ни в каком случае меня и Государство не оставлял.

Король Шведский себе сковал латы, кирасу, брассары*** и квиссары**** и шишак с преужасными перьями. Выехавши из Стокгольма, говорил дамам, что

---

* Это называется действовать по-разбойничьи (*фр.*).

** Хорошо смеется тот, кто смеется последним; правда, верность и истина на стороне нашей (*фр.*)

*** наручники.

**** наножники, – вернее – наляжники.

он надеется им дать завтрак в Петергофе, а садясь на галеры, сказал, qu'il s'embarque dans un pas scabreux*. Своим войскам в Финляндии и шведам велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачать Густава Адольфа[2] и окончать предприятия Карла XII[3]. Последнее сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции. Также уверял он шведов, что он меня принудит сложить корону. Сего вероломного государя поступки похожи на сумасшествие.

С сим курьером получишь манифест мой о объявлении войны; оскорбления наши многочисленны, мы отроду не слыхали жалобы от него, и теперь не ведаю, за что раззлился. Теперь Бог будет между нами судьею. Буде нам Бог поможет, то его намерение есть уехать в Рим, принять римский закон и жить, как жила Королева Христина[4].

Здесь жары преужасные и духота, я переехала жить в город. У нас в народе великая злоба противу Шведского Короля зделалась и нет рода брани, которым его не бранили большие и малые. Солдаты идут с жадностию, говорят: вероломца за усы приведем. Другие говорят, что войну окончат в три недели, просят идти без отдыха, чтоб скорее дойти до шведов; одним словом, диспозиция духов у нас и в его войске – в мою пользу. Трудно́ сие время для меня, это правда, но что делать? Надеюсь в короткое время получить великое умножение, понеже отовсюду ведут людей и вещей.

Прощай, мой любезный. Что делает Очаковская осада? Будь здоров и благополучен.

Санкт-Пет[ербург]. Июля 3 ч., 1788

При сем следует манифест и копия с сумашедшей ноты[5].

872. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

7 июля [1788]. Под Очаковом

Отправляются теперь флаги, а за ними знамены[1]. Здесь ничего нет нового. Ожидаю осадной артиллерии, которая частьми приходит. Корму у нас для лошадей почти нет. Турки очаковские укрепляются, положили защищаться до крайности.

Матушка Всемилостивейшая Государыня! заботят меня Ваши северные безпокойства.

Флаг Генерал-адмирала турецкого еще впервой в наших руках. Корабли и галеры отправляю для переделок и починок.

Жары несносные, так что ежели нальешь на себя ведро воды, то чрез пять минут знаку не останется, все платье высохнет. На сих днях отряжаю к Качибею. Что Бог даст. Простите, матушка, я пока жив

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

О Войновиче имею известие, что он еще 22 прошлого месяца стал в виду между Козлова и Ак-Мечетью, следовательно, турецкий флот его миновал[2].

---

* что он делает сомнительный шаг (фр.), т.е. начинает сомнительное предприятие.

873. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Думали мы в начале весны вести получать от Вас, потом платили мы Вам отселе за Ваши хорошие вести дурными, но сего дня получите добрую новизну. Вчерашний день Грейг прислал ко мне своего адъютанта с известием, что он 6 июля имел сражение со шведским флотом, которое продолжалось от 5 часов вечера до 11 часов. Развела их ночь. Вице-адмиральский корабль и на нем Вице-Адмирал шведский взят "Ростиславом"[1], и шведский флот побежал от наших к Свеаборгу в ночную темноту. Наш флот потерял корабль "Владислав", который попался между четырех неприятельских, и, по сильной обороне, ими взят. Сие дело, хотя по себе не решительно, но следствия для шведов может иметь худые, буде Бог нам поможет. Слух уже есть, будто за Кюмень убираются, но еще не верно.

Три баталиона пехотной гвардии и три эскадрона конной пошли сию ночь за реку к Красной мызе и тут станут в лагере под командою премиер-маиора Татищева. Люди все идут с радостию: и Король Шведский и шведы столь ненавидимы, как безсовестное его коварство и вероломство того достойны. Представь себе, что он, чтоб обмануть свой Сенат, составил письмы от Нолькена и от меня, коих Нолькен не писал, а я еще меньше. И нет лжи, которой он бы на меня не разсеевал. Да сверх того он сам себе противуречит во многом: при прошедшем Сейме он говорил, что дивится упорности Сейма, тогда когда тот Сейм никакой державою не подкрепляем и в истине я со времени его самовластия не истратила тамо ни единой копейки. Подобному вероломству и в истории примеру мало.

Я от великих жаров не очень здорова. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Июля 10 ч., 1788 г.

Кондиции хороши, кои сюда прислал: я подозреваю, не с ума ли сшел[2].

874. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

С. Петерб[ург]. 13 июля 1788

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 1 июля и от 6 того же месяца я вчерась и третьего дни получила[1] чрез подполковников Боровского[2] и Глазова, коих обоих я пожаловала в полковники.

Июля 14 ч.

Четыре сражения на Лимане – мы пели два молебна и Бога благодарили за великие Его милосердия. Заботит теперь меня Войнович. Дай Боже, чтоб он дело свое успешно исправлял. Здесь безпокойствия, кажется, будто вид к лутчему получили: морская баталия совершенно выиграна, шведский Вице-Адмирал с кораблем своим, закрывая брата королевского, взят в плен; я надеюсь, что шведские дурачества хвалы не найдут нигде. Наши начали щелкать посты шведские, и три уже опрокинуты: и пушку у них отняли, и человек сто шведов на месте осталось. Сказывают, будто финское войско не идет вперед, и много еще говорят, но время окажет – правда ли.

Нессельрод[3] поедет скоро в Берлин.

Двоякости Фельд[маршала] Рум[янцева] непростительны[4]. При первом удобном случае посоветую ему сидеть дома. Произвождение по твоим запискам я сегодня зделала. И число рот и людей в оных установлено по твоему проекту. Об флоте и доныне говорим, что пойдет в Архипелаг. Пошли сам от себя в Химару, а послу говорено будет по твоему желанию о прокормлении и о прочем[5]. Касательно гребной флотилии я произвождения и награждения зделала по твоему представлению, а теперь думаю к Нассау послать шпагу с надписью богатую, а прочие шпаги и медали с надписями делают. К тебе же моему другу, как строителю флота, приказала, зделав, послать большое золотое блюдо с надписью и на нем шпагу богатую с лаврами и надписью: "Главнокомандующему Екатеринославскою сухопутной и морской победоносной силою". Теперь прошу тебя унимать свой храбрый дух и впредь не стать на батарею, где тебя и всех с тобою находящихся могли убить одною картечью. К чему бы это? Разве еще у меня хлопот мало? Уморя себя, уморишь и меня. Зделай милость, впредь удержись от подобной потехи.

Кишенский еще не приехал[6]. Дай Боже тебе успех на Очаков и чтоб ты как возможно менее потерял людей. Что ты ослабел – о том от сердца жалею.

Прощай, мой друг. Бога прошу, чтоб подкрепил твои силы душевные и телесные и дал бы тебе победу и преодоление на сухом пути и на море. При сем посылаю к тебе, что взято на шведском корабле и с шведским Вице-Адмиралом Гр[афом] Вахтмейстером[7]. Он сам говорит, что еще три корабля спускали флаг, но нашим за дымом не видно было. Естьли б Вице-Адмирал не закрыл брата королевского, то сей бы взят был.

О зделаньи из карабинерного – драгунского полка или, как лутче придумаешь, к тебе особо писано будет.

875. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Июля 17 ч., 1788 г.

Вчерашний вечер, друг мой сердечный Князь Григорий Александрович, приехал Кишенский со флагами и знаменами и привез твои письмы. Трофеи сегодня с церемониею пошлю в собор Петропавловский, и хотя у нас духи отнюдь не унылы, однако сие послужит к народному ободрению. Железо, которое требуешь в Херсон, к тебе доставлено будет. Об[ер]-кригскомис[сару] Львову и генер[альс]-адъют[анту] Рокасовскому владимирские кресты даны будут[1]. Касательно Ранцова, хотя он и сущий разбойник и пойман был в зажигании города Лондона, и ты ему вверять ничего не можешь, однако отпустить его к тебе велю[2]. Я из смирительного дома арнаутского маиора ныне послала противу шведа.

Дай Боже, чтоб ты взял Очаков безо всякой потери людей. Меня сие стращает, а наши северные дела теперь взяли оборот несколько поуспокоительнее, ибо Король Шведский, кроме дурачества, мало что делает. Повсюду и даже до аглинского статского министра признают, что королевское поведение есть le

comble de l'extravagance*. Его взятый Вице-Адмирал есть величайший вертопрах, а он у него из лутчих людей. Король, высадя войски в Финляндии, потерял лутчее время, да и доныне ничего не делают и, где с нашими сходятся, тут везде бегают шведы. Нейшлот иногда атакован, а иногда нет. Пред Фридрихсгам привели две пушки: одна 18 и одна 24 ф[унтовая], и из них издалека стреляли несколько раз и паки перестали. У нас теперь в Финляндии 20 баталионов пехоты, казаков 800, два полка кирасир: я думаю, что сроду в Финляндии столько не было. Усердие и охота народная противу сего нового неприятеля велики – не могут дождаться драки. Рекрут ведут и посылают отовсюду: мое одно село Рыбачья слоб[ода] прислало добровольных охотников 65, а всего их 1 300 душ. Царское Село возит подвижной магазейн. Сия народная диспозиция кажется такова, как желать можно. Войски роздыха не хотели. Тобольскому полку мужики давали по семи сот лошадей на станции. Здешний город дал 700 не очень хороших рекрут добровольною подпискою. Как услышали сие на Москве, то пошла подписка, и Петр Борисович первый подписал 500 человек[3]. Остров Эзель прислал (ты скажешь: куда конь с копытом, туда рак с клешней) – дворянство и жители – что сами вооружатся противу шведов в обороне и недопущении врага общего, а просят только двести ружей и несколько пороха. Двадцать каноньер Архаров строит, и они в августе готовы будут. Одним словом, кажется, паче после морской баталии, что аспекты наши гораздо обратились к лутчему, и надеюсь, что скажешь, что я довольно проворно поворотилась. Есть еще маленькая штучка, которую изготовляю на севере Королю Шведскому[4], о которой еще говорить не смею, но, быть может, что она действительнее будет многого иного.

Здесь жары так велики были, что на термометре на солнце было 39 1/2 +, в Португалии более 44 не помнят. В сей духоте, в городе сидя, я терпела духоту еще по шведским делам. Pétersbourg a l'air dans ce moment d'une place d'armes et moi même je suis comme au Quartier Général**. В день баталии морской 6 июля дух пороха здесь в городе слышен был; ainsi, mon Ami, j'ai aussi senti la poudre***.

Вахтмейстер, шведский плененный Вице-Адмирал, сказывал нашим, что они флот наш пренебрегали и, побив его, хотели идти прямо на Кронштадт, оный сжечь, и, между тем, армейский их флот должен был идти к Красной Горке и сюда к Галерной гавани, но сие несообразимо, ибо сей армейский флот у Гельзингера войски высадил шведские, а на финнов они не очень надежны. Несколько пикетов шведских Михельсон пощелкал, и они бегут, верст по десяти не остановясь.

Радуюсь, что Войнович со флотом Севастопольским здоров. Я думаю, что капитан-паша боялся, чтоб не зделали вы какого предприятия позади его, и для того поехал назад. Adieu, mon cher Ami, portés Vous bien. Будь здоров, щастлив и благополучен. А я теперь маленько поотдохнула, понеже кажется, что дела здешние берут оборот к лутчему, а с вашей стороны мы весьма спокойны[5]. Спешу к тебе сие письмо отправить, понеже вижу из твоих писем, что безпокоишься тогда, когда мы уже поспокойнее.

---

* верх безрассудства (*фр.*).

** Петербург в эту минуту имеет вид укрепленного города, и я – как в главной квартире (*фр.*).

*** таким образом, мой друг, я тоже нюхала порох (*фр.*).

876. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Июля 18 [1788]. Лагерь под Очаковом

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Из приложенной реляции изволите усмотреть действия флота Севастопольского[1]. Я сего только и желал, чтобы мы не потеряли. С превосходным столь числом капитан-паша весьма робко поступал. Доказательство, что Бог нас милует. Войнович не знал о здешних успехах, хотя бы и знал, не мог бы пользоваться, будучи не на ветре. Сие дело весьма важно по малости наших противу неприятеля. Я теперь выгружаю фашины и последнюю артиллерию. У нас холод и ветры необычайные. Получа все, начну атаку с крайнею предострожностию в сбережении людей. Мучусь я о Ваших хлопотах. О, коли бы я был при Вас, нашел бы я способ навербовать в одном Петербурге до трех тысяч гусар. Новогородская губерния, а паче Лифляндия и Эстляндия – все бы пошли за мною. Флоту нашему нужно действовать храбро, имея превосходство в орудиях за[жи]гательных. Ежели исполнят долг свой, то как бы не выиграть!

Я не любил никогда крепости, а паче Финляндских наших, которые ничему не мешают, а берут людей много. Я всегда говорил, хотя может быть то казалось шуткою, чтобы всех финляндцев развести по государству, а землю засеками зделать непроходимою. Тогда бы столица была верна. Бога ради, не прикажите делиться на мелкие части, а держаться вместе. По локальному положению Финляндии изворотами много можно успеть. Чем он дале войдет в землю, хуже ему будет, и он может увязнуть в дефилеях. Притом, чем кормить лошадей?

Кораблям, что от города Архангельского, скорей прикажите соединиться[2]. Я не нахожу полезным, чтобы трехдечные корабли были за Зундом. А лутче их ввести, чтобы иметь две эскадры, которыми неприятеля брать всегда можно будет с двух сторон.

Нессельрода прикажите скорей отправить. Как скоро Король Прусский успокоен будет, то все ничего. Вот, матушка Государыня, я говорил из усердия и предвидя, чтобы продолжить с ним трактат, который Императору не мог мешать. Сей наш союзник оставил все действия, а между турками слышно, что будто у них условлено не действовать. Я Вас уверяю, что он худой помощник.

О Фельдмаршале нашем ничего не слыхал[3].

Простите, матушка Государыня. Положись на Бога. Христос нам поможет. Верьте несумненно, что Он нас не оставит.

Я предпринимал было поиск на Березанскую крепость, но погода не позволила тронуться с места. Теперь, призвав Бога в помощь, начну осаду.

Матушка, помилуйте, не оставляйте меня долго без известия о том, что у Вас происходит. Я инако умру с грусти.

Вернейший и благодарнейший Ваш подданный

Князь Потемкин Таврический

877. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Слушай, мой друг Князь Григорий Александрович, у меня к августу поспеют каноньеры. Авось-либо Бог даст что на них и на галеры посадить, то есть, – военных людей. Но боле всего бы нужен был кто ни есть притравленный[1]. У вас егорьевских кавалеров без щета, нельзя ли Вам кого ни есть к нам уделить, кто бы завел дух в них. В последнем морском сражении со шведами капитаны четыре заслужили виселицу, хотя прочие и храбро поступали[2]. Первых теперь судят, но на галеры выбрать не из кого, разве с неба кто ко времяни упадет.

К нам грянул, как снег на голову, Гр[аф] А[лексей] Гр[игорьевич] Орлов[3]. Бог весть, ради чего трудился, но признаться должно, что от него духота не умалилась; он же – как козьи рога.

Сегодня ветр с севера, и так думаю, что Грейг пошел паки искать шведов. Дай Боже, чтоб он их крепко побил. Из Финляндии сегодняшние вести гласят, что Нейшлот не шведов боится, но шведы Нейшлота, и что шведы делают повсюду несообразимое, и наши думают, что сей новый неприятель едва ли искусен.

Сюда приехал посланник шпанский Галвеси[4], который был в Берлине. Он старичек добренький. Он сказывал, между прочим, что при отъезде его оттудова, тамо говорили публично, что он увидит здесь в близости сумашедшие предприятия Короля Шведского.
Июля 19 ч., 1788
Саша безценный человек.

878. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Июля 28 число, 1788 г.

Твое письмо от 18 июля, друг мой Князь Григорий Александрович, я получила чрез флаг-капитана Сенявина[1], которого, буде разсудишь, что его производить должно и другим необидно, то объяви ему чин моим имянем. А как ты об нем не упоминаешь, то я его и не произвела, оставляя сие на твое благоусмотрение.

Действие флота Севастопольского меня много обрадовало: почти невероятно, с какою малою силою Бог помогает бить сильные турецкие вооружения! Скажи, чем мне обрадовать Войновича? Кресты третьего класса к тебе посланы, не уделишь ли ему один, либо шпагу?[2] Помоги тебе сам Творец во взятии Очакова; паче всего старайся сберечь людей, лутче иметь терпенья поболее.

Касательно наших хлопот со шведами я тебе скажу, что 22 числа они приходили на Фридрихсгам с нарочитою силою и окружили его от моря и сухого пути и упряжнялись в деланьи батарей до 24, а того числа ночью кинулись поспешно паки в суда и с противным ветром пошли в море, а на сухом пути побежали к Аберфорсу и были таковы. Наши не знали, чему приписать таковой побег, но фридрихсгамский исправник, вышед из шведского плена, да еще лан[д]сман один – решили задачу, как из приложенной копии с репорта Выборского губернатора усмотришь[3]. Тут видна рука Божия, наказующая вероломство.

Гусарский полк вербуется, но казацких старшин, тобою обещанных, доныне еще здесь нет. Прошу прислать для формирования из ямщиков казаков. Грейг паки поехал искать шведов, и, кажется, дела наши пошли нарочито. Король Прусский объявил, что в дурацких поступках шведа участия брать не будет. Датчане готовятся к войне. Трехдечные корабли с Архангельской эскадрою возвратятся. Нессельрод немедленно поедет.

К Фельдм[аршалу] Румянцеву я писать велела, что он ничего не делает. Я, конечно, надеюсь, что Бог нам поможет, и теперь гораздо спокойнее уже. Теперь, мой друг, ты просишь меня о уведомлении почаще; суди теперь сам, какова я была, не имея от тебя недели по три уведомления. Однако я к тебе пишу и писала почти всякую неделю. Бог с тобою, будь здоров и благополучен, и щастлив, и весел, и доволен, и спокоен. Adieu, mon Ami.

879. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Зная, что тебе нужны офицеры морские, отправляю к тебе обратно Сенявина, о котором я к тебе писала в предыдущем письме.

Дурости Короля Шведского неописанны, лжи и клеветы его безконечны. Ныне пришла весть из Дании, что он прислал сказать в Швецию, будто он у нас взял Нейшлот, что сущая ложь. Он двойжды приходил к Фридрихсгаму и столько же раз паки от него отошел, а после последнего раза Армфельд, его любимец, прислал письмо с трубачем к Князю Лобанову[1], чтоб установить картель для размена пленных, в коем дает выразуметь, что чрез сие они хотят открыть договоры о мире. А на другой день тот же Армфельд писал, но без подписи письмо к Ген[ерал]-Пор[учику] Гинцелю, где уже о мире говорит яснее. Из чего я заключаю, что естьли чрез месяц после поданной ноты шведским секретарем, в которой гордые и полубешенные кондиции вписаны были, на коих требовали – да или нет, – ныне начали брать иной тон, то знатно, что им или худо от голода или бунта, или приходят к ним вести отовсюду неприятные, либо хотят удержать теми переговорами или слухом об оных датчан, чтоб не решились в нашу пользу. И как все предприятия Его Величества Шведского основаны, повидимому, на лжи, клевете и каверзах, то я решилась не спешить ответом, чтоб яснее видеть, что откроется по обстоятельствам. Все же переговоры твердые с вероломцем постановить трудно, а когда Финляндия откажется от его подданства, да шведы соберут Сейм, тогда можно будет Фуфлыге-богатырю подстричь крылья, чтоб впредь летал пониже[2].

Я, мой друг, здорова и желаю то же и от тебя услышать. Прощай. Дай Боже тебе всякое, всякое, всякое благополучие и щастие.

Слух носится, будто Грейг еще шведский корабль 64 пушечный сжег и 600 пленных взял, но от него еще не имею о сем вести, а только ведаю, что он 29 июля был в виду Ревеля.

Июля 31 ч., 1788

По написании сего прислан ко мне от финских войск депутат маиор Егергорн[3] с мемориалом на шведском языке, что они участия не имеют в неправильно начатой Королем войне противу народного права и их законов, и много еще от них

словесных предложений. Мой ответ будет, по моим мыслям, в такой силе, что естьли они изберут способы те, кои их могут зделать от шведов свободными, тогда обязуюсь их оставить в совершенном покое, а переведаюсь со шведами. Что далее будет – к тебе напишу. Датчане 15 ч. июля признали Казус федерис* и немедленно хотели начать действие водою и сухим путем. Грейг заподлинно сжег корабль 64-пушечный. Шведский флот от него между каменьями прячется. Пленные сказывают, что в Свеаборге лишь на неделю провиата, а подвозимый – Грейг старается перенять и одно судно уже взял.

880. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

6 августа [1788]. Под Очаковом

Ногтееды на двух пальцах правой руки, на большом и указательном, не о[т]пускали меня писать. Теперь проходят. Капитан-паша, матушка Всемилостивейшая Государыня, опять пришел со флотом[1] и стал у Березани мелкими судами, а большими за Березанью. Часть же отправилась к Хаджибею. Очаковцы весьма упорно обороняются. Пред приходом капитан-паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало[2], которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек лишь с Ф[ишера] батали[она][3]. У меня на левом фланге в 6 верстах затеял после обеда шармицель, и к казакам соединив два бат[алиона], забежал с ними, не уведомя никого прикосновенных, и без пушек, а турки его чрез рвы, коих много по берегу, отрезали. Его ранили, он ускакал в лагерь, протчее все осталось без начальника. И к счастию, что его ранили, а то бы он и остальных завел. Я, услышав о сем деле, не верил. Наконец послал пушки, под которыми и отретировались, потеряв 160 убиты[ми], остальные ранены.

Давно не имев известия, крайне мучусь тоскою, что делается. Матушка Государыня, не могу писать, болят пальцы.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Прилагаю здесь сообщение Гра[фа] П[етра] Ал[ександровича][4].

881. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Послушай, мой друг сердечный Князь Григорий Александрович, не безпокоит меня ныне шведская война, ибо финские войски бунтуют и не хотят идти на нас наступательно. Да, кажется, что и шведы также не точную охоту оказывают исполнять произвольные и законам их противные хотения Фуфлыгибогатыря. Но безпокоит меня твоя ногтееда, о которой ты меня извещаешь своим письмом от 6 августа после трехнедельного молчания. Мне кажется, что ты ранен, а оное скрываешь от меня. Синельников[1], конечно, был близок возле тебя, когда он рану получил. Не тем ли ядром и тебя зацепило за пальцы? Я же

---

* См. примеч. к стр. 226.

вижу, что ваше теперешнее состояние под Очаковом весьма заботливо и труднее, нежели я себе представляла. И так все безпокойства ваши мне теперь чувствительнее, нежели дурацкая шведская война, в которой смеха достойные ныне происхождения, и, повидимому, кончится собранием Сейма в Финляндии и Швеции, и тогда станем со штатами трактовать о мире. И естьли сие скоро зделается, как почти нет сумнения, тогда станем флот наряжать в Средиземное море, может быть, еще сей осенью. Дай Боже только, чтоб ты ныне, как и прежде, управляться мог с капитан-пашинским паки пришедшим флотом. Но ради самого Бога тебя прошу: при эк[в]инокции прикажи нашим кораблям войти в порт. Пусть буря бьет турок, наши были бы целы. Весьма жаль, что Алек[сандр] Вас[ильевич] Суворов столько потерял людей и что сам ранен[2].

Пожалуй, повадься писать чаще, а то до мира не доживу. Я и ныне два дни лежала в постеле d'une colique bileuse* и с довольным жаром. Сегодня первый день как встала. Отпиши ко мне, что и чем мне наградить жену и детей Синельникова.

Прощай, друг мой любезный, будь здоров и щастлив, колико только возможно.

Авгу[ста] 14 ч., 1788 г.

882. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Лагерь под Очаковом. Августа 22 дня [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня, не с тою я радостию пишу к Вам, как бы желание мое требовало. Не могу я еще известить Вас о успехе под Очаковом. Неприятель упорно или, лутче сказать, отчаянно обороняется. Работы наши уже близко их укреплений. Вы не можете себе представить, как крепка здесь земля и с какою трудностию мы работаем. Вылазки по сие время мы прогоняем со вредом, но не даром и нам приходят[1]. Ежели бы успех мог зависеть от того, чтоб собою пожертвовать, то бы, конечно, не задумался ни на минуту. Но людей щадить и нужно, и должно.

Я на сих днях неприятные имел два случая. Первый – бомбарду мою взорвало от собственного огня во время действия. Второй – незнаемо как загорелся в Кинбурне магазейн снарядов флотилии принадлежащих[2]. Множество бомб чиненных ударило во все стороны, и как сие происходило в день воскресный, то поблизости в церкви переранило многих. А убитых двадцать человек. Ушиблен и Александр Васильевич, но теперь полегче и без опасности. При сем несчастии ощутительно оказалась милость Божия в случае, превосходящем всякое вероятие. Ибо множество бомб, кои взорвало, лежали на бочках пороховых, коего было более тысячи пуд. И при столь сильной эксплозии[3] порох уцелел, и ни одной бочки не взорвало. А то бы Кинбурн, лагерь и флотилия, и эскадра, стоящие по берегу, полетели бы на воздух. Сии случаи убеждают видеть десницу Божию нам благодеющую.

По моей чувствительности Вы, матушка, можете судить, каково моему сердцу. Хлопот ни есть конца, и недостатков – пропасть, которые так много усердия

* от желчной колики (*фр.*).

связывают. Естли бы были пушки и снаряды, был бы у меня страшный флот на море, ибо я сужу, что на море не судов величина, но калибр пушек превозмогает. А теперь грызу пальцы и смотрю на Капитан-пашу, которому нечего мне зделать.

Естли шведы, а паче финны не следуют королю, то тут много политика наша успеть может. Когда они потребуют Вашей помощи о низложении настоящего самодержавства, то Вы, объявя, что до сих пор терпели перемену правления в противность постановления последнего трактата по причине, что нация не протестовала. Будучи теперь призываемы на помощь, не можете отказать по своим с ней обязательствам. Ваш король останется один , как кукиш.

Прилагаю у сего сообщение Графа Петра Алекса[ндровича][4], из коего изволите увидеть, что по полезному разделению неприятельских сил, как он пишет, тянется он однако ж к Бендерам, то есть – ко мне. Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня. По смерть

вернейший и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

Старшин для набору казаков я отправил.

На границах Баната Краиовского корпус императорских войск турки в щепы разбили, отняли пушки и обоз.

883. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. При отправлении к тебе двадцать одной шпаги, хотя от Вас две недели ни строки не имею, но пишу к Вам, чтоб Вам сказать вести [о] дурацкой нашей войне со Фуфлыгою-богатырем. Из Гогфорского своего лагеря в 25 верстах от Фридрихсгама, заведши туда войски на высокую гору между двух устий реки Кюмени, оставил команду брату своему Принцу Карлу, сам ускакал в Луизу, оттудова, иные говорят, – в Або, другие – в Вазу, а третьи – в Стокгольм, хотя туда и не очень свободно ехать, понеже наши суда разъезжают у Гангуда. А я думаю, что он где-нибудь сидит в Финляндии еще, ибо он распустил слух, что Грейг дозволил двум яхтам проехать в Стокгольм, что сущая есть ложь. Финны же, приглася шведские войски и самого Принца Карла, прислали просить амнистию[1]. На сие им сказано, чтоб вышли из наших границ наперед, прежде нежели от них принять можно предложение. Между тем, шведский флот заперт в Свеаборге, откуда носу показать не смеет. Датчане объявили 9 августа шведам войну и действовать намерены с сухого пути сорока тысячами, а с моря – двенадцатью линейными кораблями, а фуфлыга все завел в Финляндию, а в Скании все без войск, внутри же Швеции роптание час от часу умножается. Что с Разумовским случилось, усмотришь из посланных к тебе бумаг[2].

Прощай, Бог с тобою, будь здоров и пиши, ради Бога, почаще, что у вас делается на море и на сухом пути.

Финны и шведы требуют Сейма, однако фуфлыга кутит между ними, и на них немного положиться должно. Нейшлот освобожден, и вся наша граница, исключая Гогфорса.

С завтрешним праздником тебя поздравляю[3].

Авгу[ста] 29 ч., 1788

Грейг судно за судном берет с запасами для шведского флота, они же в запасах скудны.

884. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 22 августа я сегодня получила. Жалею весьма, что ты столь много обезпокоен Очаковской осадою. Терпением все преодолевается. Лутче тише, но здорово, нежели скоро, но подвергаться опасности, либо потере многолюдной. Какова крепка земля тамо, из того заключить уже можно, что волами пашут. Я нимало не сумневаюсь, что ты ничего не пропускаешь, что делать возможно. Жаль и последнего человека, который теряется и при удачном отражении вылазки, но что делать, естьли инако нельзя. Неприятные два случая, кои случились с бомбардою, взорванною от собственного огня во время действия, и второй – сгорения магазейна снарядов для флотилии в Кинбурне, я усмотрела с ужасом. И какой вред вящий еще случиться мог, естьли б не десница Божия сохранила бочки с порохом числом до тысячи пуд, кои остались целы!

Я из Риги имела известия в июле, что пушки из Англии, выключая малое число для Днепровского флота, все из Риги везут чрез Витебск к вам, и шведам не попалось из сих транспортов ничего.

Шведский флот блокирован в Свеаборге доныне. Армейский их флот одна наша эскадра, также у Гангуда стоя, в шхерах держит. И шведы, окроме Гогфорского поста, теперь из всей Финляндии вышли. Король же сам сидит либо в Гельзингфорсе, либо где ни весть в углу в Финляндии и кутит между своими, кои его хотя и не слушают в том, чтоб наступательно действовать противу нас, но он им внушает разные прихоти и нелепы. Я им велела сказать, что ничего слушать не могу, пока не выйдут сами, либо не выгнаны будут из Гогфорса. Ваши мысли ко времяни и кстати употреблю.

Что неприятель тянется, по словам Гр[афа] Румянцева, к тебе – сие мне весьма не мило слышать. Он бы мог в том ему зделать препятствия. Что цесарцы разбиты, о сем и мы слышали.

Старшины казацкие для набору казаков еще не бывали; здешние неохотно, казалось, хотели приняться за набор казаков: говорили, что они, казаки, везде готовы служить и что в том нужды нет, понеже их повсюду станет. Я думаю, что думают, когда здесь будут казаки, тогда Донских менее уважать будем. Видя сие, я остановила сие дело, пока пришлешь старшин, а теперь формировать я велела гусарский полк да Эстляндский егерский корпус, понеже Лифляндский – в армии, а нам люди нужны, и они заменят полки, кои без того сюда бы повернуть надлежало. Я ныне, как видишь, бойкий воин стала. Ты надо мною смейся, буде хочешь, однако что добро – прошу одобрить, parce qu'il faut encourager le mérite naissant*.

---

* потому что надобно ободрять рождающиеся достоинства (*фр.*).

Прощай, мой друг любезный, будь здоров, благополучен и щастлив.
Авг[уста] 31 ч., 1788 г.
Отпиши, каков Кутузов и как он ранен? И от меня прикажи наведываться[1].

885. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Сентября 1-го [1788]. Под Очаковом

Матушка Всемилостивейшая Государыня. По окончании батареи на ближней дистанции к неприятельским укреплениям, с 30-го на 31 в ночь открыта была канонада с сухого пути и с воды. Огонь был жесток с нашей стороны. Однако ж неприятель довольно живо отвечал без большого нам урона. Город зажжен был в семи местах. Пожар продолжался во всю ночь. Я никак не ожидал столь постоянной упорности от неприятеля, который, будучи стеснен и безпокоен стрельбою, столь и сильной, и вредной, выдерживает все и не сдается. Ожидаю теперь фрегатов с Глубокой, которые вооружаются большими орудиями. По прибытии их поставлю на защищение фарватера, а мелкие все суда употреблю противу города. Войновичу писал я, чтобы выдержал в порте эквиноксию. Он выходил и возвратился. Думаю, ордер мой его застанет в гавани.

Прилагаю здесь письмо и сообщение Графа Петра Александровича[1]. Ежели он начал познавать пользу первого положения действий военных с нашей стороны между Днестра и Буга, то я еще больше сие чувствую. До сих пор не было бы уже ни Очакова, ни Бендер. Мы бы взаимно друг другу помогали, а то теперь я, имея неприятеля в Хаджи-бее, смотреть должен на ту сторону, от флота их десантов предостерегаться в тыл мой и между Кинбурна и Перекопа; от Бендер храниться впадения в наши границы; осаждать город с числом пехоты, которой, за высланными в траншеи и на работы, почти не остается.

На сих днях потерял я бригадира Корсакова, человека с большими талантами[2]. Он, будучи при работе ночью, упал в ров глубиною осьми сажен и умер чрез несколько часов. Редлихкейт[3] тоже умер от болезни. Генерал-Маиору Кутузову становится легче. Рана его была опасна[4].

Я, матушка Государыня, слава Богу здоров, хотя теперь и крайне ослабел от обыкновенной здесь болезни. По усердию моему Вы можете судить, сколько я терплю досады, что до сих пор не могу еще получить желаемого, хотя напрягаю все силы и способы.

По приложенной записке изволите усмотреть о худом образе рекрутского набора, о формировании полку драгунского Псковского из двух караб[инерных] и о обращении от одного остающегося унтер-штаба ко мне для помещения во вновь составляемый полк. Я прошу, матушка, в драгунском сем полку быть шефом Николаю Ивановичу Салтыкову.

Во всю мою жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Угодно было иметь отсюда офицера, притравленного для гребных судов. Я положил послать лутчего капитана флот[ского] Винтера, но он занемог[5].

886. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1 сентября [1788]. Под Очаковом

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Здесь приложенные уведомления о занятии Ясс разногласны, как усмотреть изволите[1]. Дай Бог, чтобы пребывание наше тамо не затянуло туда всей армии Екатеринославской, а турки натурально склонятся к Измаилу, Аккерману и Бендерам. Сие последнее место скушновато для границ наших.

Войск цесарских часть, бывшая на их границе в Старой Орсове и карантине цесарском в Шупанике, по приказу Императора оттоль ретировалась для того, что он невозможным находил тамо держать твердый пост. Они вздумали ретироваться, завидев уже турков, и, проходя ушельи, опрокинули пушку в дефиле, заградили путь остальным и растеряли. Турки разогнали всю пехоту, забрали обоз. Это был terreur panique*, потому что люди, не будучи преследуемы, собираются, а посему и видно, что в силах были не только отразить, но и побить турков.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

887. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. При сем к тебе посылаю письмо, полученное мною от Императора вчерашний день[1], понеже любопытно.

Прощай, Бог с тобою, будь здоров и благополучен.
Сен[тября] 2 ч., 1788

888. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11 сентября [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Нельзя больше теснить неприятеля, но я ниже вообразить мог такой упорности и терпения в турках. Я усилю еще и буду продолжать. Что будет Богу угодно, увидим вперед. Прилагаю здесь письмы Г[рафа] Петра Алек[сандровича]. Перевод с греческого от Мавроения к Манулу-Воде писанного[1], кажется невероятен, но что-нибудь было.

Хотину о сию пору должно быть уже в наших руках, ибо им нечего есть. В Очакове, по несчастью, много запасено всего.

Я ездил на сих днях реко[г]носировать крепость к воде и нашел больше ее укрепленную, нежели чаял. Штурм был столь силен здесь, что в море надлежало вдвое быть сильнее. Но ничего неприятельским судам не приключилось. Севастопольский флот весь вошел в гавань, и фрегат "Покров Богородицы" к ним пришел. Только греки крейсируют, не потерпели они. Ежели бы угодна была моя мысль о Графе Вахтмейстере, не лутче ли его послать в Калугу к Кречетникову

---

* панический ужас (*фр.*).

или в Тулу[2] с тем, что оттоль его препроводят, ежели будет время выпустить. А то в Москве много он вранья наслышится, да и больше тамо за ним бегают, нежели надобно. Много найдет тамо и братии de la stricte observance*.

Я все силы употребляю перевооружением судов, кои носили малые пушки, к понесению 36-ф[унтовых], как назначено у меня в ведомости, пред сим поднесенной. Надеюсь чрез две недели иметь пять таковых фрегатов, корабль "Леонтий Муч[еник]" (из турецкого) тогда же поспеет, да "Владимир" и "Александр". Имея здесь восемь линейных по своей артиллерии, прикажу и Войновичу итить и соединенно, призвав Бога в помощь, атаковать флот турецкий. Лишь бы он не ушел[3]. Они все морские силы, узнав, что мы заняты на севере, ведут в Черное море. Естли бы были пушки, страшный бы флот устроил я на весну. Пушек недостаточно, да на наличные по калибру нету. Я беру во всем Государстве. Надобно, матушка Государыня, вперед иметь сего достаточный запас, а то и порохом скудны.

Не щажу я ни трудов, ни жизни. Тому свидетели все. Намедни ездил реко[г]носировать на шлюбке в такой близости, что турецкие картечи чрез шлюбку летали[4]. Но Бог везде хранит. Тут был случай быть убиту, потоплену и взяту в полон. Вы опять, матушка, изволите сказать, что ненадобно этого делать. Но мне долг говорит, что надобно. От этого все Генералы суются под пушки. Прости, матушка, я во всю жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

889. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15 сентября [1788]. Под Очаковом

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Получил я уведомление от Николая Ивановича Салтыкова, что угодно Вам, чтобы я представил для командования лейб-гранодерского полку достойного человека[1]. Сие столь трудно, что я несколько раз проходил бригадиров и полковников, но, по совести, не находил годного соответственно обстоятельствам сего полку, который с тех пор, как умерший перестал меня бояться, во многом запущен, кроме одной наружности, в чем по слабости ума покойный только блистать мог. Офицеры избалованы, внутренность без основания и недостаточна, несмотря на пособия сильные, что Вы сему полку делаете. Стрелять не умеют, а поют хорошо песни. Соображая все сие, нахожу не только достойного, но и нужного для постановления на твердой ноге порядка и доброй внутренности, – Генерала-Маиора Берхмана[2]. Верьте мне, что нет другого. Вы в скором времяни увидите плоды сверх одобрения. Его я Вас прошу для пользы полку определить и отвечаю, что Вы, служба и полк будете довольны. Он даст ему основание, и когда моя мысль о присоединении еще по баталиону, как гвардии полкам, так и сему, егерей удостоена будет, то в скором времяни его баталион устроится. Берхман редкий

---

* строгого послушания (*фр.*).

полковник при сих его качествах знания службы и доброго поведения. Я уверен, что он не уронит себя и в войне. Я, как ни в каких рекомендациях не имею собственных видов, то тут, конечно, нет.

Ожидаю фрегатов из Глубокой, большими пушками вооруженных. Батарея последняя кончена по пробитии на часу канонады. Мне она нужна ради заграждения входа Лимана, дабы все другие суда обратить на стрельбу противу города. В Очакове на сих днях удавили двух из знатных жителей, которые были в числе восьми, предлагающих паше о сдаче города[3].

Партии мои, под Бендеры ходившие, возвратились благополучно, не встречаясь нигде с неприятелем. Из приложенного здесь сообщения Графа Петра Александровича изволите усмотреть, что он недоволен условиями, но как бы они худы ни были, хорошо однако же, что Хотин сдался, чрез что Г[енерал] Граф Салтыков употребиться может[4]. Иначе все бы ему привязанному тамо быть.

Крайне жаль, что худо идет у Императора. Сильно бьют их турки и разоряют Банат Темишевский, куда их вошло только 15 тысяч. Их генерал не меньше войск имеет, но впустил и не препятствует. Имп[ератор] пошел навстречу, но остановился и не смеет продолжать. Бог весть, что будет. Пока жив

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Je ne peux pas encourager les mérites, que Vous nommés ressauts. Ils ne sont pas ressaut mais innés en Vous pour toutes les choses*. С послезавтрашним курьером буду, матушка, отвечать на Ваши письмы.

890. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[15 сентября 1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня.

Для устроения драгунского полку, гусарских ескадронов и баталионов егерских подношу здесь мои мысли. Чрез сии способы помянутые войски скорей поспеют устройством. Егери будут имяноваться: егерский естлянской баталион при лейб-гвардии Преоб[раженском] или другом полку; егерской естлянской баталион при лейб-гранод[ерском] полку. Жалование и протчее все по армейскому для всех баталионов штату.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Влагаю здесь записочку о ране генерал-маиора Кутузова. Судьба ево получать тяжелые раны[1]. Он несказанно обрадован, что Вы об нем изволите спрашивать.

---

* Я не могу поощрять достоинства, которые Вы называете внезапными переходами. Это не внезапные переходы, а врожденные у Вас, на все случаи (*фр.*).

891. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Любезный друг мой Князь Григорий Александрович. Чтоб ответствовать на Ваши письмы от 1 сентября доброю отселе вестию, я со дня на день ожидала из Финляндии уведомления, что шведы Гогфорс оставили, что, наконец, и сбылось. И теперь уже в нашей Финляндии ни единого шведа нет, а флот их блокирован нашим в Свеаборге.

Вел[икий] Князь сегодня оттуда возвратился, гвардия также уже назад идет и два кирасирских полка. Шведы и финны у Короля требовали Сейма, Сенат также, но он им всем отказал, уехал в Далекарлию, чтобы тамо мужиков взбунтовать и вести их в Стокгольм, взять банк и объявить себя самодержавным. Но и в том едва ли успеет[1], ибо слышно, что и те ему объявили, что они ни против своих, ни чужих держав драться не хотят. Теперь, чаю, скоро Сейм шведский и финский сам собою соберется, и когда о сем нам объявят и о готовности к миру, тогда станем трактовать. Между тем, Король Шведский писал ко всем державам, прося их, чтоб его с нами вымирили, но какой быть может мир тут, где всей Европы интересны замешаны будут? Он сие нарочно зделал, чтобы больше замешать дело, а заподлинно он мира не хочет, как все сказывают, а думает протянуть, авось-либо что ни есть для него оборотится к лутчему.

Продолжение осады Очаковской усматриваю из Ваших писем. Также, что турки упорно сидят и не сдаются. Слава Богу, что Войнович высидел эк[в]инокцию в гавани.

Письма Гр[афа] Пет[ра] Ал[ександровича] Рум[янцева] всегда одинакие, то есть с двоеточием. Напрасно он не имел с тобою свидания и не следовал твоему совету, Я писала к нему, чтоб он сберег хотя от Бендер нашу границу.

Жаль и весьма жаль Корсакова. В Финляндии умер также своею смертью Семен Уваров. Ради Бога, рекомендуй хорошего полковника в мой любимый лейб-гренадерский полк. Гренадеры по нем плакали как ребята.

Пошли, пожалуй, от меня наведываться, каков Генерал-Маиор Кутузов? Я весьма жалею о его ране. Пожалуй, ради меня, будь здоров. Божусь тебе, мои заботы ныне почти выше сил моих, наипаче июль месяц был таков, что я думала, что занемогу. Теперь немного полутче.

Касательно рекрутского набора, думаю, что теперь очень трудно оный исправить по твоей записке[2]. Сия операция есть из тех, кои во время мира предпринимать надлежит, а то людей, кои теперь нужны, не соберешь. Вздумай сам, каково дворянам будет – всех наголо почитать в службе записанными; а теперь они наполнены усердием и Бог весть, чего дать сбирались. Драгунский полк будем формировать, гусарский также. Старшины казацкие приехали и вступят в дело[3]. На гребных судах теперь до весны в притравленном нужды нет, и так дай Винтеру время выздороветь. Я же писала своей рукою к Мальтийскому Гроссмейстеру, прося его самого, чтобы выбрал и прислал мордашек[4]; посмотрим, что-то будет, и он мне всякие ласки казал.

Теперь привезли ко мне твои письмы от 11 сентября. Я весьма терпеливо смотрю на осаду Очаковскую и ведаю, что ты делаешь все возможное.

Письма Мавроения и пр[очих], присланные к тебе и сюда от Ф[ельдмаршала]

Румянцева, кроме вранья, ничего не содержат. О Хотине еще ничего не знаю, хотя вчерась от Гр[афа] П[етра] Ал[ександровича] имела письма.

Прошу тебя себя беречь от ядер и картеч. Я напишу к Еропкину[5], чтоб Вахтмейстера послал в Калугу. Дай Боже тебе успеха над турецким флотом. Архангелогородская эскадра пришла в Копенгаген, и думаю, что она с датчанами и с фон Дезиным пред Карлскроною находится.

Прощай, мой друг.

Сен[тября] 18 ч., 1788

892. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19 сентября [1788]. Под Очаковом

На сих днях ходившие партии от Буга к Днестру открыли неприятеля, перешедшего Днестр, который сию партию атаковал. Но наши, не потеряв урону, отретировались. Тут услышали, что неприятель из Бендер переправляется для подания помощи Очакову. О истине сего послал я узнать разные партии и, что узнаю, донесу.

Очаковцы, матушка Всемилостивейшая Государыня, не престают твердо защищаться. Присутствие флота их удерживает.

Фрегаты мои подходят, будучи вооружены большими пушками. Когда все пять придут, то прикажу Пауль Жонсу, избрав ветр способный, линию ближнюю неприятельскую, состоящую из фрегатов, атаковать с помощию Божиею.

Чрез два дни буду иметь известие от партий и тогда же с нарочным курьером донесу. Во всю жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

893. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29 сентября [1788]. Под Очаковом

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Получил я знаки Вашей Высочайшей милости[1]. Они пребудут памятником оной, а не заслуг моих, не отличности. Я в виду моем полагаю, но по силе моей, – заслуживать столь много полученных уже. Или, лутче сказать, предмет моей службы всегда был и будет – привязанность моя к Вам.

Обращение сил неприятельских в мою сторону подтверждается ежечасно. Я послал открывать к Паланке и Аджигеру, то есть, к устью Днестра. Теперь крайне меня озабочивает сия сторона, хотя мы охотнее все ляжем на степи, нежели поддадимся неприятелю. Но только приметьте, что, содействуя союзникам к его границам, не обезпечили мы ни осады очаковской, ни границ собственных.

Прилагаю здесь письмы Графа Петра Алекс[андровича]. Он меня спрашивает о том, чего я не знаю[2].

Флоту Севастопольскому приказал я выступить. Из рапортов Г[рафа] Войно-

вича, здесь подносимых, изволите усмотреть состояние фрегатов, построенных от Адмиралтейства, и умножение больных. Я уже дал ему повеление выпустить греков крейсировать к Тендру и оказаться флоту неприятельскому, что и зделалось третьяго дни. Капитан-паша, узнав о приближении наших судов, со всем своим удалился в море. Сперва к Тендрам, потом к Хаджи-бею. А как ветр стал SW, то приближился к своей прежней позиции и, не доходя несколько, лег на якорь. Однако ж почти половины судов его не достает. Теперь NO, нельзя ему приближиться на прежнее положение. Зделал ли он вред нашим кораблям, знать нельзя, и куда суда его девались, неизвестно. Отряжены ли они, или сильный ветр унес их в море, который еще продолжается. Бог нам всегда помогал, может и тут Его милость будет, на что я больше всего надеюсь.

Из записки, здесь вложенной, изволите, матушка, увидеть положение цесарцев. Ежели бы он вместо Лассия (Улисса своего) пустил Лаудона, иные бы были следствия[3], а то перехитрили. Вздумал кордоном держать границы. Извольте вспомнить мое мнение с начала войны, чтобы ему войтить из Трансильвании в Валахию, а из Темешвара в Банат, то бы визирю не было способу перейтить в Кладов, и он бы вечно держался в Софии. Бог с ними. Как хотят, лишь бы оставили меня в покое.

Двадесятое число на флоте турецком со всех судов палили викторию. Я узнал, что сие было о успехах над цесарцами. К капитану-паше прислано, что они у Цесаря взяли Корону и все города, оставя ему одну Вену.

Теперь уже пришли мы своими батареями на ближнюю дистанцию; из траншей наши из ружей уже друг по другу стреляют. Отрыв все батареи, с помощию Божиею, станем форсировать их укрепления. Другого способа нет. Да поможет Господь Бог. Город снабжен всем надолго. На сих днях удавили они коменданта, который предлагал город сдать[4].

Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня, мы не могли здесь в Ваш и наш праздник стрелять из пушек, чтобы турки не подумали, что мы делаем фанфаронаду против их пальбы. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Ожидаю от Текеллия, ибо изчисляя время, должно ему уже быть у Анапы или в Суджук-Кале. То же и от посланного на Юг к берегам Антольским моего Генеральс-адъютанта Сенявина с корсарами, ради перехвачения с войсками восьми судов транспортных.

894. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Того ж числа. [29 сентября 1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня, письмо о Короле Шведском Императорово означает северного Амадиса ветренность, но я бы желал знать, что Цесарь его министру отвечал[1]. Датчане когда примутся хорошо, то зделает конец. Естли бы при сем случае возможно было нацию довести просить нас о возстановлении прежней конституции и при ней союз вечный с нами оборо-

нительный и наступательный. А как линия королевская коротка, то не худо в тайне подумать Константина Павловича к ним в Короли[2]. Я сказал линия коротка, потому что сына не признает законным, а братьям можно другую судьбу зделать: одного князем Померанским, а другого – куда сыщется[3]. Ежели бы сия мысль Вам понравилась, то нужно крепко ее таить.

Пушки из Риги долго до меня не дойдут. Нужно возобновить липецкие заводы, паче ядер и бомб, в которых недостаток.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

Что изволили писать, будто донцы нерады, что делают казаков из других, тому не верьте. Они очень больших выкомандировок не любят. А вот чего они боятся, то есть старшины их, чтобы не зделали казаками черкес у них живущих.

895. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Со днем Ваших имянин сим Вас поздравляю и Вам всякое благо от всего сердца желаю. Письмы Ваши от 11 и 19 сего месяца я получила и на оные впредь ответствовать буду. Отселе новейшее есть, что Король Шведский от королей Англинского, Прусского, Французского, Датского и республики Голландской просил примирения, говоря каждой стороне, что ей в руки ввергается. Сам же поехал в Далекарлию мужиков вооружить против дворянства, которое просит Сейма, в чем он им отказал. Датчане со стороны Норвегии вошли в Швецию.

Прощай, Бог с тобою. Посылаю к тебе красный камень, прошу дать знать о получении оного, такожде – получено ли у Вас блюдо золотое и шпага с алмазами с надписью?
Сент[ября] 30 ч., 1788

896. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Ген[ерал]-Маиора Берхмана я приказала определить в мой полк на место умершего Уварова. Ты в письмах твоих говоришь еще о вооружении фрегатов, а у нас снег выпал четвертый уже день наравне с набережными перилами, да морозы пятиградусные, а как с семью градусами река мерзнет, то я уже послала повеление, чтоб флот вошел в порты. Все же Адмирал Грейг при смерти: был болен горячкою, а без него не думаю, чтоб что быть могло очень знаменитое на нынешнее время[1]. До днесь шведский флот, как парусный, так и гребной, заперт в Свеаборге и в шхерах. Сам же Король ездил в Далекарлию и там из мужиков набрал два полка, на что мужики согласились с уговором, чтоб оных из Далекарлии не выводить. Оттуда Король теперь, сказывают, на обратном пути. Он писал ко всем дворам, чтоб ему доставили мир: всякому двору обещал нераздельно миротворчество seul*.

* одно (*фр.*).

Весьма жаль, что визирь бьет и гонит цесарцев. Они с турками воевать, повидимому, не умеют.

За добрый аттестат: "Pour les mérites non pas naissants mais innés"* я тебя от всего сердца благодарю. Что шпага и блюдо до тебя дошли, усматриваю из письма твоего от 29 сентября. О верности же твоей и привязанности ко мне нимало не сумневаюсь.

Гр[аф] Румянцев по письмам его в сорока верстах был от Рябой Могилы, когда Хотин сдался. Мои мысли суть, чтоб Кобурх шел в Валахию, где он и Темешварскому Банату зделает тем самым помощь, а Фельдм[аршал] Рум[янцев] тогда в Молдавии будет иметь свободные руки расположиться, как делам полезнее, сносясь с тобою. О сем походе Пр[инца] Кобурхского Вы б Линю писать велели, а здесь послу также говорено будет.

Что Адмиралтейством построенные фрегаты дурны, о том сожалительно; но при том вспомнить надлежит правила Адмирала Нольса[2], который говаривал, что судно без крайности разломать не должно, а поправить можно, и что на всех верфях всегда много есть охотников к ломке судов, понеже при ломке много барышей ломателям, а флоту ущерб – одним судном меньше.

Что больных много, о том очень жалею. Дай Боже, чтоб твои крейсеры уцелели. Ради Бога, помогите советами цесарцам, ведь Линь напишет, что Вы ему говорить будете. Желаю тебе всякого благого успеха.

Цесарь принял предложение Короля Шведского с пренебрежением и, сколько известно, оставил без ответа. Шведская нация поныне еще весьма слабо оказывается и упражняется в тихом роптании.

Константину не быть на севере. Естьли быть не может на полудне, то остаться ему, где ныне. Константин со шведами не единого закона, не единого языка. Все же тамо три брата, да и сын. Сей с матерью нам бы был всего полезнее, а Константина никак туда не дам[3], да и в том нет ни малейшей возможности.

Липецкие заводы приказано возобновить. Драгунский, гусарский и казачий полки формируют, как ты представил. Прощай, мой друг любезный, будь здоров, щастлив и благополучен.

Окт[ября] 10 ч., 1788 г.

897. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Хотя всячески ищем ладить с Прусским двором, но из его подвигов можешь судить об его намерениях. Он теперь ищет приводить датчан в недействие и отвлекать их от нашего союза, а Польшу декларацией запрещает с нами заключить союз и какой ни есть трактат. Сей диктаторский тон, который удалось ему взять в Голландии, ему понравился, и сии поступки весьма схожи на поведение Шведского Короля.

Дурные вести до меня дошли о здоровье Адмирала Грейга. Он очень болен горячкой с желчью уже тому две недели и очень слаб.

---

* "Достоинствам не рождающимся, а врожденным" (*фр.*).

Прощай, мой друг, мне весьма жаль, что не имею тебе дать лутчие вести. Будь здоров и благополучен. Буде бы по взятьи Очакова тебе удалось заводить о мире переговоры, то бы было добро.
Окт[ября] 13 ч., 1788

898. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17 октября [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Представления мои, отправляемые теперь, были уже готовы несколько тому дней, но движения разновидные флота турецкого, слухи о намерении неприятеля от Аккермана и Бендер на помочь притить к Очакову, подтверждаемые и сообщением Графа Петра Александровича, удержали меня отправить. Я послал две партии к Хаджибею и Паланке от донских и верных казаков и чрез них объяснить истину. Хотя еще они не возвратились, но с середины, от постов по той дороге имея благополучные рапорты, теперь посылаю. Кажется, партии достигли Хаджибея, потому что во всю сию ночь, да и днем еще слышна была от той стороны пушечная пальба. Движение во флоте продолжается, но не видно решимости, и потому неможно узнать, уходить он хочет или готовится на высадку войск.

Лодки их канонерные, стоявшие под Очаковом, которые в прошедшем сражении были повреждены, исправлены. Я приказал их взять или сжечь Принцу Нассау, но он пытался два раза, и не удалось или, лутче сказать, счастье не послужило. И он, отведав трудность, под претекстом болезни уехал в Варшаву. Сии суда чрез два дни после того ушли из Очакова к своему флоту мимо флотилии и спящего Адмирала Пауль Жонса, который пред тем пропустил в день под носом у себя три судна турецких в Очаков, из коих самое большое село на мель. Я ему приказал его сжечь, но он два раза пытался и все ворочался назад, боялся турецких пушек. Дал я ему ордер, чтобы сие предприятие оставить, а приказал запорожцам. Полковник Головатый[1] с 50 казаками тотчас сжег, несмотря не канонаду, и подорвал судно порохом, в нем находившимся.

Всемилостивейшая Государыня, мне польза Ваших дел столь дорога, как моя жизнь. Сей человек неспособен к начальству[2]: медлен, неретив, а, может быть, и боится турков. Притом душу имеет черную. Я не могу ему поверить никакого предприятия. Не зделает он чести Вашему флагу. Может быть, для корысти он отваживался, но многими судами никогда не командовал. Он нов в сем деле, команду всю запустил, ничему нет толку: не знавши языка, ни приказать, ни выслушать не может. А после выходят все двоякости. В презрении у всех офицеров. Я в сей крайности решился ему объявить, что Вы изволите его требовать в Петербург для поручения ему экспедиции на Севере. Сие я осмелился зделать для пользы дел Ваших. Я бы мог его подчинить Мордвинову, но он не идет ни к кому в команду. Поверьте, матушка, что он ничего не смыслит. Может быть, с одним судном, как пират, он годен, но начальствовать не умеет, а в пиратах может ли равняться он Ламбарду? Изволите видеть, что тот наделал. И естли Бог его не покинет, он наделает чудес.

Из реляции Генерала Текеллия усмотрите, что Селим-Гирей командует противу своих и взял знамя[3]. К ободрению сего чингисханского отросля не угодно

ли будет Большой орден Владимирский так устроить для него, как Вы прислали Андреевский его дяде, чтобы не было тут креста. Сие много нужно, чтоб ему придать важности. Я жду известий от Анапы нетерпеливо. Мой Сенявин много навел страху на Анатолийских берегах. Позвольте дать ему крест Георгиевский 4 степени. У меня есть лишние. О Кавалерах и получивших шпаги за сим донесу. Не могу порядочных собрать аттестатов от Нассау, а много и штурмы препятствовали. По нескольку дней коммуникации не было.

Благодарю, матушка Государыня, за камень и за шубку. Первое – от щедрот монарших – милость. А вторая – от матернего попечения. И сие мне дороже бисера и злата. Изволите писать, получил ли я блюдо и шпагу. Неужели, Вы подумали, что я упустил благодарить. Для чего не подумали, матушка, что я ласкался заплатить Вам достойным образом и ждал того. Но что делать, и второй заговор в Очакове открыт, и начальники казнены. Я о сем мучусь больше всех. План прилагаю положению теперешнему. С возвратившимися партиями ежели узнаю, что ничто ко мне нейдет, усилю канонаду и буду форсировать ретраншемент, что Бог даст. Но французы по милости своей такую в сем ретраншементе расположили ружейную оборону, что все крепости их перещеголяли. Теперь подойдя близко, мы стали их ружьями бить, то и утихли. На сих днях ранен у нас в голову подполковник Князь Лобанов[4].

Александр Николаевич[5] с своей благодарностию припадает к стопам Вашим. Он еще засыпан был землею от бомбы, пред ним упадшей. Его батарея всех ближе к неприятелю. Я могу смело сказать, что он служит, как должно. Земля здесь так худа, что работают все топорами, и по ней ходить можно, как по камню. Я два раза прошел траншеями, так надавил подошвы, что пузыри вышли, и теперь сижу без ног.

Граф Петр Александрович отрядил Графа Салтыкова к Кишиневу, но я не знаю, где он, когда вышел и что будет делать. Послал проведать. В письме его ко мне[6] жалобы на подчиненных – касается его. Не сведал я и о том, какой неприятель противу Петра Александровича и где, и для чего он его терпит вблизости. Хочу спросить, но не знаю, будет ли приятно.

К охранению границ отрядил я 5 полков пехотных, вокруг Кременчуга формированных, все из рекрут, которых хотелось мне сберечь. Что изволите писать о шведском Амадисе, что он ко всем адресовался, сие, матушка, не просто. Лига сформирована противу Вас. От разума Вашего зависит избавить Россию от бедствий, а, может быть, и Европу от диктаторства прусского[7]. Я из усердия моего скажу, что, показывая будто Вы не догадываетесь о сем скопе, объявить ему, что Вы непрочь от мира со всеми, лишь бы и союзник Ваш был включен. Позволь, матушка, сказать, куда наша политика дошла. Что в войне с турками, где бы все долженствовало соглашать, мы разодрали так сказать все. Бурбонцы строили на нас ков, который доднесь идет по их плану. Даже касательно шведской эпизоды. Они турков приуготовили и не могли уже отвратить. Другие тем воспользовались, желая поставить себя нам нужными. Первые объявили себя банкрутами и суще безсильными, другие в словах самых лутчих, и мешают нам везде. И верно помешают. Чем им воспретить, ежели война не утихнет? Прусский Король, искав продолжения трактата, накладывал

сам на себя узду. Можно бы тогда его и с Императором согласить, и польские дела привесть по-желаемому. С Англиею, разорвав трактат коммерческий столь выгодный и столь натуральный, зделались мы как будто в ссоре. Союзник наш один Датский двор, которого задавят, как кошку. Я обо всем предсказывал и предупреждал от безпредельного усердия к Вам. Неугодно было принять. Но зделалось, по несчастию, по-моему, и вперед будет. Какая тут моя личная польза или виды? Боже, дай, чтобы кончилось здесь. Я возьму покой. Пусть останется все во всю волю – интриговать, как хотят. Союзник наш, где сам ни присутствует, везде идет худо. Пошел навстречу туркам. Притом те четырьмя пушками принудили его делать траверзы в лагере. И, наконец, испугавшись, ушел. Извощикам показалось, что неприятель гонится. Обрезали постромки и разбежались. Два полка пехотные, тоже подумав, что неприятель гонится, зачали стрелять по своим и перебили много. Чуть было и самого в куче не застрелили[8]. Ушел от неприятеля три марша, и поверьте, что турков немного. Отдал им на раззорение Трансильванию и Мегадию. Словом сказать, жгут и режут. Королева французская[9] сказала, когда Ласси вздумал оборонительным кордоном удерживать границы: "que Lassy étranglerait avec son cordon et le Banat et la Transilvanie"*, что и правда.

Изтощил все способы я здесь стеснять и принуждать неприятеля к сдаче. Должен решиться иттить силою, что Бог даст. В том Его воля. Но я не пощажу своей жизни. Главное мое препятствие – капитан-паша со флотом, который прилип ко мне, как шпанская муха, и все норовит в тыл мой высадить, а паче, ежели и сухим путем будет помощь.

Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня, я по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Копии с сообщений и писем Г[рафа] Петра Алекс[андровича] и Принца Линя представляю при сем[10].

899. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Пока ты упражнен перед Очаковом, у нас вот что происходит: Король Прусский зделал две декларации[1] – одна в Польшу противу нашего союза с поляками (который до того еще, видя, что от того может загореться огонь, я до удобного время[ни] остановить приказала); другая Датскому двору, грозя оному послать в Голштинию тридцать тысяч войск, буде Датский двор войдет, помогая нам, в Швецию. Датчане, однако, действительно уже вступили и взяли в полон шведского Генерала-Порутчика с 800 человеками и десятью пушками, но ответ, какой датчане дали Прусскому Королю, еще неизвестен.

Сию Датскому двору от Прусского Короля зделанную декларацию прусский посланник здесь прислал к Вице-канцлеру с выписью из королевских писем,

* что Ласси своим кордоном задушил и Банат и Трансильванию (*фр.*).

которая не лучего же слога: то есть, что день ото дня более открывается намерение и взятый ими план не токмо нам всячески вредить, но и задирать в нынешнее и без того для нас тяжелое время. Дело голландское им удалось. Теперь тот же диктаторский тон берут с датчанами, и тако до нас добираются. Я всячески избегаю, чтоб им не давать поводу к чему привязаться, однако, без примечания да не будет, что не дождав от нас ответа на их предложенную медиацию, которую Король Шведский шести дворам вручил, они уже датчанам зделали подобное объявление в его единую пользу, а нам во вред, несмотря на то, что первое качество посредника быть должно безпристрастие. Но тут явно и ясно противное: моему союзнику за то, что он мне дает помочь, грозят нападением, я же обязана его оборонить или, по крайней мере, помогать толико же, как он мне помогает. По сей материи я заготовила письмо к Графу Нессельроду, с которого здесь копию прилагаю. Я оное нарочно пошлю просто на почту: пусть оное раскроют и читают, авось-либо постыдятся или на время, хотя мало, позадумаются, а большего действия от оного не ожидаю. Но думаю на случай открытия со стороны Короля Прусского вредных противу России и ее союзника намерений: 1. Армию Фельдм[аршала] Гр[афа] Румянцева обратить, как в твоем большом плане предвидено было, противу Короля Прусского, укомплектовав в ней полки мушкатерские по новому осьмиротному военному штату. 2. Для закрытия границ и для умножения войск на действия иметь до тридцати тысяч корпус, расположенный в Лифляндии и Белоруссии, к составлению которого назначаю здесь новоформируемый Эстляндский егерский корпус и полк пехотный, в Риге находящийся, да имеющиеся здесь и в Белоруссии четыре кавалерийские полка. В дополнение к тому нужно еще из армии шесть полков и один драгунский, да тысячу Донских или Уральских казаков. О сем дополнении оставляю на твое усмотрение назначить, из которых частей сии полки назначить удобнее. Наипаче же стараться надлежит, дабы они к весне сюда, то есть в Белоруссию и Лифляндию, прибыть могли.

Армия в Финляндии останется как есть; гвардию я комплектую.

О сем, пожалуй, напиши ко мне подробнее и скорее, чтоб не проронить мне чего нужного, а пуще всего по взятии Очакова старайся заводить мирные договоры. Но не забудь, что Булгаков в Семи башнях доныне сидит.

Вчерашний день я еще получила худую весть, что Адмирал Грейг по трехнедельной болезни от горячки с желчью, в ревельской гавани, на стопушечном корабле "Ростиславе", ко всеобщему сожалению, скончался[2]. Я посылала к нему Рожерсона за две недели, когда я услышала, что он столь опасно занемог, но ничто его спасти не мог[ло] от воли Божией. Спиридов[3] с шестью кораблями уже возвратился в Кронштадт, и все прочие уже идут на зимовье. Я смертию Адмирала столь чувствительно тронута, что сказать не могу, и сия потеря для Империи на сей случай есть несчастие, ибо не имеем во флоте, кто мог [бы] с таковым же искусством и репутацией его место заступить.

Прощай, мой друг любезный, дай Боже тебе здоровия, щастья и благополучия. Ждем от тебя вестей, дай Боже, – добрые.

Октя[бря] 19 ч., 1788 г.

P.S. К корпусу, который я полагаю собрать в Лифляндии и Белоруссии[4], прошу дать совет, кого из полных Генералов, Гене[рал]-Пору[чиков] и Ген[ерал]-Маиоров определить и каков на то будет Князь Юрья Вла[димирович] Долгоруков, увольняя его от езды к цесарской Армии, куда другого, несмотря на чин, определить всегда можно, а сие дело нужнее.

900. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3 ноября [1788]. Под Очаковом

Теперь, матушка Всемилостивейшая Государыня, открылось то, что я предвидел. Вспомните, что при начале открытия войны я писал. Не успехами с турками мы можем хлопоты кончить, но разбором, какая политическая система нам важнее, то естли бы нашли способ помириться с турками и, имея все силы в руках свободные, придумать связь выгодную и так устроить политическое состоянье. Изволите говорить, чтобы обратить армию Графа Румянцева, как я говорил в плане, противу Прусского Короля. Но тот план был в действо определяем чрез два года, когда бы все пришло в зрелость и устройство, и, начав войну с турками, в одну бы кампанию мы по Дунай забрали все даром. Ныне же чрез коварствы всей Европы турки прежде время нас предупредили. Цесарь повел войну странную, истощил армию свою на оборонительном положении и везде, где сам присутствует, с лутчими войсками был бит. Многие Его корпусы бежали, не видав неприятеля. С нашей стороны, а паче в моей части, где наисильнейшее их стремление было впасть в границы, разорять земли, овладеть Крымом, занять Херсон и прочее, то Бог предохранил, и вместо нас они ослабли. Что же будет, когда большие наши силы, впротчем весьма неустроенные по причине рекрут столь большого числа, отвлекутся? Император не в состоянии был, обратя все на турков, одолевать их. А естли отделит он противу Пруссии, то будьте уверены, что турки придут в Вену, а Прусский Король паче возрастет. Теперь турки, неохотно идучи на нас, а узнав силы уменьшенные, толпами кинутся. Как же мы охраним наши пространные пределы и разорванные водами, где на всяком месте быть должно особой преграде. Лишь флот зачал наш здесь приходить в силу и который с помощию сухопутных бы войск может нанес бы удар неприятелю в сердце его владения, теперь и то станет. Всемилостивейшая Государыня, сколько мое сердце угнеталось, видя все, чему неминуемо быть долженствовало. Способ был легкий предупредить. Я не забыл об нем напоминать. Бог сам знает, что мое сердце чувствует. Подумайте, что бурбонцы в летаргии настоящей, что они и нас выдадут, как голландцев. Лига сильная: Англия, Пруссия, Голландия, Швеция, Саксония и многие имперские принцы пристанут. Польша нам будет в тягость больше других. Вместо того, чтоб нам заводить новую и не по силам нашим войну, напрягите все способы зделать мир с турками и устремите Ваш кабинет, чтобы уменьшить неприятелей России. Верьте, что не выдет добра. Где нам сломить всех на нас ополчившихся. Прусский Король не такой еще будет диктатор. Кто Вам скажет иначе, того почитайте злодеем и Вам, и Отечеству. Касательно полков пехотных, откуда их еще числом шесть откомандировать, я не знаю. Это равно расстроит все, отколь бы то ни было. И так прикажите, как угодно. Меня

же избавьте от начальства, ибо я не нахожу способу, ниже возможности остальным действовать и хранить.

Генерал Князь Долгорукой болен и поехал в Москву. Впротчем, они все равны: Репнин или другой кто.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

901. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 17 октября до моих рук доставлены, из которых усматриваю с удовольствием, что все благополучно у вас. План осады открыл мне всю трудность, которую имеешь. Умали Бог упорность гарнизона Очаковского. Я удивляюсь, как капитан-паша может держаться в море в бурливую и позднюю осень. Я думаю, что он опасается возвратиться в Стамбул и чтоб визирь его не лишил места или жизни[1].

Сожалетельно, что Принц Нассау не мог сжечь суда, кои вычинили в Очакове. Пауль Жонес имел, как сам знаешь, предприимчивую репутацию доныне. Естьли его сюда возвратишь, то сыщем ему место.

Я для Селим-Гирея приказала зделать по твоему представлению владимирские знаки; первый ли требуешь или второй класс – не ведаю, а как он еще не генеральского чина, то думаю, что и второй класс для него бы довольно. Опасаюсь, что не приимет, так как и Шагин тогда не принял же: оне к знакам, думаю, что не привязывают такую мыслю, как у нас люди имеют.

Сенявину твоему дай крест Георгиевский из тех, кои у тебя остались не розданы. Отпиши ко мне, жив ли подполковник Кн[язь] Лобанов и каков Генерал Кутузов? Добрый аттестат, который даешь Александру Николаевичу, знатно, что он заслужил, быв везде в опасности. Каковы твои ноги, отпиши ко мне.

Гр[аф] Румянцев сюда писал, что он отрядил Гр[афа] Салтыкова и что сей две недели не шел. А неприятеля Фельдмаршал щитает иметь противу себя хана татарского тысяч в шестнадцать, но сей щет, чаю, весьма с лишком. Что ты отрядил к охранению границ 5 полков, сие хвалю весьма.

Ты увидишь, какой странный договор о перемирии Король Прусский принудил датчан учинить[2], а лутче сказать, датчане не путно обробели от угроз прусских. Я о том никак не сумневаюсь, что пишешь ко мне, что лига формирована противу меня. Им сказано так, как пишешь, что я не прочь от мира, лишь бы союзники были включены, но они, то есть лига, тем еще не довольны: они требовали, чтоб я с Польшею союз не заключила, говоря, что сей противен их интересам. Я и на сие согласилась, велела отставить сей проект о союзе с Польшею. Теперь требуют, чтоб я войски вывела из Польши. На сие, правду сказать, согласиться мудрено. Оне хотят меня лишить союзов, действуют в пользу шведов и турков, предписывают мне законы, грозят, буде не исполню, и сверх того жалуются еще на меня и каверзы всякие устраивают мне во вред и в поношение. Изо всего, что оне делают в пользу Шведского Короля, выигрыш оборотится в пользу французов, а делает сие Elliot[3], аглинский министр.

Вы вспомните, мой друг, что предложение о трактате Прусский Король делал в самое то время, когда он узнал, что Император признал Казус федерис; сие предложение с тем и делано было, чтоб остановить помочь, ожидаемую от той стороны. С Англиею я никак не разорвала трактата: оне не захотели его возобновить по истечении, а вместо того они заключили со французами и с ними признали нейтральные правилы, а нам в том отказали. Стечение обстоятельств прошу не поставить мне в вину. Воистину я напрягаю весь свой смысл к лутчему обороту, но в неудачу я никогда не пеняю, понеже ежедневно бывают удачи и неудачи. Естьли я чего не досмотрю, то и сие простительно, понеже я человек, а без греха лишь един Бог.

Естьли ты возьмешь покой, то о том весьма жалеть буду и прийму сие за смертельный удар тем паче, что чрез то меня оставишь посереди интриг, за что, думаю, от меня спасибо не ожидаешь. Но я надеюсь, что когда все кончится благополучно, то, любя меня, что и сия мысль исчезнет, и будешь, как и был, вернейший.

Что цесарские дела не так идут, как бы желательно было, сие прошлого года знать не можно было. Прощай, дай Бог тебе щастья, здоровья и всякое добро.

Ноя[бря] 7 ч., 1788

Какие дурачествы делает Княгиня Дашова в своей ссоре с обер-шенком Нарышкиным, ты себе представить не можешь! И ежедневно выходит новая комедья между ими, и все над ними смеются[4].

Ничего на свете так не хочу, как чтоб ты мог по взятьи Очакова и по окончаньи зимних распоряжений в течение зимы приехать на час сюда[5], чтоб, во-первых, иметь удовольствие тебя видеть по столь долгой разлуке, да второе, чтоб с тобою о многом изустно переговорить. Прощай, Бог с тобою.

902. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17 ноября [1788]. Под Очаковом

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Снег сильный воспрепятствовал штурм произвести. Он так велик, что сугробы намело непроходимые. Правда, мы терпим, но неприятель еще больше. Я одеваю и обуваю людей, употребляю все способы: заранее навез войлоков, бурок и шуб. Все возможное употреблено. Флот отпустил на зимовую станцию. Березань, место неприступное, но ни к чему не служит нам[1]. Я приказал свозить оттоль все и бросить. Верным казакам Черноморским следует по регламенту получить за взятое, а и подполковнику Головатому орден военный. Другому же – капитану Мокею – Володимерский[2], что я из присланных ко мне им, имянем Вашего Императорского Величества, доставлю. Их кошевой подполковник Чапега[3] в Кочабее зажег магазейн большой: следует орден военный и ему, ибо он под пушками крепостными то все зделал.

Паша, находящийся здесь[4], был янычар-агою и гоним от визиря за благое расположение к России. Потому я и щел зделать ему все выгоды и уважение. То же и протчих турков я всячески обласкал, толкуя им несправедливость Порты в начатии войны. Сих турков число хотя не велико, однако же все отборные и

равняются с гарнизоном Дубицы[5]. Чрез три дни кончится брешь-батарея, и, несмотря на стужу и зиму, начну штурмовать, призвав Бога в помощь.

От Текеллия не имею после никаких известий, хотя и ожидаю добрых. По письмам Графа Штакельберга – в Польше худо, чего бы не было, конечно, по моему проекту. Но быть так. Нужно теперь всячески утушить предприятие Лиги и не допустить то действие. Ежели успеете в сем, то после все будет возможно поправить. Я повторяю как вернейший и преданный Вам подданный: ускорите перевернуть – помиритесь с Швециею, употребя Короля Прусского, чтобы он убедил Шведского адресоваться к Вам. Притворите мирный и дружеский вид к Пруссии до время. Сим Вы все поправите. То же и с Англией. Вы увидите после, как можно будет отомстить. Я Вам в том ручаюсь моею честию. Простите, матушка, я пока жив

вернейший и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Генерал Максимович[6] был храбрый и ревностный слуга. Он погиб от упущения предосторожности. Будучи храбр, лишне понадеялся. Осталась у него жена.

Полученные сообщения и письмы от Графа Петра Александровича здесь подношу[7]. Паша подтвердил, что Цесарь зделал с ними перемирие.

903. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 17 ноября вчерашний день я получила и из оных вижу, что у вас снег и стужа, как и здесь. Что Вы людей стараетесь одевать и обувать по зимнему, что весьма похваляю. О взятьи Березани усмотрела с удовольствием. Молю Бога, чтоб и Очаков скорее здался. Кажется теперь, когда флот турецкий уехал, уже им ждать нечего.

Пленному, в Березани взятому двубунчужному Осман-паше жалую свободу и всем тем, кому ты обещал. Прикажи его с честью отпустить. Из Царяграда друзья капитан-паши домогаются из плена нашего освободить какого-то турецкого корабельного капитана, как увидишь из рескрипта, о том к тебе писанного. За него бы требовать Ломбарда, который с ума сходит и зарезался было. Желаю весьма получить добрые вести о Текеллии.

Ненависть противу нас в Польше возстала великая. И горячая любовь, напротив, – к Его Королевскому Прусскому Величеству. Сия, чаю, продлится, дондеже соизволит вводить свои непобедимые войски в Польшу и добрую часть оной займет. Я же не то, чтоб сему препятствовать, и подумать не смею, чтоб Его Королевскому Прусскому Величеству мыслями, словами или делом можно было в чем поперечить. Его Всевысочайшей воле вся вселенная покориться должна.

Ты мне повторяешь совет, чтоб я скорее помирилась с Шведским Королем, употребя Его Королевское Прусское Величество, чтоб он убедил того к миру. Но естьли бы Его Королевскому Прусскому Величеству сие угодно было, то бы соизволил Шведского не допустить до войны. Ты можешь быть уверен, что

сколько я ни стараюсь сблизиться к сему всемогущему диктатору, но лишь бы я молвила что б то ни было; то за верно уничтожится мое хотение, а предпишутся мне самые легонькие кондиции, как, например: отдача Финляндии, а, может быть, и Лифляндии – Швеции; Белоруссии – Польше, а по Самаре-реке – туркам. Я естьли сие не приму, то войну иметь могу. Штиль их, сверх того, столь груб, да и глуп, что и сему еще примеру не бывало, и турецкий – самый мягкий в рассуждении их.

Я Всемогущим Богом клянусь, что все возможное делаю, чтоб сносить все то, что эти дворы, наипаче же всемогущий прусский, делают. Но он так надулся, что естьли лоб не расшибет, то не вижу возможности без посрамления на все его хотения согласиться; он же доныне сам не ведает, чего хочет, либо не хочет.

Теперь Аглинский Король умирает, и естьли он околеет, то авось-либо удастся с его сыном (который Фокса и патриотической аглинской партии доныне слушался, а не ганноверцев) установить лад[1]. Я ведаю, что лиге немецкой очень не нравились поступки прусские в Дании.

Позволь сказать, что я начинаю думать, что нам всего лутче не иметь никаких союзов, нежели переметаться то туды, то сюды, как камыш во время бури. Сверх того, военное время не есть период для сведения связи. Я ко мщению несклонна, но что чести моей и Империи и интересам ее существенным противно, то ей и вредно: провинции за провинциею не отдам; законы себе предписать – кто даст – они дойдут до посрамления, ибо никому подобное никогда еще не удавалось; они позабыли себя и с кем дело имеют. В том и надежду дураки кладут, что мы уступчивы будем!

Возьми Очаков и зделай мир с турками. Тогда увидишь, как осядутся, как снег на степи после оттепели, да поползут, как вода по отлогим местам. Прощай, Бог с тобою. Будь здоров и благополучен. О Максимовиче жалею очень.

Но[ября] 27, 1788

904. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Поздравляю тебя со взятьем Березани. Дай Боже тебе всякие успехи, здоровие и силы телесные и душевные. У нас вестей теперь иных нет, окроме болезни Короля Аглинского, о которой говорят розное, но все в том согласны, что он безнадежен и с час на час ждут смерть его.

Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Ноя[бря] 28 ч., 1788

905. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Из Очакова. 7 декабря [1788]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Располагал я принести Вам в дар Очаков в день Святыя Екатерины, но обстоятельства воспрепятствовали. Недовольно еще сбиты были укрепления крепостные, чтоб можно было взойтить, и коммуникация еще не поспела для закрытия идущей колонны левого фланга на штурм, без чего все бы были перестреляны.

Поздравляю Вас с крепостию, которую турки паче всего берегли. Дело столь славно и порядочно произошло, что едва на экзерциции бывает лутче[1]. Гарнизон до двенадцати тысяч отборных людей – не меньше на месте положено семи тысяч, что видно. Но в погребах и землянках побито много[2]. Урон наш умеренный, только много перебито и переранено офицеров[3], которые шли с жадным усердием и мужеством. Убит Генерал-Маиор Князь Волконский[4] на ретраншементе и бригадир Горич на стене[5]. Ой, как мне их жаль. Войско казацкое из однодворцев, по Вашему указу только что сформированное, было пехотою на штурме и чудеса делало. Их предводители донские полковники – молодые люди – оказали необыкновенную храбрость.

Матушка Государыня, какие труды армия моя понесла и сколько наделала неприятелю урону, того не вдруг можно описать: услышите от турков.

Тяготят меня пленные, а паче женщины. Зима жестока, как в России. Отправлять их хлопот много. В городе строения переломаны нашими пушками. Много нужно починивать. Также забот немало – полки ввести в квартеры, тем паче, что поляки не хотят пустить.

Александр Николаевич вошел первый в крепость, а потом с другой стороны Ангальт[6]. Армия моя почти наголову из рекрут, но когда есть Божья помощь, то все побеждает.

Пашу с чиновниками скоро отправлю в Петербург. То же и знамена[7]. Обстоятельно не могу еще донести обо всем, как чрез пять дней.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Полку моего подполковник Боур[8] находился все при мне дежурным, подвергая часто себя опасности. Вы были милостивы к его отцу. Пожалуйте его полковником.

906. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

За ушки взяв обеими руками, мысленно тебя цалую, друг мой сердечный Князь Григорий Александрович, за присланную с полковником Бауром весть о взятьи Очакова. Все люди вообще чрезвычайно сим щастливым произшествием обрадованы. Я же почитаю, что оно много послужит к генеральной развязке дел. Слава Богу, а тебе хвалу отдаю и весьма тебя благодарю за сие важное для Империи приобретение в теперешних обстоятельствах. С величайшим признанием принимаю рвение и усердие предводимых Вами войск от вышнего до нижних чинов. Жалею весьма о убитых храбрых мужах; болезни и раны раненых мне чувствительны, желаю и Бога молю о излечении их. Всем прошу сказать от меня признание мое и спасибо. Жадно ожидаю от тебя донесения о подробностях, чтоб щедрою рукою воздать кому следует по справедливости. Труды армии в суровую зиму представить себе могу, и для того не в зачет надлежит ей выдать полугодовое жалованье из экстраординарной суммы. Располагай смело армию на зиму в Польше; хотение поляков тем самым скорее паки возьмет естественное свое течение, à une armée de conquérant l'on n'a encore jamais refusé

de quartier*. Теперь мириться гораздо стало ловчее, и никаких не пропущу мер, чтоб скорее к тому достигнуть.

Всем, друг мой сердечный, ты рот закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще способ оказать великодушие слепо и ветренно тебя осуждающим[1]. Прощай, мой друг, до свидания. Будь здоров и благополучен.

Дек[абря] 16 ч., 1788

Известно тебе, я чаю, что Король Аглинский с ума сошел так совершенно, что четыре человека насилу его держать могут, когда приходит на него rage**.

Я ожидаю заверно, что по распоряжении нужного по твоей Армии, я буду иметь удовольствие тебя видеть здесь, как я о сем уже в предыдуших моих письмах к тебе писала и теперь повторяю.

907. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Очаков, 26 декабря [1788]

Не мог, матушка Всемилостивейшая Государыня, отправить донесений моих до сих пор по причине сильных метелей, которые таковы продолжались, что версты пройтить нельзя было. Теперь время утихло. Нечего мне сказать о штурме, как он происходил, ибо он таков был, какового никогда не бывало. Можно смело сказать, что простой маневр не удастся с такой точностию. Поверьте, матушка, что это было как вихрь самый сильный, обратившы в короткое время людей во гроб, а город верх дном. С какой радостию и доверенностию все шли, любо было смотреть. Управясь здесь, я по дозволению, что Вы изволили пред последним письмом написать, приеду в Петербург. Дела Ваши и мои собственные необходимо требуют.

Напрасно, матушка, гневаешься в последних Ваших письмах. Усердие мое того не заслуживает. Я не по основаниям Графа Панина думаю, но по обстоятельствам[1]. Не влюблен я в Прусского Короля, не боюсь его войск, но всегда скажу, что они всех протчих менее должны быть презираемы. Мои мысли основаны на верности к Вам. Не тот я, который бы хотел, чтоб Вы уронили достоинство Ваше. Но, не помирясь с турками, зачать что-либо – не может принести Вам славы. И сего должно убегать всячески, ибо верно мы проиграем, везде сунувшись.

Пространство границ не дозволяет нам делать извороты, какие употребительны в земле малой окружности. Неловко иметь двух неприятелей, а то будет пять. Здесь Бог помог. Так успеем, что будущая кампания весьма славна и легка быть должна. Побежав же в другую сторону, все обратится здесь в ничто, и, бывши на старом уже пути к окончанию дел, повернемся назад. Изволите говорить, чтоб я не смотрел на Европейские замыслы. Государыня, я не космополит, до Европы мало мне нужды, а когда доходит от нее помешательство в делах мне вверенных, тут нельзя быть равнодушну. Много раз изволите упоминать – "бери Очаков". Когда я Вам доносил, что я отступлю, не взявши? И смело скажу, что никак бы его прежде взять не удалось. Вы изволили

---

* победоносной армии никогда не отказывают в квартирах (*фр.*).

** раж (*фр.*).

знать, какой интерес к сему Султаном и Портою был привязан. А по сему судите, как он был снабжен оружием и людьми. Войско тут находилось отборное, с весны было с прихожим на жалованье действительно 20 тысяч, опричь флоту. Теперь за двенадцать, из которых душа не воротится назад. Я ж, Государыня, не лгу, как другие, а моя, так называемая, армия не составляет 14 тысяч пехоты, в которой три четверти рекрут. Но Бог ко мне милосерд. не подал Он удачи неприятелю. Изволите говорить, что не время думать теперь о покое. Я, матушка, писал не о телесном покое, но успокоить дух пора. Заботы повсечастные, бдение на нескольких тысячах верстах границ, мне вверенных, неприятель на море и на суше, которого я не страшусь, да и не презираю. Злодеи, коих я презираю, но боюсь их умыслов: сия шайка людей неблагодарных, не мыслящих, кроме своих выгод и покою, ни о чем; вооруженные коварством делают мне пакости всеми образа[ми]. Нет клеветы, что бы они на меня не возводили, и, не могши Вас поколебать, распускают всюду присвоенных себе мошенников меня порочить. Вот их упражнение, а мое – прощать им. Они плутуют, а я служу. Всемилостивейшая Государыня, я везде жертвовал Вам моею жизнию и, право, могу сказать, что никто не отваживался больше моего. Я не пользовался теми выгодами, какие в пышности звания моего иные находят. Мудрено быть простяе моего. Из сего выходит, что я служу для Вас и для пользы. Посланный с донесениями мой Генерал дежурный[2] может подробно донести о всем, как происходило, к которому прошу Высочайшей милости. Подробно об отличившихся привезу с собой. Пока жив

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Изволите писать, что денег нету. Я сего никогда не говорил, не зная ресурсов Государственных, а то говорю, что дороговизна несносная теперь. На будущую кампанию необходимо флот нужно весь пустить в действо. Доделка судов и некоторых вновь страшную составляет сумму. Флотом только можно решить с турками, прижав их в самой столице. Просил я матрозов. Не получа же, все оставить лутче на верфях. Пушек также не получил рано. Между тем, можно пособить сей артикул, о чем доложу. Изволите говорить: я, как крот, роюсь. По холоду, какая зима здесь, немудренно бы жить в землянках, но как про меня редко доносят правду, то и тут солгали. Я все жил в ставке, которую отдал раненым, а сам в одной маленькой кибитке живу и то в чужой[3].

1789

908. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Кременчуг, 15 генваря [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня, не было способа мне отлучиться отсюда, не учредив всего и не дождавшись полков, приближающихся к своим квартерам. Маршу очень препятствовали неслыханные до сего здесь морозы. Я, подав все пособия, а на места, где нет селений, – все свои ставки поставил ради проходящих команд, всячески снабдя и сеном, и угольем. Теперь почти вся пехота вошла или подходит близко к своим квартерам.

Корабль "Владимир", обледеневши у Кинбурнской косы, высвобожден изо льдов, получил потребный себе груз и второго на десять числа отправился в Севастополь. Того же дня ушел из виду. Судно двумачтовое "Березань" придано ему форзейлем. Из Севастополя выдут навстречу несколько крейсерских судов. Берега в ночь от Тарханова кута будут освещены. В гавани же все гребные суда приготовлены на случай, естли б нужда случилась его буксировать. Естли Бог поможет ему притить, то назначенным по освобождению изо льдов следовать в Севастополь: кораблю "Александр", фрегатам новоизобретенным "Федоту Мученику", "Григорию Богослову" и "Григорию Великия Армении". Они несут все пушки большого калибра. 80 п[ушечный] "Иосиф" по вскрытии льда поставится на камели, а как оные в нем зделаны легче прежних, то я приказал попытаться из Херсона вести его с мачтами. Корабль "Мария Магдалина" приходит к окончанию. Корабли "Петр Апостол" и "Евангелист Иоанн" в Таганроге спущены. Я понуждаю Баташева, чтобы скорей выливал пушки для них. Галера первого ранга, взятая у турков, обращена в парусное судно и вооружится сильной артиллерией. Весною пойдет в Севастополь. Корабль турецкий совсем переделан на европейский манер в ранг 62 п[ушечного] корабля. Он отменно хорошей конструкции в подводной части и ходит скорей всех наших на фордевин. Потопленные нами турецкие суда под Очаковом приказал все вытащить и исправить. Семь из них нетрудно починить. Дерево и конструкция сих полугалер прекрасные. Из транспортных же тамо находящихся только три годны, но и сии будут отделаны военными.

Я посылаю предварительно, чтобы не подумали, что меня что ни есть другое остановило. Я же ныне и не в силах так летать, как прежде, а нужда требовала некоторые квартеры и вновь построенные лазареты самому осмотреть. Через два дни отправлюсь.

Вечно и непоколебимо
вернейший и благодарнейший
подданный

Князь Потемкин Таврический

909. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Полковник Баур вчерашний день привез ко мне твое письмо из Кременчуга от 15 генваря, из которого увидела с удовольствием, что ты уже к нам приближаешься. И сколько ни желаю тебя видеть после столь долгой разлуки, однако я весьма тебя хвалю: во-первых, за то, что ты не отлучился, пока все нужные и надобные разпоряжения не окончил. Что пишешь о Херсонском и Лиманском флоте, такожде о отправлении корабля "Владимир" в Севастополь, – служит мне новым доказательством о твоем попечении о сей части. Доезжай до нас с покоем, побереги свое здоровье и будь уверен, что принят будешь с радостию, окончив столь славно и благополучно толь трудную кампанию.

Прощай, мой друг, Бог с тобою.
Ген[варя] 21 число, 1789 го[да]

910. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Дубровна. 31 генваря [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Хотя я рапорта не имею еще от командующего флотом, но чрез прибывшего курьера из Севастополя известен, что корабль "Владимир" благополучно в гавань пришел. Слава Богу, я очень безпокоился об нем. Граф Войнович, быв на корабле "Марии", строящемся в Херсоне, с верхних лесов поскользнувшись, упал. Я о сем узнал, но, не имев точного уведомления, крайне был встревожен. Однако ныне пишут, что ему легче.

Суда наши на Лимане много мне причиняют заботы, ибо лед так толст, как в Петербурге. Войски все уже вступили в квартеры. Рекрут пришло в Херсон только еще три тысячи.

Я приехал в Могилев из Кременчуга меньше трех суток, только измучился до крайности. Остановился отдохнуть в Дубровне на три дни. Завтре выезжаю. Бог видит, что грудь отшибло, притом и лихорадка была, посетила. Я по смерть вернейший и благодарнейший

подданный
Князь Потемкин Таврический

911. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Сей час получила я твое письмо из Дубровны от 31 генваря. Радуюсь весьма, что к нам приближае[шь]ся, и с удовольствием узнала, что корабль "Владимир" благополучно прибыл в Севастополь, а что Граф Войнович ушибся – о сем сожалею. Льды везде толсты, даже в гаванях Средиземного моря, как сказывают, а правда ли или нет – не ведаю, понеже сама не мерила. Переезд твой из Кременчуга в Могилев был подобен птичьему перелету, а там диви[шь]ся, что устал. Ты никак не бережешься, а унимать тебя некому: буде приедешь сюда больной, то сколько ни обрадуюсь твоему приезду, однако, при первом свиданьи за уши подеру, будь

уверен. Морщись, как хочешь, а со здоровьем не шути. Вот какая у нас готовится встреча победителю![1]

Прощай, до свиданья, Бог с тобою.

Февр[аля] 2 ч., 1789 г.

912. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 4 февраля 1789]

Взятие Очакова Божией помощию развязывает руки простирать победы к Дунаю и угнетать неприятеля до крайности для нанесения вящего удара. Потребно усиление флота, который с приуготовляемыми кораблями довольно долженствовал бы быть силен, естли б доставало матрозов и артиллерии. Войски Кубанские с частью Кавказских сил произвели бы диверсию и тем, так как и ныне, удержали б турецкие силы в Анатолии.

Армия Украинская всю бы имела удобность вытеснить неприятеля из обеих княжеств[1]. Все, можно сказать, после Очакова представляется возможно. Но обстоятельства в Польше, опасность от Прусского Короля и содействие ему от Англии кладут не только преграду, но и представляют большую опасность. Соседи наши поляки, естли не будут обращены, находятся за спиною наших войск и, облегая границы наши, много причинят вреда. К тому еще, ежели запретят продавать хлеб.

Всемилостивейшая Государыня, я Вам верен, я Вам благодарен, я Вас чту матерью, я люблю Отечество. Лично для меня мне тут хорошо и славно, где могу положить живот за тебя, чего я не только не удалялся, но и искал. Но честь твоего царствования требует оборота критического нынешнего положения дел. Все твои подданные ожидают сего и надеются от твоего искусства. Я не нахожу невозможности, лишь бы живее действовать в политике и препоручить людям к тебе преданным[2]. Во-первых, усыпить Прусского Короля, поманя его надеждою приобрести прежнюю доверенность, что можно зделать, изъясняясь с ним ласково о примирении нас с турками, согласясь тут с Императором для отнятия у него подозрения. Полякам, ежели показать, что Вы намерялись им при мире с Портою доставить часть земли за Днестром, они оборотятся все к Вам и оружие, что готовят, употребят на Вашу службу. Ускорите с Англиею поставить трактат коммерческий. Сим Вы обратите к себе нацию, которая охладела противу Вас. Напрягите все силы успеть в сих двух пунктах. Тогда не только бранить, но и бить будем Прусского Короля. Иначе я не знаю, что будет. Император не может сильных войск отделить противу Пруссии, ибо он и со всеми силами не мог бороться против горсти турков. Французы не пошлют ни одной бригады, и потому Прусский Король легко отделит против Цесаря 80 т[ысяч] своих, да 25 [тысяч] саксонцев. 80 т[ысяч] противу нас, да поляков с 50. Извольте подумать, чем противу сего бороться, не кончив с турками. Я первый того мнения, что Прусскому Королю заплатить нужно, но помирясь с турками.

Обращаюсь к предположениям военным противу турок. Неможно никак рапортировать войск той стороны, не знав – армия Украинская на месте остается или обратится в другую сторону, вся или частью[3]. Ежели тут, то совсем другой

образ войны будет. В силу Вашего повеления четыре полка пехотных я от себя вывел к Лубнам ради обращения в Лифляндию, и десять эскадронов драгун[4].

Планы барона Спренгпортена и Егерсгорна[5] я, читая, нашел их почти одновидными, выключая способов, несколько разнствующих меж собою. Хорошо бы поддержать угнетенное дворянство отвлечением финнов, но как два другие ордена поднялись на них, то начатие действ от нас в Финляндии паче будет угрозою дворянскому сословию от упомянутых орденов[6], чем подастся еще больше причины нападать на них, то есть дворян, как на зломыслящих противу отечества. К тому же время зимнее не позволяет пользоваться увертками военными, чем по локалию мы могли бы бороться большим противу нас силам. Не понудит ли такое движение заранее решиться Прусскому Королю ввести войско в Польшу в сие время, когда влияние пруссаков тамо несколько ослабевать начинает и которое верно бы исчезло, естли б повелись дела по моим мыслям и с равным моим к Вам усердием, при котором обороте с подкреплением нашего корпуса вся бы польская конница обратилась на Пруссию и, конечно, бы его кавалерию истребила в одну кампанию[7]. Но сие мое рвение известно только во всей чистоте одному Богу.

Я заключаю относительно финнов, что к концу будущей кампании, коли Бог дарует поверхность нашему флоту, то мы, притесня сообщение Швеции с Финляндиею, войдем, собрав все силы, на занятие помянутого княжества. Поставя уже там твердую ногу, произведем и с ним вдруг дадим новую форму правления со всевозможными пред теперешними выгодами, дав тотчас каждому состоянию почувствовать плоды, чем и шведы прельстятся. Иначе нынешнее предприятие только будет попыткою и легко станется безплодною, а тем откроется план, противу которого и осторожности примутся. Я повторенно немного говорю, но флот всеми возможными силами устремить на решительный удар. Но естли поведется недружно, то почувствуется вместо всех плодов один только убыток.

О Польше много бы я мог сказать, но теперь не смогу читать много и писать. На случай входа в Финляндию, естли Бог благословит будущие действия, предварительно все зделать нужно положения, содержа их в тайне. Сему предшествовать должен манифест. Я в другое время скажу, какого он по моему мнению должен быть содержания.

Решение об Украинской армии нужно скорей быть дано ради принятия мер, ибо разстроенное надлежит исправлять. Может случиться, что и хлеба ни куска у них не будет к тому времяни, как я прибуду. А время коротко. Я трудов не щажу и рад хотя задохнуться под тягостию их, но нужна скорость.

913. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 4 февраля 1789]

Я уже сказал, что план операций противу турков по взятии Очакова становится облегчительным: Украинская армия и часть моей все уже наступательно действовать может. Я предполагал, говоря с послом, уже давно, что турки усилят свои поиски к Измаилу[1]. Сие подтверждается ныне известиями цареградскими. Требование цесарское несовместно ни с разумом, ни с пользою. Они хотят,

чтобы шли к Ольте, к пункту весьма отдаленному и тем паче невыгодному, что совсем в сторону от нашего центра. Они сперва требовали от нас действий между Днестра и Буга, чем в самом деле разделяется неприятель. Но ныне так напуганы, что уже и в своих границах ищут от нас помощи. Они могут быть уверены, что естьли живо поведут войну в своей части, то турки в их краю не будут сильны. Взяв правилом противуполагать свои силы силам неприятельским, которые, конечно, будут в Браилове, а больше от Измаила к Бендерам, тут и наши армии упражняться должны, стараясь всячески притянуть неприятеля к одному месту видом ли атаки Бендер, или движением к Измаилу. Когда Бог поможет разбить его в поле, то и кампании конец. Флот неприятельский ежели не станет для одного охранения канала, то, конечно, расположится у мыса Таклы между Еникольского полуострова и Анапы. Может быть часть его и у Аккермана будет[2].

Польша страшит немало[3], я боюсь, чтобы не отказали нам покупать хлеб, то что будем делать? В предупреждение сего извольте приказать зделать раскладку хлеба в губерниях Малороссиих, в Курской, в Харьковской, Воронежской и Танбовской, который доставить на Буг. То имея сильный столь запас, ежели б армия Украинская лишена была покупать в Польше, тогда может придвинуться к Бугу, получить тут хлеб и действовать к Дунаю с толикою же удобностию, как и из теперешнего места. За хлеб жителям заплатить безобидно так, как и за провоз. Таковые издержки внутри земли будут выгодны, а казна, платя бумагою, почти хлеб получит даром.

Повторение:

Армия Украинская и часть моей наступательно будут действовать противу неприятеля в Бессарабии, где уповательно его силы скопятся, но сие действие долженствует быть весьма живо.

В Крыму оборонительно. На Кубани наступательно, к Анапе; флот усилить потребно, приведя в действительность все готовые корабли. Недостаток артиллерии – употреблением всей осадной, у меня и в Киеве находящейся, ибо она ненужна. Турецкие пушки переделать для флота с прибавлением готовой у меня меди, чем весь флот почти снабдится. Тогда осадную можно будет назад отдать. Когда флот будет силен, тогда уже мы везде будем искать неприятельский. С четырьмя кораблями я делал больше, нежели можно, противу 38 турецких, но немало и воздерживался, охраняя честь Вашего флага.

914. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[После 4 февраля 1789]

Что ты пишешь от усердия, о том спора нету, но как мною зделано все возможное, то мне кажется, что с меня и более требовать нет возможности, не унижая достоинства. А без сего ни жизнь, ни корона мне не нужна. Кой час обещать Польше чего ни есть из земель турецких ныне, тот же час его Королевское Прусское Величество нам о сем прещение со угрозами непременно чинить будет, с принятым с нами грубым тоном, который либо глотать должно будет, либо отмщать. И для того полагаю избегнуть лутче, не обещая полякам

ничего и давая им блажить, дондеже перестанут. То есть у себя в Польше пусть портят и делают, что хотят, но к себе их не пущу, и для того полки, кои к Лубнам обращены, пусть пойдут к Белоруссии.

Мое мнение есть – Фельдм[аршала] Рум[янцева] отозвать от армии и поручить тебе обе армии, дабы согласнее дело шло[1].

Я гневных изражений, мой друг, с тобою, кажется, не употребляла, а что оскорбления Короля Прусского принимаю с нетерпением и с тем чувством, с которым прилично, – за сие прошу меня не осуждать, ибо я недостойна была своего места и звания, естьли б я сие чувство в своей душе не имела.

Все что пишешь о операции армии, весьма хорошо, и мое мнение было всегда, чтоб Бендеры и Бессарабия были предметом сей кампании, а на Ольту незачем[2].

915. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28 февраля 1789

Сверх общих правил боевого строя, каждая нация имеет нечто ей свойственное. Наипаче во флотах сие бывает по конструкции и часто по крепости или ветхости судов, а паче калибра пушек. Для положений генеральных нужны мне сведения, в каком числе состоял флот Швецкий и каких рангов их суда; вместе ли он весь был или разделен; были ли легкие эскадры для крейсерств; какова рода мелкие их суда и с какой артиллерией. По взятому кораблю можно знать о числе экипажей, а по тому судить, предполагают ли они абордаж. Маневр их был ли стремителен или больше состоял в укреплении линии, из чего бы можно увидеть, к чему они больше наклонны – наступать или обороняться. Сие мне крайне нужно, ибо тогда я узнаю, как свои устроить части и как действовать, тем паче, что в морском деле моя система состоит в калибре пушек, с чего меня не собьют все адмиралы в свете[1]. От кого я могу получить помянутые сведения?

916. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28 февраля 1789

Сколь ни запрещал я делать шалости в Польше, но получил, что Неранчич тамо настроил довольно. Я поспешу повелением его следовать, но нужно и послу в Варшаве предварительно дать знать как произошло и тем утушить.

917. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Февраль–март 1789]

Разполагая в подробность план кампании Финляндской, нахожу нужным, чтобы приказано было скорей вылить шесть, а не худо и двенадцать, трехфунтовых единорогов и толикое же число шестифунтовых кугорновых мортирец. По тамошнему положению действия не могут быть, как affaires des postes*. Первые так легки, что переносить можно, а другие нужны для выживания неприятеля изо рвов и впадин. И сии один человек переносить может.

* Стычки постов (*фр.*).

918. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Февраль–март 1789]

Можно ли, матушка, оставаться везде, куда поиски делаются. Неслыханно, чтобы держать все сие несогласно ни с пользою, ни с возможностию. Действия наступательные не должны быть связаны ничем[1]. И тут крайне нужно держаться в положении генеральном, то есть быть твердою ногою и где действовать. Наше дело вредить неприятелю и не оставаться в недействии. Стоит ли движения разговор недоброхотов. Кстати ли нам, уважая их враки, себя теснить. Кто видал, чтобы в Галаце остаться, в месте открытом на Дунае, между двух рек – Серета и Прута; с одной стороны Измаил – с другой Браилов, куда часто и помочи подать невозможно за частыми разлитиями вод и где должно умереть с голоду.

919. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Февраль–март 1789]

Мне луче нравится дефензива, нежели офензива[1]. Сия последняя требует много точности и подробности, паче же от водяного или морского привоза сие почти что требовать невозможно. Да сверх того, входя в Финляндию, финнам будет в тягость, а теперь они нас менажируют*.

Остаться в дефензиве, дондеже заверно полагать можно будет, что офензива полезнее дефензивы для нас.

920. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Февраль–март 1789]

Пора тебе унимать Браницкого[1]. Я никак его поведением не обманута. Он в конфедерации ищет Короля ссадить[2], а как сие, конечно, не допущу, понеже я дел рук моих пред Богом и светом обязана soutenipовать**. Он же сам неблагодарнейшая тварь. Пожалуй, уйми его, пока еще время.

921. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Февраль–март 1789]

Помилуй, матушка, чем я уйму Браницкого и когда я его баловал? Но позвольте сказать: теперь словами делать ничего нельзя, а брать меры нужно. Сердцем ничего не произведем и оно лишнее. Польша – вся Браницкий. Я о сем Вам всегда говорил. Браницкого я так держал, что удивительно, как он мог сносить сие. Всей армии известно. Войдите в положение дел. Вы увидите, что с Польшей иной нужен оборот[1]. Нам нельзя быть passif***, когда там действуют все. Ежели я худо думаю, скажите лутче. Но нужно там работать.

---

* от ménager (фр.) – щадить.

** от soutenir (*фр.*). – поддерживать.

*** пассивными (*фр.*).

922. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Февраль–март 1789]

Я без сердца говорю – напиши к Бран[ицкому] письмо и скажи ему, что ему стыдно и позорно быть и слытца врагом своих благотворителей и для того ему советуешь реконфедерации не делать, а сидеть смирно.

923. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Февраль–март 1789]

Что тебе диковинка – написать письмо и сказать, что таковой слух носится и что сие невероятно, потому что оно несходственно долгу честности и благодарности. А из таковой конфеде[рации] выйдет Прусский Король новый в Польше[1].

924. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Февраль–март 1789]

Когда буду иметь случай объясниться, Вы увидите, что я с Вами одно мыслю[1]. Истолкование все сгладит.

Таблицы ордеров баталий морских и сухопутных скоро поспеют для Финляндии. Тут Вы яснее все увидите.

Армию Кавказскую с Кубанской препоручить в попечение начальнику, кого из старших генералов избрать изволите[2], с тем, чтоб он получил и на продовольствие особо, а зависел бы от меня только в операциях, куда их обращать по главным предположениям. А то истинно мне подробность тамошняя невмочь. Моя матушка родная, я право Вас люблю, как душу. Не гневайся на меня.

О хлебе и об артиллерии осадной нужно приказание.

Я теперь с Спренгпортеном. О сем говоря, он мне записывает родню Г[рафа] Ферзена, которая в армии в разных чинах. То же и других арестованных[3]. Денег на всякий случай тысячу червоных дать Спренгпорт[ену] и две – Пушкину для нужного употребления, из которых Гинзелю теперь тысячу[4]. По переговоре сем увидеть можно, куда клонится дело, и тут уже живо вести, не жалевши.

Матушка родная, Бог нам всегда являет неожидаемые способы. Может быть и тут Его милость скажется.

Рек у меня, когда прикажете ему предстать.

925. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 3 марта 1789]

Я, матушка, никак не могу ориентироваться, не знав расположения войск Графа Румянцева. У Графа Безбородки нет его репортиции. Где ж мне взять. А я крайне озабочен теперь о той части и пишу ордера.

926. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 21 марта 1789]

Потребно во флот Черноморский и флотилию тамошнюю 120 мичманов. Я всеподданнейше прошу в сие число указать из Кадетского морского корпуса определить гардемаринов, кои одну кампанию зделали. Их за укомплектованием флота здешнего остается до 80-и человек.

О бывшем флота капитане Баранове подношу здесь мнение[1], из которого Ваше Императорское Величество усмотреть изволите не столь большое преступление или, можно сказать, всю справедливость. Он человек, отлично знающий морское дело. Повелите, Всемилостивейшая Государыня, мне подать ему случай на счет жизни доказать противное теперешнему об нем заключению.

Учителя с помощником от корпуса Кадетского для обучения навигации.

927. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март–апрель 1789]

При первом случае при прочтении проекта о мещанах встречаются вопросы[1]. Первый: когда мещане обращены будут вне их города, кто будет по городам отправлять ремеслы? Второе: в случае переселения их – города не останутся ли пусты, а дома без жителей?

Буде же бы оне были на первый случай вооружены в своих городах, тогда могли иметь по своим местам стражу и отправлять свои ремеслы, а военная стража могла обратиться, куда нужда потребовала.

У меня в городовом положении[2] сказано, что мещане, растроговавшись, могут переходить и записаться в купеческие гильдии по капиталам.

928. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Март–апрель 1789]

Первое мое представление о ямщиках и мещанах, из армии присланное, было по узнании из опыта, сколь нужно на границах иметь поселян военных, которые их бы защищали вместо того, чтоб требовать себе защиты. Сие тем еще нужнее в нашем Государстве, что обширность пределов не позволяет всюду поспеть с войсками на помощь, что армия национальная необходимо требует умножения милиции, ибо нет здесь такого роду людей, коих бы можно вербовать на случай войны. Умножать же войски на щот рекрутских наборов – Государству вредно, понеже им оно изнуряется, и хлебопашество терпит еще больше, потому что солдат служит безсрочно и, следовательно, умирает сивильно. Сей пункт стоит уважения.

Армия Вашего Императорского Величества числом велика, но для Государства столь обширного и по соседям – весьма недостаточна. По сим резонам я решился представить об однодворцах вверенных мне губерний, а к тем присовокупить мещан и ямщиков. Первые казаками были уже на штурме Очаковском, где не только что не хуже, сказать, поступали, но и поддержали полк Танбовский, который без них не мог бы устоять.

Теперь донесу на вопросы, которые изволили зделать о ремеслах. Донцы служат, ремеслы отправляют и торгуют, как дома, так и за море. Сверх того мещан в Государстве с лишком триста тысяч, но ежели взять на службу тридцать, останется дома их двести семьдесят. На первый случай вооруженных необходимо послать надлежит на войну, для приобучения, которые после обучат своих товарищей. Можно составить из других и стражу в городе. Сие я разумею в Петербурге и в Москве, в протчих городах ненужно.

В городовом положении сказано о мещанах, но теперь они преобразуются в военный род – честнейший пред их состоянием, в котором, как донцы, ремесленники будут работать, богатея, промышлять торгом, а служба им откроет путь к степеням. Будут из них храбрые люди и генералы, как Федор Петрович Денисов[1].

Вашему Величеству сие основание честь принесет в потомстве. Вы Государству дадите запасное войско и всегда готовых хранителей, которые в мирное время никакого содержания не требуют.

Я не спал всю ночь, и когда получил записку, то голова была так тяжела, что не мог тотчас отвечать.

929. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Март–апрель 1789]

К идее той, что Вы имеете о построении Замка в Осиновой Роще, не изволите ли присовокупить следующее.

Я не вижу ни нужды, ни в Вас большой охоты воевать противу зайцев и ворон. Да и во всей Европе предводить собаками многие уже отменили. Егерское сонмище стоит Вам больше, нежели полк карабинерный. Одна канцелярия с конторою за десять тысяч.

Не угодно ли приятное соединить с полезным. Обратить их в конный лейб-егерский корпус, определя им место в Осиновой Роще[1]. Они тут будут содержать гарнизон Замка, в мирное время стрелять медведей, тетеревей и зайцев, а в военное бить шведов. Умножить число лейб-егерей из недостаточных дворян, коих много.

Обер-егермейстер[2] может быть шеф всех егерей и тогда будет он обер-егермейстер не по собакам. Из них, то есть из лейб-егерей, формируются мастера для обучения стрельбы и будет тут школа для всех в Армии егерей.

Лугов господских в Осиновой Роще было довольно. Вот и сено для лошадей. Ежели изволите апробовать, то я зделаю проект штата.

Дом тогда, что строится на царскосельской дороге, может обращен быть на иное употребление.

930. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Март–апрель 1789]

Я, матушка, стороною услышал, что в Ревеле люди расположены тесно, отчего делается болезнь ипидемическая и много умирает солдат и матрозов. Прикажите разставить до лагерного по деревням просторнее.

931. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Март – апрель 1789]

Ежели, матушка, позволите, я бы послал весьма проворного курьера за Денисовым, чтоб он сам сюда приехал. Крайне нужно расспросить, как они держат свои передовые посты: обвещательные ли они или твердые? об образе их защиты и как сражаются? Из сего можно много предположить для переду.

932. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Апрель 1789]

Матушка моя родная, Князь Давыдов, Генерал-Маиор[1], бывший в Тамбове губернатором, отставлен по ссоре с Романом Ларионовичем[2], может быть, первый у нас, да из лучших и везде пиротехников. Был он командир в Преображенском полку бомбардирской роты и его ученики делали фейерверк прекрасный, что изволили видеть в Карасу-Базаре[3]. Он выдумал пули для обыкновенных ружей зажигательные, коих и бабушке сего француза придумать не удастся. Я их пробовал при себе; у меня уже готова записка[4], чтоб по его желанию дать мне его на употребление. Я уверен, что и брандскугели сильнее он зделает.

933. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Апрель 1789]

Принесли ко мне присланное от тебя, мой друг, – так называнную безделку, которая красоты редкой или луче сказать безподобна, каков ты сам. Ей и тебе дивлюсь. Vous êtes Vous même le sel attique personnifié*.

934. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Апрель 1789]

У Вас достоинства не по платью принимаются; потому я Вас, матушка родная, прошу Денисову позволить быть в Эрмитаже[1].

Рукой Екатерины II: *Никак не могу разобрать подчеркнутое слово, о ком просишь под сим. Напиши и явственнее, а естьли пишешь о Денисове, то с радостию соглашаюсь его призвать в Эрмитаж, ибо он повсюду храбростию и умом себе проложил дорогу.*

935. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 14 апреля 1789]

Долг справедливости требует всеподданнейшего засвидетельствования пред Вашим Императорским Величеством о ревностной и отличной службе состоящих во флоте Черноморском:

---

* Вы же сами – воплощение остроумия (дословно – "аттическая соль" – фр. идиома).

бригадира и флота капитана Ушакова, офицера весьма искусного и храброго, которого и приемлю смелость удостоить в Контр-Адмиралы[1].

Полковника и мастера корабельного Афанасьева, весьма много мне способствовавшего во всех производимых по флоту строениях, которого и прошу пожаловать в обер-интенданты с чином бригадирским[2].

Подполковника и мастера корабельного Катасанова достойного за труды свои награждения чином полковничьим.

936. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 14 апреля 1789]

Генерал-Порутчик и Кавалер Нащокин ревностною своею службою и неусыпными трудами заслуживает Монаршую милость. Он по склонности и особливой охоте к военным действиям почти по усильной моей прозьбе остался в Херсоне, где нужен был попечительный командир, ради множества препоручений обо всем доставлении в армию оттуда было. То же и формирование полков, тамо остававшихся, рекрутами – от него же зависело. Я бы просил ему Александровского ордена, но он почти пропитания не имеет.

Генерал-Маиору Голенищеву-Кутузову пожаловать Третий класс Георгия[2].

Графу Войновичу Аннинскую ленту.

937. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 17 апреля 1789]

Польской службы Генерал-Маиор Иван Горич, употребленный мною в стороне Кизляра к удержанию спокойства на границах, по особливой в том краю доверенности предуспел не только сохранить тамо тишину и отвлечь лезгин от нападения на Грузию, но, собрав доброжелательные народы, наказал неспокойных, которые в начатии войны с турками набеги на пределы Российские делать приуготовились.

Я осмеливаюсь всеподданнейше представить о принятии его в службу Вашего Императорского Величества, как в награждение собственное, так и во уважение заслуг брата, жизнию пожертвовавшего. По короткому его знакомству в Литве может он ныне и там с пользою употреблен быть.

938. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 17 апреля 1789]

Ежели бы, матушка, Вы апробовали, то бы я думал теперь послать Денисова на шведскую границу, чтобы искусным образом схватить у шведов пост. Да чтоб это было весьма тайно. Сим бы им заплатили. Я уверен, что казаки все употребят возможное, понеже очень озлились на шведов.

Рукой Екатерины II: *Чрезвычайно хорошо вздумали; что скорее и тайнее, то и лутче.*

939. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 17 апреля 1789]

Денисову на прогоны, матушка, пожалуйте. Подношу здесь от Спренгпортена Хванису. Что он предлагает зделать, исполнится Денисовым[1]. Позвольте о сем сказать Пушкину[2] за секрет? Время близко к открытию Бельта, прикажите Козляинову скорей ехать[3]. Опасно, чтобы при покушении, могущим быть от шведов, чтобы теперешний начальник не запутался.

Рукой Екатерины II. *На прогоны Гр[аф] Пушкин дать может из экстраординарной суммы. Скажите ему за секрет. Козляинов уже поехал.*

940. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 17 апреля 1789]

Тут, где ударил Денисов, страх, конечно, уже вселился. Надобно к сему поиску продолжать уже оказательства в протчем, не действительные, но чтобы их внимание более к сему месту навлечь. А между тем в другом произвести удар сильнее прежнего. Да, ежели можно, и в разных местах ради разделения забот. Хорошо бы, Матушка, было из пленных, хорошо обласкавши и наградя, несколько отправить назад, растолковавши им, что им ничего не учинили, естли б они своими нападениями не подали повод, и что Вы шведской нации никакого худа не желаете.

941. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[22 апреля 1789]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня! Вчерашний день дети Ваши составляли собою главное украшение пиршества, увеселяющее сердца всех[1]. Первенец из птенцов орлих уже оперился, скоро, простря крылья, будет он плавать над поверхностию. Окажется ему Россия как карта пространнейшая, увидит он распространение границ, умножение армий, флотов и градов, степи заселенные, народы оставившие дикость, судами покрытые реки, но не узрит источников, текущих кровию винных.

Представится ему семья безчисленная собратий, ибо ты мать твоих подданных, а мне – наипаче, ибо благодеяния твои ко мне больше, нежели часов, век составляющих. Вот какое прекрасное Ему будет зрелище. А нам всем окажется утешительное удовольствие видеть князя с ангельскими свойствами, кротость, приятность вида, величественная осанка. Он возбудит к себе любовь во всех и благодарность к тебе за воспитание, принесшее толикий дар России.

942. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Апреля 22 дня,1789

Подношу здесь Булгакова письмо. Тут изволишь увидеть, в каких руках наши интересы. Они были наши враги и навсегда будут[1].

Рукой Екатерины II: *Равномерно и пруссаки, как то доказал Фокшанский конгресс и нынешняя война.*

Добивался цесарский посол иметь число наших войск. Не прикажите ему давать, а сказать, что я сообщу, будучи сам на месте. Здесь Сегюр узнает, а они все туркам рады показать, лишь бы снискать их милость.

Рукой Екатерины II: *Да и агличане и пруссаки не менее же нам вражествуют, да сии сверх того ныне; наипаче же пруссаки, враги особы Екатерины II и где могут умалять ея славу и честь и отвратить от нее умы и сердца, тут не оставят приложить труда, а естьли сыскать могут, кто бы ее убил, то и сие не оставят.*

943. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец апреля 1789]

Дурака заставь Богу молиться, он лоб расшибет. Господин Круз думает не кораблями, но сам собою бить шведов[1]. На пакет-боте едет, а корабли оставил позади. Он же поста Паркелаутского обезсиливает. Что из этой конфузии выйдет, Бог весть, естьли он сменен не будет.

944. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Конец апреля 1789]

Когда мне скажешь, какие недостатки во флоте, тогда поправить приказания дать можно будет.

Касательно Артиллерии скажу, что теперь весьма трудно в ней зделать перемену, ибо, не знав куда чего повезешь, в нужде здесь не сыщу, в чем иногда крайность быть может. Я в прошедшее лето видела таковые обстоятельства, что когда об них вздумаю, так волосы дыбом станут. Тогда писать к тебе некогда и ждать от тебя, что нужно, за собою потянуть может великие неудобности, а мимо тебя никто не осмелится за чего взять[ся]. Бога для, на теперешний случай и когда так близко возле столицы феатр войны, оставь вещи как есть. Теперь ли время завода и перемен частей.

Награждение я тебе с радостию уделю. Но от сего, любя меня, теперь откажись. Естьли б в мирное время ты б разделил Военную Коллегию, как мой проект был, на столько департаментов, как служба требовала, то бы и артиллерия тут же давно входила. Ты знаешь мое к тебе разположение. Мне об ней говорить нечего. Доверенность равно велика, но необходимость переменить не могу.

945. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 28 апреля 1789]

Я бы, матушка Государыня, за Вами же приехал, но как мне много дел докончить нужно здесь, то остался сегодня обедать. К тому же пробу делать куркам для стреляния из пушек на кораблях. После обеда буду одни сутки и отправлюсь в свой путь.

946. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Статского советника Сергея Лашкарева, много трудившегося в последнюю кампанию по возлагаемым препоручениям и неоднократно жизнь свою подвергавшего опасности, осмеливаюсь удостоивать к награждению орденом Святаго Благовернаго князя Владимира третией степени.

Князь Потемкин Таврический

Маия 1 дня 1789 года

947. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1 мая 1789

Доктор хирургии Массо[1], находящийся во французской службе, по приглашению моему, испрося позволения тамо, всю минувшую кампанию пробыл при армии, Всемилостивейше мне вверенной. Неутомимые труды его и попечение о раненых, из коих по искусству своему многих он спас от смерти, обязывают меня всеподданнейше просить ему в награждение чина надворного советника.

948. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[2 мая 1789]

Je crois que Choiseul a envoyé ce bâtiment exprès pour nous faire savoire que le Sultan est mort*.

949. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[2 мая 1789]

Скорей Шуазель послал осмотреть, что у нас делается, нежели нас уведомить. Его француз на сем судне ничего подобного не открыл, чтобы был нарочно прислан. Напротив, просится назад. Я уверен, что другие суда, о коих они упоминают, побывают в протчих гаванях. Это новый род выдуман шпионства. Ежели их отпускать, то мы нигде в покое не останемся. Притом, показание его о флоте турецком весьма преувеличено[1].

950. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Пуще всего остерегайся, чтоб язву не навезли. А впрочем сии суда могут иногда быть полезны для скорейшей пересылки, и как Султан умер, то думать надлежит, что дела иной оборот возьмут.

Мая 2, 1789

951. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Порхов. [7 мая 1789]

Вчера я из Царского Села выехал в 7 часов, а сюда приехал в 4 часа утра. Матушка Государыня, я здоров, только скушно от пальца боль переносить.

---

* Я думаю, что Шуазель послал это судно нарочно, чтобы известить нас о смерти султана (*фр.*).

Каменский прислал в запас прямо и к Вам реляцию на случай, ежели б меня не нашли[1]. Я ту к Вам и посылаю. Ибраим-паша меня знает[2].

Прости, матушка родная. Немного поевши, тотчас поеду.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Я еще буду иметь курьера об остальных турках, которые переловлены.

952. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[10 мая 1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Рапорт Войновича[1] пришел ко мне с апельсинами. Я все целые посылаю Вам. Право, не съел ни одного. Прискакал в Смоленск вчера в двои сутки, из Царского Села, с половиною. Сей час еду и в Дубровне остановлюсь починить экипажи и себя исправить. Размучился крайне, но больше двух дней не буду.

Каменский рапортует[2], что люди без обуви и без рубашек затем, что поляки не пропускают. Но я думаю, что они хотели везти с ружьями. Можно бы вещи годовой аммуниции особо отправить, но я до приезда не могу распутать. Предварительно же посылаю к К[нязю] Репнину о приведении всего, поелику возможно, к лутчему. Из Дубровны донесу. Что и нету, напишу.

Боюсь, что сильная и давно не бывалая вода не допустит на Буге поставить мосты. Кременчуг весь в воде, и по нему ездят на лодках.

Вы, матушка Государыня, не написали ко мне письма французского, которое б я мог показать Артиллерии Генералу Г[рафу] Потоцкому. Мне оно нужно будет – ему показать, колико Вы на истинный его патриотизм внимаете. Не худо будет, если тут включите поклониться его жене[3].

Из донесений Графа Войновича усмотрите, какой недостаток в чинах для кораблей, готовящихся на Азовском море[4]. Я все зделаю, что будет возможно, но жаль будет, ежели мы не так сильны будем флотом, который, естли б люди были, страшен бы был неприятелю. Простите, матушка родная, ей Богу, насилу мог написать, ослабел очень.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

953. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11 маия [1789]. Дубровна

Я, матушка Всемилостивейшая Государыня, размучился в дороге, однако ж завтре еду и чрез четыре дни уповаю приехать в Кременчуг, который весь залит водой. На Буге разлитие воды так велико, что никак мостов навести невозможно. В Кременчуге прошлогодний хлеб в магазейне залило. Вода еще прибывала по последнему уведомлению.

Каменского рапорты здесь подношу, а о Галацком деле уже третьего от него

получаю. Он послал с сим курьеров по всем возможным дорогам. Сам теперь просится в отпуск до выздоровления. Я считаю, что сие произошло от приезда Князя Репнина[1]. Они вздумали, что армия Украинская останется армиею особою, то всякий располагает себе быть командиром. Для уменьшения конфузии я очень рад, что он просится. По смерть

вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

954. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Вчерашний день я получила письмы твои из Великих Лук и из Смоленска: ты летаешь, а не ездишь. Жаль мне только то, что не наблюдаешь мое предписание касательно сбережения твоего здоровья, а приедешь на место, буде не совсем болен, по крайней мере замучен. Что часто начал писать, за то благодарю тебя. Такожде за добрые вести, присланные из Севастополя о крейсерах: видно, что люди храбрые[1]. Что у Каменского люди без обуви и рубах, сие не хорошо, старайся скорее довезти иным путем, нежели пресеченным врагами нашими в угодности капризам прусским. Без конвоя же везти – полякам на грабеж, чего, можно быть, и желают; никак неудобно кажется. Авось-либо реки скорее придут в свои границы; здесь время сухое и холодное. При сем прилагаю письмо к тебе, которое показать можешь Графу и Графине Потоцким[2].

Недостаток в чинах для кораблей Черноморских стараться станем наполнять колико возможно: отставные флотские уже начали являться.

Прощай, мой друг, Бог с тобою. Будь щастлив, здоров и благополучен.

Екатерина

Из Цар[ского] Села. Маия 13 ч., 1789 г.

За апельсины благодарствую.

955. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмо твое из Дубровны от 11 числа мая и прочие твои письмы от того же числа с приложениями от Каменского я вчерашний день получила и вижу, что хлопот у Вас без щета по причине прокормления армии. Однако надеюсь, что ты из оных выпутае[шь]ся. Не диво, что ты дорогою размучился по твоей езде. Молю Бога, чтоб ты был здоров.

Преобр[аженского] полку капитан Уваров ко мне написал письмо, жалуясь на выпуск молодшего его[1]. Я призвала Татищева[2] и отдала ему то письмо с тем, чтоб он Уварову оное возвратил и написал бы к нему, что и я, и предки мои выпускали из гвардии и определяли в оную по своей воле, чего никогда и никому обидно быть не может, а ему тем менее, что его рота тройжды нашлась не в лутчем порядке. Также ротмистр Олсуфьев[3] везде ходит, жалуется на зделанную ему обиду, но до меня как дойдет, то свою праву не отдам в обиду. Дураки, вздумали сами свои достоинства выхвалять тогда, когда не им о том судить.

Прощай, мой друг, Бог с тобою. Спасибо тебе, что часто пишешь.

Маия 16 ч., 1789

956. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22 маия [1789]. Крем[енчуг]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я и устал и немного чувствовал лихорадку, а потому и не мог больше без отдыху ехать. Приехав в Кременчуг, нашел его весь в воде, после сбытия которой сильные будут болезни необходимо, ибо вода в низких местах заяхниется. Печи во всех домах размыло, я приказал переходить правлениям в новый Екатеринослав[1]. И жители все выходят.

Ежели будут, матушка, сбираться отставные морские офицеры, то бы их отправлять тотчас, нужда в них крайняя.

В коей я слабости, описать не могу. Палец мой вновь разболелся, набередил, много писавши: до последней безделицы все сам пишу во все части.

Простите, матушка Государыня, будьте милостивы и не забывайте меня. Я завтре выеду отсюда. Здесь одно наместническое правление не потопило, и я в нем живу. Нельзя сказать, чтоб я не на своем месте был.

Вернейший и благодарнейший
подданный по смерть
Князь Потемкин Таврический

957. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Маия 23 [1789]. Кременчуг

Когда утихло, мои экипажи могли переправить, и я, матушка Государыня, завтре выеду, хотя и слаб от устали. Из Ясс ничего после отправленных донесений не имею. Наши промышленники в Польше наделали немало дурачеств. Вздумалось им везти ножи в армию для продажи. Залили их в масло. Поляки сие открыли и взяли подозрение. Я ожидаю от Генерал-Порутчика Кречетникова из Киева донесений обо всех транспортах, которым я указал, куда итить[1].

Простите, матушка Государыня, не забывайте Вам по смерть

вернейшего и благодарнейшего
подданного
Князя Потемкина Таврического

958. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29 маия [1789]. Елисавет

Простудил плечо и руку правую; несколько, матушка Всемилостивейшая Государыня, мучусь. Теперь становится легче, и палец заживает. Еду в Херсон и Очаков. Крайне нужно там побывать.

Благодарен, матушка, получил я жезл повелительный[1]. Цалую ручки Ваши от искреннего сердца, дай Бог мне сил заслужить. По возврате из Херсона буду писать подробно. Теперь еще, право, рука болит.

Во всю жизнь непоколебимо

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

959. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 22 и 23 мая из Кременчуга я получила вчерась и третьего дни и за оные тебя благодарю. Что ты устал, о том весьма жалею. Из оных вижу, что ты жителей переводишь в Городище, а правление в Екатеринослав. Морских офицер к тебе отправляют по мере, как оных достают. Наша гребная флотилия поплыла в Кронштадт и оттудова пойдет сутки чрез двое. Есть известия, будто шведский флот будет крейсировать в близости Карлскроны. Ревельский и Кронштадтский – соединились[1].

Дай Боже королям Шведским и Прусским ногтеедицу на каждом пальце, а чтоб твои пальцы перестали болеть. Не опасайся, не забуду тебя. Что часто пишешь, тем самым успокаивается мой дух.

Поляки успокоятся и жалеть будут, когда увидят, что не чрез Польшу, а мимо их всево везем и свою дорогу имеем. Накажи их тем, чтоб не купить у них ничего.

Прощай, мой друг, Бог с тобой. Люблю тебя, как душу.

Мая 31 ч., 1789

960. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Сей час получила я от Гр[афа] Пушкина уведомление, что от Веккера Михельсон пошел 31 мая в Шведскую Финляндию, где разбил неприятельский пост[1] из шести сот человек, огражденных ретраншементом, завладел оным, взял две пушки, два маиора, 4 обер-офицера и немало рядовых, и Михельсон идет вперед к Христину. Нассау пришел в Кронштадт с гребной флотилиею, откуда пойдет чрез 3 дни.

Вот Вам наших вестей при желании всякого благополучия.

Июня 2 ч., 1789 г.

961. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Посол Цесарский, получа от Императора повеления домогаться о продолжении договора, в 1781 году зделанного, я оный письмом к Императору в равной силе, как его ко мне, продолжила без дальнего формалитета, и оные письмы разменены без всякой огласки в прошедший четверг.

Июня 2 ч., 1789

962. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Елисавет. Июня 10 дня [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня, объехав взад и перед больше шестисот верст, ослабел крайне или, лутче сказать, немогу: гемороид и лихорадка одолели, но меня ничто не остановит, кроме смерти.

Трудно сбирать войск из-за Днепра. Во ожидании их, то что есть легких

войск – я двинул открыть Бендеры и Аджи-бей. А Кутузову с корпусом егерским приказал следовать к Балте[1]. Неприятель нигде еще в силах не оказался. Я стану его натягивать в одно место, чтоб его сильное собирание с помощию Божиею разбить, и тем развязать себе руки.

Бывшая армия Украинская весьма умалилась и так разбита на части (почти каждый полк в трех местах), что, ей Богу, не могу щету зделать.

Был в Очакове и еще больше убедился необходимостию для пользы срыть его, о чем будущим курьером представлю подробные резоны. Ежели его не будет и граница укрепится по моему представлению, то более двадцати тысяч войска прибавится к наступательному действию, и люди избавятся места смертоносного. Извольте вообразить, сколько тысяч лошадей и людей почти на поверхности зарыто. Наша польза, чтобы турки тут крепости не имели, а для нас иметь нужды нет. В рассуждении коммуникации: несколько недель ее не было за ветрами. Еду завтре в Ольвиополь, где собираются полки[2]. Здесь крайне нездорово: Ингул высыхает и вонь делает великую.

Матушка Государыня, у меня шефов слишком много, куды с ними деваться. Эльмпт не был у меня, написал Попову, что просился в отставку, приехал без спросу[3]. Куды мне его девать? Право, в тягость. Не угодно ли отправить его на Кавказ. Там нужен быть у Кубанского корпуса начальник. Да и случится старшему занемочь, то было бы кому вступить в команду.

Простите, матушка Государыня, немогу, испарина приходит. По смерть
вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

963. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Замешкался сей мой ответ на твое письмецо от 29 мая за тем, что у меня был жар и бред три дни и горло болело. А теперь я выздоровела, мне кажется, совершенно от той сильной простуды и сверх того имею к тебе сообщить вести отселе приятные: а именно, Генерал-Поручик Михельсон занял Христину, потом пошел к Сент-Михелю, но тут ему не сщастливилось как-то. А сию ночь получила известие, что 8 июня все сие поправилось[1] действительным его, Михельсона, вступлением в С[ент]-Михель, где завладели наши шведским магазейном хлебным и амуничным, а порох шведы подорвали. Сказывают, что шведы унылы и сами говорят, что за сим от них обороны мало будет.

Шульц[2] по другой дороге идет туда же и также ретраншемент и обоз взял. Нассау в море, об шведском флоте ничего не слыхать. Когда Вице-канцлер Келлеру сказал, что ты все транспорты и магазины выводишь из Польши, тогда он деконтенансировался* до того, что скрыть не мог, колико ему неприятна была сия весть[3].

Лорд Стормонт[4], который при многих дворах был министром, в аглинском парламенте публично говорил речь, доказывая, что прусский союз Англии не

* не совладал с собою – от décontenancer (*фр.*).

токмо вреден, но и разорителен быть может, и сказывают, будто Питтов кредит в нации начинает упадать.

Прощай, мой друг, Бог с тобою. Будь здоров, щастлив и благополучен.

Из Царск[ого] Села. Июня 11 ч., 1789

964. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Ольвиополь. 19 июня [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Как я обрадовался, получа с последним курьером о Вашем здоровье, не имея давно известия.

Весьма трудно было проводить пленных между Бендер и границы Польши[1], и, естли бы я не послал отряд многочисленный, не дошли бы они до нас. Как бы сберечь их по малости конных.

По известиям, турецкий флот в числе больших и малых должен быть в 171 судне. Больших число оказалось сходно, а малые еще не все.

Мне, слава Богу, гораздо лутче здесь. Я совершенно стал здоров: столь воздух разнствует. Не могу по сих пор дождаться полков. Днепр долго очень задержал Украинскую армию. Тоже распутать нелегко. Спешу вывести все из Польши.

Император, сказывают цесарцы, худ здоровьем. Боже мой, что это опять их бьют: в двух местах побили. В одном деташемент в восьмистах пехоты наголову весь побит.

Погонщики разбежались. Я еще не получил об них в Губернии указов Сенатских, а без них нельзя[2]. Не могу дождаться порядочных рапортов о числе строевом, и полки, разбиты будучи на части, не могут собрать. Я приказал сводить из Польши. Уже много вывели и из Киева выступили. Мне нельзя зделать и рапортиции порядочной. Скоро уповаю получить и поднесу.

Простите, матушка родная,

Ваш вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

965. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 10 дня июня я получила тому несколько дней назад. Жалею очень, что ты замучился, ездя повсюду. Молю Бога о твоем здоровье и надеюсь, что по твоему обыкновению преодолеешь все затруднения. Желаю тебе везде щастия и удачу[1]. Из репортов Князя Репнина видела я состояние Украинской армии. Непохвально с нею поступил Фельдм[аршал] Румянцев, тем паче, что ничего не исполнил, что приказано было.

Касательно Очакова я все того мнения, что, дондеже не устроена новая граница, его не разрыть ради безопасности Лимана и вывода кораблей. Однако готова принять во всякое время убедительные доказательства противу моих, ибо польза дел – единственное мое желание.

Прощай, мой друг, будь здоров.

Июня 20 ч., 1789 г.

966. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Ольвиополь. 25 июня [1789]

Не получил еще верной карты нужных мест и для того не мог и теперь, матушка Всемилостивейшая Государыня, поднести системы пограничной. Однако же на Буге в Соколах, откудова судовой ход учредится вниз, замок каменный закладывать приказал, употребя на то пленных турков, приведенных из Молдавии. Другой будет заложен на Витовке, где и монастырь полагается.

Пруссаки обратились пакостить лично мне, столь их испугало учтивое мое обхождение с поляками. Луккезини тайно составил сам либель, которую здесь прилагаю, а я смеюсь[1]. Но, матушка Государыня, прикажите нового их посланника хорошенько трактовать[2]. Произведите перемену в Прусском Короле, изыщите способы им взять надежду нашей дружбы, развяжите себе тем руки. Тогда Вы сделаете с ними, что хотите, и накажете, как угодно. Противу Польши нужно запасаться. Черноморских казаков я умножаю, как можно больше. Да на всякий будущий случай нужно заготовить ружья. Я, чтобы скрыть виды, закажу в Туле будто для казаков, из мещан и ямщиков формируемых. Такого оружия нужно много для того, что в Польше у всех нашего закона оружие отобрано[3]. Скоро надеюсь магазейны кончить перевозкою, и вывод войск из Польши тогда ж последует.

Здесь к Бугу полки частью пришли, частью близко. Хлеб везут. Дождавшись всего, пойду для взятия позиции. Казаки щегольски поступили под Бендерами[4].

Я, слава Богу, здоров. Принц Виртембергский приехал[5], весьма учтив и смирен. Не знаю, отправился ли Граф Салтыков, а нужно им взять движение[6].

Слава Богу, что наши поправили ошибку у С. Михеля. Нехорошо, матушка, что худо открывают. Желательно, чтоб из сего вышли следствия, а я все того мнения, что движения наши вперед важнее бы были, естли б флот что произвел наперед. Простите, матушка Государыня, я по смерть Ваш

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Сию минуту получил, что турецкий флот оставил мыс Кочибей и лег в линию в виду, на прошлогоднее место.

967. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25 июня [1789]. Ольвиополь

Достоинства и ученость Арихиепископа Амвросия Екатеринославского Вам, матушка Государыня, известны. Он к тем присовокупляет еще и усердие следовать всюду с армией. Присутствие его будет полезно между единоверными. Он говорит, что его Епархия тамо, где армия. О сем донеся, прошу его похвалить.

Граф Петр Александрович все в Яссах, укладывает обоз и разкладывает по несколько раз в день[1]. А между тем немало от сего толков, но Бог с ним.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

968. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Июня 29, 1789 г.

Письмы твои, друг мой сердечный Князь Григорий Александрович, от 19 июня из Ольвиополя третьего дни до моих рук доставлены. Я вижу, что ты о моем здоровье безпокоился. Но я ныне здоровее, нежели давно была, и противу прошлогоднего – не в пример покойнее. С одной стороны полагаюсь на милость Божию, а в прочем уповаю, что ты не пропустишь ничего того, что делать возможно для разрушения вражеских затей.

Здешние дела идут хотя не совсем еще так, как бы желалось, но однако неприятель не может хвалиться успехом, и, надеюсь что вскоре лутче пойдет.

Что ты в своем здоровье поправляе[шь]ся, тому я весьма рада. У нас лето прекрасное и воздух теплый, и я без выезда в городе живу.

Естьли твои советы цесарцам не помогли, то уже не знаю, как им с турками управляться, а думаю, что в немцах terreur panique* противу турок равной силы, как пруссаки в Семилетней войне имели противу нас по собственному признанию умершего Короля Прусского в его сочинении, напечатанном посреди Берлина.

Указы о погонщиках давно посланы. Прощай, мой друг, да будет тебе сам Бог помощник. Будь здоров, щастлив и благополучен.

969. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[29 июня 1789]

Apophtegme

A son Ami intime il faut dire les choses comme elles sont. Le 18 Juin, au sortir de la table (N.B. c'étoit un Lundi) le Comte Mam[onov] est venu me dire que je ne le traitois plus aussi bien que ci-devant, que je ne répondois pas aux questions qu'il m'avoit faites à table; qu'il n'étoit pas content de ce que quantité de gens, qui remarquoient cela, se faisoient des mines, et qu'il étoit las du rôle qu'il jouoit. La réponse ne fut pas difficile à faire, je lui dis, que si ma conduite à son égard changeoit, la chose ne seroit pas bien étonnante, vu tout ce qu'il avoit fait depuis le mois de Septembre pour la faire changer; qu'il m'avoit dit et répété qu'hormis de l'attachement il n'avoit pour moi aucun autre sentiment; qu'il avoit oppressé tous les miens et que si ils n'étoient plus les mêmes il pouvoit s'en prendre à lui même, les ayant étouffés pour ainsi dire des deux mains; que ses questions je ne les avois pas entendues et que des mines des autres, si elles n'étoient pas dans son imagination, je ne pouvois pas répondre. Sur cela il me dit: Vous avoues donc, que Vous n'aves plus pour moi les même sentiments; à cette question même réponse de ma part, sur quoi il me dit: Il faudra donc, que je m'arrange en conséquence. Réponse: Vous feres ce que Vous jugeres à propos. Sur quoi il me pria de lui donner conseil au sujet de ce qu'il avoit à faire; à quoi je répondis que j'y penserais et il s'en alla. Au bout d'un quart d'heure il m'écrivit pour me dire qu'il prévoyoit tous les désagrémens et les mortifications et mépris aux quels il alloit être exposé, et me renouvela la prière de le conseiller. Je lui répondis que n'ayant guère suivi mes conseils jusqu'ici, je ne

---

* панический ужас (*фр.*).

risquerois pas aussi de lui en donner présentement; mais puisqu'il m'en prioit, je lui dirois qu'une manière brillante pouvoit s'offrir de sortir d'affaire, que le C[om]te Bruce seroit de jour le Dimanche d'après, que je lui ordonnerois d'amener sa fille, qu'Anna Niki[tichna] étoit ici, et que je me faisois fort de porter parole pour lui et d'obtenir la plus riche héritière de l'Empire, que le père, à ce que je croyois, y consentiroit volontiers; je croyois faire une chose agréable à tous les intéressès.

A ce billet je reçus pour réponse un aveu par écrit de la part du C[om]te Mamo[nov] où il m'avoue que depuis un an il amoureux de la Princ[esse] Щербатов, me demandant la permission formelle de l'épouser. Je tombai presque de mon haut de surprise, et je n'en étois pas revenue encore qu'il entra dans ma chambre, tomba à mes genoux, m'avoua toute son intrigue, ses entrevues, sa correspondance et ses intelligences avec elle. Je lui dis, qu'il n'avoit qu'à faire ce qu'il vouloit, que je ne m'opposois à rien, que j'étois seulement fâchée de ce que depuis un an, au lieu de me duper, il ne m'avoit point déclaré la vérité, et que s'il l'avoit fait, il m'auroit épargné, et à lui aussi, bien du chagrin et des tracasseries. A ceci il n'avoit rien à répondre, mais désira qu'Anna Niki[tichna] fût appelée. Elle vint et le gronda, comme de ma vie je n'ai vu gronder personne. Le lendemain il demandas que je fisse les promesses, ce que j'ai fait le Mercredi; puis il demanda la noce, qui va se faire Dimanche 1 juillet, le carême ne permettant pas de les marier plus tôt. Mais ce qu'il y a de singulier, c'est que promis et promise ne font que pleurer, et que ni l'un ni l'autre ne sortent point de leurs appartemens. Le lendemain de la noce les nouveau mariés s'en iront à Moscou; ceci, c'est moi qui l'ai exigé, car j'ai vu le moment, où il alloit désirer de rester malgré son mariage, et si je dois dire la vérité, il y a des contradictions fort singulières, dont j'ai des indices presque certains dans son fait. Pour moi je cherche à me distraire; j'ai cru le ramener, mais j'ai toujours prévu, que cet expédient pourroit être dangereux.

Le semaine qui vient, je Vous en dirai davantage sur le compte de certain Noiraud, dont il ne tient peut-être qu'à moi de faire la connaissance, mais je ne la ferai qu'à toute extrémité. Adieu, portes Vous bien.

J'ai fait venir ces jours-ci Ribaupierre, qui a été le confident pendant un an. Je l'ai trouvé muet et tremblant; je lui ai dit qu'ils avoient eu tort de me cacher et tromper depuis un an tout cela et, encore plus, de ne pas s'être ouverts à Vous. Après cela je me suis souvenue, mon Ami, de toutes Vos paroles: Vous m'en aves dites plusieurs, qui me sont restées dans la mémoire, comme par exemple: нет ли амуришки, et puis Vous m'aves demandé: не ревновали ли Вы к княжне Щербатовы? et cent fois Vous m'aves répété: ох, матушка, плюнь ты на нево; et jamais Vous ne m'aves donné la moindre espérance – quand je me plaignois. Mais, si Vous savies cet amour que ne me le disies Vous tout net? Cela m'auroit affligée alors mais guérie pour sûr, car je n'ai jamais été le tyran de personne. Il est vrai qu'alors il n'y avoit pas de Noiraud en pérspective. Dites moi, si Vous savies ou ne savies pas l'intrigue? Si Vous la savies, je juge que Vous me l'avés caché par ménagement, mais Vous aves eu tort; il falloit me le dire. Adieu, je Vous embrasse de tout mon coeur*.

Афоризм

Задушевному другу надо говорить все, как оно есть. 18 июня, выйдя из-за стола (заметим, что это был понедельник), граф Мамонов пришел сказать мне, что я обращалась с ним не так хорошо, как прежде, что я не отвечала на вопросы, которые

он мне задавал за столом, что он недоволен тем, что множество людей, заметивших это, переглядывалось между собой и что он тяготится ролью, которую играет. Ответ было дать нетрудно. Я сказала ему, что если мое поведение по отношению к нему изменилось, в том не было бы ничего удивительного, ввиду того, что он делал с сентября месяца, чтобы произвести эту перемену, что он говорил мне и повторял, что, кроме преданности, у него не было ко мне иных чувств, что он подавил все мои чувства и что если эти чувства не остались прежними, он должен пенять на себя, так как задушил их, так сказать, обеими руками; что его вопросов я не слышала, а что касается других, то если только они не являются плодом его воображения, я за них отвечать не могу.

На это он сказал мне: следовательно вы признаетесь, что не имеете ко мне прежних чувств. Ответ с моей стороны был тот же. На что он мне сказал: следовательно я буду вынужден вести себя по-другому. Ответ: делайте то, что сочтете нужным. На что он просил меня дать ему совет относительно того, что ему делать. На это я отвечала, что подумаю, и он ушел. Через четверть часа он написал мне и сообщил, что он предвидит все неприятности и оскорбления и презрение, которым он будет подвергаться, и снова просил меня о совете. Я ему ответила: так как он не следовал моим советам до сих пор, я тоже не рискну давать ему советы в нынешних обстоятельствах. Но поскольку он меня умолял об этом, то я ему сказала, что может представиться прекрасный способ выйти из затруднения: граф Брюс через неделю примет дежурство, я прикажу ему вызвать дочь[1], Анна Никитична находится здесь и я ручаюсь за то, что я замолвлю за него слово и он получит самую богатую наследницу в Империи; что отец, как я полагаю, охотно на это согласится. Я думала сделать приятное всем заинтересованным лицам. На эту записку я получила в ответ письменное признание от графа Мамонова, в котором он мне сознался, что вот уже год, как он влюблен в княжну Щербатову, испрашивая у меня формального разрешения на брак с ней[2]. Я разинула рот от изумления и еще не пришла в себя, как он вошел в мою комнату и упал к моим ногам, признавшись во всей интриге, свиданиях, переписке и секретничании с ней. Я сказала ему, чтоб он делал то, что хочет, что я ничему не противлюсь, а только лишь огорчена тем, что все это продолжалось целый год. Вместо того, чтобы обманывать меня, ему следовало объявить правду, и что если бы он сделал это, он избавил бы меня, себя самого от многих огорчений и неприятностей. На это он ничего не мог ответить, а пожелал, чтоб была позвана Анна Никитична. Она пришла и так его разбранила, как я за всю мою жизнь не слыхала, чтобы кто-либо так бранился.

На следующий день он попросил меня, чтоб я исполнила обещания, что я и сделала в среду[3]. После чего он попросил о свадьбе, которая состоится в воскресенье 1 июля: пост не дозволяет им обвенчаться ранее[4]. Но страннее всего то, что и жених и невеста только и делают, что льют слезы, и ни тот, ни другая не выходят из своих покоев.

На следующий день после свадьбы новобрачные отправятся в Москву. Именно я настояла на этом, так как я почувствовала, что он вопреки браку чуть было не пожелал остаться здесь[5]. И если говорить правду, имеются очень странные противоречия в его деле, на которые у меня есть почти несомненные доказательства. Что же касается до меня, то я нашла развлечение: я думала что я смогла бы его вернуть, но я всегда предвидела, что это средство может сделаться опасным. Через неделю я вам поведаю больше относительно некоего Чернявого, знакомство с которым, возможно, зависит только от меня самой, но я сделаю это лишь в последней крайности. Прощайте, будьте здоровы.

На днях я призвала Рибопьера, который был его (Мамонова) наперсником в

течение года. Я нашла его безмолвным и трепещущим. Я сказала ему, что они были неправы, скрывая от меня все это и в течение года обманывая меня, хуже того – не открываясь даже вам.

После этого я припомнила, друг мой, все ваши слова. Вы мне говорили многое из того, что осталось в моей памяти, как например: "Нет ли амуришки", и затем вы спрашивали меня: "Не ревновали ли вы к княжне Щербатовой?" и сто раз повторяли: "Ох, матушка, плюнь ты на нево". И никогда не подали мне ни малейшей надежды, когда я вам жаловалась. Но если вы знали об этой любви, почему же не сказали о ней откровенно? Это огорчило бы меня тогда, но, без сомнения, исцелило бы, ибо я никогда ничьим тираном не была. Правда, тогда бы не было и Чернявого в перспективе.

Скажите мне, знали ли вы или не знали об интриге? Если вы знали о ней, то полагаю, скрывали ее, щадя меня. Но вы были неправы. Надо было сказать мне об этом. Прощайте, обнимаю вас от всего сердца.

970. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Ольвиополь. 5 июля [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Замешкал я несколько сим отправлением, дожидаясь моего посланного по требованию той особы в Польше, о которой мне изволили в письме писать[1]. Он мне дал знать, чтоб я верного человека к нему прислал. Он имеет важного много сказать об умыслах партии противной, или лутче сказать вообще всех поляков, противу нас. Нужно мне, кормилица, остеречься. И, как ни есть, ласково Короля Прусского удержать в его стремлении. Что б Вы не зделали, не помешает Вам. Развязавши руки – да оплеуху! А иначе, матушка, ей Богу, он выиграет. Вспомните меня. La France est en délire* и никогда не поправится. А будет у них хуже и хуже[2]. После завтре, конечно, все получу и пришлю курьера. Простите, матушка милая.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

971. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[5 июля 1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня, всего нужней Ваш покой; а как он мне всего дороже, то я Вам всегда говорил не гоняться, намекал я Вам и о склонности к Щербатовой[1], но Вы мне об ней другое сказали. Откроется со временем, как эта интрига шла.

Я у Вас в милости, так что ни по каким обстоятельствам вреда себе не ожидаю, но пакостники мои неусыпны в злодействе; конечно будут покушаться[2]. Матушка родная, избавьте меня от досад: опричь спокойствия, нужно мне иметь свободную голову.

Я справедлив, отнюдь Графа Безбородку не почитаю себе недоброхотом, но напротив; а есть много других[3].

---

* Франция в расстройстве (*фр.*).

Граф Петр Александрович не едет из Молдавии, не пойму я этой загадки. Простите, матушка родная, я не [те]рпеливо ожидаю известий с севера. Во всю жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

972. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 25 июня из Олвиополя я получила, и касательно дел сей курьер везет к тебе мои ответы и резолюции. Что ты польского или, лутче сказать, прусского либела* пренебрегаешь, о сем нимало не сумневаюсь. Гольцу я зделала прием ласковый, и он скромнее предместника своего. Гр[аф] Салтыков приехал к Москве, я его оттудова пошлю понукать. По мере как Нассау с галерным флотом вперед едет, шведы назад отступают. Дней чрез шесть, думаю, что и флоты съедутся. Михельсон, поссорясь с Денисовым, сказался болен, а мой гранадерский полк так зол на Михельсона, что его называют изменником[1].

Гр[аф] Алек[сандр] Матв[еевич] Дми[триев]-Мамо[нов], женясь [в] воскресенье на Княжне Щербатовой, отъехал в понедельник с своей супругою к своим родителям, и естьли б тебе рассказать все, что было и происходило чрез две недели, то ты скажешь, что он совершенно с ума сошел; даже и друг его и конфидент Рибопьер и тот говорит, что он аки сумашедший[2]: imaginés Vous qu'il y avait des traces, qu'il avait envie de rester avec sa femme à la cour comme ci-devant, enfin mille contradictions et idées contradictives**, и несообразимое поведение, так что самые его ближние его не оправдают. При сем прилагаю к тебе письмо рекомендательное самой невинной души, которая в возможно лутчем расположении, с добрым сердцем и приятным умоначертанием. Я знаю, что ты меня любишь и ничем меня не оскорбишь[3]. А без сего человека, вздумай сам, в каком бы я могла быть для здоровья моем фатальном положении. Adieu, mon Ami. – Приласкай нас, чтоб мы совершенно были веселы. Анна Никитишна дружески со мною очень поступила и до вчерашнего дня не покинула.
6 июля 1789

973. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Ольвиополь. 9 июля [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Здесь прилагаю записку всему, что мне сообщил словесно Г[раф] П[отоцкий][1]. Он боится писать. Пруссаки бесятся, что по воле Вашей ласково обхожусь с поляками, и наводят на меня персонально, чтоб притеснять, как можно. Были бы Ваши дела хорошо, о себе я не мыслю.

* пасквиль – от libelle (*фр.*).

** Представьте себе, что есть следы, что он имел желание остаться со своею женою при дворе по-прежнему. Наконец, тысяча противоречий и противоречивых мыслей (*фр.*).

Матушка родная, затейте Прусского Короля что-нибудь взять у Польши. Тут все оборотится в нашу пользу. А то они тяжелее нам шведов будут. Что нужно в запас нам зделать ради охранения себя, я думаю и пришлю к Вам.

Еду завтре на флот, а войски пойдут к Днестру. Я их догоню. Мне нужно видеть самому и понудить все. Я здоров. Прости, кормилица.

Ваш вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

974. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[9 июля 1789]

Известная Вашему Императорскому Величеству особа – Генерал-Маиору Боку[1] – поручила мне сказать, что [по] безимянному письму в Варшаве зделано повеление, чтоб войски коронные разположить по Днестру для препятствия нашей ретираде, ибо тот аноним уведомляет, что наши войски разбиты везде и мы ставить хотим мосты для переправы на Днестре. Сему и сами поляки здесь смеются, что, будучи на месте, не видят ничего подобного. Сие выдумано пруссаками, чтобы придвинуть поляков. Велел мне сказать, что действующая пружина противу нас – маршал Литовский Граф Потоцкий[2], что скрытно он все движет, но к тому ему способствует то, что генерально вся нация противу нас поднята двумя дворами; что будут мне лично делать всякие пакости. Но я думаю не о себе. И теперь выдумали, будто у меня набирается милиция в силе и завел я оружейную фабрику. Было секретнейшим образом повелено осмотреть. На сие выбран от них Генерал Герлич[3], самый для нас противный. Он приезжал скрытно и дал рапорт, что подобного ничего нету и в той деревне, где они выдумали, что завод ружейный зделал. Написал, что он нашел одну очень дурную кузницу для лошадей. Приказал мне сказать, что теперь умыслы идут о заключении алиянса с Прусским Королем, которого гарант Аглинский Король будет; потом положить наследность короне навсегда Саксонского дому. Затем зделать России предложение об удовлетворении Радзивилла и Огинского за отобранные у них имения, а когда Королю Прусскому утвердится владение прочное взятым краем, то он с ними предложит отобрание назад у нас и у цесарцев[4]. Приказал меня уверить, что он неизчего своей системы не переменил. Письмо Вашего Императорского Величества об нем ко мне писанное я к нему послал показать.

Все зло идет из Варшавы, но здесь весьма мягче стали – даже до того, что сего дня от их команды прислали беглого нашего бомбардира. Рад бы я был, естли б сим укротились к ним побеги.

Князь Потемкин Таврический

975. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 5 июля из Ольвиополя я получила вчерась. Любопытна я знать, какие вести получишь от известной особы, чрез посланного от тебя к нему в Польшу. Касательно Короля Прусского, кажется, все возможное делается, чтоб его удержать и гнев

его умягчить. Как выведешь магазейны из Польши, то ему уже надлежит выдумывать новые лжи и клеветы, чтоб поджигать поляков.

Теперь шведы до Аньялы прогнаны, осталось их выжить из Кюменогородского поста[1].

На второе письмо твое, полученное чрез Н[иколая] И[вановича] Салт[ыкова], я тебе скажу, что я все твои слова и что ты мне говорил зимой и весною приводила на память, но, признаюсь, что тут есть много несообразного[2]. Рибопьер о всем знал, он и брат его жены сосватали. Говорил ли он тебе или нет о сем чистосердечно, не ведаю, но помню, что ты мне единожды говорил, что Рибо[пьер] тебе сказал, что друг его достоин быть выгнан от меня, чему я дивилась. Естьли б зимою тебе открылись, для чего ты мне не сказал тогда? Много бы огорчения излишнего тем прекратилось и давно уже он женат был.

Я ничей тиран никогда не была и принуждения ненавидую, est il possible que Vous m'ayés méconnue jusqu'à ce point et que dans Votre esprit la générosité de mon caractère Vous ait échappée et que Vous m'ayés crų un vilain égoiste, Vous m'auriés guérie tout d'un coup en me disant la vérité*

Правду говоришь, когда пишешь, что ты у меня в милости ни по каким обстоятельствам, кои вреда тебе причинить не могут[3]. Прошу сохранить ко мне сию доверенность; она мне драгоценна и я ее заслуживаю. Злодеи твои, конечно, у меня успеха иметь не могут, mais, mon Ami, ne soyés pas aussi ombrageux sans aucune raison et mettés-Vous au dessus des ombrages minutieux**. От досад, конечно, колико только можно, тебя избавлю. Утешь ты меня, приласкай нас.

NB У нас сердце доброе и нрав весьма приятный[4], без злобы и коварства et un désir très déterminé de bien faire***. Четыре правила имеем, кои сохранить старание будет, а именно: быть верен, скромен, привязан и благодарен до крайности, avec cela ce Noiraud a de fort beaux yeux et ne manque pas de lecture, en un mot il me plaît et aucune sorte d'ennui jusqu'ici ne s'est glissé entre nous; au contraire voilà la quatrième semaine qui se passe très agréablement****.

Я приказала Гр[афу] Безбор[одко] выжить Фельдм[аршала] Румянц[ева] из Ясс: оне лутче знают как, нежели я. Это второй том его житья в Данцихе[5].

Прощай, мой друг. Извини, буде я тебе сим письмом и чтением его причинила скуку.

Июля 14 ч., 1789 году

---

* возможно ли, чтоб вы меня не знали до такой степени и что из головы вашей исчезло великодушие моего характера и вы считали меня дрянною эгоисткою? Вы исцелили бы меня сразу, сказав правду (*фр.*).

** но, мой друг, не будьте без причины так подозрительны и станьте выше мелочных подозрений (*фр.*).

*** и одно желание самое определенное – поступать по-доброму (*фр.*).

**** наряду с этим Чернявый имеет весьма прекрасные глаза и очень начитан. Одним словом, он мне нравится и ни единого рода скуки не проскользнуло между нами. Напротив, вот уже четвертая неделя, которая проходит так приятно (*фр.*).

976. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Ольвиополь. 18 июля [1789]

Матушка родная!

Vous me nommés Votre ami intime, c'est vrai dans toute l'étendue du terme*: будь уверена, что тебе предан нелицемерно. Странным всем произшествиям я не дивлюсь, знав его лутче других, хотя и мало с ним бывал. Mais par ma coutume d'apprécier les choses je ne me suis jamais trompé en lui: c'est un mélange d'indolence et d'égoisme. Par ce dernier il étoit Narcisse à l'outrance. Ne pensant qu'a lui, il exigeait tous sans paier d'aucun retour; étant paresseux il oublioit même les bienséances; n'importe que la chose n'ait aucune prix, mais sitôt qu'elle lui ploit, selon lui, elle doit avoir tout le prix du monde. Voilà les droits de la Princesse Sczerbatof**. Можно ли так глупо и столь странно себя оказать всему свету? Как вещи открываются, тогда лутче следы видны: амуришка этот давний. Я, слыша прошлого году, что он из-за стола посылывал ей фрукты, тотчас сметил, но, не имев точных улик, не мог утверждать перед тобою, матушка. Однако ж намекнул. Мне жаль было тебя, кормилица, видеть, а паче несносна была его грубость и притворные болезни. Будьте уверены, что он скучит своей дульцинеею, и так уже тяжело ему было платить: за нею долгу тридцать тысяч, а он деньги очень жалует. Их шайка была наполнена фальши, и сколько плели они разных притворств скрывать интригу. Ты, матушка, немстительна, то я и советую без гневу отправить друга и ментора хотя в Швейцарию министром, pourquoi le retenir ici avec sa femme qui est une exécrable intrigante. Vous avés très bien fait de l'expédier à Moscou, mais ne croyés pas, матушка, aux conjectures que Vous faites: il n'y a rien du tout, pourquoi Vous lui faites tant d'honneur***. Я ему писал письмо короткое, но довольно сильное[1]. Дай тебе Бог, здоровье и спокойствие, которое столь нужно, а паче, чтобы иметь свежую голову для развязки столь многих хлопот. Здешние обстоятельства идут во многом нехудо, ежели Турки не пойдут к проливу Еникольскому. А то нехорошо будет нашим безоружным кораблям у Таганрога, пока войски на Таман, не придут[2]. Я все, что мог, употребил к их охранению. Десанты нестрашны, а боюсь только корабли потерять.

Зделав семьсот верст по жарам несносным, замучился до крайности. Войски за Бугом все. Прости мне, матушка родная, дай тебе Бог всего доброго, а я во ожидании обещанного письма по смерть

верный и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

---

* Вы назвали меня своим задушевным другом. Это – истина во всем смысле слова (*фр.*).

** Но, по моему обычаю ценить суть, я никогда не обманывался в нем. Это – смесь безразличия и эгоизма. Из-за этого последнего он сделался Нарциссом до крайней степени. Не думая ни о ком, кроме себя, он требовал всего, никому не платя взаимностью. Будучи ленив, он забывал даже приличия. Цена неважна, но коль скоро если что-то ему нравилось, это должно было, по его мнению, иметь баснословную цену. Вот – права княгини Щербатовой (*фр.*).

*** вместо того, чтобы удерживать его здесь с его женой – отвратительной интриганкой. Вы прекрасно поступили, отослав его в Москву, но не утруждайте себя, матушка, догадками, которые вы сделали. Нет ничего такого, чтобы ему оказывать столько чести (*фр.*).

P.S. По расписанию достались в Кор д'Арме канонеры, а бомбардирам – быть в Очакове, то все приступили к Ивану Ивановичу просить, чтоб им быть при мне[3]. Такая привязанность была мне весьма приятна.

977. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 9 июля с приложенной запискою я получила исправно. Что враги России и мои равномерно и тебе ищут делать досады – сему дивиться нечего, ибо ты им опаснее всех по своим качествам и моей к тебе доверенности[1]. Авось-либо Бог нам будет заступником. Не упущу случая, будь уверен, где только можно будет, выводить на белый свет коварствы Прусского двора. Охранительный, от тебя обещанный план ожидаю теперь, и что скорее пришлешь, то лутче[2].

Бог да будет тебе помощником. Будь здоров и весел, а мы ждем от тебя ответа на посланные отселе пред сим письмы[3].

Здесь слух носится, будто Граф Мамонов с женою из Дубровицы отправился в рязанскую деревню и сему ищут резон, как будто бы Графине его тамо способнее родить. Но я сим слухам не верю.

Il ne faut croire que la moitié de ce qu'on dit. Adieu, mon Ami, je Vous aime de tout mon coeur*.
Июля 24 ч., 1789 г.

978. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

30 июля 1789

Пойманные запорожцы турецкие какие зделали показания, с донесением Г[енерала] К[нязя] Реп[нина] и с моих ему предписаний копии у сего В[ашему] Импе[раторскому] Вели[честву] подношу[1].

Французская навигация много мне безпокойств причиняет. Сокровенность – душа войны, а они обнажают все. Рапорт о прибывшем в Балаклаву их судне [подношу], здесь следует и мой ответ[2].

Пред сим за несколько дней французский же негоциант, в Таганроге живущий, что увидел военные корабли приведенные на рейд, стал требовать позволения ехать к портам Черного моря торговать в силу трактата. Но не приказал выпустить, а суда его купить в казну, естли согласится.

Крепкие ветры и противные все транспорты из Херсона к флоту остановили, который уже совсем изготовился к выходу из Лимана. Я поеду с поспешностию туда осмотреть ту позицию, какую по выходе из Лимана флот и флотилия взять должны.

979. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

30 июля [1789]. Ольви[ополь]

Mon Dieu, que je Vous doit pour Vos attentions vraiment Maternelles**.

Матушка моя родная, могу ли я не любить искренно человека, который тебе

---

* Надобно только наполовину верить тому, что говорят. Прощайте, мой друг, я люблю вас от всего сердца (*фр.*).

** Боже мой, как я вам должен за ваше истинно матернее внимание (*фр.*).

угождает. Вы можете быть уверены, что я к нему нелестную буду иметь дружбу за его к Вам привязанность[1]. Не думайте, матушка, чтоб я таил, знавши гнусную интригу. Я не имел доказательств убедительных, хотя в себе и был крепко уверен; разные их извороты были мне сумнительны, и желание его искреннего друга о его удалении – совсем противу собственной пользы – крайне меня удивляло. Тут вся семья была в секрете и Генерал Апраксин[2]. Скажи, моя кормилица, как ты не изволила приметить: он из-за Вашего стола посылал к ней фрукты, и когда итить вверх, то збирался с великой ленностью, а по утрам прилежно бегал. Теперь я слышу, что она с ним по утрам встречалась[3], и был у них дом на Васильевском острову pour rendez-vous*.

Слава Богу, неприятель разбит хорошо под Фокшанами соединенными войсками. У нас мал урон[4]. Легко ранены бригадиры Левашов и Вестфален[5]. У австрийцев убит полковник Ауэрсберг. Генерал Суворов хвалит их гусар Баркова полку[6]. С двумя корпусами егерей, 10 эскадр[онами] конницы и тысячью казаков Павел Сергеевич первого августа будет у Дубосар, а протчие войски подходят к Балте[7].

Будучи на флоте, разсмотрю, как его вывести и что с сухого пути зделать к Хаджибею, дабы ею овладеть и иметь тут нашим судам опору. Но сие дело требует большого искусства и отважности. Надежда на Бога, я призвал Его в помощь, буду стараться отовсюду обнять неприятеля. Из Таганрога получил, что егерей два баталиона пришли на корабли и протчие суда, и теперь с той стороны я спокойнее. Пушки на корабли подходят. Я здесь один одинехонек. Для многих разпоряжений еду завтре на флот и прямо проскачу в армию, которую думаю догнать за Балтою на втором марше. Но крепко чувствую боль головную от гемороидов.

Дай Боже Вам, матушка, здоровья. Анне Никитишне большой поклон за то, что была при Вас.

Прости мне, кормилица, я по смерть

вернейший и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Конной гвардии вахмистра Беринга[8], посланного с депешами (он мне привез известие о разбитии турок в Фокшанах) пожалуйте, матушка, в армию, в капитаны.

980. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Из рескрипта, мною сегодня подписанного, увидишь положение дел по войне финляндской.

Письмом твоим от 18 июля из Ольвиополя я весьма довольна. Рассуждения твои справедливы. Теперь жду нетерпеливо твои ответы на посланное мое письмо[1] avec certaine incluse qui me tient fortement au coeur à cause du fort aimable caractère du personnage**. Сей уже несказанно обрадован тем, что ты большого его

---

* для свиданий (*фр.*).

** с кое-каким приложением, которое очень близко моему сердцу по причине очень любезного нрава этого лица (*фр.*).

брата взял к себе в дежурные. Он пишет и хвалится ласкою твоих племянников[2]. Есть у него меньшой брат[3], который здесь на карауле теперь, наместо его: сущий ребенок, мальчик писанный. Он в К[онной] гв[ардии] поручиком. Помоги нам со временем его вывести в люди. Il n'y a rien encore qui presse et nous sommes très modestes et point du tout impatients, car nous sommes très occupés, mais nous aimons cet enfant qui réelement est très intéressant, il n'a que 19 ans*.

Я здорова и весела и как муха ожила. Мы ждем теперь отовсюду вестей и вскоре, надеюсь, что дела получат оборот такой, которым будешь доволен. Дай и тебе Бог здоровья и всякого щастия и удовольствия по сердцу твоему. Прощай, мой друг. Люблю тебя, как душу, и знаю, что и ты меня любишь.

Из Цар[ского] Села. Авг[уста] 5 ч., 1789

Генерал Меллер приехал и привез мне твое письмо[4], также и Измаил-бей[5], и я для них зделала по твоим представлениям.

981. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10 авг[уста 1789]. Лагерь у Новых Дубосар

О бывшем сражении на море получил я, не доезжая до Очакова 40 верст, самого того дни[1]. Наши поступали с отличной храбростию, а можно сказать и отчаянностию. Можно, матушка Всемилостивейшая Государыня, сказать, что греки усердно служат. Бывши на флоте, благодарил участвующих, а потом и письменно засвидетельствовал, что донесу о их храбрости. Оттуда ездил в Херсон понудить строение и переправку судов. И быв тамо, выслал четыре судна: бомбардирское, "Константина", двойную шлюбку-лансон и шхуну. Приказал поспешить протчими, но беда, что нельзя плотников достать. Всякого рода работники во время сенокосу здесь трудны. Им за кошение от 40 ко[пеек] до полтины дают на душу. Так все и уходят косить.

Могу, матушка, сказать, что устал, как собака, ездивши день и ночь. Павел Сергеевич с корпусами двумя егерей и несколько конницы и казаков уже в Кишиневе, отсюда в 35 верстах, а я на левом берегу Днестра бывшие войски в Кишиневе двинул к Репнину, чтобы быть на средине от него к Кишиневу. Потом, обеспеча здешнюю сторону, всеми частьми единовремянно пойду вперед, открою повсюду наступательное действие. От Очакова также отряд пойдет к Паланке и поворотит к Хаджи-бею. Да подаст Бог милость свою. Теперь я пишу вкратце, чтобы не задержать больше курьера, которого с дороги мне невозможно было отправить, ибо со мною никого не было, ниже повара.

Цесарцы, кажется, выполняют по моим советам. Даже и армию у Гаддика взяли и определили Лаудона[2], чего я желал, и говорил, и писал послу. Едет ко мне Г[раф] Фельдм[аршал]-Лейтенант Сплиени[3] от Кобурга, и уже в Кишиневе.

После завтре буду писать обстоятельнее обо всем, а теперь сокращаюсь.

---

* Еще нет ничего спешного, и мы очень скромны и вовсе не нетерпеливы, потому что мы очень заняты. Но мы любим этого ребенка, который действительно очень интересен; ему только 19 лет (*фр.*).

Бендеры отсюда – 38 верст. Партии ходят. Поймали вчера четверых турков, да некому хорошенько допросить. Скоро приедет переводчик. Прости, моя кормилица, родная матушка. По смерть

верный и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

Граф Петр Алекс[андрович] еще здесь и, слава Богу, здоров.

982. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Августа 12 ч., 1789 г. Из Петербурга

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Курьером твоим от 30 июля из Ольвиополя я весьма была обрадована и тотчас означила молебен петь в четверг, то есть через день от получения курьера, и сама приехала в город прямо к Казанской, где с коленопреклонением приносили Богу благодарение за дарованную победу при Фокшане, и все люди несказанно обрадованы сею победою[1]. Дай Боже тебе везде успехи и победы, чего заслуживаешь своими качествами усердия ко мне и к общему делу, своим рвением и трудами. Будь здоров и благополучен, вот тебе чего я от искреннего сердца желаю.

Вложенное твое письмо ответное я немедленно вручила кому надлежало, и оно принято было огненными и радостию наполненными глазами[2], а как сердце и ум весь составлен из чувств, то и благодарность и искренность за долг почитается. Сам оной изъяснить не оставит.

О интриге, коя продолжалась целый год и кончилась свадьбою, уже упомянуть нечего. Я нарочно зберегла последние его письмы о сей материи[3], где суды Божии кладет на людей, доведших его до того, и где он пишет, как в уме смешавшийся. Да Бог с ним; жалею о том только, что он не открылся ранее.

Благодарствую за прекрасную печать, которую мне от тебя вручил Платон Александрович. Я сие письмо через него к тебе посылаю. Серж[ант] Беринг от меня пожалован в армии капитаном. Твоими распоряжениями я весьма довольна. Я здорова и гораздо веселее, нежели ты меня оставил, хотя здешние дела еще не так идут, как бы желательно было. Однако худого нету[4].

Прощай, Бог с тобою. Я тебя люблю всем сердцем, как искреннейшего друга.

Анне Никитишне я сказала твой поклон, и она тебе кланяется.

983. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Je suis bien aise, mon Ami, que Vous soyés content de moi et du petit Noiraud, c'est un enfant fort aimable et qui a un désir sinsère de bien faire et de se bien conduire. Il ne manque point du tout d'esprit, il a le coeur très bon et j'espère qu'il ne se gâtera pas. Il Vous a fait aujourd'huy d'un trait de plume une belle lettre dans laquelle il s'est peint au naturel. Adieu, je Vous embrasse de tout mon coeur.
Ce 12 d'Août, 1789

Мне очень приятно, мой друг, что вы довольны мною и маленьким Чернявым. Это довольно милое дитя, имеющее искренее желание делать добро и вести себя хорошо, он вовсе не глуп, имеет доброе сердце и, надеюсь, не избалуется. Он сегодня одним росчерком пера сочинил вам милое

письмо, в котором обрисовался, каким его создала природа. Прощайте, обнимаю вас от чистого сердца.
12 августа 1789 (*фр.*).

984. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Сейчас получила я от Принца Нассау известие, что он 13 ч[исла] сего месяца разбил совершенно шведский галерный флот между островов Котка и Куцалмулим и у шведов взял Адмиральское судно, пять больших судов и один куттер, а пропало у них две трети, а одна треть едва осталась. С сей вестью приехал гвардии подпоручик Граф Штакельберг[1], а подробности после будут. У нас две галеры взорвало. Пленных шведов – офицер и рядовых – весьма много.

Прощай, мой друг. Бог с тобою. Будь здоров и весел.

Авгу[ста] 15 ч., 1789 г.

985. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Вчерашний день я получила от Принца Нассау куриера, с которым пишет, что он еще обстоятельного репорта прислать не может для того, что ежечасно еще приводят к нему суда и пленных, кои за островами спрятались; что судов у него уже девять шведских, 1 200 пленных и до сорока офицер; что он решился зделать десант и Короля атаковать. При чем ко мне прислал приложенное к тебе письмо[1]. И так ожидать имеем следствия его предприятия. Я писала к Графу Пушкину, чтоб он сими обстоятельствами воспользовался и старался Кюмень перейти. Я спешу, мой друг, тебя уведомить о сем и о добрых аспектах на сей стороне, зная, что они тебя обезпокоили, дабы твой дух мог быть спокойнее.

Я здорова и весела. В неделю мы пели два благодарственные молебна. Дай Бог тебе здоровья и всякого добра.

Le Noiraud est rempli de la mielleur volonté du monde, et quand il a l'occasion de Vous écrire il le fait avec un empressement bien marqué, l'amabilité de son caractère me rend plus aimable aussi. Adieu, mon cher Ami, je Vous aime de tout mon coeur.

A Pétersb[ourg], ce 17 d'Août, 1789*

986. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Новые Дубосары. 21 августа [1789]

Пришед к Днестру, матушка Всемилостливейшая Государыня, не нашел я для себя готовой переправы, кроме малых двух паромов. Принужден делать мост. Моя судьба приготовлять для всех, а мне никто. Естли бы, думаю, было прежде, то бы на Днестре сильная была уже флотилия к большой пользе для службы, и волонтеров на нее много бы сыскалось. То же и на Пруте. Я в обеих местах прикажу строить. Лес уже велел готовить.

---

* Чернявый весьма усерден, и когда приходится ему вам писать, он это делает с замечательною готовностью. Любезность его характера делает меня также более любезною. Прощайте, дорогой друг, я люблю вас всем сердцем. Из Петербурга. 17 августа 1789 (*фр.*).

Неприятель собирается в Измаиле и в Браилове[1]. Буду смотреть, куда его наклонность будет, то, разочтя время, испрося Божию помощь, решу с одним и обращусь к другому. Из сообщений Принца Кобурха изволите усмотреть, что он после Фокшан храбрится на Валахию, а в другом месте на Браилов, но в самом деле загадка состоит, что коли не будет удачи, то у Бузео ускользнет в Трансильванию, а нас бросит[2]. Уже к сему было близко, но при всей наступчивости боится потерять Хотин. Говорит тут же о своих границах, даже по Галицию.

Флот турецкий так стоит, что нашим, естли бы итить, то должно на самой ближней дистанции всю проходить их линию между их судов и подводной банкой[3]. Но риску столь большого не зделаю, а буду искать иных средств.

Поляки не престают нас утеснять всеми манерами. И, правда, что неловко между двух неприятелей быть. Притом много безпокойства и от дезерции: они переманивают наших. Мне по деревням безпрестанные делают шиканы, и я уверен, что им хочется сыскать претекст, чтобы кофликтовать. Я бы за безценок продал, чтобы избавиться досад, но не хочется для того, что сии земли для нас во многом большим служат ресурсом, и по обстоятельствам от сего места распространиться могут люди, о коих особо донесу.

Признаюсь, моя кормилица, что устал, как собака, ездивши. Граф Петр Александрович все еще здесь. Как ему не стыдно. Сие не могло производить толков и разглашений, хотя пустых, однако ж вредных.

О братьях Платона Александровича изволишь упоминать. Находящемуся при мне я не оставлю подать способы заслужить и не замедлю. Племянники мои следуют моей склонности и будут, конечно, всегда с ним хорошо. Описывайте другого: что мешает его отличить, чем сходно.

Моя матушка родная, люблю тебя безпримерно и, ей, чувствую во всей мере к тебе благодарность. Готовлю к тебе мои мысли по нынешним обстоятельствам. Они к тебе в откровенность. Прими, коли угодны, но прошу ради Бога, не сердись[4]. Вить от Вас зависит принять или оставить без действия. Но я отправляю тебе, что на душе. Не смог кончить, Бог тебе свидетель, что ослабел, и бешусь, что перевозу нет.

После того, что доносил, еще пришло судно французское в Феодосию, и они так, как я прежде доносил, во всех портах намерены побывать. Что это будет?

Прости, моя матушка родная, цалую ручки Ваши.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

987. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Ответствуя на письмо твое от 10 августа, я с нуждою пишу, ибо меня ветряная колика замучила. Сему сегодня шестой день, а со вчерашнего вечера стало лутче, и сегодня так слаба, что ни на что мочи нет, да и не велят иметь аппликации.

Усердность греков мне весьма приятна[1]. Что здесь происходило на водах финских, усмотришь из подробностей, сегодня к тебе отправленных[2]. Прощай, мой друг, более писать сегодня мне трудно было. Желаю тебе здоровья и во всем успех. С час на час жду курьера о высадке Нассау за Гекфорсом.
Авгу[ста] 23 ч., 1789

988. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24 августа [1789]. Дубасары

Я был готов ехать по корпусам до Рябой Могилы ради соображений, и курьер только что меня застать мог. Я несказанно обрадован, слава Богу. Только с нетерпением хочу знать подробно о потере нашей. Молю Бога, чтобы вышли нам следствия полезные. Здесь реки чрезвычайно разлились. Делается модель судну мореходному: гребному и парусному вместе, которое я приказал зделать наподобие лансиронов турецких с оснасткою бригантинной. Лутчие и полезнейшие всех пришлю. Матушка родная, прикажите больше наделать таких, а галеры проклятые бросить. Премного благодарен за скорое уведомление меня. Пришлите, моя кормилица, узнавши, подробности. Ты изволишь знать, сколь мои велики заботы о своих. Мне кажется, галеры взорваны от своей стрельбы[1]. Прости мне, матушка родная. Цалую Ваши ручки. Возвратяся, донесу о положении неприятельском, который, кажется, усиливается: больше в Мачине и на сию сторону переправляет, что он делает не худо для себя, ибо сим положением он удобнее в оба свои фланга обращаться может. Нетерпеливо жду окончания моста на Днестре. Уповаю, таганрогские корабли уже в походе. Между тем, лиманскую эскадру безпрестанно приказал учить, и они совершенно маневрируют, даже и казаки на лодках все по сигналам делают. По смерть вернейший и благодарнейший

подданный
Князь Потемкин Таврический

989. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Замучена я с неделю, мой друг, ветряной коликою, и ни писать, ни читать почти не могу, и не велят. Притом из Финляндии добрые вести одни за другими: шведы выгнаны из Гекфорса, о чем я приказала Плат[ону] Алексан[дровичу] к тебе написать[1]. Я им и брата его поведением весьма довольна: сии самые невинные души ко мне чистосердечно привязаны. Большой очень неглуп et l'autre est un enfant intéressant; le Papa est arrivé de Moscou[2] pour les voir, je crois qu'il a de l'esprit, mais j'aime mieux les enfants. Adieu, mon Ami, je Vous aime de tout mon coeur*.
Авгу[ста] 24 ч., 1789

---

* а другой – интересное дитя. Папа приехал из Москвы[2], чтобы их видеть. Полагаю, что он умен, но мне больше нравятся дети. Прощайте, мой друг, я вас люблю всем сердцем (*фр.*).

990. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

31-го авг[уста 1789]

Последнее писание, матушка Государыня, меня много порадовало. Дай Боже дальних успехов. Что ежели бы обобрать суда по обеим берегам, то бы шведы в Финляндии должны были умереть с голоду, не имея больших магазейнов.

Je suis content comme Vous de Noiraud et comme je désire que cela continue. Vous saves, ma chère mère, combien je Vous suis attaché et combien Votre repos me tient à coeur*.

Прости, моя матушка родная. От поляков много хлопот. Я жду писем от извес[т]ной нам дружественной особы секретных и доставлю[1].

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

991. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 21 и 24 августа из Дубоссар я получила. Оне меня застали еще немного слабой от спазматической колики, которая продолжалась целые две недели. Теперь я совершенно выздоровела, что приписываю много подушкам с ромашкою, коими Санкт-Петерб[ургский] Митрополит мне советовал обложить около всего тела.

Сказав о себе, теперь буду ответствовать на твои письмы. Чему дивишься, что тебе Бог определил готовить или приготовить для всех, а для тебя ниже переправы не изготовили? В тебе в одном более ревности к общему делу и к моей службе, нежели в протчих, и ты же замысловатее[1]. Помоги тебе Бог во всех твоих предприятиях. Я с вашей стороны весьма покойна, ибо прошлогодняя кампания оправдала совершенно мои о тебе мысли и доверенность. Ты же ко мне пишешь часто и подробно et par conséquant je suis inquiétude de Votre côte**. Что Кобург после победы храбрится, тому не дивлюся: им удача не в привычке. Ils ressemble[nt] en cela aux parvenus, qui sont étonnés de se voir des beaux meubles et qui ne cessent d'en parler et de les admirer***.

Говорят, будто турецкий флот слаб людьми; также, будто Булгаков освобожден[2], но ни то, ни другое, может статься, несправедливо. Желаю тебе от всего сердца преодоления над врагом и надо всеми препятствиями. Пакости поляков вытерпеть должно до времяни.

Я думаю писать к Румянцеву, что его присудствие в Молдавии подает случаи к слухам, моим и общим нашим делам вредным, и что я желаю и требую, чтоб он выехал из Молдавии. Мысли твои по делам теперь ожидаю; ты знаешь

---

* Я доволен Чернявым, как и вы, и желаю, чтоб так оно продолжалось. Вы знаете, матушка дорогая, как я привязан к вам и как спокойствие ваше близко моему сердцу (*фр.*).

** и, разумеется, я за вас спокойна (*фр.*).

*** В этом отношении они похожи на выскочек, которые дивятся своей хорошей мебели и беспрестанно говорят о ней и удивляются ей (*фр.*).

мои правила: что полезно – всегда не отрекусь делать, лишь бы сходно было с честью и достоинством Империи. Французские суда перестанут ходить к нам: Монморен писал к Шуазелю, чтоб перестал оных пос[ы]лать[3]. Французские беспокойства переносятся в Брабантию и в Голландию и озабочивают уже Берлинский двор[4]. Услышите вскоре, что они окажутся и в областях прусских, ибо народ гол, а войски чужестранные.

Что ты нашей галерной победе рад был, сие я себе представить могу. Ты увидишь из посланных подробностей, что наша потеря менее, нежели сгоряча думали. Из Гекфорса и Кюменеграда шведы вышли, но по сей час Пушкина ничем принудить не можно было воспользоваться сим случаем, чтоб нанести шведам наивящий вред. Сей мешок нерешимый мне весьма надоел, и воистину он командовать не умеет[5].

Преобр[аженского] полка капитана Черткова, да прап[орщиков] Сизирева и Терскова приказала послать к тебе, чтоб ты их притравил, либо из полку выгнал[6].

За ласку к Платону Александровичу и его брату тебе спасибо. Я не знаю брата, который у вас, а он сам себя ведет так, как только желать можно. Il est d'une humeur égale et très aimable* и сердце предоброе и благородное, en un mot, il gagne à être connu.

Adieu, mon Ami, portés Vous bien et soyés assuré de toute mon amitié**.
Сен[тября] 6 ч., 1789

992. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Пл[атон] Ал[ександрович] очень скромен, которое качество однако я нахожу достойным награждения; как сам скажешь – ты шеф Кавалергардского корпуса – не нужен ли тебе корнет?[1] Помнится, ты запискою о сем докладывал. Прежде сего не пришлешь ли чего подобного. Дитя же нашему не дать ли конвой гусарский? Напиши, как думаешь, но тут достойный теперь человек, которого обижать никак не хочу. Дитя нашему 19 лет от роду, и то да будет Вам известно. Mais j'aime beaucoup cet enfant et il m'est fort attaché, pleurant comme un enfant***, естьли его ко мне не пустят. Воля твоя во всех сих распоряжениях. Кроме тебя, никому не вверяюсь.

О Гр[афе[Мам[онове] слух носится, будто с отцом розно жить станет, и старики невесткою недовольны. На сих днях Мар[ья] Вас[ильевна] Шкурина отпросилась от двора, и я ее отпустила[2]: оне, сказывают, ее пригласили жить с ними. Adieu, mon Ami, portés Vous bien et aimés moi comme je Vous aime****.
Сен[тября[6 ч., 1789 г.

---

* у него ровный и приятный характер (*фр.*).

** словом, он выигрывает по мере того, как его знаем. Прощайте, мой друг, будьте здоровы и уверены в моей дружбе (*фр.*).

*** Но я сильно люблю это дитя, и оно ко мне привязано и плачет, как дитя (*фр.*).

**** Прощайте, мой друг, будьте здоровы и любите меня, как я Вас люблю (*фр.*).

993. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Посылаю тебе медали три, кои ныне лишь поспели[1]. Я в них любовалась как на образ твой, так как и на дела того человека, в котором я никак не ошиблась, знав его усердие и рвение ко мне и к общему делу, совокуплено со отличными дарованиями души и сердца.

Благослови Бог все твои добрые начинания, а я непрестану быть, как и всегда, к тебе непременна.

Екатерина

Сен[тября] 7 ч., 1789 г.

994. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10-го сентября [1789]. Кишинев

Матушка, Всемилостливейшая Государыня! Больше всего и наперед всего я озабочен Вашею болезнию; Боже, дай здоровье и силу!

Грозный исполин, бывший капитан-паша, поражен будучи казаками, ушел тайно, не дождавшись атаки от войск[1]. Я приказал живо преследовать и, получа последние рапорты, пришлю обстоятельное донесение с братом Платона Александровича. Сие дело меня разрешило итить, и я завтре выхожу очищать все вне крепостей стоящее. Помози, Боже! Жду теперь от флота и от корпуса, к Хаджи-бею посланного; но больше всего меня безпокоит цесарский корпус.

Кобурх почти караул кричит. Суворов к нему пошел, но, естли правда, что так неприятель близко, то не успеют наши притить, хотя верно визирь не сильней Кобурха[2]. Надежда на Бога.

Матушка родная! Я ждал, чем решится, и для того не прежде курьера отправил. Турки тут стали весьма умно, чтоб нас держать в нерешимости, ибо они с сего пункта и к Каушанам, и за Прут могли обратиться. Но Бог зделал как Ему угодно. Прости, матушка, я очень ослабел от мучительного гемороида.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

995. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 31 августа из Дубоссар я получила. Они меня извещают, что все в движении и что ты сам до Прута объезжал все места и нашел землю разоренной более своими, нежели турками. Г[рафа] Рум[янцева] всячески стараюсь вывести из Молдавии, и естьли инако нельзя, то напишу к нему письмо, чтоб непременно выехал, а команду за верно ему не поручу. Молю Бога, да поможет тебе во всяком благом предприятьи.

Гр[афом] В[алентином] Пл[атоновичем] М[усиным]-Пушкиным я весьма недовольна по причине нерешительности его и слабости: он никаким авантажем не

умеет воспользоваться, en un mot c'est une bête*; между гене[ралами] его завелись кабалы такие по слабости его, кои общему делу вредны. Одним словом, ему и всему его генералитету смена неминуемо предлежит. На будущий год либо Меллера, либо Долгорукова пришли сюда, а прочих перетасовать нужно, о чем заранее подумать нужно.

Дите наше – Валериана Алек[сандровича] – я выпустила в армию подполковником, и он жадно желает ехать к тебе в Армию, куда вскоре и отправится. И я ему отдам особое к тебе рекомендательное письмо.

Je suis persuadée que Vous dirés tout comme moi que c'est un enfant intéressant et qui meurt d'envie de bien faire**.

Пожалуй, люби его: оба брата сердца предоброго и наполнены благодарностию и любезными качествами.

Прости, мой друг. Я здорова и тебе то же желаю и милость Божию.
Сен[тября] 17 ч., 1789 г.

996. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22-го с[ентября 1789]. Каушаны

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Поздравляю Вас, кормилица, с торжеством коронации, со днем, в который был столь доволен.

Флоту нашему штурм сильный препятствовал выйтить, и он едва мелкие суда спас от повреждения; однако же не без починки. Иначе вся бы флотилия турецкая была у нас в руках. Может Бог подаст еще лутчее. Еду теперь к Хаджи-бею чрез Паланку, которую послал занять. Все войски, кроме тех, что за Прутом, собираю к Бендерам[1], а потом, что Бог даст. Делаю на 12 тысяч теплую обувь и всю зиму буду действовать. Но о сем, матушка, прошу, чтобы никто не знал.

Скажу Вам с Ломоносовым, как он Петру Великому придал[2], что "Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивых!" Не все, матушка, рукой, но и умом усыпить Прусского К[ороля] нужно, ибо естли он будет видеть наше худое к нему разположение вперед, то непрестанет нам вредить теперь, и так мы никогда с турками не кончим. Дать же ему надежду – он не помешает помириться, и тогда Вы все с ним зделаете, что хотите; на сие и союзника согласить можно; поляков нужно будет тогда усмирить, но теперь и подумать нельзя. Будьте уверены, что я все зделаю здесь что можно.

По смерть вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

P. S. Скоро пришлю подробную реляцию о суворовском деле; ей, матушка, он заслуживает Вашу милость и дело важное[3]. Я думаю, что бы ему, но не придумаю: Петр Великий графами за ничто жаловал. Коли бы его с придатком Рымникский? Баталия была на сей реке.

---

* одним словом, дурак (*фр.*).

** Я уверена, что ты, подобно мне, скажешь, что это занимательное дитя, умирающее от желания все хорошо сделать (*фр.*).

P. S. Это правда, матушка, что в Финляндии на будущий год начинать da capo* да и не будет толку. Зимою же нужно вскоре все укомплектовать и привести в порядок; учить стрелять следует больше всего.

Коли бы Мусина – в Москву, Салтыкова на его место: на Кавказе политиковать нужно там с народами, на сие его не станет: азиятцы хитры, а под Петербургом военные дела он поведет лутче. Русанова прочь, Кнорринга сюда[4]; кавказскую и кубанскую попрежнему ко мне, а я туда пошлю Репнина или Суворова[5]; ежели наступательно пойдем, то и будет хорошо.

Князь Потемкин Таврический

Благодарен много за шубки, кстате теперь.

997. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[22 сентября 1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Меры не моих заслуг – знаки по милости твоей. Кстати, изображен я сердитым, ибо сержусь, что не в силах заслужить бездны твоих милостей[1]. Жизнь моя твоя, и способности, естли есть, – тебе на службу. Я с сими чувствованиями и живу, и умру.

Твой вернейший и благодарнейший питомец и подданный

Князь Потемкин Таврический

Les larmes de reconnaissance et d'attendrissement coulent en abondance; Vous connaissés mon coeur, ainsi je suis persuadé que Vous croyés en mes paroles**.

998. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Вручитель сего подполковник Валериан Ал[ександрович] Зубов, желая служить в армии, просил быть отправлен к тебе. В молодых его летах я должна ему отдать справедливость, что, сколько я приметить могла, он в самых добрых расположениях и полон усердием выполнить все ему порученное. От отнюдь не желал здесь жить празден и спешит теперь к тебе застать осенние военные действия. Я совершенно уверена, что ты сего молодого человека будешь жаловать, il me parait à moi que c'est vraiment un enfant intéressant***. Брат же его чрезвычайно любит и всю свою надежду на тебя кладет, что его не оставишь, в чем, надеюсь, и не обманется. Третьягоднишний курьер твой привез нам добрую весть, за что тебя весьма благодарю, что бригадир Орлов разбил авангард Гассан-паши и что Князь Репнин идет к Измаилу.

Помоги тебе Бог во всех твоих предприятиях и да даст тебе здоровья и сил душевных и телесных. Я совершенно здорова и своим нынешним состоянием довольна и ничем не могу жаловаться, окроме глупым, унылым и слабым

---

* сначала (*ит.*).

** Слезы признательности и умиления излиты в изобилии. Вы знаете мое сердце, следовательно, я убежден, что вы полагаетесь на мои слова (*фр.*).

*** мне кажется, это на самом деле интересное дитя (*фр.*).

поведением Графа Пушкина и его интригантного Генералитета, который перетасовать надобно, как я к тебе уже писала. А ему, Пушкину, впредь не командовать, понеже не умеет. Но полно о сей скучной материи говорить, я хочу, чтоб ты был в веселом расположении, а не смотрел сентябрем: вить ты не любишь, как я нахмурюсь, также и я не люблю, когда морщишься. С будущими твоими имянинами тебя поздравляю и посылаю к тебе с Валерьяном, чего он тебе вручит по прочтении сего письма[2]. Прощай, мой друг, Бога прошу да поможет тебе.
Сент[ября] 22 ч., 1789 г.

999. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[26 сентября 1789]

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 10 сен[тября] из Кишинева и от 16 из Каушан я получила одни за другими. Последние меня много обрадовали, понеже, я, к удивлению моему, увидела, что тут не одна, но множество побед[1]. Естьли б ты был здесь, то бы я, взяв тебя за ушки, поцаловала, а теперь заочно премного тебя благодарю. И я, и вся публика чрезвычайно обрадована. Сегодня у нас был молебен и пушечная пальба – 101 выстрел. Подарок один послан к Кобургу, а шпаги для него и для Суворова делаются[2].

Подробности жду нетерпеливо. Только ты, право, умница: спасибо, мой Фельдмаршал, что дела ведешь умно и с успехом.

С пруссаком употребляется что возможно, но с врагами вообще ничего нет исцелительнее, как их бить. Напиши ко мне именно, кто битый визирь, ибо, по нашим вестям, Юсуф-паша сменен, и на его место кто зделан – тот умер[3]. Помоги тебе Бог достать Бендеры даром.

Прощай, мой друг, будь здоров. Курьера твоего я пожаловала полковником[4]. Adieu, mon Ami, je Vous aime de tout mon coeur et je Vous trouve tout à fait charmant de m'avoir envoyé tant de bonnes nouvelles à la fois*.

1000. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Белград на Днестре. 2 октября [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Белградская крепость[1] вся каменная, стены высокие, а ров, которого глубже, я думаю, в свете нет. Всякого запасу много. Я могу Вас уверить, что крепость и лутчая и в лутчем состоянии из всех турецких.

Естли бы не Суворов, то бы цесарцы были наголову разбиты. Турки побиты русским имянем[2]. Цесарцы уже бежали, потеряв пушки, но Суворов поспел и спас. Вот уже в другой раз их выручает, а спасиба мало. Но требуют, чтоб я Суворова с корпусом совсем к ним присоединил и чтобы так с ними заливать в Валахию. Нашим успехам не весьма радуются, а хотят нашею кровию

* Прощайте, мой друг, я люблю вас всем сердцем и нахожу вас прелестным за то, что разом послали мне столько хороших вестей (*фр.*).

доставить земли, а мы чтоб пользовались воздухом. Будь, матушка, уверена, что они в тягость. Венгерские все расположены к бунту и нас любят, но австрийцев нет.

Теперь вся забота о Бендерах. Я посылаю до тридцати человек, взятых здесь бендерских жителей, чтобы описали все ими виденное. Крайне хорошо бы достать без потери. Близость сего города к Польше нам вредна, а, имев их, все уже может быть обращено в наступательное.

Матушка родная, будьте милостивы к Александру Васильевичу. Храбрость его превосходит вероятность. Разбить визиря дело важное. Окажи ему милость и тем посрами тунеядцев генералов, из которых многие не стоят того жалования, что получают. Завтре отправляю курьера с подробным описанием визирского дела[3]. Прости, матушка родная. Дай Бог тебе здоровья, а я право замучился.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1001. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. За поздравление твое со днем моей коронации благодарю тебя. Жаль, что шторм препятствие зделал нашему флоту. Успехами Армии, под твоим предводительством находящейся, все много обрадованы, и ждем подробности нетерпеливо. Бога прошу, да благословит твои предприятия на Бендеры и повсюду. Прусского Геркулеса либо дубину его стараемся угомолить всевозможной ласкою, а Англию также[1]. От мира я не токмо не прочь во всякое время, но оного сердечно желаю.

Из рескрипта увидишь, что я Суворова пожаловала Графом Суворовым Рымникским[2].

Касательно финляндских дел я жду ответа твоего на мое письмо, в котором тебе писала о Меллере либо Долгорукове, коих, наипаче первого, я б охотнее хотела, нежели Салтыкова, который ссор между генералами не укоротит, но при том глуп и упрям, и зделает, опасаюсь, ничего, как Пушкин. Сему остаться никак неможно, его наипаче гвардия бранит, я чаю, также и казаки и сам Денисов.

Корнет в Кавалер[гардском] корпусе зделан[3]. Касательно же Валериана, то сей уже выпущен прежде и, чаю, уже к тебе приехал. Графа же Гуровского[4] я в полковники пожаловала, о чем сведаешь с сим же курьером.

Прощай, мой друг, будь здоров и помоги тебе Бог.

Окт[ября] 4 ч., 1789

Новый твой корнет Кавал[ергардский] – человек обстоятельный, который доныне не балуется. Я им очень довольна, сей аттестат я ему должна. Будь милостив к дитяте и наставь его на путь истинный. У него сердце доброе и воля добрая.

Adieu, mon Ami, je Vous aime de tout mon coeur*.

---

* Прощайте, мой друг, я вас люблю всем сердцем (*фр.*).

1002. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Белград на Днестре. 5 окт[ября 1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я здесь остался для приведения всего в порядок в ожидании полков, от Хаджибея идущих, которые должны занять Янык, Паланку и Белград. Потом обращусь к Бендерам, к месту весьма нам нужному. И ради спокойствия квартер, и ради обращения войск в наступательное действие, не имея больше неприятеля у себя в тылу. Неполезно для нас и соседство помянутого города с Польшею. Я все силы употреблю, испрося Божию помощь, доставить их. Естли что озабочивает теперь и останавливает удаления, то доставление провианта. Но я стараюсь всеми силами. Изволишь, кормилица, писать о брате Платона Александровича. Будьте уверены, что об нем приму всевозможное попечение.

О флоте не имею никаких сведений. Даже не знаю и где он. Послал проведывать. Флотилия в устье Днестра много терпит от качки чрезвычайной. Ветер ей противный возвратиться к Очакову дует две недели сряду. Немало мне забот о спасении ее. В Днестр не могу ввести за тем, что в устье мелко. Прости, матушка родная. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1003. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[5 октября 1789]

Матушка родная Всемилостивейшая Государыня! Сей час получил, что Кобург пожалован фельдмаршалом, а все дело было Александра Васильевича. Слава Ваша, честь оружия и справедливость требуют знаменитого для него воздаяния[1], как по праву ему принадлежащего, так и для того, чтоб толь знатное и важное дело не приписалось другим. Он, ежели и не главный командир, но дело Генеральное; разбит визирь с Главной Армией. Цесарцы были бы побиты, коли б не Александр Васильевич. И статут Военного ордена весь в его пользу[2]. Он на выручку союзных обратился стремительно, поспел, помог и разбил. Дело все ему принадлежит, как я и прежде доносил. Вот и письмо Кобурхово, и реляция[3]. Не дайте, матушка, ему уныть, ободрите его и тем зделаете уразу генералам, кои служат вяло. Суворов один. Я между неограниченными обязанностями Вам считаю из первых отдавать справедливость каждому. Сей долг из приятнейших для меня. Сколько бы генералов, услыша о многочисленном неприятеле, пошли с оглядкою и медленно, как черепаха, то он летел орлом с горстию людей. Визирь и многочисленное войско было ему стремительным побеждением. Он у меня в запасе при случае пустить туда, где и Султан дрогнет.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1004. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Здесь по городу слух идет, будто Гр[аф] Мам[онов] с ума сошел на Москве, но я думаю, что солгано: дядя его о сем ничего не знает, у него спрашивали. Естьли это правда, то Бога благодарить надобно, что сие не зделалось прошлого года. Конфузии в речах я в самый день свадьбы приметила, но сие я приписывала странной его тогдашней позиции. Извини меня, мой друг, что я тебя утруждаю чтением сих строк при твоих протчих заботах, но разсуди сам, естьли б ты был здесь, то бы мы о сем поговорили же. Покои твои я приказала убирать почище[1]. Я по ним проходилась и нашла, что они так замараны и так гадки, что полководца прославившегося в оные ввести непристойно, а полюбится ли тебе, как я их прибрать велела, не ведаю. Для меня недурно, но, зная твой вкус, опасаюсь, что тебе не понравится. Но, как бы то ни было, они красивее землянки либо палатки. Adieu, mon Ami, je Vous aime beaucoup, beaucoup.
Окт[ября] 5 ч., 1789 г.

1005. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович. Подробного донесения Вашего о всех за отличные подвиги в последних знаменитых произшествиях достойных награждения Я ожидаю. Между тем, оставляю Я на Ваше разсмотрение, не нужно ли унтер-офицерам и рядовым, бывшим в сражении с визирем и в других делах, дать по рублю на человека[1] из суммы, на чрезвычайные издержки определенной, что Вы и можете приказать исполнить. Равным образом, буде Император своим войскам, в баталии 11-го сентября находившимся, даст какие-либо особливые награждения, не надобно ли и с Нашей стороны, для своих, тому же сообразно сделать, о чем Вы меня уведомить не оставьте. Пребываю всегда Вам доброжелательная.

Екатерина

В С.-Петербурге, 5 октября, 1789 года

1006. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Пишет ко мне Ге[нерал] Граф Ив[ан] Петр[ович] Салтыков, что бригадир Селим-Гирей ушел к туркам и живет теперь у Калги-султана в турецком войске[1]. Сей неблагодарный человек доказал, сколь мало на магометанскую к нам верность щитать можно. Voilà un vilain Monsieur de plus et puis c'est tout*, а со времянем у турок будет без головы, как Шагин-Гирей. Сие письмо отдаст тебе Николай Ал[ександрович] Зубов, который обратно к тебе едет и весьма хвалится твоею к нему ласкою, за что брат его премного тебя благодарит. Они все люди очень добросердечные, mais la perle de la famille, selon moi, c'est Platon lui même, qui est d'un caractère vraiment aimable et ce caractère ne se dément dans aucune occasion**.

---

* Вот еще один негодяй и это так (*фр.*).

** но, по мне, перл семейства – Платон, который воистину имеет любезный характер и не изменяет себе ни в каком случае (*фр.*).

Я здорова и тебе желаю то[го] же, и чтоб сам Бог тебе помогал и подкреплял во всех случаях. Прощай, мой друг.
Окт[ября] 10, 1789

1007. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Поздравляю тебя, друг мой сердечный Князь Григорий Александрович, со взятьем Белграда на Днестре. Сия весть к нам пришла в самый день молебна за взятье Белграда на Дунае[1]. И так молебен пели здесь за оба Белграда совокупно. Знатно, что имя твое уже страшно врагам, что сдались на дискрецию, что лишь показался. Спасибо тебе и преспасибо, кампания твоя нынешняя щегольская! Бога прошу, да увенчает ее Бендерами и да даст нам чрез тебя полезный и честный мир.

Прости, мой друг, я здорова и весела и тебя очень, очень люблю.

Окт[ября] 18 ч., 1789

К вещам для Суворова я прибавила еще перстень, буде вещи тебе покажутся не довольно богаты[2].

1008. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Описание, которое делаешь Днестровскому Белграду в твоем письме от 2 окт[ября], показывает, что туркам сие наше нынешнее приобретение важно было. Подробности о баталии, выигранной Суворовым и Кобургом над визирем, еще не привезены. Я думаю, что курьер занемог на дороге, тот, которого ты обещал отправить 4 октября. Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть от них тягость, но оная будет несравненно менее всегда, нежели прусская, которая совокупленно сопряжена со всем с тем, что в свете может только быть придумано поносного и несносного. Mon cher Ami, je parle d'expérience, j'ai vu ce joug malheureusement de fort près et j'ai sauté de joie, Vous en êtes témoin, lorseque j'ai aperçu seulment une petite lueur pour en pouvoir sortir*.

Постарайся, мой друг, зделать полезный мир с турками, тогда хлопоты многие исчезнут, и будем почтительны: после нынешней твоей кампании сие ожидать можем.

Помоги тебе Господь Бог сам взять Бендеры. Посылаю тебе гравированный портрет с резного камня Очаковского победителя. И камень, и портрет вырезаны у меня в Эрмитаже. Александру Васильевичу Суворову посылаю орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет[1]. А что тунеядцев много, то правда. Я давно сего мнения. Что ты замучился, о том жалею: побереги свое здоровье, ты знаешь, что оно мне и Государству нужно. Adieu, mon Ami, Христос с тобою. Будь здоров и щастлив.

Окт[ября] 18 ч., 1789

---

* Мой дорогой друг, я говорю по опыту. Я, к несчастью, близко видела этот гнет, и вы свидетель, как я прыгала от радости, едва только завидела надежду выйти из этого положения (*фр.*).

Мы пруссаков ласкаем, но каково на сердце терпеть их грубости и ругательством наполненные слова и поступки, один Бог весть[2]. Я жду твоего ответа на мое письмо о перемене команды в Финляндской армии, и хотя ты писал о Гр[афе] Ив[ане] Пе[тровиче] Салтыкове, но нельзя ли, чтоб чаша сия шла мимо Финляндской армии? Тут паки, кроме упрямства и глупости, ничего не выйдет, мне кажется. А, право, уже две кампании потеряны, и не дай Боже видеть третьей, наполненной упрямою глупостью. Adieu, mon Ami, je Vous aime de tout mon coeur*.

1009. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Третье письмо, мой друг сердечный, сегодня я к тебе пишу: по написанию двух первых приехал Золотухин[1] и привез твои письмы от 5 окт[ября] из которых усмотрела, что ты еще в Белграде, где приводишь все в порядок во ожидании полков, от Гаджибея идущих. Бога прошу, да поможет тебе взять Бендеры, а наипаче без потери людей, и, естьли паче чаяния, чего Боже сохрани, недостаточно где было пропитания или провианта, так чтоб с неба шел хлеб и сухари, как дождик.

К Гр[афу] Суворову, хотя целая телега с бриллиантами уже накладена, однако кавалерию Егорья Большаго креста посылаю по твоей прозьбе: он того достоин, паче же мне нравится, куда его прочишь. Дай Бог тебе здоровья. Письмо Кобурга обоим делает честь.

Платон Александрович тебя весьма за брата благодарит. Я никак не сумневаюсь, что ты слово сдержишь. Они же люди очень хорошие, с добрыми сердцами и ко мне привязанные, и отнюдь не криводушные.

Я любопытна знать, кто у Суворова генералы, кои за болезнию остались позади?[2] Мне кажется, что и твой Войнович не очень на море идет вперед, однако не в осуждение ему да будет сие: я знаю его силу и турецкую. Желаю от всего сердца, чтоб флотилья и флот были бы целы и здоровы. Засим прости, мой друг. Будь здоров и благополучен, а я здорова.
18 окт[ября] 1789

1010. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный, здесь, как я к тебе уже писала, прекрайняя нужда в Финляндской армии в генерале, понеже Пушкин, быв в двух кампаниях, оказал свое несмыслие. На него даже да гвардия и прочие все войски за недействие ропщут. Генералов же он не умеет содержать в субординации. Писал ты ко мне, чтоб Гр[афа] Салтыкова к тому употребить, но и сей, мне кажется, к сему посту не более способен, как и Пушкин. Я жалею, что Князь Бернбургский – из молодших Генерал-Поручиков[1]. Не знаю сама, почему моя доверенность в сем случае наклонилась бы скорее к нему, нежели к иному. Ради самого Бога, реши ты мою нерешимость скорее и напиши вторично ко мне и дай мне совет добрый, кого мне употребить на сей стране? Также и прочий генералитет перетасовать в Финляндии нужно; назначь кого на место Кнорринга и прочих, коих выслать нужно. Определить надлежит Нумсена, Корсакова, Берхмана[2]. Боувера я здесь

* Прощайте, мой друг, я вас люблю всем сердцем (*фр.*).

оставляю, Странтманн почти ослеп[3], Левашов никуда не годиться[4], а Волков – вял[5]. Я сожалею, что сими хлопотами тебя безпокою, но оне мне крайне нужны кажутся по важности здешних дел. От Пушкина ничего добиться неможно и уже способа не осталось, ибо моих ордеров не слушался, сколько ни было писано, а к крайности приступить также не хочется, понеже я ему персонально обязана. На Москве он отнюдь не годится.

Прости, мой друг, будь здоров и благополучен.

19 окт[ября] 1789

Смотря по списку, я нашла, что Кречетников и Игельстром старшие Генер[ал]-Поручики; я б согласилась на кого из них, наипаче первого[6].

1011. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Октября 21 [1789]. Кишинев

Оставя в Белграде пристойный гарнизон (два баталиона пехоты и три полка пеших казаков Черноморских, да для полевой стражи полк донских), войски, со мною бывшие, отправил к стороне Бендер. Сам же для многих приуготовлений приехал в Кишинев на несколько дней. Но так сильно простудился, что третии сутки не могу уснуть от лихорадки. Не взыщите, матушка родная, что мало пишу. Не смогу головы наклонить. Скоро пройдет. Иначе я, хотя и нездоров, поеду к полкам под Бендеры чрез два дни. Много, моя кормилица, хлопот. Провиант Украинской армии, закупной в Польше до меня, почти весь гнилой. Никак нельзя кормить. Прости, матушка родная, благодарю за Графство Суворову. И Император прислал ему диплом[1], а в своей армии большое произвождение зделал. Солдатам не было у него ничего до сих пор. Я по воле Вашей Суворова корпусу по рублю выдал. Со мною нет ни канцелярии, ни писаря. Для того подробные описания о всем оставляю до будущего курьера, а теперь отправляю, чтоб недолго замедлиться. Ей Богу, не смогу.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

Флоту из Севастополя приказал я итить искать неприятеля, но не знаю ничего. Жду известия. Флотилия, отправясь к Очакову от Днестра, за Хаджибеем терпела чрез четыре дни пресильный штурм и нуждалась водою. Но Бог спас. Я получил известие, что входят в Лиман и все вцелости.

1012. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[29 октября 1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Сию минуту приехал курьер. Я, отлагая от другого дни отвечать на все подробно, теперь донесу только о Селим-Гирее, что изволите упоминать о его уходе, что и он бригадир был и кавалер. Во время моего начальства тамошними войсками он ходил и в походы и дрался с татарами. Лишь приближился начальник другой, то он и ушел. Да с ним и бригадирство изчезло, а орден у меня, и ему ниже был он дан, ниже объявлен. Турков, прибегающих к нам, необходимо и ласкать, их отличать должно. Я

уверен о пользе, что сие в них производит, и ничем так Султан испуган не будет, как естли увидит, что народы турецкие потеряют отвращение жить у нас или с нами. Сколь ни легко иметь чрез жидов переписки турков с поляками, но к сему столь обращено внимание, что еще не было по сие время примера; но вот тяжел для меня пункт, что Ф[ельдмаршал] Граф Румянцев изволит находиться под Яссами безо всякой необходимости. Болезнь его не видна, но его охота говорить и собирать вести много делает каверз. Я все сносил, но теперь говорю, открывая мои обстоятельства и не в жалобу, а чтоб при сем сказать, что он может жить в тягость делам. А я бы на его месте не смел сего делать. Вы сами изволили разсмотреть, зная его склонность всему давать свои виды и толковать, полезно ли его пребывание там, где турки могут многое слышать. Притом изволите быть уверены, что он не так болен, чтоб не мог ехать даже в Китай. А мне истинно он тяжел.

По смерть непоколебимо вернейший и благодарнейший
подданный Князь Потемкин Таврический

1013. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4-го ноября [1789]. Бендеры

Вот, матушка Всемилостивейшая Государыня, и Бендеры у ног Ваших[1]. Естли бы я был хвастун, то б сказал, что в точности исполнил все те предположения, которые на будущую кампанию представил Вам в Петербурге[2]. Но я не должен думать много о себе. Все успехи даровал Бог. Получили победы храбрые войски. Мое было только усердие и труд. Сим я могу похвастать. Иной бы похвалился и тем, что цесарцы, действуя по моему плану, зделали кампанию хорошую.

Хотя я и здоров, но еще не пришел в силу и крайне слаб. Спешу Вас, матушка родная, уведомить, а чрез три дни подробное донесение пришлю с Поповым. Будьте милостивы к подчиненному мне Генералитету и войску за их труды и рвение.

Вы изволили меня спрашивать, не сделал ли Император каких награждений солдатам. Я здесь всем награждениям подношу записку, что я достал на сих днях[3].

Получил я письмы от Господаря Волоского с предложениями о перемирии, письмо от бывшего капитана-паши[4]. Как сии, так и мои ответы пришлю с Поповым. Тут же и план, касательный Польши[5]. Ежели он будет угоден, то скоро нужно поворотиться.

Что изволишь, матушка, писать о начальнике для Финляндских войск, подождите три дни, все получите с Поповым. Истинно голова одурела. Тогда и на все Ваши милостивые писания отвечать буду.

Вот молодой человек возвращается с добрыми вестьми и здоров[6].

Прости, матушка родная, не без хлопот ладить с тремя пашами равностепенными. Я по смерть

вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Суворову отправил звезду и орден бриллиантовые. Перстень и эполет удержал до нового случая. Большую ленту послал и о шпаге уведомил[7].

Хотя я и написал, матушка, что подношу о награждениях, зделанных Императором, но пришлю после: забыл в Кишиневе эту бумагу. Помню, что Лаудону свою дал звезду Марии Терезии бриллиантовую, чего кроме Гроссмейстера никто не носит. Теперешнее его содержание по смерть и полку, которого он шеф, приказано называться вечно его имянем. Приуготавляет ему и другие награждения. Для солдат завели с нашего примера медали.

1014. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Бендеры. 9 ноября [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Вот и Бендеры Бог дал даром[1]. Войски вообще оказывали рвение. В два месяца неприятель разбит повсюду. Больших и малых крепостей взято четыре. Весьма важно приобретение Бендер по своей позиции, которая поставляла сию крепость, при всяком нашем движении, – в тылу, для чего большую часть войска оставлять было должно. Близость ее от Польши тоже связывала руки, разрезывала она сообщение с нашими границами. C'est une forteresse royale*, сильна артиллериею и гарнизоном. Отделана совершенно хорошо. Гораздо превосходнее противу прежнего строения. Все новое.

Ну, матушка, сбылось ли по моему плану? Неприятель с визирем оттянут был весь почти в нужную часть Дуная. Противу цесарских безделица оставалась. Из прилагаемой ведомости изволишь увидеть, во всю кампанию, что мы потеряли и цесарцы, – за пять тысяч[2].

В рассуждении мирных переговоров нужно мне иметь кого-нибудь здесь. Рад бы я был Булгакову, ибо лично трактовать мне неловко[3]. Подчиненный может много брать на донесение, почему многие вещи слаживаться (не доходя до моего решения) могут. Великая препона будет от велеречивости цесарской. Они теперь зашли в Букорест и все захватывают. Но турки рады будут нам уступить, а не им.

Что изволишь, матушка, писать о Войновиче, и я согласен, что он не весьма боек. Но флот еще и по сию пору в море. Я уже послал его воротить от турецких берегов. Однако ж мы зделали довольно. Эскадры были разбиты на три части – мы соединили их под носом у неприятеля. Для сего потребны были разные ветры. Турки, в больших будучи силах, упали стремглав. Потоплено у них три канонерных судна и шесть взято. Я Вам скажу на стихах:

Nous avons pris neuf lançons
Sans perdre un garçon.
Et Benders avec trois pachas
Sans perdre un chat**.

Хотя они неправильны, но правда.

---

* Это королевская крепость (*фр.*).

** Мы взяли девять баркасов,
Не потеряв даже мальчика,
И Бендеры с тремя пашами,
Не потеряв даже кошки (*фр.*).

Благодарю, матушка, за перстень, что мне прислала на имянины. В тот день я занял Аккерман.

О генерале для командования в Финляндии: я сказал о Салтыкове ради того, что он старший. Впротчем, воля Ваша, упрямиться казалось бы ему теперь неловко. Шувалова нету, который его баловал и подавал советы[4]. Но естли не он, то прикажите Меллеру. И к нему Генерал-Порутчиков Игельстрома и Ангальта; Кноринга прочь и бывшего письмоводителя. Чему быть доброму, когда водит армию секретарь. Из Генерал-Маиоров я пришлю хороших, только что в Яссы приеду.

Должен я сказать правду: из Александра Николаевича выходит генерал достойный храбростию, искусством и добронравием. К тому же усерден к Вам до безконечности. Василий Васильевич храбр, отменный хозяин[5], полк Ваш лейб-кирасирский совершенно хорош и строен, лошади прекрасные, люди содержатся весьма хорошо, одним словом – полк достойный...

1015. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[9 ноября 1789]

Чудесный случай

В городе восемь бим-башей над конницей их, в один день шестеро видели один сон, не зная еще о Белграде Днестровском. В ту ночь, как взят, приснилось, что пришли люди и говорят: "Отдайте Бендеры, когда потребуют, иначе пропадете. Знайте, что и в Царе Граде думают об мире". А потом во всю ночь видели по городу русских.

Они пришли к паше и объявили. И сие так вкоренилось, что при всяком случае, с нашими съезжаючись, спрашивали: есть ли о мире известие. Из сих бим-башей один, который взял Ломбарда.

1016. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Не даром я тебя люблю и жаловала, ты совершенно оправд[ыв]аешь мой выбор и мое о тебе мнение. Ты отнюдь не хвастун, и выполнил все предположения и цесарцев выучил турков победить. Тебе Бог помогает и благословляет, ты покрыт славою. Я посылаю к тебе лавровый венец, который ты заслужил (но он еще неготов)[1]. Теперь, мой друг, прошу тебя не спесивься, не возгордися, но покажи свету великость своей души, которая в щастии столь же ненадменна, как и не унывает в неудаче[2]. Il n'y a pas de douceur, mon Ami, que je ne voudrais Vous dire: Vous êtes charmant d'avoir pris Benders sans qu'il eu ait coûté un seul homme*.

Усердие и труд твой умножили бы во мне благодарность, естьли б она и без того не была такова, что увеличиться уже не может. Бога прошу, да укрепит силы твои. Меня болезнь твоя очень безпокоила, однако, не имея от тебя более двух недель писем, я думала, что возишься около Бендер, либо завел мирные переговоры. Теперь вижу, что догадка моя не была без основания. Нетерпеливо

---

* Нет ласки, мой друг, которую бы я не хотела сказать вам. Вы очаровательны за то, что взяли Бендеры без потери одного человека (*фр.*).

буду ожидать приезда Попова. Будь уверен, что я для твоей вверенной Армии Генералитета все зделаю, что только возможно будет, равномерно и для войска: их труды и рвение того заслужили. Как обещанную записку о цесарских награждениях получу, тогда тебе скажу и мое мнение. Любопытна я видеть письмы Волошского господаря и капитана-паши бывшего о перемирии и твои ответы. Все сие уже имеет запах мира, и тем самым непротивно. План о Польше, как его получу, то разсмотрю и не оставлю тебе, как скоро возможно, дать решительный ответ. В Финляндии начальника переменить крайне нужно. Ни в чем на теперешняго положиться нельзя, в Нейшлот я сама принуждена была послать соль отсюда, ибо люди без соли в крепости; я велела мясо дать людям, а он мясо поставил в Выборг, где мясо сгнило без пользы. Ни на что не решится, одним словом, неспособен к предводительству, и под ним генералы шалят и интригуют, а дела не делают, когда прилично. Из сего можешь судить, сколько нужно зделать перемену тамо. Присланного от тебя молодца я пожаловала полковником и в флигель-адъютанты за добрые вести[3]. L'enfant trouve que Vous avés plus d'esprit et que Vous êtes plus amusant et plus aimable, que tous ceux qui Vous entourent; mais sur ceci gardés nous le secret, car il ignore que je sais cela*.

За весьма ласковый твой прием они крайне благодарны. Брат их Дмитрий женится у Вяземского на третьей дочери[4]. Adieu, mon cher Ami, portés Vous bien**.

Ноя[бря] 15 ч., 1789 г.

1017. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 22 ноября [1789]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Неожидаемая зима разстроила меня во многом и прибавила забот, которые и так выше головы. Я все возможное употребил к спасению людей, но скота сберечь было нельзя. Бедные турки, которых первая часть вышла, потерпели много. Я могу уверить, что я нигде не пощажу ни жизни, ни трудов для дел Ваших, но негоциация мирная мне не по плечу. Еще паче, коли я буду связан с цесарцами, в которых эгоизм, алчность и двоедушие. Да к тому ж идут они каналом французским, которые естественно нам недоброхотны. Да они же в презрении у турков и ищут на щет наш опять вкрасться к ним в доверие. Это правда неоспоримая, и Вы со временем увидите плоды. Кауниц набирает уже кучу советников – Тугутов, Гербертов и над ними Кобурха, которого всякий писарь поведет за нос[1]. Неужли мне быть совокуплену с этой дрянью. Все их министрами бывшие в Царе Граде боятся турков, как огня, и подлы пред ними до крайности. Цесарская система себе удержать все, а нам чтобы довольствоваться тем, что уже давно имеем, сиречь Крым; французы с ними давно уже Порте предложили, чтоб нам ничего, и в чем они подработают, лишь бы им иметь Белград, Хотин и протчее. Берут с помощию нашею, а удерживают одни. Молдавии почти нет, отняли, и не знаю –

---

* Дитя находит, что вы умнее, занимательнее и любезнее всех вас окружающих. Это храните в тайне, ибо он не знает, что это мне известно (*фр.*).

** Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы (*фр.*).

по условию ли или нет, – лутчие места. А я жмусь с войсками, как нищий. Разве русские люди свиньи, что должны терпеть всякую нужду. Что у них в руках, того мы касаться не можем, а защищать должны. Притом есть у них двойной конец в разсуждении мира: когда им видится возможность, то они делают мир особо, а естли представится затруднение, тут обще. С турками нам легко бы было помириться самим, но они будут неминуемым препятствием, в чем изволите быть уверены.

Ни журналу морского, ниже других представлений не могу теперь представить, и канцелярия моя не бывала, и я здесь без обозу. Извольте судить, что я по старой моей езде девяносто верст ехал четыре дни, проезжая лес и горы, большую часть на волах и то с помощию людей.

От чистого сердца и души приношу мое поздравление со днем Ангела Вашего. Даруй Боже Вам всего того, что желает Вам преданнейший и благодарнейший Ваш питомец. Нету здесь ничего достойного Вам поднести. Примите милостиво чашечки турецкие на память моего пребывания в турецких городах. Желал бы я оное заметить достопамятнее. Я в такой устали, что представить не могу, а отдохнуть некогда. Простите, матушка, будьте милостивы и верьте, что нет никого меня Вам усерднее.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1018. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Попов приехал с Бендерскими ключами и с твоими письмами от 9 ноября. За Бендеры Богу благодарение мы приносили, а теперь тебе скажу еще раз спасибо. Попову дана лента Святыя Анны да денежная дача. Приятно мне было его видеть и говорить с ним об щегольской твоей кампании, в которой попечением твоим отличным о людях они сбережены, а города неприятельские покорены. Планы сих городов я получила. Они доказывают, что Бог нам помощник и что турки более боятся орудия Российского и наших полководцев, нежели цесарских. От всего сердца теперь желаю, чтоб Христос тебе помог заключить честный и полезный мир, сей нам нужнее всего, к чему, кажется, теперь и есть надежда. Переписка твоя с Гассан-пашою и с Мавроени и твои весьма разумные ответы подают к тому надежду. Нельзя, чтоб твои знаменитые успехи не зделали впечатление глубое в неприятельских умах и чтоб, чувствуя свое расстройство, не обратились скорее на нужное спасение остаточного, нежели на суетные обещания и внушения враждующих нам европейцев. Покоряя Бендеры, Vous avés couronné l'oeuvre de cette campagne* и свой план выполнил. Я думаю, что Булгакова к тебе отпустят; лично тебе трактовать, конечно, неловко. Как Брабантские дела идут весьма плохо по сю пору, то думать можно, что цесарцы в мире имеют столько же нужды, как и мы, а захватывают Валахию для того, чтоб удержать лишь нужное[1].

* Вы увенчали дело нынешней кампании (*фр.*).

Volontiers je chanterai avec Vous la chanson que Vous avés faite, que

Nous avons pris neuf lançons
Sans perdre un garçon,
Et Benders avec trois pachas,
Sans perdre un chat.

J'aime à Vous voir en aussi bonne humeur et Vous avés lieu de l'être après une aussi brillante campagne. Soyés assuré que je me rejouis bien sincèrement de Vos succès*.

Я решилась взять сюда Салтыкова с Кубани и велела послать к нему курьера, также Игельстрома и Принца Ангальта. Письмоводец Графа Пушкина уже отходит, а Генерал-маиоров прошу прислать хороших и не все немцев[2].

Александру Николаевичу Самойлову посылаю Александра Невского, а Энгельгардту – Владимира второго класса[3].

Monsieur le moine, point de moinerie: voilà ce que j'ai à répondre au mot келья, à propos de Vos appartements que je me suis fait un plaisir particulier d'enjoliver**.

После мира отдохнешь, и Бог подкрепит твои силы телесные и душевные.

Кубанский корпус пусть будет под твоей командою, как был. Пруссаков мы ласкаем. Касательно Польши – сие нужно сообразить с другими делами и настоящим нашим положением, чтоб каши не заводить более теперяшнего. После мира и белоруссов прибрать можно[4]. Сон бендерских бин-пашей компанован, чтоб диван извинил сдачу города, я думаю. Adieu, mon Ami, portés Vous bien. Сие желание часто повторяем в разговорах с Платоном Александровичем, которым я весьма довольна, и ко мне привязан до крайности. Вот ему аттестат, как корнету Кавалергардского корпуса, к шефу оного. Ce garçon est fort aimable, d'un excellent caractère***.
Ноя[бря] 25 ч., 1789

1019. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Писала я к тебе с последним курьером, что план твой о Польше требует разных соображений и что предоставляю себе о том к тебе писать по прошествии праздников. Сие ныне исполняю сим письмом, и, во-первых, тебе скажу, что план твой весьма хорош, и желательно, чтоб обстоятельства способствовали произведению его в действо. Имянование Гетмана войск казацких Екатеринославской губернии затруднению не подлежит, и рескрипт о том недолго заготовить. Но от подписания меня

---

* Охотно я пропою с вами песню, которую вы сочинили:
Мы взяли девять баркасов,
Не потеряв даже мальчика,
И Бендеры с тремя пашами,
Не потеряв даже кошки.
Люблю вас видеть в таком хорошем расположении духа, и вы имеете основание быть таким после блистательной кампании. Будьте уверены, что я чистосердечно радуюсь вашим успехам (*фр.*).

** Прошу вас не монашествовать, господин монах. Вот что я отвечаю на слово "келья" о ваших комнатах, которые с особым удовольствием старалась украсить (*фр.*).

*** Этот мальчик очень любезный и прекрасного характера (*фр.*).

удерживает только то одно, чего тебе самому отдаю на разрешение: не возбудит ли употребление сего названия в Польше безвремянного внимания Сейма и тревоги во вред делу? Я полагаю, что для надежного производства в действо твоего плана необходимо нужен мир с турками и шведом[1]. О последнем здесь приложено будет все возможное старание, отдаляя всякие затруднения, колико только дозволит сохранение достоинства государственного. Касательно турецкого мира, кажется, успехи войска тобою предводимого уже столь далеко распространены, что следует ожидать податливости со стороны сего неприятеля, повсюду побежденного. Да благословит Бог мирное дело успехом равным, как военные подвиги.

По возстановлении покоя откроется путь к начинанию сего важного дела, которое, кажется, всего удобнее предпринимать при возвращении войск наших чрез Польшу, разве Король Прусский обнажит прежде свои замыслы нам вредные, либо займет часть Польши. Тогда, отложа уважение, приниматься за сие дело. О заготовлении ружей имеешь рескрипт от 6 июля сего года, в сходство которого можешь предписать Кречетникову оные в Туле заготовить; а естьли пушки нужны, то вели оных вылить в Брянске, либо на новом Екатеринославском литейном заводе, либо завоеванные пушки на то обрати. Для безопасности наших границ со стороны Польши нужно будет, чтоб место Фельдмаршала Румянцева праздно не осталось, но командующий Генерал туда послан был, к чему, думаю, что Кречетников всего бы полезнее был[2]. Касательно Белоруссии и прекращения унии твои примечания равно основательны, и оные исподволь в действие производить нужно. Но принуждать помещиков жить в Белоруссии будет нарушение трактата, да и у нас многие живут и ездят, в силу законов, вне Империи[3]. Да и не хочу нажить нареканий подобных, как нажил мой союзник Император. Прощай, мой друг, будь здоров и благополучен.
Декабря 2 ч., 1789 г.

1020. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Чрез Василья Степановича Попова посылаю тебе аптеку целую моих лекарств и желаю от всего сердца, чтоб тебе в оной никакой нужды не было. Я, кроме наружных лекарств, все прочие давно кинула, но узнав, что желаешь их иметь при себе, посылаю. Вторая посылка есть лисья шуба да соболья шапка, чтоб тебе холод не вредил. Носи на здоровье.

Лавровый венец еще недели чрез две поспеет. Пожалуй, пришли ко мне скорее репортиции Финляндской армии с назначением Генерал-Маиоров, в чем нужда крайняя. У шведов умножается дезерция ныне. Еще, мой друг, прошу тебя в досужий час вспомнить приказать Сартию зделать хоры для "Олега"[1]. Один его хор у нас есть и очень хорош, а здесь не умеют так хорошо компоновать. Пожалуй, не забудь.

Когда Король Шведский услышал о сдаче Бендер, тогда остановил, сказывают дезертиры, свою поездку в Швецию, и, сказывают, будто Сейм собирает в Абове. У Короля Аглинского в Ганновере поднялся бунт противу капитации[2]. Правительство требовало от генералитета, чтоб собрали войски и оные ввели в

города Ганновер и Целлу. Но оне отказались того учинить, говоря, что на войски свои не надежны, а опасаются, чтоб не пристали к народу. С сим посланы курьеры в Англию. Что будет, не ведаю, но сия зараза по немецкой земле распространяется.

Прощай, мой любезный друг, Дай Боже тебе успех такой же в мире, как в войне.

Дек[абря] 3 ч., 1789

1021. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[5 декабря 1789]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня! При всех Ваших милостях совет, чтоб я не заспесивился, меня удивляет[1]. Когда я подал сумнение о себе в сем случае. Какой резон ожидать от меня того, что сродно подлецам. И отчего мне возгордиться. Ревность и усердие с неограниченным к Вам долгом движут меня на службу. А успехи подает Бог. Естли я чем горд, то тем счастливым разположением моей души, чтоб всех благ ожидать от Бога. Я християнин, то и слава моя в служении. Сколько наших братий, любящих хвастовство и наполняющих донесения личностью, затевая на себя, что все предвидят, и выводят нечаянные события последствиями своих планов, которых никогда не бывало. Есть ли подобное кичение в реляциях моих? Я торжественно и с радостию исповедую, что все доброе подает мне Бог, и еще больше скажу, что я один внутренне чувствую, что Он мне внушает способы к предприятиям: сколько раз я себя видел изъята из среды бедствий, не ожидая человеческих возможностей. То же, что от меня зависит, я даю не скупою рукой, пекусь о пользе Вашей и сердцем, и душею. Не уподобляюсь тем начальникам, которые довольствуются только для очищения себя – лишь приказать, а делается или нет, о том и не думают. Все свидетели моих забот и что я ночи не сплю от оных. Хранение людей Ваших крепко у меня лежит на сердце, и Бог мне свидетель, что не потерял ни одного, ради снискания себе славы. Не получили от меня газетчики ни рубля.

Ежели бы я мог поднять на рамена тягости всех, охотно б я себя навьючил, и Вы бы увидели нового Атланта. Сколько наших братий, которые ради себя жертвуют армиями. Но я, конечно, скорей себя положу за всех. И ныне, когда на неприятеля не пущено ни одного ядра из Ваших орудий, когда почти не пропал никто, смерть была очень близка ко мне. Спесь личную я оставляю тем подлецам, которые наполнены ко мне завистью и за добро платят пакостьми, а буду всегда в моих правилах, то есть: превосходить всех в усердии к Вам, служить потом и кровию, отдавать всем справедливость выше, нежели бы они сами признавали; беречь вверенных мне людей паче себя, посвящать успехи Богу и ожидать одобрений от неприятеля.

Сколь бы я ни трудился и что бы ни делал, я никогда не заслужу милостей Ваших. Сии мысли в душе моей крепко основаны, сими я хочу гордиться.

Посыланный от меня в Вену с донесением к Императору предупрежден был двумя часами: въезжая в город, нашел до тридцати тысяч народу, вышедших ему на встречу. Все кричали обо мне. В театре, когда актер кстате упомянул,

что я прислал известие о Бендерах, весь театр захлопал. Курьер посажен был в первое место, и замучили его, таскавши по ложам в шесть дней его пребывания. Появились пояса у дам и перс[т]ни с моим названием. Здесь подношу перстень, который курьеру с руки отдала Princesse Esterhasy*[2]. Живописцы написали картину аллегорическую. Кому я сим обязан, естли не Вам, и почему такие отличности мне приятны, коли не потому, что Ваши милости подали мне способы доказать усердие Вам же, как истинной моей матери. Как я твой, то и успехи мои принадлежат прямо тебе.

Матушка, Вы охраняете меня от спеси и в то же время увенчиваете лаврами – un ornement pareil appartient aux Héros et je ne suis qu'un Zélé serviteur, ce luxe militaire n'est pas du tout pour ma tête, agissés en véritable mère, prépares moi une bonne mitre Episcopale et un couvert bien situé**.

Готов я был еще третьего дни отправить мои донесения, но известясь, что едет турок, посланный ко мне от Мавроения, ожидал его. Сей привез седьмое уже одно за одним письмо – все о перемирии[3], но я ему наотрез скажу, что не с ним трактовать мне следует: он великий бездельник. От Гассан-паши нету еще известия, чтобы он был визирь. Печать еще не пришла, и я думаю, что поостановится по получении известия об Аккермане, а еще больше о Бендерах. Я думаю, есть в Конст[антинополе] замешательство.

О Польше нужно думать и предупредить, как я прежде писал. Я все силы употребляю их усыпить, но, матушка, не верю Г[рафу] Штакельберху[4]. Расписывает он свои ложные донесения, а вдруг выдет что ни есть неожидаемое. Воля Ваша, Король Польский плутишка и весь пруссак[5].

Подношу здесь письмо Императорово в копии[6]. Кампания будущая требует заранее быть предположена, и войски удобно на виды поставить должно. Но, не имея повеления о Кубанских и Кавказских войсках, как требовал, не могу даже и своих расположить.

По локале действий флот будет близок к сухопутным силам, и флотилия совсем в Дунае, то уже под моим флагом оный будет. Коли Бог поможет, недалеко стану от них и что увижу, то бой.

Прости, матушка. Что приедет от Вас курьер, то поскачу в Херсон готовить к раннему выходу флот и флотилию, на которую поездку употреблю 12 дней, чем ничего не потеряю ради переписки с визирем, ибо ежели он подлинно визирь, то уже не в Измаиле, но в Шумне будет.

По смерть вернейший Ваш питомец

и вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Министр польский, находящийся в Стокгольме, уведомляет Короля и Республику, что у нас будет в России скоро революция.

---

* Княгиня Эстергази (*фр*.).

** украшением несравненным, принадлежащим героям, а я служу лишь рвением. Это воинское великолепие совсем не для моей головы. Будьте родной матерью: приготовьте мне епископскую митру и тихую обитель (*фр*.).

1022. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Из письма твоего от 22 ноября вижу я, что ты уже прибыл в Яссы и что рано наставшая зима причинила тебе новые заботы, что люди сбережены, но скота спасти нельзя было. Я уверена, что ты трудов не щадишь, но что же делать? С погодою бороться нельзя. Из писем Гассан-паши еще не видно, чтоб турки тогда весьма заботились о мире. Но естьли с ними негоциация откроется, то ты отнюдь не связан трактовать обще с цесарцами. У нас давно договоренность в сем деле – всякому стараться о себе и мириться, как луче может. Я бы того и желала, чтоб не чрез французов и не чрез кого сие дело происходило, но безпосредственно[1]. Кауницова куча советников пускай остается у Кобурга, а до нас и до тебя им дела нет. Касательно Молдавских пунктов, кои еще у цесарцев, перепишись с Кобургом, чтоб вывел войски в Валахию и оные оставил.

За поздравление со днем моего ангела благодарствую, также за прекрасные турецкие чашечки. Что ты устал, о том жалею и желаю, чтоб Бог подкрепил твои силы душевные и телесные. Прости, мой друг, я здорова и весела.

Дек[абря] 7, 1789 г.

Вчерась мы воспоминали штурм Очаковский, и я была у молебна. Платону Алекс[андровичу] даю самый лучий аттестат.

1023. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 5 декабря я сегодня получила и спешу на оные ответствовать с едущим к тебе курьером. Ты дивишься моему совету, чтоб ты не заспесивел – вот каково писать за тысячи верст. Естьли б я с тобою говорила в ту минуту на словах, то б ты, поцаловав руку у меня, разстался бы со мною со слезами радости. Как мне тебе не сказать – не заспесивься, видя тебя покрытым успехами, коими тебя Бог благословил? Mon âme, remplie de joye, n'a fait rien autre chose que de Vous avertir un instant, qu'elle souhaitait que Vous évitiés la seule chose qui pouvoit nuire à toute la grandeur de la Vôtre, lisés y mon amitié vraiment maternelle pour Vous, et puis c'est tout; qui a mieux mérité cette couronne de Lauriers que je Vous envoye aujourd'hui que Vous? La voilà; puissiés-Vous la porter cent ans. De mitre Episcopale assurément Vous n'en aurés jamais de moi; et un couvent ne sauroit être habite par celui dont de nom retentit dans l'Asie et dans l'Europe, il est trop petit pour lui*.

По твоим цареградским известиям видно, что тамо унынья великие. Булгакова они заподлинно выпустили, и он, как ты уже о том ведаешь, я чаю, из Вены, приехал 3 дек[абря] в Триест. Я писала, кой час сведала о сем, к нему, чтоб ехал к тебе, а в Вену, чтоб укротили ему карантин. Странно, что поныне

---

* Исполненная радостию душа моя хочет только одного – выразить желание, чтобы вы избегнули единственной вещи, которая могла бы повредить величию вашей души. Узнайте в этом только одно материнское к вам чувство. Кто лучше вас заслужил сегодня посылаемый вам лавровый венец? Примите его и носите, если возможно, сто лет. Епископской митры вы, разумеется, никогда от меня не получите, и монастырь никогда не будет жилищем человека, которого имя раздается в Азии и Европе – это слишком мало для него (*фр.*).

неизвестно, кто визирем? О Польше я писала к тебе чрез Попова и жду твои ответные письмы о сем. О Кубанских и Кавказских войсках также чрез него к тебе писано. Дай Бог, чтоб на мир враги наши податливы были, но естьли мира не будет, то, конечно, стараться должно о будущей кампании. Что из Швеции польский министр пишет, будто здесь революция вскоре будет, сия весть и к нам пришла из Финляндии, где Король Шведский оную основал на том, будто для того и боясь оной, я сюда велела идти шести баталионам гвардии зимовать, из чего он заключил, что сие страха ради революции, и сказал, что шести полкам велено уже для того идти к Петербургу. Однако, слава Богу, мы здесь в добром здоровье.

Дамы венские умнее выдумывают поясы и перстни, нежели наши барыни. Благодарствую за присланный перстень Княгини Эстергази, je fais de bon coeur chorus avec elle. Adieu, mon cher Ami, portés Vous bien*.

Декабря 20, 1789 г.

Князь Василий Вас[ильевич] Долгорукой довез ко мне твое письмо от 27 ноября.

1024. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Прочтя в другой раз твое письмо от 5 дек[абря], я тронута была до слезы изъявлением души и сердца и чувствами твоими. Да благословит сам Господь Бог все деяния твои. Что я для тебя ни делала, ты всему тому достоин. Прости, умница, будь здоров и благополучен.

Дек[абря] 21 ч., 1789

1025. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[26 декабря 1789]

Полк твой Кирасирский я велела назвать твоим именем[1]. Но буде в сем находишь что-нибудь с нашим обычаем неловким или тебе неугодным, то удержи приказание и отпиши ко мне.

Шубку к тебе посылаю да чарку и фляшку для водки, буде поспеет.

1026. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

26 декабря [1789]. Яссы

Матушка родная Всемилостивейшая Государыня. Попов приехал. Я теперь сокращаюсь принесением чувствительнейшей благодарности за безсчетные Ваши ко мне милости. При сих случаях у меня от преизбытка сердца изходит признание. Ты едина моя мать, ты от первого степени офицера возвела меня на вышний, ты подала мне и способы оказаться достойным. Ежели всякого в звании моем служба зависит от распорядка главных частей, но я должен везде и во всяком случае прежде жертвовать собой для примеру, ибо моя обязанность не равная с другими. Таков я есть и таким буду до издыхания.

---

* от души повторяю вместе с ней. Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы (*фр.*).

Ты – источник всех для меня благ, от тебя истекают ко мне маслины и лавры, но никогда не доходили тернии. Сии признания и чувствования благодарности идут из избытка сердца и, ей, не на словах. Позволь, матушка, сказать: милостям твоим я даю цену тем, которые Вы делаете охотно.

Теперь я здоров, но по приезде в Яссы продолжался сильный ревматизм в правой руке так, что не смог писать. Мыльный спирт в аптечке прекрасной, от Вас ко мне присланной, очень мне нужен. Шуба кстати – у меня уже не было никакой.

Последние известия из Вены гласят, что Император болен очень. Стороною знаю я, что из Лаудоновой армии до двадцати тысяч пошло в Галицию: там начинались безпокойства[1]. В Венгрии ропщут громко[2].

Матушка, не смогу, право, писать много, рука моя худа еще. По смерть нелицемерно и непоколебимо

вернейший и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

Свидетельствы Ваши о моем кавалергардском корнете столь сильны, что обязывают меня просить Вас об отличении его прикрасой[3].

1027. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Ожидал я отправленных от меня к Гассан-паше и тем замедлил моими донесениями. Ни один еще и по сие время не возвратился. Он, получа Верховного визиря степень, из Измаила отправился в Шумну. От сего все замедлилось. Посланные от меня к Журже должны возвратиться, конечно, чрез четыре дни. Получа от них подробности, не умедлю донесть обо всем обстоятельно. На сей же случай донесу о том, что от выходцев и от приезжих к Загналы-паше[1] Каушанскому с деньгами и с протчими вещами. Тайфур[2] трехбунчужный паша, в Аккермане бывший, по приезде в Измаил стоял горою за нас, сколь с ними обходятся наши милосердно, и что в противном случае нельзя им стоять противу нас. Говорил он сие громко, открыл тем глаза в народе и произвел почти общую наклонность к миру во что б ни стало. Гассан-паша струсил, потребовал от Султана его головы, которую по переправе его за Дунай с него сняли с некоторыми из лутчих чиновников. Турки, говоря мне о сем, сказали, что голова снята, но слова не пропали.

Я могу, Всемилостивейшая Государыня, Вас уверить, что Бог мне дал такую доверенность в турках, что они оказывают более ко мне привязанности, нежели к своим начальникам. Я за сим пространно обо всем донесу и не более, как чрез четыре дни, ибо тогда прибудут посланные мои и Булгаков.

Вашего Императорского Величества
вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

28 декабря [1789]

1790

1028. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Сего утра получила я твое письмо от 26 декабря. Ты меня благодаришь с таким чувствием, что до слезы тронута была. Дай Боже тебе здоровья и всякого благополучия и соединить к победам имя миротворца. В сем теперь нам главнейшая нужда, ибо не осталося почти никакого сумнения, что Король Прусский не имел в намерении обще с поляками весною напасть на наши владения, как ты то усмотришь из предлинного рескрипта[1], с сим курьером отправленным, в котором я нарочно велела прописать всю гисторию, чтоб осталась в архиве comme une pièce authentique*.

Игельстром уже здесь, и Иван Петр[ович] Салтыков приехал сегодни. Сей говорит, будто с Кубани тысяч десять взять можно, не испортив дела[2]. Но сие ты полутче его смыслишь. И так полагаюсь на тебя с полной доверенностию. С сегодняшним из Вены приехавшим курьером Импер[атор] сам ко мне пишет, что он очень болен и печален по причине потери Нидерландии. Естьли в чем его оправдать нельзя, то в сем деле: сколько тут перемен было; то он от них все отнимал, то возвращал, то паки отнимал и паки отдавал. Dieu sait ce qu'il faissait, mais l'événement a montré qu'il ne faisait rien qui vaille**.

Жалею весьма, друг мой, что рука у тебя так сильно болит. Я чаю, есть в аптечке твоей камфарная мазь, или масло, или состав. Прикажи лекарю отыскать, которая для ревматизма действительнее еще мыльного спирта. Но прошу ее без лекаря не употребить. Помнится, я об ней сказала Попову.

Твой Кавалергардский корнет, о котором просишь прикрасу и который оной, право, достоин, шестой день, как лежит в постели. Думали – горячка. И теперь слаб и худ, таков, что на себя не похож; сущая простуда, и за ушами жилы опухли. Ну, мой друг, добра только и ждать от Вас и с Вашей стороны. С нетерпением желаю скорого приезда твоего обещанного курьера. Как тебе Бог даст заключить мир, то ты будешь благословен в мужах.

Adieu, mon cher et précieux Ami***.

Янв[аря] 10 ч., 1790 г.

---

* как подлинное свидетельство (*фр*.).

** Бог знает, что он делал, но события показали, что он не сделал ничего путного (*фр*.).

*** Прощайте, мой дорогой и драгоценный друг (*фр*.).

1029. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Лавровый венец – высочайший дар Божией Помазанницы – я получил с преисполненным благодарности сердцем, возложил его на алтарь Господень и привнес теплые молитвы.

Милосерднейшая мать! Ты уже излила на меня все щедроты, а я еще жив! Но верь, Августейшая Монархиня, что сия жизнь будет тебе жертвою всегда и везде против врагов твоих.

Вашего Императорского Величества
вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

23 генваря [1790]. Яссы

1030. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 23 генваря [1790]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Покажется невероятно, что у нас здесь продолжались почти две недели пресильные морозы. И как домы здешние все летние, то по стуже, право, не было способу писать.

Что турки делают попытку ради выиграния времени, сие несумненно, как и то, что новому визирю дана полная власть для заключения мира. Земля их в крайней разстройке, и Богу угодно меня поставить в кредите большом у их народа. То и есть надежда при первом будущем поражении добиться миру[1], который и никогда иначе не может зделаться, как наступя на горло. Польские дела требуют скорого изворота. Терпеть их вооружение, самим ничего не делавши, похоже на троянского коня, которого трояне впустили к себе. С холодным духом предлагаемое мною нужно. Сие умножит у поляков и забот, и страху. Ресурс неожидаемый всегда поразит. План будет секретный[2]. Откроется в свое время, а к названию привязки зделать нельзя. Я тут себе ничего не хочу; ежели б не польза Ваша требовала, принял ли бы в моем степени фантом, больше смешной, нежели отличающий[3]. Но он есть средством, и могу сказать одним, как ни оборачивать, но неможно оставить Польшу. Так нужно, конечно, ослабить или, лутче сказать, уничтожить. Из прилагаемых здесь писем посла Штакельберха изволите увидеть его тревогу, тем худшую, что он всюду бьет в набат. Естли б он не подписал своего имя[ни], то я бы мог его письмо принять за луккезиниево. Я тебе усерден, Всемилостивейшая мать, и для того говорю откровенно: воля твоя, а Штакельберх сумнителен. Как это зделалась конфедерация, меня удивляет.

С названием моим примутся меры умножать войски казацкие у себя, не касаясь еще Польши, устроить сию силу на основании полезном. Не те уже они, как были. Я нечувствительно на сухом пути ввел им нужный строй и склонил большую часть жениться. На воде они все делают по сигналам и стреляют весьма живо, истинно любо смотреть. Конница их на щегольских лошадях.

Теперь скажу о союзнике нашем, как он, по несчастию, чрез сущие безделицы навлек сумнение на себя в своих землях. По случаю наряда войск новых в Венгрии Штаты Ему зделали ответ, что Короля у них нет, ибо он еще не короновался. Страх, истинно, слушать, как они все раздражены и говорят так смело, что уши вянут.

Матушка моя родная, Богу известно, сколько я чувствителен милостьми Вашими, que puis je Vous offrir – mes services, mon Zèle et le peu de succès recevés comme une obole de ma reconnaissance. Je porterai ma couronne de lauriers au jour de St. André sur le chapeau et sur le casque à la tête de mon beau Régiment de cuirassier, Vous verrés, ma très chère mère, comme ce Régiment combattra pour Vous*.

Главное мое упражнение о снаряде флота. Теперь, имея весь берег от устья Дуная до наших берегов, весь в своих руках, нет уже им опоры. Время флотом их пугнуть. Я так соглашу разположение на сухом пути, что вся будет удобность мне самому дать флотскую баталию в полной надежде на милость Божию, которого помощию мы на море стали уже посильнее неприятеля, а в августе и гораздо сильнее будем.

Прошу Вас, матушка, в разговорах, да и чрез других, разглашать, что Вы не намерены на Черном море флотом действовать наступательно, а держаться у своего берега оборонительно. Сие дойдет до турков, и они выдут, понадеясь, из канала, а то иначе их не выманить.

Другой курьер поехал чрез Польшу на Киев. С тем писал я о боярах, желающих к нам со всем имуществом переходить. А естли б Молдавия и вольна осталась, то и тогда в Крыму хотят иметь земли[4]. Пошлется лист их степеней, по которым буду просить соразмерных чинов. Послано с ним также положение войскам Малороссийским, и надеюсь, что не худо то же и другим, полезным для конницы установлениям.

Посылаю Вам, моя кормилица, здешние простыни, чем украшают они бани или комнаты. Рад буду, коли Вам пригодятся для Царского Села. Я по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный

Князь Потемкин Таврический

1031. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Замерзшими чернилами, понимаю, что писать неловко было. Не имев три недели от тебя писем, наконец, получила твое письмо от 23 генваря и жалею весьма, что ты был болен от стужи и простуды. Прошу поберечь здоровье, оно мне нужно. В холодное время впредь употреби фляшу и чарку, которые сей курьер к тебе привезет. Je

* что же еще могу я вам поднесть – мои услуги, мою ревность и слабые успехи примите, как лепту моей признательности. Я одену мой лавровый венок в день Св. Андрея на шляпу и на каску моего славного кирасирского полка. Вы узрите, моя дражайшая мать, как этот полк будет сражаться за вас (*фр*.).

souhaite que ce petit meuble Vous fasse autant de plaisir, que j'en ai à Vous l'envoyer de bon coeur*.

Быть может, что турки делают попытку ради выиграния времяни, но кажется мне, что визирь, имея полную мочь, наперед хочет спасти свою голову и для того сам с своими пашами отписал в Царьград дурное свое и войск состояние, что не идут из провинций к нему, что нет ни денег, ни провианта, ни людей, – надеясь тем представлением от Дивана выманить повеления точные, либо слова какие, кои бы его принуждали приступить к мирной негоциации.

О сем ни мало не сумневаюсь, что мир скорее зделается, когда Бог даст, что наступишь, как пишешь, им на горло. Как тебе не выигрывать у турецкого народа доверья вящщего их начальников?! Во-первых, ты умнее тех; во-вторых, поступаешь с ними великодушно и человеколюбиво, чего они ни глазами не видали, ни ушами не слыхали от своих.

О польских делах ты давно уже от меня разрешение имеешь, но при отпуске твоего письма еще отселе отправленный курьер до тебя не доехал. К Штакельбергу писано, чтоб он сидел смирно и не суетился. А конфедерация, ты сам вспомнишь, зделана была в таком виду, чтоб заключить с Польшею союз. Сему Прус[ский] Кор[оль] препятствовал грубым образом, как сам знаешь. Теперь жду нетерпеливо твой ответ на мой рескрипт и репортиции войск. Пуще всего, чтоб упор нашли, где хотят нападать[1]. А что войски устроишь полезным образом – не сумневаюсь. Изволь трудиться, Господин Великий Гетман[2]. Вы человек весьма умный, хороший и нам верный, а мы Вас любим и милуем. Об союзнике моем я много жалею, и странно, как имея ума и знания довольно, он не имел ни единого верного человека, который бы ему говорил: "Пустяками не раздражать подданных". Теперь он умирает ненавидим всеми. Что же было диковинкою короноваться Королем Венгерским, благо что подданные привязаны к короне: матерь его они спасли в 1740 году от потери всего[3]. Я б на его месте бы их на руках носила. Votre couronne de luarier Vous ira à merveille et je serai charmée de voir un Chevalier de St. André aussi digne de cet ornement, et auquel je l'ai donné parce qu'il l'avait mérité par ses services et sa fidélité**.

Твоя благодарность и что по сему случаю пишешь, без слез читать не могла. О намерении твоем действовать флотом в разговорах говорено будет: по твоему совету скажем, что распутица причиною, что ничто не довозится, и тому подобное. Но ради Бога сам берегись, не вдавайся излишне где в опасности, je ne veux pas Vous perdre, mon cher Monsieur***.

Второй твой курьер до сего часа не приехал. Ты говоришь, что посылаешь его чрез Польшу: уж не лутче ли их посылать чрез Россию, чтоб иногда не перехватили их с чем нужным? Не имея твои письмы о боярах, ничего сказать не могу, такожде о войсках Малороссийских, а что получу, то ответом не помеш-

---

* Желаю, чтоб эта вещица доставила вам столько же удовольствия, как мне ее посылка от чистого сердца (*фр.*).

** Лавровый венец превосходно пойдет к вам, и я буду очарована, видя кавалера Св. Андрея, достойного украшения мною ему данного за его заслуги и верность (*фр.*).

*** Я не хочу вас потерять, сударь (*фр.*).

каю. За простыни благодарствую, в Царском Селе зделаю из них употребление. Прости, мой друг, Бог с тобою, будь здоров и благополучен. Мы говеем, и твой корнет в Аннеңской ленте и поведения безпорочного.
Февр[аля] 6 ч., 1790

1032. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

8 февраля [1790]. Яссы

Курьера, что я послал чрȩз Польшу на Лоев, приказал поворотить: боялся, чтоб по болезни или какому другому случаю письмы не попались в руки полякам.

Матушка родная, чин Гетмана Великого подаст мне способ принесть Вам новую услугу, я сему рад. Польские войски от наших границ потянулись к Галиции, с нами обходятся хорошо и вежливо. Причина их приближения есть та, что Цесарь 20 т[ысяч] ввел в Галицию по подозрению на своих подданых поляков. А поляки приняли подозрение наипаче, потому что пред сим на границе зделалась драка у поляков с цесарцами таможенными.

Вернейший и благодарнейший
подданный Князь Потемкин Таврический

1033. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Февраля 8 [1790]. Яссы

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я недоумеваю, как теперь что-нибудь двинуть отсюда. Полки все отделены степью: ни людям возможности нет укрыться от зимы, ни лошадям нет корму. Изволишь, матушка родная, писать, что Граф Салтыков говорил, что можно с Кавказа уделить десять тысяч. Тут его Сиятельство доказал, что щету не знает. Да как сам был, то отозвался, что всего мало, и для того ничего не предпринял. Ce n'est pas son affaire de combiner les choses*. Я противу рескрипта зделал отметки[1]. А затем скажу: не можно ли всячески отвести Прусского Короля от его намерений. Пусть он берет Померанию и что хочет. Прошу Вас, как Вам обязанный всем, прикажите постараться обратить на лутчее, а то все верх дном пойдет. Где набрать войск и начальников столько и достанет ли внимания?! Разбившись повсюду, везде будем слабы и нигде не успеем. Пространство границ не дозволяет одной части служить помощию другой. Ежели бы сказать, чтоб делать мир во что бы то ни стало, но турки, видя диверсию столь сильную, никакого не зделают. С ними же всего хуже набиваться. Я все употребляю, чтоб визиря заставить за собою ходить. Цесарцы по многому старанию не выторговали ничего и теперь требуют вместе трактовать.

Я не знаю хорошо разположения полков кавказских. Назначу оттуда в Белоруссию несколько, только когда они придут. Сами извольте подумать – из Крыму тронуться до подножного корму нельзя. Полки Украинской армии, как

* Это не его дело что-либо согласовывать (*фр.*).

прежде доносил, так малолюдны, что и баталиона не составляет полк. Рекрут принимают, но немного еще в Харьков пришло. Считал я все привести в порядок и комплект, но теперь мудрено уже будет сие зделать. Естли бы возможно было хотя шесть месяцев выиграть, то исправил бы[2].

С жителями кавказскими, а паче с кабардинцами, нужно обойтись милостиво, и тем ту сторону обезпечить, а потому и войск тамо не будет нужды держать столько. У Кабарды отняли много земли, а она нам на ничто. До времяни Губернское правление перевести в Астрахань. Я берусь тот край устроить и тем войск тамо гораздо уменьшить.

Извини, матушка родная, что я пишу [не]связно: я перемогался, а четыре дни слег в постелю. Теперь, слава Богу, все прошло сильным поносом, но слаб, как муха.

В Венгрии и Трансильвании дела были худы. Они требовали всех отнятых прав у них и сказали, что Короля не имеют, ибо он некоронован. Император все возвратил и корону, и кондицию принять обещал. Сим так выиграл, что Венгрия хотя вся наголову пойдет на войну.

Войски репортирую во все места, что можно, и донесу за сим тот час, но весьма бы хорошо, естли бы без того обошлось.

Во всю жизнь вернейший и благодарнейший

подданный
Князь Потемкин Таврический

1034. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[25 февраля 1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Ты, моя кормилица, сверх милости, само по себе безмерной, присоединяешь и вкус, и драгоценность. Изволишь писать: "мой Великий Гетман". Конечно, твой. Могу похвалиться, что ничем, кроме тебя, никому не должен. Дай Боже мне служить тебе везде с успехом и пить при победе неоцененное твое здоровье. По смерть вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

1035. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25 февраля [1790]. Яссы

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Привез ко мне полковник Текутьев[1] репорт о произведенных, но не получил я с ним Вашего письма. Нетерпеливо ожидаю курьера. Нескоропостижность моя довела визиря до нетерпеливости. Я наверно знаю, что Порта намерена тянуть дела в переговорах и, будучи теперь слаба в силах военных, удержит нас тем от действий военных, а, наконец, изготовясь, прервет негоциацию, ежели она не в пользу их будет. Но визирь и риджалы* хотят миру, Султан же сваливает все с

* сановники (*тур. с араб.*).

себя на них, чтоб не быть упрекаему, а притом пьянствует[2]. Кто ему подводит мальчиков, тот и силен. Дела их в крайнем разстройстве, и естли бы дворы известные можно соединить нам с Императором (он уже скончался[3]) и с собою, то, конечно, бы пала Отоманская Порта.

Цесарцы не понимают хитрости турецкой в назначении места конгресса в их владении, а я вижу, что турки хотят впустить и других министров, которые не поедут на место, которое в наших руках[4]. Не выйдет из конгресса пути, а паче для меня он затруднителен, ибо я известен, что визирь на меня будет сваливать принуждать цесарцев отступать от требований. Неловко и несовместно и то, что цесарцы везде хотят брать места у нас, а туркам уступают. Из записок моих к Бароцию[5], изволишь, матушка, усмотреть, что я истощил все способы к наведению страха в турках и уверен, что сие немало произведет действия. Нужно мне иметь по записке здесь приложенной повеление, обещая им союз наш: мы отвлечем их от всех других и тем, может быть, навсегда инфлуенцию пресечем других дворов. Кажется, что турки сему будут рады[6].

Хотя я и отделался от болезни, но все еще нехорош.

Землетрясения нынешний год здесь часты, но очень сильных не было.

Узнал о кончине Императора. Я отправляю барона Биллера в Вену, чтоб узнать, как у них мыслят и какое разположение нового Государя[7]. Из Варшавы не имею никаких известий, а ежели и будут, то все фабалы. Естли бы ревностный был тамо и не столь ненавидимый министр, много можно бы было обратить нам себе на пользу, пользуясь негодованием бедной шляхты, отверженной ныне от права подавать голос на сеймиках. Их тысячи противу богатых. Княгиня Сапега пристает к ним, недовольна Королем и Сеймом, как бы и ее не поворотить к нам, а она много может, но что делать?!

Прости, матушка родная, я скорблю, не имея Ваших писем. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный Князь Потемкин Таврический

1036. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 25 февраля [1790]

Отделавшись, матушка родная, от болезни, крайне однако ж слаб. Боли головные замучили.

Император нас оставил. Не худо иметь порасторопнее Князя Голицына теперь в Вене для настроения дел с новым Государем. Не мудрено бы было Его поладить с Прусским Королем и с Англией и тем нам развязать руки кончить дела[1]. Поверь, кормилица, что Порта столь в худом состоянии, что бы одной кампанией их из Европы проводили. Боже дай милость, а иначе лутче помириться. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1037. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всеподданнейше прошу Ваше Императорское Величество повелеть прислать ко мне несколько экземпляров печатанного у нас алкорана. При сношении ныне с турками может он с пользою быть употреблен.

Князь Потемкин Таврический

25 февраля 1790 года. Яссы

1038. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой Князь Григорий Александрович. Из рескрипта, мною подписанного, увидишь положение дел до сего часа, и колико нужно готовиться к отпору злых намерений врагов наших[1]. Всевозможные меры употребляются – укротить их злобу, отвратить и удалить принятые ими единожды правилы унизить Россию и влещи ее за собою в их намерения и виды по своим мнимым интересам немецким. Надлежит теперь смотреть – смерть Императора какие окажет обстоятельства; но судить по прошедшему о будущем, то дела останутся почти в том же положении, понеже и из сообщений Берлинскому двору предварительно кондиции мира с прошением их добрых оффиций, они из оных зделали употребление коварное, злое и гордое, доказующее умоположение того двора и бешеных намерений Герцберга, который Королем властвует. Теперь требует у Польши Торун и Данциг[2]. Я говорю: пусть берет, но помню, что в 1763 году Бестужевым записано в протокол конференции, что сие – казус-федерис, понеже о Данциге трактаты и гарантии собенные, и я все то знаю, ведаю и помню, что после того дня и противу говорено и делано, и стараюсь обратить все к лутчему и к утушению, чтоб не все верх дном пошло, как пишешь.

Но нашего одного старательства тут недовольно одним пером, а надлежит врагам показать, что нас сюрпренировать* не можно и что зубы есть готовы на оборону Отечества, а теперь они вздумали, что потянув все к воюющим частям, они с поляками до Москвы дойдут, не находя кота дома. Пространство границ весьма обширно, это правда, но естьли препятствий не найдут, то они вскоре убавят оных. Мир нужен, но я с тобою весьма одного мнения, что турки, увидя сильную диверсию, оного не так скоро зделают, как бы сами желали, не имея таковой надежды. А набиваясь и домогаясь у турок мира, ничего не будет. Цесарцы торопливостию много дела свои испортили. Увидим, что теперешний Король Венгеро-богемский учинит.

Пришли ко мне репортиции тех войск, кои к границам Белорусским отряжаешь. Не могу обещать, чтоб шесть месяцев, коих просишь, выиграны были, а несколько время мы, кажется, что уже выиграли. С кавказскими жителями, чтоб обходиться мне милостиво, как пишешь, затруднения не будет, но о сих делах здесь я никаких известий не получаю, следовательно и ничего сказать не могу. Что ты, мой любезный друг, болен был, о том сердечно сожалею и прошу тебя всякое попечение иметь о своем здоровье.

---

* от surprendre (*фр.*). – захватить врасплох.

Каково дела пойдут в Венгрии и Трансильвании при новом Государе, увидим, а брабантцы теперь в таковой конфузии, как французы. Однако их несогласия между собою остановили Англию и Голландию признать независимость их. Питт старается доныне отвратить войну, но, может быть, заведен будет Берлинским двором и Принцессою Оранскою по неволе. Теперь еще быть может и то, что выбором Короля Римского аттенция несколько оборотится на ту сторону[3]. Однако готовностию нашей ничто не испортится. Господин Великий Гетман Екатеринославских и Черноморских казаков, живи здорово, поделай дела добрые и будь уверен, что я Бога прошу, да благословит твои предприятия в пользе дел моих и Империи. Прощай, мой друг любезный, я здорова. Корнету твоему аттестат даю безпорочный.

Марта 1, 1790

1039. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10 Марта [1790]. Яссы

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Получил я от Штакельберга уведомление, что Луккезини предложил об уступке Данцига и Торуни и других мест. Но я о сем уведомлен за неделю еще прежде. Изволите увидеть, что он советует отдать туркам Подолию и Волынь, а прежде советовал мне поступиться по Днепр от наших границ. Я как верный и взысканный подданный советую – пора его оттуда[1].

Мое поведение на Украине всех привлекает поляков[2]. Но с ним ничего не зделаешь. Напротив, всячески старается чрез Короля внушать противу меня. Я уведомлен от приезжих из Варшавы, что аглинский министр, тамо находящийся, проговаривал многим полякам, что их двор внушает и советует Прусскому Королю не препятствовать нам мириться с турками.

Которые полки стояли в местах, не отрезанных степью, те уже в движении к Чернигову, дабы оттоль вступить в Могилевскую губернию. Протчих же чрез степь тронуть нельзя. Вологодский пехотный идет в Киев, два конных и кирасирский орденский – в Чернигов. Корпус обсервационный составится и будет наготове войтить в Польшу, откуда действовать может к прусским границам. Но до крайней нужды не прикажите двигаться. От Пруссии могут быть одни демонстрации, а мы движением попустому испортим все дело здесь.

Теперь уже обмогся, но был жестоко болен, так что не в состоянии был головы поднять. Остался еще сильный кашель и слабость крайняя. Но, слава Богу, болезнь миновалась. Матушка родная, свидетель Бог, не смогу писать. По смерть

вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1040. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[10 марта 1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Занятие в Польше трех воеводств по назначенной на карте черте долженствует быть произведено согласно с союзниками, иначе мы останемся одни загребать жар, ежели они пребудут на дефензиве[1]. Я сего опасаюсь от них. Потому то и нужен тамо министр деятельный. А князь Голицын цесарец и берет только жалование даром. Из неограниченного моего усердия я Вам, моя родная мать, говорю, что вреден в Польше Штакельберх. Истину сию Вам время докажет. Что изволишь, матушка, писать о Бестужеве протоколе касательно Данцига, и без него можно знать, что лутче ничего никому не давать[2]. Но естли нужно по обстоятельствам ему дать глодать мосол, то пусть возьмет. Тут выдет та польза, что потеряет он кредит в Польше, откроет себя всей Европе, да и турки с агличанами не будут равнодушны. Нам доставится способ кончить войну и тогда немедленно оборотить все силы на Прусского Короля. В одну кампанию, по благости Божией, оставим его при Бранденбургском курфюрстве. Иначе много будет нам забот, а ему безвредно. Верьте мне, как своему питомцу, который жизни не пощадит для Вашей чести. Верьте мне, как привязанному своему Отечеству, верьте, что слава России мне дорога и сколь велика для меня честь, что я поставлен тобою оную поддерживать. Кто не применяется к обстоятельствам, тот всегда теряет. Нужно, конечно, торговый трактат заключить с Англией и тем нацию интересовать[3], а без сего ничто оную не связывает и король тем выигрывает. Прикажи не смотреть ни на что нашим министрам берлинскому и аглинскому, чтоб выиграли время хотя несколько, чтоб полки притить могли на места. Мы таким способом изворотимся, иначе будем в худом положении. Нет способа прибавить время, ни сократить дистанции. Прикажи употребить больше политики. Представьте, что время здесь неслыханное: снег и метелица. Как степью итти? И люди, и лошади померзнут. Ни сена, ни дров нету. Дурак Бибиков ушел за Кубань почти со всеми войсками[4]. Послал младшему [генералу] принять команду и вывести. Он разорит войски по теперешнему времяни.

От Финляндской армии можно без вреду пехотные полки, взятые из Белоруссии, возвратить. Там, ей Богу, много, лишь бы умели предводить.

Требование для примирения, чтоб Король Шведский был без власти начинать войну, было напрасно. Ибо сим способом никогда не помиримся. Брат его? Так можно будет его после, без труда оставить бобылем.

Из рапортиций соизволите усмотреть, что по уделении войск от действующей противу турок армии сим оная останется слаба. Наипаче по ужасному некомплекту полков бывшей Украинской армии. Крайне бы годились войски теперь из мещан составленные в России, ими граница была бы охранена[6].

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Того ж числа

1041. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Вручителя сего письма флигель-адъютанта моего Валериана Александровича Зубова прошу жаловать и любить, как молодого человека, наполненного охотою к службе и доброй волею. Он никуда не захотел сам, окроме к тебе в Армию. Он же едет к тебе с тем, чтоб действительно служить и быть употреблен, куда изволишь. С таковой диспозициею, я надеюсь, что его не оставишь праздным. Сии молодые люди в самом лутчем расположении и при том весьма добросердечны и честны, и нельзя их не любить и за них не интересоваться. Я надеюсь, что меня в слове не выдашь. Прощай, Бог с тобою.

Алкораны при сем посылаю, которые ты требовал.

Марта 18 ч., 1790 г.

1042. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 18 марта [1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Болезнь уже меня оставила, но слабость велика. Исхудал так, что все кафтаны широки, даже и сапоги.

По обстоятельствам теперешним мой усердный совет, чтоб скорей помириться с турками, несмотря ни на что. И все уже обратить на пруссака, а убытки наградить от Польши. Разоря безщадно осталую часть, позвольте, Всемилостивейшая мать, оставить по Днестр[1]. Крепости разорить, как я представлял[2], и, ежели можно, Молдавию оставить на десять лет с ее доходами для заплаты нам убытков, выговоря им выгодные кондиции, равно и волохам касательно князей их. Когда Бог поможет смирить злодеев, к туркам придраться нетрудно и отобрать Молдавию. Нужно склонить на умеренность и цесарцев.

Матушка Государыня, помилуйте, прикажите послать Булгакова в Варшаву, а Штакельберха хотя архипослом – в другое место. Ей, я говорю из усердия. Да всячески стараться удержать на несколько месяцев в нерешимости Берлинский двор, дабы войски успели притить на место в Белоруссию. Извольте подумать, какое расстояние.

В Венецию нужен хороший министр, а находящийся тамо крайне плох[3]. А сие место важно на теперешних случаях.

У нас выпал снег и холодно. Я греюсь, матушка родная, муфтою, что мне пожаловали. По смерть с неограниченной приверженностию

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1043. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[19 марта 1790]

Секретно. К Высочайшему сведению

От волошского Господаря Мавроения с последним письмом был ко мне прислан турок Салиг-ага, бывший его кегая, а потом сераскиром войск, от

Валахии собранных. Он самый тот, который делал впадения в Трансильванию. В бытность его при мне я его приласкал, и столько ему полюбилось быть при мне, что дал мне слово возвратиться и, скрывши свое намерение, выведать у визиря о их предположениях. Сей турок отличный, просвещения редкого не только между турками, но и везде. Говорит по-гречески, по-италиански, по-аглински, по-волошски и по-русски. Вояжировал по всей Европе и был у нас в полону по взятии Бендер в первую войну.

Третьего дни он возвратился, и его я поджидал для донесения обо всем. Письмо от Мавроения ничего не замыкает важного, которое у сего подносится. Но комиссии его состоят в том: визирь поручил ему узнать, какой бы суммой денег возможно было меня наклонить на их пользу. Я на сие приказал ему ответить, что, конечно, турки принимают меня за иного, нежели я. Вторая комиссия, чтоб свесть с поляками корреспонденцию и узнать о их намерениях. То же и о прусских, что они делают в Польше. В рассуждении мира с нами по Днестр спорить не будут, но чтобы крепости были срыты, а ежели за Днестр, то Бендеры и Аккерман уничтожить. О Княжествах согласны, чтоб быть в них Государям, кому бы то ни было, лишь бы зависеть от Порты. Цесарцам, ежели бы можно, то ничего не давать. Они их крайне ненавидят и презирают. Он сказывал, что войски мы оттянули в нижнюю часть Дуная, а там почти ничего не оставалось.

Я с моей стороны, из неограниченного моего усердия к Вам, как к Государыне, благодетельнице и истинной матери, повергаю мои мнения, чтоб достичь мира столь нужного по стечению обстоятельств, позволить мне его зделать, ежели можно, следующим образом.

По Днестр границу Российскую, где к морю поселятся казаки верные Черноморские, а от польской границы степь вся вскоре заселится. О Молдавии разобраться с цесарцами, которой они захватили лутчую половину, и зделать землею, ни от кого не зависимою с собственным князем, которого и наименовать заранее, ибо удобно будет ему самому о себе говорить с соседней и протчими державами, войдя в связь общих интересов. Молдавия не была турками завоевана, как Валахия, но отдалась на капитуляцию под протекцию с кондициями легкими, которые турками все нарушены, то такой князь купно с народом отложится при мощи оружия Вашего и отнесется о сем к державам, прося о вспоможении. Не будет тут и зависти такой, как естли бы Молдавии остаться у нас. И сие и тем полезно, что Польша отрезана уже будет от Турции. Валахию за уделом, что поступится цесарцам, оставить Порте, и пусть уже они тамо, как хотят, так меняют Господарей, ибо чем тяжелее будет народу, тем больше их в Молдавию выдет, а чтобы пресечь навсегда инфлюенцию чужих держав у Порты, нужно им обещать наш союз и гарантировать их посессии. Сим, конечно, ускорим мир, ибо такое дело будет претекстом Султану и министрам зделать нам уступки. О протчих пунктах я не упоминаю, как то о коммерции и о Грузии. Сие может, как и протчие, уладиться.

Вышеупомянутый турок остался навсегда в России, чтобы жить при мне[2]. Ему обещаны бунчуга; ежели он в своей комиссии успеет, то для приманки других знатных пожалуйте его бригадиром.

Из моих заметок Бароцию[3] изволите усмотреть, что я все изтощил, чем можно напугать визиря. Крайне нужно теперь успокоить Прусского Короля, хотя до августа. А ежели бы его сладить с новым австрийским наследником и допустить взять в Польше, всего бы было лутче. Как скоро можно будет, я тот час двину полки, чтобы сблизить их и итить чрез Польшу к стороне Пруссии. Беда, что не успеем укомплектовать. Теперь отправил два полка Донских в Могилевскую губернию, и уже они под Кременчугом. Один полк пехотный в Полтаве, который обратится к Киеву. От Кавказской части далеко будет итить к северу, а я уделю из Крыма, а от Кавказа переведу на их место. Поверьте, Всемилостивейшая Государыня, что без разорения войск тронуть их теперь нельзя. Время холодное, и корму нет. В Малороссии прибавить еще столько же можно войска на военное время, и то еще будет меньше того, что они давали прежде. Отправляю туда Кречетникова все заготовить и доставить мне верные ведомости о военных поселянах[4].

По первому мне повелению вверенных мне губерний мещан обратить в казаки теперь я приступаю. Они скоро будут готовы и годятся для Польши. Я артиллерии из Херсона часть фузилер отправляю в Киев, а орудия они из Брянска получат. Из чего армия Обсервационная составится, как о коннице и пехоте, за сим же поднесу рапортицию. Ожидаю с часу на час известия, какие полки получили рекрут, те и отправятся, а без того неможно. Тут назначу, что отделится к Полоцку.

Нужно повелеть скорее Кречетникову быть со властию Генерал-Губернатора.

Касательно войны с турками чинить наступание флотом, и, ежели Бог поможет сойтиться и разбить их флот, то теснить Царь Град. Тут я сам буду. От Кубани диверсия. К Дунаю поворотливы нужны действы лишь, а в самом деле оборонять только занятые места. Благодаря Бога и флот, и флотилия наша сильней уже турецкого. Но Адмирал Войнович бегать лих и уходить, а не драться. Есть во флоте Севастопольском Контр-Адмирал Ушаков. Отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник[5].

Князь Потемкин Таврический

1044. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. На письмы твои от 25 февраля сим ответствую. Я того мнения, что ты простужаешь голову и что она оттого часто у тебя болит. Я помню, когда у меня были боли ужасные в голове, тогда ни от чего облегчения не чувствовала, окроме того, когда, лоб нагреется. Дай Боже, чтоб сие письмо тебя нашло в добром здоровье, чего от сердца желаю, паче ныне, при скором открытьи кампании, как сам пишешь.

Мое теперь внимание не столько о том, что делается в Вене, занято, как в других нам враждующих дворах. Новый Король Венгеро-богемский, по кончине

Императора, еще из Флоренции тотчас по получении первого известия ко мне писал самое дружеское письмо, на которое я ответствовала[1]. Князя же Голицына теперь ни сменять, ни переменять не для чего, понеже он там привык и любим, а новый Государь хотя и миролюбив, но в сей кампании не инако поступит, как прилично к достижению мира, то есть avec nerf et vigueur* чего ты сам усмотреть мог из писем Князя Кауница. А к ладу с Прусским и Аглинским дворами теперь повод у Венского на время, то есть до Петрова дня, довольно будет по случаю выбора Короля Римского. И, кажется, столько времени осталось к приготовлениям, кои сильнее всего удержат и опрокинут каверзы, естьли удержать не удалось. А как бы то ни было, здравой разсудок ожидать надлежит с одной турецкой стороны. Как нанесешь им какой ни есть еще чувствительный удар, то каверзы европейские у них разрушишь и принудишь взяться за мир. О сем получишь в рескрипте все те разрешения, кои ты потребовал. Бога молю, да благословит тебя добрым и полезным успехом в военном и мирном деле.

Во втором письме пишешь, что ты не получил мое письмо, а получил лишь рескрипт о произвождении. Мое письмо отправлено, сказывают, с другим курьером, и теперь, чаю, уже в твоих руках. Хотя визирь и риджалы желают мира, но известно тебе, что в Цареграде уже согласились заключить союз наступательный и оборонительный с Прусским Королем и что Юсуф-пашу привезли в Стамбул[2]. Иные думают, дабы предводительствовать на море, а другие – дабы зделать его визирем. Но для сего незачем, кажется, его было везти в столицу. В конгрессе барыша не будет, а интриги и помешательства безконечные; и весьма разумно о сем судишь. Корреспонденции твои с визирем и с Бароцием я читала. Желательно, чтоб привели в турках полезные нам действия. Естьли треть того числа людей, чем грозишь Гассан-паше, поставишь в Обсервационную Армию, то Прусский Король будет говорить учтивее и остановишь приготовленную им диверсию в пользу турок.

Я не понимаю, противу кого союз с турком нам заключить. И сие бы было дело к непрестанным с ними ссорам и хлопотам для и противу них. Сию мысль лутче оставить, и с врагами христиан не связываться союзом: каково подобный союз грекам одним был бы горестен, сам рассуди. Король Прусский близ миллиона истратил денег в Венгрии для возбуждения бунта, но доныне не предуспел. Чин бригадира, по твоей прозьбе, дам Салиг-аге, но вспомни бригадира Селим-Гирея, который и с Владимирскою лентою ушел, и прикажи за сим и его корреспонденциею (чрез жидов) с пруссаками и поляками прилежное око иметь. Что ни Мавроений, ни визирь тебя, моего воспитанника**, не окупят, о сем не сумневаюсь, а корреспонденция с поляками и пруссаками чрез Яссы ближе, нежели чрез Италию.

В рескрипте найдешь разрешения, кои ты требуешь о мире и крепостях[3]. Князя же в Молдавию теперь наименовать никак не удобно: сие точный повод будет Прусскому двору к поспешению своего злого намерения, которое и без

---

* С живостью и силою (*фр.*).

** Эти два слова – приписка над строкою.

того уже другой год отдаляем с трудностию и противу лихих затей которого теперь необходимо нужно войск, о коих, как для обороны границ назначенных, так и для Армии Обсервационной, какие полки имянно? откуда? когда? и куда отправляются? и к которому времени поспеют? да и кого Генерал[ами] советуешь определить?– пришли ко мне скорее сведения.

Пришло на ум, невозможно ли тебе употребить большую сумму денег моих на тех, кто из кредитных при Порте и миру способствовать могут. Пожалуй, постарайся. Ты скорее в них успеешь, нежели они в тебе. Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров и щастлив.

Марта 19 ч., 1790

Я чрез Валериана Алек[сандровича] посылаю к тебе алкораны, кои ты у меня просил, а он сего же дня едет.

1045. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 10 марта из Ясс я получила и весьма жалею о твоей болезни, и крайне она меня безпокоит. Дай Боже скорее услышать о твоем выздоровлении. Великая теперича нужда о скорейшей присылке от тебя обещанной репортиции войск в Обсервационной паче армии, понеже от нее зависит, так-то сказать, целость и безопасность Империи. А враги висят на носу. Штакельбергово письмо к тебе – безумное, я приказала его отозвать, а Булгакова назначила посланником в Польше. Из рескрипта и к нему приложенных бумаг увидишь, колико стараются постыдными делами вовлещи нас в унизение и посрамление[1] и нашими же руками вынуть из огня каштаны, а на пятьдесят лет заключили трактат наступательный с турками, со врагами имяни Христова. Дай Боже, чтоб полки, идущие в Украйну, могли скорее степь перейти. Прикажитко, барин, когда тебе удобно будет, по степи, на каждые двадцать верст зделать сарай или корчму из тростника, камыша или мазанки, как я построила в здешней губернии деревянные и в Финляндии, на тридцати саженях, в коих проходные войски весьма покойно умещаются. В каждой живет отставной солдат. Гвардия, когда шла, не захотела стать ингде: таковы мои сараи. Как я ведаю, что ты любишь более всего пользу, то и сей мой совет тебе да не будет противен. Не опасайся, мой друг: без крайности крайней не велю двигаться Обсервационной Армии, ибо не теперь время наступательно действовать на врага нового, но оборонительно – тогда, когда нас задерут заподлинно.

Известие есть, что с стороны Силезии пруссаки в движении.

Adieu, mon cher Ami, portés Vous bien.

Бог с тобою и да даст тебе всякий успех.

Марта 30 ч., 1790 г.

1046. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 1-е апреля [1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Помириться без дальнего выигрыша и все силы обратить на известную сторону. Но нужно, чтобы австрийцы не оставили и начали бы вместе. Правда, что нелегко их согласить с турками.

Вы из рапортиций, матушка, изволили видеть, сколь легка будет армия, противу турок действующая. Но она бы была достаточна, когда бы, взявши меньшую округу для охранения, стали б нажидать на себя. Но разойтиться с цесарцами нельзя, их выгонят, конечно.

Я еще, матушка, не могу оправиться. Слабость такая, что взошед на лестницу, делаюсь без памяти. Может хорошее время поправит.

Из Вены я получаю столько безделицы, но что касается до разположений королевских и общих мыслей в рассуждении союза нашего, – нет ни слова. Что получил из Варшавы, здесь подношу[1]. Вот, матушка, от министров наших польза: узнаем худое только как уже исполнится.

Поздравляю с Воскресением Спасителя нашего и молю, чтоб Он помог Вам так, как и во всех тесных обстоятельствах был всегда Ваш и России избавитель. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1047. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 18 марта получа, на оные сим ответствую. Что ты болен был, о том весьма жалею и желаю скорее услышать о возстановлении силы и здоровья твоего.

Касательно совета твоего, чтоб скорее помириться с турками, ты уже получил (после отправления твоих писем от 18 марта) во всем и всех статьях совершенное от меня разрешение. И естьли турки не вовсе ослеплены каверзами прусскими, то, кажется, нельзя не приступить к миру. О смене Штакельберга и определении Булгакова приказания посланы. Меры, тобою взятые для обороны границ и на случай разрыва для действия и исполнения плана, весьма хороши. Желательно же было бы только для вящего здесь спокойствия, чтоб сверх кордона по такой обширной границе можно было иметь в околичности Риги резервный корпус тысяч от пятнадцати до двадцати, который в состоянии был бы всегда двинуться в здешнем краю, куда нужда укажет, для отпору на случай, естьли бы Король Прусский обратил что-нибудь к ближним отсюда нашим границам. И для сего и чтоб таковой корпус отделить, как в существе для нас безполезно настоять более на зделание в Швеции конституции (чтоб Король невластен был начать войну), понеже он всякую нарушит, ему, Королю, ныне зделано чрез Гишпанского министра внушение о мире по приезде его в Финляндию, на которое ответ Короля Шведского покажет прямые его намерения. Но, между тем, нельзя не действовать усильно на сухом пути и на море,

понеже шведские флоты, как корабельный, так и галерный или армейские, выходят в море.

В Вене сменять посла не нахожу нужды, ибо дела делать здесь можно с их послом. Князь Голицын тамо приятен, а ежели при нем кто нужен послать, то разве Графа Андрея Разумовского.

О казаках из мещан – в Российские города неудобно, понеже сие требует соображения с городовым положением, а противуречить своим же учреждениям я не нахожу приличности. Ничего на свете так не желаю, как мира, а тогда я, чаю, не найду нигде охотников наказать Бранденбургского Курфюрста за все его обиды и неправду, и я так уверена, как здесь сижу, что он останется безвреден. Вот как я применяться к обстоятельствам приучилась. Мы выиграем время, колико можно; но, выиграв, об заклад бьюся, что будет ничего, а великодушно скажем: "Бог с ними, что с ними связываться?"[1]

Здесь теперь холодно, и во льдах сидим еще по уши. Англия доныне не ответствовала на наше предложение о торговом трактате. Что в Финляндии много войск, лишь бы оным[и] умели действовать, в том я твоего мнения; но буде наши тамошние начальники, быв вскормлены, так-то сказать, на войне, не умеют воевать, то мне их перепекать, аки тесто, также нельзя же.

Теперь, мой друг, до Петрова дни недель десять. Сколько из оных Бог велит выиграть, не ведаю, а то знаю, что старание прилагается, колико можно. Прощай, помоги нам Бог. Я здорова, тебе желаю от всего сердца всякого благополучия и щастия.

Апреля 8 ч., 1790 г.

Я думаю, что Валериан Ал[ександрович] довез до тебя уже теперь мое письмо. Ему и брату его я продолжаю да[ва]ть наилутчий аттестат. Они таковы, как только желать можно: добросердечны, усердны и честны, и привязаны мне лично.

1048. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Матушка Всемилостивейшая Государыня!

Австрийцы получили чрез капитуляцию Орсову[1], но тут турки взбесятся пуще, ибо сие зделано во время условия о пресечении военных действий чрез посланного от Кауница прямо поверенного. Они и так их ненавидели, а теперь не знаю, как разберутся.

Корму полевого еще нет, и холод настоит. Ожидаю возвращения Бароциева, чтоб узнать о задунайских произшествиях. Вообще думать надлежит, ежели не будет визирем Юсуф-паша, то надежда трактовать о мире еще не изчезла. Мне, слава Богу, лутче, и я уже не болен, и слабость проходит.

Генерал-Порутчик Бибиков, как я доносил, ушел не только не спросяся за Кубань в самое жестокое время, но и не дождавшись утвержу ли я его тамо командиром. Уже месяц, как нет никакого об нем слуху. Я отправил барона Розена принять команду[2] до назначения настоящего начальника. Сколь сие заботит и разстраивает мои меры – описать не могу. Доставление рекрут тоже затрудняет. Ни одна команда еще к полкам не пришла. И когда их учить и

одевать будет? Полки Украинской армии весьма жидки, редкий выводит в строй более пятисот человек, а корпус Белорусский егерский во всех четырех баталионах не имеет больше людей, как для одного баталиона. Конные полки тоже в малом комплекте. А как шли полки пехотные чрез Кременчуг к помянутой армии, то в десяти ротах имели по тысяче по двести одних рядовых.

По смерть пребуду
вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

17 апреля [1790]. Яссы

1049. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Меня пуще всего безпокоит твоя болезнь. Ради Бога берегись, вить ты не из слабых людей, но с летами нужны некоторые осторожности, охраняющие здоровье, более, нежели в первой младости. Дай Боже, чтоб ты скорее оправился совершенно.

Кажется, вести из Вены удовольствительны: Король Венгеро-богемский уверяет меня в своих письмах, что он намерен содержать все брата своего обязательства с нами[1]. О мире, кажется, имеешь совершенную развязку, но жаль, что Гассан-паша умер. Бароциев журнал довольно показывает положение дел[2]. Все зависит теперь от того, кого изберут визирем: бешеного Юсуфа, либо к миру склонного. Поберегись Христа ради, от своего турка. Дай Боже, чтоб я обманулась, но у меня в голове опасение, извини меня, чтоб он тебя не окормил. У них таковые штуки водятся, и сам пишешь, что Гассан-паша едва ли не отравлен[3]. А к сему пруссаки повод и, может быть, и умысл подали, и от сих врагов всего ожидать надлежит, понеже злоба их, паче всего личная, противу меня, следовательно, и противу тебя, которого более всего опасаются. Я желаю, чтоб я обманулась, а нельзя не сказать, когда на ум пришло. Хорошо, конечно, с другой стороны, приласкать сего человека, естьли он чистосердечен, и другим туркам подавать повод, чтоб потеряли отвращение к нам.

К Фельдмаршалу Румянцеву от меня сего же дня отправлено письмо, где к нему пишу начисто, чтоб выехал из Молдавии, либо к водам, либо в Россию, ибо его пребывание вредно моим делам[4]. Посмотрим, что будет.

За поздравление с праздником благодарствую и тебе желаю же Бога помощником во всех твоих деяниях к пользе Империи. Прощай, мой друг, Христос с тобою.

Апр[еля] 19 ч., 1790 г.

1050. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[2 мая 1790]

Поздравляю Вас, матушка моя родная, Всемилостивейшая Государыня, с прошедшим праздником для меня паче безценным. Бога молю, чтоб он подал Вам помощь, наипаче в теперешних обстоятельствах, в чем несумненно на Его милосердие надеюсь.

Я здоров и скоро выеду из Ясс. Ежели полномочные приедут, то расположусь в ближних домах боярских во избежание интриг, да и соседства пребывающего здесь.

Во всю жизнь вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

1051. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 2 мая [1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Каких пакостей наделал безбожный Бибиков, дурак, пьяница и трус[1]. Там только дерзок, где не видать опасности пред глазами. Ушел, скоропостижно собравши войски, и нечто похоже на Мазепу[2]. Из рапорта Розена изволите усмотреть, что сверх недостатка пропитания упоминает он о странных и невероятных обстоятельствах. Я не могу уже придумать, что бы то сверх известного было. Не было ли примечено предательства или не зделал ли он какой постыдной капитуляции, либо не взбунтовалось ли войско, чего в нужных обстоятельствах и ожидать должно. Я думаю, что он имел кого-нибудь от неприятеля, который его заманил к Анапе, ибо по известиям, взятым от пришедших из Царьграда, видно, что давно турки в Анапу послали подкрепление. Коликих трудов и заботы будет мне стоить починивать испорченное? И сколько в деле мирном последует остановок: нельзя, чтобы не возгордились.

Изволите писать в письме минувшем Вашем и, кажется, гневно, касательно положения дел с Прусским Королем[3]. Я что ни говорю, то для пользы Вашей, и говорю от истинного усердия. Многие события оправдали мои мысли. Я повторю еще, что теперь немного можем мы зделать. Развязавши же руки здесь, начинайте смело. Я Вам порукою, что не доведя до баталии, в одну кампанию изведу его армию. Я крепко надеюсь на Божию помощь, похвалясь, что лутче всех найду сильные и новые противу его способы. Тут пустим рой конницы легкой, и Его Величеству обедать с покоем не удастся. С ним так должно воевать, озабочивая и безпокоя всегда; случай подастся дезерции такой, что вся армия его изчезнет. Буде то на мой щет изволите говорить, что ежели бы Бог дал мир, то все скажут, чтоб оставить Прусского Короля, будьте, матушка, справедливы: не я тот, который бы согласился оставлять Вам и России без наказания нанесенные оскорбления. Извольте в запас дать мне секретное повеление в случае, когда Бог поможет кончить с турками, чтоб начать с Пруссиею войну, и Вы увидите, задумаюсь ли я. Я много должен Вам, чтоб не почитать обязанностию жертвовать за Вашу честь и славу. Я для того твердил и твержу, чтобы ладить теперь, дабы, освободясь, силою действовать. И сие инако быть не может.

Визирь новый, кажется, как нарочно выбран, чтобы не мешать миру[4], ибо имеющие силу у Порты дворы старались о Юсуф-паше и не унять бы открытых партизанов войны.

Поляки к нам удвоили учтивости и зачали ездить в мою квартиру, чего прежде не смели. Я надеюсь, что Булгаков при удобном случае успеет переворотить[5]. Я его удержал по нужде, что не имею никого для корреспонденции

французской. Биллер из Вены не воротился еще, но завтре отправлю. Я знаю, что Голицын-посол любим в Вене, но любит ли он Россию, того не ведаю, а вижу, что он о положении, в каком находятся земли австрийского дому, мало уведомляет, а что чудесил покойный Император, будучи при армии, того он не писал. А сведения таковые нужны об союзниках, ибо по ним можно судить и о силе и полагать только надежды. И теперь Король во многом угодил всем частям, но военные, не видя от него приветствия, ропщут. Армия ожидала себе доброго слова.

Принц Виртембергский, садясь на лошадь, повредил себя и нет надежды, опричь операции, которая тоже больше подвергнет опасности, нежели подает надежду. Просится для сего в Петербург, чтобы увидя сестрицу, хоть умереть. Я его отпустил[6].

Пока жив,
вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1052. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Троицын день. Яссы [12 мая 1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня!

Бибиков возвратился, слава Богу[1]. Но прямо Ему – ибо Он все сохранил и подал верх над неприятелем. Я спешу уведомить кратко. Подробное описание отправляю обыкновенной дорогой, а сие чрез Польшу. Спешу отправлением и больше не пишу.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Наша потеря с убитыми и ранеными, которых гораздо больше, человек пятьсот.

1053. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Мучит меня теперь несказанно, что под Ригою полков не в довольном числе для защищения Лифляндии от прусских и польских набегов, коих теперь почти ежечасно ожидать надлежит по обстоятельству дел. Я надеюсь, что на Ригу без большой Армии предприятье всякое тщетно будет. Корпус прусский сюда назначенный, сказывают, тридцатитысячный. Дезерцию в оном старание приложено будет умножить. Но со всем тем корпус войск в Лифляндии крайне был бы нужен.

Король Шведский мечется повсюду, яко угорелая кошка, и, конечно, истащивает все свои возможности на нынешнее время. Но долго ли сие будет, не ведаю. Только то знаю, что одна Премудрость Божия и Его всесильные чудеса могут всему сему сотворить благой конец. Диспозиция шведского Вел[икого] Адмир[ала] Принца Карла нечайно сама собою в оригинале приплыла к ревель-

скому берегу с сожженного шведами, я чаю, корабля. Как они втрое были сильнее, то хотели наши корабли, окружа, корабль за кораблем пленить[1], и для того были определены фрегаты, коим пленных кораблей отвести надлежало. Но вместо того Богу угодно было нам отдать шведский корабль, а наши – все целы. Теперь Кронштадтский флот пошел на соединение с Ревельским[2], а я молю Всевышнего, да поможет нам чудесами своими. Когда люди коротки, тогда Бог всесильный оказывает свое могущество.

Любопытна я знать, кто визирем. Здесь вести есть, будто Юсуф-паша, объявитель войны. Странно, что воюющие все хотят, и им нужен мир: шведы же и турки дерутся в угодность врага нашего скрытного, нового европейского диктатора, который вздумал отымать и даровать провинции, как ему угодно[3]: Лифляндию посулил с Финляндиею шведам, а Галицию– полякам. Последнее заподлинно, а первое – моя догадка, ибо Шведский Король писал к Шпанскому министру[4], что когда Прусский Король вступит в войну, тогда уже без его согласия ему нельзя мириться. Да и теперь ни на единый пункт, Шпанским министром предложенный, не соглашается, а требует многое себе попрежнему.

Пришли, пожалуй, скорее известие, где и как войски расположены для выполнения твоего плана. Такожде о Кречетникове. Христос ведает, где он. В Украйне доныне его нету. Прощай, мой друг, будь здоров и уведоми меня почаще.

Твоему Кавалерг[ардскому] корнету непрерывно ни единой минуты продолжаю да[ва]ть самый лучий аттестат.
Маия 13 ч., 1790

1054. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрыч. По написании вчерашних писем твой курьер приехал с отправлениями от 2 маия. За поздравления твои с праздниками благодарю и весьма знаю, что они искренни и чистосердечны.

Экспедиция Генерала-Пор[учика] Бибикова весьма странна и ни на что не похожа. Я думаю, что он с ума сошел: людей держал сорок дней в воде почти и без хлеба. Удивительно, как единый остался жив. Я почитаю, что немного с ним возвратилось. Дай знать, сколько пропало, о чем весьма тужу. Естьли войско взбунтовало у него, то сему дивиться нельзя, а более – сорокадневному их терпению. Сие дело несколько похоже на Тотлебеново и Сухотина во время прошедшей войны[1]. Что тебе забот и труда будет стоить испорченное поправить, это правда. Дай Боже тебе силу и здоровье. Только сим письмом, на которое теперь ответствую, ты весьма на меня угодил. Как Бог даст, что мир заключишь, тогда увидим, что делать надлежит. Я писала без гнева, одно мое опасение, что обиды, зделанные Российской Империи, иногда не принимались с тем чувством, которое рвение к достоинству ее в моей душе впечатлело[2], toute ma vie a été employée à maintenir la splendeur de la Russie, il n'est donc pas étonnant que les offenses et les injures qu'on lui fait me soyent insupportables à supporter en silence et à les dissimuler comme nous avons fait jusqu'ici par cette prudence

momentanée qui l'exige; mais souvent en les étouffant, de pareils ressentimens intrérieurs jusqu'ici, n'en deviennent que plus vifs*.

Я с тобою говорю, яко с собою, а делать буду, что разум самый безпристрастный укажет кстати и ко времяни. Естьли визирь выбран с тем, чтоб не мешать миру, то, кажется, ты нам вскоре доставишь сие благополучие. С другой же стороны дела дошли до крайности, как увидишь из бумаг[3]. Естьли б в Лифляндии мы имели Корпус тысяч до двадцати, то бы все безопасно было. Да и в Польше [бы] перемена ускорилась.

Я к тебе писала,что ловчее всего Андрея Разумовского туда послать: жена его – венка, и он там связь имеет, неглуп, и молодость уже улеглась, et il paroit être devenu beaucoup plus prudent**, обжогся много, даже до того, что оплешивел. Принц Виртембергский приехал и в жалком состоянии[4]. Я его сего утра видела в первый и опасаюсь, чтоб не было в последний, on veut lui faire deux opérations, il est fort résigné; sa soeur croit qu'au bout de six semaines il pourra s'en retourner à l'armée, mais les chirurgiens regardent l'opération comme très dangereuse. Adieu, mon cher Ami, je Vous aime de tout mon coeur*** и молю Бога о твоем здоровье и благих успехах в мире и войне. Ты – умница. Спасибо тебе еще за то, что ты ласков к Платону Ал[ександровичу], он того стоит чистосердечной привязанностию ко мне и добрым нравом и качествами души и сердца его.

К Ф[ельдмаршалу] Румянцеву я писала, чтоб непременно выехал из Молдавии.

Мая 14 ч., 1790

Из Финляндии на сей час нового ничего нету.

1055. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[29 мая 1790]

Без памяти обрадовался, что шведы столь славно отражены от Ревеля. Вы, матушка Всемилостивейшая Государыня, милостивы были обещанием деревень покойному Принцу Ангальту[1]. Жена его осталась в бедности. Ежели бы ей какой-нибудь пенсион; я интересуюсь только по резону, что он носил имя Ангальт. Граф Ангальт[2] живет в Петербурге, пакостными своими склонностями развращает нравы молодых кадет и не имеет время и не умеет смотреть за егерским корпусом Финляндским, не прикажете ли быть в нем шефом Генерал-Маиору Барону Палену[3]. Корпус требует поправки.

К собирающимся полкам в Белоруссии отправлю Г[енерал] Аншефа К[нязя] Долгорукова, как скоро прибудет. Не худо отправить в Вену Разумовского.

---

* Вся жизнь моя была посвящена поддержанию блеска России и потому не удивительно, что обиды и оскорбления ей наносимые я не могу терпеть молча и скрывать их, как мы это делали доныне, ради минутной осторожности, того требовавшей. Но весьма часто подавляя в себе подобные чувства внутреннего злопамятства, мы их тем более усиливаем (*фр.*).

** И, кажется, он сделался гораздо благоразумнее (*фр.*).

*** Ему хотят делать две операции, он совершенно покорился своей судьбе. Сестра его думает, что по прошествии шести недель он может возвратиться в армию, но хирурги считают операцию весьма опасною. Прощайте, мой дорогой друг, я люблю вас всем сердцем (*фр.*).

Крайне нужно иметь министра расторопного в Венеции. Он там только может получать верные известия и показывания и обласкиванием распублики немало можно озаботить турков. Я имею сведения, что французский трактат с австрийцами кончится в июле месяце, и они обратятся к пруссакам, и что шведов под рукою ласкают.

Дороговизна во всем превосходит меру: сукно офицерское в 8 рублей. Уже трудно, а многим и невозможно, себя содержать. Честь мундира не в тонкости сукна, и чем ближе к солдату, тем больше на военного похоже. Сидя, матушка, у Вас, я предложил, чтобы в должности и во время войны до Фельдмаршала мундиры бы носили из сукна солдатского! Вы похвалили, и я сегодня, одевшись так, всем офицерам приказал то же зделать. Сие нечто важно и походит на Спарту. Похвалите меня за это в письме, а я покажу, то и генералы все оденутся[4].

Хорошо, ежели бы Алопеуса взять из Берлина[5], а туда бы послать кого бы поважнее мазать по губам Короля, а его министра в то же время ласкать всячески. Я уверяю, что ежели мы выиграем время до половины июля, то уже они не двинутся. Одобрения Ваши о корнете моем кавал[ер]гардском меня к нему еще привязывают, а ему подают право ожидать Ваших милостей.

Преображенский полк Ваш и в Вашей воле жаловать, кого угодно, но как по начальству моему над оным по Вашему избранию, то честь моя с сим полком связана. Офицеры гвардейские ослабли от роскоши; записавшись, так сказать, в клобы и театры, забыли службу, а с ней и храбрость мужественную. Им нужен в начальниках и пример храбрости, и знание службы. Таков ли мягкий Васильчиков[6]; не видав войны и не служа в пехоте, не ему быть в нынешнее время. Как полк Егорьевский поступил в лейб-кирасирский, то остался полковник и кавалер Марков[7], служивший с отличностию две войны. Храбр, как шпага. Его я готов повергнуть к стопам Вашим. Он бы повел Ваших стражей первого полку в огонь и в воду. Но что делать, коли опоздал. Я Вам должен сказать истину, а Вы, матушка, изволите знать, сколь я непристрастен в одобрениях. Вы мне наказывали годных выводить, я скоро представлю о многих по службе.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Повеление Ваше Графу Петру Алекс[андровичу] отослал. Здесь следует его ответ: собирается всякий день, а что будет, увидим. Но, где бы он ни был, везде будет во вред, да Бог с ним. Время откроет его замыслы, а я молчу.

1056. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29 маия [1790]. Кокотени

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Ежели Вам понравились мои изъяснения последнего письма касательно Прусского Короля, то и прежние мои мысли достойны были той же участи, потому что все клонилось к тому, чтоб наверно взять над ним верх. Не кажут никогда того ножа, которым хотят кого зарезать: скрытность такая – душа войны.

Нету долго от визиря ответа на полномочных. Я его понукаю. Из расположения действий на случай разрыва усмотреть изволите, что движение назначенных войск и озаботит, и отвлечет Прусского Короля. Но когда б мир зделался, я столько надежен на Благость Божию, что дал бы Ему мат, и совсем новым образом тут бы оказался мой талант, а тактики остались бы только педантами.

Во ожидании возврата Бароциева теперь немного пишу, тем больше, что за верное еще не могу утвердить, что негоциация мирная рушилась. Не знаю, что-то все еще меня надеждой манит. Крайняя надобность мне съездить в Херсон: снаряжение эскадр того требует. Без меня ничто не успеет. Я скоро очень возвращуся.

Силы мои не вовсе крепки, но и малый остаток на службу Вашу готов.

Я во всю жизнь
вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1057. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от Троицына дня и от 29 маия мною получены. Ежели ты обрадовался много чудесам Божиим у Ревеля, то последствия оных не менее тебе приятны будут. Когда шведы узнали, что Круз с флотом вышел из Кронштадта, они вздумали помешать соединению обеих эскадр и, прошед Гогланд, близ Сескари атаковали Кронштадтскую эскадру 23 маия без всякого успеха[1]. Сия стрельба продолжалась и 24, и 25, где уже Адмирал Круз за ними шел. Они все старались издали стрелять, а наши старались подойти к ним ближе. В последний день шведы из целого корабельного лага, примечено, что не более трех ядр пускали. Все сии три дни, как в городе, так и здесь, стрельба весьма ясно слышна была, и то нами примечено было, что стрельба отдалялась. 26 маия шведы узнали, что от Ревеля Адмирал Чичагов идет с одиннадцатью кораблями к соединению с Кронштадтской эскадрою. Тогда они соединились с своей гребной флотилиею, которая их втянула за мелями, за камениями и между островов в Выборгский залив. Тут они доднесь еще здравствуют, быв с моря заперты нашим всем флотом корабельным; с боков же старание прилагается день ото дня гребному флоту их, зашедшему в Березовый Зунд, отрезать возможности к выходу. Позади шведского флота у Странгзунда стоит с тридцатью галерами Вице-Адмирал Козлянинов, а Нассау должен итти от правой стороны Кронштадта с гребными судами к Биорке. Слизов же из Фридрихсгама прийдет с добрым числом канонерских лодок к нашим же кораблям и фрегатам. От Ревеля же идут бомбарды и прамы и, естьли Бог поможет, то, кажется, что из сей мышеловки целые не выйдут[2].

Между тем в бухте Выборгской они мечутся, аки угорелые кошки, то туды, то сюды делают десанты и стараются где-нибудь находить или поделать пролазу. В ночь с 6 на 7 июня они атаковали Буксгевдена на острове Уронсара, но он их с большим уроном принял на штыки и прогнал на воду, паки в конфузии до лодок, откуда вышли. В плен взял 40 человек, двух офицер, четыре знамени.

Сказывают, у них половинную порцию производят людям, и когда по воду посылают, тогда люди бегут, и таковых уже человек сто. Ферзен и Рек стоят близ правого берега от Выборга по сю сторону и содержат коммуникацию с Систербеком, где на батарее Милосин[3]. Я ездила 29 маия в Петергоф и Кронштадт: тут стрельба такова слышна была в три первые дни, что окна тряслись. Вот, мой друг, каковы мои загородные упражнения; есть, чем заниматься, и, кажется, по сю пору Бог помог. Молимся, да продлит милость свою.

В те дни, когда шведский флот атаковал Круза, Армфельд атаковал Хрущева[4], но сей его прогнал; тут роты Семеновские отменно хорошо поступали, и двое капитанов получили и заслужили Егорьевские кресты. И так, прошу не называть их инако, как храбрыми людьми. Васильчиков же очень хорошо ретираду закрыл Денисова: и так, прошу к нему быть ласковым, он того заслуживает, а Маркова я зделаю секунд-маиором. В нынешних обстоятельствах он будет никак неизлишен, ибо почти вся гвардия в деле и с большим усердием и рвением. Они же ко мне лично привязаны, и я их очень люблю. И все лутчие люди почти из них вышли, и Ваша Светлость сами и теперь Преображенского полка подполковником. Армфельд ранен тяжело в руку или плечо.

Я писала к Принцу владетельному Ангальт-Бернбургскому[5], дабы узнать о состоянии жены и матери покойного Ген[ерал]-Поручика того дома. Что пишешь о том, что ты оделся в кафтан, зделанный из солдатского сукна, сие я весьма хвалю и желаю, чтоб все генералы и офицеры переняли.

До половины июля надеюсь, что дела протянем с пруссаками. А твой присланный по сей материи план в полной мере я апробую. И то хорошо, что Кн[язю] Юр[ию] Долго[рукову] поручить намерен; я думаю, что он уже у Вас. Естьли мир зделаешь, то все облегчится, но трудно думать, чтоб турки без крайности к оному ныне приступили. Щастливый тебе путь в Херсон, желаю здоровья и силы душевные и телесные. Прощай, Бог с тобою.

Царское Село. 8 ч. июня 1790

Чистосердечную усердную привязанность Кавалергардского корнета и его добронравие сим засвидетельствую, а брата его, резвушку, тебе снова поручаю и прошу тебя иметь о нем попечение. А брат несколько о нем безпокоиться, но я надеюсь, что причину не имеет: он к нему не пишет.

1058. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[19 июня 1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Давно уже написав мое отправление, ожидал всякий день возвращения из посланных моих к визирю; получа первое, теперь подношу копию с письма визирского[1].

Матушка родная, при обстоятельствах Вас отягощающих, не оставляйте меня без уведомления; неужели Вы не знаете меру моей привязанности, которая особая от всех. Каково мне слышать со всех сторон нелепые новости и не знать, верно ли, или нет. Забота в такой неизвестности погрузила меня в несказанную слабость: лишась сна и пищи, я хуже младенца. Все видят мое изнурение. Ехать в Херсон, сколько ни нужно, не смогу двинуться.

Ежели моя жизнь чего-нибудь стоит, то в подобных обстоятельствах скажите только, что Вы здоровы.

Положение шведского флота столь нам по милости Божией полезно, что остается довершить, что должно учинять как можно скорей. Ежели пойдет вдаль, могут случиться разные обстоятельства, а паче от погоды. Есть в арсенале пушки длинные, которые косят на дальнюю дистанцию; поставя на суда какого ни есть роду (гальоты и другие годятся), ими, не подвергаяся выстрелам, бить можно.

Мортиры морские пятипудовые с медными платформами посылают бомбы на четыре версты; а всего лутче, положа надежду на Христа Спасителя, идти прямо.

Как слабость пройдет, отправлю курьера с подробным описанием неприятельского положения. Пока жив,

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Корнета моего я паче и паче люблю за его Вам угодность. О брате его я все приложу попечение зделать его годным в военном звании, в котором проведу чрез все наши мытарства. Не упущу ничего к его добру, а баловать не буду[2].

1059. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Кокотени. 19 июня [1790]

Написал я реляции мои уже несколько дней, но ожидал возвращения от посланного к визирю, которое мне нужно было после происходившего под Журжею. Так испортил глупый Кобург, что и поправить трудно, наипаче для них[1]. Подбит будучи молокососами, пошел как дурак и разбит как шлюха. Теперь все копится противу их. В диверсию им что б я ни делал и какими бы успехами Бог ни благословил – для них не лутче. Их все разобьют. Вот, матушка Всемилостивейшая Государыня, что мне достается на плечи от союзников. Сколько они тяжелы, то видеть можно только на месте. Без их предприятия на Журжу, я бы все привел в порядок и осенью побрал бы даром много, но теперь, не укомплектовав полки, не дождавшись многих вещей, с малочисленными полками делать должен изнурительные движения безо всякой пользы, к умножению больных в степях пустых.

Вы не можете себе представить, до какой степени плох Кобург и что это за войско. Венгры и сербы друг друга не любят, а обе нации терпеть не могут немцев, которые составляют пехоту самую худшую из армий. Но естли б они были не трусы, то по силе их могли бы противустоять туркам, которых никак противу их не может набраться больше 20 тыс[яч]. Но они от всего бежат и по жадности захватывают для контрибуции земли, разсыпались повсюду.

Во всю жизнь
вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1060. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Ну, друг мой сердечный Князь Григорий Александрович, есть что писать. Король Шведский с корабельным и галерным своим флотом был заперт от 27 маия до 21 июня, как я к тебе писала. Во все то время веял Вестовый ветр, совершенно противный нашему гребному флоту; между тем успели паки построить в Петербурге канонерских шлюпок на место потерянных Слизовым[1]. Наконец, 20 повеял и ветр способный гребным судам, и Принц Нассау, с оным вошед в Березовый Зунд, имел с Королем Шведским самим и его гребными судами пятичасовое дело, по котором Король Шведский отступил и пошел далее по Выборгской бухте и, соединясь с корабельным своим флотом, предприял с оным пробиться сквозь наш флот. Что же зделалось по власти и мудрости Божеской? Зажег[ши] три брандера, шведы пустили оные при сильном Нордовом ветре на пять кораблей отряда Контр-Адмирала Повалишина[2]. Но брандеры сцепились с двумя шведскими кораблями, и все пять шведские взлетели на воздух; наш – ни один. Потом шведы шли четыре часа мимо Повалишина. Что он взял, что он потопил, а за ним Ханыков[3], увидишь из реестра, а моей памяти не достает. Чичагов, Круз и Пушкин[4], снявшись между тем с якорей, пошли в догонки; чего они взяли и разбили – прошу прочесть также[5]. За галерным шведским флотом пустился равномерно Нассау. Один 60-[пушечный] корабль ему сдался. У Питкопаса стоял Кровн[6]. Сей и ныне еще шлет пленные галеры одна за другой в Кронштадт. В Ревель приведены один 74, а другой 64-пушечный корабль, и теперь еще ловля идет. Одним словом, доныне еще все обстоятельства сей совершенной победы не собраны: пленных тысяч до пяти, пушек до восьми сот, а мелких судов щету нет еще. Король – сказывают разно[7]: одне – будто ушел на баркасе между провиантских двух судов; другие, что был на своей яхте "Амфион", коя потоплена, и будто, сошед, сел на галеру. Сия галера взята, с ней соскочил в шлюбку; сия шлюбка также взята; с шлюбки сошел в бот, бот сей ушел. Завтрак его взят: он состоял в шести сухарях и копченом гусе и двух штофах водки. Брат королевский уехал на своем весьма разбитом корабле в Свеаборг, пред которым теперь Чичагов крейсирует.

Поздравляю тебя с сегодняшним праздником и с сей победою. Разрешил нас Бог от бремени, и обрадовал тебя Чичагов еще раз[8], как видишь. Вчерась в день Полтавской баталии был у меня здесь молебен, а в воскресение поеду в город, и будет молебен в морской церкви у Николая Чудотворца.

Прощай, Бог с тобою. Сказывают, будто пруссаки с первого июля вступят в поход, о чем такожде тебя извещаю: чрез Курляндию хотят идти к Риге, а Король уже давно в Бреславле, и переговоры доныне еще идут в Рейхенбахе[9].

Июня 28 ч., 1790

Корнет твой обрадовался твоей присылке и продолжает непрерывно попрежнему свое похвальное поведение.

1061. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Вчерась я ездила в город для приношения Богу благодарения за победу, одержанную при выходе шведского флота из Выборгской бухты. Доднесь никто у нас не ведает, куда девался Король Шведский. Странно, что и из-за границ выходящие дезертиры о сем ничего не ведают, а пленные шведы, на сем сражении взятые, его клянут и проклинают, и дух их даже до того обращен в нашу сторону, что своих не слушали, а наши что велят – исполняют непрекословно.

Сего утра получила твои письма из Кокотени от 18 и 23 июня. Вижу я из оных, что полномочные из Царяграда после Байрама отправятся[1], но берегись, чтоб не проехали мимо тебя в Рейхенбах в Силезию, на мнимый конгресс Короля Прусского, где он старается трактовать и нам законы предписать, либо поставить посреди пяти огней. Союзник, каков ни есть, но без него еще тяжелее быть может, ибо законы принять от Прусского Короля мне не сродно, а России – еще менее[2]. Что Кобург плох, сие довольно известно. Не будет нам покоя, пока Прусский Король не будет бит, и надобно необходимо промышлять – чем.

Теперь, мой друг, сам пишешь, каково тебе безпокойно было, не имев известия от нас. Разсуди сам, каково мне, когда не имею недели по три и по четыре писем от тебя. Я не знаю, как по сю пору силы достало, однако доныне я здорова и жалею очень, что ты жалуе[шь]ся на слабость. Молю Бога да укрепит тя. Что пишешь о своем корнете и его брате, его совершенно успокоит, и он будет весьма благодарен в безпорочности сердца своего, которое без каверзы совершенно. Прости, мой друг любезный, Бог с тобою.
Июля 1 ч., 1790 г.

1062. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Кокотени. 9 июля [1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. С праздником возшествия общим, а паче моим, поздравляю из чувствительности сердца. Я сей день и после несколько был в худом здоровье, теперь становится полегче.

Отправление изготовлено было, но, получа известие из Белграда, что от устий Дуная слышна была в море пушечная пальба, остановил отправление в ожидании верного известия, которое вчерашнего дни получил, что флот неприятельский показался у берегов Тавриды против Тарханова кута, откуда спустился к Севастополю и потом склонился на юг; шел он от берегов верстах в 20, северным ветром, который нашему флоту для выходу противен. Лишь будет возможно, Адмирал Ушаков пойдет его искать. Я сужу, что он клонится к Синопу, а отголь к Еникольскому проливу ради предположенного десанта. Я своим предписал на суше и на море сражаться мужественно. Молю Бога да поможет.

Полки все в движении к своим назначениям, но больных много. Жары были сильны, а теперь дожди проливные и холодно.

Король Венгерский трактует с Королем Прусским. Что бы они не оставили нас одних в игре, ибо ничего сюда не сообщают[1]. В Польше ожесточаются день от дня противу пруссаков. Нужен, матушка, Булгаков быть там.

Посылаю ярмящинок турецких*. Вы жаловали носить их летом. Простите, матушка родная, цалую ручки Ваши и по смерть непоколебимо

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1063. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Получил я от посла нашего из Вены копию с его донесений к Вашему Императорскому Величеству отправленных. Но он не знал, что делалось: у австрийцев с Прусским Королем уже слажено было, как изволите усмотреть из записки моего корреспондента[1]. Такового же содержания получил я и из Польши, которое сверх сего гласит, что войски польские, бывшие в Дубне противу австрийцев, получили повеление иттить к нашей границе, по слуху, что в Киеве войски умножаются. Бывший в Царьграде интернунцием барон Герберт прибыл на конгресс в Букарешт и будто явится у меня. Но все сие без преуведомления меня. Принц Кобург потерял совсем голову, а войско без всякой к нему доверенности. Я подвинул Генерала Суворова по дороге к Букарешту в 5 маршей от оных, а потом на 4, хотя сие во многом разстраивает пользу дел Вашего Императорского Величества[2].

В Измаиле, Браилове и Килии неприятель усиливается, а паче в Анапе. Флотилии их большая часть лежит в устьях Дуная.

Вашего Императорского Величества
вернейший и благодарный подданный
Князь Потемкин Таврический

13 июля 1790. Копоу

1064. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[13 июля 1790]

Матушка Государыня. Не сумневайтесь, Бога ради, чтоб я пошел в чемнибудь противу союзников. Я не люблю коварства, однако же не буду причиною остуды и напротив надеюся правотою своею заставить их платить и мне тем же. Мне очень грустно оттого, что мне показалось в Вас в сей материи некоторое сумнение.

Будьте уверены и надейтесь на меня.

---

* армячина (*татар.*) – ткань из верблюжьей шерсти.

1065. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Благодарствую, друг мой любезный Князь Григорий Александрович, за твое поздравление с прошедшим праздником возшествия моего и за чувства, при том изъясненными. Я ведаю, что оне чистосердечны. Жалею, что здоровье твое не по моему желанию. Дай Боже, чтоб турки нашим флотом от предприятья на Тавриду отражены были, подобно как шведы при выходе из Выборгской бухты[1], о чем, думаю, что ты вскоре по отправлении твоих писем от 5 июля[2] получил отселе·уведомление. Но после сей прямо славной победы, шесть дней [спустя], последовало нещастное дело с гребной флотилиею, которое мне столь прискорбно, что после разнесения Черноморского флота бурею при начатии нынешней войны, ничто столько сердце мое не сокрушило, как сие[3]. Описание увидишь из посланных бумаг; пуще всего – великая потеря в людях. Не унывая в сем нещастии и замыкая печаль горькую в сердце моем, я стараюсь, чтоб общему делу возвратить поверхность, колико можно. Вижу из твоих писем, что полки в движении, но что (при лутчем присмотре) больных много. Вы жалуетеся, что у Вас были жары сильны, а здесь от самой весны ни единого дня теплого еще не было, а все холодно, так что окошек нельзя открыть. Я думаю, что Король Венгерский старается протягивать негоциации. Булгаков поехал в Польшу и более двух недель на Москве и в Белоруссии не проживет.

Благодарствую за присланные ко мне материи. Платье из них заказала шить во ожидании теплого времени; по числам – каникулы, но по погоде – самый сентябрь: дожди и ветры с моря почти непрерывные.

О переформировании здешних полков и морских баталионов я тебе скажу, что теперешнее время неудобно: здесь войска мало, и к зиме великий некомплект окажется. Подобные распоряжения лучше делать в мирное время. О егерском корпусе Финляндском пишешь, чтоб его отдать, по заочности Графа Ангальта, барону Палену, но сей корпус разделен в Армии по всей Финляндии на сухом пути, и барон Пален также отсутствен, командует на гребной флотилии, где необходим же. 20 июля барон Игельстром будет иметь свидание с обер камер-юнкером Армфельдом[4]. Что оне сложат, не ведаю, но, буде слухи справедливы о народном волнении в Швеции, то вероятно, что мир не замешкается. Вот тебе наши хорошие и дурные вести. Христос с тобою.

Корнет твой мне вручил твои посылки и непрерывно тот же.
Июля 17 ч., 1790 г.

1066. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[20 июля 1790]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня! Поспешая отправлением последнего курьера, не мог я изъяснить всей радости, какую я чувствовал одержанной Богом победе[1]. Сия столь велика и помощь Вышняго явственна. Остается кончить и, ежели будет у всех рвение единодушное, то совершатся нам благости, и тогда уже я воспою Епеникион* виновнице всего, ибо без нея

* Песнь в честь победы (*греч.*).

был бы Петербург пуст. Твердость ноги Ея все удержала, и она не ослабевала в неудачах.

Здесь не получено в добычь судов, но бой был жесток и для нас славен тем паче, что и жарко, и порядочно Контр-Адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее, у которого были учители[2]. Как и прежде доносил: разбил сильно и гнал до самой ночи; три корабля у них столь повреждены, что в нынешнюю кампанию, не думаю, быть им в море, а паче всех адмиральский, которого и флаг шлюбкою с корабля "Георгия" взят.

Контр-Адмирал и Кавалер Ушаков отличных достоинств. Знающ, как Гоу, и храбр, как Родней[3]. Я уверен, что из него выйдет великий морской предводитель. Не оставьте, матушка, его.

На сих днях показалась из Дуная другая эскадра турецкая: линейных кораблей шесть, а с фрегатами и другими судами двадцать, а еще на вид прибавлялось. Адмирал Ушаков с флотом возвращался к Севастополю и, ежели ветр будет попутный, то скоро придет. Боюсь противного. Нужно бы скорей достичь гавани для исправления повреждений и немедленно вытить к Тендрам ради соединения с выходящими из Лимана двумя кораблями и еще тремя линейными фрегатами, а потом для такового же соединения итить к Еникольскому проливу с двумя идущими из Таганрога.

Мелководье неслыханное в Днепре. Посему 20 самых лутших и больших морских бригантин и лансонов на сию кампанию не дошли. Сего тем паче жаль, что большая часть из них для больших морских мортир, а на всех артиллерия положена быть большая.

Два фрегата линейных, построенных на Хопре, тоже обмелели. Теперь приказал все суда поставить в полном их грузе, чтобы скорей при удобном случае с флотом соединить. А турки, между тем, упрягаются, по морю ходя, а я к осени – к ним[4].

Из приложенной здесь записки изволите, матушка, увидеть мои мысли. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1067. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Алеқсандрович. Дарованная нам от Бога над турецким флотом победа, о которой ты краткую записку приложил при отправлении твоих писем от 13 июля, меня много обрадовала[1]. Теперь живу во ожидании присылки от тебя обстоятельного известия о сем деле. Между тем, получишь с сим курьером о здешних произхождениях уведомления. Чрез несколько дней узнаем, коварно ли или с прямым намерением заключить мир Король Шведский завел безпосредственные переговоры о сем деле. Естьли заподлинно правда, как слух носится, что в Швеции завелись замешательства, то, чаю, что непродолжительно мир совершится. По пленным судя, кои при Выборгском деле взяты, то Его Величество у них ныне не в лутчем кредите. Я чаю, когда турки услышат, что он мирится, а пруссак мешкает, поляки же от

наступления отнекиваются, то неужли что они глаза не откроют. Чего им ждать лутчее, как получить мир, потеряя лишь по Днестр, а Король Шведский да и Прусский с них бездну денег возьмут, а на пядень барыша не принесут. Прощай, Бог с тобою, пиши почаще.

Агличане или, лутче сказать, Король Аглинский слепо предался в веление Прусского. Ежели же Венский двор собенно помирится, мы останемся, как были в прошедшей войне, и хуже не будет, как доныне было. А ежели пруссаки нас задерут, то Венский двор должен будет вступиться. Но до сего, вероятно, что не дойдет, ибо наступательно ежели ему поступать, то его союзники поодумаются.

У нас три дни лето было, а вчерась опять стало дождливо. Однако хлеба и сено повсюду весьма изобильны. Будь здоров. Я при всех хлопотах довольно здорова.

Хороший и приятный нрав твоего корнета многие скуки прогоняет.

Июля 27 ч., 1790 году

1068. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[27 июля 1790]

Бог видит, я не сумневалась, что будешь поступать, как честь и добрая вера преписуют, а теперь еще больше надеюсь на твое доброе и безпорочное разположение.

1069. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Августа 3 [1790]. Бендеры

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Сколь я огорчен о потере флотилии и людей великого числа, судите по моей к Вам преданности и усердию к Вам и Отечеству. Изволите писать, что после претерпения от бури Севастопольского флота ничто Вас так не оскорбляло. Верю, что по чувствительности Вашей для участия равно, но разница велика, матушка моя родная. Велика команда и, право, не по уму, ниже по способности. К тому же много разврата от влияния развратных советников, как то Ланжероны, Родригесы, Де Сурсы, Цуккаты и, наконец, Де Стадт – сколь от них огорчаться должны русские, какому же теперь и унынию должно быть в той части[1]. Командует без соображений и об ответе не думает, никому не подчинен, да и слушать не станет. Полно, не хочу больше разтрогивать.

Здесь дела теперь иной во всем берут вид от окончания австрийских негоциаций: Суворов с корпусом не может остаться в Букарештах, ибо все на него навалится[2]. Как Кобург снесется с турками, я заранее приказал ему отойтить. Сил моих нет больше писать. Завтре еду и не знаю, как дотащиться, очень ослабел. Простите, матушка родная, по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1070. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Полученное, матушка Всемилостивейшая Государыня, письмо за письмом от Барона Аша из Варшавы и от Александры Васильевны здесь подношу[1]. Поспешно Г[осподина] Де Больи уведомил[2]. Не знаю, где Булгаков. Есть способы разорвать Сейм. Народ к нам не так худо расположен, но я не могу мешаться.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

3 августа [1790]

1071. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места. Сего утра я получила от барона Игельстрома курьера, который привез подписанный им и бароном Армфельдом мир без посредничества – 3 августа[1]. Отстали они, естьли сметь сказать, моей твердостию личной одной от требования, чтоб принять их ходатайство у турок и способствования к миру, но пррр! не получили. А Королю Прусскому, чаю, сей мир не весьма приятен будет. Теперь молю Бога, чтоб тебе помог зделать то же и с турками. Победу Черноморского флота над турецким мы праздновали вчерась молебствием в городе у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контр-Адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным. Ты видишь, что сим наскоро ответствую на твои письмы от 20 июля, и так спешу, как нельзя более, чтоб тебя скорее уведомить о наших немаловажных вестях.

Пришли, Христа ради, скорее расписку очаковского паши о получении денег, от турок пересланных к нему[2], чтоб французы перестали мучить Вице-канцлера о получении им тех денег. Они вздумали, что у нас деньги подобные крадут и удерживают, как у них.

Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Из Царского Села. Августа 5 ч., 1790

Твой корнет по своей привязанности чистосердечной несказанно рад миру, чего сам тебе изъявит.

1072. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Сегодня разменяют в Вереле ратификации мирные со шведом[1], и сей курьер отправляется к тебе, чтоб тебе сообщить сюда присланные, по-моему постыдные, декларации, размененные в Рейхенбахе[2]. Касательно до нас предписываю тебе непременно отнюдь не посылать никого на их глупый конгресс в Букарест[3], а постарайся заключить свой особенный для нас мир с турками, в силу тебе данной и мною подписанной инструкции.

Пруссак паки заговаривает полякам, чтоб ему уступили Данциг и Торун, сей раз на наш щет лаская их, им отдает Белоруссию и Киев. Он всесветный распорядитель чужого. Гольцу зделан будет учтивый ответ, ничего не значущий, на его сообщение о Рейхенбахской негоциации. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Ав[густа] 9 ч., 1790

Одну лапу мы из грязи вытащили. Как вытащим другую, то пропоем Аллилуйя. A propos de cela* Пл[атон] Алек[сандрович] мне отдал Сартиевы хоры. Два очень хороши, а "Тебе Бога хвалим" – жаль, что в церкви петь нельзя по причине инструмент[ов] – он всего искуснее[4].

Благодарствую за сию присылку. Теперь "Олега" заготовят к праздникам северного замирения, в котором мы приобрели пресечение военных действий и, следовательно, сберегли людей и денег. Шведы же почувствуют надолго, и весьма Его Величество у них становится нелюбим. Сказывают, что Король Прусский 120 офицерам своим в Силезии вдруг дал абшид. Прямой причины еще никто не знает. Естьли сведаешь, скажи мне. Hertzberg dit à qui veut bien l'entendre qu'il est, lui, accablé de chagrin[5], on n'en devine pas la cause, ce ne sauroit être les affaires de son maître qui lui donnent ce chagrin, car elles vont à merveille, ils ont dépensé 25 millions en armement, et en intrigues aussi quelques millions, mais qu'est ce que trente millions pour des gens qui prétendent faire la loy à tout le monde, et qui ont un trésor immense d'argent monnayé**.

1073. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16 августа [1790]. Бендеры

В каком я был восторге от радости, того описать нельзя, ибо и чувствовать столько не всякий может. Близость действий военных к месту Вашего пребывания отымала у меня покой, а теперь и при жарах несносных я сплю спокойно.

Здравствуй, матушка родная, с плодом твоей неустрашимой твердости. Когда уже ты зделала столько, окончай привязанием к себе сего соседа, обеспеча их владения навсегда, то они будут наши.

Обо мне будьте уверены, что я здесь не упущу всего возможного, но связь столь сильна с враждующими нам, что без них Султан ничего не зделает, хотя бы что ни теряли турки. Ежели вода не подбавится, то в устьи дунайские никак пройтить неможно. Последний мой термин с возвращением Лашкарева, который ответа от Султана к визирю ожидает[1].

Я был в Николаеве, Херсоне и Очакове, все тамо, что нужно, распорядил и,

---

* Кстати об этом (*фр.*).

** Герцберг говорит каждому, кто хочет слушать, что он удручен скорбиею[5]. Не могут угадать тому причины, но он грустит не о делах своего государя, которые идут чудесно; он истратил на вооружение 25 миллионов, да на интриги еще несколько миллионов. Но что значат тридцать миллионов для людей, которые хотят предписывать законы целому свету и имеют сокровища в звонкой монете (*фр.*).

уставши как собака, возвратился, зделав до тысячи верст, и двести 40 верст от Очакова в Бендеры перескакал в пятнадцать часов.

Корнета моего при хороших случаях не оставьте потешить. Ежели бы я был налицо при Вас, не оставил бы я просить о милостивом воззрении на Графа Безбородку[2]. Первое, что я во всех по исправлению моему Ваших дел никогда за ним не имел остановки; второй долг, что он Вами взыскан, а о таковых мне пещись должно; третее – доброхотство мое, а главное, что милость Ваша меня ободряет.

Прости, моя кормилица, цалую ручки Ваши. Булгаков крайне нужен[3], а иначе поздно будет.

Во всю жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1074. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

18 августа [1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. В день рождения Вашего намерился я послать к Вам табакерочку из ляписа древнего, ориентального, но была она зделана дурно. Принужден посылать переделывать в Вену, теперь поручив Платону Александровичу ее Вам поднести, и с ковром, здесь сшитым. И то и другое имеет цену по нелестному усердию только, с которым препровождаются, и, когда Вам понравятся, я буду весел.

При радостном случае шведского мира Вам будет приятное упражнение воздавать щедрою рукою. Я повторяю мою прозьбу о корнете моем и о Графе Безбородке. Он в той же должности, как был Вице-канцлер К[нязь] Голицын, но разница в трудах и талантах. Барона Игельштрома, конечно, не оставите, а притом дайте, матушка, мне знать, куда его обратите.

Прости, моя кормилица, жары здесь были несколько дней в 32 градуса, и безпрестанное широко*. Теперь, слава Богу, пошел дождь. Больные сокрушают, наипаче рекруты. С часу на час ожидаю ответу чрез Лашкарева, который остался дожидаться курьера из Царяграда. Будьте уверены, что я все возможное зделаю, была бы Божия помощь.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Его Сиятельство Г[раф] Петр Ал[ександрович] остановился, до сих пор сказывая разные болезни, а теперь изволит сидеть и будто болезнь людей его препятствует ехать, но кстати ли он здесь, извольте сами судить.

---

* Очень теплый сильный южный ветер "сирокко" в Средиземноморье.

1075. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Бендеры. 29 августа [1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Получил я повеление, чтобы не отправлять на конгресс для трактования никого. Неужели, кормилица, я такой простак, чтоб без предписания то учинил, и будучи во всякое время против общего конгресса, о чем Вы известны.

Но теперь дело другое – я спешу к флоту, дабы видеть ближе. Затрудняет больше всего перевозка провианта, который собран на Буге. Поляки фур не пропускают. Собирается их лагерь в 30 т[ысяч] в Бреславле. Нельзя сказать, чтоб сие не заботило меня, имея в спине их. Краткость времени не дозволяет описывать. Простите, матушка. Что Бог даст.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1076. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Чрез сии строки ответствую на письмы твои от 3, 16 и 18 августа. Касательно нещастной потери части флотилии, о коей упоминаешь, вот – каково мое было поведение в сем деле: кой час Турчанинов ко мне приехал с сим известием, я более старалась умалять нещастье и поправить как ни на есть, дабы неприятелю не дать время учинить нам наивящий вред. И для того приложила всевозможное попечение к поднятию духа у тех, кои унывать бы могли. Здесь же выбрать было не из много излишних людей, но вообще действовано с наличными, и для того я писала к Нассау, который просил, чтоб я его велела судить военным судом, что он уже в моем уме судим, понеже я помню, в скольких битвах победил врагов Империи; что нет Генерала, с коим не могло случиться нещастье на войне, но что вреднее унынья ничего нет; что в нещастьи одном дух твердости видно. Тут ему сказано было, чтоб он собрал, чего собрать можно, чтоб истинную потерю описал и прислал, и все, что надлежало делать и взыскать, и, наконец, сими распоряжениями дело в месяц до того паки доведено было, что шведский гребной флот паки заперт был, и в таком положении, что весь пропасть мог, чего немало и помогло к миру.

Что ты сей мир принял с великой радостию, о сем нимало не сумневаюсь, зная усердие твое и любовь ко мне и к общему делу. Ласкательно для меня из твоих уст слышать, что ты оный приписуешь моей неустрашимой твердости. Как инако быть Императрице Всероссийской, имея шестнадцать тысяч верст за спиною и видя добрую волю и рвение народное к сей войне. Теперь, что нас Бог благословил сим миром, уверяю тебя, что ничего не пропущу, чтоб с сей стороны нас и вперед обезпечить, и доброе уже начало к сему уже проложено. От Короля Шв[едского] сюда едет Ген[ерал] Стединг, а я посылаю фон дер Палена на первый случай[1].

Я уверена, что ты с своей стороны не пропустишь случай полезный к заключению мира: неужто Султан и турки не видят, что шведы их покинули, что пруссаки, обещав им трактатом нас и Венский двор атаковать в прошедшую весну, им чисто солгали? С них же требовать будут денег за издержки, что вооружились. Чего дураки ждать могут? Луче мира от нас не достанут, как мы им даем, а послушают Короля Прусского – век мира не достанут, понеже его жадности конца не будет. Я думаю, ежели ты все сие к ним своим штилем напишешь, ты им глаза откроешь.

У вас жары и засуха, и реки без воды, а у нас с мая месяца как дожди пошли, так и доныне нет дня без дождя, и во все лето самое несносное время было, и мы руки не согрели. С неслыханной скоростию ты перескакал из Очакова в Бендеры. Мудрено ли ослабеть после такой скачки? Рекомендованных от тебя, а именно, твоего достойного корнета и Графа Безбородка, о которых просишь, будь уверен, не оставлю без оказания милости и отличия. За присланную ко мне прекрасную табакерку и за хороший весьма ковер благодарствую. То и другое весьма мне нравится и, следовательно, сдержи слово: ты обещался быть весел, ежели понравятся, а я люблю, чтоб ты был весел.

Празднование шведского мира здесь я назначила в осьмой день сентября, и стараться буду, сколько смысл есть, изво╌ротиться. Но часто, мой друг, чувствую, что во многих случаях хотелось бы с тобою говорить четверть часа[2]. Игельстрома пошлю с полками, финскую войну отслужившими, в Лифляндию. Что болезни у вас в людях умножаются, о сем очень жалею. Несказанно сколько больных было и здесь с весны.

Касательно до Фельдм[аршала] Румянцева и его пребывания под разными выдумками в Молдавии, я думаю, что всего лутче послать ему сказать, что легко случиться может, что турки его вывезут к себе скоро, ежели он не уедет заранее. А ежели сие не поможет, то послать к нему конвой, который бы его, сберегая, выпроводил. Но воистину, ради службы прежней сберегаю, колико можно, из одной благодарности и памятую заслуги его персоны, а предки мои инако бы поступили.

Булгаков уже должен теперь быть в Варшаве[3]. Мир со шведами тамо, так как везде, порасстроил злостные умы. Увидим, какие меры возьмут, а ежели тебе Бог поможет турок уговаривать, то наивящще враги уймутся. Прощай, мой друг, Христос с тобою.

Завтра в день Святаго Александра Невского кавалеры перенесут мощи его в соборную того монастыря церковь и ее освятят в моем присутствии[4]. И стол кавалерский будет в монастыре, а за другим с Великою Княгинею будет духовенство и прочие пять классов, как бывало при покойной Императрице Елисавете Петровне. Пребываю с непременным доброжелательством.

Авгу[ста] 29 ч., 1790 г.

Завтра, даст Бог здоровья, при столе в Невском монастыре будут петь со всеми инструментами "Тебе Бога хвалим", что ты ко мне прислал. Новог[ородскому] и Петербургскому митрополиту я в знак моего признания

при строении церкви сегодня вручила панагию с изумрудами, гораздо хорошую.

Что ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире со шведами, на сие тебе скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли от само[го] 1787 года, а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно будет меру. Я же гораздо веселее становлюсь. К сему служит много приятный нрав и обхождение твоего корнета рекомендованного.

1077. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Позабыла я тебе, мой друг, в сегодняшнем письме сказать, что ко мне прислана из Голландии от купца в подарок выкраденная из Архива французских дел военных книга: "Описание, французскими инженерами деланное, турецких набережных мест". Планов однако же и карт по сю пору нет. Она довольно любопытна, и для того ее к тебе посылаю в подарок. Авось-либо в чем ни на есть тебе пригодится. Прощай, Бог с тобою.
Авгу[ста] 29 ч., 1790 г.

1078. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

29 августа 1790

Сия книга выкрадена из архива Французского министра Морских дел и ко мне в подарок прислана от одного голландского мне преданного банкира. Я же ее посылаю к тебе в подарок. Жаль, что карты и планы не приложены. Быть может, что еще достанут.

1079. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Сентября 4 [1790]. Бендеры

Вот, матушка родная, Бог даровал победу и другую над флотом турецким, где он совершенно разбит[1]. Адмирал взятый – лутчий у них морской начальник. Считают, что уже он и пожалован капитан-пашою[2]. Капитан взятого корабля также храбрейший, и тот убит из пушки[3]. Какой бы Адмирал европейский не здался, потеряв мачты, имея половину интрюйма воды и пожар, но он – нет, и насилу уговорили, как корабль был пламенем обнят.

Едва исполнилось семь лет, как корабль "Слава Екатерины" – сошел по Днепру в Понт. Флот уже размноженный торжествует и безпрерывно имеет, по благости Божией, поверхность. Не получил неприятель в бою ни лодки, опричь занесенного бурею корабля и батареи с Ломбардом. Но то была воля Божья. Я счастлив, что не принес флагу Вашему безчестия.

Будьте милостивы к Контр-Адмиралу Ушакову. Где сыскать такого охотника до драки: в одно лето – третье сражение, из которых то, что было у

пролива Еникольского, наиупорнейшее. Офицеры рвутся один пред другим. С каким бы я Адмиралом мог ввести правило драться на ближней дистанции, а у него – линия начинает бой в 120 саженях, а сам особенно с кораблем был против "Капитании" в двадцати саженях. Он достоин ордена 2-го класса Военного, но за ним тридцать душ, и то в Пошехонье. Пожалуйте душ 500, хорошенькую деревеньку в Белоруссии, и тогда он будет кавалер с хлебом[4].

Я был на флоте и с радостными слезами любовался, видя с флотилиею больше ста судов там, где до Вашего соизволения не было ни лодки. На Севере Вы умножили флот, а здесь из ничего сотворили. Ты беспрекословно основательница, люби, матушка, свое дитя, которое усердно тебе служит и не делает стыда. Флотилия в совершенном порядке. Я не могу нахвалиться Генерал-Маиором Рибасом. При его отличной храбрости наполнен он несказанным рвением. Совсем противная погода не допустила во время сражения притить к флоту. Да я и рад, а то много бы она потеряла от шторма, тотчас по окончании боя возставшего. От сильной качки у меня голова закружилась, хотел я с корабля отправить мою реляцию, но писать не смог и позахворал, возвращаясь. Теперь ввожу корабль пленный для поправки, и протчее готовлю, чтоб с помощию Божиею паки искать неприятелю нанести вред. Лишь бы сил мне достало. Опять поскачу в Николаев понудить и учредить нужное. На сухом пути на сих днях два корпуса двинутся к Татарбунару, и я их уже тамо найду[5].

Как я слаб, матушка, стал головою: все кровь подымается, и сие меня мучит.

Посланного с сим моего Генеральс-адъютанта Львова[6] рекомендую как храброго, так и отлично искуссного офицера. Он отлично одобрен Адмиралом. Был он послан в Севастополь по причине заболевшего капитана Поскочина[7], что командовал его кораблем, тот выздоровел, но он не хотел ехать и был при флоте.

Простите, моя кормилица, я по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1080. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Князь Григорий Александрович. Празднуя днесь мир с Королем Шведским, не могу запамятовать добрые советы Ваши, как по той войне, такожде и касательно мирного сего дела, и в знак моего признания посылаю к Вам перстень бриллиантовый. Пускай лучи, из оного исходящие, ударяют во зрение врагов наших. Да отверзут очи, закрытые лестью, доводящей их даже до неверия о сем мирном постановлении. Бога прошу да поможет тебе совершить и с ними мир благополучный. Пребываю доброжелательна.

Екатерина

Сен[тября] 8 ч., 1790 г.

1081. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Бендеры. 10 сентября [1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Скорое обращение войск к Двине много произведет. Прикажите только укомплектовать скорей и обучать по предписанию, от меня Вам поднесенному. О Риге меньше должно пещись: она за рекою. Я подробно об операции пришлю, как она быть долженствует по взаимности с генеральным планом. Полевой артиллерии прикажите множить к той стороне. По Двине лодки вооруженные, дюжину скорей зделать из легких, тамо употребляемых. Сими всякую переправу воспрепятствовать можно. Слухи о прибавлении войск распускайте. Двинская армия одна должна быть с частью, что в Белоруссии[1], которые, чтоб соединить, старшего из Аншефов определите командиром, предписав ему сноситься со мною почасту. Ежели Салтыков не будет, то прикажите Репнина, хотя от него и много хлопот будет, но нет другого.

Я не уповаю по близозти зимы быть действиям ныне, а к весне подоспеет Игельштром, который, конечно, им водить будет.

Нация польская начинает видеть обман, и большая часть к нам наклонны, но Сейм – закон, а он весь прусский. Я писал к Булгакову, чтоб ловить на нашу сторону Маршала Лит[овского] Потоцкого и Сапегу с матерью[2]. Будет нужно реконфедерациею разорвать Сейм и уничтожить, иначе ничего не будет, пока продлится Сейм.

Удивительно, что посол наш посадил Коронным Маршалом наипреданнейшего Королю Прусскому Малаховского[3]. Сие меня заставляет думать, что и Его Сиятельство немалый пруссак.

Матушка родная, пруссаки на меня устремились лично, и нет пакости, какой бы они мне не делали. Купил я прекрасное и большое имение в Польше, и Вам известно, что в намерении многих польз для России. Первая – для флота, которого ресурсы единственно в лесах тамошних. Я не говорю о том, что отягощают излишним побором и притесняют присутствием войск, но намерение их у меня конфисковать при первом случае, придравшись за что-нибудь, или разорить наголову. Сыскали теперь одного мошенника, который подал в Комиссию цивильно-войсковую, что я опустошаю леса, посылая в Адмиралтейство, и вывожу, будто, подданных в Россию. Сей донос послан в Варшаву. Мне притеснения чужестранных держав делают честь, ибо сие значит, что я верен Вам. Не жаль мне и имущества, когда и жизнь моя всегда Вам на жертву. Но я продал и Кричев, и Дубровну, которую купил деньгами продажею всех других деревень, а для Смилы продал и белорусские. Теперь у меня Колтуши, да в Ярославле тысяча душ и еще четыреста в Белоруссии. Довольна я имел, но нет места, где б приятно мог я голову приклонить. Прошу у тебя, матушка родная, пожалуй мне ту дачу, о которой я приложил записку к Графу Безбородке, и за большую милость сочту. Становлюсь слаб; по крайней мере, будет место, где отдохнуть. Я право заслужу Вам, будучи по смерть предан душей и телом.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1082. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Сен[тября] 10 ч., 1790 г.

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Утомясь до крайности в первый день празднества мира и пролежа вчерашний весь день[1], так что головы почти подымать была не в силе, теперь лишь могу принимать перо, дабы к тебе писать. Последнее твое письмо от 29 августа меня извещает, что ты поехал во флот. Признаюсь, что теперь по позднему годовому времени меня сие несколько стращает, тем паче, что при равноденствии тамо всегда и здесь ныне сильные бури. Пусть буря бы разстроила турецкие морские предприятья, а наши суда бы переждали равноденствие в портах. Желаю всем сердцем, чтоб Бог помог тебе преодолеть все затруднения вообще, а паче еще то, которое оказывается, как пишешь, в перевозе провианта.

Что поляков лагерь или войски в Бреславле, и нам известно. Vous verrés, mon Ami, par les registres comment je me suis tirée d'affaire des fêtes de la Paix. J'ai tachée d'être juste, et j'ai récompensé avec splendeur et générosité partout là où j'ai pu découvrir l'ombre de service rendus; j'espère que ce nouvel exemple, imité des exemples précedens, servira d'aiguillon pour encourager les gens â bien servir; c'est dommage qu'on ne puisse inculer à un chacun l'habileté et les talents; cependant je suis bien aise de voir que parmi les jeunes généraux il y en a qui sont et deviennent meilleurs que ceux que j'ai vus dans la guerre de Sept ans finie en 1762*

Булгаков приехал в Варшаву. От Короля Шведского прислан сюда Стединг, который человек изрядный и мною принят сколько можно лутче. Теперь фон дер Палена отправить велю в Стокгольм. За выбор генералов, сюда присланных, вообще чрез сие тебя благодарю. Всякий из них делал свою должность с усердным рвением, и они все люди изрядные.

Денисов имел с Королем Шведским разговор образцовый, но переводчик не все перевел, чего он ему сказать велел[2].

Прощай, мой друг, мочи нет писать. От празднества голова кружится. Мне ничто так теперь не нужно, как несколько дней отдохновения, а там примусь за дело. Странное происшествие занимало нашу публику в день молебствия и публичной аудиенции. Когда вышедши из церкви люди собирались в галерею, где трон поставлен был, и ожидали моего прихода, вдруг прусский повереный в делах Гюттель (NB. Un des principaux employés de Mre. Hertzberg**) получив вертиж, упал на землю так жестоко, что лоб и нос разшиб до крови[3], и принуждены были его кровь с пола стереть до моего прихода. И по всей галерее пошла молва, что пруссак разшиб нос у подножия Российского Престола.

---

* Вы увидите, мой друг, из списка, как я из всего вышла при празднествах мира. Я старалась быть справедливою и награждала блистательно и великодушно всюду, где могла открыть тень оказанных заслуг. Я надеюсь, что этот пример, как подражание примерам предшествующим, послужит для возбуждения и поощрения хорошо служить. Жаль, что нельзя каждому вдохнуть умение и талант, но мне приятно видеть, что между молодыми генералами находятся такие, которые теперь лучше и будут еще лучше, чем те, каких мне удалось видеть в 1762 году, по окончании Семилетней войны (*фр.*).

** Один из главных сотрудников месье Герцберга (*фр.*).

Шведским миром совершенно они не обрадованы. Adieu, mon Ami, Бог с тобою.

Сен[тября] 11 ч., 1790

Ты корнета кавалергардского найдешь в росписи. Я ему дала Александровскую ленту, и что о нем написано, то воистину – самая правда, чего я засвидетельствую.

1083. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11 сентября [1790]. Бенд[еры]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Был я совсем готов ехать, и письмы написаны уже к Вам, приехал курьер. За краткостию теперь мало пишу. Турков всячески принуждать буду[1], да поможет Господь Бог. Ежели бы удалось флот их застать в какой ни есть бухте, ветр имея для себя, тут бы можно разбить все, а в открытом море тяжело их ловить: очень ходят легко.

Матушка родная, улови Короля Шведского и нацию; для сего лутче бы всех был Игельштром. Пожалуй ему деревеньку, но не все в Лифляндии, а и в русских провинциях. Пусть русеет.

Я очень доволен корнетом, потому что Вы им довольны. Прости, моя кормилица, спешу ехать.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1084. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[11 сентября 1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я больше всех того мнения, что должно отомстить Королю Прусскому. Но я того мнения, чтоб побить, а не слабо действовать, то и должно к сему все меры употребить. Поляки очень ворошиться начали за Данциг, пусть он об нем твердит, а ежели покусится, то они защищаться будут и тем разделят его. Польша же к нам тогда должна пристать. Верьте о моей преданности неложной и что я за Вас умереть готов.

Вернейший и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

1085. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Сент[ября] 16 числа, 1790

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Вчерашний день от меня назначен был для обеда со всеми офицерами четырех полков гвардии, коим давно обеда не было[1]. Я шла одеваться, когда прискакал твой Генеральс-адъю-

тант Львов с отлично добрыми вестьми о разбитии турецкого флота между Тендров и Аджибея, чему я много обрадована быв, тотчас приказала, понеже сей день был воскресение, после обедни отпеть молебен при большой пушечной пальбе, и за столом пили при такой же пальбе здоровье победоносного Черноморского флота. Награждения же оному прочтешь в рескрипте, мною сегодня подписанном[2]. И так мой пир твоими радостными вестьми учинился торжеством редким. Я совершенно вхожу в ту радость, которую ты должен чувствовать при сем знаменитом случае, понеже Черноморский флот на Днепре строился под твоим попечением, а теперь видишь плоды оного заведения: и капитан-паша взят, и корабли турецкие взяты, прогнаны и истреблены.

Я всегда отменным оком взирала на все флотские вообще дела[3]. Успехи же оного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим изстари Россия привыкла, а о морских Ея подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней оного морская часть почиталась слабейшею. Черноморский же флот есть наше заведение собственное, следственно, сердцу близко.

Контр-Адмиралу Ушакову посылаю по твоей прозьбе орден Свя[того] Егоргия второй степени и даю ему 500 душ в Белоруссии за его храбрые и отличные дела. Львову я дала крест же и подарок, а к тебе не посылаю крестов егорьевских, понеже пишешь, что еще имеешь.

Спасибо тебе, мой друг, и преспасибо за вести и попечение и за все твои полезные и добрые дела. К тебе пошлю, когда бы только поспел скорее, прибор кофейный золотой для подчивания пашей, кои к тебе приедут за сим для трактования мира. Я надеюсь, что за действиями морскими и когда увидят, что сухопутные корпуса идут, они скоро за ум возьмутся, а лесть покинут. Но при сем весьма желаю, чтоб ты был здоров. Я сама захворала было, но теперь поправляюсь. От мирного торжества грудь залегла и кашлять стала. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

1086. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23 сентября [1790]. Бенд[еры]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Лишь приехал из Николаева и Очакова, где все устроил, скачу к Татарбунар[ам], возвращусь чрез два дни и с подробнейшими и многими донесениями отправлю курьера.

Взятый корабль нынешнюю кампанию не поспеет служить: мачты должно переменить и килевать, причем должно надделать фальшкиль, чтобы лутче ходил в бойдевинд. Моя матушка родная, спешу ехать и не пишу больше.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1087. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 10 и 11 сентября я получила. Короля Шведского, надеюсь, нетрудно будет уловить, и мы будем жить дружно, ибо у него нет гроша. Полки все будут укомплектованы, и лодки по Двине я строить приказала, но Его Величество Прусский Король уже изволит изъясниться, что нас не атакует, чему нетрудно и поверить, паче же, ежели Бог тебе поможет турок побить, а потом мир заключить[1]. А не побив их, турецкие союзники будут всячески турок от мира удерж[ив]ать. Гр[афу] Ив[ану] Салтыкову поручила команду над Двинской армией, а под ним Игельстром и Кн[язь] Юр[ий] Долгорукой[2]. Хорошо, что поляки глаза открывают. Когда Бог даст, зделаешь мир, тогда реконфедерацию составим, а прежде того она не нужна, да и в тягости быть может, понеже ее подкрепить должно будет деньгами и людьми.

Плюнь на пруссаков, мы им пакость их отмстим авось-либо[3].

Извини, мой друг, что я дурно и коротко пишу: я не очень здорова, кашель у меня, и грудь и спина очень болят. Я два дни лежала на постеле, думала перевести все сие, держась в испарине, а теперь слаба и неловко писать. Твой корнет за мною ходит и такое попечение имеет, что довольно не могу ему спасиба сказать. Прости, друг мой, поздравляю тебя с имянинами и посылаю тебе перстень. Меня уверяют, что камень редкий.

Сен[тября] 30, 1790

1088. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая Государыня!

Перстень – драгоценный знак Высочайшего о мне благоволения – я получил с тою радостию, с каковою я всегда ощущаю милости Ваши. Мысли мои сопровождались чистым усердием, и в том состояла их цена. Но это только простой мой долг. Я Вам должен всем и платить обязан тем, что мне всего дороже, то и прошу Вас, как мать, ставить мне в цену только те случаи, где жертвую службе Вашей жизнию моею.

По гроб с неограниченным усердием

Вашего Императорского Величества
вернейший и благодарнейший
подданный

Князь Потемкин Таврический

30 сентября [1790]. Бендеры

1089. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Дав тебе рай земной сегодни, как ты называешь ту дачу, которую ты у меня просил, прошу тебя, естьли вздумаешь оную паки продать, предпочтительно мне оную продать. Прощай, Бог с тобою. Я ужасно как слаба.

Окт[ября] 1 ч., 1790 г.

1090. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Окт[ября] 8 ч., 1790

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Из подписанного сегодня к тебе рескрипта увидишь, в каком положении дела находятся и что Его Величество Король Прусский снова весьма горячо за вооружения принялся[1]. Я чаю, сие чинится отчасти, дабы бородачей удержать, как долго возможно, от заключения мира, как с нами, так и с повинующим[ся] им Венским двором, ибо известие есть, что Люзи пишет, что после 25 конференций он в турках не более произвел к миру склонности, как усмотрел при первой[2]. Но естьли тебе Бог даст успех, то, чаю, скорее произведут мир, нежели все коварные трактования прусские.

Мне гораздо лутче, но очень я была больна и теперь еще довольно слаба. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

1091. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Бендеры. 16 окт[ября 1790]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Я был в большой заботе о кавказской части, но Бог так устроил, что и в ум не приходило[1]. Я, одобряя службу, не прошу теперь ни о чем, а дожидаюсь подробной реляции, которая скоро будет. Батал же пашу пришлю в Петербург для многих причин. Пусть посмотрят также и Адмирала[2].

Жаль Ивана Ив[ановича] Меллера[3]: дело произошло конфузно от того, что ночью неприятель продолжает защищаться. Противный ветр не пускает флотилию, а без того нечего делать, ибо их суда больше защищались, нежели крепость. Штурмовать же – дорого станет крепость, где стены очень высоки. Что окажутся флоты наши, то донесу с нарочным.

Желал я принесть в поздравление лагерь турецкий в Табаке бывшей на 22 число славной Вашей коронации, но ушел неприятель и везде запирается в крепости. За неоцененные милости благодарю от души. Прекрасной же дачи никому не продам. Тут все употреблю, что имею лутчее по милости Вашей и назову Екатеринославцем. С будущим курьером пришлю описание, как я там строиться буду и весь истощу вкус.

Не отправлял я долго, поджидаючи решения на Кавказе. Жду флота с флотилией, с которым бы и предприятия были, но штурмы страшны, и погоды противные препятствовали до сих пор.

Я, из Татарбунара возвратясь, сильно занемог, но скоро решилось рвотою весьма сильною. Был слаб несколько дней. Теперь слава Богу. Я должен оставаться здесь, чтоб чрез отсутствие мое не подать мысли полякам или, лутче сказать, пруссакам, что я со всеми силами удалился, и потому озабочивать нас демонстрациями.

Прости, моя кормилица родная. Цалую твои благотворящие ручки и по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1092. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. По двадцати девяти дневном ожидании от тебя курьера, наконец, привезены ко мне твои письмы из Бендер от 16 октября. Адъютанта твоего Армфельда я пожаловала в премьер-маиоры[1] и дала ему перстень и пятьсот червонны[х], а в Швецию он ехать не хочет.

Простудясь я в мирное торжество и получив кашель, оный обратился в лихорадку, сия прошла, как все мои болезни, сильным поносом. Но сей оставил мне ветряные колики, кои меня держат без мала три недели почти всякий день несколько часов. Когда сих пакостных болей нет, тогда хожу и езжу, однако слабости чувствую, но ничего не принимаю, опасаясь умножить болезни.

О кавказском сражении усмотрела из твоих писем с удовольствием во ожидании подробной реляции. Приезд сюда Батал-паши и Адмирала будет сильное доказательство ненавидящим нас, что несмотря на их планы и коварства, турки поражены повсюду. О смерти Ив[ана] Ив[ановича] Меллера-Закомельского весьма жалею. Увидим, когда флотилья подойдет, каков будет успех под Килиею. Дай Боже, чтоб потеря была в людях как возможно менее.

Что турки везде запираются в крепостях, сие доказывает, что в поле держаться не могут противу наших войск, а ищут нас остановить противу стен. С удовольствием вижу, что ты обрадовался, как дачею, так и перстню.

О польских делах тебе скажу, что деньги на оные я приказала ассигновать до пятидесяти тысяч червонных, из которых Булгаков тебе возвратит те двадцать тысяч червонных, кои ты ему дозволил употребить из ассигнованных тебе сумм. Барон Сутерланд[2] пошлет с курьером в Варшаву вексель сей. Чтоб умы польские обращать на путь нами желаемый, о сем Булгаков имеет от меня за моим подписанием довольные предписания[3]. На сеймиках же ему самому действовать не должно и нельзя, а посредством приятелей наших, что ему также предписано. Ничего бы не стоило обещать Польше гарантию на ее владения, естьли бы то было удобно на нынешнее время. Но они сами торжественным актом отвергли всякое ручательство. Воли учреждать внутренние дела я от них, конечно, не отнимаю, но в нынешнем положении все подобные обнадеживания инако давать нельзя, как в разговорах Министра Нашего с нашими друзьями, и внушая им, что когда нации часть хотя образумится и станет желать ручательства и прочее, тогда могут получить подтверждения оного. Равно и о связи с нами он им может внушать, что естьли они, видя в какую беду их ведет союз с Королем Прусским, предпочтут сей пагубе наш союз и захотят с нами заключить союз, мы не удалены от оного, как и прежде готовы были с разными для них выгодами и пользою. Кажется, что обещаниями таковыми, не точно определенными, избежим о Молдавии противуречия, в котором мы бы нашлись пред всей Европой, обещав возвратить все завоевания Порте, удержав только границу нашу по реке Днестр. При всех действия[х] наших в Польше, хотя и не открытых, надлежит нам остерегаться паче не дать орудия врагам нашим, чтоб не могли нас предъявить свету, яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англия в деятельность и пособие Королю Прусскому не вступала, в Балтику кораблей не прислала, да и другие державы от нас не отвратились, и самый наш

союзник не взял повод уклониться от соучастия. Что касается до хлеба польского, то, по последним известям варшавским, хотели на Сейме зделать Конституцию и разрешить его выпуск. И так, кажется, что на сей раз все наши действия в Польше должны к тому стремиться, чтоб составить, ежели можно, сильную партию, посредством которой не допустить до вреднейших для нас перемен и новостей, и восстановить тако связи с нею, обоим нам полезные и безопасные. А между тем обратить все силы и внимание и старание достать мир с турками, без которого не можно отважиться ни на какие предприятия. Но о сем мире с турками я скажу, что ежели Селиму нужны по его молодости дядьки и опекуны, а сам не умеет кончить свои дела [и] для того избрал себе пруссаков, агличан и голландцев, дабы они более еще интригами завязали его дела, то я не в равном с ним положении, и с седой головой не отдамся им в опеку. Королю Прусскому теперь хочется присоединить себе Польшу и старается быть избран преемником той короны, а чтоб я на сие согласилась, охотно бы склонился на раздробление Селимовой посессии, хотя с ним недавно заключил союз и обещал ему Крым возвратить из наших рук. Но ему Польшу, а туркам Крым не видать, я на Бога надеюсь, как ушей своих. А слабые турки одни обмануты союзником, и продержит их в войне, как возможно долее. Король Шведский был в подобном положении, но вскоре, видя свое неизбежное разорение, взялся за ум и заключил свой мир безпосредственный с нами. Естьли рассудишь за полезно, сообщи мое рассуждение туркам и вели визирю сказать, что тому дивимся, что за визирь ныне у них, который ни на что не уполномочен, окроме того, что пруссаки, агличане и голландцы ему предписывают, будто это все равно – иметь дело с интригами всей Европы, либо разобраться с ними запросто. Русская есть пословица: "Много поваров кашу испортят", да другая – "У семера нянь дитя без глаза".

Ласковое с Польшею обращение, обещание ей гарантии и разных выгод, буде они того потребуют, и все что об них выше сказано, я кладу на такой случай, ежели республика не приимет сторону неприятелей наших образом явным; но буде совершит договор свой с Портою и пристрастие окажет на деле с Королем Прусским, ежели он решится противу нас действовать, в то время должно будет приступить к твоему плану и стараться с одной стороны доставить себе удовлетворение и удобности противу нового неприятеля на щет той земли, которая служила часто главным поводом ко всем замешательствам.

Вот тебе мои мысли. Бог да поможет нам. Прощай, мой друг, Христос с тобою. Мне вчерась и сегодня полутче. Морозы настали, а целый год мы имели непрестанные дожди. Касательно твоего дома я уже приказала его осмотреть и, ежели можно будет, то в нем Артиллерийский кадетский корпус помещу[4]. Все же строить для него необходимость заставит же. К Сартию с сим курьером посылаю за музыку к "Олегу" тысячу червонных и подарок – вещь. Сегодня "Олега" в третий раз представляют в городе, и он имеет величайший успех, и к воскресению уже все места заняты. Спектакль таков, как подобного еще не было, по признанию всех.

Твой корнет непрерывно продолжает свое похвальное поведение, и я должна ему отдать истинную справедливость, что привязанностию его чистосердечной

ко мне и скромностию и прочими приятными качествами он всякой похвалы достоин.

Ноября 1 ч., 1790 года

Фон дер Пален приехал во Швецию, а Стединг здесь, и дела со Швециею на лад идут. Стединга я ласкаю весьма, и он человек изрядный. Потоцкого проект, дабы зделать Прусского Короля Королем Польским и соединить Пруссию с Польшею, – не рассудишь ли за благо сообщить туркам[5], дабы яснее усмотрели каверзы своего союзника, о котором и его адской политике уже вся Европа глаза открывает, и ближние его содрагают[ся], и сама Голландия, да и Англия не во всем с ним согласна.

1093. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 26 октября привез вчерась Г[енерал]-М[аиор] Бенкендорф[1], из которых усмотрела с удовольствием сдачу Килии, за что сегодня молебствие отправляется с пушечной пальбою. Пора бородачам приняться за ум и высвободиться из зловредного им опекунства. Пруссаки прельстили их тем паче, что будто нас принудят возвратить туркам Тавриду, которую им, однако, не видать, как ушей своих. Вскоре услышим, что агличане начнут войну с Гишпаниею[2]. Во ожидании обещанных от тебя известий, сказав тебе рескриптом и сим самым спасибо большое, пребываю к тебе доброжелательна.

Я же сама все почти в одном положении: день, другой получе, а там опять чувствую ветряные и гемороидальные колики, но кажется, что боли не так сильны, либо к ним привыкаю. Прощай, Бог с тобою.

Река паки вскрылась, и корабли приходят, а чрез лед ходили три дни. Гудовича я пожаловала Генералом-Аншефом[3], к Пр[инцу] Виртембергскому посылаю синюю ленту[4], а Бенкендорф получил Св. Анну. Ты видишь, что не оставляю твои представления без уважения и твоим рекомендациям даю место. Прошу и моих не предать забвению и об них не забыть. Adieu, mon Ami.

Ноя[бря] 12 ч., 1790

1094. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16 ноября [1790]. Бендеры

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Я по нужде иногда медлить должен моими донесениями. Части действующие так разбиты по разным местам и большею частию за реками, что не могу всегда иметь донесения от них, а больше и потому, что Рибас безпрерывно в действии и летает с флотилии на флотилию[1], ибо они розно. Большие суда в большом Дунае, а меньшие в протоках. Бог милосерд, идет все лутчим образом. Я теперь получил известие, о котором не имея еще подробностей, не доношу формально, а прилагаю письмо Рибасово[2]. Извольте быть уверены, моя матушка родная, что я, покуда возможно будет, стану угнетать свиней турков. От Кавказа по причине смерти Бальменовой не имею подробностей[3].

Поздравляю, кормилица, Вас с будущим днем Екатерины, имянинством от Вас украшенным. Я терплю от спазму в груди. Простите, матушка родная, я пока жив,

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. К завтрешнему жду уведомления из Польши и разных мест, особливо первое весьма нужно для положения плана генерального. Тут подробно на последнее письмо Ваше отвечать буду.

1095. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Бендеры. 3 дек[абря 1790]

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Распутица так сильная не допустила получить мне в свое время флагов, притом Генерал Рибас занемог было сильно и в жизни был отчаян, но разорвалась болезнь, и он уже на службе. Упомянув об нем, не могу умолчать о безпримерной его ревности: кроме неприятельских преград, долженствовал он бороться противу моря с судами, отягощенными большою артиллериею. Сие одно отвратило бы многих, или б с меньшим рвением все могло пропасть: в устьях нашел батареи и для входа фарватер мелкий, тут и разгружаться и десант делать, и поспешать укрыться от возстающей погоды следовало. Укрепления взяты, неприятель прогнан, Тульча покорена, флотилия турецкая разбита и крепость Исакча, магазейн или депо всей армии турецкой и флотилии, занята со множеством разных припасов[1]. Судов взято, потоплено, повреждено до полтараста. У нас же взорван бомбою один лансон, да потонули два, с коих люди спасены. Пушек получено 120, да в Килии 72. По истреблении судов под Измаилом осталось попытаться. Я приказал взять лутчие меры, произвести штурм и для сего нарядил туда Генерала Графа Суворова Рымникского[2]. Мне самому нельзя отлучиться, ибо соседи крепко смотрят, и лишь я куда, то и почитают всю армию туда обращенной, а затем и демонстрации начнутся. К тому же меньше важности в случае неудачи корпусу отступить, нежели мне с армией. Что Бог даст, ожидать буду.

Из приложенной записки изволите, матушка, увидеть, что Луккезини сбирается ко мне приехать[3]. Посмотрю, с чем, но заранее могу уверить, что обмануть меня не удастся. Какие он зделал разглашения по бытности его в Букарештах, здесь прилагаю. Поскакал в Сиштов и, там настроивши, прискачет опять назад. Не упускаю я внушать туркам всего, что бы им глаза открыть могло, но кому слушать. Султан не думает о спокойствии Государства, а протчие подкуплены.

Из произшествий на Дунае и на сухом пути судить можете, какой им вред наносится: в морских баталиях в три раза потеряли они убитыми и ранеными, со взятыми – до десяти тысяч, да шесть линейных кораблей, и все ничего. Только лишь выдумывают, как солгать для народа. Теперь скажу о Польше. Покуда еще Сейм теперешний в действии, пути не будет, и трудно осмелиться кому явно быть нашим, ибо потеряет голову. Король же всякому грозит мщением. Туркам

мы открыли ультимат, а они не приняли, подав нам случай к продолжению войны, а потому и к издержкам; то уже и ультимату следует быть другому, а то для них какой страх, ежели мы продолжая воевать, все таки при одних требованиях будем. Для чего же Вам не обещать завоеванного Польше при установлении их союза, когда Прусский Король дерзновенно посужи[ва]ется Вашими давними владениями[4]. Молдавия же не завое[ва]ние турецкое, но присоединилась добровольно и все имеет права протестовать, когда кондиции нарушены. Прикажите мне обещать полякам, сим их отклоним от союзов, а турки и единомышленники их, стараясь не допустить, скорей помирятся. Венского двора интерес в том согласиться. Англию прикажите ласкать, или, лутче сказать, сериозно трактовать, но поручить сие кому ни есть из преданных Вам, а иначе верьте, что ничего не будет. Графу Разумовскому, едучи в Вену, прикажите заехать ко мне условиться и многие от меня получить примечания[5].

Прусский Король не пойдет к Риге, ибо сие невозможно, как переходить столько рек. И что он доведет? А будет подстрекать и поддерживать поляков, то их следует отделить. Обещать ручательство за владения, не мешаться в их образ внутреннего правления. Они сию гарантию отвергли, а нам она не годилась, ибо сие было прусского двора коварство, как и дисидентское дело, дабы нас ввести в ненависть[6]. И теперь мы видим плоды: бездельники дисиденты преданы ему. Я крепко уверен, что мы всеми мерами вводимы были Берлинским двором на озлобление поляков. Много заведует его Сиятельство Г[раф] Штакельберг. Чтобы заставить Прусского Короля говорить иным голосом, следует в будущую кампанию противу Порты оставить войски – тысяч до двадцати в Молдавии по Днестру. Протчее все обратить на пруссака и сказать ему решительно и с твердостию, что Вы достоинство Вашей Империи будете защищать до последней капли крови[7].

Противу англинских угроз изготовьте флот и сколь можно больше, а меня уведомите для соображений, сколько будет[8], que ca et qu'ils feront ses Messieurs dans la Baltieque; ils n'ont point grand chose pour la descente et tout ce qu'ils mettront par terre doit absolument périr, intercepter les voisseaux marchands et queles voisseaux leurs propres ou Holandois*.

Лодками для Двины поспешить прикажите и, когда Вам мои сии усердные мысли покажутся, объявите мне: я тотчас подробный план на сем основании пришлю для операции генеральной[9].

Флотилия Ваша останется в Дунае для воспрещения перехода неприятельского и истребления повсюду их судов. Флот выдет рано к берегам Румелийским, а потом к Анапе. Как можно ранее, войски кубанские с таврическими предприимут на Анапу. Потом, коли Бог поможет, Суджук-Кале, а там и на Синоп[10]. Я всю зиму, где только можно будет, не оставлю нападать.

Сказав все, не могу оставить без примечания: употребите все возможное привязать к себе Швецию, для чего бы из Великих Княжон не обещать в супружество за Принца их[11]. Ей, моя кормилица, хорошо и очень бы хорошо.

---

* что там и что они, эти господа, сделают в Балтике. У них нет больших сил для десантов, и все, что они высадят на сушу, должно погибнуть целиком вследствие перехвата их собственных кораблей или голландских (*фр.*).

Куда мне грустно, что Вы недомогаете часто. Я молюсь с горячим сердцем за Вас Богу. Вас же прошу – поберегитесь. Матушка моя родная, все твои, а я больше всех, то как же мне забыть твоих, как изволишь изъясняться; конечно, я не оставлю: и желаю, и должен. Цалую ручки Ваши и по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Много заслуживает Генерал-Маиор Рибас, и больше еще от него хороших успехов будет.

1096. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[3 декабря 1790]

Касательно до Польши уверения Булгакова малы. Все воеводства смежные адресуются ко мне, и я могу похвалиться, что моими поведениями они обращены сколько-нибудь к нам. Но как маршал Литовский с своею матерью наклоняются для нас, что я же произвел, как известно Вам из моих донесений, то и Булгакову в Варшаве говорить должно одним со мною языком. Ваша же пословица, что надлежит двери быть затворенной или отворенной, ни да, ни нет – не годится никогда, ибо она предполагает робость, что видя враждующие нам – нам смелее еще пакостить будут.

Союз прусский еще им не беда, понеже то еще будущее, а наш уже им довольно беды наделал. То и следует старое смешать, как дурную игру, а начать новую, лутчую, тем паче, что несходственно с Вашим характером все происходило. Обещать гарантию на владение есть наша существенная польза. Доколе нет дележа, то и обещать во внутренние дела не мешаться, и тогда они сами будут прибегать дознать, что все прежние наши поступки в Польше были настраиваны прусским двором, дабы навлечь на нас ненависть и воспользоваться сим при случае.

Чтоб Польшу привязать к себе, необходимо обещать должно им Молдавию и тем обратить их противу турков и пруссаков, а турки, о сем узнавши, скорей помирятся.

В каком мы противуречии пред Европой будем, обещавши Молдавию Польше?! Первое, я Европы не знаю. Франция с ума сошла. Австрия трусит, а протчие нам враждуют. Завоевания зависят от нас, пока мы не отреклись. Обещали возвратить по собственным своим произволениям – турки не согласились, следовательно, и обещание исчезло. И что это не сметь распоряжаться завоеваниями, когда другие сулят Ваши владения: Лифляндию, Киев и Крым.

Я Вам говорю дерзновенно и как должно обязанному Вам всем, что теперь следует действовать смело в политике. Иначе не усядутся наши враги, и мы не выдеремся из грязи.

Туркам я говорил все, да и больше, а при том больно их и бью, да ничто не помогает, ибо Селим в руках прусских и не думает о государстве, а только прет мертвечину.

1097. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Бендеры. 18 декабря [1790]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Вот моя кампания, которая была почти скрыта от глазу недоброхотов[1]. Они считали, что обманами довели до термина, где все действия должны пресечься. Но Бог мне помог дать три баталии морские знатные. На Кубани разбита армия. Сулинские укрепления взяты, Тульча, Исакча, Килия, Измаил – первая и сильная их крепость, построенная по-европейски, с заключенной в ней армией выше тридцати тысяч; пленных я написал, но более уже выходит: сей час получил рапорт, что уже девять их тысяч[2]. Войски оказали храбрость неслыханную, преодолев непочатую крепость и число превосходное. Я могу похвалиться пред Вами, что удалось мне влить в армию мне вверенную душу порядка и неустрашимости. Урон наш гораздо больше очаковского, но в сравнении силы истребленной – мал[3].

Валериан Алекс[андрович] оказал себя достойным Вашей милости, и я всегда искал ему подать случай заслужить на деле. Будьте к нему милостивы и не отрывайте его от службы. В нем много надежды, что изволите увидеть из письма, что его генерал пишет к Попову[4]. Я не получил еще подробной реляции и думаю сам найтить ее в Измаиле[5].

Цалую ручки Ваши и поздравляю с небывалою победою.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1098. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович! Письмы твои от 16 ноября и 3 декабря я получила. Что чаще писать будешь, то мне приятнее будет, ибо неизвестность для меня труднейшее состояние. Со всеми от Бога данными успехами тебя поздравляю. Флаги мною отосланы в церемонии в крепость. Для Ген[ерал]-Маиора Рибаса на первый случай посылаю крест второй степени Свя[того] Егоргия, которого он завоевал по справедливости, а потом оставляю себе его и далее награждать по усмотрению. Что Луккезини к тебе приедет, о сем и здесь слышно было, но что он тебя не обманет, я уверена. Посылаю к тебе, чем щеголять пред ним[1]. О политике здесь не распространяюсь, понеже в рескрипте все сказано по сей материи. Граф Разумовский к тебе заедет.

Мысли твои по делам, в письме твоем от 3 декабря ко мне прописанные, тем паче мне нравятся, что везде вижу меры твердые. Обещанный генеральный подробный план прошу прислать скорее с потребным сведением о войсках, какие и куда обратятся для операции, дабы здесь заранее все сообразить и изготовить можно было. По польским же делам поступать надлежит с крайней осторожностию, дабы не от нас был первый выстрел[2], и союзники Прусского Короля сколь-

ко можно меньше имели права толковать в свою пользу Casus foederis, почтя нас за нападателей.

Еще о[б] одном деле тебе скажу: многие штаб-офицеры просят об определении в коменданты. Мест же комендантских вакантных до пятидесяти, о помещении же на оные ожидает Коллеґия от тебя известий, а между тем меня просители сих мест письмами заметали, паче же немцы. Кончи, пожалуй, скорее сие дело.

Здоровье мое поправляется. Je crois que c'est la goutte qui s'est placée dans mon estomac et dans les intestins; je l'en chasse avec du poivre et un verre de vin de Malaga, que je bois tous les jours; je n'ai senti du soulagement que de cela, et quand je néglige ces deux articles: de manger du poivre ou le verre de Malaga, les douleurs me prennent derechef, voilà le quatrième mois. Adieu, portés Vous bien, nous attendons les nouvelles de devant Ismail; à dire la vérité, c'est un point important dans ce moment qui décidera de la Paix ou de la prolongation de la guerre*.

Помоги тебе Бог, друг мой сердечный, прощай.

Декабря 20, 1790

С наступающими праздниками тебя поздравляю.

* Я думаю, что это подагра, которая перешла ко мне в желудок и кишечник. Я изгоняю ее перцем и рюмкою малаги, которую пью ежедневно. Это дает мне облегчение, и когда я забываю эти два средства, то есть, не принимаю перцу или рюмку малаги, приступы снова ко мне возвращаются, и так уже четвертый месяц. Прощайте, будьте здоровы. Мы ожидаем известий из-под Измаила, то есть, правду сказать – это важный пункт в настоящую минуту. Он решит или мир, или продолжение войны (*фр.*).

1791

1099. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Прошедшее воскресение рано приехал Валериян Александрович Зубов и привез мне твои письмы от 18 декабря. Я тотчас приказала после обедни отправлять молебствие за взятие Измаила с большой пушечной пальбою. Я и вся публика наша сим произшествием чрезвычайно обрадованы. Поздравляю тебя ото всего сердца с сим щастливым успехом и отлично удачной кампанией, как сам о том пишешь. Измаильская эскалада города и крепости с корпусом в половине противу турецкого гарнизона, в оном находящемся, почитается за дело едва ли еще где в гистории находящееся, и честь приносит неустрашимому Российскому воинству. С нетерпением ожидаю Г[енерал]-М[аиора] Попова с подробностями. Дай Боже, чтоб скорее лишь приехал. Что урон был более Очаковского, о том весьма жалею. Дай Боже, чтоб успехи Ваши заставили турок взяться за ум и скорее заключить мир. При случае дай туркам почувствовать, как Прусский Король их обманывает, то обещая им быть медиатором, то объявить войну нам в их пользу, якобы та и другая роля могла бы итти вместе. Все сие выдумлено только для того, дабы турок держать как возможно долее в войне, а самому сорвать где ни на есть лоскуток для себя. Я думаю, что теперь последует смена визиря[1], а при сей откроется тебе случай открыть переписку с новым визирем, а может быть, и трактовать о мире безпосредственно. Оба дворы здесь уже сказали, что не настоят уже более о медиации.

По аттестатам твоим и присланным от тебя я Валерияну Алек[сандровичу] Зубову дала крест Егорьевский 4 класса. Его предостойный брат чрезвычайно обрадован, что ты брату его подал случай оказать его усердие. Пожалуй, напиши ко мне: поручил ли ты Фериери трактовать о чем в Вене? Сейчас он ко мне прислал курьера и щет в 3000 и столько червонных, кои издержал[2], и говорит о своих негоциациях с самим Императором, который ему будто сулит пушек, и орудия, и людей. Естьли ты ему ничего не поручил, то его унимать я велю, а то аптекарских щетов наделает, а сам деньги проест.

Спасибо тебе, мой друг сердечный и любезный, за все добрые и полезные дела, тобою поделанные, за порядок и неустрашимость войск. Скажи им спасибо от меня, а о награждении себе предоставляю говорить по получении чрез Попова подробностей и твои представления.

Я здоровьем поправляюсь, боли реже чувствую и не столь сильные, но не

совсем еще миновались. Прощай, Бог с тобою, желаю тебе всякого добра и поздравляю тебя с Новым годом.
Генв[аря] 3 ч., 1791 г.

1100. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

8 генваря 1791

Ген[ерал]-Пор[учик] Бибиков в дерзком и безразсудном своем предприятии на Анапу, самовольно в землю неприятельскую заведя войско, без принятия мер к продовольствию оного, и изнуря его нуждою и трудностию похода, заслужил примерное наказание.

Единая только милость Вашего Императорского Величества осталась к спасению его. Не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству высочайше повелеть, умягча строгость законов, изключить его только из службы.

1101. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11 генваря [1791]. Яссы

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Из Бендер поехавши, в Кишиневе я крайне занемог и, естли б не случилась рвота сильная, не избежал бы я болезни жестокой.

Здесь по покорении Измаила страх повсюду велик[1], но Султан, варвар кичливый, еще упорствует, будучи противных держав обещаниями ослеплен до крайности.

Попова с донесениями подробными я отправляю за сим вскоре, но крайне нужно мне побывать на малое время у Вас и весьма нужно, ибо описать всего невозможно. Дайте мне на себя посмотреть, хотя мало[2]. Луккезини из Сиштова скачет в Варшаву. Знать испугался, чтоб не попался в руки[3]. О! естли бы он мне достался, то воля твоя, а повесил бы его на фонаре.

У нас здесь совершенная весна, так что, не топивши комнат, с открытыми окнами сидим и жалуемся, что жарко. Надлежит ожидать сильного землетрясения.

Прости, моя кормилица, я по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1102. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 13 генваря [1791]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Обрадованы Вы взятьем Измаила и, правду сказать, есть чем. В большом числе отборная армия наголову истреблена, чего никогда не случалось. В Кагульскую баталию не убито ни трех сот турков. Кампания, по милости Божией, знаменита нам и поразительна для турков. Они по меньшей мере потеряли 50 т[ысяч] человек, а что пушек, изволите усмотреть из ведомости[1]. Прибавьте, в какой ужас приведены они

столь храбрым действием. Что изволили ознаменовать большой пальбою, сие справедливо и нужно и ради уязвления недоброхотов, и ради справедливости, должной храброму Вашему войску, не касаясь меня, ибо я на себя не беру ни знания, ни хитрости, искусству принадлежащей, хотя действии постепено произведены были на пространстве, почти четверть глобуса составляющем, везде с успехом и предусмотрением, а движения были скрыты так, что и свои обманулись, не только чужие[2]. Я не должен гордиться, относя успехи Богу. Ему только, матушка, изволь благодарить. От меня же бывают только погрешности, по которым предлежит мне кротость. Убегая быть спесиву, следуя Вашему матернему совету после прошлой кампании, должен ныне еще более смириться, поелику кампания сия несравненно знаменитей и редкая или, лутче сказать, безпримерная[3]. Евгении, Короли Прусский и другие увенчанные герои много бы таковою хвастали[4], но я, не ощущая в себе качеств, герою принадлежащих, похвалюсь только теми, которые составляют мой характер сердечный: это безпредельным моим усердием к Вам и тою благодарностию, что я чувствую к щедротам Вашим, которых Вы от самой первой молодости моей ко мне не прерывали и тем подали право именоваться Вашим питомцем. Естли во мне что хорошее, то низдано Вами! Мог ли я оказать свою годность? На то Вы подали способы. Я тем похвалюсь, чем другой никто не может: по принадлежности моей к тебе все мои добрые успехи лично принадлежат тебе. О потере жалеть изволите, но что это значит: в прошлую войну Журжа, не стоящая одного бастиона измаильского, стоила нам вдвое.

Что касается до внушениев туркам, чтобы не щитали они на помании прусские, не упускаю я всегда до них доводить. Но что делать, ничто не помогает: ослепление султана или, может быть, его рок ведет к потере. Варвар и тиран ожесточенный, не внемлет ничему. Рейс-эфенди от визиря ездил ему описывать худое состояние дел ради приклонения к миру, но чуть не потерял головы. Четыре курьера, отправленные от визиря с известием об Измаиле, не допущены до Царя Града, а отрубили им головы. Теперь его манят, что Англия пришлет флот, а ему лишь бы был претекст себя манить, то он и рад. Верьте, что генерально все риджалы желают мира, но никто не смеет рта отворить. Потому-то для принятия мер должных и открытия моих усердных и полезных мыслей должен я необходимо, хотя на самое кратчайшее время, приехать к Вам. Теперь пора глухая, в которую ничего предпринимать нельзя, ибо по Дунаю нельзя осмелиться ходить до февраля, чтобы льды не захватили где, и то до конца февраля. Ежели турки, как я и ожидаю, пришлют с предложением об перемирии, то сего им никак не дам без утверждения требуемых границ. Ходить за ними – вредно для нас. И так должно от них ждать.

Матушка родная, я приказывал Валериану Александровичу, ежели бы воля Ваша была мне позволить приехать, то бы я прискакал на малое время. Но нет мне на сие ответа, что меня много связывает, а нужно и очень нужно мне самому с Вами говорить. Описать всего невозможно, d'autant plus on il y a beaucoup et de pour et de contre*. Я здесь оставлю Князя Репнина на время моего отсутствия[5]. И

* тем более, есть много за и против (*фр.*).

Граф А.А Безбородко.
Портрет работы Д.Г. Левицкого,
вт. пол. 1780 – нач. 1790-х. ПДМ

Князь А.А. Вяземский.
Портрет работы Л.С. Миропольского,
1780-е. ГЭ

А.В. Храповицкий.
Портрет работы Д.Г. Левицкого,
кон 1780-х. ГРМ

И.П. Елагин.
Гравюра И.Х. де Майра, серед.
1790-х По оригиналу Ж.Л. Вуаля ГЭ

Императрица Мария-Терезия.
Гравюра Я. Шмуцера с портрета
работы де Грейе, 1770. РГБ

Король Фридрих II.
Рисунок Д. Ходовецкого,
до 1786. РГБ

Султан Мустафа III.
Совр. миниатюра, до 1774. РГБ

Султан Абдул-Хамид I.
Совр. миниатюра, 1770–1780-е. РГБ

Король Людовик XVI.
Портрет работы Ж.С. Дюплесси,
1775. ГМИИ

Император Иосиф II.
Гравюра М. Свейнля
по оригинальному рисунку Кимли, 1777. РГБ

Султан Селим III.
Портрет работы К. Капидаглы,
1803–1804. РГБ

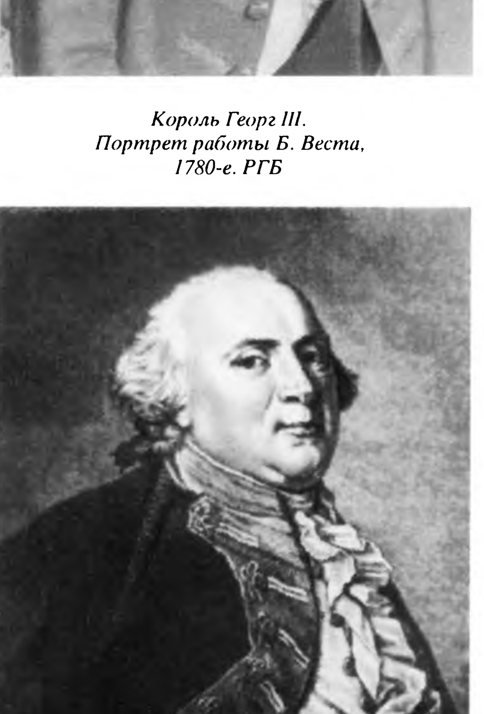
Король Густав III.
Пастель Л. Паша,
1780-е. РГБ

*Король Георг III.
Портрет работы Б. Веста,
1780-е. РГБ*

*У. Питт Младший.
Портрет работы Т. Гейнсборо,
1780-е. РГБ*

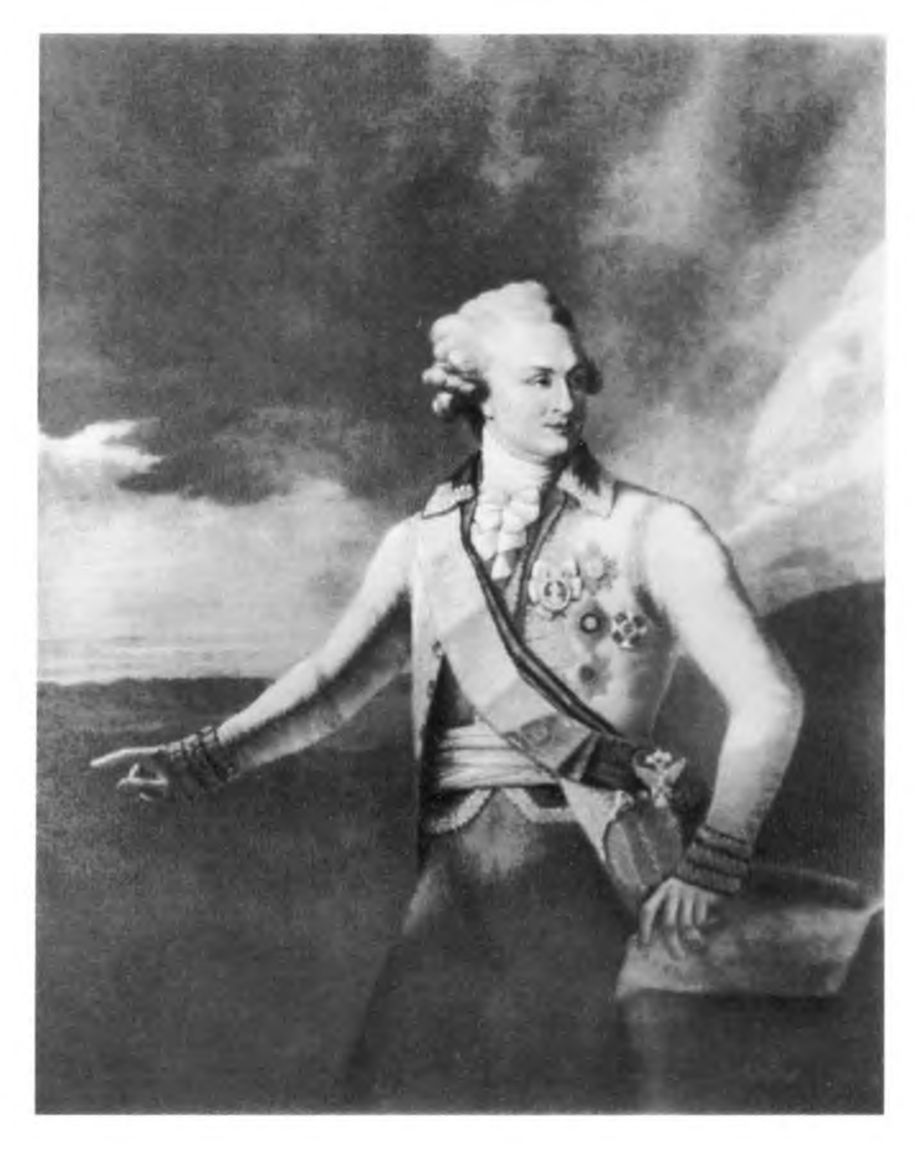
*Король Фридрих-Вильгельм II.
Гравюра Ж.Ф. Клемана
по оригиналу Г. Шредера, 1793. РГБ*

*Граф Э.-Ф фон Герцберг
Гравюра Больта, 1791. РГБ*

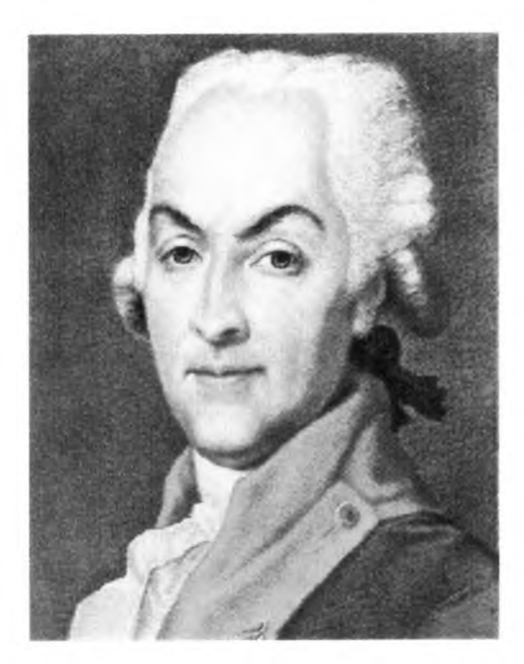
Императрица Екатерина II.
Портрет работы Ф.С. Рокотова
(копия с оригинала А. Рослина),
1760-е. ГЭ

Князь Г.А. Потемкин-Таврический.
Портрет работы И.-Б. Лампи Старшего
(копия с оригинала Д.Г. Левицкого?), 1791. ММС

А.В. Суворов.
Портрет работы художника круга Д.Г. Левицкого.
1785–1786. МТ

Князь Н.В. Репнин.
Портрет работы неизвестного художника
(копия с оригинала Д.Г. Левицкого), 1780-е. ММС

М.И. Голенищев-Кутузов.
Портрет кон. 1770 – нач. 1780-х. СПб.
Музей-квартира И.И. Бродского

М.Н. Кречетников.
Портрет работы Д.Г. Левицкого,
ок. 1777. ГЭ

Князь Н.И. Салтыков.
Гравюра А.Г. Ухтомского с портрета работы М.Ф. Кваделя, 1807. ММС

Граф И.П. Салтыков.
Миниатюра А.Х. Ритта, 1780–1790-е. ГЭ

М.Ф. Каменский.
Гравюра А.А. Осипова с портрета работы неизвестного художника, 1790-е. РГБ

Граф В.П. Мусин-Пушкин.
Портрет работы Д.Г. Левицкого, 1780-е. ПДМ

В.С. Попов.
Портрет работы И.-Б. Лампи Старшего
1790-е СГХМ им А Н. Радищева

Я.И. Булгаков.
Портрет работы неизвестного художника,
1790-е. ГИМ

Граф С.Р. Воронцов.
Портрет работы Д.Г. Левицкого.
кон. 1770 – нач. 1780-х. РГБ

Г.Р. Державин.
Портрет работы И. Смирновского,
1790-е. ГЭ

Принц Ш.-Ж. де Линь.
Гравюра К. Леклерка,
1770–1780-е. РГБ

Н.С. Мордвинов.
Портрет работы неизвестного художника,
кон. XVIII. ДКМ

Дж. П. Джонс.
Гравюра Ж.-М. Моро Младшего,
1781. РГБ

Принц К.-Г. Нассау-Зиген.
Портрет работы И.-Б. Лампи Старшего,
1790-е. РГБ

С.К. Грейг.
Портрет работы И.П. Аргунова,
1772–1773. ГРМ

В.Я. Чичагов.
Гравюра А.Г. Ухтомского, 1790-е.
Из альбома "Русская портретная галерея"

Ф.Ф. Ушаков.
Портрет работы неизвестного художника,
нач. XIX. ГЭ

И.М. Рибас (Дерибас).
Портрет работы И.-Б. Лампи Старшего,
1796. ГЭ

Вел. кн. Александр и Константин Павловичи.
Портрет работы Р. Бромптона,
ок. 1781. ГЭ

П.А. Зубов.
Портрет работы И.-Б. Лампи Старшего,
1793. ГТГ

В.А. Зубов.
Портрет работы Ж.Л. Вуаля,
1791(?). ГРМ

Князь Г.А. Потемкин.
Терракотовая головка работы Ф.И. Шубина,
1780-е. ГРМ

Князь Г.А. Потемкин-Таврический.
Восковой бюст работы неизвестного скульптора,
кон. 1780-х. ГИМ

Князь Г.А. Потемкин-Таврический.
Мраморный бюст работы Ф.И. Шубина,
1791. ГРМ

Императрица Екатерина II.
Портрет работы В.Л. Боровиковского
(авторский вариант портрета 1794). ГРМ

Смерть Г.А. Потемкина 5 октября 1791 г.
Гравюра Г.И. Скородумова по рисунку М.М. Иванова,
1793. РГБ

Факсимиле письма Екатерины II Г.А. Потемкину (№ 434),
в котором говорится о связывающих их "святейших узах".
Свидетельство тайного брака императрицы с Потемкиным

Владыно и Cher Epoux! я зачнусь отвѣтъ съ той стороны
которая болше мнѣ трогаетъ хто велитъ плакать?
для чего болше дать волю воображенію живому
нежели доказательствамъ, глаголющимъ въ пользу
твоей жены, два года назадъ была ли она къ тебѣ
привязана святѣйшими узами? [illegible]
мысль скопировать не возможное, не меняющимся
перемѣнила ли я глас, можешъ ли быть недовѣрчивъ
вѣрь моимъ словамъ люблю тебя и привязана
къ тебѣ всеми узами, теперь самъ мни два
года назадъ были ли мои слова и дѣйствія
в тоже пользы сильнее нежели теперь

Императрица Екатерина II.
Портрет работы С. Торелли, 1762–1766. ГЭ

Вел. кн. Петр Федорович.
Портрет работы Г.Х. Гроота,
кон. 1740-х. ГМТСЛ

Императрица Екатерина II.
Портрет работы М. Шибанова,
1787. ГРМ

Вел. кн. Павел Петрович в детстве.
Портрет работы Ф.С. Рокотова,
1761. ГРМ

С.В. Салтыков.
Миниатюра неизвестного художника, нач. 1750-х.
Из альбома "Русские портреты"

Граф Станислав Август Понятовский.
Пастель неизвестного польского художника,
после 1755 Варшава, Национальный музей

Вел. кн. Екатерина Алексеевна.
Портрет работы Л. Ревон,
1750-е. КХМ

Граф Г.Г. Орлов.
Портрет работы С. Торелли,
1762–1763. ГРМ

А.Г. Бобринский в детстве.
Портрет работы Ф.С. Рокотова,
серед. 1760-х. ГРМ

*Императрица Екатерина II.
Портрет работы Ван Вилка,
1780-е. РГБ*

*Князь Г.А. Потемкин-Таврический.
Портрет работы И.-Б. Лампи Старшего,
1791. ГЭ*

*Е.Г. Темкина (в замужестве Калагеорги).
Портрет работы В.Л. Боровиковского,
1798. ГТГ*

Вел. кн. Павел Петрович.
Портрет работы А. Рослина, 1777.
Музей-заповедник Царское Село

Вел. кн. Мария Федоровна.
Портрет работы А. Рослина,
кон. 1770-х. МТ

Граф Ан. К. Разумовский.
Портрет работы Шмидта, 1770-е.
Из журн.: Старые годы. 1914. № 3.

Вел. кн. Наталья Алексеевна.
Портрет работы А. Рослина,
1776. ГЭ

Княгиня Е.Р. Дашкова.
Портрет работы Д.Г. Левицкого,
ок. 1784. Москва, частн. собр.

Графиня П.А. Брюс.
Гравюра Г.И. Скородумова с портрета
работы неизвестного художника, 1770-е. ГМИИ

Д.В. Потемкина.
Портрет, кон. 1770 – нач. 1780-х.
Из альбома "Русские портреты"

М.С. Перекусихина.
Миниатюра, 1790-е (?).
Из альбома "Русские портреты"

Граф З.Г. Чернышев.
Портрет работы А. Рослина.
Фрагмент, ок. 1776. ГЭ

Граф П.А. Румянцев-Задунайский.
Портрет работы неизвестного
художника, 1770–1780-е. ГИМ

Граф А.Г. Орлов-Чесменский.
Миниатюра работы неизвестного
художника, 1770-е. ГЭ

Граф К.Г. Разумовский.
Портрет работы П. Баттони. Фрагмент, 1766.
Из альбома "Русские портреты"

Митрополит Платон. Гравюра И. Клаубера с портрета Л. Гутенбрунна, кон. XVIII – нач. XIX. Из альбома "Русская портретная галерея".

Граф Н.И. Панин. Гравюра А. Радига с портрета работы А. Рослина, 1770-е. Из альбома "Русская портретная галерея"

Князь М.Н. Волконский. Портрет работы неизвестного художника, 1770-е. РИХМ

Князь А.М. Голицын (генерал-фельдмаршал). Гравюра А. Радига с портрета А. Рослина, кон. 1770-х. Из альбома "Русская портретная галерея"

Граф П.И. Панин.
Портрет работы неизвестного художника, нач. 1770-х. РГБ

А.И. Бибиков.
Гравюра неизвестного художника, до 1774. РГБ

Е.И. Пугачев.
Гравюра неизвестного художника, 1770-е. РГБ

И.И. Бецкой.
Портрет работы А. Рослина (?),
1770-е. МОКМ

Барон Ф.М. Гримм.
Рисунок Л.К. де Кармонтеля,
1758. РГБ

Дени Дидро. Портрет работы Д.Г. Левицкого,
кон. 1773 – нач. 1774. Женева.
Музей искусства и истории

Вольтер.
Портрет работы Ж. Гюбера,
1760–1770-е. ГИМ

Императрица Екатерина II с текстом "Наказа" в руках.
Миниатюра неизвестного художника,
кон. 1760 – нач. 1770-х. ГЭ

А.В. Энгельгардт.
Портрет работы Ф.С. Рокотова,
конец 1770-х. РГБ

В.В. Энгельгардт, кон. 1770-х.
Из альбома "Русские портреты"

Княгиня Т.В. Юсупова (урожд. Энгельгардт).
Портрет работы Э.Л. Виже-Лебрен, 1797. РГБ

Графиня Е.В. Скавронская (урожд. Энгельгардт).
Портрет работы Э.Л. Виже-Лебрен, 1796. РГБ

М.С. Потемкин.
Портрет работы Д.Г. Левицкого,
вт. пол. 1780-х. ПДМ

П.С. Потемкин.
Гравюра неизвестного художника,
перв. пол. 1790-х. ГМИИ

А.Н. Самойлов.
Миниатюра А.Х. Ритта, 1780–1790-е.
Из альбома "Русские портреты"

Князь Г.А. Потемкин.
Гравюра А. Сассо по рисунку Г. Бозио,
нач. 1780-х. ГИМ

П.В. Завадовский.
Гравюра Шерера с портрета работы
И.-Б. Лампи Старшего, 1790-е. РГБ

С.Г. Зорич.
Гравюра Виктуара,
1777–1778. РГБ

И.Н. Римский-Корсаков.
Портрет работы неизвестного художника, 1779.
Из альбома "Русские портреты"

А.Д. Ланской.
Портрет работы Д.Г. Левицкого.
Фрагмент, 1782. ГРМ

Вел. кн. Екатерина Алексеевна.
Портрет работы Г.Х. Гроота,
серед. 1740-х. ГЭ

Княжна Д.Ф. Щербатова (в замужестве
графиня Дмитриева-Мамонова).
Портрет работы Ф.С. Рокотова, 1780-е. РГБ

Граф А.М. Дмитриев-Мамонов.
Портрет работы М. Шибанова,
1787. ГРМ

дело ничего не потеряет в краткое время. Есть вести, которых я не могу вверить бумаге, да и объяснять письмами мудрено.

Пруссаки натянули все способы видимые и невидимые, чтобы меня повредить у Вас. Я не сумневаюсь в Вашей непременной милости, но старания их велики, чтобы Вас привести в колеблемость, а меня вывести из терпения[6]. Нужно мне обозреть строение судов на Днепре и для того отправлюсь и остановлюсь, чтобы в ближнем месте на пути петербургском получить позволение Ваше и тем сократить дорогу.

Г[енерал]-М[аиор] Попов сегодня отправляется. Сего же курьера нарочно отправил, прося о повелении мне на самое малое время приехать. Во всю жизнь

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1103. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15 генваря [1791]. Яссы

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Сколь для меня грус[т]но было слышать, что Вы мучитесь коликами, столь я обрадован последним Вашим письмом, которым изволишь сказывать, что боли уменьшились. Сии колики гемороидальные и ни что больше. Перец и вино малага очень полезны, а к тому нужно держать всегда живот в тепле. Цалую Ваши ручки, моя кормилица.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1104. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 16 генваря [1791]

Ожидая, матушка родная, Всемилостивейшая Государыня, высочайшего дозволения мне приехать, я не распространяюсь теперь. Прошу, во-первых, не оставить без высочайшего воззрения на кампанию столь поразительную для неприятеля, и повергаю милосердию Вашему Генерал-Маиора Попова. Морозы наставшие остановили действия флота гребного. Боюсь, чтобы не захватили льды. Всего мне труднее доставление провианта, ибо чрез степь трудно ходить, а иногда и невозможно транспортам. Сколь же скоро сумнения не будет о замерзании Дуная, то и начнутся поиски – и все на противную сторону, зделав сперва экспедицию к Исакче и Тульче для разорения совершенного сих мест. Между тем, суда наши поврежденные исправятся.

Беда, что рекруты поздно приходят, еще и в Харьков не бывали. Сколь полезны казаки пешие, уже сие доказано под Очаковом и в Измаиле. Нигде от гранодер не отстали. А Черноморские – безценны[1].

Австрийцы вяжут меня во многом. Первое, что к Браилову заградили путь[2]. Второе, что публиковали выгоды молдаванам, к себе приходящим, и переманили множество, так что некем становится исправлять наряды. Теперь смешно, что Герберт на конгрессе поговаривает об уступке для них Орсовы и части Баната[3], и чуть ли не с обещанием нас уговорить на in status quo.

Матушка родная, сверх необходимых нужд, поскорее мне нужно быть к Вам. Подайте мне случай явить себя, моя кормилица, хоть на минуту.

Не мог я отправить Попова прежде: и много было дел, и не скоро пришли подробности, потому что после овладения я все войски распустил по их квартерам. И так из разных мест собирали уже ведомости. По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1105. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[16 января 1791]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. По званию Вашего Военного Президента нельзя мне пренебречь в надзирании порядка, хотя и в отсутствии[1]. Получа титул от Вас, я должен вникать в намерения Ваши и потому осмеливаюсь Вас уверить, что в звание комендантское никогда я не представлял и не определял людей незаслуженных, понимая, что сии места Вы утвердили, как воздаяние за службу и военные достоинства. Отлучась к начальствованию армий Ваших, предоставил было все Коллегии, но, увидя нерачение или, лутче сказать, злоупотребление, которое из подносимой записки усмотреть изволите, обязанным нашелся требовать о непомещении впредь без моего соглашения[2], что тем паче нужно по военному времяни, где часто бывают достойные, заслуженные офицеры изувечены ранами, будучи притом бедны, как теперь Генерал-Маиор Мекноб. Рапорты о ваканциях ко мне приходят поздно, а в приложенной теперь ведомости из праздных мест завидных нету, то и может Коллегия поместить из кандидатов, смотря однако же достоинство и заслугу, ибо я понимаю, что таковое есть об сих местах Ваше намерение.

Касательно Фериерия донесу, что он приехал ко мне с депутатами албанскими. Они его просили, чтоб послать при них. Я его отправил в диспозицию назначенного туда Г[енерал]-Маиора Тамары[3]. Ничего не поручал и могу ли я поручить что вертопраху. Он приехал, наделал много вздору, греков пересcорил, и глупые есть каверзы. Я его приказал оттоль выманить и пошлю в Петербург.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1106. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 18 января 1791]

Матушка родная Всемилостивейшая Государыня. Получа Высочайшее повеление о принятии дому моего в казну, чувствую, как милость мне, а не покупку[1]. Цалую ножки Ваши, моя безпримерная мать.

Получил бриллианты и много благодарен. Но как я никогда от Вас фальшивого ничего не получал, то приказал Попову показать орден, где большие камни – все хрустали-смазки, а верно в казну пришло недешево[2]. Прикажи, моя кормилица, отдать обратно обманщику купцу, а в ту цену позвольте зделать нарочно по моему вкусу.

Вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1107. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Двадцатого числа сего генваря приехал Баур и привез твои письма от 11 числа и реляции о действи[ях] Кубанского корпуса, кои в сентябре и октябре произошли. Жаль, что сей край столь отдален, что вести из оного сюда приходят по прошествии четырех месяц[ев]: таковое разстояние время[ни] убавливает участие и удовольствие в приемлемом, о самом по себе важном, происхождении. Из Америки и Сибири скорее приходят вести, нежели оттуда. О смерти Ген[ерал]-Поруч[ика] Розена весьма жалею и почитаю ее потерею[1]. Что покорение Измаила страх нанес[ло] туркам, сему лехко поверю. Но действия того страха жадно желаю узнать и полагаю, что, во-первых, последует смена визиря, а за сим, может быть, переговоры о мире. Признаюсь, что я с кипящею кровью нетерпеливо ожидаю шестую неделю тобою обещанные подробности о взятьи Измаила чрез Попова, ибо я не люблю очень пословицу qu'il vaut mieux tard que jamais*, а люблю свеженькие известия о том, что меня интересует.

Касательно до твоего приезда сюда я тебе скажу[2], что лично я всегда рада тебя видеть, как сам довольно ведаешь. Сверх сего, на словах говорить и писать, конечно, разнится, и скорее сношения быть могут в разговорах, нежели на письме. Но дело паче в том, в сих смутных обстоятельствах, чтоб не проронить важные минуты, которыми воспользоваться ты можешь, быв тамо, скорее, нежели здесь, для возстановления мира с турками по нашему желанию. И так почитаю за необходимо нужно, чтоб ты тамо ожидал вестей о импрессии, кою зделает в Цареграде взятье Измаила. Ежели же оне таковы, и сам усмотришь, что твой приезд сюда дела не испортит, мирные договоры не отдалит, либо раннее открытье кампании тем не остановится, тогда дозволяю тебе приехать с Нами беседовать. Но буде турки окажутся тебе к миру склонны, как легко быть может, паче же, когда увидят, что стараясь всячески набрать ныне войск, оныя никак не идут и иттить не хотят; либо раннее открытье кампании

---

* лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

приездом своим сюда остановишь, тогда нахожусь в необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дел и не отлучиться, но, заключа мир, возвратиться яко миротворец; либо устроя все к принуждению турок к оному самыми действиями, тогда приехать.

Пишешь ты ко мне, что Луккезини возвращается в Варшаву из Сиштова. Ничего тамо они столько не опасались, как то, чтоб ты Сиштовского Конгресса не разогнал казаками. Им казалось сие возможно; знатно они ошиблись, ибо ты не послал. Смешно бы было, ежели б, схватя весь Конгресс, ты б послов сюда, чрез Петербург, домой отправил.

У вас весна, а у нас зимы нет и еще доныне. Только один день было семь градусов мороза, а протчее время на пункте замерзанья, либо тает, а вчерась я сама видела из Эрмитажа, что карета, парою запряжена, обломилась на реке, и передние колеса попали под лед.

Корнет твой кавалергардский непременно продолжает свое похвальное и примерное и разумное поведение. Я чрезвычайно довольна честностию, добросердечием и нелицемерной его привязанностию ко мне. Он весьма благодарен за ласки твои к нему, и ты его найдешь достойным оных. Мое здоровье поправляется и уже дни по четыре и по пяти я отдыху имею, а именно с прошедшей пятницы ничего отнюдь не чувствую. Что ты болен был, о том очень жалею. Прощай, мой друг, Бог с тобою, и да наставит тя.
Генваря 22, 1791 г.

1108. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Ожидая с часа на час Г[енерал]-М[аиора] Попова с подробными вестьми о взятьи Измаила, доныне нахожусь еще в невозможности за сие важное дело изъявить мою признательность к тебе и ко всем. Со вчерашним же куриером получила твое письмо от 15 генваря из Ясс. Не самые недоброхоты, хотя злятся, но оспаривать не могут великие тобою приобретенные успехи, коими Всевышний увенчал усердные и искусные твои труды и рачение. Что же оными не гордишься по совету моему, сие хвалю; и да не будет в тебе также уничижение, паче гордости[1]. А желаю, чтоб ты веселился своими успехами и был приятен и любезен в своем обхождении. Сию задачу тебе выполнить не трудно, понеже тогда природный твой ум находит свободное сопряжение с твоим добрым сердцем. Vos sentiments à mon égard me sont connus, et comme je suis persuadée qu'ils font partie de Votre existence, je suis persuadée aussi qu'ils ne sauroit changer; je ne Vous en ai encore jamais connu d'autres*. Господин Питомец мой, ты оправдал мое об тебе мнение, и я дала и даю тебе аттестат, что ты господин преизрядный, а пруссаки дураки злые. Я писала к тебе в предыдущем песьме, что ежели дела не претерпят от твоей езды сюда, чтоб ты сам решился, когда ехать. Теперь вижу из твоего письма, что почитаешь нынешнее время, яко глухую пору. И так думаю, что ты уже в дороге, а сие пишу в запас, паче чаяния, ежели не поехал, и возобновляю тебе

* Ваши чувства ко мне – известны, и как, по моему убеждению это часть Вашего существования, то я уверена, что они никогда не изменятся; я у Вас никогда иных не знала (*фр.*).

дозволение приехать, когда усмотришь, что приездом твоим дела не портятся. Когда Валериян Александрович приехал, тогда я думала, что за ним немешкотно Г[енерал]-М[аиор] Попов будет, и сего я ожидала всякий день доныне, но не бывал. Прощай, мой друг сердечный, до свиданья.
Генв[аря] 24 ч., 1791 г.

1109. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 9 февраля [1791]

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Получа дозволение мне приехать, доношу, что мне до сих пор грудная болезнь и кашель препятствовали отправиться. Хотя не совсем легче, однако выеду сего дня.

В Царьград от визиря посылан был рейс-эфенди с предложением о мире, но чуть Султан не отрубил ему головы. Посланник отправлен в Берлин с вопросами. С его возвращением решится, чему быть[1]. По узнании об Измаиле столица была в опасности от бунта, но шинки заперты, вино конфисковано, собрания запрещены – и тем укротилось. Не смеет никто Султану говорить, а он пьет.

Отправляясь отсюда, препоручил команду Князю Репнину с полным предписанием[2]. Я же и сам скоро возвращусь, не имея никаких других нужд, как увидеть Вас и доложиться по делам, и, конечно, вскоре возвращусь.

Получил я письмо от Императора весьма милостивое и от многих поздравления из Вены[3]. В Галиции и Австрии народ, слыша, что я будто ехал в Вену, расположены были меня встречать и выпрягать лошадей. Я и сим обязан Вам, матушка Государыня. Пока жив

вернейший и благодарнейший
подданный Князь Потемкин Таврический

1110. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Во ожидании скорого твоего приезда не ответствовала я доныне на письмы, привезенные Г[енерал]-М[аиором] Поповым[1]. Но видя, что твой приезд замедлился, ныне пишу к тебе, дабы тебе сказать, что письмы твои я с Поповым получила, и после того ни строки. Когда приедешь, тогда переговорим изустно обо всем. Ожидаю тебя на масляницу, но в какое время бы ни приехал, увижу тебя с равным удовольствием. Прощай, Бог с тобою.
Февр[аля] 15 ч., 1791

1111. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Март 1791]

Батинька друг милой, я, кроме что горло болит маленько да согреться не могу, ничем сегодня жаловаться не могу. Но, как насморк продолжается, то Рожерсон просил в стужу не ходить; останусь дома, да велю читать[1]. Прощай, душа, будь здоров.

1112. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Март 1791]

Флот в одном месте лутче будет[1], потому что, разделяя части, и внимание и заботы умножаются.

Следовать положению – как зделанному уже, по поводу обстоятельств.

Секретно повелеть заготовить более брандеров и умножить во флоте огненосных орудий.

Оказать охоту к отпору, и сие – живым приуготовлением всего.

Умножить флот большой.

Набрать еще матрозов в зачет противу агличан. Можно помещать по нескольку на корабли и финляндцев. Особливо набережные жители способны к морю.

Не угодно было принять о мещанах, хотя и пробовано было мое представление[2]. Их триста тысяч. От которого числа по примеру казацких войск долженствовала бы служить пятая часть. Но ежели и десятая, то было бы тридцать [тысяч] исправных воинов. А как есть части, в которых необходимо непрерывное комплектование быть долженствует, как то – флот и артиллерия, то бы и наполнять оные.

1113. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 24 марта 1791]

Естли будет Высочайшая воля зделать медаль Генералу Графу Суворову, сим наградится его служба при взятии Измаила. Но как он всю кампанию один токмо в действиях был из Генерал-Аншефов, трудился со рвением ему сродным и, обращаясь по моим повелениям на пункты отдаленные правого фланга с крайним поспешением, спас, можно сказать, союзников, ибо неприятель, видя приближение наших, не осмелился атаковать их, иначе, конечно, были бы они разбиты, – то не благоугодно ли будет отличить его гвардии подполковника чином или Генерал-Адъютантом[1].

1114. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Батинька, первое письмо королевское от 30 января я читала и сама оное Стедингу вручила. Письмо, писанное Игельстромом, мною апробовано и поправлено было[1]. А что я нашла тут совсем новое есть то, что они посылку Игельстрома отклоняют и что болезнь королевская будет служить предлогом к несвиданию, чем я весьма сама довольна[2]. Впрочем, я сама сказала Стедингу, что Король не имеет причину сумневаться обо мне, что я готова заключить с ним союз и что в оном договоримся о субсидии[3]. О границе зимою располагать неудобно было, а контр-проект остановился лишь за тем, что тебе от них же предложено было свиданье, которое не сбудется же[4]. Ежели шведы посольства не хотят, то отложить оное не долго же, но всему надобна благопристойность. От границы же, Бог ведает, какие уступки хотят.

Пугательным прусским выдумкам, пришедшим сего утра, я еще отлагаю придать веру, дондеже подтвердятся[5]. Подобные мы многие уже видели. Тут же они, как и всегда, оставили себе открытые калитки, чтоб вынырнуть, как сам увидишь, ибо говорят, что второго курьера с датской интермиссиею из Англии ожидают. План твой получила, писав сие, и, положа перо сие на стол, стану читать[6].
4 апреля 1791 г.

1115. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[До 10 апреля 1791]

Я припадаю к твоим стопам со слезами безпримерной ревности и усердия к твоей Славе, а с ней – к пользе моего Отечества. Выслушай меня, как мать и благотворительница. Прикажи употребить все, что можно, к привлечению Швеции. Vous rendrés par là nuls tous les projets de Vos ennemis et Vous ôterés pour ainsi dire l'épine de Votre coeur, car cet ennemi pour nous est de plus grande conséquence vu la proximité de la résidence. Pour le Gros Frédéric nous pourrons parvenir à arrêter les progrés, d'autant plus si l'Empereur se mêle et s'il sera nécessaire nous amènerons tous en Pologne garder nos frontières. Contre les Turcs qui se trouveront toujours plus mal en s'éloignant du Danube, il faut placer les troupes selon les points et paraître le moins inquiet qu'il est possible, même affecter de la gaieté*.

1116. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12 апреля [1791]

Как из сих репортов не очень видно, что произошло и где трехбунчужный паша взят, то лутче молебен отложить до обстоятельного рапорта, ибо в сих письмах все глухо.

1117. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Je trouve Votre idée de composer au mieux un corps respectable en Finlande et avant toutes choses d'y nommer pour chef le Comte Souvoroff – très bonne, et pour hâter la besogne je Vous envoye le billet ci-joint pour le Général Souvoroff, si Vous jugés à propos de le lui remettre**.

25 Avril, 1791***

---

* Вы обратите в нуль все планы ваших врагов и, так сказать, избавитесь от шипов в сердце, ибо этот враг для нас самый серьезный ввиду близости резиденции. Что касается толстого Фридриха, мы сможем остановить его продвижения, тем более, если вмешается император. Если будет необходимо, мы приведем всех в Польшу для охранения наших границ. Против турок, которые будут чувствовать себя все хуже и хуже по мере того, как они удалятся от Дуная, надо расположить силы в зависимости от мест и, по возможности, показывать как можно меньше беспокойства. Даже демонстрировать веселый вид (*фр.*).

** Я нахожу вашу мысль – составить наилучшим образом значительный корпус в Финляндии и прежде всего назначить начальником Графа Суворова – отличною. И чтобы ускорить дело, посылаю вам при этом записку к генералу Суворову, если вы найдете нужным передать ее ему (*фр.*).

*** 25 апреля 1791 (*фр.*). – рукой Г.А. Потемкина.

1118. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Май 1791]

Из пленных шведов склонил я более двухсот остаться в подданстве Вашего Императорского Величества. Лутчих мореходцев и мастеровых, переженя и поселя их в шведской колонии на Днепре; явятся охотники остаться из турков. Для лутчего их управления способен бригадир Салиг Ага. Об определении его к ним и о достаточном ему содержании испрашиваю Высочайшего повеления.

Князь Потемкин Таврический

1119. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[Май 1791]

При всех военных заботах не оставлял я пещись о внутреннем устройстве и в течение войны многие зделаны заведения. Город Николаев может равняться уже с лутчими городами. Богоявленск теперь под именем местечка – не хуже однако ж многих городов. При лутчих строениях украшены сии места прекрасными фонтанами, а на стороне очаковской зделан такой, какого по признанию самих турков, нет в Цареграде. Сей последний служит для наполнения судов, отправляемых в море, с такой удобностию, что транспорты подходят к самым трубам и не имеют нужды вынимать бочек.

На дороге от Николаева к Херсону в степи поселена большая слобода для облегчения прохожих команд и транспортов. Переведенные по покупке в России крестьяне к Великому лесу и Гуте поселены большими слободами и обращены на разные мастерства; по Адмиралтейству, в порте николаевском только что заведенном, построены уже два корабля, а находятся на стапелях два еще линейные фрегата. И таковых уже три судна, акатами называемые, ради самой большой артиллерии. Для Адмиралтейства заведен большой канатный завод в Херсоне и литейный двор, на котором вылито больше полутораста больших орудий. На степи между Буга и Днестра лежащей населил я более двух тысяч дворов, из Польши и Молдавии выведенных. И столько же, естьли не больше, присовокупилось к Черноморским казакам. В Молдавии на Днестре из тамошнего лесу построил три большие аката для флота, один фрегат и большую скампавию, все для большой артиллерии. На Пруте достраиваются 50 канонерных судов. И для николаевского Адмиралтейства немало отправил из Молдавии лесу.

Из городов турецких более пяти тысяч собрано армян обоего пола для поселения в границах российских. Ежели все сии попечения могут быть доказательством усердия моего, то я повергаю их к Высочайшему сведению.

Князь Потемкин Таврический

1120. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[До 11 мая 1791]

Ежели хочешь камень свалить с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в Армии курьера и разреши силам сухопутным и морским произвести действие наискорее, а то войну протянешь еще надолго, чего, конечно, ни ты, ни я не желаем.

1121. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Изволите усмотреть из письма посла французского, что он, хотя скрытно, но устами турецкими проповедует[1]. Задирать их посылаю Лашкарева: похоже будет, что мы просим мира, а чтоб попытаться, то я его пошлю к визирю с пропозициею о размене пленных.

Князю Репнину предпишется безпрестанно делать поиски на противный берег[2]. Ожидаю, что Бог даст у Анапы, ибо сей удар важнее всех будет[3].

Г.А.П.

Цесарцами от нас должно быть объявлено, чтобы туркам никак непозволено было переходить нейтральную землю, иначе же они, доведя свой авангард до наших постов, разорвут тогда свое перемирие.
9 июня 1791

1122. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[24 июня 1791]

Матушка моя родная, Всемилостивейшая Государыня. По записке на апробацию подношу я проект письма моего к Королю Шведскому[1]. Ежели оно годно, то я подпишу и пошлю с адъютантом своим шведом. Сей час есть кто-то, курьером приехавший из Пруссии, и объявил, что полки входят там в квартеры[2].

Я терплю более, нежели когда, от ногтееды и пишу с трудом. Пока жив

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1123. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[24 июня 1791]

Сей час принесли мне письмо твое с приложениями. Проект письма к Королю Шведскому я нахожу изрядно написанным, пожалуй, пошли скорее. Прочее я не успела прочесть. У пруссаков на один день бывают пять приказаний разные и противуречащие, да слава Богу, что хозяин их таков. Что ты много терпишь от ногтееды, о том от сердца жалею. С час назад, как Граф Орлов Чесменский сюда приехал. Прощай, Бог с тобою.

1124. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24 июня 1791

Что касается до дела Бабадагского, то, не имея еще подробно о сем сражении рапорта, осмеливаюсь только просить о награждении командовавшего корпусом Генерал–Поручика Голенищева–Кутузова орденом Святаго Александра.

К.П.Т.

1125. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24 июня 1791

Подполковник Князь Алексей Горчаков приобрел особливое внимание усердием и способностьми своими к службе. Во уважение оных, а равно и заслуг дяди его, Графа Суворова-Рымникского, всеподданнейше испрашиваю пожалования его в полковники.

К.П.Т.

1126. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[25 июня 1791]

Подношу здесь, матушка Всемилостивейшая Государыня, рапорты Генералов Каховского и Гудовича[1], по которым изволишь увидеть, что первый снял пост турецкий с двумя пушками на оконечности стрелки Анапской поставленный, а другой открыл траншею у Анапы. Дай Боже счастья.

Я был готов быть в Царское Село, но, услыша, что изволишь быть завтре сюда, остался. Я очень терплю от боли рук. Прости, моя кормилица, матушка родная.

Флот Ваш Черноморский должен уже быть в море, потому что Генерал Каховский рапортует, что он дал на оный две тысячи пехоты, которые уже посажены.

1127. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[Июнь 1789]

Благодарствую, друг мой сердечный, за пребогатую юбку. Рисунок очень хорош. Длинное письмо Линя и короткое сына его я получила. Сожалею очень, что ты неможешь. Не лечи ногтеед, ничего опаснее нет. Прощай, Бог с тобою.

Платон Александрович Вам кланяется за поклон от души. Сей принят им с чувствительным лицом и сердцем. Adieu, Papa.

1128. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[2 июля 1791]

Приехавши в город уже поздно, получил известие от Генерала Каховского[1], которое здесь включаю. Поздравляю, матушка родная Всемилостивейшая Государыня, с Анапою. От Генерала Гудовича ожидаю курьера обстоятельного[2]. Вот ключ, отворивший двери к большим ударам: теперь изволишь увидеть, как заревут в Азии – уже это не европейской части чета. Бог благословляет

повсюду предположенные действия, и нигде еще ошибки не было. Донесу, что теперь делать, как увижу Вас, матушка. Прошу быть ко мне милостивой, а я, право, Ваш верный подданный и слуга и благодарный питомец.

1129. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[12 июля 1791]

Матушка родная, любезнейшая Всемилостивейшая Государыня. И Суджук-Кале взят. Я угадал, что они бросят сию крепость. Прислан с подробным донесением бригадир Поликарпов[1]. Неприятель везде бежит, и в столицу приносят страх и ужас. Народы горские все почти присягают Вам на подданство. Завтре я донесу, как лутче по моему мнению с ними поступить. Даст Бог мир, будьте уверены. Готовлю я, приехавши, удар, в успехе чего крепко надеюсь на Бога. Нужно, чтобы курьер со мною ехал от министров, трактующих не ради способствования, а чтоб чрез них же самих обнажились их плутни, а тем самым отнимется у Султана способ к отговоркам и нечем будет ему манить надежду народа.

В Анапе артиллерии взято	95
в Суджук-Кале	25
Итого:	120

– все медные и большие пушки.

Цалую ручки Ваши, матушка, и по смерть

вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

P.S. Черкесы везде бьют и грабят бегущих турков.

1130. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[12 июля 1791]

За добрые вести спасибо, мой друг. Я завтра приеду в город молебствовать с вами у Казанской, а обедать буду в Летнем дворце. Бога молю, чтоб мир последовал скорее за сим.

1131. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[12 июля 1791]

В один день, мой друг, два праздника, да сверх того еще чудесные дела: принятие наших кондиций союзниками[1], il faut qu'ils ayent bien envie de finir puisqu'ils prennent pour prétexte la navigation sur la Rivière du Dnester, sur laquelle les vaisseaux marchands ne feront pas beaucoup de chemin n'y ayant pas d'eau*.

Завтра приеду в город праздновать. Прощай, друг мой, Бог с тобою. Об отличившихся буду ожидать твои представления.

* Должно быть, они хотят скорее кончить, потому что взяли предлогом судоходство по реке Днестр, по которому ни одно купеческое судно не сможет ходить по недостатку воды (*фр.*).

1132. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Всеподданнейшие подношу Вашему Императорскому Величеству штаты армейского инспекторского департамента и експедиции инспекторской при Военной коллегии[1]. Наблюдая пользу высочайшего Вашего Императорского Величества интереса, полагал я во оных самое нужное и только неминуемо потребное, чтоб возложенное на них служение могли они исполнять с точностию. Я осмеливаюсь испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества сим штатам утверждения

К.П.Т.

14 июля 1791

1133. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

14 июля 1791

Полковые командиры, опасаясь смотров, осторожнее и исправнее будут. Солдат в обидах найдет, кому приносить жалобу.

Вещи, годные еще к употреблению по прослужении сроков, не бросятся, а от того прибыль будет казне немалая.

Вящее же то, что инспектор осматривает в лице Государя и тем немалое делается утешение служащим, видя о них таковое попечение.

К.П.Т.

1134. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[15 июля 1791]

Анапа и Суджук-Кале – места отнюдь неспособные для удержания за собою[1], ибо они нездоровы и ни к чему не служат; гарнизон же в оба места – за семь тысяч быть должен, то я и представляю мое мнение, чтоб помянутые крепости, по срытии, отдать тамошним народам с тем, чтоб они не дозволяли отнюдь строить на тех местах вновь туркам, чего и сами они желают; народы горские признать вольными и всегдашними союзниками России. Для привязания их к себе позволить им брать соль из озер на кубанской нашей части, которую теперь они крадут; на Тамане построить крепость, хорошее место, здоровое, где учредя ярмарки и торговлю нужд ради горцев, их вящще еще привязать можно.

1135. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

[22 июля 1791]

Ни по красоте, ни по уму, еще менее по знанию и по опрятности телесной представляешь человека в Армию в инспекторы! Он же столь взбалмошный, что более двух месяцев по городу хвастается, что он тебя поймал и за нос водит, сбираясь в гофмаршалы, ибо дурак сей столь ленив, что кроме еды да петуховой

драки и в голове ничто не помещается. По богатству своему он ни к чему не прилежит, и ни в чем думает, что и нужду не имеет. Он тебе честь в Армии не принесет[1]. Нещастлива бы Армия была, ежели в ней не найдется единый человек – достойнее того глупца. Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоит того, чтоб ты себя обременял таким человеком, который в короткое время тебе будет в тягость. Тут же не возьмешь ничего, car madame est charmante, mais on ne gagne pas la moindre chose en lui faisant la cour; c'est une chose reconnue, et une famille immense veille à sa réputation; ainsi il se pourrait encore que Vous restiés chargé du mari, qui est vraiment une charge et une charge lourde sans attirer personne à sa suite que lui même*. Ты сам знаешь, что богачи у нас редко прилежат к чему, а сей горд и пышен, но при дворе весьма рядовой камер-юнкер с богатым кафтаном по праздникам. Mon Ami, je suis accoutumée à Vous dire la vérité; Vous me la dites aussi quand l'occasion s'en présente. Faites-moi le plaisir pour cette charge d'en choisir un plus propre pour la chose et qui sache le service, afin que l'approbation du public et celle de l'armée couronne Votre choix et ma nomination. J'aime à Vous faire plaisir; je n'aime pas non plus à Vous refuser, mais je voudrais que pour une place pareille tout le monde dise: voilà un bon choix et non pas un misérable choix d'un homme, qui n'a pas l'idée de ce à quoi on veut l'employer. Faites la Paix, après quoi Vous viendres ici Vous amuser tant qu'il Vous plaira**. Извини меня, ежели скажу, что и муж и жена тебя обманывают. Я знаю, что ты сие не любишь, но остеречь тебя не может быть иное, окроме слово лишнее. Письмо же сие издери по прочтении.

1136. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Репорт к тебе Князя Репнина от 14 июля я, раскрыв, читала[1], и по оному, кажется, ожидать должно на суше и на море важное. Бога молю да благословит успехом, а тебе желаю благополучного пути. Просил ты меня, чтоб я тебя избавила от Каменского, а ныне от Графа Безбородка слышу, что просишь его к себе[2]. Пожалуй, отпиши ко мне: он или я ослышался? Я помню, что говорили, что он грызется. Adieu, mon Ami, je Vous embrasse***.

Июля 25, 1791 г.

---

* потому что супруга его очаровательна, но решительно ничего не выигрывается, если ухаживать за нею. Это вещь известная: огромное семейство охраняет ее репутацию, а потому может статься, что вы будете обременены только мужем, который окажется бременем и бременем весьма тяжким, не успев привлечь к себе вслед за ним никого, кроме его самого (*фр.*).

** Мой друг, я привыкла вам говорить правду. Вы мне ее также говорите, когда случай к тому представится. Сделайте мне удовольствие выбрать на эту должность кого-либо более подходящего и знающего службу, чтобы общее одобрение и одобрение всей армии увенчало ваш выбор и мое назначение. Я люблю доставлять вам удовольствие; не люблю также вам отказывать. Но я бы хотела, относительно этой должности, чтобы все сказали: вот прекрасный выбор, а не жалкое избрание человека, не имеющего понятия о том, что хотят ему поручить. Заключите мир, после чего вы приедете сюда и будете забавляться здесь, сколько вам будет угодно (*фр.*).

*** Прощайте, друг мой, целую Вас (*фр.*).

1137. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

27 июля [1791]. Могилев

Не доезжая Могилева, получил я, матушка Всемилостивейшая Государыня, рапорты Генерала Каховского и письмо от него к Попову[1], из которых усмотрите, что оба флота на виду и наш ищет выиграть ветр. Наконец, удалилися из виду смотрителей к берегам Румелийским; на фордевинд турки уйдут всегда от европейских кораблей. Я полагаю, что неприятель будет убегать драться в море, а искать будет, где ни есть, под крепостью своею, стать на шпринг. Но лишь бы ветр мы взяли[2].

Приехал сюда я скоро, устал и измучился. Что свет – еду и что получу, донесу тот час.

Простите, матушка родная, не забывайте меня, а я по смерть

вернейший и благодарнейший
Ваш подданный
Князь Потемкин Таврический

1138. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Написав уже письмо, получил я, матушка родная, Всемилостивейшая Государыня, Ваше писание. Я жду с минуты на минуту решительного дела у флота, ежели не будет что препятствовать. На сухом пути пойдет еще на несколько времяни. Я же скачу и день и ночь, здесь остановился на несколько часов починить экипажи. И сей час еду. От Каменского мне нельзя было отвязаться. Он прискакал в день моего отъезда, прося неотступно, чтоб его я взял к себе. Тут пришло уважение, что он Генерал-Аншеф и репутацию имеет заслуженного, то я почел лутчим просить его к себе, полагая дать случай ему сломить себе голову с пользой для службы, а ежели зашалит, то ту же минуту пашпорт в руки, и тогда уже пусть пеняет сам на себя, а иначе скажут, что я его притеснил.

Дай Бог всего хорошего. Я не замедлю приехать к месту, и не пощажу, конечно, себя никак. Все в армии ожидают меня с нетерпеливостию, а я жажду показать то признание, с которым я во всяких случаях пребуду по гроб

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

28 [июля 1791], по утру

1139. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Августа 1 [1791]

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Я тридесятого числа на вечер приехал сюда, замучаясь до крайности, и экипажи перепортились. Исправясь теперь в сем, сегодня выеду. Из донесений К[нязя] Репнина изволите

увидеть, что визирь отозвался, хотя и с глупою гордостию, но уже мне известно по другому донесению, что переговоры о прелиминариях берут хорошее начало[1]. У цесарцев мир подписан[2]. Я пред собой послал курьера к Репнину, чтоб объявил он туркам, что я им в занимании Валахии препятствовать буду, ежели с нами не кончат.

Флот турецкий ушел от нашего ночью, а наш вошел на рейд ради исправления, мелочных починок и уравнения интрюйма. И чрез четыре дни выйдет. Теперь уже он в море быть должен. Я предписал стараться отгонять неприятеля, удерживаясь от решительного дела, ибо при начале переговоров риски не годятся, а ежели б разорвалось, чего на дай Боже, тогда уже повсеместно удар зделать. К тому же нужно пещись о присоединении кораблей: "Св. Троица" получает последние вооружения уже у Еникалы, да "Богоявление" под Очаковом, затем – "Сошествие" и "Григорий" будут готовы. "Богородица Казанская" спущена и следует к Таганрогу, а фрегат линейный "Иоанн Златоуст" уже вооружается и скоро пойдет к Еникале. Я все понужу. Войск, что возможно, я подвинуть приказал к Серету.

Горские народы присягают на верность. Я вследствие Высочайших рескриптов об них расположу. Проезжая, видел я казаков малороссских пеших стрелков, которых я, по воле Вашей, сформировал. Войско прекраснейшее и страшное ради европейского неприятеля. Выучены совершенно и по предписанию моему их обучение, где нет иностранных наименований. Они так охотно принялись и совершенно регулярны, не чувствуя о себе, что они таковы. Я замучился, писавши во все места все сам. Губернатор лишь только теперь приехал из Екатеринославля и мне помогает[3]. Курьер обвещательный прибыл только сутками прежде меня. Не знаю, поспеют ли лошадей мне поставить. Пока жив,

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

1140. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои из Могилева до рук моих дошли. Как турецкий флот от нашего удаляется, то видно, что они избегают драки, а пойдут куда-нибудь ближе к своим берегам, под пушками лягут на якорь, а тогда неловко нашему флоту будет с ними дело иметь. Признаюсь, что ничего на свете так не хочу, как мир.

О Каменском посылаю к тебе повеление[1]. Спасибо за то, что вестьми не оставляешь.

Прощай, Бог с тобою, и да поможет он тебе.

Авгу[ста] 3 ч., 1791

Сие письмо посылаю с Вас[илием] Ст[епановичем] Поповым.

1141. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4 августа [1791]. Ольвиополь

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня! Слава Богу прелиминары, подписанные при отъезде моем, утверждены[1]. Я 7-го числа буду в Галаце и постараюсь кончить все скорей положенного сроку[2].

Изъяснение о границе по Днестру точными сказано словами Гишпанского министра, как он мне в Петербурге изъяснял. Я из Елисавета проехал в Николаев осмотреть корабли вооружаемые, по причине, что лошадей еще для меня за Бугом не успели поставить, но что я чуть только движусь, тому Бог свидетель. Жар – я подобного не видал еще. Цалую Ваши ручки и по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

P.S. Флот до получения моего ордера паки вышел к Румелийским берегам искать неприятеля[3]. Я отправил легкое судно "Березань" с двумя турками объявить постановленное перемирие и желал бы, чтоб скорей достигли которого ни есть флота.

1142. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

6 августа [1791]. Яссы

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня, я вчерашнего дни сюда прибыл. Зделал слишком пятьсот верст в тридцать часов. Что устал и изнемог, о том ничего не говорю, а только доношу, что еду чрез час отсюда в Галац, где все употреблю к скорейшему окончанию. Хотя важных новостей нет, но я рапорты и письмы, полученные от Князя Репнина, все здесь подношу[1]. Флот наш в море, и ни мои, ни К[нязя] Репнина извещения его застать уже не могли, разве посланное мое судно. Но, естли турецкий имеет сведение о перемирии, то я уповаю, что ничего не последует.

По смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Подношу здесь благодарительное письмо от Г[енерала] К[нязя] Репнина.

1143. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои из Кременчуга от 1 августа я получила и по оным тебе заготовленным рескриптом ответствую[1]. Спасибо за то, что часто пишешь. Пожалуй, продолжи: сие служит к моему удовольствию совершенному; я радуюсь надеждою о мире, кажется, на

лад идет. Что на море ничего не будет из того видно было, что турки отходили от боя, а наши догоняли, а теперь опасаться надо эквинокцию сентябрьскую, и в ней, чур, по морю не ходить, памятуя нещастье 1786.

Сказывают, что язва из Александрии перенесена в Царьград. Бога для, возьми всевозможные осторожности, чтоб к тебе не затащили, а от тебя внутрь России. Что ты замучился и болен, о том всем сердцем жалею, помоги тебе Бог. Прощай, любезный друг.

Царское Село. Авгу[ста] 9 ч., 1791

1144. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Обрадовал ты меня нечаянно прелиминарными пунктами о мире, за что тебя благодарю душою и сердцем. Дай Боже скорее совершить сие полезное дело заключением самаго мира. Осьмимесячный срок перемирия долог[1]. Пожалуй, постарайся кончить скорее, тем паче, что и дворам сказано, и они согласились: естьли в четыре месяца турки не кончат, тогда их покинут, а нам вольно уже и повысить кондиции[2]. И так осьмимесячный срок – контрадикция с четырехмесячным. А только сказать можно, что Репнин не знал условия со дворами, туркам помогающим. Другое дворам сказано, что крепости строить всякому на своей земле есть право всякого Государя, и так постарайся, пожалуй, сие одержать и по трактату. Оно же и артикул Канарджийского, который уже турки возстановленным признали.

Желаю весьма, чтоб великие жары и труды дороги здоровью твоему не нанесли вред в теперешнее паче время, когда всякая минута требует нового труда. Adieu, mon Ami, помоги тебе Бог. У нас все ужасно как рады.

Из Царского Села. Авг[уста] 12 ч., 1791 г.

1145. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15 августа [1791] Галац

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. 7-го числа приехал я в Галац и на другой день прислал визирь меня поздравить драгомана своего и Бинчауша[1]. В письме своем ничего не сказал, но только что дал он комиссию говорить мне словесно. Разговор состоял в том, что будто Султан не апробовал ничего и ему беда[2]. Я дал добрый окрик, и все потом пришло на лад. Много было говорено, но не могу описать, сил нет. Я болен крайне и, ежели обратится моя лихорадка в гнилую горячку, как то здесь обыкновенно, то уже не в силах буду выдержать[3].

Флот наш в море, и думаю, что туркам худо: потому что визирь просил ордера, чтоб остановил. А стоит он ниже Варны, разогнавши флот турецкий. Ожидаю скоро известия.

Принц Виртембергский скончался, и я, на выносе его будучи, занемог[4]. Бог свидетель, что замучился, идет 2-ой безперерывный параксизм.

По смерть вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

Место так нездорово, что почти все люди перенемогли.

Платону Александровичу мой поклон, а писать не могу.

Прилагаю письмо визирское и рапорт при выходе его из Севастополя[5].

1146. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

[После 15 августа 1791]

Я еду в Гущ, куда и полномочные будут[1]. С моей стороны я назначил: Г[енерал]-Пор[учика] Самойлова, Г[енерал]-Маиора Рибаса, Штатского С[оветника] Лашкарева.

1147. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24 августа [1791]

Благодаря Бога опасность миновалась, и мне легче. Осталась слабость большая. День кризиса был жестокий. Я не уповал уже Вас, матушка родная, Всемилостивейшая Государыня, видеть. Еду к Яссам, в Чардан[1].

Будьте уверены, что я не упущу Ваших интересов. Правда, что срок велик восемь месяцев, но я исправил, дав чувствовать визирю, что минуты протягивать не дам. Из Ясс подробный пришлю журнал всему происходившему.

Немóгу, прости меня, душа родная и мать. До последнего издыхания

вернейший и благодарнейший подданный

Князь Потемкин Таврический

Платону Алекс[андровичу] мой поклон.

1148. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Близ Ясс. Чардан. [24 августа 1790]

Поспешая отправлять из Вены полученныя известия, не могу теперь отвечать на все полученное мною, сокращаюсь только поздравить Вас, матушка родная, с дарованную от Бога знаменитою победою. Видна тут к тебе, кормилица, Божия помощь, ослепившая вероломца забиться в мешок; на открытом море ни с какой превосходностию сил получить бы того не случилось. Сколь я сорадуюсь, то Богу известно, и молю Его о довершении.

От визиря письмо получил, все с уверениями о полномочных[1]. После завтре отправлю курьера, а теперь поспешаю, дабы скорей получить на представленные от меня пункты разрешения.

Прости, моя родная матушка, цалую ручки Ваши.

Вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

1149. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 15 августа до моих рук доставлены, из которых усмотрела пересылки твои с визирем, и что он словесно тебе сказать велел, что ему беда, и что ты ответствовал, почитая все то за обман. Но о чем я всекрайне сожалею и что меня жестоко безпокоит – есть твоя болезнь[1] и что ты ко мне о том пишешь, что не в силах себя чувствуешь оную выдержать. Я Бога прошу, чтоб от тебя отвратил сию скорбь, а меня избавил от такого удара, о котором и думать не могу без крайнего огорчения.

О разогнании турецкого флота здесь узнали с великою радостию, но у меня все твоя болезнь на уме.

Смерть Принца Виртембергского причинила Великой Княгине немалую печаль. Прикажи ко мне писать кому почаще о себе. Означение полномочных усмотрела из твоего письма. Все это хорошо, а худо то только, что ты болен. Молю Бога о твоем выздоровлении. Прощай, Христос с тобою.

Авгу[ста] 28 дня, 1791.

Платон Александрович тебе кланяется и сам пишет к тебе.

1150. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 24 августа успокоило душу мою в рассуждении тебя самого, понеже увидела, что тебе есть лехче, а до того я была крайне безпокойна. Но не понимаю, как, в крайней слабости быв, можешь переехать из места в место.

Контр-Адмирал Ушаков весьма кстати Селима напугал. Со всех мест подтверждаются вести о разграблении Мекки арабами и что шерифа Меккского держат под караулом, а Меккою завладели. Я весьма любопытна видеть журнал обещанный[1]. Пожалуй, напиши ко мне – чрез кого ты послал к Дюку Ришелье орден Св. Геор[гия], шпагу и мое к нему письмо[2]. Он доныне ничего не получил еще.

Платон Александрович тебе кланяется и сам писать будет к тебе. Он весьма безпокоился о твоей болезни и один день не знал, что и как печаль мою облегчить.

Прощай, Бог с тобою. Я здорова. У нас доныне теплые и прекрасные дни.

С[анкт]-П[етербург]. Сен[тября] 4 чис[ла], 1791 г.

1151. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

6 сентября [1791]

Хорошо было, но стало хуже. Четверо сутков безпрерывный жар и боль головная и слабость крайняя. Я во власти Божией, но дела Ваши не потерпят остановки до последней минуты[1]. Не безпокойтесь обо мне, матушка родная, верьте и тому, что Богу известно, что с благодарностию неограниченною и привязанностию истинно сыновнею до последнего издыхания

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Пот меня облегчил.

Искренний поклон Платону Алек[сандровичу]. Истинно не смог писать.

1152. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Благодаря Бога, есть мне легче, моя матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Ожидаю полномочных, по приезде их стану стараться кончить с помощию Божиею.

Кормилица моя, я до последнего издыхания Ваш

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

10 сентября [1791]

1153. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Твои письмы от 29 августа и 6 сентября мною получены[1]. Первое меня много обрадовало, ибо видела, что тебе было лехче, а другое паки во мне умножило безпокойство, видя, что четверо сутки ты имел непрерывный жар и боль в голове. Прошу Бога, да подкрепит силы твои. Не сумневаюсь, что по делам все пойдет, но каково больному дела, я по себе знаю.

Я, слава Бога, здорова, и колики отстали вовсе, чего приписываю поясу и венгерскому, что Вы посоветовали употребить. Прощай, мой друг, Христос с тобою.

Сен[тября] 16 ч., 1791 г.

Платон Александрович благодарит за поклон и сам к тебе напишет.

1154. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16 сентября [1791]. Яссы

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Благодаря Бога я начинаю получать силы, хотя очень помалу. Но стреляние в ухо меня мучит. Такого году никогда не бывало: все немогут. Дом мой похож на лазарет, в армии в

лазаретах больных 8 т[ысяч], да при полках 10 тыс[яч]. Слава Богу, что не мрут.

Турков жду чрез четыре дни[1]. Много ожидаю плутовства, но я остерегусь. Описание всему, что было говорено с драгоманом и другими, пришлю с будущим курьером[2]. Ей Богу, не могу написать, так голова слаба[3].

Цалую ручки Ваши и по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

К Ришелье я послал все с П[ринцем] Нассау. Иначе было не с кем. Да я его считал едущего в армию по его письму, но узнал от Сомбрюля, что он не поехал[4].

1155. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21 сентября 1791. Яссы

Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня!

Третий день продолжается у меня параксизм. Сил лишился и не знаю, когда будет конец. Я по смерть

вернейший и благодарнейший
подданный
Князь Потемкин Таврический

Платону Александровичу мой поклон.

1156. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Секретно

Ежели Бог даст, что скоро согласимся о мире, нужно меня разрешить предварительно, как итти отсюда, ибо ежели не чрез Польшу, то нет возможности инде прокормить да и провезти больных степью нет способу. Весьма меня заботит и флот гребной. Опасаюсь, что Лиман замерзнет прежде, нежели оный притти может.

К.П.Т.

21 сент[ября] 1791. Яссы

1157. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

26 сентября 1791 г. Яссы

Матушка Всемилостивейшая Государыня! Измученный жестокими моими страданиями не могу я сам писать. Попов донесет Вашему Величеству о моем состоянии, я же до последнего издыхания

Ваш благодарнейший и вернейший подданный
Князь Потемкин Таврический

Матушка моя родная.

1158. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

27 сентября 1791

Матушка родная, жить мне больше тяжело, что тебя не вижу.

1159. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Всекрайне меня безпокоит твоя болезнь. Христа ради, ежели нужно, прийми, что тебе облегчение, по рассуждению докторов, дать может[1]. Да, приняв, прошу уже и беречь себя от пищи и питья, лекарству противных. Бога прошу, да возвратит тебе скорее силу и здравье. Прощай, мой друг.

Платон Александрович тебя благодарит за поклон и весьма тужит о твоем состоянии. С имянинами тебя поздравляю и посылаю шубенку[2].

Сент[ября] 30 ч., 1791

1160. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

2 октября 1791. Яссы

Матушка Всемилостивейшая Государыня! В теперешнем болезнию изнуренном состоянии моем молю Всевышнего да сохранит драгоценное здравие твое, и повергаюсь к освященным Вашим стопам

Вашего Императорского Величества
вернейший и благодарнейший подданный
Князь Потемкин Таврический

Матушка, ох как болен.

1161. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 25 и 27 я сегодня чрез несколько часов получила[1] и признаюсь, что они крайне меня безпокоят, хотя вижу, что последние три строки твои немного получе написаны. И доктора твои уверяют, что тебе полутче[2]. Бога молю, да возвратит тебе скорее здоровье.

Окт[ября] 3 ч., 1791

1162. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Яссы. 4-го октября 1791 году

Матушка Всемилостивейшая Государыня. Нет сил более переносить мои мучения. Одно спасение остается оставить сей город, и я велел себя везти в Николаев. Не знаю, что будет со мною.

Вернейший и благодарнейший
подданный

Одно спасение уехать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В.С. Лопатин

ПИСЬМА, БЕЗ КОТОРЫХ ИСТОРИЯ СТАНОВИТСЯ МИФОМ

О Екатерине Великой написаны десятки книг, сотни статей. Императрица стала героиней многочисленных романов, пьес, фильмов, причем почти весь XX век Северной Семирамидой (так называли Екатерину еще при жизни) интересовались во Франции, в Англии, Германии, в Соединенных Штатах Америки, но только не на ее Родине, где она фактически была "персоной нон грата". Не случайно авторами последних по времени биографий Екатерины II стали зарубежные историки: член Французской Академии Анри Труайа (эмигрант из России, представитель некогда знаменитой московской династии богачей и меценатов); английская исследовательница Изабель де Мадариага, отдавшая изучению жизни и деятельности Российской императрицы многие годы; молодой американский ученый Дж.Т. Александер[1]. Только накануне двухсотлетия со дня смерти Великой Государыни выходит в свет первая научная монография, написанная о ней современным русским историком[2].

О Потемкине написано гораздо меньше. Две-три наивно анекдотические биографии, вышедшие в Германии сразу же после его смерти. Роман-памфлет "Пансалвин – Князь Тьмы" (1794 г.), направленный против соправителя Екатерины II, был напечатан там же в Германии, а в 1797–1800 гг. в номерах гамбургского журнала "Минерва" увидела свет биография Потемкина, написанная (как выяснили историки) саксонским дипломатом в Петербурге Георгом фон Гельбигом. По словам дерптского профессора А.Г. Брикнера (выпустившего в конце XIX в. биографию Светлейшего князя Таврического), Гельбиг "сильно предубежден против императрицы и ее друга и сотрудника. Не без основания Екатерина II ненавидела Гельбига и подумывала о довольно бесцеремонном удалении его из России"[3]. Поскольку главным источником сведений Гельбига были сплетни, имевшие хождение в высшем свете и среди дипломатов, Брикнер предупреждал о том, что трудом Гельбига "нужно пользоваться с крайнею осторожностью". Но именно этот "труд" был переиздан на немецком (1804), голландском (1806), французском (дважды в 1808), английском (1812 и 1813) и даже русском (1811) языках. Именно Гельбигу принадлежат сомнительные лавры литературного оформления

---

[1] *Troyat H.* Catherine la Grande. Flammarion, 1977; *Madariaga Isabel de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London Yale University press, 1981; *Alexander J.T.* Catherine the Great. Life and legend. New York Oxford, Oxford University press, 1989.

[2] В номерах журнала "Родина" в 1993–1995 гг. стали публиковаться главы из книги Н.И. Павленко "Екатерина Вторая" ("Екатерина Великая").

[3] *Брикнер А.Г.* Потемкин. СПб., 1891. С. 3.

мифа о "потемкинских деревнях". Этот миф дожил до наших дней и стал как бы визитной карточкой соправителя Екатерины II. Три биографии Потемкина, появившиеся в русской периодике в середине XIX в. и богато документированные[4], почти не сказались на оценках его личности и деятельности, сложившихся под влиянием "труда" Гельбига.

"Справедливая оценка Потемкина в настоящее время еще невозможна, – писал в 1864 г. крупнейший знаток екатерининского царствования академик Я.К. Грот. – Едва ли правы те, которые считают его за честолюбца, все приносившего в жертву своим личным интересам. Безусловное к нему доверие императрицы в продолжение стольких лет заставляют предположить в нем необыкновенный государственный ум и истинные заслуги"[5]. И это писалось после Крымской войны и героической обороны Севастополя, основанного Потемкиным.

Я.К. Грот публиковал в Сборниках Императорского русского исторического общества обширное литературно-политическое наследие Екатерины Великой. Он имел доступ к архивам. Ему помогло то обстоятельство, что среди его учеников были дети императора Александра II. Всего с 1867 по 1917 г. вышло 148 томов. Без них не обходится ни один исследователь, занимающийся русской историей от Петра Великого до Александра II. Особенно широко в Сборниках представлена переписка Екатерины Великой – ее письма П.А. Румянцеву, Ф.М. Вольтеру, братьям Орловым, Ф.М. Гримму и, разумеется, Г.А. Потемкину. Одновременно в периодической печати (прежде всего в журналах "Русский Архив" и "Русская старина") публиковались документальные материалы по эпохе Екатерины II, иногда повторявшие, но большей частью дополнявшие материалы Сборников. Так, в 1881 г. в "Русской старине" были напечатаны любовные послания анонимной дамы Г.А. Потемкину, вызвавшие большой интерес. "Не принадлежат ли некоторые из этих записочек перу Екатерины II, – писал в своей книге о Потемкине А.Г. Брикнер. – Вопрос этот можно бы легко решить по почерку"[6]. Упрекая публикаторов за отсутствие ссылок на места хранения записочек, профессор Дерптского университета, писавший на немецком языке, даже не подозревал, что среди столичных историков есть лица, знающие и место хранения опубликованных в "Русской старине" любовных посланий, и их автора. Но об этом ниже. Пока же отметим, что своеобразным итогом почти полувековой деятельности таких русских историков, как Я.К. Грот, П.П. Пекарский, С.М. Соловьев, А.Н. Пыпин, П.И. Бартенев, М.И. Семевский, Н.Ф. Дубровин, Д.Ф. Масловский, В.А. Бильбасов и другие, стала статья о Потемкине в "Русском биографическом словаре", издававшемся Императорским русским исто-

---

[4] *Самойлов А.Н.* Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РА. 1867 (биография написана в 1811–1812 гг.); [*Висковатов А.В.*] Сведения о князе Потемкине // РВ. 1841. № 4, 6, 8; [*Семевский М.И.*] Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. РС. 1875. Т. 12–14.

[5] *Державин Г.Р.* Соч.: В 9 т. 1-е акад. изд. / С объясн. примеч. Я.Грота. СПб., 1864–1883. Т. 1. С. 476.

[6] *Брикнер А.Г.* Указ. соч. Примеч. к с. 251.

рическим обществом[7]. Опираясь на введенные в научный оборот многочисленные документы Екатерины II, Г.А. Потемкина и их современников, автор статьи А.М. Ловягин (учитель истории в одном из петербургских учебных заведений) сумел показать и масштаб личности Потемкина, и размах его деятельности. Редакция "Словаря" сочла необходимым сопроводить статью Ловягина специальным примечанием. Случай беспрецедентный для многотомного издания.

«В галерее сподвижников Великой Императрицы, – говорилось в редакционном примечании, – портрет Г.А. Потемкина имеет, кажется, наименее сходства с оригиналом. Блеск положения случайного человека затмил в глазах современников государственного деятеля... Только в последнее время, благодаря развитию у нас исторической науки и интереса к ней среди читателей, мало-помалу начинают отставать густо наложенные на изображение Потемкина краски и из-под них выступает более правдивый и интересный облик. Теперь мы можем положительно сказать, что Потемкин был не временщиком только, но одним из наиболее видных и благородных представителей екатерининского царствования; что, хотя и не чуждый недостатков и пороков своего времени, он во многих отношениях стоял выше своих современников и поэтому не мог быть понят и оценен ими по достоинству... Подталкиваемый ежеминутно заботами о государственной пользе (желанием угодить Императрице, говорили современники), Потемкин всю жизнь неутомимо трудился и работал, и в этом отношении мог бы служить примером и образцом не только современникам, но и потомству... Он умирает, и вот она (Екатерина. – *В.Л.*) восклицает в порыве отчаяния: "Теперь вся тяжесть правления лежит на мне одной!" Эти слова Великой Государыни, очевидно, имели в виду не временщика, а друга и сподвижника, с которым ее соединяла прежде всего общая любовь к России и забота о ее благе»[8].

Казалось бы, за такой оценкой последует создание монографии о выдающемся государственном и военном деятеле России. Тем более что после событий 1905 г. (года выхода в свет тома "Русского биографического словаря" со статьей о Потемкине) были сняты многие цензурные ограничения. Но вместо отечественной монографии о Потемкине пришлось довольствоваться переводами сочинений польского историка Казимира Валишевского, жившего во Франции и писавшего на французском языке. В серии книг по истории России Валишевский посвятил Екатерине два тома[9]. Хорошо зная западноевропейскую историческую литературу, Валишевский написал внешне броские очерки из жизни Северной Семирамиды и ее двора, вызвавшие большой интерес у читающей публики в Европе и (после отмены цензурных ограничений) России. Однако при внимательном чтении этих блестящих пассажей возникает ощущение скольжения по поверхности, неосновательности написанного. И дело не столько в многочисленных фактических ошибках (чего стоит утверждение о том, что Потемкин "почти ничего не читал"), сколько в предвзятости автора к достижениям екатеринин-

---

[7] *РБС.* Т. 14. "Плавильщиков – Примо". СПб., 1905. С. 649–668.

[8] Там же. С. 668–669.

[9] *Waliszewski K.* Autour d'un trône Catherine II de Russie. 3-me ed. P.: Plon, 1894; *Idem.* Le roman d'une impératrice Catherine II de Russie. P.: Plon, 1893.

ского царствования. Когда читаешь, что "Потемкин являлся ловким декоратором", что дворец на Инкерманских высотах, из которого императрица и ее спутники (в их числе император Иосиф II и послы ведущих европейских держав) увидели Севастопольскую гавань и созданный Потемкиным Черноморский флот, "скоро обрушился, а эскадра... так же скоро сгнила, но эффект получился потрясающий"[10], невольно вспоминается Гельбиг с его пресловутыми "потемкинскими деревнями". Валишевский не увидел самого хода истории. Победы русской армии и флота под руководством Потемкина в наступившей вскоре войне с турками обеспечили безопасность и экономическое развитие обширнейшего края, а основанные им города превратились в процветающие хозяйственные центры юга Империи. Ссылки Валишевского на опубликованные русскими историками материалы ничего не меняют. Автор не сумел освоить этот огромный документальный материал, хотя и признал за ним ценность выдающегося исторического памятника. В конце книги он справедливо упрекнул русских историков в собирательстве архивных сокровищ, не обработанных и не закрепленных специальными монографиями и исследованиями. "Счастливцем будет тот историк, который через сто лет даст историю Екатерины II", – сказал Вольтер. "Я не имел притязания на это счастье: но только пытался открыть путь, по которому – я уверен – пойдут за мной другие", – писал Валишевский, заканчивая свою книгу[11].

Русские историки так и не успели создать монографий ни о Екатерине Великой, ни о Потемкине. Революционная катастрофа 1917 г. и последовавшие за ней десятилетия нанесли страшный удар по исторической науке в России, по исторической памяти народа. Были снесены памятники "царям и их слугам", среди которых оказались почти все памятники, воздвигнутые в честь Екатерины II. Особенно много их было в городах Северного Причерноморья. Как правило, в их композицию входило изображение Потемкина. Был разрушен памятник Потемкину в основанном им Херсоне, колыбели Черноморского флота, – монументальное произведение замечательного скульптора И.П. Мартоса. Тяжелые репрессии обрушились на русских историков. Сам предмет истории был исключен из высших и средних учебных заведений. Целые поколения были обречены на историческое беспамятство. Лишь угроза военного вторжения заставила правящий режим вспомнить об истории России. Страшные поражения в начале Великой Отечественной войны не в последнюю очередь были связаны с глумлением над историческим опытом народа, принесенным в жертву социальным утопиям. Когда враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, народу помогли выстоять не революционеры, запечатленные в книгах, памятниках и фильмах, а великие предки – исторические герои русского народа – Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов. Уже после войны по повелению Сталина было осуществлено многотомное издание документов выдающихся русских полководцев и флотоводцев: П.А. Румянцева, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, Ф.Ф. Ушакова и других. Потемкина не было в их числе. Классовый подход и жесткий идеологический контроль господст-

---

[10] *Валишевский К.* Вокруг трона. М., 1911. С. 156–157.

[11] Там же. С. 482.

вовали в исторической науке, не позволяя ей подняться на дореволюционный уровень.

На страницах книг и статей, посвященных екатерининскому времени, неподобающе видное место заняли Емельян Пугачев, Александр Радищев и Николай Новиков, оттеснив на задний план и саму императрицу, и ее сподвижников. Лишь Суворов удостоился небывалой чести. Еще во время войны его именем были названы военные училища и один из полководческих орденов СССР. К сохранившимся памятникам гениального полководца прибавились новые. Тиражи популярных биографий Суворова достигли нескольких миллионов. Но в тех же самых книгах о Суворове деятельность Екатерины II и Потемкина искажалась или умалчивалась. Наглядным примером того, как официальная идеология обращалась с отечественной историей, может служить судьба единственной крупной работы, посвященной Потемкину, написанной в послереволюционное время. В 1944 г. в оккупированной немцами Праге историк-эмигрант Ар.Н. Фатеев выступил в Русской ученой Академии с серией лекций о Потемкине. Лекции были изданы там же в Праге в 1945 г., после освобождения. Очевидно, работа была начата в грозном для судеб России и всего мира 1941 г., потому что в первой главе Фатеев пишет о своем "скромном беглом очерке" как "лишь юбилейном напоминании об одном из зодчих России"[12]. В октябре 1941 г. исполнялось 150 лет со дня кончины Светлейшего князя Таврического. Автор сразу же ставит вопрос об исторической несправедливости по отношению к Потемкину – одному из гениальных государственных людей России, которому Родина во многом обязана великими геополитическими свершениями, обеспечившими ее развитие и роль в мировой истории. "Должно шаг за шагом изучить деятельность Потемкина. Сделать этого нельзя без обширных материалов, хранящихся в Государственном Архиве, Архиве Министерства Иностранных Дел, Архиве военном, Архиве Государственного Совета, собственной Е.И.В. библиотеке и др. А также в архивах на местах деятельности Потемкина. Только тогда потемкинская фигура всем своим богатырским ростом войдет в историю", – писал русский ученый-эмигрант, не подозревая, что его труд в СССР будет упрятан в спецхран и сделается доступным для исследователей лишь в начале 1990-х годов.

Стоит ли удивляться тому, что первым, кто привлек в нашей стране внимание к Потемкину и Екатерине II, стал не историк, а романист Валентин Пикуль. Его роман "Фаворит", увидевший свет в середине 1980-х годов, продолжает расходиться миллионными тиражами, переведен на многие иностранные языки. Хорошо зная русскую историческую литературу (главным образом дореволюционную), автор написал увлекательную книгу. Но, как отмечали в своем Дневнике братья Гонкуры, "история – это роман, который был; роман – это история, какой она могла бы быть"[13]. Винить ли романиста за то, что образы главных героев оказались огрубленными, что само название "Фаворит" закрепляет легенду о "всесильном временщике"? Ведь по сей день у нас в стране нет научной биографии Потемкина, а в наших архивах лежат невостребованными

[12] *Фатеев Ар.Н.* Потемкин–Таврический. Русская Ученая Академия. Прага, 1945. С. 3.
[13] *Гонкур Эдмон и Жюль де.* Дневник: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 328.

настоящие сокровища, не известные историкам и писателям. Прежде всего следует упомянуть переписку Екатерины II с Потемкиным. Еще в 1870-е годы русские историки ознакомили научный и читательский мир с письмами императрицы своему соправителю, относящимися ко времени их совместной деятельности в период борьбы России за укрепление своих позиций в Северном Причерноморье. Из ответных писем Потемкина была опубликована только пятая часть. А судьба любовных писем и записочек Екатерины Потемкину оказалась поистине драматической. И в старой Императорской России, и в наше время (до самых последних лет) эти поразительные исторические свидетельства оказались фактически под запретом. Они не только требовали нового подхода к пониманию личности гениальной женщины, ее союза с Потемкиным. Они раскрывали одну из тщательно оберегавшихся тайн правившей в России династии.

* * *

"Не раз замечал я, – с изумлением восклицает один из иностранных наблюдателей, побывавший при дворе Екатерины II, – что князю Потемкину оказывали больше почести, чем самой императрице!"[14]

"Потемкин пользовался более широкою, прочною и самостоятельною властью, чем кто-либо, о ком мы знаем из истории, так как его могущество покоилось на гении и великом характере императрицы", – отмечает в своих мемуарах князь Станислав Понятовский, племянник последнего польского короля[15].

Подобные свидетельства можно множить и множить. Отзывы коронованных особ, дипломатов, путешественников свидетельствуют: Потемкин был соправителем императрицы. Но даже самые осведомленные из них не догадывались о великой тайне. Гениальный соправитель Екатерины II был ее тайным мужем.

Кому-то из французских философов принадлежит прекрасный афоризм, раскрывающий самую суть диалектической связи большого и малого в окружающем нас мире: "Лик земли изменился бы, если бы нос Клеопатры был чуточку короче!" Глубокое замечание. Действительно, красота египетской царицы, пленившая самого Гая Юлия Цезаря, влияла на ход событий того времени в не меньшей степени, чем ее сан, ум и политический расчет. Что же сказать об императрице, более 30 лет стоявшей во главе Великой Державы?! Совершенно очевидно, что тайный брак Екатерины II с Потемкиным сыграл в истории несравненно большую роль, нежели кончик носа египетской царицы.

Сто лет спустя после смерти Потемкина Валишевский отыскал в архиве французского министерства иностранных дел любопытнейшую депешу графа Луи Филиппа де Сегюра, посланника Версальского двора при дворе Екатерины II. Депеша помечена 10/21 декабря 1787 г. Дипломат сообщает новости о начавшейся русско-турецкой войне, о главнокомандующем Потемкине: "Двадцать дней не получали известий от Князя Потемкина и это молчание справедливо гневит Государыню, – замечает Сегюр и тут же прибавляет. – Особое основание таких прав – великая тайна, известная только четырем лицам в

[14] *РА*. 1911. № 7. С. 330.
[15] *PC*. 1898. № 9. С. 574.

России. Случай открыл мне ее, и, если мне удастся вполне увериться, я оповещу Короля при первой возможности"[16]. Нового оповещения Валишевский не нашел. Возможно, его и не было. Начавшиеся вскоре кровавые события (революция, террор, казнь короля) надолго прервали дипломатические сношения Петербурга с Парижем. Депеша оказалась похороненной в архиве. Но своим открытием Валишевский подтвердил давнюю уверенность русских историков в том, что Екатерина II и Потемкин были связаны брачными узами. Писать об этом в Россчи было непросто: дело затрагивало интересы правящей династии. Известно, как осторожно передавали из рук в руки любители отечественной истории "Записки Екатерины II". Среди тех, кому посчастливилось прочитать их, был А.С. Пушкин. Лишь в 1859 г. А.И. Герцен опубликовал копию "Записок" в Лондоне, вызвав ажиотаж среди европейских историков и широкой публики. В России "Записки Екатерины II" формально оставались под запретом до 1906 г., хотя русские историки ссылались на них в своих научных трудах. Что же заставляло власти держать под спудом такой выдающийся исторический памятник?! Прежде всего признание Екатерины II в том, что наследник престола великий князь Павел Петрович был сыном камергера Сергея Васильевича Салтыкова, а не ее официального мужа – внука Петра Великого по матери, голштинского принца по отцу. Со смертью незадачливого Петра III, свергнутого Екатериной с престола, династия Романовых пресеклась.

Человек, тайно передавший копию "Записок Екатерины II" Герцену звался (по мнению некоторых современных исследователей) Петром Ивановичем Бартеневым. Именно он больше всего сделал для выяснения обстоятельств тайного брака императрицы с Потемкиным.

* * *

Основатель и бессменный издатель (в течение почти полувека!) журнала "Русский Архив" П.И. Бартенев был страстным почитателем великой государыни. "Екатерина II, ее царствование, ее судьба, ее великие заслуги перед Россиею занимают меня с юношеских лет моих, – вспоминал Бартенев. – Мой профессор С.М. Соловьев сочувствовал моей приверженности к славной ея памяти. И он считал, что ее воцарение было делом народного избрания, так как тогдашняя гвардия была представительницею всех сословий русского народа (некоторые утверждают даже, что это избрание было законнее избрания Михаила Федоровича)... У нас в доме говорили про Екатерину с благоговением; а когда был я еще студентом, покойный Д.И. Свербеев звал меня загробным фаворитом Екатерины"[17]. В тех же заметках (1906 г.) Бартенев поведал о своей давней беседе с графом Дмитрием Николаевичем Блудовым, к внукам которого он был приглашен в качестве домашнего учителя. Дело происходило в Москве, в Нескучном дворце, где жил маститый сановник. По долгу службы Блудов (один из самых способных министров николаевского царствования) имел доступ к секретнейшим архивам Империи. Именно ему, занимавшему посты министра

[16] *Валишевский К.* Указ. соч. С. 173.
[17] *РА*. 1906. № 12. С. 614.

юстиции, а затем министра внутренних дел, император Николай I поручил разобрать бумаги Екатерины II, среди которых находились и ее "Записки", и многочисленные письма к Потемкину. Некоторые из этих документов, лично просмотренные Николаем I, были помещены в секретном шкафу императорского кабинета в Аничковом дворце в Петербурге и были извлечены лишь в 1898 г., в царствование его правнука, при подготовке академического собрания сочинений Великой Императрицы.

"В один из вечеров (осенью 1863 г. – *В.Л.*), когда я уже начинал утомляться слушанием, вдруг старик-граф как бы мимоходом сказал, что Екатерина II была замужем за Потемкиным. Я изумился, точно как читающий диккенсова Копперфильда изумляется, узнав в конце книги, что у тетушки Бетси был муж. Признаюсь, мне подумалось, уж не стал ли бредить престарелый Председатель Государственного Совета (это был последний год его жизни). Однако я, разумеется, начал допытываться, откуда он про это знает, и граф сообщил мне, что князь М.С. Воронцов, приезжавший в Петербург по кончине своей тещи, племянницы Потемкина графини А.В. Браницкой (умерла в 1839 г.), сказывал ему, что она сообщила ему эту тайну и передала даже самую запись об этом браке"[18].

Блудов знал, о чем говорил, и вскоре Бартенев получил новые доказательства тайного брака Екатерины Великой. В 1869 г. он посетил в Одессе внука графини А.В. Браницкой князя С.М. Воронцова. Последний пригласил Бартенева для переговоров об издании обширнейшего семейного архива. Вскоре стали выходить фолианты "Архива князя Воронцова" (всего в течение 30 лет вышло 40 томов!).

"На первых же порах знакомства, – вспоминал Бартенев, – князь сообщил мне, что у матушки его, тогда еще здравствовавшей княгини Елизаветы Ксаверьевны, хранится список записи о браке императрицы Екатерины II с ее дедом-дядею Светлейшим князем Потемкиным. Позднее, в другую одесскую мою поездку, граф Александр Григорьевич Строганов сказывал мне, что эта запись хранилась в особой шкатулке, которую княгиня Воронцова поручила ему бросить в море, когда он ездил из Одессы в Крым"[19]. Знаменитая красавица, в которую был влюблен молодой Пушкин, сберегла тайну. Бартенев продолжал поиски. В рукописи "Записок" князя Ф.Н. Голицына (образованнейшего аристократа, воспитателем которого был последний фаворит императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалов) ему попалось поразительное свидетельство: "Один из моих знакомых, – вспоминал князь Голицын, – бывший при Павле I в делах и в большой доверенности, уверял меня, что императрица Екатерина, вследствие упорственного желания князя Потемкина и ея к нему страстной привязанности, с ним венчалась у Самсония, что на Выборгской стороне. Она изволила туда приехать поздно вечером, где уже духовник ея был в готовности, сопровождаемая одною Мариею Савишною Перекусихиной. Венцы держали граф Самойлов и Евграф Александрович Чертков"[20].

---

[18] Там же.
[19] Там же. С. 613.
[20] Там же. С. 614–615.

Используя свои связи, Бартенев находил все новые и новые подробности тайного венчания. «Родной, по матери своей, внук графа Самойлова граф Александр Алексеевич Бобринский знал, по преданию, и передал мне, что когда совершалось таинство брака, Апостол читан был графом Самойловым, который при словах "Жена да боится мужа своего" поглядел в сторону венчавшейся, и она кивнула ему головою, и что брачную запись граф Самойлов приказал положить себе в гроб.

Граф Орлов-Давыдов В.П. (человек воздержанный и на язык) передавал мне, что однажды он пришел к престарелому графу Самойлову в то время, как он разбирал свои драгоценности. "А вот пряжка, – сказал он ему, – подаренная мне Государынею на память брака с покойным дядюшкою"»[21].

Последние свидетельства особенно ценны, ибо идут от представителей рода Орловых, ревновавших императрицу к Потемкину.

Подводя итоги своим розыскам, Бартенев высказал предположение о том, что венчание состоялось либо осенью 1774 г., когда миновала опасность пугачевщины, либо в первой половине января 1775 г., перед отъездом двора из Петербурга в Москву. "Брачная запись, полученная М.С. Перекусихиной, должна, если не истреблена, храниться у Светлейшего князя П.Д. Волконского, и ее также следует искать у Чертковых (бездетному Евграфу Александровичу наследовал его брат)", – писал Бартенев задолго до того, как ему удалось опубликовать свои записи в 1906 г., после отмены цензурных ограничений. По словам Бартенева, наличие брачных уз убедительнее всего доказывают "письма Екатерины к Потемкину, то есть способ выражений в них"[22].

* * *

Эти письма (правильнее сказать, записочки) сумел опубликовать в 1881 г. конкурент Бартенева в деле издания архивных сокровищ России Михаил Иванович Семевский, глава журнала "Русская старина", выходившего в Петербурге. В июльском и сентябрьском номерах за 1881 г. была напечатана 91 записочка (с повторами и пропусками некоторых номеров значатся 111) под заглавием "Язык любви сто лет назад". В коротком редакционном предисловии Семевский упомянул опубликованные им ранее любовные письма князя Г.А. Потемкина своей родственнице Прасковье Андреевне Потемкиной (урожденной Закревской). "Перед нами теперь несколько коротеньких нежно-любовных ответных цидулок графу Григорию Александровичу Потемкину. Приводим некоторые из них исключительно как материал для наших романистов, материал не бесполезный при обработке ими сюжетов из жизни русского общества во второй половине прошлого столетия", – деликатно заметил Семевский, придав публикации невинный вид. Получалось, что любовные записочки принадлежат то ли самой Прасковье Андреевне, то ли анонимной светской даме. Но внимательное чтение этих "цидулок", пропущенных цензурой, повергло любителей отечественной истории в изумление. Дама, признававшаяся "милому милюше Гришеньке" в том, что

---

[21] Там же. С. 615.
[22] Там же.

будет любить его вечно, называвшая его "милым другом и нежным мужем", обладала огромной властью. "Батя, Ректор Академии, будет наречен по твоей прозьбе", – говорилось в одной из записочек. В другой дама сообщала о своих "камер-юнгферах", придворных служительницах. Сомнений не оставалось: Потемкину писала императрица.

Публикация в "Русской старине" не осталась без внимания. В 1883 г. венская газета "Новая свободная пресса" в № 6114 поместила статью профессора Вертгейма, который привел извлечение из депеши австрийского посла при дворе Екатерины II графа Людвига Кобенцеля от 15 апреля 1788 г. Ссылаясь на графа Сегюра, Кобенцель сообщал о браке Потемкина с императрицей как о положительном факте. Шел первый год войны России с Турцией. Согласно союзному договору, австрийцы объявили войну агрессору и выставили против турок значительные силы. Руководителям австрийской политики важно было знать, насколько прочны позиции Потемкина, русского главнокомандующего, с которым им приходилось согласовывать свои операции. Кобенцель, очевидно, воспользовался сведениями Сегюра и поспешил сообщить важнейшую новость правительству.

В 1887 г. известный петербургский историк Д.Ф. Кобеко в третьем издании своей монографии "Цесаревич Павел Петрович" сделал важное дополнение, приведя сведения, которых не было в первых двух изданиях 1883 г. «Всякий, кто внимательно изучал переписку императрицы Екатерины с Потемкиным, не может не признать, что переписка эта, по тону и интимности, есть переписка жены с мужем. В некоторых письмах Екатерина прямо называет Потемкина "владыко и cher Epoux" или "Mon très cher Epoux"*, и принимать эти выражения не в буквальном смысле нет основания. В русской исторической литературе еще не был подвергнут рассмотрению вопрос о том, состоял ли Потемкин в браке с Екатериной, – отметил Кобеко, – хотя на это и встречаются некоторые указания»[23]. Маститый историк сослался на книгу "Жизнь Екатерины II императрицы России" французского автора Ж.А. Кастеры, вышедшую в Париже в конце XVIII в. По словам Кастеры, Потемкин намеревался склонить императрицу к браку еще в 1775 г., но она якобы не согласилась. Тогда еще были живы князь Г.Г. Орлов, предлагавший ей свою руку 12 лет назад, и граф Н.И. Панин, принципиальный противник этого брака. Когда же они ушли из жизни (оба скончались в 1783 г.), императрица якобы дала согласие, и брак состоялся в 1784 г. вскоре после смерти фаворита А.Д. Ланского, потрясшей Екатерину. "Конечно, сочинения Кастеры представляют источник, с которым следует обращаться с большой осторожностью", – предупредил своих читателей Кобеко, но, по его словам, рассказ Кастеры "подтверждается некоторыми указаниями. Действительно, после смерти Ланского Екатерина была опечалена, и только приезд Потемкина рассеял ее грусть. В этом же году она приобрела имение Пелла близ Петербурга, где по преданию и совершено бракосочетание ее с Потемкиным"[24].

---

* "владыко и милый супруг" и "мой дражайший супруг" (*фр.*).

[23] *Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович. 3-е изд. СПб., 1887. С. 360–361.

[24] Там же. С. 361–362.

Петербуржец Кобеко не знал о поисках своего московского коллеги Бартенева. Он сослался на источники, не попавшие в поле зрения издателя "Русского Архива", в частности, на дневники и письма Я.Е. Сиверса (губернатора в Новгороде и Твери), вышедшие в свет в Германии в 1857 г. Сиверс пользовался доверием Екатерины, ценившей его как опытного администратора, сторонника реформ. О степени доверия императрицы говорит красноречивый факт: незадолго до своей смерти (в 1808 г.) Сиверс приказал сжечь более 300 писем, полученных им от Екатерины II за десятилетия служебной деятельности. Но и Сиверс упоминает о тайном браке императрицы с Потемкиным как о слухе. Поэтому для такого серьезного исследователя, как Д.Ф. Кобеко, самым убедительным доказательством брака стали письма-записочки Екатерины "милому другу Гришеньке", опубликованные М.И. Семевским. Записочки не датированы! По мнению Кобеко, венчание состоялось в 1784 г., по мнению Бартенева, десятью годами раньше!

Никаких новых данных не смог привести и академик Я.К. Грот, под руководством которого печатались письма императрицы в Сборниках Императорского русского исторического общества[25]. В бумагах Грота, хранящихся в Отделе рукописей бывшей Императорской публичной библиотеки, находятся копии любовных и деловых записочек Екатерины Потемкину, часть которых удалось издать Семевскому. Возникает вопрос: не Грот ли передал их издателю "Русской старины"?! Письма, опубликованные Гротом, появились почти одновременно с публикацией профессора П.С. Лебедева в "Русской старине" за 1876 г. Они свидетельствовали о едином понимании императрицей и ее соправителем коренных стратегических интересов России, способов достижения целей, обеспечивающих безопасность страны и ее экономическое развитие. Сильное впечатление производит откровенность корреспондентов, их взаимная поддержка в минуты кризисов, задушевность и нежность в обращении друг к другу: "Матушка моя родная", – писал Потемкин. "Друг мой сердечный", – отвечала ему государыня.

Огромный материал собрал для задуманной 12-ти томной истории Екатерины Великой В.А. Бильбасов. Историку удалось выпустить в свет 1-й, 2-й и 12-й тома (последний том вобрал в себя обширную библиографию о Екатерине и ее времени), доведя исследование до 1764 г. Ему пришлось столкнуться с серьезными цензурными ограничениями: через несколько лет после выхода первых двух томов в России последовало берлинское и лондонское издания (1900 г.), свободные от цензурных запретов. Никаких сведений о тайном браке императрицы в сохранившихся бумагах Бильбасова нет.

* * *

Новые письма-записочки Екатерины своему возлюбленному обнаружил С.А. Панчулидзев, работавший над многотомной историей кавалергардов. Во 2-м томе "Сборника биографий кавалергардов" (Петербург, 1904) исследователь

[25] Всего в 13, 27 и 42-м томах было помещено более 350 личных писем Екатерины II Потемкину и более 100 недатированных записочек. Письма в основном относятся к периоду русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

поместил в статье, посвященной Потемкину, более 20 таких записочек. Они хранились в Собственной Его Императорского Величества библиотеке в Зимнем дворце (факт сам по себе примечательный!). Среди находок оказались и записочки Потемкина императрице – большая редкость. Ведь сама Екатерина признавалась в том, что бросает нежные послания своего "друга сердечного" в огонь (сохранились лишь те из них, на которых она писала ответы "милому Гришеньке"). Подлинной жемчужиной собрания стала "Чистосердечная исповедь" – письмо, написанное Екатериной Потемкину в феврале 1774 г., вскоре после его приезда в Петербург (напечатана в сокращенном варианте). Никому и никогда не писала она подобных писем. Да никто бы и не посмел требовать от нее – императрицы – признаний в ее минувших сердечных увлечениях. Потемкин посмел.

"Исповедь" начинается с рассказа о том, как после 8 лет бесплодного брака Екатерины обеспокоенная императрица Елизавета Петровна решила избавить Россию от новых династических неурядиц. По ее настоянию Екатерину свели с молодым красавцем камергером Сергеем Салтыковым. Когда же на свет появился младенец – великий князь Павел Петрович, Салтыкова отослали за границу. Признавшись Потемкину о своей "великой скорби", Екатерина умалчивает о том, что в это самое время великий канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин сделался ее политическим союзником. Опытный дипломат и царедворец увидел в ней надежду на политическую стабильность в случае смерти тяжело больной императрицы. О том неотразимом впечатлении, которое производила на окружающих Екатерина, поведал в своих воспоминаниях польский король Станислав Август. Он прибыл в Петербург в 1755 г. в качестве секретаря нового британского посланника сэра Чарлза Уильямса. Красавец-поляк (ему было 23 года) познакомился с великой княгиней и страстно влюбился в нее. Екатерина переживала трудное время. Сделавшись матерью, она оказалась в изоляции. Ребенка забрала к себе императрица, не позволявшая ей даже видеть сына. Муж давал ей понять, как она неприятна и чужда ему. Екатерина признается в "Исповеди", что поначалу она "отнюдь не приметила" Понятовского, "но добрые люди заставили пустыми подозрениями догадаться, что он на свете, что глаза были отменной красоты и что он их обращал, хотя так близорук, что далее носа не видит, чаще на одну сторону, нежели на другие. Сей был любезен и любим с 1755 по 1761..." Как отмечает английская исследовательница Изабель де Мадариага, прекрасно образованный и воспитанный Понятовский был близок Екатерине по своему интеллекту. Он разделял ее интересы и вкусы[26]. Обожая великую княгиню, граф Станислав Август с уважением относился к ее высокому положению. Единственный из возлюбленных Екатерины Понятовский запечатлел ее портрет: "Ей было 25 лет. Она только что оправилась от первых родов, когда красота, данная ей натурой, расцвела пышным цветом. У нее были черные волосы, изумительная фигура и цвет кожи, большие выразительные голубые глаза, длинные темные ресницы, четко очерченный нос, чувственный рот, прекрасные руки и плечи. Стройная, скорее высокая, чем низкая, она двигалась быстро, но с большим достоинством. У нее был приятный голос и веселый

[26] Добавим от себя: страстный коллекционер, Понятовский заронил в Екатерине интерес к собирательству произведений искусства.

заразительный смех. Она легко переходила от простых тем к самым сложным..."[27].

Возможно, Понятовский преувеличивает красоту Екатерины как женщины, но современники единодушно отмечали ее обаяние. В те самые дни, о которых восторженно вспоминал Понятовский, Екатерина решительно вступила в борьбу за престол. Рецензируя ее переписку с британским посланником Уильямсом (опубликованную в 1909 г.), историк Е.В. Тарле отметил, что со стороны великой княгини переписка "поражает прямо отчаянной своей смелостью, доходящей кое-где до дерзости, до вызова судьбе". План действий, о котором она сообщала Уильямсу (на случай смерти императрицы), был столь тщательно продуман, что, попади он в руки правительства, Екатерине грозила высылка из России, а может быть, и ссылка в Сибирь[28]. Шла Семилетняя война, спутавшая все отношения между европейскими державами. В начале 1758 г. (вскоре после рождения у Екатерины дочери Анны) канцлер и еще несколько близких к великой княгине лиц были внезапно арестованы. Понятовский был отозван. Рискуя своим положением, Екатерина безуспешно пыталась вернуть человека, которому отдала свое сердце. Ее супруг, сквозь пальцы смотревший на ее роман с Понятовским (и даже поощрявший его), решил воспользоваться "делом Бестужева", чтобы развестись с Екатериной и жениться на своей любовнице графине Елизавете Воронцовой. Он настаивал на высылке Екатерины из России. Мужество, твердость, обаяние и точный политический расчет спасли великую княгиню. После двух бесед с Елизаветой Екатерина сумела восстановить свои позиции при дворе. Бестужев даже под угрозой пытки не выдал планов провозглашения Екатерины соправительницей недалекого Петра Федоровича.

Поведав о сближении с Григорием Орловым (после трехлетней отлучки Понятовского), Екатерина грустно прибавляет: "Сей бы век остался, естьли б сам не скучал... мысль, которая меня жестоко мучила..." Охлаждение Орлова к ней как к женщине, его любовные похождения заставляли страдать Екатерину. Но она пошла на разрыв лишь после 10 лет близости с человеком, которому во многом была обязана троном. Появление нового фаворита А.С. Васильчикова (совершенно незначительной личности) императрица объясняет "дешпирацией" – отчаянием. "Ну, Господин Богатырь, – заканчивает свои признания 45-летняя женщина, – после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих; изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих... Бог видит, что не от распутства, к которой никакой склонности не имею, и естьли б я в участь получила смолода мужа, которого любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви... Но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того возлюбишь или не захочешь в Армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла. Но, право, не думаю, чтоб такую глупость зделала, а естьли хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду".

---

[27] *Poniatowski Stanislas Augustus.* Mémoires, 2 vol., SPB., 1914–1924. V. 1. P. 136–137.

[28] *Тарле Е.В.* Соч.: В 12 т. М., 1957–1962. Т. 4. С. 472.

Поразительное письмо. Императрица исповедуется в своих сердечных увлечениях. Перед кем? Перед простым русским дворянином. По какому праву он требует от нее признаний? По праву любви.

"Чистосердечная исповедь" произвела огромное впечатление. Профессор Я.Л. Барсков, заканчивавший после смерти академика А.Н. Пыпина академическое Собрание сочинений императрицы Екатерины II, опубликовал в полном виде это письмо в 12-м томе. В бумагах известного историка Н.К. Шильдера Бартенев отыскал еще одну копию "Исповеди" и напечатал ее в своем журнале вместе с выдержками из пометок Шильдера, поведавшего об истории документа. Некий П.С. Бутягин еще в 1829 г. писал великому князю Константину Павловичу: «Священнейшим долгом поставляю поднести Вам манускрипт Екатерины II под заглавием "Чистосердечная исповедь", который по особому поручению блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича приобретен мною за границей». Судя по всему, Бутягин был выдающимся разведчиком. Женатый на гречанке из Марселя, подруге Дезире Клари (первой невесты Наполеона Бонапарта, впоследствии вышедшей замуж за маршала Ж.Б. Бернадотта и ставшей королевой Швеции), Бутягин имел обширные связи в европейских столицах. Ему удалось добыть секретный договор, который король Людовик XVIII (только что восстановленный на французском престоле при решающей поддержке России) заключил с Англией и Австрией. Направленный против России договор был доставлен императору Александру I, ведшему трудные переговоры о послевоенном устройстве Европы. По поручению царя Бутягин сумел "купить" и "Чистосердечную исповедь", бросавшую тень на законность правившей в России династии. Как предположил Бартенев, "Исповедь" хранилась у любимой племянницы Потемкина графини А.В. Браницкой и была выкрадена у нее в Вене, куда она приезжала на свадьбу своей дочери с графом М.С. Воронцовым. Интересна реакция цесаревича Константина Павловича на присланный ему документ. "От кого и каким образом, где именно за границей приобретен сей манускрипт?" – спрашивал у Бутягина брат Александра I. "Ответа мы не знаем, – подвел итоги Бартенев и тут же заметил, что "оба внука Екатерины, вероятно, знали о неоглашенном браке ее с Потемкиным"[29].

Бартенев умер накануне мировой войны. Умер с именем Екатерины на устах. Барскову довелось быть свидетелем гибели императорской России. Но именно с ним, бывшим тайным советником, любимым историком царя Александра III, связана попытка опубликовать в СССР все письма-записочки Екатерины II своему тайному мужу и соправителю.

* * *

Истребление правящих классов и культурной элиты России превзошло ужасы якобинского террора во Франции. В борьбе с "проклятым прошлым" большевики закрыли "Русский Архив", "Русскую старину" и все другие дореволюционные исторические журналы. Был прекращен выпуск Сборников Императорского русского исторического общества. Само общество было распущено, а его председатель вел. кн. Николай Михайлович расстрелян в Петропавловке в

[29] *РА*. 1911. № 5. С. 105–107.

1919 г. Говорят, после Февральской революции маститый ученый радовался тому, что в республиканской России можно будет писать о тайнах отечественной истории. Но историческая наука и сами историки подверглись беспощадному подавлению со стороны новых властей. Многие ученые погибли в годы гражданской войны, другие эмигрировали. В конце 1920-х годов ГПУ бросило в застенки академиков С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и других крупных историков. И вот в эти-то роковые годы организаторы и составители "Литературного наследства" заключили с профессором Я.Л. Барсковым договор на публикацию любовных писем Екатерины II Потемкину. Бывший тайный советник и сенатор трудился в бывшей Императорской публичной библиотеке в Ленинграде. Репрессии обошли его стороной. Возможно, старого историка спасло случайное знакомство с одним из большевиков. По словам Барскова, его племянник, "путавшийся с революционерами", как-то уговорил его укрыть на несколько дней в своей профессорской квартире молодого большевика. Подпольщика звали, кажется, Молотовым[30].

Готовя письма к публикации, Барсков просмотрел хранившиеся в архиве оригиналы, написал примечания и вводную статью. Уже была корректура, но... внезапно договор был расторгнут. Впоследствии один из создателей и бессменных руководителей "Литературного наследства" И.С. Зильберштейн мотивировал это тем, что интимные письма императрицы "не имели никакого отношения ни к литературе, ни к истории"[31]. Но, как оказалось, имели. В 1937 г. в Народный комиссариат иностранных дел поступил донос. В нем говорилось, что известный ленинградский исследователь «профессор Г.А. Гуковский в разговоре совершенно частного характера рассказал, что год, полтора тому назад в Ленинграде был сотрудник газеты "Пари суар" (Франция) Удар, опубликовавший после возвращения своего в Париж неопубликованную до того интимнейшую переписку Екатерины II с Потемкиным. В это издание вошло около двухсот писем Екатерины вместе с комментариями, расшифровывающими намеки, клички и т.п. В комментариях узнал свою собственную работу известный ленинградский ученый историк-архивист Барсков... обработавший письма для печати. Работа его доведена была до стадии корректурных гранок, когда в Париже вышло помянутое издание Удара, после чего выход книги Барскова не состоялся, а письма Екатерины (подлинники) значатся, как говорил профессор Гуковский, – утерянными!»[32].

Началось расследование, к которому подключилось НКВД. Оказалось, что подлинники писем целы, что работа Барскова действительно стояла в плане и была набрана, когда несколько лет тому назад она была продана при посредстве М.Е. Кольцова французскому журналисту Удару, специально приезжавшему для этого в Москву. Тогдашний глава архивного ведомства настаивал на выяснении

---

[30] Сведения о Я.Л. Барскове и о попытке опубликовать в "Литературном наследстве" любовные письма Екатерины II Потемкину взяты из статьи Н.Я. Эйдельмана, предварившей публикацию этих писем (подготовленных Я.Л. Барсковым) в журнале "Вопросы истории" за 1989 г. Статья напечатана в № 7 (С. 111–118).

[31] *ВИ*. 1989. № 7. С. 112. Со ссылкой на "Литературную газету", 11.I.1984.

[32] *ГА РФ*. Ф. 5325. Д. 1219. Л. 2.

обстоятельств "этой сделки, несомненно не выгодной и политически неправильной" и требовал привлечь к ответственности виновных[33]

Кольцов вскоре оказался в застенках НКВД. Надо полагать, не за передачу Жоржу Удару писем Екатерины II. Зильберштейн и другой участник сделки К.А. Уманский (тогдашний глава Литературного агентства, впоследствии видный советский дипломат) не пострадали. Барсков умер в 1937 г. своей смертью. Но дело было сделано. Письма появились в печати, правда, в переводе на французский язык[34] .

Внезапный отказ руководства "Литературного наследства" напечатать уже набранные письма и материалы Барскова становится понятен из заметки В.Д. Бонч-Бруевича – директора Литературного музея, редактора сборников "Звенья", собирателя материалов по истории русской литературы и культуры. Старый большевик сразу оценил значение писем. Он не только приобрел корректурные гранки, но и настаивал на бережном их хранении, хотя и писал (в 1950 г.): «Это исследование "Писем Екатерины II-ой к Потемкину" с предисловием и комментариями Я. Барскова не было разрешено к печати в советское время. Придет время, когда его у нас напечатают. Они нуждаются в остро-политическом предисловии. Я хотел их напечатать в "Летописях" Гослитмузея. Получил я их в 1932 г. и тогда намеревался поместить в сборниках "Звенья". На время пришлось отложить. Предисловие Барскова аполитично. Он не вскрыл по ним всю ту мерзость и запустение, которые царили при дворе Екатерины II-ой и ее окружении, – этой кульминационной точки разложения феодального дворянства и аристократии. Если написать такое предисловие, то и эти письма, и записочки великой блудницы принесут пользу истории... Может быть, удастся их напечатать при моей жизни. Мне очень желательно написать предисловие и политически осветить эту закулисную придворную жизнь того времени, а также характеристику действующих лиц»[35].

Бывший управляющий делами первого Советского правительства и близкий сотрудник В.И. Ленина лукавил. Выходец из культурной дворянской семьи В.Д. Бонч-Бруевич не мог не сознавать, что письма отнюдь не свидетельствовали "о разложении дворянства и аристократии". Запрет на публикацию интимной переписки императрицы был связан с тем, что она (эта переписка) не несла в себе разоблачительного заряда, на который поначалу рассчитывали. Переписка раскрывала не только взаимоотношения влюбленной женщины-императрицы со своим избранником. Она показывала, как в огромной империи можно править, не прибегая к перманентному террору, запущенному в Советской России "старой ленинской гвардией", к которой, кстати говоря, принадлежал и В.Д. Бонч-Бруевич, один из первых организаторов специальных служб нового режима. Знал ли соратник В.И. Ленина о том, что подготовленные профессором Я.Л. Барсковым письма были напечатаны во Франции и вызвали настоящий ажиотаж?!

---

[33] Там же. Л. 4–5об.

[34] Lettre d'amour de Catherine II à Potemkine, publiées par Georges Oudard. Paris; Calman-Lévy, 1934.

[35] *ВИ*. 1989. № 7. С. 111.

* * *

В 1934 г. на страницах русского эмигрантского журнала "Иллюстрированная Россия" (выходившего в Париже), среди сотрудников которого были И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, М.А. Алданов и другие известные деятели русской культуры, появились заметки под заглавием "Великая в любви". В четырех номерах журнала Анна Кашина-Евреинова (жена известного театрального режиссера Н.Н. Евреинова) рассказала историю появления во Франции писем Екатерины II Потемкину и ознакомила читателей со своим исследованием этой переписки.

"Жорж Удар, известный французский журналист, побывавший несколько раз в Советской России, – начинает свой рассказ Кашина-Евреинова, – вывез оттуда недавно найденную и еще не опубликованную переписку Екатерины Второй с Потемкиным. Он решил немедленно опубликовать эти письма по-французски и поручил мне их перевод и комментарии"[36]. Отметив интерес парижской публики к личности императрицы, русская журналистка связала этот интерес с недавними театральными премьерами и шумным успехом у публики пьес знаменитого Бернарда Шоу и менее знаменитого, но популярного парижанина Альфреда Савуара, пьес, посвященных Екатерине II. С возмущением Кашина-Евреинова писала о том, как европейские знаменитости изображали Великую императрицу – друга Вольтера и автора "Наказа". И Савуар, и Шоу буквально упивались в изображении сладострастия замечательной женщины. Журналистка признается, что и она сама, получив от Удара интимные письма императрицы, опасалась «потоков сладострастия, которые будут хлестать из каждой строчки этих писем... Я принесла письма домой и, набравшись "ратного духа", засела их читать. Прочла, не отрываясь, всю объемистую пачку, и, только окончив последнее письмо, я глубоко вздохнула и подумала: "И может же обывательская легенда и хлестко-фривольные анекдоты до такой степени опоганить образ прелестной женщины, написавшей такие прелестные письма". Екатерина показалась мне до такой степени привлекательной, человечной, обаятельной и такой "чистой женщиной", несмотря на свои 44 года, возраст, в котором она писала свои письма к Потемкину, что мне естественно захотелось узнать, что представляла ее жизнь до этого возраста. Труд по изучению ее предшествующей жизни занял немало времени, но зато доставил и много радости. Да разве есть бóльшая радость, как реабилитировать невинно оклеветанную. Да еще женщину. Да еще такую прелестную женщину. Да еще русскую Императрицу!»[37].

Кашина-Евреинова не претендовала на историческую точность своей работы. Из-под ее пера вышел психологический очерк, основанный на внимательном прочтении писем. "Она была истинной женщиной, живым образчиком женственности", – приводит журналистка слова английского историка доктора Гентша и подтверждает эту характеристику цитатами из писем. Рассказав романтичную историю любви императрицы к Потемкину, журналистка не могла не отметить писем, в которых Екатерина называет своего возлюбленного "мужем", а себя – его "верной женой". Она сослалась на предисловие к письмам профессора

---

[36] Иллюстрированная Россия. № 40. 29 сент. 1934. С. 1.

[37] Там же.

Я. Л. Барскова, который утверждал (повторяя версию П.И. Бартенева), что брак был заключен в конце 1774 г. Кашина-Евреинова, следуя за письмами, попыталась понять семейную драму императрицы. По ее мнению, причиной охлаждения Потемкина к Екатерине стало именно венчание. Тайный муж государыни достиг невозможного, причем достиг невероятно быстро и потерял к ней интерес как к женщине. «Но Екатерина еще неотступнее тянется к нему... Ведь любовь к нему заполняет ее жизнь... Она впервые узнала, что значит любить по-настоящему. Она ясно понимает, что уже никогда больше она не полюбит так, как она любит сумасшедшего, но гениального Потемкина... При желании дать какое-нибудь определение характеру любви Екатерины к Потемкину, я бы сказала: суеверная любовь... Она плачет по Потемкину, как будто смерть его застала ее в самый разгар их любви, а между тем, прошло пятнадцать лет с тех пор, как эта связь оборвалась. Екатерина пишет Гримму: "Этот удар меня сразил. Мой ученик, мой друг, могу сказать, мой идол, Князь Потемкин умер в Молдавии"... Именно идол! В самом широком, в самом хорошем смысле этого слова. Несмотря на своих фаворитов, Екатерина оставалась душой всегда верна Потемкину»[38].

Так писала на чужбине русская женщина, потрясенная любовными письмами другой женщины, жившей полтора века назад. Переводу Анны Кашиной-Евреиновой выпала счастливая судьба. Ж. Удар опубликовал письма в журнале "Revues de Paris". В том же 1934 г. любовные письма Екатерины II к Потемкину вышли отдельной книгой в известном парижском издательстве Калмана Леви. С тех пор ни один исследователь не обошелся без этих писем – выдающегося свидетельства Истории.

* * *

Только через 50 с лишним лет эти письма были опубликованы в России. Оттиск, сохранившийся в архиве В.Д. Бонч-Бруевича, привлек внимание Н.Я. Эйдельмана, работавшего над политической историей императора Павла I. Письма, комментарии и статья Я.Л. Барскова были опубликованы в журнале "Вопросы истории"[39]. Эйдельман сопроводил публикацию кратким предисловием, в котором отметил большое историко-культурное значение писем и выразил надежду, что когда-нибудь они будут тщательно исследованы и, по возможности, датированы. Казалось бы, круг замкнулся. Работа Барскова увидела свет на родине. Однако публикация в "Вопросах истории" далеко от совершенства. Французские фразы, часто встречающиеся в письмах Екатерины, даны в переводе на русский без указаний на изменение текста. В корректурных оттисках, выполненных при жизни Барскова, сохранялся язык оригинала. Сами письма содержат большое количество ошибок и неточностей. Так, например, письмо № 738 заканчивается пожеланием императрицы скорее увидеть отсутствовавшего несколько дней Потемкина. "Кажется, год, как не видала, – пишет Екатерина и прибавляет: Прощай, Бог с тобою, я цалую Вас, мой друг, приезжай весел и здоров или

[38] Иллюстрированная Россия. № 43. 20 окт. 1934. С. 9–10.
[39] *ВИ*. 1989. № 7–10, 12.

бит будешь". Характерный для государыни народный оборот речи превратился у Барскова в нелепицу и пошлость: "Приезжай весел и здоров и любить будешь"[40]. Историк пытался сверить копии писем с оригиналами, но то ли возраст (ему было 70 лет), то ли другие причины помешали выполнить работу на должном уровне. Сами комментарии старого историка несут на себе приметы времени. Так, постоянно подчеркиваются сведения о суммах, якобы выплаченных фаворитам Екатерины при их отставке. Сведения, взятые зачастую из сомнительных источников. К месту и не к месту приводятся сведения о раздаче императрицей в частные руки государственных крестьян. Советские историки, напоминая о раздаче 500 тысяч государственных крестьян, усматривали в этом факте большой разоблачительный заряд. На самом деле правовое положение крестьян мало менялось, а их имущественное положение могло заметно улучшиться. Княгиня Е.Р. Дашкова, рассказывая об обстоятельствах своей ссылки при Павле I, приводит красноречивый эпизод общения с крепостными крестьянами села Коротово, в 33 верстах от Весьегонска (куда была выслана бывший президент Российской академии). «Я несколько раз спрашивала крестьян, почему они были так привязаны ко мне, несмотря на то, что они уже несколько лет перешли во владение моего сына. Они неизменно отвечали: "За время твоего управления нами мы разбогатели и сделались счастливыми, и ты воспитала и нашего батюшку-князя в таких же правилах; хотя он и повысил оброк, но он все-таки значительно меньше оброка, который наши соседи платят своим господам"»[41]. Обличая Екатерину Великую, советские историки были вынуждены молчать о расправе над миллионами крестьян в период гражданской войны и в годы коллективизации.

Многие важные сведения в комментариях Барскова опущены. Так, о статс-секретаре императрицы С.М. Козьмине говорится, что он "был в литературном кружке М.М. Хераскова", а его высокая должность не называется. "Параша" (из письма № 83) отождествлена с Прасковьей Андреевной Потемкиной (урожденной Закревской), женой троюродного брата Светлейшего – П.С. Потемкина. На самом деле речь идет о близкой подруге императрицы графине Прасковье Александровне Брюс (сестре фельдмаршала П.А. Румянцева). Письмо легко датируется и относится к июлю 1774 г. Брюсша (как звали ее при дворе) способствовала сближению Екатерины с Потемкиным. Параше Закревской было в ту пору всего 10 лет!

Значительная часть писем-записочек (несмотря на их лаконичность) поддается расшифровке и датировке. Но за 100 лет, прошедших после первой публикации Семевского, никто этим не занимался. Попытка Барскова носила ограниченный характер и не может быть признана удачной.

Сегодняшний читатель в России судит о времени Екатерины II и Потемкина по романам прошлого столетия, по книгам Валишевского и "Фавориту" Пикуля. Переиздание "Записок Екатерины II" (к слову сказать, без сверки с оригиналом!), "Дневника А.В. Храповицкого" (по весьма неточной публикации 1862 г., хотя имеется научное издание 1872 г.) и других подобных материалов почти ничего не

---

[40] *ВИ*. 1989. № 12. С. 118.

[41] *Дашкова Е.* Записки / Подг. текста, ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. Л., 1985. С. 197.

меняет. Отечественные историки так и не удосужились создать монографии ни о Великой Государыне, ни о ее гениальном соправителе. Редчайшим исключением является работа Е.И. Дружининой "Северное Причерноморье. 1775–1800" (М., 1959 г.) о созидательном подвиге России в Крыму и причерноморских степях, о роли Потемкина в заселении и хозяйственном освоении южных земель. Что же касается зарубежных авторов, то они, как правило, опираются на материалы, введенные русскими историками в научный оборот главным образом до 1917 г. Между тем в архивах России лежат невостребованными такие первоклассные источники, как письма Потемкина Екатерине II, как переписка Потемкина с П.А. Румянцевым, А.А. Безбородко, Н.В. Репниным, с императором Иосифом II и королем Станиславом Августом. Малоизвестны и далеко не полностью собраны письма Потемкина А.В. Суворову, не оставляющие камня на камне от мифа о бездарности Светлейшего как полководца, о его зависти и враждебности к своему гениальному подчиненному. Ждут научного издания такие памятники истории XVIII в., как переписка Екатерины II с бароном Ф.М. Гриммом, доктором И.Г. Циммерманом, принцем К.-Г. Нассау-Зиген и другими деятелями ее времени. Чтобы идти вперед, надо активно осваивать новые материалы. Ведь еще две с половиной тысячи лет назад Гераклит Эфесский – великий диалектик древности – высказал простую истину: "Очень много должны знать мужи-ученые!"

* * *

Предлагаемая вниманию читателей книга "Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791" не просто собрание писем, когда-то публиковавшихся в Сборниках Императорского русского исторического общества и на страницах журналов "Русский Архив", "Русская старина", "Исторический вестник" и других. Это самое полное издание переписки двух выдающихся государственных деятелей России. В него вошло много новых, ранее не известных материалов, составляющих (по своему объему) около трети книги. Прежде всего это письма Потемкина императрице, большая часть которых никогда не публиковалась (факт сам по себе поразительный!). Никогда не публиковались и письма Екатерины II Потемкину, относящиеся к первым неделям начавшейся в 1787 г. войны с Турцией. Каким-то образом историки, занимавшиеся изданием писем императрицы, проглядели целую пачку ее писем Потемкину за август-сентябрь 1787 г. Поиски в архивах позволили выявить новые письма-записочки Екатерины, относящиеся к периоду ее сближения с Потемкиным.

Во-вторых, переписка проработана с целью установления времени написания недатированных писем и записочек. В значительной мере это относилось к письмам и записочкам 1774–1776 гг. В этих нежных, порой грустных, порой счастливых посланиях к возлюбленному, затем к мужу и соправителю Екатерина не ставила дат. Когда между супругами установилась регулярная переписка (1783–1791), Потемкин зачастую ставил только день и месяц отправления письма. По сопоставлению этих писем с письмами аккуратной императрицы (всегда начинавшей свой ответ с упоминания дат отправления его писем и их получения) удалось практически полностью восстановить хронологию переписки.

Составитель, отдавший поискам писем более десяти лет, вынужден с сожалением отметить, что не все письма Потемкина, известные по ответным письмам государыни, удалось отыскать. Недостает более 40 писем. Может быть, они сохранились и когда-нибудь будут найдены. Наши архивы способны преподнести исследователям большие сюрпризы. Ведь начиная в 1978 работу над книгой, составитель не мог и предположить, что в один прекрасный день он будет держать в руках автографы писем Потемкина к Екатерине (более 150!), о существовании которых знал великий русский историк С.М. Соловьев[42], но практически не знали и не знают исследователи и писатели, занимавшиеся после него историей екатерининского времени. На долгом пути поисков этот день можно назвать счастливейшим. Нельзя не упомянуть и о невосполнимых утратах. Если Потемкин бережно хранил письма своей возлюбленной (затем жены), то императрица, напротив, сжигала его любовные послания. Она знала, чем могут грозить ее избраннику эти письма. Слишком памятны были угрозы гвардейских офицеров убить братьев Григория и Алексея Орловых в случае, если не будет расстроен предполагавшийся брак Екатерины с Григорием Григорьевичем. Помнила она и о широкой оппозиции этому браку со стороны таких сановников, как Н.И. Панин. Поэтому переписка 1774–1775 гг. носит односторонний характер. Мы слышим голос Екатерины, но почти не слышим голоса Потемкина. Позднее, когда между супругами установилась регулярная переписка и его голос зазвучал в полную силу, письма свидетельствуют: в политическом дуэте императрицы и Потемкина первый голос часто принадлежал ему – мужу и соправителю. Их политическому союзу Россия обязана многими свершениями.

Не так думали о Екатерине и ее эпохе дети и внуки современников Великой Государыни. "Униженная Швеция и уничтоженная Польша – вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России", – писал молодой А.С. Пушкин в 1822 г., в Кишиневе[43] вращаясь среди таких оппозиционно настроенных членов тайных обществ, как П.И. Пестель и В.Ф. Раевский. Страшные и несправедливые слова эти могли бы стать девизом людей, которым преобразование России на новых началах казалось легко исполнимым делом. Недавнее славное прошлое бездумно и огульно осуждалось.

Годы спустя, зрелый Пушкин, занявшийся изучением истории Пугачева, высказал на страницах своего шедевра "Капитанской дочки" мнение о революции в России. "Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают

---

[42] С.М. Соловьев процитировал некоторые из этих писем в своей книге "История падения Польши" (М., 1863), но не указал места их хранения.

[43] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 9. С. 15.

нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка", – читаем мы в опущенной автором главе[44]. В той же повести Пушкин вывел образ Екатерины II – сильной и справедливой правительницы. Все помнят со школьной скамьи прекрасную сцену в Царскосельском парке, приведшую к счастливой развязке роковых обстоятельств в жизни Петра Гринева и Маши Мироновой, попавших в вихрь гражданской войны. Правда, автор знакомит нас с Екатериной, больше напоминающей портрет кисти В.Л. Боровиковского: государыня в голубом салопе идет по аллее парка в сопровождении своей любимой левретки. Это последние годы ее долгого царствования. Встреча же с капитанской дочкой состоялась осенью 1774 г., когда мятеж был подавлен. Только три-четыре месяца отделяли сцену, описанную в повести Пушкина, от сцены тайного венчания с Потемкиным. Судя по письмам, государыня находилась на высшей ступени счастья, испытывала душевный подъем, который только может испытывать любящая и любимая женщина. Несмотря на свои 45 лет, Екатерина чувствовала себя молодой, полной сил и новых планов.

Справедливости ради следует отметить, что Пушкин, бичующий в своих исторических заметках Екатерину Великую, почувствовал магию личности ее соправителя: «...не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериной часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в Северной Турции»[45] (далее следует текст, приведенный выше, начинающийся словами "Униженная Швеция...").

Унижение Швеции и уничтожение Польши не входили в планы императрицы и Потемкина. Главным содержанием их деятельности стало закрепление России в Северном Причерноморье: ликвидация постоянной угрозы разорительных набегов крымской конницы, обеспечение безопасности жителей южных губерний, заселение и хозяйственное освоение обширного, полупустынного края, вскоре ставшего житницей России. Победы Потемкина были не бесплодны, раз "ему обязаны мы Черным морем".

Личная переписка Екатерины II с Потемкиным является выдающимся историко-культурным памятником второй половины XVIII в. Ввод в научный оборот новых и малоизвестных материалов (наряду с давно известными) позволит историкам и романистам по-новому взглянуть на жизнь и деятельность императрицы и ее соправителя – уникального политического дуэта в мировой Истории. Их письма – настоящий роман, роман, не выдуманный писателем, пусть даже гениальным, а подлинный и потому вдвойне интересный, прекрасный и трагичный, как сама жизнь. Прежде, чем пройти по страницам этого романа в письмах, следует сказать несколько слов о том, кем были его герои, как жили они до того мгновения, когда судьба властно соединила их.

---

[44] Там же. Т. 6. С. 370. В окончательный текст повести вошла только первая фраза: "Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный".

[45] Там же. Т. 9. С. 15.

* * *

Незадолго до своего пятидесятилетия Екатерина II написала шутливую эпитафию самой себе: "Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля/2 мая 1729 г. Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцати лет от роду она возымела тройное желание: нравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы предуспеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Милостивая, обходительная, от природы веселого нрава с душою республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась. Она любила искусства и быть на людях"[46].

В каждой шутке есть доля правды. "Эпитафия" подводила итоги первой половины долгого и славного царствования. Вольтер, с которым Екатерина переписывалась более десяти лет, уже успел назвать ее "Великой" и откровенно сообщал о своей мечте увидеть ее "хозяйкой Константинополя". Вольтеру вторил прусский король Фридрих II, один из самых вероломных политиков Века Просвещения, возмутитель спокойствия в Европе, завоевательный пыл которого был охлажден во время Семилетней войны силой русского оружия. "России для завершения устройства ее огромного здания нужна была такая Императрица... Она все включает в круг своей деятельности, ни одна часть управления не ускользает от нее, она вникает даже в полицию. Она служит укором для многих монархов, закоченевших на своих тронах и не имеющих ни малейшего понятия о великих делах, какие она приводит в исполнение. Во Франции четыре министра не работают столько, сколько эта женщина, которую следует зачислить в ряды великих людей", – писал король-полководец своему брату в Петербург[47].

Всего несколько цифр дают представление о достижениях России под скипетром Екатерины Великой. Только за первые 19 лет ее правления построено 144 новых города. Количество мануфактур выросло в несколько раз, крупных – втрое. Ведущая промышленная держава континента Франция не могла, несмотря на все усилия, добиться положительного торгового баланса с Россией. Балтийская торговля выросла к 1796 г. в пять раз. Черноморская, начавшись с нуля, составила в конце царствования около двух миллионов рублей. Русское железо (выдающегося качества!) способствовало ходу промышленной революции в Англии. Британский флот ходил под парусами, сшитыми из русского холста. Численность населения страны за 30 лет увеличилась с 19 до 29 миллионов человек, не считая 7 миллионов жителей территорий, присоединенных к Империи в ходе борьбы с Польшей и Турцией. Все это несмотря на войны, которые пришлось вести России и которые заняли в общей сложности половину времени правления Екатерины II. Замечательны достижения в области науки, военного дела, образования, в искусстве и архитектуре. Прибавим строительную эпопею, охватившую Россию, и станут понятны выводы непредвзятых историков о том,

---

[46] *РА*. 1878. Кн. 3. С. 41.
[47] *РА*. 1906. Кн. 2. С. 113.

что "экстенсивная мощь русской Империи в конце XVIII столетия является одним из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории"[48].

Когда в семье Штеттинского коменданта, генерала прусской службы Христиана-Августа принца Ангальт-Цербстского родилась дочь, названная при крещении Софией Фредерикой-Августой, вряд ли кто мог предположить, что эта бедная германская принцесса станет самодержицей великой страны. Благодаря родственным связям ее матери Иоханны-Елизаветы (урожденной принцессы Гольштейн-Готторпской) "маленькая Фике" (так звали Екатерину в семье) была обручена 29 июня 1744 г. с наследником российского престола голштинским принцем Петром-Ульрихом, родным племянником императрицы Елизаветы Петровны. Выбор дочери Петра Великого, как считают историки, был связан с сентиментальными воспоминаниями о своем безвременно умершем женихе (родном брате матери Екатерины). Но главным в этом выборе стал трезвый политический расчет: женить наследника на принцессе из незначительного германского княжества, дабы не оказаться втянутыми в сложные и противоречивые германские отношения. Ровно через 18 лет, почти день в день, 28 июня 1762 г. Екатерина, опираясь на широкую поддержку, свергла с престола своего супруга. Император Петр III процарствовал всего шесть месяцев. Он поторопился заключить мир с противником России прусским королем, нарушив союзные обязательства перед Австрией и Францией, и тут же начал приготовления к новой войне – против Дании во имя своей Голштинии. В целях личной безопасности Петр III подчинил часть русской гвардии своим голштинским родственникам. Император открыто презирал религию и обычаи страны, которой собирался править в силу своего рождения. За короткое время ему удалось настроить против себя все круги русского общества. Его не спас Манифест о вольности дворянства, отменявший обязательную службу дворян, установленную Петром Великим. Манифест был подготовлен влиятельными елизаветинцами, составившими ядро новой администрации и практически вершившими все дела. Сам император, опьяненный властью, отдавал львиную долю времени парадам, застольям и развлечениям.

Имеются сведения о том, что во время смертельной болезни Елизаветы Петровны влиятельные придворные круги предлагали Екатерине возвести ее на престол в обход мужа. Она ответила отказом и решила выждать. Она не ошиблась. Через полгода число ее сторонников стало подавляющим, а ненависть к ее мужу – всеобщей. Была еще одна причина. В конце 1761 г. Екатерина ждала ребенка. Отцом мальчика, родившегося в апреле, был Григорий Орлов, блестящий гвардейский офицер, храбрец и душа общества, ставший под руководством Екатерины одним из главных действующих лиц переворота.

Ранним утром 28.VI.1762 г. из Петербурга в Петергоф прискакал Алексей Орлов. Он разбудил Екатерину и передал ей известие об аресте одного из ее сторонников – гвардии капитана П.Б. Пассека. Оскорбления и унижения, которым Петр III последнее время подвергал свою жену, заставляли Екатерину быть начеку. Арест Пассека стал поводом к готовившемуся выступлению. Пока Петр III со своей любовницей графиней Воронцовой отдыхал после очередного

[48] *Тарле Е.В.* Соч.: В 12 т. М., 1957–1962. Т. 4. С. 443.

кутежа, Екатерина спешила в Петербург. Через 3 часа она была в столице, восторженно встреченная гвардией и народом. Переворот совершился. Екатерина была провозглашена самодержицей. Оскорбленное национальное чувство оказалось сильнее сословных привилегий, дарованных российскому дворянству от имени Петра III. Гвардия, объединявшая в своих рядах цвет русского дворянства, видела в Екатерине главу национальной партии. Новая власть действовала решительно. Своевременно принятыми мерами удалось привести к присяге все находившиеся в столице войска и гарнизон Кронштадта. В ночь на 29.VI императрица во главе нескольких полков двинулась на Петергоф, куда накануне прибыл со свитой ее муж. Все действия императора в роковые для него часы производят впечатление мелочности и трусости, весьма однозначно характеризуя его, как личность. 29.VI покинутый всеми, кроме своей любовницы, Петр III подписал присланный ему акт отречения от престола. Его перевозят в одну из загородных резиденций императорской фамилии – в Ропшу. Начальником стражи назначен Алексей Орлов. Именно в его письме из Ропши (от 2.VII), посланном самой императрице, имя Потемкина впервые появляется на страницах Истории. "Матушка Милостивая Государыня, здравствовать вам мы все желаем нещетныя годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, только урод наш очень занемог и схватила ево нечаенная колика, и я опасен, штоб севоднишную ночь не умер, а больше опасаюсь, штоб не ожил. Первая опасность для того, што он все здор говорит и нам ето несколько весело, а другая опасность, што он дествительно для нас всех опасен для тово, што он иногда отзывается, хотя в прежнем состоянии быть. В силу имяннова вашего повеления я салдатам деньги за полгода отдал, також и ундер-офицерам, кроме одного Потіомкина, вахмистра, для того, што он служит без жалованья", – говорилось в этом письме[49]. Тот факт, что Потемкин, еще не имевший офицерского чина, оказался среди видных участников переворота, примечателен. В письме Екатерины Станиславу Августу Понятовскому (от 2.VIII.1762) императрица, отдав должное Григорию Орлову и его братьям, подробно рассказала о перевороте, упомянув Потемкина. "В Конной гвардии один офицер по имени Хитрово, 22 лет, и один унтер-офицер 17-ти лет по имени Потемкин всем руководили со сметливостью, мужеством и расторопностью"[50]. Это писалось уже после смерти мужа Екатерины, смерти, окутанной завесой тайны. Только в самое последнее время историк О. А. Иванов (в течение нескольких лет изучавший биографию графа А.Г. Орлова-Чесменского) сумел приподнять эту завесу. Он доказал подложность так называемого третьего письма Орлова из Ропши. Убедительны доводы О.А. Иванова об авторстве Ф.В. Ростопчина, утверждавшего, что именно ему удалось снять копию перед тем, как император Павел I якобы вторично потребовал к себе письмо (уже убедившее его в невиновности матери) с тем, чтобы... сжечь это важнейшее доказательство!? А ведь на основании этого письма (опубликованного в 1881 г., но известного уже в 1810-е годы) и зиждилась версия об убийстве Петра III во время обеда с караулившими его офицерами ("...мы были пьяны и он тоже, он заспорил за столом с князь

[49] Соч. имп. Екатерины II. СПб., 1907. Т. 12. 2-ой полутом. С. 766.
[50] Там же. С. 554.

Федором, не успели мы рознять, а его уже и не стало..."). Выводы автора исследования (публикация еще не закончена) однозначны: "Убийство Петра III было результатом тонко задуманного заговора против Екатерины группы лиц, желавших обезопасить себя и связать руки императрице. Безнаказанность их в том тяжелом переходном положении была практически обеспечена". Историк называет по имени одного из главных участников переворота и убийства Петра Федоровича, сумевшего остаться в тени: это Никита Иванович Панин – влиятельнейший делец первой половины екатерининского царствования[51]. Недаром в течение долгих лет императрица вела глухую, упорную и непримиримую борьбу именно с ним, с панинскими попытками ограничить ее власть. Для нашей темы важно подчеркнуть, что Екатерина не была причастна к убийству своего мужа. В.А. Бильбасов, опираясь на все доступные ему материалы, решительно исключил участие Потемкина в устранении свергнутого с престола императора.

Следует упомянуть новую версию биографии незадачливого мужа Екатерины Великой. Согласно этой версии он был высокообразованным человеком, с широкими взглядами на реформы в России[52]. Правда, все это плохо согласуется со свидетельствами современников и сохранившимися документами. Автор версии не пожелал процитировать письма Петра III прусскому королю Фридриху II. Император явно заискивал перед возмутителем европейского спокойствия, врагом России, открыто демонстрируя свою нелюбовь к русским[53]. Из писем уже отрекшегося от власти мужа императрицы (посланных Екатерине из Ропши) следует, что вчерашний повелитель миллионов не беспокоился за судьбу якобы задуманных им реформ. Любовница Елизавета Воронцова, «мопсинька, скрыпка, любимый лакей» занимают его мысли. Он умоляет о личной безопасности, рассчитывая получить ее в родной и любезной сердцу Голштинии[54]. Поразительное желание человека, столько лет проведшего при дворе, на вершинах власти. Похоже, Петр Федорович не понимал азбучных истин большой политики: династическая борьба во многом определяла политическую историю государств. Опираясь на эти и другие свидетельства, историки с полным правом писали о ничтожности личности первого мужа Екатерины. Его парадные портреты, написанные, надо полагать, не с целью разоблачения портретируемого, передают облик слабого человека.

* * *

Жизнь и судьба Григория Александровича Потемкина невероятны даже по меркам "самого романтического века" русской истории (А.С. Пушкин), начавшегося деяниями Петра Великого и закончившегося Итальянским и Швейцарским походами Суворова.

---

[51] См. публикацию О.А. Иванова "Загадки писем Алексея Орлова из Ропши". Московский журнал, 1995, № 9 и 11; 1996. № 1–3.

[52] *Мыльников А.С.* Искушение чудом. Л., 1991.

[53] *РС*, 1871. Т. 3. С. 308.

[54] Соч. имп. Екатерины II. Т. 12. 2-ой полутом. С. 764–765.

Потемкин родился 13.IX.1739 г. в семье петровского штаб-офицера, участника Полтавской битвы. Родина его село Чижево Духовщинского уезда Смоленской губернии. Бездетный в первом браке Александр Васильевич Потемкин в одну из своих поездок нечаянно увидел 20-летнюю красавицу-вдову Дарью Васильевну Скуратову (урожденную Кондыреву), влюбился в нее и начал свататься, объявив себя вдовцом. Ему было 50 лет. Уже будучи на сносях первым ребенком, молодая женщина узнала об обмане. В отчаянии она кинулась к первой жене Потемкина и сумела уговорить ее постричься в монастырь. Сначала шли девочки. Шестой ребенок оказался мальчиком. Поверив сплетням о том, что Григорий не его сын, старый ревнивец подал на развод, но его двоюродный брат Григорий Матвеевич Кисловский усовестил отставного подполковника. Вскоре Кисловский взял мальчика к себе в Москву и воспитывал его в своей семье. Григорий Матвеевич занимал видный пост – президента камер-коллегии – слыл образованным человеком и сумел привить юному Потемкину любовь к книге. Семи лет отроду Григорий лишился отца. Его мать с дочерьми переехала в Москву. Потемкин учился сначала в частном училище немца Литкена, затем в гимназии при Московском университете. Уже в годы учебы он выказал блестящие способности к наукам и феноменальную память. В 1757 г. куратор университета И. Шувалов решил представить императрице Елизавете лучших студентов, в числе которых оказался Потемкин. Именно тогда 18-летний Григорий впервые увидел 28-летнюю великую княгиню Екатерину Алексеевну. Поездка в Петербург изменила планы молодого человека, мечтавшего о духовной карьере. Записанный с 16-ти лет в Конную гвардию, он проходил чины с дозволением "не являться в полк до окончания наук". Так правительство, следуя заветам Петра I, поощряло молодых дворян к учению.

Питомец университетской гимназии, выучивший греческий язык, проявлявший большой интерес к богословию, вдруг перестал ходить в классы, был отчислен из университета и на взятые взаймы деньги отправился в Петербург и явился в полк. Переворот 1762 г. он встретил в чине вахмистра и в должности адъютанта принца Георга Голштинского, дяди императора Петра III. В списках награжденных пособников Екатерины II, открывающихся именами братьев Орловых, Потемкин значится в самом конце. Но молодой, рослый конногвардеец был замечен императрицей и отличен. Екатерина лично написала на представлении полка о производстве Потемкина в корнеты – "быть подпоручиком", т.е. повысила его через чин. Вскоре он был пожалован в камер-юнкеры и был допущен в узкий кружок личных друзей государыни, в котором сумел не потеряться. Собирая вокруг себя талантливых и преданных людей, Екатерина не могла не обратить внимания на бывшего питомца Московского университета. Среди окружавших ее гвардейских офицеров Потемкин выделялся своей ученостью и культурными запросами. Из его послужного списка видно, что он исполнял разнообразные служебные обязанности по Конногвардейскому полку. По сравнению с братьями Орловыми, ставшими графами и важными вельможами, успехи Потемкина кажутся скромными. К тому же молодого человека постигло большое несчастье: в 1763 г. он повредил роговицу глаза и окривел. Кого угодно подобное несчастье могло повергнуть в отчаяние. Но не Потемкина.

В литературе встречаются сведения о том, что молодой камер-юнкер собирался уйти в монастырь, но был удержан Орловыми, которые протежировали Потемкину. Определенно можно утверждать лишь то, что подтверждается документами. 19 августа 1763 г. Екатерина II подписала указ Синоду, в котором повелевала "в Синоде безпрерывно при текущих делах, особливо при собраниях, быть Нашему камер-юнкеру Григорию Потемкину и место свое иметь за обер-прокурорским столом, дабы он слушанием, читанием и собственным сочинением текущих резолюций и всего того, что он к пользе своей за потребно найдет, навыкал быть искусным и способным к сему месту для отправления дел, ежели впредь, смотря на его успехи, заблагоусмотрим его определить к действительному по сему месту упражнению. Чего ради, по доверенности в допущении к делам привести его повелеваем к присяге"[56]. Сохранилась и ее собственноручная инструкция Потемкину, данная в связи с этим назначением. О деятельности конногвардейского офицера за обер-прокурорским столом нам ничего неизвестно. Зато известно, что в 1767 г., когда в Москве открылась Комиссия по составлению нового уложения (свода законов), Потемкин оказался среди 572 депутатов Комиссии, в основу работы которой был положен "Наказ", написанный Екатериной II. "Наказ" содержал прогрессивные идеи, выдвинутые западноевропейскими просветителями, и намечал программу реформ. Историк Г.В. Вернадский в своем исследовании[57] показал неготовность русского общества к восприятию этих идей и к новым формам законотворчества. Дискуссии достигли особой остроты при обсуждении вопросов, связанных с ограничением крепостного права. "Волна дворянского недовольства обрушилась на Комиссию и смыла ее, – отмечает Вернадский. – Если бы Екатерина не распустила своего парламента, эта волна обратилась бы на нее самое"[58].

Потемкин получил важные политические уроки. 22.IX. 1768 г. по случаю годовщины коронации Екатерины II он был пожалован в действительные камергеры. Этот придворный чин соответствовал чину генерал-майора. Через семь недель по повелению императрицы он был отчислен из Конной гвардии, как состоящий при дворе. Но придворная карьера Потемкина была непродолжительной. Началась война, объявленная Турцией (25.IX. 1768 г.), последовал указ о прекращении пленарных заседаний Комиссии (18.XII.1768 г.), а 2.I.1769 г. маршал (председатель) собрания А.И. Бибиков объявил депутатам, что "господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской Григорий Потемкин по Высочайшему Ея Императорского Величества соизволению отправляется в армию волонтиром"[59]. Так один из депутатов несостоявшегося российского парламента оказался в действующей армии.

27.V.1769 г. помечено первое письмо Потемкина императрице, посланное из "квартиры Князя Прозоровского" – начальника авангарда Первой армии. С большим достоинством молодой камергер изложил мотивы своего решения. Импе-

---

[56] *ЧОИДР*. 1917. Кн. 2. Отд. "Смесь". С . 25.

[57] *Вернадский Г.В.* Императрица Екатерина II и законодательная Комиссия 1767–1768 годов. Отд. оттиск. Пермь, 1918.

[58] Там же. С. 20–21.

[59] *СБК*. Т. 2. С. 101.

ратрица, по его словам, своим примером показала, как надо служить благу Отечества. Настал час отплатить за все оказанные милости, если потребуется, кровью на поле брани. "Сей случай представился в настоящей войне, и я не остался в праздности", – писал Потемкин (письмо № 1). Он просил числить себя в армейских списках только на время войны. Но судьба его решена. Какие бы важные должности ни поручались Потемкину, он навсегда связал себя с русской армией. 17 лет он будет возглавлять военное ведомство. Его военные реформы значительно повысят боевую мощь армии и дадут ей силы выстоять в грозном нашествии 1812 года.

Настоящий талант проложит себе дорогу. Война стала серьезной школой для Потемкина. Уже 19 июня он отличился в авангардном деле. 2 июля при овладении турецкими укреплениями под крепостью Хотин под ним убита лошадь – маленький штрих к ненаписанной биографии Потемкина[60].

23 июня последовало повеление императрицы главе Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву: "Нашего камергера Григория Потемкина извольте определить в армию"[61]. Его переименовывают в генерал-майоры и помещают в армейский список. В боях и походах проходит кампания 1769 г. Главнокомандующий князь А.М. Голицын с похвалой отзывается о молодом генерале. Вскоре армию принимает граф П.А. Румянцев. В кампании 1770 г., обессмертившей имя Румянцева блестящими победами при Ларге, Рябой Могиле и Кагуле, Потемкин выполнял ответственные боевые задачи, проходя школу лучшего полководца России. Ордена Св. Анны и Св. Георгия 3-й степени были наградами Потемкину за его подвиги. В обширнейшем архиве Светлейшего князя Таврического, почти не тронутом рукой историка, сохранились письма боевых товарищей Потемкина, написанные до его возвышения. Из них видно, что Потемкин сделался любимцем своих подчиненных и всей армии. Среди его друзей такие разные люди, как доблестный заместитель командующего Алексей Ступишин и надменный князь Николай Репнин; осторожный граф Иван Салтыков (сын победителя Фридриха II) и отважный кавалерист граф Иван Подгоричани; честолюбивые братья – князья Юрий и Василий Долгоруковы и талантливый генштабист Матвей Муромцев. Сам Румянцев, суровый и властный, которого, кстати говоря, побаивался Суворов, оценил незаурядную личность Потемкина, способствовал его росту и продвижению по службе. Отпуская осенью 1770 г. Потемкина в Петербург, фельдмаршал дал ему рекомендательные письма к Григорию Орлову и к самой императрице. В письме к Екатерине II Румянцев отметил инициативность и решительность своего подчиненного, отличное знание им театра военных действий и способов ведения войны[62].

Камер-фурьерский церемониальный журнал за октябрь и ноябрь 1770 г. свидетельствует о том, что боевой генерал был отменно принят при дворе. Одиннадцать раз он приглашался к царскому столу, присутствовал на первом празднике георгиевских кавалеров, ставшим с тех пор традиционным собранием воинов, прославившихся своими подвигами. Гостивший в Петербурге брат

---

60 *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 41. Ч. 3. Л. 62об.

61 *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Т. 2. С. 402.

62 *ЧОИДР*. 1865. Кн. 2. Отд. II. С. 111–113.

прусского короля принц Генрих после нескольких бесед с Потемкиным предрек ему большое будущее.'Не могла не обратить внимания на молодого генерала и государыня. Правда, в это самое время звезда братьев Орловых находится в зените. Фаворит пользуется полной благосклонностью Екатерины. Его братья Алексей и Федор прославили свои имена в Чесменской битве. "Подлинно Алехан, описан ты в аглинских газетах, – писал Алексею младший брат Владимир. – Я не знаю, сведомо ли тебе. Конечно, так хорошо, что едва можно тебя между людьми считать"[63]. Алексей Орлов получил Георгия 1-й степени, Федор – 2-й. Ими восхищался в письмах к Екатерине Вольтер. Но государыня не выпускает из поля зрения Потемкина. В письме к храброму гусарскому полковнику И.Е. Сатину, другу и старшему товарищу Потемкина, императрица сообщила, что "Крест монастыря Волохского Радовозы, о котором объявили тамошнее духовенство, что оный весь из Животворящего Креста, который вы ко мне прислали чрез господина Генерал-маиора Потемкина, он в целости довез, за что много вам благодарствую. Я сей крест для достодолжного почитания поставила в придворной церкви и письмо ваше отдала в ризницу для сохранения и чтоб память осталась, откуда сия святыня прислана"[64]... И Орловы, и Румянцев, и другие генералы посылали императрице подарки – богатое трофейное оружие, породистых арабских лошадей. Но, кажется, никто, кроме Потемкина, не привозил ей христианскую святыню.

Возвращаясь в армию, Потемкин вез множество писем своим друзьям. Два письма предназначались Румянцеву. Фаворит рекомендовал фельдмаршалу "своего приятеля" Потемкина Григория Александровича[65]. Екатерина писала о нем как о "человеке, наполненном охотою отличить себя. Также ревность его ко мне известна. Я надеюсь, что Вы не оставите молодость его без полезных советов, а его самого без употребления, ибо он рожден с качествами, кои Отечеству могут пользу приносить"[66].

Что же привлекало столь разных людей к Потемкину? Обаяние, душевная щедрость, остроумие, чувство товарищества, отвага? Прежде всего ум, самостоятельный, глубокий ум! "Потемкин чертовски умен!" – отзывался о нем Григорий Орлов. Знаменитый богач-оригинал Прокофий Демидов называл его "умницей". "У него были смелая душа, смелое сердце и смелый ум!" – напишет Екатерина, потрясенная смертью своего мужа.

Долгие три года, полные опасностей, провел Потемкин в армии прежде, чем императрица сделала решительный шаг к сближению.

* * *

Война, начавшаяся блистательными победами русской армии и флота, затянулась на 6 лет. Противник был серьезный. Османская империя простиралась от Атлантики на западе до Кавказа на востоке, от среднего течения Дуная на севере до южной оконечности Аравийского полу-

---

[63] *Орлов-Давыдов*. Т. 1. С. 229.
[64] *РА*. 1896. № 2. С. 187.
[65] Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 283.
[66] Северный архив. 1822. Ч. 1. № 1–6. С. 335–336.

острова. Всего несколько десятилетий назад османы едва не овладели Веной!

Московская Русь и сменившая ее императорская Россия век за веком продвигали границу на юг, обеспечивая свою безопасность от кровавых набегов крымских ханов – вассалов Турции. Естественной границей Империи должно было стать северное побережье Черного моря, включая Крым. Напомним, что война 1768–1774 гг. началась набегом крымской конницы на южные поселения страны. Были разорены и сожжены деревни и села, мирные жители захвачены в полон, в рабство. Но это был последний набег. В 1771 г. русские войска под командованием князя В.М. Долгорукова вступили в Крым. Хан запросил пощады. На Дунае блестящие рейды генерал-майора Отто фон Вейсмана (одного из самых талантливых генералов румянцевской армии) заставили Верховного везира пойти на мирные переговоры. Казалось, война близится к концу. Но столкновение двух империй затрагивало интересы европейских держав. Франция и Австрия (вчерашние союзники по Семилетней войне) занимали враждебную позицию по отношению к России. Шведскому королю Густаву III при помощи французской дипломатии удалось совершить государственный переворот и занять угрожающую позицию на северных границах Империи. Прусский король Фридрих II, союзник Екатерины, использовал затягивание войны и смуту в Польше для расширения своих владений. Именно он вынудил императрицу пойти на раздел Речи Посполитой, в котором приняла участие соперница Пруссии Австрия. Лишь Англия занимала благожелательную позицию.

Мирные переговоры с турками начались летом 1772 г. в Фокшанах. Со стороны России их вел граф Григорий Орлов, прибывший с большой свитой. Его помощником и советником стал опытный дипломат А.М. Обресков, посланник в Константинополе, проведший в заключении более трех лет. Год назад Орлову удалось погасить чумной бунт в Москве, ставший серьезным предупреждением об усталости народа от тягот войны. Теперь фаворит решил отличиться на поприще дипломатии. Румянцев был отодвинут в сторону. Он переписывался с Орловым и Обресковым из Ясс, поддерживая свои войска в боевой готовности. Есть сведения о том, что Потемкин приезжал в Фокшаны и виделся с Орловым[67]. Переговоры закончились провалом. Турецкие дипломаты отказались принять условия России: независимость Крымского ханства, свобода мореплавания на Черном море. Твердость Орлова не дала результатов. Конгресс был разорван. Императрица, давно задумавшая освободиться от опеки Орловых, посоветовала Григорию Григорьевичу остаться при армии. Дипломатичный совет, ибо она уже сблизилась с молодым гвардейским офицером А.С. Васильчиковым. Нового фаворита поддержал противник Орловых граф Н.И. Панин. Узнав новость, Орлов поскакал в Петербург, но был задержан в Царском Селе под предлогом карантина. Умело лавируя между партиями Орловых и Паниных, Екатерина за 11 лет царствования упрочила свое положение. Их противостояние позволяло императрице поддерживать равновесие в правящих кругах. Орловы,

[67] Письмо генерал-поручика П.А. Текелли Г.А. Потемкину от 30.VII.1774 (Подлинник. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 41. Ч. 6. Л. 14).

которых она называла "своими ангелами-хранителями" обладали значительной властью. Особенно Григорий Григорьевич. Он командовал артиллерией (имел звание генерал-фельдцейхмейстера) и Кавалергардским корпусом – личной стражей императрицы. Ему подчинялась Конная гвардия – один из 4-х гвардейских полков, расквартированных в Петербурге. Другой полк – преображенцы – подчинялся Алексею Орлову. Григорий Григорьевич имел также звание генерал-адъютанта и часто нес дежурство во дворце. Никита Иванович Панин бессменно возглавлял Коллегию иностранных дел, сохраняя пост воспитателя наследника престола. Его родной брат Петр Иванович считался одним из самых видных генералов русской армии. В начале русско-турецкой войны (1770 г.) он командовал Второй армией и штурмом овладел мощной крепостью Бендеры, став одним из первых кавалеров ордена Св. Георгия Большого креста. Очевидно, он мечтал о фельдмаршальстве, обиделся на недооценку своих заслуг и, выйдя в отставку, жил в Москве, собирая вокруг себя недовольных. Тесные связи Паниных с наследником престола придавали их партии особый вес. К Паниным примыкали князья Голицыны – двоюродные братья, оба Александры Михайловичи – фельдмаршал и вице-канцлер. На стороне Орловых были: глава Военной коллегии граф З.Г. Чернышев, генерал-прокурор князь А.А. Вяземский и видный сановник И.И. Бецкой. Большое значение за годы войны приобрел фельдмаршал граф П.А. Румянцев. Но кагульский победитель был далеко, на театре военных действий. Освободившись от опеки Орловых, Екатерина почти одновременно с этим сумела ослабить влияние графа Н.И. Панина. Она перехватила инициативу в деле устройства женитьбы сына (достигшего совершеннолетия) и 29.IX.1773 г. пышно отпраздновала свадьбу наследника с принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской (нареченной при православном крещении Натальей Алексеевной). Воспитательная миссия Панина была объявлена законченной. Осыпав его наградами, императрица повелела ему сосредоточиться на ведении иностранных дел. За неделю до свадьбы Чернышев был пожалован из вице-президентов Военной коллегии в президенты с чином генерал-фельдмаршала. По настоятельным просьбам императрицы Григорий Орлов (получивший княжеский титул) вернулся к исполнению своих многочисленных обязанностей. Осенью 1773 г. в Петербурге собрались четверо из пяти братьев Орловых. Князь Григорий 23.XI поднес императрице драгоценный алмаз по случаю ее тезоименитства. Примирение состоялось, но прежней близости не было. Сознавая, что только выдающиеся успехи могут обеспечить ей поддержку правящих кругов, Екатерина чувствовала необходимость найти человека, способного разделить с ней бремя власти. Разразившийся в конце 1773 г. мятеж ускорил ее выбор.

* * *

Кампанию 1773 г. Потемкин встретил в новом чине: он был пожалован в генерал-поручики. 2 года миновало с тех пор, как он побывал в столице. Он набрался опыта, вырос как военачальник. На войне опасности подстерегают на каждом шагу. Для русской армии самой страшной опасностью стали моровые болезни – массовые эпидемии, уносившие больше жизней, нежели боевые дейст-

вия. Эпидемия чумы не обошла стороной и Потемкина, спасшегося, по преданию, благодаря старинному народному средству, которому его научили сражавшиеся под его командованием запорожцы.

8.VI.1773 Румянцев начал переправу главных сил армии через Дунай. Ему содействовали корпуса генералов Вейсмана и Потемкина. Целью наступления была мощная турецкая крепость Силистрия. Разбив на подходе к крепости крупные силы противника, Румянцев приступил к ее штурму. В разгар боев, во время которых Потемкин едва не погиб, главнокомандующий узнал о движении 20-тысячного корпуса Нуман-паши, стремившегося отрезать его войска от переправ. Военный совет принял решение на отход, который должен был прикрыть генерал Вейсман с 5-тысячным отрядом. 22.VI доблестный генерал разгромил в кровопролитном сражении корпус Нуман-паши, заплатив за победу жизнью. Посланный к его отряду Потемкин привел полки к главным силам. После нового военного совета (Потемкин был в числе тех, кто поддержал главнокомандующего в его решении) армия ушла за Дунай. Тяжело переживал неудачу Румянцев. Из Петербурга послышались раздраженные голоса, советы, критика. Особенно нетерпелив был князь Орлов. В одном из писем Румянцев был вынужден напомнить Орлову басню об осле, который тянет поклажу под крики недовольных погонщиков. В письме императрице фельдмаршал подчеркнул малочисленность армии и повторил просьбу о подкреплениях. Осенью он решил воспользоваться крупным успехом А.В. Суворова под Гирсово и бросил за Дунай два корпуса. Потемкину было приказано начать бомбардировку Силистрии для отвлечения противника от направления главного удара. Поначалу успех был полный. Противник бежал, бросая артиллерию. Но разрозненные попытки овладеть крепостями Варна и Шумла окончились неудачей. Румянцев приказал отводить войска на зимние квартиры. Последними залпами кампании стали выстрелы пушек Потемкина по Силистрии. В Петербург поскакал дежурный генерал армии князь В.В. Долгоруков. Из письма к нему Румянцева видно, как фельдмаршал нетерпеливо ожидал известий о результатах его личного доклада государыне. 6.XII.1773 Екатерина уведомила Румянцева о приезде Долгорукова и о получении (с ним) известий и о победах за Дунаем, и о неудачах под Варной и Шумлой. "Что же у Силистрии произошло, о том вовсе Вы не упоминаете и оставляете меня в глубоком неведении, а мысли мои в произвольном волнении"[68], с тревогой писала она в конце. Под Силистрией, как доносил ей Румянцев, сражался Потемкин. Двумя днями ранее (4.XII) она уже написала ему письмо, заканчивавшееся знаменательными словами: "Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу по-пустому не даваться в опасность. Вы, читав сие письмо, может статься зделаете вопрос, к чему сие писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мыслей об Вас". Потемкин понял. Императрица нуждается в нем и зовет его в Петербург.

Далеко от Дуная беглый донской казак Емельян Пугачев поднял мятеж. Самозванцу, принявшему на себя имя покойного мужа государыни – Петра III – сдавались почти без сопротивления небольшие крепости, прикрывавшие границы

---

[68] *РД*. Т. 2. С. 693.

от набегов кочевников. Брошенный против мятежников крупный отряд правительственных войск был разбит. К началу декабря у Пугачева собралась армия (25 тысяч при 86 орудиях), по численности почти не уступавшая армии Румянцева. Обещанные фельдмаршалу резервы пришлось посылать под Оренбург, осажденный самозванцем.

"Два года назад у меня в сердце Империи была чума, – писала императрица в Новгород губернатору Я.Е. Сиверсу. – Теперь у меня на границах Казанского царства политическая чума, с которой справиться нелегко. Все же с Божиею помощию надеюсь, что мы возьмем верх... По всей вероятности это кончится виселицами. Какая перспектива, господин Губернатор, для меня, не любящей виселиц. Европа подумает, что мы вернулись к временам Ивана Васильевича"[69].

Время Грозного царя, кровавые казни, последовавшая вскоре смута, самозванец, овладевший русским престолом, крах государства, нашествие поляков, неисчислимые беды для народа – все это вставало перед мысленным взором императрицы, прекрасно знавшей русскую историю. Не раз выходившая из трудных положений, Екатерина ищет опору. Ей нужен сильный человек, государственный муж, соправитель. И она делает выбор: Потемкин. Сам Орлов хвалил ей его. На него указывал Румянцев. Против Потемкина ничего не имел Панин. Ведь генерал давно в армии и не примыкает ни к одной из придворных группировок. Наконец (и это очень важно) подруга императрицы графиня П.А. Брюс, которой Екатерина поверяла свои сердечные тайны, успела шепнуть о том, что Потемкин давно и страстно любит одну женщину. Эта женщина – Екатерина.

По зимней дороге курьеры скакали из Петербурга в Яссы 8–10 дней. Получив в середине декабря неожиданное для себя письмо императрицы, Потемкин не бросился (как любят рассказывать писатели), сломя голову, из армии в столицу. Почти месяц он занимался делами своего корпуса, устраивая полки на зимних квартирах. 11.I.1774 г. помечен его ордер бригадиру П.С. Потемкину: принять в свою команду пехотные полки корпуса. Ордер отправлен из Ясс, где находилась главная квартира фельдмаршала Румянцева[70]. Отпуская Потемкина в столицу, главнокомандующий, без сомнения, дал ему важное поручение: лично доложить государыне о нуждах армии и о мерах, необходимых для скорейшего окончания слишком затянувшейся войны. Из других документов следует, что сам Потемкин считал свою поездку временной и обещал скоро вернуться[71].

* * *

Ежедневные записи в Камер-фурьерском церемониальном журнале отмечали все официальные события при дворе. Под 4.II.1774 г. читаем: "По полудни в 6-ом часу из Первой Армии прибыл ко двору Ея Императорского Величества в Село Царское генерал-поручик и кавалер Григорий Александрович Потемкин,

[69] *РА*, 1870. № 7–9. С. 1431–1432.

[70] Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 60. Л. 19. С ошибочной датой – 1773 г.

[71] *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 71. Ч. 1. Л. 21.

который и проходил к Ея Императорскому Величеству во внутренние апартаменты". Через час Екатерина в сопровождении наследника вышла в картинную залу и до 9-го часа забавлялась с кавалерами игрой в карты. Первое свидание длилось не более часа. Скорее всего, беседа касалась армии и положения дел в империи. Отметим небольшую подробность: честь представить Потемкина государыне выпала на долю дежурного генерал-адъютанта князя Г.Г. Орлова. Вряд ли бывший фаворит догадывался о том, что "его приятель" Потемкин был вызван секретным письмом Екатерины. В эти самые дни знаменитый гость императрицы Дени Дидро, проведший в Петербурге 5 месяцев, готовится к отъезду. Екатерина так занята своими сердечными делами, что не может найти свободной минуты, чтобы попрощаться с философом, обсуждавшим с ней во время долгих и частых бесед вопросы о положении народа, о необходимых реформах.

Второй раз имя Потемкина появляется в Камер-фурьерском журнале 9.II. Он показан среди 42 приглашенных на большой воскресный прием и обед. Но могли быть тайные свидания, о которых официальный журнал хранит молчание. О первых шагах к сближению рассказывают письма. Сначала Екатерина пишет Потемкину по-французски, называет его "милым другом", обращается к нему на "Вы". Она просит его выбрать «какие-нибудь подарки для "духа"» (письмо № 5), затем посылает ему что-то – "для духа Калиостро" (письмо № 6). Этот шифр легко читается. "Духи Калиостро" – согласно учению модного в Европе графа-авантюриста – руководят чувствами людей. Подарок предназначался самому Потемкину. Но не любившая мистики Екатерина скоро отбрасывает игру в слова. 14.II двор переезжает в Петербург, и Потемкин чуть ли не через день приглашается на официальные приемы в Зимний дворец. Инициатива в руках Екатерины. Она добивается свидания наедине и горячо благодарит "милого друга" (письмо № 9). И вдруг все меняется. Игривый тон писем, которым она пыталась прикрыть свое чувство, уступает место серьезному и грустному признанию. Как отмечает Камер-фурьерский журнал, 21.II государыня не выходит из своих покоев. Попытка решительного объяснения закончилась неудачей. Потемкин потребовал от нее признания в ее прошлых увлечениях. И потребовал так твердо, что она затворяется в своих покоях и пишет "Чистосердечную исповедь" (письмо № 10). Она посылает письмо-признание своему возлюбленному и нетерпеливо ждет ответа. О силе ее чувств говорят письма (№ 11 и 12).

"Я жаловалась, что спать хочу, единственно для того, чтоб ранее все утихло, и я б Вас и ранее увидеть могла. А Вы, тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли. Но не изволь бояться. Мы сами догадливы. Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вивлиофику к дверям, чтоб Вас дождаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна..." (письмо № 12). Эти два часа в библиотеке на сквозном ветру, эти бессонные ночи говорят о многом. Ее внимание к Потемкину уже замечено. Кто-то (может быть, И.И. Бецкой, сторонник Орловых), кого остроумный Потемкин уже окрестил "Аптекарем", доказывает Екатерине "неистовство ее...поступков" и добивается

разрешения уговорить генерала вернуться в армию. Но она знает: Потемкин ее судьба. "Чистосердечная исповедь" и другие письма достигают цели. 27.II происходит решительное объяснение: она любима, она счастлива. "Гришенька не милой, потому что милой, – начинает она письмо на другой день после решительного объяснения. – Я спала хорошо, но очень немогу, грудь болит и голова, и, право, не знаю, выйду ли сегодня или нету, и естьли выйду, то это будет для того, что я тебя более люблю, нежели ты меня любишь... Выйду, чтоб тебя видеть. Не всякий вить над собою столько власти имеет, как Вы, да и не всякий так умен, так хорош, так приятен... Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих". И тут же следует урок политической мудрости, которой она владеет в совершенстве. "Только одно прошу не делать – не вредить и не стараться вредить Кн[язю] Ор[лову] в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он боле мне хвалил и, по видимому мне, более любил... как тебя. А естьли он свои пороки имеет, то не тебе, не мне непригоже их расценить и разславить. Он тебя любит, а мне оне друзья, и я с ними не расстанусь. Вот те нравоученье: умен будешь – приимешь..." (письмо № 15). Потемкин был умен. Сколько раз она будет признаваться ему, что он ее "советодатель", что без него она как без рук.

Из Москвы спешит в Петербург "Алехан" – самый решительный из Орловых. Он прямо спрашивает императрицу: "Да или нет?" ("смеючись", как сообщает Екатерина Потемкину об этом разговоре). "Об чем?" – отвечает вопросом на вопрос влюбленная женщина. "По материи любви", – режет правду-матку Алехан. "Я солгать не умею", – признается государыня. И тогда Чесменский герой, богатырь Алексей Орлов говорит, что ему уже известно о ее тайных свиданиях с Потемкиным в "мыленке", потому что "дни с четыре в окошке огонь виден был попозже обыкновенного" (письмо № 19). Этот смех человека, которому молва приписывала убийство ее мужа, не останавливает императрицу. 1.III двор узнает о пожаловании Потемкина в генерал-адъютанты. Теперь он может открыто бывать во дворце, войдя в узкий круг самых доверенных людей Екатерины. "Новый генерал-адъютант дежурит постоянно вместо других, – сообщает своему мужу Е.К. Сиверс. – Говорят, он очень скромен и приятен"[72]. С первых же шагов своего возвышения Потемкин не только постоянно дежурит во дворце, но и становится единственным докладчиком по военным делам. Именно по его совету Екатерина решает направить в Оренбуржье против Пугачева Суворова, который наконец-то получает чин генерал-поручика (17.III.1774). Потемкин, хорошо знавший генералов и офицеров действующей армии, рекомендует ей дельных людей, на которых можно положиться. Уже 7.III в письме А.И. Бибикову, направленному с чрезвычайными полномочиями для утушения бунта, Екатерина спешит поделиться своими чувствами: "Во-первых, скажу Вам весть новую: я прошедшего марта 1 числа Григорья Александровича Потемкина по его просьбе и желанию к себя взяла в генерал-адъютанты, а как он думает, что Вы, любя его, тем обрадуетеся, то сие к Вам и пишу. А кажется мне, что по его ко мне верности и заслугам немного для него сделала, но его о том удовольствие трудно описать. А я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человека

[72] *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 26.

совершенно довольного около себя вижу"[73]. Далее следует деловая часть письма о мерах борьбы с Пугачевым, причем императрица ссылается на мнение Потемкина относительно подполковника Александра Попова, сумевшего отстоять Кунгур от набега мятежников.

Поначалу новый генерал-адъютант живет у своего зятя Н.Б. Самойлова, затем переезжает к сенатору и камергеру И.П. Елагину, верность которого Екатерине была испытана во время дела канцлера графа А.П. Бестужева. 15.III следует новое пожалование: Потемкин назначается подполковником в лейб-гвардии Преображенский полк. Жена фельдмаршала Румянцева графиня Екатерина Михайловна (супруги жили врозь; графиня, занимая должность обер-гофмейстерины при малом дворе, была в курсе придворных течений) спешит поделиться с мужем поразительной новостью: "Подполковничество гвардии их (т.е. Орловых и их сторонников. – *В.Л.*) с ног срезало и доказывает, что он преодолел, потому что Алексей Григорьич здеся и в бытность его при нем определяется другой в полк... Граф Чернышев весьма смутен, ходит и твердит, что в Ярополец жить поедет... Я теперь считаю, что ежели Потемкин не отбоярит пяти братов, так опять им быть великим. Правда, что он умен и может взяться такою манерою, только для него один пункт тяжел, что Великий Князь не очень любит"[74]. Не письмо, а целая реляция с поля сражения. Напомним, полковником всех гвардейских полков была сама императрица. Подполковники, когда они находились в столице, считались фактическими командирами своих полков. Для Алексея Орлова – подполковника преображенцев – назначение Потемкина – явный знак немилости. Кажется, Екатерина не забыла недавнего разговора с Алеханом. Но Потемкин помнит данный ему урок: он сам посещает Алексея Орлова и беседует с ним о делах полка. Алехан оценил этот жест и 29.III в коротеньком письме к новому подполковнику просил представить императрице рапорты по полку, заверив его в своей дружбе. Сам он, якобы по причине болезни, не может быть в столице (письмо послано из Ижор). Болезнь Алехана, конечно, носит дипломатический характер, потому что уже 31.III он вместе с братом Григорием присутствует за столом императрицы на обеде в Царском Селе. Алехан понял преподанный ему урок: Екатерина не даст в обиду своего избранника.

Потемкин не только быстро разобрался в сложных придворных интригах, но и сумел сблизиться с графом Н.И. Паниным, который, в свою очередь, поддержал нового генерал-адъютанта, видя в его возвышении важный противовес влиянию своих противников – Орловых и Чернышева. Генерал-аншеф граф Петр Иванович Панин, с которым Потемкин виделся в Москве, оценил перемену: "Мне представляется, что сей новый актер станет роль свою играть с великою живостью и со многими переменами, если только утвердится", – писал он 7.III своему племяннику камер-юнкеру князю А.Б. Куракину, пожурив последнего за недостаточную остроту понимания придворной обстановки[75].

---

[73] *РА*. 1866. С. 396–397.

[74] Письма Румянцевой. С. 179–180.

[75] *РС*. 1873. Т. VIII. С. 343.

За переменами при дворе Северной Семирамиды внимательно следят дипломаты. "Повидимому Потемкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему императрицы и сделается самым влиятельным лицом в России, – доносит Фридриху II граф В.Ф. Сольмс (прусский посол в Петербурге). – Молодость, ум и положительность доставят ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов". Депеша заканчивается сведениями о скором отправлении Алексея Орлова в Архипелаг и о намерении Григория Орлова уехать путешествовать за границу. "Потемкин никогда не жил между народом (простолюдинами. – *В.Л.*) а потому не будет искать в нем друзей для себя и не будет бражничать с солдатами. Он всегда вращался между людьми с положением; теперь он, кажется, намерен дружиться с ними и составить партию из лиц, принадлежащих к дворянству и знати"[76]. Другой дипломат – англичанин Р. Гуннинг – отмечает связи Потемкина с духовенством.

10.IV новый генерал-адъютант переезжает в Зимний дворец в специально отделанные для него покои. Поток записочек Екатерины не уменьшается. Каждое утро она посылает цидулки своему возлюбленному: как он себя чувствует? как его лихорадка? любит ли он ее? Нет таких нежных слов, какими бы она не награждала Потемкина: и голубчик, и миленький, и душенька. Иногда она пишет ему по нескольку раз в день. "Душа моя милая, чрезмерно я к Вам ласкова, и естьли больному сердцу дать волю, то намараю целый лист, а Вы долгих писем не жалуете, и для того принуждена сказать: прощай Гяур, москов, казак, сердитый, милый, прекрасный, умный, храбрый, смелый, предприимчивый, веселый. Знаешь ли ты, что имеешь все те качества, кои я люблю", – читаем мы в одном из писем (№ 45). "Красавец мой миленький, на которого ни единой король непохож, я весьма к тебе милостива и ласкова", – признается она в другом (№ 49). Екатерина клянется, что никогда не забудет Гришеньку, будет любить его вечно, даже если он разлюбит ее. Императрица признается в том, что поглупела от любви: "Стыдно, дурно, грех Екатерине Второй давать властвовать над собою безумной страсти... разстроил ты ум мой. Как это дурно быть с умом без ума!" (№ 32 и 37). И наконец: "Миленький, какие счастливые часы я с тобою провожу... я отроду так счастлива не была, как с тобою" (№ 20). Ответных писем Потемкина нет. Екатерина сжигала их.

21.IV, в день рождения, императрица возлагает на своего возлюбленного ленту и знаки ордена Св. Александра Невского. Польский король Станислав Август Понятовский присылает Потемкину орден Белого Орла. В письме к мадам Бьельке (подруге своей матери) влюбленная императрица признается, что она не очень жалует свой день рождения, потому что он так часто возвращается и "приносит мне в подарок лишь лишний год... что бы ни говорили, а стареться очень неприятная вещь»[77].

28.IV в Зимнем дворце на большом приеме появляются четверо братьев Орловых (Григорий, Алексей, Федор и Владимир) – все рослые богатыри, как на подбор. Придворные и дипломаты, затаив дыхание, следят за новым любимцем

[76] *РА*. 1873. № 2. С. 126–127.
[77] *СБРИО*. Т. 13. С. 406.

императрицы, который словно не обращает внимания на этот явный вызов. Английский посланник доносит в Лондон: "Поведение нового любимца подтверждает все то, что я слышал о живости его ума и его проницательности, но оно показывает мало разсудка и осторожности"[78]. Но, кажется, Потемкин твердо стоит на ногах. Доверие Екатерины к нему безгранично. Важную услугу ему оказывает граф Н.И. Панин: под его влиянием жена наследника великая княгиня Наталья Алексеевна становится на сторону Потемкина. Фельдмаршал Румянцев для подкрепления своего протеже посылает в Петербург камер-юнкера Михаила Сергеевича Потемкина (троюродного брата нового генерал-адъютанта). Он должен лично вручить императрице редкий трофей – особо почитаемое у турок знамя, захваченное во время осенних боев. Сама Екатерина приказывает графу З.Г. Чернышеву отозвать из действующей армии Павла Сергеевича Потемкина, недавно произведенного в генерал-майоры.

"Григорий Александрыч столько много тебе служит во всяком случае и, пожалуй, поблагодари его, – наставляет Румянцева его жена, – вчерась он мне говорил... чтобы ты к нему обо всем писал прямо, что я советую. Во-первых, что и он во все входит, да и письма все кажет (Екатерине. – *В.Л.*)..."[79]. В большом, сердечном письме фельдмаршал не замедлил поблагодарить своего подчиненного. Он готовился к новой кампании и нуждался в поддержке. Двенадцать лет спустя Екатерина вспоминала о трудном времени в беседе со статс-секретарем А.В. Храповицким: "Кн[язь] Вяземский, Гр[аф] За[хар] Чернышев и Н.И. Панин во все время войны разные делали препятствия и остановки; решиться было должно дать полную мочь Г[рафу] П.А. Румянцеву, и тем кончилась война. Много умом и советом помог К[нязь] Г.А. Потемкин. Он до безконечности верен, и тогда-то досталось Чернышеву, Вяземскому, Панину..." (Запись от 30.V.1786). Возможно, в этом отзыве есть преувеличение, но письма подтверждают участие Потемкина в выработке условий мирного договора с турками и в принятии решения о даче "полной мочи" фельдмаршалу Румянцеву (см. № 43 и 44).

10.V Гуннинг доносит в Лондон: "Потемкин действительно приобрел гораздо больше власти, чем кто-либо из его предшественников"[80]. Через неделю следует новое важное сообщение: "Хотя ни в одной стране любимцы не возвышаются так быстро, нет примеров даже здесь возвышения такого быстрого, как Потемкина. К великому удивлению большинства членов Тайного Совета, генерал Потемкин занял место среди них"[81]. В Совет при императрице входили самые важные лица империи, имевшие чины 1-го и 2-го классов (согласно Табели о рангах): граф Н.И. Панин, оба князя А.М. Голицыны, граф З.Г. Чернышев, граф К.Г. Разумовский, князь Г.Г. Орлов, князь А.А. Вяземский. Потемкин имел чин генерал-поручика (3-го класса), когда 5.V он первый раз появился в Совете. Но уже 30.V 1774 г. последовал указ о его назначении вице-президентом Военной

[78] Русский двор сто лет тому назад. С. 199.
[79] Письма Румянцевой. С. 183.
[80] Русский двор сто лет тому назад. С. 199. Даты в депешах Гуннинга даны по новому стилю.
[81] Там же.

коллегии[82]. Эта должность требовала чина генерал-аншефа и в тот же день 30.V Потемкин получил его[83].

Дипломаты сразу сделали вывод: Чернышев скоро будет смещен с поста главы военного ведомства. Хорошо осведомленный Гуннинг спешит донести в Лондон (депеша от 21.VI.1774): "Генерал Потемкин присоединен к графу Захару Чернышеву в Военный департамент. Это такой большой удар, нанесенный последнему, что несмотря на всю снисходительность и легкость, с которой он подчинялся всему, чему не мог препятствовать, он не мог долго оставаться в должности, которую занимал... Это последнее очень встревожило Орловых. Говорят, что результатом было больше, чем объяснение, и что горячий спор имел место по этому случаю между Князем и Императрицей. Добавляют, что она была больше смущена, чем когда бы то ни было, и что она побудила его путешествовать"[84]. О некоторых подробностях горячего объяснения Екатерины с Григорием Орловым дают представления ее письма (№ 69 и 70). Спор произошел либо 31.V, либо 1.VI. Назначенный на 2.VI Совет не состоялся, хотя члены Совета прибыли в Царское Село. Расстроенная императрица не вышла обедать из своих покоев. "Сумазброд", как она называет Орлова в письмах Потемкину, упрекнул ее в несоразмерности наград и пожалований новому генерал-аншефу с его заслугами. Особенно задело Орлова назначение Потемкина вице-президентом Военной коллегии, что давало последнему право указывать и ему – Орлову, начальнику артиллерии, сохранявшему известную автономию по отношению к коллегии. В раздражении Орлов спрашивал императрицу, не собирается ли она пожаловать Потемкину чин фельдмаршала. Смущенная Екатерина отвечала, что об этом не было и речи. Она поторопилась успокоить Потемкина ссылками на давно известную ей горячность Орлова, которого могли подбить на объяснение другие. Знала она и отходчивость князя Григория Григорьевича, который действительно на другой день после устроенной сцены сообщил ей о своем отъезде в Петербург. 5.VI в столицу возвратился и царский двор. А 6-го за малым обеденным столом в Летнем дворце Екатерина сумела усадить Орлова рядом с Потемкиным. Тут же два фельдмаршала: З.Г. Чернышев – сторонник Орлова и его противник А.М. Голицын. На другой день Орлов получает отпуск и уезжает в Москву вместе с младшим братом Владимиром. Самый решительный из братьев "Алехан" (Алексей Орлов) еще две недели назад предусмотрительно был отправлен в Италию, к флоту. Екатерина сумела добиться удаления (на время) Орловых из Петербурга. Имевший надежных информаторов Гуннинг 10/21.VI подчеркнул в своей депеше: "...если рассматривать характер любимца Императрицы, которому она, кажется, хочет доверить бразды правления, нужно бояться, что она кует себе цепи, от которых легко не освободится"[85]. Осведомленный дипломат даже не подозревает, насколько он близок к истине. Именно в эти дни происходит тайное венчание Екатерины со своим избранником.

---

[82] *Дубровин.* Пугачев и его сообщники. Т. 2. С. 410.

[83] В "Списке воинского департамента" на 1776 г. указано, что чин генерал-аншефа Потемкин получил 30 мая 1774 г.

[84] Русский двор сто лет тому назад. С. 200.

[85] Там же.

* * *

По меньшей мере в 28 письмах-записочках Екатерина называет Потемкина "мужем" и "супругом" (30 раз), а себя именует "женой" (4 раза). Иногда эти сокровенные слова она прописывает полностью, иногда обозначает их начальными буквами. Чаще всего она обращается к нему со словами "муж дорогой", но встречаются и такие сочетания, как "муж любезный", " муж милый", "нежный муж", "безценный муж", "муж родной", "собственный мой муж".

"Гришенок безценный, безпримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, цалую и обнимаю тебя душою и телом, му[ж] доро[гой]" (письмо № 72).

Записочки не датированы. Но в одной из них (№ 439), начинающейся словами: "Батинька, Cher Epoux" (дорогой супруг. – *В.Л.*), говорится о приезде в Ригу 21.III принца Генриха. Это 1776 г., когда брат прусского короля прибыл с визитом в Россию. Период первого и самого серьезного кризиса в отношениях между Екатериной и Потемкиным. В другом письме, относящемся к тому же времени (№ 434), говорится: "Владыко и Cher Epoux, я зачну ответ с той строки, которая более меня трогает: хто велит плакать? Для чего более дать волю воображению живому, нежели доказательствам, глаголющим в пользу твоей жены? Два года назад была ли она к тебе привязана Святейшими узами? ... Переменяла ли я глас, можешь ли быть нелюбим? Верь моим словам, люблю тебя и привязана к тебе всеми узами...".

Екатерина прямо говорит о "святейших узах", которыми она – "жена" привязана к Потемкину – "владыке и дорогому супругу", говорит в письме, вызванном упреками и жалобами Потемкина. Это время появления нового фаворита Завадовского, время, когда между супругами часты ссоры, доводящие Екатерину до отчаяния, до слез. Подробно об этом будет сказано ниже, пока же обратим внимание на упоминание Екатериной двух лет, прошедших со дня, связавшего ее с Потемкиным "святейшими узами". Это прямо указывает на 1774 г.

Вплотную к дате тайного венчания подводит нас письмо № 79, в котором говорится: "В викториальные дни производилась всегда пальба во время войны с шведами. А во время мира не стреляют, а сегодня стрелять нельзя, не шокируя шведы, ми[лый] д[руг], м[уж] доро[гой]". Эту записочку легко датировать. Петр Великий постановил напоминать о славной Полтавской виктории пушечным салютом. Потемкин, уже распоряжавшийся в военном ведомстве, запросил императрицу о салюте. Она ответила ласковым отказом. Тому была причина. В ближайшее время ожидался визит в Петербург шведского короля Густава III, с которым осложнились отношения. Не желая "шокировать шведы" накануне встречи с королем, Екатерина отменила салют. В Камер-фурьерском журнале за 27.VI.1774 г. говорится, что в день поминовения Полтавской победы в церкви (в Петергофе) отправлялась Божественная литургия, "по окончании был молебен, а пальбы не было". Следовательно, накануне 27.VI.1774 г. Екатерина называет Потемкина "мужем дорогим". Сближение началось в феврале. Решительное объяснение произошло 27.II, а 3.III наступил Великий пост. По церковным правилам во время поста таинство бракосочетания не совершается. Не

шается оно и на Светлой Пасхальной Седмице. Пасха 1774 г. приходилась на 20.IV. Следовательно, до 28.IV Екатерина не могла венчаться. 29.IV двор переехал в Царское Село. П.И. Бартенев установил, что венчание происходило в храме Св. Сампсония на Выборгской стороне, в Петербурге. Двор вернулся в столицу только 5.VI. Лишь 7-го Екатерина могла вздохнуть свободно: никого из Орловых в городе не было. Но 7-е – суббота – запретный день (наряду со вторником и четвергом) для венчания. Через неделю (15.VI) наступал Петровский пост, длившийся почти месяц. Во время этого поста таинство брака также не совершается. Остаются всего четыре дня, пригодные для венчания: воскресенье 8 июня, праздник Животворящей Троицы; понедельник 9.VI – праздник Сошествия Святаго Духа; среда 11.VI и пятница 13-го. Близость Потемкина к церковным кругам, его приверженность к церковным обрядам позволяют утверждать, что венчание состоялось на Троицу – 8.VI. По приметам, брак, заключенный в такой большой праздник, считался особенно счастливым.

Внимательно посмотрим на записи в Камер-фурьерском журнале. На Троицу литургию служил духовник императрицы Иван Панфилов. По окончании службы императрица принимала поздравления и жаловала к руке придворных, генералитет и чужестранных министров (дипломатов). Затем она отправилась на торжественный обед со штаб- и обер-офицерами лейб-гвардии Измайловского полка. На Троицу приходился их полковой праздник. После обеда она с небольшою свитою поплыла на шлюбках в Екатерингоф и вернулась в Летний дворец в начале 10-го. Для венчания оставались поздние часы – между 10 и 12.

Стояла светлая белая ночь, когда шлюбка отвалила от Летнего дворца на Фонтанке, затем вошла в Неву, пересекла ее и двинулась по Большой Невке. Там в отдаленной, глухой части города возвышался храм Св. Сампсония Странноприимца, основанный по повелению Петра I в честь Полтавской победы. Виктория, поставившая Россию в ряды великих держав, пришлась на Самсона. Храм сохранился до наших дней. Чуть более 500 шагов отделяют его от берега Большой Невки. В соборе перед прекрасным иконостасом (барокко, заставляющее вспомнить великого Бартоломео Растрелли) духовник императрицы Иван Панфилов и обвенчал ее с Григорием Александровичем Потемкиным. Свидетелями были: камерюнгфера Марья Савишна Перекусихина, камергер Евграф Александрович Чертков и адъютант Потемкина, его родной племянник Александр Николаевич Самойлов, поручик лейб-гвардии Семеновского полка.

Следует сказать несколько слов о свидетелях. Молодая провинциальная дворяночка М.С. Перекусихина, приехав в Петербург, сумела (без связей и родных) обратить на себя внимание императрицы, сделалась ее другом и собеседницей. Екатерина советовалась с ней о своих сердечных делах. Не выходя на первый план, Марья Савишна пользовалась влиянием при дворе. Сам Суворов (не любивший придворных), уже будучи прославленным полководцем и генерал-фельдмаршалом, не считал зазорным посылать Перекусихиной подарки. Павел I, по воцарении, наградил ее пенсией. Е.А. Чертков принадлежал к числу самых доверенных лиц Екатерины II. В чине подпоручика Преображенского полка он участвовал в перевороте 1762 г. и закончил карьеру тайным советником и камергером. Имеются свидетельства того, что он дружески относился к Потемкину,

высоко ценил его достижения на юге, подвергавшиеся хуле влиятельных кругов в Петербурге[86]. Из всех родственников Светлейшего, сделавших карьеру в царствование Екатерины II, наибольшим доверием пользовался А.Н. Самойлов. После смерти Потемкина императрица назначила его генерал-прокурором (к удивлению многих опытных чиновников). Этот важный пост (в руках генерал-прокурора находились финансы, тайный сыск, контроль за государственным аппаратом) Самойлов занимал до кончины Екатерины II и был уволен в отставку Павлом I.

9.VI.1774 г. (на другой день после венчания) Екатерина не покидала дворец. Вместе с сыном и невесткою она присутствовала на литургии, принимала поздравления членов Святейшего Синода, обедала в кругу своей семьи и нескольких приближенных. Среди них был Потемкин. Зато 10.VI императрица с небольшою свитою (помимо ее мужа, свиту составляли Евграф Чертков, графиня Прасковья Брюс, братья Павел и Михаил Потемкины и еще несколько лиц) отправилась на шлюбках на Крестовский остров в гости к графу К.Г. Разумовскому. Старинный поклонник Екатерины, родной брат тайного мужа императрицы Елизаветы, граф Кирилл Григорьевич выказывал дружеские чувства новому генерал-адъютанту, которые сохранил до кончины князя. Из дворца Разумовского гости (как отмечает Камер-фурьерский журнал) "соизволили на дрогах прогуливаться по увеселительным местам", затем вернулись к хлебосольному графу, отужинали у него и только в начале 11-го возвратились на шлюбках в Летний дворец. Все это напоминает маленькое свадебное путешествие. Кажется, была и еще одна причина шлюбочных прогулок и возвращений в вечерние часы: не привлекать внимания к плаванию императрицы по Неве поздним вечером 8 июня, на Троицу.

Только в одном-единственном письме (кроме писем мужу) Екатерина позволила себе упомянуть о своих чувствах к Потемкину. 19.VI в большом письме к барону Ф.М. Гримму (недавно начавшаяся переписка с этим, по словам А.С. Пушкина, странствующим агентом Просвещения длилась более 20 лет) Екатерина, сославшись на последнюю европейскую новость – смерть Людовика XV от оспы, не без иронии отозвалась об успехах просвещения во Франции, где король умирает от болезни, средство предупредить которую давно известно. Она сама 6 лет назад подала пример своим подданным, привив себе оспу. И только обсудив эти вопросы, она решилась "поговорить об оригиналах, которые смешат меня, и особливо о генерале Потемкине, который более в моде, чем другие, и который смешит меня так, что я держусь за бока"[87]. Государыня умела хранить тайну.

* * *

9.VI.1774 г. в сражении при Козлудже посланный Румянцевым за Дунай генерал-поручик А.В. Суворов (при содействии М.Ф. Каменского) нанес решительное поражение туркам, открыв путь на Балканы. В тот же день граф И.П. Салтыков успешно отбил атаку противника под Туртукаем. Везир запросил перемирия,

[86] *РС*. 1876, янв. С. 33.
[87] *СБРИО*. Т. 13. С. 407–410.

но Румянцев, имея на руках "полную мочь", ответил ультиматумом: или мир на условиях России, или продолжение войны. Переговоры начались 5.VII в деревне Кучук-Кайнарджи и 10-го завершились подписанием мирного договора. Мир был заключен на условиях победителей. Екатерина могла счесть все происшедшее как доброе знамение, осенившее ее брак с Потемкиным. Дипломаты, аккредитованные при Петербургском дворе, отмечали уныние, царившее в столице до получения известия о мире. Вести с внутреннего фронта были неутешительные. Внезапная смерть генерал-аншефа А.И. Бибикова, сумевшего переломить обстановку в пользу правительственных сил, повлекла за собой новую вспышку мятежа. Пугачев прорвался к Казани, сжег и разграбил богатый губернский город. Защитникам удалось удержать только Кремль. В дыму пожара Павел Потемкин, присланный императрицей расследовать в секретной комиссии обстоятельства и причины возмущения, писал панические письма Екатерине и своему могущественному родственнику.

21.VII в Петергофе собрался Совет при императрице. Читали известия о разорении Казани. Удрученная Екатерина заявила о намерении лично отправиться в Москву и встать во главе защитников древней столицы. Члены Совета были поражены и не возражали. И тогда слово взял глава Коллегии иностранных дел граф Никита Иванович Панин. Он заявил, что отъезд государыни только усилит смятение и поставит Империю на грань катастрофы. Панин предложил дать чрезвычайные полномочия кому-либо из доверенных лиц и поручился за своего брата, заслуженного генерала, живущего в отставке в Москве, в том, что он согласится принять на себя трудную миссию. Совет расходится, не приняв решения. Екатерина колеблется. У нее давние сложные отношения с Паниными. Ей известны их планы ограничения самодержавной власти (по шведскому образцу), их фрондирование в пользу наследника престола. Панин вызывает на объяснение Потемкина (в письме к брату он называет его "фаворитом", не подозревая о тайном браке его с императрицей). Убежденный его доводами, Потемкин докладывает Екатерине. Она просит пригласить Панина и в присутствии Потемкина обсуждает вопросы, связанные с назначением графа Петра Ивановича Панина главноначальствующим против внутреннего возмущения. Предварительное соглашение заключено, и Панин-старший извещает брата о его назначении как о решенном деле. Но он поторопился. 23.VII вечером сын Румянцева привозит известие о мире с Портой. "Я сей день почитаю из щастливейших в жизни моей, где доставлено Империи покой, ей столь нужный", – поделилась радостью императрица с князем М.Н. Волконским, московским главнокомандующим[88]. Примечательно никогда не публиковавшееся письмо Потемкина правителю секретной канцелярии Румянцева П.В. Завадовскому, посланное 25.VII, из Петергофа: "Здравствуй с миром, какова никто не ждал... Пусть зависть надувается, а мир полезный и славный. Петр Александрович – честь века нашего, которого имя не загладится, пока Россия – Россия"[89].

На большом приеме в Ораниенбауме по случаю мира Екатерина наблюдает за лицами иностранных дипломатов: все они, кроме датского и английского, не

[88] Осм. век. Кн. 1. С. 112.

[89] *РГАДА*. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 2665. Л. 1.

могут скрыть досады. Из письма № 88 следует, что императрица еще не отказалась от мысли ехать в Москву. Условия, выставленные графом П.И. Паниным (см. письмо № 91), вызывают ее настороженность. Но Потемкин находит выход: он предлагает перехватить инициативу и в тот самый день, когда Екатерина подписывает полномочия Панину (29.VII), направляет ему письмо. Потемкин напоминает генералу об их беседе в январе и сообщает, что именно он рекомендовал его императрице. "Я благонадежен, что Ваше Сиятельство сей мой поступок вмените в приятную для себя услугу. Я пустился на сие еще больше тем, что мне известна беспредельная Ваша верность к Императрице", – пишет он в конце письма[90], тон и содержание которого показывают, как быстро талантливый ученик овладевал искусством управления государством.

Властные полномочия Потемкина расширяются. 31.V.1774 г. он получает в свое управление Новороссийскую (пограничную!) губернию. В конце июля становится во главе легкой конницы и иррегулярных войск (казаков). Вскоре граф З.Г. Чернышев подает в отставку и Потемкин делается главным в военном ведомстве.

Мир с Портой позволил двинуть против Пугачева крупные силы. По совету Потемкина Екатерина приказывает Румянцеву отправить Суворова для борьбы с мятежниками. Потемкин попытался сделать его своего рода противовесом Панину, назначив Суворова командовать передовыми войсками с определением в Московскую дивизию. Опытный Панин разгадал этот ход и опротестовал его. Екатерина, уже уверенная в скором успехе, приказала Суворову "до утушения бунта" быть в команде Панина. Суворов прискакал на новый театр военных действий уже после того, как Михельсон нанес мятежникам смертельное поражение. За Волгу удалось уйти Пугачеву и 150 казакам. Повстанческая армия перестала существовать. Энергичное преследование беглецов Суворовым на несколько дней ускорило развязку. Казачьи атаманы арестовали самозванца и выдали его отряду правительственных войск. Шедший по пятам за Пугачевым Суворов оказался первым из старших начальников, прискакавших в Яицкий городок, где содержался лже-Петр III. В осеннюю непогоду и распутицу стремительный генерал двинулся к Москве. Но Панин не собирался уступать ему славу спасителя отечества и приказал везти пленника в Симбирск. 1.X.1774 г. Суворов сдал Пугачева Панину и тот при многочисленных свидетелях поблагодарил генерала за ревность и труды. Павел Потемкин поспешил уведомить об этом императрицу, не поскупившись на критику. "Голубчик, Павел прав, – заявила государыня, подводя итог беседе с Потемкиным, хвалившим своего боевого товарища. – Суворов тут участия более не имел, как Томас (комнатная собачка императрицы. – *В.Л.*), а приехал по окончании драк и по поимке злодея" (письмо № 127). Она уже продумала меры по ослаблению панинской группировки и выдвинула на первый план никому не известного Михельсона. Суворов остался без награды, а Потемкин получил еще один предметный урок государственного подхода к делу. Добавим, что он никогда не забывал Суворова и смело поручал ему ответственные задания.

---

[90] *РА*. 1876. Кн. 2. С. 38.

С поимкой Пугачева восстание быстро угасло. И снова Екатерина не могла не подумать о правильности своего выбора. Рука об руку с Потемкиным она справилась с тяжелейшим кризисом, грозившим России неисчислимыми бедами. Поголовное истребление культурного класса – дворянства – и победа неграмотного народного царя могли означать одно: крах государства и огромные жертвы. При всей справедливости возмущения крестьян крепостническими порядками, мздоимством и неповоротливостью администрации на местах (об этом честно доносили А.И. Бибиков, С.И. Маврин, Г.Р. Державин, П.С. Потемкин) беспощадная гражданская война была самой настоящей "политической чумой". Страна нуждалась в успокоении и серьезных реформах. Екатерина уверенно смотрела в будущее: рядом был Потемкин, с которым все становилось легко, все получалось. Она впервые ощутила, что значит разделить бремя власти с человеком, способным нести эту страшную ношу. В их союзе было что-то мистическое. Даже Екатерина с ее реалистическим складом ума чувствовала это. "Батинька Князь, до рождения моего Творец назначил тебя мне быть другом", – напишет она два года спустя (письмо № 443). В другом письме (№ 399) она прямо признается в том, что он дал ей новые способы царствовать. Екатерина обрела точку опоры, внутреннюю уверенность и свободу от грубоватой опеки Орловых и паутины интриг Панина. Ее письма 1774 г. пронизаны какой-то светящейся нежностью. "Миленький, душа моя, любименький мой, у меня нет сегодня здравого смысла. Любовь, любовь тому причиною. Я тебя люблю сердцем, умом, душою и телом. Всеми чувствами люблю тебя и вечно любить буду. Пожалуй, душенька, я тебя прошу – и ты меня люби, зделай милость. Вить ты человек добрый и снисходительный, приложи старанье у Гри[гория] Алек[сандровича], чтоб он меня любил. Я умильно тебя прошу. Также напиши, каков то он, весел ли он и здоров?" (письмо № 81). Это лишь одно из многих подобных писем. Приступы полученной на Дунае лихорадки, частые простуды Потемкина беспокоят Екатерину. В ее заботах о его здоровье слышится нерастраченное материнское чувство (письма № 98, 99, 141, 145). И одновременно со всем этим императрица терпеливо приучает своего мужа к искусству управления, к технике власти. Талантливый ученик схватывает все на лету. "Ах, что за светлая голова у этого человека, – делится своей радостью с Гриммом государыня. – Ему более, чем кому-либо мы обязаны этим миром. И при всей своей деятельности он чертовски забавен" (письмо от 3.VIII.1774 г.)[91].

Круг обязанностей Потемкина очень широк. Как глава Военной коллегии, он ведает кадровыми перемещениями и назначениями в армии, награждениями, производством в чины, пенсиями, отпусками, утверждением важных судебных приговоров. В его архиве сохранились сотни писем и прошений, поданных самыми разными людьми, начиная от простых солдат и крепостных крестьян и кончая офицерами и генералами. Как генерал-губернатор Новороссии, он принимает меры по обеспечению безопасности границ своей губернии, формирует и переводит туда на поселение пикинерные полки. Чтобы заполучить для новых полков опытных боевых офицеров, Потемкин добивается для них привилегий в произ-

[91] *СБРИО*. Т. 23. С. 5–7.

водстве в чины. Одним из первых докладов Потемкина императрице становится доклад о корпусе легких войск, о драгунских, гусарских и о всех нерегулярных войсках, поданный 16.I.1775 г. Верный принципам боевой целесообразности и бережливости (усвоенным во время службы под начальством Румянцева), Потемкин писал: "Старался я, Всемилостивейшая Государыня, представленные здесь полки очистить от всех неупотребительных излишностей и каждый род войска поставить на такой ноге, чтоб вся в нем благоустроенность была соответствована стремительному его движению"[92]. Екатерина утвердила все предложения без изменений. Она довольна его успехами, ласково именует Потемкина "милой юлой", полусерьезно-полушутливо жалуется на его невнимание к ней (письмо № 58) из-за множества дел и напоминает слишком самостоятельному "ученику" о необходимости соблюдать субординацию: представлять ей на утверждение "репортицию" – расписание командного состава армии по дивизиям (письмо № 153). Нет таких вопросов, по которым бы она не советовалась с Потемкиным. Государыня обсуждает с ним свои отношения с сыном и невесткой, причем касается таких интимных подробностей, как связь великой княгини с графом Андреем Разумовским, близким другом наследника престола (письмо № 121). Подготовка суда над Пугачевым и его сообщниками, мотивы приговора (Екатерина использует давний прецедент – "дело Мировича") – все идет для предварительного чтения и одобрения к Потемкину и только после этого зачитывается в Совете (письма № 150–152). В декабре 1774 г. Потемкин награждается орденом Св. Андрея Первозванного – высшим орденом Империи, учрежденным еще Петром Великим. В январе нового 1775 г. после казни Пугачева двор переезжает в Москву. В древнюю столицу собирается цвет российского дворянства, собирается для торжества мира с турками и по случаю внутреннего замирения. На московский период приходится кульминация семейной жизни Екатерины и Потемкина.

* * *

Еще до отъезда в Москву Екатерина обсуждала со своим мужем такие важные мелочи семейной жизни, как устройство своих и его покоев в спешно перестраивавшемся дворце у Пречистенских ворот. Большой дворец в Лефортове погиб в огне пожара. В Кремлевском дворце из-за грандиозных работ, начатых В.И. Баженовым, жить было неудобно. Дворец у Пречистенских ворот стал их домом. Из загородных резиденций Екатерина предпочитает Коломенское с сохранившимся от времен царя Алексея Михайловича сказочным дворцом и маленький домик в купленном у князя С.Д. Кантемира имении Черная грязь (переименованном в Царицыно). Потемкин постоянно находится при императрице. По-прежнему все важные дела идут либо на совет, либо на исполнение к "батиньке", "милому другу", "дорогому мужу". Ратификация мирного договора султаном и манифест о забвении бунта и прощении участников возмущения, указ о сбавке цены с соли и устройство воспитательного дома, сложные отношения с крымским ханом и упразднение Запорожской Сечи, разработка положений гу-

[92] *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 20. Л. 6–33.

бернской реформы и многие другие вопросы, занимавшие Екатерину II и ее соправителя, нашли отражение в личной переписке.

В Москве императрица встретилась с матерью Потемкина, своей свекровью, и оказала ей особые знаки внимания, одарив ее богатыми подарками. Она приняла близко к сердцу смерть старшей сестры Потемкина Марфы Александровны Энгельгардт и пообещала взять во фрейлины его племянниц-сирот. Как и в любой семейной жизни, не обходится без теней. Споры по делам часто заканчиваются ссорами, причем первой идет на мировую Екатерина. Замечательно ее письмо, написаное после одной из таких ссор. "Признаюсь, нарошно не посылала к Вам до девяти часов, чтоб видеть, придешь ли ко мне, а как увидела, что не идешь, то послала наведаться о твоем здоровье. Ты пришел и пришел раздут. Я притворялась, будто то не вижу, и, норовнее во всем тебя, довела сердце и дуванье до упадка и видела с удовольствием, что ты сам уже от нее рад был отделаться... Видишь, как ласка хитра. Она всех видов с радостию приимет, лишь бы дойти до тебя. Ты ее ударишь кулаком, она отпрыгнет с того места и тот же час перейдет занимать способнейшее по ситуации, дабы стать ближе не к неприятелю, но к ее другу сердечному. Кто же он? Его зовут Гришенька. Она преодолевает его гнев. Она ему прощает неправильное коверканье ее слов: она крутым его речам присваивает смысл уменьшительный, спыльчивые пропускает мимо ушей, обидные не принимает на сердце или старается позабыть. Одним словом, ласка наша есть наичистосердечнейшая любовь и любовь чрезвычайная", – заканчивает Екатерина свое признание о силе женской ласки (письмо № 391), признание, заставляющее вспомнить монолог Фигаро о женщинах. Не забудем, что это пишет императрица и самодержица, что у нее самой сильный и властный характер. Она тоже вспыльчива и умеет постоять за себя. Но суровая школа жизни, которую она прошла в молодости, научила ее разбираться в людях и умению владеть собой. Она много страдала в первом браке и даже годы спустя не могла забыть унижений, испытанных ею от первого мужа. "Нет ничего хуже, как иметь мужем ребенка. Я знаю, чего это стоит и принадлежу к числу тех женщин, которые думают, что мужья, которые нелюбимы, всегда виноваты в том сами, потому что поистине я бы очень любила моего мужа, если б к тому представилась возможность и если бы он был так добр, чтобы пожелать этого", – признается она в письме (1767 г.) своей постоянной корреспондентке госпоже Бьельке[93]. "Браки совершаются на небесах", – гласит древняя притча.

8.VII.1775 г. в Москву приезжает герой минувшей войны граф П.А. Румянцев. Перед въездом в древнюю столицу сооружены триумфальные ворота. Встретивший фельдмаршала Потемкин сопровождает своего бывшего начальника во дворец, в покои императрицы. Через два дня, 10-го начинаются торжества. Сквозь толпы народа вереница карет следует в Кремль. В каретах – государыня, ее свита – самые известные и прославленные военачальники, за исключением Орловых. В Успенском соборе Екатерина выстаивает благодарственной молебен. Затем снова шествие в каретах к Пречистенским воротам, во

[93] *СБРИО*. Т. 10. С. 164.

дворец. Потемкин, получивший в этот день титул графа и осыпанный бриллиантами портрет императрицы, сопровождает ее карету верхом. Когда Екатерина выходит из кареты и следует ко дворцу, где все готово для торжественного приема, шлейф ее парадного платья несут четыре фельдмаршала: Румянцев, Чернышев, Разумовский и Панин. Дипломаты поражены великолепием торжества, свидетельствующего о силах страны, выдержавшей 6 лет изнурительной войны и страшное внутреннее возмущение. Фейерверк озаряет московское небо. На 12.VII назначены народные гулянья на Ходынском поле, где лучшие архитекторы России В.И. Баженов и М.Ф. Казаков возвели причудливые павильоны, символизирующие победы минувшей войны. Народ ждет увеселений, во время которых на площадях будут жарить быков и раздавать вино. Внезапно следует уведомление о переносе празднеств на неделю. Причина – болезнь императрицы. Екатерина 7 дней не выходит из внутренних покоев дворца. Только Потемкин и врачи имеют к ней доступ, да еще наследник престола. "Всемилостивейшая Государыня! В какой бы мы очутились тревоге, если бы о положении, в котором Вы изволили находиться, узнали каким-либо иным путем, а не из письма графа Потемкина к фельдмаршалу (князю А.М. Голицыну, остававшемуся в Петербурге. – *В.Л.*)... Нет, Всемилостивейшая Государыня, я не в силах выразить овладевшее нами удручающее беспокойство, – писал И.И. Бецкой 21.VII из северной столицы. – Признаюсь Вам, я был даже готов сам ехать в Москву; первое известие было не настолько удовлетворительно, чтобы меня успокоить... Я дрожу еще и теперь при одной мысли..."[94] Что же произошло? Сама Екатерина в письмах госпоже Бьельке, Гримму, лифляндскому губернатору графу Ю.Ю. Броуну уверяет, что причиной ее болезни стали немытые фрукты. Никто не догадывается о том, что произошло. Это государственная тайна. Когда в конце мая Екатерина с гордостью известила Потемкина коротеньким письмецом (№ 321) о том, что она прошла пешком шесть верст во время паломничества в Троице-Сергиеву Лавру, императрица была на предпоследнем месяце беременности. Торжества 10 июля потребовали от нее напряжения всех физических и духовных сил. 12 или 13.VII Екатерина подарила своему мужу девочку. Это был пятый, последний ребенок Екатерины. Первым был Павел, второй Анна (дочь Понятовского), затем дети от Григория Орлова – сын Алексей (будущий граф Бобринский) и, если верить слухам, дочь Наталья (будущая графиня Буксгевден). И, наконец, дочь Елизавета, рожденная в законном браке, от горячо любимого мужа.

Елизавета Григорьевна Темкина воспитывалась в семье племянника Потемкина А.Н. Самойлова, одного из трех свидетелей тайного брака ее родителей. Вряд ли она знала, кто ее мать. Темкиной не было и двадцати лет, когда ее выдали замуж за генерала И.Х. Калагеорги, грека на русской службе. Кисть В.Л. Боровиковского запечатлела ее облик. На двух портретах мы видим молодую женщину, черты лица которой напоминают отца, фигура – мать. У Елизаветы Григорьевны было несколько сыновей и дочерей. Потомство ее живет и по сей день.

---

[94] *РС*. 1896. Т. 88. С. 412.

* * *

Казалось бы, рождение ребенка должно было закрепить семейный союз. Случилось иначе. Еще до мирных праздников, будучи на сносях, Екатерина посылает грустно-ироничную записочку Потемкину (№ 329). Она желает ему "проиграться в карты", потому что "Вы меня внизу вовсе позабыли и оставили одну, как будто я городовой межевой столб". Эта тональность записочки так поразила Я.Л. Барскова, что он усомнился в принадлежности письма Екатерине. Но, кроме обращения "Милостивый Государь", все написано рукой императрицы. Потемкин на том же листке написал ответ. Он имитирует арабские письмена и дает "перевод": "То есть ответ. Если сметь сказать или доложить, что все писанное неправда, ибо Вас сюда нетерпеливо ожидали". Оправившись после родов, Екатерина почти месяц живет в небольшом домике в Царицыне и постепенно входит в привычный ритм деятельности. Потемкин все время рядом. Вместе они совершают сначала небольшие путешествия (посещают знаменитую усадьбу графа П.Б. Шереметева Кусково), затем поездки, длящиеся несколько дней: в Новый Иерусалим, в Коломну. Письма полны спокойной ласки, нежности.

Прибывший в августе 1775 г. в Москву французский дипломат шевалье Мари Даниэль де Корберон отмечает в своем дневнике (октябрь–ноябрь) влюбленные взгляды, обращенные императрицей на Потемкина, во время придворных балов и торжественных приемов. 26.XI.1775 г. Потемкин жалуется в кавалеры ордена Св. Георгия 2-ой степени за отличия в войне против оттоманов. Фельдмаршал Румянцев (старший кавалер) даже предлагал повысить своего бывшего подчиненного в кавалеры 1-го класса, но Потемкин не позволил ронять достоинство ордена, снискавшего уважение среди боевых офицеров и генералов. Первый класс Военного ордена, согласно статуту, надо было подтвердить выдающейся победой на суше или на море.

26.XII.1775 г. двор возвратился в Петербург. По случаю Нового года Екатерина и Потемкин обмениваются ласковыми письмами. 1.I.1776 г. Григорию Александровичу повелено командовать войсками Санкт-Петербургской дивизии до возвращения из отпуска графа К.Г. Разумовского. В тот же день государыня жалует Дарью Васильевну Потемкину в свои статс-дамы. Мать мужа императрицы жила в Москве и никогда не приезжала в северную столицу. Зато в ближайшем окружении Екатерины появляются многочисленные племянники и племянницы Потемкина. Одним из первых среди флигель-адъютантов царицы (должность учреждена осенью 1775 г. по предложению Потемкина) оказывается Н.П. Высоцкий, племянник главы Военной коллегии. Другой племянник (уже знакомый нам) А.Н. Самойлов получает важный пост секретаря Совета при императрице. В круг близких друзей Екатерины входит ее новая фрейлина А.В. Энгельгардт. 13.I.1776 г. государыня посылает в Вену письмо. Послу, князю Д.М. Голицыну, поручается исхлопотать княжеское достоинство для Потемкина. "Григорий Александрович по наружности так велик, велик, что захочет, то сделают, – спешит поделиться придворными новостями с мужем графиня Е.М. Румянцева. – Третьего дня, в вечеру уже это было, на братнином

дежурстве[95], чтобы Конную гвардию отдали в команду, что как полк весь этот опустился. Это было поутру, что дала приказ писать, а там остановили. Опять в вечеру послали, а многие уверяют, что горячность уже прошла та, которая была; и он совсем другую жизнь ведет, вечера у себя в карты не играет, а всегда там прослуживает. У нас же на половине (у наследника престола. – *В.Л.*) такие атенции в угодность делает, особливо по полку, что даже на покупку лошадей денег своих прислал 4 000 р., и ходит с представлениями, как мундиры переменять и как делать, и все на апробацию. Вы бы его не узнали, как он нонеча учтив предо всеми. Веселым всегда и говорливым делается. Видно, что сие притворное только. Со всем тем, чего бы он ни хотел и ни просил, то, конечно, не откажут"[96]. Письмо умной и наблюдательной женщины. В нем же Румянцева дает понять мужу о появлении нового фаворита – Петра Васильевича Завадовского. Не менее наблюдательный француз Корберон почти в те же дни записывает в дневнике беседу с шевалье Козимо Мари, приехавшим из Пизы другом графа Алексея Орлова. "Он сказал мне еще, что Григорий (Орлов. – *В.Л.*) состоит в браке с Императрицей, что он все еще в милости и что неблагодарной креатуре Потемкину недолго сохранять свой фавор..."[97] Корберон прибавляет, что новые богатые пожалования Потемкину (о подаренных ему деревнях пишет и Румянцева), по слухам, означают его скорую отставку и опалу.

Кризис в отношениях Екатерины с Потемкиным длился с конца января по конец июля 1776 г. О его фазах можно судить по письмам императрицы своему мужу и соправителю. Тяжелое впечатление оставляют эти письма при чтении: ссоры, размолвки, взаимные упреки и обвинения – вот их главное содержание. Чтобы понять происходящее, следует напомнить о том, что Екатерина играла отнюдь не декоративную роль в управлении государством. Она знала цену власти и умела пользоваться ею. Слишком часто она видела, как меняются люди под бременем власти. Недаром, заканчивая "Чистосердечную исповедь", она просит Потемкина не только любить ее, но и говорить правду. Известно изречение Екатерины: "Мешать дело с бездельем". Современники отмечали ее умение шуткой, непринужденной беседой ослаблять гнет власти и государственных забот. Она любила до самозабвения играть с маленькими детьми, с чужими детьми, потому что своих почти не знала. Признаваясь Потемкину в пороке своего сердца, которое "не хочет быть ни на час охотно без любви", она как бы говорила: жить без любви и взаимной ласки невозможно. Екатерина пыталась сохранить для себя и своего избранника тепло семейного уюта, оградить свой интимный мир от страшной силы государственной необходимости. С Потемкиным это оказалось невозможным. Она сама вовлекла его в большую политику и... потеряла для себя. Два крупных, сильных характера не смогли ужиться в семейных рамках. "Мы ссоримся о власти, а не о любви", – признается

[95] Речь идет о родном брате графини Е.М. Румянцевой генерал-фельдмаршале и генерал-адъютанте князе А.М. Голицыне. Во время его дежурства Потемкину хотели поручить (и поручили) Конную гвардию. Письмо от 2.II.1776 г.

[96] Письма Румянцевой. С. 197.

[97] *РА*, 1911, № 5. С. 41.

Екатерина в одном из писем (№ 425). Первой она поняла суть этого противоречия, первой почувствовала необходимость отдалиться от Потемкина (как женщина), чтобы сохранить его, как друга и соправителя. Еще в начале декабря 1775 г., до обострения отношений, она писала: "Я твоею ласкою чрезвычайно довольна и она, конечно, есть мое утешение... все пройдет и моя бездонная чувствительность сама собою уймется и останется одна чистая любовь" (письмо № 358).

В начале 1776 г. императрица сближается со своим новым секретарем П.В. Завадовским, кстати говоря, одногодком Потемкина, которого К. Валишевский почему-то изобразил "молодым, обворожительным" соперником отставленного фаворита. Менее известно, что именно Потемкин рекомендовал его императрице, что Завадовский в льстивом письме заверял своего благодетеля в преданности. Он сделался секретарем государыни в одно время с А.А. Безбородко (своим старым другом). Но если его товарищ сумел стать фактическим главой Коллегии иностранных дел, третьим лицом в государстве (после Екатерины и Потемкина), то Завадовский и во время своего фавора и после него оставался незначительной фигурой.

Камер-фурьерский журнал отметил первое появление Завадовского за обеденным столом императрицы 26.VII.1775 г. Екатерина отдыхала в Царицыне после рождения дочери. Вскоре учтивый и хорошо образованный полковник становится завсегдатаем в узком кружке государыни. Его включают в свиту, сопровождавшую Екатерину во время поездок в Новый Иерусалим, Коломну, Тулу. После возвращения двора в Петербург Завадовский получает повышение – жалуется в генеральс-адъютанты императрицы (не путать с генерал-адъютантом). Он восторженно пишет о своем неожиданном счастье своему другу графу С.Р. Воронцову. Как контрастирует этот восторг маленького человека с письмом Потемкина московскому архиепископу Платону. "Угодно было Всемогущему Богу возвысить меня так, как мне в ум не приходило, – пишет Потемкин после пожалования в генерал-адъютанты. – Я крепко уповаю, что Он со мною и днесь, и впредь будет и даст мне силу служить Его Святой Церкви. Сие правило началось во мне с младенчеством и кончится с жизнею. Аще Бог по нас, кто на ны"[98]. Не в личном счастье, не в упоении властью видел он свое призвание, а в служении Церкви, Государыне и Отечеству.

Отношения резко обостряются после возвращения в Петербург (из заграничного путешествия) князя Г.Г. Орлова. Этот приезд некогда самого влиятельного сотрудника императрицы наряду с фавором Завадовского побуждают противников Потемкина к активизации усилий с целью его свержения. Огромная власть, которой наделила его государыня, власть, помноженная на его самостоятельность и деятельность, вызывала зависть и злобу. Английский поверенный в делах Оак доносит в Лондон в январе 1776 г.: "Императрица начинает видеть в другом свете вольности, которые позволяет себе ее любимец...»[99]. В том же донесении говорится о возросшем влиянии Орловых. Очевидно, Оак передал

---

[98] *РА*, 1879, № 9. С. 20.

[99] Русский двор сто лет тому назад. С. 209.

слухи, уловил ожидания придворных кругов, но через две недели все же был вынужден поправиться: "Власть любимца, т.е. Потемкина, по-видимому, более обширна, чем когда-либо"[100].

Потемкин с его обостренным чувством собственного достоинства не мог не задуматься о своем будущем. Всего 14 лет прошло с того дня, когда он, молодой вахмистр Конной гвардии, почувствовал свою причастность к таинственному ходу истории. Переворот возвел на престол Екатерину, переворот извлек Потемкина из неизвестности, ввел его в круг государственных людей. Общение с императрицей и ее сотрудниками сформировало его интересы, а затаенная любовь к Екатерине заставляла постоянно работать над собой, чтобы быть достойным ее внимания. Годы боевой деятельности научили Потемкина бесстрашно смотреть в лицо опасности, закалили характер. Внезапная перемена в его положении не сломала его сильную натуру. Он оказался достойным выбора великой женщины. Но он знает: пока он на вершине власти, перед ним будут заискивать, стоит ему лишиться поддержки государыни, вчерашние льстецы превратятся в самых непримиримых врагов. Ведь все они смотрят на него как на очередного фаворита, баловня счастья, случайного человека. Не может же Потемкин объявить, что он не фаворит, не временщик, а муж императрицы и самодержицы Всероссийской. Он свято хранит опасную тайну, помнит участь своего товарища по полку Федора Хитрово, приговоренного вместе с другими гвардейскими офицерами к казни за угрозы убить Орловых и свергнуть Екатерину с престола, если ее брак с Григорием Григорьевичем не расстроится. Екатерина помиловала заговорщиков, заменила казнь высылкой в деревни. Но еще опаснее для нее была широкая оппозиция этому браку со стороны виднейших сановников, таких, как Никита Панин. Еще непрочно чувствовавшая себя на престоле, она не решилась тогда пойти против традиций и предрассудков дворянства. Ему – Потемкину – она принесла эту жертву, по-прежнему таящую угрозу и для него, и для нее самой.

Тайный брак с Екатериной наложил трагический отпечаток на всю жизнь Потемкина. Современники (и потомки) судили его по понятным им законам, не подозревая о великой тайне. И этот суд был тем пристрастнее, чем больше трудился Потемкин на благо Отечества и во славу Государыни, чем больше властных полномочий передала ему Екатерина. Проклятье фаворита тяготело над ним при жизни, преследовало его после смерти.

Все это следует помнить, читая переписку за февраль-июнь 1776 г. Потемкин не раз срывается: угрожает уйти со всех постов, оскорбляет свою жену как женщину, требует для себя Курляндского герцогства, настаивает на удалении Завадовского. Проявляя поразительное терпение, Екатерина делает все для того, чтобы сохранить Потемкина на вершине власти. Из письма в письмо она не устает повторять, что ее доверие к Потемкину безгранично, что она любит его и никогда не оставит (письма № 420, 447, 451). Екатерина умоляет его устоять в его новом положении (письмо № 452), называет его по-прежнему "владыкой

[100] Там же.

и дорогим супругом", а себя "женой", связанной с ним " Святейшими узами" (письмо № 434). В минуту безысходного отчаяния, охватившего Потемкина, она спешит придти ему на помощь: «Мой муж сказал мне недавно: "Куды мне идти, куды мне деваться?" Мой дорогой и горячо любимый супруг, придите ко мне, Вы будете встречены с распростертыми объятиями» (письмо № 430). Потемкин устоял, сумел подняться над личным интересом и написал своей жене-императрице слова, которых она так ждала. В двух сохранившихся письмах (№ 435 и 436) поражает даже не столько задушевность и нежность, с какими он обращается к Екатерине, называя ее "голубушкой", сколько его жизненное кредо, высказанное с такой определенностью. "Моя душа бесценная, ты знаешь, что я весь твой и у меня только ты одна. Я по смерть тебе верен, интересы твои мне нужны, как по сей причине, так и по своему желанию. Мне всево приятней твоя служба и употребление заранее моих способностей..." (письмо № 436). Он пожертвовал своей личной свободой ради служения Государыне. Екатерина оценила эту жертву. Фавориты менялись. Могущество и влияние Потемкина росли.

* * *

Уже в мае 1777 г. дипломаты заговорили о немилости императрицы к Завадовскому и о подлинном влиянии Потемкина на дела. 8.VI.1777 г. Завадовский получает 3-х месячный отпуск и покидает Петербург. Заливаясь слезами, отставленный фаворит умоляет Екатерину о сохранении ее милости и... милости князя Григория Александровича. Государыня обещает исполнить просьбу. Тон ее письма, в котором она рассказывает Потемкину о прощании с Завадовским, спокоен и деловит (письмо № 496): роман с Завадовским кончился, место самого близкого друга остается за ее мужем.

Все фавориты, сменявшие друг друга после Завадовского (кроме Зубова, о котором будет сказано особо), прежде, чем стать любимцами императрицы, служили адъютантами у Потемкина. Очевидно, после кризиса, вызванного появлением Завадовского, между Екатериной и Потемкиным было заключено негласное соглашение: каждый фаворит должен защищать интересы князя при дворе. Императрица требовала от фаворитов беспрекословного подчинения Потемкину. При нарушении этого правила фаворит получал отставку. Можно осуждать эту практику с точки зрения высокой морали. Политическая ее разумность очевидна. Не случайно любимцами императрицы становились молодые люди, не имевшие ни богатства, ни влиятельных родственников. Своим возвышением они всецело были обязаны Потемкину и Екатерине. Ни один из них не играл самостоятельной роли, даже Зубов, получивший после смерти Потемкина огромную власть.

После удаления Завадовского новым фаворитом стал храбрый гусарский офицер, серб Семен Гаврилович Зорич. Он был представлен императрице Потемкиным. Когда же темпераментный гусар (осыпанный наградами) возомнил себя важной персоной и бросил вызов тайному мужу государыни, он тут же получил отставку и был сменен 24-хлетним прапорщиком-преображенцем Иваном Николаевичем Римским-Корсаковым. Надо ли говорить, что Корсаков был адъю-

тантом Потемкина. В письмах к мужу Екатерина ласково называет Корсакова "дитятей". Барону Гримму она описывает античную красоту нового любимца. Сохранилось несколько любовных писем императрицы молодому красавцу. Вот одно из них. "Нетерпеливость велика видеть лучшее для меня Божеское сотворение. По нем грущу более сутки, уже навстречу выезжала. Буде скоро не возвратишься, сбегу отселе и понесусь искать по всему городу"[101]. Но стоило "милому дитяти" примкнуть к противникам Потемкина (под влиянием Орловых), как влюбленная женщина берется за перо и на бумагу ложатся четкие строки. "Ответ мой Корсакову, который называл Князя Потемкина общим врагом. Примечание о слове общий враг.

Буде бы в обществе или в людях справедливость и благодарность за добродеяние превозходили властолюбие и иных страстей, то бы давно доказано было, что никто вообще друзьям и недругам и безчисленному множеству людей делал более неисчисленное же добро, начав сей щет с первейших людей и даже до малых. Вреда же или нещастье нанес ни единой твари, ниже явным своим врагам; напротиву того во всех случаях первым их предстателем часто весьма оказался. Но как людским страстям упор не редко бывает, того для общим врагом наречен. Доказательства вышеписанному не трудно сыскать; трудно будет именовать, кому делал нещастье. Кому же делал добро, в случае потребном подам реестр предлинной тех одних, кого упомню"[102]. И красавец Корсаков получил отставку. Ходили слухи о том, что фаворит был удален якобы из-за любовной связи с графиней Прасковьей Брюс. Приведенное выше письмо раскрывает подлинную причину: когда дело касалось чести Потемкина, Екатерина была непреклонной. Государыня брала верх над женщиной.

Вчитаемся в строки письма Екатерины Потемкину (№ 572), написанного в те же самые дни, что и письмо-отповедь Корсакову. "Слышу я, батинька, что ты живешь в лагерь. Весьма опасаюсь, что простудися. Пожалуй к нам в покой; каков ни есть – суше и теплее, нежели в палатке. Мне кажется год, как тебя не видала. Ау, ау, сокол мой дорогой. Позволь себя вабить. Давно и долго ты очень на отлете". Вся музыка письма с прелестным обращением: "Ау, ау, сокол мой дорогой", с употреблением старинного русского глагола "вабить" (приласкать, приручить) – свидетельство того, что Потемкин в ее душе занимал больше места, чем все фавориты вместе взятые.

Корсакова сменил Александр Дмитриевич Ланской, небогатый смоленский дворянин, кавалергард (с 1776), имевший чин армейского поручика. Екатерина обратила на него внимание, Потемкин взял Ланского в адъютанты, а через месяц молодой красавец (ему шел 22-ой год) стал флигель-адъютантом императрицы. О силе привязанности Екатерины к некоторым из фаворитов свидетельствует то безысходное отчаяние, которое охватило ее после скоропостижной смерти 26-летнего Ланского в 1784 г. Она затворяется в своих покоях (в Царском Селе) и никого не хочет видеть. "Моего счастья не стало, – признается она в своем горе Гримму. – Я думала, что не переживу невознаградимой

---

[101] *РА*, 1881. Кн. III. С. 403.

[102] Соч. имп. Екатерины II. Т. 12. 2-ой полутом. С. 656.

потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю тому назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости; он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усваивал себе мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделявший мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям... со вчерашнего дня я встала с постели, но слаба и до такой степени болезненно расстроена в настоящее время, что не в состоянии видеть человеческого лица без того, чтобы не разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни есть; чтение нагоняет на меня тоску, а писать я не в силах. Не знаю, что будет со мной..."[103]

Императрица потеряла волю к жизни. Один из самых доверенных сотрудников государыни А.А. Безбородко (по совету лейб-медика И. Роджерсона) вызывает с юга Потемкина, занятого устройством своих губерний. "Нужнее всего – стараться об истреблении печали и всякого душевного безпокойства, – писал он Потемкину. – К сему одно нам известное есть средство – скорейший приезд Вашей Светлости, прежде которого не можем мы быть спокойны..."[104] Потемкин поспешил в Царское Село.

"Я глубоко убеждена, что у меня много истинных друзей, – поведала позднее Гримму Екатерина. – Самый могущественный, самый деятельный, самый проницательный – бесспорно, фельдмаршал Потемкин. О, как он меня мучил, как я его бранила, как на него сердилась! Но он не переставал вертеться и все перевертывать вокруг меня, пока не извлек из маленького моего кабинета в десять сажен, которым я завладела в Эрмитаже; и надо отдать ему справедливость, что он умнее меня, и все, что он делал, было глубоко обдумано"[105]. Сохранились письма Ланского Потемкину, в которых он называет его "дядюшкой", трогательно сетует на скуку, царящую в отсутствие князя, сокрушается о болезни Светлейшего и постоянно сообщает ему о состоянии здоровья и о настроении государыни.

Не занимая официальных постов, фаворит был постоянным собеседником императрицы, ее доверенным лицом, которому поручалось докладывать письма князя, его мнения (помимо Безбородко), сообщать Потемкину мнения Екатерины по тем или иным вопросам. Особенно возросла роль фаворита с началом русско-турецкой войны, потребовавшей длительного присутствия Потемкина на театре военных действий. Письма полковника М.А. Гарновского (доверенного человека Потемкина, обладавшего обширными связями при дворе) показывают, как много значила поддержка фаворита Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова, бывшего адъютанта князя и его дальнего родственника. Годы брали свое. Психологические нагрузки возрастали и государыня нуждалась в моральной поддержке. Когда основные силы русской армии оказались скованными на юге, шведский король Густав III вероломно начал боевые действия в непосредственной близости от Петербурга. За спиной турок и шведов обозначилась мощная антирусская коалиция во главе с Англией и Пруссией. Потребовалось огромное

[103] *СБРИО*. Т. 23. С. 316–317.
[104] *СБРИО*. Т. 26. С. 281.
[105] *СБРИО*. Т. 23. С. 326.

напряжение всех сил, чтобы выдержать этот натиск. Хотя у Потемкина имелись в столице сторонники и надежные информаторы, сильной партии у него никогда не было. Гарновский в своих донесениях на юг показал, как "социетет" – придворная группировка во главе с графом А.Р. Воронцовым и П.В. Завадовским (к ним поначалу примыкал и главный докладчик Екатерины граф А.А. Безбородко) пыталась воспользоваться военными обстоятельствами для того, чтобы подорвать значение и доверие Потемкина в глазах государыни и добиться его замены (на посту главнокомандующего главной действующей армией) Румянцевым. Противовесом "социетету" стал Мамонов. В дни тяжелого кризиса, который пережил Потемкин после получения известия о гибели от шторма Черноморского флота (см. письма № 790, 793, 799, 800 и примеч. к ним), князь просил у императрицы разрешения приехать в столицу, временно сдав армию Румянцеву. Мамонов сумел смягчить формулировку первого ответа расстроенной Екатерины. Он начинался словами: "Я думаю, что в военное время фельдмаршалу надлежит при армии находиться". Ему же удалось добиться требуемого разрешения на приезд князя, хотя он поспешил уведомить начальника канцелярии Светлейшего В.С. Попова о нежелательности приезда Потемкина в Петербург. "Вам, как другу, должен признаться, – писал Мамонов 25.IX.1787 г., – что желание ево сюда приехать Государыню огорчило, хотя все по требованию ево отсюда и отправляется. Я как почитаю и люблю ево безмерно, то желал бы, чтоб он отложил свой вояж на несколько времени, а к зиме приехал бы сюда". Потемкин оценил совет и приписал на полях: "Я, конечно, прежде времени не поеду, но, имея дозволение в руках, я вольнее думать могу"[106]. Императрица и фельдмаршал Румянцев поддержали Потемкина, сознавая ответственность, которая лежала на его плечах. Вскоре большая часть флота собралась в Севастополе, а Суворов разгромил турецкий десант под Кинбурном и заставил противника отказаться от активных наступательных действий. Кризис благополучно миновал. Тот же Мамонов твердо поддерживал князя во время затянувшейся очаковской осады, когда нажим на Екатерину был особенно сильным. К "социетету" присоединились союзники-австрийцы, терпевшие неудачи. Они требовали скорейшего взятия Очакова и наступления русской армии в Молдавии, что позволило бы оттянуть главные силы противника, действовавшие против австрийцев. Екатерина оценила усилия Мамонова и стала чаще привлекать его к делам, как подающего надежды государственного деятеля. Она постоянно хвалила "милого Сашу" в письмах к Потемкину. В 1788 г. он получил графское достоинство. "Моя милая Катиша. Уведомь, каково почивала, – писал ей осчастливленный фаворит. – Скажи мне, что меня очень любишь, и верь, что я с моей стороны верно, искренно и нежно тебя люблю"[107]. Мамонову было 28 лет, Екатерине 59. Она любила его и ревновала к великой княгине – жене сына. Каким же ударом стало для Екатерины признание Мамонова в том, что он почти год любит фрейлину княжну Дарью Щербатову и просит разрешения соединить с ней свою судьбу. И Гарновский, и статс-секретарь Храповицкий пишут о слезах императрицы, страдающей от сердечных

[106] *РНБ ОР*. Ф. 609. Д. 164. Л. 33.
[107] *Шубинский С.Н.* Исторические очерки и рассказы. М., 1995. С. 135–136.

мук. Но Екатерина находит в себе силы и лично обручает жениха и невесту. Она простила Мамонова, богато одарила его и не без колебаний настояла на его отъезде в Москву. Ее предсказание о том, что брак не будет счастливым, сбылось. В письмах к Потемкину она не в состоянии скрыть своих страданий. "Утешь ты меня, приласкай нас", – просит она своего мужа, единственного человека, который по-настоящему понимает и ценит ее (письма № 966, 975). Не без смущения признается она о появлении "чернявого" (Зубова), заботы о котором вернули ее к жизни. 22-летний ротмистр Конной гвардии Платон Зубов занял место фаворита в нарушение установленной договоренности. В письме В.С. Попову Гарновский дал понять разницу между Мамоновым и Зубовым. Упомянув Н.И. Салтыкова и А.Н. Нарышкину, стоящих за спиной новичка, осведомленный и наблюдательный Гарновский отметил: "Однако же все до сих пор при воспоминовении имяни Его Светлости неведомо чего трусят и безпрестанно внушают Зубову иметь к Его Светлости достодолжное почтение... Бог знает, что будет впереди. Зубов... не заменит того, что был Граф Александр Матвеевич, что доказывают слезы, пролитые в день свадьбы". В том же письме прямо говорится о страхе самой государыни, нетерпеливо ждущей от Потемкина ответа на сообщенную ему новость[108].

Готовясь к решающим сражениям, Потемкин понимал, как важно в трудное для страны время поддержать силы и твердость духа Екатерины. С нарочитой грубоватостью он утешает свою жену-императрицу, бранит Мамонова и заявляет о своей готовности услужить ее новому любимцу (письма № 976, 979). Появление Зубова нарушило равновесие, сложившееся при дворе. Поначалу это почти никак не сказалось на отношениях между государыней и князем. Потемкину удалось наладить тесное деловое сотрудничество с Безбородко, а блестящие победы армии и флота в 1789–1790 гг. лишили его противников малейшей возможности поколебать авторитет Светлейшего в глазах Екатерины, хотя ей самой стало труднее противостоять интригам и давлению извне. Пока "чернявый" осторожно и робко привыкал к своему новому положению, европейский кризис достиг своего апогея. Несмотря на то, что летом–осенью 1790 г. России (при активном участии самой императрицы) удалось заключить мир со Швецией, несмотря на сокрушительные поражения, нанесенные Порте (почти на год затянувшей переговоры о мире), англо-прусская коалиция в ультимативной форме потребовала от России прекращения военных действий на юге. Под давлением новых европейских диктаторов Австрия была вынуждена пойти на сепаратный мир с Турцией. Прусские и польские войска стали концентрироваться у границ России. Британский флот готовился к походу на Петербург. Англо-прусские дипломаты убеждали турок продолжать войну, сулили шведскому королю большие суммы денег за разрыв недавно заключенного мирного договора. Оскорбленная ультиматумами прусского короля, его интригами в Турции и Польше, усиленными антирусской политикой британского кабинета, императрица занимала жесткую позицию. В любой момент дипломатическая борьба могла перерасти в новую войну, грозившую России тяжелыми испытаниями. Созданный коалицией кризис во внешних отношениях мог вызвать серьезные внутриполитические

---

[108] *РС*, 1876. Т. XVI. С. 404.

осложнения в самих правящих кругах Империи. Через масонские ложи прусский король установил тайные контакты с наследником престола Павлом Петровичем. В берлинских влиятельных кругах стали поговаривать о замене царствующей особы на российском троне. Потемкин почувствовал угрозу. Пользуясь зимним затишьем, он стал настойчиво добиваться разрешения на приезд в Петербург (письма № 1101, 1102, 1104, 1105). Государыня побаивалась встречи с ним из-за Зубова, к которому она успела привязаться. Не без колебаний она согласилась на приезд своего мужа и соправителя (письма № 1107, 1108). Потемкин прибыл в столицу и принял активное участие в сложной дипломатической борьбе, развернувшейся весной 1791 г. Он настаивал на разумных компромиссах, государыня плакала, но не соглашалась даже на формальные уступки новоявленным диктаторам. О напряжении тех дней дает представление запись в "Дневнике" (который велся тайно) статс-секретаря императрицы А.В. Храповицкого от 17.III.1791: "Захар (старший камердинер государыни Зотов. – *В.Л.*) из разговоров с Князем узнал, что упрямясь, ничьих советов не слушает. Он намерен браниться. Плачет с досады, не хочет снизойти переписаться с Королем Прусским. Князь сердит на Мамонова, зачем, обещав, его не дождался и оставил свое место глупым образом". После бурных сцен с Екатериной, Потемкин решил действовать через "Платошу" – нового фаворита. Его решительно поддержал опытный и осторожный А.А. Безбородко. В мае 1791 г. совместными усилиями императрицы, Потемкина, Безбородко, посланника в Лондоне Воронцова и других лиц удалось выиграть дипломатическую битву. Англия и Пруссия согласились на условия, давно предлагаемые Россией для мира с Портой. По приказу Потемкина русская армия перешла в наступление и победоносно завершила войну. Последней победой стала решительная победа Черноморского флота в тот самый день, когда покинутый своими союзниками южный сосед России подписал предварительные условия мира. Еще до этой победы Потемкин поскакал на юг, считая своим долгом подвести итоги войне, утвердившей Россию в ранге Черноморской державы. В литературе имеет распространение версия о том, что Светлейший Князь Таврический интригами Зубова и его партии был поставлен в невыносимое положение, что императрица уже не доверяла ему, как прежде, и потребовала его отъезда. Громадная власть, сосредоточенная в руках соправителя, якобы пугала ее. Письма не подтверждают этих домыслов. Екатерина и Потемкин уже в течение нескольких лет прекрасно уживались друг с другом, разделив полномочия по управлению Империей: государыня правила на севере, князь на юге. По окончании войны Потемкин (давно не любивший Петербурга) мог продолжить прерванную турецкой агрессией грандиозную программу хозяйственного и культурного строительства в Северном Причерноморье. Судьба распорядилась иначе. Потемкин умер накануне открытия мирных переговоров. Умер после тяжелой, изнурительной болезни (см. письма № 1160, 1162 и примеч. к ним). Платон Зубов много лет спустя жаловался на князя, якобы помешавшего ему сделаться вдвое богатым: "Хотя я победил его наполовину, – сетовал фаворит, – но окончательно устранить с моего пути никак не мог. А устранить было необходимо, потому что Императрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня же

она только любила и часто указывала на Потемкина, чтоб я брал с него пример"[109]. Каким контрастом к этим словам являются последние письма смертельно больного Потемкина своей жене-императрице. Благо и честь Государыни, благо и честь Отечества – вот главный мотив этих писем, пронизанных предчувствием близкой смерти. И почти в каждом письме приписка с поклоном "Платону Александровичу", уже выказавшему к нему свою ненависть. Не о Зубове думал в последние минуты жизни Светлейший Князь Таврический. В недатированной записочке (написанной, очевидно, во время последнего пребывания в Петербурге и адресованной А.А. Безбородко – главному докладчику императрицы) Потемкин признался: "Естли есть кто, имеющий право не терпеть от зависти, то ето я, ибо в жизнь никому не позавидовал. Будучи впротчем довольно филосов, дабы не ослепляться тщетою дел, великих дел я не производил, а много усердных. И сим я обязан источнику моего счастия, кому все и отношу.

Ежели придет кстате, то упомяни: всем видна моя благодарность и усердие к Ея особе. И сие правда"[110]. Он совершил великие дела. Наблюдательные современники писали о том, что блеск царствования Екатерины Великой померк со смертью Потемкина. Сама императрица, потрясенная смертью своего мужа и соправителя, призналась: "Теперь вся тяжесть правления лежит на мне"[111].

* * *

В одной из своих книг о Екатерине Великой К. Валишевский привел мнение знаменитого французского критика прошлого века Ш. Сент-Бёва, сравнившего российскую императрицу с Елизаветой Английской и Христиной Шведской: когда фаворит переставал нравиться Екатерине, она осыпала его подарками; королевы предавали отставленных фаворитов казни. Вывод Сент-Бёва не в пользу Екатерины: "Это было уж слишком и явно выражало презрение к людям и народам". Валишевский находил этот парадокс "слишком строгим"[112]. Кстати говоря, западноевропейская историография и литература всегда были слишком строги (за редкими исключениями) ко всему, что связано с историей и политикой России. Екатерине не могли простить разделов Польши (как будто в них участвовала только Россия), Потемкину – его фаворитизма. Но фаворитизм был распространенным явлением не только в России и не только в XVIII в., хотя Век Просвещения дал своего рода "образцы". Вспомним маркизу де Помпадур, влиятельную фаворитку Людовика XV. Вспомним Струэнсе – лейб-медика душевнобольного датского короля Христиана VII. Сделавшись фаворитом его жены Каролины-Матильды, врач захватил в свои руки управление страной. Струэнсе был свергнут придворными кругами и погиб на эшафоте. Королеву с позором изгнали из страны. Ее брат – король Великобритании Георг III – всю жизнь страдал психическим расстройством, которое упорно скрывали сменявшие друг друга политические лидеры. Его семью сотрясали постоянные скандалы.

---

[109] *РС*, 1876, сентябрь. С. 43.

[110] Автограф. – *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Ед./хр. 1. Л. 32.

[111] *РА*, 1878. Кн. 3. С. 199.

[112] *Валишевский К.* Роман одной императрицы. С. 157.

Дочери императрицы Марии-Терезии имели дурную репутацию. Исключение составляла Мария-Антуанетта, муж которой король Людовик XVI сумел подарить ей детей лишь после специальной операции. Король Польши Станислав Август взял в фаворитки любовницу своего брата князя Казимежа Понятовского, погрязшего в кутежах и разврате. Слабовольный и недалекий испанский король Карл IV находился под башмаком своей жены Марии-Луизы. Страной правил ее фаворит князь Годой. Фридрих Великий Прусский и Густав III Шведский обходились без прекрасных фавориток, предпочитая им лиц своего пола. О разврате, царившем при дворах мелких германских и итальянских владетелей, известно из сочинений писателей-просветителей. "Исповедь" великого женевца Жан-Жака Руссо свидетельствует о гнусном обращении с женщиной автора и его подгулявших друзей – поборников высоких идеалов. Говоря об английской аристократии, лорд Френсис заметил, что если бы он написал мемуары, то многие великосветские дамы были бы вынуждены признать, что фамилии их сыновей не могли совпадать с фамилиями их законных мужей.

Французская революция во имя идеалов свободы, братства и равенства отправила на гильотину короля и королеву, казнила многочисленных представителей дворянства и духовенства, а также тысячи мужчин и женщин, не принадлежавших к привилегированным сословиям. Разврат и коррупция буквально захлестнули страну во время террора и после падения якобинцев. Диктатор Франции, а затем Европы Наполеон Бонапарт грубо и бесцеремонно обращался не только с женщинами. Почти все европейские государства либо лишились независимости, либо подпали под власть диктатора. Об этом не любят вспоминать, рассказывая о наполеоновской эпопее. Если пишут о русском походе, в котором император потерял свою армию и свою страшную силу, то на первый план обязательно выдвигают миф о генерале-морозе. Мощь Российской империи, сумевшей остановить претендента на мировое господство, в значительной степени была подготовлена деятельностью Екатерины Великой, Потемкина и их соратников. Не одно европейское государство обязано этой мощи восстановлением самостоятельности и независимости. Но стоит заговорить с западным интеллектуалом о Екатерине и Потемкине, как в ответ последуют сентенции о "разделах Польши", о фаворитах и фаворитизме, о "потемкинских деревнях". Отечественный интеллектуал прибавит жертвы деспотизма императрицы – Радищева и Новикова. Эти мифы обладают большой устойчивостью.

Завершая исторический экскурс, посвященный фаворитизму, отметим, что и Орлов, и Завадовский, и Ермолов, и Дмитриев-Мамонов обзавелись семьями еще при жизни Екатерины. По-разному сложилась их судьба. Орлов не пережил смерти горячо любимой молодой жены и умер, не дожив до 50 лет. Завадовский при внуке Екатерины стал первым министром народного просвещения. У него было несколько детей. Он умер в начале 1812 г. Зорич не был женат. Растратив свое огромное состояние, он умер в 1799 г. Всего на 4 года пережил его Дмитриев-Мамонов. Как и предсказывала Екатерина, он не был счастлив в браке и жил раздельно с женой, родившей ему четверых детей. Последний фаворит императрицы Зубов почти все время жил вдали от Петербурга (он был

участником заговора и убийства императора Павла I). Незадолго до своей смерти (в 1822 г.) он женился на молоденькой, незнатной и небогатой красавице-полячке и страшно ревновал ее. А вот Римский-Корсаков счастливо прожил почти 30 лет с чужой женой (графиней Строгановой), подарившей ему двух дочерей и сына. Он умер в 1831 г. и мог многое рассказать московским знакомым – историкам, писателям, тому же А.С. Пушкину, который серьезно интересовался Екатериной и ее временем. В 1805 г. после злосчастного аустерлицкого поражения большое участие в судьбе русских пленных принял отставной генерал-майор Ермолов, незадолго до того переселившийся в Австрию с женой и детьми. В Австрии он и умер в 1834 г. – последний из длинного списка любимцев великой женщины.

И только Потемкин не имел ни дома, ни семьи. Его любили женщины, боготворили племянницы, которых он вывел в люди. Все они сделали блестящие партии. В письмах к дядюшке они (уже матери семейств и хозяйки в собственных домах) называют его отцом, жалуются на то, как им без него скучно и мечтают о встрече с ним, как о празднике. С почтением и любовью писали к нему и жены его родственников. Потемкин не был равнодушен к прекрасному полу. Незадолго до смерти он посылает «Прасковье Андреевне" (Потемкиной? Голицыной?) страстные любовные письма, полные какого-то мистического чувства. Грустью веет от этих посланий, пронизанных сознанием невозможности земного счастья – в семье, с любимой женщиной. Вокруг Потемкина кипела жизнь, а он – глава и благодетель обширного рода – оставался соломенным вдовцом, одиноким странником на дороге бытия. Символична его смерть – в дороге, в степи, под широким южным небом. Князь скончался на руках своей племянницы графини Браницкой (см. письмо № 1162 и примеч. к нему), о которой британский посланник Джеймс Гаррис доносил в Лондон как о возможной супруге всесильного соправителя императрицы. Искушенный дипломат ухаживал за Потемкиным в надежде при его содействии добиться важного для Англии союза с Россией. Гаррис даже не подозревал, что князь не может жениться, будучи связан "Святейшими узами" с самой Екатериной. О том, что могли знать и знали доверенные лица из окружения государыни, красноречиво свидетельствует письмо графа А.А. Безбородко, написанное всего за два с половиной года до смерти Потемкина. "Мы живем весело и, ежели пребывание Князя Григория Александровича облегчает нас в делах публичных, то для меня оно еще особенную выгоду приносит, что я облегчен со стороны нападок злых людей, – писал Безбородко 9.III.1789 в Лондон своему племяннику В.П. Кочубею. – Князь у Льва Александровича (Нарышкина. – *В.Л.*) всякий вечер провождает. В городе уверены, что он женится на Марье Львовне. Принимают туда теперь людей с разбором, а вашу братью, молодежь, исключают..."[113]. Безбородко знал многие государственные тайны. Он выдал новому императору Павлу I завещание его матери, оставлявшей престол не сыну, а внуку Александру. Но, как видим, и Безбородко не подозревал о браке Екатерины с Потемкиным. Немногочисленные свидетели их венчания сохранили тайну брачного союза императрицы и простого дворянина. Одну из самых романтичных тайн русской и мировой

[113] *СБРИО*. Т. 29. С. 113–114. (С ошибочной датой – 1791 г.).

истории. Но история не была бы Историей, если бы лица, действующие на ее подмостках, не оставляли бесчисленных свидетельств словом и делом. Когда в 1870-е годы были обнаружены письма Екатерины барону Ф.М. Гримму, П.И. Бартенев предварил их публикацию восторженной фразой: "Здесь представляются в русском переводе выдержки из этих драгоценных писем, обнародование которых составляет эпоху в изучении XVIII века и которые несомненно должны сделаться настольной книгой для историка Екатерины и ее времени"[114]. Что же сказать о личной переписке государыни с Потемкиным, впервые собранной воедино?! Ни один официальный документ не говорит столько о сокровенных движениях мысли и чувства, как письмо, написанное по горячим следам, не предназначенное для чужих глаз. Письма позволяют услышать живые голоса Екатерины и Потемкина. Приведем только один-единственный пример: письмо Потемкина с ответами государыни, написанное в трудное для них время – в феврале–марте 1776 г. (см. письма № 416–436 и примеч. к ним). Не отступая ни на йоту от текста письма, позволим себе изменить каноническую форму его публикации.

Потемкин: Позволь, голубушка, сказать последнее, чем, я думаю, наш процесс и кончится.

Екатерина: Дозволяю. Чем скорее, тем луче.

Потемкин: Не дивись, что я безпокоюсь в деле любви нашей.

Екатерина: Будь спокоен. Рука руку моет.

Потемкин: Сверх безсчетных благодеяний твоих ко мне, поместила ты меня у себя на сердце.

Екатерина: Твердо и крепко.

Потемкин: Я хочу быть тут один преимущественно всем прежним для того, что тебя никто так не любил.

Екатерина: Есть и будешь. Вижу и верю.

Потемкин: А как я дело рук твоих, то и желаю, чтоб мой покой был устроен тобою, чтоб ты веселилась, делая мне добро…

Екатерина: Душою рада. Первое удовольствие.

Потемкин: Чтоб ты придумывала все к моему утешению и в том бы находила себе отдохновение по трудах важных, коими ты занимаешься по своему высокому званию. Аминь.

Екатерина: Само собою придет. Дай успокоиться мыслям, дабы чувства действовать свободно могли; оне нежны, сами сыщут дорогу лучую. Конец ссоры. Аминь.

Получился диалог из пьесы, автором которой является сама жизнь.

* * *

Впечатляющие достижения екатерининского царствования в значительной мере объясняются пониманием государыней и ее ближайшими сотрудниками коренных интересов России. Здесь следует сделать небольшое отступление и

---

[114] *РА*. 1878. Кн. 3. С. 5.

сослаться на мнения русских историков. Еще в 60-е годы прошлого века М.Ф. Шугуров, предваряя публикацию перевода "Записок" графа Сегюра (французского посланника при дворе Екатерины II), привел два разительные примера. В царствование Анны Иоанновны Бирон, стоявший во главе русского правительства, оскорблял русских государственных деятелей, презрительно называя их "русские". При Екатерине имя "русские" для служилых иностранцев стало "почетным титлом и необходимым условием" для приобретения уважения и доверия императрицы. "Вы, надеюсь, уже стали русским?" – спрашивает государыня одного из иностранных принцев, прослужившего около года в России. "Восстановление уважения к русской народности, – делает вывод историк, – составляет величайшую историческую заслугу Екатерины"[115].

Серьезнее и глубже посмотрел на правление Екатерины Н.Я. Данилевский. В своем уникальном труде "Россия и Европа" (высоко оцененным Ф.М. Достоевским и графом Л.Н. Толстым) он указал на одно из последствий петровских преобразований. После Петра правящие государством лица относились ко всему русскому с презрением. "После этого тяжелого периода долго еще продолжались, да и до сих пор продолжаются еще колебания между предпочтением то русскому, как при Екатерине Великой, то иностранному, как при Петре III или Павле... Во все царствование Екатерины Великой Россия деятельным образом не вмешивалась в европейские дела, преследуя свои цели... С императора Павла, собственно, начинаются европейские войны России... Интересы Европы, особливо интересы Германии, так близко лежали к ее сердцу, что оно билось только для них..."[116]. Крупнейший геополитик своего времени, Н.Я. Данилевский выделил правление Екатерины Великой по двум причинам. Она почти завершила собирание того, что "в несчастные времена истории России было отторгнуто от нее соседями". В ее царствование Россия встала в ряды великих держав, вызвав уважение, зависть и страх Европы. По мысли ученого, политическая система европейских государств, наследница Западной Римской империи Карла Великого, "получила себе противовес в возобновленной Иоаннами, Петром и Екатериной Восточной Римской империи... Мысль о таковом значении России обнаружилась и определилась в гениальной русской монархине и в гениальном полномочном министре ее Потемкине Таврическом"[117]. Взгляды Н.Я. Данилевского на Россию, как "на самобытную славянскую силу", особенный "культурно-исторический тип", были негативно встречены общественными течениями, господствовавшими в стране, видевшими поступательный ход истории только в русле западноевропейской цивилизации. Но ученый оказался провидцем. Он указывал на историческую роль России, ссылаясь на пример наполеоновского нашествия. Не похожая на Европу империя сумела сокрушить европейского диктатора. В XX в., во время двух мировых войн, потрясших основы строившейся по единому образцу западной цивилизации, Россия сыграла свою важную роль в восстановлении международного равновесия.

---

[115] *РА*. 1866. Стб. 1595–1596.

[116] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 40 и 267.

[117] Там же. С. 322.

Есть еще один принципиальный вопрос оценки деятельности Екатерины II. На него указал в 1950-е годы русский историк В.В. Леонтович (вынужденный после революции трудиться за пределами родины). "В кругах западноевропейских просветителей, – писал он в своем блестящем исследовании "История либерализма в России. 1762–1914", – было особенно ярко выражено абсолютно отрицательное отношение к историческому прошлому России. Этим людям вся русская история представлялась варварским периодом, которому необходимо как можно скорее и самым коренным образом положить конец"[118]. Исследователь цитирует слова знаменитого французского юриста, экономиста и администратора Мерсье де ла Ривьера, посетившего Россию по приглашению Екатерины II. "В этой стране, – заявил де ла Ривьер, – все необходимо уничтожить и делать заново". Лучше не скажешь! В этой связи, отмечает В.В. Леонтович, понятно, почему только Петр Великий пользуется некоторым уважением на Западе: «он радикальным образом порвал с прошлым своего народа и... совершенно серьезно хотел именно "разрушать" и "делать заново". Но друг Вольтера и Дидро исповедовала иной принцип. Под влиянием идей Монтескье императрица считала, что законы должны соответствовать характеру народа, страны и другим условиям человеческого бытия, "в сознании Екатерины существовали также положительная оценка настоящего порядка и положительный подход к исторической реальности"[119]. Далеко не случаен интерес Екатерины к русской истории, которую она изучала, как профессиональный исследователь.

"Я тысячу раз говорила Вам,– признавалась она одному из своих зарубежных корреспондентов, – что я годна только для России"[120]. Екатерина имела в виду не одни огромные пространства своей родины, не тронутые цивилизацией. Она знала ее возможности и верила в творческую силу народа. "Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкою, умом, силою, – писала Екатерина. – Я знаю это по двадцатилетнему опыту царствования. Бог дал русским особое свойство. ... Взойдет звезда Востока, откуда должен воссиять свет, ибо там больше, чем где-нибудь, хранится под пеплом духа и силы"[121].

На пьедестале Медного всадника в Петербурге помещена надпись: "Петру Первому Екатерина Вторая". Она считала себя продолжательницей дела Петра, открывшего России выход к морю. Поколение Екатерины Великой сумело осуществить то, перед чем остановилось поколение царя-преобразователя. Замечательно рассуждение Екатерины о его успехах. "У Петра Великого были такие люди, которые и грамоте не знали, а все таки дело шло вперед. Стало быть, неурожая на людей не бывает. И как скоро есть такой двигатель, все пойдет прекрасно"[122]. Она сама и ее избранник были такими двигателями. Уже на склоне лет М.М. Сперанский отметил, что в России XVIII в. было четверо гениальных государственных деятелей: Меншиков, Потемкин, Суворов и

---

[118] *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 43.
[119] Там же.
[120] *РА*, 1878. Кн. 3. С. 37.
[121] *РА*, 1911, № 7. С. 316.
[122] *РА*, 1911, № 7. С. 313.

Безбородко (с оговоркой, что последний "не имел характера"). Трое из них – "екатерининские орлы". Особенно ярко на государственном поприще развернулся талант Потемкина.

Письма показывают, как быстро рос этот человек, которого императрица любовно называла своим учеником. Порученное Потемкину управление военным ведомством могло поглотить творческие силы не столь одаренной, как он, натуры. Екатерина словно почувствовала призвание своего мужа и соправителя: назначила его генерал-губернатором Новороссии! А может быть, он сам вызвался на этот пост. Оказавшись ответственным за судьбы обширного, малонаселенного, пограничного края, своего рода предполья для борьбы с османскими завоеваниями, Потемкин не мог не задуматься о перспективах Новороссии и о коренных целях политики России. Инерция политического мышления после Петра I сводила приоритеты внешней политики к европейским делам. Крымские походы Петра, его поход против Порты 1711 г. и Прутская катастрофа, поход в Персию – казались его наследникам чем-то побочным, вынужденным. Они все более и более втягивались в сложный клубок борьбы между европейскими государствами, не сулившей России никаких выгод и только отвлекавшей ее силы от национальных нужд. Таким политиком в первый период царствования Екатерины II был граф Н.И. Панин, сторонник прусского короля Фридриха II, творец "северной системы", обременительной для государства. Потемкин возглавил новый курс – поворот с запада на юг. По его инициативе (это признает сама императрица – см. письмо № 820) был заключен русско-австрийский союз, развязавший руки в достижении того, что оказалось не под силу Петру I. Обосновывая необходимость присоединения Крыма, Потемкин привел неотразимые доводы, звучавшие смело и убедительно: "Всемилостивейшая Государыня! Неограниченное мое усердие к Вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая Вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, Цесарцы без войны у Турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Присоединение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит" (письмо № 635). На первом месте для Потемкина стоит безопасность южных губерний, подвергавшихся грабительским набегам крымских ханов, вассалов Турции. Граница России медленно продвигалась на юг и должна была остановиться на естественной черте – на берегах Черного моря. Несколько лет Екатерина и Потемкин готовились к присоединению Крыма. В этом историческом акте приняли участие П.А. Румянцев, А.А. Безбородко и другие лица (при противодействии панинской партии), но главная роль принадлежала соправителю императрицы. Момент был выбран очень удачно. Ведущие европейские державы Англия и Франция сошлись в очередной войне за торговую и колониальную гегемонию. Они не смогли использовать свое влияние при дворе султана, и Крымское ханство вошло в состав империи. Почти в то же время царь Картли-Кахети Ираклий II подписал договор о протекторате России над его владением. В том же направлении действовал и соперник Ираклия царь Имеретии Соломон I. Переговоры с грузинскими правителями велись через

Потемкина. "Матушка Государыня, – писал он 5.VIII.1783 г. из Крыма – Вот, моя кормилица, и грузинские дела приведены к концу. Какой Государь составил столь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза еще большая. Земли, на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому, а Таврический Херсон – источник нашего християнства, а потому и людскости, уже в объятиях своей дщери. Тут есть что-то мистическое. Род татарский – тиран России некогда, а в недавних времянах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильич, Вы же истребили корень. Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской..." (письмо № 674).

Ученик императрицы, как и она сама, прекрасно знал всемирную и отечественную историю. Он обладал редким стратегическим даром и политическим реализмом, свободным от евроцентристских догм, присущих политикам типа Панина. Большой реалисткой в политике была государыня. Но даже она уступает в этом Потемкину. У него нет и намека на геополитические фантазии в духе Греческого проекта (написанного А.А. Безбородко). Екатерина всерьез помышляла о воссоздании Византийской империи, о буферном государстве Дакии, об изгнании турок из Европы. Потемкин, все чаще и чаще покидавший столицу ради вверенного его управлению южного края, лучше и реалистичнее оценивал возможности и перспективы. Его цель – заселить, обустроить, обеспечить безопасность южных земель, создать там земледелие и промышленность. За 10–13 лет под руководством Потемкина возникли новые города и села, были построены верфи и корабли Черноморского флота, заведены фабрики, литейные заводы, проложены дороги. В столице юга – основанном Потемкиным Екатеринославе – он предполагал открыть университет, который должен был стать рассадником знаний не только среди местного населения, но и среди балканских народов, находившихся под игом Османской Турции. Не о захвате новых земель думал Потемкин (см. письма!), а о процветании южных губерний, о развитии торговли, земледелия, ремесел, науки, искусств. Знаменитое путешествие Екатерины II на юг в 1787 г. должно было показать Европе, что России есть, что защищать, и есть чем защищать. Потемкин сделал на юге больше, чем Петр I на севере. Полномочные министры Великобритании, Франции, Австрии сопровождали Российскую государыню в этом путешествии. В районе днепровских порогов к ней присоединился император Иосиф II, который во время торжественной церемонии закладки нового города Екатеринослава ассистировал своей союзнице. Иностранцы были не в силах скрыть своего изумления созидательным подвигом России в Северном Причерноморье. Они называли увиденное чудом из "Тысячи и одной ночи". Ответом на продемонстрированные Потемкиным (получившим почетную приставку к своему имени – Таврический) достижения стал не только миф о "потемкинских деревнях". Новой войной ответила Европа на этот мирный вызов России. Войну начала Турция. Вскоре к ней присоединилась Швеция. Но за спиной воюющих явственно обозначились такие ведущие державы Европы, как Пруссия и Великобритания. Им удалось вовлечь в антирусскую коалицию Голландию и Польшу. Под их нажимом Россию оставили ее союзницы – сначала Дания, затем Австрия. Эта война стала

самым серьезным испытанием внутренней и внешней политики, проводимой Екатериной Великой и Потемкиным. Четыре года войны, потребовавшие от императрицы и ее соправителя напряжения всех физических и духовных сил, с предельной полнотой отразились в их переписке, которая составляет бо́льшую половину книги. Нет нужды и смысла пересказывать эту переписку. Ее нужно читать. Заметим только, что подавляющее большинство писем Потемкина императрице этого периода публикуется впервые и позволяет понять и оценить все перипетии борьбы против мощной европейской коалиции, борьбы, закончившейся блистательным успехом русской армии и флота, русской дипломатии. Письма 1787–1791 гг. развенчивают миф о несостоятельности Потемкина как полководца. Возглавив армию и флот на юге России, Светлейший князь Таврический сумел добиться не виданных ранее успехов малой кровью. Боевые действия велись на огромном пространстве от Северного Кавказа до Дуная. Победы одерживали командовавшие отдельными корпусами генералы: Суворов, Репнин, Гудович, Дерфельден, Текелли, Герман. На море неувядаемой славой покрыл себя адмирал Ушаков, поставленный во главе молодого Черноморского флота Потемкиным. Победы гребной флотилии связаны с именами Алексиано, Нассау, Рибаса. Но общее руководство войной, планирование кампаний и операций осуществлял Потемкин. Он и здесь, далеко опередив свое время, не был понят и оценен по достоинству современниками, привыкшими видеть полководца на поле брани. Русские военные историки, опубликовавшие в самом конце XIX в. бумаги князя Потемкина-Таврического, уже тогда (с большим опозданием!) сделали вывод о том, что вторая турецкая война должна быть названа "потемкинскою". Они не знали писем Светлейшего императрице, приведенных в настоящем издании. Эти письма свидетельствуют: через все трудности военного времени Екатерина Великая и Потемкин уверенно и твердо вели государственный корабль к цели. Не раз государыня писала князю, что она гордится им – своим учеником. Когда ей удалось заключить мир со Швецией и ослабить напряжение, созданное противниками России, Потемкин поздравил ее словами: "Здравствуй, матушка Всемилостивейшая Государыня, с плодом неустрашимой твоей твердости"! Великая женщина в письме к барону Гримму приводит эти слова, как самую высокую оценку своей деятельности на благо России. Письма красноречиво повествуют о том, что "наставница и друг" Потемкина в трудное для России время обращалась к мужу и соправителю за советами, признавая за ним авторитет учителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание вошли 1162 письма и записочки. Из них 830 принадлежат Екатерине II, 332 – Потемкину. Если взглянуть на это собрание писем внимательно, то окажется, что до сближения императрицы с Потемкиным они обменялись письмами всего лишь 3 раза. Положение меняется после приезда Потемкина в Петербург по вызову Екатерины. За 9 лет с февраля 1774 г. до 1783 г. государыня написала ему 568 писем и записочек, получив в ответ только 64. На самом деле ответных писем Потемкина было больше, но осторожная и опытная Екатерина сжигала любовные послания своего избранника. Он же сохранил все (или почти все) письма и записочки влюбленной в него женщины (ставшей с 8.VI.1774 г. его женой). Поначалу она писала их чуть ли не каждый день, а то и по нескольку раз за день. Таких коротеньких, нежных "цыдулок" набирается до 200 (1774–1775). Когда же между супругами и соправителями устанавливается регулярная переписка, вызванная длительным пребыванием Потемкина на юге (сначала занятого устройством вверенных его управлению губерний, строительством городов и Черноморского флота, присоединением Крыма, затем войной), соотношение писем корреспондентов выглядит принципиально иначе. Из 527 писем, которыми они обменялись за 8 лет (с 1783 по день кончины Потемкина 5 октября 1791 г.), на долю князя приходится 266, на долю императрицы 261 письмо. Хотя порой невозможно строго разделить личную и официальную переписку (личное и государственное тесно переплеталось друг с другом), следует еще раз подчеркнуть: настоящая публикация основана на личной переписке. Несколько официальных документов включены в ее состав (не более 20–25) из-за важности их содержания. Сама же официальная переписка весьма обширна и опубликована далеко не полностью (на 60–70%)*. Она состояла из донесений, рапортов и представлений Потемкина на высочайшее имя и рескриптов, указов императрицы на имя князя. Только во время войны 1787–1791 гг. Екатерина направила Потемкину около 100 рескриптов (официальных уведомлений и распоряжений, главным образом, по вопросам войны, мирных переговоров, отношений с другими державами). В свою очередь Потемкин направил к ней более 300 донесений и рапортов о ходе боевых действий, о мирных переговорах, о планах войны, более 100 представлений о наградах отличившихся в сражениях генералов, адмиралов, офицеров, о производстве в чины. Им составлены десятки записок по самым разнообразным вопросам: от способов комплектования армии до построения новых типов военных судов, от крупных стратегических комбинаций до тактических разработок ведения боевых действий в различных условиях. Ведь Потемкин был не только главнокомандующим вооруженных сил юга России, но и оставался прези-

---

* Рескрипты и указы Екатерины II на имя Потемкина опубл.: *СБРИО*. Т. 13, 27, 42, *РА*, 1874. Кн. II, Донесения и рапорты Потемкина на высочайшее имя, главным образом, опубл. *СБВИМ*. Вып. IV, VI–VIII.

дентом Военной коллегии. Эти официальные документы в значительной мере использованы при комментировании писем, как, впрочем, и письма Екатерины II и Потемкина другим лицам, указы, ордера, сообщения, написанные или продиктованные ими.

Большая часть личной переписки уже публиковалась. Прежде всего это относится к письмам Екатерины, увидевшим свет в 1870–1880 годы (см. подробнее в ст. *Лопатин В.* Письма, без которых история становится мифом). Но почти треть переписки публикуется впервые. Из новых, ранее не публиковавшихся писем, более 250 принадлежат Потемкину, около 70 Екатерине. Если же учесть объем новых писем, они составят почти половину переписки. А если к ним прибавить письма, опубликованные в редких дореволюционных изданиях (таких, например, как "Сборник биографий кавалергардов". Изд. 1904 г.), то объем нового и малоизвестного материала превысит половину предлагаемой вниманию читателей книги.

Все письма (за редкими исключениями, когда не удалось найти подлинники и пришлось пользоваться публикациями) сверены с оригиналами. Подавляющее большинство писем (более 90%) – автографы. Это и понятно: ведь они не предназначались для чужих глаз. Письма написаны по-русски, всего 4–5 – по-французски, но вставок отдельных слов, фраз и целых абзацев на французском языке значительно больше, хотя в целом объем французского текста не превышает 5%. Письма написаны на плотной бумаге, как правило, чернилами, реже карандашом (это относится в основном к коротеньким любовным записочкам Екатерины). Они сшиты в объемистые фолианты, имеющие твердый переплет. Порядок писем (особенно не датированных) порой весьма произвольный. Некоторая часть писем (хранящихся в ИРЛИ, ГА РФ, в фонде 1 РГАДА, в Петербургском институте истории) имеет первозданный вид и находится в специальных папках. На ряде писем сохранились следы сургучных печатей, на оборотной стороне можно прочитать имя, отчество и фамилию адресата (если это письмо императрицы) или официальную титулатуру Екатерины – "Ея Императорскому Величеству" (если пишет Потемкин). Записочки, которыми обменивались корреспонденты, находясь в одном месте (в Петербурге, в Царском Селе) не содержат никаких пометок (за некоторыми исключениями). Сохранность автографов и подлинников отличная. Слова, написанные карандашом, покрыты лаком. Порой их трудно читать из-за малого контраста текста и бумаги. Почерк Екатерины не крупный и не мелкий, очень четкий, легко разбираемый. Почерк Потемкина крупный, размашистый – скоропись середины XVIII в. Поначалу из-за своеобразия написания некоторых букв, слияния некоторых слов чтение писем Потемкина было затруднительно, но по ходу работы и приобретению навыка эти трудности исчезли сами собой.

Следует сказать несколько слов об орфографии писем и принципах публикации. В своей блестящей лекции, посвященной Екатерине II, В.О. Ключевский заметил: "Она хорошо говорила и даже порядочно писала по-русски; господствовавшая при дворе безграмотность извиняла ее промахи в синтаксисе и особенно в орфографии, где она в слове из трех букв делала четыре ошибки (исчо – еще)". Нам не удалось (просмотрев более 1000 собственноручных писем императрицы) найти подтверждения этому филологическому курьезу. Напомним, что Екатерина приехала в Россию в возрасте 15 лет и должна была выучить русский язык. Судя по письмам, она овладела им в совершенстве, легко излагала на нем свои мысли и чувства. Орфография и синтаксис ее писем далеки от совершенства. Например, она пишет: "можно быть" вместо "может быть", "быть здаров" вместо "будь здоров", "к тебя" вместо "к тебе", "самы" вместо "сами", "выпутаеся" вместо "выпутаешься", "не уступлю свою праву"

вместо "не уступлю своего права". Но при всем при том строй ее речи (а письма Екатерины и Потемкина, написанные, как правило, без помарок и черновиков, передают именно живую речь наших героев) прост и понятен. Екатерине органически присуще стремление к логичности и ясности. Письма передают характер человека, привыкшего не только постоянно пользоваться пером (она говорила, что дня прожить не может без письменной работы, и написала не только множество официальных бумаг, тысячи писем, но и несколько драматургических произведений, целый том воспоминаний, заметки по русской истории и т.д.). Они рисуют деятельницу, постоянно сознающую ответственность за каждое написанное слово. Конечно, личные письма (особенно те, которые, написаны в минуты душевного подъема или в минуты грусти) отличаются от официальных бумаг повышенной эмоциональностью, теплотой, нежностью, страстью, но и в них слышится присущая Екатерине ирония, уравновешенность сильного характера, опытность государственного человека.

Язык Потемкина – уроженца смоленщины, выросшего в Москве – ясный, легкий, свободный. В нем слышится музыка московского говора, напевность русских былин и песен (Потемкин страстно любил музыку и был ее тонким ценителем и знатоком в отличие от немузыкальной Екатерины). Ему также много приходилось заниматься канцелярскими делами, много писать официальных бумаг. Его работоспособность (вопреки мифам) поразительна и нисколько не уступает, а, может быть, даже превосходит трудолюбие и работоспособность императрицы. Обладая феноменальной памятью, сильным, оригинальным умом и основательными знаниями в самых различных областях науки, техники, культуры, военного дела, Потемкин умел слушать, умел читать, умел схватывать суть дела. Легко и быстро он диктовал деловые бумаги, не менее легко и споро писал их сам (почти без помарок). Большая часть писем, за исключением продиктованных в дни тяжелой болезни в 1783 г. и накануне смерти) написана Потемкиным собственноручно. Язык этих писем явно опережает литературный язык того времени, скованный условностями и канонами. В нем на удивление мало архаизмов и церковно-славянских слов (при постоянном интересе Потемкина к богословию и его тесном общении о церковными кругами). Он гибок, прост, понятен, очень современен. Пишет Потемкин грамотнее многих современников, хотя и у него встречаются некоторые характерные и устойчивые ошибки. Так, в целом ряде слов он никогда не ставит мягкого знака, всегда пишет "Полша", "болше", "менше". В безударных словах часто вместо "о" пишет "а". Но синтаксис его фраз безупречен. Его стиль энергичный, ясный, точный. Не за эту ли ясную голову, за умение Потемкина найти выход из трудных обстоятельств, предложить оригинальное решение вопроса, за умение дать совет и воплотить его в жизнь, оценила и полюбила его такая незаурядная женщина, как Екатерина Алексеевна. Они прекрасно дополняли друг друга. Методичная, аккуратная императрица и русский дворянин с его широтой и размахом.

Следует указать на общую особенность языка писем того времени, присущую не только Потемкину и Екатерине. Так писали и Суворов, и Безбородко, и Румянцев и многие другие видные деятели. В письмах, разделенных несколькими днями, а то и в одном и том же письме можно встретить разные написания одного и того же слова: "если" и "естьли" (у Екатерины), "если" и "естли" (у Потемкина), "зделать" и "сделать", "счет" и "щот", "лутче" и "лучше" (иногда "луче" – у Екатерины) и т.д. Это свидетельства еще недостаточно устоявшихся норм письменной речи. Для передачи языкового колорита эпохи эти особенности сохранены. В целом, тексты писем воспроизводятся без сокращений с соблюдением правил современной орфографии и пунктуации. Пропущенные слоги и слова даются в квадратных скобках. Мягкие знаки

расставлены без скобок. Устаревшие формы прилагательных и местоимений именительного и родительного падежей: "друг сердечной", "нашаго генерала", "добрыя вести" – заменены на современные: "друг сердечный", "нашего генерала", "добрые вести". В порядке исключения сохранены некоторые устойчивые сочетания типа "друг милой". Исправлены очевидные описки и ошибки – пропуски букв, замены "и" на "е", "о" на "а". Все эти случаи специально не оговариваются. Сохранены правила обращения и титулатуры, как важные приметы времени. С прописных букв даются слова и словосочетания типа: "Ваше Императорское Величество", "Генерал-Фельдмаршал", "Контр-Адмирал", "Вице-канцлер", "Прусский Король", "Князь", "Граф" и т.п.

Даты писем приведены по старому стилю (за исключением некоторых случаев, когда в комментариях пришлось давать двойные даты и по старому, и по новому стилю). В квадратные скобки заключены даты писем и указания на место их отправления, восстановленные составителем.

Несколько слов следует сказать об иностранных текстах. Екатерина свободно владела французским языком. Готовя к изданию ее письма барону Ф.М. Гримму, академик Я.К. Грот заметил, что у императрицы хороший французский, не в пример немецкому, ее родному языку. Последний нес печать устарелости (соответствовал немецкому языку ее детства), а французский (выученный в детстве) совершенствовался подкрепляемый обильным чтением. Екатерина признавалась, что она испытала сильное влияние Вольтера и как мыслителя, и как стилиста. Достойно внимания отметить, что свои воспоминания императрица писала по-французски. Язык ее пьес, написанных по-русски, тяжеловат в сравнении с французским языком воспоминаний и уступает языку ее русских писем. При воспроизведении французских текстов устранены орфографические ошибки и сохранены старинные формы написания некоторых слов: окончания повелительного наклонения глаголов во 2-м лице множественного числа: вместо "ez" – "es"; слово "tems" вместо "temps" и т.п.

Встречаемые в тексте иностранные слова, написанные по-русски, объясняются в подстрочных примечаниях. Такие титулы турецких чиновников, как "рейс-эфенди", "кегая-бей" и другие, объясняются в соответствующих комментариях. Данные о лицах, упоминаемых в письмах, приводятся в комментариях: в случае первого упоминания дается развернутая характеристика того или иного лица, его чин на время написания письма, его последний чин. Для крупных российских и зарубежных деятелей, как правило, приводятся данные о занимаемой ими должности.

Составитель выражает глубокую признательность Т.В. и Н.В. Бодко, проверившим и отредактировавшим тексты на французском языке; всем работникам архивов, рукописных фондов библиотек и музеев, оказавшим помощь в собирании материалов для книги. Особую благодарность автор приносит кандидату философских наук Н.Н. Лисовому за его советы и Н.Г. Михайловой за помощь в работе над книгой.

1769–1770

1. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24.V.1769

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 210–211.
Публикация – *Лебедев*, примеч. к с. 107–108, с иной датой – 27 мая 1769 г.

Это первое из дошедших и, скорее всего, самое первое письмо Потемкина Екатерине II. За семь лет, прошедших со времени переворота 28 июня 1762 г., вахмистр лейб-гвардии Конного полка Потемкин превратился в действительного камергера двора Ее Императорского Величества (пожалован 22.IX.1768 г.). В связи с объявлением Турцией войны России он волонтером (добровольцем) отправился в действующую армию, получив разрешение императрицы.

[1] *...при корпусе Князя Прозоровского. – Прозоровский* Александр Александрович (1734–1809) – князь, генерал-майор, командовал авангардом 1-ой армии генерал-аншефа князя А.М. Голицына. Прозоровский окончил Сухопутный кадетский корпус, участвовал в Семилетней войне, которую закончил в чине полковника. За отличия в боях в апреле 1769 г. был награжден орденом Св. Александра Невского. Повышаясь в чинах, Прозоровский не выказал полководческих талантов. Долгое время занимал генерал-губернаторские должности в Курске, Орле, Москве. Произведенный в конце жизни в генерал-фельдмаршалы он вновь оказался на берегах Дуная во главе армии. Ничем не проявил себя и вскоре умер.

Потемкин прибыл к Прозоровскому в местечко Бар в период затишья. Вскоре противник перешел в наступление. 16.VI.1769 г. Прозоровский при содействии резервного корпуса генерал-поручика Х.Ф. Штофельна отбил атаку 12 000 турок, переправившихся через Днестр. В числе особо отличившихся в этом деле был "камергер Потемкин".

[2] *... не включая меня навсегда в военный список, но только пока война продолжится.* – Переход из одного рода службы в другую требовал разрешения верховной власти. Потемкин числился при дворе. Он просит включить себя в армейский список только на время войны. Но судьба его решена. Отныне он навсегда связал себя с русской армией. 23.VI.1769 г. последовало повеление Екатерины II главе Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву: "Нашего камергера Григория Потемкина извольте определить в армии" (*Дубровин*. Т. 2. С. 403).

2. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21.VIII.1770

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 1.
Публикуется впервые.

Потемкин получил чин генерал-майора со счислением старшинства со дня пожалования в камергеры. 29.VIII.1769 г. он успешно сражается в кавалерийском бою. О нем с похвалой отзывается главнокомандующий князь А.М. Голицын, как об отличном кавалерийском начальнике. В конце 1769 г. Голицына сменяет генерал-аншеф граф П.А. Румянцев, лучший полководец России того времени. Заслуживает внимания письмо Потемкина новому главнокомандующему: "Благодарю, Милостивый Государь, за добрые желания, уверяя, что как усердие и преданность к моей Государыне, так и тот предмет, чтоб удостоиться одобрения столь высокопочитаемого мною моего командира, суть основанием моей службы" (21.XII.1769 г. из

Фокшан. Автограф. – *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 267. Л. 127об.). Через месяц Румянцев донес императрице о "ревностных подвигах генерал-майора Потемкина, который, усердствуя службе Вашего Величества и Отечеству, сам просился у меня, чтоб я его отправил в корпус Генерал-Поручика фон Штофельна, где самым делом и при первых случаях отличил уже себя в храбрости и искусстве" (*ЧОИДР*, 1865. Кн. II. Отд. 2. С. 2–3). Румянцев просил о награждении Потемкина и 3,II.1770 г. тот получил свой первый орден – Св. Анны.

В летней кампании 1770 г., обессмертившей имя Румянцева, Потемкин упоминается в реляции о первом из трех выигранных подряд сражений (при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле). В генеральном сражении при Кагуле Потемкин охранял тылы и обозы армии от татарской конницы. Серб граф Иван Подгоричани, боевой товарищ Потемкина, вспоминал годы спустя: "Спомни и не забывай, милостивец мой, как ели мы обще хлеб и соль у Факшанар и на протчих местах в походах и сражения имели благополучные под Фокшанами и на реке Ларге, и при разбитии Хана и сераксира Азда-паши, и при взятии города Змаилова (Измаила. – *В.Л.*) и Килии, и в протчих местах, и при освобождении нашего провианта, который состоял больше трех тысяч подвод, едущих от Фальча к нашей Великой Армии, и я с вами обще на Сальче от нападения татарского оборонили" (Письмо от 22.VI.1777 г. Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 59. Ч. 3. Л. 16).

Наградой за новые подвиги стал орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-ей степени. Орден был учрежден Екатериной II в 1769 г. Список награжденных, подписанный императрицей 27.VII.1770 г., открывается именем Румянцева. Он стал первым кавалером (не считая основательницы ордена) Георгия 1-ой степени. Среди кавалеров 2-ой степени князь Николай Репнин, Федор (Фридрих) Боур, Петр Племянников. Кавалерами 3-ей степени вместе с Григорием Потемкиным стали Отто фон Вейсман, Александр Замятин, Георгий Гротенгельм и князь Юрий Трубецкой. В списке кавалеров 4-ой степени Иосиф Сатин, граф Семен Воронцов и другие офицеры.

1 *...принесть всеподданнейшее поздравление с покорением другого турецкого города на Дунае.* – После разгрома главной армии великого везира и конницы крымского хана русские войска заняли крепости Измаил и Килия. Потемкин участвовал в этой операции. По окончании кампании Румянцев отпустил его в Петербург, снабдив рекомендательными письмами графу Г.Г. Орлову и самой императрице. За два с лишним месяца пребывания в Петербурге (октябрь–ноябрь 1770 г.) Потемкин 11 раз приглашался к высочайшему столу, присутствовал на первом празднике Георгиевских кавалеров. Гостивший в это время в российской столице принц Генрих (брат прусского короля Фридриха II) познакомился с Потемкиным и предрек ему большое будущее. В конце января 1771 г. молодой генерал-майор вернулся в армию с рекомендательными письмами Екатерины II и Г.Г. Орлова.

1773–1774

3. ЕКАТЕРИНА II – Г.П. ПОТЕМКИНУ

4.XII.1773

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 119–119об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 373.

Первое письмо Екатерины Потемкину. Неоднократно публиковалось и цитировалось. За 2 года, прошедшие после поездки Потемкина в Петербург, многое изменилось. Несмотря на блестящие победы русской армии и флота, война с Портой продолжалась. Союзнице султана Франции удалось создать очаг напряженности в

непосредственной близости от Петербурга. Шведский король Густав III в 1771 г. совершил государственный переворот, ослабивший позиции сторонников России. Пришлось срочно укреплять северные границы. В сентябре 1771 г. в Москве вспыхнул Чумной бунт – свидетельство широкого недовольства затянувшейся войной. Г.Г. Орлов восстановил порядок, но его звезда клонилась к закату. Воспользовавшись затруднениями Екатерины, ее союзник прусский король Фридрих II настоял на Первом разделе Польши, в котором приняла участие соперница Пруссии Австрия (август 1772). Незадолго до этого в Фокшанах начались русско-турецкие переговоры о мире. Григорий Орлов хотел отличиться на дипломатическом поприще, но это ему не удалось. Турки (по советам Франции и Австрии) отказались от умеренных условий победителей. Орлов узнал о появлении нового фаворита – молодого гвардейского офицера А.С. Васильчикова. Гнев самого влиятельного сотрудника императрицы вскоре сменился апатией и желанием отойти от дел. Екатерине удалось сохранить Орлова в высшем эшелоне власти (как противовес графу Н.И. Панину), но прежней близости не было.

Весной 1773 на Дунае возобновились военные действия. Попытка захватить сильную турецкую крепость Силистрия окончилась неудачей. Несмотря на первоначальные успешные бои, Румянцеву пришлось отвести армию на левый берег Дуная. Во время боев под Силистрией Потемкин едва не погиб. В сентябре, используя победу А.В. Суворова под Гирсово, фельдмаршал попытался нанести неприятелю решающие удары. За Дунай были посланы 2 корпуса. Потемкину было приказано бомбардировать Силистрию с целью отвлечения турок от направления главного удара. Новые победы, однако, не привели к миру. Румянцеву явно не хватало стратегических резервов. В ответ на просьбы фельдмаршала о подкреплениях императрица напоминала кагульскому победителю о его прежних блестящих успехах с малыми силами. Тяжело больной фельдмаршал доказывал в ответных посланиях государыне необходимость комбинации военных и дипломатических усилий для окончания войны. По его словам, противник держался только благодаря Франции и Австрии, заверявших султана в своей помощи. Румянцев настойчиво напоминал о подкреплениях. Екатерина обещала подкрепления, но войска пришлось посылать в Оренбургскую губернию, где беглый донской казак Пугачев поднял мятеж. Узнав о поражении отряда правительственных войск, императрица оценила опасность и послала против мятежников генерал-аншефа А.И. Бибикова, наделив его чрезвычайными полномочиями. Через 5 дней после его назначения государыня взялась за перо и написала настоящее письмо.

[1] *... я по сю пору не знаю, предуспела ли Ваша бомбардирада...* – В донесении от 28.X.1773 Румянцев сообщал, что в Силистрии вспыхнули пожары, которые были потушены.

[2] *Скажите и бригадиру Павлу Потемкину спасиба за то, что он хорошо турок принял и угостил, когда они пришли за тем, чтоб у Вас батарею испортить на острову.* – В том же донесении фельдмаршал писал об открытии генерал-поручиком Потемкиным 24 числа батареи и о попытке неприятеля сильным десантом уничтожить ее. "Бригадир и кавалер Потемкин с двумя баталионами прикрытия встретил их на штыках и все вышедшие турки были тут переколоты" (*РД*. Т. 2. С. 677).

Потемкин Павел Сергеевич (1743–1796) – троюродный брат Г.А. Потемкина. Образование получил в Московском университете. Поэт и переводчик. Первым перевел на русский язык "Общественный договор" Ж.-Ж. Руссо. Службу начал в лейб-гвардии Семеновском полку. Отличился в турецкой войне, был награжден

Георгием 4-ой степени и быстро продвинулся в чинах. Последующей карьерой во многом обязан своему знаменитому родственнику. В 1774 г. возглавлял секретные комиссии, расследовавшие обстоятельства и причины народного возмущения. В 1783 г. подписал Георгиевский трактат о протекторате России над Картли-Кахетинским царством. Участвовал во второй турецкой войне. Стал кавалером Георгия 3-ей и 2-ой степеней. В польской кампании Суворова был его помощником и заместителем. Генерал-аншеф, граф.

Отпуская в столицу Г.А. Потемкина, фельдмаршал Румянцев, без сомнения, подробно проинструктировал своего подчиненного о насущных нуждах армии, о необходимости предоставить ему, как главнокомандующему, полномочия на заключение мира. Потемкин отправился в Петербург налегке. Когда он скакал в столицу, в Москве состоялось венчание Суворова с княжной Прозоровской. Вскоре боевой товарищ Потемкина отправился в армию, где Румянцев поручил ему командование потемкинским корпусом. Сам Потемкин, повидавшись в Москве с родными, имел доверительную беседу с графом П.И. Паниным. Покоритель Бендер жил в отставке, но внимательно следил за происходящими событиями. Предметом беседы не могли не быть тревожные вести из Оренбуржья. 20.I.1774 армия самозванца предприняла штурм губернского города.

Потемкин прибыл в Петербург в самом конце января и остановился в доме Н.Б. Самойлова – мужа своей покойной старшей сестры Марии Александровны.

4. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

7.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 277.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 115.

Как сообщает *КФЖ*, приехавший из армии Потемкин был представлен императрице в Царском Селе вечером 4.II.1774. Второй раз Потемкин упомянут 9.II. Он присутствовал на большом званом обеде в царскосельском дворце. Но могли быть тайные свидания, не отмеченные официальным журналом. По вторникам и пятницам императрица принимала у себя наследника престола. Письмо, скорее всего, относится к пятнице 7.II.1774, ближайшему "приемному дню" после приезда Потемкина. В письме к графу Н.И. Панину (от 13.II.1774) Екатерина интересуется ходом болезни Великого князя, задерживая из-за этого переезд в столицу. Подчеркнуто вежливый тон данного письма, его французский язык (как и в письмах № 5–8), обращение "Mon Ami" – все это свидетельствует о первых шагах Екатерины к сближению.

1 ... *Великий Князь*... – Наследник престола цесаревич Павел Петрович (1754–1801) – сын Екатерины и (если верить ее "Запискам" и письму № 10) камергера Сергея Васильевича Салтыкова, а не ее официального мужа. Формально, после переворота, Екатерина могла править до совершеннолетия своего сына. Но она не уступила власти. Когда Павлу исполнилось 19 лет, она устроила его брак с принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской, перехватив инициативу у графа Н.И. Панина – воспитателя и ментора наследника престола. Свадьба состоялась 29.IX.1773. Венцы держали князь Г.Г. Орлов и И.И. Бецкой (оба противники Панина). Граф Никита Иванович был осыпан наградами и удален от малого двора в связи с окончанием его миссии. Впечатлительный великий князь наслаждался первыми месяцами супружеской жизни, постепенно попадая под влияние своей властной жены. Накану-

не венчания наследника Екатерина пожаловала графа З.Г. Чернышева в президенты Военной коллегии с чином генерал-фельдмаршала. Эта перемена укрепила позиции противников Панина, ослабленные отставкой Орлова с поста фаворита.

5. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 342.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

[1] ... *будьте любезны выбрать мне какие-нибудь подарки для духа...* – Императрица любила делать подарки. Духом она называет предмет своей страсти – Потемкина. Ему и предназначен подарок. Письмо написано до возвращения двора в Петербург, которое произошло 14.II.1774. Инициатива в руках Екатерины. Она обменивается с Потемкиным записочками. Личные имена заменены кличками, ключевые слова зашифрованы.

[2] ... *сообщите мне, если можете, как вы поживаете?.. из-за отсутствия господина Толстяка я вынуждена беспокоить Вас.* – "Толстяк" – обер-гофмаршал двора князь Николай Михайлович *Голицын* (1727–1786), главный распорядитель придворной жизни. Очевидно, он уже в Петербурге, куда должен прибыть двор. Голицын был старым преданным слугой императрицы (см. письмо № 45). Судя по всему, он посвящен в "тайну" ее отношений с Потемкиным. Братом "Толстяка" был фельдмаршал князь А.М. Голицын. На их сестре был женат фельдмаршал граф П.А. Румянцев.

6. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 63.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 114.

[1] *Это для "духа Калиостро".* – Знаменитый авантюрист "граф Калиостро" (настоящее имя Джакоммо *Бальзамо* – 1743–1793) пользовался громкой известностью в Европе. Этому способствовали масонские связи алхимика, знатока "тайн Востока", несравненного врачевателя и основателя "египетского масонства". Вместе со своей женой, красавицей Лоренцей, "граф" устраивал сеансы общения с "духами", через которых ему якобы становились известны многие тайны. В 1779 г. Калиостро приехал в Россию. Его визит закончился неудачей. Екатерина II распорядилась выслать "графа" из страны. Калиостро поселился во Франции и стал одним из главных участников громкого дела об ожерелье королевы Марии-Антуанетты, использованном оппозицией для подрыва королевской власти. В 1789 г. был арестован в Риме. Суд инквизиции приговорил его к смертной казни. Калиостро умер в заточении.

7. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 208.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 105.

14.II.1774 двор переехал из Царского Села в Петербург. В этот день на обеде в Зимнем дворце среди 20 приглашенных князь Н.М. Голицын ("Толстяк"), фаворит А.С. Васильчиков и другие лица. Потемкин показан среди гостей на обеде 15.II. Это

суббота – банный день. Очевидно, Екатерина добилась согласия на свидание, но оно не состоялось.

8. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 15.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 179.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 111.

[1] *... когда господин Толстяк пообедает...* – Голицын показан в *КФЖ* на обедах 14–16, 19 и 20.II. Скорее всего, эта записочка написана 17-го или 18-го. Обер-гофмаршал, которому подчиняются дворовые служители, играет важную роль в тайных свиданиях императрицы с Потемкиным.

9. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 370.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 115.

Это письмо (как и 5 предыдущих) не датировано. Условно отнесено к 18.II.1774, когда после перерыва Потемкин снова показан среди присутствующих на обеде в Зимнем. Вечером этого дня Екатерина посетила Оперный дом и смотрела русскую комедию. Затем возвратилась в свои апартаменты. Свидание затянулось до часа ночи.

[1] *У меня еще одно сожаление: это то, что полтора года назад вместо этого "замороженного супа" у вас не было под рукой химического снадобья Калиостро...* – Полтора года назад (точнее говоря, в мае 1772 г.) появился Васильчиков. О мотиве своего выбора Екатерина упоминает в письме № 10. Под химическими снадобьями Калиостро она подразумевает элексиры из трав, которые якобы готовят "духи" (см. письмо № 441).

[2] *Но баста, баста, милый друг, не следует слишком надоедать вам. Мы полны благодарности и разного рода чувствами признательности и уважения к вам.* – Решительное объяснение еще впереди. Из писем № 10–12 следует, что Потемкин колеблется и настаивает на признании императрицы во всех ее прошлых сердечных увлечениях.

10. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.II.1774

Местонахождение подлинника неизвестно. Копия хранится в ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 425. Л. 1–5.
Публикация – *Соч. имп. Екатерины II*. Т. 12. 2-ой полутом. С. 697–699.

Дату написания письма помогает установить запись в *КФЖ* от 21.II.1774. "Ея Императорское Величество из внутренних своих апартаментов в сей день выходить не соизволила в кушала в оных Высочайшею своею особой". Такие случаи затворничества государыни (отдававшей дань официальному представительству) крайне редки. Причинами обычно бывали либо болезнь, либо сильное душевное волнение. 20.II. Екатерина присутствовала на маскараде во дворце. Очевидно, попытка решительного объяснения с Потемкиным закончилась неудачей. Он требует признаний в ее прошлых увлечениях. Императрица затворяется в своих покоях, берет перо и пишет "Чистосердечную исповедь".

[1] *Марья Чоглокова, видя, что чрез девять лет обстоятельствы остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена,... не нашла инаго к тому способа, как обеим сторонам зделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела.* – Обер-гофмейстерина малого двора Марья Симонова *Чоглокова* (урожд. Гендрикова – 1724–1756) приходилась двоюродной сестрой императрице Елизавете Петровне (1709–1761). Их матери Христина и Марта Скавронские были родными сестрами. Несмотря на ябедничество Чоглоковой, доставившей юной Екатерине немало огорчений, последняя сумела привлечь ее на свою сторону, решительно отвергнув ухаживания мужа Марьи Симоновны – придворного повесы, камергера и тайного советника. Елизавета, обеспокоенная отсутствием детей у великокняжеской четы после 9 лет брака, решила избавить Россию от династического кризиса. Чоглокова (и великий канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин) способствовала сближению Екатерины с С.В. Салтыковым. Вскоре на свет появился долгожданный наследник престола – Павел Петрович. Чоглокова имела кучу детей и была несчастна в браке. Овдовев в 1754 г., она вышла замуж за А.И. Глебова, но через полтора месяца после свадьбы умерла от чахотки.

[2] *С одной стороны выбрали вдову Грот, которая ныне за Артиллерии Генерал-Поручиком Миллером...* – С вдовой Грот свели мужа Екатерины, который с первых же минут знакомства заявил своей юной невесте (Екатерине только что исполнилось 15 лет), что она ему не нравится, и что он женится лишь из угождения тетке-императрице. *Миллер* (правильно – Меллер) Иван Иванович (1725–1790) был известным артиллеристом. С отличием он участвовал в Семилетней, первой и второй русско-турецких войнах. Был награжден орденами Андрея Первозванного и Георгия 2-ой степени, возведен в баронское достоинство (по представлению Г.А. Потемкина) с прибавкой к фамилии почетного наименования "Закомельский". В чине генерал-аншефа был смертельно ранен под стенами турецкой крепости Килия в осенней кампании 1790 г. (См. письмо № 1091).

[3] *... а с другой стороны Сергея Салтыкова и сего более по видимой склонности его и по уговору мамы, которую в том поставляла великая нужда и надобность.* – Об истории ухаживаний камергера Сергея Васильевича *Салтыкова* (1726 – после 1776) подробно рассказано Екатериной в ее "Записках". Сближение началось в 1752 г. Не предназначавшаяся для чужих глаз "Чистосердечная исповедь" (написанная в минуты душевного волнения) подтверждает рассказ Екатерины (см. ее "Записки") о том, что отцом Павла Петровича был Салтыков. В 1754 г. после рождения наследника престола канцлер Бестужев отправил Салтыкова в Швецию с извещением соседнего двора о знаменательном событии. Затем он получил место посланника в Гамбурге. Бестужев, обеспокоенный болезнью императрицы Елизаветы и полной неспособностью ее племянника к правлению государством, сделал ставку на Екатерину, превратившись из сурового надзирателя в друга великой княгини. Он сообщал молодой женщине (привязавшейся к Салтыкову) сведения о его пребывании за границей. Салтыков оказался посредственным дипломатом. Из-за многочисленных долгов он подвергался судебным преследованиям и был отозван после воцарения Екатерины II. Более не служил. В письме к Потемкину (1776?) он просит о денежной помощи для уплаты долгов (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 946. Л. 318). Был женат (еще до сближения с Екатериной) на М.П. Балк.

[4] *По прошествии года и великой скорби приехал нынешний Король Польский.* – Граф Станислав Август *Понятовский* (1732–1798) прибыл в Петербург в свите

английского посланника сэра Чарлза Уильямса в 1755 г. Умный, красивый, европейски образованный поляк произвел сильное впечатление на великую княгиню и сам попал под ее чары. Когда (по настоянию польско-саксонского кабинета) Понятовский был вынужден покинуть Петербург, Екатерина добилась (через Бестужева) не только его возвращения, но и повышения его статуса. Понятовский получил пост министра Польской республики. 9.XII.1757 у Екатерины родилась дочь Анна, умершая в младенчестве. Когда противникам Бестужева удалось в 1758 г. свалить канцлера, Понятовский был отозван. Рискуя своим положением, Екатерина пыталась вернуть его, но безуспешно. В 1764 г. Станислав Август был избран королем Польши при решающей поддержке императрицы Екатерины II. Только в 1787 г. (во время путешествия Екатерины на юг) состоялось ее короткое свидание с Понятовским на Днепре. После окончательного раздела Польши в 1794–1795 гг. король по настоянию Екатерины прибыл в Россию. Умер в Петербурге.

[5] *... старательства Князя Григория Григорьевича,.. которого паки добрые люди заставили приметить, переменили образ мыслей.* – После трехлетней отлучки Понятовского "добрые люди" обратили внимание великой княгини на молодого гвардейского офицера Григория Григорьевича *Орлова* (1734–1783), отличившегося в сражениях с пруссаками. Орлов доставил в Петербург графа Шверина, плененного адъютанта прусского короля Фридриха II. Известный своим пруссофильством муж Екатерины дружески принимал пленника и сопровождавшего его Орлова. Любимец женщин, кумир офицерской молодежи Орлов (Екатерина называла его "красивейшим человеком своего времени") обратил на себя внимание великой княгини. В апреле 1762 у них родился сын, нареченный Алексеем (впоследствии граф Бобринский). Орлов сыграл (вместе со своими тремя братьями и друзьями) видную роль в подготовке и осуществлении государственного переворота, лишившего короны мужа Екатерины. "Не в Орлове нуждалась Екатерина, – писал историк В.А. Бильбасов, – а в пособнике его пошиба, в человеке, способном выполнить сокровенную задачу Великой Княгини". Быстрое возвышение Орловых вызвало недовольство среди гвардейских офицеров и в придворных кругах. В 1763 г. Екатерине с трудом удалось отклонить притязания Григория Орлова (поддержанные возвращенным из ссылки Бестужевым) на ее руку. Орлов (вместе с братьями) сделался графом (1763 г.), а в 1772 г. пожалован титулом князя Священной Римской Империи. Он доставлял много мучений Екатерине своими любовными похождениями, но главным мотивом ее решения освободиться от "опеки" Орлова и его братьев был политический расчет. По словам С.М. Соловьева, императрица разгадала Орлова, не способного к серьезной государственной работе, и разочаровалась в его талантах. Она сохранила за ним его многочисленные должности, но его влияние на дела было незначительным. (См. о нем письма № 15, 69, 70, 502, 641).

[6] *...и заставила сделать из дешпирации выбор кое-какой...* – Сближение с молодым гвардейским офицером Александром Семеновичем *Васильчиковым* (1740–1804), совершенно незначительной личностью, по словам Екатерины, произошло "из дешпирации" (от отчаяния), вызванного невниманием Орлова. Она признается, что страдала полтора года. В письмах № 19, 22, 29, 30 заметна ее неприязнь к Васильчикову.

[7] *Потом приехал некто богатырь...* – Высокий рост и богатырская стать Потемкина обращали на него внимание. По одной из версий, в дни переворота 1762 г. вахмистр Конной гвардии Потемкин якобы отдал императрице (одетой в гвардейский

мундир) свой темляк на шпагу. Знатоки русской военной формы опровергают этот рассказ. Как бы то ни было, молодой конногвардеец был замечен. Государыня следила за его карьерой, направляя ее.

[8] *... услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его...* – Наперсницами Екатерины были камерюнгфера М.С. Перекусихина и графиня П.А. Брюс. Им она поверяла сердечные тайны. "Письмецо" Екатерины (№ 3) не содержало прямого вызова в Петербург, но Потемкин понял намек. Императрица нуждалась в нем, как в сильном человеке, способном стать ее опорой.

[9] *...есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша сказывала, что давно многие подозревали.* – Графиня Прасковья Александровна *Брюс* (1729–1786) – родная сестра фельдмаршала Румянцева – после воцарения Екатерины сделалась ее ближайшей подругой. Государыня посвятила ей одну из редакций своих "Записок". В письмах № 319, 521, 566 Екатерина называет ее "Парашей", "Параньей", передает от нее поклоны Потемкину.

[10] *Ну, Господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих... естьли хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду.* – Конец письма, как и вся "Чистосердечная исповедь", поражает какой-то затаенной грустью, прикрытой иронией. Признавшись в своем "пороке" – желании любить и быть любимой – 45-летняя Екатерина сознает, что Потемкин, потребовавший от нее этой исповеди, может разочароваться в ней. Объяснения длятся уже две с лишним недели, но она так и не услышала решительного "да".

11. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 137.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 105.

[1] *Ты знаешь мой нрав и мое сердце, ты ведаешь хорошие и дурные свойства...* – Письмо написано после передачи Потемкину "Чистосердечной исповеди". Страстный характер Екатерины виден в каждой строчке этого письма. Она чувствует, что Потемкин – ее судьба.

12. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 209–209об.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 500–501.

В *КФЖ* под 26.II.1774 г. записано, как после обеденного стола Ее Императорское Величество "имела выход в каретах в Смольный дворец, куда по прибытии проходила в залу, в которой с воспитывающимися там девицами имела несколько времени в разговорах. А потом благородного воспитания девицами представлена была на тамошнем театре французская комедия".

[1] *...я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна.* – Написав и передав Потемкину 21 февраля "Чистосердечную исповедь", Екатерина пятую ночь проводит без сна, ожидая ответа. Но ответа все нет. Два часа ожидания в библиотеке на сквозном ветру говорят о многом. Сдержанность Потемкина доводит Екатерину до исступления.

[2] *Я сегодня думаю ехать в Девичий монастырь, естьли не отменится комедия тамо.* – В 1764 г. по представлению И.И. Бецкого в Смольном монастыре в Петербурге было открыто Императорское воспитательное общество благородных девиц – первое женское учебное заведение в России. Воспитанницы жили на полном пансионе. Широкая программа обучения включала в себя театральные постановки, в которых и женские, и мужские роли исполняли воспитанницы.

[3] *Был у меня тот, которого Аптекарем назвал.., а внутренне ты им не противен, а больше других Князю.* – "Аптекарем" остроумный Потемкин мог назвать сторонника Орловых Ивана Ивановича *Бецкого* (1704–1795), побочного сына генерала князя И.Ю. Трубецкого. Родившийся в Швеции, где его отец находился в плену, Бецкой получил хорошее образование, подолгу жил в Европе, был принят в лучших столичных обществах. При Екатерине II возглавлял Академию художеств и придворное строительное ведомство. Бецкой считался главным педагогическим авторитетом в России. "Князем" Екатерина называет Г.Г. Орлова. В это время в столице находились и трое его братьев – Алексей, Федор и Владимир. За императрицей и ее отношениями с Потемкиным пристально следят. Особенно внимательны Орловы и их сторонники.

[4] *... многое множество имею тебе сказать, а наипаче похожего на то, что говорила между двенадцатого и второго часа вчера, но не знаю, во вчерашнем ли ты расположении и соответствуют ли часто твои слова так мало делу, как в сии последние сутки.* – Екатерина назначает новое свидание, во время которого (очевидно, 26 февраля) и произошло решительное объяснение.

13. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

27.II.1774

Подлинник. Подпись – автограф. *СПБИИ*. Ф. 238. Картон 276а. Д. 742б. Л. 1–1об.
Публикация – *Бантыш-Каменский*. Ч. 4. С. 201.

После объяснения Потемкин по договоренности с Екатериной подал официальную просьбу о пожаловании его в генерал-адъютанты. Состоявшие при императрице генерал-адъютанты (5–6 самых доверенных лиц, среди которых был и Г.Г. Орлов) несли дежурства во дворце, сменяя один другого.

14. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 343.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

Письмо, скорее всего, написано вечером 27.II. Несмотря на меры предосторожности, свидания перестают быть тайной. См. письмо № 19 и примеч. к нему.

15. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 129–130.
Публикация – *РС*, 1875, апрель. С. 684–685.

Письмо написано 28 февраля, так как Великий пост, наступавший через три дня, начинался 3 марта.

[1] *Только одно прошу не делать: не вредить и не стараться вредить Кн[язю] Ор[лову] в моих мыслях... Нет человека, которого он более мне хвалил и, по*

видимому мне, более любил и в прежнее время и ныне до самого приезда твоего, как тебя... Он тебя любит, а мне оне друзья и я с ними не расстанусь. – Сохранились письма Г.Г. Орлова П.А. Румянцеву от 2.II.1770 г. и от начала 1771 г., в которых он рекомендует Потемкина, называя его своим "приятелем". Орлов просит главнокомандующего быть наставником молодого генерала (*СИН*, 1897. Кн. 1. С. 244 и 283). Называвшая Орловых своими "ангелами-хранителями", императрица не хотела, чтобы Потемкин сразу же оказался вовлеченным в борьбу придворных группировок (Панины против Орловых). Потемкин оценил данный ему совет и проявил по отношению к Г.Г. Орлову и его братьям нужный такт.

2 *... напиши, пожалуй, каков ты сегодни... и лихорадка продолжается ли и сильна ли? Панин тебе скажет: "Изволь, сударь, отведать хину, хину, хину!"* – Эпидемические болезни и лихорадка были бичом русской армии на Дунае. Осенью 1771 г. Потемкин едва не умер от тяжелой болезни. Лихорадка и частые простуды, как видно из писем, преследовали его и по приезде в Петербург. *Панин* Никита Иванович (1718–1783) – граф, дипломат, воспитатель наследника престола великого князя Павла Петровича. Активный участник переворота 1762 г. Добивался некоторого ограничения самодержавной власти в пользу "Совета", составленного из авторитетных лиц (повторение попытки "верховников", пригласивших в 1730 г. на престол вдову курляндского герцога Анну Иоанновну, которая сначала подписала "кондиции", а потом уничтожила их, получив поддержку более широких кругов дворянства). С 1763 г. Панин возглавлял Коллегию иностранных дел. Пользовался авторитетом среди дипломатов, придерживался пропрусской ориентации. С 1767 г. граф, с 1773 г. – действительный тайный советник первого класса (этот чин приравнивался чину генерал-фельдмаршала). Екатерина ценила опыт и знания Панина, но твердо противостояла его попыткам диктовать ей свою волю. В литературе упоминается "панинский заговор" 1775–1776 гг. Панин и его сторонники ориентировались на наследника престола, находившегося под влиянием своего воспитателя. Екатерине удалось нейтрализовать эти интриги, опираясь сначала на Орловых, затем на Потемкина.

16. ЕКАТЕРИНА II. – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.II.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 200.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103–104.

1 *Вот, что я думаю сказать Князю* – Накануне пожалования Потемкина в генерал-адъютанты Екатерина хочет известить князя Орлова о сдаче его дежурства (оно заканчивалось 1.III). Орлов занимал в Зимнем дворце собственные покои.

17. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.II.1774

Местонахождение подлинника неизвестно. Копия. *РГАДА*. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 7713. Л. 3.
Публикация – *Бантыш-Каменский*. Ч. 4. С. 201, с некоторыми незначительными разночтениями.

1 *Письмо Ваше господин Стрекалов мне сего утра вручил.* – Речь идет о письме-прошении Потемкина (№ 13), которое он передал через статс-секретаря императрицы Степана Федоровича *Стрекалова* (1728–1805). Стрекалов официально состоял "у принятия прошений", вел протоколы Совета при императрице. Впоследствии сенатор, тайный советник.

18. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 217.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 106.

[1] *Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение–обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пущу в Алмазный...* – Письмецо написано утром 1.III.1774 г. до подписания официального рескрипта о пожаловании Потемкина в генерал-адъютанты. В личных покоях императрицы в Зимнем дворце находилась зала, в которой хранились императорские драгоценности. Зала называлась "алмазной" или "бриллиантовой комнатой".

19. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 213.
Публикация *ВИ*, 1989, № 10. С. 105–106.

[1] *Ал[ексей] Гр[игорьевич] у меня спрашивал сегодня, смеючись, сие: "Да или нет?"* – Граф *Алексей Григорьевич Орлов* (1737–1807) – генерал-аншеф, самый деятельный из братьев. Иностранные представители писали о нем, как о лице, имеющем все качества государственного человека: большое спокойствие в обсуждении дел, ясность взгляда, решительность, настойчивость в преследовании поставленной цели. Алексей Орлов предложил послать Балтийский флот в Средиземное море (после начала войны с Турцией) и вызвался руководить этой сложной операцией, закончившейся блистательной победой при Чесме в 1770 г. Обладавший огромной физической силой, с лицом, обезображенным страшным шрамом (след стычки с одним из соперников в ранней молодости) Алексей Орлов, получивший в 1775 г. почетную приставку Чесменский, после возвышения Потемкина вышел в отставку. Братья любовно звали его "Алеханом". Когда Потемкин приехал в Петербург, Алехан гостил у брата Ивана в Москве. Извещенный о внимании императрицы к Потемкину, он поспешил в северную столицу. 27.II.1774 граф А.Г. Орлов показан среди приглашенных на обед в Зимнем дворце (*КФЖ*). 1.III Григорий и Алексей Орловы снова приглашены к царскому столу. После этого *КФЖ* отмечает почти ежедневное присутствие нового генерал-адъютанта и редкие появления братьев Орловых. Откровенный вопрос Алехана "по материи любви" не смутил влюбленную императрицу. Она призналась ему в своем чувстве и вскоре сделала все для того, чтобы никто из Орловых не мешал ее избраннику укрепить его положение.

[2] *Молвь П[анину], чтоб чрез третьи руки уговорил ехать В[асильчикова] к водам...* – Такое поручение Потемкин мог получить только после своего пожалования в генерал-адъютанты, т.е. после 1.III.1774.

20. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 4.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 125.

[1] *Это мне ужасно как весело немножко пофинтарничать.* – Двор уже знает об отношениях между императрицей и Потемкиным. Но Екатерине хочется "пофинтарничать" – пофинтить, поиграть в прятки с теми, кому нравится всегда все знать.

21. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85, Ч. 1. Л. 207.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 104–105.

В самом конце марта жена Новгородского губернатора Я.Е. Сиверса в письме мужу сообщала, что "новый генерал-адъютант дежурит постоянно вместо всех других. Говорят, он очень скромен и приятен" (*Брикнер*. Потемкин. С. 26).

1 *Критики не было, и, кажется, быть не может, ибо их Граф Тигорд – Ан[дрей] Раз[умовский] к ним ходят в таковом же наряде, и я его заставала не луче прибраннным.* – Очевидно, наследник престола встретил во дворце Потемкина, одетого не по форме. Екатерина парирует возможную критику тем, что сердечный друг ее сына граф Андрей Кириллович *Разумовский* (1752–1836) выглядит не лучшим образом (напоминает персонажа какого-то литературного произведения – графа Тигорда). Сын Президента Академии наук, фельдмаршала графа К.Г. Разумовского (брата тайного мужа императрицы Елизаветы Петровны) юношей участвовал в Чесменском бою. Лейтенант флота, камер-юнкер. Известный светский щеголь и повеса, Андрей Разумовский сделался самым близким другом великокняжеской четы. В свете уже начинали поговаривать о его нескромном поведении относительно жены наследника престола.

2 *Воронцову пред комедией пожелаю щастливого пути...* – Возможно речь идет о графе Семене Романовиче *Воронцове* (1744–1832) – полковнике 1-го гренадерского полка, возвращавшемся в армию из отпуска. В воспоминаниях (написанных много лет спустя) Воронцов рассказал, как летом 1773 г. во время ожесточенных боев под Силистрией он со своим полком спас от верной гибели Потемкина, отразив яростную атаку турок на его расстроенные части. Переписка Воронцова с Потемкиным свидетельствует о дружеском расположении последнего к своему боевому товарищу. Во время переговоров в Кучук-Кайнарджи (июль 1774 г.) Воронцов, как знающий итальянский язык (принятый у турок в качестве дипломатического) участвовал в выработке условий мирного договора. Он отправился вместе с князем Н.В. Репниным в Петербург (с договором, ратифицированным Верховным везиром) и был награжден чином бригадира. Екатерина II не любила Воронцовых, считала их гордецами, людьми, стоящими в оппозиции к ней лично. Она не отказывалась от их услуг: Семен Романович вскоре занял важный пост российского представителя в Лондоне, его сестра княгиня Е.Р. Дашкова стала (в 1783 г.) директором Академии наук, его брат граф А.Р. Воронцов возглавлял Коммерц-коллегию.

22. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 186.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 111.

1 *...известный господин...* – Отставленный фаворит А.С. Васильчиков, который еще живет во дворце (см. письмо № 29 и примеч. к нему).

23. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 486.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 397.

Став генерал-адъютантом императрицы, Потемкин сделался ее главным докладчиком по военным делам. Через него она отдавала повеления Президенту Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву. Так, уже 5.III Потемкин передает Чернышеву указание госу-

дарыни о порядке допуска во дворец во время собраний и куртагов армейских офицеров (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 336). О каких работах на верфи и в крепости говорится в письме, установить не удалось.

24. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 58.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 113.

15.III 1774 г. Екатерина пожаловала Потемкина в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка. Полковником всех гвардейских полков была сама императрица. Подполковники – наиболее доверенные лица государыни, не забывавшей о роли гвардии в дворцовых переворотах, – значились официальными командирами. Так, братья Григорий и Алексей Орловы были соответственно подполковниками Конного и Преображенского полков. Реально полками ведали их заместители премьер-майоры или секунд-майоры гвардии (эти чины соответствовали армейским чинам генерал-поручика и генерал-майора). О том, какое впечатление произвело новое пожалование Потемкина, красноречиво свидетельствует графиня Е.М. Румянцева, подробно информировавшая своего мужа-фельдмаршала о придворных новостях. "Приезд Михаила Петровича (старшего сына Румянцевых – *В.Л.*) тебе много новизны откроет, сколько нового переменилося по приезде Григорья Александрыча, – писала она 20.III 1774 г. – Подполковничество гвардии их с ног срезало и доказывает, что он преодолел, потому что Алексей Григорьич здеся и в бытность его, при нем, определяется другой в полк. Григорий Александрыч теперь ту методу ведет, что оказывает, что во всех ищет дружбы, а Елагин Иван Перфильич ему друг и у него теперь жить будет. Говорят, что переедет во дворец. Александр Семеныч (Васильчиков. – *В.Л.*) вчерась съехал из дворца к брату своему на двор... Граф Чернышев весьма смутен, ходит и твердит, что в Ярополец жить поедет... только я теперь считаю, ежели Потемкин не отбоярит пяти братов (Орловых. – *В.Л.*), так опять им быть великим..." (Письма Румянцевой. С. 179–180).

25. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 108.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 406–407.

[1] *А что полк будет хорош, о том не сумневаюсь.* – Из-за долгого отсутствия Алексея Орлова (руководил экспедицией русского флота в Архипелаг) Преображенский полк оказался запущенным. Потемкин деятельно принялся за подтягивание полка, но, помня данный ему императрицей совет, сразу же после пожалования в подполковники нанес визит Орлову (об этом сообщил в Москву И.Г. Орлову младший брат В.Г. Орлов – см. *Орлов-Давыдов*. Т. 1. С. 288).

26. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 15.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 16.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 128.

27. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 15.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 133–133об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 104.

[1] *Боюсь я – потеряешь ты письмы мои: у тебя их украдут из кармана и с книжкою.* – Придворная жизнь с ее интригами, в которую Екатерина окунулась в пятнадцатилетнем возрасте, сделала ее осторожной. Она старается дать Потемкину время осмотреться. Важная подробность: императрица сжигала письма-записочки своего возлюбленного (см. письмо № 224).

[2] *Напиши, пожалуй, твой церемониймейстер каким порядком к тебе привел сегодня моего посла и стоял ли по своему обыкновению на коленях*? – Потемкин переехал из дома своего зятя Самойлова в дом камергера *Ивана Перфильевича Елагина* (1725–1793) – доверенного лица императрицы, чья верность ей выдержала испытание арестом и следствием по бестужевскому делу в 1758–1759 гг. Ученик А.П. Сумарокова, писатель и переводчик, Елагин заведывал придворным театром. Вращаясь в актерской среде, он вполне мог встречать посланца императрицы, стоя на коленях. Любовь Елагина к церемониям и обрядам подогревалась его участием в масонских ложах шведской системы, главой которых он значился.

[3] *...спроси письменно или словесно у Панина об известном письме, каково принято будет. Его ответ много повода подаст мне к разбирательству шайки той мысли, а подозреваю, что недомыслие их головы в[есьма] много и часто им самим скучно было.* – Государыня предпринимает меры для ограждения Потемкина от происков и интриг его врагов. Поскольку в этом деле помогает граф Н.И. Панин, речь может идти об Орловых или их сторонниках. По словам Румянцевой, поначалу для "умного" Потемкина был "один пункт тяжел, что Великий Князь не очень любит", но после приезда Григория Александровича кредит Панина "стал гораздо лучше,.. а Григорий Александрыч с ним очень хорошо и Елагин ездит на советы все к графу Панину, и Граф Панин анамедни мне сказал, что Григорий Александрыч твоему графу служит, очень много Ея мнение переменил" (Письма Румянцевой. С. 180, 181). Панин сумел подействовать на своего воспитанника и Павел Петрович выказал расположение к новому фавориту.

28. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 17.III.1774

Автограф, *РГАДА*, Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 15.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 403.

[1] *Хочется мне весьма все произвождения сегодня кончить, как гвардейския, так и армейския, но не ведаю, успею ли.* – Производство в новые чины ("произвождения") армейских и гвардейских офицеров и генералов обычно приурочивалось к торжественным дням – дню рождения императрицы (21.IV), дню восшествия на престол (28. VI), дню коронации (22.IX).

[2] *Ведь Павлу Сер[геевичу] достается в Ген[ерал]-Маиоры... Велю ему ехать к Бибикову.* – Датой производства П.С. Потемкина в генерал-майоры значится 17.III 1774 г. Через шесть дней Потемкин передал Чернышеву повеление государыни о том, что "ей угодно генерал-маиора и кавалера Павла Потемкина взять в Петербург и чтоб Ваше Сиятельство о сем командующему армиею отписать изволили" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 366об). Екатерина II решила послать П.С. Потемкина к

Александру Ильичу *Бибикову* (1729–1774) – генерал-аншефу, которому она вверила чрезвычайную власть в губерниях, охваченных мятежом. Один из образованнейших деятелей екатерининского царствования, Бибиков с отличием прошел Семилетнюю войну. Назначенный главнокомандующим русских войск в Польше он добился быстрого прекращения военных действий. Был противником раздела Польши. Получив новое назначение, Бибиков честно писал о тяжелом положении народа, о необходимости скорее заключить мир с Турцией, чтобы дать возможность отдохнуть России. Его энергия и распорядительность начали благоприятно сказываться на обстановке. Ценившая Бибикова государыня в своих письмах к нему писала о пожалованиях Потемкина в генерал-адъютанты и подполковники гвардии, прибавив, что Бибиков конечно обрадуется за "своего друга" (*РА*, 1866. Стб. 396–398). Государыня назначила Павла Потемкина начальником секретных комиссий, ведших следствие по делам пугачевцев.

29. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 19.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л.41.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 110.

[1] *Проходил в манеж сквозь мою комнату мудреный человек и казался как и вчерась.* – Васильчиков съехал из дворца в дом к своему брату 19 марта.

30. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 19.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 19.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 129.

Речь идет от пожалованиях Васильчикову. Сохранилось письмо Екатерины отставленному фавориту, написанное рукой Елагина: "Александр Семенович. Пожаловав вам деревни, приказала я Елагину выдать вам на учреждение дома вашего 50 000 да за доход нынешнего года 5 000 рублев, которые деньги вы от него и принять можете. Сверх сего приказано ему купить или зделать для вас на 24 персоны серебряный сервиз, белье к столу и поваренную посуду. Да когда отстроится и уберется купленный от капитана Глазова в Луговой Миллионной дом, отдать вам в вечное владение. И на все сие Елагин указы от меня имеет" (*СБРИО*. Т. 13. С. 398). Васильчиков принес всеподданнейшую благодарность, а в письме к Потемкину "низко кланялся" и "целовал его ручки" за оказанные милости (*Лебедев*. С. 177).

31. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 19.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 255.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 111.

[1] *Напрасно ветренная баба меня по себе судит. Как бы то ни было, но сердце мое постоянно. И еще более тебе скажу: я перемену всякую не люблю.* – О ком из придворных идет речь, сказать трудно. Потемкин передал Екатерине слова "ветренной бабы" о ее непостоянстве и государыня еще раз объясняет ему свойства своего характера.

32. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 19.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д.54. Л. 2–2 об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 123–124.

Одно из самых нежных и прелестных писем Екатерины Потемкину. Дени Дидро, гостивший в Петербурге пять месяцев (с 28.IX 1773 г. по 22.II. 1774 г.), часто беседовал с императрицей наедине в ее покоях, затрагивая самые разнообразные вопросы: о положении народа, о развитии образования, о войне с турками, об отношениях к европейским державам и прежде всего к Пруссии, вероломному королю которой Дидро явно не сочувствовал. Из бесед создатель "Энциклопедии" вынес самое благоприятное впечатление о характере Российской императрицы, ее способностях правительницы государства, которые он оценил очень высоко, назвав Екатерину в своих письмах "великой женщиной". В письме княгине Дашковой Дидро нашел яркое сравнение для характеристики государыни: "Это душа Брута с чарами Клеопатры" (*Бильбасов*. Дидро в Петербурге. С. 83).

33. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп 1/1. Д. 54. Л. 42.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 111.

23 марта 1774 г. двор переехал в Царское Село. Галерея, о которой говорится в письме, находилась в Екатерининском дворце.

[1] *Одолжи-скажи, что наш племянник говорил, когда вы одне остались. Я, чаю, сумасшествие наше ему весьма странно показалось.* – Из многочисленных племянников Потемкина (сыновей его сестер) речь может идти только об Александре Николаевиче *Самойлове* (1744–1814) – адъютанте своего дяди, поручике лейб-гвардии Семеновского полка, отличившемся в войне с турками. Самойлов, судя по всему, прибыл в Петербург вместе с дядей, который сначала поселился в доме его отца. Самойлов был среди трех самых доверенных лиц – свидетелей тайного венчания Потемкина с императрицей. После смерти Потемкина Екатерина именно Самойлову доверила важнейший пост генерал-прокурора. Он был заслуженным боевым генералом, участником штурмов Очакова и Измаила. Среди его наград ордена Св. Георгия 4, 3 и 2-ой степеней. В конце царствования Екатерины возведен в графское достоинство. На его дочери женился внук Екатерины и Григория Орлова граф А.А. Бобринский. Тем самым Орловы породнились с Потемкиными.

34. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 7.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 126.

[1] *А может статься, что встретишься с ним, естьли встав с постели, обратишься направо и на стену взглянешь.* – Пересказав Потемкину свой сон, Екатерина подводит его к сюрпризу: посмотреть направо на стенку рядом с постелью. Речь может идти о портрете "прекрасного человека", т.е. самого Потемкина. Из всех известных его портретов похожего на описанный императрицей (судя по всему, выполненный маслом или в технике пастели) нет.

35. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 23.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 280.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 115.

Редчайший образец записочек Потемкина Екатерине этого периода. Он сохранился только потому, что императрица написала на том же листке ответ и отослала его своему возлюбленному, который сохранил все или почти все ее письма и записочки. Замечательно, что уже в марте 1774 г. Потемкин называет Екатерину ласково "матушкой". 17 лет спустя, смертельно больной Потемкин в своих последних письмах из Ясс называет ее "матушкой родной".

[1] *Не пойдешь ли в Эрмитаж*? – Прекрасный павильон Эрмитаж, возведенный В.В. Растрелли, и по сей день украшает Царскосельский парк.

36. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 466.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 410.

В фонде Потемкина в *РГВИА* (Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 35–38) сохранились прошения походного атамана малороссийского лубенского полка Терентия *Кардаша*, служившего престолу более 40 лет. Его дед, выходец из Греции, был при Анне Иоанновне полковником в Сечи и погиб в боях против турок под Хотином. Юный Терентий находился при нем и участвовал в боях и походах. В Семилетнюю войну, в сражении при Франкфурте (так немцы называют сражение при Кунерсдорфе) Кардаш, по его словам, хотел "поймать живого прусского полковника", но сам попал в плен. Представленный королю Фридриху II, он отказался от предложения остаться в прусской армии и в 1764 г. бежал "в свое Отечество в одной рубахе и шел ночным временем, а днем по лесам и болотам". Аттестаты по службе остались в руках у пруссаков. Казаку удалось сберечь только наградную медаль. Он подавал прошения о зачислении в службу П.И. Пастухову (состоял при Кабинете Ее Императорского Величества), в ноябре–декабре 1773 г., но не получил удовлетворения. Чем кончились хлопоты Кардаша, неизвестно. Надо думать, Потемкин, благоволивший к казакам, сумел удовлетворить просьбу храброго атамана.

37. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 26.III.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 281.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 115.

[1] *Я знаю, что Пр[асковья] Ал [ександровна] про меня скажет? Она скажет, что я без ума и без памяти.* – Графиня Прасковья Александровна Брюс с 26 марта почти ежедневно обедала с императрицей и Потемкиным в Царском Селе (*КФЖ*).

38. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III–IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 29.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 133.

Иронично-нежный итог одной из ночных бесед Екатерины с Потемкиным. В молодости от мечтал о духовной карьере, выучил греческий язык, изучал историю античности, читал поучения отцов церкви.

39. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III–IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 215.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 106.

40. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III–IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 243.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 109–110.

41. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III–IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 131.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 104.

[1] *Выговором Марии Александровны изволь прочесть.* – Отличавшийся большим остроумием Потемкин мог искусно подражать чужим голосам. Мария Александровна *Измайлова* (урожд. Нарышкина – 1730–1780) была родной сестрой влиятельных придворных Льва и Александра Нарышкиных.

[2] *Анна Никитишна* – Анна Никитична *Нарышкина*, (урожд. Румянцева – 1730–1820) – двоюродная сестра фельдмаршала Румянцева и графини Брюс. Екатерина в "Записках" вспоминает, как в 1749 г. в Москве императрица Елизавета Петровна повелела ей прибрать Анну Румянцеву к ее венчанию с Александром Нарышкиным. Анна Никитична стала близкой подругой Екатерины (см. письма № 969, 972). В 1773 г. была пожалована в статс-дамы.

[3] *Ал[ександр] Ал[ександрович]* – Александр Александрович *Нарышкин* (1726–1795) – обер-шенк двора Ее Императорского Величества (отвечал за вина, подаваемые к высочайшему столу).

42. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

7.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 48.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 111.

[1] *Я спала хорошо и хочу надеть полонез и казать носу кавалерам.* – 7.IV.1774 в Царском Селе были жалованы к руке отъезжающие принц Людвиг Гессен-Дармштадтский (брат жены Павла Петровича) и состоявшие в его свите кавалеры Гримм и Раценгаузен (*КФЖ*). Принц торопился на печальную церемонию похорон своей матери ландграфини Генриетты-Каролины, ум и знания которой ценила Екатерина. Ландграфиня способствовала карьере Ф.М. Гримма, посетившего Россию в свите ее сына. Познакомившись с другом энциклопедистов, императрица часто беседовала с ним. После его отъезда она вступила с Гриммом в переписку, продолжавшуюся 22 года. *Полонез* – женское платье строгой формы. С 5.IV при дворе был объявлен траур по ландграфине Гессен-Дармштадтской и по ее матери графине Пфальц-Цвайбрюкен, умершей почти в один день с дочерью.

[2] *Изготовь лист о фельдмаршальской канцелярии.* – Фельдмаршалом Екатерина обычно называет графа Петра Александровича *Румянцева* (1725–1796), получившего этот высокий чин за разгром главных сил турецкой армии в сражении при Кагуле в 1770. Существует версия, согласно которой отцом Румянцева был Петр I. В письме к

сыну А.И. Румянцев упоминает о "родстве крови" с императрицей Елизаветой Петровной, приказавшей остепенить молодого Румянцева, женив его на богатой невесте – дочери Артемия Волынского. Румянцев-сын не внял совету и женился на княжне Е.М. Голицыной, дочери знаменитого петровского полководца. Талант Румянцева раскрылся в Семилетнюю войну, которую он закончил в чине генерал-аншефа и в должности командующего заграничной армией. Он отказался присягать Екатерине после переворота и был сменен П.И. Паниным. Императрица проявила такт и большую настойчивость, чтобы вернуть Румянцева на службу. Ей это удалось. Война 1768–1774 гг. выдвинула Румянцева в ряды первых полководцев своего времени. И Потемкин, и Суворов считали себя его учениками. С первых же дней после возвышения Потемкина императрица советовалась с ним по важнейшим делам. В 1786 г. она признавалась своему секретарю А.В. Храповицкому в том, что Потемкин помог "умом и советом" – "решиться должно было дать полную мочь Графу П.А. Румянцеву и тем кончилась война" (запись от 30.V. 1786). 19.IV.1774 Румянцев большим письмом поблагодарил "дражайшего друга" Потемкина за оказанные им услуги, заступничество и помощь (*PC*, 1873. Т. VIII. С. 720–721).

14.II.1774 Екатерина писала Румянцеву о необходимости воспользоваться смертью султана Мустафы III, нанести новые удары противнику и начать переговоры о мире. Фельдмаршал отвечал о трудностях в выполнении этого плана. Он продолжал переговоры с верховным везиром, предлагая ему принять условия, уже согласованные на конгрессах в Фокшанах и Бухаресте. В преддверии решающих событий императрица поручила Потемкину подготовить список чинов канцелярии Румянцева (см. письмо № 43).

43. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 7.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 66.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 401.

[1] *Еще до Вашего письма я приказала Кузьмину зделать с Масловым конец; я думала, что Алексею Григорьевичу приятнее будет, как без него оставаться.* – Письмо не разыскано. *Кузьмин* (Козьмин) Сергей Матвеевич (1724–1788) – статс-секретарь императрицы в 1764–1781 гг. Действительный тайный советник, сенатор. 7.IV.1774 помечен указ Екатерины в лейб-гвардии Преображенский полк: "Оного полку премьер-маиор Генерал-Порутчик Иван Маслов поданным Нам прошением просил об увольнении его от службы, на что Мы, Всемилостивейше снисходя, сим его от оной увольняем" (Черновик. – *РГАДА*. Ф. 20. Оп. доп. Д. 9. Л. 19). Иван Иванович *Маслов* (в службе с 1742 г.) фактически командовал преображенцами в отсутствии А.Г. Орлова. 29.III.1774 последний писал Потемкину: "...Теперь прошу вас, буде можно што в помощь зделать бедняку Маслову, так пожалуйте не оставьте ево, а он, кроме вас, ни на ково свою надежду больше не полагает" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 59. Ч. 1. Д. 21–21об.). В том же письме Орлов просил поднести императрице рапорт о полку (вместо него самого), ссылаясь на свою болезнь и заверяя Потемкина в благодарности за присланный "прибор ружейный". Разговор Алехана с императрицей "по материи любви" не остался без последствий. Уже 4.IV В.Г. Орлов сообщил брату Ивану в Москву: "Алехан здесь долго не наживет" (*Орлов-Давыдов*. Т. 1. С. 289–290). Прусский посланник граф Сольмс еще ранее 15.III.1774 донес в Берлин: "Повидимому Потемкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему Императрицы и сделается самым влиятельным лицом в

России. Молодость, ум и положительность доставят ему такое положение, каким не пользовался даже Орлов... Граф Алексей Орлов намерен отправиться в Архипелаг раньше, чем предполагал, а Князь Григорий Григорьевич, как говорят, высказывает желание уехать путешествовать за границу" (*РА*, 1873. Стб. 126–127).

[2] *Об Обрезкове все вычернила, а только оставила то, чтоб с канцелярией остался в фельдм[аршальской] диспозиции.* – *Обресков* Александр Михайлович (1718–1787) – с 1757 г. был посланником в Турции. Опытный дипломат, он пытался предотвратить войну, но был арестован и провел в заключении почти 4 года. Был выпущен в 1772 г. Принимал самое деятельное участие в Фокшанском конгрессе (главный советник Г.Г. Орлова) и сумел достичь соглашения по большинству пунктов мирного договора на конгрессе в Бухаресте. Камнем преткновения остались требования о независимости Крымского ханства, о свободе мореплавания по Черному морю, о передаче России крепостей в Крыму. Румянцев переписывался с Обресковым, просил у него советов. Когда же фельдмаршалу была дана полная мочь на ведение переговоров, Обресков обиделся, медлил с приездом к нему и опоздал в деревушку Кучук-Кайнарджи (за Дунаем), где 10.VII.1774 был подписан мирный договор. Впоследствии Обресков был членом Коллегии Иностранных дел. Действительный тайный советник.

[3] *М[уж] милой, прости.* – Первый раз Екатерина называет Потемкина мужем. Он уже добился согласия на венчание. Наступивший Великий пост, а также пребывание в Петербурге четырех братьев Орловых заставляют императрицу ждать удобного часа.

44. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 9.IV.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 9.
Публикуется впервые.

Свидетельство участия Потемкина в выработке условий мирного договора с Портой. 9.IV императрица уведомила фельдмаршала Румянцева об отправке к нему решительных повелений на мирное дело (в том числе и о "смягчении кондиций"). Нежелание турок уступить Керчь и Ениколь заставило русскую сторону потребовать уступки Кинбурна и Очакова. В случае "крайности" Румянцеву разрешалось отказаться от этого условия. Пока везир упорствовал, фельдмаршал переправил за Дунай корпуса генерал-поручиков Суворова и Каменского, поставив перед ними задачу разгромить живую силу противника и перенести боевые действия на Балканы.

45. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 410–411 об.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 12. С. 121.

[1] *Я пишу из Эрмитажа, где нет камер-пажа...* – Екатерина не умела писать стихи и плохо воспринимала музыку. 9.IV.1774 двор вернулся в столицу. "Покои для нового генерал-адъютанта готовы и он занимает их, – писала 10.IV Я.Е. Сиверсу его жена – Говорят, что они великолепны". (*Брикнер*. Потемкин. С. 26-27).

[2] *Запрети имянным указом Толстому ее переходить.* – В Петербурге еще не существовало постоянных мостов через Неву. В зимнее время ее переходили по льду. "*Толстый*", по мнению Я.Л. Баркова, – обер-гофмаршал князь Н.М. Голицын. Он был женат на Екатерине Андреевне *Головиной*, умершей в 1769 г. Императрица пишет о жене и детях "*Толстого*". Может быть, это другое лицо.

[3] *...таково-то с Вами знаться, Господин казак Яицкий.* – Нежно-грубоватые обращения к Потемкину характерны для некоторых русских писем Екатерины. Все клички, которыми она награждает своего возлюбленного: "казак Яицкий", "Гаур" (неверный, в устах мусульман), "Пугачев" – политически злободневны. Кличка "Золотой фазан" намекает на любовь Потемкина к богатой одежде, которую он носил во время официальных приемов. В обыденной жизни он одевался очень просто.

46. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1 Оп. 1/1. Д. 54. Л. 89.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 121.

Это и следующее за ним письмо (а также записочки № 236–244) дают представление о некоторых подробностях дворцового быта. Екатерина часто оказывается в затруднительном положении, когда хочет навестить своего возлюбленного.

47. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 361.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 114.

48. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 84.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 119.

49. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 12–12 об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 127.

[1] *Протопопский крест поехал к Москве.* – В письме московскому главнокомандующему князю М.Н. Волконскому, помеченном 15.IV. 1774 г., Екатерина сообщает о посылке креста протопопу Благовещенского собора в Кремле о. Александру Левшину, брату знаменитого церковного деятеля, оратора и богослова преосвященного Платона (Осмн. век. Кн. 1. С. 109).

[2] *Скажи Миха[илу] Сер[геевичу]...* – Младший брат П.С. Потемкина Михаил Сергеевич (1744–1791) имел придворный чин камер-юнкера. Волонтером сражался в армии Румянцева. Проводив в Петербург Г.А. Потемкина, фельдмаршал решил послать в подкрепление ему М.С. Потемкина, поручив последнему доставить императрице редкий трофей – отбитое у турок необыкновенное знамя (Письмо Румянцева Екатерине II до 4.II. 1774 г. // *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2111. Л. 95–95 об.). М.С. Потемкин появился в столице только в конце апреля (это может быть объяснено карантином или задержкой по болезни). За свою серьезность М.С. Потемкин получил от Потемкина прозвище "Святой". Он сделал блестящую карьеру. Стал камергером, в 1783 г. получил важный пост генерал-кригскомиссара, ответственного за снабжение армии. О его дальнейшей карьере см. примеч. к письму № 665.

[3] *Фридрихс* (правильно Фредерикс) Иван Юрьевич (1723–1779) – барон, придворный банкир. Получил титул в 1773 г. по ходатайству Орловых, которые содействовали его карьере и обогащению.

[4] *...зятю твоему не скажет.* – Зять Потемкина – Николай Борисович *Самойлов* (1718–1791) – муж его старшей сестры Марии Александровны, отец Александра Николаевича Самойлова и Екатерины Николаевны (по первому мужу Раевской) – матери героя Отечественной войны 1812 года генерала Н.Н. Раевского. Самойлов Н.Б. служил по гражданской части (см. примеч. к письму № 122). С 22.IX. 1777 г. сенатор.

50. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп.1/1. Д. 54. Л. 6.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 125–126.

Датировка условная – см. ниже пункт 2.

[1] *Насилу Михаила Сергеевича дождались. По Павла послать надобно...* – О приезде М.С. Потемкина см. выше – письмо № 49. П.С. Потемкин, произведенный в генерал-майоры, прибыл в Петербург в конце мая (*КФЖ*). Собираясь дать ему ответственное поручение, императрица была недовольна его расстроенным состоянием.

[2] *Прощай, душа, грустно, что сегодня со мною, ни завтра не будешь.* – 17.IV поутру императрица соизволила слушать в комнате правила ко Святому причащению, затем прошествовала в придворную церковь на литургию, где и причастилась (*КФЖ*). Ни 17-го, ни 18-го Потемкин не отмечен в Камер-фурьерском журнале, хотя в нем упоминаются граф К.Г. Разумовский, граф З.Г. Чернышев, И.П. Елагин, С.М. Козьмин и другие лица.

51. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 21.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 24–24об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 131.

[1] *Голубчик, при сем посылаю к Вам письмо к Гр*[*афу*] *Алек*[*сею*] *Гр*[*игорьевичу*] *Орлову. Естьли в ортографии есть ошибка, то прошу, поправя, где надобно, ко мне возвратить.* – 12.IV Екатерина повелела А.Г. Орлову взять "из остаточной от прошедших годов Преображенского полку полковой суммы... двадцать четыре тысячи рублей да употребить их, как вам от Меня повелено, в чем вы никому, окроме Меня, не имеете дать отчета" (*СБРИО*. Т. 1. С. 96). В рескрипте ему же от 6.V императрица писала о новом турецком султане (Абдул-Хамиде I), о надежде на мир, которому должны способствовать активные действия русского флота в Архипелаге. Потемкину поручалось проверить орфографию этого рескрипта с предписанием графу А.Г. Орлову отправиться к флоту (*СБРИО*. Т. 1. С. 96–97).

[2] *Тем, коим не нравится пожалованье Господ Демидовых в советники Бергколлегии,.. в ответ можно сказать, что Сенат часто и откупщиков жалует по произволению своему в чины.* – Известные богачи-промышленники Демидовы, внук и правнук петровского предпринимателя, одним из первых начавшего осваивать рудные богатства Урала Никиты Демидова, Никита Акинфич (1724–1789) и Евдоким Никитич (ум. в 1782 г.) были пожалованы в советники Бергколлегии (эти чины соответствовали чину полковника армии). Их заводы подверглись разорению во время нашествия отрядов Пугачева.

[3] *Бильштейн* Карл Леопольд – коллежский советник. Был членом Высочайше учрежденной Комиссии о коммерции.

[4] *Прошу написать, естьли Вам досуг будет, о Бибикове, Князе Голицыне, Фреймане, Мансурове и Рейнсдорфе.* – В.Г. Орлов в письме в Москву брату И.Г. Орлову сообщал о наградах, последовавших 21 апреля (в день рождения императрицы). *Бибиков* – в подполковники лейб-гвардии Измайловского полка. Оренбургскому губернатору *Рейнсдорфу* – Александровская лента, генерал-майорам *Мансурову* и *Фрейману* – Анненские. (*Орлов-Давыдов.* Т. 1. С. 290). В Петербурге еще не знали о смерти Бибикова в Бугульме 9. IV. Из-за весенней распутицы это известие достигло столицы только 24.IV. *Голицын Петр Михайлович* (1738–1775) – князь, родной брат вице-канцлера, генерал-майор. Участвовал в войне против барских конфедератов. Командовал отрядом, посланным против Пугачева. Первым нанес крупное поражение мятежникам под крепостью Татищевой 22.III. 1774 г., захватив 36 пушек и более 3 тысяч пленных. Через 3 дня Голицын вступил в Оренбург, восторженно встреченный жителями, выдержавшими почти полугодовую осаду. 23.I. 1775 г. в путевом дворце во Всесвятском под Москвой Екатерина лично возложила на Голицына орден Св. Александра Невского. О его дуэли и смерти см. письмо № 353 и примеч. к нему. *Фрейман Магнус Фердинандович* (Федор Юрьевич) (1725–1796) – генерал-майор, один из главных соратников Голицына в сражении под крепостью Татищевой. *Мансуров Павел Дмитриевич* (1726 – после 1798) – генерал-майор. После победы под Татищевой снял блокаду с Яицкого городка, гарнизон и жители которого героически противостояли пугачевцам. Впоследствии генерал-поручик, наместник в Пскове, сенатор. Вышел в отставку в 1798 г. *Рейнсдорф* (правильно Рейнсдорп) Иван Андреевич (ум. в 1781 г.) – генерал-поручик, Оренбургский губернатор. При первых известиях о бунте действовал нерешительно, позволив Пугачеву усилиться. Был осажден мятежниками в губернском городе Оренбурге. С трудом выдержал длительную осаду. После подавления пугачевщины сохранил свою должность.

[5] ... *Иван Чернышев Вам солгал, когда он говорил, что я заочно любить не умею...* – *Чернышев Иван Григорьевич* (1726–1797) – граф, вице-президент Адмиралтейств-коллегии, брат Президента Военной коллегии графа З.Г. Чернышева. С 1768 по 1769 г. был послом в Лондоне. И.Г. Чернышев отсутствовал в Петербурге весь 1774 г. Следует предположить, что Потемкин передал императрице разговор, имевший место в 1770 г., во время пребывания его в столице.

52. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 34.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 134.

[1] *Что встала, то послала к Вице-канцлеру по ленты, написав, что они для Ген[ерал]-Пор[учика] Пот[емкина], после обедни и надену на него.* – День рождения Екатерины пришелся на Светлый понедельник. В этот день императрица возложила на Потемкина орден Св. Александра Невского и польский орден Белого Орла, пожалованный ему королем Станиславом Августом (рескрипт дан 2.IV.1774, в Варшаве).

Вице-канцлер – князь *Голицын* Александр Михайлович (1723–1807), известный дипломат, был послом в Париже и в Лондоне. Двоюродный брат своего тройного тезки фельдмаршала князя А.М. Голицына, вместе с которым противостоял Орло-

вым. Член Совета при императрице. В 1775 у Голицына обострились отношения с Паниным и он подал в отставку. Пожалован в обер-камергеры и сенаторы. Доживал свой век в Москве.

2 *При сем прилагаю записки, кои я сегодни заготовила для объявления сего же дня.* – По понедельникам обычно собирался Совет, но по случаю дня рождения императрицы 21.IV Совета не было. Члены Совета собрались в четверг 24.IV и выслушали реляцию Бибикова от 7.IV. об успехах правительственных войск и рапорт генерал-поручика князя Ф.Ф. Щербатова о смерти Бибикова и о принятии им команды. Может быть, речь идет о новых награждениях и пожалованиях.

53. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 25.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 132.

1 *Здравствуй, миленький, и с Белым Орлом и с двумя красными лентами и с полосатым лоскутком, который, однако, милее прочих, ибо дело рук наших. Его же требовать можно, как принадлежащий заслуге и храбрости.* – Синяя лента ордена Белого Орла и две красные ленты орденов Св. Анны и Св. Александра Невского носились через плечо. Полосатый лоскуток – черно-оранжевая ленточка ордена Св. Георгия 3-ей степени; прикрепленный к ней белый эмалевый крест носился на груди. Этот орден давался только за боевые заслуги. Екатерина напоминает о нем ("милее прочих"), давая понять, что еще в 1770 г. была неравнодушна к Потемкину.

2 *Нас же просим впредь не унизить, а пороки и ошибки покрыть епанечкою, а не выводить наружу пред людьми, ибо сие нам приятно быть не может. Да и неуместно ниже с другом, еще меньше с ж*[*еною*]. – Суровый характер Потемкина проявлялся уже в первые месяцы его близости с Екатериной (см. письмо № 184). "Покрыть епанечкою" – обычай того времени, когда невинно или случайно нанесенное оскорбление или бесчестие снималось особым способом: пострадавшего покрывали епанчею или знаменем и читали очистительную молитву. Обряд заимствован из церковного. Екатерина называет себя женою, но до венчания осталось полтора месяца.

3 *...чему много способствует вчерашний вечер и Ваше удовольствие и веселье... Я, чаю, сегодни примериванья сколько будет.* – В предыдущем письме Екатерина просила Потемкина "быть веселым сегодни". Он выполнил просьбу.

Интересны два письма Екатерины, написанные в эти весение дни 1774 г. Барону Гримму она признается в том, что ненавидит свой день рождения, как чуму, потому что он напоминает ей о ее возрасте. За этим признанием следуют новости: о смерти Бибикова, о снятии блокады с Оренбурга, о поражениях мятежников (*СБРИО*. Т. 13. С. 400–401). Княгине Е.Р. Дашковой, назвавшей в своем поздравительном письме "счастливым" день рождения Государыни, Екатерина отвечает: "Согласилась бы я с вами назвать день моего рождения счастливым для России, если бы в Империи все дела шли по моему чистосердечному желанию и чтоб во всех частях внутреннего управления государством цвели правосудие и устройство, а посреди тишины слава и страх гремели" (*Смирдин*. Т. 3. С. 424). И ни слова о Потемкине.

54. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 17–17об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 128.

[1] *...как тебе не стыдно... Похоже ли на дело, чтоб ты страхом захотел приневолить сердце. Самый мерзкий способ сей непохож вовсе на твой образ мысли, в котором нигде лихо не обитает.* – Очень важное признание: любовь нельзя "приневолить".

[2] *Скорее ты мною скучишь, нежели я.* – Не раз и не два в письмах к Потемкину Екатерина будет повторять, что ее страсть, ее постоянное желание любить и быть любимой могут притупить ответное чувство и привести к остуде. Так у нее было с Орловым. Она боится, как бы и Потемкин не охладел к ней из-за ее чрезмерной ласки.

[3] *Я с дураком пальцы обожгла. А естьли б еще год остался и ты б не приехал, или б при приезде я б тебя не нашла, как желалось, я б статься могла, чтоб привыкла...* – Речь идет о недалеком Васильчикове, к которому она могла привыкнуть, не любя его, хотя уже два года симпатизировала Потемкину.

55. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

IV.1774

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 137. Д. 127 б, № 8.
Публикуется впервые.
Наставление, основанное на житейском опыте, скорее всего написано в апреле, когда страсть к Потемкину, заставившая Екатерину "поглупеть", "потерять голову", немного улеглась.

56. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 416.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 122.

[1] *Пришло мне на ум, чтоб ты Панину дал знать... чтоб здесь мог остаться на несколько дней, и тогда он луче сам увидит..., а, может статься, что к нему прибегать будут.* – 29.IV двор переехал в Царское Село. Панин должен был приехать в воскресенье 4.V, чтобы принять участие в заседании Совета, назначенном на понедельник. Государыня хочет, чтоб опытный царедворец задержался на несколько дней и сам убедился в кознях против Потемкина. Очевидно, и здесь речь идет об Орловых и их сторонниках. Конец письма показывает, что Екатерина намерена на этот раз действовать решительно. Панин, желая ослабить влияние Орловых, поддержал Потемкина и использовал свое влияние на великого князя и его жену с тем, чтобы смягчить отношения Павла Петровича к Потемкину. Об этом писал английский посланник Гуннинг (*СБРИО*. Т. 19. С. 408).

57. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 64.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 114.

[1] *...ты мне... говорил, чтоб я тебя с чем-нибудь послала в Совет сегодни...* – Потемкин добился разрешения присутствовать на заседании Совета императрицы. 5.V он

посетил Совет первый раз. Членами Совета были: Н.И. Панин, К.Г. Разумовский, З.Г. Чернышев, двое Голицыных (фельдмаршал и вице-канцлер), Г.Г. Орлов, И.Г. Чернышев, А.А. Вяземский. Все они имели чины 1-го и 2-го класса. Появление в Совете Потемкина, имевшего чин 3-го класса, сразу было отмечено, как из ряда вон выходящее событие. "Хотя ни в одной стране любимцы не возвышаются так быстро, – сообщал в Лондон Гуннинг, – нет примеров даже здесь возвышения такого быстрого, как Потемкина. К великому удивлению большинства членов тайного Совета, генерал Потемкин занял место среди них" (депеша от 6/17.V. 1774 г. – *СБРИО*. Т. 19. С. 413).

[2] *Вяземский Александр Алексеевич* (1727–1793) – князь, один из ближайших сотрудников императрицы. Занимал почти 30 лет пост генерал-прокурора, в руках которого были сосредоточены такие дела, как финансы, политический и уголовный сыск, контроль за администрацией. Действительный тайный советник, сенатор.

[3] *...записку и с докладом Казанской Комиссии...* – Одна из двух (потом трех) секретных комиссий, созданных для расследования дел, связанных с "злодейским возмущением" (пугачевщиной). Поначалу находилась в ведении А.И. Бибикова.

58. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 11.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 126–127.

[1] *В городе, по крайней мере, бывало сидишь у меня,.. а здесь лишь набегом.* – Из этих слов следует, что написана записка в Царском Селе. В мае 1774 г. Потемкин почти ежедневно показан в *КФЖ*. Только два дня подряд его нет за царским столом – 7 и 8.V.

[2] *Побываешь и всячески спешишь бежать. Ей-ей, отвадишь меня желать с тобою быть – самый Князь Ор*[*лов*]. – Деятельный Потемкин не сидел во дворце. В его покоях всегда полно людей (письма № 238, 241). Ссылка на Орлова, более десяти лет бывшего самым близким человеком к Екатерине, должна, как ей кажется, подействовать на "юлу" Потемкина.

[3] *Я пошлю по Баура.* – Разумеется, шутка. *Баур* (правильно *Боур*) Федор Вильгельмович (1731–1783) – инженер генерал-поручик. Швед, служивший сначала в гессен-брауншвейгской и прусской армиях, в 1769 г. был приглашен на русскую службу с чином генерал-майора. В блестящей кампании Румянцева 1770 г. Боур был генерал-квартирмейстером армии. Награжден Георгием 2-ой степени. Видный деятель по организации генерального штаба. В 1774 г. находился в Петербурге. Руководил строительством водопровода в Царское Село и нередко приглашался к высочайшему столу.

59. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 8.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 286.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 116.

Это нежное письмецо написано, скорее всего, после выговора, сделанного Потемкину (письмо № 58).

60. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 221.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 107.

[1] *Приведи Осипова в кабинет... – Осипов Григорий Михайлович* (1739–1799) – ротмистр Конной гвардии. В конце апреля 1774 г. посылался по секретному делу – арестовать полковника Анжели (см. примеч. к письму № 62). 12 мая рапортовал Вяземскому из Ижор о доставке арестованного. Вместе с С.И. Шешковским тайно отвез Анжели в крепость. Очевидно, в личной беседе Екатерина хотела получить от Осипова подробности интересовавшего ее дела. Впоследствии Осипов занимал должности правителя наместничества в Твери, генерал-губернатора Смоленского и Псковского.

[2] *Алексей Гр[игорьевич] приехал и, чаю, ко мне прийдет.* – Орлов был в Царском Селе 15.V. Через день ему были пожалованы столовые деньги (по 1000 рублей в месяц) и он отправился в Италию, на порты которой базировался русский флот в Средиземном море (*СБРИО*. Т. 1. С. 98).

61. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 187.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 500.

В своих примечаниях к этому письму Я.Л. Барсков указал следующих камер-юнгфер императрицы (придворных служительниц самой государыни): Авдотья Петровна Иванова, Марья Саввишна Перекусихина, Анна Константиновна Скороходова, Марья Степановна Алексеева, Анна Александровна Полекучи (см. *ВИ*, 1989, № 10. С. 102). Под 15.V. 1774 г. в *КФЖ* отмечено гуляние императрицы по Гатчинской дороге. Утром этого дня состоялся Совет, на котором присутствовали Г.Г. и А.Г. Орловы.

62. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 77.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 117.

[1] *Я не спешу делом анжелиевым, но ответствую на письмы Ген[ерал]-Прок[урора] с точностию. Камергер цесарский задержан Губернатором, а здесь мы и не знали, что он с ним.* – Офицер-француз Франц *Анжели* (р. в 1735) перешел в 1770 г. из датской службы в русскую. Участник русско-турецкой войны. Награжден Георгием 4-ой степени. В 1773 г. полковник, командир Владимирского драгунского полка. Был замечен в сношениях с французскими офицерами, сражавшимися в рядах барских конфедератов и попавших в русский плен. Тайно ездил за границу, изменив внешность и костюм. Вскоре вернулся в Россию. Вместе с ним прибыл его сообщник, назвавшийся "графом Валис, камергером Венского двора". 26.IV последовали указы Екатерины II Рижскому и Могилевскому губернаторам об аресте Анжели со всеми его бумагами. Интриги французской дипломатии в Турции, Польше и Швеции сильно беспокоили императрицу. Следствие выявило тайные сношения Анжели с высокими должностными лицами во Франции. Было решено выслать его за границу с запрещением въезжать в Россию. Секретная миссия по выдворению Анжели была поручена А.Н. Самойлову, который 5.VII донес генерал-

прокурору из Могилева об успешном выполнении поручения (*РГАДА*. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2383. Л. 233–233об.).

[2] Камергер граф *Валис* (*Вальш*) был арестован могилевским губернатором М.В. Каховским. 16.V Екатерина II писала графу Н.И. Панину: "Сказывал мне Григорий Александрович Потемкин, что Вы желаете знать, цесарский камергер Вальш по моему ли приказанию задержан в Могилеве или его не пропустил губернатор Каховский... А задержал его губернатор сам собою для того, что он ему подозрителен показался. Он же в самом деле такой и есть же, и не имел пашпорта ни откуда, а что он о всех поступках анжелиевых известен ...о сем и сумнения нет, и кажется, что сей камергер сущий авантюриер. Вот вам вся сказка..." (*Письма Екатерины Второй Панину*. С. 56).

[2] *Настоящему Вице-президенту опекунства поручить несходственно, ибо его не знаю, не ведаю, ... а лутче его мне кажется Ржевский, ибо честен и безкорыстен и осторожен.* – В России существовала специальная канцелярия опекунства иностранных лиц, пребывающих в стране (президент Г.Г. Орлов). Вице-президентом в 1774 г. был действительный статский советник Иван Гаврилович Резанов. По делу Вальша Екатерина хочет привлечь Алексея Андреевича *Ржевского* (1737–1804), камер-юнкера (впоследствии камергера). Чем закончилось дело Вальша, установить не удалось. Анжели напомнил о себе через 19 лет. М.И. Кутузов (чрезвычайный и полномочный посол России в Константинополе) 4.VIII. 1793 г. уведомил генерал-аншефа А.В. Суворова, командовавшего войсками на юге России, о намерении "известного Анжели... отправиться в Тавриду для произведения своих злых намерений" (*КД*. Т. 1. С. 218). Суворов отдал соответствующие распоряжения "для надлежащей осторожности" (*СП*. С. 255).

[3] *...сегодня пятница... Обедаю у себя.* – По пятницам императрица обедала в узком кругу близких ей лиц. 16.V. 1774 г. приходилось на пятницу.

63. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.V.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 45.
Публикуется впервые.

[1] *Письмо Муромцева я прочла и сему удивляюсь, ибо я его почитала между любимцами Чернышева.* – *Муромцев* Матвей Васильевич (1737–1799), бригадир. Друг и приятель Потемкина, проделавший вместе с ним кампании 1770–1773 гг. В последней кампании исполнял обязанности генерал-квартирмейстера армии. Отличился в боях. 22.IV. 1774 г. он написал Потемкину о том, что по возвращении из отпуска в армию обнаружил себя исключенным из "росписания". "Неужто и из армии выкинут. Но как ты знаешь мой образ мыслей и вообразить себе можешь, сколь мне горестно быть в сей нерешимости; однако усердие к Государю и Отечеству служить решило меня на том, чтоб итти в поход и что прикажут с ревностию исполнять. Вот мое намерение. Знаю, что похвалишь" (Автограф. – *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 946. Ч. III. Л. 59–59об.). Потемкин показал письмо Екатерине. Расписанием генералитета по армиям и дивизиям ведала Военная коллегия и лично ее президент граф З.Г. Чернышев. Муромцев закончил войну в чине генерал-майора, служил губернатором в Новороссии, в Туле и вышел в 1780 г. в отставку в чине генерал-поручика. Завел в своем родовом имении в Тульской губернии образцовое хозяйство, строил каменные дома для крестьян, разводил сады. Его сын вспоминает, как отец, получив известие о смерти Екатерины II, "даже плакал, а по его

суровому характеру это было весьма необыкновенно"; как во время коронации Павла I Муромцев "сказался больным и притворно хромал", не желая видеть разрушителя того, что созидала Екатерина Великая (*РА*, 1890, № 1. С. 60–63). Интересные письма М.В. Муромцева Потемкину не публиковались.

Чернышев Захар Григорьевич (1722–1784) – граф, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии. Сын сподвижника Петра I. Карьеру начал при дворе Елизаветы Петровны. П.И. Бартенев опубликовал "Любовные записочки высокой особы XVIII века к графу З.Г. Чернышеву", случайно найденные в середине XIX в. при ремонте колокольни в имении, некогда принадлежавшем графам Чернышевым, в Воронежской губернии (*РА*, 1881. Кн. III. С. 390–402). Написанные по-французски, трогательно-наивные записочки принадлежали юной Екатерине, изнывавшей от скуки жизни с нелюбимым мужем. Симпатии великой княгини к Чернышеву были замечены и его перевели в армию. Чернышев выдвинулся во время Семилетней войны: занял 28.IX.1760 столицу Пруссии Берлин. После переворота 1762 г. Екатерина назначила Чернышева вице-президентом Военной коллегии. В 1773 г. он стал президентом с чином генерал-фельдмаршала. Женатый на родной сестре жены графа П.И. Панина, Чернышев принадлежал к сторонникам Орловых. Находился в натянутых отношениях с Румянцевым, завидуя его славе.

2 *Сего утра на завтраке я видела Гр*[*афа*] *Кир*[*илла*] *Гр*[*игорьевича*] *да и За*[*хара*] *с Бран*[*ицким*] *и спросила у них, что вчерась делали после меня? Кир*[*илл*] *сказал, что, нашед В*[*еликого*] *К*[*нязя*] *на террасе, с ним гулял, а За*[*хар*] *сказал, что лег спать, и от меня утаил гулянье.* – Великокняжеская чета 17.V.1774 ездила из Царского Села в Петербург в гости к Разумовскому и Чернышеву, вернулась в тот же день поздно ночью. Очевидно, на следующий день оба фельдмаршала прибыли в Царское Село (это было воскресенье). Екатерина, внимательно следившая за сыном, недовольна неискренностью Захара Чернышева. Она уже приняла решение заменить его Потемкиным во главе Военной коллегии.

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803) – граф, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант. Младший брат тайного мужа императрицы Елизаветы Петровны А.Г. Разумовского, начинавшего свою карьеру придворным певчим. Братья выросли в простой казачьей семье на Украине. Кирилл, будучи почти на 20 лет моложе брата, после его возвышения был послан для обучения в Германию и Францию. По возвращении назначен Президентом Академии наук и Малороссийским гетманом. Екатерина рассказывает в своих "Записках" о необыкновенном внимании, которое оказывал ей Разумовский в начале 1750-х годов. Через 20 лет он признался императрице, что был влюблен в нее. Сыграл одну из главных ролей в подготовке и осуществлении переворота 1762 г. Никогда не командовавший войсками на поле брани, Разумовский имел высший воинский чин. Ему была поручена Санкт-Петербургская дивизия. Поддержал Потемкина, оценив его государственный ум и таланты организатора.

Браницкий Франц Ксаверий (Ксаверий Петрович – 1731–1819) – польский магнат, граф, дипломат, военный деятель. Карьеру сделал благодаря дружбе с графом Станиславом Августом Понятовским, ставшим королем Польши. Командовал коронными войсками: жестоко подавлял восстание гайдамаков на Украине, сражался против барских конфедератов. Одно время был послом в Петербурге. Великий коронный гетман Браницкий то разыгрывал роль польского патриота, то искал дружбы с Потемкиным, то делал предложения прусскому королю о союзе при условии поддержки его – Браницкого – кандидатуры на польский престол. Женился на племяннице Потемкина (см. письмо № 607 и примеч. к нему). Активный деятель

"Четырехлетнего сейма". После принятия конституции 3 мая 1791 г. перешел в лагерь оппозиции, был одним из вождей Тарговицкой конфедерации, приведшей ко 2-му разделу Польши. В 1794 г. во время восстания Т. Костюшко был объявлен изменником. Перешел в российское подданство и жил в своем огромном имении Белая Церковь на Украине. Генерал от инфантерии.

3 *А теперь пришел у меня просить дозволенье Строга*[*нову*] *надеть ленту Стани*[*слава*]. – *Строганов* Александр Сергеевич (1734–1811) – граф, камергер. Принадлежал к знаменитому роду Строгановых, на средства которых атаман Ермак Тимофеевич совершил покорение Сибири. Один из богатейших людей своего времени. Первым браком женат на дочери канцлера графа М.И. Воронцова. С 1771 по 1778 г. жил за границей со своей второй женой Екатериной Петровной (урожд. княжной Трубецкой). По возвращении в Россию пережил новую семейную драму: его жена увлеклась фаворитом императрицы И.Н. Римским-Корсаковым и уехала с ним в Москву. Строганов выделил жене значительные средства, жил в Петербурге и в течение многих лет избирался предводителем дворянства Санкт-Петербургской губернии. Одно время был любимым собеседником императрицы. С 1797 г. Строганов возглавлял Академию художеств.

4 *...а ты изволь сказать Браницкому, а естьли не берешься, то сама скажу и Штакельбергу напишу, чтоб лент тамо не давали, не спросяся наперед – угодно ли мне.* – Российским послом в Варшаве с 1772 г. был барон Оттон-Магнус фон *Штакельберг* (1736–1800), представитель старинного лифляндского рода. Вместе с австрийским и прусским послами в Варшаве Штакельберг подготовил оформление 1-го раздела Польши. Возведен императором Иосифом II в графское достоинство в 1775 г. Граф Браницкий был одним из самых непримиримых противников Штакельберга и добивался его отзыва.

64. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 112.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 407.

1 *Пожалуй, спроси и прочти доклада Казанской тайной комиссии, который сего утра я возвратила Князю Вяземскому, также и мое к Ген*[*ерал*]-*Проку*[*рору*] *письмо о сем деле.* – Плененный пугачевец, назвавшийся Мамаевым, заявил на допросе в Казанской секретной комиссии гвардии поручику Г.Р. Державину, что яицкие казаки послали в Петербург доверенных людей с ядом, чтобы отравить императрицу, наследника и его жену. Генерал-прокурор князь Вяземский 22.V.1774 прислал Потемкину приметы отравителей. "Мне кажется, что это не новое и, хотя больше на вздор, нежели на дело, походит, – писал ему Потемкин, – однако ж в столь важнейшем пункте, как драгоценному здоровью касающемуся, не худо сделать строгое изыскание, что я здесь произвесть не оставлю". Хотя Екатерина считала дело несерьезным, она приказала доставить Мамаева в столицу, прибавив в конце письма к Вяземскому: "А для примера и без него есть у них кого повесить". Через месяц Вяземский сообщил, что Мамаев оказался мещанином Николаем Михайловичем Смирновым и что показание о посылке казаков с ядом он придумал "из страха, видя, что поручик Державин хочет его сечь". Видя злоупотребления следствия, императрица решила объединить Казанскую и Оренбургскую секретные комиссии в руках П.С. Потемкина, вызванного из армии и появившегося в столице 25.V.1774 (*Дубровин*. Т. 3. С. 47–49).

65. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 25.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Д. 274.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 114.

[1] *Слышала я, душенька, что с Ржеуским зделалось: его Андрюшка катал и чуть всего не переломал.* – Я.Л. Барсков считает, что речь идет о графе Вацлаве *Ржевуском* (1706–1779) – великом коронном гетмане, отце графа Северина *Ржевуского* (1743–1811) – одного из вождей Тарговицкой конфедерации.

[2] *Я думала же, моя жизнь, кого бы в Синод на место Чебышева сажать, но не придумала. Акчурин умен, но горький пьяница... Курбатова не знаю...* – 6.V.1775 императрица писала князю А.А. Вяземскому: "Приезжал ко мне обер-прокурор Синодский Чебышев и винился мне, что он забрал сумму синодальной (конторы), но как сей поступок учинен тогда, когда его вина уже известна была многим, и с ним нельзя поступить иначе, как ниже следует, а имянно: поезжайте в Синод завтра и с членами освидетельствуйте Чебышевым запечатанную казну и тут же откажите обер-прокурору от присудствия и объявите ему, что естьли им взятую сумму не внесет, то сужден будет" (*ЖМЮ*. 1915. № 10. С. 210).

Бригадир *Чебышев* Петр Петрович, служивший обер-прокурором Синода с 1768, был уволен за казнокрадство. На его место был назначен статский советник *Акчурин* Сергей Васильевич (1723–1790), пробывший в должности обер-прокурора 12 лет. *Курбатов* Петр Петрович (ум. в 1786) до конца жизни служил в Коллегии иностранных дел. *Бестужев* – граф Алексей Петрович *Бестужев-Рюмин* (1693–1766), канцлер с 1744, сыгравший важную роль в поддержке политических планов молодой Екатерины.

66. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 25.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 339.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

Датируется на основании указа о назначении С.В. Акчурина исполняющим должность обер-прокурора Синода (с 25.V.1774). Чем не нравился императрице П.П. Курбатов, трудно понять.

67. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 78.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 402–403.

Среди приглашенных на званый обед 25 июля значатся и Жербицкий и граф Ржевуский. Вместе с ними был и граф Андрей Разумовский. На этом обеде были П.С. Потемкин, только что приехавший из армии, и исполняющий должность обер-прокурора Синода Акчурин.

68. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.V.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 299.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь, с. 197.

30.V. 1774 г. указом императрицы Потемкин был назначен вице-президентом Военной коллегии с чином генерал-аншефа (*Дубровин*. Т. 2. С. 410. Со ссылкой на Архив Сената. Именные указы. Кн. 136). Необычное обращение – "генерал" – позволяет предположить, что записка послана Потемкину вместе с указом о его назначении.

69. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 22.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 130.

[1] *Конец Вашего письма довольно доказывает противоречие в словах сумазброда. Получа единого чина, который сам собою миновать Вас никак не мог, не могла я скучать прозьбами о чинах. И Вы чины просить не могли, ибо Вы уже имели степень, выше которой лишь два чина. Один Вам дан, а другого – я и не помню, чтоб Вы просили...* – Письмо Потемкина не разыскано. Последние слова о том, что до нового повышения в чине он имел уже "степень, выше которой лишь два чина", причем, один ему уже дан, позволяют датировать письмо. Новый чин – генерал-аншефа – Потемкин получил 30.V. Установить личность "сумазброда", который обвиняет Потемкина в том, что он пытается выпросить у императрицы чин фельдмаршала, нетрудно. В своей депеше в Лондон Гуннинг донес 10/21.VI. 1774 г.: "Генерал Потемкин присоединен к Графу Чернышеву в Военный департамент. Это такой большой удар, нанесенный последнему, что несмотря на всю снисходительность и легкость, с которой он подчиняется всему, чему не мог препятствовать, он не мог долго оставаться в должности, которую занимал. Какими бы способами ее не исполнил его преемник, состояние дела не потеряет много от перемен. Но если рассматривать характер любимца Императрицы, которому она, кажется, хочет доверить бразды правления, нужно бояться, что она кует себе цепи, от которых легко не освободится. Это последнее очень встревожило Орловых. Говорят, что результатом его было больше, чем объяснение между Князем и Императрицей". (*СБРИО*. Т. 19. С. 416). Князь Орлов устроил Екатерине сцену. Императрица пытается смягчить резкость Орлова, называет его "дурной головой", которая не отвечает за свои поступки; "возможно... его на это подбили другие". Потемкин, сделавшись вице-президентом Военной коллегии, становился в положение начальника по отношению к генерал-фельдцейхмейстеру армии (должность Орлова).

70. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 143.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 106.

[1] *Я велела обер-шталмейстеру послать вам эту записку, как только он уедет.* – Екатерина была так расстроена сценой, устроенной ей Орловым, что 2.VI, после утренней прогулки в саду, весь день не выходила из внутренних покоев. Совет, назначенный на этот день, не состоялся. Приехавшие в Царское Село члены Совета

обедали без государыни. Наконец, Орлов пришел проститься и Екатерина поспешила уведомить Потемкина об этой новости. Обер-шталмейстером двора (ответственным за конюшенное дворцовое ведомство) был Лев Александрович *Нарышкин* (1733–1799), которого Екатерина знала с юных лет. Молодой камер-юнкер (при малом дворе) даже назывался кандидатом в фавориты великой княгини. Но Екатерина отдала сердце Сергею Салтыкову. Нарышкин играл комические роли в любительских спектаклях, был известным острословом и шутником. Екатерина говорила, что если бы он не был придворным, то мог бы зарабатывать себе на хлеб, смеша и потешая людей. Шутливое прозвище Нарышкина "Лев Катанский" встречается в письмах № 132, 141. Потемкин, судя по письмам Нарышкина к нему, пользовался дружеским расположением последнего.

2 *Он едет в город... он хочет остаться там лишь на короткий срок и там будет легче с ним справиться.* – Орлов отличался вспыльчивым, но отходчивым характером.

71. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 114.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 98

1 *Батинька, я завтра буду и те привезу, о коих пишете.* – 5.VI двор переехал в Петербург. Екатерина прибыла в Летний дворец под пушечную пальбу с Петропавловской крепости и со стоящих на Неве яхт. Летний дворец (построенный Елизаветой Петровной) стоял на месте Михайловского замка. Кого обещает привезти с собой императрица, неясно. Может быть, Потемкин писал ей о камер-юнгфере М.С. Перекусихиной и камергере Е.А. Черткове, уже намеченных в свидетели тайного венчания.

2 *Да Фельдм*[*аршала*] *Голицына шлюбки велите готовить противу Сиверса пристани, буде ближе ко дворцу пристать нельзя.* – *Сиверса пристань* очевидно находилась на набережной р. Фонтанки, бывшей тогда границей города. На Фонтанку выходил боковым фасадом Летний дворец, в котором жила императрица, наезжая летом 1774 в Петербург. Замечание о шлюбке и пристани очень важно, как свидетельство подготовки тайного венчания. Церковь Святого Сампсония Странноприимца, где было решено венчаться, стояла в отдаленной части города на берегу Большой Невки. Чтобы добраться туда, надо было пересечь Неву (мостов еще не было, кроме одного понтонного, ведшего на Васильевский остров) и спуститься по Большой Невке. Удобнее всего была шлюбка с отборными гребцами, которая полагалась фельдмаршалу князю Александру Михайловичу *Голицыну* (1718–1783) как главнокомандующему в столице. Сын знаменитого петровского полководца, Голицын зарекомендовал себя крупным военачальником в Семилетней войне. С самого начала турецкой войны Голицыну была поручена главная армия (Первая), которая должна была действовать наступательно. Именно к нему поскакал волонтером Потемкин. Медлительность и осторожность Голицына послужили причиной его замены Румянцевым. До приезда преемника ему удалось нанести поражение армии Великого везира Молдаванчи-паши и взять Хотин. Он был награжден чином фельдмаршала и шпагой с алмазами и надписью "За очищение Молдавии до самых Ясс". В боевых действиях больше не участвовал. Был генерал-адъютантом императрицы и членом Совета. Екатерина доверяла Голицыну, оставляя на его попечение Петербург во время своих редких отлучек из столицы.

[3] *Господина Толстяка позовите...* – Брат Голицына обер-гофмаршал весь май отсутствует и не показан в *КФЖ*. Возможно, он был болен. 8.VI Н.М. Голицын участвует в празднестве по случаю Живоначальныя Троицы и подает императрице на позолоченном блюде "цветы с зеленым ветвием" при начатии вечерни.

На другой день по возвращении в Петербург Екатерина приглашает на обед в верхнем маленьком саду Летнего дворца всего четырех человек (напомним, что 6.VI была пятница): фельдмаршалы князь А.М. Голицын и граф З.Г. Чернышев, князь Г.Г. Орлов и Г.А. Потемкин. Это последний день пребывания Орлова в столице. Он вернется лишь 15.VII.1774 г. Достойно внимания маленькое примечание в *КФЖ* за этот день: сообщая о рассылке повесток, куда надлежит, по случаю дня торжественного праздника Живоначальныя Троицы (в Летний дворец приглашаются перед полуднем, к литургии придворные и знатные обоего пола персоны, дамам быть в робронδах, а кавалерам в обыкновенном цветном платье) составитель церемониального журнала прибавляет: "куртага в оный день не будет".., а траур (по умершему от оспы Людовику XV) "как на воскресенье, так и на понедельник, для празднования сошествия Святаго Духа", сложить. Куртаг приходился на вечерние часы. В воскресенье, поздним вечером (8.VI.1774) в церкви Св. Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне в Петербурге состоялось тайное венчание императрицы с Потемкиным.

72. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 8.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 250.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 110.

Это и последующие письма со словами "муж дорогой", "супруг милой", "нежный муж", "любящая вас верная жена" написаны после венчания. Иногда Екатерина обозначает сокровенные слова только начальными буквами, иногда прописывает их полностью. Нет таких нежных слов, какие бы она не находила для своего мужа. Настоящий гимн любви, звучащий на фоне грозных раскатов войны и бунта.

9.VI.1774 г. Суворов во встречном сражении при Козлудже наголову разбивает основные силы турецкой армии. В тот же день граф И.П. Салтыков наносит поражение противнику при Туртукае. Несмотря на нерешительность М.Ф. Каменского (фактически присвоившего себе победу Суворова), Румянцев добивается продолжения наступления на Шумлу. Там находилась ставка везира, у которого оставалось не более тысячи человек. 17.VI авангард армии под командованием бригадира И.А. Заборовского подходит к Шумле. 20.VI везир предлагает Румянцеву перемирие, прося "прислать верную и знатную особу, дабы договариваться с оной о мире". Румянцев непреклонен. "О конгрессе, а еще менее о перемирии, я не могу и не хочу слышать... Ваше Сиятельство знает нашу последнюю волю: если хотите мириться, пришлите полномочных, чтобы заключить, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уж столько много толковано было. Доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не перестанут" (*РД*. Т. 2. С. 759). 5.VII в деревню Кучук-Кайнарджи, где находилась главная квартира Румянцева, прибыли турецкие полномочные. Переговоры о мире начались. В эти самые дни за Волгой Пугачев, воспользовавшись несогласованностью действий генералов (после смерти А.И. Бибикова) прорывается из Уральских гор и движется к губернскому городу Казани.

73. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 8.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 294.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 107.

74. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 8.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 376.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 116.

75. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 8.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 271.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 114.

[1] *Голубчик, если Захар лжец, в чем не сомневаюсь, он наказан. Если он желал, чтобы вы были подле него, он должен быть доволен... Возвращаю к Вам его поздравительное письмо.* – Письмо Чернышева Потемкину не разыскано. Очевидно, президент Военной коллегии выразил удовлетворение по случаю назначения Потемкина, хотя в неофициальных беседах мог дать волю своим настоящим чувствам. Сохранились его письма Потемкину от июля 1774 г. Фельдмаршал явно угодничает перед своим заместителем (см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 41. Ч. 4. Л. 90–95). Напротив, Потемкин чувствует себя хозяином в военном ведомстве. "Ея Величество из рапорта г. Бранта (Казанского губернатора. – *В.Л.*) с неудовольствием изволила усмотреть, – пишет он Чернышеву, – как Пугачев, столь грубый разбойник, умеет, однако же, отъигрываться от наших генералов" (*Дубровин*. Т. 3. С. 128). Следует упомянуть, что 31.V.1774 г. Потемкин назначается генерал-губернатором Новороссийской губернии, а 6.VI (в день, когда князь Г.Г. Орлов получил официально увольнение в отпуск) граф З.Г. Чернышев объявил Военной коллегии Высочайшее повеление, чтоб Г.А. Потемкин был зачислен в штатный воинский армейский список (*Дубровин* Т. 2. С. 411).

76. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 287.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 116.

[1] *Пусть едет, душенька... Презри великодушно глупости спящего ума и тела.* – 11.VI.1774 императрица подписала назначение П.С. Потемкина, возложив на него руководство Казанской и Оренбургской секретными комиссиями и сопроводив его подробной инструкцией. Очевидно, он уехал сразу после назначения. 12.VI Екатерина со свитой посетила фарфоровый завод и не нашла времени лично проститься с П.С. Потемкиным, за что и приносит извинения своему мужу.

77. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 27.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 132.

По случаю дня рождения великой княгини Натальи Алексеевны 14.VI в Летнем дворце был устроен торжественный прием. За праздничным столом находятся все лица, упоминаемые в письме, кроме "главы полиции" Николая Ивановича *Чичерина* (1724–1783), генерал-полицмейстера столицы. Об обстоятельствах его отставки в 1777 г. см. письма № 511–513. Это шутливо-нежное письмо, написанное дурными стихами, в чем признается сама Екатерина, должно смягчить неприятное воспоминание Потемкина о размолвке 12.VI.

К этому времени относится письмо императрицы Гримму, в котором она первый раз упоминает имя Потемкина. Иронически отозвавшись о врачах, допустивших смерть короля Франции от оспы, она вскользь пишет о "генерале Потемкине, который более в моде, чем остальные" (*СБРИО*. Т. 13. С. 409).

78. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Около 25.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 325.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

1 *...сказать Пассеку, чтобы он уговорил "замороженный суп" уехать...* – Петр Богданович *Пассек* (1736–1804) в чине генерал-поручика был генерал-губернатором белорусских провинций, вошедших в состав России после 1-го раздела Польши. Это тот самый капитан лейб-гвардии Преображенского полка, арест которого 27.VI.1762 г. заставил сторонников Екатерины начать переворот. "Замороженный суп" – бывший фаворит Васильчиков, все еще живущий в Петербурге. По мнению Екатерины, было бы хорошо, если бы приехавший на время в столицу Пассек (первое появление при дворе 25.VI) увез отставленного фаворита в Белоруссию, где Васильчикову были пожалованы деревни. Бецкой, одобривший этот план, использовался императрицей как посредник в трудных для нее обстоятельствах.

79. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Накануне 27.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 125а.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 100.

Вместе со свитой 17.VI императрица прибыла в Петергоф, где она всегда отмечала праздничный день своего восшествия на престол. Накануне 27.VI дежурный генерал-адъютант Потемкин запросил Государыню о салюте в честь Полтавской виктории (обычай установлен Петром Великим). Но поскольку в эти дни ожидали приезда шведского короля, занимавшего после переворота 1772 г. враждебную позицию по отношению к России, Екатерина, чтобы "не шокировать шведы", отменила салют. "27-го в пятницу в день праздника Самсона Странноприимца и воспоминания победы под Полтавою, – говорится в *КФЖ*, – в церкви Божественная литургия отправлялась Ее Величества духовником. По окончании литургии был молебен, а пальбы не было". Король Густав III вскоре изменил свое намерение. Он посетил Россию только через 3 года.

80. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 28.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 131.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 100.

О каком проекте Потемкина, который он должен представить письменно после праздников (дня восшествия на престол), установить не удалось. В торжественный день в Петергофе собрались придворные, знатные особы, дипломаты. Из Орловых – только один Федор Григорьевич. После молебна статс-секретарь С.Ф. Стрекалов зачитал победную реляцию Румянцева, которую накануне привез полковник и кавалер Кличка. Последовало благодарственное молебствие и салют.

81. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 28.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 367.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 114.

1 *... нижайше прошу подполковничий список с Вашими рассуждениями не задержать, а то, боюсь, Кузьмин меня высечет, а Чернышев лишний раз комнату свою накурит духом неприятным.* – 28.VI в торжественный день восшествия на престол происходило произвождение в чины. Списки подполковников, которым следует полковничий чин, готовит уже не Чернышев, президент Военной коллегии, а Потемкин.

2 *Я сегодня думала, что моя собака сбесилась. Вошла она с Татьяною... потом зачала прядать и ласкаться ко мне... Она тебя очень любит и потому мне милее.* – Татьяна (то же имя, что и в письмах № 90 и 273) – одна из комнатных девушек императрицы. Екатерина очень любила собак. Фарфоровые статуэтки любимцев государыни украшали ее личные покои. Не зная, какой еще комплимент сказать любимому мужу, Екатерина берет в свидетели свою собачку. Любопытная подробность: 15 лет назад ее комнатная собачка, ласкаясь на людях к Понятовскому, выдала тайну.

82. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 30.VI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 415.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 122.

1 *Когда я Батурина увижу, я с ним говорить буду.* – Полковник Астраханского пехотного полка Петр Иванович *Батурин* (р. в 1735 г.) первый раз отмечен в *КФЖ* 30.VI.1774. Боевой офицер, служил в корпусе Потемкина, затем у Суворова. После 1-го поиска на Туртукай Суворов хвалил его, но потом требовал отозвать Батурина из армии за отказ его и других офицеров провести новый поиск (сам Суворов из-за приступов лихорадки должен был отлучиться в Бухарест). Послевоенная карьера Батурина сложилась неудачно. Он служил в Белоруссии, где квартировал его полк. В 1777 г. по ложному обвинению (в покушении на девичью честь) был предан суду. Уволенный из армии без пенсии, "не имея за собой ни одной души", Батурин умолял Потемкина о помощи (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 8. Л. 219–226). Чем кончились эти хлопоты, установить не удалось.

2 *... поговори сегодня о Бибиковых со мною.* – Императрица желала оказать милости семье "сына и слуги Отечества" – покойного генерал-аншефа А.И. Бибикова. Его

вдова *Настасья Семеновна* (урожд. княжна Козловская – 1729–1800) получила 2500 душ. Старший сын *Павел*, поручик лейб-гвардии Измайловского полка, был пожалован в полковники и флигель-адъютанты императрицы (см. о нем и его деле в прим. к письмам № 620, 621). Младший *Александр* 9 лет отроду был произведен в офицеры гвардии. Дочь *Аграфена* взята во фрейлины и в 1778 г. в придворной церкви была обвенчана с И.С. Рибопьером.

83. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Накануне 3.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 61.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 114.

В четверг 3.VII.1774 императрица со свитой вернулась из Петергофа в столицу, обедала в доме И.И. Бецкого, заехала в Зимний, посетила Академию художеств и на обратном пути успела заглянуть на мызу обер-шенка А.А. Нарышкина "Островки". *Параша* – графиня П.А. Брюс – в июне-июле находилась в свите государыни.

84. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.VII.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 40.
Публикуется впервые.

1 *...посылаю я письмо, мною заготовленное к Щербатову. – Щербатов* Федор Федорович (1729–после 1791) – князь. Получил хорошее образование. За отличия в Семилетней войне произведен в полковники. Депутат Большой комиссии о Новом уложении. Вместе со своим родственником историком князем М.М. Щербатовым отстаивал привилегии родового дворянства. В турецкую войну служил в армии Панина. В 1771 г., выполняя приказ нового главнокомандующего князя В.М. Долгорукова, взял крепость Арабат и занял восточный Крым. Награжден чином генерал-поручика и Георгием 3-ей степени. Послан к Бибикову для подавления внутреннего возмущения и после его смерти возглавил борьбу против Пугачева. Не сумев правильно оценить обстановку, позволил самозванцу прорваться к Казани, разграбить и сжечь губернский город. Еще до этих событий 7.VII в Совете было объявлено "Высочайшее соизволение о отзыве сюда из Оренбурга командующего там войсками генерал-поручика князя Щербатова и о поручении оных старшему генерал-маиору князю Голицыну" (*АГС*. Т. 1. Ч. 1. С. 452). Екатерина тяжело пережила сожжение Казани (из 2873 домов уцелело только 810, по первым сведениям погибло около 1000 жителей) и не приняла оправданий Щербатова, который был уволен со службы и до конца жизни оставался в опале. Хотя Михельсон 15.VII разгромил под Казанью армию Пугачева, Екатерина читала письма П.С. Потемкина, рапорты генералов и видела, как среди дворянства и правительственной администрации нарастает паника. В эти трудные дни Г.А. Потемкин выказывает энергию и распорядительность. Его рукой написан черновой рескрипт императрицы князю П.М. Голицыну о принятии командования от Щербатова, он собирает полки, дислоцированные в северо-западных губерниях, и перебрасывает их на восток. Мятеж, который считали подавленным, разгорался с новой силой.

85. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 251.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 412.

[1] *При сем посылаю письмо мое к Кн*[*язю*] *Волконскому, но, право, Чорбу надобно туда отправить, а Кличка при нем быть может. – Волконский* Михаил Никитич (1713–1789) – князь, один из самых видных генералов и крупных администраторов. Отличился в Семилетней войне, командовал русскими войсками в Польше, после "Чумного бунта" был назначен главнокомандующим в Москве. Генерал-аншеф, сенатор. В письме к Волконскому от 9.VII императрица сообщила ему, что посылает в Москву Вологодский пехотный полк, "полк Донских казаков и Володимерский драгунский полк" (*Осм. век*. Кн. 1. С. 111).

Чорба Николай Иванович (1717–1788) – генерал-майор, из числа сербов, перешедших на русскую службу. Командуя Харьковским гусарским полком, отличился в боевых действиях на Дунае. 6.VII в воскресенье Потемкин представил императрице прибывшего из армии Чорбу и она возложила на него Георгия 3-ей степени. Очевидно по рекомендации Потемкина было решено назначить храброго гусара начальником собираемого отряда, перебрасываемого против Пугачева.

Кличка Франц Николаевич (1725–1786) – полковник, из австрийских сербов, перешедших на русскую службу. Его имя часто упоминается в реляциях о поисках против турок на правом берегу Дуная. Сражался в корпусе Вейсмана. Впоследствии генерал-поручик, генерал-губернатор Калужский и Орловский.

В Петербурге еще не знают о том, что переговоры в Кучук-Кайнарджи близятся к успешному завершению. Дурные вести с внутреннего фронта (в том же письме Волконскому от 9.VII Екатерина пишет, что "вор и злодей прорывается сквозь кордона к Каме") усиливают напряжение. Но даже в эти трудные дни императрица успевает ответить на письмо Гримма. "Вы и ваши единомышленники подозреваете других в переменчивости. Знаю, откуда это подозрение. Наверное оттого, что когда Вы были здесь, я отдалилась от некоего превосходного, но весьма скучного гражданина, которого немедленно и сама точно не знаю как заменил величайший, забавнейший и приятнейший чудак, какого только можно встретить в нынешнем железном веке" (*СБРИО*. Т. 23. С. 4.).

86. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 139.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 103.

[1] *Михельсон* Иван Иванович (1740–1807) – храбрый боевой офицер. В 1774 г. подполковник Санкт-Петербургского карабинерного полка. Участник Семилетней и турецкой войн, отличился в сражениях при Ларге и Кагуле. Служил под начальством Суворова в конфедератской войне. Отряд Михельсона нанес решающие поражения Пугачеву. "Большая часть наших начальников отдыхала на красносплетенных реляциях, – писал Суворов в 1786 г. в автобиографии, – и ежели бы все были, как гг. Михельсон и Гагрин, разнеслось бы все давно, как метеор" (*ЧОИДР*, 1848, № 9. Отд. I. С. 550). Михельсон был пожалован в полковники указом императрицы, данным Военной коллегии 22.VII.1774 (см. *Дубровин*. Т. 3. С. 101). Впоследствии имел чин генерала от кавалерии и все высшие ордена империи, за исключением Георгия 1-ой степени.

[2] *Мещерядским старшинам – медали.* – Мещеряками (мишари) называли одну из этнографических групп приволжских татар, отличавшихся особым диалектом, обычаями и верованиями. Местное управление осуществлялось волостными старшинами (старейшинами). Должность переходила по наследству. В разразившейся гражданской войне и русские, и инородцы сражались на обеих сторонах. Наградные медали, носившиеся на шее, на ленте, были в большом почете среди казаков и инородцев.

87. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 254.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 111.

[1] *Концерт будет, а о Лолии изволь сам Гофмарш*[*алу*] *приказать.* – *Лолий* (Лолио, Лиоли) – известный скрипач, часто выступал в придворных концертах *Гофмаршал* – Григорий Никитич *Орлов* (ум. в 1803 г.) – дальний родственник знаменитых братьев. С 1778 г. он имел звание обер-гофмаршала и оставался в этой должности до конца царствования Екатерины.

Вечером 22.VII.1774 г. в Петергофе состоялся концерт, а накануне там же произошло драматичное заседание Совета. После чтения подробного донесения о сожжении Казани императрица заявила, что готова самолично отправиться в Москву и возглавить войска для отпора самозванцу. Члены Совета (кроме Потемкина, поддержавшего государыню) были в нерешительности, но взявший слово граф Н.И. Панин твердо выступил против этой меры, которая могла бы иметь самые неблагоприятные последствия. Панин в письме к брату в Москву, в самых желчных тонах описал поведение членов Совета (А.М. Голицына, К.Г. Разумовского, З.Г. Чернышева, Г.Г. Орлова, А.А. Вяземского), сетуя на их бестолковость и нерешительность. (*СБРИО*. Т. 6. С. 74). Совет постановил послать в Москву дополнительные войска и высказался за отправление в Казань "для командования войсками знаменитой особы с такою же полною мочью, какую имел покойный генерал Бибиков" (*АГС*. Т. 1. С. 454). Из письма Панина следует, что он после обеда имел беседу с "фаворитом" и убедил его поддержать кандидатуру своего брата – графа Петра Ивановича. Зная отношения Екатерины с "панинской партией", Потемкин все же решился и доложил о предложении Панина императрице. Вскоре приглашенный граф Никита Иванович лично изложил ей доводы в пользу своего брата. Екатерина колебалась (см. письмо № 90). Положение было крайне серьезным. Дипломаты отмечали в своих депешах уныние, царившее в эти дни при дворе. Лишь поздно вечером 23.VII у Екатерины вырвался вздох облегчения. Граф М.П. Румянцев и князь Г.П. Гагарин привезли долгожданную весть о мире с турками. "Я сей день почитаю из щастливейших в жизни моей, где доставлен Империи покой ей столь нужный", – писала она московскому главнокомандующему князю М.Н. Волконскому, который тревожился за участь древней столицы. (*Осм. век.* Кн. I. С. 112). 23.VII Никита Панин сообщил брату, что его назначение есть дело почти решенное. В тот же день (тот же курьер – А.Н. Самойлов) повез Петру Панину письмо Потемкина, который напомнил графу их беседу в январе 1774 г., желание генерала послужить Отечеству и уведомил его о том, что именно он, Потемкин, посоветовал императрице назначить его командующим войсками, отряженными "против бунтовщика и государственного злодея Пугачева" (*РА*, 1888. Кн. 2. С. 255). Инициатива как бы перехватывалась из рук "панинской партии" (партии наследника престола).

88. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 107.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 406.

[1] *Долгоруков* Василий Михайлович (1722–1782) – князь из старинного рода, жестоко поплатившегося в борьбе за власть, разгоревшейся после смерти Петра I. Молодые годы спасли его от участи родных и близких, казненных в 1739 г. в разгар бироновщины. Юношей, почти мальчиком, он участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Выдвинулся в Семилетнюю войну, которую закончил в чине генерал-поручика. Во время войны 1768–1774 гг. сменил П.И. Панина на посту главнокомандующего Второй армией и в 1771 г., разгромив татарско-турецкие войска, занял Крым. Награжден Георгием 1-ой степени. Генерал-аншеф. Впоследствии получил почетную приставку к своей фамилии – "Крымский".

[2] *...четыре полка гусарские, ...да 8 эскадронов сверх того.* – Получив известие о мире, правительство могло использовать против мятежников силы, скованные до того на юге. 15.VIII Долгоруков рапортовал в Военную коллегию, что он послал из своей армии генерал-майора Мусина-Пушкина с 10 эскадронами Псковского и Ямбургского полков, 500 драгун Астраханского полка и 10 эскадронов Бахмутского и Молдавского гусарских полков (*Дубровин*. Т. 3. С. 148).

[3] *Я послала звать всех сюда на концерт и предложу им о поездке моей к Москве. А там станем готовиться.* – Судя по всему, Екатерина еще не приняла решения о поручении П.И. Панину главного начальства в охваченных мятежом губерниях. Известие о мире и тяжелое поражение, нанесенное мятежникам Михельсоном под Казанью, как ей кажется, разрядили обстановку.

89. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 46–46 об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 419–420.

В письме говорится о расписании генералитета по дивизиям после заключения мира. Дивизиями назывались войска, расквартированные по губерниям. 23.VII сразу после получения известия о мире состоялся благодарственный молебен в петергофской дворцовой церкви. Затем последовал салют из орудий – 101 выстрел. Императрица обошла строй преображенцев (дворцовый караул), после чего отправилась на концерт, назначив на 24.VII заседание Совета. На другой день Екатерина принимала поздравления от генералитета. Во время большого званого обеда звучали тосты, салютовали пушки.

90. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 90–90 об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 121.

[1] *...Татияна своим хохотаньем тебя разбудила.* – Одна из комнатных девушек императрицы. То же имя, что и в письме № 273.

[2] *...кормилица моя, хватя меня за голову, долго не пускала и расцаловала меня.* – Сразу же после переворота, доставившего Екатерине корону, она писала В.И. Суворову (отцу великого полководца), которому было поручено раскассировать

голштинское войско Петра III: "Также извольте из голштински офицер подполковника Кииль, который на моей кормилице женат, отпустить в его дом в Ораниенбауме без караула и присмотра за ним..." (*Бильбасов*. История Екатерины Второй. Т. I. С. 106). В списке воинским чинам на 1776 г. показан майором бомбардирского полка Иоганн Фридрих *Киль* (в службе с 1750 г.) – упоминаемый в письме сын кормилицы Екатерины.

[3] *Спиридов* Григорий Андреевич (1713–1790) – адмирал, герой Чесменского боя 24–26.VI.1770, в котором он руководил авангардом русского флота, уничтожившего турецкий флот. За Чесменскую победу награжден орденом Андрея Первозванного – высшим орденом империи, учрежденным Петром I. Спиридов служил на флоте с 10-летнего возраста. Участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., в Семилетней войне. После войны с Портой вышел в отставку.

91. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 3–3 об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 420.

26.VII двор переехал из Петергофа в Ораниенбаум. На другой день в воскресенье 27.VII там состоялся большой прием и обед по случаю заключения мира. "Вчерашний день здесь у меня ужинал весь дипломатический корпус и любо было смотреть, какие были рожи, на друзей и недрузей, – писала Екатерина А.Г. Орлову в Италию 28.VII, – а прямо рады были только датский да английский. В России же повсюду радость весьма приметна; в простом народе говорят, что турки поддались". (*СБРИО*. Т. I. С. 100).

Вести с внутреннего фронта были нерадостные. Разбитый под Казанью Михельсоном Пугачев с остатками своей армии бежал на правый берег Волги. "Пугачев бежал, – замечает Пушкин, – но бегство его казалось нашествием". Поднялись массы крепостных крестьян густонаселенного Правобережья. К ним присоединились инородцы. Один за другим без сопротивления Пугачеву сдавались поволжские городки. В Нижнем Новгороде и Москве вспыхнула паника. 28.VII Екатерина, писала Волконскому: "Не сумневаюсь, что они стараются пройти к Москве, и сумнительно, чтоб они пошли к Нижнему... Неужели, чтоб с семью полками вы не в состоянии найдетесь Пугачева словить и прекратить безпокойствие? Я фельдмаршалу приказала генерал-порутчика Суворова прислать к вам поскорее" (*Осм. век*. Кн. 1. С. 114).

[1] *Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, что Господин Граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельною властию в лучшей части Империи...* – "Братцем" графа Панина был известный генерал-аншеф граф *Петр Иванович* (1721–1789). В 1770, командуя 2-ой армией, он взял штурмом мощную турецкую крепость Бендеры, понеся большие потери. Награжден Георгием 1-ой степени. Вышел в отставку. Жил в Москве и являлся одним из вождей оппозиции правительству; ориентировался на наследника престола. П.И. Панин получил письма брата и Потемкина утром 26.VII. Он благодарил за доверие, жаловался на болезни, но готов был послужить Отечеству. В письме Н.И. Панину он поставил условием своего согласия – полную мочь и власть не только над всеми воинскими командами, отряженными против злодея, но и над всеми жителями, городами и судебными местами четырех губерний с правом смертной казни (всего 8 пунктов). Условия были переданы императрице.

2 *...естьли сие я подпишу, то не только Князь Волконский будет и огорчен и смешон...* – Волконский осуществлял негласный надзор за П.И. Паниным и доносил императрице о его словах и поступках. Он действительно оказывался в смешном положении, если бы Московская губерния была отдана в полную власть Панину.

3 *...но я сама нималейше не сбережена, но пред всем светом первого враля и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в Империи хвалю и возвышаю.* – Даже в такие трудные минуты для государства Екатерина не может решиться предоставить полномочия "панинской партии", за спиной которой стоит и в любой момент может выступить на сцену наследник Павел Петрович.

Пугачев Емельян Иванович (1742–1775). Донской казак Зимовейской станицы. Участник Семилетней и русско-турецкой войн 1768–1774 гг. Дезертировал из армии, скитался по России, был посажен в тюрьму, но сумел бежать. В августе – первой половине сентября 1773 г. под Яицким городком встречался с казаками-заговорщиками, решившими путем мятежа добиться восстановления старинных казачьих привилегий. "По многим советываниям приметили мы в нем проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его зделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упадших обрядов и обычаев, которые вить правительство давно старается у них переменить,.. – говорил о Пугачеве один из первых заговорщиков сотник Т.Г. Мясников. – И так для сих-то самых причин вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени [были], а бояр, какие больше всего в сем деле умничают и нас разоряют – всех истребить" (*Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. С. 24). 16.IX.1773 г. неграмотный "царь" продиктовал первый указ яицким казакам, в котором "жаловал их реками, морями, травами, денежным жалованьем, хлебом, свинцом и порохом и всякою вольностию". Восстание началось. Пугачев стал седьмым самозванцем, принявшим имя Петра III, но именно ему удалось развернуть крестьянско-казацкую гражданскую войну, потрясшую основы государства. Победа неграмотного мужицкого царя, поголовное истребление правящего класса – дворянства – разгром городов, усиление межнациональных столкновений – все это могло привести к одному – краху государства, которым не замедлили бы воспользоваться соседи России.

4 *...И тот пункт не худ, где сказано, что всех людей, где б ни были, он может как, где и когда хочет.* – Фраза осталась не оконченной. Панин требовал полной мочи "казнить и миловать".

92. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 51.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 400.

Данное письмо показывает, как внимательно следила императрица за "техникой власти". Чернышев, незадолго до своего прошения об отставке, передал своему заместителю Потемкину пакет для фельдмаршала Румянцева, запечатав его своей собственной, а не государственной печатью. Потемкин, не подозревая подвоха, принял пакет и тут же получил выговор.

93. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 1.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 8.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 126.

Поездка в Москву была решена до 1.VIII.1774. В этот день императрица письмом М.М. Измайлову, начальнику комиссии строений в Москве, поручила построить новый дворец вместо сгоревшего Головинского (Екатерининского) на Яузе.

23.VIII в письме Волконскому Екатерина просит купить дом Долгорукова на Пречистенке и переделать его по утвержденному плану (*Осм. век*. Кн. 1. С. 121).

[1] *...вспомнила, что я их полтора года назад зделала сама нарочно таково, за что я была бранена...* – В конце 1772 – начале 1773 г. фаворитом был А.С. Васильчиков. Предполагавшаяся поездка в Москву тогда не состоялась.

94. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 1.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 359.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 113–114.

[1] *Что делать, миленький, не мы одне, с кем сие делается.* – Какая-то тайна, известная только императрице и Потемкину, вышла наружу.
[2] *Я на плане черчу твой на Москве покой.* – Екатерина вносит поправки в присланный ей план нового Пречистенского дворца с целью приблизить покои Потемкина к своим.

95. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 278.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 115.

Пятница 1.VIII больше всего подходит для датировки этой записочки, ибо вечером того же дня императрица из Петергофа отправилась в Петербург, где ей удобнее было принять от Кохиуса какой-то "инструмент".

В примеч. Барскова упоминаются Иван Иванович *Кохиус* (генерал-поручик с 5.V.1779) и *Иван Степанович Кохиус*, бывший с 1778 г. комендантом в Ревеле. О котором из них идет речь, неясно.

96. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 40.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 436.

Суворов Александр Васильевич (1730–1800) – знаменитый полководец. В 1774 г. имел чин генерал-поручика. Заставил говорить о себе, как о решительном и удачливом военачальнике, во время войны против барских конфедератов. Переведенный в армию Румянцева сразу же отличился двумя поисками на Туртукай и победой при Гирсове (1773). Потемкин, оказавшийся соседом Суворова в кампании 1773 г., после своего возвышения рекомендовал его императрице. Уже 23.III.1774 было решено послать Суворова против Пугачева, но Румянцев отказался выполнить предписание

Военной коллегии, направив генерала во главе одного из 2-х корпусов за Дунай. Блестящая победа при Козлудже (9.VI.1774), в которой Суворов разгромил основные силы противника, привела к окончанию войны. Суворов был назначен состоять при Московской дивизии и действовать против мятежников. Очевидно, с целью уменьшить власть графа П.И. Панина, наделенного чрезвычайными полномочиями, Потемкин не стал подчинять ему Суворова. Но 13.VIII.1774 Панин запросил императрицу о том, не сделал ли он какого прегрешения, назначив Суворова к передовым войскам. Екатерина пошла на уступку и дала распоряжение Потемкину считать генерала подчиненным Панину.

97. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 226.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 107.

Потемкин был болен с 18 по 25.VIII.1774 г. (не показан в *КФЖ*). Отметим небольшую подробность. Привезший 3.VIII мирный договор князь Н.В. Репнин был пожалован чином генерал-аншефа. Он сумел добиться того, что в военном списке был поставлен выше Потемкина, значительно позже него получившего предыдущий чин генерал-поручика. Возвратившийся в Петербург В.Г. Орлов поспешил известить об этом Алехана (находившегося в Италии). "У нас крепко говорят, что двор поедет в Москву. Мне сказывают, что нынешнею зимою перед Рождеством... о брате Григории и здесь, и в Москве говорят, что он намерен ехать в чужие краи... Князь Репнин пожалован генерал-аншефом и старшинство перед Григорием Александровичем взял" (*Орлов-Давыдов*. Т. 1. С. 297). Вскоре после получения тревожных вестей о скоропостижной смерти подписавшего мир везира и о смещении муфтия, одобрившего мирный договор, Репнин получил предписание отправиться на юг и в случае необходимости заменить тяжело болевшего Румянцева. Репнину поручалось добиваться ратификации мирного договора новым султаном.

98. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 18.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 191.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103.

99. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 18.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 312.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 109.

100. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 23.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 188.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 102

[1] *Ошибае*[*шь*]*ся, радость, думав, что малейше о Черныш*[*еве*] *задумаюсь*. – В письме императрице (от августа 1774 г., дата не проставлена) Президент Военной коллегии граф З.Г. Чернышев просил об увольнении его от должности. Он сослался на ослабление памяти, на здоровье, упомянул о наступившем мирном времени. 23.VIII

последовал ответ императрицы: "Граф Захар Григорьевич, – писала она, – с сожалением усмотрела я из письма Вашего, что ослабевающие ваши силы препятствуют Вам по известной ревности и усердию к службе продолжать оную с надлежащим рачением и вниманием, суть причиною побуждающею Вас желать и просить увольнения от должности Президента Военной Коллегии от протчих комиссий. Снисходя на сие, я приказала послать о том в Сенат указ, с которого прилагается здесь копия". Не желая лишаться услуг опытного администратора, Екатерина поручила Чернышеву Белорусскую дивизию и пост Белорусского генерал-губернатора (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 348. Л 25–26об. – прошение Чернышева; л. 23 – ответ Екатерины II). В недошедшем до нас письме Потемкин, очевидно, выражал сомнение в том, что Чернышев получит увольнение от должности президента Военной коллегии. Но императрица уже приняла решение поставить во главе военного ведомства своего тайного мужа. Это решение непоколебимо.

101. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 173.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 110.

[1] *Встала я в осьмом часу, потом пошла в бани.* – Банный день – суббота. Судя по окончанию письма, Потемкин все еще болен. Он появится на обеде только 25.VIII. Поэтому письмо можно отнести к субботе – 23.VIII.1774.

[2] *Вышедши оттуда, слушала Генер*[*ал*]*-Прокурора. И, твои доклады имев на уме, чтоб больного не будить, послала тогда, когда думала, что, например, проснулся.* – О чем писал в докладах Потемкин, установить не удалось. Возможно, о мерах, предпринимаемых для усмирения бунта. Отметим, что даже во время болезни Потемкин продолжает работать.

Следует упомянуть отзыв Екатерины о Потемкине в письме к Гримму от 3.VIII.1774. "Ах, что за светлая голова у этого человека. Ему более, нежели кому-нибудь, мы обязаны этим миром. И при всей своей деятельности, он чертовски забавен" (*РА*, 1878, Кн. III. С. 9). В письме Вольтеру (от 13.VIII.1774) императрица извиняется за долгое молчание, оправдываясь тем, что "маркиз Пугачев наделал мне порядком хлопот... я была принуждена в течение шести недель заниматься этим делом и заниматься беспрерывно". Описывая жестокости мятежников, Екатерина сравнивает Пугачева с Тамерланом (*СБРИО*. Т. 27. С. 3).

102. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 52.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 437.

Получив чрезвычайные полномочия, П.И. Панин не поехал в Казань, ибо театр военных действий уже захватил Московскую губернию. Выдвинув на дорогах, идущих к Москве, значительные силы, Панин руководил операциями из района г. Шацка. 19.VIII он донес императрице о состоянии дел и принимаемых им мерах (*СБРИО*. Т. 6. С. 113–116). 24.VIII к нему прискакал из Киева Суворов, который с небольшим конвоем помчался далее к Волге.

[1] *...в банк Дворянский орденская немалая сумма в проценты идет...* – Каждый из имперских орденов располагал денежной суммой, составлявшейся из взносов

кавалеров ордена. Из этих денег выплачивались пенсии нуждающимся кавалерам и членам оставшихся без кормильца семей. Екатерина предполагает награждать отличившихся в борьбе против Пугачева офицеров не только крестами, но и пенсиями из процентов, накопленных в банке за счет помещенной туда орденской суммы.

103. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VIII.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф.728. Оп. 1. Д. 416. Л. 46.
Публикуется впервые.

[1] *Я думаю, что прямой злодейский тракт на Царицын, ... пойдет на Кубань. А по сим известиям... он намерен на Дон итти.* – Пленные пугачевцы давали разные сведения о намерениях самозванца, успехи которого ошеломляли. Жители Саранска, Пензы, Петровска встречали мятежников колокольным звоном и хлебом-солью. 6.VIII был взят и разграблен Саратов. Армия Пугачева выросла до нескольких тысяч человек. 21.VIII мятежники осадили Царицын, но первый штурм был отбит храбрым комендантом И.Е. Цыплетевым.

[2] *И естьли сие сбудется, то он тóлкнется с Пушкиным...* – Путь Пугачеву на Дон уже преградили кавалерийские части, посланные из Крыма после заключения мира с Портой. Ими командовал генерал-поручик граф Валентин Платонович *Мусин-Пушкин* (1735–1804) – участник Семилетней войны и дворцового переворота 1762 г. Во время турецкой войны он сражался в Крыму и заслужил Георгия 3-ей степени. Его части разбили турецкий десант, высаженный под Алуштой уже после подписания Кучук-Кайнарджийского мира. В Крыму еще не знали об этом и хан предательски выдал свиту российского резидента на избиение. В мирные годы Мусин-Пушкин состоял при наследнике престола, был вице-президентом Военной коллегии, получил чин генерал-аншефа. Назначенный главнокомандующим Финляндской армии (в 1788 г.), действовал неудачно и был смещен. Павел I пожаловал Мусина-Пушкина в фельдмаршалы.

[3] *Защищенье Керенска показывает, как сие лехко противу толпищи черни.* – Пугачевский полковник Я. Иванов дважды пытался (8–9.VIII) захватить городок Керенск, но был отбит. Регулярные войска, во главе которых стояли энергичные и смелые командиры, дрались хорошо, но любые колебания начальников, как правило, оборачивались катастрофой для защитников городов и крепостей.

[4] *А вопль Щетнева скорее чего зделает, ибо он правил на ногах и Долгорукова, и Щербинина.* – *Щетнев* Николай Лаврентьевич – Воронежский губернатор, генерал-поручик. 7.VIII.1774 он рапортовал Сенату о том, что злодеи могут прорваться к Павловской крепости на Дону, где имелись большие запасы оружия для флота. Возможно, этот рапорт Екатерина считает "воплем". Конец фразы не совсем понятен. Главнокомандующий Второй армией князь В.М. *Долгоруков* и Слободской губернатор генерал-поручик Евдоким Алексеевич *Щербинин* (1728–1783) своими войсками и распоряжениями облегчали положение Щетнева в его губернии. Потемкин, получив сведения о том, что Щетнев собрал работных людей для строительства "перспективной дороги", написал генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому: "Ежели это правда, то не худо бы на него немного покричать". 30.VIII Щетнев прислал оправдательный рапорт (*Дубровин*. Т. 3. С. 44).

[5] *Изволь и то приметить, что он и от Яика и казацких жилищ не далее, как верст с двести.* – Государыня ошиблась: Пугачев находился в 300 верстах от Яицкого

городка. Но Екатерина угадала дальнейший путь самозванца и его сообщников. После неудачного нового штурма Царицына (22.VIII) Пугачев ушел к Сарепте, разорил там богатую немецкую колонию. Явившиеся следом казахи-кочевники увели с собой 1 573 человека пленниками и весь скот. 25.VIII Михельсон настиг армию мятежников в 105 верстах от Царицына и разгромил ее. За Волгу ушло чуть более полутораста человек во главе с самозванцем. Яицкие казаки отказались идти в Закаспийские степи, в Персию, куда их звал Пугачев. Отказались они и от прорыва в Запорожскую Сечь, настояв на том, чтобы идти к Яику. Казаки уже поняли, что игра проиграна. Вокруг беглецов сжималось кольцо правительственных войск.

104. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 30.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 298.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 107.

Дата записочки условная и выставлена по прямой связи с содержанием следующего за ней письма, которое можно датировать точнее.

105. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.VIII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 7.
Публикуется впервые.

[1] *...у меня нет ни малейшего желания ехать в монастырь... Я буду слушать обедню здесь и отобедаю за столом с Кавалерами.* – 30 августа ежегодно отмечался кавалерский праздник ордена Св. Александра Невского. Из-за нездоровья и сырой погоды Екатерина не хотела ехать в Александро-Невский монастырь на обедню. Но Потемкин посоветовал ей принять участие в торжествах. Императрица шествовала с кавалерами ордена Св. Александра Невского к Казанской церкви и в монастырь (*КФЖ*).

106. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VIII–IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 165.
Публикация –*ВИ*, 1989, № 9. С. 109.

[1] *Пожалуй, пришли ко мне записки Галахова. – Галахов* Александр Павлович (р. в 1739 г.) – капитан лейб-гвардии Преображенского полка. 8.VIII.1774 г. получил секретное повеление императрицы и поскакал в Москву. О данном ему поручении не знал даже Панин. В этот день ранним утром, в петербургский дом князя Г.Г. Орлова постучался человек, назвавшийся яицким казаком Астафьем Трифоновым. Он заявил, что послан сотником А.П. Перфильевым (которого еще осенью 1773 г. при начале бунта Орловы послали к Пугачеву с тайным поручением войти в доверие к самозванцу и захватить его). Перфильев сделался сообщником казачьего "царя", но после поражений, якобы решил вместе с товарищами схватить злодея. Орлов поспешил вместе с Трифоновым (на самом деле это был беглый ржевский купец Астафий Долгополов) в Царское Село и представил "казака" императрице. Размеры бедствия вынуждали правительство идти на любые меры ради прекращения мятежа. "Трифонов" подтвердил Екатерине, что 324 человека готовы выдать "злодея" за

денежное вознаграждение (по сто рублей на брата). Екатерина заподозрила обман, но согласилась. Галахов поскакал на Волгу, оказавшись попутчиком самого Суворова, который по прибытии в Царицын организовал решительное преследование Пугачева, разгромленного накануне Михельсоном. О дальнейшей судьбе миссии Галахова и поведении Долгополова – Трифонова см. письмо № 125 и примеч. к нему.

107. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VIII–IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 113.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 98.

Датировка письма условная. Капитан лейб-гвардии Преображенского полка Волков Петр Лукич в те напряженные дни мог посылаться с ответственным поручением. Впоследствии он служил по статским делам, но в 1778 г. снова вернулся в армию. Участник турецкой и шведской войн. Генерал-поручик.

108. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VIII–IX.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 35.
Публикуется впервые.

[1] *Здравствуй, миленький голубчик, который для меня формировался*. – 2.IX.1774 г. Потемкин в рапорте Румянцеву сообщил о данном ему (Потемкину) высочайшем повелении сформировать драгунский полк. К рапорту был приложен именной список офицерам, которых он мог требовать для формирующегося полка. Командиром Потемкин назначил хорошо ему известного боевого офицера полковника князя Сергея Федоровича Голицына.

109. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VIII–IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 224.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 107.

[1] *Пришли, пожалуй, ко мне письмы от Панина и из Казани*. – Панин писал императрице о принимаемых им мерах для утушения бунта. Для устрашения мятежников и волновавшихся крестьян он прибегал к террору: предводителей шаек, попавших в плен, казнили в местах, где они совершали разбой. Из Казани Екатерине писал П.С. Потемкин, руководитель секретных комиссий. Он был недоволен действиями графа П.И. Панина и жаловался на него.

110. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Начало IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 476. Л. 2.
Публикуется впервые.

[1] *Цыплетев* Иван Еремеевич – полковник, комендант Царицына, сумевший с рекрутами-новобранцами и местными купцами отбить два жестоких штурма, предпринятых Пугачевым. В одном из писем Потемкину Цыплетев сообщал, что он служит более 37 лет (письмо от 16.X.1774. Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 41. Ч. 3. Л. 95). Ему было пожаловано 275 душ в Белоруссии, которых он продал, но вскоре

потерял все вырученные деньги после нападения на его нарочных разбойников. Был жив в 1782 г. Писал из Саратова Потемкину, прося продлить срок службы.

2 *...у него между пленными – Пугачева секретарь, – мценский купец Трофимов.* –В конце мая 1774 мценский купец Иван Степанович *Трофимов* (ему было 24 года) был назначен Пугачевым в секретари "Военной коллегии" под именем Алексея Ивановича Дубровского. Составитель последних указов неграмотного "императора Петра III". Накануне сражения у Солениковой ватаги "пожалован" в "обер-секретари". После разгрома мятежников Михельсоном бежал и был захвачен в плен в низовьях Волги. Содержался в Царицыне, затем в Саратове. Умер в конце октября под следствием. П.С. Потемкин 10.XI жаловался императрице на самоуправство П.И. Панина, который своей жестокостью довел до смерти Дубровского, "который был всех умнее", и с гибелью которого "тайны нужные с ним вместе погребены" (Крестьянская война. Т. 3. С. 402).

111. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 36.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 134.

И дата, и год рождения Потемкина долгое время были камнем преткновения для его биографов и историков. Только в 1904 г. С.А. Панчулидзев привел собственноручную сказку недоросля Григорья Александровича Потемкина (подана в мае 1759 г.), в которой он показал, что "родился 1739 года сентября 13. За ним 430 душ в Смоленском, Московском, Костромском, Тульском и Алексинском уездах" (*СБК*. Т. 2. С. 100, со ссылкой на Моск. архив Министерства юстиции. Герольдмейстерская контора. Кн. 413. Л. 638–648). Крещеный в честь Св. мученика Григория, епископа Армении, он праздновал свои именины 30 сентября.

112. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 10.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 387.

1 *Как мне подписать что по прошению Собакина, тогда когда мой есть указ о неувольнении их.* – Фамилию Собакин носил известный заводчик и миллионер Савва Яковлевич *Яковлев* (1712–1784), вышедший из крестьян. В 1777 г. согласно решению Совета от 24.IV. он получил дворянство. Имел чин коллежского асессора. Потемкин, которому Яковлев–Собакин пожертвовал 12 тысяч рублей и 500 лошадей для формирования драгунского полка, сначала устно просил об освобождении миллионера от ратманской должности, в которую он был избран петербургским магистратом. Ратманство было введено при Петре I для решения дел среди купечества. Екатерина ссылается на свой указ о неувольнении от ратманства. Имя Собакина, по ее словам, "поныне в публике не заслуженное". Собакин (компанейщик и обер-директор над питейными сборами) получил откуп на все таможенные сборы "вновь на 10 лет" (указы императора Петра III от 5 и 28.III.1762 г. Архив Сената. Т. 3. № 12027 и 12085). Екатерина, вступив на престол, выступила против откупов на таможенные сборы и всякого рода монополий, что могло вызвать "грубость Собакина". Она предложила, чтобы Потемкин дал обоснование для удовлетворения прошения Собакина–Яковлева, следствием чего и стало письмо-представление № 113.

113. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

14.IX.1774

Подлинник. Подпись – автограф. РГАДА. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 9.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 386.

Приводим это официальное представление Потемкина императрице, как пример его деловой переписки с Екатериной II.

114. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 53.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.
14–15.IX Потемкин отсутствует (*КФЖ*). Судя по словам Екатерины: "радовалась видеть тебя в окошке", он был болен. Ее неприятие слова "раб", употреблявшегося по старинной традиции в официальных и неофициальных прошениях и письмах, очень показательно. Она издала специальный указ, запрещавший употребление слова "раб" в прошениях на высочайшее имя и в других официальных документах.

115. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

14.IX.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 6.
Публикация – *СБК*. Т 2. С. 103.

Редчайший образец записочек, которыми почти ежедневно обменивались Потемкин и Екатерина. Данное письмецо сохранилось только потому, что императрица написала свой ответ на записочке Потемкина.

116. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 14.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 18.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 387.

[1] *Савву Яковлева можно бы скоро от ратманства освободить... пожалованием его дворянином. Только он деревень накупит пропасть и станет мужиков переводить к рудокопным заводам...* – Купечество добивалось права владеть крепостными крестьянами. На заводах и мануфактурах, принадлежавших частным лицам, работали крепостные. На казенных предприятиях – так называемые заводские крестьяне, относившиеся к разряду государственных.

Это и следующее письмо показывают, как настойчиво императрица приучала Потемкина в любом решении видеть государственную пользу и соблюдать общественный интерес.

117. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 14.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 260.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 112.

[1] *Не думала я, чтоб моя давнишняя цыдулка принесла бы мне толиких выговор*[*ов*] *за дело, однако, для общества небезполезное.* – Очевидно, что со дня прошения Потемкина об освобождении Яковлева–Собакина от ратманства прошло некоторое

время. "Выговоры" мужа императрицы могли быть устные и письменные. Потемкин спешил с формированием нового полка и хотел отблагодарить Яковлева за денежную помощь. Екатерина старалась обратить его внимание на другие последствия, связанные с этим делом.

118. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 55.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.

Под 15.IX в *КФЖ* записано от отъезде Их Императорских Высочеств в Царское Село. Вернулись в тот же день, вечером.

119. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 129.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 100–101.

Датируется согласно письму Екатерины II – М.Н. Волконскому от 15.XI.1774. "Я послала в Ораниенбаумский арсенал осматривать, не оттуда ли оно (знамя. – *В.Л.*) было выкрадено; но тамо что было, все в целости находится; а тамошний генерал-майор Ферстер узнал, что сие знамя зятя его Дельвигова полка; и как Ферстер с Мерлиным были у разбора голштинских дел, то они утверждают, что ими в комиссариат отдано по приложенной записке знамен и штандарт... И естли вы найдете канал, коим образом сие знамя до Пугачева дошло, то весьма хорошо будет" (*Осм. век.* Кн. I. С. 134–135). Речь идет о Белом знамени голштинского драгунского Дельвига полка, сформированного во время недолгого правления Петра III. После раскассирования голштинского воинства знамена хранились в Ораниенбаумском арсенале. Знамя было украдено и через купцов переправлено Пугачеву. Появление у него подлинного знамени покойного императора произвело сильное впечатление не только на сторонников самозванца, но и на его противников. Результаты следствия о похищенном знамени неизвестны.

[1] *Фохт* (Фойгт) – живописец, который расписывал голштинские знамена.

[2] *Мерлин* Данила Афанасьевич (в сл. с 1729 г.) – генерал-майор (1763), заведовал комиссариатской конторой в Петербурге. Впоследствии генерал-поручик. Ум. в 1783.

[3] *Федор Матвеевич – Толстой* (1748–1789) – армейский полковник, известный Потемкину по совместной службе в армии Румянцева. По просьбе Потемкина пожалован в премьер-майоры лейб-гвардии Преображенского полка. Командовал преображенцами до своего увольнения в 1781 г. Одно время пользовался большим доверием императрицы. Генерал-майор.

120. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 49.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.

В *КФЖ* под 21.IX. 1774 г. записано об отпускной аудиенции, данной императрицей шведскому камергеру барону Эренсверду (Эренсварту).

121. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 23.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 2.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 385.

В примечаниях к публикации говорится, что в записочке речь идет об отношениях великого князя Павла Петровича к графу Андрею Разумовскому. Нескромность Разумовского и великой княгини стали предметом сплетен и пересудов. Французский министр при Петербургском дворе Дюран в депеше от 4.X.1774 г. н. с. сообщал, что императрица открыла сыну связь его жены с Разумовским, но Павел поверил жене, а не матери.

122. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 24.IX.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 105.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 406.

[1] *Зятя определю... Но и зятю скажи, чтоб он держал ухо востро...* – 24.IX.1774 г. последовал указ о назначении действительного статского советника Н.Б. Самойлова в обер-прокуроры 1-го департамента сената (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 71. Ч. 2. Л. 54об.).

123. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 24.IX.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 7.
Публикуется впервые.

Очевидно, речь идет о каких-то делах, которые императрица хочет обсудить с Н.Б. Самойловым, уже назначенным обер-прокурором в Сенат.

124. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 28.IX.1774

Подлинник. Приписка – автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 17.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 383.

28.IX.1708 русские войска нанесли тяжелое поражение шведскому корпусу генерала Левенгаупта при деревне Лесной. Противник потерял всю артиллерию и обозы с припасами, в которых крайне нуждался король Карл XII. В Полтавском сражении 27.VI.1709 г. шведы смогли выставить только четыре орудия. Петр I называл победу при Лесной "матерью Полтавской виктории". Екатерина повторяет свой отказ в производстве салюта (см. примеч. к письму № 79), не желая обострять отношений со шведским королем Густавом III.

125. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4.X.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 123.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 100.

В письме от 4.X.1774 князю М.Н. Волконскому императрица сообщила: "Наш же казак Астафий Трифонов, сказывают, будто ушел от Галахова, но подлинно еще не знаю" (*Осм. век*. Кн. 1. С. 127). О секретной миссии Галахова см. примеч. к письму № 106.

Казак Трифонов (беглый купец Долгополов), отправившийся вместе с Галаховым ловить Пугачева, взял у гвардии капитана задаток – 3 тысячи рублей – и 12.IX отправился из Саратова "добывать злодея". Узнав о его поимке, Долгополов-Трифонов попытался скрыться, но был схвачен. После суда сослан в каторжные работы в Рогервик.

Императрица и Потемкин уже знают, что "яицкие казаки связали Пугачева и везут в Яицкий городок", что злодей скоро будет доставлен в Москву (письма государыни князю М.Н. Волконскому от 27.IX и 3.X.1774), куда П.С. Потемкину было приказано перевести из Казани "главных колодников". Поначалу поимка Пугачева связывалась с именем Перфильева. 7.X Екатерина просила М.Н. Волконского переслать ее письмо П.И. Панину с тем, чтоб взятого Перфильева, который "сюда писал к Князю Орлову о готовности их к поимке самозванца", доставили в Москву и чтоб он "ничем тронут не был" (Осм. век. Кн. 1. С. 127–128). Братья Орловы радовались за Перфильева. Но эти известия не подтвердились. По приговору суда Перфильев был казнен вместе с Пугачевым.

126. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.X.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 20.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 129–130.

[1] *Яицким казакам нужен покой, когда оне четыре ночи его не имели, а то с ног свалятся.* – В воскресенье 5.X.1774 после литургии императрица жаловала к руке чужестранных министров, генералитет и Яицкого войска старшин (*КФЖ*). Потемкин, назначенный в июле 1774 главным начальником иррегулярных войск, представил государыне старшин Яицкого казачьего войска, наиболее отличившихся в борьбе с самозванцем. Их имена в *КФЖ* не указаны. Возможно среди них были М. Бородин, И. Акутин и П. Харчев, которому пугачевские атаманы после долгих переговоров сдали на подходе к Яицкому городку самозванца.

127. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10–12.X.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 6.
Публикация – *СБРИО*. Т. 13. С. 446–447.

[1] *Голубчик, Павел прав: Суворов тут участия более не имел, как Томас, а приехал по окончании драк и по поимке злодея...* – В письме Екатерины князю М.Н. Волконскому от 12.X.1774 говорилось: "Ко мне Граф П.И. Панин пишет, что той злодей первое число сего месяца привезен Генерал-Порутчиком Суворовым в Синбирск..." (*Осм. век*. Кн. 1. С. 131). Очевидно, одновременно с письмом Панина пришло и письмо Павла Потемкина из Симбирска от 2.X. "Всего горше, Всемилостивейшая Государыня, что при самом первом свидании г. Генерал-Поручика Суворова и моего, Его Сиятельство (Панин. – *В.Л.*) удостоил пред целым народом изъяснить благодарность господину Суворову священным имянем Вашего Величества и всей Империи, якобы Суворов поймал злодея Пугачева, с такою холодностию ко мне изъявляемою, что нетрудно было видеть в нем внутреннюю ко мне досаду. Может сие происходит от того, что не скрыл я от Его Сиятельства, каким образом в самом деле злодей был пойман, а господин Суворов не устыдился при всех зрителях целовать шесть раз в руки и в полы одобрителя" (*РС*, 1870, октябрь. С. 410). П.С. Потемкин просил освободить его от работы в секретных

комиссиях в связи с невозможностью сотрудничества с Паниным. Екатерина оставила эту просьбу без внимания, но не забыла того, как Суворов принял похвалы Панина. Она опасалась усиления панинской партии и выдвинула на первый план никому не известного полковника Михельсона, заявив, что ему "она обязана поимкою Пугачева, который едва не забрался в Москву, а может быть и далее". Суворов, которого хвалил в своих донесениях Панин, не получил никакой награды и долго не мог забыть обиды. Справедливости ради, следует сказать о том, что он прибыл в Царицын уже после разгрома мятежников Михельсоном. Энергичное преследование Суворовым остатков пугачевского воинства на несколько дней ускорило развязку. Суворов оказался первым из генералов, кто прискакал в Яицкий городок. Ему был сдан уже плененный Пугачев. Усиленными переходами, в осеннюю распутицу Суворов повез "набеглого царя" в Москву. Если бы ему это удалось, он заслужил бы славу спасителя отечества. Но Панин приказал доставить самозванца в Симбирск, откуда его повезли в Москву. Вряд ли Суворов знал о той борьбе, которая развернулась вокруг Пугачева. В ответ на хлопоты Г.А. Потемкина о Суворове императрица довольно резко отозвалась о его заслуге в поимке "злодея", сравнив ее с заслугами своей комнатной собачки Томаса. Неприязнь к Паниным перевешивала любые доводы.

123. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 12.X.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 415. Л. 2.
Публикуется впервые.

11.X.1774 г. 32-х пушечный фрегат "Минерва" (командир-лейтенант Воейков), вышедший из Ревеля в Кронштадт с гардемаринами, солдатами морского батальона и пассажирами на борту, сбился с курса и попал на камни. Командир съехал на берег, за помощью; все его попытки вернуться на фрегат из-за сильного волнения не удались. Фрегат разбился о камни, из 164 человек погибло 95, в том числе 12 гардемарин и 18 женщин. Воейков был приговорен к смертной казни, но Адмиралтейств коллегия, принимая во внимание, что смертная казнь положена за съезд с корабля во время боя, определила "написать его до выслуги в матросы". Через два года Воейкову был возвращен чин (*Кротков А.* С. 440).

129. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 26.X.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 112.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 98.

26.X.1774 г. Потемкин подал императрице доклад об инспекторах.

130. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 26.X.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. I. Л. 253.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 111.

Это и следующее за ним письмо № 131 связаны со смотром Потемкиным под Петербургом трех полков, в том числе Кексгольмского пехотного. Доклад о смотре представлен 26.X.1774 (*АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 20. Л. 3–4).

131. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 26.X.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 35.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 134.

132. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

X.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 167.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 109–110.

[1] *Буш мне сказал, что ваш аглицкий садовник застрелитца,.. буде ему не дадите наискорее работу.* – Придворным садовником был англичанин Джон Буш. Имя английского садовника, служившего у Потемкина, установить не удалось.

[2] *Прикажите им дать лошадей или нанять Льву Катанскому.* – Придворными конюшнями ведал Л.А. Нарышкин, которого императрица в нескольких письмах называет "*Львом Катанским*" (см. письмо № 141).

[3] *Когда я узнаю и буду иметь список, что безподобному надлежит?* – Воможно, речь идет о списке офицеров Новотроицкого кирасирского полка, который формировал Потемкин.

133. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 12.XI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 312.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 21.

[1] *Приложенное дело прошу сегодня вручить Преосвященному Петербургскому...* – Архиепископом Санкт-Петербургским и Ревельским был Гавриил (в мире Петр Петрович Петров-Шапошников – 1730–1801), просвещенный церковный деятель, духовный писатель, единственный представитель духовенства в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Выступал за отмену телесных наказаний священнослужителям. Впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Новогородский. Дело, о котором идет речь, очень обеспокоило государыню. Сначала нижегородский губернатор А.А. Ступишин донес о показаниях плененного пугачевского полковника И. Аристова, утверждавшего, что Казанский архиерей Вениамин якобы присылал самозванцу деньги. Этот донос подтвердил другой пугачевец. 13.X.1774 Вениамин был взят под стражу, началось следствие. В письме П.С. Потемкину Екатерина сообщила, что по ее повелению Гавриил должен писать Вениамину, чтобы тот просился из Казани в другое место, кроме Москвы (письмо от 12.XI – *РС*. 1875. Т. 13. С. 124). Императрица не хотела огласки в таком важном и неприятном деле.

[2] *...и понеже сумнения нету (хотя Казанский Архиерей и отпирается) о его непростительной с злодеями пересылке.* – Архиепископ Казанский (непонятно, почему императрица его называет "архиереем") Вениамин (умер в 1785), в мире Василий Пуцек-Григорович, в день переворота 1762 г. был архиепископом Санктпетербургским (пожалован еще Елизаветой Петровной 15.IX.1761). Именно он приводил к присяге новой самодержице – Екатерине II – гвардейские и армейские полки, сенаторов, сановников. Именно ему пришлось отпевать бывшего императора Петра III. Сведения о том, что черное духовенство во многих местах принимало самозванца, как государя, сильно обеспокоило императрицу. Специальная

следственная комиссия, рассмотрев все обстоятельства, пришла к выводу, что "архиепископ Казанский невиновен, непричастен постыдной измене, обнесен, страждет невинно". Это подтвердил и допрошенный под пыткой Аристов (см. примеч. к с. 21, в *СБРИО*. Т. 27). 26.I.1775 г. последовал указ императрицы Сенату о невиновности Вениамина и о пожаловании его митрополитом Казанским с разрешением носить белый клобук (*СБРИО*. Т. 27. С. 28).

134. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.XI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 214.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 106.

1 *...сего утра Вел[икая] Княгиня репортовалась больна, чего он мне сам сказал:* – Великая княгиня Наталья Алексеевна (1755–1776) (урожд. принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская), первая жена наследника престола Павла Петровича, не отличалась хорошим здоровьем. *КФЖ* отмечает, что с 16.XI.1774 г. императрица более недели навещает больную невестку в ее покоях. О начале болезни Павел Петрович мог сообщить 15.XI утром. Наследник престола и его жена любили участвовать в театральных спектаклях, поэтому императрица уведомляет Потемкина, что комедии "на той стороне" (т.е. у наследника) не будет. В этот день Потемкин отсутствует на обеде.

135. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.XI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 73.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 116.

18.XI.1774 г. императрица подписала рескрипт архиепископу Санкт-Петербургскому Гавриилу о поручении ему "дирекции конторы строения" Александро-Невского монастыря. Преосвященный Гавриил был другом Потемкина, переписывался с ним. В Александро-Невском монастыре начались большие строительные работы. 30.VIII.1774 г. был торжественно заложен новый собор Св. Троицы на месте обветшавшего, построенного по плану Петра I. Архитектором был И.Е. Старов, товарищ Потемкина по Московскому университету, впоследствии построивший для него знаменитый Таврический дворец.

136. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 22.XI.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. I. Л. 19.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 385.

1 *...в субботу поеду до вторника...* – В субботу 22.XI посетив больную великую княгиню, Екатерина со свитой отправилась в Царское Село, где в понедельник 24-го отпраздновала свое тезоименитство. На обеде среди 29 приглашенных присутствовали трое Орловых (Григорий, Иван и Владимир). Потемкин все эти дни находился в свите государыни. Во вторник Екатерина вернулась в Зимний дворец и сразу посетила больную невестку.

137. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 2.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. I. Л. 467–467об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 397.

[1] *о Таганрогском коменданте Дежедерасе...* – Крепость Таганрог была важным опорным пунктом на юге России. Ее строитель и комендант (после возобновления в годы русско-турецкой войны) генерал-майор Данила Дежедерас был опытным военным инженером. Назначая его в Таганрог, императрица обещала ему по истечении срока комендантское место в Новгороде.

2 *О пикинерных офицер уравнении противу армейских...* – Пикинерные офицеры (как принадлежащие к легкой коннице) значились в списке ниже армейских на два чина. Для скорого формирования и сколачивания пикинерных полков в Новороссийской губернии (на положении поселенных) нужны были опытные офицеры. Потемкин предложил уравнять пикинерных офицеров с армейскими. Екатерина колебалась в принятии решения, желая взвесить все за и против.

138. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 2.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 53.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 400.

2.XII.1774 г. Потемкин сообщил П.И. Панину о том, что государыне "благоугодно было пикинерных полков штаб и обер-офицеров удостоить сравнения в чинах с армейскими" (РА, 1876. Кн. II. С. 45–46).

139. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 109–109об. – 109а.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 97.

5.XII.1774 г. вице-канцлер А.М. Голицын подал прошение об отставке "от службы и от всех должностей", сославшись на слабое состояние здоровья (Копия, подписанная Голицыным. *РГАДА*, Ф. 1263. Оп. 1. Д. 151. Л. 3–3об.). Беседа с Бецким состоялась до 16.I.1775 г., когда двор отправился в Москву, а Бецкой остался в Петербурге. 26.II.1775 г. императрица объявила Голицыну, что примет продолжение его службы с удовольствием, пожаловав его в обер-камергеры и в сенаторы (Копия. *РГАДА*. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 151. Л. 10).

140. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 245.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 110.

8.XII в доме обер-егермейстера С.К. Нарышкина в новосделанном театре была представлена русская опера "Алтеста" с балетом. У него же был вечерний стол на 18 персон. Потемкин сопровождал императрицу (*КФЖ*).

141. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 252.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 111.

[1] *Милая милюша, письмо твое весьма меня обрадовало...*– Письмо не разыскано. Очевидно, Потемкин написал ответ на письмо № 140.

[2] *..Лев Катанский мне сказывал, что ты неможешь, и давал выразуметь, что невесел.* – Л.А. Нарышкин ("Лев Катанский") был одним из устроителей вечера у своего родственника С.К. Нарышкина (см. его письмо Потемкину от 7.XII.1774. – *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 929а. Л. 9).

[3] *...уже сумнение получила, что едва не я ли тебе чем досадила. И думала, что письмом. Конечно, оно ему неласково показалось.* – После попытки повидать Потемкина и "неласкового письма", Екатерина всерьез обеспокоена его недомоганием и боится, что своим письмом досадила "мужу дорогому, славному, сладкому", которого просит не бегать босиком по лестнице и понюхать табаку, чтоб излечиться от насморка. Сама Екатерина любила нюхать табак, но не желая пачкать пальцы (ей часто приходилось протягивать руку для поцелуев, согласно этикету), она договаривалась с кем-нибудь из придворных, чтобы тот держал при себе и открывал для нее табакерку. 8.XII. опера и вечер у Нарышкина состоялись. На другой день Потемкин серьезно заболел.

142. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 248.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. Л. 110.

С 9 по 21.XII Потемкин был болен. "Григорий Александрович несколько дней тому назад занемог крепкою горячкою, – сообщил в Италию Алексею Орлову младший брат Владимир, – сказывали мне, что теперь лучше (письмо от середины декабря 1774. См. *Орлов-Давыдов*. Т. 1. С. 313).

143. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 9.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 148.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 9. С. 107.

144. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 9.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 87а.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С 119.

[1] *Миленький, к Стрекалову я писать велю, чтоб послал скорее указ о Собакине.* – Указ об освобождении Собакина-Яковлева от ратманства не разыскан (см. письма № 112–113 и 116–117 и примеч. к ним).

[2] *К Лиз*[*авете*] *Ро*[*мановне*] *послала четыре тысячи рублей.* – Говорится о небезызвестной "Лизке" – *Елизавете Романовне* (урожд. графине Воронцовой – 1739–1792), сестре княгини Е.Р. Дашковой и графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Взятая

фрейлиной ко двору, "Лизка" стала любовницей мужа Екатерины, который (сделавшись императором) заявлял о своем намерении развестись с женой и обвенчаться с Воронцовой. Не отличалась ни умом, ни красотой. В своих "Записках" Екатерина часто упоминает о ней. После переворота "Лизка" была отправлена в Москву и в 1765 выдана замуж за статского советника А.И. Полянского. Их дочь получила фрейлинский шифр императрицы. Французский дипломат Корберон заносит в свой дневник (4/15.II.1776) сведения о том, что "императрица! дала графине Воронцовой, бывшей когда-то любовницею Петра III, 45 000 рублей для уплаты ее долгов, любезно упрекнув графиню за то, что она раньше не прибегла к ее помощи". Ниже следует упрек Екатерине за то, что она отказывает княгине Дашковой в 200 душах, "той самой, которой она обязана короной" (*РА*, 1911, № 5. С. 44). Это напоминает придворную сплетню, но подтверждает свидетельства о том, что императрица не помнила зла "Лизке Воронцовой".

145. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 9.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1, Л. 170.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С 110.

[1] *Зделай мне ту ласку – пошли по Кельхена явить все твои болезни. – Кельхен* Иван Захарович (1722–1810) – придворный медик, хирург. Основал хирургический институт в Петербурге.

146. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 9.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 157.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 9. С. 108.

147. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 9.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д., 85. Ч. 1. Л. 238.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 10. С. 109.

Ответ на записку Потемкина, в которой он, очевидно, спрашивал о князе Г.Г. Орлове, который еще в ноябре получил указ "об увольнении ехать в чужие краи", но продолжал жить в Петербурге. Все братья Орловы (за исключением находившегося в Италии Алехана) решили просить отставки. 5.XII. получил отставку с поста директора Академии наук В.Г. Орлов с чином генерал-поручика и жалованием по смерть. Ф.Г. Орлов подал прошение и ждет отставки (см. *Орлов-Давыдов*. Т. 1. С. 308–314).

148. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 12.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 54.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 401.

[1] *Текутьев Тимофей Петрович* (в службе с 1730 г.) – генерал-поручик, премьер-майор гвардии, смоленский губернатор. 12.XII.1774 г. последовал указ о его отставке с пожалованием ему имения.

149. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 164.
Публикация – *ВИ*. 1989, № 9. С. 109.

14.XII.1774 г. Екатерина II подписала указ о переименовании 3-го кирасирского полка в кирасирский Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия полк, поручив вице-президенту Военной коллегии Потемкину "всех штаб и обер-офицеров определить в оный из кавалеров сего ордена, а состоящих ныне распределить по другим полкам,.. чтобы он, сделав образцы мундиру и аммуниции того полку, соответственно цветам онаго ордена, так как и об определенных в тот полк штаб и обер-офицерах список представил к Нам на апробацию" (*ПСЗ*. Т. XIX. № 14 223). 24.II.1775 г. командиром полка был назначен кавалер Георгия 3-ей степени И.И. Михельсон. Почетным полковником стал фельдмаршал П.А. Румянцев – первый кавалер Георгия 1-ой степени.

150. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 17.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85..Ч. 1. Л. 189.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 102–103.

1 *Чрез час или менее пришлю я мотивы к Манифесту...* – В Москве заканчивалось следствие по делу Пугачева и его сообщников. С материалами следствия в Петербург прибыл П.С. Потемкин. Манифест должен был объявить "о преступлениях казака Пугачева" и определить состав суда и обоснование приговора. Как видно, императрица сама работала над мотивами к Манифесту.

2 *И буде ими доволен, то вручи их Преосвященному, дабы сочинил Манифест.* – Потемкин должен был в случае одобрения "мотивов к Манифесту" переслать их архиепископу Гавриилу, которому поручалось написать окончательный текст Манифеста.

3 *И естьли ему надобно, то и дело дам прочитать, но велико очень...* – Речь идет о следственном деле Пугачева и его сообщников.

4 *Но надобно, чтоб для точности сохранения обрядов Преосвященный прочел Манифест о Мировиче, где увидит, как суд наряжен был.* – Смертная казнь за государственные преступления была большой редкостью. Учитывая размах и длительность мятежа, обольщение широких слоев населения якобы законным государем, суду и обряду казни придавалось большое значение. За основу императрица предложила взять Манифест о Мировиче. Как известно, подпоручик Василий Яковлевич *Мирович* (1740–1764), будучи караульным офицером в Шлиссельбурге, 22.VII.1764 г. предпринял дерзкую попытку освободить содержавшегося в заточении Иоанна Антоновича, провозглашенного императором в 1740 г., когда ему было всего несколько месяцев. Узник был убит приставленными к нему офицерами в самом начале "предприятия Мировича", который был арестован, судим и предан казни.

151. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 17.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 228.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 10. С. 107.

Записка написана в один день с письмом № 150. Екатерина просит Потемкина высказать свое мнение о написанных ею мотивах к Манифесту о суде над Пугачевым и его сообщниками. Ответ неизвестен.

152. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 174.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 9. С. 110.

[1] ...*понеже двенадцатый час, но не имам в возвращении окончания Манифеста, следственно, не успеют его переписывать, ни прочесть в Совете.* – 18.XII Манифест был зачитан в Совете генерал-майором П.С. Потемкиным. Дата публикования Манифеста – 19.XII.1774. В состав суда были назначены 14 сенаторов, 11 персон первых трех классов, 4 члена Синода, 6 президентов коллегий.

153. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 25.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 16.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 385–386.

[1] *Приходил ко мне Ве*[*ликий*] *Кн*[*язь*] *и сказывал мне, что по новой Генеральной репортиции шурин его написан в Лифляндской дивизии и что Ве*[*ликая*] *Кн*[*ягиня*] *просит, чтоб... написан был в С*[*анкт*]*-Петербургской дивизии.* – Шурин Павла Петровича наследный принц Людвиг *Гессен-Дармштадтский* (1753–1830), впоследствии великий герцог Гессенский. Волонтером некоторое время провел в армии Румянцева и присутствовал при подписании Кучук-Кайнарджийского мира. Просьба великого князя и его жены была уважена и принц с 25.XII числился при Санкт-Петербургской дивизии, получив отпуск на год. Потемкин, распоряжавшийся в Военной коллегии, не счел нужным осведомиться о желании принца Людвига и записал его в Лифляндскую дивизию. См. отзыв Екатерины о принце в примеч. 2 к письму № 450.

154. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 275.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 114.

[1] ...*покажу тебе письмо Зах*[*ара*] *Гри*[*горьевича*] ... *Кан*[*темир*] *совсем с ума сошел.* – Граф З.Г. Чернышев после своей отставки некоторое время жил в своем роскошном имении Ярополец Калужского наместничества. Оттуда он послал императрице 2 письма (от 4 и 19.XII), в которых рассказал о болезни полковника князя Дмитрия Константиновича *Кантемира* (1745 или 1749–1820), своего родственника. Припадки буйства, в которые впадал князь, заставили Чернышева отобрать у него шпагу (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 348. Л. 16–18). Дело внука Молдавского господаря Антиоха Кантемира тянулось несколько лет. Все попытки помочь ему были тщетны. Во время одного из припадков Дмитрий Кантемир убил своего слугу. Последние годы жизни провел в заключении. В письмах к Потемкину он жаловался на интриги и

гонения родственников, администрации, умолял о помощи. (См. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 4. Л. 215–236). Потемкин хорошо знал Кантемира по совместной службе в армии Румянцева.

[2] *По приказанию твоему сегодня наряжусь впрах.* – *КФЖ* отмечает, что 25.XII.1774 в день праздника Рождества Христова, по окончании литургии и жалованья к руке императрица прибыла в аудиенц-камеру и "Высочайшею своею особою соизволила наложить ордена Святого Апостола Андрея Первозванного на следующих персон:
1. На Его Светлость Принца Гессен-Дармштадтского,
2. На действительного тайного советника Графа Миниха,
3. На Генерал-Аншефа Григорья Александровича Потемкина,
4. На Вице-канцлера Князя Александра Михайловича Голицына".

155. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 322.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

Визит Потемкина к государыне после возложения на него ордена, кажется, показался ей недостаточно сердечным.

156. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 13.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 127.

Письмо написано, скорее всего, на другой день после награждения Потемкина высшим орденом империи.

157. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 389.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

Речь идет о Захаре Григорьевиче Чернышеве. Фельмаршал присутствовал в Москве во время пребывания там двора в 1775 г. Другой фельдмаршал А.М. Голицын остался в Петербурге за главного.

158. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

XII.1774

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 41.
Публикуется впервые.

Потемкин выказывает большую самостоятельность в своем ведомстве. Императрица снова делает ему ласковое замечание.

[1] "*Все же делается положение обоих Воен*[*ных*] *Коллегий о Георгиевских кавалерах*". – Инициативный Потемкин начал работу над положением о Думе Георгиевских кавалеров, которое было утверждено в окончательном виде в 1782 г. Великий Князь, номинальный глава Адмиралтейств коллегии, чувствовал себя обойденным и вторично пожаловался на Потемкина императрице, правда, очень осторожно.

159. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

31.XII.1774

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 70.
Публикация – *ВИ*. 1989, № 8. С. 116.

ЗАПИСОЧКИ Г.А. ПОТЕМКИНА – ЕКАТЕРИНЕ II
март – декабрь 1774

160. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 115.
Публикуется впервые.

[1] Павлов – кто-то из придворных служителей.

161. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 10.
Публикуется впервые.

[1] *Щербачев Алексей Логинович* (ум. в 1802) – генерал-майор, возглавлял Ямскую канцелярию. В 1775 г. генерал-поручик, в 1782 г. сенатор. Отличился в 1770 г. – выиграл пари у самой императрицы, отвезя гостившего в России прусского принца Генриха в Москву за 36 часов!

162. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 12.

Публикуется впервые.

[1] *Толико Горкину окрестить новорожденную его дочь.* – Екатерина часто приглашалась в крестные матери детей как видных сановников, так и простых дворцовых служителей, к числу которых относился и упомянутый в записке Горкин.

163. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1, Л. 386.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

О чем идет речь, трудно понять.

ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А. ПОТЕМКИНУ
март – декабрь 1774

164. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 10.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 126.

165. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 169.
Публикация – *PC*. 1881, июль. С. 499.

166. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 168.
Публикация – *PC*, 1881, июль. С. 499.

167. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 176.
Публикация – *PC*, 1881, июль. С. 499.

168. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 160.
Публикация – *PC*, 1881, июль. С. 501.

169. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 183.
Публикация – *PC*, 1881, июль. С. 499.

170. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5, Д. 85. Ч. 1. Л. 184.
Публикация – *PC*, 1881, июль. С. 499.

171. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 185.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 499.

172. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 190.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 499.

173. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 192.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103.

[1] *Брюс* Яков Александрович (1732–1791) – граф, генерал-аншеф, генерал-адъютант. Внучатый племянник знаменитого сподвижника Петра I шотландца Якова Брюса. 12 лет записан в лейб-гвардии Семеновский полк. 19 лет женился на графине П.А. Румянцевой, родной сестре будущего фельдмаршала. Отличился в Семилетней войне. Петр III пожаловал Брюса в генерал-майоры и майоры гвардии. В войне 1768–1774 гг. сражался волонтером, проявил большую личную храбрость. По возвращении в Петербург осыпан наградами. Впоследствии занимал должности главнокомандующего в Москве и Санкт-Петербурге. Талантами военачальника не блистал.

[2] *Митусов* Петр Петрович (1750–1823) – исполнял обязанности губернатора Санкт-Петербургской губернии. Действительный статский советник.

174. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 194.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103.

175. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 195.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103.

176. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 196.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 499.

177. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 197.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 500.

178. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 198.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103.

179. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 136.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 105.

180. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 145.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 106.

181. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 178.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 499.

182. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 199.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103.

[1] *Изволь водить в Эрмитаж весь причет церковный...* – Доступ в Эрмитаж – личную картинную галерею и место собраний друзей императрицы – был строго ограничен. Потемкин, имевший тесные связи с духовенством, водил в Эрмитаж своих друзей – церковных иерархов, чтобы они могли познакомиться с образцами западноевропейской живописи, в которой широко были представлены картины на библейские и евангельские сюжеты.

183. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 205.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 104.

184. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 219.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 106.

[1] *А я перестала же ворчать на Панин[а] и на его Короля, а не отроду не на тебя.* – В размолвках с Потемкиным Екатерина первой идет на мировую (см. письма № 391, 393, 396). В не очень грамотной фразе она признается, что перестала ворчать даже на Н.И. Панина и его Короля *Фридриха II Великого* (1712–1786), на союз, с которым ориентировался Панин. Екатерина знала вероломство своего прусского "союзника" и придумала для него прозвище –"Ирод".

185. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 220.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 107.

186. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 227.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 107.

187. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 229.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 502.

188. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 231.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 502.

189. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 239.
Публикация – *ВИ*, 1889, № 10. С. 109.

[1] *Ма*[*рия*] *Павл*[*овна*] *Нарышкина* (урожд. Балк-Полева – 1728–1793) – жена обер-егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина. С молодых лет была близка с Екатериной. Родная сестра Марии Павловны была замужем за камергером Сергеем Васильевичем Салтыковым.

[2] *...бриллиантовой...*– О бриллиантовой комнате, где хранились царские драгоценности, см. примеч. к письму № 18. Любопытная Нарышкина, бывшая во дворце своим человеком, в концертные дни (когда императрица отсутствовала) "вхоживала" с камер-юнгферами в алмазную залу, принадлежавшую к личным покоям Екатерины II, куда вход был строго запрещен.

190. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 240.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 109.

191. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 264.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 112.

192. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 282.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 115.

193. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 283.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 196.

194. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 284.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 196.

195. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 288.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

196. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 289.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

197. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 290. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

198. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 291. Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 116.

199. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 292. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

200. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 295. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

201. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 300. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

202. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 301. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

203. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 304. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

204. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 305. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 197.

205. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 311. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

206. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 314. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

207. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 315. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

208. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 318. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

209. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 323. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

210. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 329. Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

211. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 332. Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

212. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 347. Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 112.

213. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 348. Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 112.

214. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 351. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

215. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 353. Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

216. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 355.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

217. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 371.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

218. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 374.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 116.

219. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 378.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 116.

220. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 379.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

221. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 380.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

222. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 381.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

223. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 383.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

224. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 391.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 118.

225. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 403.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

226. Автограф. *РГАДА*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 486. Л. 1.
Публикуется впервые.

227. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 10.
Публикуется впервые.

228. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 116.
Публикуется впервые.

229. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 302.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

[1] *Рожерсон* (правильно Роджерсон) Иван Самойлович (Иоганн Джон Самуил) (1741–1823) – лейб-медик. Шотландец, питомец Эдинбургского университета. Прибыл в Россию и в 1766 г. после экзамена получил разрешение на врачебную практику. После того, как Роджерсон спас от дифтерита сына княгини Дашковой, Екатерина назначила его придворным врачом (1769 г.). Пользовался расположением императрицы, которая не любила докторов. Ее отзыв о Роджерсоне см. в письме № 687. Екатерина II скончалась на руках Роджерсона, сожалевшего о том, что ему не удалось убедить государыню пустить кровь накануне рокового дня, когда с ней приключился удар. Через несколько лет Роджерсон вернулся на родину.

230. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 211.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 501.

[1] *Аллеман* (Аламан) Фридерик – придворный доктор, состоявший при великой княгине Наталье Алексеевне (жене наследника). Очевидно, о ней идет речь в письме.

231. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 382.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

232. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 237.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 109.

233. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 244.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 110.

234. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 313.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 198.

235. Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 196.

236. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 326.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

237 Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 327.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

238. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 246.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 502.

239. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 341.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

240. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 375.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

241. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 336.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

[1] *Пришли, голубчик, Барятинского реляцию, как списана будет.* – О ком из братьев Барятинских идет речь, неясно. Князь Иван Сергеевич (1740–1811) с 1763 г. в чине генерал-майора состоял при наследнике престола. В своих "Записках" Екатерина рассказывает, как ее муж приказал Ивану Барятинскому арестовать ее, но он сообщил об этом дяде Петра III принцу Георгу Голштинскому и тот уговорил императора отменить приказ. В 1783 князь Иван Барятинский был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Париж. По возвращении вышел в отставку.

Князь Федор Сергеевич (1742–1814) – камергер. Активный участник переворота 1762 г. Согласно легенде, именно он был тем караульным офицером в Ропше, после ссоры с которым во время обеда ("мы были пьяны и он тоже") последовала смерть мужа Екатерины. Новейшие исследователи опровергают эту версию (см. *Московский журнал*. 1995. № 9 и 11. 1996. № 1–3.). Назначив князя Федора в 1778 г. гофмаршалом, Екатерина сохраняла свое расположение и доверие к нему до самой смерти. Павел I приказал выслать его в деревни.

242. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 330.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

243. Автограф *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 5.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 125.

244. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 9.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 126.

245. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 350.
Публикация – *PC*, 1881, сентябрь. С. 199.

246. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 31.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 133.

247. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 44.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 111.

248. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 47.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 111.

249. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 50.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.

250. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 51.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.

251. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 54.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.

252. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 72.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 116.

253. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 78.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 118.

254. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 86.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 119.

255. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 105.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 124.

256. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 141.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 103.

257. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 3.
Публикуется впервые.

[1] *Голубчик,буде Толстой тебе сказал, что я скончалась, то знай теперь, что я уже воскресла.* – Скорее всего, речь идет о Федоре Матвеевиче Толстом, одно время бывшим любимым чтецом императрицы.

258. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 5.
Публикуется впервые.

259. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 6.
Публикуется впервые.

260. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 8.
Публикуется впервые.

261. Автограф. *ГА РФ.* Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 9.
Публикуется впервые.

262. Автограф. *ГА РФ.* Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 12.
Публикуется впервые.

263. Автограф. *РГАДА.* Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 181.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 111.

Своим полком государыня называет 1-й гвардейский полк – семеновцев. Потемкин командовал преображенцами. Деньги предназначались солдатам и унтер-офицерам на разговление. В том же деле (л. 395) хранится собственноручная записочка Екатерины: "Пять сот рублев разделить по артелям лейб-гренадерского полку на разговенье".

264. Автограф. *ГА РФ.* Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 24.
Публикация – *СБК.* Т. 2. С. 104.

265. Автограф. *РГАДА* Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 45.
Публикация – *СБРИО.* Т. 42. С. 400.

[1] *...докладных пунктов Азовского Губернатора Толстого...*– Азовская губерния была создана Петром I. Ее губернатором (до 1708 г.) был тайный советник Иван Андреевич *Толстой* (1643–1711). Потемкин предложил учредить новую Азовскую губернию из части Новороссийской, с включением в нее Таганрога. Работая над своим проектом, он запросил документы И.А. Толстого. Губерния была учреждена 14.II.1775.

[2] *...у Графа Толстого, что здесь, или у брата его можно.* – Граф Андрей Иванович *Толстой* (1721–1806) – действительный статский советник, президент главного магистрата в Петербурге. Затем был членом главной дворцовой канцелярии. У него было 4 брата: Василий Иванович (ум. в 1785) – действительный статский советник; Борис Иванович (1723–1786) – статский советник; Федор Иванович и Петр Иванович (1726–1789).

266. Автограф. *РГАДА.* Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 64.
Публикация – *СБРИО.* Т. 42. С. 401.

[1] *...Азовский губернатор Василий Чертков старее Энгельгардта. – Чертков* Василий Алексеевич (1726–1793) – генерал-майор, губернатор новой Азовской губернии. С 1782 наместник в Харькове. Одновременно возглавлял Саратовскую губернию. Драматург и переводчик. В службе с 1742 г. Управлявший Выборгской губернией генерал-майор *Энгельгардт* Николай Николаевич начал службу в 1743 г. При выборе кандидата в Азовские губернаторы предпочтение было отдано Черткову.

267. Автограф. *РГАДА.* Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 11.
Публикация – *СБРИО.* Т. 42. С. 412.

[1] *Преосвященный Платон* – Тверской архиепископ *Платон* (в мире Петр Егорович Левшин – 1737–1812) – знаменитый богослов и церковный оратор. В 1763 г. во время посещения Троице-Сергиевой лавры императрица была потрясена проповедью Платона и определила его в законоучители к своему сыну. "Отец Платон делает из нас все, что хочет, – говорила Екатерина. – Хочет он, чтобы мы плакали, мы плачем". С восхищением она писала о проповедях о. Платона Вольтеру. Потемкин был дружен с преосвященным, переписывался с ним. В 1787 г. по воз-

вращении императрицы из путешествия на юг, во время службы в Успенском соборе Кремля Екатерина II пожаловала Платона в митрополиты Московские.

268. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 349.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 113.

О ком из Салтыковых идет речь, сказать трудно. Возможно, о Николае Ивановиче, состоявшем при наследнике престола.

269. Автограф. *РГАДА*.Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 72.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 403.

[1] *План Царского Села тотчас пришлю. Я послала к Неелову его взять.* – *Неелов* Илья Васильевич (1745–1793) в 1774 г. был назначен архитектором в контору строений Царского Села, где уже 30 лет трудился архитектором его отец – *Неелов* Василий Иванович (1721–1782). План Царского Села составлял Неелов-сын.

270. Автограф. *РГАДА*.Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 171.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 110.

[1] *Пушкин* – скорее всего речь идет об Алексее Ивановиче Мусине-Пушкине, занимавшем в 1775 г. пост церемониймейстера двора. См. примеч. 1 к письму № 772.

271. Автограф. *ГА РФ*.Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 20.
Публикуется впервые.

Все названные лица – камергеры двора. Посылки в Швецию связаны с каким-либо событием в королевской семье. Для поздравления или соболезнования северному соседу императрица посылала одного из придворных.

Несвицкий Иван Васильевич (ум. в 1806 г.) – князь, камергер. Службу начинал в Конной гвардии. Участник переворота 1762 г.

Бибиков Василий Ильич (1740–1787) – камергер. В день переворота 28.VI.1762 вместе с А.Г. Орловым сопровождал Екатерину из Петергофа в столицу. В 1779 возглавлял русскую театральную труппу, в репертуар которой входили пьесы, написанные императрицей. Отстранен от должности за "непорядочное ведение расходов". Умер в отставке, в Москве.

Нарышкин Алексей Васильевич (1742–1804) – камергер, впоследствии сенатор, тайный советник. Поэт. Действительный член Академии наук.

272. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 225
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 107.

[1] *Мелиссино Петр Иванович* (1726 или 1730–1797) – артиллерии генерал-майор. Служил в главной канцелярии артиллерии и фортификации, находившейся в Петербурге. Известный артиллерист и инженер. Отличился в русско-турецкой войне будучи начальником артиллерии у Румянцева. С 1783 г. генерал-поручик и директор артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. С 1796 г. инспектор артиллерии с чином генерала от артиллерии.

273. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 337.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

274. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 37.
Публикуется впервые.

[1] *Салтыков Николай Иванович* (1736–1816) – генерал-аншеф. Участник Семилетней и русско-турецкой войн. Имея чин генерал-поручика, Салтыков в 1773 г. получил важное назначение. "С самого начала поставить себя в такое положение, чтобы вас уважали", – писала Салтыкову императрица, поручая ему стать во главе малого двора. В инструкции говорилось также о том, что Салтыков будет жить при дворе и может являться к императрице, "когда вздумает" (*РА*, 1864, № 9, Стб. 932–934). Пользуясь доверием Екатерины, Салтыков сумел завоевать расположение Павла Петровича. С 1783 г. государыня возложила на Салтыкова ответственность за воспитание своих горячо любимых внуков Александра и Константина. Салтыков в царствование Екатерины стал генерал-адъютантом, графом, вице-президентом Военной коллегии. Павел I пожаловал его в генерал-фельдмаршалы. Александр I возвел Салтыкова в княжеское достоинство и поставил во главе Государственного Совета.

275. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 233.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 108.

[1] *Черт Фонвизина к Вам привел ....он забавнее меня знатно. Однако я тебя люблю, а он, кроме себя, никого*. – *Фонвизин Денис Иванович* (1745–1792) – знаменитый драматург, в 1774 г. служил секретарем графа Н.И. Панина. Вел переписку с его братом графом П.И. Паниным, сообщая ему дипломатические и придворные новости. Автор конституционного проекта, ограничивающего самодержавие, написанного для так называемой "панинской партии", которая ориентировалась на наследника престола. Проект был уничтожен в 1776 г. (см. примеч. к письму № 448). Резкие нападки на временщиков не мешали Фонвизину быть в дружеских отношениях с Потемкиным, которого он мог знать по московскому университету. Потемкин, в свою очередь, восхищался талантом Фонвизина. Известен его отзыв о постановке комедии "Недоросль" в 1783 г.: "Умри, Денис, лучше не напишешь!". Екатерине II не откажешь в знании людей. Фонвизин с его критическим складом ума был неуживчивым человеком и не имел друзей. Умер в бедности.

276. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 365.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 115.

277. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 144.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 106.

278. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 70.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 403.

279. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 9.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 393.

[1] *Кнорингу дать аренду немудрено, наипаче по Вашей рекомендации и прошению...* – *Кнорринг* Богдан Федорович (1746–1825) – полковник. Из эстляндских дворян. Воспитывался под руководством друга семьи фельдмаршала графа Миниха. Отличился в турецкой войне. Награжден Георгием 4-ой степени. Во время Фокшанского мирного конгресса в 1772 г. был послан Г.Г. Орловым к А.Г. Орлову, находившемуся с эскадрой в Эгейском море. Сумел во время поездки снять (секретно) карту Европейской Турции. За это отличие был награжден арендой в Лифляндии. Впоследствии – полный генерал. Во время войны против Швеции в 1808 г. был отставлен Александром I за нераспорядительность.

280. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 417.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 122–123.

281. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 92.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 121.

282. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 491.
Публикуется впервые.

283. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 262.
Публикация – *PC*, 1881, июль. С. 502.

284. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 404.
Публикация – *PC*, 1881, сентябрь. С. 200.

1775

285. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.I.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 91.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 121.

Согласно *КФЖ* граф К.Г. Разумовский, как генерал-адъютант императрицы, дежурил с 25.XII. 1774 г. по 11.I. 1775 г. Записочка связана с громким семейным делом Разумовского, оставшегося с 10 детьми после смерти в 1771 г. жены Е.И. Нарышкиной. Любимая дочь графа Кирилла Григорьевича *Елизавета* (1749–1813), фрейлина Екатерины II, решила сама устроить свою судьбу и выйти замуж по любви. Избранником Разумовской был граф *Петр Федорович Апраксин* (1728–1811), генерал-поручик и кавалер, участник турецкой войны. Но Апраксин был женат на графине А.П. Ягужинской (1732–1801). Брак был бездетным и жена Апраксина дала согласие постричься в монахини. Дело затягивалось. В марте 1774 г. Апраксин и Разумовская писали Потемкину, умоляя о помощи и покровительстве (*РГАДА*, ф. 11, оп. 1, д. 946, Ч. 1, д. 84–84 об. и ч. 3, л. 184). Потемкин обещал помочь влюбленным. Узнав, что его дочь ждет ребенка, граф Разумовский-отец, бывший против этого брака, написал гневное письмо императрице, указав, что в лице его дочери оскорблена не только вся его фамилия, но и сама государыня, так как графиня была ее фрейлиной. Он просил примерно наказать Апраксина, а дочь постричь в монахини. Екатерина оказалась в трудном положении. Она не могла оставить без внимания такое нарушение этикета. Обещав Апраксина "за бесчестие, учиненное двору,.. запереть на полгода в крепости... или на год в Свирский монастырь, чего сам изберет", она исключила Елизавету из числа своих фрейлин, но просила Разумовского-отца, "чтоб он дочь свою не постриг, ибо по молодости ея летам, я рассуждаю, что сие жестоко и законам противно до сорока лет женщин не постригать" (*PC*, 1903, октябрь. С. 65–68). 5.VII. 1774 г. Апраксин был на полгода посажен в Петропавловскую крепость. Срок истек 5.I. 1775 г. Чтобы не раздражать дежурного генерал-адъютанта графа Разумовского, Екатерина просит Потемкина передать обер-коменданту Петропавловки А.Г. Чернышеву повеление освободить Апраксина, взяв с него подписку "никакова приезда ко двору не иметь и с домом графа Разумовского нигде не съезжаться" (*РГАДА*. Ф. 7. Д. 2410. Л.8). Об окончании этого дела см. примеч. к письму № 343.

286. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 8.I.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 113.
Публикуется впервые.

Турецкий султан Абдул-Хамид I не спешил с ратификацией мирного договора. Сановники Порты предприняли шаги, направленные на пересмотр статей Кучук-Кайнарджийского трактата. Особенно их беспокоил пункт о независимости Крымского ханства. 8.I.1775 Екатерина II уведомила Румянцева о ходе переговоров с турками. Российский представитель в Константинополе получил инструкцию: никаких изменений в мирном договоре. Неожиданно позицию России облегчила бывшая союзница Турции Австрия. Сославшись на секретную конвенцию с турками, австрийцы захватили значительные участки территории в Молдавии и Валахии. Отозванный 18.I. 1775 г. из армии князь В.М. Долгоруков сдал войска генерал-поручику князю А.А. Прозоровскому, вошедшему в подчинение Румянцева.

287. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.I.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 99.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 123.

1 *Письмы от 7 генваря – оне ответные на те, кои отправлены в Новый Год.* – 25.XII.1774 г. генерал-прокурор князь А.А. Вяземский и П.С. Потемкин прибыли в Москву из Петербурга с последними указаниями императрицы относительно суда над Пугачевым и его сообщниками. 30.XII в тронном зале Большого Кремлевского дворца начались заседания суда. Был зачитан Манифест Екатерины II от 19.XII. 1774 г. На другой день был доставлен в суд главный обвиняемый. Вяземский постоянно уведомлял императрицу о ходе судебных заседаний, о разгоревшейся острой полемике относительно меры наказания главным бунтовщикам. В письмах Вяземскому и Волконскому Екатерина настаивала на умеренности, "как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеешь", – писала она Волконскому 1.I.1775 г. (Крест. война. Т. 3. С. 420). На докладе Вяземского о ходе суда государыня написала: "При экзекуциях, чтоб никакого мучительства отнюдь не было и чтоб не более трех или четырех человек" (там же). Об этой переписке и говорится в письме.

2 *...когда ответ мой получат на их письмы от 2 числа, тогда надеются все кончить в три дни.* – 2.I суд вынес сентенцию (приговор) Пугачеву, Перфильеву, Падурову, Шигаеву, Торнову и Чике-Зарубину. Вяземский послал ее на утверждение государыне. 5.I, ознакомившись с приговором, Екатерина утвердила его и отослала в Москву. 9-го судьи подписали сентенцию. 10-го состоялась казнь в Москве на Болотной площади. Пугачев и Перфильев были приговорены к четвертованию, остальные к повешению. Казнь Чики должна была состояться в Уфе, где он злодействовал. И Пугачев, и Перфильев были избавлены от мучительной казни. Вяземский передал палачу тайное повеление Екатерины II и тот вместо четвертования сразу отрубил голову грозному самозванцу, еще недавно истреблявшему дворянские семьи с чадами и домочадцами вплоть до грудных детей. Столь явное нарушение оглашенного приговора на глазах огромной толпы дворян, жаждавших отмщения, было объяснено "ошибкой палача" (Крест. война. Т. 3. С. 424–431).

288. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 3.II.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 222.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 107.

16.I.1775 двор отправился из Царского Села в Москву и 22.I прибыл в с. Всесвятское. В свите находились: вице-канцлер князь А.М. Голицын, генерал-адъютанты Г.А. Потемкин и граф Я.А. Брюс, генерал-аншефы князь Н.В. Репнин и граф И.П. Салтыков и другие лица. 22.I Екатерина в карете ездила в Москву, вернулась на обед во Всесвятское, а после обеда в карете вместе с Потемкиным отправилась к Пречистенским воротам осмотреть дворец, сооруженный для ее пребывания. 23.I во Всесвятском государыня возложила орден Св. Александра Невского на князя П.М. Голицына, первого победителя Пугачева. На другой день царский поезд нагнал малый двор. Императрица приняла офицеров, сражавшихся против самозванца, представленных ей графом П.И. Паниным, и лично пожаловала полковнику И.И. Михельсону украшенную бриллиантами шпагу. За офицерами последовали московские купцы. Их представлял Потемкин. 25.I в воскресенье после литургии во Всесвятском императрица торжественно въехала в древнюю столицу.

[1] *...я послала реестр Аннен*[*ских*] *кандидатов к Вел*[*икому*] *Кн*[*язю*]... – Орден Св. Анны был учрежден герцогом Шлезвиг-Голштинским в память о своей супруге Анне Петровне, дочери Петра Великого, матери злосчастного мужа Екатерины. До 1797 г. он не входил в число Российских императорских орденов, хотя награждение им практиковалось довольно широко уже при Елизавете Петровне. Высочайшим патроном ордена был великий князь Петр Федорович, а после его смерти великий князь Павел Петрович. Праздник Анненских кавалеров приходился на 3 февраля. Накануне Павел утверждал списки кандидатов на получение ордена. Индивидуальные награждения могли производиться и в другие дни.

289. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

18.II.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.
Публикация – *СБК*. Т. 2. Примеч. к с. 103.

[1] *Матушка, послезавтра день рождения "духа"*... – Год назад 20.II.1774 произошло объяснение между Потемкиным и Екатериной, результатом которого стала "Чистосердечная исповедь" (см. письмо № 10 и примеч, к нему). 17–19.II.1775 Потемкин не показан в *КФЖ*, болен, что соответствует содержанию письма.

290. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.II.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 155.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 108.

[1] *...что вчера сказать хотел в связи с днем рождения "духа", который завтра.* – Ответ на письмецо № 289, посланное накануне вечером. Очевидно, Потемкин напомнил императрице прошлогодние события и 20.II.1775 она обедала в его покоях (вместе с князем Н.В. Репниным, Л.А. Нарышкиным, П.С. Потемкиным и Ф.М. Толстым).

291. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 368.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 115.

1 *...казаки твои знатно что хороши, ибо я от них без ума.* – 1.III.1775 Потемкин представил государыне уральских казаков (бывших яицких) во главе с атаманом М.М. Бородиным по случаю их "отъезда в свое отечество".

2 *Плевать на твои кирасиры, не прогневайся.* – Занятый формированием кирасирского Военного ордена полка, Потемкин часто докладывал о нем императрице (см.: *Григорович А.* История 37-го драгунского Военного ордена ...полка).

292. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Начало III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 261.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 112.

1 *Вот тебе, душечка, письмо Принца Генриха. Он не будет.* – Брат прусского короля принц Генрих (1726–1802) слыл умным человеком, но отличался непрезентабельной наружностью: невысокий рост, большая голова, увенчанная тупеем. В свой первый приезд в Россию в 1770 г. принц познакомился с Потемкиным и предрек ему большое будущее (см. письмо к нему Потемкина, черновик которого написан Екатериной – *СБРИО*. Т. 27. С. 16–17). Императрица пригласила брата Фридриха II посетить Москву во время назначенных на июль торжеств по случаю мира. 6/17.II.1775 принц сообщил, что не сможет воспользоваться приглашением (*РГАДА*. Ф. 4. Д. 135. Л. 34–35).

293. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Начало III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 66.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 114.

1 *...пришли ко мне письмо Принца Генриха и Гр*[*афа*] *Ал*[*ексея*] *Гр*[*игорьевича*] *Орлова.* – 14.II.1775 Алексей Орлов донес из Италии о поимке опасной авантюристки, известной под именем "княжны Таракановой". Самозванка выступала под разными именами: "Али Эмете", "Элеонора", "княжна Володимер", "принцесса Азовская". Она уверяла, что ее родители императрица Елизавета Петровна и гетман Разумовский. Окруженная темными личностями, авантюристка заигрывала с польскими эмигрантами (М. Огинским и К. Радзивиллом), добилась предложения князя Филиппа-Фердинанда Лимбург-Штирум обвенчаться с ней, писала письма турецкому султану, уверяла, что Пугачев ее сторонник, обещала Римскому престолу привести русский народ к признанию власти Папы. Русское правительство предприняло энергичные меры к поимке опасной самозванки. Вечно нуждавшаяся в деньгах авантюристка (ее "свита" насчитывала несколько человек) попалась в сети, расставленные Алексеем Орловым. Алехан предложил ей деньги, свою руку и флот, якобы готовый поддержать ее притязания на российский престол. Ему удалось заманить "княжну" на русский корабль, стоявший в Ливорно, после чего она (и сам Алехан) были арестованы вице-адмиралом С.К. Грейгом. Орлов был арестован для отвода глаз. Когда корабль с опасной пленницей на борту сделал остановку в Англии, сотни любопытных пытались увидеть загадочную "княжну". По словам английского консула в Ливорно, самозванка была дочерью нюренбергского булочника.

294. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III. 1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 103.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 124.

[1] *Для исследования и щета соляных дел...* – Соль была важной статьей дохода государственной казны. Военные расходы на борьбу с Портой и разорение губерний, в которых бушевала гражданская война, привели к серьезному напряжению финансов Империи. И все же Екатерина решила сделать "подарок" населению, сбавив цену с продаваемой соли. Для исследования состояния "соляных дел" она хотела привлечь братьев П.С. и М.С. Потемкиных, чтобы помочь им выйти из "уныния", вызванного, очевидно, тем, что они не имели назначений.

[2] *Маврин* Савва Иванович (р. в 1744) – гвардии капитан-поручик, который первым снял допрос с Пугачева, доставленного в Яицкий городок сообщниками. "Описать того невозможно, сколь злодей бодрого духа", – отметил Маврин и тут же привел признание самозванца: "Дальнего намерения, чтоб завладеть всем Российским царством, не имел, ибо рассуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумению грамоте, способным" (*ВИ*, 1966, № 3. С. 131. № 4. С. 123). Впоследствии Маврин имел чин генерал-поручика и занимал должность генерал-провиантмейстера.

[3] *Шувалов* Андрей Петрович (1744–1789) – граф, сын знаменитого елизаветинского деятеля. Записанный на 4-ом году в Конную гвардию, Шувалов в 7 лет получил офицерский чин. Карьеру делал при дворе: камер-юнкер (1757), камергер (1761). Поклонник Вольтера, с которым познакомился лично в 1765 г. Активно трудился в Большой комиссии по составлению нового Уложения. Впоследствии действительный тайный советник, управлял ассигнационным банком, считался авторитетом в финансовых вопросах. Как и его друг детства граф А.С. Строганов, Шувалов был видным масоном.

295. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 41–42.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 398–399.

Соляное разбирательство, о котором идет речь в письме, связано с какими-то злоупотреблениями, но императрица не хочет, чтобы Потемкин слишком связывал свое имя с этим сложным делом, чтобы на него не было перенесено раздражение и недовольство.

[1] *...Петр Шува*[*лов*], *который, конечно, был человек с отменными качествами и который желал сим делом прославиться и принести Империи пользу, от нея понес народную ненависть.* – Граф Петр Иванович *Шувалов* (1710–1762) началом своей карьеры обязан жене – Мавре Егоровне Шепелевой, умной, талантливой женщине (любившей музыку, стихи, писавшей комедии), близкой подруге дочерей Петра I. После воцарения Елизаветы Петровны Шувалов сделал блестящую карьеру. В 1746 г. получил графский титул, командовал крупными воинскими соединениями. В 1756 г. стал начальником артиллерии русской армии, много сделал для повышения ее боевых качеств. Известен своими прожектами в налоговой и финансовой политике государства, некоторые из которых опережали свое время и не были поняты современниками.

[2] *...или же из обоих сочиню своим лаконическим и нервезным штилем...* – Т.е., если написанные Потемкиным и Вяземским черновики указов не удовлетворят Екатерину, она сама сочинит новый текст. Французское слово "nerveuse" употреблено в значении "энергичный", "сильный".

[3] *...Шапкин такой же, по крайней мере, плут, как и Моисеев...* – Судя по всему, речь идет о купцах-откупщиках. В Москве среди именитых граждан значились Шапкины – выходцы из Вологодских купцов.

296. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 256.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 111.

Горячность и раздражительность Потемкина (см. также письмо № 297) непонятны, если только не принять во внимание ложность его положения – тайного мужа и соправителя императрицы, которого общество считает одним из фаворитов, случайным человеком.

297. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 166–166 об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 109.

[1] *Встав из-за стола, получила я гневное Ваше письмо.* – Не разыскано. Как ни любит, как ни ценит Екатерина Потемкина, в государственных делах не может быть послаблений. В ответ на гневливость своего мужа она отвечает твердым требованием "написать указ порядочно" и прислать ей на подпись. Об издании указа см. примеч. 2 к письму № 301.

298. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 111.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 92.

[1] *Камынин* Лукьян Иванович (1720–1788) – тайный советник, сенатор с 1767 г. Уволен от дел в 1786 г.

299. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.III.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 22.
Публикуется вперые.

[1] *...буде Петр Панин возвратил мой экземпляр, прошу прислать.* – Речь идет о подготовке Манифеста о забвении всех дел, связанных с бунтом Пугачева. Императрица лично работала над манифестом, который давала для ознакомления П.И. Панину и другим лицам. Последней пятницей перед чтением Манифеста в Сенате было 13.III.

300. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.III.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 50.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 400.

[1] *Я приехала домой, освободясь от своей пакотильи, при чтении которой многие тронуты были до слезы.* – 18.III.1775 г. императрица отправилась в Сенат, где был зачитан Манифест, предававший "вечному забвению и глубокому молчанию" все, касающееся бунта и возмущения (См. *ПСЗ*. Т. XX, № 14724. Манифест помечен 17.III.1775 г.). Накануне этого события Екатерина крестила младенцев у графа Я. А. Брюса и у графа П.И. Панина. Потемкина в эти дни не видно (см. *КФЖ*), может быть, он был болен.

[2] *...вчерась Вел[икий] К[нязь] поутру пришед ко мне... сказал,... прочтя прощение бунта, что это рано. И все его мысли клонились к строгости.* – Наследник престола Павел Петрович отличался неуравновешенностью характера, подозрительностью и суровостью, граничащую с жестокостью. С особой резкостью эти черты проявились во время его короткого царствования и стоили ему жизни.

301. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 19.III.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 49.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 104.

[1] *Прошу родительницу поздравить и от нас и послать к ней сей гостинец.* – Мать Потемкина Дарья Васильевна (урожд. Кондырева, по первому мужу Скуратова) (1704–1780) праздновала именины 19.III. Юной девушкой она была выдана за старика Скуратова и вскоре овдовела. Жила у родственников покойного мужа в с. Большом Скуратове по Киевской дороге, где ее случайно увидал проезжавший майор Александр Васильевич Потемкин (ему было 50 лет). Он посватался к молодой вдове, скрыв свой брак (бездетный). Уже имея на руках первую дочь, Дарья Васильевна узнала правду. Она кинулась в ноги к законной жене и умолила ее постричься в монахини. После пяти дочерей на свет появился мальчик, нареченный Григорием. Из-за него ревнивый старик Потемкин едва не разошелся с женой. В 1742 г. "майор Александр Васильев сын Потемкин за старостию, дряхлостию и за раны от всех дел отставлен вовсе, а за службы ево дан ему ранг подполковничей..." (*Источник*, 1995, № 1. С. 22–23). Через 4 года он умер, оставив вдову с пятью дочерями и сыном. Дарья Васильевна переехала в Москву, сумела выдать дочерей замуж (за исключением одной, умершей в молодых летах). Дом Потемкиных находился на Большой Никитской, неподалеку от Никитских ворот. Храм Большого Вознесения перестроен в XIX в. на деньги, завещанные Г.А. Потемкиным.

Екатерина с уважением относилась к Дарье Васильевне (своей свекрови). В начале 1776 г. мать Потемкина удостоилась небывалой чести – была пожалована в статс-дамы. О ее смерти см. примеч. 1 к письму № 596.

[2] *Об сбавке с соли просим не говорить более. Дело зделано будет к нашему рождению, а до тех пор таить станем.*– В день рождения Екатерины II (21.IV.1775 г.) был издан указ о сбавке "с продажи соли, с каждого пуда по 5 копеек". По донесению французского посланника Дюрана от 27.IV/8.V 1775 эта мера была принята жителями Москвы без энтузиазма, на который рассчитывала императрица.

302. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 6.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 24.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 392.

6.IV.1775 императрица со свитой совершила шествие в Патриарший дом в Кремле. В ее присутствии началось мироварение. Екатерина II решила взять из Оружейной палаты серебряные сосуды, чтобы развозить миро по московским церквам во время подготовки ко дню мирного торжества, назначенного на 10 июля. В самый день праздника сосуды должно было возвратить и выставить в Грановитой палате.

303. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 14.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 85.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 118.

14.IV.1775 г. Екатерина II приняла в Пречистенском дворце Бухарского владельца (*КФЖ*). Среди поднесенных ей подарков был и "бухарский мешок" – кошель для хранения и перевозки денег, который, по ее мнению, следовало бы взять за образец для формируемого Военного ордена кирасирского полка.

[1] *О Архиере*[*е*] *и архимандрит*[*е*] *приказала указы написать*. – О каких указах идет речь, установить не удалось.

304. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 17.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 97.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 123.

[1] *Дабы Крестинека в Синбирске определить комендантом*... – В подробном донесении А.Г. Орлова из Ливорно о захвате "злодейки со всею ее свитою" говорится о заслугах его адъютанта Ивана Кристинека (правильно Христинека), который "умел удачно свою роль сыграть" (Рус. беседа, 1858. Т. VI. С. 73). Именно Христинек сумел войти в доверие к "княжне Таракановой" и передать ей значительные суммы денег, в которых она сильно нуждалась для оплаты долгов. Ее свита насчитывала до 60 человек, главным образом поляков. Христинек уговорил авантюристку переехать в Пизу, где за ней стал ухаживать генерал (А.Г. Орлов). Она ездила в его карете, посещала вместе с ним театр. Никто из русских не смел садиться в ее присутствии. Этими мерами удалось усыпить бдительность недоверчивой "княжны", заманить ее в Ливорно на русский корабль и там арестовать. Вместе с ней были арестованы два польских дворянина, два камердинера и несколько слуг. Христинек привез известие об этом в Россию и был пожалован майором. Он просил место коменданта в Симбирске. Екатерина хотела выяснить, соответствует ли это место его чину или требует повышения. Она считала возможным повысить Христинека только в подполковники.

305. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 17.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 175.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 111.

[1] *...прикажи себе напомнить о Крестинике и о его комендантское место в Синбирск.* – 17.IV.1775 генеральс-адъютант штаба генерал-аншефа и кавалера графа А.Г. Орлова Христинек был пожалован в подполковники и в коменданты Симбирска (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 357 об.).

306. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 140.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 103.

17.IV.1775 Потемкин предложил государыне назначить атаманом Уральского казачьего войска вместо умершего Мартемьяна *Бородина* Ивана *Акутина* (*СБРИО*. Т. 27. С. 37). Сохранились письма вдовы Бородина, отважного яицкого казака, оставшегося верным присяге в страшное лихолетье пугачевщины. (Среди казненных самозванцем яицких казаков был и походный атаман Нижне-Яицкой дистанции Никита Бородин, отказавшийся признать Пугачева за государя.) Вдова Мартемьяна Бородина благодарила Потемкина за милости и просила через него императрицу о пенсии себе и малым детям (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 8. Л. 200–207 об.). Старший сын атамана Аврам Бородин был пожалован в Уральское войско войсковым старшиною. Много лет спустя, императрица вспомнила о М. Бородине, как о большом знатоке обычаев восточных народов, советы которого она очень ценила (*СБРИО*. Т. 42. С. 331).

307. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.IV.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 13.
Публикуется впервые.

КФЖ отмечает, что 20.IV.1775 Потемкин представил государыне французского полковника графа Лаваль. Государыня удостоила гостя беседой, он был приглашен к столу, после которого ему было позволено осмотреть императорские драгоценности. Граф Мотье-Поль-Луи де Монморанси-Лаваль (1748–1809) был полковником пехотного Овернского полка.

308. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 21.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 59.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 113.

Производство в чины приурочивалось к праздничным датам: дню рождения императрицы (21 апреля), дню восшествия на престол (28 июня), дню коронации (22 сентября). Условно письмо отнесено к дням, предшествующим 21.IV.1775. Год назад, когда при дворе находились братья Орловы, такое поручение Потемкину, делавшему первые шаги при дворе, кажется слишком вызывающим.

309. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 21.IV.1775

Автограф. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 49.
Публикация – *СБК*. Т. 2. Примеч. к с. 104.

О сбавке цены с соли см. письмо № 301 и примеч. к нему.

310. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 21.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 130.

[1] *Вел[икий] Кн[язь] был у меня и сказал,.. что на него и на Вел[икой] Кня[гине] долг опять есть.* – Жене наследника престола ежегодно отпускалось по 50 тысяч рублей. Екатерина в письмах Гримму откровенно писала о своем недовольстве характером великой княгини: "крайности во всем", не выучилась "ни слова говорить по-русски" (*СБРИО*. Т. 23. С. 12). К этому прибавилось неумение распоряжаться отпускаемыми ей деньгами. Вся сцена с наследником, о которой Екатерина рассказывает Потемкину, подтверждает наблюдания иностранных дипломатов о характере великого князя и его жены. По словам маркиза Жюинье, исполнявшего обязанности французского посланника, "у Великого Князя не сложился еще характер, что и нетрудно заметить. Великая Княгиня зрелее его, но оба не любят русских и не довольно скрывают это, чем ослабляется несколько общественное к ним уважение" (*РА*. 1911. № 5. С. 33).

[2] "*Он говорил, что дорога им дорого стала.* – Павел Петрович сетует на дороговизну переезда в Москву. Екатерина пытается разубедить сына, но он настаивает на своем и просит 20 тысяч рублей.

[3] "*Говори Ан[дрею] Ра[зумовскому], что[б] мотовство унял...* – Об отношениях графа Андрея Разумовского к малому двору см. письма №№ 21, 121 и примеч. к ним. За высказываемым в письме раздражением таится постоянная настороженность императрицы относительно сына – законного претендента на власть. Нужда в деньгах (она знает это по собственному опыту) часто приводит к сближению с дельцами большой политики – с дипломатами, агентами иностранных держав. Сама Екатерина в молодости занимала деньги у английского посланника Чарлза Уильямса, заверяя его в наличии сильной партии своих сторонников.

311. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 152.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 108.

Екатерина, не сумевшая переубедить сына в личной беседе, хочет прибегнуть к помощи Андрея Разумовского, отношения которого к жене наследника ей хорошо известны.

312. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1775

Автограф *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 249.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 110.

[1] *Дюран* – полномочный министр Франции при русском дворе был сменен в августе 1775 г. маркизом Жюинье. Перехват и расшифровка дипломатической почты широ-

ко практиковались в Европе. Россия на отставала в этом деле от других. Возможно, речь идет о долгах великого князя, о которых в своих письмах (депешах) Дюран донес своему правительству.

[2] *Пишешь, Г[раф] С[ольмс] – дур[ак].* – Прусский посланник граф Сольмс не пользовался репутацией умного человека. Расшифровка этой фразы условна. Екатерина хочет сказать, что она знает о долгах сына (и невестки) только из писем Дюрана, а Потемкин ссылается на дурака графа Сольмса. В литературе приводятся сведения о подкупе французским и испанским посланниками Андрея Разумовского, который через великую княгиню должен был действовать на наследника престола (см. *РБС*. Т. 11. С. 119).

313. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 18.
Публикуется впервые.

[1] *Буде письмо невинное могло зделать скаредному моему Ц[есаревичу] наивящее попотение...* – О каком письме Павлу Петровичу идет речь, сказать трудно, но скорее всего Екатерина либо сама, либо через кого-то высказала сыну свое мнение о его долгах. Письмо вызвало негативную реакцию.

[2] *...приложенный указ... должен пресечь всякое скаредное и неистовое подозрение и восстановить справедливость мысли.* – В делах И.П. Елагина хранится черновик указа Екатерины II – "Нашей Статс-канторе", в котором говорилось, что из сумм "сына Нашего Вел[икого] Кн[язя] Павла Петр[овича] отпускалось в Московский воспитательный дом ежегодно двадцать тысяч рублей; в Воскресенский новодевичий монастырь на воспитание благородных девиц тысяча триста восемьдесят шесть рублев; и на содержание здесь оспенного дома две тысячи пятьсот рублев, всего двадцать три тысячи восемьсот восемьдесят шесть рублев. Ныне же повелеваем Нашей статс-канторе выплачивать ежегодно сию сумму от имени Его Высочества в вышеописанные места, а к любезному же сыну Нашему повелеваем отпускать определенную ему сумму сполна, то есть сто двадцать тысяч рублей ежегодно..." (*РГАДА*. Ф. 5. Д. 88. Л. 49. Автограф Екатерины II). Взяв на себя выплату от имени Павла Петровича указанных сумм, императрица хочет снять напряжение в своих отношениях с сыном из-за его долгов и в то же время дает ему понять, что потакать ему и его жене в уплате их долгов она не собирается.

314. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 362.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 115.

21.IV в Москве торжественно был отмечен день рождения императрицы. Проповедь произнес московский архиепископ Платон. Екатерину поздравил архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (первоприсутствующий в Синоде). На Красной площади был произведен артиллерийский салют из 101 выстрела.

Прием и бал состоялись в Пречистенском дворце. Бал открыли Их Императорские Высочества. Екатерина не танцевала. Во все продолжение бала она провела за игрой в карты с знатным генералитетом и чужестранными министрами. На императрице было широкое русское платье (*КФЖ*). Она, любившая танцевать (осенью 1775 г. ее можно видеть танцующей на балах и маскарадах), не танцует, а

проводит вечер за игрой в карты. Но это были веские причины: Екатерина на шестом месяце беременности (о рождении дочери – см. примеч. к письму № 338).

[1] *Портрет я тебе дам в мирное торжество.* – Осыпанный бриллиантами миниатюрный портрет императрицы Потемкин действительно получил в мирное торжество 10.VII.1775 г. Эта фраза, кстати говоря, позволяет датировать письмо. В 1774 г. в день рождения Екатерины никто не знал, когда удастся прекратить войну с Портой и погасить возмущение внутри страны. Потемкин мог просить о портрете, ибо такой портрет носил Г.Г. Орлов, который в то самое время, когда двор отправился в Москву, отбыл в заграничное путешествие, продлившееся более года.

315. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1775

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 137. № 125б. Л. 4.
Публикуется впервые.

[1] *При сем прилагаю издание И.И. Бецкого, из которого увидите его нынешнее ума положение.* – В 1774 г. в Петербурге было издано педагогическое произведение Бецкого "Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания обоего пола юношества". На французском языке оно вышло в Амстердаме несколько раньше. Екатерина, ознакомившись с книжкой Бецкого, нашла, что он использовал работу немецкого педагога Байера, посвятившего ее своей родной Вестфалии. Но то, что хорошо для одной страны, может быть непригодным для другой. Ее критическое отношение к идеям Бецкого усиливалось с годами. В настоящем письме явно сквозит недовольство Бецким, которое вызвано посещением Московского воспитательного дома 24.IV.1775 Императрица высказала Бецкому начистоту свое мнение о плохом содержании и уходе за детьми (см. *РС*. 1886. Т. 88. С. 404).

[2] *Тут, чаю, входит и то, что Настасия ныне англозировалась.* – *Анастасия Ивановна Соколова* (1745–1822) считалась приемной дочерью Бецкого (очевидно его внебрачный ребенок). Она жила в его доме и воспитывалась в духе модных идей просветителей. В течение 14-ти лет была камер-юнгферой императрицы до своего замужества (брак с подполковником Иосифом де Рибасом состоялся в присутствии Екатерины II 27.V.1776 г.). К чему привело "модное воспитание" Настасьи, свидетельствует в своем дневнике сын Екатерины II и Г.Г. Орлова Алексей Бобринский, воспитанием которого также руководил Бецкой. (Когда мальчик поступил в кадетский корпус, его непосредственным руководителем стал Рибас). Бобринский писал о гневливости "Рибасши" на императрицу, ее ненависти к русским, о ее вспыльчивом характере, остром уме и язвительном языке, за что ее не любили в обществе (см. *Старые годы*, 1916, октябрь–декабрь. С. 62–63).

316. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.IV.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 38
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 387.

Потемкин был в дружеских отношениях с князем Николаем Васильевичем *Репниным* (1734–1801), отличавшимся вспыльчивым характером и надменным нравом. К настоящему письму приложена записка Репнина Потемкину: "Брат мой вчерась пред полуночию умер. Я, мой друг, здесь прилагаю его патент и крест, коих он, конечно, был достоин. Желая же хоть после смерти, хоть зная, что ему уже ничего не надо, отдать последний долг, прошу испросить мне Ея Величества позволение его прово-

дить в Боровской монастырь, где весь наш род погребается. Я в сей дороге не более буду дней четырех. У Репниных особая там усыпальница" (*СБРИО*. Т. 42, примеч. 3 на с. 387). Благодаря своим родственным связям Репнин сделал блестящую карьеру. В 26 лет он уже имел чин генерал-майора и был представителем России при главной квартире прусского короля Фридриха II. При поддержке Н.И. Панина был назначен полномочным министром в Польшу и добился избрания Станислава Августа Понятовского королем. Вмешательство Репнина во внутренние дела поляков, охваченных новой смутой, возбудили против него сильную неприязнь. Проделав под начальством Румянцева блестящую кампанию 1770 г. (награжден Георгием 2-ой степени), Репнин в 1771 г. обиделся на замечание фельдмаршала, требовавшего решительным преследованием противника закреплять победу, и покинул армию. Два года провел за границей "на водах". В 1774 г. вернулся в армию и подписал (по поручению Румянцева) Кучук-Кайнарджийский мирный договор. Награжден чином генерал-аншефа. Осенью 1774 г. он был послан на замену тяжело заболевшего фельдмаршала Румянцева, но в конце года вернулся в Петербург. Императрица назначила Репнина чрезвычайным послом и полномочным министром в Турцию. На него возлагалась ответственная миссия: вручить султану ратифицированный Екатериной мирный трактат и добиться невмешательства Порты в дела Крыма. Рескриптом от 24.IV.1775 князю Репнину было объявлено об отправлении посольства. В это время умер его младший брат полковник князь Петр Васильевич Репнин (1744–1775), имя которого даже не упоминается в некоторых родословных сборниках. Судьба его примечательна. 17.V.1773 молодой князь Репнин во главе небольшого отряда, на двух судах, был послан для атаки турецкого поста на Дунае, ниже Рущука. Противнику (силы которого оказались значительнее, чем предполагалось) удалось повредить суда и окружить отряд. После упорного боя раненый Репнин, несколько офицеров и почти весь отряд попали в плен. Для турок, терпевших поражения, пленение брата знаменитого генерала князя Репнина было событием. Все попытки главнокомандующего Румянцева обменять Петра Васильевича на знатных турецких пленных были безрезультатны. В его судьбе принимали участие боевые генералы армии: Потемкин, граф Иван Салтыков, Суворов. Последний, много лет спустя, приводил случай гибели отряда Репнина, как пример недооценки штыкового боя. Князь был увезен в Царьград и лишь в конце года был освобожден благодаря усилиям французского посла. Через Венецию, Австрию, Польшу он возвращался в Россию и в письме из Варшавы от 22.VI.1774 благодарил Потемкина за дружбу и участие, выражая надежду на то, что доктора помогут ему в излечении ран (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 59. Ч. 1. Л. 27–27об). Надежде не суждено было сбыться. Репнин-старший, отправляясь в Царьград послом, похоронил брата в родовой усыпальнице в Пафнутьево-Боровском монастыре.

317. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 1.V.1775

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 1. Л. 79.
Публикация – *Лебедев*. С. 121.

Датируется на основании письма Потемкина графу П.И. Панину от 1.V.1775. "Имев счастие докладывать Ее Императорскому Величеству по письму Вашего Сиятельства и подносить к Высочайшему Ея прочтению заготовленные от Вас господину Генерал-Поручику Суворову о Оренбургской экспедиции пограничных дел резолюции, которые Ее Императорские Величество соизволили найтить достаточными" (*РА*. 1876. Кн. 2. С. 43). Очевидно, Панин, ссылаясь на рапорт Суворова о ненадежности баш-

кир, пытался продлить свои полномочия, но императрица не нашла для этого оснований.

[1] *Из вышеписанных строк вычернила я речи церемониальные.* – В тексте Потемкина зачеркнуто слово "Вы".

318. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 7.V.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 38.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 389.

С продвижением границы империи на юг Запорожское войско оказалось внутри страны. Поселенцы, направляемые при поддержке правительства в малонаселенный, пустынный край (еще по Белградскому мирному договору 1739 г. Порта признала земли по нижнему течению Днепра принадлежащими России), стали подвергаться грабежу и насилиям со стороны запорожских казаков. Сама вольница не раз меняла местоположение Сечи (своего укрепленного лагеря) из-за татарских набегов. Согласно обычаю запорожцы не обременяли себя семьями, вели походный образ жизни. Все население Сечи насчитывало не более 60 тысяч человек (войско, вышедшие из него казаки, которые обзавелись семьями, крестьяне и пр.) – крайне незначительное для обширной территории, на которую претендовало войско (*Дружинина*. С. 50). Сильный урон запорожцам нанес последний набег хана в 1769 г. Когда шла война с турками, Потемкин не раз мог убедиться в боевых качествах служивших под его начальством запорожцев. Он сам был принят в казаки под именем Грицка Нечесы. После войны, назначенный генерал-губернатором Новороссии, Потемкин столкнулся с многочисленными жалобами жителей губернии на бесчинства запорожцев. В Новороссии в 1774 г. насчитывалось 158 тысяч жителей, а у войска до 50 тысяч захваченных ими поселян. Государственные интересы требовали обуздать анархию степного лыцарства. 22.III.1775 императрица поручила фельдмаршалу Румянцеву подготовить военные меры против казачьей вольницы. "Запорожцы столько причинили обид и разорения жителям Новороссийской губернии, что превосходит все терпение, – писала Екатерина. – Смирить их, конечно должно, и я непременно то сделать намерена..." (*СА*. 1822. Ч. 2. № 7–12. С. 414). 7.V.1775 Совет при императрице признал необходимым "истребить кош запорожских казаков, как гнездо их своевольств, и, усмиря их, учредить над ними начальство" (*АГС*. Т. 1. Ч. 2. С. 222).

4.VI.1775 войска генерала Текелли без сопротивления заняли Сечь. Жители и земли Запорожской Сечи вошли в состав Новороссийской губернии. Манифест об уничтожении Сечи был обнародован 3.VIII.1775 г.

319. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 9.V.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 306.
Публикация – *ВИ*. 1989, № 12. С. 108.

29.IV императрица, наследник с женой и небольшая свита переехали из Москвы в с. Коломенское, в загородный дворец. 9.V в день Св. Николая Чудотворца Екатерина II в сопровождении архиепископов Гавриила, Платона, Иннокентия совершила шествие к "Троице на Перерве", в Никольский монастырь (в двух верстах от Коломенского). Представленные Платоном семинаристы говорили "на разных диалектах речи". В тот же день императрица вернулась в Коломенское. "Парашей" она звала графиню П.А. Брюс, находившуюся в ее свите. "Никола", скорее всего, Николай Иванович Салтыков, упомянутый несколько раз в эти дни в *КФЖ*.

320. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 20.V.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 46.
Публикация – *ВИ*. 1989, № 8. С. 111.

18.V императрица со свитой отправилась в Троице-Сергиеву лавру. 19-го, переночевав в с. Тайнинском, переехала в д. Куракино, 20-го в Братовщину. В этот день Екатерина прошла пешком 4 версты до Пушкино, отдохнула и снова прошла 2 версты до д. Протасово, где села в карету. Она сообщает о своем подвиге Потемкину. Ведь ее беременность хранится в тайне. До рождения дочери остается два месяца.

321. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 20.V.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 10.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 393.

13.V.1775 г. П.А. Румянцев в ордере полковнику Х.И. Петерсону, русскому поверенному в делах при дворе султана, сообщил, что он получил его рапорт и два письма Верховного везира о возведении ханом в Крыму Девлет-Гирея. Румянцев потребовал узнать, почему турецкие подарки новому хану превосходят подарки Сагиб-Гирею (заключившему мирный договор с Россией) и предложил использовать австрийско-турецкий конфликт в интересах России (*ПКР*. Т. 1. С. 30).

[1] *Это штука Девлет-Гирея, чтоб более иметь дохода.* – Очевидно, речь идет не о Балте, а о татарском пограничном местечке Галта. Хан мог переманивать туда из Польши торговых людей, чтобы иметь более дохода от таможенных пошлин.

[2] *Мельгунову о сем изъяснение подавать надоть. – Алексей Петрович Мельгунов* (1722–1788) – президент камер-коллегии, был Новороссийским губернатором. Впоследствии генерал-губернатор в Ярославле. Считался крупным администратором, знатоком финансов и вопросов, связанных с образованием.

322. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 24.V.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 310.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 17.

[1] *...какой-то злодей Метелька.* – Еще зимой 1775 г. в Поволжье шла молва о "народном заступнике Пометайле", который якобы продолжит дело Пугачева. 24.V.1775 г. последовал приказ графа П.И. Панина (в сходстве с указом Военной коллегии) о появившейся в Астраханском крае "воровской шайки Метельки Железного лба" и о мерах к ее истреблению. Запрещалось под страхом наказания распространять слухи о "Метельке", оказавшемся пугачевским атаманом Иваном Заметаевым. Его шайка (на больших лодках) разбойничала на Нижней Волге, под Гурьевым, ходила даже в Туркмению. Летом 1775 г. атаман и его сообщники были пойманы и приговорены к битью кнутом в местах совершения разбоя (были засечены до смерти) (см. *РА*. 1914. № 6. С. 196–197).

323. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V–VI.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 16.
Публикуется впервые.

[1] *...Петр Кирил[лович] увез Черторижскую и обвенчался с ней сего дня.* – Граф Петр Кириллович *Разумовский* (1751–1823), полковник, против воли отца женился на вдове бывшего флигель-адъютанта Петра III генерал-майора Чарторижского Софье Степановне (урожд. Ушаковой 1746–1803).

"Я узнал, что выбор графа Петра Разумовского пал на молодую вдову, которая прежде, или даже в последнее время, была любовницей Великого Князя, встречавшегося с нею у графа Панина. В этом и кроется главная причина противодействия Гетмана этому браку его сына. Великий Князь сделал им свадебный подарок в 30 000 рублей", – записывает 12/23.V.1776 г. в своем дневнике французский дипломат Корберон, друживший с графом Андреем Разумовским. (*РА*. 1911. № 5. С. 75). У Софьи Чарторижской был сын от Павла Петровича Семен Великий (1772–1796), умерший во время стажировки на английском флоте. В письме к Потемкину от 21.VI.1775 г. Петр Разумовский просил об отпуске из-за болезни жены и умолял помирить его с отцом (*РГВИА*, Ф. 52, Оп. 1, Д. 59. Ч. 1. Л. 145–146). Большая щеголиха, недалекого ума и слабого здоровья Софья Разумовская (старый граф звал ее "картузной бабой"), получив прощение свекра, большей частью жила с мужем за границей.

324. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V–VI.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 29.
Публикация – *СБК*. Т. 2. Примеч. к с . 104.

4.VI.1775 императрица вернулась из Лавры в с. Коломенское. Потемкин и граф К.Г. Разумовский постоянно обедают с ней (*КФЖ*).

[1] *Батько, письмо твое я получила.* – Не разыскано. Екатерина, ждущая ребенка, проводит время в Коломенском, совершая редкие выезды в Черную Грязь, в столицу.

[2] *Батько, спроси у Гагарина, каким цветом юбка Демидовой была та, из которой она в церкви выпорола полотнище для подножия при венчании Пет[ра] Кир[илловича]? – Гагарин* Сергей Васильевич (1713–1782) – князь, действительный тайный советник, сенатор. После своей отставки в 1773 управлял имениями императрицы под Коломной и Тулой. Знаменитый мемуарист А.Т. Болотов отзывается о нем, как о прекрасном человеке и начальнике. При большом и малом дворе Гагарин был постоянной мишенью для острот. Но, может быть, речь идет о его сыне князе Сергее Сергеевиче (1745–1798), служившем по гражданской части в Москве. Он показан в *КФЖ* на обеде в Коломенском 8.VI.1775. Впоследствии имел чин действительного тайного советника и звание гофмейстера.

Демидова Александра Евтихиевна (урожд. Сафонова – 1745–1778) – третья жена статского советника, заводчика Никиты Акинфовича Демидова, известного любителя искусств, почетного члена Академии художеств. В 1773 супруги возвратились из заграничного путешествия, в котором их спутником был Ф.И. Шубин, создавший скульптурные портреты четы Демидовых. Очевидно, во время тайного венчания Разумовского с Чарторижской не нашлось "подножия" – цветного коврика, на который встают брачующиеся. Демидова, бывшая свидетельницей, пожертвовала своей юбкой.

325. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 3.VI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 121.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 99.

Екатерина II провела в Троице-Сергиевой Лавре пять дней, с 29.V по 3.VI, участвовала в церковных службах, длившихся по нескольку часов. Она на последнем месяце беременности и ее раздражение легко объяснимо (см. письма № 328, 333).

326. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 6.VI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 101.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 124.

[1] *Я думаю Степанова выслать из гвардии... напольным капитаном.* – Капитан-поручик лейб-гвардии Семеновского полка Александр Степанов за какую-то провинность был предан суду. 6.VI.1775 г. подполковник Семеновского полка граф. Я.А. Брюс донес об исполнении приговора. Учитывая прежнюю службу Степанова во время Чумного бунта, императрица ограничилась выпуском его из гвардии "напольным капитаном", т. е. в полевые войска. Армейский чин капитана соответствовал чину поручика гвардии, следовательно, Степанов в наказание был понижен на один чин. В чем состояло его преступление, узнать не удалось. Но, возможно, на приговоре сказалось заступничество Потемкина, получившего 17.V.1775 г. слезное письмо матери Степанова (вдовы с малолетними детьми), умолявшей о помощи "нещастному сыну" (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1, Д. 946. Ч. 3. Л. 328–329об.).

327. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 8.VI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 39.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 110.

Высказываем предположение о том, что письмо написано в годовщину тайного венчания императрицы с Потемкиным. В понедельник 8.VI.1775 г. Екатерина II в Коломенском приняла приехавшую из Петербурга графиню А.А. Чернышеву. На обеде среди присутствующих Потемкин, К.Г. Разумовский, братья Панины, З.Г. Чернышев, Н.М. Голицын, его двоюродный брат бывший вице-канцлер А.М. Голицын и другие лица.

На другой день императрица в карете едет в деревню князя Кантемира "Черную грязь", которая так ей понравилась, что она, купив деревню, решила построить в живописном месте роскошный подмосковный дворец, а само место переименовать в Царицыно. Но ни В.И. Баженову, ни М.Ф. Казакову не удалось довести строительство до конца. Величественные руины Большого дворца и по сей день производят огромное впечатление на знатоков и любителей искусства.

328. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 15.VI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 30.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 133.

Письмо, от которого веет грустью и одиночеством, так поразило историка Я.Л. Барскова, что он не решился признать в авторе саму императрицу. Автограф, без сомнения, принадлежит Екатерине II, приписка – Потемкину. Шутливый прием ис-

пользования условных знаков в виде "арабской вязи" встречается и в других письмах (см. письмо 462).

В воскресенье 14.VI в Пречистенском дворце состоялся большой прием по случаю дня рождения великой княгини. Из-за болезни Натальи Алексеевны (она и Павел Петрович отсутствуют) праздник прошел невесело. На другой день, посетив больную, государыня дала аудиенцию английскому посланнику Гуннингу, сообщившему о смерти сестры Георга III – бывшей датской королевы Каролины-Матильды. Екатерина объявила четырехнедельный траур. Она живет в Коломенском, изредка наезжая в Москву. Среди ее постоянных спутниц – Брюсша. Потемкин бывает на обедах через день-два. Императрица ведет переписку с фельдмаршалом князем А.М. Голицыным, который допрашивает в Петропавловской крепости "княжну Тараканову". Контр-адмирал С.К. Грейг, доставивший ее в Кронштадт, 13.VI был лично принят императрицей и сообщил ей сведения о самозванке.

329. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 20.VI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 81.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 118.

14 июня императрица дала отпускную аудиенцию министру шведского короля графу Левенгаупту, неделей ранее вручившего ей письмо Густава III о его благополучном прибытии в области, пограничные с Российской империей. С ответом был послан граф А.П. Шувалов.

330. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 28.VI.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 11.
Публикация – *СБК*. Т. 2, примеч. к с. 103.

Редкий образец записочек Потемкина императрице, со дня на день ждущей родов. Как уже отмечалось, представление списка офицеров, которым следует чин полковника, позволяет отнести записку к дням, непосредственно предшествующим 28 июня 1775 г. – дню восшествия на престол.

331. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 159.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 108.

Я.Л. Барсков в своих примечаниях сообщает, что Екатерина "неоднократно дарила Дарье Васильевне Потемкиной разные ценные вещи – часы, перовники, флакончики в футляре, табакерку из кости, портрет, осыпанный бриллиантами".

332. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 4.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 38.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 110.

Княгиня Мария Семеновна Голицына (вдова служившего в Конной гвардии офицера) в письме Потемкину от 4.VII просила "по короткой дружбе с ее мужем" помочь заплатить долги (у нее четыре дочери-девицы, не считая пятой – замужней) (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 946. Ч. 2. Л. 50).

333. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 259.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 112.

В воскресенье 5.VII на лугу под Коломенском Екатерина (с Их Императорскими Высочествами) присутствовала на смотру 1-го и 3-его гренадерских полков, отличившихся в турецкой войне. Полками командовал бригадир граф. С.Р. Воронцов. Полки маршем пошли в Москву, а императрица посетила церковь в деревне Черная Грязь и отстояла литургию. Она была в армейском мундире (специально для Екатерины были пошиты "мундирные платья" всех гвардейских полков и некоторых армейских).

Потемкин все дни, предшествовавшие празднованию мира, занят подготовкой торжеств, размещением полков, устройством фейерверка.

334. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 8.VII.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 39.
Публикуется впервые.

[1] *...по спискам Бибикова нельзя Фельдм*[*аршалу*] *остаться в том доме.* – Перенесший осенью 1774 г. тяжелую болезнь, фельдмаршал П.А. Румянцев, герой минувшей войны, медленно ехал с юга в Москву. Императрица была озабочена поисками дома, в котором мог бы остановиться прославленный полководец. У Румянцева был свой собственный дом в Москве (на Маросейке), но он жил отдельно от своей жены. Очевидно, предполагалось нанять для Румянцева дом А.И. Бибикова, но здание оказалось запущенным и малопригодным для жилья.

[2] *Григо*[*рий*] *Ни*[*китич*] *говорит, что Дармштадский где жил поедет осмотрит.* – Гофмаршал Г.Н. Орлов должен был осмотреть дом, в котором год назад жил брат великой княгини принц Людвиг Дармштадтский.

335. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 8.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 34.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27, С. 43–44.

В честь Румянцева были выстроены Триумфальные ворота, через которые он должен был проехать. Сохранилась записочка Потемкина фельдмаршалу, написанная накануне его въезда в Москву. "Ежели Вы, батюшка, намерены ночевать в Лобазне (Лопасне. – *В.Л.*), то к обеду мы Вас ожидать будем в Чертанове, где и шатер готов. Покорнейший и вернейший слуга Г. Потемкин" (Автограф. – *РГБ*. Ф. 235. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 2).

Во вторник 6.VII Екатерина с наследником и его женой возвращается из Коломенского в Москву. 8.VII она не выходит из своих покоев. Дежурный генерал-адъютант Потемкин встречает Румянцева и проводит его в покои императрицы. Затем фельдмаршал посещает "Их Императорские Высочества", после чего заходит в комнаты Потемкина и отбывает "в назначенный для жительства Его Сиятельства дом" (*КФЖ*).

336. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 10.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 465.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 42.

Среди бумаг Потемкина сохранилось собственноручное повеление Екатерины II о награждении главных героев наступающего праздника: П.А. Румянцева, В.М. Долгорукова, А.Г. Орлова, А.М. Голицына и П.И. Панина – генералов, командовавших во время минувшей войны армиями, и предводителя флота Орлова (см. *СБРИО*. Т. 27. С. 42–43).

337. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 10.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 82.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 119.

[1] *...не луче ли будет, как Каменскому по штатутам надлежит Георгий второго класса, дать ему при том шпагу, нежели двух лент вдруг*. – *Каменский* Михаил Федотович (1738–1809) – генерал-поручик. Участник Семилетней войны. В русско-турецкой войне за отличия был награжден Георгием 4-ой и 3-ей степени. В кампании 1774 г. командовал корпусом, который Румянцев (вместе с корпусом Суворова) направил за Дунай, поставив перед ним решительные задачи – разгромить живую силу неприятеля. Каменский, будучи моложе Суворова, получил свой чин раньше него, следовательно, имел старшинство. Он был вынужден жаловаться Румянцеву на Суворова, не желавшего подчиняться "мальчишке". В сражении при Козлудже 9.VII.1774, оказавшем решающее влияние на прекращение войны, главная роль принадлежала Суворову, но Каменский изобразил в своем донесении его победу, как действия своего подчиненного. Конфликт между генералами так обострился, что Суворов был вынужден самовольно покинуть (сославшись на болезнь) армию. Румянцев не стал разбираться в конфликте и лавры победы достались Каменскому. Он был награжден орденами Александра Невского и Георгия 2-ой степени. Суворов при торжестве мира получил богато украшенную шпагу и никогда не забывал нанесенной ему обиды. История расставила все точки над "и". Каменский при Павле I получил чин фельдмаршала, но так и не сумел подтвердить своей репутации военачальника. Отличавшийся вспыльчивым и жестоким характером он был убит своими крепостными (см. отзывы о нем письмах № 1136, 1138).

338 ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 10.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 161.
Публикация – *ВИ*. 1989. № 9. С. 108.

Накануне дня мирного торжества – 10 июля – Потемкин получил из с. Чижево, в котором он родился, письмо. "Батюшка, Милостивый Государь Григорий Александрович! – писал его шурин, ротмистр смоленской шляхты В.А. Энгельгардт. – Об етом горестном и нещасном случае я к вам, Батюшка, и писать не смею. А только приношу мою чувствительную благодарность за милость вашу к оставшим, сущим без призрения, сиротам, которым прошу быть милостивым и заступить Марфы Александровны место, вспоминая ее к вам (слово не разобрано) и любовь. По приказанию вашему я их к матушке пришлю" (письмо от 5.VII.1775 г. Автограф. – *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 946. Ч. 5. Л. 595).

После смерти старшей сестры Потемкина Марфы Александровны на руках у ее мужа Василия Андреевича Энгельгардт осталось пять дочерей (старшая Анна была уже замужем, а сын Василий служил офицером в армии): Александра (21 года), Варвара (18 лет), Надежда (16 лет), Екатерина (14 лет) и Татьяна (8 лет). 10.VII.1775 фрейлиной стала Александра. Ее сестры тоже получили фрейлинский шифр: Екатерина в 1776, Варвара в 1777, Надежда в 1779 и Татьяна в 1781.

Торжество мира всенародно праздновалось в Москве. Оно подробно описано в Камер-фурьерском церемониальном журнале. 9.VII.1775 государыня отстояла всенощную в Успенском соборе. Утром 10-го царский поезд торжественно прошествовал от Пречистенских ворот в Кремль. Вдоль улиц стояли войска, толпился народ. В 10 часов Екатерина II в малой императорской короне и пурпурной мантии, подбитой горностаем, проследовала в Успенский собор. По левую руку шел Румянцев, по правую – дежурный генерал-адъютант Потемкин. Пурпурный балдахин над императрицей поддерживали 4 генерал-поручика и 8 генерал-майоров. Ее шлейф несли кавалергарды в богатых мундирах (красное с золотом), в серебряных шлемах, украшенных страусовыми перьями. В свите находились генерал-фельдмаршалы Разумовский и Чернышев, братья Панины, другие важные лица. Звонили колокола. У входа в собор Екатерину встретило духовенство во главе с преосвященным Гавриилом. После торжественного молебствия процессия проследовала в Грановитую палату, где состоялась церемония награждения военных и штатских лиц. Государыня восседала на троне в окружении 4 генерал-фельдмаршалов. Потемкин был пожалован в графы. Он получил также богато украшенную шпагу и осыпанный алмазами портрет императрицы для ношения на груди.

Во время шествия в Кремль и обратно к Пречистенским воротам в народ бросали серебряные и медные монеты. На площадях было выставлено питье и угощение. Праздники должны были длиться две недели. Большое народное гуляние предполагалось устроить на Ходынском поле, где архитекторами В.И. Баженовым и М.Ф. Казаковым были сооружены павильоны, представлявшие "на твердой земле Черное море со всеми приобретениями России" (письмо Екатерины II госпоже Бьельке от 30.VI.1775. – *СБРИО*. Т. 27. С. 44–45). Неожиданно для всех 12.VII было объявлено, что торжество на Ходынке в связи с болезнью императрицы переносится на 21-ое число. В письмах к Гримму, госпоже Бьельке, лифляндскому генерал-губернатору графу Ю.Ю. Броуну Екатерина шутливо писала (для предотвращения ложных слухов дома и за границей) о том, что у нее была дизентерия, которую удалось вылечить кровопусканием. Письмо И.И. Бецкого императрице от 21.VII.1775 из Петербурга дает представление о вызванной этой внезапной болезнью тревоге: "Я не в силах выразить овладевшее нами удручающее беспокойство. Признаюсь Вам, я был даже готов сам ехать в Москву; первое известие было не настолько удовлетворительно, чтобы меня успокоить. Слава Богу, теперь мы вздохнули... я дрожу еще и теперь при одной мысли..." (*РС*, 1896, № 88. С. 412). До 18.VII Екатерина не выходила из внутренних покоев Пречистенского дворца. Торжества были прерваны рождением дочери (скорее всего – 12.VII), названной в честь покойной императрицы Елизаветой. Девочка росла в семье А.Н. Самойлова. Ее имя ни разу не встречается в переписке Екатерины и Потемкина. Хотя в середине XIX в. о Елизавете Григорьевне Темкиной (в замужестве Калагеорги) знали, что она дочь Потемкина, но кто была ее мать, не знали. Расточительная и непрактичная Елизавета Григорьевна не оставила детям (шесть или семь сыновей и дочерей) большого наследства. В конце XIX в. один из ее внуков продал в частные руки два портрета Темкиной кисти В.Л. Боровиковского. Потомство Екатерины и Потемкина существует и поныне, за границей.

339. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 137.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 102.

340. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 354.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 113.

Жетоны и медали были выбиты к празднованию Кучук-Кайнарджийского мира. Скорее всего, Екатерина пишет эту маленькую записочку в дни, когда после рождения дочери она проводит все время во внутренних покоях Пречистенского дворца.

341. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 26.VII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 15.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 128.

[1] *Завадовский Петр Васильевич* (1739–1812), полковник, сын зажиточного землевладельца Черниговской губернии. Окончил Киевскую духовную академию (одно из лучших учебных заведений тех лет), поступил в Малороссийскую коллегию в Глухове еще при гетмане К.Г. Разумовском. Выдвинулся своими способностями при П.А. Румянцеве, сделавшись правителем его секретной канцелярии. Участник русско-турецкой войны. Румянцев очень ценил Завадовского и его друга А.А. Безбородко. Потемкин по совету Румянцева выдвинул Завадовского на ответственный пост статс-секретаря императрицы. В большом, льстивом письме Завадовский называл Потемкина "великодушным милостивцем", клялся в своей верности и усердии своему "покровителю", мечтая о времени, когда он "сможет поцеловать руки своего несравненного благодетеля". Он просил оставить ему военный чин "по его недостатку", ибо "мундир гораздо дешевле обходится, как собственных кафтанов число не единственное" (Автограф. *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 871. Л. 1–2).

Завадовский прибыл в Москву вместе с Румянцевым. Первый раз он упомянут в *КФЖ* среди участников воскресного обеда в Царицыне 26.VII. С конца сентября Завадовский почти каждый день присутствует за царским столом. Потемкин не мог и предположить, что заискивающий перед ним Завадовский станет его соперником. О дальнейшей судьбе Завадовского см. примеч. к письмам № 496, 654, 658.

[2] *...об деле Сапожевском.* – В это время Воронежский губернатор И.А. Потапов расследовал дело о взяточничестве и других злоупотреблениях воеводы Л. Халкедонского из маленького городка Сапожки.

342. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 32–32об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7, С. 133.

Праздник "Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня" приходится на 1 августа.

[1] *Прошу о сем ясно сказать, как луче, а отнюдь не ответствовать, как благоугодно Вам...* – Императрица выговаривает Потемкину за небрежность, допущенную во

время посещения Лавры, когда ее карета оказалась впереди крестного хода. Обращает внимание просьба "не гневаться", "ответствовать без гнева". Это первые признаки надвигающейся размолвки. О смотре полка в Коломенском см. примеч. к письму № 345.

343. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 92–92об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 404–405.

[1] *Долгоруков* Василий Владимирович (1738–1782) – князь, генерал-майор в отставке. Участник Семилетней и русско-турецкой войн. В 1773 г. был дежурным генералом штаба фельдмаршала Румянцева. Послан в Петербург доложить императрице нужды армии. Эту миссию выполнил Потемкин. Долгоруков поселился в Москве. 1.VIII.1775 он написал взволнованное письмо своему бывшему сослуживцу и просил Потемкина заступиться за него перед государыней, которая прогневалась на него "по объявлению графа Апраксина, что он имел свидание с Елизаветой Кирилловной у меня в деревне. Обложь оно или нет, в сем, что есть святова, уверяю, что как и прежде Вам сказывал, что с первого дни и до последнего его у меня пребывания никак в его дела не входил..." (Автограф. – *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 946. Ч. 1. Л. 175).

Гнев Екатерины был вызван тем, что граф Апраксин (несмотря на запрещение встречаться с графиней Е.К. Разумовской) по выходе из крепости (см. примеч. к письму № 285) виделся с ней, а затем последовал за ней в Москву. Как следует из показаний Апраксина (дело "О генерал-поручике графе Петре Апраксине, увезшем дочь графа Разумовского" хранится в *РГАДА*. Ф. 7. Д. 2410), и старшая сестра Елизаветы Кирилловны Н.К. Загряжская, и племянница старого графа Софья Осиповна Апраксина (жена покойного брата "похитителя", жившая в доме Разумовских), и даже сам Потемкин советовали молодой женщине тайно обвенчаться, покрыть грех и поставить отца перед свершившимся фактом. Венчание состоялось в одной из подмосковных церквей 10.VII.1775, когда вся Москва праздновала торжество мира. Елизавета Разумовская вернулась в дом отца. "Болезнь" императрицы и вызванная заминка в торжествах подали Апраксину и его жене мысль покинуть столицу и некоторое время пожить в отдаленной смоленской деревне у друга генерала, дожидаясь пока не уймется гнев Разумовского-отца. Екатерине, еще не оправившейся от родов, пришлось заниматься этим громким делом. Она приказывает генерал-губернаторам изловить беглецов, Апраксина арестовать, Елизавету вернуть отцу. Но тот был вне себя от гнева и отрекся от дочери. Апраксин был отправлен в монастырь, в Тобольск, на покаяние. Его жена – в Новодевичий. Потемкин принял участие в их судьбе и добился разрешения для Елизаветы Кирилловны жить у ее замужней младшей сестры А.К. Васильчиковой в одной из деревень. Молодая женщина боролась за свое семейное счастье. В 1777 г. Апраксина перевели в Казань и она смогла увидеться с мужем. Через 2 года граф К.Г. Разумовский помирился с зятем, но только в 1783 г. Апраксину разрешили жить внутри России. Лишь при Павле I супругам было позволено жить в столицах.

Екатерина гневалась на князя Долгорукова за его неискренность. В конце 1778 г. по слуху, что Апраксин живет в подмосковной Долгорукова (или у его брата), государыня пригрозила "всей милой кампании" Сибирью (*Осм. век*. Кн. 1. С. 148).

344. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 476. Л. 1.
Публикуется впервые.

На большом воскресном обеде в Царицыне 2.VIII.1775 Потемкин отсутствует. Среди приглашенных – высшее духовенство, Румянцев, Вяземский и другие лица, среди которых глава Ямской канцелярии А.Л. Щербачев. Сутками ранее Потемкин обедал с Екатериной в узком кругу. (*КФЖ*).

345. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 95.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 123.

4.VIII Екатерина с невесткой отправилась в фаэтоне из Царицына в Коломенское. Наследник сопровождал их верхом. Осмотрев недавно построенный Оперный дом, они присутствовали на экзерциции лейб-гренадерского полка, которым командовал бригадир граф С.Р. Воронцов. На учении присутствовал Румянцев. Приняв рапорт Воронцова, императрица выразила удовольствие учением и в 9-ом часу вернулась в Царицыно. Беспокойство Екатерины за здоровье невестки вызвано ее постоянными недомоганиями. К этому прибавилось сообщение докторов о беременности великой княгини.

346. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 6.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 475.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 408.

17.VIII князь А.М. Голицын донес Екатерине II из Петербурга о получении ее указа от 6.VIII, чтобы дело "гишпанского купца Коломба", пытавшегося безпошлинно провезти через петербургскую таможню виноградные вина, было решено магистратом "по законам". Дело тянулось с мая 1775. В сентябре Голицын донес о решении магистрата конфисковать вина, которые ловкий купец вез на торжества в Москву (см. *РГАДА*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 105. Л. 39, 53, 55–55об.).

347. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 16.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 162.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 109.

Летом 1775 г. в Петербурге было два наводнения: 15.VI вода поднялась на 5 футов 2 дюйма выше ординара, 16.VIII – на 5 футов 1 дюйм. Оставленный за главного Голицын после первого наводнения с большой пышностью отпраздновал в Петербурге торжества по случаю мира. Его подробное донесение о молебне и салюте контрастировало с его скромными донесениями о допросах "княжны Таракановой". Самозванка так и не сделала признания, которого от нее добивались. В октябре Голицын донес об ухудшении ее здоровья, а 6.XII переслал рапорт коменданта Петропавловской крепости А.Г. Чернышева о смерти узницы 4.XII. 1775 г.

348. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 400.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 119.

Очевидно, письмо написано накануне 19.VIII, когда Екатерина ездила из Цырицына в Коломенское смотреть учение четырех полков, среди которых был и кирасирский Его Высочества Наследника Цесаревича полк.

349. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 25.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 420.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 123.

Екатерине хотелось сделать сюрприз невестке и сыну по случаю именин великой княгини. См. примеч. к письму № 350.

[1] *Маркети* – актер придворного театра, певец.

350. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.VIII.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 43.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 111.

28.VIII.1775 императрица писала Гримму: "Вчера в именины великой княгини у нас в лесу была комическая опера "Аннет и Любин"... к великому удивлению окрестных крестьян, которые, надо полагать, жили до сих пор в полном неведении, что существует на свете комическая опера" (*СБРИО*. Т. 23. С. 33).

351. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.IX.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 80.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 118.

[1] *Я, соизволяя на Ваше прошение, наполненное... признанием к господину Загряжскому... дозволяю ему пасть ко священным моим стопам, когда и где угодно Вам будет.* – 13.IX.1775 Екатерина со свитой (в нее входили фельдмаршалы К.Г. Разумовский и П.А. Румянцев, графиня П.А. Брюс, обер-камергер А.М. Голицын, П.В. Завадовский и другие лица) отправилась в с. Ярополец Волоколамского уезда, где граф З.Г. Чернышев устроил великолепную загородную усадьбу. 15.IX в пятом часу, под звон колоколов и пушечную пальбу императрица прибыла в Ярополец Чернышева. Потемкин был при ней безотлучно. В полуверсте находилась другая усадьба – Ярополец генерал-аншефа Александра Артемьевича *Загряжского* (1716–1786), родственника матери Потемкина, друга его семьи. Сохранилось более 10 писем Загряжского Григорию Александровичу. Старик благодарит его за память, просит за тех или иных знакомцев и родственников. По прибытии в Ярополец Чернышева Потемкин напомнил государыне о ее обещании посетить старого друга своей семьи. 16.IX к большой радости Загряжских визит состоялся.

352. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 7.X.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 47.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 401.

Корпус генерал-поручика Ивана Федоровича *Де Медема* (1722–1785) во время русско-турецкой войны был выдвинут на Северный Кавказ. Мир с турками не прекратил военных действий. Для наказания Уцмия Каракайтагского эмира Гамзу за убийство ученого Гмелина Медем получил приказ учинить поиск и в марте 1775 г. перенес операции в Дагестан. Шамхал Тарковский был его союзником. Уцмий в это время осаждал Дербент, которым владел Фет-Али-хан. Уцмий пошел против Медема и при урочище Иран-хараб был полностью разгромлен. Бедствующий Фет-Али-хан предложил русским занять Дербент и принять его в покровительство России. Не имея полномочий, Медем решил не упустить случая. Фет-Али-хан поднес ему ключи Дербента. В город вступил русский гарнизон. Потемкин обратил внимание на бессистемность действий Медема и потребовал объяснений. На донесении, полученном от Астраханского обер-коменданта Левина, в котором сообщалось о сражениях Медема и посылке ему подкреплений, Екатерина написала: "Черт велел к Дербенту идти. Советую возвратить Его Превосходительство. Кратчайшее дурачество из дурачеств есть лучее" (*РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 37). 7.X.1775 граф Н.И. Панин поблагодарил Фет-Али-хана за его усердие к российским войскам, но официально уведомил его об отказе России от Дербента (входившего в сферу влияния Персии) и переслал ему ключи. Гарнизон был выведен весной 1776 г. Медем отозван 21.V.1777 (см. *Бутков*. Ч. 2. С. 15–26).

353. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.X.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 130.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 101.

[1] *Прочитав допрос маиора Лаврова и сличая оный с письмом Ген*[*ерал*]-*Пор*[*учика*] *Кн*[*язя*]. *Голицына, нахожу я тут разонствующие обстоятельства.* – 17.IX.1775 Екатерина писала из Ярропольца московскому обер-полицмейстеру Н.П. Архарову о просьбе князя П.М. Голицына о сатисфакции на майора Лаврова. "По его поступкам можно судить, что он сумасшедший", – заключила она о Лаврове и приказала посадить его на Рязанское подворье (на Мясницкой ул.) для производства следствия (*РА*, 1864, № 9. Стб. 875. С ошибочной датой "17 генваря"). Однако допрос Лаврова и объяснительное письмо Голицына заставили государыню иначе взглянуть на дело. Грубость Голицына, оскорбившего офицера словом и действием (причем, дважды!), требовала специального суда чести. Чувствуя свою вину, Голицын 27.X писал Потемкину: "Удален будучи от всего того мщения, которое по военным регулам влечет за собою военный суд, и будучи уже тем доволен, что он над отставным секунд-маиором Лавровым назначен, прошу покорнейше Ваше Сиятельство мою всеподданнейшую прозьбу у Ея Императорского Величества подкрепить, дабы сей Лавров освобожден был от онаго суда, чем Вы мне окажете особливую милость". (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 10. Л. 62). Лавров был освобожден из-под стражи. 13/24.XI.1775 французский дипломат Корберон записал в своем дневнике о смерти князя Голицына, "который был убит неким Лавровым и которого завтра хоронят. История весьма запутанная и необыкновенная. Несколько времени тому назад князь Голицын ударил палкой офицера Шепелева. Тот оставался спокоен, но через несколько месяцев покинул полк, в котором служил, и, приехав в дом князя

Голицына в Москве, потребовал от него удовлетворения и тут же дал ему пощечину. Князь велел его вывести и дело как будто этим кончилось. Все были удивлены тем, что князь Голицын не захотел драться. Но он возражал, что ему не подобает выходить на поединок со своим подчиненным. Наряжен суд. Шепелеву велено оставить двор, а Голицыну выходить в отставку. Пущен был слух, что князь Голицын будет драться с Лавровым, который якобы настроил Шепелева. Лавров обратился к нему с вопросом, с какой стати он про него это выдумал? Князь резко отвечал ему и вызвал его драться на пистолетах. Но на месте поединка пистолеты были заряжаемы медленно, и Лавров, пользуясь этим, стал оправдываться и отрицать все, в чем его обвинял князь Голицын, который раздраженный замечанием напал на своего противника со шпагою в руке. Лавров также нанес ему две раны шпагою, от которых он и умер через несколько времени" (*РА*, 1911, № 5. С. 35–36). Лавров был судим за поединок. Шепелев вновь поступил на службу и дослужился до чина генерал-поручика. Впоследствии он перешел на гражданскую службу, имел чин действительного тайного советника и сенаторское звание. Его женитьба на племяннице Потемкина Надежде Васильевне *Измайловой* (рожд. Энгельгардт) послужила основанием для слуха о причастности князя к гибели Голицына. Причем, убийцей Голицына уже называли не Лаврова, а Шепелева. Легенда дожила до наших дней.

354. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Начало XI.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 7.
Публикуется впервые.

[1] *Принц Де Пон* – герцог *Пфальц-Цвайбрюкен* Христиан (1722–1775), дядя великой княгини Натальи Алексеевны. Умер в Германии 5.XI.1775 г. н.с.

355. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 7.XI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 119.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 99.

Речь идет о подготовке "Учреждения для управления губерний" – крупного государственного акта. Губернская реформа, над которой Екатерина трудилась весну и лето 1775 г., была ускорена событиями крестьянской войны. Опыт показал, что старая система местного управления устарела. Губернии были разукрупнены, а прочность разработанных императрицей и ее сотрудниками установлений была доказана временем. Екатерининские губернские учреждения действовали до реформ императора Александра II и в известной степени до октября 1917 г. "Учреждения для управления губерний" (в разработке которых Потемкин принял участие) были утверждены 7.XI.1775. Само устройство губерний по новому положению растянулось на несколько лет.

356. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 7.XI.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 27.
Публикуется впервые.

[1] *...план генеральный...* – В обязанности Потемкина входило составление планов по защите границ империи. Об одном из них говорится в письме.

[2] *...касательно губерний...* – В своем проекте императрица предусматривала губернии с населением от 300 до 400 тысяч душ. В уездах, на которые делились губернии,

предполагалось иметь от 20 до 30 тысяч. Такое разукрупнение значительно улучшало управление, усиливало контроль за деятельностью местной администрации. Как видим, Потемкин был в числе тех лиц, которые работали над Учреждениями для управления губерний.

Современные историки высоко оценивают губернскую реформу Екатерины II. "Сложная система местных органов государства, созданная при Петре I, была разрушена после его смерти... Поэтому Екатерина не столько реформировала, сколько создавала вновь систему местных органов, в особенности судебных... Ядром екатерининской реформы стало издание первого в истории русского права столь крупного акта, специально посвященного местному управлению – Учреждений для управления губерниями, которым императрица очень гордилась. Петровские законы о реформе местных органов были значительно скромнее... Учреждения написаны простым, ясным языком. Очень мало иностранной терминологии, все вводимые вновь термины чисто русские. Этим законодательство Екатерины II выгодно отличалось от законов ее великого предшественника – Петра I ...

В учреждениях сталкиваются две тенденции – к централизации и децентрализации. Трудно сказать, какая побеждает, но во всяком случае права местных органов управления, закрепленные в акте, достаточно широки... характерной чертой законодательства является попытка отделить суд от администрации. То, что в законодательстве Петра I только намечалось, а после него было упразднено, здесь уже приобретает зримые черты, хотя и не доведено до конца. Ярко выступает в Учреждениях сословность всей государственной машины и особенно – ее местных органов. Всесторонне подчеркиваются при этом и гарантируются права дворянства...

Учреждения для управления губерниями оказались документом большой исторической прочности, соответствующим потребностям абсолютистского государства". (Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. Т. 5. С. 167–170).

357. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 13.XI.1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 324.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

[1] *Попова Елизавета Михайловна* (урожд. Гусятникова) – дочь московского богача, купца 1-ой гильдии М.П. Гусятникова. 13.XI. 1775 г. в присутствии императрицы она обвенчалась с камердинером Екатерины (полковничьего ранга) А.С. Поповым. После смерти мужа состояла в гражданском браке с графом Ф.Г. Орловым.

358. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.XII.1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 31.
Публикуется впервые.

[1] *...моя бездонная чувствительность сама собою уймется и останется одна чистая любовь.* – Важное признание, сделанное после очередной размолвки. Екатерина, кажется, осознала необходимость вырвать Потемкина из тесного для него придворного круга и предоставить своему соправителю обширное поле для самостоятельной деятельности. Это поле уже очерчено – юг России, Северное Причерноморье.

[2] *Разсуди... какую плутню учинил Матонис.* – Секретарь герольдмейстерской конторы Сената *Матонис* Николай Николаевич (род. ок. 1739), судя по всему, происходил из греческой колонии в Малороссии. Его карьера тесно связана с карьерой его друга Г.В. Козицкого, ставшего по протекции князя Г.Г. Орлова статс-секретарем импе-

ратрицы. Оба учились в Киевской духовной академии, вместе отправились за границу и прослушали курс в Лейпцигском университете. По возвращении были избраны адъюнктами Петербургской Академии наук. Принимали деятельное участие в работе "Комиссии о сочинении нового Уложения" (депутаты Комиссии). Как предполагают исследователи, Козицкий и Матонис стали жертвами придворных интриг из-за своих передовых взглядов. Козицкий летом 1775 подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. Матонис указом от 14.XII. 1775 г. был отстранен от должности сенатского секретаря с предписанием "впредь ни к каким делам" его не определять. Поводом послужило дело о потачках Матониса нежинским грекам (греческой колонии в Малороссии, имевшей большие привилегии, дарованные еще Петром I). Козицкий покончил с собой. 23.XII.1775 последовал новый указ. Обвинения с Матониса были сняты. Ему вернули чин, но не должность. Дальнейшая его судьба неизвестна.

359. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Конец 1775

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 464.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 124–125.

Сражавшиеся против своих угнетателей греки (их называли албанцами) с надеждой восприняли приход русской эскадры в Архипелаг в 1770 г. Многие из них поступили на русскую службу. Согласно Кучук-Кайнарджийскому мирному договору они получили амнистию. Значительная часть из них решила не испытывать судьбу и через А.Г. Орлова подала прошение о переселении в России. Большая часть их условий была удовлетворена Екатериной II (см. рескрипт графу А.Г. Орлову от 28.III. 1775 г. *РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 689. Л. 208). Вскоре последовал ордер Потемкина Азовскому губернатору В.А. Черткову о положениях, на которых "благоугодно было Ее Императорскому Величеству принять под Всемилостивейший Ея покров всех служивших в войсках Ея в архипелаге албанцев обще с их фамилиями" (*РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 689. Л. 290). Предполагалось поселить греков в Керчи и Еникале, отошедших к России по мирному договору.

ПИСЬМА И ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1775

Датировка этих писем и записок условна. Если при отборе писем и записочек, отнесенных к марту–декабрю 1774 г., составитель обращал внимание на музыку любви, звучавшую в каждой строчке посланий Екатерины Потемкину, то здесь отбор шел по признаку все большей вовлеченности тайного мужа государыни в дела управления. Сюда же вошли письма и записки, отразившие размолвки и ссоры между супругами. Суровый характер Потемкина, его обостренное чувство собственного достоинства, ложность положения, в котором он оказался, придали драматический характер его отношениям с Екатериной. Желая сохранить его в качестве друга и соправителя, императрица передает Потемкину все новые и новые властные полномочия и начинает отдаляться от него, как женщина.

360. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 117.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 99.

361. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 15.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 104.

362. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 34.
Публикуется впервые.

363. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 139.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 105.

364. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 333.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 110.

365. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 10.
Публикуется впервые.

[1] *Я вижу, что это перо племянницы Вашей...* – О какой из пяти сестер Энгельгардт (незамужних племянниц Потемкина) идет речь, сказать трудно. Под "пером", очевидно, следует понимать записочку племянницы с какой-то просьбой к императрице. Екатерина дарит "перо" "Попугаю". Под этой кличкой в письмах проходят разные лица. Иногда "Попугаем" Екатерина называет Потемкина (см. № 523, 524, 526).

366. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 387.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

367. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 91.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 404.

368. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1, оп. 1/1. Д. 54. Л. 110.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 97.

369. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 360.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 114.

Письмо (а также письма № 370 и 371) показывает, как тонко реагирует Екатерина на невнимание Потемкина, занятого делами и своими новыми обязанностями (и друзьями). Она пытается прикрыть недовольство иронией, но это плохо удается.

370. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 358.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 113.

371. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 338.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

372. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 117.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 408.

373. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 60.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 401.

374. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 399.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 119.

375. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 124.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 100.

376. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 126.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 100.

377. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 23.
Публикуется впервые.

378. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 14.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 104.

Очевидно, одна из размолвок Потемкина с Екатериной закончилась угрозой бежать от двора к вольным казакам или уйти в монастырь. Через 12 лет (в начале войны с Турцией в 1787 г.) у Потемкина снова появится желание уйти в монастырь. И снова императрица убедит его отказаться от этой мысли и продолжить службу на благо Отечества.

379. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 28.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 132.

380. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 127.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 100.

381. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 134.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 102.

382. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 87.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 119.

Староство Вилич, вошедшее после первого раздела Польши в состав России, просил утвердить за собой князь Адам Чарторижский (Чарторыйский) (1734–1823) – влиятельнейший польский магнат, представитель так называемой "фамилии", ориентировавшейся на Россию. Князь Адам выставлял свою кандидатуру на польский престол, но уступил корону своему двоюродному брату (по женской линии) Станиславу Августу Понятовскому, поддержанному Екатериной II. Чарторижские хлопотали о Виличе через Белорусского генерал-губернатора графа З.Г. Чернышева.

383. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 389.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 118.

384. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 11.
Публикуется впервые.

385. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 17.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 389.

386. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 182.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 111.

387. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 388.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

388. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 232.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 108.

Князь Н.В. Репнин в конце апреля 1775 г. отправился в Константинополь в ранге чрезвычайного посла и полномочного министра. На торжественной церемонии у султана Абдул-Хамида I (Репнин и члены посольства не снимали шляп) 1.XII. 1775 г. он вручил грамоту Российской императрицы, утвердившую Кучук-Кайнарджийский мирный договор.

389. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 313.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 413.

О каком проекте идет речь, установить не удалось.

390. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 285.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 196.

391. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 3–3об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 125.

392. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 135.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 105.

393. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 223.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 502.

394. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 396.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 119.

395. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 268.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 113.

[1] *Голубчик, возвращая к Вам письмо Господина Браницкого, прилагаю цыдулу к Маврину...* – Ни письма, ни цидулы найти не удалось.

396. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 84. Ч. 1. Л. 149.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 107.

397. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 60.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 113.

398. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 234.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 108.

399. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 147–147об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 107.

400. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 172.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 501.

401. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 193–193об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 103.

402. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 495.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 409–410.

О каком криминальном деле идет речь, установить не удалось.

403. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 98.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 123.

Среди многочисленных должностей Потемкина была и должность "верховного начальника" мастерской и оружейной конторы в Москве, на которую он был назначен в 1775 г.

[1] *Исаков Леонтий Васильевич* – статский советник в мастерской и оружейной конторе.

404. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 39.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 398.

[1] *Ащерин* – очевидно один из братьев – Михаил или Николай. Оба начинали служить в Преображенском полку. Первый в 1774 в чине капитана уволен к статским делам. Второй в 1775 в том же чине уволен от службы.

405. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 314.
Публикуется впервые.
О ком идет речь в письме, установить не удалось.

406. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1775

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 2.
Публикуется впервые.

[1] *...прошу меня уволить сегодня обедать к Лазоревичу. – Лазарев Иван Лазаревич* (1735–1801) – придворный ювелир с 1764 г. Представитель старинного армянского рода, известного с XIV в. После гибели Надир-шаха, в обстановке охвативших Персию смут, Лазаревы эмигрировали в Россию. И.Л. Лазарев сумел установить связи с высшими сановниками (в том числе с Орловыми) и выгодно вложил капиталы в горное дело, шелковые мануфактуры. Сделался одним из богатейших людей страны, крупным банкиром. Известен своей благотворительностью. Потемкин сблизился с И.Л. Лазаревым. Сын последнего был адъютантом Светлейшего. При поддержке Потемкина Лазарев много сделал для создания армянской колонии на юге России, видя в этом важный шаг на пути возрождения и освобождения армянского народа.

1776

407. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.I.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 201.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 104.

[1] *...ласковое твое письмо о новой лете...* – Письмо Потемкина с поздравлением императрицы по случаю нового года не разыскано.

[2] *Морсошников* (*Морсочников*) *Иван Михайлович* (1717–1785) – камер-цалмейстер в придворной Цалмейстерской конторе, ведавшей отпуском и приемкой сумм, связанных с дворцовыми расходами и доходами.

[3] *...чтоб он хранил на мой кошт Гра*[*финю*] *Воронцову*. – Вдова канцлера графа М.И. Воронцова графиня *Анна Карловна* (урожд. Скавронская 1722–1775) – была двоюродной сестрой императрицы Елизаветы Петровны. Участие камер-юнкера Михаила Воронцова в перевороте 1741 г. и его женитьба на Скавронской способствовали выдвижению Воронцовых в первые ряды знати. После смерти мужа в 1767 г. Анна Карловна оказалась в тяжелом материальном положении из-за лихоимства родного брата М.И. Воронцова графа Романа Илларионовича, которому последний доверил управление своими заводами и получение доходов. Анна Карловна начала процесс против деверя, писала Потемкину с просьбой о защите и помощи. Она умерла 31.XII.1775. Граф И.Г. Чернышев, посетивший дом умершей, обратился к Потемкину с просьбой выхлопотать у государыни три–четыре тысячи на похороны вдовы канцлера, у которой огромные долги, а денег совсем нет (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 946. Л. 573).

408. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.I.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 202.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 104.

[1] *...братец ее довольно богат...* – Брат А.К. Воронцовой граф *Мартын Карлович Скавронский* (1716–1779) – генерал-аншеф, обер-гофмейстер и сенатор был богатым человеком и мог бы не жаловаться графу И.Г. Чернышеву на огромные долги сестры и отсутствие средств на ее похороны (об этом говорилось в вышеупомянутом письме).

409. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Начало I.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 158.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 108.

[1] *Бориско–Загряжский* Борис Александрович (1742 – не ранее 1792) – капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка, сын генерал-аншефа А.А. Загряжского. Впоследствии генерал-майор. С 1786 в отставке. До своей смерти владел усадьбой Ярополец. Он был женат на Софье Николаевне Чоглоковой – дочери М.С. Чоглоковой, которая часто упоминается в "Записках" Екатерины (см. также письмо № 10 и примеч. к нему). Императрица знала детей Чоглоковой (в том числе и Софью) с младенчества.

410. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Начало I.1776

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 4.
Публикуется впервые.

Трудно сказать, о какой выдумке графа И.Г. Чернышева идет речь. Но это письмецо как-то связано с предыдущим.

411. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 25.I.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 74.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 403.

18.VIII.1775 Суворов писал из Симбирска Потемкину и просил об увольнении в Москву "по притчине кончины моего родителя" (*СП*. С. 37). Потемкин уважил просьбу своего боевого товарища, а при новом расписании генералитета (составленном в конце 1775 г.) поместил Суворова в столичной Санкт-Петербургской дивизии, которой временно командовал вместо находившегося в отпуску графа К.Г. Разумовского. Но семейные обстоятельства заставили Суворова просить годовой отпуск. 25.I.1776 последовал указ императрицы об определении "генерал-поручика, лейб-гвардии Семеновского полку премьер-маиора и кавалера Кашкина в штат армейский... в Санкт-Петербургскую дивизию" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 362об.).

[1] *Кашкин* Евгений Петрович (1737–1796) – из родовитой дворянской семьи. Занимал крупные административные должности: генерал-губернатор в Перми, Тобольске, Вологде, Ярославле, Калуге. Впоследствии генерал-аншеф.

412. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 31.I.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 104.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 124.

Петровной Екатерина называет свою камер-юнгферу Авдотью Петровну *Иванову*, *Перюшей* – Потемкина. Сосватали Петровну государыня и Перюша, т.е. Потемкин, которого и следует благодарить (см. письмо № 413).

413. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

31.I.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 303.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 108.

31.I.1776 во дворцовой церкви состоялось венчание армейского капитана Мещанкова с Авдотьей Ивановой. Невеста была ведена в церковь из внутренних покоев императрицы камер-фурьером (*КФЖ*). По святцам 31 января память "девицы Евдоксии". Потемкин хлопочет о милостях к Мещанковой, может быть, не без цели. Он уже изучил сложную механику придворной жизни и понял, что нужно иметь повсюду своих людей. Авдотья Мещанкова и после замужества продолжала служить при дворе.

414. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.II.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 94.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 122.

15.II Е.М. Румянцева сообщила мужу-фельдмаршалу о возвращении австрийского посла князя Лобковица (Письма Румянцевой. С. 201). Чтобы не обострять отношений с султаном *Абдул-Хамидом I* (1725–1789), Екатерина советует Потемкину быть осторожным с отпуском австрийцам закупленных лошадей. Австрия, ссылаясь на свою поддержку Порты во время ее войны против России, внезапно захватила турецкие земли в Молдавии и Валахии. Турция, втянутая в войну с Ираном, была вынуждена уступить. В свою очередь турецкая дипломатия, опираясь на своего ставленника в Крыму хана Девлет-Гирея, пыталась изменить статьи мирного договора с Россией, мечтала о восстановлении протектората над ханством и о возвращении уступленных России крепостей – Керчи, Ениколи и Кинбурна. Русская дипломатия предпринимала контрмеры, делая ставку на Калгу-султана Шагин-Гирея, повелителя ногайских орд, сторонника России. 11.I. 1776 г. Потемкину было поручено хозяйственное попечение вверенных его управлению Новороссийской и Азовской губерний с укреплениями Днепровской линии и поселенными там войсками. Под его командой находилась вся легкая и иррегулярная конница. Он все более втягивался в дела по управлению губерниями, граничащими с Крымским ханством. О его инициативе дает представление секретный ордер от 11.VIII. 1775 г. генерал-майору М.В. Муромцеву: "Являющимся к вам... помещикам с прошениями о возврате бежавших в бывшую Сечь Запорожскую крестьян, объявить, что как живущие в пределах того войска люди неизъемлемо все и вообще под именем того войска вступили по Высочайшей воле в военное правление и общество, то и не может ни один из оных возвращен быть" (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 54).

На фоне этих событий разворачивается кризис в отношениях между Екатериной и Потемкиным, который продолжается до конца июля 1776 г.

415. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.II.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 118.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 99.

"Правилами" называются молитвы, читаемые перед причащением. Екатерина причащалась 20.II. "Сухое письмо" Потемкина (не разыскано) связано с новой фазой кризиса в их отношениях, с внезапным приездом в Петербург князя Г.Г. Орлова.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А. ПОТЕМКИНУ
февраль–март 1776

Письма № 416–436 условно отнесены к февралю–марту 1776 г. Точнее говоря, к периоду до 21.III.1776 – дня получения Потемкиным княжеского титула. Письма свидетельствуют, что Потемкин тяжело пережил появление нового фаворита П.В. Завадовского. В депешах английского и французского посланников часто говорится о скором падении Потемкина. Большие пожалования, сделанные ему (в виде приносящих огромные доходы деревень), по их мнению, лишь смягчают скорую отставку. О тайном браке императрицы никто не подозревает. Екатерина, интуитивно чувствуя необходимость отделить личное от государственного в своих отношениях с Потемкиным, страшится потерять его и делает все для того, чтобы удержать своего мужа в качестве соправителя, советчика и самого близкого друга.

416. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 413.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 122.

417. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 398.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 12. С. 119.

[1] *Что моя голова дурна, кружится и слаба, сие непритворно.* – В течение января–марта 1776 императрица избегает больших приемов, часто обедает одна или в узком кругу близких лиц. Завадовский постоянно упоминается в *КФЖ*.

418. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. I. Л. 419.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 123.

Потемкин срывается до прямой грубости. В неразысканном его письме было что-то "фраппирующее" (поразившее) Екатерину. Его жалобы на шиканирование (преследование) понятны. Двор не прощает тех, кто утратил благосклонность монархии, а, следовательно, и власть.

419. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 397.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 119.

[1] *...твое письмо я получила...* – Не разыскано. Лейтмотивом ответных писем Екатерины являются советы быть спокойным, надеяться на нее. "Я тебе отнюдь не враг", – не устает повторять государыня.

420. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 412.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 121.

421. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 384.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

422 Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 146.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 106–107.

Судя по записям в *КФЖ*, российский посол в Варшаве граф Штакельберг с 21.I по 7.III.1776 г. находился в Петербурге. Неоднократно приглашался на дворцовые обеды и приемы.

1 *Я велела, чтоб от себя написал инструкцию, и чаю, дело так и пройдет.* – Штакельбергу поручалось хлопотать в пользу Потемкина и в Польше, и в Курляндии (о том же говорится в письмах № 423 и 424). Курляндское герцогство находилось в васальной зависимости от Польши и управлялось герцогом Петром *Бироном* (1724–1800), сыном памятного фаворита императрицы Анны Иоанновны. Действуя в интересах России, Екатерина II восстановила права семьи Биронов, утраченные после падения герцога Эрнста Иоганна в 1740 г. Екатерина содействовала женитьбе герцога Петра Бирона на княжне Е.Б. Юсуповой. Их свадьба состоялась в Зимнем дворце 23.II.1774, в дни, когда между государыней и Потемкиным шли решительные объяснения. Потемкин, зная о недовольстве части курляндского дворянства герцогом, решил добиваться престола Курляндии. Любопытно, что и последний фаворит императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалов пытался сделаться герцогом Прусским (Восточная Пруссия в ходе Семилетней войны была занята русскими войсками и стоял вопрос о ее аннексии). Хлопоты Потемкина о курляндском престоле продолжались до конца 1770-х годов. Не противореча желаниям своего мужа, Екатерина сделала все для того, чтобы Потемкин остался в России.

423. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 75.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 402.

1 *...занята размышлением о турецком разрушении мирного трактата отказом двух важных артикулов.* – Турки настаивали на отказе России от статьи Кучук-Кайнарджийского договора о независимости Крымского ханства и от уступленных (по мирному трактату) крепостей – Керчи, Ениколи и Кинбурна. Об остроте кризиса свидетельствует письмо графа Н.И. Панина князю Н.В. Репнину от 10.III.1776 г. Сообщив о попытках турок пересмотреть две статьи мирного договора, Панин писал, что "первое движение было наше, чтобы схватить Очаков, о чем Ее Величество под крайним секретом требовало моего мнения". По его словам, он высказался против разрыва (см. *РГАДА*. Ф. 30. Д. 456. Л. 413). На заседании Совета Потемкин доложил, что войска готовы выполнить поставленные задачи. До разрыва не дошло. Русская дипломатия удвоила усилия по возведению на Крымский престол своего ставленника – Шагин-Гирея.

424. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 390.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 118.

425. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 363–364об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 114.

Очень характерное для данного периода письмо. Написано после очередной крупной размолвки. Английский поверенный в делах Оак в депеше от 19/30.III.1776 сообщает о сцене, устроенной Потемкиным императрице в ответ на ее посещение князя Г.Г. Орлова (см. – *Русский двор сто лет тому назад*. С. 210).

Приписка по-русски выражает самую суть сложившихся отношений: "Мы ссоримся о власти, а не о любви".

426. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 366.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 115.

Скорее всего, это письмо написано после предыдущего. Екатерина в присутствии Потемкина сжигает не понравившееся ему письмо. С непередаваемой грустной иронией она напоминает ему о том, что "даже церковь считает себя удовлетворенной, коль скоро еретик сожжен", прибавляя при этом: "Вы же не пожелаете сжечь и меня также".

427. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 140.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 105

428. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 14.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 127.

429. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 150.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 107.

430. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 369.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

Великая женщина понимает своего мужа лучше, чем он ее. Жизненный опыт, страдания, пережитые в молодые годы, участие в большой политике с ее неожиданными и рискованными поворотами – все это закалило ее характер, научило понимать людей. Впоследствии Екатерина любила говорить, что Потемкин был ее гениальным учеником.

431. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 62.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 114.

432. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 79.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 118.

433. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 37.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 110.

434. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 267.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 195.

Ответ императрицы на неразысканное письмо Потемкина, упрекавшего ее в забвении его интересов. Екатерина отвечает "владыке и дорогому супругу", что это неправда, ссылается на связывающие их Святейшие узы. Очень важное признание, доказывающее факт тайного венчания.

435. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

II–III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 265.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 195.

Это письмо вместе с письмом № 436 сохранились только потому, что на них были ответы Екатерины. Все остальные письма Потемкина, относящиеся к периоду кризиса в их отношениях, императрица сжигала. Поражает задушевность и нежность, с какими тайный муж государыни обращается к ней, раскрывая свое жизненное кредо: быть верным ей по смерть, служить ее интересам, интересам России. Годы спустя Потемкин, создатель Черноморского флота, строитель городов в Северном Причерноморье, покоритель Очакова напишет своей жене-императрице после окончания блистательной кампании 1789 года: "Ревность и усердие с неограниченным к Вам

долгом движут меня на службу... Я христианин, то и слава моя в служении... Ежели бы я мог поднять на рамена тягости всех, охотно б я себя навьючил, и Вы бы увидели нового Атланта. Сколько наших братий, которые ради себя жертвуют армиями. Но я, конечно, скорей себя положу за всех..." (письмо № 1021).

436. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

II–III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 305.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 411.

Письмо не требует комментариев.

437. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 8.III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 23.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 75–76.

[1] *Бринк* Иван Федорович (р. в 1734) – бригадир. Боевой офицер, участник войны 1768–1774 гг. Кавалер Георгия 4-ой степени. В 1776 г. командовал отрядом, действовавшим в Прикубанье. Ему было поручено поддерживать Калгу-султана Шагин-Гирея, стоявшего во главе ногайских орд. Ногайцы пользовались известной автономией. Крымский хан назначал Калгу-султана (наследника престола ханства) с их согласия. Они кочевали в Приазовье и Причерноморье, доходили до Перекопа. Бринк рапортовал Румянцеву о волнениях на Кубани и в Крыму. 8.III.1776 Екатерина рескриптом на имя фельдмаршала повелела подкрепить отряд Бринка и быть в готовности на случай любых неожиданностей со стороны Крымского хана. Впоследствии Бринк имел чин генерал-майора.

438. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 87.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 77.

Еще 13.I.1776 Екатерина написала российскому послу в Вене князю Д.М. Голицыну о своем желании, чтобы "Его Величество удостоил Генерала Графа Григория Потемкина, много мне и государству служащего, дать Римской Империи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту" (*РА*. 1878. Кн. I. С. 18). Император Иосиф II, склонявшийся к сближению с Россией, подписал 16/27.II диплом Потемкину на княжеское достоинство Священной Римской Империи Германской нации. Достойна внимания записочка государыни новому фавориту П.В. Завадовскому: "Буде ты пошел новую Светлость поздравить, Светлость примет ласково. Буде запрессся, ни я, никто не привыкнет тебя видеть. Терпение не достает у тебя" (*РИЖ*. 1918. № 5. С. 256). Дистанция между Потемкиным и Завадовским очевидна.

439. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 257.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 111.

[1] *Броун* Юрий Юрьевич (1704–1792) – граф, генерал-аншеф, генерал-губернатор Лифляндии. Пользовался уважением и доверием императрицы, которая состояла с ним в длительной переписке (копии ее писем хранятся в *РГАДА*. Ф. 1292. Д. 149). Брат прусского короля принц Генрих прибыл в Петербург 2.IV.1776.

440. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 408.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 121.

441. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 18–18об.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 128–129.

Как и в начале сближения с Потемкиным, Екатерина прибегает к "духам Калиостро" (см. письма №№ 5, 6). Она пересказывает ему свой сон – как с помощью маленьких духов (напоминающих эльфов из скандинавских сказок) она пыталась приготовить из трав микстуру для "Князя Потемкина", чтобы повлиять на такие стороны его характера, как "нежность и деликатность". Это не удалось, но она все же решила пересказать ему свой "сон".

442. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 69–69об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 389.

443. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 21.III.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 67.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 115.

444. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.IV.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 71.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 395.

Официальный прием принца Генриха происходил в чистый понедельник 4.IV. На большом обеде в Зимнем присутствовали Н.И. Панин, Г.Г. Орлов и Потемкин. Последний сидел рядом с прусским послом графом Сольмсом. Наследник престола был без жены, которая ждала ребенка. 5.IV Павел посетил принца Генриха и вернулся с прусским орденом Черного орла. Этот же орден принц возложил на Потемкина. Еще один орден был послан фельдмаршалу Румянцеву.

445. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.IV.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 307.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 108.

9.IV в субботу принц Генрих в час дня был принят императрицей и имел с ней беседу. После обеда он сопровождал Екатерину в Девичий монастырь, где девицы показывали свои рукоделия, игры и танцы. По возвращении в Зимний Екатерина направилась к себе, а принц – "в покои к Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину, где и начался концерт. Первую скрипку играл музыкант Лиоли" (*КФЖ*).

Потемкин представил Генриху унтер-офицеров лейб-гвардии Преображенского полка в богатых уборах и музыкантов, а также офицеров лейб-гусарского эскадрона и казачьих команд. Принц, предрекший Потемкину большое будущее, вел с ним переговоры по поручению короля, стремившегося продлить русско-прусский союз.

446. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.IV.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 138.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 105.

Как сообщает *КФЖ*, 10.IV в 4 часа утра наследник явился в покои Екатерины и она проследовала в покои Их Высочеств, где пробыла до 8 часов. У великой княгини начинались родовые схватки. После утрени и литургии (это было воскресенье) императрица снова была у невестки, потом обедала (одна) и весь вечер провела у постели великой княгини до 4-го часа ночи. Роды протекали мучительно. Как выяснилось позже, Наталья Алексеевна страдала органическим недостатком, из-за которого ребенок не мог появиться на свет естественным путем.

447. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.IV.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 258.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 111–112.

11.IV Екатерина почти шесть часов провела у постели невестки. Обедала во внутренних покоях с Г.Г. Орловым и Потемкиным. 12-го весь день она пробыла в покоях страждущей. *КФЖ* отмечает: "кушание было подано во внутренние Ее Величества покои, только кушать не изволила, а кушал князь Григорий Александрович Потемкин". Очевидно, рано утром 13 императрица набросала записочку Козмину: "Сергей Матвеевич. Дело наше весьма плохо идет; какою дорогою пошел дитя, чаю, и мать пойдет. Сие до времяни у себя держи, а теперь напиши письмо к Кашкину (Аристарху Петровичу – коменданту Царского Села. – *В.Л.*), чтоб покои в Царском Селе приготовили и надержали будто к моему рождению, не равно – приеду. Кой час решится, то сына туда увезу". На обороте адрес: "Сергею Матвеевичу Козмину, поутру в пятом часу" (*СБРИО*. Т. 42. С. 346). Ребенок умер в чреве матери. 14.VI в 12 часов в присутствии Екатерины и Павла великая княгиня Наталья Алексеевна приобщилась Святых Тайн. В шесть часов ее соборовали Св. Елеем. 15-го в пятницу в 5 часов дня она умерла. Через 20 минут императрица увезла убитого горем сына в Царское Село. Следом за ней туда прибыли принц Генрих, братья Григорий и Алексей Орловы, Потемкин, графиня Брюс, Самойлов, Завадовский.

448. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 15.IV.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 269.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 112.

До 26.IV Екатерина безвыездно находилась вместе с сыном в Царском Селе. Принц Генрих предложил ей устроить новый брак безутешного Павла. Невестой названа принцесса София Доротея Виртембергская (двоюродная внучка короля Фридриха II), которой исполнилось 16 лет. 18.IV императрица просила фельдмаршала Румянцева

"наипоспешнее" прибыть в Царское Село, чтобы сделать его участником "в верном, нужном и приятном деле, о котором инако не хочу Вам объявить, как при моем свидании с Вами" (*СА*. 1822. Ч. 2. № 7–12. С. 415). Но преданный фельдмаршалу Завадовский предупредил своего патрона о "царевой тайне" – Румянцев будет сопровождать Павла Петровича в Берлин, где прусский король готовит смотрины невесты.

21.IV в Царском Селе был отпразднован день рождения государыни. Через 5 дней она отправилась со свитой в Невский монастырь для погребения тела великой княгини. В свите Г.Г. Орлов, Потемкин, Л.А. Нарышкин, П.А. Брюс, Безбородко, Завадовский и другие лица. Наследник отсутствовал на похоронах своей жены. Факт примечательный. В литературе существует версия о так называемом "панинском заговоре". Об этом писал со слов своего отца М.А. Фонвизин (видный декабрист, племянник знаменитого драматурга). Он отнес заговор, ставивший якобы целью свергнуть с престола Екатерину и возвести на него ее совершеннолетнего сына, к 1773–1774 гг. По Фонвизину, среди заговорщиков были братья Панины, Репнин, Дашкова, "чуть ли не митрополит Гавриил и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров". "Душою заговора была супруга Павла великая княгиня Наталья Алексеевна, тогда беременная" (см. *Фонвизин М.А.* Соч. и письма. Иркутск. 1982. Т. 2. С. 123). Заговор якобы выдал секретарь графа Н.И. Панина П.В. Бакунин. Участники заговора подверглись опале. Все это плохо согласуется с фактами. Грубые ошибки бросаются в глаза. Французский дипломат маркиз Корберон в своем дневнике приводит (некоторое время спустя после смерти великой княгини) слова одного из вельмож: "Если она не устроила переворота, то никто его не сделает" (*РА*. 1911. № 5. С. 102). Он же рассказал о рыданиях графа Андрея Разумовского, потрясенного смертью жены наследника. Упоминает Корберон и о каких-то разговорах умирающей с императрицей о ее сыне, после чего она (великая княгиня) беседовала наедине с Павлом (*РА*. 1911. № 5. С. 64). Екатерине удалось завладеть письмами покойной, которые подтвердили ее близость с Андреем Разумовским (о чем императрица давно знала). Существеннее оказалось другое: какие-то денежные займы, сделанные через посредство Разумовского великой княгиней у французского и испанского посланников. Этого государыня не могла простить. Разумовский был выслан в Ревель, затем к отцу в Батурин. Он оказался единственным человеком, подвергшимся опале (временной). (См. *РБС*. Т. 11. С. 119–120).

449. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21.IV.1776

Подлинник. Подпись – автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 20. Л. 55–55об.
Публикация – *РС*, 1875. № 11. С. 417.

Приводим это официальное прошение Потемкина, чтобы у читателя не создалось впечатления, будто бы он только и делал, что докучал своей жене-императрице жалобами и "несносным обхождением". На первом месте оставались государственные заботы. Всего несколько примеров дают представление о деятельности князя в это время. 20.IV.1776 им представлен доклад об устройстве бывших запорожцев во вверенных его управлению губерниях. На это он испрашивал 120 000 рублей. Решение получено 23-го. 11.IV поданы 2 доклада: первый – о создании Астраханского казачьего войска, второй – о постройке флотилии транспортных судов для обеспечения коммуникаций на Азовском море. 20.V Потемкин донес об устройстве войска Донского на новых основаниях. 5 днями ранее Екатерина утвердила предложения

Потемкина о смягчении наказания запорожским предводителям. *Калнишевский* Петр Иванович (ум. в 1803) – последний кошевой атаман Сечи. Был сослан в Соловецкий монастырь. В 1801 г. отказался, несмотря на указ о прощении, покинуть обитель. Войсковой писарь *Глоба* Иван Яковлевич и войсковой судья *Головатый* Павел содержались в сибирских монастырях. Последний умер в Туруханске около 1796 г.

Небольшая подробность дает представление о царивших в Сечи нравах. Калнишевский едва не погиб во время мятежа 26.XII.1768 г., когда он был вынужден (вместе со старшинами) бежать от разъяренной толпы запорожцев. Атаману пришлось переодеться в монашескую рясу. В марте 1770 г. он снова едва не стал жертвой заговора казаков.

450. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 9.V.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 48.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 385.

[1] *Касательно до Разумовского, то зделанное останется в своей силе.* – Потемкин попытался смягчить участь графа Андрея, высланного по повелению императрицы 27.IV.1776 в Ревель. Екатерина осталась непреклонна. 25.VI она написала отцу Разумовского (жившему в Малороссии) о том, чтобы сын ехал к нему и находился при нем неотлучно.

[2] *Пр*[*инцу*] *Дарм*[*штадтскому*] *ответствовать прилично, как ты намерен.* – 9.V.1776 г. брат умершей великой княгини принц Людвиг Дармштадтский обратился к Потемкину с просьбой о продлении отпуска. Просьба была уважена. Екатерина была весьма невысокого мнения о принце и была рада его отъезду из России.

451. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V.1776

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 1об. – 2.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 114.

Это письмо и письма № 452–457 отнесены к маю 1776 г. После трагичных дней апреля кризис в отношениях между Екатериной и Потемкиным переходит в новую фазу. Императрица живет в Царском Селе, готовя поездку сына в Берлин. Потемкин находится там же, но дипломаты в конце апреля – начале мая все чаще начинают говорить об усилении Завадовского и скором падении Потемкина. Граф К.Г. Разумовский в письме из Батурина в Петербург своему хорошему знакомцу М.В. Ковалинскому (другу философа Г. Сковороды), бывшему правителем канцелярии Потемкина, писал "Здесь слух пронесся из Москвы, что ваш шеф зачал будто бы с грусти спивать. Я сему не верю и крепко спорю, ибо я лучшую крепость духа ему приписываю, нежели сию... (письмо от 24.V.1776. См. – *Васильчиков*. Семейство Разумовских. Т. 1. С. 363).

452. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 235–236.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 108–109.

453. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 276.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 114.

454. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 151.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 107.

455. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

V.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 93.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 405.

В письме говорится о премьер-майоре лейб-гвардии Преображенского полка Ф.М. Толстом. Потемкин за множеством обязанностей не мог уделять полку должного внимания. Преображенцами фактически командовал Толстой, о котором еще в апреле 1776 г. графиня Е.М. Румянцева писала мужу: "Толстова уже не подзывают и никогда не кличут разговаривать, этот очень нос повесил". (*Письма Румянцевой*. С. 198). Очевидно, недоброжелатели Потемкина распускали слухи о непорядках в одном из самых заслуженных полков гвардии, стараясь обострить отношения князя с императрицей.

456. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V.1776

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 1.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 114.

457. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

V–VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 345–346об.
Публикация – *ВИ*, 1989. № 12. С. 112.

[1] *Прочитала я тебе в угодность письмо твое...* – Не разыскано.

[2] *Просишь ты отдаления Завадовского. Слава моя страждет всячески от исполнения сей прозьбы.* – Решение Екатерины бесповоротно. Она отдаляется от Потемкина, как женщина, и делает все для удержания его на вершине власти. В мае 1776 г. шведский король присылает Потемкину орден Св. Серафима (по просьбе императрицы). В мае следует инструкция российскому послу в Варшаве графу О.М. Штакельбергу: всеми способами добиваться Курляндского герцогства для Потемкина. Важная подробность: Завадовского считали креатурой Румянцева, как и Потемкина. Последнее вряд ли соответствовало истине. Завадовский даже в дни своего фавора продолжал оставаться (об этом свидетельствуют его письма фельдмаршалу) секретарем Румянцева. Потемкин сразу заявил о себе, как о самостоятельной и крупной политической фигуре.

[3] *Сожалительно весьма, что условленность у Вас с Гагариным, Голицыным, Павлом, Михаилом и племянником...* – *Гагарин* Гаврила Петрович (1745–1808) – князь, двоюродный племянник братьев Паниных. Волонтер в армии Румянцева во время

войны. Вместе с его сыном М.П. Румянцевым привез в Петербург известие о мире с Портой. Пожалован в камер-юнкеры. Впоследствии сенатор, действительный тайный советник. Занимал крупные посты в администрации Павла I. Видный масон. С 1779 г. возглавлял ложи шведской системы, имевшиеся в России.

Голицын Сергей Федорович (1749–1810) – князь, полковник, флигель-адъютант императрицы. Это отличие от получил благодаря Потемкину, который хорошо знал его по совместной службе на Дунае. Потемкин выдвигал и поддерживал молодого способного офицера. Голицын в 1779 г. женился на племяннице князя В.В. Энгельгардт. Впоследствии имел чин генерала от инфантерии, считался крупным военачальником с большим боевым опытом.

Павел, Михаил и *племянник* – П.С. Потемкин, М.С. Потемкин и А.Н. Самойлов.

Все перечисленные в письме лица упоминаются в *КФЖ* за май 1776 г.

458. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 2.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 119.
Публикуется впервые.

С 21.V по 3.VI Потемкин не показан в *КФЖ*. Возможно, между ним и Екатериной произошло объяснение. Отметим, что 22.V императрица не выходила из внутренних покоев и обедала одна. На другой день она совершила поездку в Гатчино. Ее сопровождали: наследник престола, принц Генрих, граф П.А. Румянцев, графиня П.А. Брюс, П.В. Завадовский, князь Г.П. Гагарин и другие лица. В Гатчино ее приветствовали хозяин – князь Г.Г. Орлов и его брат Алексей. Английский поверенный в делах Оак в депеше от 20/31.V сообщил о том, что "Завадовский был объявлен в звании любимца и получил три тысячи крестьян" (*Русский двор сто лет тому назад*. С. 211). 3.VI Потемкин появляется в Царском Селе. Завадовский, который почти ежедневно обедал с императрицей, куда-то исчезает. Похоже, он побаивается соправителя Екатерины. Напротив, Потемкин держится уверенно, каждый день обедает с государыней. Тон письма также уверенный и твердый.

459. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 3.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 134.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 104.

Письма № 459–463 связаны с покупкой для Потемкина собственного дома. Поначалу речь шла о доме А.И. Бибикова в Москве. Для опытных царедворцев переезд князя из Зимнего в собственный дом означает конец его влияния на императрицу. Но Екатерина не может отпустить Потемкина. Под предлогом дороговизны (как будто для нее этот пункт так важен) она вместо дома в Москве покупает у графа К.Г. Разумовского Аничков дворец, стоящий на Невском проспекте.

460. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 3.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 49.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 89.

461. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 3.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 340.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 111.

462. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 7.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 266.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 113.

463. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 7.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 20.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 89–90.

[1] *...Ваше письмо повело бы к длинным рассуждениям.* – Не разыскано.
[2] *Это дом непригодный для жилья и грозящий разрушением.* – Скорее всего речь идет о бибиковском доме, но, возможно, и о каком-то другом. Вскоре Потемкину был подарен Аничков дворец (см. письма № 467, 470). Но его покои в Зимнем остались за ним. (см. письмо № 464).

464. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 21.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 14.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 389.

Написано до отъезда Потемкина, который состоялся 21.VI.

[1] *Батинька, видит Бог, я не намерена тебя выживать изо дворца.* – До конца своих дней Потемкин жил в Зимнем дворце. Орлов, также имевший в Зимнем свои покои, почти не жил там и окончательно расстался с ними в 1777 г. после женитьбы на Е.Н. Зиновьевой.
[2] *Буде... ты находишь за лучий способ объездить губернии, о том препятствовать не буду.* – Потемкин заявил о своем намерении проинспектировать войска Санкт-Петербургской дивизии, части которой располагались (помимо столичной губернии) в губерниях Новгородской, Псковской, Выборгской и Тверской.

465. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 21.VI.1776

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 30.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 114.

[1] *Верь, что отъезд меня не амбарассирует... Пишешь тетрадями. Ответствовать пришлю...* – Хотя императрица и говорит Потемкину, что его отъезд не обременит ее, что она ответит на его многостраничные письма (не разысканы), Екатерина все же признается, что будет ожидать его возвращения. До отъезда Потемкина произошло несколько примечательных событий. 13.VI.1776 г. вечером из Царского Села в Ригу выехал наследник престола. Он держал путь на Берлин. С ним отправились фельдмаршал граф П.А. Румянцев и несколько лиц свиты. На другой день, также вечером, отбыл принц Генрих Прусский. Высокого гостя провожали –

дежурный генерал-адъютант граф Я.А. Брюс, Л.А. Нарышкин и... Потемкин, которому дипломаты пророчат скорую отставку. Завадовского в эти дни не видно. Зато 12.VI к столу приглашен бывший фаворит А.С. Васильчиков.

466. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 21.VI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 385.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 117.

Написано накануне отъезда Потемкина в Новгородскую губернию. Враги князя ликуют. Графиня Е.М. Румянцева в письме мужу в Берлин сообщает: "Князь Григорий Александрыч сегодня едет осматривать полки в Новгород и экипаж и служители дворцовые с ним, а поедет ли куда далее, этого не знаю" (*Письма Румянцевой*. С. 204). Английский дипломат Оак торопится сообщить (депеша от 1/12.VII.1776): Потемкин кончит свои дни в монастыре (см. – *Русский двор сто лет тому назад*. С. 211).

467. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.VI.1776

Подлинник. Подпись – автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 91.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 90.

Переговоры между Екатериной и Потемкиным о покупке для него дома (см. письма № 459–463) тянулись несколько недель. Похоже, императрица хочет скрасить отъезд своего мужа и сразу же (после его отъезда) дарит ему Аничков дворец. Потемкин не жил в нем, изредка давая в Аничковом дворце великолепные праздники. Любопытная подробность: Аничков дворец был построен для графа А.Г. Разумовского, тайного мужа императрицы Елизаветы Петровны. Потемкин вскоре продал дворец откупщику Никите Шемякину. Государыня купила у него Аничков дом и снова подарила Потемкину. В 1785 г. дворец был куплен в казну.

468. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.VI.1776

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 43.
Публикуется впервые.

1 *Письмо Ваше господин Елагин мне вручил.* – Не разыскано.

2 *Великий Князь пишет ко мне из Риги от 20 июня...* – В своем письме наследник сообщил матери о ссоре лифляндского генерал-губернатора графа Ю.Ю. Броуна с командующим лифляндской дивизией генерал-поручиком бароном И.К. Эльмптом. В письме также говорилось о якобы бедственном состоянии полков дивизии. Потемкин быстро принял меры. 16.VII генерал-кригскомиссар Н.Д. Дурново сообщил ему о том, что "неудовольствие состоит только в одном рубашечном холсте" и обещал поправить дело (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 81а. Л. 17б.).

3 *Эльмпт* Иван Карлович, фон (1725–1802) – барон, выходец из Германии. В 1751 г. поступил на русскую службу. Участник Семилетней и русско-турецкой войн. Быстро продвинулся в чинах. Впоследствии граф, генерал-аншеф. При Павле I стал генерал-фельдмаршалом, но вскоре был уволен от службы. Особыми военными талантами не блистал.

469. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.VI.1776

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.
Публикуется впервые.

[1] *... два письма Ваши: одно без числа, а другое от 29 сего месяца я получила.* – Не разысканы.

[2] *Репорты Кн[язя] Прозо[ровского] знатно Вы позабыли прислать...* – Бывший начальник Потемкина князь А.А. Прозоровский командовал войсками на юге, подчиняясь фельдмаршалу Румянцеву. Его рапорты сообщали о крымских делах. В нарушение заключенных с Россией договоров крымский хан Девлет-Гирей (опираясь на поддержку Порты) открыто готовился к военным действиям. Прозоровский нервничал, запрашивал Румянцева о том, может ли он давать отпор, если хан начнет враждебные действия. 14.VII.1776 императрица написала графу Н.И. Панину: "Я говорила с Фельдмаршалом о делах татарских в образе ваших мыслей. Осень и он находит для овладения Перекопью пунктом удобнейшего времени... Генерал-поручику Князю Прозоровскому он дал наставления при своем отъезде и считает, что сей может соблюсти бодрственную стражу со стороны военной части" (*ПКР*. Т. 1. С. 77). Решено было подготовить декларацию (для иностранных дворов) о мотивах занятия Перекопа и поддержать Шагин-Гирей, стоявшего во главе ногайских орд.

470. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.VII.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 12.
Публикуется впервые.

Из письма новгородского наместника Я.Е. Сиверса Потемкину известно, что вице-президент Военной коллегии осматривал в Новгороде "свой полк" – Новотроицкий кирасирский, шефом которого он был с 1774 г. (См. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 41. Ч. 1. Л. 132). Во время инспекционной поездки Потемкин повредил ногу и Екатерина, узнав об этом, немедленно послала к нему лейб-медика Соммерса. 28 июня – в день восшествия на престол (который императрица, как всегда, праздновала в Петергофе) Государыня в окружении сановников, генералов и дипломатов выслушала торжественную речь Преосвященного Платона. В свите – братья Григорий и Алексей Орловы, Завадовский и другие лица. В том числе родственники Потемкина – фрейлина А.В. Энгельгардт и А.Н. Самойлов. Отсутствие самого Потемкина бросается в глаза и порождает толки о его окончательном удалении от двора.

471. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VII.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 321.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 109.

23.VII вечером Потемкин вернулся в столицу. Он был тепло принят царицей и, к изумлению дипломатов, приступил к исполнению своих многочисленных обязанностей. Никто не знает, что князь Григорий Александрович правит русские письма Екатерины, которые она посылала своему сыну в Берлин. Слухи о том, что военное ведомство будет поручено возвращающемуся из Турции князю Н.В. Репнину, остались слухами.

[1] *...сделали ли вы что-нибудь по переустройству ваших губерний?* – Потемкин был генерал-губернатором Новороссийской и Азовской губерний. Очевидно, речь идет о планах их реорганизации, которые были осуществлены позднее.

472. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VII.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 108.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 97.

473. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 26.VII.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 100.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 123.

Это письмо и письма № 474 и 475 вызваны сведениями о появлении в Вологодском наместничестве "воровской шайки", чьи разбойничьи нападения породили панические настроения среди местной администрации. Генерал-прокурор князь А.А. Вяземский должен был передать Потемкину письмо московского главнокомандующего князя М.Н. Волконского о наряде войск против разбойников.

[1] *О Рожнове Брюсу прикажу.* – Сержант лейб-гвардии Измайловского полка Григорий Рожнов еще 31.I.1775 г. был определен в штаб Потемкина флигель-адъютантом (см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 355). О каком приказе идет речь, установить не удалось.

474. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.VII.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 17.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 101.

[1] *При сем посылаю к Вам письмо Архангелогородского губернатора к Генерал-Прокурору...* – Губернатором в Архангельске был генерал-поручик *Головцын* Егор Андреевич. Письмо Головцына Вяземскому от 7.VII.1776 г. хранится в том же деле (л. 18–18об.) вместе с его донесением в Сенат о появлении разбойничьей шайки (л. 19–20об.).

475. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

26.VII.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 15.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 17.

476. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 27.VII.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 23.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 131.

[1] *Подан мне от Сената доклад по делу Глебова – Глебов* Александр Иванович (1722–1790) – генерал-аншеф, генерал-губернатор Белорусский и Смоленский. Выдвинулся при графе П.И. Шувалове. Занимал крупные посты в центральной администрации: возглавлял почти 15 лет генерал-кригскомиссариат, был генерал-прокурором до

1764 г. В июле 1776 г. отстранен от должности генерал-губернатора в связи с крупными хищениями, случайно выявленными в московской конторе "по мундирному магазейну". 28.VII фельдмаршал князь А.М. Голицын получил повеление Екатерины – повидать Глебова и передать ему волю императрицы об отставке и наряжении следствия (*РГАДА*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 105. Л. 65).

[2] *Измайлов* Михаил Михайлович (1722–1800) – заведовал долгое время строительной конторой в Москве, с 1773 г. сенатор, тайный советник.

[3] *Козлов* Иван Иванович (1716–1788) – сенатор с 1768 г., тайный советник.

[4] *Камынин* – см. примеч. 1 к письму № 298.

[5] *Вяземский* Иван Андреевич (1722–1789) – князь, сенатор с 1767 г., тайный советник.

Все перечисленные Екатериной сенаторы числились по московскому отделению Сената.

477. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 27.VII.1776

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 3.
Публикуется впервые.

[1] *Дурново* Николай Дмитриевич (ум. в 1816) – генерал-поручик, генерал-кригскомиссар, ответственный за снабжение войск амуницией. В 1777 г. ему был пожалован орден Св. Анны, а 26.XI.1782 г. – орден Св. Александра Невского. После тяжелой болезни был сменен М.С. Потемкиным (см. письма № 654, 655) и пожалован в сенаторы (28.VI.1783 г.). Генерал-аншеф.

478. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

X.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 8а.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 394.

Очевидно, говорится о намерении Потемкина покинуть двор, о котором он мог сообщить своим друзьям в IV–VI.1776 г. После возвращения из месячной поездки для осмотра войск Санкт-Петербургской дивизии Потемкин приступил к отправлению своих многочисленных обязанностей и не упоминал о своем намерении. Русские войска готовились вступить в Крым для поддержки Шагин-Гирея – претендента на ханский престол.

479. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.XI.1776

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 480.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 122.

[1] *Олсуфьев* Павел Матвеевич (род. в 1726 г.) – генерал-поручик, состоял при Московской дивизии. В апреле 1776 г. опротестовал распоряжение своего командующего князя М.Н. Волконского о следовании с полками из Москвы в лагерь, заявив, что идти должен старший генерал-поручик граф В.П. Мусин-Пушкин. Волконский предложил подать формальную жалобу и Олсуфьев 2.V.1776 представил ее в Военную коллегию (см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 59. Ч. 2. Л. 99). Императрица была недовольна и приказала уволить генерала в отставку. Сохранилось письмо Олсуфьева Потемкину (без даты), в котором он умоляет "не допустить меня со-

страдать в положениях моих нещастных быть под гневом императрицы моей" и просит прощения (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 59. Ч. 6. Л. 128). Решение Екатерины осталось неизменным.

ПИСЬМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1776

480. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 21.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 390.

[1] *Приложенное письмо к Графу Штакельбергу я нарочно не дописала...* – Екатерина продолжает хлопоты о Курляндском герцогстве. Она предлагает Потемкину доработать письмо послу в Варшаве Штакельбергу, после чего сама его "допишет и подпишет".

В эти месяцы произошли важные события. 26.IX.1776 состоялось венчание наследника престола с великой княгиней Марией Федоровной (принцессой Виртембергской Софией-Доротеей). Во время шествия в церковь "по правую сторону Ее Императорского Величества немного впереди шел Ее Императорского Величества дежурный генерал-адъютант генерал-аншеф Его Светлость Князь Григорий Александрович Потемкин, а по левую обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин. Подле Ее Императорского Величества, немного уступя назад, соизволили идти Их Императорские Высочества" (*КФЖ*). Венцы держали Г.Г. Орлов над Павлом Петровичем, И.И. Бецкой над Марией Федоровной. Дипломаты терялись в догадках. Им казалось, что карьера Потемкина кончена, а он по-прежнему играет важную роль.

В ноябре русские войска двинулись к Перекопу. Бринк донес с Кубани об избрании Шагин-Гирея ханом среди ногайских орд. Турция пыталась сохранить своего ставленника Девлет-Гирея и грозила военным вмешательством в конфликт. Европейские державы были заняты событиями за Атлантическим океаном. Бывшие английские колонии в Северной Америке провозгласили себя независимыми. Англия пыталась силой подавить непокорных. В военный конфликт на стороне Северо-Американских Соединенных Штатов вступили Франция, Испания, Голландия. Россия заняла позицию благожелательного нейтралитета по отношению к новому государству, отказавшись помогать Англии войсками.

481. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 47.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 414–415.

В мае–июне 1776 директор Нерчинских заводов статский советник Василий Васильевич *Нарышкин* захватил казенные деньги и оружие и объявил о наборе гусарских полков среди местного населения (дауров), жалуя в обер и штаб-офицерские чины своих сторонников. С трудом бригадиру Федору Глебовичу Немцову, отправленному 18.III.1775 в Иркутск с губернаторскою властью, удалось арестовать Нарышкина и погасить волнения. Сенат расследовал это дело и приговорил виновного к кнуту и каторжным работам, но Совет при императрице не нашел в его делах злого умысла против Высочайшей власти и предложил лишить его чинов и не определять впредь ни к каким делам (*АГС*. Т. 1. Ч. 2. Стб. 733–734). Брат Нарышкина Алексей (?) в 1770 г.

был отправлен посланником в Турин и вопреки данной ему инструкции затеял переговоры, на которые не имел полномочий.

Письмо губернатора Немцова Потемкину послано из Иркутска 29.VIII.1776 г. и дошло по назначению не ранее октября (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 99. Ч. 3. Л. 55–60).

482. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 67.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 401.

Как генерал-губернатор Новороссийской и Азовской пограничных губерний, Потемкин был озабочен обеспечением безопасности границ, увеличением населения. Поселенные полки обеспечивали и хозяйственное освоение земель, и их оборону. Экономя на других статьях бюджета губерний, Потемкин изыскивал для них средства. Императрица добивалась от него четкой отчетности по всем статьям дохода и расхода.

483. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 68.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 401–402.

[1] *Я читаю штаты губерний Ваши*[*х*]... – Губернское положение, опубликованное 11.XI.1775 г., вводилось постепенно, по мере готовности тех или иных губерний. В зависимости от положения губернии (пограничная или внутренняя), численности ее населения и других обстоятельств допускались некоторые отступления от общих правил. Но императрица все же требует от Потемкина соответствия штатов его губерний губернскому положению.

484. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 56.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.

Это письмо и письма № 485–487 связаны с поисками места для загородной резиденции Потемкина под Петербургом. Имение Кайкуши принадлежало В.Г. Шкурину, гардеробмейстеру Екатерины, верному ее слуге, у которого в семье был укрыт и воспитывался сын императрицы и Григория Орлова будущий граф А.Г. Бобринский. После переворота Шкурин был возведен в дворянство, получил чин действительного камергера и имение Кайкуши на берегу Невы (в числе других пожалований).

Дача графа И.Г. Чернышева на Петергофской дороге имела каменный дворец и парк. Позади нее было расположено имение Коерово, принадлежавшее статс-секретарю А.В. Олсуфьеву.

Горелый Кабак располагался также на Петергофской дороге. Имение Березень или Зверинец с шумной речкой располагалось неподалеку.

485. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 5.
Публикуется впервые.

[1] *Приложенное у сего письмо*... – Не разыскано. Очевидно, связано с поисками деревень под Петербургом для Потемкина. Екатерина делает все для того, чтобы Потемкин остался в России.

486. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 117.
Публикуется впервые.

487. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 124.
Публикуется впервые.

[1] *Мельгунов уехал.* – Последний раз А.П. Мельгунов упоминается в *КФЖ* 17.XI.1776 г.

[2] *...распорядок касательный до выкупа деревень Ягужинского, остановился без действа.* – В *СБРИО* (Т. 27. С. 134–135) приведен черновик письма Екатерины И.П. Елагину: "Иван Перфильевич! Пришло мне на ум, что можно бы составить Указ в следующей силе: Указ Н[ашему] С[енату]. Уступленные приложенным письмом вместа казенного долга или на уплату казенного долга от графа Сер[гея] Ягужинского такие с такия деревни повелеваем отдать в вечное и потомственное владение Князю Гр[игорию] Ал[ександровичу] Потемкину".

Сын первого генерал-прокурора, сподвижника Петра I – *Ягужинский* Сергей Павлович (1731–1806), граф, имел чин генерал-поручика. "Бездарный, распутный и расточительный, истратил свое состояние и своих двух жен. В крайней нужде взят в опеку", – сообщает о нем *РБС*.

1777

488. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 5.III.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 344.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 112.

Весь февраль 1777 г. Потемкин показан в *КФЖ*. С 5.III по 17.IV он отсутствует. Последняя фраза, кажется, указывает на пожелание отдыха. Общий тон писем и записок Екатерины Потемкину со второй половины 1776 г. заботливо-нежный и дружеский.

489. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.III.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 65.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 114.

[1] *Сей час, батинька, получила твое письмо* – Не разыскано. "Важная материя" письма могла быть связана с событиями в Крыму. 17.I.1777 г. Суворов вступил в командование Крымским корпусом вместо заболевшего Прозоровского. Вскоре под прикрытием русских войск Шагин-Гирей, избранный ногайцами ханом, двинулся на Тамань, готовясь к высадке в Крыму. 19.I Румянцев поздравил его с избранием и сообщил о мерах, предпринимаемых ради его безопасности в Крыму и на Кубани (*ПКР*. Т. 1. С. 254).

490. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 30.III.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 48.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 416.

[1] *Княжнин* Яков Борисович (1740 или 1742–1791) – в чине капитана состоял с 1764 г. за секретаря при дежурных генерал-адъютантах. Растратил 5 773 рубля 54 копейки казенных денег и в 1773 г. был судим и написан в солдаты. 15.III.1773 г. последовало повеление императрицы в Военную коллегию "Судьбу Княжнина Военная коллегия решить имеет, а впрочем имение его отдать в управление его матери... Денег же истраченных более не взыскивать" (*РА*, 1873. Кн. 2. С. 1796). Таким образом известный драматург четыре года числился солдатом. 30.V.1777 г. Потемкин писал: "Ея Императорское Величество, всемилостивейше прощая бывшего капитана Якова Княжнина в содеянном им преступлении, высочайше указать соизволила возвратить ему прежний капитанский чин, о чем ко исполнению Государственной Военной Коллегии объявляю" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 367). В том же году Княжнин вышел в отставку и занялся литературной деятельностью. Был избран в члены Российской Академии. В 1793 г. президент Российской Академии княгиня Е.Р. Дашкова напечатала трагедию покойного Княжнина "Вадим Новгородский" (написана в 1789 г.), вызвавшую резкую реакцию правительства и лично Екатерины II, распорядившейся сжечь трагедию рукой палача. Дашкова в своих "Записках" связывает это с наветами лиц, испуганных событиями французской революции.

491. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 13.IV.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 279.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 115.

Императрица была у Святого Причастия 13.IV. Потемкин (согласно *КФЖ*) появляется только 17-го. Возможно, он приехал днем раньше на Пасху.

492. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 17.IV.1777

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 48.
Публикуется впервые.

Полуторамесячное отсутствие Потемкина, очевидно, оживило его врагов (по отзывам дипломатов в это время против него были Панин и Орловы). Потемкин упомянул о "плутнях", но не назвал имен. Екатерина принимает меры, посылая Бецкого и Остермана "говорить" Панину.

[1] *Остерман* Иван Андреевич (1725–1811) – граф, вице-канцлер, действительный тайный советник. Сын знаменитого дельца и дипломата, выдвинувшегося еще при Петре Великом А.И. Остермана, выходца из Вестфалии. Остерман-сын более 10 лет провел с Стокгольме в качестве чрезвычайного посланника. В 1774 г. при поддержке Потемкина назначен вице-канцлером. Самостоятельной роли ни при Панине, ни после его отставки в 1781 г. не играл, выполняя представительские функции.

493. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 17.IV.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 40.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 110.

Скорее всего речь идет о секунд-майоре и кавалере *Гейкине* Григории Ивановиче (ум. в 1784). Я.Л. Барсков предположил, что это барон *Гейкинг* Христофор Иванович. Но последний в 1777 г. уже имел чин генерал-майора.

494. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Конец IV.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 88.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 120.

10.III.1777 Шагин-Гирей высадился в Крыму. Генерал-поручик Суворов одними маневрами своих войск под Бахчисараем рассеял толпы сторонников турецкого ставленника Девлет-Гирея. 23.III Диван в Бахчисарае признал ханом Шагин-Гирея. Его соперник бежал из Крыма на турецком судне. Князь Прозоровский вместе с депешами, очевидно, прислал восточный убор, который Екатерина решила поместить в китайских домиках в Ораниенбауме.

495. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.V.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 296.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 107.

Уже в мае 1777 английский поверенный в делах Оак писал в Лондон о немилости императрицы к Завадовскому и о подлинном влиянии на нее Потемкина. Завадовский показан в *КФЖ* по 17.V.1777. Очевидно, в один из дней, когда дежурным генерал-адъютантом был князь Г.Г. Орлов (14.V его сменил Потемкин) произошло объяснение Екатерины с Завадовским (см. письмо № 496). Сохранилась ее записочка отставленному фавориту, в которой говорилось: "Мне Князь Ор[лов] сказал, что желаешь ехать, и на сие я соглашаюсь. Не отвечала я тогда, когда ты не принимал никакие резоны, и я опасалась, что занеможешь, и признаюсь, что мне сие досадно было. После обеда, буде будешь кушать, я могу с тобою увидеться. Впрочем, быть уверен, что не отнимаю от тебя ни дружба, ни доверенность, ни благоволения" (*РИЖ*. 1918. № 5. С. 257).

496. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 14.V.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 96.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 123.

Екатерина описывает последнюю беседу с Завадовским. Отставленный фаворит показан в *КФЖ* 14–16.V и 2.VI. 8.VI.1777 он покидает Петербург и едет в Малороссию, в свое имение Ляличи. Официально ему был дан отпуск на 3 месяца, а в утешение – 4 тысячи душ. Граф К.Г. Разумовский, которого Завадовский выбрал в посредники, появился в столице лишь в августе 1778. После пятницы 2.VI.1777 императрица написала Завадовскому любопытное письмо. "Письмо твое и с приложениями я получила в пятнице. За уверения о верности и привязанности благодарствую... Быть уверен, что навсегда отменно к тебе пребуду расположена. О

приезде твоем предаю в вашей воле. Наипаче же успокой свой дух и быть здоров и весел, и я советую следовать совету С.Р. В[оронцова] переводить Тациту или же упражняться Российской историею... Дабы Кн[язь] Гр[игорий] Ал[ександрович] был с тобою по прежнему, о сем приложить старание нетрудно, но сам способствуй; двоякость же в том не пребудет; напротиву того – приближатся умы, обо мне единого понятия и тем самым ближе друг к другу находящиеся, нежели сами понимают. Зависть и клевета, равно, как и гонения, привыкла держать в оковы. Итак, быть спокоен. Обещанный перстень пришлю; о сем уже И.И. Б[ецкому] приказано. Впрочем, дом твой обще с тобою в память и защищение мое пребывают и пребывать будут" (*РИЖ*. 1918. № 5. С. 257).

497. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.V.1777

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 51.
Публикуется впервые.

[1] *Сей час получила известия, что Король Шведский вчерашний день хотел выехать из Стокгольма... намерен здесь очутиться чрез две, а не позднее трех недель, то есть неделя после Троицына дня.* – Король Швеции *Густав III* (1746–1792) по отцу приходился двоюродным братом Екатерине, по матери – племянником Фридриху Великому. На престол вступил в 1771. Вскоре произвел государственный переворот (при активной роли французской дипломатии), укрепил свою личную власть и резко ослабил права сейма. Во время первой русско-турецкой войны занимал враждебную позицию по отношению к России. Во время второй – вероломно объявил войну и начал боевые действия в непосредственной близости от столицы империи. Потерпев ряд поражений на суше и на море, король, проявивший личную храбрость в сражениях, пошел на мир с Екатериной, несмотря на давление Пруссии и Англии. Вскоре сделался союзником российской императрицы и предлагал ей покончить с гидрой революции во Франции. Был смертельно ранен на дворцовом маскараде в 1792. Романтичный король, страстный поклонник античности, живописи и театра, вечно нуждался в деньгах и легко переходил на сторону тех дворов, которые давали ему субсидии. Екатерина иронично относилась к королю, называя его в письмах "братцем Гу".

[2] *Хочет во всем быть на равном поведении и ноге, как Император ныне во Франции.* – Император Священной Римской империи *Иосиф II* (1741–1790) в 1777 г. посетил Францию под именем графа Фалькенштейна. Европейские газеты много писали о скромности императора, осматривавшего достопримечательные места без свиты и подчинявшегося правилам для обычных посетителей. Густав III, подражая императору, прибыл в Петербург под именем графа Готландского и старался обходиться без условностей придворного этикета.

[3] *Шеффер* Ульрик (1716–1790) – граф, первый королевский министр (министр иностранных дел).

[4] *Нолькен* Иохан Фредрик (1737–1809) – барон, чрезвычайный посланник в Петербурге с 1773 по 1788. Аудиенция Нолькену была дана императрицей в четверг 1.VI.1777 в Царском Селе.

[5] *Отдайте Сенюше приложенное письмецо. – Сенюшей* Екатерина называет *Зорича* Семена Гавриловича (1745–1799), которого Потемкин, бывший шефом лейбгусар и лейб-казаков (конвоя императрицы), просил себе в помощники, ссылаясь на свою занятость. "Теперь, усмотря способность и достоинство состоящего в гусар-

ских полках премиер-маиора и кавалера Зорича, всеподданнейше прошу об определении его к помянутой должности, пожаловав ему такую степень, какую Ваше Императорское Величество за благо признать изволите", – писал Потемкин 27.V.1777. На этом представлении имеется резолюция: "Определить с чином подполковника. Екатерина" (*АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 20. Л. 94). Зорич происходил из семьи сербов, перешедших на русскую службу. В одном из боев, весь израненный Зорич, окруженный турками, назвался графом, что спасло ему жизнь. "Знатного пленника" отослали в Константинополь. Когда обман раскрылся, гусару пришлось провести 4 года в заключении. По возвращении из плена был награжден Георгием 4-ой степени. Потемкин знал его со времени войны. В 1776 г. Зорич в смелом (если не сказать, дерзком) письме просил главу Военной коллегии уравнять себя в чинах с офицерами, ставшими подполковниками за то время, которое он был вынужден провести в плену (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 3. Л. 112). Желая заменить Завадовского своим человеком, Потемкин представил Екатерине Зорича до его официального появления при дворе. Вскоре Зорич был осыпан наградами и чинами, но его фавор длился всего лишь 11 месяцев. Возомнивший о себе фаворит бросил вызов Потемкину и немедленно получил отставку. Жил большей частью за границей и в своем богатом имении Шклов в Белоруссии. Оказался замешанным в дело о фальшивых ассигнациях, которые изготовлялись в его имении авантюристами братьями Занович (см. письмо № 647 и примеч. к нему). "Можно сказать, две души имел, – отозвалась о Зориче Екатерина. – Любил доброе, но делал худое, был храбр в деле с неприятелем, но лично – трус".

[6] *Куда как скучаю без Вас.* – 22.V.1777 Потемкин вместе с другими членами Совета был в Царском Селе. На другой день императрица посетила Гатчино и была гостьей князя Г.Г. Орлова. В 1777 г. Троица приходилась на 4.VI. Письмо можно датировать вечером 22.V (исходя из его содержания).

498. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.V.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 133.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 101.

В субботу 27.V.1777 императрица со свитой прибыла из Царского Села в "Озерки, что за Невским монастырем, к его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину" (*КФЖ*). Встреченная хозяином, Екатерина под гром пушечного салюта проследовала в дом, где состоялся обед на 35 персон. Среди приглашенных и лиц свиты (фельдмаршал князь А.М. Голицын, генерал-аншефы князь Н.В. Репнин и граф И.П. Салтыков, генерал-прокурор князь А.А. Вяземский, статс-дама графиня П.А. Брюс) обращает внимание обилие родственников Потемкина. Это фрейлина А.В. Энгельгардт и ее сестра девица Е.В. Энгельгардт, братья П.С. и М.С. Потемкины, камер-юнкер А.Н. Самойлов, флигель-адъютант императрицы Н.П. Высоцкий. В самом конце списка – "гусарский маиор Зорич". Первый раз новый фаворит появляется на большом приеме, которому придан характер семейного праздника. Придворные группировки боролись за "место фаворита", важное звено в системе власти. С 1777 г. фавориты Екатерины (кроме П.А. Зубова) занимали это место по взаимному соглашению императрицы и Потемкина. Екатерина требовала от них беспрекословного уважения к своему тайному мужу и соправителю. В случае неповиновения фаворит получал отставку.

499. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 10.VI.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 377.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 116.

[1] *Пожалуй, нарядите нас для Петергофа так, чтоб мы у всех глаза выдрали и чтоб наровне слух был о нашем экоссерстве да и о приезде Короля Шведского.* – 5.VI.1777 королевская яхта и сопровождавшая ее галера бросили якоря в Ораниенбауме. Было раннее утро. Густав III сошел на берег и остановился в посольском доме. Вместе с бароном Нолькеном он нанес визит жившему неподалеку графу Н.И. Панину, главе Коллегии иностранных дел. Панин думал увидеть Нолькена. Он одевался, когда король и посланник вошли к нему. Барон утешил Панина, сказав, что министр Людовика XVI граф Морепá заставил дожидаться в приемной императора Иосифа II, прибывшего в Париж под именем графа Фалькенштейна. Густав III прибыл в Царское Село в половине 7-го вечера. На приеме, устроенном императрицей, присутствовал Потемкин (в числе немногих избранных лиц). Во время визита он показывал "графу Готландскому" Петропавловскую крепость и расположенный там монетный двор, устраивал в честь высокого гостя смотр лейб-гвардии Преображенского полка, дважды принимал императрицу и короля у себя – в загородной резиденции, в Стрельне.

Ироничный тон письма Екатерины ("*нарядите нас для Петергофа так, чтоб мы у всех глаза выдрали...*"), возможно, связан с Зоричем, о котором уже заговорили при дворе, как о новом фаворите. 10.VI.1777 государыня из Царского Села отправилась в Петергоф, где 11-го, в воскресенье, был устроен большой прием. Но король провел этот день в столице и прибыл в Петергоф только 12-го.

[2] *Перюша* – прозвище, которым Екатерина называет Потемкина, но иногда и других лиц, любивших щегольнуть нарядной одеждой (см. письма № 523–526). Французское слово Perruche можно перевести, как "Попугайчик".

[3] *С какой смешной тварью Вы меня ознакомили.* – Скорее всего, эти слова относятся к Зоричу, человеку экспансивному и совершенно потерявшему голову от случившейся с ним перемены. Он – вчерашний гусарский майор – сидел за одним столом с императрицей и королем, с фельдмаршалами и министрами, с первыми чинами двора.

500. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.VI.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 26.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 7. С. 132.

[1] *Письмо Ваше и с приложением сей час получила.* – Не разысканы.

[2] *Я сего дня веселюсь тем, что завтра у Вас буду обедать.* – 16.VI.1777 императрица с небольшой свитой обедала в Стрельне у Потемкина.

[3] *Прошу Perruche вручить приложенную цыдулку, а Катишу привезу...* – Фразу можно понять двояко: либо Потемкин должен вручить "приложенную цыдулку" некоему Перюше, либо Перюша – он сам и должен вручить ее какому-то лицу. *Катиша* – племянница Потемкина Екатерина Васильевна *Энгельгардт* (1761–1829). Весной 1777 г. *КФЖ* называет ее "девицею Е.В. Энгельгартовой", а с 13.VI – фрейлиной. Императрица намекает на ухаживания Перюша за новой фрейлиной. В Катеньку Энгельгардт был влюблен питомец кадетского корпуса Алексей Бобринский (сын Екатерины и Г.Г. Орлова). См. письма № 576–581. В 1781 она вышла замуж за графа П.М. Скавронского.

501. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.VI.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 4.
Публикация – *СБРИО*, Т. 42. С. 149. Письмо ошибочно отнесено к 1791 г.

[1] *Репорта полкового и письмо получила.* – Не разысканы. В полковом рапорте речь могла идти о смотре лейб-гвардии Преображенского полка шведским королем Густавом III в присутствии подполковника преображенцев князя Г.А. Потемкина. Смотр состоялся 21.VI.1777.

[2] *Бриллиантового пера в получении нету, хотя пишете, что послали.* – О получении бриллиантового пера см. в письме № 502.

[3] *С великою охотою готовлюсь быть у Вас во вторник.* – Обед у Потемкина в Стрельне, на котором присутствовали императрица и Густав III, состоялся не во вторник, а в понедельник 26.VI.1777. Король несколько раз менял свои планы на протяжении визита. Возможно, он не захотел проводить день 27 июня (памятный день полтавской виктории) в обществе наследников победителей. *КФЖ* отмечает: шведский король появился 27.VI.1777 в Петергофе лишь поздно вечером.

502. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.VI.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 69.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 115.

Бриллиантовое перо украсило шляпу Зорича. Потемкин послал ему и трость. Екатерина, не без иронии, сравнивает фаворита с Густавом III, большим щеголем. Очевидно, это сравнение заставило ее вечером торжественного дня восшествия на престол (28.VI) преподнести "Его Сиятельству графу Готландскому... трость, богато украшенную бриллиантами" (*КФЖ*). Согласно записям в *КФЖ* Потемкин 23 и 24.VI отсутствовал. Екатерина беспокоится о его здоровье и просит поправиться к завтрашнему дню. В воскресенье 25.VI Потемкин присутствует на большом обеде в Петергофе.

503. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 28.VI.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 118.
Публикуется впервые.

[1] *Петров* Василий Петрович (1736–1799) – поэт и переводчик. Известны его оды, посвященные победам русской армии и флота, императрице и ее деяниям. В 1782 г. он опубликовал оду "Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину".

[2] *Мальтиц* Маргарита Яковлевна – баронесса. До 1792 г. состояла гофмейстериной при фрейлинах императрицы.

[3] Княгиня Екатерина (Ульяния) Николаевна *Орлова* (урожд. Зиновьева – 1758–1781), двоюродная сестра князя Г.Г. Орлова, фрейлина императрицы. Ее любовь и преданность заставили Орлова пойти против мнения братьев и против церковных установлений, запрещающих браки между близкими родственниками. 5.VI.1777 в тот самый день, когда шведский король удивил Панина и Екатерину своим неожиданным прибытием, Орлов обвенчался с Зиновьевой в церкви Вознесения Христа Копорского уезда Петербургской губернии. Князь показан на официальных приемах

через 4 дня после венчания, его жена через 10. Екатерина (одобрявшая этот брак) пожаловала 28.VI.1777 княгиню Орлову в статс-дамы. Однако уже в августе Санкт-Петербургская консистория возбудила дело о незаконности брака. Императрица вступилась за Орлова и лично писала архиепископу Гавриилу о "знаменитых заслугах князя передо мною и Государством", прося прекратить дело, которое тянулось до февраля 1780 г. Орлов обожал молодую жену, женщину незаурядную, не лишенную поэтического дара. Но брак оказался несчастливым. Рождение мертвых детей и чахотка свели Екатерину Орлову в могилу (16.VI.1781 в Лозанне). Орлов был потрясен этой смертью, потерял волю к жизни и умер через полтора года.

[4] *...отдать моей Варваре Васильевне.* – Третья племянница Потемкина Варвара Васильевна *Энгельгардт* (1757–1817) показана первый раз в *КФЖ* 29.VI.1777 г. Вскоре (8.VII) она уже названа фрейлиной. Сохранилась переписка Вареньки с дядюшкой – любовь-игра, в которой молодая и капризная красавица диктовала свои условия. (*РС*, 1875, март. С. 512–521). Вскоре Варвара Васильевна (используя Потемкина) сумела устроить свой брак с князем С.Ф. Голицыным и сделалась матерью обширного семейства и властной хозяйкой.

504. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 3.VII.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 26.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 128.

Некрасовцы – потомки донских казаков, ушедших вместе со своим атаманом Игнатием Некрасой в Турцию после подавления булавинского мятежа 1708 г. Они жили на Кубани и за Днестром. Раскольники поповского толка. Сражались против России в войсках крымского хана. Потемкин представил императрице рапорт атамана Войска Донского А.И. Иловайского (от 28.V.1777). Иловайский по поручению князя вел переговоры с некрасовцами и сообщал, что "изменнические некрасовцы" ставят условием возвращения в Россию – "прощение их предков". Екатерина опасалась, не затруднит ли переход некрасовцев положение Шагин-Гирея. Уже было известно, что на пути в Петербург находятся его посланники, которые везут грамоту о "вольном и единовременном избрании" Шагин-Гирея крымским ханом. Посланники прибыли 3.VII. 1777.

[1] *Также найдете в письме от князя Прозоровского, кое вчерась прислано.* – Письмо не разыскано.

505. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 3.VII.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 24–25.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 129.

Потемкин много сделал для поселения на юге раскольников, ушедших в Польшу, и для возвращения тех запорожцев, которые после упразднения Сечи ушли в Турцию. По его поручению переговоры с некрасовцами продолжил генерал-поручик А.В. Суворов, назначенный в ноябре 1777 г. командующим Кубанского корпуса. Переговоры закончились безрезультатно. Некрасовцы ушли еще дальше в турецкие владения. Вернулись на родину своих предков только в 70-е годы XX в.

506. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 5.VII.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 373.
Публикация – *ВИ*, 1989, №12. С. 116.

[1] *Скажите Языкову, что я его умещу Губернатором прежде осени...* – 5.VII.1777 г. последовал указ "о бытии Новороссийскому губернатору Муромцеву правителем наместничества в Тульской губернии и о пожаловании на его место в губернаторы с чином генерал-маиорским бригадира Языкова" (*РГАДА*. Ф. 248. Оп. 38. Д. 2474/5. Л. 584).

Языков Николай Данилович (1740–?) – участник Семилетней и русско-турецкой войны. В 1773 г. участвовал в боях под Силистрией, находясь в корпусе Потемкина. Несмотря на указ от 5.VII, Языков в декабре 1777 писал Потемкину из Москвы о том, что он числится по армейскому штату и не получает жалования, так как переведен в гражданскую службу. Только весной 1778 г. Языков отбыл в Кременчуг и принял губернию от Муромцева (*РГАДА*. Ф. 11. Д. 946. Л. 580–584).

[2] *Сиверс*, Яков Ефимович (1731–1808) – генерал-поручик, наместник новгородский и тверской. Пользовался большим доверием Екатерины II, как умный и знающий администратор. В 1857 г. в Лейпциге вышло 4-хтомное издание фон Блюма, в которое вошли письма, донесения, записки Сиверса и письма к нему разных лиц, в том числе Екатерины II. Как сообщил Блюм, Сиверс перед смертью сжег 300–400 писем императрицы. По мнению Д.Ф. Кобеко, Сиверс знал о браке Екатерины с Потемкиным. С 1798 г. граф.

507. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

11.VII.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 99.
Публикация – *СБРИО*, Т. 27. С. 132–133.

[1] *Письмо сие я читала сама. Приложенный же реестр читал предо мною Турчанинов.* – Судя по всему, князь А.А. Прозоровский прислал письма и список подчиненных, заслуживающих награды за поход в конце 1776 г. в Крым (проходивший в тяжелых условиях) и за действия по утверждению Шагин-Гирея на крымском престоле.

Турчанинов Петр Иванович (1746 – после 1823) – правитель канцелярии Потемкина. Сведения о начале его карьеры крайне скудны. Очевидно, это тот самый капитан Турчанинов, который 15.VII.1774 г. поскакал из Кучук-Кайнарджи в Петербург вместе с генеральс-адъютантом Потемкина И.Н. Ефимовичем с словесным рапортом о заключении мира с Портой (*ЧОИДР*. 1865. Кн. II. С. 321). Умный, образованный, ловкий царедворец, Турчанинов был рекомендован Потемкиным Екатерине и стал статс-секретарем по военным делам (1783). Играл заметную роль в правительственной администрации. Дослужился до чина генерал-поручика. Суворов, знавший Турчанинова с детских лет, состоял с ним в дружеских отношениях и откровенно делился с ним своими семейными и служебными тайнами.

[2] *Случай же к тому удобный будет после аудиенции татарских посланников.* – Аудиенция Крымским посланникам была дана в Зимнем дворце в воскресенье 16.VII.

508. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 19.VIII.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 57.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 113.

[1] *За письмецо благодарствую*. – Не разыскано.

[2] *У Кингстонши желаю веселиться*. – Англичанка Элизабет *Чэдлей* (1720–1788), известная под именем герцогини Кингстон, прибыла в Петербург в августе 1777 г. на собственной богатой яхте. Ее визиту предшествовал громкий скандал и судебный процесс в Англии. После смерти ее мужа герцога Кингстон родственники покойного обвинили Элизабет в двоемужестве. Суд лишил ее титула герцогини. Но по первому мужу она обладала титулом графини Бристоль и, как знатная леди, была избавлена от наказания. Ей пришлось уехать во Францию, откуда она отправилась в Россию, рассчитывая на благосклонный прием у Екатерины II. Среди ее друзей был граф И.Г. Чернышев, бывший посол в Англии, которому она подарила две картины из галереи герцогов Кингстон (Рафаэля и Клода Лоррена). 16.VIII и 4.IX она была принята императрицей в Царском Селе. На обоих приемах присутствовал Потемкин. Письмо написано после первого приема.

17.VIII Екатерина посетила лагерь Новотроицкого кирасирского полка под Пулково. Смотром полка руководил его шеф Потемкин. 19.VIII он упомянут в КФЖ, а затем отсутствует 10 дней. Императрица жила в Царском Селе, а Потемкин мог "веселиться" на яхте герцогини, где Кингстонша давала приемы высшему свету. Оркестр исполнял английские марши, звучал орган. Гости могли осмотреть картинную галерею. Англичанка хотела остаться в России, которую она посетила еще три раза. Леди Элизабет приобрела дом в Петербурге, имение, но все же была вынуждена вернуться во Францию, где и окончила свои дни. По слухам, экс-герцогиня рассчитывала получить звание статс-дамы, но Екатерина проявила сдержанность.

509. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 4.IX.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85, Ч. 1. Л. 230.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 108.

[1] *Радуюсь, батинька, что Осиновая роща тебе понравилась...* – 22.VIII.1777 последовал указ Сенату: "Всемилостивейше пожаловали Мы в вечное и потомственное владение Генералу Аншефу Князю Григорью Александровичу Потемкину состоящую в ведомстве Санктпетербургской губернской канцелярии мызу Осиновую рощу со всеми принадлежащими к ней деревнями" (*РГАДА*. Ф. 248. Д. 5109. Л. 577). Началась процедура оформления, занявшая два с лишним месяца. 4.IX последовал указ императрицы Сенату "о выключке из ведомства Сестрорецкого (заводы назывались тогда и Систербекскими и Сестрорецкими) приписных к оным лесов и об отдаче оных Генералу Князю Потемкину" (*РГАДА*. Ф. 248. Д. 5109. Л. 583).

Осиновая роща находится близ Парголова на Черной речке. Екатерина в письме Гримму (29.V.1778 г.) писала о красоте этого места. По ее словам "Царское Село, Гатчино и даже Царицыно по местоположению дрянь в сравнении с Осиновой рощей..." (*СБРИО*. Т. 23. С. 89–90).

510. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.IX.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 107.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 97.

10.IX.1777 г. произошло самое ужасное по своим последствиям наводнение в истории Петербурга. Вода поднялась на 10 футов 7 дюймов и залила почти весь город. Буря вырывала с корнем деревья, срывала кровли с домов. Погибло много людей, лошадей и скота. На взморье смыло острог, в котором было до трехсот человек. Очевидно, о нем и идет речь в письме. Екатерина вернулась в столицу из Царского Села накануне и обедала в комнатах Потемкина в Зимнем дворце. Она подробно описала бедствие в письме Гримму (*СБРИО*. Т. 23. С. 64). Екатерина писала, что "Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли..." 21.IX последовал указ вице-президенту Адмиралтейств коллегии графу И.Г. Чернышеву с повелением учредить знаки и сигналы, предупреждающие население о грозящем бедствии.

511. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 11.IX.1777

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 2. Л. 63.
Публикация – *РА*. 1865. Стб. 1304–1305.

См. примеч. к письму № 512.

512. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 11.IX.1777

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 1. Л. 4.
Публикация – *РА*. 1865. Стб. 1305.

[1] *Чичерин* Николай Иванович (1724–1782) – генерал-аншеф, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга. Исполнял свою должность почти 14 лет и пользовался доверием императрицы. 11.IX.1777 г. докладывал Екатерине о наводнении и его последствиях. Вернувшись домой, Чичерин был вызван к князю А.М. Голицыну и фельдмаршал от имени государыни передал повеление, "чтоб он ни о каком деле и ни с каким уведомлением к Ея Величеству не дерзал, а все оное докладывал чрез него Князь Александра Михайловича". В большом письме к Потемкину (откуда взяты вышеприведенные строки) Чичерин умолял князя о помощи. (Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 41. Ч. 4. Л. 97–98об. Письмо от 11.IX.1777). Светлейший вступился за Чичерина, но Екатерина считала его виновным в недостаточной распорядительности полиции во время бедствия.

513. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 11.IX.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 52.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 112.

У Чичерина от переживаний случился удар. Несмотря на болезнь он продолжал занимать должность генерал-полицмейстера до 7.XII.1779 г. Екатерина сменила гнев на милость и приглашала его на званые обеды.

514. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.IX.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 118а.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 137.

В этот день императрица в карете отправилась "к Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину в дом у Аничкова моста". Ее сопровождала графиня П.А. Брюс. После осмотра дома начался праздничный обед по случаю именин хозяина. Екатерина пьет "здоровье Его Светлости". Среди гостей: фельдмаршал А.М. Голицын, Г.Г. Орлов, И.И. Бецкой, фельдмаршал З.Г. Чернышев и его брат И.Г. Чернышев, И.П. Елагин, Н.В. Репнин, П.С. Потемкин, Е.А. Чертков, три фрейлины Александра, Варвара и Екатерина Энгельгардт, И.П. Салтыков, Л.А. Нарышкин, С.Г. Зорич.

515. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 2.X.1777

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 4.
Публикуется впервые.

2 октября генерал-прокурор князь Вяземский предложил в Сенате заготовить рапорт Ее Императорскому Величеству о включении в решение Сената об Осиновой роще добавления о пожаловании Потемкину лесов.

516. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 6.XI.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 8.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 137–138.

В октябре 1777 г. в Крыму вспыхнуло восстание против хана Шагин-Гирея. 6 ноября Совет обсуждал заготовленный Н.И. Паниным ответ на записку, врученную Портой А.С. Стахиеву. Потемкин заявил на Совете, что нужно сделать все потребные к войне приготовления и быть в состоянии нанести сильный удар. Совет высказался за всевозможные меры к сохранению мира, но рекомендовал быть готовыми к войне с Турцией из-за Крыма. 6 ноября был отправлен соответствующий рескрипт к посланнику Стахиеву. В конце октября – начале ноября войска под командованием князя А.А. Прозоровского нанесли восставшим тяжелые поражения. Окончательно мятеж, возглавлявшийся Селим-Гиреем, был подавлен в начале 1778 г. На Кубани на стороне мятежников сражались и некрасовцы. В декабре 1777 г. в Ахтиарскую гавань вошла турецкая эскадра.

[1] *Буде же продлится до другой кампании, то уже на Очаков, чаю, приготовить действие должно будет. Хорошо бы и Бендеры, но Очаков по реке нужнее.* – Екатерина пишет о планах войны с Турцией. Если бы война началась и продлилась в будущем году, то главный удар следовало бы нанести по турецкой крепости Очаков, закрывавшей выход из Днепровского лимана в Черное море.

517. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.XI.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 263.
Публикация – *РС,* 1881, сентябрь. С. 195.

Согласно *КФЖ* Потемкин отсутствовал с 10 по 18.XI.1777 г. Возможно, он ездил осматривать свое новое имение Осиновую рощу, о которой и говорится в письме.

[1] *Батя, ректор Академии будет наречен по твоей прозьбе.* – О ком идет речь, установить не удалось.
[2] В автографе четко читается "à Назия", что означает в контексте французской фразы – "отправляйтесь к Назии" – какой-то даме, за которой ухаживал Потемкин. В публикации сказано "отправляйтесь в Азию..." В 1777 г. Потемкин никуда из Петербурга не выезжал, если не считать окрестностей. В "Азию", в Крым Потемкин впервые отправился в 1783 г.

518. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 12.XII.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 65.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 398.

12.XII в царской семье произошло большое событие – у наследника престола великого князя Павла Петровича родился сын – будущий император Александр I. Екатерина всю свою нерастраченную материнскую нежность обратила на внука. Она сама воспитывала его (вместе с появившимся вскоре братом Константином), написала специальное наставление об уходе за мальчиком, занималась с ним русской историей. 20.XII в торжественной обстановке состоялось крещение великого князя Александра Павловича. Подле купели (среди других лиц) находились Григорий Орлов и Григорий Потемкин. Перечисленные в письме лица – кандидаты для посылки ко дворам соседних государств с радостным известием о важном событии в императорской фамилии.

Лопухин Степан Степанович (1732–1784) – камергер. Сын известной красавицы Натальи Федоровны Лопухиной (урожд. Балк), сосланной в Сибирь по громкому делу о мнимом заговоре против императрицы Елизаветы Петровны.

Гагарин Сергей Сергеевич, князь, камергер. См. о нем причем. 2 к письму № 324.

Талызин Александр Федорович – камергер. Во время войны служил волонтером в армии графа П.И. Панина. Имел придворное звание камер-юнкера. За привоз ключей турецкой крепости Бендеры пожалован в камергеры. Его дядя адмирал И.Л. Талызин в день переворота 28 июня 1762 г. оказал важную услугу Екатерине: привел к присяге гарнизон Кронштадта до прибытия туда флотилии с императором Петром III.

Долгоруков Александр Александрович (1746–1805) – князь, камер-юнкер. Родной племянник любимца юного императора Петра II князя Ивана Алексеевича, погибшего при Анне Иоанновне. Впоследствии имел чин действительного тайного советника.

Гагарин Гаврила Петрович – князь, камер-юнкер. См. о нем примеч. 3 к письму № 457.

Миних Христофор Сергеевич (1751–1824) – граф, камер-юнкер. Внук знаменитого фельдмаршала, арестовавшего после смерти Анны Иоанновны Бирона. Впоследствии камергер, действительный тайный советник, сенатор.

519. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 20.XII.1777

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 55.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 126.

Мордвинов Семен Иванович (1701–1777) – адмирал. Службу начал при Петре Великом, который послал его в 1716 г. во Францию для изучения морского дела. В 1724 г. вернулся на родину и произведен в мичманы. Служил престолу и отечеству 61 год! Участник Семилетней войны, с 1763 г. адмирал. Автор печатных трудов по навигации, имевших большое значение для подготовки кадров русского военно-морского флота.

Его сын – известный государственный деятель, адмирал, граф Н.С. Мордвинов (см. о нем примеч. к письму № 865). С.И. Мордвинов скончался 20.XII.1777 г. и был с почестями похоронен в Невском монастыре.

520. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 28.XII.1777

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728, Оп. 1. Д. 416. Л. 17.
Публикуется впервые.

28.XII.1777 г. Екатерина писала фельдмаршалу Румянцеву о недозволении прусским офицерам покупать лошадей в Малороссии. (*РГВИА*. Ф. 44. Оп. 3. Д. 130).

ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II – Г.А.ПОТЕМКИНУ 1777

521. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 75.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 116.

Перечисленные в письме имена *Паранья* – графиня Прасковья Александровна Брюс, *Леонус* – обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин. Кто такой Магнус, затрудняемся сказать. Зато Лоди и Мими, передающие Потемкину поклон вместе с императрицей, хорошо известны по письмам Екатерины барону Гримму. Это ее комнатные собачки.

522. Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *РС*, 1875, март. С. 519–520.

Речь идет о племяннице Потемкина Варваре Энгельгардт. В переписке Потемкина с Варенькой среди прочих записочек, наполненных нежными признаниями, сохранилась одна, которая имеет прямое отношение к данному письмецу императрицы. "Варенька, ты дурочка и каналья неблагодарная; можно ли тебе сказать: Варенька неможет, а Гришенька ничего не чувствует. Я за это, пришедши, тебе уши выдеру. Матинька, пожалуй, не будь доктором сама себе; кровь пустить немудрено, только можно этим худо сделать. Льва Александровича (Нарышкина. – *В.Л.*) я сегодня увижу и скажу" (*РС*, 1875, март, с. 515). Потемкин собирался покинуть Петербург на несколько дней (ради Осиновой рощи?) и уже сообщил об этом главе конюшенного ведомства Л.А. Нарышкину, но, из-за болезни Вареньки остался.

523. Автограф. *РГАДА*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 485. Л. 1.
Публикуется впервые.

Эта записочка и последующие (№ 524–526), судя по обращению: "Перюша", относятся к лету 1777 г. и близки письмам № 499, 500.

524. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 136.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 102.

525. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 138.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 102.

526. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 212.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 501

527. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 74.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 116.

Мещанков – муж Авдотьи Ивановой (см. примеч. к письму № 413).
Гродитура (гродетур) – вид шелковой плотной ткани.

528. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 372.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 116.

Стахиев Александр Стахиевич (1724–1794) – русский дипломат. С 1764 по 1775 был резидентом в Стокгольме, затем до 1781 посланником в Константинополе. Вел трудные переговоры, касавшиеся положения в Крыму, где осенью 1777 разразился мятеж, направленный против хана Шагин-Гирея. 28.XI.1777 в рескрипте Потемкину говорилось о приведении всех обращенных к стороне Крыма полков в полную боевую готовность.

Упоминаемые в письме "проценты" – это суммы, шедшие на подкуп турецких чиновников, от которых зависела выплата контрибуции (согласно условиям Кучук-Кайнарджийского мира). Практика подкупа широко использовалась в дипломатии XVIII в. В марте 1779 Стахиеву удалось заключить конвенцию с Портой о признании Шагин-Гирея ханом.

529. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 206.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 500.

530. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 115.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 99.

531. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 308.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 108.

1778

532. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 20.II.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 33.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 125.

[1] *Препровождаю у сего копию с челобитной от наших, находящихся в Хиве в плену, и рапорт ко мне Астраханского губернатора.* – Ни копия с челобитной, ни рапорт не разысканы. Редакторы *СБРИО* предполагают, что русские пленники могли быть захвачены в отместку за грабеж в 1774 г. пугачевцами хивинского каравана.

Астраханским губернатором с 1776 был генерал-майор *Якоби* (*Якобий*) Иван Варфоломеевич (1726–1803), награжденный за отличия в русско-турецкой войне Георгием 3-ей степени. В 1779 получил чин генерал-поручика. В 1780 открыл Саратовское наместничество. С 1783 генерал-губернатор Иркутский и Колыванский. В 1789 по ложному обвинению отстранен от должности. Оправдан. С 1797 в отставке.

533. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 20.II.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 492.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 409.

Ответ на предыдущее письмо. В *РГВИА* (Ф. 52. Оп. 1. Д. 609. Л. 15) находится секретное отношение Потемкина в Сенат о выкупе российских пленных на деньги, получаемые в Астраханской губернии за счет соляного дохода. Потемкин сослался на указ императрицы от 20.II.1778.

534. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 6.III.1778

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 50.
Публикуется впервые.

6.III.1778 князь А.А. Прозоровский получил отпуск на 2 года. Екатерина осталась недовольной его действиями в Крыму во время мятежа против хана Шагин-Гирея. Потемкин нашел случай замолвить слово за своего бывшего начальника и 26.XI.1778 Прозоровский был награжден Георгием 2-ой степени. 13.VII.1781 он был назначен Орловским и Курским генерал-губернатором. После отъезда из Крыма Прозоровского на плечи фельдмаршала Румянцева легла ответственность за действия войск, расположенных на полуострове. Румянцеву подчинялись 4 губернии: Киевская, Новгород-Северская, Черниговская и Белгородская. В обстановке постоянного кризиса в Крыму туда требовался твердый и решительный начальник. По рекомендации Потемкина Румянцев направил в Крым генерал-поручика А.В. Суворова (23.III.1778), сохранив за ним командование Кубанским корпусом.

535. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 21.IV.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 120.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 99.

Ефремов Степан Данилович (ок. 1730–1784) – атаман Войска Донского с 1753 г. Герой Семилетней войны. Одна из колоритнейших фигур своего времени. Благодаря своей популярности и богатству Ефремов превратился в самовластного правителя (он и его отец Данила правили на Дону 34 года). Обеспокоенное большой властью атамана правительство обвинило его в намерении возмутить казаков, в расхищении войсковой казны и во взяточничестве. Ефремов был арестован, предан суду и приговорен к смертной казни (1773), замененной ссылкой в Пернов (ныне Пярну). Сохранилась переписка опального атамана и членов его семьи с Потемкиным. Ефремов называет князя своим покровителем, напоминает о своих заслугах и верности престолу. 5.I.1778 Ефремов поздравил Потемкина с рождением "государя и великого князя Александра Павловича", прибавив: "При сем благополучнейшем времени Вашу Светлость всенижайше прошу доложить Ея Императорскому Величеству о изведении меня из Пернова в дом мой или в Санкт-Петербург. Снизойдите, Высокомилостивейший Государь, с великодушным патриотическим вниманием на сие мое нижайшее прошение, окажите на мне нещастном великодушие свое и милостивейшее благотворение, избавьте предстательством Вашим от сей горести и несносной моей жизни.

Милостивый Князь, изведи из темницы душу мою, да будут уши твои внемлющи сие мое всенижайшее прошение" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 3. Л. 21–21 об.). Потемкин (с 1774 г. главный командир казачьих войск) добился прощения Ефремова. См. письмо № 536 и примеч. к нему.

[1] *Цыпляты Ваши здоровы.* – Говорится о племянницах Потемкина Александре и Екатерине Энгельгардт. Они часто упоминаются в *КФЖ*, как дежурные фрейлины императрицы.

536. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.IV.1778

Подлинник. Подпись – автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 108.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 146.

Ефремов С.Д. был прощен. Он не спешил в Таганрог, так как знал, что среди казачьей верхушки у него немало врагов. Многие помнили тяжелую руку атамана. В письмах к Потемкину (1780) Ефремов просил дать ордер войску, "чтоб мне никаких обид и огорчений тамо чинено не было и я бы был тамо в спокойствии духа моего, находяся единственно под Вашим покровительством и защищением" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 3. Л. 22). Жена Ефремова Меланья Карповна (знаменитая красавица, торговавшая, по преданию, в Черкасске калачами), ранее умолявшая Потемкина "о даровании мужу свободы", после его прощения призналась в своем бедственном состоянии и разорении всего семейства, так как муж неоднократно требовал и денег, и платья, а теперь требует всю последнюю часть имения. На руках Ефремовой были собственные дети, побочный сын атамана, "прижитый с дворовою девкою", да "покойного генерала Данилы Ефремова жена", получавшая от нее по тысяче рублей ежегодно. Меланья Карповна умоляла избавить ее и семейство от разорения и определить мужу "содержание" (и это при огромном богатстве, которым славились Ефремовы). См. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 3. Л. 30–30 об.

Опальный атаман так и не поехал в Таганрог. Он скончался 15.III.1784 в Петербурге. Интересная подробность: в письмах атамана войска Донского А.И. Иловайского Потемкину упоминаются казаки, ездившие с Дона на свидания с Ефремовым. Среди них старшина Матвей Платов – будущий герой Дона.

537. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.V.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 141.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 106.

Датировать письмо позволяет фраза: "Не забыли ли Вы, что Вам завтра обедать в замке Тундертентрунк, по гречески Кекериксина". 25.V.1778 императрица обедала одна в Царском Селе. На другой день вместе со свитой она прибыла в Кекерекексинский дворец, где состоялся обед. Этот путевой дворец в местечке Кекерекексино (пофински, "лягушачье болото") был одним из первых ансамблей, выстроенных в ложноготическом стиле в 1774–1777 гг. (позднее получил название "Чесменского"). Может быть, по этой причине Екатерина вспомнила замок барона Тундер-тен-Тронка – персонажа романа Вольтера "Кандид". На обеде 26.V, помимо лиц свиты, присутствовали "приезжие Князь Г.А. Потемкин и маиор Иван Николаевич Корсаков" (*КФЖ*). Фавориту Зоричу 18.IV.1778 было подарено богатое имение Шклов, а в мае дипломаты уже доносили об удалении Зорича, имевшего столкновение с Потемкиным. Последний раз Зорич показан в *КФЖ* 13.V.1778.

[1] *Батя, план операции из рук Ваших с охотою приму.* – После подавления мятежа в Крыму хану Шагин-Гирею была оказана денежная помощь для укрепления его власти. 18.II.1778 Екатерина сообщила фельдмаршалу Румянцеву о посланном Турции ультиматуме с требованием не вмешиваться во внутренние дела Крымского хан-

ства. Обстановка благоприятствовала России: Австрия и Пруссия вступили в вооруженный конфликт из-за "баварского наследства". Очевидно, Потемкин должен был представить план военных операций на юге в случае разрыва с Портой.

[2] *Об Голицыне с Вами поговорим в городе.* – Речь может идти о фельдмаршале князе А.М. Голицыне, который по состоянию здоровья просился в отставку.

[3] *Дитятя уехал.* – Дитятей Екатерина называет Ивана Николаевича *Римского-Корсакова* (1754–1831) – прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка, взятого 8.V.1778 в генеральс-адъютанты к Потемкину. Корсаков происходил из смоленских дворян. Службу начинал в Конной гвардии. Участник войны с польскими конфедератами. В *РБС* говорится, что Корсаков был представлен Потемкиным на место Зорича в числе трех кандидатов и что якобы Екатерина сама сделала выбор. Возможно, на нее произвела "античная красота" молодого офицера. Екатерина любовно-шутливо называла Корсакова "Пирром, царем Эпирским" и привязалась к нему, как женщина. Но стоило красавцу-фавориту выступить против Потемкина, как он получил отставку (см. ст.: *Лопатин В.С.* Письма, без которых история становится мифом. С. 527).

[4] *... в Эспенбауме...* – Этим словом Екатерина в письме к Гримму называет Осиновую рощу (имение Потемкина), куда она уже собралась ехать. *Espenbaum* – осиновое дерево (*нем.*).

538. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 1.VI.1778

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 1. Л. 152.
Публикуется впервые.

28.V.1778, в понедельник, императрица со свитой отправилась на мызу Потемкина Осиновая Роща. Среди 20 присутствовавших на обеде персон следует отметить графиню П.А. Брюс, которой молва приписывает увлечение Корсаковым, из-за чего якобы (в сентябре 1779) последовало его удаление. Фрейлины В.В. и Е.В. Энгельгардт, флигель-адъютант императрицы Н.П. Высоцкий, М.С. Потемкин и А.Н. Самойлов (все родственники хозяина Осиновой рощи) находились за обеденным столом. Прапорщик-преображенец Римский-Корсаков сидел рядом с командиром полка Ф.М. Толстым. Судя по письму, Екатерина испытывала колебания: "вчерашний день разславил мнимую атракцию" (ее склонность к красавцу Корсакову), но все может легко прекратиться, если того захочет Потемкин. Женщина все же берет в ней верх: "хотя, не хотим, и, не хотя, хотим". Корсаков стал фаворитом.

539. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 1.VI.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 334.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 199.

Пребывание в Осиновой роще длилось до 30.V.1778. Накануне отъезда императрица писала Гримму: "Петербург и море у ваших ног; перед глазами все дачи на петергофской дороге и потом озера, холмы, леса, поля, скалы и хижины. Английский садовник и архитектор в нашей свите и мы весь вчерашний день блуждали и, Бог знает, сколько насажали, настроили. Царское Село, Гатчино и даже Царицыно по местоположению дрянь в сравнении с Осиновой рощей. Теперь весь двор живет в доме из десяти комнат, но что за вид из каждого окна! Ей Богу, это прекрасно...". (*СБРИО*. Т. 23. С. 89–90).1.VI.1778 г. Корсаков был пожалован во флигель-адъютанты императрицы.

540. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.VI.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 83.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 119.

30.V Екатерина со свитой возвратилась в Царское Село. Потемкин не показан в *КФЖ* до 7 июня. Судя по письму, он был болен и Роджерсон давал ему лекарства. "Черноголовым" императрица называет Корсакова.

[1] *О Александр-шанце я приказала уже, а сей час еще погоню.* – 31.V.1778 г. Екатерина утвердила представление Потемкина о заведении на Лимане Адмиралтейства. Адмиралтейств коллегия получила предписание (по сношении с Потемкиным) приступить к строениям. Число эллингов должно было соответствовать количеству заготовленного леса. Для производства работ вызывались отовсюду вольные плотники (*РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 109). Речь идет о заложении нового города в низовьях Днепра, города-крепости, который стал центром строения и базой Черноморского флота. Выбор места Потемкин должен был согласовать с вице-президентом Адмиралтейств коллегии графом И.Г. Чернышевым. Но сама Екатерина склонялась к доводам Потемкина строить новый город (он придумал для него античное имя – Херсон) на месте Александр-шанца, небольшой земляной крепости.

[2] *Мне очень скучно, ожидаю скучное прощанье.* – Возможно, речь идет о Зориче, который решил отправиться за границу.

541. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 18.VI.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 44.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 154.

18.VI.1778 подписан рескрипт Потемкину о построении Херсона. Ему поручалось согласовать место заложения нового города с вице-президентом Адмиралтейств коллегии графом И.Г. Чернышевым. Моряки склонялись к построению верфей у Глубокой пристани, расположенной неподалеку от впадения Днепра в лиман. Потемкин стоял за Александр-шанц, укрепление, заложенное в конце 1730-х годов правителем Малороссии А.И. Румянцевым (отцом фельдмаршала). Недостаточная глубина Днепра в этом месте затрудняла вывод построенных кораблей в лиман. Но Потемкин учитывал близость турецкой границы. В целях безопасности строительство Херсона (главной базы и центра строения судов Черноморского флота) было предпринято там, где предполагал князь. Когда же 6.XII.1788 турецкая крепость Очаков была взята штурмом, Потемкин заложил верфи и новый город Николаев в устье Буга. Николаев стал центром судостроения на юге России.

[1] *Тамошний Кронштадт естественный есть Очаков, осада онаго и взятье не станут так дорого, как крепость, прожектированная господином Медером.* – Кронштадт считался воротами Петербурга. Запиравший вход в лиман Очаков играл такую же роль по отношению к Херсону. Генерал-квартирмейстер-лейтенант армии фельдмаршала Румянцева (в знаменитой кампании 1770 года) Андрей Иванович фон *Медер* (ум. в 1792) после войны спроектировал мощную крепость на юге. Екатерина считала необходимым построить крепость для защиты верфей и Адмиралтейства в Херсоне, а гражданские строения обнести полевым укреплением. Это давало огромную экономию. Потемкин придерживался той же точки зрения и осуществил ее на практике.

542. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.VI.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 418.
Публикация – *PC*, 1881, сентябрь. С. 200.

С пропуском слов: "*ваши фрейлины будут в Иванов день в город; я послала к ним сказать*". Иванов день (день рождества Иоанна Предтечи) приходится на 24.VI. Потемкин был в Царском Селе 21 и 22.VI. На другой день императрица ездила из Царского на мызу обер-шенка А.А. Нарышкина Красное. Фрейлины А.В. и Е.В. Энгельгардт сопровождали ее.

543. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.VI.1778

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 44.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 104.

[1] *Получила я от Турчанинова здесь, в Левендале, в первом часу письмо твое...* – Не разыскано. В Левендале на мызе обер-шталмейстера Л.А. Нарышкина Екатерина была 25.VI по пути из Царского Села в Петергоф.

Приложенные к ней и к Потемкину письма, а также указ, который она возвращает без изменений, и слова о корыстолюбии и прочее – все это заставляет предположить, что отставленный Зорич пытался торговаться и выпрашивать себе новые милости.

544. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 28.VI.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 59.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 166–167.

[1] *Указы получила, но переписать надлежит. Все же Пирр царь Эпирский протестует противу камерюнкерского чина... и Путятина надлежало вписать. О Давыдове буду иметь честь с вами говорить.* – Потемкин готовил указы о пожалованиях по случаю 28.VI – дня восшествия на престол. Новый фаворит Иван Римский-Корсаков ("Пирр царь Эпирский") уже вошел во вкус и требует камергерского чина вместо камерюнкерского, который предложил Потемкин. 28.VI.1778 он был пожалован в камергеры в числе 9 других лиц, среди которых был и П.С. Потемкин. Князь Николай Аврамович *Путятин* (1744–1818) получил чин камер-юнкера. Впоследствии он имел чин тайного советника и служил в гоф-интендантской конторе. С его именем связано громкое дело о разводе Я.Е. Сиверса с женой, бросившей его ради князя Путятина.

545. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 22.VII.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 74. Приписка на отдельном листе 73.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 417.

22.VII.1778 Потемкин писал фельдмаршалу Румянцеву: Ее Императорское Величество указать мне соизволила уведомить Ваше Сиятельство, что как по обстоятельствам настоящих дел можно предположить, что от цесарцев может теперь быть довольное число дезертиров, то чтоб Ваше Сиятельство изволили предписать от себя всем

состоящим в команде вашей военным начальникам, дабы все являющиеся у них дезертиры принимаемы и доставляемы были на казенном иждивении к Новороссийскому и Азовскому господам Губернаторам" (*РГАДА*. Ф. 11. Д. 267. Л. 6).

Война между Австрией и Пруссией за баварское наследство велась вяло (ее называли "картофельной войной"), но грозила серьезным нарушением европейского мира. К этому следует прибавить обострившееся соперничество Англии и Франции в Северной Америке. Россия решила выступить посредником между Австрией и Пруссией и гарантом германских государств. Екатерина, связанная с Фридрихом II союзным договором, согласилась на предложение Потемкина собрать на границах Цесарской Польши (Галиции) сильный корпус. В октябре эти войска были подчинены князю Н.В. Репнину. Ему же были даны полномочия о посредничестве. Корпус был двинут в Галицию. Эта демонстрация возымела действие и вскоре в Тешене был заключен (при посредничестве России и Франции) мир между Австрией и Пруссией, значительно повысивший международный авторитет империи.

Ширков Семен Ермолаевич (в службе с 1737) – заслуженный боевой генерал. 5.V.1779 был пожалован в чин генерал-поручика и вскоре назначен правителем Киевского наместничества.

546. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 29.VII.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 76.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 117.

1 *Присланный формуляр указа я подписала, но не без опасения, что в Ганнибаловом может встретиться противуречие немалое...* – 25.VII.1778 в Царском Селе Екатерина подписала указ о построении "ново-заводимого на Днепре при урочище Александровском шанце города Херсона с надлежащим укреплением и в оном верфи и Адмиралтейства", препоручив строительство города и крепости И.А. Ганнибалу (*РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 110).

Старший из 11 детей знаменитого арапа Петра Великого Иван Абрамович *Ганнибал* (1735–1801) имел чин генерал-майора. После окончания Морского кадетского корпуса служил в морской артиллерии. Участник экспедиции в Архипелаг. В 1770 отличился в захвате турецкой крепости Наварин и в Чесменском сражении. Награжден Георгием 3-ей степени. В 1776 назначен генерал-цейхмейстером (начальником морской артиллерии). С 1777 член Адмиралтейств-коллегии. Поскольку Ганнибал числился по военно-морскому ведомству, а общее руководство строительством Херсона было возложено на главу Военной коллегии и генерал-губернатора Новороссии Потемкина, императрица опасалась "противуречия немалого" (межведомственных трений). Очевидно, Потемкину удалось разубедить императрицу и 29.VII.1778 указ о назначении Ганнибала был подписан. Ему приказывалось немедленно отправиться к месту работ.

2 *Суворова репорт я читала, и кондиции греков, не думаю, чтоб много разнствовали с нежинскими.* – В конце апреля 1778 А.В. Суворов принял командование Крымским корпусом. Перед ним стояли трудные задачи. Ему предписывалось – препятствовать высадке турецких десантов, не доводя дело до войны. Он должен был поддерживать хана Шагин-Гирея и одновременно (выполняя поручение Потемкина) организовать вывод из Крыма христианского населения (греков и армян). В условиях обострившейся борьбы России и Турции за Крым христиане подвергались большой опасности со стороны фанатиков-мусульман. Была еще одна важная причина: выход из Крыма

греков и армян, обеспечивавших значительную часть доходов ханства, существенно сужал финансовую базу крымских правителей. Переговоры с духовными руководителями христианских общин велись с марта 1778. Шагин-Гирей пытался воспрепятствовать этой акции: он даже покинул Бахчисарай и кочевал в окрестностях своей столицы, посылая жалобы Румянцеву на Суворова и резидента А.Д. Константинова, якобы допускавших самоуправство и нарушение обязательств русского правительства. Но и Румянцев, и Потемкин твердо поддержали генерала и были довольны его распорядительностью. Суворову удалось без единого выстрела вытеснить из Ахтиарской гавани турецкую эскадру (июнь 1778), не допустить высадки десантов с турецких кораблей, обложивших Крым, и завершить к 16.IX.1778 вывод в Россию более 30 тысяч армян и греков. "Кондиции греков" – условия, на которых они переселялись в Россию. Грекам предоставлялся ряд льгот: они освобождались от уплаты государственных повинностей и податей сроком на 10 лет, освобождались от поставки рекрут, получали право свободно торговать, основывать фабрики, заниматься промыслами. Им была предоставлена некоторая самостоятельность в делах управления новыми колониями (греческая под Мариуполем, армянская под крепостью Св. Димитрия Ростовского). Нежинское греческое братство образовалось в XVII в. и пользовалось рядом привилегий, данных Петром I.

[3] *Безбородко* Александр Андреевич (1747–1799) – сын генерального судьи запорожского войска. Окончил Киевскую духовную академию и поступил в канцелярию генерал-губернатора Малороссии графа П.А. Румянцева, способствовавшего карьере своего талантливого подчиненного. Летом 1775 г. он был рекомендован фельдмаршалом Екатерине. Безбородко стал секретарем императрицы "у принятия прошений" и быстро вошел в число самых доверенных ее сотрудников. В 1780 г. произведен в генерал-майоры и причислен к Коллегии иностранных дел. Постепенно все важнейшие внешнеполитические вопросы обсуждаются и решаются своеобразным триумвиратом в составе: императрицы, Потемкина и Безбородко, бывшего автором многих манифестов и деклараций екатерининского времени. Участник важнейших переговоров с Австрией, Польшей, Крымом, Турцией. В 1785 г. возведен императором Иосифом II в графское достоинство. В 1791 г. заменил умершего Потемкина на переговорах с Портой и заключил Ясский мирный договор. Пожалован в действительные тайные советники и награжден орденом Св. Андрея Первозванного. При Павле I стал князем и канцлером в благодарность за то, что помог новому императору найти и уничтожить завещание Екатерины II, составленное в обход Павла в пользу его сына Александра. Обширная переписка Потемкина с Безбородко сохранилась и ждет публикации (изданы всего несколько писем).

547. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 29.VII.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 25.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 392.

[1] *...Я вас цалую...за ваше сегодняшнее письмо...без тебя Херсон не будет построен.* – Письмо Потемкина (очевидно, ответ на письмо № 546) не разыскано. Доверительность и нежность, с какими обращается к нему Екатерина, подтверждаются словами Завадовского, вернувшегося в столицу: "Князь Г[ригорий] П[отемкин] не имеет против себя балансу, – писал он своему бывшему начальнику – фельдмаршалу Румянцеву. – В действиях я не узнаю прежних правил, прежних мнений. Говорит Тасс: в свете одно непостоянство всегда постоянно. Заложение Херсона весьма про-

славляется, хотят медали бить на память сего произшествия. Вещь обычная, но автор свое дело любит и возвышает. Чья губерния, тому на сей раз и вся слава. Во все века редко Бог производил человека столь универсального, каковым есть Князь П[отемкин]: везде он и все он" (*Письма Завадовского*. С. 23–24).

548. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 5.VIII.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 414.
Публикация – *PC*, 1881, сентябрь. С. 200.

С 24.VII.1778 по 4.VIII Потемкин отсутствовал в Царском Селе (*КФЖ*). 5.VIII он вместе с Корсаковым (которого Екатерина называет ласково – "*дитя*") сопровождал императрицу, возвратившуюся из Царского Села в Петербург.

549. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.VIII.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 63.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 155–156.

Из переписки И.А. Ганнибала с Потемкиным видно, что князь держал под своим контролем все, связанное с построением Херсона (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 10. Л. 45–54). Отпуском леса на строительство кораблей распоряжался Выборгский губернатор Е.П. Кашкин.

550. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.VIII.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 61.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 155.

С 6.VIII по 9.VIII.1778 Потемкин отсутствовал в Царском Селе, куда снова переехал двор. 17.VIII под Пулково состоялся высочайший смотр Новотроицкого кирасирского полка и лейб-гренадер, которыми командовал Потемкин.

[1] *Комендантство же смело изволь обещать Соколову...* – 15.VIII.1778 ордером Потемкина подполковник *Соколов* Александр Лаврентьевич был назначен комендантом Херсонской крепости. В одном из писем Потемкину Соколов называет его "дядюшкой". Князь мог оценить деловые качества Соколова во время русско-турецкой войны, когда последний служил под его начальством. После начала войны 1787–1791 гг. Соколов по его просьбе был переведен в армейский штат, служил по провиантмейстерской части. Генерал-майор. О Дежедерасе см. примеч. к письму № 137.

551. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 22.VIII.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 22.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 390–391.

[1] *...письмо твое мне Турчанинов отдал.* – Не разыскано.

[2] *Я говорила с Михельсоном, и он сказал, что многие есть дворяне в Курляндии, недовольные герцогом.* – В *КФЖ* за 1778 г. Михельсон первый раз показан 22.VIII. Затем, в IX–X.1778 он довольно часто приглашался к высочайшему столу. Очевидно,

Михельсон привез сведения о недовольстве курляндского дворянства герцогом Петром Бироном. Потемкин продолжал хлопоты о Курляндском престоле для себя. См. письмо № 552 и примеч. к нему.

[3] *Я их видела в четырех случаях при четырех хозяйствах.* – После падения в 1740 герцога Эрнста Иоганна Бирона (властного фаворита императрицы Анны Иоанновны) на курляндский престол был возведен сын саксонского курфюрста и польского короля Августа III принц Карл. Петр III в 1762 вернул Бирона из ссылки и он (уже после воцарения Екатерины) снова стал курляндским герцогом. Императрица, действуя в интересах России, поддержала кандидатуру его младшего сына Петра, избранного после смерти Бирона-старшего герцогом. Курляндское дворянство ревниво оберегало свои права и привилегии и было готово поддержать нового кандидата при условии гарантии (и расширении) своих выгод.

[4] *Баурово письмо я не получила.* – Письмо не разыскано.

552. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.IX.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 29.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 391.

[1] *Вы хорошо судите, что у меня не может быть лично никакого сравнения между вами и герцогом Курляндским.* – Не желая противоречить Потемкину в его намерении стать Курляндским герцогом, Екатерина 20.X.1778 в письме графу Штакельбергу в Варшаву упомянула о жалобах курляндского дворянства на герцога Петра Бирона и писала о желательности дать этим жалобам ход. Но она не могла и помыслить остаться без Потемкина. См. примеч. 4.

[2] *В деле, о котором приходил вчера мне говорить Михельсон...* – Эта фраза, а также последняя строчка письма позволяют датировать его. Михельсон 12 и 13.IX.1778 обедал за столом императрицы. На следующий день 14.IX он мог быть вызван для беседы о курляндских делах. Суббота приходилась на 15.IX.

[3] *Недовольство, которое я могу иметь в деле его жены, которой я покровительствовала, также недостаточно для того, чтобы я переделывала свой собственный труд.* – Императрица не спешит с выполнением данного Потемкину обещания сделать его Курляндским герцогом. Она способствовала избранию в герцоги Петра Бирона. Она же, после развода герцога со своей первой женой, устроила его брак с княжной Евдокией Борисовной *Юсуповой* (1747–1780). Брак оказался несчастливым. Евдокия Борисовна не стала сносить грубости мужа и развелась с ним. Она жила в Петербурге, украшая придворные балы, на которых часто танцевала с наследником престола великим князем Павлом Петровичем.

[4] *...я люблю вас и убеждена, что и вы привязаны ко мне сильнее, чем кто-либо на свете.* – Екатерина делает все для того, чтобы сохранить Потемкина, как соправителя. Новый британский посланник Джеймс Гаррис в своих депешах в Лондон сообщал о выпадах Орловых против Потемкина. Императрица, по его словам, просила графа Алексея Орлова подружиться с ним, но тот настаивал на своем и якобы предлагал устранить Потемкина. В результате Алехан был вынужден покинуть двор. Авторитет и влияние Потемкина возросли еще более (*РС*, 1908, май. С. 618–620). Завадовский, сообщая фельдмаршалу Румянцеву о дипломатических усилиях по прекращению австро-прусской войны за баварское наследство, отметил: "Графу Никите Ивановичу (Панину. – *В.Л.*) прием ужасно становится отличный. Он и Князь Репнин часто с Князем Потемкиным в конференциях. Полагается послать корпус к

поселениям Австрийским в Польше, в помощь Королю Прусскому, а предводительствовать оным Князю Репнину. Сей, я чаю, съездит сам к Королю Прусскому для личных условий в разсуждении союзных мер. Идея новой славы весьма, весьма действует. Кажется, не затрудняет ея ни Крым, ни турки, еще с рук не спихнутые. Считаем заплатить австрийцам той же мерою за их поступок против нас во время прошедшей войны" (*Письма Завадовского*. С. 25).

553. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.IX.1778

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 93.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 121–122.

"*Дитятя*", о котором идет речь в письме, – фаворит И.Н. Римский-Корсаков. 20.IX.1778 он был награжден польским орденом Белого Орла. "*Вчерашний день*" – 20.IX – праздник по случаю дня рождения наследника престола. Потемкин присутствовал на официальном обеде, но мог из-за болезни пропустить вечерний бал. 22.IX в день коронации он снова показан в *КФЖ*, но затем до 30-го отсутствует. Больного в его покоях 24.IX.1778 посетила Екатерина. Ее сопровождали Н.И. Панин, братья З.Г. и И.Г. Чернышевы, А.М. Голицын, Н.В. Репнин, И.И. Бецкой, И.И. Михельсон, И.Н. Римский-Корсаков и другие лица (в их числе 4 племянницы Потемкина). Там же был устроен обед.

[1] *Чаю, Волков Вам сказал, что я о Гориче приказала... – Волков* Дмитрий Васильевич (1718–1785) – сенатор, правил должность Санкт-петербургского генерал-полицмейстера. Выдвинулся в период Семилетней войны, занимал важный пост секретаря "Конференции", руководившей в последние годы царствования императрицы Елизаветы Петровны внешней и внутренней политикой страны. При Петре III сохранил свое положение. Волкову даже приписывают авторство "Манифеста о вольности дворянства". После переворота 1762 года некоторое время был в опале. Затем – президент Мануфактур-коллегии, генерал-губернатор Белорусский и Смоленский. Волков должен был отыскать и предать суду подполковника Горича, убившего на дуэли своего противника. *Горич-Бенесевский* Иван Петрович (Иван Меньшой) вместе с братом Иваном Большим участвовал в русско-турецкой войне и был награжден Георгием 4-ой степени. Потемкин, под начальством которого сражались братья-черкесы, покровительствовал им (см. письма Горичей князю – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 10. Л. 29–42. *РГАДА*. Ф. 11. Д. 946. Ч. 1. Л. 87–89). Узнав об обстоятельствах дуэли, Потемкин помог раненому Горичу уехать в Польшу. По его рекомендации храбрый офицер был лично принят королем и получил полк. По прошествии нескольких лет Иван Меньшой был прощен (см. письмо № 937). В чине генерал-майора участвовал в войне против Порты. Впоследствии генерал от кавалерии.

[2] *Что дитятю люблю, о том будь уверен...* – В письмах Гримму Екатерина описывает античную красоту Корсакова (которого она называет Пирром царем Эпирским). По ее словам, красавца должны воспевать поэты, рисовать художники. Когда фаворит играет на своей скрипке, его слушают даже собачки. Когда он поет, к нему прилетают птицы (*СБРИО*. Т. 23. С. 107). В этих французских письмах много высокопарных комплиментов по адресу красавца-фаворита и мало подлинного чувства (сравни с письмами Екатерины Потемкину 1774–1775 гг.). Отметим важную подробность: Завадовский сообщает фельдмаршалу Румянцеву о каком-то Страхове (протеже

графа Н.И. Панина), которого, якобы уже прочат в новые фавориты (*Письма Завадовского*. С. 25). За место фаворита идет постоянная борьба между придворными группировками.

[3] *Приложенную Вашу записку для скорости пошлите к Вяземскому*. – Не разыскана.

ПИСЬМА И ЗАПИСОЧКИ
1778–1779

554. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 56.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 395–396..

В.А. Бильбасов относит этот ответ императрицы на составленную для Потемкина записку (направленную против Курляндского герцога Петра Бирона) к началу 1779 (См. *Бильбасов*. Исторические монографии. Т. 2. С. 239).

555. Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 32.
Публикуется впервые.

556. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 27.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 393.

Мансуров П.Д. в 1781 был пожалован в сенаторы и назначен наместником во Псков. В 1778 Потемкин часто принимал гостей на своей мызе Озерки. Несколько раз в Озерках его навещала государыня.

557. Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 421.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 123.

Письмо И.А. Ганнибала, в начале 1779 уже находившегося в Херсоне, не разыскано. Очевидно, в нем речь шла о турецких приготовлениях в Очакове. 22.I.1779 он писал Потемкину: "Письмо Вашей Светлости, писанное к г. Соколову о разведывании в Очакове всех их движений, я от него...получил и с моей стороны для получения таковых же известий старатца чрез нарочных разведывать буду и, что примечания достойное получу, доносить Вашей Светлости не премину" (Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 54. Ч. 10. Л. 53–53 об.).

558. Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 106.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 124.

Вице-канцлер граф И.А. Остерман в 1778 женился на Александре Ивановне *Талызиной* (1755–1793). 10.II.1779 императрица принимала поздравления от новобрачных. Судя по письму, жена Остермана 4 раза говорила с герцогиней Курляндской об "известном деле", но та уклонялась от ответа. В переговорах участвовал и брат герцогини князь Николай Борисович *Юсупов* (1751–1831) – камергер, впоследствии дипломат, управляющий придворными театрами, фарфоровым заводом, сенатор, известный коллекционер произведений искусства. В 1792 Юсупов женился на овдовевшей племяннице Потемкина Татьяне Васильевне. Речь идет о сватовстве одной из сестер Юсупова, в котором была заинтересована Екатерина. Помимо Евдокии Борисовны, герцогини Курляндской, у Юсупова были сестры: Елизавета (за генерал-майором князем А.М. Голицыным), Александра (за действительным тайным советником И.М. Измайловым) и Анна. Очевидно, о ней говорится в письме. Известно, что она была замужем за Протасовым, но установить его имя не удалось.

559. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1778–1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 71.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 116.

560. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1778–1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 148.
Публикуется впервые.

561. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1778–1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 352.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 113.

Эта и следующая за ней записка относятся к попыткам Екатерины сблизить Потемкина с Орловыми. Британский посланник Джеймс Гаррис, прибывший в Россию с важным поручением заключить союзный договор с императрицей (Англия вела затяжную войну со своими Северо-Американскими колониями, на стороне которых сражались Франция и Испания) часто беседовал с Потемкиным, Паниным, Орловыми и внимательно следил за настроениями при дворе. Он отметил попытки Орловых свалить Потемкина (X–XII.1778). Об этом Екатерина говорила много лет спустя своему секретарю А.В. Храповицкому: "Много умом и советом помог К[нязь] Г.А. Потемкин. Он до безконечности верен... Ум Князя П[отемкина] превосходный, да еще был очень умен К[нязь] Орлов, который, подущаем братьями, шел против Кн[язя] Потемкина, но когда призван был для уличения К[нязя] П[отемкина] в худом правлении частью войска, то убежден был его резонами и отдал ему всю справедливость" (*ДХ*. Запись от 30.V.1786).

562. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1778–1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 114.
Публикуется впервые.

Ответ на последние строки предыдущей записки. Княгиня Е.Н. Орлова часто болела. Своей женитьбой князь Г.Г. Орлов вызвал недовольство братьев. Примирение состоялось лишь в сентябре 1778. Может быть, с этим связано "привередничание" Орловой. В конце 1779 сын Г.Г. Орлова и государыни Алексей Бобринский серьезно увлекся фрейлиной Катенькой Энгельгардт, племянницей Потемкина (см. письма № 576–581). Но до женитьбы дело не дошло. В 1780 князь Г.Г. Орлов с женой отправился за границу. Лечение не помогло и через год Е.Н. Орлова скончалась в Лозанне.

563. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1778–1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 100.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 405.

Симолин Иван Матвеевич (1720–1799) – действительный статский советник, дипломат. Посланник в Дании (1773–1774), в Стокгольме (1774–1779), чрезвычайный посланник в Лондоне (1779–1784). В 1784 был направлен в Париж, где пробыл до 1792. По

поручению Екатерины II пытался спасти короля Людовика XVI и его семью: королева с детьми выехала из Парижа с русским паспортом (на имя баронессы Корф), король играл роль слуги российской аристократки. Несогласованность действий французских роялистов привела к захвату королевской семьи в Варенне. Симолин был отозван. Впоследствии тайный советник.

В 1778–1779 гг. Потемкин рассчитывал на Симолина, как на опытного дипломата, в переговорах, касавшихся Курляндского герцогства. 23.V.1779 прусский посланник граф Сольмс донес Фридриху II о желании князя стать Курляндским герцогом. Герцогство находилось в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Фридрих, мечтавший об окончательном разделе Польши, поручил Сольмсу объясниться с Потемкиным. Объяснение состоялось в конце 1779, но к этому времени Потемкин уже с головой ушел в дела, связанные с заселением и обустройством Северного Причерноморья.

1779

564. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.II.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2358. Л. 19–20.
Публикуется впервые.

Отставной бригадир Степан Иванович *Ергольский* несколько раз подавал в Военную коллегию прошения о пенсии, ссылаясь на свое тяжелое положение. Канцелярская волокита истощила его терпение. Ергольский подал жалобу самой императрице, резко нападая на главу Военной коллегии. Согласно установлениям, введенным Петром I, Ергольский был привлечен к ответственности за клевету. Ему грозило суровое наказание. Заступничество Потемкина спасло бригадира. В деле Ергольского (откуда взято приведенное здесь письмо) ничего не говорится о его дальнейшей судьбе. Надо думать, Потемкин нашел способ помочь старому воину.

565. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До III.1779

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 38.
Публикуется впервые.

Тутолмин Тимофей Иванович (1740–1809) – генерал-майор, Тверской губернатор. Награжден орденом Св. Анны в марте 1779. Впоследствии служил Екатеринославским губернатором, генерал-губернатором Олонецким и Архангельским. Г.Р. Державин в своих "Записках" подробно рассказывает о серьезном столкновении с Тутолминым, из-за самодурства которого он был вынужден покинуть пост Олонецкого губернатора. Впоследствии Тутолмин был генерал-губернатором Минской, Брацлавской и Изяславской губерний, имел звание сенатора. С 1795 генерал-аншеф.

566. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.VI.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 484. Л. 1.
Публикуется впервые.

"*Дитя*" – И.Н. Римский-Корсаков, *Параша* – графиня П.А. Брюс. Джеймс Гаррис, сообщая 29.I/9.II.1779 об интригах придворных кругов и борьбе за место фаворита,

отметил: "Потемкин и госпожа Брюс уже не действуют более заодно; князь так завидует влиянию, которое эта дама приобрела на государыню, что он всячески старался, чтобы ея место заняла двоюродная сестра фельдмаршала Румянцева (Нарышкина Анна Никитична. – *В.Л.*). На беду, госпожа Брюс страстно влюбилась в Корсакова; это обстоятельство, вероятно, поможет Потемкину настоять на своем" (*РС*, 1908, май. С. 620–621). К подобным сведениям следует относиться осторожно. В июне 1779 г. Екатерина II почти каждодневно находится в обществе графини Брюс (*КФЖ*). 23. VI государыня из Царского Села едет в столицу, где на другой день участвует в торжественной церемонии спуска на воду нового корабля.

567. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 23.VII.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 402.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 120.

23.VII 1779 г. последовал указ "о снисхождении на прошение князя Г.А. Потемкина о выплате ему денежных сумм в счет годового пенсиона (*РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 117).

[1] *В первом письме изволишь писать, что прибудет тебе доход.* – Письма Потемкина не разысканы. Несмотря на огромные пожалования, Потемкин был вечно в долгах. Деньги требовались на строительство загородных домов в Озерках и Осиновой Роще, на устройство праздников и маскарадов, на приобретение картин и книг (Потемкин собрал прекрасную коллекцию живописи и гравюр, он был обладателем одной из самых больших библиотек, в которой наряду с редкими книгами хранились старинные рукописи). Французский поверенный в делах Корберон описывает обстановку праздника, который давал князь Потемкин в Оранжерее своего дома на Невском проспекте (в Аничковом дворце) 8/19.II.1779. "Против входной двери был устроен маленький храм, посвященный Дружбе, со статуей богини, держащей бюст Государыни. Эти маленькие покои очаровательны. Есть одна комната, вся убранная тонкими лакированными вещами из Японии, другая – из Китая. Кабинет, где ужинала Государыня, весь затянут прекрасной китайскою тафтою в виде палатки... Там же я обратил внимание на прекрасную хрустальную люстру, отлитую на заводе Князя Потемкина. В другом маленьком кабинете стоит диван, обитый богатой материей, которую вышивала сама Государыня" (*РА*, 1911, № 6. С. 183). Потемкин в силу занимаемого положения был обязан нести значительные расходы на представительство. Он материально поддерживал своих племянниц, блиставших при дворе. Как экономная хозяйка, императрица выговаривает своему мужу за непомерные расходы.

[2] *Аглинскому посланнику, хотя я означила вчерашний день для свидания, но как Вы уехали, то я его только, проехав мимо, стоя у ворот, видела.* – Новый английский чрезвычайный посланник и полномочный министр сэр Джеймс Гаррис (1746–1820) прибыл в Петербург в конце 1777 г. и 20.XII был принят Екатериной II и вручил ей верительную грамоту (*КФЖ*). Питомец Оксфорда и Лейдена Гаррис сделал блестящую карьеру: в 24 года посланник в Берлине, в тридцать один – в Петербурге. Он получил от своего кабинета задание добиться союза с Россией, в котором нуждалась Великобритания, оказавшаяся в политической изоляции в период ее борьбы с восставшими Северо-Американскими колониями. Гаррис пытался вести об этом переговоры с графом Н.И. Паниным, по пропрусские симпатии главы иностранного ведомства (а Пруссия занимала враждебную позицию по отношению к Англии)

обрекли его попытки на неудачу. Гаррис стал добиваться личного разъяснения императрице английских предложений, для чего сблизился с Потемкиным. В VI–VII. 1779, благодаря Потемкину, он сумел изложить Екатерине II "современное состояние Европы и Англии". "Выслушав меня очень внимательно, – сообщал Гаррис в Лондон, – императрица сказала, что вполне разделяет мой взгляд относительно современного положения Европы; она вполне понимает, в каком критическом положении мы очутились и как по политическим мотивам, так и по своим личным чувствам, очень желала бы быть нам полезной; но ее удерживает от этого опасение ввергнуть Империю в новую войну. Будучи высокого мнения о нашей силе и умении, она уверена, что мы одержим победу над Францией и Испанией" (*РС*. 1908, июнь. С. 624). Государыня осторожно советовала признать независимость северо-американских колоний и заключить мир. Гаррис настаивал на заключении оборонительного и наступательного союза между Россией и Англией, но Екатерина и Потемкин предпочли нейтралитет. Встревоженные переговорами, которые вел Гаррис, Франция и Пруссия предприняли демарш. Фридрих II потребовал от своего представителя в Петербурге перетянуть Потемкина на сторону Пруссии. Но все попытки оказались напрасными. Используя Гарриса, Потемкин добился ослабления позиций Панина и пропрусской группировки в правящих кругах. Он и Екатерина решили воспользоваться европейским замешательством и укрепить позиции России на Юге, в Северном Причерноморье, что соответствовало национальным интересам страны. В 1782 г. Гаррис, не добившись успеха, покинул Россию. Его внук в 1844 г. издал четыре тома, в которые вошли выдержки из дневника Гарриса (ставшего графом Мальмсбюри), его донесения и письма. Один том посвящен пребыванию дипломата в России. Большие выдержки из этого тома в русском переводе опубликованы в *РА*, 1874 и в *РС*, 1908.

568. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.VIII.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 68.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 115.

Фраза императрицы о том, что кто-то "не сделался придворным Царя Пирра...", кажется, указывает на трения между фаворитом Римским-Корсаковым и внезапно появившимся при дворе Зоричем. Он показан на обедах 5.VIII (первый раз) 11, 15, 18, 19–21, 24–26.VIII. Отличавшийся необузданным нравом, бывший фаворит мог совершить какой-нибудь непредвиденный поступок, что беспокоило Екатерину. Гаррис отмечает, что "каждый день ожидают, что некий Цицианов заменит Корсакова... Оба они ставленники Потемкина, следовательно, эта перемена только усилит его авторитет и влияние" (*РС*, 1908, май. С. 626). Сохранилось несколько записочек императрицы Корсакову, большей частью не датированных. "Нетерпеливость велика видеть лучшее для меня Божеское сотворение; по нем грущу более сутки, уже навстречу выезжала. Буде скоро не возвратишься, сбегу отселе и понесусь искать по всему городу", – говорится в одной из них. "Сие пишу единственно, чтоб осведомиться о здоровье вашем; мы же вчерашний день весь протосковали и ввечеру часу в десятом сам–третей ездила по Петербургской дороге: авось-либо кто встретится. Ни единая минута из мысли не выходишь. Когда-то вас увидим", – говорится в другой (*РА*, 1881. Кн. III. С. 402–403). Фаворит, о котором современники отзывались, как о недалеком и заносчивом молодом человеке, позволял себе многое. Уже поговаривали о его любовной связи с подругой императрицы графиней П.А. Брюс. Он (судя по записочкам Екатерины) часто бывает в гостях у Орловых в Гатчине. "Сей час получила

твое письмо из Гачина; я здорова к утешению ваших безпокойств, – пишет Екатерина Корсакову 6.IX.1779 г. из Петербурга, – и сим пером, водимым моей рукою, сие пишу во свидетельство, что в совершенном уме памятую приятные часы, кои проводили с вами. Что ты здоров и весел, не скачешь и не падаешь, тому радуюсь; что же любишь, за то спасибо и равный платеж. Сего утра с великим князем в одной карете ездила гулять по городу (с маленьким Александром. – *В.Л.*). Князю и Княгине Гачинским мой поклон прошу сказать; а как домой приедешь, ожидаю от тебя разсказы на сутки, по крайней мере. Чур не прибавить слова по-охотничьему" (*РА*, 1881. Кн. III. с. 403). До отставки Корсакова остается чуть больше месяца.

569. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 3.IX.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 272.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 114.

Эта записка и записка № 570 связаны с длительным отсутствием Потемкина в столице (со 2 по 20.IX.1779). Желая построить новый загородный дом в Осиновой Роще, он намеревается сломать старый, но Екатерина не советует ему это делать (см. письмо № 570). *Дитя* – Корсаков, который в начале сентября разъезжал по гостям: был у Орловых в Гатчине и, судя по записке, у Потемкина.

570. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 16.IX.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 89.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 395.

[1] *И Принца также отговори ехать.* – 16.IX.1779 г. в Петербург прибыл брат жены наследника престола принц Фридрих-Вильгельм Виртемберг-Штутгардтский (1754–1816), который вскоре был принят на русскую службу. О его скандальном поведении см. письма № 632, 753, примеч. 3. Впоследствии стал первым королем Вюртемберга (1806).

571. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 20.IX.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 422.
Публикация – *РС*, 1881, сентябрь. С. 200.

Вместе с письмом № 572 отнесено к сентябрьскому, почти 3-х недельному отсутствию Потемкина. На осень, кажется, указывают тучи и холод (см. письмо № 572). Английский посланник Гаррис в депеше от 9/20.IX.1776 пишет о слухах, связанных с отставкой Корсакова (они ходили уже в августе месяце), прибавляя при этом: "Падение и возвышение второстепенных фаворитов не имеет ровно никакого влияния на общий ход придворной жизни, которой руководит Князь Потемкин; что касается его, то он сохраняет первое место в доверии и уважении Государыни" (*РС*, 1908, № 6. С. 626).

572. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 20.IX.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 409.
Публикация – частично – *РС*, 1881, сентябрь. С. 200. Полностью – *ВИ*, 1989, № 12. С. 121.

Прекрасное по настроению письмо. Фавориты меняются (см. подробности отставки И.Н. Римского-Корсакова в статье "Письма, без которых история становится мифом". С. 527), а "*сокол дорогой*", которого хочется приласкать и видеть рядом с собой, остается самым близким другом.

Желание императрицы отправиться в Царское Село не осуществилось. 20.IX в день рождения наследника престола Потемкин уже в Петербурге. Через день он показан среди гостей на торжественном обеде в Зимнем дворце по случаю праздника – дня коронации. 30.IX императрица со свитой направляется в покои своего мужа (в Шепелевском доме, примыкавшем к Зимнему дворцу) и празднует его день рождения и именины. Среди гостей наряду с графом Н.И. Паниным, князем Н.В. Репниным и многочисленными родственниками Потемкина находятся бывший фаворит С.Г. Зорич и И.Н. Римский-Корсаков.

573. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Конец IX.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 125.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 100.

Возможно, речь идет о Римском-Корсакове, самом красивом фаворите императрицы, который до такой степени был уверен в благосклонности Екатерины, что позволял себе ухаживания за другими женщинами. Французский дипломат Корберон уже после отставки Корсакова приводит (август 1780 г.) в своем письме во Францию слухи о том, что "Князь Потемкин повздорил с барынькой (с Екатериной, – *В.Л.*), потому что не одобряет этих перемен (наградить – не наградить нового фаворита Ланского. – *В.Л.*), и представил ей, что фавориты, отпущенные с наградами, смеются над нею и похваляются, как, например, Корсаков, продолжающий оставаться в городе и рисующий отвратительные картины своих бывших обязанностей фаворита". В другом письме (сентябрь 1780 г.) Корберон пишет о дерзости Корсакова, явившегося в Петергоф на придворный бал со своей любовницей графиней Екатериной Петровной Строгановой (урожд. княжной Трубецкой), известной красавицей, бросившей ради Корсакова своего мужа и маленького сына. Вместе с ними был и сам граф А.С. Строганов. Это вызвало недовольство Екатерины и Корсаков был вынужден уехать в Москву (*РА*, 1911, № 6. С. 190–194).

В письме говорится о Марине Осиповне Нарышкиной (урожд. Закревской) – жене Льва Александровича Нарышкина, племяннице Разумовских. *Мадемуазель графиня* – Вера Николаевна Апраксина, дочь ее родной сестры графини Софьи Осиповны Апраксиной. На Вере Николаевне в 1787 г. женился после долгих ухаживаний П.В. Завадовский, бывший фаворит и известный гуляка. На дочери Андрея Осиповича Закревского (Прасковье Андреевне) в 1785 г. женился П.С. Потемкин.

574. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 26.X.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 177.
Публикация – *РС*, 1881, июль. С. 499.

26.X.1779 г. императрица крестила сына полковника П.И. Турчанинова Андрея (*КФЖ*). Незадолго до этого (10.X) фавориту Корсакову была объявлена отставка. "Иван Николаевич, – писала ему императрица. – Прозьбу мою, дабы вы успокоили дух ваш и ободрили мысли, вам повторяю. На сей прошедшей неделе вы имели опыты, что пекусь о вашем благосостоянии, чем и доказано, что вы не оставлены. Благодари-

тельные же письмы Ваши я получила и оне мне не причинили никаких досад" (Автограф – *РГАДА*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 476. Л. 3). В повелении И.И. Бецкому говорилось об отдаче "камергеру Ивану Н. Римскому-Корсакову" 200 тысяч рублей: 100 тысяч на оплату его долгов, а другие 100 тысяч с рассрочкой на 5 лет. Ему же отдавался купленный в Петербурге дом со всем убранством (см. – *ЧОИДР*. 1863. Кн. 4. Отд. "Смесь". С. 90). О подлинной причине отставки Корсакова см. статью "Письма, без которых история становится мифом". С. 527.

575. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 26.XI.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 112.
Публикуется впервые.

Датируется на основании письма А.А. Безбородко фельдмаршалу П.А. Румянцеву от 26.X.1779, в котором говорилось: "Граф Николай Петрович отпущен на четыре недели в Москву по крайней нужде увидеть Графа Михаила Петровича и извлечь его из печального состояния в таком месте, где все напоминает ему трату его..." (*Письма Безбородко*. С. 51). Граф Николай Петрович *Румянцев* (1754–1822) просился не к отцу, а к брату, тяжело пережившему смерть матери (скончалась 22.VIII.1779 г.). В 1770-е годы молодой граф, сын знаменитого полководца совершил (вместе с братом Сергеем) большое путешествие по Европе, получил прекрасное образование и по возвращении в Россию был пожалован в камер-юнкеры, а в мае 1779 г. в камергеры. Впоследствии служил по дипломатической части. Екатерина неодобрительно отзывалась о западничестве братьев. "Писав по-русски, думали на иностранном языке", – говорила она. Граф Николай Петрович в 1807–1814 гг. был министром иностранных дел и председательствовал в Государственном Совете (1810–1812 гг.). Его упрекали в симпатиях к Франции. Выйдя в отставку, Румянцев занялся научной деятельностью по разысканию и публикации документов, освещавших историю России. Собранные им богатые коллекции легли в основу Румянцевского музея.

576. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.XII.1779

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 19.
Публикуется впервые.

Письмо датируется на основании записи в "Дневнике" А.Г. Бобринского от 4.XII. 1779 г.: "Был в санях у Бецкого с Рибасом и у госпожи Рибас" (*РА*, 1877, № 10. С. 117). Отзывы Бобринского о Катеньке относятся к фрейлине Екатерине Васильевне *Энгельгардт* (1761–1829) (см. письма № 577–581).

Воспитанник кадетского корпуса Алексей Григорьевич *Бобринский* (1762–1813) был сыном Екатерины и Г.Г. Орлова. Он родился в трудное для его матери время – в период недолгого царствования Петра III, грозившего заточить Екатерину в монастырь. Воспитывался в семье доверенного человека императрицы В.Г. Шкурина, гардеробмейстера, пожалованного за оказанные им услуги в дворянское достоинство. Мальчик рос с неясным представлением о том, кто же его родители. После путешествия за границу и учебы в Лейпциге Бобринский поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, начальником которого был И.И. Бецкой. Непосредственным наставником юноши был выходец из Неаполя И.М. Рибас, женатый на приемной дочери Бецкого.

577. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.XII.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 135.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 102.

5.XII.1779 г. А.Г. Бобринский записал в "Дневнике": "Была Итальянская опера для кадет" (*РА*, 1877, № 10. С. 117). Очевидно, во время этого представления, на котором присутствовала и "Катенька", произошел эпизод, описанный в письме. Бросается в глаза "семейный тон" письма. Императрица принимала живое участие в судьбе племянниц своего мужа: присутствовала на их свадьбах, крестила у них детей. Заслуживает внимания рассказ о попытке князя Г.Г. Орлова высмеять 17-летнего сына "за его страсть". Орлову не могло нравиться ухаживание Бобринского за племянницей Потемкина. Государыня, желавшая сгладить отношения между близкими ей людьми, пересказывает остроумный ответ мальчика, заставившего Орлова замолчать.

578. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.XII.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 128.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 100.

[1] *Рибас* Иосиф (Осип) Михайлович (1743–1800) – испанец, служивший в неаполитанской армии. Настоящее имя Хосе де Рибас. В 1772 г. перешел на службу к графу А.Г. Орлову. Участник захвата самозванки "княжны Таракановой". Покровительство Орловых и женитьба на приемной дочери И.И. Бецкого способствовали его карьере. Как знающий европейские языки (испанский, итальянский, французский, английский и немецкий, а также латынь) был приставлен в качестве воспитателя к кадету Бобринскому. В 1779 г. перевелся в армию в чине полковника. Служил у Потемкина. Отличился в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Участник сражений на Лимане (1788), взятия Гаджибея (1789), штурма Измаила (1790). Награжден Георгием 3-ей и 2-ой степеней, другими орденами. В 1791 г. получил чин контр-адмирала. Был строителем Одессы. Суворов, ценивший предприимчивость и храбрость Рибаса, одно время считал его в числе своих близких друзей и откровенно переписывался с ним. Узнав о его недобросовестности в финансовых делах, прекратил с ним отношения. Большой любитель удовольствий, Рибас промотал состояние своей жены. Павел I пожаловал его в адмиралы. Скоропостижную смерть Рибаса связывают с опасениями заговорщиков, посвятившими его в планы свержения императора и решившими убрать ненадежного товарища.

579. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 5.XII.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 407.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 120.

Слухи об ухаживаниях А.Г. Бобринского за Катенькой Энгельгардт нашли отражение в дипломатической переписке того времени. Так, французский дипломат Корберон писал о том, что предполагавшийся брак между молодыми людьми расстроился якобы из-за беременности племянницы Потемкина. По словам Корберона, всесильный Потемкин пытался выдать Катеньку за другого офицера, но тот тоже отказался. Спустя некоторое время французский дипломат был вынужден признать ложность этих слухов, которые было бы правильнее назвать сплетнями (см. *РА*, 1911, № 6.

С. 202–203). Через 2 года Катенька сделала блестящую партию – вышла замуж за графа П.М. Скавронского (см. письмо № 616 и примеч. к нему). Их дочь Екатерина Павловна в 1800 г. обвенчалась с генерал-майором князем П.И. Багратионом. Графиня Е.В. Скавронская после смерти первого мужа вышла за графа Ю.П. Литту, мальтийского кавалера.

[1] *Я поклялась, что ничего не знаю; как в действительности и было до вашей послеобеденной записки.* – Записка не разыскана.

580. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.XII.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 132.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 101.

Театральные постановки в кадетском корпусе имели давнюю традицию и считались одними из лучших. 6.XII.1779 г. кадеты репетировали трагедию (см. *РА*, 1877, № 10. С. 117).

581. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.XII.1779

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 356.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 113.

В "Дневнике" Бобринского под 13.XII.1779 г. записано: "Был в Эрмитаже, благодарил Императрицу за подарок. После были у девиц Энгельгардт. Потом – опера" (*РА*, 1877, № 10. С. 117).

582. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1779

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 13.
Публикуется впервые.

Лобанов-Ростовский Яков Иванович (1760–1831) – князь, младший сын родной племянницы графов Паниных. Был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк в 1774 г. Пожалован сержантом в 1779 г. Впоследствии обер-камергер, член Государственного Совета. В 1808–1816 гг. генерал-губернатор Малороссии.

1780

583. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 2.I.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 121–121 об.
Публикуется впервые.

[1] *...Великая Княгиня может ли ласкаться милостию к ея брату пожалованием голубой ленты.* – Брат великой княгини *Марии Федоровны* (1759–1828), жены наследника престола цесаревича Павла Петровича, принц Фридрих-Вильгельм 28.I. 1780 был пожалован в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного. Потемкин со 2.I по 1.III.1780 отсутствовал на официальных приемах (*КФЖ*).

[2] *Меня предупредили, что Ваш братец получил, будучи еще 13 лет...* – Младший брат Екатерины принц Фридрих-Август *Ангальт-Цербстский* (1734–1793) был награжден орденом Св. Андрея, но, как замечает императрица, никогда в России не бывал. А братья великой княгини Марии Федоровны как бы не стали проситься в русскую службу.

[3] *Да он же уже дядя двум Великим Князьям.* – Александру (род. в 1777 г.) и Константину (род. в 1779 г.).

584. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 2.I.1780

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 14.
Публикуется впервые.

Ответ на запрос Потемкина фавориту А.Д. Ланскому о здоровье государыни.

585. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 10.II.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 30.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 390.

Командующий польским корпусом генерал-поручик А.И. Романиус 10.II.1780 г. рапортовал в Военную коллегию о том, что Смоленское наместническое правление еще 17.III.1779 требовало капитана Ревельского пехотного полка (квартировал в Люблине при цесарском кордоне) Потемкина в суд по иску его отца полковника Смоленской шляхты Петра Потемкина. Было решено не отсылать его до сентября. Когда же срок прошел, командир бригады генерал-майор И.И. Михельсон приказал капитану явиться в суд, но тот, сдав роту, уехал в Цесарские границы. Романиус просил коллегию посредством дипломатических каналов требовать выдачи капитана Потемкина (см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1107. Л. 1–1об.). Случай дезертирства офицера, к тому же однофамильца (Потемкины – распространенная фамилия среди смоленского дворянства), как следует из письма, был принят близко к сердцу президентом Военной коллегии. Императрица спешит успокоить его. Судьба капитана Потемкина неизвестна. По списку, полученному Коллегией 25.I.1781 г. "от Ревельского пехотного полку за прошлый 780-й год онаго капитана в том полку не значится, а показан в убыли" (Там же. Л. 2об.). Для сведения следует упомянуть указ Екатерины II от 13.II.1779 г. о прощении ушедшего в Англию артиллерии подпоручика Александра Назимова (*СБРИО*. Т. 27. С. 167).

Начало нового года застает Потемкина за разработкой планов Персидской экспедиции. Военная схватка Англии с Францией и Испанией создавала благоприятные предпосылки для протορения торговых путей на восток. В январе 1780 г. Потемкин встречается в Петербурге с представителями армянского народа Иосифом Аргутинским и Иваном Лазаревым. Они обсуждают вопросы, связанные с освобождением Армении от персидского ига. В совещаниях принимает участие А.В. Суворов. 11.I.1780 г. Потемкин подписывает ордер и секретную инструкцию Суворову, направляемому в Астрахань для подготовки Закаспийской экспедиции. Крупные события зреют на западе. 22.I.1780 русский посол в Вене князь Д.М. Голицын сообщил о посещении его загородного дома (в Пратере) императором Иосифом II, который выразил желание встретиться с Екатериной II в Белоруссии. Императрица немедленно ответила

согласием, уточнив дату и место встречи: 27 мая старого стиля, в Могилеве (см. *РА*, 1872. С. 992). В тот же день 4.II А.А. Безбородко уведомил своего бывшего начальника фельдмаршала П.А. Румянцева о предстоящей встрече, предупредив его о том, что все делается в большой тайне, в которую, "кроме графа Никиты Ивановича и князя Григория Александровича", никого не посвятили. Даже граф З.Г. Чернышев (генерал-губернатор в Белоруссии) еще не знает об этом. (*Письма Безбородко*. С. 57.).

586. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 19.IV.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 309.
Публикация – *ВИ*. 1989. № 12. С. 109.

Датируется условно, на основании записей в КФЖ, отметившего появление Потемкина после 19.IV.1780 г. Судя по данному письму (и письмам № 587–589) князь испытывает сильное беспокойство. Это может быть связано с крутым поворотом русской политики на юг. Главным проводником нового курса был Потемкин. Ему противостояла влиятельная группировка во главе с Паниным, сторонником союза с Пруссией. К Панину присоединились Орловы, недовольные ростом влияния Потемкина. А пропрусские симпатии наследника престола были хорошо известны. По разным мотивам в борьбу включилась прусская и французская дипломатия, стремившаяся не допустить русско-австрийского сближения.

[1] *Сей час возвратился ко мне Ал*[*ександр*] *Дм*[*итриевич*] *и сказывал мне, что дух твой наполнен безпокойствами. – Ланской* Александр Дмитриевич (1758–1784) – сын небогатого смоленского дворянина. Сменил фаворита Корсакова, выступившего против Потемкина. Служить начинал в лейб-гвардии Измайловском полку. В 1776 г. стал кавалергардом с чином армейского поручика. 6.X.1779 Потемкин взял Ланского в адъютанты, а через месяц он уже был флигель-адъютантом императрицы. "Ланской молод, хорошо сложен и, говорят, человек очень покладистый, – доносил 11/22.X.1779 Гаррис. – Это событие усилило власть Потемкина, которую никто не в состоянии поколебать, если только он не женится на своей племяннице Александре Энгельгардт, о чем говорят при дворе, но это мало вероятно" (*РС*, 1908, июнь. С. 627). Гаррис не подозревает о тайном браке императрицы. Он описывает, как противники Потемкина объединились, пытаясь провести в фавориты своего ставленника вместо Ланского. Но Екатерина привязалась к молодому человеку, имевшему мягкий характер и отзывчивое сердце. Ланской был пожалован в генерал-поручики и генерал-адъютанты (2.II.1784). Его внезапная смерть потрясла императрицу (см. примеч. к письму № 712).

587. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 19.IV.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 203.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 104.

588. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 19.IV.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 204.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 104.

589. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 19.IV.1780

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 8.
Публикация – *СБК*. Т. 2. С. 126.

[1] *Зорич набрал всякой сволочи в эскадрон...* – Зорич, потеряв место фаворита, продолжал командовать лейб-гусарским эскадроном. Как нередко бывает с выскочками, потерпевшими фиаско, Зорич вымещал свое раздражение на подчиненных. Офицер Куколь-Яснопольский за грубые выходки Зорича вызвал своего начальника на дуэль. Тот уклонился от поединка и подал формальную жалобу в Военную коллегию. Куколь был судим, разжалован и сослан, но Зоричу вскоре пришлось сдать командование лейб-гусарами.

[2] *... представляется в кавалергарды некто Княжевич...* – *Княжевич* Максим Дмитриевич (1758–1813) – серб, переселившийся в 1779 в Россию. Зорич принял его в лейб-гусары, хотя в эскадрон было положено набирать заслуженных офицеров. В 1780 Княжевич стал кавалергардом. Через 10 лет он был выпущен в армию и вскоре перевелся в гражданскую службу. Жил и служил в Казани.

590. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.V.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 110–111.
Публикация – *РС*, 1876, май. С. 57–58.

[1] *Батинька, письмо твое из Могилева... получила.* – Не разыскано. 9.V.1780 государыня отправилась из Царского Села в Могилев на свидание с императором Иосифом II. В ее свите находились: фаворит А.Д. Ланской, Л.А. Нарышкин, граф Я.А. Брюс, А.А. Безбородко, П.И. Турчанинов, фрейлины сестры А.В. и Е.В. Энгельгардт, другие лица. Показательно отсутствие графа Н.И. Панина – главы Коллегии иностранных дел, противника сближения с Австрией. Потемкин также показан среди лиц свиты, но он отправился вперед, чтобы подготовить важное свидание. В письме говорилось о его первых беседах с императором.

[2] *Весьма ласкательные речи Графа Фалькгнштейна приписываю я более желанию его зделаться приятным, нежели иной причине.* – Иосиф II прибыл в Россию под именем графа Фалькенштейна. Ему тоже пришлось преодолевать сопротивление: среди противников сближения с Россией была его мать императрица Мария-Терезия. За Могилевским свиданием внимательно следили во всех европейских столицах. С особым напряжением его результатов ждали в Берлине и Константинополе.

[3] *Буду ночевать завтра в Шклове...* 23.V.1780 Зорич принимал государыню и ее свиту в своем богатом имении Шклов. Он тщательно готовился к этой встрече и вошел в большие расходы, желая поразить Екатерину великолепием приема. Но она торопилась в Могилев, где ее уже ожидал император, обещав Зоричу посетить Шклов на обратном пути.

[4] *Как Гр[аф] Румянцев ко мне пишет...* – Письмо не разыскано. Румянцев прибыл в Могилев еще до приезда высокого гостя и первым беседовал с императором.

591. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.V.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 102.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 182.

[1] *Сейчас получила я твое письмо, друг мой сердечный.* – Не разыскано. На следующий день императрица прибыла в Могилев и отправилась в соборную церковь на литургию. "Знаменитый путешественник Его Сиятельство Граф Валькенштейн, – сообщает *КФЖ*, – будучи у соборной церкви во время Высочайшего Ее Императорского Величества в оной присутствия, так и до того на городском валу находился между народом и смотрел на вшествие Ее Императорского Величества в город, не оказывая при том ни малейшей отличности от прочих зрителей, а потом оный пред окончанием литургии прибытие имел во дворец с прочими собирающимися для встречи Ее Императорского Величества знатными российскими и заграничными особами". Потемкин представил Екатерине II "графа Фалькенштейна". После обеда и небольшого отдыха переговоры продолжились. Они длились до 29.V, после чего Екатерина II и ее гость направились через Шклов в Смоленск. В Шклове Зорич устроил пышную встречу с фейерверком, салютом и театральным представлением. 1.VI Смоленск встречал гостей. Генерал-губернатор князь Н.В. Репнин явился живым напоминаем Иосифу II о важности союза с Россией: во время войны с Пруссией за Баварское наследство Австрия была вынуждена отступить от своих притязаний в связи с решительной поддержкой, оказанной Екатериной Фридриху II. Русским вспомогательным корпусом командовал Репнин. Он же был главным посредником на Тешенском конгрессе, выработавшим мирные условия.

592. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.VI.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 81–81 об.
Публикаця – *СБРИО*. Т. 27. С. 182–183.

[1] *Батинька Князь, письмо твое из Вязьмы... я получила...* – Не разыскано. После Смоленска граф Фалькенштейн со свитой (всего пять человек) отправился в Москву, посмотреть древнюю столицу России. Екатерина в сопровождении Румянцева, Льва Нарышкина, Барятинского, Ланского и других лиц заехала в село Чижево Духовщинского уезда Смоленской губернии. Императрица захотела своими глазами увидеть место рождения своего тайного мужа. Чижево перешло во владение флигель-адъютанта императрицы, племянника Потемкина В.В. Энгельгардта. Он и его знаменитый дядя встречали Государыню у ворот усадьбы, где состоялся обед. Екатерина осмотрела деревянную баньку, в которой родился Потемкин, скромный деревянный храм Покрова Пресвятые Богородицы, в котором его крестили. Потемкин поскакал из Чижево в Смоленск догонять императора, а Екатерина II двинулась на север в Петербург.

[2] *Мы все, равно и дети Ваши, здоровы.* – Речь идет о племянницах Потемкина Александре (ставшей камер-фрейлиной) и Екатерине Энгельгардт, принимавших участие в Могилевском свидании.

[3] *...без Вас скучаем, нивесть как долго не видали.* – В письмах Екатерины Потемкину этот мотив будет повторяться очень часто.

593. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

11.VI.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 83.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 183.

12.VI Екатерина вернулась в Царское Село, куда 18 числа прибыл и граф Фалькенштейн, посетивший Москву (его сопровождал Потемкин). Переговоры о заключении союзного оборонительного договора продолжались до 8 июля – дня отъезда императора из Петербурга.

"Прусская партия крайне встревожена тем, что пребывание императора в России... столь продолжительно, – донес в Лондон Гаррис, – Император... нанес такой чувствительный удар влиянию Прусского короля.., что королю едва ли удастся восстановить его" (*PC*, 1908, сентябрь. С. 441). Гаррис подробно описал впечатление Иосифа II о Екатерине: "Она превзошла добрую славу, которой пользуется... и он считает дни, проведенные с нею, самым приятным временем своей жизни, проведенным с наибольшею пользою. Императрица была до того тронута тоном, которым все это было сказано, что даже прослезилась; она поцеловала его с большим волнением и сердечностью, а когда Иосиф II поцеловал ее руку, она в свою очередь поцеловала ему руку. Это передано мне человеком, который был единственным свидетелем этой оригинальной сцены", – заключает свое послание Гаррис (там же. С. 441). Английский посланник в Вене сэр Роберт Мюррей Кейт передает более критический отзыв Иосифа II о российской императрице, впрочем тоже благоприятный. "Главное несчастье императрицы, – по его словам, – заключается в том, что возле нее нет человека, который бы осмелился ограничить или хотя бы сдержать вспышки ее страстей". На вопрос собеседника о Потемкине император якобы сказал: "...в делах политики его влияние никогда не было так велико, как полагали. Императрица не желает расстаться с ним; на это есть тысяча причин. Ей было бы нелегко отделаться от него, даже если бы она того желала. Надо побывать в России, чтобы понять все особенности положения императрицы". (Там же. С. 442–443). Отзывы об Иосифе II см. письма № 1028, 1030.

594. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.VII.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 95.
Публикация – *СБРИО*, Т. 42. С. 407.

[1] *Буде обер-полицмейстер Лопухин Ранцова не сыщет... в трое сутки от сего 25 ч. июля... – Лопухин* Петр Васильевич (1753–1827) – обер-полицмейстер Петербурга. В разговоре с А.В. Храповицким Екатерина говорит о Лопухине: с ним "часто бранились, но он никогда не прятался" (*ДХ*, 26.III.1786). При Екатерине II имел чин генерал-поручика и служил московским губернатором. При Павле I стал генерал-прокурором, князем, был награжден орденом Св. Андрея Превозванного, что объяснялось влюбленностью императора в его дочь Анну. При Александре I Лопухин сохранил свое положение: был министром юстиции, председателем Государственного Совета и Комитета министров. Екатерина требует отыскать подполковника Ивана Романовича *Ранцова* (*Ронцова*), побочного сына графа Р.И. Воронцова, который в апреле 1780 г. приехал в Лондон в качестве специального курьера. Рекомендации графа С.Р. Воронцова (брата по отцу) открыли перед Ронцовым двери

знатнейших домов Англии. Проводя время в развлечениях и праздности, Ронцов оказался участником бунта лорда Джорджа Гордона, известного демагога, поднявшего движение за уничтожение в Англии католических церквей. 22.V/2.VI.1780 предводимые им толпы маршировали к парламенту для подачи петиции, а 3 числа начались беспорядки, вылившиеся в погромы католических церквей и домов, принадлежавших католикам. Были подожжены и открыты лондонские тюрьмы, совершены нападения на Английский банк и другие общественные здания. При подавлении беспорядков было убито и ранено 1450 человек. Гордон был предан суду, прощен, служил по дипломатической части, затем по возвращении домой снова был арестован и провел пять лет в тюрьме. Ронцов, как следует из его показаний губернатору Д.В. Волкову, сначала был зрителем, но увлеченный "таковым развращенным сборищем... выступил он прямо из здравого разума и как антузиан (энтузиаст. – *В.Л.*) по молодости своей или, лутче сказать, по ветренности, сняв с себя шляпу, тут же с тою толпою закричал Ура!" "Первый российский революционер" принял участие в разгроме одной из церквей и был схвачен. И.М. Симолин (посланник) добился его освобождения и приказал ему немедленно покинуть Англию. Ронцов тайно прибыл в Кронштадт под именем российского купца Ивана Степанова и пытался получить (через друзей) у Н.И. Панина паспорт, но тот отказал. Слухи о его "подвигах" будоражили высший свет, и в Кронштадт стали приезжать друзья Ронцова, которым он сочинил легенду о давнем знакомстве с Гордоном якобы желавшим сыграть роль Кромвеля. "Лгал для того, чтоб они не сочли его дураком", – признается Ронцов следствию. Полиция сумела узнать о его пребывании и доложила императрице. *См.* письмо № 595 и примеч. к нему.

595. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.VII.1780

Автограф. *РГАДА*.Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 109.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 408.

Николай Петрович *Архаров* (1742–1814) – генерал-майор и московский обер-полицмейстер. Выдвинулся во время подавления чумного бунта в 1771 г. и наведения порядка в Москве. Екатерина ценила его за расторопность и умение говорить с простым народом. Архаров служил губернатором в Москве (1782), генерал-губернатором Новгородского и Тверского наместничеств (1784–1796). Смерть Екатерины застала его генерал-губернатором Петербурга. Павел I уволил Архарова в отставку. Полицейские получили в народе прозвище "архаровцев" по имени своего начальника. Недовольная Лопухиным, Екатерина хотела вызвать Архарова, для розыска Ронцова, но тот был арестован в загородном доме своей матери полицейским офицером 27.VII и доставлен к губернатору Д.В. Волкову, а от него к генерал-прокурору, где его допрашивал С.И. Шешковский. Екатерина лично интересовалась следствием. Убедившись в глупости "революционера", императрица распорядилась отправить его к отцу с запрещением въезжать в резиденции своего пребывания и жить не ближе ста верст от них. (Приведенные сведения о показаниях Ронцова и приговоре ему содержаться в его следственном деле, оконченном 5.X.1780 г. *РГАДА*. Ф. 7. Д. 2545.) Ронцов жил в пензенском имении отца и даже был избран предводителем дворянства по Пензенскому наместничеству (см. примеч. 2 к письму № 875).

596. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 26.VIII.1780

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 21.
Публикуется впервые.

[1] *Жалею, батинька, что ты не очень здоров.* – Корберон сообщает, что 6/17 августа 1780 г. "Государыня вернулась в Царское Село ...после обеда, но как она уехала поздно, то думают, что она была в Озерках, на даче Князя Потемкина, объявить ему о смерти его матери. Другие говорят, что это известие передала ему его племянница и что он горько плакал. Этот Князь ко всем своим недостаткам и качествам присоединяет сентиментальность, что кажется несообразностью" (*РА*, 1911, № 6. С. 188).

[2] *...при приезде насл*[*едного*] *принца Прусского...* – Фридрих II, встревоженный переговорами Екатерины с австрийским императором, пытался перехватить инициативу. Гаррис пишет о секретном поручении прусского короля графу Герцу, посланному в Петербург: передать Потемкину собственноручное письмо Фридриха II, в котором король обещал содействовать планам князя относительно Курляндии и вызывался быть его гарантом перед наследником престола Павлом Петровичем в случае смерти Екатерины II. За это Потемкин должен был содействовать сохранению союза России с Пруссией. "Князь Потемкин говорит и действует вполне искренно, – сообщил Гаррису информатор, близкий к Потемкину. – Он не любит французов, предубежден против прусского короля и остается глух к предложениям, сделанным ему за последнее время этим монархом. Но его симпатии к Англии не так велики, чтобы он преодолел для нее свою лень и безпечность; он может выйти из своей инертности только в том случае, если его вынудит к тому противодействие графа Панина" (*РС*, 1908, № 9. С. 439). Фридрих II направил в Петербург своего племянника Фридриха-Вильгельма (1744–1797), который прибыл 26.VIII.1780. Он был принят с подобающими почестями (Гаррис злорадно пишет о холодном приеме и чуть ли не об унижениях, которым подвергся прусский принц со стороны Екатерины и Потемкина. Но это следует отнести на счет его враждебности к Пруссии, отказавшейся поддержать Англию в трудные для нее времена). Однако разрушить оформлявшийся русско-австрийский союз ему не удалось. Визит Фридриха-Вильгельма затянулся до 1 октября и, как пишет Румянцеву Завадовский, "им до бесконечности скучали" (Письма Завадовского. С. 35). Вступив в 1786 г. на престол, Фридрих-Вильгельм II сделался противником Екатерины.

597. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VIII–IX.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 86.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 194.

Принц Шарль-Жозеф *Де Линь* (1735–1814) – родом бельгиец, австрийский подданный, герой Семилетней войны, писатель, острослов, поклонник Ж.-Ж. Руссо и друг императора Иосифа II. В своей книге он описал свое имение Белейль, в Бельгии. Завадовский 5.X.1780 г. сообщил Румянцеву о пребывании в Петербурге принца де Линь: "Император предварил похвалить его свойства и потому принимали его отменно ласково... Отсель он поехал чрез Варшаву и Князь Г[ригорий] А[лександрович] при сем случае ездил с ним в Дерпт казать свой полк. Полагают, что он нарочно оставался здесь во все время пребывания Принца Прусского, дабы уведомить свой двор, каково он принят..." (*Письма Завадовского*. С. 35).

598. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IX.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 77.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 185.

1 *Сейчас, батинька, получила я твое письмо от 24...* – Не разыскано.

2 *...а теперь не без сожаления вижу, что и в среду в твои имянины не изволишь быть.* – Потемкин успел вернуться. 30.IX.1780 он отпраздновал именины вместе с Екатериной. Среди приглашенных были И.И. Бецкой, Л.А. Нарышкин, И.П. Елагин, братья Ф.С. и И.С. Барятинские, А.Д. Ланской, фрейлина А.В. Энгельгардт и другие лица.

3 *К Александре Васильевне за письмом к тебе послала я, но она... уехала к Гаррису...* – Английский посланник "ухаживал" за Потемкиным, добиваясь заключения союзного договора между Россией и Англией. Он принимал у себя самую умную из племянниц князя, которая к тому же пользовалась уважением Екатерины. Потемкин был склонен поддержать Англию, переживавшую трудные времена, но императрица предпочла остаться нейтральной в англо-французской войне, затянувшейся до 1783 г. Пока державы-соперницы боролись за гегемонию на мировых торговых путях, Екатерина и Потемкин подготовили присоединение Крыма к России.

599. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 24.XI.1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 111.
Публикуется впервые.

Соллогуб Иван Антонович (ум. в 1812 г.) – польский граф, бывший генерал-адъютант короля Станислава Августа. Перешел на русскую службу. Соллогуб развелся со своей первой женой княгиней Марией Сапега и 24.XI.1780 императрица "собственноручно обручила перстнями Славенского гусарского полка полковника и ордена Св. Станислава кавалера графа Соллогуба к брачному сочетанию с фрейлиною Ее Императорского Величества Натальею Нарышкиной" (*КФЖ*). Венчание состоялось 28.VIII. 1781. В 1785 г. Соллогуб получил чин генерал-майора. Участник русско-турецкой войны.

600. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1780

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 26.
Публикуется впервые.

В 1780 г. русские войска были выведены из Польши. Сейм обычно заканчивал свою работу поздней осенью.

601. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 22.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 186–187.

В примеч. к письму публикаторы указывают: трактат "о дружбе и коммерции" с Англией был заключен в 1766 г. сроком на 20 лет. Он должен был кончиться в 1786 г. Екатерина говорит в переписке о 6 годах, оставшихся до окончания трактата, поэтому письмо датируется 1780 г. Данное письмо и письмо № 602 посвящены вопросам улучшения управления государством. Губернская реформа по-новому соче-

тала полномочия центральной и местной властей. Коммерц-коллегия ранее ведала всеми таможнями. Теперь же таможенные права передавались в ведение пограничных губерний. Вставал вопрос об уничтожении лишних учреждений. Коммерц-коллегия, однако, была упразднена лишь 16.IX.1796. Трактат с Англией был возобновлен сроком на 6 лет.

602. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1780

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 21.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 399.

Коллегия экономии, ведавшая наряду с другими делами вопросы, связанные с церковным имуществом, была упразднена 2.VII.1786.

1781

603. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 14.I.1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 101.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 405.

[1] *Кобенцель Людвиг* (1753–1809) – граф, австрийский дипломат, посол в Петербурге с 1779 г. Сопровождал императора Иосифа II в Могилев. Вошел в круг близких друзей императрицы Екатерины II. 25.I.1781 Безбородко уведомил фельдмаршала Румянцева: "Две недели тому назад получено Ея Величеством письмо от Императора уведомительное, что г. Кобенцель предложит о заключении с нами союза оборонительного и гарантии на владения обеих Империй, к чему он снабден полномочием..." В конце письма Безбородко прибавлял, что Кобенцель сделал официальные предложения и что со стороны России переговоры уполномочены вести граф Н.И. Панин, граф И.А. Остерман, сам Безбородко и П.В. Бакунин Меньшой (*Письма Безбородко*. С. 73–74).

[2] *...Император ко мне пишет...* – В письме от 21.XII.1780/1.I.1781 Иосиф II сообщил, что во исполнение предварительной договоренности между ним и императрицей он отдал приказание князю Кауницу (министру иностранных дел) со всею поспешностью "изложить письменно и отправить с этим же курьером к Графу Кобенцелю необходимые инструкции и полномочия" для переговоров о союзном договоре. Письмо заканчивалось преувеличенными комплиментами по адресу Российской императрицы (*РА*, 1880. Кн. I. С. 225).

604. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 14.I.1781

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 42.
Публикуется впервые.

Резкий отзыв Екатерины относится, очевидно, к Панину, бывшему противником русско-австрийского союза. В своем ответе на вопрос императрицы о трактате Панин, по словам Безбородко, писал так, что "трудно было тут узнать и различить убеждение справедливости причин от робости, заставившей говорить против себя" (*Письма Безбородко*. С. 74). Вскоре Панин получил отпуск и в мае 1781 г. поехал "по словам

его отведать, можно ли жить в деревне. Отпуск его по сентябрь, но скучать не станут, ежели и долее останется" (*Письма Завадовского*. С. 39). Накануне возвращения Панина последовал указ графу И.А. Остерману вступить в управление Коллегией иностранных дел.

[1] *Про Вас спросили у Салты*[*ковых*]: *каковы Вы*. – Потемкин был болен 2 недели в первой половине января 1781 г. *Салтыковы* – Николай Иванович и его жена Наталья Владимировна (урожд. княжна Долгорукова).

605. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 25.I.1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 79.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 388.

25.I.1781 г. Безбородко подробно описал фельдмаршалу Румянцеву ход переговоров с австрийцами. "Все артикулы, с обеих сторон согласные, оставлены в своей силе и приведены в сравнение с договором между нашим и берлинским дворами заключенным, а дело остановилося на возобновлении секретного артикула о Порте" (*Письма Безбородко*. С. 74). Попытка князя Кауница ослабить обязательства Австрии в случае нападения Порты на Россию встретили отпор русских дипломатов. Кобенцель заверил их в благоприятном ответе и послал донесение в Вену. Очевидно, Потемкин был против сравнения нового договора со старым русско-прусским трактатом и счел это за "трусость" со стороны Панина. Екатерина, ссылаясь на "двадцатилетнего союзника" (трактат с Фридрихом II был заключен в 1762 г.), напомнила, как в минувшей войне с турками прусский король был вынужден помогать России субсидиями. Австрия в 1771 г. ("десять лет назад") поддержала Турцию и затянула войну еще на 3 года.

607. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 27.I.1781

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 28.
Публикуется впервые.

Екатерина передает свой разговор с графом Браницким, который после Могилевского свидания (свидетелем которого он был) решил сблизиться с Потемкиным, чтобы усилить свои позиции в борьбе против короля Станислава Августа. Польский граф предложил руку племяннице Потемкина Александре Васильевне Энгельгардт, хотя и был старше ее на 23 года. Обручение состоялось 13.III.1781 г. Биограф графини А.В. Браницкой Е.С. Шумигорский писал, что этот брак отвечал "политическим расчетам императрицы", которая поощряла семейные союзы польских аристократов с русскими дамами. Эти браки, по мнению Екатерины, усиливали русскую партию и способствовали сближению Польши с Россией (*ИВ*. 1900. № 1. С. 175).

608. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

II–III.1781

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 47.
Публикуется впервые.

[1] *...между Императором и Российскою Императрицею альтернатива быть не может...* – *Альтернативом* называли обычай в дипломатических сношениях, согласно которому при заключении договора подписи коронованных особ чередуются

на каждом из 2-х экземпляров документа: та, что была первой, становится второй. Безбородко писал 15.III.1781 г. Румянцеву (по секрету) о том, что почти готовый русско-австрийский договор остановился из-за формальности – вопроса об "альтернативе", хотя удалось "самым выгоднейшим образом" договориться о взаимных действиях против Порты. (*Письма Безбородко*. С. 74–76). Иосиф II в письме к Екатерине от 23.II/6.III.1781 извинялся, ссылаясь на свои обязанности Императора Священной Римской Империи Германской нации. Он несет ответственность перед избравшими его германскими государями и не может отступить в вопросе "альтернатива", хотя и считает это формальностью. Выход из дипломатического тупика был найден Екатериной – см. письмо № 610 и примеч. к нему.

609. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 1.IV.1781

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 2. Л. 61.
Публикуется впервые.

[1] *Талызин* Петр Федорович (в сл. с 1749 г.) – генерал-майор, кавалер Георгия 4-ой степени за отличия в русско-турецкой войне. 8.IV.1781 он поблагодарил Потемкина за награждение орденом Св. Анны (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 41. Ч. 5. Л. 132). Впоследствии генерал-поручик. М.С. Потемкин, участвовавший в работе комиссии по демаркации новой российско-польской границы, был награжден польским королем орденами Св. Станислава и Белого Орла.

610. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

IV–V.1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 104.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 406.

9/20.V.1781 г. Иосиф II писал Екатерине о том, что вся Европа узнала о затруднениях, возникших при заключении договора в связи с вопросом об альтернативе. Враги русско-австрийского союза злорадствовали, но, как признается император, "гений императрицы" помог найти выход. Он соглашался с предложением Екатерины обменяться письмами (вместо формального договора), в которых оговорить все пункты достигнутого соглашения. Эти письма имели одинаковую силу с договором. Датой официально заключенного союзного трактата считается 18.V.1781 г. В случае нападения Турции на Россию цесарь обещал вооруженную помощь. Императрица гарантировала своему союзнику целостность его владений в случае нападения Пруссии.

611. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 29.VI.1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 41.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 400.

В связи с переносом основных усилий на Крым задуманную экспедицию на южный берег Каспия пришлось отложить. 29.VI.1781 из Астрахани вышла небольшая флотилия под командованием капитана 2-го ранга М.И. Войновича. Целью этой ограниченной экспедиции было заведение торговой фактории на южном берегу моря. Перед выходом Войнович рапортовал о найденном в низовьях Волги "сахарном тростнике", но из него так и не удалось получить сахар.

612. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 29.VI.1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 490.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 409.

[1] *Пилад* – в греч. мифологии верный друг, спутник и помощник Ореста, сына Агамемнона, царя Микен. Символ верности и разумного советчика.

[2] *Войнович* Марк Иванович (1750–1807) – граф, выходец из Далмации. Во время войны 1768–1774 г. поступил на русскую службу, командовал фрегатом. За отличия награжден Георгием 4-ой степени. В 1780 г. Потемкин поручил ему командование Каспийской флотилией. Вместо большого похода, готовившегося Суворовым, Войнович возглавил небольшую экспедицию. Поначалу владетель Астробадской провинции Персии Ага-Мохаммед хан (будущий шах) дал согласие на устройство фактории, а затем вероломно захватил Войновича и его офицеров в плен, изобразив это, как своевольничание подчиненных. Войновичу пришлось отдать приказ об уничтожении фактории. Он бесславно возвратился в Астрахань. Суворов, хорошо изучивший нравы восточных владетелей, предупреждал Потемкина о заносчивости и беспечности Войновича. В новой русско-турецкой войне граф в чине контр-адмирала командовал Севастопольским флотом. Потемкин был недоволен его нерешительностью и сменил Войновича Ушаковым (см. письмо № 1043).

613. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

VI–VII.1781

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *РА*, 1879, № 9. С. 19.

В письме говорится о смерти *о. Андрея*, протопопа Преображенского собора в Петербурге (полкового собора лейб-гвардии Преображенского полка), последовавшей 5.VI.1781 г. На его место Потемкин рекомендовал о. Симеона Коронацкого (Матвеева). *Симеон* (ум. в 1787 г.) стал, как и его предшественник, членом Святейшего Синода.

"*Богословия*" *Платоновы* – лекции, прочитанные наследнику престола Павлу Петровичу преосвященным Платоном (Левшиным). Были изданы в России.

614. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

VI–VII.1781

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 582. Л. 120.
Публикуется впервые.

Очевидно, после прочтения письма № 613 у Екатерины возникли какие-то вопросы. Потемкин дал необходимые разъяснения и о. Симеон был назначен протоиереем Преображенского собора.

615. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 22.X.1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 80.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 411–412.

[1] *Мироныч Ушаков... – Ушаков* Александр Миронович, квартирмейстер лейб-гвардии Измайловского полка. Сохранилось дело об "отставном квартирмейстере Ушакове" (*РГАДА*. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2573). В нем находятся письма генерал-прокурора князя

А.А. Вяземского от 22.X.1781 генерал-губернатору А.П. Мельгунову и губернатору И.И. Голохвастову в Ярославль, в которых сообщалось об отправке из Петербурга "по некоторым известным Ея Императорскому Величеству обстоятельствам" Александра Ушакова "с тем, дабы он, имея жительство в Романовском уезде, в вотчине отца его, в сельце Окулове, пять лет никуда из оного не отлучался". Вяземский даже написал особое письмо романовскому уездному капитан-исправнику, приказав принять Ушакова и строго следить за ним. Когда срок ссылки истек, Ушакову было разрешено покинуь Окулово, "но с тем однако ж, дабы он в Москву, Санкт-Петербург и где Высочайшее Ея Величества присудствие будет, въезжать никогда не дерзал..." (письмо Вяземского Мельгунову от 20.XI.1786 г. – *РГАДА*. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2573. Л. 18). Очевидно, Ушаков сначала был взят на заметку, а осенью 1781 г., когда князь Г.Г. Орлов уже был за границей, подвергся высылке. Так, императрица наказывала тех, кто дерзал грозить ее мужу и соправителю.

2 *Кузьмино...* – Селение между Пулковым и Царским Селом.

3 *Отца же я знаю по делу Пушкиных, которого он вез из Нейгаузена.* – В феврале 1772 г. в Нейгаузене (карантинная застава на пути из Риги в Псков) был арестован капитан Сергей Алексеевич Пушкин. У него найдены штемпель и литеры для печатания фальшивых ассигнаций. Для его ареста посылался армейский полковник *Ушаков* Мирон Иванович (в службе с 1756 г.), выпущенный в армию из лейб-гвардии Семеновского полка. Сообщником Сергея Пушкина был его брат Михаил, коллежский советник, член Мануфактур коллегии. Сенат приговорил их (25.X.1772) к смертной казни. Императрица заменила казнь вечным заточением для Сергея Пушкина и ссылкой на жительство в сибирские дальние места для Михаила. Первый, по преданию, кончил дни в Соловецком монастыре, второй – в Тобольске, куда за ним последовала его жена Наталья Аврамовна (урожд. княжна Волконская) (см. – *Осм. век*. Кн. 1. С. 69–74 и *РБС*). Любопытная подробность: в дни переворота 1762 г. княгиня Е.Р. Дашкова, сопровождавшая императрицу в походе на Петергоф, была одета в мундир приятеля своего мужа Михаила Пушкина.

616. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До XI.1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 401.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 119.

Письмо-объяснение вызвано ухаживанием графа Павла Мартыновича *Скавронского* (1757–1794) за фрейлиной Екатериной Васильевной Энгельгардт – "Катенькой". Единственный сын обер-гофмейстера графа М.К. Скавронского (ум. в 1779 г.) воспитывался за границей. По возвращении был пожалован в камер-юнкеры. 10.XI.1781 в придворной церкви, в присутствии императрицы, он был обвенчан с Катенькой Энгельгардт. А через день ее сестра – Александра Энгельгардт обвенчалась с польским графом Браницким. Впоследствии Скавронский был посланником в Неаполе.

617. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1781

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 137. № 1276. Л. 7.
Публикуется впервые.

Екатерина II была решительной противницей монополий, получивших большое распространение в конце царствования Елизаветы Петровны. Проект, представленный Потемкиным, был отвергнут.

618. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1781

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 393.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 118.

В записочке речь идет об увольнении фрейлин Энгельгардт – в связи с их предстоящим замужеством.

1782

619. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 8.IV.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 114.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 407.

[1] *...заставляет тебя читать устав благочиния вместо городового положения.* – Устав благочиния или полицейский был утвержден 8.IV.1782 г. После реорганизации губернского управления (в уездах была создана сельская полиция во главе с капитан-исправниками) Екатерина разрабатывала положение о городской полиции. Одновременно шла работа над "Жалованной грамотой дворянству" и грамотой на права и выгоды городам Российской империи (так называемой "Жалованной грамотой городам"), которые были утверждены в день рождения императрицы 21.IV.1785 г.

620. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.IV.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2607. Л. 32.
Публикуется впервые.

Летом 1781 г. Завадовский известил Румянцева о важной новости: "Великий Князь с Великой Княгиней предпринимают путешествие в Вену и Италию и, может быть, во Францию... Время на езду кладут около года... Путешествие будет осенью" (Письма Завадовского. С. 43). Маршрут наследника престола Екатерина выбрала так, чтобы Павел миновал столицу Пруссии Берлин. Главная цель путешествия – ответный визит императору Иосифу II. Свита наследника была небольшой. Ее возглавлял генерал-аншеф Н.И. Салтыков. Среди лиц свиты был и камергер князь Александр Борисович Куракин. Его приятель флигель-адъютант императрицы бригадир Павел Александрович Бибиков (сын знаменитого генерала) 1.IV.1782 послал из Петербурга письмо, в котором сообщал Куракину "об ужасном положении в отечестве", придирках "кривого" и прочем. Письмо было перехвачено. Императрица лично составляла вопросные пункты арестованному Бибикову, который содержался в доме генерал-прокурора. Отвечая на один из вопросов, Бибиков признался, что надежды на будущее связывал с тем, что "ежели Князь Потемкин не будет в такой силе, как ныне, или, прямо сказать, сломит себе голову, то полковая служба придет в лучший порядок". Однако в ходе допроса он был вынужден признать, что войска в целом (при управлении Потемкина) не хуже прежних, что он не знает никого, кому бы князь "службу заградил", а свое письмо Бибиков объяснил "болтовней по молодости" и "обидой" за перевод его полка из столицы в Новороссийскую губернию. Екатерина переслала эти ответы Потемкину. Князь просил о снисхождении к провинившемуся флигель-адъютанту. См. письмо № 621 и примеч. к нему. (Все цитируемые документы находятся в деле П.А. Бибикова – *РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2607.)

621. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.IV.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2607. Л. 39.
Публикуется впервые.

Государыня решила преподать урок молодым болтунам. Она писала генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому, ведшему следствие: "Спросить у Бибикова, каким судом хочет быть судим: военным или тайным сенатской экспедиции. При чем объявить ему, что в первом случае дело его закрыто не останется и он сам знает, что за поношение и клеветы на командира по военным артикулам последует. Умалчиваю о том, что за злословье правления или, лучше сказать, за бунтовщичий слог последовать может. Который же суд выберет, по тому же и повести дело" (*РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2607. Л. 33).

Бибиков признал вину, заявил, что сообщников у него не было и нет, что он во всем отдается на волю государыни, зная, что за "безвинное поношение Генерала судом военным должен приговорен быть к смерти" (Там же. Л. 34 об.). "Вот то только меня угрызает, – жаловался он генерал-прокурору, – что Князь Потемкин не оставит меня без своего мщения". Когда же Вяземский сказал ему, что князь, может быть, первый ходатай будет о его спасении, Бибиков, зарыдав, стал умолять о милости: публично просить прощения у Потемкина. Ответом на эту просьбу и стало настоящее письмо.

Императрица распорядилась судить Бибикова в тайной сенатской экспедиции без огласки. Сенаторы генерал-прокурор князь А.А. Вяземский, генерал-фельдмаршал князь А.М. Голицын и гофмейстер И.П. Елагин признали Бибикова достойным казни (за поношение властей), но, сославшись на "Наказ" Екатерины, сочли возможным избавить его от смерти. За поношение чести генерала князя Потемкина Бибиков также признан достойным казни ("по силе Военного Артикула 22-го"), но, учитывая ходатайство самого Потемкина, судьи просили о прощении молодого бригадира. Получив приговор, Екатерина распорядилась исключить Бибикова из числа своих флигель-адъютантов, приказав Военной коллегии отослать его в полк под начальство другого. Заступничество Потемкина спасло Бибикова. Он был послан служить в Астрахань. Пережитое потрясение не прошло даром. В 1784 он скончался. Князь А.Б. Куракин по возвращении из-за границы был выслан в свое саратовское имение.

622. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.VI.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 121.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 207–208.

В конце мая 1782 г. Потемкин уехал в Москву по собственным нуждам. "Казалось бы на самое короткое время отсюда отлучились, – писал из Петербурга М.С. Потемкин, – а с двух сторон так важные пришли известия. Судьба не допускает Вас быть в удалении" (письмо от 1.VI.1782. Автограф. – *РГВИА*. Ф. 271. Оп. 1. Д. 31. Л. 11об.).

[1] *...в Крыму татары начали снова немалые безпокойства, от коих Хан и Веселицкий уехали из Кафы водою в Керчь.* – Турция, избегая прямого столкновения с Россией, поощряла своих сторонников в Крыму на свержение хана *Шагин-Гирея* (1746–1787). Последний владетель Крыма, потомок Чингисхана Шагин-Гирей сочетал восточный деспотизм с европейской образованностью (учился в Италии). Сделавшись при поддержке России ханом, он пытался осуществить реформы, призванные укрепить

независимость ханства. Экономическая слабость Крыма, поспешность в проведении реформ, нежелание считаться с традициями – все это вызвало широкое недовольство. На мятежи своих подданных Шагин-Гирей (трижды восстановленный на престоле при помощи русских войск) отвечал жестокими репрессиями. Борьба за власть в правящей верхушке между сторонниками России и сторонниками Порты привела к отречению Шагин-Гирея от престола. С 1784 г. бывший хан жил в Воронеже и Калуге. Перед началом новой русско-турецкой войны был отпущен в Турцию, принят с показным почетом, сослан на о. Родос и убит в августе 1787 г.

Веселицкий Петр Петрович – статский советник. Дважды был резидентом при крымском хане. Первый раз в 1772 г. после подписания договора о независимости ханства и выхода Крыма из войны на стороне Порты. Веселицкий едва не погиб в июле 1774 г., вероломно выданный ханом Сагиб-Гиреем турецкому десанту, высадившемуся в Алуште. Весь конвой резидента был перебит. Веселицкого спасло известие о подписании Кучук-Кайнарджийского мира. В 1780 г. он снова был направлен в Крым и перед самым отречением Шагин-Гирея (17.IV.1783 г.) был сменен С.Л. Лашкаревым.

[2] *Филисовым приняты не ласково.* – *Филисов* Федор Петрович (1731–1784) – генерал-майор. 17.V.1782 в Керчи встретил хана, бежавшего на русском судне из Кафы, отдав ему почести, как владетельной особе.

[3] *Теперь нужно обещанную защиту дать Хану... Все сие мы б с тобою в полчаса с тобою положили на меры, а теперь не знаю, где тебя найти... ничего так не опасаюсь, как что-нибудь проронить или оплошать.* – Важное признание – свидетельство огромного влияния Потемкина на императрицу. Князь поспешил в Петербург.

[4] *Агличане жестоко побили на море: французский Адмирал с четырьмя кораблями взят в полон у острова Доминго близ Ямайки.* – 1/12.IV.1782 г. английский адмирал Джордж Бриджес *Родней* (Родни – 1718–1792) разгромил в сражении французский флот. Адмирал граф Франсуа Жозеф Поль *де Грасс* (1722–1788) попал в плен. Французы потеряли 7 кораблей.

[5] *При сем прилагаю цыдулу человека, тебе крайне привязанного, и который жестоко по тебе тоскует.* – В сохранившихся письмах А.Д. Ланского Потемкину фаворит называет князя "батюшкой", "дядюшкой", пишет о своем желании его видеть. "Любезный дядюшка, – говорилось в одном из писем, – не можете представить, как мне без вас скушна, приезжайте, батюшка, наискарее. При сем посылаю от матушки государыни к вам письмо..." (Автограф. – *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 914. Л. 6).

623. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 1.VII.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 394.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 12. С. 118.

[1] *...в каком полку и каким чином советуешь принять сына Княгини Дашковой.* – *Дашкова* Екатерина Романовна (урожд. графиня Воронцова – 1743–1810) – княгиня, вдова князя Михаила-Кондратия Ивановича (ум. в 1764 г.). Решительная сторонница Екатерины и деятельная участница переворота 1762 г. После 6-летнего пребывания за границей 1.VII.1782 возвратилась в Петербург. Ее сын князь *Дашков* Павел Михайлович (1763–1807) в 1772 г. был записан в гвардию и сразу же получил чин прапорщика (из уважения к заслугам матери). Он вернулся в Россию с ученой степенью магистра искусств, которую получил в Эдинбургском университете, зани-

маясь науками под наблюдением матери. Потемкин взял Дашкова к себе в генеральс-адъютанты с чином капитан-поручика лейб-гвардии Семеновского полка и в 1783 г. отправился с ним на юг. Княгиня Дашкова была назначена на пост директора Санкт-Петербургской Академии наук (24.I.1783).

624. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 3.VIII.1782

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 61–61об.
Публикуется впервые.

3.VIII.1782 г. императрица в письме к Шагин-Гирею обещала направить военные силы для усмирения мятежников и утверждения его безопасности и предлагала хану прибыть в Петровскую крепость, куда должен был приехать Потемкин, получивший необходимые полномочия (*ПКР*. Т. 4. С. 723).

[1] *Булгаков* Яков Иванович (1743–1809) – статский советник, чрезвычайный и полномочный министр в Константинополе. Сменил в начале 1781 г. А.С. Стахиева. Талантливый дипломат. Булгакову удалось добиться мирного разрешения крымского кризиса 1782–1784 гг. См. письма № 633, 667 и примеч. к ним.

[2] *...посылка трехбунчужного паши в окрестности Тамана явно их намерения открывает.* – Посылка старшего начальника (соответствовал чину полного русского генерала) в Суджук-Кале, в окрестности Тамана, входившего в состав ханства, означала поддержку противников Шагин-Гирея.

[3] *...Хан принял чин военный в гвардии.* – В 1771 г. Шагин-Гирей (демонстративно отказавшийся участвовать в войне с Россией на стороне Турции) прибыл в Петербург в ранге Калги-султана (наследника престола) и вел важные переговоры. Императрица дружелюбно приняла молодого чингизида и писала Вольтеру о любезности и образованности "крымского дофина". Посещение русской столицы произвело огромное впечатление на Шагин-Гирея, решившего добиваться ханского престола при поддержке России. Как и многие европейские принцы, хан принял почетный чин в одном из полков русской гвардии. Его противники использовали этот факт, обвиняя Шагин-Гирея в измене вере и обычаям.

625. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.VIII.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 469.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 213.

В том же деле находится письмо австрийского посла графа Л. Кобенцеля Потемкину от 4.IX./24.VIII 1782 г. с рекомендацией прибывшего в Петербург Янковича (л. 470).
Янкович Де Мириево Федор Иванович (1741–1814) – видный деятель народного образования. Выходец из старинной сербской семьи, бежавшей в XVI в. от турок в Венгрию. Янкович окончил Венский университет и выдвинулся в ходе реформы народного образования, предпринятой императрицей Марией-Терезией. Во время Могилевского свидания Екатерина заинтересовалась постановкой учебного дела в Австрии и император рекомендовал ей Янковича. После приема императрицей Янкович вошел в качестве советника в школьную комиссию во главе с П.В. Завадовским (учреждена 7.IX.1782). Возглавлял учительскую семинарию в Петербурге, создал устав народных училищ, написал книги по педагогике и учебные пособия. За свои заслуги перед Россией Янкович был избран членом Российской Академии наук и был награжден орденом Св. Владимира.

626. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 1.IX.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 76.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 402.

Племянник Потемкина А.Н. Самойлов после большого путешествия по Европе в 1781 г., во время которого он был принят Иосифом II и другими коронованными особами, посылавшими через него наилучшие пожелания его знаменитому дяде, был назначен в войска на юге. Он вел предварительные переговоры с Шагин-Гиреем о судьбах ханства.

627. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.IX.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 35.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 337–338.

7.VIII.1782 Екатерина II и Г.А. Потемкин присутствовали на торжественном открытии Памятника Петру I в Петербурге. 31.VIII императрица в сопровождении дежурного генерал-адъютанта князя Г.А. Потемкина, генерал-майора А.Д. Ланского и фрейлины А.С. Протасовой по пути в дом тайного советника И.И. Бецкого объехала вокруг монумента Петру Великому (*КФЖ*). На другой день Потемкин поскакал на юг.

[1] *...встретила Соммерса и спросила у него, какова графиня Скавронская...* – О болезни племянницы Потемкина графини Е.В. Скавронской упоминается в письмах № 628, 629, 633. Придворные медики Соммерс и Роджерсон сообщали государыне о ее состоянии. Беспокойство вызвано тем, что графиня ждала ребенка.

[2] *У агличан пропал, сказывают, стопушечный корабль...* – В августе 1782 г. адмирал Ричард *Кемпенфельт* (1718–1782) погиб вместе с большей частью экипажа линейного корабля "Ройал Джордж", перевернувшегося вверх дном во время стоянки в Спитхеде – главном рейде военно-морского флота Англии близ Портсмута.

628. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.IX.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 122.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 214–215.

[1] *Письмо твое... от 10 сентября из Могилева я сегодни получила.* – Не разыскано.

[2] Страшный пожар в Константинополе, о котором посол Я.И. Булгаков донес 15 августа 1782 г., резко изменил обстановку. Смена везира и других высших чиновников ослабила партию войны. У Порты не было средств на ведение боевых действий.

[3] *Алек[сандр] Дми[триевич] тебя за цыдулку сам будет благодарить.* – Цидулок Потемкина Ланскому отыскать не удалось.

629. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IX.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 123.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 216–217.

[1] *Письмы твои, батинька, из Херсона от 16 сен[тября] я имела удовольствие получить сего утра.* – Письма не разысканы, но обращает на себя внимание дата прибы-

тия Потемкина в Херсон. Он проскакал из Петербурга на юг за две недели. С такой скоростью скакали курьеры, доставлявшие эстафеты.

[2] *По известиям Веселицкого Хан спешит своим переездом. И так думаю, что вы с ним уже виделись.* – 22.IX Потемкин прибыл в Петровскую крепость (ныне г. Бердянск) и провел переговоры с Шагин-Гиреем. Вскоре последовал ордер Потемкина генерал-поручику Де Бальмену вступить в Крым и восстановить спокойствие.

[3] *Удивительнее всего, что... после пожара, спешили уплачивать деньги, кои нам должны...* – Выплата контрибуции согласно Кучук-Кайнарджийскому мирному договору растянулась на несколько лет. Спешка с выплатой денег была правильно расценена, как признак слабости турецкого правительства.

630. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 30.IX.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 15.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 393–394.

Императрица, привыкшая отмечать именины своего мужа (праздновались 30.IX) в его покоях в Зимнем дворце, посылает ему теплое письмо и маленький подарок – дорожный столовый прибор (несессер).

631. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.IX.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 124–125.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 217–218.

[1] *Письмо твое от 19 сентября из Херсона до моих рук доставлено.* – Не разыскано. Потемкин посетил не только Херсон, где строились корабли, но и Кинбурнскую крепость, возводимую на косе напротив Очакова. Он лично осмотрел и этот форпост Турции и прислал его описание, свидетельствующее о неготовности Порты к войне.

[2] *По письмам Веселицкого из Петровской крепости я почитаю, что скоро после отправления твоего письма, ты с Ханом имел свидание. Батыр-Гирей и Арслан-Гирей изчезнут, яко воск от лица огня... от добрых твоих распоряжений.* – Поднявшие мятеж против хана Шагин-Гирея его братья Батыр и Арслан Гиреи после вступления в Крым русских войск были брошены своими сторонниками и захвачены в плен. Только вмешательство Потемкина и Екатерины спасло их от казни по приказанию хана, решившего расправиться со своими противниками.

[3] *Курьер сказывает, что по всей дороге нет ни единого города, ни единого замка, который бы не заперт был по причине внутренних конвульсий...* – Курьер посланника Булгакова из Константинополя свидетельствовал о волнениях в Турции. Об этом же сообщалось и в донесениях Булгакова.

[4] *Принц Виртембергский приехал сегодни...* – Старший брат жены наследника Павла Петровича принц Фридрих Вильгельм Карл Виртемберг-Штутгардтский был принят на русскую службу с чином генерал-поручика, награжден орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. О его дальнейшей судьбе и службе в России см. письмо № 753 и примеч. к нему.

632. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.X.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 126–126об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 218–219.

[1] *Из писем твоих... от 25 и 26 числа я усмотрела твое свиданье с Ханом и пустой его страх.* – Письма не разысканы. 12.X.1782 П.П. Веселицкий (резидент при Шагин-Гирее) донес императрице о том, что хан в сопровождении двух пехотных полков и донских казаков совершил поход к Перекопу. Мятежный Арслан-Гирей перехватывал всех, кто пытался бежать из Крыма к хану. Провозглашенный правителем Батыр-Гирей стоял с войсками на Салгире. Хан очень надеется на покровительство российской государыни. Число его сторонников с каждым днем растет.

[2] *Что-то Хан к тебе напишет? Войск весьма достаточно наряжено идти.* – 18.X.1782 Шагин-Гирей писал Потемкину об успехе генерал-майора А.Н. Самойлова, вошедшего с войсками в Перекопскую крепость. Толпы мятежников разбегались при подходе русских полков. 20.X хан хвалил Потемкину прекрасную дисциплину русских войск, которые, продвигаясь по Крыму, не чинят "обид и притеснений его подданным" (*ПКР*. Т. 4. С. 874). Русский дипломатический агент Я.И. Рудзевич доносил Потемкину об успокоении большей части черни и о просьбах мурз защитить их от гнева хана. "Но Шагин-Гирею, – заканчивал он свое донесение от 30.X.1782, – никто бы не повиновался без русских войск" (*ПКР*. Т. 4. С. 876).

[3] *Виртем*[*бергская*] *Принцесса приехала, и в четверг у ней в Эрмитаже глаза были так распухли и расплаканы, что жалко было смотреть.* – Принцесса *Августа* (урожд. принцесса Брауншвейгская – ум. в 1788 г.) – жена принца Фридриха-Вильгельма Виртемберг-Штутгардтского. Историк А.Г. Брикнер посвятил принцессе небольшое исследование (см. – *ИВ*, 1890, № 8. С. 277–303). О ее разрыве с мужем и попытке Екатерины помочь несчастной женщине – см. письмо № 753 и примеч. 3 к нему.

[4] *Вел*[*икий*] *Кн*[*язь*] *приехал в Вену 23 сентября, тамо останутся две недели.* – Путешествие великого князя Павла Петровича и его жены в Европу (они посетили Швейцарию, Италию, Францию, Австрию), длившееся более года, закончилось 20.XI.1783 г.

633. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Около 14.X.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 88.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 404.

Письмо датируется на основании упоминания Екатериной о 4х-недельном пребывании Потемкина в Херсоне (прибыл 16.IX.1782 г.). Очевидно Потемкин поставил в одном из писем ряд вопросов, связанных с умиротворением Крыма и с подготовкой к возможному военному столкновению с Турцией. Булгаков, ведший напряженные переговоры с Рейс-Эфенди (министром иностранных дел Турции), который обвинял Россию во вмешательстве во внутренние дела Крыма и в нарушении мирного договора, сумел доказать, что мятеж против хана Шагин-Гирея, признанного и Россией, и Портой, был инспирирован турецкой агентурой и явился нарушением заключенных по Крыму соглашений. Турецкое правительство, испытывавшее большие трудности, не получило поддержки ни от Франции, ни от Австрии и было вынуждено пойти на компромисс. В ноябре Булгаков определенно донес о том, что турки ищут способа избежать войны (*ПКР*. Т. 4. С. 877).

[1] *Хотя не люблю, когда ты не у меня возле бока,...но признаться я должна, что четырехнедельное пребывание твое в Херсоне, конечно, важную пользу в себе заключает, как сам упоминаешь.* – Письмо Потемкина с упоминанием о важной пользе его пребывания в Херсоне не разыскано. Его первый визит в Херсон стал прологом для дальнейшей напряженной деятельности на юге страны. Большую часть времени из оставшихся Потемкину девяти лет жизни он проведет в Северном Причерноморье. Показательно и признание Екатерины, первый раз отпустившей своего соправителя так далеко.

634. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Около 26.XI.1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 36.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 221.

[1] *Чаю, не оспоришь, буде Генерал-кригскомиссара Дурнова вмещу в число Александровских кавалеров.* – Н.Д. Дурново стал кавалером ордена Св. Александра Невского 26 ноября 1782 г.

[2] *Что же касается до мужа твоей племянницы, то прошу тебя отложить сие прошение до другого дня...* – В это время замужем были пять племянниц Потемкина (одна урожд. Самойлова и четыре – Энгельгардт). Речь, скорее всего, могла идти о действительном статском советнике Михаиле Михайловиче Жукове (1726–1803), муже старшей из сестер Энгельгардт – Анны Васильевны. Жуков исполнял обязанности Астраханского гражданского губернатора.

635. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 14.XII.1782

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 591. Ч. 1. Л. 105–106 об.
Публикуется полностью впервые (частично – *Соловьев*. С. 156–157).

Письмо-меморандум написано Потемкиным по возвращении из Херсона (23.X.1782 г. он был уже в Петербурге). 14.XII.1782 г. помечен секретнейший рескрипт Екатерины II Потемкину о необходимости присоединения Крыма.

[1] *Естли б Император своему Министру у Порты повелел обще с нашим настоять только в том, чтоб Порта не инако почитала Хана, как Государя самовластного и никак не подлежащего их суду...* – Несмотря на признание Турцией Крымского ханства независимым государством (одно из условий мирного договора, заключенного в Кучук-Кайнарджи), турки вмешивались в крымские дела под предлогом духовной власти султана над мусульманами. Опираясь на договор с Австрией, Россия вела сложную дипломатическую игру, не доводя до войны с Портой. Главные соперники на Ближнем Востоке Англия и Франция продолжали войну друг с другом и не имели ни сил, ни возможности вмешаться в крымский вопрос.

[2] *Некстате заставлять цесарцев говорить о уступке чрез пособие Порты нам гавани Ахтиарской, ибо сие наделает больше тамо подозрения, нежели пользы.* – В 1777–78 гг. турецкая эскадра находилась в Ахтиарской гавани, оказывая поддержку противникам Шагин-Гирея. В разгар мятежа 1782 г. хан предложил уступить гавань России. Потемкин был против переговоров по этому вопросу (в письме № 632 Екатерина упоминает об этом), считая необходимым решить главную задачу – присоединить Крым к России.

[3] *...Франция взяла Корсику, Цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки,*

Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит. – Глубоко продуманный и сильный довод. Западноевропейские страны, осуществляя колониальные захваты по всему миру, обвиняли Россию в экспансии. Присоединение Крыма и Кубани завершало почти пятивековую борьбу Руси с последствиями монголо-татарского нашествия. Выход на естественные границы, ликвидация постоянной угрозы грабительских набегов крымско-ногайской конницы способствовали заселению и хозяйственному развитию Северного Причерноморья и Приазовья.

4 *Хану пожалуйте в Персии, что хотите, – он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешную зиму и жители охотно принесут о том прозьбу.* – "Господин Веселицкий сообщил мне и то про намерение Ханово – есть таковое, чтобы будущей зимою, а не далее весны, просить Всемилостивейшую Государыню, чтобы она изволила принять его в подданство свое", – писал А.Н. Самойлов Потемкину осенью 1782 г. (*РНБ*. Ф. 609. Д. 483. Л. 77). В ноябре того же года Шагин-Гирей письменно сообщил Потемкину в своем согласии получить власть в одной из персидских провинций (*ПКР*. Т. 4. С. 917). Это предложение в условиях жестокой борьбы за власть между персидскими феодалами было вполне исполнимым. Хан, напуганный двумя мятежами своих подданных, был готов на все, ради сохранения жизни и почета.

636. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Конец 1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 37.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 227–228.

1 *Благодарю... за письмо с начертанием твоих ко мне чувствований.* – Письмо не разыскано.

2 *Письмо паши к Хану доказывает весьма твои предсказания... и для того надлежит начать занятьем Ахтиярской гавани.* – Хан вел двойную игру, переписывался с турецкими начальниками. 24.I.1783 г. последовал ордер Потемкина вице-адмиралу Ф.А. Клокачеву: собрать все суда и войти в Ахтиарскую гавань (*ЗООИД*, Т. 12. С. 259). Корабли Азовской флотилии вошли в гавань 2 мая 1783 г.

637. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Конец 1782

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 85.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 228–229.

Речь идет о сложном династическом деле, которое прусский король Фридрих II пытался использовать для расстройства русско-австрийского союза. Иосиф II не имел детей. Наследником престола был его брат Леопольд – Великий герцог Тосканский. При участии Екатерины II начались переговоры о помолвке эрцгерцога Франца (сына Леопольда) с младшей сестрой великой княгини Марии Федоровны. Во время путешествия по Европе великокняжеская чета посетила родителей Марии Федоровны, которые дали согласие на брак младшей дочери. Фридрих II пытался женить на ней своего внучатого племянника (также наследника престола). Решительная позиция Екатерины заставила прусского короля отступить. Принцесса Елизавета Виртембергская (1767–1790) при содействии Екатерины II вышла замуж за эрцгерцога Франца (будущего императора).

1783

638. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.II.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 242.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 10. С. 109.

28.II.1783 императрица крестила сына князя С.Ф. Голицына и племянницы Потемкина Варвары Васильевны, названного Федором (*КФЖ*). Она же крестила и первенца Голицыных, названного в честь дяди-деда Григорием, – 7.XI.1779. Возможно, данное письмо относится к первому случаю. Прелестная фрейлина императрицы, самая красивая из племянниц Потемкина Варвара Васильевна с годами располнела (у нее была куча детей) и сделалась властной помещицей. "Сильные страсти, коих вследствие дурного воспитания она никогда не умела обуздывать, – вспоминал знавший ее Ф.Ф. Вигель, – дали ее лицу весьма неприятное выражение; она чрезвычайно любила власть и горе тому, кто, возбудив ея гнев, не спешил покорностью смягчить ее".

639. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

II–III.1783

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 9. Л. 2–3.
Публикуется впервые.

Потемкин, как глава Военной коллегии, был ответствен за разработку планов обороны границ Империи. Один из таких планов готовился в преддверии вероятного конфликта с Портой из-за Крыма. В случае войны главнокомандующим должен был стать фельдмаршал граф П.А. Румянцев. Потемкин руководил войсками, отряженными для занятия Крыма и Прикубанья.

[1] *Приведение войск Малороссийских на лутчую и строевую ногу немало послужит к устрашению недобромыслящих.* – Поселенные малороссийские полки по предложению Потемкина переформировывались в регулярные. Таким образом, не объявляя рекрутского набора, армия увеличила свой состав на 10 полков.

[2] *Я по воле Вашей скоро кончу, как об них, так о мундирах.* – См. письмо № 642.

640. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

III.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 557. Л. 1–2об.
Публикуется впервые.

План морских операций учитывал опыт минувшей войны, когда посланный из Балтийского в Средиземное море русский флот нанес сокрушительное поражение противнику. Начальника экспедиции графа А.Г. Орлова упрекали за отказ прорыва через Дарданеллы и Босфор в Черное море (после Чесменской победы). Но тогда Россия еще не располагала возможностями для базирования флота. Положение изменилось после войны и особенно после присоединения Крыма.

[1] *Грейг* Самуил Карлович (1736–1788) – адмирал, герой Чесменского сражения, в котором адмирал Спиридов возложил на него непосредственное руководство боем. Шотландец Грейг в 1764 г. перешел на русскую службу из английского флота с чином капитана 1 ранга. Россия стала для него второй Родиной. После начала русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Грейг должен был идти со своей эскадрой из Балтийского моря в Архипелаг, но шведская агрессия заставила остановить этот

поход. Решительными действиями Грейга летом 1788 г. был сорван стратегический замысел короля Густава III комбинированными ударами с суши и моря захватить столицу России. Императрица, узнав о смерти Грейга (15.X.1788), прослезилась и назвала ее "потерей для государства".

641. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 31.III.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 3. Л. 63.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 238.

Граф Никита Иванович Панин, более 15 лет возглавлявший Коллегию иностранных дел, скончался 31.III.1783 г. Его племянник князь Н.В. Репнин хлопотал о погребении дяди в нижней Благовещенской церкви в Александро-Невской обители.

Менее, чем через две недели, в ночь с 12 на 13.IV, в Москве, умер князь Григорий Григорьевич Орлов. Он так и не оправился после потрясения – смерти молодой жены в Лозанне (16.VI.1781). В письмах Екатерины Потемкину (отправившемуся в начале апреля на юг) нет ни слова о смерти Орлова. Накануне решающих крупных событий (присоединение Крыма), в которых главная роль принадлежала ее тайному мужу и соправителю, императрица щадила его чувства.

642. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

III.1783

Местонахождение подлинника неизвестно. Документ публиковался неоднократно.
Самая полная публикация – *РА*, 1888, кн. 3, С. 364–367.

Письмо – докладная записка "Об одежде и вооружении сил" обосновывает важную реформу, осуществленную Потемкиным. Опираясь на боевой опыт русской армии, на мысли, высказанные П.А. Румянцевым (в 1777 г. фельдмаршал подал императрице обстоятельную записку об организации вооруженных сил), Потемкин ввел в коннице и пехоте простую удобную форму, сохранившуюся в главных элементах до наших дней. Косы, букли, пудра, шпильки – "всякое щегольство", отягощавшее солдата, было уничтожено. Армия с восторгом приняла новую форму одежды. О ней были сложены солдатские песни. "Русская армия по красоте, простоте и удобству своей обмундировки, приспособленной к климату и духу страны, представляла образец, достойный подражания, – писал серьезный наблюдатель К. Массон. – Русский солдат не без некоторого основания считал себя много выше своих соседей. Павел имел глупость отнять у него эту национальную гордость, заставляя его рабски подражать немцам прошлого века, которых русские считали далеко оставленными позади себя" (*Массон*. Т. 1. С. 103). Своеобразным свидетельством демократизма новой формы является отзыв императора Павла I, назвавшего потемкинскую форму "мужицкой". Враг парадомании и палочной дисциплины, Потемкин внедрял в армию правило: одежда, оружие должны отвечать тому, что нужно на войне. Все остальное – излишнее. Важной стороной реформы Потемкина была экономия расходов на обмундирование солдата.

643. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 6.IV.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 123.
Публикуется впервые.

Записка является ответом уехавшего на юг (6.IV.1783 г.) Потемкина на запрос Екатерины, желавшей поставить во главе гвардейских полков опытных офицеров и генералов.

Меншиков Сергей Александрович (1746–1815) – генерал-майор, боевой офицер. Внук сподвижника Петра Великого Светлейшего князя А.Д. Меншикова. После русско-турецкой войны командовал полком. С 1785 в отпуску по болезни. Впоследствии перешел в статскую службу. Действительный тайный советник, сенатор.
Салтыков Сергей Николаевич (в службе с 1757 г.) – генерал-майор. С отличием служил у Потемкина в Крыму. Затем в отставке.
Фаминцын Сергей Андреевич (1745 или 1747–1819) – бригадир, боевой офицер, которому покровительствовал Потемкин. Впоследствии генерал-поручик.
Олсуфьев Федор Яковлевич (в службе с 1757 г.) – генерал-майор, секунд-майор лейб-гвардии Измайловского полка. Умер в 1783 г.
Левашов Василий Иванович (1740–1804) – генерал-майор и премьер-майор лейб-гвардии Семеновского полка. Отличился в сражениях при Ларге и Кагуле. Кавалер Георгия 3-ей степени. Приятель Потемкина. В шведскую войну 1788–1790 гг. оборонял крепость Фридрихсгам. Впоследствии генерал от инфантерии, чрезвычайный посол в Неаполе. Сохранились письма Левашова Потемкину (дружеского характера), относящиеся к 1774 г. (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 946. Ч. II–III; *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 59. Ч. 6). Из перечисленных лиц трое (Левашов, Меншиков и Салтыков) значились флигель-адъютантами императрицы.

644. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.IV.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 439.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 250.

[1] *Письмо твое из Нарвы без числа я вчерашний день от Мих*[*аила*] *Сер*[*геевича*] *получила*. – Не разыскано. М.С. Потемкин (доверенное лицо князя) писал ему 8.IV.1783: "А.Д. Ланской мне сказывал, что известие есть, что за Красным Селом вы увязли и вас вытягивали... Вчерась я ужинал у Великого Князя. Изволили спрашивать меня, как вы поехали, где будете останавливаться, а Великая Княгиня изволила говорить, как вы остриглись, то ваша фигура переменилась в дезавантаже" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 271. Оп. 1. Д. 31. Л. 14об.).

645. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.IV.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 440.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 250–251.

[1] *Мой друг, я получила вчера письмо императора...* – Иосиф II в письме от 27.III/8.IV.1783 сравнивал правление в Англии с правлением Екатерины, делая комплименты своей союзнице. Там никак не может образоваться министерство из-за "парламента, который в минуту самого страшного кризиса забывает свой столь превозносимый похвалами патриотизм и весь преданный личной интриге только и занимается ею". Император заверял о своей поддержке России в делах с Портой (*РА*, 1880. Кн. I. С. 308–309).
[2] *Я приказала сделать для вас резюме из всей болтовни Кобенцеля*. – Это пишется уже после того, как 19.IV.1783 г. Россия официально уведомила иностранные дворы о своем решении присоединить Крым и о мотивах этой акции. Кобенцель (по поручению своего правительства) лавировал. "Из всего етова пустословия видно очень, что они обещали нас отклонять, – писал Потемкин А.А. Безбородко. – Но надежда

на твердость Ея Величества. Хочется им выведать о наших намерениях. А как начнем брать, то и им смелость придет" (Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 14).

[3] *Ал[ександр] Дм[итриевич] тебе кланяется... Татьяна Васильевна здорова ли?* – А.Д. Ланской в письмах к Потемкину почтительно уведомлял о здоровье государыни, благодарил за память. Младшая из сестер *Энгельгардт* Татьяна Васильевна (1767–1841) была взята во фрейлины в 1781 г. Она отправилась в свите князя на юг, чтобы навестить в Белой Церкви свою сестру графиню А.В. Браницкую, у которой недавно родился сын. В 1786 г. Татьяна Васильевна стала женой М.С. Потемкина, а после его смерти вышла за князя Н.Б. Юсупова.

646. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.IV.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 446.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 253.

[1] *Ефимович* Иван Николаевич – полковник. В 1779 г. служил вице-президентом конторы главного магистрата. Во время войны 1768–1774 гг. был адъютантом Потемкина и сделал карьеру при его поддержке. Сохранилась записка князя М.С. Потемкину: "Скажи Ефимовичу, на что он на меня лжет. Скажи ему и то, доколи ему самому себе вредить ветренностию. Я ему позволил быть к отправлению наместничества, а он пожаловал себе полк". (Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 2. Л. 79). В чем заключалось преступление Ефимовича, за которое он был отрешен от судейской должности, установить не удалось.

647. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

20.IV.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 72–73.
Публикуется впервые.

[1] *Писал я письмо к Князю Вяземскому о пакостях, какие в Шклове происходят.* – По пути на юг Потемкин заехал к С.Г. Зоричу в Шклов. Местные жители сумели показать ему появившиеся недавно фальшивые сторублевые ассигнации. Расследование, проведенное по требованию Потемкина, установило, что живший на широкую ногу отставленный фаворит запутался в долгах и приютил у себя авантюристов братьев Марка и Аннибала Зановичей. Выходцы из Далмации, присвоившие себе графский титул, Зановичи начали изготовлять в Шклове фальшивые ассигнации. При обыске были найдены инструменты для их печатания, а сама сумма фальшивых денег, конфискованная при аресте Зановичей, составляла миллион рублей. Зановичи были приговорены к 5 годам заключения в крепости, после чего были высланы за границу. О вине Зорича см. отзыв Екатерины II в примеч. с письму № 498.

[2] *Смогоржевский* Яссон – униатский митрополит в Польше. В 1780 г. претендовал на управление униатскими церквами в Полоцком и Могилевском наместничествах, отошедших к России по 1-му разделу. Императрица (при поддержке Потемкина) использовала для подчинения российским властям католической и униатской конфессий орден иезуитов, запрещенный в 1773 г. Папой Климентом XIV. Управление орденом сосредоточилось в Белоруссии и поддержало новые власти. Все попытки Рима добиться изгнания иезуитов из Белорусских губерний были отвергнуты, как вмешательство во внутренние дела России.

648. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.IV.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 61–62.
Публикуется впервые.

[1] *Приложенная копия Императорского письма немного твердости показывает.* – См. примеч. 1 к письму № 645.

[2] *Кауниц* Венцель Антон (1711–1794) – канцлер, в течение 40 с лишним лет руководил внешней политикой Австрии. За заслуги возведен в княжеское достоинство. Именовался князем Кауниц-Ритберг. Считался мастером дипломатических комбинаций. Только что закончившаяся война между Францией и Испанией, с одной стороны, и Англией, – с другой существенно изменила расстановку сил в Европе. Стремясь не допустить усиления Пруссии, Кауниц выступил за союз с Россией.

[3] *В дороге получил рапорты из Крыма...* – Рапорты генерал-поручика А.Б. Де Бальмена за апрель месяц не обнаружены.

649. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.IV.17[illegible]

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 438.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 253–254.

[1] *Письмо твое... из Полоцка я получила...* – Не разыскано.

[2] *Репнин, отъезжаючи, просил меня... его уведомить гораздо заблаговременно, понеже на его корпус пропитанья имеет не долее 15 июня, дабы пропитанье заготовить мог.* – Генерал-губернатор Смоленского и Псковского наместничеств князь Н.В. Репнин был назначен командующим одним из 5 корпусов, выставляемых на случай войны с Портой. Он выразил недовольство относительно маршрутов движения его полков и их снабжения продовольствием, якобы не указанных в предписаниях Военной коллегии. Потемкин в письме к А.А. Безбородко от 20.IV.1783 разъяснил, что маршруты должны представлять в Коллегию сами командующие корпусами, ибо из Петербурга невозможно предписывать пути "особливо начальнику таково степени". Относительно снабжения войск Репнин имел словесное сообщение (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 2).

650. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.IV.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 447.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 254–255.

[1] *Пассек сам едет ради Шкловских диковинок...* – Генерал-губернатор Могилевского и Полоцкого наместничеств П.Б. Пассек получил повеление лично расследовать дело о фальшивых ассигнациях (см. письмо № 647 и примеч. к нему). В свою очередь Потемкин дал предписание удержать Зорича от поездки в Петербург и о переписи всех людей, живущих в Шклове. Пассек доносил ему о ходе расследования (см. журнал "*Заря*". 1871. № 1–2. С. 358–360).

[2] *Прикажу и Смогоржевского унимать.* – В деревни Смогоржевского (на польской территории) была направлена под предлогом поиска беглых воинская команда.

[3] *Император поехал на шесть недель в Венгрию... Вот, что он мне пишет.* – В письме от 12/23.IV.1783 Иосиф II сообщал, что вместо предполагаемого путешествия в Италию он нашел нужным совершить инспекционную поездку в Венгрию.

651. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 448.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 255.

[1] *И выздоровела Царица... как в сказке "О Февее" написано.* – Автором сказки, изданной анонимно в 1783 г., была сама Екатерина. В "Сказке о царевиче Февее" говорилось, как больную царицу, которой ничто не помогало, вылечил лесной врач, приглашенный по совету Решемысла (под этим именем выведен Потемкин). Он посоветовал царице изменить нездоровый образ жизни, укоренившийся при дворе – больше двигаться, мало есть, вовремя отдыхать.

[2] *В Малороссии зделано теперь распоряжение о платеже податей по душам.* – Губернская реформа преследовала цель (среди прочих) ввести единообразие в местное управление. Малороссия, пользовавшаяся из-за своего пограничного положения некоторыми льготами, уравнивалась с другими губерниями.

[3] *Тутолмина я велела отпустить к тебе.* – По предложению Потемкина было образовано Екатеринославское наместничество (на месте Новороссийской и Азовской губерний). Первым правителем наместничества стал Т.И. Тутолмин (см. о нем примеч. к письму № 565).

652. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 449.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 255–256.

[1] *...сейчас получила твое письмо из Кричева и из оного... усмотрела, что Хан отказался от ханства.* – Письмо не разыскано. Сохранилось изложение письма Потемкина из Кричева от 26.IV.1783 (*АВПРИ*. Ф. 123. Оп. 123/2. Д. 71. Л. 54об. – 55об.). Ссылаясь на секретный рапорт генерала А.Б.Де́ Бальмена от 19.IV.1783 из Карасубазара о сложении Шагин-Гиреем своего достоинства, Потемкин писал, что "Хан подал много способу к достижению Высочайших намерений". Он уведомлял о том, что "спешит скорее прибыть в назначенное ему место и сообщил копию с данного им повеления Графу Бальмену". В письме к А.А. Безбородко Потемкин уточнил: "Как Хан исполнил то, что только желать можно было, то следует зделать перемену в Манифесте, объявить поводом сложение Ханом его достоинства, и что Россия не может в другой раз испытывать, каков будет новый Хан, претерпя убытки и при таком, который Порте не больше предан был, как и России" (копия. – *АВПРИ*. Ф. 123. Оп. 123/2. Д. 71. Л. 56). Но Манифест (в котором упор делался на огромные убытки, понесенные Россией из-за постоянных смут в ханстве) был уже обнародован и Екатерина не сочла нужным его менять.

[2] *Ответ твой Вел[икому] Князю по причине Екеля весьма пристоен...* – 17.IV.1783 наследник престола обратился к Потемкину с письмом, в котором напомнил о просьбе своего шурина (принца Виртембергского), направлявшегося в Херсон, определить к нему "для языка и для дел" подполковника Екеля. Ответ неизвестен. Очевидно, Потемкин предложил согласовать этот вопрос с императрицей, так как *Екель* (правильно – Экельн – 1746–1804) Федор Андреевич по именному указу работал над возведением новых сооружений в Кронштадте под руководством С.К. Грейга. Экельн все же был зачислен в свиту принца. Впоследствии – генерал-лейтенант, начальник над Тульскими оружейными заводами.

653. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 84–85.
Публикуется впервые.

[1] *...Не могу добиться толку по Адмиралтейству.* – Основанное в Херсоне Адмиралтейство ведало строительством кораблей и всем снабжением морских сил на Черном море. Подчинялось Потемкину.

[2] *Клокачев* Федот Алексеевич (ум. в 1783 г.) – вице-адмирал, герой Чесменского сражения, в котором он в чине капитана 1-го ранга командовал линейным кораблем "Европа". Кавалер Георгия 3-ей степени. С 1778 г. контр-адмирал. Старший морской начальник на Черном море. Под его командованием отряд русских военных судов занял в мае 1783 Ахтиарскую гавань.

[3] *...в руках находилось все у секретаря Ганнибалова – князя Шахматова.* – Возможно, речь идет о князе Николае *Шахматове* (в статской службе с 1756 г.), который в Месяцеслове за 1774 г. назван капитанского чина секретарем при строении Исаакиевской соборной церкви в Петербурге. В донесении от 27.IX.1783 Потемкин писал: "Князь Шахматов сочтен. Все счета нашлись верны по приходу и расходу казны". Недостаток в лесе "показан или сгнившим или унесенным водою". Потемкин принял экстренные меры и заключил подряды на поставку леса из польских имений князя Любомирского и графа Потоцкого (см. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 39–39об.). Постройка всех 7 заложенных кораблей успешно продолжалась.

[4] *В Крыму я предупредил моими предписаниями нерешимость тамошнего начальника.* – Граф Де Бальмен получил секретные предписания, суть которых сводилась к следующему: "не допускать хана возвратиться паки в старое состояние, а народ выбрать нового хана", "иметь правительство Крымское при себе и, естьли между ними есть кто сумнителен, того отрешить"; "приготовить умы народные к принятию подданства", "хану же объявить..., что он в границах Российских лучше иметь может теперь пребывание" (*АВПРИ*. Ф. 123. Оп. 123/2. Д. 71. Л. 127–127об.).

[5] *Я свидетельствую усердие Графа Браницкого... естли Вы употребите на Вашу службу, то он не уступит рвением подданному.* – Императрица смотрела иначе, чем Потемкин, на принятие польских аристократов в русскую службу (см. примеч. к письму № 839): Браницкий не был принят.

654. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 76–77об.
Публикуется впервые.

[1] *Как Хан уедет, то крымские дела скоро кончатся.* – С Шагин-Гиреем вел переговоры (по поручению Потемкина) С.Л. Лашкарев. Но бывший хан затягивал отъезд из Крыма, ожидая реакции Порты и других держав на манифест России. Он жаловался Потемкину на свою бедность, просил пенсию, выторговывал другие привилегии.

[2] *Генерал-кригскомиссар в худом состоянии. Поспешите, матушка, определением другого. Право, кроме Святого, годного к сему месту нет.* – Святым Екатерина и Потемкин звали М.С. Потемкина за его строгий образ жизни. Князь рекомендовал его на место тяжело больного Н.Д. Дурново.

[3] *...просил меня Петр Васильевич Завадовский...* – Хлопоты о Завадовском

подтверждают отзывы Екатерины, говорившей, что Потемкин не держит зла даже против своих врагов.

[4] *Прусский Король точно как барышник все выпевает вероятности перед французами. Я бы желал, чтоб он успел Короля уговорить послать сюда войск французских, мы бы их по-русски отделали.* – В письме к А.А. Безбородко Потемкин прибавляет: "Каверзит Прусский Король против славы той, которая спасла его от падения, но тут нет удивительного, где мало совести. Заметка Ево Величества обо мне несправедлива. Я не ищу себе наживу на службе мой благотворительницы и славу себе извлекаю из сего подвига. Не хочу я всемогущества, как он думает, но желаю подлинно всех сил, чтобы служить везде и всегда. Он не знает етой добродетели в своих, да и не возбуждает..." В ответ на заявление Фридриха II о том, что он в свое время сам издержал (без всякой пользы) на баварское дело миллионы и отступился, Потемкин советовал объявить прусскому посланнику, что "Ево Величество, поставя себя на место Государыни, не почел ли бы долгом избавить Государство от соседства, которое было искони гнездом безпокойств и набегов, разоряющих провинции, что приобретением так дорогою ценою купленным. Не доходов Ея Величество ищет, а тишины... И кому более знать, как ему, сколь велика важность обезпечения границ, что Государыня не может предполагать в нем противного Ея желанию, видя толь давний между ими союз, от которого державе Его столь много проистекло существенной пользы и больших приобретений. Я прошу доложить сию мысль Ея Величеству" (Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 16–17об.).

655. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

После 16.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 24.
Публикуется впервые.

Приписка к одному из писем Потемкину, предложившему (16.V.1783) назначить генерал-кригскомиссаром М.С. Потемкина. См. письмо № 665 и примеч. 5 к нему.

656. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

24.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 450–450об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 259–260.

[1] *Крымских известий дальних ожидаю нетерпеливо и думаю, что ныне уже объявлены Российскими подданными.* – Манифест о присоединении Крымского ханства к России был подписан 8.IV.1783 (опубликован в *ПСЗ*. Т. XXI. № 15 708). Потемкину было дано разрешение обнародовать манифест по своему усмотрению, чтобы Порта и европейские дворы были поставлены перед свершившимся фактом. Потемкин выбрал днем принесения присяги новыми подданными 28 июня – торжественный день восшествия Екатерины II на престол. На Тамани и в Прикубанье подготовку к принесению присяги ногайскими ордами вел А.В. Суворов. В верховьях Кубани П.С. Потемкин. Самую трудную часть Потемкин взял себе: подготовить и принять присягу татарских мурз, беев и священнослужителей в Крыму. Он продолжал вести переговоры с Шагин-Гиреем, все еще остававшемся на полуострове.

[2] *В Цареграде начали хулить суджукского паши предприятия на Таман. Из рапортов с разных мест вижу, что и с Темрюком последовало то же, и нельзя, чтоб Порта о*

том не знала. – Во время мятежа Батыр-Гирея и Арслан-Гирея в 1782 комендант турецкой крепости Суджук-Кале послал десант на Таман в поддержку противников хана Шагин-Гирея. Хан направил чиновника с запросом о причине появления турецких войск в его владениях. Посланцу отрубили голову и отослали ее в Бахчисарай. Булгаков энергично использовал эти (и подобные им) сведения для доказательства нарушения Портой условий мирного договора.

3 *Король Шведский, взяв от французов денег для демонстраций, делает из шести полков лагерь у Тавастгуса и в самое то же время нам подтрушивает свиданием.* – Вечно нуждавшийся в деньгах Густав III, получив французские субсидии, собрал военный лагерь в Финляндии, у границы с Россией. Одновременно он предложил императрице свидание (см. письма № 664–665).

4 *...кто-то компоновал Графине Браницкой русское письмо такое странное ко мне, что расхохотаться надлежит. Луче бы она запросто писала сама.* – Письмо не разыскано. Екатерина поддерживала переписку со своей любимицей графиней Александрой Васильевной *Браницкой* (урожд. Энгельгардт 1754–1838), интересовалась ее делами, ее детьми.

5 *Видели вы или не видели фельдмаршала Румянцева?* – Постаревший Румянцев жил в одном из своих малороссийских имений. Завадовский сообщил ему, что Потемкин по пути в Херсон намерен свидеться с ним. Встреча не состоялась. "И нарочно приехать, батюшка Граф Петр Александрович, видеть Вас в месте вашего пребывания была бы для меня приятная причина, – писал своему бывшему начальнику Потемкин. – Теперь я в близости, но обстоятельства отводят меня от удовольствия" (*Семь писем Потемкина Румянцеву.* С. 6). Фельдмаршалу подчинялись войска, собранные на юге страны. В случае войны он должен был возглавить действующую армию. Но операция по присоединению Крымского ханства была поручена Потемкину. Это ставило их в сложные отношения. Было очевидно, что прославленный полководец постепенно уступал первую роль своему талантливому ученику.

657. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 78–79об.
Публикуется впервые.

1 *Тут мои заботы облегчил много Губернатор.* – Очевидно, говорится о Т.И. Тутолмине, прибывшем в Херсон.

2 *Я не знаю, матушка: для Новороссии то запрещено, что позволено старым Губерниям, а наша еще в младенчестве.* – По сравнению с Малороссийскими губерниями, во главе которых стоял Румянцев, Новороссия действительно была в "младенчестве". Потемкин добивался и сумел добиться для нее тех же привилегий, какие были установлены для других пограничных губерний. Так, были отменены пошлины на ввозимый из Польши хлеб.

3 *...я совсем наготове ехать в Крым. Жду с часу на час выезда ханского.* – О размахе деятельности Потемкина во время пребывания в Херсоне дают представление его донесения императрице. Из них видно, что он (через П.С. Потемкина) руководил переговорами с грузинским царем Ираклием II о принятии Картли-Кахетинского царства под протекторат России. Через того же П.С. Потемкина шли переговоры с Шушинским ханом о присоединении к империи, о восстановлении Армянского государства. Князь добивается у государыни повеления о скорейшей отправке единорогов для защиты Ахтиарской гавани (будущего Севастополя) и других прибрежных мест на полуострове в случае войны с Портой. Он посылает своих

офицеров в Очаков – разведать о готовности Турции к войне, ведет переговоры о выезде Шагин-Гирея из Крыма, посылает ему обещанные деньги. Одновременно Потемкин принимает меры по устройству карантинов по случаю появившейся в Крыму "заразительной болезни" и, несмотря на эпидемию, готовится лично посетить полуостров и привести к присяге крымских татар. Его посланцы склоняют население Крыма и Прикубанья к принесению присяги на подданство России.

658. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

30.V.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 456–456об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 260–261.

[1] *...получила я из Вены курьера с письмом от Иосифа Второго, с которого при сем копию прилагаю.* – Император в письме от 8/19.V.1783 сообщал о своей поездке в Венгрию, о получении письма Екатерины II от 7.IV и манифеста о присоединении Крыма. Поздравляя императрицу с расширением ее владений (без единого выстрела, без малейших потерь), Иосиф II сетовал на разницу имеющихся у нее и у него средств. Император заверял в поддержке своей союзницы перед Портой. (*РА*, 1880. Кн. 1. С. 313).

[2] *...на прозьбу татар теперь не смотреть, а ногайские и так уже по письмам Павла Сергеевича о подданстве заговаривают.* – Потемкин хотел, чтобы присоединение Крыма произошло, как акт волеизъявления значительной части населения, измученного постоянными смутами, распрями и войной. Среди ногайцев, кочевавших в Прикубанье, давно имелась сильная партия сторонников России. Генерал П.С. Потемкин сообщал о желании многих ногайских мурз принять российское подданство. О том же свидетельствовал и Суворов.

[3] *Голицын* Николай Алексеевич (1751–1809) – князь, камергер. Внук знаменитого князя Д.М. Голицына, по предложению которого Верховный Тайный Совет, пригласив Анну Иоанновну на русский трон, попытался ограничить самодержавную власть "кондициями". Эта попытка дорого стоила первым российским конституционалистам. Князь Н.А. Голицын впоследствии был сенатором, послом в Швеции.

659. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.VI.1783

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2115. Л. 1–2об.
Публикация – *РС*, 1875, апрель. С. 689.

[1] *Хан свой обоз на Петровскую крепость отправлять уже начал. После чего и сам в Херсон будет скоро.* – Отправив обоз на Петровскую крепость, Шагин-Гирей не торопился в Херсон. В донесении Потемкина от 1 июня сообщалось, что Хаджи Али Джаныклы-паша (трапезундский и эрзерумский губернатор, одно время ведший переговоры о переходе под покровительство России) запросил Шагин-Гирея: навсегда или на время он отказался от правления, куда предприемлет путь свой. Резиденту при бывшем хане Лашкареву поручено было "изтребовать от него уверительного ответа" о том, что и сам Хаджи Али паша всегда найдет безопасность и покровительство в России".

[2] *Я не упускаю ничего к приуготовлению умов.* – 14.VI Потемкин донес, что духовные (мусульманские священники) чиновниками хана наклонены к неподданству России,

что хан умышленно откладывает отъезд, рассчитывая в случае нашего неуспеха снова быть возведенным на ханство. Однако число благонамеренных к России умножается. 10.VI к Суворову и Павлу Потемкину были посланы манифесты для обнародования среди ногайских орд и приведения их к присяге.

660. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

5.VI.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 459–460об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 261–263.

[1] *Письмо твое, мой милый друг, от 18 мая я получила.* – Не разыскано.

[2] *Чтоб Ханское желание в рассуждении голубой ленты удовлетворить...* – Шагин-Гирей просил Потемкина передать императрице о своем желании получить "голубую ленту" – знак высшего Российского ордена Св. Андрея Первозванного. Для бывшего хана были выполнены специальные знаки (медальон и звезда), чтобы исключить христианскую символику. Кажется, с тех пор при награждении орденами офицеров и генералов мусульман, служивших в русской армии, христианская символика российских орденов заменялась на двуглавого орла – герб России. Сама форма крестов оставалась неизменной. Шагин-Гирей получил и голубую ленту, и знаки ордена, но в августе 1783 г., обманув Потемкина и бежав на Таман, писал императрице, что будет хранить пожалованный ему орден, но возложить на себя не может из-за "древних обрядов".

[3] *К Павлу Сергеевичу и к тебе приказала отправить подарок: мехи и вещи, которые ты требовал.* – Затребованные Потемкиным подарки для знатных жителей Крыма по поручению императрицы ему переслал А.А. Безбородко.

[4] *Фельдмаршал Румянцев пишет ко мне, требует генерального штаба, инженеры и экстраординарной суммы.* – Вопрос о войне с Портой беспокоил фельдмаршала и он решил упредить события. 9.VI 1783 г в ответ на его письмо Екатерина сообщила Румянцеву об отпуске ему 100 000 на экстраординарные расходы и удовлетворении всех его запросов. Она подчеркнула, что Иосиф II поддержал ее в вопросе присоединения Крымского ханства к России.

661. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

9.VI.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 461–461об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 263.

[1] *Не токмо помню часто, но и жалею и часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я, как без рук.* – Важное признание, показывающее и место Потемкина в управлении государством, и степень доверия к нему императрицы.

662. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

13.VI.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 80–83об.
Публикуется впервые.

[1] *Не описываю о красоте Крыма..., а скажу только, что Ахтияр лутчая гавань в свете.* – Потемкин писал о красоте Крыма и об Ахтиарской гавани со слов своих офицеров, которым поручил составить топографическое описание полуострова. 27.V.1783 г. он доносил императрице о намерении соорудить в Ахтиаре "док для

строения кораблей", так как корабли, построенные в Херсоне, из-за мелководья должны выходить в море облегченными (без полного вооружения). По приказанию Потемкина моряки искали фарватер (под Херсоном), но он уже решил создать в Ахтиарской гавани новую базу Черноморского флота – будущий Севастополь (*АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 32–32об.).

[2] *Одним словом, из всех один мастер корабельный – честный человек.* – Скорее всего речь идет об Александре Семеновиче Катасанове (ум. в 1804), корабельном мастере, одном из главных строителей кораблей Черноморского флота. В 1798 г. он был директором училища корабельной архитектуры в Петербурге. Имел чин генерал-лейтенанта.

[3] *Также по представлению моему о прибавке пехотных полков, которые должны сформироваться уделением рот от старых.* – Свои предложения государыне Потемкин подкреплял письмами к ее главному докладчику по военно-дипломатическим вопросам – А.А. Безбородко. "Прошу напомнить Государыне о формировании полков пехотных из уделяемых рот от старых.. Здесь у меня хотя числом полков и много, но пункты так разорваны переправами неудобными, что почти всякое место требует полной для себя защиты... Получа же шесть полков, о которых представил, занял бы ими главные укрепления в Крыму... А затем бы осталось у меня 10 полков на разные движения. Было бы чем и отражать, и наступать..." (*АВПРИ*. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 582. Л. 103–104). Предложение Потемкина было принято Екатериной.

[4] *Через три дни отправляюсь в Крым.* – Там уже свирепствовала (как и в Херсоне) чума. Потемкин пытался строгими карантинами остановить распространение эпидемии. "Ищу средств добраться до источника, откуда идет зараза, – сообщал он Безбородко. – Предписываю, как иметь осторожность, то есть, повторяю зады, принуждаю к чистоте, хожу по лазаретам чумным и тем подаю пример часто заглядывать в них остающимся здесь начальникам, и по осмотрам разделять людей, чтоб не доставались прилипчивые болезни к тем больным, которые еще не имеют... Затем еду в Крым, а на возвратном пути заеду в Кременчуг, к выборам членов наместничества" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 63–64).

663. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

13.VI.1783

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2115. Л. 3–4.
Публикация – *РС*, 1875, апрель. С. 698–699.

664. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

13.VI.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 502–502об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 265.

665. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

29.VI.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1, Л. 501–501об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 266–267.

[1] *Друг мой сердечный, с праздниками тебя поздравляю.* – День торжества вступления на престол – 28 июня.

[2] *Крейц* Густав Филипп (1731–1785) – шведский граф, дипломат.

[3] *Таубе* Эверт (1737–1799) – генерал-адъютант короля Густава III.

[4] *...выбор людей также недурен – самому Генерал-Адмиралу поручен был.* – Генерал-Адмиралом и президентом Адмиралтейств-коллегии был наследник престола великий князь Павел Петрович. Ему государыня поручила отобрать офицеров-моряков для создаваемого Черноморского флота.

[5] *Генерал-кригскомиссар*[*ом*] *зделан Святой.* – 30.VI.1783 М.С. Потемкин писал своему могущественному родственнику: "По милостивому Вашему предстательству вышел имянной Указ, коим повелено мне быть Генералом-кригскомиссаром. Благодеяние Ваше ко мне велико, но заслужить я ничем не могу,... а надеюсь по должности сей Вам, как командиру моему, угодить по привычке моей быть у Вас в послушании и по известному Вам моему усердию к Отечеству, ревности к службе и неусыпному рвению и прилежности к должности" (*РГВИА*. Ф. 271. Оп. 1. Д. 31. Л. 51).

666. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 86–87.
Публикуется впервые.

[1] *Принц Виртембергский вступил в командование и очень охотен к службе.* – Брат великой княгини генерал-поручик принц Фридрих командовал частью войск в Херсоне. Наследник престола Павел Петрович благодарил Потемкина за внимание к шурину. Отзыв Екатерины о его службе см. в письме № 687.

667. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

10.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 503.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 268.

[1] *Из Царяграда получила я торговый трактат, совсем подписанный, и сказывает Булгаков, что они знают о занятии Крыма, только никто не пикнет и сами ищут о том слухи утушать.* – Булгаков 15/26.VI.1783 писал о том же Потемкину в Херсон. Заключение торгового трактата с Россией подтверждало предположения Потемкина о том, что войны в нынешнем году не будет. Тем не менее войска на юге находились в полной боевой готовности.

[2] *С часа на час ждем родины Вел*[*икой*] *Княг*[*ини*]. – Старшая дочь наследника престола великая княжна *Александра Павловна* (1783–1801) родилась 29.VII.

[3] *Отправляю ныне к тебе Святого, а на его место взяла я паки Ребиндера.* – М.С. Потемкин ("Святой") занимал придворную должность шталмейстера, пользовался доверием императрицы. После его назначения генерал-кригскомиссаром государыня взяла в шталмейстеры *Ребиндера* Василия Михайловича (1730 – после 1800), имевшего чин генерал-майора и уже занимавшего эту должность в 1779.

[4] *У нас теперь Папский посол.* – Независимая политика Екатерины по отношению к Ватикану, ее поддержка (в интересах России) ордена иезуитов, запрещенного Папой Климентом XIV, вызвали беспокойство в Риме. Папа Пий VI направил в Петербург архиепископа Халкедонского, нунция в Варшаве (с 1775) *Аркетти* Джованни Андреа (1731–1805). Ему поручалось добиться отказа русских властей от поддержки запрещенного ордена, который открыл в присоединенной к России (по первому разделу Польши) Белоруссии новициат (прием новых членов). Миссия Аркетти не

дала желаемого результата. Иезуиты содействовали упрочению авторитета российских властей в новых губерниях. Отметим, что в 1781 император Иосиф II запретил католическим архиепископам принимать папские буллы без предварительного одобрения правительством, закрыл более 700 монастырей и осуществил другие мероприятия по контролю государства за деятельностью церкви.

668. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

15.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 504.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 269.

[1] *Ты можешь себе представить, в каком я должна быть безпокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель.* – Последние депеши, полученные от Потемкина, были помечены 14.VI. Поездка в Крым, борьба с "язвой", подготовка к присяге в Крыму – все это задержало отправку писем. См. Оправдания Потемкина в письме № 673.

669. Е.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 67–68.
Публикуется впервые.

[1] *Я прошу милости Генерал*[*ам*]*, подо мною служащим: Суворову – Володимерский крест и Павлу Сергеевичу. Графу Бальмену – Александровский. Не оставьте и Лашкарева, он, ей Богу, усердный человек и очень много я его мучил.* – Командиры Кавказского, Кубанского и Крымского корпусов, на плечи которых легла основная тяжесть подготовки и приведения к присяге на подданство России народов Крымского ханства, получили просимые Потемкиным награды. Особенно трудной была задача Суворова. Многочисленность ногайских орд, обширность территории их кочевий, внутренние междуусобицы – все это было преодолено энергией и дипломатическим тактом Суворова, хорошо знавшего край и имевшего друзей среди влиятельных ногайских мурз.

Граф Антон Богданович *Де Бальмен* (1741–1790) – генерал-поручик, участник первой турецкой войны. Служил на юге России и в Крыму. Был директором сухопутного кадетского корпуса, губернатором Орловского и Курского наместничеств. Во время второй русско-турецкой войны назначен командующим войсками на Кавказе и умер там от чахотки.

Лашкарев Сергей Лазаревич (1739–1814) – надворный советник. Выходец из старинного грузинского рода, переселившегося в Россию при Петре I. Видный дипломат. Был переводчиком А.М. Обрескова и сумел после заключения Обрескова в тюрьму поддерживать секретную переписку с Румянцевым и Алексеем Орловым. После войны выполнял дипломатические поручения в Турции. Назначенный резидентом при Шагин-Гирее, он трудился под руководством Потемкина для склонения хана к отречению и отъезду из Крыма. Был награжден имением в Белоруссии (400 душ) и чином канцелярии советника.

[2] *Упражняюсь теперь я в описании топографическом Крыма.* – Подробное описание Крыма должно было послужить основанием к введению там губернского управления в соответствии с российскими законами. Потемкин запросил из Петербурга положения о наместничествах на татарском языке. В новых органах власти местные жители получили заметное представительство. Отметим, что среди

тех, кто занимался топографическим описанием Крыма, был Иван Никитич Болтин – один из первых переводчиков и издателей "Слова о полку Игореве". Рекомендуя его в обер-контролеры бригадирского чина, Потемкин прибавил: "Мне он давний приятель" (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 913. Л. 1).

[3] *При всем удовольствии татар тревожит их посеянный от турков очаковских в них слух, что браны будут с них рекруты.* – По настояниям Потемкина крымские татары получили ряд привилегий. Рекрутский набор на них не распространялся.

[4] *Я пишу, матушка, к Безбородке некоторые мои примечания политические, о чем он Вам доложит.* – "Политические замечания" Потемкина интересны и содержательны. "Не худо воспользоваться расположением шведского Короля. Можно допустить, чтобы он не мешался в случае войны от России или на Россию. Ево же можно ручиться охранить от Дании, так как и ему чтобы не воевать с нею. Французская нота (протест против присоединения Крыма. – *В.Л.*) доказательство их наглости, тем больше дерзновенная, что они видели во время войны своей с Англией момент, в который во власти Ея Величества было помощию одной только тамо находившейся эскадры довесть их до того, чтоб не нашлись в силах лет сто мешаться в дела чужие. Препятствует ли им Россия удерживать за собою завоевания важнее гораздо Крыма. Они карабкаются все господствовать и вмешиваться в чужие дела, где их не просят. Злодеи непримиримые благополучия России и ненавистники славы Государыни нашей, они сочли, что будто усадили Ея, чтобы быть, поджав руки. Разсмотрите хорошенько Веракову ноту, вы увидите, как они выдают себя быть арбитром наших дел и будто мы от них зависимы. Они, как Ад, испускающий прелести на умы слабых, возомнили, что с помощию множества в России преданных им поклонников перевертят все, как хотят. Я верно знаю, что от наших уверен их министр, что Государыня войны опасается, и для того он в конце изволил размазать общими местами – продолжение войны сколь сумнительно бывает. Не пренебрегайте в сей час с Англией. Право, не худо там оказывать горячую негоциацию и сего уже довольно будет заставить трусить Францию. Кто, кроме их, будет так безстыден, чтобы подымать Англию против нас?" (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 913. Л. 1–2об.).

Потемкин ссылается на вербальную ноту, зачитанную французским посланником маркизом де Верак вице-канцлеру графу И.А Остерману 26.VI 1783 г. Французы настаивали на добрых услугах в крымском деле. Им напомнили захват Корсики (в 1768) и твердо заявили, что принятое Ее Величеством намерение о присоединении Крыма, Тамана и Кубани "никак уже отменено быть не может".

670. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

20.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 505–505об.

Публикация – *РС*, 1876, май. С. 46.

[1] *Просит у меня Безбородка 2 000 душ ранговых полковничьих деревень в Украйне.* – Назначенный членом комиссии об умножении государственных доходов, Безбородко предложил перевести население Малороссии на подушный оклад (как это давно было принято в великорусских губерниях). За эту и другие услуги он просил в награду 2 000 душ крестьян, расписанных по малороссийским казачьим полкам – административным единицам малороссийских губерний.

671. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

26.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 506.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 271.

[1] *Глазов* Павел Михайлович (в службе с 1763 г.) – премьер-майор лейб-гусарского эскадрона, которого Потемкин в мае 1783 г. вытребовал к себе, как способного и охотного к службе офицера. Именно Глазов привез императрице письма и депеши Потемкина от 10.VII с сообщением о завершении крымских дел. Участник штурма Очакова. Впоследствии (1793 г.) служил обер-полицмейстером в Петербурге.

[2] *Напиши ко мне, отослал ли ты Шагин-Гирею голубую ленту...* – См. примеч. 2 к письму № 660.

672. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 69–71.
Публикуется впервые.

[1] *Меня и Кавказский корпус – помилуйте – оставьте прямо под Вашим предводительством...* – Т.е. не подчинять Крымский, Кубанский и Кавказский корпуса Румянцеву, который в случае войны возглавил бы действующую армию.

[2] *По отправлении курьера поеду в Ахтияр для положения, как укреплять; и как о сем месте, равно и о всей пограничной системе, представлю свое мнение.* – Несмотря на эпидемию в Крыму, Потемкин объехал полуостров и выбрал лично места для постройки укреплений, населенных пунктов. По его представлениям начали строиться Севастополь и (несколько позднее) Симферополь, как главный губернский город.

[3] *Корсаков* Николай Иванович (1749–1788) – инженер-подполковник. Один из лучших инженеров русской армии. Был главным строителем Кинбурна и Херсона, выбирал места для закладки новых городов в Крыму. Корсаков пользовался уважением у Светлейшего. Суворов, знавший Корсакова с детства, также высоко ценил его способности. О судьбе Корсакова, трагически погибшего при Осаде Очакова, см. примеч. 2 к письму № 885.

[4] Князь *Лобанов-Ростовский* Александр Иванович (1752–1830) – полковник. Впоследствии генерал-майор, участник русско-шведской войны 1788–1790 гг.

[5] *Буксгевден* Федор Федорович (1750–1811) – полковник. Отличился в первую русско-турецкую войну, был дважды тяжело ранен. Кавалер Георгия 4-ой степени. В качестве адъютанта князя Г.Г. Орлова сопровождал его в заграничном путешествии. Впоследствии женился на Наталье Алексеевой (по преданию, дочери Григория Орлова и Екатерины). В 1783 г. пожалован во флигель-адъютанты императрицы. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. и Польской кампании 1794 г. (под начальством Суворова). Награжден русскими и иностранными орденами, в том числе Георгием 3-ей и 2-ой степеней. Прусский король пожаловал ему графское достоинство. В 1808 г. командовал русской армией в войне со Швецией. Генерал от инфантерии.

673. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.VII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 74–75об.
Публикуется впервые.

[1] *...что Вы пишете о слухах заразы, размножают оные трусы, которые и без того сюда не поедут: сборное их место Спа и Париж.* – Крым и Северное Причерноморье считались далекими и тяжелыми для службы местами. Страшным бичом были эпидемии, заносимые из Турции. Потемкин высмеивает столичных разносчиков слухов, которые предпочитают жизнь в Париже и Спа (модном курорте, расположенном в Бельгии) службе Отечеству. Слова "Спа и Париж" подчеркнуты в автографе. Возможно, это сделала сама Екатерина (см. письмо № 676).

[2] *Замашки неудовольственные Фельдмаршала, как Вы называть изволите, не новое, а старое... на меня за полки Малороссийские кроется досада, что и выплатит, как попадусь в руки...* – Фельдмаршал Румянцев, хотя и командовал войсками, собранными на случай войны с Портой, но чувствовал себя оттертым от дел Потемкиным. Относительно формирования малороссийских полков (из поселенных полков губерний, находившихся под управлением Румянцева) фельдмаршал предлагал полумеры, но Потемкину удалось добиться своего: 10 малороссийских кавалерийских полков были обращены в регулярные. Несмотря на трения, Румянцев и Потемкин поддерживали тесную служебную и личную переписку, причем, последний старался быть предупредительным по отношению к своему суровому учителю. Напомним, что переписка Потемкина с императрицей не предназначалась для чужих глаз.

[3] *Я прилагаю на будущую операцию мои мысли, как и составление армии, что и подаст способ оставить край, где я командую, под особливым Вашим руководством.* – Приложение не обнаружено. Войска Крымского, Кубанского и Кавказского корпусов оставались в команде Потемкина. Через три года на юге были сформированы две армии – главная Екатеринославская (командующий Потемкин) и вспомогательная Украинская (командующий Румянцев), принявшие участие в войне 1787–1791 годов. Весной 1789 Румянцев (тяжело болевший) предложил объединить обе армии в руках своего ученика.

[4] *Мне что пришло на ум, то я писал Безбородке. Не везде может быть умно, но везде преисполнено усердием.* – Почти каждое свое письмо к государыне Потемкин дублировал письмом к графу А.А. Безбородко, посвящая его в свои планы и намерения. Большая часть этой переписки не опубликована.

674. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.VIII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 64.
Публикуется впервые.

[1] *Вот, моя кормилица, и грузинские дела приведены к концу.* – Переговоры с царем Ираклием II (ведшиеся под руководством Потемкина) завершились подписанием 24.VII.1783 Георгиевского трактата, согласно которому Россия принимала под свое покровительство Картли-Кахетинское царство. Завадовский отметил в письме к Румянцеву: "Больше нет здесь нового, а, по крайней мере, достойного донесения или сведения Вашего. Мы еще в васальство или покровительство приобрели края Грузинския с царьком их" (*Письма Завадовского*. С. 61–62). Георгиевский договор со стороны России подписал генерал-поручик П.С. Потемкин.

[2] *Пишу примечания, нужные для инвеституры царя Ираклия, к Безбородке.* – *Ираклий Теймуразович* (1720–1798) – царь Кахетии (с 1744), Картли-Кахетинского царства (с 1762). Стремился к объединению грузинских земель. В условиях иранских и турецких притязаний, грозивших самому существованию грузинского народа, Ираклий признал протекторат России, заключив с ней в 1783 Георгиевский трактат. В письме от 5.IX.1783 Потемкин подвел итоги обмену мнениями относительно инвеституры (знаков царской власти) Ираклия II. За ним были сохранены: титулование, коронование, чеканка собственной монеты. Потемкин предложил добавить к гербу Грузии двуглавого орла. Ираклий II был награжден высшим орденом империи – орденом Св. Андрея Первозванного. В Грузию были направлены русские войска.

[3] *Тамара* Василий Степанович (1740–1813) – подполковник. Активно участвовал в переговорах с Ираклием II. Привез в Петербург Георгиевский трактат. В 1797–1802 годах был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе. С 1802 в отставке. Тайный советник.

675. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.VIII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 66.
Публикуется впервые.

[1] *Эльфинстон* Джон (1720–после 1783) – контр-адмирал российской службы. В 1769 принят из английской службы. Направлен с отрядом кораблей из Кронштадта в Средиземное море. Участник Чесменского сражения. Неуживчивый Эльфинстон поссорился с графом А.Г. Орловым и другими руководителями Архипелажской экспедиции. Был отослан в Петербург и отдан под суд за потерю на скалах линейного корабля. Уволен от службы в 1771.

[2] *Предприимчивый Адмирал здесь нужен, но как согласить: Клокачев был капитаном, как тот был уже Адмирал, а теперь старее чином. Ежели Вы найдете способ обойтить сии затруднения, не отымая Клокачева, который здесь нужен для строения, то бы я просил Эльфинстона с сыном.* – За прошедшие после увольнения контр-адмирала Эльфинстона годы Клокачев из капитанов 1-го ранга стал вице-адмиралом. Зная трудный характер англичанина, Потемкин просит императрицу найти выход из положения. О решении Екатерины см. примеч. 3 к письму № 678. О сыне Эльфинстона – см. там же.

[3] *...тут был в древности храм Дианин. Там Ифигения была жрицей.* – Согласно мифу греческий флот не мог отплыть к Трое из-за противодействия богини Артемиды (римск. Диана), священную лань которой убил предводитель греков царь Агамемнон. Богиня потребовала принесения в жертву дочери царя – Ифигении. Во время жертвоприношения Артемида заменила девушку ланью и перенесла Ифигению в Тавриду, где она стала жрицей храма богини.

[4] *Готовя за сим отправить подполковника Попова...* – Первое упоминание о Василии Степановиче *Попове* (1743 или 1745–1822) – ближайшем сотруднике Потемкина, бессменном правителе его канцелярии с 1783. Попов происходил из семьи священника. Образование получил в Казанской гимназии (как и Г.Р. Державин). С 1767 в военной службе. Выдвинулся благодаря князю В.М. Долгорукову, заметившему способности Попова к канцелярской работе. Попов был сначала секретарем, затем правителем канцелярии покорителя Крыма. После его смерти перешел к Потемкину и стал его доверенным лицом. Попов вел служебную и личную переписку (по поручению князя) с Суворовым, Ушаковым, Кутузовым и другими замечательными

лицами екатерининского царствования (большая часть этой переписки сохранилась, но не опубликована). В 1786 императрица назначила Попова состоять при ее особе "у принятия прошений", сохранив за ним должность начальника канцелярии Потемкина. Во время войны 1787–1791 годов Попов был награжден чином генерал-майора и несколькими орденами, в том числе орденом Св. Владимира 1-ой степени (небывалой наградой для его чина). После смерти князя вошел в число самых доверенных сотрудников государыни: заведовал ее кабинетом, занимал министерские посты. При Павле I подвергся преследованиям. Александр I ввел Попова в члены Государственного совета. Попов имел чин действительного тайного советника, пользовался уважением императора. В имении Попова (Решетиловка Полтавской губернии) долгие годы хранился богатейший архив, который его наследники предлагали приобрести различным учреждениям. Значительная часть архива оказалась в Императорской публичной библиотеке.

676. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.VIII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 507–507об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 274–275.

[1] *Я чаю, после Байрама откроется, на что турки решатся, а дабы не ошибиться, кладу за верное, что объявят войну.* – Мусульманский праздник Большой Байрам начинался в 1783 г. в середине августа. Малый Байрам приходился на конец октября.

[2] *Радуюсь, что Корсаков тебе пригодился и что мои о нем попечения и деньги не втуне остались.* – Н.И. Корсаков несколько лет провел в заграничной командировке, совершенствуясь в инженерных знаниях.

[3] *Расписание Малороссийских полков зделано, как сам усмотришь.* – Переведенные в разряд регулярных войск малороссийские казачьи полки распределялись по корпусам в соответствии с "расписанием" (не обнаружено). Потемкин получил в свою команду 3 полка.

677. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.VIII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 508.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 276.

[1] *О Тамаре и Корсакове получишь с сим курьером.* – Приложение не обнаружено. Тамара и Корсаков (по представлению Потемкина) были награждены чинами: пожалованы в армейские полковники.

678. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

31.VIII.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 509.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 276–277.

[1] *...ты всекрайне опечалил меня известием о твоей опасной болезни, которое усмотрела из письма твоего из Кременчуга.* – Письмо не обнаружено. В донесении от 28.VIII.1783 из Кременчуга Потемкин сообщал о Шагин-Гирее, выехавшим наконец из Крыма. Однако вместо Перекопа хан отправился на Таман. Слухи о его прибытии вызвали большое возбуждение среди ногайских орд. Бывший хан давал понять, что он не отказался от своих прав. Все это, а также затеянное

перенесение кочевий ногайцев на Уральскую степь (где они кочевали двумя столетиями ранее) вызвали мятеж части ногайских орд. В начавшихся боях погибло до 600 человек из числа регулярных войск и донских казаков, а также множество ногайцев, как мятежников, так и остававшихся верными присяге, на которых нападали свои соплеменники. Мятеж был подавлен. Часть ногайских орд ушла за Кубань. Приказание Потемкина Суворову отложить перекочевание ногайцев пришло уже после мятежа.

[2] *Игельстром* Иосиф Андреевич (1737–1817) – барон, боевой офицер периода первой русско-турецкой войны. Награжден Георгием 3-ей степени. 15.V.1784 г. именно Игельстрому удалось заставить Шагин-Гирея покинуть Таман (под предлогом охраны бывший хан был посажен на фрегат "Св. Николай" и сначала отправлен в Таганрог, затем в Воронеж). Игельстром получил чин генерал-поручика и пост генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничеств. Участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В 1792 г. получил графский титул. Назначенный чрезвычайным и полномочным министром и командующим войсками в Польшу после второго раздела Игельстром был застигнут врасплох восстанием в Варшаве в ночь на 6.IV.1794 г. и понес большие потери. Уволен в отставку. Павел I вернул его на службу, назначив Оренбургским генерал-губернатором. Генерал от инфантерии.

[3] *Сына Эльфинстона я взяла в службу, а с ним никто не уладит.* – Младший сын Эльфинстона Самуель в 1770 г. имел чин мичмана. Уволен от службы в 1771 г. 22.VIII.1783 г. "принят из английских морских инженеров капитаном 2-го ранга". В 1784 г. командовал кораблем на Балтике. Капитан 1-го ранга в 1788 г. Умер в 1790 г. Об Эльфинстоне-старшем после суда над ним и его оправдательного мемуара, поданного Екатерине II, императрица отозвалась резко отрицательно: "Можно сказать одно, – писала она, – что Эльфинстон принадлежит к разряду людей сумасшедших, которые увлекаются первым движением и не соблюдают никакой последовательности" (*РБС*, статья, посвященная Джону Эльфинстону). Потемкину пришлось искать другого флагмана. А 26.X.1783 г. от "гнилой горячки" умер в Херсоне флота вице-адмирал и кавалер Клокачев.

679. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До IX.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 88.
Публикуется впервые.

[1] *Апухтин* Аким Иванович (1724–1798) – генерал-поручик, в течение 10 лет был членом Военной коллегии (1773–1783), занимаясь вопросами снабжения армии. Опытный администратор, Апухтин давал полезные советы Потемкину, возглавившему военное ведомство летом 1774 г. С 1783 г. генерал-губернатор симбирский и уфимский. В 1784 г. вышел в отставку и до конца своих дней жил в Москве. Известен, как переводчик.

680. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

11.IX.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 520.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 278–279.

[1] *...я об тебе в крайнем безпокойстве, и для того посылаю нарочного курьера, чтоб узнать, каков ты? От посторонних людей слышу, что маленько будто легче*

тебе. – 5.IX.1783 г. В.С. Попов писал Безбородко из Кременчуга: "Жестокая болезнь Князя Григория Александровича, особливо ж страдания, претерпенные им в проезде чрез Перекоп, истоща все силы, его довели до крайней слабости и изнеможения" (*АВПРИ*. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 582. Л. 119). Но только 13.X тот же Попов смог сообщить Безбородко, что "состояние здоровья Его Светлости Князя Григория Александровича становится теперь час от часу лучше" (*АВПРИ*. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 582. Л. 128). Несмотря на тяжелую болезнь, Потемкин продолжал напряженно работать, о чем свидетельствует его переписка.

[2] *Сестренцевич–Богуш* Станислав (1731–1826) – могилевский римско-католический митрополит. Приехал в Петербург с рекомендательным письмом Потемкина от 10.VIII.1783 г. (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 24. Л. 52). Свои рекомендации Потемкин подкрепил письмом к Безбородко от того же числа (*АВПРИ*. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 582. Л. 108). Екатерина II, несмотря на протесты Рима, учредила во вновь приобретенных областях (в Белоруссии) единую латинскую епархию, во главе которой был поставлен Сестренцевич. Следует помнить, что большая часть образованного класса в Белоруссии исповедовала католичество. В целях укрепления государственной власти Екатерина II и Потемкин умело использовали противостояние иезуитского ордена папству. При Павле I это равновесие было нарушено. В результате закулисных интриг Сестренцевич был сослан в свое имение, император оказался окруженным мальтийскими кавалерами, а затем иезуитами.

[3] *...Киевский наш митрополит умер...* – Митрополит Гавриил Кременецкий (в мире Григорий Феодорович, р. в 1708 г.) умер 9.VIII.1783 г. Питомец Киевской духовной Академии, преподаватель Невской семинарии, архиепископ Санкт-Петербургский (1762–1770). Проводник реформ по унификации положения малороссийского духовенства в духе церковных обычаев Великой России. На его место был переведен из Ростова Великого с пожалованием в сан митрополита *Самуил* (Миславский Симеон Григорьевич 1731–1796) просвещенный церковный деятель.

681. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.IX.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 513.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 279–280.

[1] *Два письма твои из Кременчуга от 31 августа и 8 сентября я получила одно за другим.* – Не разысканы. Под 8.IX.1783 г. известны два донесения Потемкина: 1-е о посылке воинской команды в имение униатского митрополита Смогоржевского; 2-е о мерах "по предохранению окрестностей Херсона от прилипчивых продолжающихся там болезней" (ссылки на них – *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 1. Л. 90об.).

[2] *Саша благодарит за поклон, не пишет, чтоб излишним чтением не обременить больного.* – В одном из писем А.Д. Ланского, (29.IX.1783) говорилось: "Батюшка Князь Григорий Александрович! Вы не можете представить, сколь чувствительно огорчен я болезнию вашей. Несравненная наша Государыня Мать тронута весьма сею ведомостию и неутешно плачет. Я решился послать зятя моего узнать о здоровье вашем. Молю Бога, чтоб сохранил вас от всех болезней" (*РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 914. Л. 7).

[3] *Вести о продолжении прилипчивых болезней херсонских не радостные... По*

причине продолжения оной едва ли поход мой весною сбыться может. – Намерение Екатерины II посетить южные губернии, вверенные управлению Потемкина, осуществилось лишь весной 1787 г.

[4] *В коронацию мою белый клобук дам одному Новогородскому Архиерею, буде от тебя не получу письма прежде.* – Архиепископ Гавриил был пожалован 22.IX.1783 г. в митрополиты Санкт-Петербургские и Новгородские.

682. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.IX.1783

Подлинник, подпись – автограф. *РГВИА.* Ф. 52. Оп. 2. Д. 24. Л. 22 и 67–68.
Публикуется впервые.

[1] *Хан Шагин-Гирей... не подает ни малой надежды ехать в Россию, отзываясь, между прочим, что находится он и теперь в границах Российских.* – Пребывание бывшего хана на Тамане осложняло отношение с новыми подданными России и затрудняло переговоры Булгакова в Константинополе. Посланник 1 октября 1783 г. извещал Потемкина о том, что турки "о Крыме спорить не будут, ежели не воспоследует какого нового обстоятельства со стороны Европы" (*РА*, 1905. Кн. II. С. 349–350). Европе было не до Крыма. 23.VIII/3.IX.1783 г. в Версале был подписан мирный договор между Великобританией с одной стороны и Соединенными Штатами и их союзниками (Францией, Испанией, Голландией) с другой. Потемкин в одном из писем просил Безбородко освободить себя от переговоров с Шагин-Гиреем, "дабы иногда не принужден я был в противность желания моего велеть его вывести по неволе оттуда. Не худо бы было, если бы от имени Государыни написать к нему небольшой выговор за то, что он не следует Ея Императорского Величества воле, дабы тем удержать его впредь от подобных поступков" (*РГВИА.* Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 6).

[2] *Рахманов* – возможно, полковник Никифор Михайлович. В службе с 1761 г. Участник первой русско-турецкой войны, кавалер Георгия 4-ой степени. В 1775 г. переведен капитаном в Преображенский полк, которым фактически командовал Потемкин.

[3] *...послано от меня к господину Генерал-Порутчику и Кавалеру Суворову предписание о высылке его из Тамана внутрь Империи...* – Суворов, занятый подготовкой военной экспедиции за Кубань, поручил выдворение Шагин-Гирея с Тамана командовавшему там войсками генерал-майору В.И. Елагину. Из-за беспечности генерал-майора Ф.П. Филисова приказ Суворова Елагину об аресте хана запоздал. Шагин-Гирей со свитой успел уйти за Кубань. Суворов получил выговор от Потемкина, но вскоре с лихвой искупил ошибку своих подчиненных. 1.X.1783 г. в урочище Керменчик в верховьях Кубани войска, руководимые Суворовым (усиленные донскими полками атамана А.И. Иловайского), разгромили мятежных ногайцев. Ногайская конница, на протяжении столетий совершавшая набеги на русские земли, перестала существовать, как военная сила.

683. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.IX.1783

Подлинник, подпись – автограф. *АВПРИ.* Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 42.
Публикуется впервые.

684. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.IX.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 521.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 280–281.

[1] *Последнее полученное от тебя письмо было от 8 сентября...* – Не разыскано.

[2] *Увидишь из сообщенных бумаг твердый ответ Цесарского двора Французскому.* – Приложения не обнаружено. Вена твердо отвергла протест Франции по поводу присоединения Крыма, выполнив свои обязательства по союзному договору.

685. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.IX.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 522.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 281.

[1] *Сейчас получила я твои письмы, любезный мой друг, из Нежина от 23 числа, кои меня всекрайне отревожили...* – Приведенные выше письма № 682 и 683 (посланные 23.IX из Нежина) являются официальными донесениями. Личное письмо Потемкина не разыскано.

686. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.X.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 523–523об.
Публикается – *СБРИО*. Т. 27. С. 281–282.

[1] *Письмо твое от 27 сентября из Нежина...* – Не разыскано.

[2] *...естьли Шагин-Гирей еще шалить станет, то приводить ему на память, что Портою смененные ханы по двести тысяч пенсии никогда не получали.* – Бесцеремонно сменяя крымских ханов (только во время войны с Россией 1768–1774 гг. турки сменили шесть! ханов), правители Османской империи поселяли отставленных властителей ханства в метрополии, выделяя им на содержание значительные средства.

[3] *Французы посылают Шуазеля Гуфиер послом в Цареград.* – Новый французский посол граф Огюст Лоран *Шуазель-Гуфье* (1752–1817), написавший в своей книге "Живописное путешествие по Греции" строки, враждебные России (в духе французской дипломатии, поддерживавшей турок), по иронии судьбы должен был искать прибежище в России. Вместе с другими французскими эмигрантами, гонимыми террором революции, Шуазель-Гуфье оказался в Петербурге. При Павле I, благоволившем к эмигрантам, граф "Гавриил Августович" Шуазель-Гуфье получил чин тайного советника и занимал пост директора Академии Художеств. После реставрации вернулся во Францию.

687. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.X.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 524.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 287.

[1] *Письмы твои, любезный мой друг, от 6 и 7 сего месяца я получила...* – Не разысканы. В донесениях от 7.X.1783 г. из Чернигова Потемкин сообщал о тайных

переговорах Шагин-Гирея с ногайцами и его переезде за Кубань; о приказании графу Де Бальмену отправить из Крыма в Россию ханских братьев Батыр-Гирея с сыном и Арслан-Гирея (спасенных от казни, благодаря протестам Екатерины и Потемкина, посланным бывшему хану); о походе Суворова и Донского войска против мятежных ногайцев; о прибытии к нему первого секретаря царя Ираклия II князя Сулхана Туманова ("человек благоразумный и весьма хорошего просвещения и с многими дарованиями. Нельзя бы, казалось, таковым себе представить жителя Тифлисского", – отметил Потемкин). Посланец привез просьбу Ираклия к императрице – разрешить "венчание царское, коего желает Ираклий... Как уже есть на сие Высочайшая Вашего Императорского Величества воля, то и отправляю я его обратно в Грузию, подтверждая Царю обнадежение о Всемилостивейшем Вашего Императорского Величества благоволении" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 24. Л. 73, 78–80).

688. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.X.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 525–525об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 288.

[1] *Сего утра получила я твое письмо... от 13 сего месяца.* – Письмо не разыскано. В донесении от того же числа Потемкин сообщил о желании имеретинского царя Соломона просить покровительства России (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 29. Л. 33 об.).

[2] *Знатно и Фельд*[*маршал*] *Румянцев оной испуган был, ибо пишет ко мне, что по причине настоящего кризиса о мире или войне надлежит наивящще все иметь в готовности...* – Письмо Румянцева Екатерине II не разыскано.

[3] *Вадковский* Федор Иванович (1712–1783) – генерал-аншеф, подполковник лейб-гвардии Семеновского полка. После переворота 28.VI.1762 г., в котором Вадковский активно участвовал, он до конца жизни командовал семеновцами. По отзывам современников, Вадковский отличался снисходительностью и добродушием.

689. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.X.1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 4.
Публикуется впервые.

690. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1783

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 36.
Публикуется впервые.
Письмо написано после возвращения Потемкина в Петербург. 26.XI.1783 г. он присутствует на празднике Георгиевских кавалеров в Зимнем дворце (*КФЖ*).

[1] *Самойлович* (Самуйлович) – *Сущинский* Данило Самойлович (1744–1805) – военный доктор, выдающийся организатор борьбы с чумными эпидемиями, оригинальный исследователь. Член 12 зарубежных академий наук и научных обществ. Во время войны 1787–1791 гг. он был дивизионным доктором с чином коллежского советника. Его очень ценил Суворов.

691. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 116.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 408.

Датировка условная. Эпидемии на юге, заносимые из Турции, возникали периодически. Строгими карантинными мерами эпидемию 1783 г. удалось в основном ликвидировать летом 1784 г.

692. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 482.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 413.

[1] *Ржевский* Степан Матвеевич (1732–1783) – генерал-поручик, участник Семилетней и первой русско-турецкой войн. Кавалер Георгия 3-ей степени и ордена Св. Анны. Его дочь Феодосия изображена на одном из портретов воспитанниц Смольного института благородных девиц, созданных Д.Г. Левицким в 1770-е годы.

[2] *...не пущен за кавалергарды...* – Кавалергардский пост в Зимнем дворце был установлен перед личными покоями императрицы, куда допускались особо приближенные лица или специально приглашенные.

693. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1783

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 122.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 99.

Должность флигель-адъютантов императрицы была учреждена в 1775 г. по инициативе Потемкина, в дополнение к генерал-адъютантской должности. Флигель-адъютанты поочередно несли дежурство в местах пребывания императрицы. Как правило, в эту должность определялись заслуженные офицеры в чине полковника (реже – генерал-майора). После фавора Завадовского все новые любимцы Екатерины II при своем возвышении зачислялись в ее флигель-адъютанты. В 1783 г. был пожалован во флигель-адъютанты полковник Ф.Ф. Буксгевден, в 1784 г. полковник Семен Федорович *Уваров* (ум. в 1788), впоследствии генерал-майор, вице-полковник лейб-гренадерского полка.

1784

694. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Начало 1784

Автограф. *АВПРИ*, ф. 5. Д. 585. Л. 76.
Публикуется впервые.

695. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Начало 1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 1.
Публикуется впервые.

Екатерина ознакомила Потемкина с программой обучения своих внуков (Александра и Константина), составленной при ее участии. Отзыв Потемкина о греческом языке и его значении в истории культуры и цивилизации убедительно опровергает миф о том, что "Потемкин почти ничего не читал" (см. *Валишевский К.* Вокруг трона. С. 155).

696. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Начало 1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 116.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 9. С. 99.

697. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

Начало 1784

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 71–75.
Публикуется впервые.

698. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.II.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 487.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 394.

2.II.1784 г. императрица подписала указ об учреждении Таврической области, генерал-губернатором которой был назначен Потемкин. Ему поручалось подготовить все необходимые материалы (расчет доходов и расходов, штаты и прочее) для введения в новой губернии (названной областью) принятых во всей империи установлений. Тем же днем 2.II помечен указ Екатерины II о пожаловании Потемкина в президенты Военной коллегии с чином генерал-фельдмаршала.

699. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 27.II.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 176.
Публикуется впервые.

Заботясь о заселении пустынного края, Потемкин вел активную колонизационную политику; приглашались колонисты из разных стран, в том числе из Германии, Италии, Швеции, Англии. Особое внимание было обращено на русских старообрядцев, ушедших после раскола и церковных гонений в Польшу. Письмо, очевидно, написано осенью 1783 г. (митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил получил свой новый сан 22.IX.1783 г., а в письме он назван архиереем). Но подано оно в начале года одновременно с прошением старообрядцев о постановке им священников от епископов восточной православной церкви (господствующее положение которой долгое время осуждалось старообрядцами). Прошение было написано при прямом участии Потемкина. 28.II.1784 г. на него последовала резолюция Екатерины II: "Разсмотреть и, сообразя с духовными и гражданскими законами и пользою государственною, подать мне". На письме Потемкина рукой Безбородко (или кого-то из секретарей императрицы) сделана пометка: "По сему дан рескрипт Князю Потемкину февраля 27 1784". Рассмотрение столь важного вопроса потребовало значительного времени. См. письма № 701 и 702 и примеч. к ним.

700. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 6.III.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 306.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 412.

Еще 3.VIII.1783 г. Потемкин, впервые посетив и изъездив Крым, писал в донесении Екатерине: "Построенный Ханом Шагин-Гиреем близ Кефы монетный двор нашел я во всей исправности и в таком состоянии, что монетное дело с успехом может быть во

оном производимо. Весьма важную приобретет чрез то пользу казна Вашего Императорского Величества, ибо медь Анатольская будет во оную приходить даром за отпускаемую из Крымских озер соль. Я должностью поставляю всеподданнейше о том представить Вашему Императорскому Величеству и просить высочайшего на сие повеления" (*РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 181). 6.III.1784 г. в Феодосии (бывшей Кефе, Кафе, обретшей свое прежнее имя) заработал монетный двор.

701. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 11.III.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 177.
Публикуется впервые.

На письме пометка: "По сей записке дан имянной указ Митрополиту Гавриилу марта 11 1784". 9.III.1784 г. Потемкин просил митрополита вручить В.С. Попову письма по делу о придержащихся старообрядчества (соответственно высочайших повелений) для преосвященных Могилевского и Славянского. Генерал-фельдмаршал и Президент Военной коллегии извиняется за то, что "скорость отъезда не позволила мне ныне быть у Вашего Высокопреосвященства" (*РА*, 1869. Стб. 1597).

702. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 11.III.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 43.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 399.

Екатерина предпочла обсудить сложный вопрос с членами Святейшего Синода. 26.VIII.1785 г. последовал рескрипт Потемкину о местах для поселения старообрядцев на юге, а 27 Потемкин объявил старообрядцам Таврической области о приписании их к Таврической епархии. Дома и церкви для них бралась строить казна. Священники определялись постановлением архиепископа Таврического и Херсонского.

703. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.III.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 20.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 330.

10.II.1784 г. императрица нанесла визит Потемкину и обедала в его покоях в Шепелевском доме. За два дня до этого Потемкин писал Я.И. Булгакову в Константинополь: "Чистосердечно поздравляю вас с окончанием столь знаменитого дела. Труды ваши останутся в потомстве... Что если я из Крыма на судне приеду к Вам в гости? Я без шуток хочу знать, можно ли сие сделать?.." (*РА*, 1905. Кн. 2. С. 352). Булгакову удалось 28.XII.1783 г. в ходе трудных переговоров подписать конвенцию о Крыме. Турция признала Крым российским владением. Возможно, Потемкин хотел посетить Константинополь, чтобы лично договориться с высшими чиновниками Оттоманской Порты о "мирном сосуществовании" двух Империй. Но время личной дипломатии в отношениях с мусульманским государством еще не пришло. 15.III.1784 г. Булгаков разъяснил всю сложность подобного визита человека, которого турки считали виновником присоединения Крыма к России. "Вас почитают нашим Верховным Визирем", – прибавил посланник (*РА*, 1866. № 11–12. Стб. 1574).

704. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.III.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 531.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 330–331.

[1] *Известия из Молдавии гласят, что молдаване завидуют состоянию Тавриды и что запорожцы беглые просятся паки к нам, такожде и вышедшие из Крыма татары назад идут...* – Приложения с этими вестями не обнаружено. Присоединение Крыма, несомненно, оказало воздействие на христианское население подвластных Турции территорий. Молдаване уже в первую турецкую войну служили добровольцами в русской армии. "Беглые запорожцы" – ушедшие в Турцию казаки после закрытия Сечи – возвращались партиями в Россию. 6.IV.1784 г. Потемкин донес, что еще год назад он пригласил на службу бывших запорожцев, живуших в Екатеринославском наместничестве, а через нарочных звал запорожцев, живущих у турок на Очаковской степи. Из первых несколько сот прибыли на службу, на зиму распущены по своим селениям. "Но слух о благоденствии их под Вашего Императорского Величества державою вселил раскаяние в сердца удалившихся на степь Очаковскую. Из числа оных двести человек, переправясь на здешний берег Буга... объявили усерднейшее желание посвятить себе на службу Вашего Императорского Величества при помянутой команде, дабы заслужить учиненное преступление. Я приказал их принять" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 3об.). Потемкин просил позволения селить их на левом берегу Днепра на основании положений о Донском войске. Он сообщал о прибывших в Крым тридцати некрасовцах, приехавших посмотреть, "чего им в пределах России ожидать возможно". По его мнению, распространение и на них высочайших милостей "приведет всех сих заблудших в недра Отечества своего" (Там же. Л. 4). Из числа крымских татар богатые старались переехать в турецкие владения.

[2] *...Цесарь окончил хлопоты свои торговые с турками...* – Торговый трактат между Австрией и Турцией был заключен 13/24.II.1784 г.

[3] *Саша мне сказал, что Катя отъезжает.* – А.Д. Ланской (докладывавший императрице и письма Потемкина, и другие дела) сообщил об отъезде графини Е.В. Скавронской, отправлявшейся в Неаполь к мужу, который был назначен туда посланником.

[4] *...начертала я сию хартию тем же пером, которым подписала сего утра похвальную грамоту Князя Потемкина.* – Потемкин и другие лица за присоединение Крыма были удостоены похвальных грамот и других наград, в том числе специально выбитыми медалями.

705. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.IV.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 532.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 331–332.

[1] *...твое письмо из Дубровны от 5 сего месяца я получила.* – Не разыскано. *Дубровна* – имение Потемкина в Белоруссии, которое он в 1786 г. обменял на имение Смелы в Польской Украйне.

[2] *Что персидские дела плавно идут, тому радуюсь.* – В подробном донесении от 6.IV.1784 г. Потемкин сообщал об искании покровительства России персидскими ханами Шушинским Ибраимом и Гойским Ахметом, о сообщении конфидента из

Еривана о том, что армяне ожидают российских войск и что готовы присоединиться к ним, "коль скоро в тот край оныя прибудут. Патриарх Армянский и знатные мелики в письме своем обещают всякое для войск продовольствие и отправляют от себя нарочного с доверенностию. Находящийся в Тифлисе полковник Бурнашев доносит господину генералу-поручику Потемкину, что из разговоров царских приметно усердное желание его самолично предстать пред освященный престол Вашего Императорского Величества и принести всенижайшую свою благодарность за все излиянные на него милости" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–3). В том же донесении сообщалось о жалобах Имеретинского царя Соломона I на ежедневные грабежи турками жителей приграничных мест; о намерении Ираклия II присоединить к Грузии город Гяндж, "в общем ныне у него владении с ханом Ибраимом состоящий, но принадлежавший издревле к Кахетии... из чего видно, что естли верность дружбы хана к царю Ираклию казалась всегда сомнительною, то и царь не пощадит своего союзника при всяком удобном случае" (*Там же*. Л. 2об.–3).

706. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IV.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 534–534об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 333.

[1] ***Штат Тавриды я конфирмовала.*** – Потемкин поднес на высочайшую апробацию разработанный им "штат Таврической области" 12.IV.1784. Утвержден 24.IV.

[2] ***Папский посол получил обещание, что вскоре наименован будет кардиналом.*** – Папский нунций Аркетти провел в России почти год (до 2/13.VI.1784). Хотя его миссия (см. письмо № 667 и примеч. к нему) не увенчалась успехом, он был 9/20.IX.1784 посвящен в сан кардинала.

707. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.V.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 535.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 334.

[1] ***За поздравление со днем рождения моего благодарствую тебя..*** – Письмо Потемкина с поздравлением не разыскано.

[2] ***Нельзя ли Хана переманить на твердую землю? – Таман***, где почти год обитал бывший хан Шагин-Гирей, считался островом. Шагин-Гирей вел тайную переписку с турецким комендантом крепости Суджук-Кале, со своими сторонниками. 15.V.1784 г. бывший хан был окружен отрядом генерал-поручика Игельстрома и на фрегате "Св. Николай" отправлен в Таганрог. Его свита (до 2000 человек) некоторое время оставалась на Тамани. Выполнению этой трудной операции содействовал Лашкарев, назначенный приставом при отрекшемся от власти хане.

708. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.V.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 536–537.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 335–336.

[1] ***Письмо твое, друг мой сердечный, из Кременчуга я получила.*** – Не разыскано.

[2] ***Ты видел, что и речи Короля Шведского с Марковым на то похожи были. – Марков*** (Морков) Аркадий Иванович (1747–1827) – статский советник, чрезвычайный

посланник и полномочный министр в Швеции с 1783 по 1786 г. Выдвинулся в конце царствования Екатерины II, сделавшись доверенным лицом фаворита Платона Зубова. Сумел оттеснить от дел Безбородко. Был активным сторонником окончательного раздела Польши. Впоследствии граф, тайный советник. Посол в Париже в 1801–1803 гг. В донесениях Моркова о беседах с Густавом III сообщалось об агрессивных планах короля, вооружавшегося на французские деньги. Россия, связанная с Данией союзным договором, не могла остаться безучастной в случае нападения Густава III на принадлежавшую Дании Норвегию. Французская дипломатия содействовала заключению трактата между Швецией и Турцией, подготовив тем самым главные театры войны против России, начатой нападением Турции в 1787 г.

Приятно мне было слышать, что упражняешься и по земским делам. – В бумагах Потемкина (*РГВИА*, *ГИМ ОПИ*, *РГАДА*) сохранилось много документов, свидетельствующих о его разносторонней деятельности по устройству вверенных его управлению губерний. Вот одна из таких записок: "О Таврической области. Для города губернского Симферополя наилутчее место у Акъмечети. Потому что город сей почти в средине земли, довольно имеет воды и лесов и съезд из деревень. И для них удобнее по причине ровного положения" (Черновой автограф. – *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 2. Л. 43).

709. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.V.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 538–538об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 336–337.

1 *Вчерашний день я получила письмо твое, друг мой сердечный, из Херсона.* – Не разыскано.

2 *Кажется, письма Ибраим-хана гораздо вежливее писаны, нежели турецкие и иные персидские...* – Шушинский хан Ибраим, союзник царя Ираклия II, притеснял армян Карадага и Карабаха, которые просили защиты у России. По поручению Потемкина П.С. Потемкин потребовал от Ибраим-хана покорности. Очевидно, в письмах хан изъявил желание быть под протекторатом России. В январе 1785 г. он даже просил принять его в подданство, но оставить ханом и не мешаться во внутренние дела ханства. Переговоры закончились безрезультатно. Смута и кровавая борьба за шахский престол в Персии заставляли некоторых крупных феодалов искать покровительства России. Так, Али-Мурат хан Испаганский в 1784 г. направил к Потемкину посла с просьбой заключить союз. В свою очередь, Потемкин отрядил полковника В.С. Тамару в Испаган, но смерть хана заставила посланца Потемкина вернуться в Россию.

3 *Что же до Шагин-Гирея надлежит, то, кажется, все теперь приведено в то положение, в котором желалось его видеть.* – Шагин-Гирей жил в Таганроге, ожидая, когда будет готово жилье в Воронеже, куда он прибыл 20.VII.1784. Бывшему хану выплачивалась пенсия 200 000 рублей. Для сравнения укажем, что такие придворные чины как обер-камергер или обер-шталмейстер (2-го класса) получали в год не более 4 500 рублей.

Поскольку писем Потемкина Екатерине II за 1784 г. обнаружить не удалось, представляется целесообразным поместить несколько донесений Потемкина, относящихся к этому периоду.

710. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.VI.1784

Подлинник. Подпись-автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 29. Л. 47–47 об. и 52–52 об. Публикуется впервые.

[1] *Соломон* I Александрович (1735–1784) – царь Имеретии с 1751 г. Заняв престол в пятнадцатилетнем возрасте, Соломон I всю жизнь вел тяжелую борьбу против Турции, стремившейся поработить Западную Грузию. Проявил замечательные способности воина и дипломата. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. сражался вместе с царем Картли-Кахетии Ираклием II на стороне России. По Кучук-Кайнарджийскому миру Имеретия осталась в вассальной зависимости от Турции, но была избавлена от унизительной ежегодной дани людьми (по 70 юношей и девушек), от других притеснений.

[2] *Давид* II (1756–1795) – двоюродный брат Соломона I. Царствовал с 1784 по 1789. Уступил престол Давиду-Соломону II (сыну брата царя Соломона I и внуку царя Ираклия II) по достижении им совершеннолетия.

[3] *Незадолго пред смертию своею прислал он... прошение... о принятии Имеретии под Верховную Вашего Императорского Величества власть.* – Покровительство России христианским народам Закавказья серьезно осложняло ее отношения с Турцией и Персией. После заключения Ираклием II Георгиевского трактата (о протекторате России над Картли-Кахетинским царством) Соломон I готов был последовать его примеру. Смерть царя задержала присоединение Имеретии к России. Страшный набег персидского хана Ага-Мохаммеда в 1795 на Грузию заставил сына Ираклия II Георгия XII просить о принятии Картли-Кахети в подданство России (1800). Актом 1801 г. Восточная Грузия была присоединена к империи. Западная Грузия (Имеретия) была присоединена в 1810. Собирание грузинских земель затянулось до 1878 г., когда после победоносной русско-турецкой войны в состав России вошли Батум и Артвин.

[4] *Младые лета племянника Соломонова Давида... – Давид* (1773–1815) – сын Арчила, родного брата Соломона I и дочери Ираклия II. В его лице намечалась возможность династического объединения двух грузинских царств. Но этого не случилось, как из-за сложных взаимоотношений между правителями, так и из-за борьбы крупных феодалов за власть, привилегии. Под именем Соломона II Давид царствовал с 1789 по 1810 и привел Имеретию в подданство России.

[5] *Бурнашев* Степан Данилович (1743–1824) – полковник кавалер Георгия 4-ой степени (за отличия в войне с Портой) был назначен уполномоченным при царях Ираклии II и Соломоне I. Внес вклад в установление дружеских отношений Грузии с Россией. Впоследствии генерал-майор, сенатор. Оставил ценные картографические и географические труды о Кавказе.

711. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.VI.1784

Подлинник. Подпись-автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 29. Л. 54–54 об.. Публикуется впервые.

[1] *Лезгины... учинили в семистах человеках нападение на соседственные грузинские селения.* – Набеги лезгин (поощряемые турецкой агентурой) были бедствием для народа Грузии. Командующий Кавказским корпусом генерал-поручик П.С. Потемкин, посетивший по настоянию князя Тифлис, лично познакомившийся с царем Ираклием II, доносил о страшном разорении страны и бедности населения.

[2] *Квашнин-Самарин* Александр – в службе с 1761. Подполковник Владимирского пехотного полка.

712. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 14.XII.1784

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 55–55об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 397–398.

[1] *Я не упущу, чтоб не охранить сторону Оренбургскую.* – 4.XII.1784 последовал рескрипт Потемкину об усилении Оренбургского корпуса и обуздании самовольных тамошных народов, разорявших приграничные местности (*РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. ч. 3. Л. 35).

Следует упомянуть важное обстоятельство, предварившее приезд Потемкина с юга в столицу. 25.VI.1784 скоропостижно скончался А.Д. Ланской. В разгар устройства Таврической области Потемкин получил письмо от А.А. Безбородко. Один из самых доверенных сотрудников императрицы, сообщив о смерти Ланского, писал о тяжелом состоянии государыни, которая затворилась в своих покоях и никого не желает видеть. По словам Безбородко, лейб-медик Роджерсон, считал, что "нужнее всего – стараться об истреблении печали и всякого душевного безпокойства... К сему одно нам известное есть средство, – писал Безбородко, – скорейший приезд Вашей Светлости, прежде которого не можем мы быть спокойны. Государыня меня спрашивала, уведомил ли я Вас о всем прошедшем, и всякий раз наведывается, сколь скоро ожидать Вас можно" (Письмо от 29.VI.1784 г. *СБРИО*, Т. 26. С. 281). Тяжелая депрессия императрицы грозила непредсказуемыми последствиями и уже начала сказываться на делах. Потемкин поспешил в столицу, он знал, что только одно средство поможет Екатерине заглушить боль – надо было увлечь ее новыми неотложными делами. И он добивается своего. Деятельная натура Екатерины одерживает победу над депрессией. 5.IX она покидает Царское Село и возвращается в столицу. 8.IX двор и дипломатический корпус видят ее у обедни – первый раз после двух с половиной месяцев уединения. Место Ланского заступает молодой офицер Александр Петрович Ермолов.

713. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

30.XII.1784

Подлинник. Подпись – автограф. *АВПРИ*, Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 20. Л. 111.
Публикуется впервые.

1785

714. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 23.II.1785

Подлинник. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 1.
Публикуется впервые.

Потемкин предполагал грандиозное строительство в новом губернском городе Екатеринославе (см. письмо № 747). Задолго до заложения нового центра Юга России Потемкин подбирал кадры для екатеринославского университета и консерватории.

[1] *Хандошкин* Иван Евстафьевич (1747–1804) – замечательный музыкант, скрипач, композитор. С начала 1760-х годов был камер-музыкантом. 23.II.1785 г. помечен указ кабинету об увольнении Хандошкина с пенсиею и чином мундшенка (придворный чин XII класса).

715. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.IV.1785

Подлинник. Подпись – автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 79.
Публикуется впервые.

Интересные подробности о сооружении памятника Екатерине II в губернском городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск), приведены в журнале "Русская Старина". Статуя Екатерины II была отлита в Берлине при жизни Потемкина. Начавшаяся война с Турцией, смерть князя, а затем смерть императрицы помешали установить монумент в XVIII в. Только в середине XIX в. екатеринославское дворянство возобновило хлопоты о памятнике. Хотели заказать статую знаменитому И.П. Мартосу (уже создавшему памятник Потемкину в Херсоне). Но петербургский заводчик Берд, узнав об этом, уведомил о том, что им в Берлине была куплена статуя Екатерины II, которую он предлагает продать екатеринославскому дворянству. Мартос по поручению генерал-губернатора графа М.С. Воронцова осмотрел статую и одобрил ее. Памятник был в 1846 г. куплен у Берда и установлен в центре города (*РС,* 1873. Т. 8. С. 982). После 1917 г. снесен.

716. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 9.V.1785

Подлинник. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 20. Л. 125.
Публикуется впервые.

На этом представлении Потемкина имеется помета: "Всемилостивейше прощен, о чем князю Григорью Александровичу Потемкину указ дан маия 9 1785". О братьях Горич см. письма № 905, 937.

717. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VI.1785

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 27.
Публикуется впервые.

В том же фонде в деле 85, ч. 4 на л. 8 помещен секретный указ Екатерины II Потемкину от 26.VI.1785 г. о происшествии на китайской границе и о приведении войск в готовность к отпору. Торговля в Кяхте достигала весьма значительных размеров. Так, в 1781 г. из России в Китай было продано более 6 миллионов шкурок белок, несколько сотен тысяч шкурок горностая и более 10 тысяч шкурок соболя. Из Китая шли главным образом шелковые ткани и лекарства. Отношения между двумя странами отравляли пограничные инциденты, связанные с бесчинствами разбойников с той и другой стороны. В 1785 г. иркутский губернатор И.В. Якобий и пограничный майор Налабардин приказали пойманных китайских беглецов наказать палками и сослать в отдаленное место. Китайская сторона сочла столь легкое наказание нарушением пограничного договора 1768 г. о выдаче беглецов, изобличенных в воровстве, которым полагалась смертная казнь. Торг в Кяхте был закрыт.

718. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

VI.1785

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 146–146об.
Публикуется впервые.

Принимая меры по усилению Сибирского корпуса, Потемкин предлагает уладить конфликт путем переговоров. От имени Сената было послано предложение открыть торг и прислать на границу "знатнейшего полномочного вельможу, который бы с таким же российским чиновником переменил древние договоры на новые для пользы взаимных подданных". Россия заявила, что не намерена начинать войну, разве только к тому будет принуждена. Китайская сторона отказалась начать переговоры о пересмотре договоров, повторила требование о выдаче беглецов и заявила, что "Великая Китайская Империя точно не пошлет войск противу России, ибо Сенату довольно известно, что в таком пустом деле сие, конечно, было бы неприлично". Споры о беглецах продолжались, лишив купечество торгов на Кяхте почти на 7 лет. В 1792 китайская сторона предала дело забвению и разрешила открыть торг (*Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государством с 1619 по 1792 г. Казань, 1882. С. 325–329).

719. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 29.VII.1785

Подлинник. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Л. 20. Л. 127–127об.
Публикуется впервые. Отрывок из официального донесения.

[1] *Синненберх* (Сенненберг) Фридрих – в службе с 1759, секунд-майор Куринского пехотного полка. 16.IV. 1785 он вместе со своими егерями разгромил при с. Сурами "скопище" турок и лезгин.

720. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 29.VII.1785

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 434–434об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 421.

Публикаторы датировали письмо 1787 г. Тон письма более соответствует раздражительному состоянию Екатерины, еще не пришедшей в себя после смерти Ланского. В 1787 императрица совершила триумфальную поездку на юг и была восхищена достижениями по заселению и хозяйственному освоению новых земель.

721. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 13.XII.1785

Подлинник. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 4–4об.
Публикуется впервые.

На документе помета: "По содержанию сей записки дан указ Князю Григорию Александровичу декабря 13 1785".

[1] *Хованский* Алексей Васильевич (1738–1799) – князь, отставной поручик. Потомок знаменитого начальника Стрелецкого приказа князя И.А. Хованского (прозванного Тарауем), который был вероломно казнен правительницей Софьей Алексеевной. Князь А.В. Хованский во время пугачевщины пожертвовал значительные суммы на формирование московского дворянского ополчения. Его суконная фабрика была куплена в казну.

722. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

XII.1785

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 315.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 413.

Свадьба племянника Потемкина Александра Николаевича Самойлова с фрейлиной княжной Екатериной Сергеевной Трубецкой (ум. в 1826) состоялась 18.I.1786. Обряд венчания происходил в Большой церкви Зимнего дворца в присутствии императрицы, наследника престола с женой и других знатных лиц. Посаженным отцом жениха был Потемкин, невесты – граф К.Г. Разумовский.

723. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1785

Подлинник. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 179–179об.
Публикуется впервые.

Письмо помещено среди донесений Потемкина за 1785. Озерки – имение, пожалованное ему императрицей, которое он предоставил для Греческой гимназии, впоследствии переведенной на юг. О планах создания университета в Екатеринославе см. письмо № 747.

724. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1785

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 140–140об.
Публикуется впервые.

Датируется условно. На документе помета: "Решено указом, данным министру в Варшаве и Киевскому митрополиту".
Между православным населением Польской Украйны и униатами отношения были напряженными. Страшный взрыв народного возмущения в 1768 г. был вызван насилиями униатов и шляхты над православными священниками. В ходе казацко-крестьянского восстания – Гайдаматчины – было уничтожено около 200 тысяч польско-еврейского населения Украйны. Упоминаемые в документе местечко Смила (Смела) и городок Гумань (Умань) находились в самом центре восстания.

[1] *Потоцкий* Станислав Феликс Щенсны (1752–1805) – польский граф, воевода Русский, генерал артиллерии. Владелец огромных имений (Тульчин, Умань). В 1784 примкнул к антикоролевской партии, которую возглавил граф Ксаверий Браницкий. В период 4-х летнего сейма был противником преобразований и новой конституции. В 1792 вместе с Браницким и Ржеуским возглавил Тарговицкую конфедерацию, закончившуюся Вторым разделом Польши.

[2] *Смила* (Смела) – местечко, центр староства на Правобережье Днепра с населением до 100 тысяч мужского пола. Накануне войны 1787–1791 годов Потемкин купил староство у князя Ксаверия Любомирского. Благодаря этой покупке Черноморский флот был обеспечен корабельным лесом.

[3] *Любомирский* Ксаверий Францишек (1747–1819) – польский князь, владелец огромных имений на Правобережье Днепра. Поддерживал в своих имениях православную церковь, желая предотвратить новую гайдаматчину. В 1777 по приглашению Потемкина перешел на русскую службу. В 1783 генерал-майор. Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 годов в чине генерал-поручика.

[4] *Гумань* (Умань) – городок, принадлежавший графу Станиславу Щенсны Потоцкому. Восстание гайдамаков началось со взятия казаками Умани. Во время русско-

турецкой войны 1768–1774 годов в Умани был поселен полк русских гусар. Потоцкий не хотел отпускать их в российские границы, учитывая взрывоопасную обстановку в Польской Украйне.

725. Г.А. ПОТЕМКИН– ЕКАТЕРИНЕ II

1785

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 141.
Публикуется впервые.

Написано после письма Потемкина Безбородко (начало 1785 г.), в котором говорилось: "Малороссия, избавясь ига польского, соединилась с Россиею по единоверию. Пример сей довольно силен, чтоб покровительствовать Закон наш в Польше, и для того к способному управлению церкви нашей в Польше Слуцкого Архимандрита зделать Епископом-викарием Киевского Митрополита, о чем поляки спорить не могут, потому что он не станет носить имя Епархии в Польше состоящей. Управляет же он именем Киевского и в теперешнем состоянии. В новом же чине содержание ему в том месте будет достаточно. Все же церкви и монастыри в Польше ему поручаются" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 377 Л. 153об.–154). Указом императрицы 27.III. 1785 была учреждена особая православная епископия в Польше с кафедрой в Слуцке. Епископом был назначен Виктор *Садковский* (ум. в 1803), известный поборник воссоединения с православием из унии 1,5 миллионного населения Волыни. *Хмельницкий* Богдан Зиновий (ок. 1595–1657) – знаменитый гетман Украины, возглавивший восстание и войну народа против Польши. Добился присоединения Украины к России, удержавшей после тяжелой войны с Польшей Левобережье и Киев.

ПИСЬМА 1785–1786

726. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ
Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 87.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 403–404.

[1] *По делу Свистунова с его падчерицею... – Свистунов* Петр Семенович (1732–1808) – генерал-поручик, в 1771 г. член Военной коллегии, белгородский губернатор (1775), правитель Курского наместничества (1779–1782). Отстранен от должности. Сенату поручено рассмотреть его дело по разным обвинениям в должностных преступлениях. В прошении, поданном Екатерине II в 1788 г., Свистунов писал, что "страждет невинно шесть лет" по проискам купцов недовольных его мерами по наведению порядка в Курске. Свистунов жаловался на недоброжелательство нового генерал-губернатора князя А.А. Прозоровского. Очевидно, против Свистунова было использовано и дело с его падчерицей. Он был женат на А.Е. Неплюевой, для которой это был второй брак. Само дело отыскать не удалось. Уволенный "по прошению" от службы в 1793 г., Свистунов неожиданно пошел в гору при Павле I: пожалован в полные генералы, сенаторы, награжден орденом Св. Александра Невского и назначен директором Ассигнационного банка. Известен, как поэт и переводчик.

727. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 485.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 412.

Слух о смерти князя П.М. Дашкова оказался ложным. Он умер в 1807 в чине генерал-лейтенанта. Был губернским предводителем московского дворянства. Его знаменитая

мать умерла три года спустя, так и не простив сына за его женитьбу на дочери купца-откупщика Алферова. Брак был несчастливый. Со смертью Дашкова старинный княжеский род угас.

728. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ
Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 483.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 408.

729. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ
Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 54. Л. 45.
Публикация – *ВИ*, 1989, № 8. С. 111.

730. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II
Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 498.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 394.

731. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II
Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 63.
Публикуется впервые.

Это письмо Потемкина и ответ Екатерины II помещены на листах большого письма, написанного на малопонятном наречии (русскими буквами, смесь русского и югославянского). Пишет офицер русской службы, называющий себя венгром. Потемкин передал это "послание" с припиской. Наивные пожелания императрице всяческих благ действительно вызывают улыбку.

732. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 488.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 408–409.

Сарти Джузеппе (1729–1802) – придворный капельмейстер. Знаменитый и плодовитый итальянский композитор и дирижер. Работал в Италии и в Дании, с 1784 г. в России. Автор многих опер, гимнов. Потемкин, бывший большим меломаном, приблизил Сарти к себе и даже взял его на театр военных действий. Барон Фридрих Мельхиор *Гримм* (1723–1807), уроженец Германии, большую часть жизни провел в Париже, рассылая в течение 40 лет европейским монархам новости литературы, науки, искусства, общественной жизни. Его переписка с Екатериной II началась в 1774 и длилась по день ее кончины. Известен как музыкальный критик.

1786

733. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.III.1786

Копия. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 399. Ч. 4. Л. 3–4.
Публикация – *РА*, 1870, № 1–3. С. 549–550.

734. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.IV.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 2.
Публикуется впервые.

[1] *Безбородку завтра же посажу в Совет...* – 18.IV.1786 г. Храповицкий записал в своем Дневнике: "Графу Безбородко повелено присутствовать в Совете". Как видим, Потемкин рекомендовал императрице ввести в Совет Безбородко, чьи способности и деловую хватку он оценил в период борьбы за присоединение Крымского ханства к России. Совет состоял из узкого круга самых доверенных и близких сотрудников Екатерины II.

735. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.IV.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 489.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 367.

736. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 30.V.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 96.
Публикуется впервые.

Датировка условная. Новый французский посланник граф Ф. Сегюр по прибытии в Петербург предпринял шаги, направленные на сближение двух дворов. 31.XII.1786 г. (11.I.1787 г.) был ратифицирован новый торговый договор России с Францией. 30.V.1786 г. Храповицкий записывает в Дневнике: "Возражение Князя Вяземского на план Г.А. Потемкина при чтении вслух..." Из дальнейшего текста ясно, что речь идет о плане войны с Турцией. Императрица сообщает о 15 миллионах, запасенных на случай войны, и о том, что будущее прекрасно. Возможно, Потемкин, общаясь с Сегюром, получил сведения о готовности Франции содействовать союзному договору между Россией и Францией. Для реализации обширной строительной программы в Северном Причерноморье, для создания Черноморского флота Потемкин стремился отсрочить новое военное столкновение с Турцией. Опытная Екатерина не поддалась на уловку французской дипломатии. По ее мнению, французы таким способом пытаются похоронить "Греческий проект" (создание новой Греческой империи со столицей в Константинополе, во главе которой должен был встать подрастающий внук Константин). Буферным государством между Россией, Австрией, Турцией и Греческой империей должна была стать Дакия, образованная из Валахии, Бессарабии и Молдавии.

737. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 28.VI.1786

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 416. Л. 54.
Публикуется впервые.

В конце июня 1786 г. у Потемкина обострились отношения с фаворитом Александром Петровичем Ермоловым (1754–1834) – флигель-адъютантом императрицы. Племянник близкого друга Потемкина В.И. Левашова, Ермолов сменил скоропостижно скончавшегося Ланского. Прозванный Потемкиным за широкий нос "Le nègre blanc" – "белым негром"), Ермолов не играл самостоятельной роли, но мог быть использован недругами Потемкина. В Дневнике Храповицкого под 30.V.1786 г. приведены слова

Екатерины о происках Орловых против Потемкина, о том, что "Князь Потемкин глядит волком и за то не очень любим, но имеет хорошую душу; хотя дает щелчка, однако же сам первый станет просить за своего недруга". Граф Сегюр в своих воспоминаниях, рассказав о возвышении Ермолова и слухах при дворе о скором падении Потемкина, якобы предостерег князя, но услышал в ответ: "Я знаю, про меня говорят, что я погибну. Не беспокойтесь: меня не погубит этот мальчик, и вообще нет никого, кто бы осмелился это сделать. Я слишком презираю моих врагов, чтобы бояться их" (*РА*, 1892, № 4. С. 168). Тем не менее, *КФЖ* бесстрастно отмечает, что 17.VI.1786 г. императрица в сопровождении наследника престола и его жены, Потемкина, Ермолова, Сегюра и других лиц отправилась из Царского Села в имение Пелла. 18.VI она посетила дачу Потемкина Островки и на следующий день вернулась в Царское Село. 20 и 21.VI Потемкин присутствовал на обедах во дворце, а затем покинул двор. Даже 28.VI в торжественный день восшествия Екатерины II на престол, который, как обычно, был пышно отпразднован в Петергофе, Потемкина нет среди участников празднества. Скорее всего, письмо написано после 28.VI. "Столько дней от тебя ни духа, ни слуха нет", – пишет встревоженная его отсутствием императрица. О том, как разрешился конфликт Потемкина с Ермоловым, см. примеч. к письму № 738.

738. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 20.VII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 392.
Публикация – ВИ, 1989, № 12. С. 118.

1 *Арбуза больше или равной величины Турчанинова я получила.* – Судя по тону письма, примирение Екатерины II с Потемкиным состоялось. 15.VII. Храповицкий отмечает в Дневнике: "Изъяснение с Александром Петровичем Ермоловым чрез Завадовского; был в вечеру А.М. Мамонов на поклоне". На другой день Храповицкий записывает: "Отъезд А.П. Ермолова с И.П. А[рхаровым]. Письмо к М[амонову]. Концерт в новом зале".
Отставленный фаворит получил бессрочный отпуск, значительные средства, позволившие ему почти всю оставшуюся жизнь провести за границей.

2 *О фельдмаршальских реляциях переговорю с тобою увидясь.* – Румянцев доносил о приготовлениях Турции к войне. О плане Потемкина на случай войны см. письмо № 697.

3 *Приезжай весел и здоров или бит будешь.*– Екатерина любила русские поговорки. Это место до неузнаваемости искажено в публикации, подготовленной Я.Л. Барсковым.: "Приезжай весел и здоров и любить будешь". И французское издание 1934 г., и отечественное издание (*ВИ*, 1989, № 12. С. 118) воспроизвели эту грубую ошибку.

739. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

20.VII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1 Оп. 1/1. Д. 43. Л. 116.
Публикуется впервые.

В Дневнике Храповицкого за 20.VII.1786 г. говорится: "Возвратился К[нязь] Г[ригорий] А[лександрови]ч [Потемкин], коему А.М. [Мамонов] подарил золотой чайник с надписью "Plus unis par le coeur que par le sang" ("Более соединены по сердцу, нежели по крови" – *фр.*). Новый фаворит, несколько лет прослуживший генеральс-

адъютатом Потемкина, был рекомендован ему другом его семьи генералом А.А. Загряжским, дальним родственником матери Светлейшего. Загряжский и отец Мамонова были женаты на родных сестрах, урожденных Боборыкиных.

740. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

26.VII.1786

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 10. Л. 22–23.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 242–243.

В том же архиве, в том же фонде в деле 37, л. 18–18об. хранится письмо Потемкина Безбородко от 26.VII.1786 г. В нем Потемкин просит Безбородко "...поспешить сюда приездом. Необходимо нужно мне ехать самому на границы. Боюсь крайне, чтоб не задрались прежде время... Мне нужно Ваше присудствие здесь". В тексте письма говорится также о доставленной цареградской почте, о происках французов в Константинополе, о французском после, который должен снестись с Булгаковым и поправить дела, чтобы получить мерит. Это позволило датировать и данное письмо.

[1] *Граф Безбородко получает всегда от Булгакова что посекретнее бывает из ведомостей. Мне всегда он дает читать их, .. я и прочел, которые и подношу.* – Приложений не обнаружено. В недатированном письме Потемкина к Безбородко (с 17 по 30.VII тот находился в отлучке) говорилось: "При почте цареградской пришли письмы и к Вам. Я по нужде знать о тамошних обстоятельствах и полной на Вас надежде распечатал и показывал Государыне" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 19).

[2] *...французы манят Порту помочь им недопущением флота нашего в Архипелаг и ссудою офицерами.* – Франция была серьезно ослаблена после войны с Англией. Тяжелое экономическое положение и широкое недовольство населения в 1786 г. вылилось в стачку лионских ткачей и шляпников. Французское правительство подписывает невыгодный торговый договор с Англией. Шаги к сближению с Россией идут параллельно с традиционной поддержкой Турции. Французские офицеры помогали реорганизовать турецкую армию и флот, а французские инженеры укрепляли турецкие крепости Очаков и Измаил.

[3] *Кюстин* Адам Филипп (1740–1793) – граф, французский генерал, отличившийся в американской войне. По возвращении во Францию был назначен губернатором Тулона – главной военно-морской базы страны на Средиземном море. После революции командовал одной из армий республики. Обвинен в измене. Гильотинирован.

[4] *...то несумнительно, что пруссаки делают уверение...* – Обеспокоенная русско-австрийским союзом Пруссия пошла на сближение с Англией и активно интриговала против России в Турции. Оформлявшаяся антирусская коалиция (Англия, Пруссия, Турция, Швеция, Голландия) окончательно сложилась после нападения Турции на Россию в 1787 г.

[5] *Шах-Мансур* (Шейх-Мансур) – чеченский пастух Ушурма (ум. в 1794) принял на себя имя Шейха Мансура и, провозгласив себя наследником Пророка, объявил священную войну против неверных. Его выступление совпадает с принятием Ираклия II и его царства под протекторат России. В 1785 г. на Северном Кавказе идет необъявленная война с горцами, которые безуспешно атакуют полевые укрепления и крепости Азово-Моздокской линии. Посланный П.С. Потемкиным отряд полковника Н.Ю. Пиери был окружен в горах и почти весь истреблен горцами. "Мне жаль Пиерия, – писал Потемкин Павлу Сергеевичу Потемкину,

командующему Кавказского корпуса, – но не столько, как людей, ибо вся потеря произошла от его безрассудной запальчивости. Да притом еще чеченцы правы: им в силу моего повеления предписания не было объявлено, чтобы выдали бродягу (пророка Мансура), а пришли прямо воровски; то как же им не обороняться против разорителей... Постарайся произвесть в чеченцах раскаяние, дать им чувствовать, что сие дело было своевольным предприятием, а не по повелению..." (*РА*, 1879. Кн. 2. С. 432). Этот успех горцев ободрил Шейха Мансура, продолжавшего боевые действия против России в ходе начавшейся русско-турецкой войны. В 1791 г. Шейх Мансур был захвачен в плен во взятой штурмом крепости Анапа. Умер в Шлиссельбурге.

[6] *...кашу сию Франция заваривает, чтобы нас озаботить, боясь приближения смерти Прусского Короля, при которой они полагают конечно Императору затеи на Баварию.* – Король Фридрих II по доходившим сведениям и перехваченным письмам (см. примеч. к письму № 745) был на грани смерти. Франция, следуя принципу поддержания равновесия в Европе, опасалась покушения своей союзницы Австрии на Баварию, что могло вызвать новую всеевропейскую войну. Россию предполагалось связать Турцией.

[7] *Расположение духа в Швеции кажется в нашу пользу, но назначенный туда министр годится ли по нынешнему времени...* – Зависевший от иностранных субсидий король Густав III несколько раз менял политический курс, был ненадежным соседом. Назначенный в Стокгольм в 1786 г. полномочным министром граф Андрей Разумовский оказался, как и предвидел Потемкин, не на высоте и не сумел предотвратить разрыва отношений в 1788 г. и новой войны со Швецией.

[8] *Однако же я надежен, что французский посол...* – Речь идет о графе Шуазель-Гуфье, французском после в Константинополе, который по отзывам Я.И. Булгакова и графа Сегюра был готов содействовать улучшению русско-турецких отношений.

[9] *Сегюр* (правильно Сегюр д'Агюссе) Луи Филипп (1753–1830) – граф, сын маршала Франции. Участник американской войны. Неожиданно для себя получил назначение полномочным министром в Россию, где провел пять лет. Екатерина II и Потемкин установили с ним дружеские отношения, способствующие русско-французскому сближению.

После революции вернулся во Францию. Занимал дипломатические посты. Уцелел в годы террора и при Наполеоне I занял пост главного церемониймейстера. Сенатор и пэр Франции. Автор мемуаров, посвященных, главным образом, миссии в Россию.

741. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.VII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 476.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 372–373.
Ответ на предыдущее письмо, к которому были приложены донесения Булгакова из Царьграда.

[1] *Твердость царя Ираклия похвальна. Хорошо бы было, естьли Сулейман-паша к независимости бы приступил.* – Потемкин писал Безбородко 26.VII.1786 г. о присланном с почтой цареградской ответе Порты, "который я подозреваю диктован от французов. Он состоит в непризнании даже и Царя Ираклия подданным России,

называют Ево неоднократно своим.. Паши наказать не хотят и решились на все... " Ахалцихский владетель Сулейман-паша – крупный турецкий феодал, правивший на границе с Грузией, не только сам нападал на земли подданных царя Ираклия II, но и подбивал на это горцев Северного Кавказа. Булгаков по поручению русского правительства вел в Константинополе переговоры, целью которых было обезопасить владения Ираклия. В свою очередь Ираклий II пытался заключить соглашение с Сулейман-пашою. Переговоры тянулись до августа 1787 г., когда Турция внезапно разорвала отношения и объявила войну России. Одним из поводов к войне послужило покровительство России Ираклию II.

742. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.VII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 477.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 395.
Как и предыдущее, это письмо является ответом на письмо № 740.

[1] *Монтемурли* – это имя ("сеньора Монтемурли") – упоминается в письмах Екатерины II барону Гримму (от 6.VII.1781 г. и от 17.XI.1782 г.) в связи с какими-то переговорами (предложениями) об организации партии колонистов в Южную Россию, требующей значительных сумм денег. Екатерина в этих письмах прямо называет Монтемурли "авантюристом", за которого хлопочут какие-то дамы и французский дипломат Жилле.

743. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.VII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 539.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 373–374.

27.VII.1786 г. в Петербург прибыл французский фрегат "La prosélyte". Сегюр настаивал, чтобы к французскому судну были применены те же правила (салютование, таможенные правила, полицейские установления для членов экипажа), как и 20 лет назад к английскому фрегату, на котором в российскую столицу прибыл лорд Карткарт. Екатерина выступает против таможенных поблажек французским военным морякам, делегация которых была принята президентом Военной коллегии Потемкиным.

744. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 30.VII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 115.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 407.

Датировка условная. Возможно, речь идет о попытке послать в Черное море несколько судов под торговыми флагами, но укомплектовать их военными моряками. В 1778 г. турки не пропускали в Черное море четыре русских фрегата, шедших под торговыми флагами. В 1781 г. Екатерина жалуется Иосифу II на придирки турок "по случаю отправки или прибытия в Константинополь пакетбота". В 1782 г. она просит императора поддержать перед Портой требование свободы торговли и плавания через Константинопольский пролив.

745. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 6.VIII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 11.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 392.

[1] *В приложенных письмах есть одно немецкое из Берлина к Сольмсу, в коем сказывают, что Король Прусский час от часу хуже и слабее становится здоровьем.* – Приложений не отыскано. Русская служба перехвата частной и дипломатической почты работала на должном профессиональном уровне. Среди писем оказалось письмо из Берлина к прусскому посланнику в Петербурге графу Сольмсу. Сообщенные в нем сведения о состоянии здоровья Фридриха II оказались точными. Король скончался 7/18.VIII.1786 г. На престол взошел его племянник Фридрих-Вильгельм II, противник Екатерины.

746. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VIII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 25.
Публикуется впервые.

[1] *Аршеневский* Петр Исаевич (ум. в 1803) – бригадир, с 22.IX.1786 г. генерал-майор. Служил в Кавказском корпусе. В 1790 г. правитель Смоленского наместничества, генерал-поручик. В 1797 г. переименован в тайные советники и вскоре уволен.

747. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

6.X.1786

Подлинник. Подпись – автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 39–40об.
Публикация – *РА*, 1865, стб. 394–395.

Это и последующие письма свидетельствуют о грандиозных созидательных планах Потемкина в Новороссии и Тавриде. Их полной реализации помешала новая война, развязанная Турцией, за спиной которой стояли Англия и Пруссия. Для обеспечения безопасности приграничных губерний в Северном Причерноморье Потемкин еще летом 1785 г. представил план строительства крепостей и укреплений в Тавриде "Главная и только одна крепость должна быть Севастополь при гавани того же имяни, которой описание и сметы у сего прилагаются", – писал он в августе 1785 г. императрице (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 150). Отметим и такую подробность: в Екатеринославе наряду с университетом предполагалось открыть академию музыкальную или консерваторию. Лишь 80 лет спустя в Петербурге и Москве были открыты первые консерватории в России.

748. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 13.X.1786

Подлинник *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 1. Л. 35–36 об.
Публикуется впервые.

На этом представлении Потемкина имеется помета: "По содержанию сего дан Указ Князю Григорию Александровичу Потемкину октября 13 1786".
Письмо не нуждается в комментариях и служит красноречивым опровержением мифов о воинственности Потемкина, якобы провоцировавшего столкновение с Турцией (Сегюр), мифа о "потемкинских деревнях".

749. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.X.1786

Черновой автограф. *РНБ*. Ф. 612. Д. 41. Л. 1.
Публикуется вперые.

750. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До XI.1786

Автограф. РГАДА. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 120.
Публикуется впервые.

[1] *Из письма ко мне Г[рафа] Стакельберха...* – Письмо русского посланника в Варшаве графа Оттона Магнуса Стакельберга (Штакельберга) не разыскано. Из его сыновей, об офицерских чинах которым просит Потемкин, наиболее известен граф Густав Оттонович (1766–1850) – видный дипломат, тайный советник.

751. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.XI.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 25–26.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 391.

[1] *Вчерашний день меня твое письмо из Могилева от 11 сего месяца обрадовало...* – Не разыскано. В ноябре Потемкин поскакал на юг. Он имел чрезвычайные полномочия. 16.X.1786 г. в секретнейшем повелении на его имя Екатерина II писала: "Мы видим уже себя при дверях той необходимости, в которую поставляет нас оборона славы и безопасности границ наших, особливо же естьли Порта не окажет внимания к последним ей учиненным внушениям и не сыщет сама средства исправить оскорбление, последним ее мемориалом нам нанесенное..." Далее в повелении говорилось о принятии плана Потемкина на случай военных действий, причем ему самому поручалось главное начальство над одной из двух выставляемых армий. Посланник в Турции Булгаков получил повеление посылать Потемкину дубликаты своих донесений и исполнять его предписания (*РА*, 1865, Стб. 412). Сам Потемкин 13.XII из Кременчуга инструктировал Булгакова о требованиях России к Турции: "1. Чтобы отнюдь не были обезпокоены границы владений царя Ираклия, как подданного Ея Величества. 2. Чтобы ни один беглец Российский, как то Запорожцы и им подобные, не держались при Очакове, но чтоб отосланы были за Дунай. 3. Чтоб Варнское и соляное дело окончены были немедленно на основании трактата и конвенции, и 4. Объявить, что Закубанцы не перестают делать безпокойств и производить грабежи в наших границах похищением людей и отогнанием скота, и что сие без наказания оставлено быть не может. Вы изъясните им, что Россия терпела их наглости из уважения к Порте, но что оное непрестанными от них безпокойствами уже истощилось". Потемкин просил уверить министерство Порты о желании России сохранить мир, о ненужности для России распространения пределов, после того как присоединение Крыма завершило устроение границ. Булгаков должен был представить туркам доказательства взаимовыгодности дружественных отношений между двумя странами, имеющих большие возможности для расширения торговли друг с другом (*РА*, 1865. Стб. 408–409).

[2] *...Вице-президент Военной Коллегии и три маиора гвардии...* – Вице-президентом был граф В.П. Мусин-Пушкин. Среди майоров гвардии могли быть: семеновцы В.И. Левашов и князь В.В. Долгоруков, преображенцы Н.А. Татищев и князь С.Ф. Голицын, измайловец И.И. Арбенев, конногвардеец И.И. Михельсон.

[3] *Александр Матвеевич – Дмитриев-Мамонов* (1758–1803) – дальний родственник Потемкина, сменивший фаворита А.П. Ермолова. Из генеральс-адъютантов князя был взят во флигель-адъютанты императрицы с чином полковника. Впоследствии действительный камергер, генерал-адъютант, граф. Екатерина была очень привязана к Мамонову и тяжело пережила его измену (см. письмо № 969 и примеч. к нему).

752. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.XI.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 433.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 391–392.

[1] *Письмо твое... от 13 ч. я сего утра получила.* – Не разыскано.

[2] *Турки трухнули. Увидим, будет ли Ахалцихский Паша сидеть смирно.* – В письме Потемкину от 15.X.1786 Я.И. Булгаков сообщал из Константинополя: "Дело Ахалцихское благополучно кончено на основании Высочайших повелений. Порта отправляет к тамошнему Паше нарочного чиновника со строгим фирманом не касаться и не дозволять лезгинцам области царя Ираклия, который назван в оном фирмане уже не подданным, но добрым соседом Порты" (*РА*. 1905. Кн. 2. С. 362).

[3] *...у нас только и разговора, что дорога и езда.* – Весною 1787 состоялось давно намечавшееся путешествие Екатерины II на юг.

753. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.XII.1786

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 27–28.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 395–396.

[1] *...твои два письма ко мне дошли сегодня.* – Не разысканы.

[2] *Восхитительное предложение Князя Репнина побудило меня в день Святого Георгия надеть гвардейский мундир и гордиться им, аки пава.* – 26.XI.1786 г. в день кавалерского праздника ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия императрица была в гвардейском мундире, желая подчеркнуть значение гвардейских полков, как важной боевой силы русской армии.

[3] *Дурное обращение принца Виртембергского принудило, наконец, его жену удалиться ко мне, потому что действительно ее жизни угрожала опасность.* – 17.XII. после страшных сцен, которые принц Фридрих Виртембергский устроил своей жене принцессе Августе, последняя осталась в покоях императрицы и просила о защите. Тянувшаяся несколько лет семейная драма (принц бил свою жену, таскал ее за волосы, запирал на ключ) закончилась. Если раньше Екатерина пыталась решить дело, отослав принцессу к ее родителям, то теперь она приняла свои меры: принцесса была отправлена с небольшой свитой в замок Лоде близ Ревеля, принцу было предложено подать в отставку. Храповицкий записал в Дневнике 29.XII.1786 г.: "Говорено о принце, что заслужил он кнут, ежели бы не закрыли мерзких дел его". Принц Фридрих не хотел идти в отставку, но императрица настояла на своем. "Дикарь из Монбелиара", как называла его Екатерина, был отставлен без собственноручного указа императрицы. Его сестра – великая княгиня Мария Федоровна и сам наследник Павел Петрович – пытались смягчить эту явную немилость (которую он заслужил), но Екатерина осталась непреклонной. "Он написал мне бешенное письмо, – сообщила она Гримму, – но все таки ему пришлось собраться в дорогу" (*СБРИО*. Т. 23. С. 388). Ранняя смерть принцессы Августы в замке Лоде и нежелание Екатерины II выносить сор из избы послужили основанием для рас-

пространения легенд о насильственной смерти принцессы "по приказу императрицы".

[4] *Нассау* – принц *Нассау–Зиген* Карл Генрих Никола Оттон (1745–1808) – представитель побочной линии владетельного дома в Германии – княжества Нассау. С 15 лет на французской службе. Участник кругосветной экспедиции Л.А. де Бугенвиля. Сражался против англичан, участвовал в неудачной осаде Гибралтара испанофранцузскими войсками. Дуэлянт и прожектер, Нассау поправил свои дела, женившись на богатой польке – вдове князя Сангушко. Принятый в среде польских магнатов, Нассау взялся устроить сбыт польских товаров по Днепру через Херсон. Осенью 1786 г. он поскакал в Россию, чтобы заручиться поддержкой Потемкина. Заодно Нассау повез поручение короля Станислава Августа – убедить Потемкина воздействовать на оппозицию во главе с графом Ксаверием Браницким, уже заявившим о своем желании добиваться польской короны. Потемкин очень тепло принял Нассау и заверил его в том, что "король может быть спокоен". В начале 1788 г., когда уже шла война с Портой, Потемкин искал предприимчивого начальника гребной флотилии на Лимане. Он остановил свой выбор на принце Нассау, который был принят в русскую службу с чином контр-адмирала.

[5] *Письмо Императора к тебе я читала с удовольствием.* – Император писал о своем удовольствии снова увидеться с Потемкиным во время путешествия Екатерины II на Юг. (*РГВИА*. Ф. 271. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–1 об.).

[6] *Письмо твое к Александру Матвеевичу...* – Не разыскано.

1787

754. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

7.I.1787

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 1. Д. 139. Л. 32.
Публикуется впервые.

[1] *Дай Боже, чтобы сия страна имела счастие тебе понравиться, моя кормилица.* – Давно задуманная поездка Екатерины II на юг началась в этот самый день – 7.I.1787 г. Императрица со свитой, в которой находились дипломатические представители Англии, Франции и Австрии, направилась в Киев через Смоленск.

755. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.I.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 29.
Публикация – *РС*, 1876, май. С. 57.

[1] *...Александр Матвеевич был болен.* – А.М. Дмитриев-Мамонов. Храповицкий занес в свой Дневник слова Екатерины в ответ на реплику Мамонова о стечении народа: "И медведя смотреть кучами собираются" (*ДХ*, 17.I.1787 г.).

756. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.II.1787

Автограф. *СПБИИ*. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–1 об.
Публикуется впервые.

[1] *...а паче озабочен будучи приходящими войсками...* – Потемкин собирался показать императрице в Кременчуге вновь сформированные войска, в частности, легкоконные полки.

[2] *...Господарь Молдавский явился, в границах Вашего Величества ища прибежища.* – Хотя немусульманам в Османской империи был закрыт доступ к административной или военной карьере, богатые греки-фанариоты (жители квартала Фанар столицы Турции) сумели добиться сначала важных должностей в ведомстве иностранных дел (служили драгоманами – официальными переводчиками), затем постов правителей (господарей) вассальных княжеств Молдавии и Валахии. Часто правление заканчивалось казнью господаря по повелению султана. Так, в 1785 г. был казнен волошский господарь Гика. Молдавский господарь Александр *Маврокордато* (1745–1819), смененный в конце 1786 г. Александром Ипсиланти, предпочел бежать в Россию, которая, согласно Кучук-Кайнарджийскому мирному договору, выступала гарантом ограниченной автономии княжеств, населенных православными.

[3] *Булгакова депеши требуют необходимо делом самим с турками ладить и тем показать им, сколь нелепы толки посторонних держав. Приехав, сам получит мочь Высочайших по сему повелений.* – Потемкин, как и Екатерина, стремился предотвратить новую войну с Турцией. Но Англия и Пруссия взяли курс на подталкивание оттоманов к войне. Русский посланник Булгаков посетил Херсон во время пребывания там Екатерины и получил лично от государыни инструкции для ведения переговоров в Константинополе.

757. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 7.III.1787

Подлинник, без подписи. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 104–104 об.

Публикуется впервые. На документе приписка: "По сему дан Указ Синоду марта 7 1787".

[1] *Греки Таврические и Мариупольские, лишась пастырей единоземцев своих Игнатия и Никифора, не могут сие сносить без чувствительности.* – Мариупольские греки в 1778 г. были выведены из Крыма и получили земли по побережью Азовского моря. Душой переселения был митрополит Готфийский и Кефийский *Игнатий*, умерший в 1786 г. Таврические греки были выходцами из Архипелага, связавшими свою судьбу с Россией во время пребывания русского флота в Средиземном море в 1770–1774 гг. и поселенные в отошедших к России крепостях Керчь и Ениколь (затем в Балаклаве). Их духовным пастырем был архиепископ Славянский *Никифор* (в мире граф Феотоки, уроженец о. Корфу. Умер в 1800 г.). 28.IX.1786 г. Никифор был переведен в Астрахань. На место Игнатия Потемкин добился перевода архимандрита Нежинского Благовещенского монастыря Дорофея (в мире Возмулова), выходца из тамошней греческой колонии. Греки, поселившиеся в Тавриде, были поручены духовному руководству Екатеринославского архиепископа Амвросия (см. о нем письмо № 761 и примеч. к нему).

758. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IV.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 24.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 240.

[1] *Сказывал мне Александр Матвеевич желание гостя...* – 25.IV.1787 г. на Днепре, напротив Канева, принадлежавшего Польше, состоялось свидание Екатерины II с королем Станиславом Августом – первое и последнее свидание после перерыва в 28 лет. Король рассчитывал на поддержку императрицы в борьбе против оппозиции польских магнатов. Он ждал свидания в Каневе почти месяц, ведя предварительные

переговоры с Потемкиным и Безбородко. Станислав Август предлагал оборонительный союз и обещал выставить вспомогательный корпус против турок в обмен за поддержку реформ, призванных покончить со шляхетской анархией. Екатерина торжественно встретила на своей галере человека, которого когда-то страстно любила. Она была весела и любезна, но идею союза встретила прохладно, избегая обсуждения этого вопроса. Король был в отчаянии и через Мамонова пытался продлить свидание. Потемкин, склонявшийся к союзу с Польшей, выступал по поручению Екатерины посредником между королем и гетманом Браницким (вождем оппозиции). Он был за продление свидания, но императрица под предлогом встречи с императором Иосифом II, который должен был прибыть в Херсон, отказала и своему тайному мужу, и своему бывшему возлюбленному, которого она сделала королем.

759. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IV.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 23.
Публикация – *PC*, 1876, июнь. С. 239.

25.IV состоялись два свидания с королем: днем и вечером. 26.IV Храповицкий отметил в Дневнике: "Отъехав несколько верст, были довольны, что избавились вчерашнего безпокойства. "Князь Потемкин ни слова не говорил; принуждена была говорить безпрестанно; язык засох; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 3, на 2 дни или хотя до обеда на другой день".

760. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IV.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 22–22 об.
Публикация – *PC*, 1876, май. С. 58.

761. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

IV–V.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 37.
Публикуется впервые.

[1] *Здешнему Архиерею*. – *Амвросий* (в мире Серебряков или Серебренников) (1745–1791) – питомец Московской духовной Академии, ученый богослов и проповедник. Перевел с французского "Потеряный рай" Дж. Мильтона. В ноябре 1786 г. при поддержке Потемкина из епископов Олонецких был сделан архиепископом Екатеринославским и Херсонеса Таврического. Во время путешествия на Юг императрица лично познакомилась с любимцем Потемкина и оценила его подвижничество.

762. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20–21.V.1787

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *РА*. 1865. стб. 622 с датой 28.V.1787 г.

После встречи с польским королем Екатерина II продолжила путешествие по Днепру. 30.IV она прибыла в Кременчуг, где ей была устроена торжественная встреча. 7.V в степи неподалеку от Новых Кайдак произошла ее встреча с императором Иосифом II,

уже побывавшем в Херсоне. 9.V императрица в 8 верстах от Новых Кайдак заложила храм нового губернского города Екатеринослава. Место было выбрано Потемкиным. Молебен служил архиепископ Амвросий. При церемонии закладки церкви государыне ассистировали Иосиф II и Потемкин. 12.V путешественники торжественно въехали в Херсон, где 15.V были спущены новые корабли, одному из которых было дано имя "Иосиф Второй". Храповицкий записывает слова Екатерины о ее царственном спутнике: "Все вижу и слышу, хотя не бегаю, как Император. Он много читал и имеет сведения; но, будучи строг против самого себя, требует от всех неутомимости и невозможного совершенства; не знает русской пословицы: мешать дело с бездельем. Двух бунтов сам был причиною; тяжел в разговорах..." 18.V на подступах к Тавриде царский поезд встретили донские казаки во главе со своим атаманом А.И. Иловайским, которые продемонстрировали "сильный удар на неприятеля", вызвав всеобщее восхищение, особенно среди иностранцев. 19.V уже в Крыму путешественников окружают татарские всадники. Снова взрыв восхищения спутников императрицы. Вечером 20.V царский поезд прибыл в Бахчисарай – столицу бывшего ханства. В Дневнике Храповицкого под 23.V говорится: "Показываны стихи, начатые в Бахчисарае". 28.V последовало добавление: "Переписал стихи, начатые в Бахчисарае, в похвалу Князя Потемкина". Скорее всего, Храповицкий не просто переписал, а поправил стихи Екатерины II (которой плохо давались рифмы), написанные во время пребывания в Бахчисарае 20–21.V.1787 г.

763. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.VI.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 39.
Публикуется впервые.

22.V путешественники остановились в путевом дворце на Инкерманских высотах. Во время торжественного обеда по приказанию Потемкина были распахнуты шторы на окнах и Екатерина II, Иосиф II, послы великих держав и лица свиты увидели внизу прекрасную гавань и Черноморский флот, салютующий в честь высоких гостей. Это была одна из кульминационных точек путешествия. 22 и 23.V ушло на знакомство с Севастополем и флотом. Затем путешественники объехали Крым и 2.VI Иосиф (путешествовавший под именем графа Фалькенштейна) простился с Екатериной. Намерение посетить Кинбурн – русскую крепость, стоявшую напротив форпоста турок Очакова – пришлось отложить из-за появления под Очаковом большой турецкой экскадры. 8.VI на знаменитом Полтавском поле были устроены показательные маневры войск. Генерал-губернатор южных областей России Потемкин продемонстрировал своей государыне и Европе, что России есть что защищать и есть чем защищать. В письмах в столицу Екатерина неоднократно сообщала об увиденном, подчеркивая лживость слухов, распускаемых противниками Потемкина о фальшивых городах и селениях, карточной легкой коннице и ненастоящем флоте. Миф о "потемкинских деревнях" родился до путешествия Екатерины II на юг. Зависть врагов России заставила их с новой силой повторять этот миф, доживший до наших дней. 8.VI.1787 г. императрица с полным правом приказала Сенату "заготовить похвальную грамоту с означением подвигов Господина Генерал-Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина в присоединении Тавриды к Империи Российской, в успешном заведении хозяйственной части и населения губернии Екатеринославской, в строении городов и в умножении морских сил на Черном море с прибавлением ему наименования Таврического" (*КФЖ*). 9.VI Екатерина II двинулась в обратный путь и 10.VI попрощалась с Потемкиным на границе Екатеринославской и Харьковской губерний.

764. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.VI.1787

Подлинник. Подпись – автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 88–88 об.
Публикуется впервые. На том же листе помета: "По сему указ дан Князю Григорию Александровичу июля 3 1787".

765. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.VI.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 30.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 240.

1 *...обед имела в Дубровицах...* – Бывшая родовая усадьба князей Голицыных. При князе Б.А. Голицыне – дядьке Петра I – в Дубровицах была построена белокаменная церковь Знамения, выдающийся памятник московского барокко. Потемкин купил Дубровицы в 1782 г. у Голицыных за 80 000 рублей. Екатерина решила купить имение для А.М. Дмитриева-Мамонова (см. письмо № 777).

2 *Праздники возьмем здесь, а там поедем далее.* – 25-ю годовщину со дня вступления на престол Екатерина отметила в Москве, вместе с выехавшими ее встречать внуками великими князьями Александром и Константином.

766. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.VII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 31.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 240.

1 *Котенок твой доехал со мною – здорова же.* – Племянница Потемкина графиня Е.В. Скавронская сопровождала Екатерину.

767. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.VII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 32–33.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 240–241.

1 *...письмы от 22 июня из Кременчуга.* – Судя по всему, помимо письма № 764, были и другие письма, которые отыскать не удалось.

2 *В Петров день на Москве, в Успенском соборе Платона провозгласили мы митрополитом...* – 29 июня 1787 г. после литургии в Успенском соборе Кремля архиепископ Платон был провозглашен митрополитом Московским. Платону показалось, что либо он ослышался, либо ошибся диакон, но императрица кивнула ему головой, подтвердив его новый сан.

768. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.VII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 37–38.
Публикация – *РС*, 1876, июнь, С. 241.

1 *Император приехал в Вену. Фландрия и Брабантия бунтовать не перестают.* – Бельгийские провинции империи Габсбургов восстали против австрийского господства; бельгийцы требовали отменить ограничения старинных привилегий местного дворянства, церкви и городов.

[2] *Голландцы двое суток держали Принцессу Оранскую, сестру Короля Прусского, под арестом.* – Англо-французское соперничество после подписания в 1783 г. Версальского мирного договора с особой резкостью проявилось в Голландии. Партия республиканцев (представители средних классов) ориентировалась на Францию. Высшая торговая олигархия склонялась к сближению с Англией и Пруссией. Слабый и непопулярный штатгальтер Вильгельм V Оранский ориентировался также на Англию. Новому британскому посланнику Джеймсу Гаррису (старому закомому Екатерины II и Потемкина по Петербургу) удалось на английские деньги создать сильную партию оранжистов – противников Франции. Главную роль в этом движении играла жена штатгальтера *Фридерика София Вильгельмина* (1750–1820) – сестра прусского короля Фридриха-Вильгельма II. В июне 1787 г. по пути в Гаагу принцесса была задержана республиканцами и обратилась с просьбой о защите к Пруссии и Англии. Английское правительство Питта Младшего, стремившееся восстановить престиж страны после поражений в Северной Америке, пошло на сближение с Пруссией и использовало гражданский конфликт в Голландии для создания новой антифранцузской коалиции. Чтобы связать руки союзницы Франции Австрии (одновременно союзницы России) англо-прусская дипломатия спровоцировала новую русско-турецкую войну.

[3] *Людвиг XIV за сие заставил бы их кричать курицею.* – Французский король Людовик XIV во время своего долгого правления вел несколько войн с Голландией, которой с большим трудом удалось сохранить свою независимость. В 1787 г. французское правительство, связанное союзным договором с Голландией, отступило перед нажимом Англии и Пруссии. В сентябре прусские войска вторглись в Голландию, Англия мобилизовала свой флот. Брошенные Францией республиканцы потерпели поражение. Штатгальтер вернулся в Гаагу и новое правительство поспешило заключить союзные договоры с Англией и Пруссией.

769. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17.VII.1787

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2115. Л. 5–6.
Публикация – *РС*, 1875, апрель. С. 699–700.

770. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17.VII.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 70.
Публикуется впервые.

[1] *Пущин* Петр Иванович (1723–1812) – вице-адмирал и генерал-интендант флота. Строил суда на Днепре в 1787 г. и командовал флотилией, на которой находилась императрица во время путешествия от Киева до Екатеринослава. 6.VII.1790 пожалован в адмиралы. Впоследствии командовал дивизией Белого флага на Балтике. Сенатор.

771. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17.VII.1787

Подлинник. Подпись – автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 109.
Публикуется впервые.

772. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

VII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф.16. Д. 799. Ч. 2. Л. 149–150.
Публикуется впервые.

[1] *Мусин-Пушкин* Алексей Иванович (1744–1817) – камергер, церемониймейстер двора. Впоследствии граф, обер-прокурор Синода. Известный собиратель старинных книг и рукописей. Отыскал "Слово о полку Игореве". Потемкин мог сблизиться с Мусиным-Пушкиным на почве собирательства древних рукописей.

773. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.VII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 543–543 об.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 241–242.

774. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.VIII.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 145.
Публикуется впервые.

775. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

7.VIII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 32.
Публикуется впервые.

Тем же числом помечено официальное донесение Потемкина императрице об ультимативных требованиях, выставленных турками в Константинополе, и о своем мнении, отправленном посланнику Булгакову. В нем Потемкин советовал идти на уступки с тем, чтобы "протянуть еще 2 года" без войны (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 10. Л. 9 об.). В столице Османской империи в эти дни развернулась большая закулисная борьба. Британский посол Энсли и прусский посланник Диц подстрекали турок к войне с Россией. К ним присоединился шведский полномочный министр. Ослабленная финансовым кризисом Франция по старой памяти считалась в Петербурге главным врагом на востоке. Французы внесли свой вклад в модернизацию турецкой армии и флота, но главными подстрекателями были Пруссия и Англия, совместно действовавшие против Франции в Голландии и против Австрии и России в Турции.

776. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VIII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 1–2.
Публикуется впервые.

[1] *По письмам Цареградским видно, что турки пошаливают.* – Порта требовала изменения статей Кучук-Кайнарджийского мирного договора, отзыва российского консула из Молдавии, открытия турецкого консульства в Крыму, отказа от протектората Грузии, выдачи молдавского господаря А. Маврокордато.

777. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VIII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 42.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 421.

778. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

14.VIII.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 147.
Публикуется впервые.

[1] *Я и войскам назначил собираться к Ольвиополю.* – Это письмо было отправлено с донесением от 15.VIII, в котором Потемкин сообщал об ухудшении обстановки в Константинополе. Он писал Безбородко "...от голов безумных все может быть, между тем велел быть в осторожности..." (письмо без даты, очевидно, от 14.VIII.1787 г.). Неделей раньше он откровенно поделился своими сомнениями: "Милостивый Государь мой Граф Александр Андреевич! Я не хотел сказать в моей реляции (императрице. – *В.Л.*), но Вам скажу, что, кажется, наши в Царь Граде дрогнули... Я от усердия Вашего к Ея Величеству пользе ожидаю, что Вы по министерству не оставите употребить всех возможностей протянуть столько, как я в Петербурге просил, и что предыдущим письмом повторял... На всякий случай становиться надобно в оборонительное положение. Время уже позднее для наступательного. Я писал к Г[рафу] Петру Александровичу [Румянцеву], чтоб он свои войски все приказал поставить наготове и сближил бы их к границе... Еще раз повторяю, Граф Александр Андреевич, постарайтесь на сей раз успокоить дела..." (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 29–32 об.).

779. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.VIII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 3.
Публикуется впервые

[1] *...или бешеного визиря и рейс-эфендия сменят, либо войну объявят. О смене министерства, кажется, интерес французский требует, чтоб посол того двора старался; а как сам Султан мир, а не войну хочет, то сие вероятнее еще* – Верховный везир *Юсуф-паша* (ум. в 1800 г.) – энергичный деятель и талантливый полководец – шел на поводу англо-прусской дипломатии. Франция, вынужденная отступить в Голландии перед совместным англо-прусским военным демаршем, имела союз с Австрией и не была заинтересована в ее войне с Турцией. Но французская дипломатия, традиционно самая влиятельная в Константинополе, и здесь утратила свои позиции и не смогла помешать неспровоцированной агрессии Порты против России, хотя и сам султан престарелый Абдул-Хамид I склонялся к миру.

[2] *На большое письмо сочиняю и большой ответ.* – См. письмо № 782 – ответ на донесение Потемкина от 7.VIII.1787 (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 10. Л. 8–10).

[3] *Естьли думаешь, что смена консула Селунского надобна, то под видом отпуска на время призвать его можно оттудова.* – Потемкин считал необходимым отозвать Селунского, "чтобы пресечь требования. Не лутче ли ево определить у меня в губернии к месту, чем бы все и кончилось, а то нельзя требовать от них всево, а самим ничего не делать", – писал он Безбородко 14.VIII (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 30 об.). Российский вице-консул Селунский имел резиденцию в Яссах и вызвал

особое озлобление турок своими действиями по защите православного населения Молдавского княжества, часто искавшего спасения под скипетром Екатерины II. Конечно, требование турок об отзыве Селунского было одним из предлогов к войне, которая уже была решена. Важно отметить попытки Потемкина путем уступок отсрочить начало войны, в развязывании которой его обвиняют такие мемуаристы, как граф Сегюр, и другие.

780. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21.VIII.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 150–150 об.
Публикуется впервые.

[1] *Война объявлена, Булгаков посажен в Едикуль.* – 10.VIII Булгаков был посажен в Семибашенный замок (Едикуле), а 13-го официально объявлена война России. Важно отметить, что уже 18.VIII Потемкин, получив известие Селунского о разрыве, приказал командовавшему войсками в Херсоне Суворову усилить бдительность и наблюдать за всеми движениями турок в Очакове. Через три дня пришло подтверждение от австрийского интернунция Герберта об аресте Булгакова и членов российского посольства. Вскоре сам Булгаков сумел передать Потемкину важные сведения: "Сколь ни скоро меня схватили, – доносил он, – успел я скрыть наиважнейшие бумаги, цифры, архиву моего времени, дорогие вещи и прочее. Казна также в целости, хотя и невелика" (*Соловьев*. С. 174).

781. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.VIII.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 149–149 об.
Публикуется впервые.

21.VIII Потемкин получил известия, подтвердившие сведения об аресте Булгакова и разрыве отношений. Тут же последовал приказ Суворову "быть в полной готовности к сильному отражению". 22-го, получив первое донесение об успешном бое фрегата "Скорый" и бота "Битюг" с турецкой эскадрой у Очакова, Потемкин потребовал обстоятельного донесения.

[1] *Войски Графа Румянцева ничего противу себя не имеют. Я просил его, чтобы часть ближних ко мне ввести, а там в Польшу их ввести можно будет.* – Потемкин поддерживал самую тесную связь с Румянцевым, который, согласно плану обороны границ, командовал Украинской армией, выполнявшей вспомогательную задачу: прикрыть с севера действия главной Екатеринославской армии Потемкина, обеспечить снабжение русских войск и коммуникации (шедшие главным образом через Польскую Украйну). Помимо официальных отношений Потемкина Румянцеву, сохранилась их обширная личная переписка. В двух письмах из Кременчуга от 22.VIII.1787 г. Потемкин сообщал об обстановке и просил у Румянцева разрешения использовать части его армии для прикрытия границы с Портой по Южному Бугу (*РГАДА*. Ф. 11. Д. 267. Л. 38–41).

[2] *Корабли, на Глубокой стоящие, невооруженные совсем, много меня заботят.* – Херсон, ставший главным центром строительства Черноморского флота, основывался в 1778 г., когда турецко-татарские границы окружали узкое пространство российской территории в низовьях Днепра и Южного Буга. Из-за мелководья Днепра строившиеся корабли с трудом выводились в Днепровско-Бугский лиман и там у Глубокой пристани достраивались и вооружались, после чего уходили в Сева-

стополь. Перед самой войной у Глубокой пристани находились два новых невооруженных корабля "Св. Владимир" и "Св. Александр", которые так и не удалось провести в Севастополь. Они приняли участие в боях на лимане в кампании 1788 г. Суворов по приказанию Потемкина соорудил несколько береговых батарей и надежно прикрыл Глубокую пристань.

[3] *...французы скрытные нам враги. Они верно вид только делали.* – Потемкин и отчасти Екатерина продолжали считать главными врагами России в Турции французов. На самом деле роль подстрекателей к войне взяли на себя представители Англии, Пруссии и Швеции.

782. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.VIII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 5–9 об.
Публикуется впервые.

[1] *Пшеном сорочинским* называли рис.

[2] *...известия, присланные от консула Селунского от 11 и 14 августа, из которых явствует, что сам Молдавский Господарь ему велел сказать, что война объявлена и чтоб он и со всеми русскими выехал в Россию...* – Донесения Селунского в деле отсутствуют. Екатерина еще колеблется, верить ли полученным известиям об объявлении войны, но все же считает войну весьма вероятной.

[3] *Пришли ко мне (и то для меня единой) план, как ты думаешь войну вести... В прошлом 1786 тебе рескрипт дан, и уведоми меня о всем под[р]обно, дабы я всякий бред могла всегда заблаговремянно здесь унимать и пресечь поступки и возможности.* – Существовал старый план войны, в соответствии с которым Екатеринославская армия должна была в первую кампанию овладеть опорным пунктом турок – крепостью Очаков. Украинская армия должна была содействовать этой операции, угрожая крепости Хотин. Однако неготовность России к войне и подавляющее господство турецкого флота на Черном море заставили Потемкина в короткой осенней кампании 1787 г. придерживаться оборонительных действий и перенести наступление на Очаков на другой год. Попытка решительных действий на Черном море закончилась неудачей (см. письма № 790, 793). Императрица, зная по опыту первой русско-турецкой войны, как труден начальный период боевых действий, стремилась обеспечить Потемкину (назначенному рескриптом от 16.X.1786 г. главнокомандующим Екатеринославской армией – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–3) полную свободу рук и защиту от критики кабинетных стратегов и политиков.

[4] *Пруссаки и шведы поддувальщики, но первый, чаю, диверсию не зделает, а последний едва ли может, разве гишпанцы деньги дадут, что почти невероятно. И чужими деньгами воевать – много зделаешь?* – В целом оценка Екатериной противников России была близка к истинному положению дел. Недостаточно явно проступали интриги английской дипломатии в развязывании турками войны. Шведский король Густав III (при поддержке Англии и Пруссии) получил деньги от Порты и летом 1788 г. объявил войну России. Эта война была крайне непопулярной в Швеции и принадлежавшей ей Финляндии, шведы потерпели поражения на суше и на море, но все же сковали значительные силы России и способствовали затягиванию русско-турецкой войны.

[5] *Салтыков* Иван Петрович (1730–1805) – граф, сын победителя Фридриха II при Кунерсдорфе графа П.С. Салтыкова. Семилетнюю войну закончил в чине генерал-майора. В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. командовал отдельным корпусом в

армии Румянцева, одержал ряд побед, был награжден Георгием 2-ой степени и получил чин генерал-аншефа. В новой войне с турками и особенно в войне со шведами ничем себя не проявил. См. отзывы о нем императрицы в письмах № 1001, 1008. При Павле I получил чин генерал-фельдмаршала.

6 *Посол цесарский еще курьера не имеет.* – Граф Кобенцель ждал курьера из Вены с подтверждением об оказании вооруженной помощи России в войне с Портой.

7 *Фицгерберт* Элейн (1753–1839) – английский дипломат, в 1783–1787 гг. чрезвычайный посланник в России. Сопровождал Екатерину II во время ее путешествия на юг. Отозван с началом русско-турецкой войны. Впоследствии барон Сант-Элен.

8 *Сегюр и Линье хотели ехать во вторник, но Линье, как услышит о войне, то едва не поскачет ли, получа дозволение Цесаря, к тебе.* – После путешествия на юг Сегюр собирался в отпуск во Францию. Он писал Потемкину о своем восхищении от уведенного, обещал рассказать обо всем во Франции, шутливо упрекая князя за то, что тот заранее не подготовил путешественников и показал все сразу. По его словам, достижения России в Северном Причерноморье так велики, что это может вызвать недоверие в Европе. Де Линь также с восторгом отмечал достижения Потемкина. В одном из писем он упомянул о распускаемых недоброжелателями князя слухах – о якобы фальшивых деревнях, показанных императрице и ее спутникам. Вскоре Де Линь получил от императора поручение представлять австрийскую армию в ставке Потемкина.

9 *Еще пришло мне на мысль, кой час подтверждение о войне получу, отправить повеление к Штакельберху, чтоб он начал негоциацию с поляками о союзе.* – Потемкин еще до начала войны был сторонником русско-польского союза. Екатерина, зная о внутренних неустройствах в Польше, относилась к этой идее более, чем прохладно. В условиях намечавшейся антирусской коалиции союз с Польшей становился актуальным. Длившиеся почти два года переговоры, однако, не привели к успеху. В Польше восторжествовала антирусская партия, которая предпочла союз с Пруссией.

10 Перечисленные лица: граф В.П. Мусин-Пушкин, Н.И. Салтыков, граф Я.А. Брюс, граф А.Р. Воронцов, граф А.П. Шувалов, С.Ф. Стрекалов и П.В. Завадовский. Первые трое имели чины генерал-аншефов, Воронцов и Шувалов – действительных тайных советников. Первый возглавлял Коммерц-коллегию, второй – ассигнационный банк. Тайные советники Стрекалов и Завадовский действительно во время минувшей войны были в курсе всех дел: Стрекалов, как кабинет-секретарь императрицы, Завадовский, как начальник канцелярии главнокомандующего армией Румянцева. Граф Александр Романович *Воронцов* (1741–1805) был известным государственным деятелем, главой влиятельной придворной группировки. Недоброжелатель и критик Потемкина. Покровительствовал своему подчиненному А.Н. Радищеву. При Александре I в 1802–1804 канцлер. Противник Наполеона.

783. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.VIII.1787

Автограф. *АВПРИ.* Ф. 5. Д. 585. Л. 343–344.
Публикуется впервые.

1 *Кинбурн перетянул в себя почти половину херсонских сил. Со всем тем мудрено ему выдержать, естли разумно поступят французы – их руководители. И во время сражения фрегата их были артиллеристы на шлюбках бомбардных. Их судов, то*

есть французских, употребится 80 для транспортов. – Расположенная на узкой песчаной косе, напротив Очакова русская крепость Кинбурн контролировала вход и выход из Днепровско-Бугского лимана. Ответственный за оборону Кинбурн-Херсонского участка генерал-аншеф А.В. Суворов после начала войны усилил гарнизон Кинбурна. Еще в июле Булгаков сообщил Потемкину о плане войны, разработанном турками при помощи французов: Кинбурн назывался первой целью нападения. Война началась с нападения турецких судов на фрегат "Скорый" и бот "Битюг", которые должны были сопровождать корабли "Св. Владимир" и "Св. Александр" в Севастополь. В донесении императрице (от 28.VIII) Потемкин подробно изложил успешные действия двух русских судов, сумевших отбиться от превосходящих сил противника и уйти к Глубокой пристани. Сведения об участии французских артиллеристов на турецких судах не подтверждаются документами. О транспортных французских судах, якобы готовых для перевозки турецких десантов, также нет данных. Франция, истощенная войной в Северной Америке и на морях со своей соперницей Англией, переживала тяжелый финансовый кризис, вскоре разразившийся революцией.

[2] *Флоту приказано атаковать, что б во что ни стало.* – Потемкин поставил решительные задачи перед Севастопольским флотом: найти неприятеля и сразиться с ним, невзирая на число его кораблей. 25.VIII контр-адмирал граф М.И. Войнович донес, что он собрал 3 линейных корабля и 7 фрегатов и "завтрашнего числа с оными иду в море искать тот счастливый день исполнить Вашей Светлости ордер, мною полученный, от 21 числа сего месяца" (*МИРФ*. Ч. XV. С. 51). Корабли вышли в море 31.VIII и направились к Варне, где по имевшимся сведениям находились основные силы турецкого флота.

[3] *...прикажите ему всю команду: то естли б я занемог, то будет к кому относиться генералам.* – Потемкин действительно был тяжело болен. Ни на минуту не ослабляя руководства армией и флотом, он хотел подстраховаться и предложил поручить общее командование армиями Румянцеву. См. также письма № 790, 793, 796, 799.

784. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VIII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 10–10 об.
Публикуется впервые.

785. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 11–12 об.
Публикуется впервые.

[1] *При сем прилагаю копию с Императорского письма ко мне.* – Приложения в деле нет. Иосиф II в письме от 19/30.VIII.1787 писал о том, что он собирался поделиться с императрицей последними новостями о событиях в австрийских Нидерландах, как получил "совершенно непредвиденное и невероятное" известие о "недостойном образе действий" турок по отношению к российскому посланнику Булгакову. Все решительные представления интернунция были отвергнуты Портой. По его мнению, турки "потеряли здравый смысл". Ответом на вызов может быть только гром орудий. Император заявлял о том, что выполнит союзнические обязательства. Лишь в приписке к письму он сообщил о своих бельгийских делах, которые постепенно приходят к благополучному окончанию.

786. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 13–16 об.
Публикуется впервые.

[1] *Голицын* Дмитрий Михайлович (1721–1793) – князь, с 1761 г. был послом в Вене (почти 30 лет). Известный любитель изящных искусств.

[2] *Муловский* Григорий Иванович (1758–1789) – капитан 1-го ранга, один из образованнейших моряков своего времени. Назначен начальником первой русской кругосветной экспедиции, намечавшейся на 1787 г. Флотилия Муловского (5 судов) должна была вести исследования в Тихом океане. Война остановила экспедицию. Муловский с отличием командовал линейным кораблем в кампании 1788 г. против шведов. Получил чин капитана бригадирского ранга. Погиб в бою со шведским флотом в 1789 г.

787. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 17.
Публикуется впервые.

788. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 18.
Публикуется впервые.

789. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.IX.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 317–319.
Публикуется впервые.

[1] *...Кинбурн неприятель жестоко притесняет, направя все свои бомбарды, и 4 сутки безпрестанно канордирует и бомбардирует, как днем, так и ночью.* – Турецкие корабли бомбардировали Кинбурскую крепость в ночь с 13 на 14.IX. Ответной стрельбой был взорван 54-пушечный корабль противника и сильно поврежден фрегат. Утром 15.IX бомбардировка продолжалась. Суворов, прибывший лично в Кинбурн, стал подтягивать войска для отражения возможного десанта. Положение облегчила галера "Десна", которой командовал мальтиец мичман Джулиано Ломбард. Она смело атаковала турецкие корабли, которые отступили к Очакову (приняв галеру за брандер). "Сей герой, – доносил Потемкину Суворов, – стоит ныне под Кинбурнскими стенами. Сам и один он ранен в ухо пулею" (*СД*. Т. 2. с. 327).

[2] *Рек* Иван Григорьевич, фон (1737–1795) – генерал-майор. Командовал войсками, выделенными для обороны Кинбурна. За Кинбурнскую победу был награжден Георгием 3-ей степени. Впоследствии генерал-поручик.

[3] *Тунцельман* Егор Андреевич (род. в 1736) – полковник, комендант Кинбурна с 1784 г.

[4] *Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит и потом, и кровью...* – Этот и другие отзывы Потемкина о Суворове до самого последнего времени не были известны

историкам. (Впервые приведены в кн. – *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М.: Наука, 1992).

5 *Каховский в Крыму – полезет на пушку с равною холодностию, как на диван, но нет в нем того активитета, как в первом.* – Генерал-аншеф Михаил Васильевич *Каховский* (1734–1800), командовавший войсками в Крыму, был одним из лучших генералов русской армии. Талантливый офицер генерального штаба, он с отличием участвовал в Семилетней и первой русско-турецкой войне. Потемкин очень ценил его и перед смертью поручил Каховскому главное командование на юге. В 1797 пожалован графом.

6 *Один Крым с Херсоном держит пехотных полков 20. Какая бы из сего была армия!* – Нетерпение Потемкина, впервые командовавшего армией, можно понять: стратегическая инициатива была в руках у противника.

7 *Ежели бы скорей Иван Петрович приехал.* – Граф И.П. Салтыков командовал одним из корпусов Украинской армии Румянцева. Эти войска должны были вступить на правый берег Днепра (в пределы Польши) и прикрыть армию Потемкина, действовавшую в низовьях Южного Буга и Днепра. Салтыков прибыл в октябре. Но еще до его приезда Румянцев обеспечил фланг армии Потемкина выдвижением войск генералов М.Ф. Каменского и графа И.К. Эльмпта.

790. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

19.IX.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 143.
Публикуется впервые.

1 *Из флота никакого известия нету. Кинбурн не перестают канордировать и несколько раз турки пытались зделать ночью десант, но нашли наших в осторожности.* – В ночь на 9 сентября 1787 г. Севастопольский флот попал в страшный шторм на траверзе мыса Калиакрия. (См. письма № 793, 796, 797). Попытка турок высадить десант под Кинбурном в ночь на 14.IX была отражена войсками генерал-майора Река.

2 *Я приказал готовиться всеми возможными судами зделать попытку на бомбардирские турецкие суда.* – Чтобы облегчить положение Кинбурна, Потемкин приказал контр-адмиралу Н.С. Мордвинову собрать все имевшиеся на Лимане суда и напасть на турецкий флот. Мордвинов действовал медленно и осторожно. "Я буду нападать на неприятеля, – доносил он Потемкину после получения известия о потерях Севастопольского флота во время шторма, – но не должен уже действовать с тем жаром, с каковым я намерен был, когда надеялся на вспомоществование флота Севастопольского" (*МИРФ*. Ч. XV. С. 56.).

3 *Спазмы мучат, и ей Богу, я ни на что не годен. Теперь нужна холодность, а меньше большая чувствительность, какова во мне. К тому же, Боже сохрани, ежели бы зделалась какая потеря, то, естли не умру с печали, то, наверно, все свои достоинства я повергну стопам твоим и скроюсь в неизвестности. Будьте милостивы, дайте мне хотя мало отдохнуть. Ей, немогу.* – Болезнь, излишняя чувстительность, обостренное чувство долга, неизвестность о судьбе Севастопольского флота – все слилось в этом признании Потемкина своей царственной жене. См. также письма № 793, 794, 796, 800.

791. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 544.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 423.

[1] *Третья неделя, как я от Вас не имею ни единой строки, почему нахожусь в великом душевном безпокойстве столько по делам, как и о Вашем здровье* – Обычно курьеры доставляли письма от Потемкина за 7–10 дней. Задержка связана с болезнью князя, которая усугублялась огромным нервным напряжением в ожидании вестей от флота и от неизвестности, где и когда противник нанесет первый удар.

792. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 545–545об.
Публикакаия – *РС*, 1876, июнь. С. 243–244.

[1] *...сегодня привезли ко мне твои письмы от 13, 15 и 16 сентября...* – 13 и 15.IX помечены не письма, а донесения Потемкина о положении под Кинбурном и готовности Суворова отразить удар (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 10, Л. 43–44, 46).

793. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

24.IX.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 152.
Публикация – *Соловьев*. С. 176.

[1] *Флот Севастопольский разбит бурею; остаток его в Севастополе – все малые и ненадежные суда, и лучше сказать, неупотребительные. Корабли и большие фрегаты пропали.* – Первые сведения о флоте, попавшем в страшный штром (осеннее равноденствие!), были неутешительны. Пропали все три линейных корабля и все большие фрегаты, имевшие сильное артиллерийское вооружение. "Из донесений моих увидите, что Севастопольский флот разбит бурею, – писал Потемкин Безбородко. – Ежели бы сражаясь с неприятелем пропал, то бы нанес ему вреда вдвое. При слабости моего здоровья сей удар для меня поразительный. Потеря сия влечет за собою немало" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 42). С.М. Соловьев, располагая только письмом Потемкина Екатерине II от 24.IX сделал вывод о полной растерянности главнокомандующего и его малодушии. Но если бы маститый ученый просмотрел ордера Потемкина за эти дни, он бы увидел, что несмотря на потрясение от гибели флота (его любимого детища), главнокомандующий ни на мгновение не выпускал из рук управления вверенными ему войсками. Кризис длился всего два дня и уже 26.IX Потемкин писал Суворову: "Флот наш, выдержавши наижесточайшую бурю, какой не помнят самые старые мореходцы, сбирается в гавани Севастопольской... только недостает корабля "Марии Магдалины" и одного фрегата, но и о тех есть слух, что они близ берегов" (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 197).

[2] *Теперь пишу к Графу Петру Александровичу, чтоб он вступил в начальство, но, не имея от Вас повеления, не чаю, чтоб он принял.* – 24 сентября Потемкин сообщил Румянцеву о потерях флота. В сердечном и откровенном письме он уверял своего старого учителя и бывшего начальника в "привязанности и истинно сыновнем почтении", просил совета о выводе войск из Крыма для усиления обороны Херсона и Кинбурна: "Прошу Вас, как отца, скажите мне свою на сие мысль. Чтоб ни говорил весь свет, в том мне мало нужды, но важно мне Ваше мнение. К тому же

моя карьера кончена (эти шесть слов написаны по-французски). Я почти с ума сошел. Теперь я приказал атаковать флот Очаковский и тут игра идет на то, что корень вон или полон двор. Наступать еще не с чем, пехота тянется. Ей Богу, я не знаю, что делать. Болезнь угнетает – ума нет. Государыня изволила мне писать, что к Вам письмо пошлет о принятии начальства, но я получил от Вас, что еще таковое повеление не дошло..." (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 150–151). В ответных письмах Румянцев поддержал своего ученика и товарища. Он соглашался принять командование над армией Потемкина только временно до его возвращения из поездки в столицу и выразил надежду на скорое прояснение обстановки. Румянцев не советовал выводить войска из Крыма и рекомендовал Суворова, как знающего "все те места", чтобы последний посоветовал где и как укрепить посты на побережье для отражения десантов (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 264).

794. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

24.IX.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 314–314об.
Публикуется впервые.

795. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 43–48об.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 244–247.

Большая часть этого длинного письма является ответом на письмо Потемкина от 16.IX (№ 789). Хорошо изучив характер своего мужа, императрица (как и Румянцев!) решительно поддержала Потемкина. Она еще не знает о катастрофе, случившейся с Севастопольским флотом, но ободряет Потемкина, призывая его не унывать от неудач и верить в конечный успех.

[1] *Усердие Алек[сандра] Вас[ильевича] Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало. Ты знаешь, что ничем так на меня неможно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности.* – Хотя Екатерина хорошо знала и ценила Суворова, она после Кинбурнской победы колебалась о выборе для него награды, опасаясь обидеть старших генералов. Как известно, Суворов медленно продвигался в чинах и стал полным генералом лишь осенью 1786 г. перед самой войной, принесшей ему европейскую славу. Только решительная поддержка Потемкина (доверившего Суворову самый важный пост в начавшейся войне) позволила по достоинству оценить подвиг Суворова. См. письма № 802, 805, 813 и 817.

[2] *Писал ко мне Князь Репнин...* – Письмо Репнина не разыскано. Потемкин (бывший подчиненный Репнина в первой турецкой войне) дал согласие, и Репнин прибыл в его армию 23.X.1787 г.

[3] *Питт Уильям,* так называемый Младший (1759–1806) – государственный деятель Великобритании, ставший в 23 года премьер-министром от партии тори и непрерывно возглавлявший правительство до 1801 г. (а также в 1804–1806 гг.). Один из самых последовательных политиков в борьбе за установление мировой торговой гегемонии Англии. Вдохновитель и организатор антифранцузских коалиций в конце XVIII – начале XIX в. Противник России в 1787–1791 гг., едва не вверг свою страну в войну в 1791 г., но вынужден был отступить под натиском сильной оппозиции, обвинившей Питта в забвении торговых интересов Англии в угоду его политическим комбинациям.

[4] *...иностранные дела Великобритании неуправляемы ныне аглинским министерством, но самим ехидным Королем по правилам Ганноверских министров.* – Король Георг III (1738–1820) правил с 1760 г. и был всего лишь третьим представителем ганноверской династии, воцарившейся в Англии в 1714 г. после смерти бездетной королевы Анны. Его прадед Георг I – курфюрст Ганновера – даже не знал английского языка. В Лондоне находился специальный ганноверский кабинет, который во многом определял политику Георга III. В разгар войны с Северо-Американскими колониями Георг III обратился к Екатерине II с просьбой предоставить русских солдат (за плату). Императрица твердо отказалась. Принятая по ее инициативе декларация о вооруженном нейтралитете способствовала распространению антирусских настроений в правящих кругах Англии. На русско-английских отношениях сказалось и сближение Англии с Пруссией, король которой Фридрих-Вильгельм II не мог простить Екатерине ее союза с Иосифом II.

[5] Новый король Пруссии *Фридрих-Вильгельм II* (1744–1797) с самого начала своего правления (с августа 1786 г.) решил проводить "активную внешнюю политику" и реализовать планы своего великого дяди. Русско-турецкая война, вовлечение в нее Австрии, осложнения в Бельгии и Голландии, слабость Франции – все это, по мнению короля, создавало благоприятные условия для окончательного раздела Польши.

[6] *Герцберг* Эвальд Фридрих (1725–1795) – граф, один из руководителей внешней политики Пруссии при Фридрихе-Вильгельме II. Инициатор создания широкой антирусской коалиции. Подстрекая турок к войне, Герцберг пытался при поддержке Англии добиться от Польши уступки Данцига и Торна. Был вынужден подать в отставку в 1791 г. после разоблачения внешнеполитических интриг прусской дипломатии.

[7] *Король Французский отдался в опеку, зделал Принципал-министра, отчего военный и морской министр пошли в отставку.* – Франция переживала тяжелый финансовый кризис. По словам авторитетных исследователей, французский кабинет заплатил за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов непомерно высокую цену, действуя в ущерб национальным интересам. В начале 1787 г. глава оппозиции (на созванной королем ассамблее нотаблей) архиепископ Тулузский Этьен Шарль *де Ломени де Бриенн* (1727–1794) был назначен главой правительства. Он не сумел преодолеть кризис и через полтора года был уволен. В декабре 1788 г. стал кардиналом. Умер в заключении во время террора. Военный министр маркиз Филипп Анри *де Сегюр* (1724–1801) и морской министр Шарль Эжен Габриель *де ла Круа де Кастри* (1727–1800) подали в отставку в августе 1787 г. в знак своего несогласия с политикой правительства (особенно в голландском вопросе).

[8] *По издании Манифеста о объявлении войны Великий Князь и Великая Княгиня писали ко мне...* – Манифест о войне с Портой был опубликован 9 сентября. Екатерина под благовидными предлогами отказала наследнику в его намерении принять участие в боевых действиях, не желая обременять излишними хлопотами Румянцева и Потемкина. Павел Петрович с началом русско-шведской войны на короткое время ездил в действующую армию, в Финляндию, но вскоре был отозван императрицей.

[9] *Оба фельдмаршала...*– Главнокомандующие Екатеринославской и Украинской армиями Потемкин и Румянцев.

[10] *Принц Виртембергский.* – Принц Фридрих-Вильгельм (см. о нем письмо № 753 и примеч. к нему) с началом войны сделал еще одну попытку вернуться на русскую службу после своей скандальной отставки в 1786 г. Екатерина осталась непреклонна в своем решении.

[11] *Мекноб* Федор Иванович (р. в 1737) – полковник. Участник первой русско-турецкой войны, кавалер Георгия 3-ей степени. За ссору в 1781 г. с комендантом Керчи генерал-майором Борзовым отдан под суд. 15.IX.1787 г. Потемкин просил императрицу "уничтожить суд на Мекнобом" и предложил отослать его в армию "для омытия кровию своего проступка"(*АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 92). Мекноб оправдал доверие и храбро сражался с неприятелем. В декабре 1790 г. генерал-майор Мекноб был тяжело ранен, командуя 3-ей колонной при штурме Измаила.

796. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 49–50об.
Публикация – *РС*, 1876, июнь, с. 247–248.

[1] *Судить естли издали по обороне фрегата и по предерзкому поступку галеры "Десна", то неприятель будет отпотчиван самым храбрым образом.* – Надежды Екатерины на успех лиманской эксадры Мордвинова не оправдались. О бое фрегата "Скорый" и бота "Битюг" с турецким флотом – см. примеч. 1 к письму № 783. О действиях галеры "Десна" – см. примеч. 1 к письму № 789.

[2] *Приказание к Фельдмаршалу Румянцеву для принятия команды, когда ты ему сдашь, посылаю к тебе.* – Екатерина верила, что Потемкин сумеет преодолеть душевный кризис. Она послала рескрипт о сдаче командования не Румянцеву, а самому Потемкину. Доводы государыни, поддержанные решительной победой Суворова при Кинбурне 1 октября 1787 г., возымели действие. Потемкин остался на своем посту.

797. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

26.IX.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 153–153 об.
Публикуется впервые.

798. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.IX.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 51.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 248.

799. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

2.X.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 365–367об.
Публикуется впервые.

800. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.X.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 52–54.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 248–250.

[1] *Пришло мне на ум еще по случаю того, что пишешь о выводе войск из полуострову, что чрез то туркам и татарам открылася бы паки дорога, так-то сказать, в сердце Империи...* – Екатерина напоминает Потемкину его слова из представления о необходимости присоединения Крыма (см. письмо № 635).

801. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.X.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 55.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 250.

802. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

6.X.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 337–338.
Публикуется впервые.

[1] *Получа здесь 4-е число рапорт Александра Васильевича о сильном сражении под Кинбурном...* – Кратким рапортом от 4.X.1787 г. Суворов донес о высадке сильного турецкого десанта на Кинбурнской косе 1.X и продолжавшемся целый день кровопролитном сражении, в результате которого почти весь пятитысячный десант противника был уничтожен. (*СД*. Т. 2. С. 342).

[2] *Вчерашнего же числа получил полную реляцию, которой по слабости после труда и ран прежде он написать не мог.* – Суворов лично водил свои войска в атаки и был дважды ранен (картечью в бок и пулей в руку). В реляции генерал отдал должное туркам и не скрыл слабых мест в боевой подготовке своих войск, состоявших во многом из необстрелянных рекрут (*СД*. Т. 2. С. 338–341).

[3] *Должно отдать справедливость усердию и храбрости Александра Васильевича. Он, будучи ранен, не отъехал до конца и тем спас всех. Пришло все в конфузию и бежали разстроенные с места, неся на плечах турок. Кто же остановил? Гранодер Шлиссельбургского полку примером и поощрениями словесными.* – Сражение изобиловало кризисами. В письме к Суворову Потемкин в ответ на слова последнего: "Реляция тихо поспевает; не оставьте, батюшка, по ней будущих рекомендованных, а грешников простите. Я иногда забываюсь. Присылаю Вашей Светлости двенадцатое знамя" (*СП*. С. 115) писал кинбурнскому герою: "Из полторы тысячи один человек только порядочным образом удовлетворил своей должности", подчеркнув, что победой войска обязаны "единственно великому духу" своего предводителя (*ДВС*, с. 24–25). В письме императрице Потемкин пересказывает знаменитый эпизод сражения, вошедший в историю, как подвиг гренадера Степана Новикова (Нивикова). "Я бился в передних рядах Шлиссельбургского полку, – говорилось в реляции Суворова. – Гранодер Степан Новиков, на которого уже сабля взнесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого, за ним следующего, застрелил и, бросясь на третьего, – они побежали назад..." (*СД*. Т. 2. С. 339).

[4] *Атаку распоряжал француз Тотт...* – Барон Франсуа *де Тотт* не был французом. Сын венгерского эмигранта, сторонника Ф. Ракоци, он вырос во Франции. Сам герцог Шуазель покровительствовал молодому, эмигранту, направил его в Константинополь во французское посольство, которым руководил Верженн. В 1767 г. Тотт получил важное назначение – пост резидента при Крымском хане. Именно Тотт своми интригами спровоцировал войну с Россией в 1768 г. В конце войны он руководил французскими специалистами, помогавшими туркам восстановить свой артиллерийский парк после потерь в кампаниях 1770 и 1771 гг. Вряд ли Тотт руководил атакой на Кинбурн, но он мог участвовать в разработке турецкого плана военных действий. Об участии французских специалистов в реорганизации турецкой армии и флота, в модернизации крепостей см. примеч. 2 к письму № 805.

803. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.X.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 56–57.
Публикакция – *РС*, 1876, июнь. С. 250–251.

804. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

13.X.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 167.
Публикуется впервые.

[1] *Из раненых теперь меньше умирает. Реку хуже, Александру Васильевичу, кажется, получше.* – Из участвовавших в сражении (около 2000 пехоты и конницы без учета подошедших в конце резервов) было убито 137 человек и около 800 ранено, из них более 200 тяжело. Большой урон нашим войскам наносил массированный огонь артиллерии с турецких кораблей. И сам Суворов, и генерал-майор Рек и многие офицеры были ранены. Рек вскоре уехал в Херсон, а Суворов остался в Кинбурне и, несмотря на большую потерю крови, пошел на поправку. "Я так молю Бога о твоем здоровье, – писал ему Потемкин, – что желаю за тебя сам лутче терпеть, нежели бы ты занемог" (*РС*. 1875, май. С. 21).

805. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.X.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 546–547об.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 254–255.

[1] *Вчерашний день к вечеру привез ко мне подполковник Баур твои письмы от 8 октября...* – Очевидно, речь идет о донесении Потемкина от 8.X.1787 г. с описанием Кинбурнского сражения. Письмо (№ 802) помечено 6-м числом. *Баур* (Боур) Карл Федорович (1767 – после 1811) подполковник, генеральс-адъютант Потемкина. Сын генерал-поручика Ф.В. Боура, генерал-квартирмейстера Румянцева в кампании 1770 г. Отличился при штурме Очакова в 1788 г. Был в числе лиц, сопровождавших Потемкина в его последней поездке из Ясс в Николаев, во время которой Светлейший Князь скончался. Впоследствии генерал-лейтенант, участник Швейцарского похода 1799 г.

[2] *Буде французы, кои вели атаку под Кинбурн, с турками были на берегу, то вероятно, что убиты. Буде из французов попадет кто в полон, то прошу прямо отправить к Кашкину в Сибирь, в северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставлять турков.* – Об убитых под Кинбурном или попавших в плен французах никаких сведений не имеется. 7.XII.1787 г. Потемкин сообщил Румянцеву, что по настоянию графа Сегюра французский инженер Лафит отозван из Очакова. По полученному достоверному известию он со свитой своей проехал чрез Яссы в Константинополь (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 211).

[3] *Я рассудила написать к Генералу Суворову письмо, которое здесь прилагаю...* – В письме императрицы говорилось: "Чувствительны Нам раны Ваши" – и воздавалась хвала победителю. (*ДВС*. Письма. С. 30).

[4] *Сказывают, Князь Нассау к тебе поскакал...* – Принц Нассау решил оказать услуги России, используя свои обширные связи во Франции. Сначала он отправился в армию к Потемкину, который поддержал его намерение (см. письма № 808–809).

[5] *Пришло мне было на ум, не послать ли к Суворову ленту Андреевскую, но тут*

паки консидерация та, что старее его Князь Юрья Долг[оруков], Каменский, Меллер и другие – не имеют. Егорья Большого [креста] – еще более консидерации меня удерживают послать.– Императрице приходилось считаться с принципом старшинства и при назначениях, и при награждениях. Она не решается без совета Потемкина наградить Суворова орденом Св. Андрея (высшей наградой России) или орденом Св. Георгия 1-ой степени (высшей боевой наградой), так как "консидерация" (соображение – от *фр.* слова cansidération) удерживает ее, ибо князь Ю.В. Долгоруков, М.Ф. Каменский и И.И. Меллер, получившие чин генерал-аншефа раньше Суворова, не имеют этих орденов. Из перечисленных генералов приводим биографическую справку о *Долгорукове* Юрии Владимировиче (1740–1830) – генерал-аншефе с 1774 г. Князь Долгоруков был выпущен из гвардии в офицеры в один год с Суворовым, но, благодаря близкой дружбе с графом З.Г. Чернышевым, сумел сделать головокружительную карьеру. По окончании Семилетней войны он уже генерал-майор (Суворов – подполковник). В русско-турецкую войну Долгоруков посылался с секретной миссией в Черногорию – поднять южных славян против турок. Миссия окончилась провалом. Он участвовал в Чесменском сражении (больше как наблюдатель), но сумел так подать свои подвиги, что получил повышение в чине и ордена. Его участие в осенней кампании 1773 г., когда Румянцев доверил ему один из двух корпусов, наносивших решающие удары по противнику, было неудачным. Долгоруков в 1787 г. служил в армии Потемкина и руководил маневрами войск на Полтавском поле во время путешествия императрицы на юг. Начавшаяся война, прославившая Суворова, не принесла Долгорукову новых лавров. Князь прожил долгую жизнь, пережил всех своих современников и оставил Записки, в которых красочно описал свои "подвиги". Эти Записки не выдерживают серьезной критики и, по словам академика Е.В. Тарле, не могут приниматься в качестве исторического источника.

806. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.X.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 548–549об.
Публикация – *PC*, 1876, июнь. С. 255–256.

[1] *Известия гласят, что 60-пушечный корабль севастопольский, а именно "Мария Магдалина", попал на турецкое адмиралтейство и что аглийский капитан Дистель хотел подорвать корабль, но экипаж не допустил.* – Один из трех линейных кораблей Севастопольского флота "Мария Магдалина" был занесен бурей в Константинополь и бросил якорь неподалеку от турецкого адмиралтейства. В донесении от 26.X.1787 г. Потемкин, ссылаясь на сведения, пересланные контр-адмиралу Н.С. Мордвинову агентом из Константинополя, писал о том, что "капитан Тиздель, командовавший помянутым кораблем, прибыл в канал константинопольский, бросил якорь между обоими крепостьми и безчестным образом предал себя в руки турков" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 10. Л. 76–77). Вениамин Фомич *Тиздель* (ум. в 1799 г.) был принят на русскую службу в 1771 г. лейтенантом, участвовал в Архипелажской экспедиции русского флота. С 1785 г. капитан 1-го ранга. Сведения о его "безчестном" поступке не подтвердились, но он был вынужден оставить службу.

[2] *Что Император пишет о стороне Кавказа, он худо понимает, что тем самым турецкая сила принуждена делиться, и естьли б у нас тамо не было войска, то бы татары и горские народы к нам бы пожаловали по-прежнему.* – Речь идет о письме

Иосифа II к принцу Де Линю (перехваченному российскими спецслужбами). Очевидно, император высказывал недовольство тем, что его союзники разбрасывают силы на таком огромном пространстве. Но Екатерина II лучше знала обстановку. Лжепророк чеченец *Шейх-Мансур* при помощи турецкой агентуры сумел создать широкое антирусское движение на Северном Кавказе, и только активные действия русских войск предотвратили серьезную опасность.

807. Г.А. ПОТЕМКИН -ЕКАТЕРИНЕ II

22.X.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 191–192об.
Публикуется впервые.

[1] *Флот огромный турецкий по малом сражении с нашими вооруженными судами отдалился в море, а потом и совсем ушел.* – Командовавший Лиманской эскадрой Мордвинов только 5.X решился на активные действия. Эскадра сблизилась с турецким флотом, обстреляла суда и Очаков, потеряв плавучую батарею, которая пронеслась с пальбою сквозь турецкие корабли и унеслась в открытое море (см. примеч. 2 к письму № 811). Вскоре турецкий флот ушел в Варну, но отнюдь не из-за "победы" эскадры Мордвинова. Наступало зимнее время, а главное, противник был потрясен поражением при Кинбурне; во время сражения погибли отборные янычарские войска.

[2] *Генерал Меллер с Корсаковым делают план атаки, который, получа, пришлю.* – Потемкин не форсировал событий, а методично разворачивал боевые силы: формировал и пополнял полки, чинил потерпевший в бурю флот, строил новые корабли и фрегаты, создавал на Днепре гребную флотилию, которую планировал перебросить в лиман накануне новой кампании. "В настоящем положении, – писал он Суворову 9.X.1787 г., – считаю я излишним покушение на Очаков без совершенного обнадежения об успехе; и потеря людей, и ободрение неприятеля могут быть следствием дерзновенного предприятия..." (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 200). Генералу Меллеру и инженер-полковнику Корсакову было поручено составить план формальной осады крепости.

808. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

23.X.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 154.
Публикуется впервые.

809. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

26.X.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 166–166об.
Публикуется впервые.

[1] *Прилагая у сего записку моих мыслей, прошу, чтобы ее другим не открывать и в переговорах с французским министром не показывать, что мы их двора разположение знаем.* – Приложения в деле нет. Нассау, прибывший из Парижа с письмами российского посла Симолина, сообщил Потемкину о расположении французского двора к России. Стремясь локализовать военные действия, Потемкин настаивал на поисках дипломатическим путем сближения с Францией или с Англией. Он решил

использовать связи Нассау в парижских влиятельных кругах и послать принца в Париж и в Мадрид зондировать почву для союза южных держав.

[2] *Из Принца Нассау, ежели прикажете Александру Матвеевичу, – он все вытащит.* – Нассау отправился в Петербург. Потемкин советовал использовать дипломатические способности фаворита Дмитриева-Мамонова для бесед с принцем перед его поездкой в Париж.

[3] *Княь Николай Васильевич приехал...* – Репнин, прибывший в армию Потемкина, стал как бы его заместителем. Румянцев отозвался на этот приезд репликой (в письме Потемкину от 29.X.1787 г.: " Старый друг лучше новых двух!" – *СБВИМ*. Вып. IV. С. 270).

810. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

26.X.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 174.
Публикуется впервые.

811. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.X.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 550–550об.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 256.

[1] *Здесь по городу носится слух о какой-то знатной победе в Кавказе.* – По приказам Потемкина Кубанский и Кавказский корпуса предприняли наступление за Кубань. Поход был успешным. Текелли разгромил скопища Шейх-Мансура, заставив самого "пророка" бежать через заснеженные горы под защиту турок в Суджук-Кале. Но эти действия произошли во второй половине октября и не могли так скоро достигнуть столицы.

[2] *Отпииши ко мне, плывучую батарею отыскали ли вы, или она попалась туркам? Неуже*[*ли*] *что ветр и ее придул в Царьград к "Марии Магдалине"? Желательно, конечно, чтоб наши корабли военные узнали сей путь, но не таким образом.* – Плавучая батарея, которой командовал капитан 2-го ранга А.Е. Веревкин, проскочив во время боя 5.X боевые порядки турецкого флота, была выброшена на берег близ Гаджибея. Экипаж попал в плен. Потемкин очень сожалел о потере батареи и особенно о пленении лейтенанта Ломбарда, вызвавшегося идти на батарее волонтером. О том, как подобные эпизоды перетолковывались в Петербурге, свидетельствует письмо Завадовского Румянцеву от 24.XI.1787 г.: "Посторонние известия гласят, что еще корабль наш достался туркам; однако ж наши того не говорят. Число военнопленных и пушек, доставшихся туркам, заплатили с избытком неудачу их при Кинбурне..." (*Письма Завадовского*. С. 37).

[3] *При сем посылаю тебе лент для солдатских медалей.* – Для отличившихся в Кинбурнском сражении солдат и унтер-офицеров были отчеканены специальные серебряные медали, носившиеся на голубой ленте. Одну из таких медалей Потемкин лично вручил гренадеру Степану Новикову.

812. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

1.XI.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 183–184.
Публикуется впервые.

813. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

1.XI.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 185–190об.
Публикуется впервые.

[1] *...долженствовало допустить неприятеля высадить войски; и сие положено было, что пришли помянутые полки, то он, приближа их к Кинбурну, за двое сутки спрятал в укреплении людей и в окружности запретил показываться.* – И Потемкин, и Суворов считали, что необходимо дать туркам возможность высадить десант (под Кинбурном или в Тавриде), а потом уничтожить его в полевом сражении. С этой целью и были проведены мероприятия по скрытию прибывших в Кинбурн подкреплений. Когда началась высадка десанта утром 1.X, Суворов запретил атаковать противника до окончания высадки. Однако, этот расчет едва не привел к неудаче. Имея полное превосходство на море, противник подвел к узкой Кинбурнской косе корабли и бомбардирские суда и оказал мощную артиллерийскую поддержку своему десанту. Именно огнем корабельной артиллерии, простреливавшей все пространство косы, где шло сражение, был нанесен большой урон войскам Суворова. Только жаркая рукопашная схватка в наступившей темноте, когда корабли прекратили огонь, решила исход дела. В наставлениях, отданных после сражения, Суворов требовал от подчиненных не допускать высадки десантов, поражать противника в самый момент высадки.

[2] *Награждение орденом достойного – ордену честь. Я начинаю с себя – отдайте ему мой. Но, естли Вы отлагаете до будущего случая ему пожаловать, который, конечно, он не замедлит оказать, то теперь что ни есть пожалуйте.* – Ответ на колебания императрицы в выборе награды для Суворова. Прекрасная характеристика, данная Потемкиным победителю, до самого последнего времени не была известна биографам Суворова, как правило повторявшим версию о зависти и враждебности главнокомандущего к своему гениальному подчиненному. Приводим ордер Потемкина Суворову от 22.X.1787 г. (не известный историкам): "Ваше Превосходительство совершенным поражением и истреблением турков, дерзнувших на Кинбурн, умножа заслуги Ваши пред Монархинею и Отечеством, подтвердили справедливость тех заключений, которые имела всегда Россия о военных Ваших достоинствах. Ваше бдение и неустрашимость, споспешествуемые храбростию сотрудников Ваших, доставили нам сию сколь славную, столь и неприятелю чувствительную, победу..." (*РГАДА*. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 7633. Л. 1).

[3] *...новый Хан...* – Турки назначили Крымским ханом (несмотря на то, что ханство прекратило свое существование) Шахбас-Гирея, который отправился в Каушаны и на данные ему деньги начал собирать татар и турок для нападения на деревни и села приграничных областей. Принятыми мерами по защите границ эти нападения были предотвращены.

814. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

1.XI.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 94.
Публикуется впервые.

[1] *Но прикажите построить по моему чертежу. Во флоте бдят калибр пушек, а не число.* – Потемкин имел свой взгляд на вооружение и тактику флота. Именно превосходство калибра пушек русских судов, помноженное на храбрость матросов и офицеров, позволило выдвиженцу Потемкина Ушакову смело использовать новые тактические приемы и добиваться побед над численно превосходящим флотом противника.

815. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.XI.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 61–62.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 256–257.

[1] *Дай Боже тебе успеха и чтоб гарнизон выбежал, как Хотинский и иные подунайские.* – Рачет Екатерины на то, что очаковский гарнизон сдастся или очистит крепость, как Хотинский в прошлую войну, не оправдался. Гарнизон мужественно выдержал полугодовую осаду и почти весь погиб во время штурма крепости.

[2] *...после экспедиции Текеллия...* – Австрийский серб Петр Абрамович *Текелли-Попович* (1720–1793) в 1747 перешел на русскую службу и с отличием сражался в Семилетней войне, в войнах с Турцией. Храбрый серб имел чин генерал-аншефа и пользовался уважением своего старого боевого товарища Суворова. Очевидно, императрица писала о сообщенном Потемкиным плане экспедиции Текелли за Кубань. См. примеч. 2 к письму № 818.

816. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.XI.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 64–68.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 258–261.

[1] *...щелчок, полученный ими в Голландии, ныне во мнении всей Европы их поставил нарочито низко.* – Франция не решилась поддержать своих сторонников в Голландии и смирилась с восстановлением власти штатгальтера Вильгельма V, опиравшегося на прусские штыки, подкрепленные английским золотом и угрозами.

[2] *Вообще Сегюр весьма уныл и сам отзывается, что его двор ему менее верит прежнего и что епископ Тулузский и Монморен враги отцу его.* – Посланник Франции в Петербурге граф Сегюр пытался сблизить свой двор с российским, но французский кабинет занимал пассивное и выжидательное положение. На настроение Сегюра повлияла отставка его отца с поста военного министра. Новый министр иностранных дел граф Арман Марк *де Монморен* (ок. 1745–1792) выдвинулся благодаря своему влиянию на Людовика XVI, воспитателем которого он был в годы его юности. После революции Монморен пытался спасти монархию, был арестован и убит в тюрьме во время сентябрьской резни 1792 г.

[3] *Кармартен* Френсис (1751–1799) – маркиз, лорд Осборн, секретарь по иностранным делам (министр иностранных дел) в кабинете Питта с 1783 по 1791 г. Впоследствии герцог Лидс.

[4] "*Альтонская газета*" – газета, выходившия в г. Альтон, в настоящее время слившегося с Гамбургом.

[5] *Энсли* Роберт (ок. 1730–1812) – английский дипломат, выходец из семьи торговца из Бордо, получивший дворянство. С 1776 по 1792 г. находился в Константинополе в качестве чрезвычайного и полномочного посла Великобритании.

[6] *Шуазель пишет к Сегюру, что он старается привлечь паки доверие турок.* – Французский посол в Константинополе Шуазель-Гуфье информировал о своих планах графа Сегюра.

[7] *Буде никакой надежды к миру чрез зиму не будет, то, как рано возможно, весной отправим отселе флот.* – Балтийский флот под командованием адмирала Грейга должен был по примеру первой турецкой войны идти в Средиземное море. Но эта

экспедиция была сорвана агрессивными действиями шведского короля, объявившего войну России (деньги на войну ему ссудили турки, дипломатическую поддержку оказали Пруссия и Англия).

[8] *...а агличане нам в сем не подмогут, а захотят нас вмешать в свои глупые и безтолковые германские дела...* – Георг III и правительство Питта заняли враждебную антирусскую позицию и действовали в интересах прусского короля.

[9] *Король Шведский поехал в Копенгаген и в Берлин... Странно будет, естьли Англия ему даст деньги противу датчан.* – Шведский король Густав III не только получил поддержку Англии и Пруссии. Когда союзница России Дания объявила шведам войну, Англия и Пруссия оказали беспрецедентный нажим на Данию и заставили ее выйти из войны.

817. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.XI.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 551–554.
Публикация – *РС*, 1876, июнь. С. 261–262.

[1] *...я признаю и уже видела разные выгоды от дружбы Лудовика XVI.* – Совместные усилия России и Франции позволили быстро локализовать прусско-австрийский вооруженный конфликт из-за баварского наследства. Молодой французский король в отличие от своего предшественника не занимался дипломатическими интригами, шедшими порой вразрез с официальной политикой правительства. Его отношения к России и лично к Екатерине II были вполне лояльными, но король с его нерешительным характером не смог противостоять политике втягивания Франции в изнурительную войну с Англией на стороне Северо-Американских Соединенных Штатов. Война привела к огромному долгу, подорвала финансы Франции, оплатившей своими деньгами и кровью своих подданных создание нового государства.

[2] *Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность Свя. Андрея, который сей курьер к тебе и повезет.* – Пересылая Суворову знаки ордена Св. Андрея Первозванного (девиз "За веру и верность") Потемкин писал: "За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает. Поздравляю Вас, мой друг сердечный, в числе Андреевских кавалеров... Я все зделал, что от меня зависело; прошу для меня о употреблении всех возможных способов об збережении людей" (*РС*, 1875, май. С. 23). Не избалованный признанием Суворов был потрясен. Он выразил свои чувства в письмах императрице и Потемкину (см. *СП*. С. 119 и 121).

[3] *Принц Гессен Филипстальский* Фридрих Вильгельмович (1764–1804) – сын владельца маленького германского княжества. Служил в России. Полковник Изюмского гусарского полка. В 1790 г. был тяжело ранен при штурме Измаила.

818. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

11.XI.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 555.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 441.

[1] *Здесь пруссаки таскаются с ложным слухом, будто татары ногайские не токмо учинили нападение, но и завладели Таманом ...* – См. ответ Потемкина в письме № 821.

[2] *...я полагаю, что сия весть выдумана вот каким образом: когда получено известие, что Павел Потемкин ходил за Кубань, то приняли или конфондировали Кубань с Таманом...* – Генерал-поручик П.С. Потемкин вскоре после начала войны просил об увольнении с поста командующего Кавказским корпусом. 15.IX он был сменен генерал-аншефом П.А. Текелли, который и руководил закубанской экспедицией. Только в конце ноября Главнокомандующий получил от него рапорт об успехе экспедиции и донес об этом в Петербург.

819. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

12.XI.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 312–313.
Публикуется впервые.

[1] *Принц Линь... в тепрешнее время он в тягость. Им все хочется знать, а сами мало сказывают, когда Импер*[*атор*] *зделает декларацию Порте.* – Прибывший в армию Потемкина принц Де Линь настойчиво добивался сведений о планах русского командования. Потемкин, бывший в дружеских отношениях с принцем, хотел через его посредство добиться скорейшего вступления Австрии в войну. См. ответ Екатерины в письме № 820.

[2] *Граф Штакельберг сообщил мне, что министр прусский объявил ему благоразположение к нам своего Государя, так же и аглинский.* – Русский посол в Варшаве граф Штакельберг уведомлял Потемкина о беседах с прусским и английским полномочными министрами. Их заявления о благорасположении к России были дипломатическим прикрытием складывавшейся антирусской коалиции.

[3] *Притом можно Короля Прусского поманить Данцигом.* – Потемкин, находясь на театре военных действий, обостренно чувствует угрозу со стороны Пруссии и Англии и стремится предотвратить создание коалиции путем дипломатических комбинаций. Относительно важного торгового пункта – Данцига (Гданьска) – давнего объекта прусских притязаний см. ответ Екатерины II в письме № 820.

[4] *К цесарской армии послать... Генерал-Аншефа Князя Юрья Волод*[*имировича*] *Долгорукова...* – В связи с предполагавшимся вступлением Австрии в войну возникла необходимость иметь представителя русской армии при войсках союзников. Князь Ю.В. Долгоруков так и не поехал к австрийцам. Миссия принца Де Линь при русской армии закончилась в 1788 г. Потемкин предпочел прямые контакты с австрийским командованием.

820. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.XI.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 557–560.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 441–443.

[1] *Данцигом прусскую политику манить нельзя...* – Императрица в ответ на предложение Потемкина (письмо № 819) напоминает о целой системе договоров, которыми гарантировались права Данцига, некогда одного из процветающих торговых городов Ганзейского союза. О борьбе вокруг Данцига во время русско-австрийско-турецкой войны см. письма № 1038 и 1040.

[2] *Касательно Цесаря еще скажу то... что декабрь, январь и февраль исключаются для движения войск.* – *Цесарь* – император Иосиф II официально объявил войну Порте 29.I/9.II 1788 г.

[3] *Из многих Ваших писем мне бы казаться могло, что Вы колеблетесь в выполнении Вами же начертанного и уже начатого плана в рассуждении турок...* – На первом этапе войны, согласно разработанному Потемкиным плану, предполагалось силами Екатеринославской армии обороняться, силами Украинской армии вести активные действия, не позволяя противнику вторгаться в пределы империи. Затем армия Потемкина должна была перейти в наступление и захватить Очаков. Колебания главнокомандующего касались способов обороны Крыма, где приходилось держать крупные силы. Противники Потемкина (гр. А.Р. Воронцов, П.В. Завадовский) обвиняли его в бездействии.

[4] *Морское здешнее вооружение приготовляется, к Гр[афам] Орловым я писала и получила их ответ, который, кажется, отклоняет их езду.* – Письмо Екатерины II графам А.Г. и Ф.Г. Орловым с приглашением их командовать флотом и посаженными на него войсками, которые должны отправиться из Балтики в Архипелаг, помещено в *СБРИО*. Т. 1. С. 109–110. Орловы ответили отказом.

[5] *Сия поездка теперь остановилась на несколько времени смертию старшего сына Гр[афа] Влад[имира] Гри[горьевича]*. – Младший из братьев граф Владимир Григорьевич *Орлов* (1743–1831) был примерным семьянином. После отставки с поста директора Академии Наук в 1775 жил в Москве, занимаясь воспитанием детей. Его сын граф Александр Владимирович *Орлов* (1769–1787) скончался от чахотки во Франции 12.X.

[6] *Фельдмаршал Румянцев пишет: 1. О рогатках и о подвижных мостах, и о сем полагается на здешнее усмотрение.* – Румянцев поддерживал регулярную переписку с Потемкиным, поэтому его обращение в Петербург по таким вопросам, как доставка в армию рогаток (использовались для ограждения войск, как средство против атак турецкой и татарской конницы) вызвало настороженность императрицы, осведомленной о происках врагов Потемкина при дворе, противопоставлявших старого фельдмаршала его ученику. Потемкин, получив запрос Румянцева о рогатках, напомнил своему учителю, как тот в прошедшую войну сам отказался от их употребления. "Служа в прошедшую войну под начальством Вашим, – прибавил Потемкин, – я был из первых, покинувших оныя... то и остается теперь единственно от воли Вашего Сиятельства иметь оныя или не иметь" (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 182). См. ответ Румянцева в примеч. 8 к письму № 833.

[7] *Отпиши ко мне, правда ли, что турки и прочие недоброжелательные разславляют, будто корабль "Сл[ава] Екатерины" у них в руках... Пожалуй, переименуй сей корабль, буде он у нас. Не равен случай, не хочу, чтоб злодеи хвастались, что "Сл[ава] Екатерины" в их руках.* – О распространяемых в столице слухах свидетельствует Гарновский, сообщивший о своей беседе с графом Безбородко 20.XI. «Правда ли, что корабль "Слава Екатерины" был разбит бурею, попался в устье Дуная в руки запорожцев, а граф Войнович насилу успел спастись на лодке..?» – спрашивал граф Гарновского. Последний уверил Безбородко в том, что "посторонние о сем слухи и доносы ложны", что контр-адмирал граф Войнович пребывает с флотом в Севастополе. "Я и сам думал, что эти вести ложны", – заметил Безбородко. Среди распространяемых слухов Гарновский упомянул и слух о взятии турками Кинбурна (*РС*, 1876. Т. XV. С. 485–486). Потемкин приказал переименовать корабль "Слава Екатерины", который стал называться "Преображение Господне". Этот корабль участвовал во всех морских сражениях с турками, потерпевшими жестокие поражения от молодого Черноморского флота.

821. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

30.XI.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 177–178.
Публикуется впервые.

[1] *Хан прибыл к Каушанам ... турки намерены флот обратить в Черное море... Капитан-паша прибыл в Родос. Что-то будет, как приедет в Царь Град.*– Султан назначил ханом упраздненного Крымского ханства Шахбас-Гирея (с титулом хана Кубанского). Не в пример прошлой войне (когда татарская конница совершила набег на села Новой Сербии) хан ограничился мелкими поисками. Турецкий флот, действовавший в кампании 1787 г. под Очаковом и Кинбурном, составлял лишь часть огромного флота оттоманов. В наступающем 1788 г. капитан-паша (капудан-паша, предводитель флота) знаменитый турецкий адмирал Газы Хасан-паша (1713–1790) намеревался действовать на Черном море основными силами флота. Потемкин опасался десантов в Крыму и на Кубани, но главные события кампании 1788 г. на суше и на море развернулись вокруг Очакова – форпоста Турции в Северном Причерноморье.

[2] *Поздравляю, матушка Государыня, с прошедшим праздником.* – 24.XI Екатерина праздновала свои именины.

[3] *Препровождаю реляцию Г[енерала] Текеллия и прошу пожаловать ему для ободрения Владимира Первого класса.* – Приложения не обнаружено. За успешный поиск за Кубань генерал-аншеф Текелли 16.XII.1787 г. был награжден орденом Св. Владимира 1-ой степени.

[4] *Александр Васильевич без ума от радости. Я первое письмо его отправил.* – 9.XI Суворов был награжден за Кинбурнскую победу орденом Св. Андрея Первозванного. Потемкин сердечно поздравил своего друга с высокой наградой. "Целую Ваше письмо и руки, жертвую Вам жизнию моею и по конец дней", – восторженно отвечал герой. Под первым письмом Суворова императрице Потемкин, скорее всего, подразумевает ответ генерала на милостивый рескрипт Екатерины (от 17.X.1787). Этот ответ написан Суворовым 5.XI и опубликован в кн.: *СП*. С. 120.

822. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.XII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 563.
Публикация –*РС*, 1876, июль. С. 443–444.

[1] *...Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов сам резал... Лебрехт к оному делу ни которую руку не приложил.* – Карл Александрович *Лебрехт* (Леберехт) (1755–1827) – придворный медальер. Принят на русскую службу в 1779 г. С 1794 г. академик, с 1800 г. руководил медальерным классом Академии художеств. Медали в честь побед Потемкина, Суворова, Репнина резал Леберехт. Посылка подарка и комплимент императрицы по адресу фаворита Мамонова должны были укрепить уверенность Потемкина в том, что главный докладчик его писем Екатерине и его защитник в придворных кругах пользуется доверием и любовью.

823. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.XII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 564.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 444.

[1] *Не имея от Вас уведомления месяц целый, наконец, получила письмы Ваши от 30 ноября...* – Задержка на целый месяц с доставкой писем Потемкина (предыдущее

письмо князя помечено 12.XI) очевидно связана с опозданием курьера. Гарновский сообщал Попову: «Государыня крайне недовольна молчанием Его Светлости. "Христа ради, пишите о присылке сюда еженедельно курьеров, хотя бы там ничего важного не происходило, – передает он слова императрицы. – Седьмой уже день, как Государыня находится в великой задумчивости и часто со слезами пеняет на Светлейшего Князя..." Если б Князь знал, каково у меня на сердце, то бы он не мучил меня долговременным своим молчанием», – сетовала императрица Мамонову (*РС*, 1876. Т. XV. С. 497–498). Екатерине приходилось выдерживать сильное психологическое давление противников Потемкина. К Воронцову и Завадовскому присоединился приехавший из Москвы граф Орлов-Чесменский. Наследник престола, недовольный замедлением с решением об отъезде в действующую армию, демонстративно холодно обходился с друзьями и родственниками князя. Росло напряжение в международных делах. Пруссия и Англия все определеннее занимали антирусскую позицию. Ко всему прочему прибавилась болезнь императрицы, которая помешала ей присутствовать на празднике Андреевских кавалеров 30.XI.

824. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

25.XII.1787

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 157–159об.
Публикация – частично – *Соловьев*. С. 198.

[1] *...возвратясь, получил много меня оскорбляющее письмо, где Вы полагаете колеблемость во мне мыслей.* – См. письмо № 820.

[2] *От оного же истекал в Киеве и польский союз. В том виде и покупка имения Любомирского учинена, дабы, зделавшись владельцем, иметь право входить в их дела и в начальство военное. Из приложенного у сего плана Вы изволите усмотреть, каков бы сей союз был.* – Приложения не обнаружено. Потемкин еще весной 1787 г. предлагал заключить с Польшей союзный договор и вел переговоры с королем Станиславом Августом. Екатерина сдержанно отнеслась к этому предложению и не захотела связывать себя союзом с государством, раздираемым внутренними смутами. Начавшаяся война заставила императрицу вернуться к планам Потемкина. Начались переговоры с королем. Они длились почти весь 1788 г. и закончились безрезультатно. Прусская дипломатия развила бурную деятельность в Польше, направленную против ее союза с Россией. Война России с Портой, а затем навязанная России война со Швецией позволили пропрусской группировке в Польше усилить свои позиции и втянуть страну в антирусскую коалицию. План Потемкина занять поляков турецкой войной остался на бумаге.

[3] *Я стараюсь переманить от них запорожцев, которые им служат проводниками... Я собрал до 500 казаков пеших, которые прежде у меня были на Дунае... Сидор Белой у них атаман. Названы они – верное казацкое войско, в оппозицию тем, кои у турков.* – После упразднения Запорожской Сечи в 1775 г. часть запорожцев ушла в Турцию, часть осталась в России. Потемкин, имевший под своей командой в первую турецкую войну отряд запорожцев, высоко ценил их боевые качества, знание придунайских мест. Вместе с тем он узнал и слабые стороны казачьей вольницы – их недисциплинированность, склонность к грабежу мирного населения. Еще до второй турецкой войны он заботился о привлечении семейных запорожцев к поселению в Новороссии и занятию земледелием. С началом войны главнокомандующий поручил Суворову сформировать кош верных казаков. Кошевым атаманом был избран Сидор Игнатьевич *Белый* (Белой) (ок. 1730–1788), с молодых

лет служивший в Сечи, отличившийся в войне 1768–1774 гг. Потемкин хорошо знал Белого и лично представил его императрице во время ее путешествия на юг. Под команду Белого стали собираться бывшие запорожцы. Значительное число их бежало из турецких пределов, но часть запорожцев продолжала сражаться на стороне турок. Кош верных казаков (названный в 1790 г. Черноморским) отличился на Лимане летом 1788 г. и со славой участвовал почти во всех крупных сражениях русско-турецкой войны. После войны Черноморское казачье войско получило земли на Кубани и дало основание Кубанскому казачеству.

4 *Во флот, ежели угодно будет, послать Михельсона. Больше я не знаю. Ферзен мне нужен здесь.* – На корабли, снаряженные для экспедиции в Средиземное море, предполагалось посадить 5–6 тысяч войска, для десантных операций. Екатерина искала для них опытного и предприимчивого начальника. Она остановила свой выбор на генерал-поручике Заборовском, сославшись на необходимость дать войскам, которые будут действовать совместно с греками, начальника православного вероисповедания. Генерал-майор Иван Евстафьевич барон фон *Ферзен* (1747–1799) имел репутацию храброго и деятельного начальника. Он с отличием сражался в первой турецкой войне. Кавалер Георгия 3-ей степени. В 1787 г. служил в Крыму. Впоследствии прославился в польской кампании 1794 г.: одержал победу при Мацеёвицах, приведшую к пленению Т. Костюшко; командовал одной из колонн при штурме предместья Варшавы Праги Суворовым. Получил чин генерал-аншефа, титул графа и Георгия 2-ой степени.

825. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.XII.1787

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 561–561об.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 444–445.

1 *Нассау же просил, чтоб я его к себе допустила... сказал,... что Французский двор... с Лондонским в негоциации находится...* – Екатерина передает Потемкину подробности переговоров с французским двором. Официально Россия делала предложения о союзе через посланника графа Сегюра. Неофициально – через принца Нассау-Зигена, ездившего в Париж. Попытка создать противовес коалиции во главе с Англией и Пруссией (в которую вошли Голландия, Турция, Швеция) окончилась неудачей. Французский кабинет был в нерешительности. Капитуляция французов в Голландии, отставка ведущих министров, внутренние неурядицы парализовали политическую активность одной из ведущих держав континента.

2 *Гордое и надменное письмо Лорда Кармартена к здешнему политичному щенку Фрезеру к тебе послано.* – Приложения не обнаружено. В ответ на зондирование русских дипломатов о позиции Англии в начавшейся русско-турецкой войне Кармартен направил письмо временному поверенному в делах Англии в России Чарлзу Фрезеру, в котором заявил о "равенстве дружбы к России и Порте". Безрезультатными оказались и попытки добиться отзыва из Царьграда британского представителя Энсли – "бешеного посла", подстрекавшего правящие круги Порты к войне с Россией.

3 *О неудачном предприятии на Белград со стороны цесарской Вам, чаю, уже известно.*– См. подробности об этой попытке австрийцев овладеть турецкой крепостью Белградом (в Сербии) в письме № 826. Австрийцы фактически начали военные действия до официального объявления войны Турции.

1788

826. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

3.I.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 160–161об.
Публикуется впервые.

1 *Ежели б Император помнил из моих предложений, что я делаю чрез Линя, о занятии Хотина,.. он бы тогда всею тягостию висел на шее турков. Двести тысяч для сего довольно бы было.* – Потемкин советовал австрийцам действовать сосредоточенными силами на стратегически важных направлениях. Император Иосиф II и фельдмаршал Ласси (президент Высшего военного совета – Гофкригсрата) предпочли кордонную стратегию. Растянув войска вдоль границ, австрийцы в 1788 потерпели жестокие поражения от армии верховного везира Юсуф-паши.

2 *Решите Польшу предприять войну с нами.* – С королем и его партией шли секретные переговоры о военном союзе. Но не дремали и противники такого союза. В письмах Потемкина Безбородко постоянно подчеркивается необходимость дипломатическими средствами нейтрализовать берлинский двор и привлечь на свою сторону Польшу.

3 *...прикажите мне по моим представлениям о казаках и покупке партикулярных имений. Сим прибавится войска легкого...* – Для обороны границ Потемкин предлагал различные способы пополнения войска. Особое внимание он уделял созданию новых казачьих войск. Так, по его предложению началось формирование казачьих полков из однодворцев и старообрядцев Новороссии. Покупка государством частных имений у помещиков пограничных губерний и перевод жителей на положение военных поселян (по типу казачьих) также должны были усилить военную мощь страны.

4 *Писал я о Кингсбергене. Прикажите его доставить сюда во флот.* – Голландский адмирал Ян-Генрих *Кинсберген* (1735–1819) во вермя первой русско-турецкой войны служил на Черном море. С ничтожными силами в 1773 г. одержал две победы над турецким флотом и был награжден Георгием 4-ой и 3-ей степеней. Вернувшись на родину, принял участие в войне с Англией, затем в войнах, вызванных французской революцией. Возведенный Наполеоном на голландский трон Людовик Бонапарт осыпал Кинсбергена наградами. Адмирал стал маршалом королевства и графом. Потемкин настойчиво искал искусного флагмана для молодого Черноморского флота. Кинсберген не смог вторично отправиться в Россию.

5 *Для запорожцев суда строятся.* – Для наступающей кампании Потемкин скрытно строил под Кременчугом целую флотилию легких гребных судов, на которые собирался посадить казаков-запорожцев и регулярные части. Эта флотилия сыграла решающую роль в победах над турецким флотом под Очаковом в июне – июле 1788 г.

6 *На требования Графа Петра Алекса[ндровича] я отметки зделал и у сего прилагаю.* – Румянцев по вопросам снабжения и укомплектования своей армии обращался в Военную коллегию. Императрица настояла на том, чтобы он непосредственно обращался к президенту Военной коллегии Потемкину, дабы не терять времени. Приложений не обнаружено.

827. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.I.1788

Подлинник. Подпись-автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 96–96 об.
Публикуется впервые.

828. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

11.I.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 81–84.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 445-447.

1 *При сем посылаю тебе примечания о польском плане.* – Приложения не обнаружено.

2 *Я во флот Михельсона не пошлю, а думаю уговаривать Заборовского.* – 11 февраля 1788 г. Храповицкий записал в Дневнике слова Екатерины: "сказывать изволила, что Заборовский назначен в Архипелажскую Экспедицию для командования войсками". 13.II "Заборовский собственного выбора... он ближе всех был к Константинополю и сие подало идею послать его с другой стороны, чтоб он подошел еще ближе, как удастся". Генерал-поручик Иван Александрович *Заборовский* (1735–1817), правивший должность генерал-губернатора Владимирского и Костромского наместничеств, был послан в Италию и Грецию для возбуждения восстания против турок. В 1774 г. его отряды ближе всех подошли к Константинополю и способствовали успешному заключению мира. Посылка флота в Архипелаг с десантными войсками не состоялась из-за агрессии Швеции летом 1788 г.

3 *Михельсон в подарге, да он же и здесь нужен, буде шведы зашалили.* – Несмотря на болезнь генерал-поручик И.И. Михельсон принял участие в начавшейся войне со шведами.

4 *Неранчич* Давыд Гаврилович (1751–?) – генерал-майор, флигель-адъютант Екатерины II, серб, родной брат С.Г. Зорича, принявшего по смерти бездетного дяди генерал-поручика М.Ф. Зорича его фамилию. Служил в Екатеринославской армии у Потемкина, командуя гусарскими полками.

829. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.I.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 84–84 об.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 447.

1 *...Гр[аф] Ал[ексей] Гр[игорьевич] сюда приезжал и весьма заботился о сем отправлении флота и его снабдении.* – "Граф Чесменский ездил недавно в Кронштадт для осмотра приуготовляющихся к походу кораблей, хотя он, впрочем, и отказался от принятия над оным команды, – писал в конце декабря Гарновский Попову. – Его Сиятельство принят при Дворе хорошо... Сей Граф недоброхотствует Графу Александру Андреевичу [Безбородко] и к масляной возвратится в Москву" (*PC*, 1876. T. XV. С. 498). Сообщая через две недели об отъезде А.Г. Орлова-Чесменского в Москву, Гарновский отметил недоброжелательство Орловых по отношению к Потемкину (Там же. С. 693).

2 *У тебя, мой друг, кригсрехт над сержантом Преображенского полка, о котором я требовала мнения.., он украл во дворце.* – Об отданном под военный суд сержанте Золотухине Потемкин официально сообщил 27.I, что в силу Воинского артикула его следовало бы повесить, "но как по состоявшемуся в 1754 г. сентября 30-го числа указу все смертные казни обращены в телесное наказание", то предлагается лишить

его только дворянства и отставить от службы. Получив этот доклад, Екатерина постановила: "Заключить Золотухина в смирительный дом на год, а потом отдать отцу его под присмотр" (*СБРИО*. Т. 27. С. 467).

3 *...поручик Иевлев так промотался, что чужие вещи закладывает... Ему в гвардии едва ли прилично остаться по дурному поведению.* – 9.XII.1786 г. на аглицком балу в Петербурге офицер-преображенец Петр Иванович *Иевлев* учинил ссору с князем Дашковым и вызвал его на дуэль. Ссора наделала много шума. Императрица приказала командующему преображенцами Татищеву запретить Иевлеву дуэль. Графу А.Р. Воронцову было передано желание государыни дать знать Дашкову, чтоб он ехал к своему полку, ибо его отпуск закончился. Дашков жаловался, что Иевлева настроили Потемкин или Мамонов. Княгиня Дашкова, по словам Гарновского, написала "к Александру Матвеевичу (Мамонову) письмо, наполненное воплем, рыданием и мщением, изъяснив в оном, между прочим, и то, что для спасения жизни сыновния не пощадит она собственныя своея и готова сама биться с Иевлевым на шпагах на поединке". Фавориту с большим трудом удалось помирить противников (*РС*, 1876. Т. XV. С. 489–492). Иевлев в 1789 г. был выключен из полка "за неуплату долгов".

4 *Estampe к тебе посылаю киевского портрета.* – Крепостной художник Потемкина М. Шибанов выполнил в Киеве портрет Екатерины II в дорожном костюме (ныне хранится в ГРМ). Государыня послала Потемкину эстамп с этого портрета.

830. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.I.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 175–176.
Публикуется впервые.

1 *Я ожидаю медных денег и для того велел пообождать раздавать жалование.* – Начавшаяся война вызвала падение курса бумажных денег. Храповицкий в своем Дневнике несколько раз отмечает слова императрицы о недостатке медной монеты (2, 13 и 18.I.1788). Однако генерал-прокурор князь Вяземский старался без промедления удовлетворять требования Потемкина, о чем Гарновский сообщил Попову (*РС*, 1876. Т. XV. С. 696).

831. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.I.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 85–86.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 447–448.

1 *Вели*[*кая*] *Княгиня брюхата и в мае родит, и он до ея родин не поедет уже.* – "Его Императорское Высочество Великий Князь изволит предполагать предприять путь в Елисавет февраля 7-го дня, – сообщил в главную квартиру армии Потемкина Гарновский. – Экипаж... и 75 верховых лошадей отправились к вам генваря 17-го дня. Великая Княгиня сделалась гораздо повеселее. Многие заключают из сего, что Государыня изволит удержать Великого Князя здесь, под претекстом беременности Великой Княгини" (*РС*, 1876. Т. XV. С. 693). Понимая, что присутствие наследника престола осложнит деятельность главнокомандующего армией, Екатерина сумела удержать своего болезненно впечатлительного сына от поездки на юг.

2 *Татищев* Николай Алексеевич (1739–1823) – генерал-майор, кавалер Георгия 4-ой степени (за отличия в первой турецкой войне), премьер-майор лейб-гвардии Преоб-

раженского полка, подполковником которого был Потемкин. В русско-шведской войне командовал преображенцами. Павел I уволил его в отставку. При Александре I получил титул графа и чин генерала от инфантерии.

[3] *Саша без ума от твоих писем...* – Писем Потемкина А.М. Дмитриеву-Мамонову отыскать не удалось.

[4] *Правда ли, что ты Кременчугский дом перевез в Елизавет?* – См. ответ Потемкина – в письме № 833. Перевозка "Кременчугского дома" – деревянного дворца генерал-губернатора, сооруженного к приезду императрицы, – могла только подлить масла в огонь. Гарновский отмечал явное неудовольствие наследника престола, вызванное отсрочками его отъезда в действующую армию. Слух о приготовленном для него Потемкиным дворце должен был подогреть нетерпение Павла.

832. Г.А., ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

27.I.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 155.
Публикуется впервые.

[1] *Какие суда пропали я в свое время доносил, а больше нет.* – Ответ на петербургские слухи о приуменьшении потерь флота во время сентябрьского шторма 1787 г.

833. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.II.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 168–173.
Публикация – частично – *Соловьев*. С. 180–181.

Письмо датируется на основании его содержания (ответ на письмо Екатерины II от 26 января). 5 февраля Потемкин послал несколько официальных бумаг императрице. С тем же курьером отправилось и письмо.

[1] *От прихода наших в Нанию... великая зделалась в Яссах тревога.* – 15.I Потемкин донес об успешном поиске донских казаков к деревне Нания (в 40 верстах от Ольвиополя, по дороге к Яссам). Молдавский господарь Ипсиланти, находившийся в Яссах с небольшим отрядом турок, принял меры к бегству из города (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д.11. Л. 4–11).

[2] *Я почасту их алармирую, удерживаю их неподвижными.* – Поисками донских казаков и верных запорожцев Потемкин алармировал (тревожил) противника, держал его в напряжении, не позволяя делать поиски на русской территории.

[3] *Агент цесарский на сих днях из Ясс...почти бежал в свой кордон... сказывают, что на сих днях публикуются манифесты о войне.* – Манифест Иосифа II о войне с Портой был опубликован 29.I/9.II.1788 г., но еще не достиг ставки Потемкина.

[4] *Когда изволите апробовать бригады новые народного их войска, то та, которая Г[рафу] Браницкому будет, прикажите соединить к моей армии... Я столько же поляк, как и они.* – Согласно проекту союзного договора, в разработке которого Потемкин принимал активное участие, на русские субсидии поляки должны были сформировать три бригады народовой кавалерии. Одну из них предполагалось поручить графу К.П. Браницкому, женатому на племяннице Потемкина. Называя себя "поляком", Потемкин напоминает о своем происхождении из смоленской шляхты. Русское дворянство губернии, граничащей с Польшей, имело тесные связи с польским дворянством.

[5] *Пулавский* Антон, по словам Пушкина, "родной брат славного конфедерата". Известны два знаменитых предводителя Барской конфедерации: Франц Ксаверий и Казимеж Пулавские, успешно сражавшиеся против королевских войск и русских частей. Их отряд был разгромлен Суворовым. Франц Ксаверий был убит, Казимеж отправился в Северную Америку и сражался под знаменами Дж. Вашингтона. Антон Пулавский был взят в плен и сослан в Казань, где жил в доме губернатора. Пушкин уверяет, что поначалу Пулавский присоединился к шайке самозванца. Но аттестаты, выданные Пулавскому П.С. Потемкиным, И.И. Михельсоном и самим графом П.И. Паниным, свидетельствуют об участии бывшего конфедерата в боях против Пугачева. Пулавский просил чин капитана русской службы. Резолюция императрицы гласила: "Пулавскому прапорщичий чин гусарский объявить велено было за службу, но он оной не принял, и для того советую его отпустить во свояси, дав ему на проезд червонных до тысячи" (*СБРИО*. Т. 27. С. 20).

[6] *Дама́ Роже де* (1765–1823) – граф, из родовитой французской семьи. Прибыл в Елисаветград, чтобы поступить в русскую армию волонтером. Ему протежировал принц Нассау-Зиген. Потемкин назначил молодого француза во флотилию, которая была поручена Нассау. Отличился в сражениях на Лимане в июне 1788 г. (награжден Георгием 4-ой степени), в осаде и штурме Очакова. Оставил интересные воспоминания о своей службе в России, перевод которых был опубликован в журнале "Старина и новизна", 1914. Кн. 18.

[7] *Христос Вам поможет, Он пошлет конец напастям...Положите на Него всю надежду и верьте, что Он непреложен.., я считаю, что Апостол в Ваше возшествие пристал не на удачу: "вручаю вам Фиву, сестру вашу сущу, служительницу церкви, еже в Кехреях, да приимете ю, о Господе, достойне святым и пр."* – Потемкин успокаивает императрицу ссылками на Священное Писание. День восшествия на престол – 28.VI.1762 – пришелся на праздник Апостолов Петра и Павла. Большой знаток православной литературы и церковных обрядов, Потемкин цитирует послание Апостола Павла к римлянам, гл. 16, 1, 2.

[8] *Граф Петр Александрович требовал...о рогатках, на что я мои сказал мысли, которые он и принял, то есть, чтобы не иметь.* – См. примеч. 6 к письму № 820. 16.I.1788 г. Румянцев в письме Потемкину заметил: "О рогатках я сделаю сходственно с Вашим мнением, коим всегда дорожить и все иное презирать буду" (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 292).

[9] *Строются суда в Кременчуге и в моих имениях в Польше: бомбардирные и прочие.* – Гребная флотилия, для которой под руководством самого главнокомандующего зимой 1788 г. были построены суда, внесла решающий вклад в поражения турецкого флота под Очаковом.

[10] *Кто сказал, что я перевез дом в Елисавет из Кременчуга, у того, конечно, мозг тронулся с своего места. Я дом купил в Миргороде у отставного маиора Станкевича и перевез его в Елисавет... слыша, что их Высочества ехали...Привезено же сюда из Кременчуга несколько мебелей.* – См. примеч. 4 к письму № 831. Потемкин (как, впрочем, и любой на его месте) не был в восторге от приезда наследника престола на театр военных действий. Но по отношению к Павлу Петровичу он проявил должную предупредительность.

[11] *У меня изготовлен штат войскам всем: полякам, как им быть, ежели кончится трактат, о их чинах и о сравнении степеней с нашими. Так же о кавказских народах, а паче о кабардах и Фет-али-хане, из которых много к пользе можно нашей вместить.* – В случае заключения союзного трактата с Польшей и присое-

динения польских войск к российской армии могли возникнуть большие сложности, связанные со сравнением чинов офицеров русской и польской службы. Потемкин работал над этим вопросом. Он считал необходимым привлечь на русскую службу кабардинцев, вел переговоры с Дербентским Фет-али-ханом, который снова искал покровительства России и направил к Потемкину своего посланника. 7.III Потемкин просил Безбородко "приласкать" посланника, "человека умного", которого он отправил с письмом Фет-али-хана в Петербург (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 69, 70). В разгар переговоров Фет-али-хан умер. Дербент был присоединен к России после персидского похода графа В.А. Зубова в 1795–1796 гг.

834. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.II.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 101.
Публикуется впервые.

835. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.II.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 87–87 об.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 449.

1 *Вчерась получен из Вены курьер с ведомостию, что Цесарь объявил туркам войну.* – "С удовольствием сказывали, что Император объявил туркам войну", – записывает 10.II Храповицкий в своем Дневнике.

2 *Заборовский приехал, и естьли возьмется, то пошлю его для командования войск во флот. Буде нет, то думаю удержать Князя Василья Долгорукова, который сюда приехал с женою.* – Заборовский согласился и князь Василий Васильевич *Долгоруков* (1752–1812), генерал-поручик и премьер-майор лейб-гвардии Семеновского полка отправился в армию Потемкина. Он был сыном знаменитого генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова-Крымского, занявшего в первую турецкую войну Крым. Записанный с рождения в гвардию, В.В. Долгоруков уже в 31 год имел чин генерал-поручика (для сравнения напомним, что Суворов получил этот чин на 44-ом году жизни). В первую турецкую войну служил адъютантом у своего отца, награжден Георгием 4-ой степени. На очаковском штурме командовал третьей и четвертой колоннами. По представлению Потемкина получил Георгия 2-ой степени. Злые языки утверждали, что главнокомандующий благоволил к его молодой жене Екатерине Федоровне, урожденной княжне Барятинской (1769–1849). Впоследствии Долгоруков перешел на гражданскую службу и имел чин действительного тайного советника.

836. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.II.1788

Автограф.*РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 72.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 449.

1 *Пауль Жонес* – правильнее Джон Поль Джонс (1747–1792) – национальный герой США, предводитель флота конгресса во время войны за независимость. Шотландец, переселившийся в колонии, торговал рыбой. С началом войны предложил свои услуги конгрессу и успешно сражался против англичан, базируясь на порты северо-

западной Франции. Джонс с маленькой флотилией нападал на отдельные корабли своей бывшей родины, объявившей его "врагом". После войны жил в Париже. Зная о поисках Потемкиным флагмана для Черноморского флота, императрица решила пригласить Джонса на русскую службу. Переговоры шли при посредничестве русского посланника в Париже И.М. Симолина. О приезде Джонса, его службе в России см. письма № 837, 838, 841, 851, 860, 864. Храбрый и предприимчивый корсар (Потемкин называл его "пиратом") Джонс оказался слабым флагманом и в октябре 1788 г. был отослан князем в Петербург. Потемкин остановил свой выбор на Ф.Ф. Ушакове. Незадачливый американец жил в столице и весной 1789 г. попал под следствие по делу о покушении на девичью честь. Только заступничество Потемкина спасло его от суда. Джонс был вынужден покинуть Россию: писал жалобы-доносы императрице, оставленные без внимания. Отзывы Потемкина о Джонсе см. в письмах № 864, 867, 898.

837. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.II.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 181–182 об.
Публикуется впервые.

[1] *О произшествии в Хотине цесарских хитростей письмо Витта я у сего включаю*. – К официальному донесению (от 15.II) Потемкин приложил копию письма польского генерала И. де Витта, коменданта Каменца Подольского. Витт сообщал о "военных хитростях" австрийского генерала принца Кобурга, пытавшегося овладеть турецкой крепостью Хотин посредством угроз, связанных с приближением русских войск. Эти "маневры" союзника вызвали настороженность Потемкина и Румянцева. «Дай Бог удачу, – писал о "хитростях" Кобурга Потемкин Безбородко. – Но нет ныне ни той веры, ниже труб, от гласу которых пали иерихонские стены. Военная хитрость имеет свои пределы, за которые перейдя, не пользу, но вред получает» (Письмо от 15.III.1788 – *АВПРИ*. Ф.5. Оп. 5/1. Д. 589. Л. 123).

[2] *Здесь же прилагаю письма ханские к Графу Потоцкому и его ответы*. – Копии писем хана Шахбас-Гирея к графу Щенсны-Потоцкому (и их переводы) хранятся в *РГВИА* (Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 20–24). Хан именем султана грозился перенести военные действия на польскую территорию и разорить край, если оттуда не будут выведены русские войска. Воевода Русский Щенсны-Потоцкий ответил, что он переслал письмо хана верховному военному начальству, которое представит его королю. Надо ожидать ответа. Что же касается угроз, то он имеет повеление защищать границы от нападений.

[3] *...решите с Польшею. Обещайте им приобретения...Тут должно смотреть на мочь и имущество, а не на лицо: королевский ли или противный*. – Потемкин настаивал на союзном трактате с Польшей, причем, по его мнению, следовало привлекать действительно богатых и влиятельных польских аристократов, не придавая значения, тому, к какой партии они принадлежат. См. ответ императрицы – письмо № 839.

[4] *Второе покушение на Белград не далось по причине бури на Дунае, которая помешала переправиться*. – Это и подобные ему сообщения о действиях австрийских войск заставляли Потемкина и Румянцева сомневаться в искреннем желании союзников вести войну против турок. Румянцев даже усомнился в доставленных ему австрийцами сведениях о готовности везира во главе крупных сил выступить против них, но это было правдой. Везир Юсуф-паша решил нанести

главный удар именно по австрийцам, которых он считал более слабым противником, чем русских.

[5] *Третьего дни приехал Князь Нассау...Просит неотступно самой опаснейшей комиссии, какая может представиться.* – Нассау имел репутацию храброго военачальника. Он участвовал в знаменитой осаде английской крепости Гибралтар испано-французскими войсками. Хотя попытка атаковать Гибралтар со стороны моря при помощи плавучих батарей (которыми командовал Нассау) окончилась неудачей, Потемкин решил использовать опыт Нассау и 26.III назначил его командующим Лиманской гребной эскадрой (флотилией) с подчинением Суворову. (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 248).

[6] *Столь знаменитый американский Генерал Пауль Жонс...желает быть употреблен здесь. А у нас с Ломбардом, право, пропало много, и редки предприимчивые люди. Позвольте мне его звать. Лутче он будет у нас, а то худо, коли пойдет к туркам.* – Репутация Джонса, созданная французами, оказалась сильно преувеличенной. Недовольный медлительностью контр-адмиралов Н.С. Мордвинова и графа М.И. Войновича, Потемкин в конце октября 1787 вызвал в Херсон Ф.Ф. Ушакова. Но Мордвинов весной 1788 г. отослал его в Севастополь. Потемкин решил заполучить Джонса, которого рекомендовала сама императрица. Одновременно по дипломатическим каналам шли хлопоты о выкупе героя боев на Лимане мальтийца *Джулиано де Ломбарда* (ум. в 1791), безуспешно пытавшегося бежать из турецкого плена. Ломбард вернулся в Россию в конце войны и участвовал в штурме Измаила.

838. ЕКАТЕРИНА II– Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.II.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 73–77.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 449–452.

[1] *...Я приказала Пауль Жонес*[*а*] *принять в службу и прямо поедет к Вам. Он у самих агличан слывется вторым морским человеком: Адмирал Гов – первый, а сей – второй.* – Указ о принятии Джоа Поль Джонса на русскую службу дан 16.II. 5.III Потемкин отправил в Париж своего адъютанта К.Ф. Боура для переговоров с американцем, но тот был уже на пути в Копенгаген. Отзыв Екатерины грешит явным преувеличением. Адмирал Ричард *Гов* (Хоу) (1726–1799), прославившийся деблокированием осажденного Гибралтара, в 1783 г. стал первым лордом Адмиралтейства. В 1794 г. он подтвердил свою репутацию выдающегося флотоводца, разгромив французский флот под Брестом. Джонс имел всего два судна-корсара, нападавших на отдельные корабли. Создавая ему репутацию выдающегося моряка, французы мстили за свои постоянные поражения от англичан на море.

[2] *Ван Гофт* – тесть адмирала Кинсбергена, противник штатгальтера.

[3] *Во все газеты огромность нашего флота написана.* – Ответ на просьбу Потемкина (в письме № 833). Пример психологической войны того времени. Слухи об огромном флоте, направляемом в Средиземное море, должны были удержать часть турецкого флота вдали от Очакова и Крыма.

[4] *...все сие пишет Чернышев...* – Недовольная деятельностью вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа И.Г. Чернышева, императрица во время путешествия на юг предоставила ему длительный отпуск. С началом войны граф продолжал лечение за границей.

839. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.II.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 79–80 об.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 452–454.

[1] *Радзивилл* Кароль Станислав (1734–1790) – князь, крупнейший магнат Польши, воевода виленский. Противник короля. Несколько раз менял свою позицию по отношению к России: от вражды к дружбе, от дружбы к вражде. Славился своими пирами и разгульным образом жизни (имел прозвище "Пане кохану"). Живя в эмиграции, Радзивилл переписывался с султаном, поддерживал самозванку "княжну Тараканову". После амнистии вернулся в Польшу. Оставаясь противником короля, во время русско-турецкой войны 1787–91 гг. примкнул в сторонникам Пруссии.

[2] *Огинский* Михал Казимеж (1729–1800) – князь, великий гетман литовский, претендент на королевскую корону. В 1771 г. неожиданно примкнул к Барской конфедерации и вероломно напал на русские войска. Это выступление могло иметь большие последствия, но Суворов быстро оценил обстановку, совершил марш из Люблина в Брест и разгромил не ожидавшего его Огинского. Гетман бежал в Пруссию, затем во Францию. После амнистии вернулся в Польшу. Так же, как и Радзивилл, обещал поддержку России в случае возвращения конфискованных имений, но продолжал интриговать против короля. Сторонник пропрусской партии.

[3] *...не отрекусь принять, наипаче же Гетмана Гр[афа] Браницкого, жену которого я от сердца люблю и знаю...* – Браницкий был ничем не лучше Радзивилла и Огинского. Бывший сердечный друг короля Станислава Августа Понятовского, Браницкий вместе с Радзивиллом и Огинским интриговал против королевской партии, мечтая о короне для себя. Екатерина рассчитывала на влияние его жены. Ее надежды не оправдались. См. письма № 920–923.

[4] *Что рекруты собраны поздо, сему причиною отдаленность мест и образ и время, когда объявлена война...в первых числах сентября первый набор приказан был, который, я думала по первым известиям, достаточен. Вскоре же потом и второй последовал.* – Гарновский в своих письмах Попову подробно рассказывает о торопливости Безбородко, готовившего указ о наборе рекрут. Потемкин рассчитывал на один "сильный набор" – по 3 души с 500, чтобы укомплектовать армию и флот к весне 1788 г. Но первый указ дал не более 30 000 рекрут (по 2 души с 500), только половину требуемого числа. Гарновский был вынужден делать устные и письменные представления Безбородко о "сильном наборе", и даже через его голову сделал представление самой императрице. Вскоре последовал второй набор. См. *РС*, 1876. Т. XV. С. 248.

[5] *Оригинальное письмо Ломбарда я к тебе послать велела.* – В деле письма нет. Но 19.III.1788 г. Потемкин указал Мордвинову: "Полученное мною при Высочайшем Ея Императорского Величества повелении письмо к вам от лейтенанта Ломбарда сим препровождаю. Из оного усмотрите, Ваше Превосходительство, сколь мало надежного человека употребили вы на батарее и сколь пагубно было его упорство и невнимание к советам, которые преподает ему господин Ломбард. Вы же сами довольно знали невоздержанность господина Веревкина, чтоб вверить ему жизнь многих храбрых людей" (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 246).

[6] *Дела в Голландии не кончены, Принц Оранский старается зделаться владетелем, жена его собирает под рукою себе партию, а патриоты паки усиливаются.* – Англо-прусское давление на Голландию заставило Францию капитулировать.

Партия патриотов потерпела поражение, многие ее видные представители вынуждены были эмигрировать. 4/15.IV.1788 г. был подписан англо-голландский договор о союзе, а 2/13.VIII в Берлине был заключен тройной союз Англии, Пруссии и Голландии, направленный как против Франции, так и против России и ее союзников.

840. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.II.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 78.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 452.

841. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4.III.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 315–316.
Публикуется впервые.

[1] *О поступках сего грека особый рапорт здесь прилагаю.* – В донесении Потемкина от того же числа говорилось об успешном разведывательном плавании греческого вооруженного судна "Панагия де Дусено" под командованием шкипера Антония Глези. Выйдя из Севастополя, Глези не только обозрел неприятельский берег, но и захватил под Гаджибеем большое неприятельское судно. Потемкин поднес журнал плавания Глези и просил "для лучшего сих корсаров к службе Вашего Императорского Величества поощрения" присвоить ему чин мичмана (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 26–28).

[2] *На гребные суда определяю армейских. Принц Нассау пренаполнен усердия: он у меня будет другой Суворов.* – Гребные суда строились и вооружались в большой тайне. 2.III Потемкин уведомил Суворова о назначении Нассау командующим гребной флотилии. "Суда готовить приказал я гребные с крайней поспешностью. В Кременчуге у меня наподобие запорожских лодок будет 75, могущих носить и большие пушки. Как скоро Днепр пройдет, то и они пойдут...В крайней прошу содержать тайне: гребными судами будет командовать князь Нассау под Вашим начальством. Он с превеликою охотою идет под Вашу команду" (*PC*, 1875, май. С. 29–30). Суворов тепло встретил Нассау. Между ними установилась откровенная деловая переписка. Об отличиях Нассау в боях на Лимане, см. письма № 864, 867.

[3] *Гримм пишет ко мне об одном артиллеристе, что хочет в службу, о котором доносил он и Вам.* – Переписка Потемкина с Гриммом не разыскана. В письме Гримма Екатерине II от 30.XI/11.XII. 1787 г. из Парижа давались рекомендации офицеру-артиллеристу шевалье Де Во, имевшему чин подполковника. Де Во сражался в Индии против англичан, был кавалером ордена Св. Людовика и желал служить в русской армии всю войну против "неверных". См. ответ Екатерины в письме № 845.

[4] *Я посылаю нарочного к Симолину, как об артиллеристе, так инженере, и о сих последних надежду имею, что Бугенвиль выберет мне все Ломбардов.* – Стараясь привлечь в армию и во флот специалистов, Потемкин при посредничестве Симолина обратился к Луи Антуану *де Бугенвилю* (1729–1811), знаменитому мореплавателю, возглавившему в 1766–1769 гг. первую французскую кругосветную экспедицию. Бугенвиль занимал высокие посты во французском флоте. Нассау, принимавший участие в экспедиции Бугенвиля, мог рекомендовать его Потемкину.

842. ЕКАТЕРИНА II– Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.III.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 88.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 454.

[1] *В проекте польского трактата...* – В *АВПРИ* (Ф. 5. Д. 589. Л. 84–89) хранится документ, написанный рукой Безбородко, имеющий заглавие: "Проект из Варшавы присланный заключает в себе следующие неудобства". Он содержит 10 пунктов, на которые Потемкин написал свои ответы. Речь шла о формировании 12-тысячного конного войска, которое польский король (при условии получения субсидий) готов был выставить на войну против турок. Потемкин поддержал проект, но императрица была в сомнении. Получив его ответы, она писала на полях документа: "На сих войск однако надеяться мало можно и взять их разве для того только, чтоб другие их не употребляли нам во вред". Безбородко выражал опасение, как бы эти войска не усилили власть короля. И Екатерина, и Потемкин опасались нарушать сложный баланс сил в Польше. Союзный договор не состоялся. Созванный по инициативе России польский чрезвычайный сейм под влиянием прусских обещаний возвратить земли, утраченные Польшей по первому разделу, занял резко антирусскую позицию.

843. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17.III.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 195–198.
Публикуется впервые.

[1] *Персонально же из них выдаются люди отличной храбрости, и немало было знаменитых в других службах. Зейдлиц, Малаховский, Понятовский в Пруссии, в гусарах мелкие офицеры – лутчие из поляков.* – Убеждая императрицу в желательности сформировать вспомогательное польское войско, Потемкин ссылается на известные имена кавалерийских начальников. Самое громкое было у барона Фридриха Вильгельма фон *Зейдлица-Курцбах* (1721–1773), выдающегося кавалерийского генерала, прославившегося под знаменами Фридриха Великого в Семилетней войне. Анджей *Понятовский* (1734–1773) – брат польского короля – считался одним из лучших офицеров-кавалеристов австрийской армии. Павел Иосиф *Малаховский* во время Семилетней войны был шефом прусского гусарского полка, носившего его имя.

844. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

18.III.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 151.
Публикуется впервые.

[1] *А ведомость о судах севастопольских, как они исправляются починкою, также о изготовляемых для Лимана – здесь представлено.* – Это письмо послано вместе с официальным донесением от 18.III.1788. В нем сообщалось о сильном вооружении неприятеля в Анатолии, "о приуготовляемых во множестве судах для нападения на полуостров Таврический", хотя, прибавлял Потемкин, "как мне лично известен сей вестник (протоиерей Стрельбицкий), то по простоте его и болтливости нельзя положиться с вероятностью на его показания" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 30). Эти и другие показания были приложены к донесению вместе с ведомостью о "всех

кораблях, фрегатах и прочих судах флота Черноморского", с указанием их вооружения и дислокации. В другой ведомости приводился перечень судов, назначенных к построению в Таганроге, в Хопре, на Днепре в Польше, в Херсоне и Кременчуге (там же. Л. 45–49).

845. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.III.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 90–92.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 454–456.

[1] *Слух носится в Швеции, будто Король Шведский в намерении имеет нас задирать.* – Сведения о враждебности короля Густава III шли давно. 1.IV.1787 британский посланник Фицгерберт сообщил об этом вице-канцлеру графу И.А. Остерману. 4.XI.1787 Совету при императрице было доложено письмо графа А.К. Разумовского из Стокгольма "о неприязненных видах короля Шведского на Лифляндию". 2.II.1788 датский посланник в Петербурге уведомил Коллегию иностранных дел о том, что "король старается составить союз против нас с дворами Прусским и Лондонским и с неосторожностью показывает желание свое воспользоваться войною, которою мы (т.е. Россия. – *В.Л.*) заняты" (*СБРИО*. Т. 29. С. 1–2). Екатерина считала, что дело не дойдет до войны, но она недооценила усилий англо-прусской дипломатии. При содействии англичан Густав III получил крупный займ в Голландии. Деньги шведскому королю дали и турки.

[2] *Ферзен* Фредрик Аксель фон (1719–1794) – граф, шведский государственный деятель, сенатор. Пытался бороться против самовластья Густава III, возглавив оппозицию, но был принужден отказаться от борьбы.

[3] *Поссе* Фредрик Арвидсон (1727–1794) – граф, генерал-лейтенант шведской армии (с 1778), командовал войсками в Финляндии. Впоследствии генерал от инфантерии.

[4] *Армфельт* Густав Маврикий (1757–1814) – барон, полковник, камер-юнкер Густава III и его близкий друг. В конце крайне непопулярной в Швеции (и особенно в Финляндии) войны против России Армфельт 3.VIII.1790 подписал по поручению короля мирный договор. Покушение на Густава III и его смерть вынудили Армфельта бежать из Швеции и тайно поселиться в России. При Густаве IV он вернулся на родину и занимал высокие посты. Низложение короля заставило его навсегда покинуть Швецию. Армфельт служил России, управлял присоединенной к ней Финляндией, имел чин полного генерала и получил от Александра I графский титул.

[5] *Шевелить Его Вел*[*ичеству*] *нельзя, чтоб и датчане с нами общего дела не делали...* – После совершенного Густавом III в 1772 г. переворота Россия и Дания заключили союзный договор (1773) о взаимной вооруженной поддержке в случае нападения Швеции на одну из сторон.

[6] *Башкир и калмыков приведем сюда хотя тысячи две.* – Императрица под влиянием Потемкина высоко оценивала боевые качества иррегулярной конницы. Башкиры во время русско-шведской войны своими меткими стрелами наводили ужас на противника.

[7] *Видно, что грек, который взял в Хаджи-бее судно, а тобою произведен мичманом...* – Говорится об А.Глези (см. примеч. 1 к письму № 841).

[8] *...сам господин Дево...* – Француз-артиллерист, о котором Потемкину писал Гримм (см. примеч. 3 к письму № 841).

[9] *Кених* (Кениг) Георг Генрих (ум. в нач. XIX в.) – скульптор, медальер, выходец из Германии. Работал в Австрии, Англии, затем в России.

846. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

27.III.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 193–194.
Публикуется впервые.

[1] *Последние известия от Витта здесь прилагаю.* – Приложений в деле нет.

847. Г.А. ПОТЕМКИН — ЕКАТЕРИНЕ II

6.IV.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 201–202.
Публикуется впервые.

[1] *Донесения Разумовского состоят только в поверхностях... Я мню, что Королю удалось в прошлую войну отвлечь несколько полков из армии, то думает и теперь также услужить туркам.* – Швеция и Турция были связаны союзническим трактатом. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Густав III заставил Екатерину II спешно укреплять северные границы и перебрасывать к ним войска. Донесения Разумовского из Стокгольма свидетельствовали о серьезности приготовлений короля к войне.

[2] *Граф Чернышев, прослыша войну, уехал, побывал в Вене, где виделся и сосватал Разумовского.* – Вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И.Г. Чернышев после начала войны какое-то время продолжал жить за границей. В Вене он сосватал за графа Андрея Разумовского австрийскую аристократку графиню Елизавету Тун-Гогенштейн (1770–1806).

[3] *Мысль Ваша о безпашпортных весьма хороша. Также и церковников, да и мещан.* – Все рекруты были направлены в армии на юг. Для комплектования полков, выставляемых против шведов, государыня решила использовать беглых крестьян ("безпашпортных"), а также людей, принадлежавших монастырям ("церковников", на которых не распространялся рекрутский набор). Потемкин одобрил эти меры и предложил использовать мещан. См. письма № 927, 928 и примеч. к ним.

[4] *Перлюстрованное письмо сына Принца Линя у сего представляю, в котором описаны деяния цесарские.* – Сын находившегося при армии Потемкина принца *Де Линя* Шарль (1759–1792) имел чин полковника австрийской армии. В письме к отцу (с которого была сделана копия специальной почтовой службой, созданной при армии Потемкина) сообщал о непорядках в цесарских войсках, готовившихся к походу против турок, под предводительством самого императора Иосифа II. В 1790 молодой принц Де Линь волонтером участвовал в штурме Измаила, был ранен и получил Георгия 4-ой степени. Шарль де Линь погиб во время войны против революционной Франции.

848. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.IV.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 93–93об.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 456–457.

[1] *Замечания твои на польский трактат тем же курьером привезены и теперь на станке. Буде тебе ружья нужны для поляков, то напиши к Кречетникову.* – О замечаниях Потемкина на присланный к нему проект союзного договора с Польшей (составленный в Варшаве) см. примеч. 1 к письму № 842. Очевидно, эти замечания были учтены при составлении контр-проекта, который будет отпечатан и послан

королю Станиславу Августу. По мнению Потемкина, вспомогательное польское войско должно было получить вооружение из России. Поэтому генерал-поручик Михаил Никитич *Кречетников* (1729–1793), в ведении которого находились тульские оружейные заводы, получил повеление отпустить Потемкину необходимые для поляков ружья. Кречетников правил должность Тульского и Калужского генерал-губернатора, имел репутацию крупного администратора и военачальника. Впоследствии в чине генерал-аншефа командовал одной из двух армий, выставленных Россией против Польши в войне 1792 г. Был награжден графским титулом, но не успел узнать об этой милости, скончавшись до получения рескрипта Екатерины II. Потемкин ценил Кречетникова, поручал ему важные задания.

2 *...получено известие чрез Венецию, будто турки, Булгакова освобождая, отправляют возвратно, но куда – не ведаю.* – Слух оказался ложным. Вероломно арестованный и посаженный в Семибашенный замок русский посланник Я.И. Булгаков был освобожден лишь в конце 1789 г.

849. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.IV.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 94–95.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 457–458.

1 *Нолькен сам собою изъяснился...* – "Изъяснение" шведского посланника барона Нолькена (по собственному почину) с вице-канцлером графом Остерманом свидетельствовало о непопулярности войны с Россией в самых широких кругах шведского общества.

2 *...капитан-паша выжидает только первой неудачи турков, чтоб сильно домогаться о мире, и повсюду разнесся, что под осень заключен будет.* – Командовавший турецким флотом капудан-паша Газы-Хасан помнил о Чесменской катастрофе, когда он сам с саблей в зубах плыл к берегу среди горящих и взрывавшихся кораблей турецкого флота. Газы Хасан-паша считался сторонником мира. Зато его соперник верховный везир Юсуф-паша возглавлял партию войны.

850. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.IV.1788

Автограф. *СПБИИ*. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
Публикуется впервые.

1 *Будучи везде, распорядил, что нужно, и спешу только донесть.* – Перед началом кампании главнокомандующий объехал войска и лично поставил задачи начальникам. Узнав о плане штурма Очакова, составленном Суворовым и Нассау, Потемкин в письме Суворову (от 29.IV) с большим знанием дела разобрал план и подчеркнул необходимость дождаться подхода к крепости главных сил армии. Известный военный историк Д.Ф. Масловский, впервые опубликовавший документы Потемкина (1787–1788), сделал вывод о том, что главная идея Потемкина расходилась с суворовской. Цель последнего была – взять Очаков. Цель первого – взять Очаков с наименьшим риском и потерями, сохранить кадры для будущих кампаний и постараться нейтрализовать турецкий флот. Как показали дальнейшие события, именно под стенами Очакова турецкий флот потерпел чувствительный урон. Инициатива на Черном море стала переходить к русскому флоту, не выпускавшему ее до конца войны.

851. ЕКАТЕРИНА II — Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.V.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 96–96об.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 458.

[1] *Пауль Жонес приехал сюда и дни чрез два или три поедет к вам. Он ищет переводчика, которого дать ему приказала.* – Храповицкий записал в Дневнике под 24 апреля: "Получено известие, что 20-го числа выехал из Ревеля Павел Жонес. Он вступает в нашу службу: "Он проберется в Константинополь". (Последние слова принадлежат императрице.) 25.IV Джонс был представлен Екатерине. "Он весьма Государыне понравился, имеет вход в Эрмитаж и, кроме англичан, крайне его ненавидящих, принят здесь всеми отменно хорошо, – сообщает Гарновский Попову. – Может быть, из угождения единого к двору, а может быть, и из почтения к его особе" (*PC*, 1876, Т. XVI. С. 7). Джонс был очарован оказанным ему приемом, вручил императрице экземпляр американской конституции и готовился к отъезду на юг, преисполненный самых радужных надежд.

[2] *Александа Матвеевича я зделала шефом Казанского кирасирского полка... Такожде о Браницком к тебе рескрипт подписан.* – Фаворит А.М. Дмитриев-Мамонов, горячо защищавший интересы Потемкина перед императрицей, вскоре был возведен в графское достоинство Священной Римской Империи. Его письма Потемкину большей частью не разысканы. 1.V.1788 г. он писал Попову о своей непоколебимой дружбе, прибавив: "Князю написал слехка свое неудовольствие за то, что он так мало себя бережет; но теперь настает такое время, что ни мои, ни чьи советы не помогут. Остается только нам просить Бога, чтобы он сохранил Ево здоровым и все начатое кончил благополучно" (*РНБ*, ф. 609. Д. 164, Л. 21). Рескрипт о Браницком не разыскан. Очевидно, Екатерина дала разрешенеие принять гетмана на русскую службу.

852. ЕКАТЕРИНА II – Г. А. ПОТЕМКИНУ

1.V.1788

Автограф. *РГАДА*, Ф. 5. Д. 85. Л. 106.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 458.

Письмо не датировано. Гарновский писал: "Нынешний отъезд Ея Императорского Величества в Царское Село воспоследовал столь нечаянно, что, исключая, может быть, одного Александра Матвеевича, никто об оном ни в городе, ни при дворе ничего не знал. 30-го апреля, после обеда, Ея Императорское Величество, потребовав вдруг дорожный свой экипаж, изволила, не сказав никому – куда, предприять туда путь..." (*PC*, 1876. Т. XVI. С. 6). О приезде Потемкина на короткий срок в столицу ходили слухи. Письмецо, на которое ссылается императрица, не разыскано.

853. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 5.V.1788

Автограф, *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585 Л. 179–180 об.
Публикуется впервые.

[1] *Австрийцы устраивают на меня ков, всячески ища моей пагубы.* – Из перехваченного письма принца Де Линь австрийскому послу в Петербурге графу Кобенцелю Потемкин узнал о недовольстве союзников его планами ведения войны. См. также письмо № 854 от 5.V.1788 г. и примечания к нему.

854. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.V.1788

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *РС*, 1873, ноябрь. С. 727–728.

[1] *От меня Принц Линь требовал отзыву письменного; я ему дал, как и письмо ответное мое Графу, от которого сей час получил, где он меня благодарит за решительность; и с сего копию прилагаю здесь.* – Австрийцы, вступив в войну, свои главные усилия направили на Белград и соседние крепости. Корпус принца Кобурга действовал в Молдавии, занял Яссы, захватив господаря А. Ипсиланти. Де Линь добивался от Потемкина изменения плана операций с тем, чтобы войска Румянцева продвинулись в Молдавию и вступили во взаимодействие с Кобургом. Потемкин послал Румянцеву соответствующее письмо (от 1.V.1788 г. *РГАДА*. Ф. 11. Д. 267. Л. 65), на которое граф ответил 3.V.: "Я очень рад, что Вы меня, батюшка Князь, разрешили в деле, в котором бы я сам собою никак решиться не мог; как оно ни нужно, ни полезно казалось..." Румянцев сожалел о невозможности свидеться с Потемкиным из-за своей болезни, желал ему успехов и обещал уведомить о своей переправе через Днестр, ожидая от него сведений о его переправе через Буг (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 307–308).

[2] *Текеллию выступить приказал.* – В донесении от 10.V Потемкин уточнил задачу, поставленную им Кубанскому корпусу генерала Текелли: перейти Кубань и сделать поиск на Суджук-Кале (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 283).

[3] *Теперь дела много; не до того, чтобы заниматься о злодействах, на меня устремленных...*– Верные люди извещали Потемкина о происках его "злодеев". Гарновский в своих донесениях Попову называет их "партией" и "социететом" (т.е. общественностью). Он же писал о недовольстве наследника престола тем, что его не отпускают на войну. В Совете против Потемкина выступали граф А.Р. Воронцов и П.В. Завадовский. На стороне Светлейшего были граф В.П. Мусин-Пушкин и граф А.А. Безбородко. Последний колебался в ту или другую сторону. Даже престарелый Румянцев порой давал оружие в руки противников Светлейшего. Так, он переслал Завадовскому копию "отчаянного письма" Потемкина, написанного после получения им известия о гибели Черноморского флота. (см. примеч. к письму № 793). Завадовский поделился новостью с Мамоновым. Тот пересказал все императрице. Затем фаворит вызвал Гарновского и сказал ему: "Напрасно Князь пишет чувствительность свою изображающие письма к таким людям, которые не только цены величкости духа его не знают, но и злодействуют Его Светлости... Любя Его Светлость, как родного отца и благодетеля моего, желал бы я, с одной стороны, предостеречь его удержаться от такой вредной для него переписки, служащей забавою злодеям его; с другой же стороны, не хотелось бы мне при теперешнем дел положении ссорить Его Светлость с Графом (т.е. с Румянцевым. – *В.Л.*), а тем менее огорчать и тревожить Князя". Мамонов советовал Гарновскому снестись с Поповым и сообщить ему все сказанное, поклявшись всеми силами защищать Потемкина перед государыней (*РС*, 1876. Т. XV. С. 476–478). Из писем Екатерины Потемкину видно, что ее доверие к нему непоколебимо.

[4] *Принц Линь как ветряная мельница: я у него иногда Ферсит, а иногда Ахиллес.* – Австрийцы стремились к тому, чтобы русские войска активными действиями отвлекли на себя часть сухопутных сил Порты. Де Линь постоянно напоминал Потемкину об интересах союзников. Главнокомандующий твердо придерживался собственных планов, не позволяя превратить русскую армию во вспомогательное

войско австрийцев (как это случалось во время Семилетней войны). Поэтому в письмах к императору Де Линь то упрекал Потемкина в нерешительности, то хвалил его мужество и распорядительность. Невольно приходили на память персонажи гомеровской "Иллиады" – трусливый Ферсит (Терсит) и первый храбрец среди греков, осаждавших Трою, Ахиллес (Ахилл).

[5] *О хорунгах... Белорусских указ был дан мне... теперь же повелено Пассеку их формировать.* – *Хорунги* (конные команды) предполагалось сформировать из белорусской шляхты. Потемкин разработал план их формирования еще до войны. Очевидно, в связи с его загруженностью множеством дел императрица поручила формирование хорунг генерал-губернатору белорусских губерний П.Б. Пассеку.

855. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

7.V.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 97.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 459.

856. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.V.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 3–4об. и 20.
Публикация – частично – *РС*, 1876, июль. С. 459–460.

[1] *Цесарский полковник Фабри...* – Полковник Фабри из корпуса Кобурга практически без сопротивления занял Яссы. Когда же турки послали в Молдавию войска, Фабри ушел из Ясс. Румянцев считал, что австрийцы стремятся переложить всю тяжесть войны на своих союзников.

[2] *Мой мичман Глези уже в третий раз себя показал. Пожалуйте ему володимерский крест... Также и Платову, армии полковнику и старшине Донскому. Какое прекрасное войско из однодворцев – далеко перещеголяет донских* – Крейсеры под командованием греков вели успешные поиски. 29.IV. *Глези* взял два турецких судна. Он был награжден орденом Св. Владимира 4-ой степени. Тем же крестом был награжден и Матвей Иванович *Платов* (1751–1818) – будущий знаменитый предводитель Войска Донского в войнах с Наполеоном. Потемкин заметил храброго и талантливого казака, отличившегося еще в первой турецкой войне, и давал ему важные поручения. Платов в короткое время сформировал из однодворцев Украинской линии Екатеринославское казачье войско. За мужество и распорядительность, проявленные при штурмах Очакова и Измаила, он был награжден георгиевскими крестами 4-ой и 3-ей степеней, за Персидский поход 1796 г. получил золотую саблю с алмазами и надписью "За храбрость". При Павле I был уволен со службы и посажен в Петропавловскую крепость. Выпущенный из крепости Платов получил личное приказание императора, заключившего союз с Первым консулом Бонапартом, идти с донцами в поход на Индию. Смерть Павла I остановила поход. В антинаполеоновских войнах Платов прославился на всю Европу. Генерал от кавалерии, граф, войсковой атаман Донского войска, Платов во время поездки в 1814 г. в Англию (в свите императора Александра I) был удостоен диплома почетного доктора Оксфордского университета.

[3] *...я и пойду и буду действовать со всею ревностию, несмотря на новость моей пехоты, которая почти вся из рекрут..., с охотою принесу на жертву жизнь мою Вам, моей матери, Государству и, можно сказать, Христианству...* – Храповицкий 17.V записывает слова государыни: "Сам с рекрутами идет доказать свое усердие и умереть Христианином; в войне обстоятельства переменны: может быть, и Турки некоторые удачи получат. Не хочу, чтоб он жертвовал собою". Петербургские критики Потемкина – "социетет" – торопили его с наступлением, со взятием Очакова, распуская слухи о его неспособности к командованию армией. Он знал об этом и, начиная поход, решил исповедоваться перед своей женой-императрицей.

[4] *В Польше в большой ферментации, а особливо молодежь...* – Ферментация (возбуждение) в Польше, как известно, привела к союзу с Пруссией против России. Достойно внимания, что именно в эти дни (18.V.1788 г.) Екатерина, рассуждая с Храповицким о Франции, предрекает "междуусобие" и "важные следствия, ежели Англия тут замешается".

857. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

11.V.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 99–99об.
Публикация – *PC,* 1876, июль. С. 460–461.

[1] *Вчерашний день Великая Княгиня родила дочь, которой дано мое имя, следовательно, она – Екатерина.* – Великая княгиня *Екатерина Павловна* (1788–1819) – четвертая дочь Павла Петровича. С 1809 по 1812 г. жена принца Петра Фридриха Георга Гольштейн-Ольденбурга. Перед этим за нее пытался посвататься император Наполеон I, но получил отказ императрицы-матери Марии Федоровны и Александра I. В ее салоне в Твери, генерал-губернатором которой был ее муж, собирались выдающиеся деятели русской культуры. В 1812 г. Екатерина Павловна решительно поддержала Александра I в борьбе против Наполеона. Вторично вышла замуж за своего двоюродного брата принца Вильгельма Вюртембергского, унаследовавшего от своего отца королевский престол.

858. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.V.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 5–6об. и 19.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 461–462.

[1] *...я слышу, будто Император Вам и чрез посла Вице-канцлеру жаловался на несодействие армий.* – См. ответ Екатерины в письме № 859. Гарновский упоминает среди недоброжелателей Потемкина посла Австрии графа Кобенцеля. Заслуживают внимания слова императрицы, сказанные после получения 16.V депеш от Потемкина: "После сего не только Фельдмаршал (Румянцев), но если б и вся Россия вместе с ним противу Князя возстали, я – с ним" (*PC*, 1876, Т. XVI. С. 9).

[2] *У нас Александра Васильевна отошла было на тот свет, но вдруг и неожиданно Бог помог.* – Речь идет о графине А.В. Браницкой. Старый фельдмаршал Румянцев, симпатизировавший графине (как видно из его писем), поддерживая постоянную связь с Потемкиным и согласуя с ним движение своей армии, выразил ему свою радость по поводу выздоровления графини (*СБВИМ*, Вып. IV. С. 316–317).

859. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.V.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 101–105.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 463–466.

[1] *Рибопьер* Иван Степанович (1750–1790) – швейцарец, родился в Эльзасе. Познакомился в Тюбингенском университете с русскими аристократами князем Н.Б. Юсуповым и С.С. Апраксиным. С рекомендательным письмом Вольтера отправился в Россию в 1778 г. Был принят на русскую службу, генеральс-адъютант Потемкина. Женился на фрейлине Аграфене Александровне Бибиковой (дочери знаменитого генерала). Близко сдружился с адъютантом Потемкина А.М. Дмитриевым-Мамоновым задолго до его возвышения. Когда Мамонов стал фаворитом, Рибопьер получил свободный доступ во дворец. Поддерживал Потемкина и тайно от Мамонова сообщал Попову придворные новости. Женитьба фаворита на княжне Д.Ф. Щербатовой (Мамонов встречался со своей возлюбленной в доме Рибопьера) заставили его друга уехать в действующую армию. Бригадир Рибопьер геройски погиб на штурме Измаила. Его сын Александр женился на внучатой племяннице Г.А. Потемкина – Екатерине, дочери М.С. и Т.В. Потемкиных. Оставил интересные "Записки".

[2] *От Фельдм*[*аршала*] *Румянцева давным давно я писем не имею и не ведаю, что он делает, а только о сем знаю чрез письма его, которые ты ко мне присылаешь. Ужо скажет, я чаю, что смерть матери его погрузила в такую печаль, что писать не мог.* – Мать фельдмаршала Румянцева обер-гофмейстерина, статс-дама, графиня Марья Андреевна (урожд. Матвеева) (1698–1788) скончалась 4.V. Она была живым олицетворением петровского времени, очень любила свет и до последних лет жизни появлялась в обществе и при дворе. 23.V в письме к Потемкину фельдмаршал признавался: "Я оплакивал смерть матери моей и с большим трудом могу писать" (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 316–317. Слова "смерть матери моей" не разобраны составителями "Сборника" и восстановлены по смыслу).

[3] *В Польшу давно курьер послан и с проектом трактата, и думаю, что сие дело уже в полном действии. Универсал о созыве Сейма уже в получении здесь.* – Контрпроект союзного договора был послан в Варшаву. Главным вопросом договора стало создание вспомогательного польского войска. Предложение короля об утверждении наследником его племянника князя Станислава Понятовского (и создания института престолонаследия вместо выборности короля) не получило поддержки. Екатерина опасалась нарушить обязательства перед Австрией и Пруссией – двух других гарантов польской конституции. Оппозиция, опиравшаяся на посулы прусских дипломатов, приготовилась дать бой на сейме королю и его сторонникам, склонявшимся к союзу с Россией. Сейм открылся 25.IX/6.X 1788 г. и вошел в историю под именем "Четырехлетнего сейма".

[4] *Буде же полуумный Король Шведский начнет войну с нами, то Вел*[*икий*] *Князь останется здесь, и я Графа Пушкина назначу командиром армии противу шведов, а Брюс – бесись, как хочет: как мне дураку, который неудачу имел, где был, вверить такую важную в теперешнее время часть.* – Граф В.П. Мусин-Пушкин (вице-президент Военной коллегии) собирался сопровождать наследника престола на юг, в действующую армию. Угрозы шведского короля и начавшаяся вскоре война заставили Екатерину назначить Мусина-Пушкина командующим войсками в Финляндии. На короткое время великий князь отправился к нему и был весьма удовлетворен тем, что "понюхал пороха". Граф Я.А. Брюс, претендовавший на пост

командующего, не пользовался репутацией военачальника и остался генерал-губернатором столичной губернии.

[5] *Шведские дела теперь в самом кризисе. Что по оным делается... усмотришь из сообщаемых тебе с сим курьером бумаг... Король Шведский притворяется, будто принимает, что то все противу него...* – Приложений не обнаружено. Готовя поход части Балтийского флота в Средиземное море, русское правительство не только уведомило об этом все дворы, но и пыталось заручиться поддержкой Англии и Франции при плавании кораблей мимо их берегов. Шведский король, действуя в союзе с турками, использовал вооружения русского флота на Балтике, как удобный предлог для собственных вооружений и для нападения на Россию.

[6] *Оксенстиерна* (Оксеншерна) Иохан Габриель (1750–1818) – граф, шведский государственный деятель, ригсмаршал (глава государственного совета).

[7] *Александр Ва*[*сильевич*] *Суворов зделает, как я вижу, контр-визит Очакову.* – Суворов командовал войсками, расположенными на Кинбурнской косе и в Херсоне. Ему подчинялась гребная флотилия.

[8] *Что за письмы Зернак-Эфендия, кои пропали*? – 14.V Румянцев сообщил Потемкину, что он получил известие от господина Теппера (известного варшавского банкира. – *В.Л.*), что в письме к нему из Царьграда от какого-то Зернак-Эфенди "были приложены письма ко мне и к Князю Николаю Васильевичу (Репнину. – *В.Л.*) большой важности; но что по надписи к нему из Вены, пакет был распечатан в турецких границах и тех писем в нем не найдено" (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 313). Очевидно Зернак-Эфенди был одним из информаторов русского правительства в Турции. См. ответ Потемкина – письмо № 862.

[9] *Известия же Гр*[*афа*] *Салтыкова о намерении поляков почитаю за ложь.* – В том же письме Потемкину Румянцев сообщил "странную весть", пересланную графом И.П. Салтыковым (со слов армянских купцов), "будто поляки стараются при настоящих обстоятельствах возвратить от России и Цесаря отнятые земли и что в сей конфедерации и воевода Русский вмешан" (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 313).

860. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

27.V.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 1–1об.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 466–467.

[1] *Капитан-паша с огромным флотом прибыл к Очакову* – 20.V Суворов рапортовал Потемкину из Кинбурна о появлении огромного турецкого флота (около 90 судов разных типов, в том числе 14 линейных кораблей). 21.V Суворов уточнил – всего под Очаковом и в море 92 судна (*СД*. Т. 2. С. 405–406).

[2] *Отправил я Пауль Жонса на Лиман и в Кинбурн для осмотра...* – 20.V Потемкин назначил Джонса командиром парусной эскадры в Лимане. Ему было приказано отправиться к команде и рапортовать, "относясь также и к господину Генерал-Аншефу и Кавалеру Суворову для согласования действий" (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 293). Прибытие Джонса неожиданно осложнило взаимоотношения в руководстве морскими силами на Лимане. Командовавший парусной эскадрой храбрый грек П.П. Алексиано хотел уйти в отставку. Его примеру собирались последовать греки-капитаны черноморских судов. Ревниво встретил Джонса и Н.С. Мордвинов – старший член Херсонского адмиралтейства. Нассау, командовавший гребной флотилией, имел равный чин и равные права с Джонсом.

Суворову и дежурному бригадиру Потемкина Рибасу пришлось мирить морских начальников накануне решающих боев.

[3] *Командир оной капит*[*ан*]*-лейтенант Сакен, не могши более уходить, полетел с судном на воздух.* – Произведенный накануне боев в капитаны 2-го ранга Рейнгольд *Остен-Сакен* командовал дубель-шлюбкой, несшей сторожевую службу (бранд-вахту) у Кинбурна вместе с двумя небольшими судами графа Роже де Дамá. 19.V Нассау приказал судам бранд-вахты идти к Глубокой пристани на соединение с главными силами. Дамá ушел в ночь, а Сакен задержался до утра. Более быстроходные легкие суда противника перехватили дубель-шлюбку Сакена у устья Буга. Командир отправил экипаж с флагом и секретными документами на весельной шлюбке, а сам взорвал свое судно, причинив ущерб окружившим его турецким судам. См. ответ Екатерины в письме № 861.

861. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.VI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 108–109об.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 467–468.

[1] *Все сии демонстрации идут... чтоб флот, снаряжаемый в Средиземное море, тем остановить. Но сей, несмотря на то, пойдет в свой путь...* – Флот, назначенный в Архипелаг, остался на Балтике и принял участие в русско-шведской войне, сыграв особенно важную роль на первом этапе боевых действий, когда прикрыл не имевшую достаточного количества войск столицу Империи от шведских десантов.

[2] *Вице-канцлер говорит – "Не выходя отселе, бить шведский флот, хотя и не задерет", а другие говорят – "Как наш флот уйдет, тогда шведы задерут". А мне кажется, они не задерут, останутся при демонстрации.* – Записи в Дневнике Храповицкого передают напряжение тех трудных дней. 27.V Грейг получил указ тремя легкими судами вести разведку против шведского флота. 28.V императрица говорит Храповицкому: "Я шведа не атакую, он же выйдет смешон". 31-го: "Невеселы". 4.VI: "Мы, конечно, не начнем". – По почте выходит продолжение неприязни к нам от Англии и замечается ее согласие с Пруссиею". Из всех членов Совета только вице-канцлер граф И.А. Остерман предлагал нанести превентивный удар по шведскому флоту. Остальные констатировали, что в случае ухода Грейга шведы начнут войну, но ничего не предлагали.

[3] *Естьли б следовать моей склонности, я б флоту Грейгову да эскадре Чичагова приказала разбить в прах демонстрацию: в сорок лет шведы паки не построили бы корабли.* – Можно себе представить, какой шум подняли бы гласные и негласные подстрекатели Густава III к войне. Россия была бы объявлена агрессором и антирусская коалиция во главе с прусским королем получила бы важные козыри в своей двуличной игре. См. также конец письма, в котором императрица приводит один из решающих аргументов, отклонивших ее от намерения атаковать Густава III. Адмирал С.К. Грейг должен был 15.VI идти в поход вокруг Европы. Адмирал Василий Яковлевич *Чичагов* (1726–1809) командовал эскадрой, остававшейся на Балтике. Опытный моряк, полярный исследователь, участник первой русско-турецкой войны, Чичагов после смерти Грейга возглавил Балтийский флот и нанес шведам ряд поражений.

862. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

8.VI.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 7–8.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 468–469.

[1] *Зернак-Эфендия – Фериери.* – См. примеч. 8 к письму № 859. Очевидно, Зернак-Эфенди писал к Петру Александровичу *Фериери*, бывшему российскому генеральному консулу в Смирне. 2.X.1786 г. по представлению посланника Я.И. Булгакова Екатерина II уволила Фериери от службы за вмешательство "в дела, до него непринадлежащие" и большие долги (*Письма и бумаги императрицы Екатерины II*. С. 33).

[2] *Г[рафа] Александра Матвеевича я уже предварительно поздравлял.* – Письма Потемкина Мамонову, ставшему графом и генерал-адъютантом, не разысканы.

863. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

8.VI.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 17.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 475. Письмо не датировано.

Потемкин, получив донесение о победе на Лимане (7 июня) после написания предыдущего письма, поспешил уведомить императрицу. Капитан-паша (согласно фирману султана) атаковал Лиманскую эскадру и гребную флотилию. В сражении противник потерял три судна. Исход сражения решила гребная флотилия, построенная Потемкиным. Отважно бились на своих лодках верные запорожцы. Из-за противного ветра парусная эскадра не принимала участия в сражении. Подробности в письме № 864.

864. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.VI.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 10–10об. и 18–18об.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 470–472.

[1] *Агличане все хотели оставить службу, тоже и наши многие морские.* – На Черном море служили офицеры-англичане Вильсон, Бентам, Фенш и другие. Для них Джонс был предателем, пиратом. Его назначение командиром Лиманской эскадры в ранге контр-адмирала вызвало бурю негодования. Дежурный бригадир Потемкина Рибас, миривший моряков, писал Попову 9.VI: "Поль Джонс важное приобретение для русского флота, но зато сколько хлопот" (*ЗООИД*. Т. 11. С. 383).

[2] *Алексиано* Панаиоти Павлович (ум. в 1788) – грек-волонтер на эскадре адмирала Г.А. Спиридова в 1769 г. Участник Чесменского сражения. Командовал фрегатом, крейсировавшим в Средиземном море. Овладел турецкой крепостью Яффа (1772), участвовал во взятии Бейрута (1773). Награжден Георгием 4-ой степени. В 1787 г. в чине капитана бригадирского ранга командовал одной из эскадр Севастопольского флота (другой командовал Ф.Ф. Ушаков). Потемкин назначил Алексиано командиром Лиманской парусной эскадры в конце 1787 г., а в мае 1788 г. сменил его Джонсом. По отзывам Суворова и Корсакова главная роль в победах на Лимане принадлежала Алексиано. Награжденный чином контр-адмирала, он вскоре скончался от тяжелой болезни.

865. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.VI.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 15–15об.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 475.

Все представления Потемкина об отличившихся в сражении 7 июня были удовлетворены императрицей. Контр-адмирал Николай Семенович *Мордвинов* (1754–1845) был награжден орденом Св. Анны. Впоследствии стал адмиралом, графом. Получил известность, как экономист и либеральный государственный деятель.

[1] *Тоже бригадиру Корсакову...* – В рескрипте Екатерины II от 24.VI с перечнем наград говорится об инженер-полковнике Корсакове удостоенном золотой шпаги с надписью "За мужество, оказанное в сражении 7 июня на Лимане Очаковском" (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 324).

[2] *Исаев* Иван Иванович (1748–1810) – донской казак, походный атаман с чином армейского подполковника. Отличился в Кинбурнском сражении. Впоследствии генерал-майор.

866. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16–20.VI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 110–112.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 472–473 и 476.

Письмо начато в обстановке нарастающих сведений о намерении шведского короля напасть на Россию. 16.VI Храповицкий записывает слова императрицы: «"Буде дело пойдет на негоциацию, то, может быть, Шведский Король захочет, чтоб я признала Его Самодержавным". Решились остановить на время Адмирала Грейга с флотом при Ревеле для примечания движений шведского флота, чтоб его побить, буде начнет сражаться". 18.VI Екатерина говорит Храповицкому: «"Во всю ночь не выходило из головы, что Шведский Король может вздумать атаковать Кронштадт..." Дана записка о приведении Кронштадтской крепости в оборонительное состояние...»

[1] Граф *Горд* Иохан Людвиг (1719–1798) – шведский аристократ, генерал-лейтенант прусской армии. Во время Семилетней войны имел чин полковника и попал в русский плен. Освобожден Петром III и сделался его любимым собеседником. В 1770 г. посетил Россию в свите принца Генриха и записал рассказ Екатерины II о перевороте 1762 г. Оставил мемуары.

[2] *Горн и Браг*. – В 1756 г. придворная партия во главе с графом Эриком *Браге* (1722–1756) и графом Адамом *Горном* (1719–1778) потерпела поражение в острой политической борьбе за власть с парламентской партией. Обвиненный в попытке государственного переворота Браге был казнен. Горн спасся потому, что незадолго до событий был послан в Россию. Король Адольф-Фредрик и его жена Ульрика (родители Густава III) были вынуждены отречься от своих сторонников.

[3] *...сей мир ничем не пойдет поспешнее, как успехами вашими, наипаче же взятьем Очакова,* [*о*] *котором, дай Боже, услышать скорее.* – Недруги Потемкина распускали слухи о том, что якобы со взятием Очакова кончится война. Светлейший Князь был дальновиднее своих оппонентов. Учитывая опыт минувшей войны (когда блестящие победы на суше и на море в 1770 г. не привели к миру), он готовился к длительной борьбе. Продержав в течение всей кампании 1788 г. турецкий флот под стенами Очакова, Потемкин методично наращивал силы армии и восстанавливал боеспособность Севастопольского флота.

[4] *...шведы требовали, чтоб Контр-Адмирал фон Дезин им салютовал...* – Шведы искали повода для начала военных действий. Повстречавшись с передовым отрядом

флота адмирала Грейга (три линейных корабля под командованием контр-адмирала Виллима Петровича фон *Дезина* (1740–1826), многочисленный шведский флот во главе с братом короля потребовал себе салюта (вопреки русско-шведскому договору). Фон Дезин поздравил салютом лишь самого командующего, двоюродного брата Екатерины II.

[5] *Герцог Зюдерманландский.* – Принц Карл (1748–1818), брат короля Густава III. Поставленный во главе шведского флота действовал нерешительно. После смерти брата возглавил регентство при его малолетнем сыне. В 1809 г. по низложении Густава IV Адольфа стал королем Швеции под именем Карла XIII. Не имея наследника, усыновил маршала Франции Ж.Б. Бернадотта, сделавшегося родоначальником королевской династии, правящей в Швеции по сей день.

[6] *...Король Свейский прислал к Разумовскому сказать, чтоб он выехал из Стокгольма...* – В ноте графа Ан.К. Разумовского (посланника при шведском дворе), поданной графу И.Г. Оксеншерну 7.VI, говорилось: "Императрица объявляет чрез своего посланника министру Его Величества Короля Шведского, а также и всем тем, кои в сей нации некоторое участие в правлении имеют, что Ея Императорское Величество питает к Швеции самое миролюбивое чувство и ничего так не желает, как сохранение обоюдного спокойствия" (*РВ*, 1887, октябрь. С. 475). Эта нота стала достоянием оппозиционных кругов. Густав III решил форсировать события, придрался к словам и потребовал, чтобы Разумовский выехал из Швеции. Общественное мнение не одобрило действий короля. Оппозиция нашла, что Густав III нарушил конституцию, и противодействовала активному ведению войны.

[7] *Пушкин* – граф Валентин Платонович *Мусин-Пушкин*, генерал-аншеф и вице-президент Военной коллегии, был назначен главнокомандующим армии в Финляндии в 1788–1789 г. Действовал очень осторожно и вызвал недовольство императрицы, сменен графом И.П. Салтыковым.

[8] *Граф Ангальт* Феодор Евстафьевич (1732–1794) – сын наследного принца Ангальт-Дессау и дочери купца. В Семилетнюю войну сражался под знаменами Фридриха II против австрийцев и русских. В 1783 г. на службе в России, генерал-поручик, генерал-адъютант. С 1786 возглавлял кадетский корпус. Оставил по себе добрую память, как воспитатель и педагог. С началом шведской войны Ангальт претендовал на чин полного генерала и на поручение ему главного командования в Финляндии. "Велено наведаться, не подбил ли его кто? Граф Безбородко отвечал, что из русских он ни с кем не в связи, а разве иностранные", – записывает 21.VI в своем Дневнике Храповицкий.

867. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.VI.1788

Автограф. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 2388. Л. 13–14.
Публикация – *РС*, 1876, июль. С. 474–475.

[1] *Поздравляю с победой знаменитой.* – 16.VI командующий турецким флотом Газы Хасан-паша ввел в Лиман свои корабли. Сражение началось в 4 часа утра 17.VI и длилось до сумерек. Гребная флотилия (под командованием Нассау и Алексиано), воспользовавшись тем, что крупные турецкие корабли часто садились на мель, решительными атаками уничтожила два линейных корабля противника, в том числе капитан-пашинский. Турецкий адмирал спасся на лодке. Снова отличились верные запорожцы, но их предводитель Сидор Белой был смертельно ранен. Отступая, турецкие корабли пытались выйти в море и попали под огонь батареи, скрытно устроенной Суворовым на оконечности Кинбурнской косы. Всю ночь длился об-

стрел пришедших в замешательство турок: были потоплены бомбардирский корабль, два фрегата, две шебеки, галера и транспортное судно. Утром подоспевшая по требованию Суворова гребная флотилия довершила разгром: пять кораблей были сожжены, один (54-пушечный) достался целым в руки победителей. Всего за 17 и 18.VI турецкий флот потерял 15 судов, 5,5 тысяч человек и более 570 орудий.

[2] *А пират наш не совоин.* – Первые публикаторы письма на смогли прочесть этой фразы. В ней говорится о Джонсе, который накануне и во время сражений 17 и 18.VI проявил нерешительность. Парусная эскадра Джонса практически не участвовала в сражениях, хотя и потеряла 17.VI легкий фрегат "Александр". Джонс опасался за свой флагманский корабль "Св. Владимир" – единственный линейный корабль Лиманской эскадры. Утром 18.VI, потребовав от Нассау значительных сил для прикрытия своих кораблей, Джонс фактически выступил против атаки противника, приведенного в замешательство батареей Суворова. Нассау, поддержанный Алексиано, оставил Джонсу прикрытие и успешно атаковал противника. В своих письмах жене, посылаемых по горячим следам событий, Нассау отдал должное мужеству русских солдат, матросов и офицеров. "Все вели себя, как герои, – писал он 8.VI. – Никого нет в мире храбрее русских" (*ВИЛ*, 1894, январь. С. 181). Сообщая о победах 17 и 18.VI, принц подчеркнул, что у капитана-паши было втрое больше сил, чем у него, и что победа одержана гребной флотилией. "Я действовал постоянно наперекор мнению командующего парусного флота, который ничего не сделал. Поль Джонс доказал нам, что не одно и то же – командовать одним корсаром и целой эскадрой. Однако, его преувеличенная репутация затмила бы меня, если бы я не победил", – заканчивает Нассау, забывая сказать о заслугах Алексиано (*ВИЛ*, 1894, январь. С. 182). Потемкин, имевший надежные сведения о ходе сражений 17 и 18.VI, сделал соответствующие выводы (см. письмо № 898).

[3] *О, естли бы Бог даровал повергнуть стопам Вашим Очаков.* – Разгром части турецкого флота под стенами Очакова должен был, по общему мнению, заставить гарнизон крепости сдаться. "Сам Очаков, в глазах которого все то происходило, и лишен будучи всякой помочи, Вам скоро отворит ворота", – писал Потемкину Румянцев (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 331). Суворов – очевидец и участник сражений на Лимане – восторженно поздравлял главнокомандующего с победами: "Прежде Очаков не наш, разбит флот... знает одного Вас, падет пред Ваши ноги" (*СП*. С. 159). "Мой друг сердешный, – отвечал ему Потемкин, – любезный друг! Лодки бьют корабли и пушки заграждают течение рек. Христос посреди нас! Боже дай мне тебя найтить в Очакове. Попытайся с ними переговорить, обещай моим именем цельность имения, и жен, и детей... Прости, друг сердешный, я без ума от радости. Всем благодарность и солдатам скажите" (Письмо Суворову от 19 июня 1788 г. – *РС*, 1875, июнь. С. 160).

Все эти прогнозы не оправдались. Очаковский гарнизон мужественно выдержал 5-месячную осаду.

[4] *Не сказывая никому, но флот Архипелажский теперь остановить совсем можно, а вместо того прислать в самой скорости тысячи две хороших матрозов, еще и штурманов с прочими нужными чинами, также и офицеров.* – В критический момент, буквально накануне нападения Густава III Потемкин добился на юге таких ошеломляющих успехов, что необходимость в Архипелажской экспедиции Балтийского флота отпала. Адмирал Грейг и его помощники могли использовать все силы против нового врага, угрожавшего столице Империи.

868. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.VI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 125–126.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 476–477.

[1] *Графу Вал[ентину] Пла[тоновичу] я дала команду в Финляндию, Вел[икий] Кн[язь] едет с ним.* – Сохранилось письмо великого князя Павла Петровича матери от 24.VI.1788 г. "Умоляю, Ваше Императорское Величество, благоволите вспомнить, что Вы подали мне надежду отправить меня туда и что по этой причине Вы велели мне отложить мою поездку в одну из двух других армий. Умоляю поэтому Ваше Величество благоволить дать мне дозволение отправиться туда..." (*СБРИО*. Т. 15. С. 136). Екатерина, получив это письмо, подтвердила свое дозволение наследнику отправиться в Финляндию. 2.VII Павел прибыл в Выборг и провел в действующей армии два с половиной месяца.

[2] *Нолькен* – посланник Швеции в Петербурге – был выслан в ответ на высылку Разумовскго из Стокгольма.

[3] *Простой народ у нас Короля Шведского хочет бить кнутьями, и на него ужасно сердиты.* – Вероломство Густава III вызвало сильное раздражение во всех слоях русского общества.

869. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.VI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 126об. – 128об.
Публикация – *PC*, 1876, июль. С. 477–478.

[1] *Губернатор...* – Выборгским губернатором был генерал-поручик Карл Христианович фон Гинцель (р. в 1741).

[2] *...дозволяю Князю Нассау употребить и поднять мой Вице-Адмиральский флаг: он же ишпанский Генерал-Поручик.* – Принц Нассау-Зиген во время осады Гибралтара служил в Испанской армии и имел чин генерал-поручика (соответствовал согласно табели о рангах чину вице-адмирала). Императрица пишет о 4-х контр-адмиралах на Черном море. Вместе с Нассау их было уже пять: Мордвинов, Войнович, Джонс и Алексиано.

870. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.VI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 113–114об.
Публикация – *PC*, 1876, август. С. 571–572.

[1] *Граф Апраксин* Федор Матвеевич (1765–1796) – за привоз известий о победах на Лимане был пожалован в капитан-поручики лейб-гвардии Преображенского полка.

[2] *..шведы атаковали Нейшлот, в котором две роты егерей, а война не объявлена.* – Густав III как азартный игрок требовал от командовавших войсками в Финляндии графа Стединга и барона Гастфера спровоцировать войну. Для этой цели несколько шведских солдат, переодетых в русскую форму, напали на свою же приграничную (финскую) деревню. Король публично заявил о нападении России и, нарушив конституцию, начал войну, не получив согласия Сейма. 26.VI Храповицкий записал: "Получено известие, что 21-го июня шведы заняли предместье Нейшлота и осаждают замок. Произошли разные безпокойства; командирован лейб-гренадерский полк. Грейгу велено ссадить войска с транспортных судов, но не с кораблей, ата-

ковать флот неприятельский и после победы итти к Карлскроне. Перекрестились, подписывая сей Указ". Несмотря на принятые Екатериной II меры не дать повода к войне, Густав III, уверенный в успехе, отправляясь на театр военных действий, пригласил шведских дам на бал в Петергофе. Он хвастливо обещал сбросить с пьедестала статую Петра Великого на Исаакиевской площади.

871. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.VII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 115–116об.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 572–573.

[1] *Потом шведский секретарь требовал у Вице-канцлера час и... подал ноту, подписанную им по королевскому повелению, в которой, по многим оскорбительным мне самой и Государству речам, Его Вел[ичество] предлагает мне мирные кондиции.* – Храповицкий отмечает в Дневнике: "...прощались с Цесаревичем, плакали. Его Высочество, ночевав на Каменном острову, завтра на рассвете поедет в Выборг..." 1.VII, по словам Храповицкого, "Шведского посольства секретарь Шлаф подал ноту, в которой Король требует решительного ответа: да или нет, то есть, быть ли миру или войне? А мир предлагает на следующих условиях: 1-е, наказать примерно Графа Разумовского за его интриги, клонившиеся к возмущению народа; 2-е, отдать Финляндию и часть Карелии до Систербека, или все то, что Швеция Нейштадтским миром и Абоским трактатом России уступила; 3-е, принять его медиацию для постановления мира с Портою, отдавая Крым и уполномочивая уступить все завоевания, в минувшую войну приобретенные, с утверждением границ, до 1768 года бывших. Тут, для доказательства Королевского снисхождения, упомянуто о времени Пугачева, и Ея Величество, отдавая мне ноту, сказать изволила: "Он ссылается на своего товарища Пугачева". Шлафа и всю свиту со шведскими курьерами велено выслать".

[2] *Густав* II Адольф (1594–1632) – король Швеции, знаменитый полководец. При нем Швеция стала великой державой. Захватил Водскую пятину бывшей Новгородской волости, отрезав Московскую Русь от Балтийского моря. У Польши захватил Лифляндию. Принял деятельное участие в Тридцатилетней войне на стороне протестантских князей. Убит в сражении при Люцене.

[3] *Карл* XII (1682–1718) – король Швеции, знаменитый полководец, соперник Петра Великого. Блестящие победы над саксонцами и поляками, над молодой русской регулярной армией вскружили голову королю-кондотьеру. Разгром армии Карла XII при Полтаве привел Швецию к утрате статуса великой державы.

[4] *Буде нам Бог поможет, то его намерение есть уехать в Рим, принять римский закон и жить, как жила Королева Христина.* – *Христина* (Кристина Августа, 1628–1689) – после смерти в битве при Люцене ее отца – короля Густава II Адольфа в 1632 г. была провозглашена королевой. До 1644 г. страной правил регентский совет, фактически канцлер Оксеншерна. Одна из образованнейших женщин своего времени Кристина тайно перешла в католичество, в 1654 г. отреклась от престола и жила до самой смерти в Риме. Очевидно, в случае серьезных неудач в войне с Россией Густав III, имевший сильную оппозицию, намеревался последовать примеру Кристины.

[5] *При сем следуют манифест и копия с сумасшедшей ноты.* – Приложений не обнаружено. О ноте Густава III – см. примеч. 1. Манифест, помеченный 30.VI.1788 г., оповещал население России о войне со Швецией.

872. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

7.VII.1788

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2215. Л. 7.
Публикация – *РС*, 1875, май. С. 34.

[1] *Отправляются теперь флаги, а за ними знамены.* – Речь идет о трофеях, захваченных в сражениях на Лимане. 1.VII гребная флотилия Нассау уничтожила остатки турецкой флотилии, укрывшейся под стенами Очакова. Самым почетным трофеем был флаг капитан-паши (турецкого командующего флотом), захваченный в сражении 17.VI.

[2] *О Войновиче имею известие, что он еще 22 прошлого месяца стал в виду между Козлова и Ак-Мечетью, следовательно, турецкий флот его миновал.* – После первого сражения на Лимане (7.VI) Потемкин писал графу Войновичу: "Теперь ваша настоит череда прославить флаг Российский на Черном море" (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 312). Он еще не знает, что первое сражение с турецким флотом закончилось победой молодого Черноморского флота (3.VII.1788 г. у о. Фидониси).

873. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.VII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 117–118.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 573–574.

[1] *Вице-адмиральский корабль и на нем Вице-Адмирал шведский взят "Ростиславом"...* – Во время Готландского морского сражения 6.VII Грейг нанес поражение шведскому флоту. 70-пушечный корабль "Принц Густав" спустил флаг. В плен попал вице-адмирал граф Клас Адам *Вахтмейстер* (1755–1828), прикрывший своим кораблем от огня русских пушек корабль герцога Зюдерманландского. Шведы захватили русский линейный корабль "Владислав" (командир капитан 1-го ранга А.Б. Берх) и отступили к Свеаборгу. Грейг был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Хотя победа была неполная, планы Густава III овладеть Петербургом провалились.

[2] *Кондиции хороши, кои сюда прислал: я подозреваю, не с ума ли сшел.* – Кондиции (условия), на которых Густав III предлагал прекратить военные действия, носили явно провокационный характер. См. о них примеч. 1 к письму № 871.

874. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13–14.VII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 119–120.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 574–575.

[1] *Письмы твои от 1 июля и от 6 того же месяца я вчерась и третьего дни получила.* – Писем найти не удалось. Известны донесения Потемкина, помеченные 1, 5, 6 и 7.VII.1788 г. (*СБВИМ*. Вып. VI. С. 333–348).

[2] *Боровский* Федор Артемьевич (1742 или 1744–1805) – полковник, боевой гусарский офицер. Участник русско-турецкой войны. Отличился в польской кампании 1794 г. Кавалер Георгия 4-ой степени. Генерал-майор. При Павле I подвергался преследованиям.

[3] *Нессельрод* (Нессельроде), граф Вильгельм-Карл (1724–1810) – уроженец Вестфалии. Служил в Австрии, Голландии, Франции, Пруссии и, наконец, в России. С 1778 г. чрезвычайный посланник в Лиссабоне, где у него родился сын – будущий канцлер России граф К.В. Нессельроде. Назначая "Нессельрода" (вместо графа С.П. Ру-

мянцева), Екатерина II хотела воспользоваться его опытом и связями с придворными кругами в Берлине для нейтрализации Пруссии. Тайный советник.

4 *Двоякости Фельд*[*маршала*] *Рум*[*янцева*] *непростительны.* – Гарновский в конце июня писал Попову о том, как Румянцев «вопрошал на сих днях, что он еще до сих пор не знает, что ему делать?.. Сегодня послан к нему рескрипт, коим велено действовать с вверенною ему армиею между Днестром и Прутом, турков, идущих сухим путем к Очакову, удержать и содействовать принцу Кобургскому, если сей генерал ко взятию Хотина приступить намерен. Прочтя сей рескрипт, спросили меня, доволен ли я и что я думаю? Признаюсь, кровь во мне закипела. Я ответствовал, "Доволен, но сумневаюсь в исполнении повеления сего. Не дай Бог, если граф так содействовать будет, как это случилось под Кюстрином"» (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 18–19). Постоянно напоминая о старой дружбе Завадовского и Безбородко с Румянцевым, Гарновский сообщал о попытках цесарского посла противопоставить Румянцева Потемкину.

5 *Об флоте и доныне говорим, что пойдет в Архипелаг. Пошли сам от себя в Химару, а послу говорено будет по твоему желанию о прокормлении и прочем.* – Несмотря на нападение Швеции, в Петербурге продолжали распространять слухи о походе флота в Архипелаг. 15.VII Храповицкий записывает в "Дневнике": "...будет туркам диверсия в Химаре. Заборовскому велено относиться по сим делам к Князю Потемкину Таврическому, и кажется, что это проект его". Во время первой русско-турецкой войны греки из провинции Химара (малая Албания) с оружием в руках сражались против поработителей-османов. Многие "албанцы" поступили волонтерами на эскадру А.Г. Орлова, а после окончания войны решили переселиться в Россию, хотя им и была обещана амнистия. В связи с изменением обстановки (задержкой флота на Балтике) Потемкин должен был уведомить об этом греков Химары. На запросы австрийского посла в Петербурге о планах действия армии Потемкина императрица вежливо сослалась на необходимость обеспечить продовольствием войска для наступательных операций.

6 *Кишенский еще не приехал.* – Полковник Федор Иванович Кишенский должен был привезти в столицу трофеи – захваченные в сражениях на Лимане флаги. "Кишенского с флагами ждут нетерпеливо, – сообщал Гарновский. – Реляция ваша напечатана уже в русских ведомостях, теперь подносимых" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 28).

7 *При сем посылаю к тебе, что взято на шведском корабле и с шведским Вице-Адмиралом Гр*[*афом*] *Вахтмейстером.* – Приложений к письму в деле нет.

875. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.VII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 121–123.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 575–577.

1 *Об*[*ер*]*-кригскомис*[*сару*] *Львову и генер*[*альс*]*-адъют*[*анту*] *Рокасовскому владимирские кресты даны будут.* – 7.VII.1788 г. из Лагеря под Очаковом Потемкин представил к наградам обер-кригскомиссара Андрея Львова и своего генеральс-адъютанта подполковника Ивана Рокасовского (Рокусовского) за усердие и ревность в формировании Курского и Козловского пехотных полков нового состава. Старослужащие этих двух полков пошли зимой на пополнение других полков. Оба штаб-офицера сумели привести порученные им полки "в совершенный порядок и исправность" (*АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 107–107об.).

2 *Касательно Ранцова, хотя он и сущий разбойник и пойман был в зажигании города Лондона, и ты ему вверять ничего не можешь, однако отпустить его к тебе*

велю. – Об участии И.Р. Ронцова в бунте лорда Дж. Гордона см. примеч. 1 к письму № 594.7.VII.1788 г. Потемкин писал императрице: "Всемилостивейшая Государыня! Впадший в преступление подполковник Ранцов, при настоящих теперь военных действиях ища пролитием крови омыть вину свою, просит позволения служить в войсках против неприятеля действующих. Я, Всемилостивейшая Государыня, не могу не одобрить сего подвига, который для службы Вашего Величества нахожу полезным, а потому и приемлю смелость испрашивать Высочайшего о сем повеления" (*АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 108). О его дальнейшей судьбе сведений найти не удалось.

3 *...Петр Борисович первый подписал 500 человек.* – Известный богач граф Петр Борисович *Шереметев* (1713–1788), сын знаменитого петровского фельдмаршала от второго брака. Женившись на дочери князя А.М. Черкасского – первой по богатству невесте в России – Шереметев сделался владельцем сотен тысяч крепостных крестьян и без труда мог подписаться на 500 рекрут, выставляемых им сверх официальных наборов.

4 *Есть еще маленькая штучка, которую изготовляю на севере Королю Шведскому...* – Речь идет об экспедиции барона Георга-Магнуса Спренгпортена, перешедшего не так давно из шведской службы на русскую, известного поборника независимости Финляндии. Его попытка опереться на своих сторонников в Финляндии окончилась провалом: военная экспедиция потерпела неудачу.

5 *А я теперь маленько поотдохнула, понеже кажется, что дела здешние берут оборот к лутчему, а с вашей стороны мы весьма спокойны.* – И Храповицкий, и Гарновский, сообщая об энергичной деятельности императрицы, мужественно встретившей нападение шведов, отмечали и ее жалобы на нездоровье, частые слезы. «Вы не поверите, сколь бы у нас во время праздников было слез, если бы не подоспели ваши приятные вести, – писал Гарновский Попову 29.VI.1788 г. после празднования дня восшествия на престол. – Некоторые твердят государыне, что столица ея в опасности. Однажды в слезах сказано было: "Если разобьют стоящие в Финляндии войска, то, составя из резервного корпуса каре, сама пойду"» (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 22). Слезы Екатерины видят только самые близкие к ней люди. Во время официальных приемов императрица держится с прежним достоинством. Ее письма зарубежным корреспондентам полны непоколебимой веры в силы России.

876. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

18.VII.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 260–261.
Публикуется впервые.

1 *Из приложенной реляции изволите усмотреть действия флота Севастопольского.* – Реляция о победе при о. Фидониси опубликована в *СБВИМ* (вып. VI. С. 354–358). Севастопольский флот (2 линейных корабля, 11 фрегатов, 20 легких судов) заставил отступить турецкий флот (15 линейных кораблей, 8 фрегатов, 3 бомбардирских и 21 легкое судно).

2 *Кораблям, что от города Архангельского, скорей прикажите соединиться.* – Эскадра контр-адмирала И.А. Повалишина из Архангельска должна была соединиться с пришедшей в Данию эскадрой вице-адмирала В.П. фон Дезина и действовать против шведов совместно с датским флотом.

3 *О Фельдмаршале нашем ничего не слыхал.* – В переписке Румянцева с Потемкиным (*СБВИМ*. Вып. IV) действительно имеется перерыв с 30.VI по 22.VII.1788 г.

877. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.VII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 124–124об.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 577–578.

[1] *Но боле всего бы нужен был кто ни есть притравленный.* – Т.е. опытный командир гребной флотилии.

[2] *В последнем морском сражении со шведами капитаны четыре заслужили виселицу, хотя прочие и храбро поступали.* – Как отмечает Храповицкий (18.VII), по письмам адмирала Грейга графу И.Г. Чернышеву оказалось, "чем далее входит в дело трех виноватых капитанов, тем более вины их увеличиваются, думая, что коснется и до Контр-Адмирала фон Дезина". Брат вице-адмирала В.П. фон Дезина командовал в сражении 6.VII авангардом флота Грейга. Три капитана были отданы под суд за то, что не подали помощи кораблю "Владислав", попавшему в окружение шведских судов. Вместе с Мартыном фон Дезиным они понесли наказания. Густав III, несмотря на отступление своего флота, хвастал победой, ссылаясь на захват "Владислава".

[3] *К нам грянул, как снег не голову, Гр[аф] А[лексей] Гр[игорьевич] Орлов.* – Гарновский сообщил Попову, что Орлов, обедая во дворце с членами Совета, "начал твердить по прежнему, что занимаясь делами на полдне (т.е. на юге. – *В.Л.*), привели государство в совершенную разстройку и что столица здешняя находится в совершенной опасности. Сей раз этот гость Государыне в тягость. 1-е потому, что многие еще до приезда Его Сиятельства пели Ея Императорскому Величеству подобные его песням; 2-е, что опасность со стороны шведов почти миновалась" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 28).

[4] *Галвеси* – испанский посланник, переведенный из Берлина в Петербург. По поручению своего двора сделал представление Густаву III о прекращении войны с Россией.

878. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.VII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 129–130.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 578.

[1] *Сенявин* Дмитрий Николаевич (1763–1831) – капитан-лейтенант, любимец Потемкина и его флаг-капитан. В 1790 г. генеральс-адъютант главнокомандующего Черноморским флотом. В 1791 г. капитан 2-го ранга. Впоследствии прославил свое имя победой над турецким флотом в 1807 г. Адмирал. Генерал-адъютант.

[2] *Скажи, чем мне обрадовать Войновича? Кресты третьего класса к тебе посланы, не уделишь ли ему один, либо шпагу?* – Войнович получил Георгия 3-й степени, но вскоре (в январе 1789 г.) был сменен Ф.Ф. Ушаковым – подлинным героем сражения у о. Фидониси. Потемкин внимательно разобрался в конфликте между Войновичем и Ушаковым и решительно поддержал талантливого флотоводца.

[3] *...как из приложенной копии с репорта Выборгского губернатора усмотришь.* – Копии с репорта фон Гинцеля с деле нет.

879. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

31.VII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 131–132об.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 579–580.

[1] *... Армфельд, его любимец, прислал письмо с трубачем к Князю Лобанову...* – Начиная несправедливую войну, Густав III одновременно искал лазейки для переговоров.

[2] *Все же переговоры твердые с вероломцем постановить трудно, а когда Финляндия*

откажется от его подданства, да шведы соберут Сейм, тогда можно будет Фуфлыге-богатырю подстричь крылья, чтоб впредь летал пониже. – Крайняя непопулярность войны с Россией заставляла Густава III зондировать вопрос об условиях прекращения боевых действий. Русское правительство стремилось использовать недовольство среди офицеров шведской армии, составивших так называемую Аньяльскую конфедерацию. Шведский сейм также, по мнению Екатерины II, должен был выступить против короля – фуфлыги-богатыря, которому Екатерина посвятила свою новую комическую оперу "Горе-богатырь". Но Густаву III удалось разгромить конфедерацию и, опираясь на шведское крестьянство, сломить сопротивление сейма.

[3] *Егергорн* Юхани Антти (1757–1825) – финн, майор шведской армии, адъютант командовавшего войсками в Финляндии графа Ф. Поссе. Один из вождей Аньяльской конфедерации, сторонник отделения Финляндии от Швеции. Вел переговоры с русским правительством о независимости Финляндии. В 1790 г. бежал в Россию.

880. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

6.VIII.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 885. Л. 263–263об.
Публикуется впервые.

[1] *Капитан-паша... опять пришел со флотом...* – 29.VII огромный турецкий флот снова появился под Очаковом. Попытки блокировать город-крепость со стороны Лимана оказались неудачными. Турецкие суда прорывались к Очакову, подвозя подкрепления и припасы. Но главная задача была решена: флот противника отказался от активных действий на Черном море. В октябре капитан-паша увел свои корабли зимовать на юг, а 6.XII Очаков был взят штурмом.

[2] *Пред приходом капитан-паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало...* – Речь идет о неудачном деле 27.VII.1788 г. Неприятель предпринял вылазку из Очакова против левого фланга русских войск, которым командовал Суворов. В ожесточенной схватке он был ранен пулей в шею, покинул поле боя, а сменивший его генерал Ю.Б. Бибиков не сумел организовать отход. Войска понесли большие потери. Суворов горячо переживал неудачу. Потемкин потребовал от него и всех генералов соблюдения дисциплины. Конфликт был исчерпан к 22.VIII, но Суворов под предлогом излечения раны не вернулся в лагерь под Очаковом. См. подробности дела 27.VII в книге *СП*, с. 581–587.

[3] *...убитыми и ранеными стоит четыреста человек лишь с Ф[ишера] батали[она].* – В деле 27.VII наибольшие потери понес гренадерский батальон подполковника Петра Ивановича *Фишера*. Сам Фишер с отличием служил во время войны, был награжден Георгием 4-ой степени и золотым оружием. Последний чин – бригадир.

[4] *Прилагаю здесь сообщение Гра[фа] П[етра] Ал[ександровича].* – Приложения в деле нет. 27.VII Румянцев сообщил Потемкину о затяжке со сдачей турецкой крепости Хотин австрийцам (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 335–336).

881. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.VIII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 133–133об.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 580–581.

Одно из самых сердечных писем, относящихся к периоду войны. Обеспокоенная трехнедельным молчанием Потемкина, Екатерина (получив его донесение с описанием

смертельного ранения Синельникова) решила, что и он сам ранен, но скрывает это. Ее тревога имела основание.

[1] *Синельников* Иван Максимович – генерал-майор, правитель Екатеринославского наместничества. Прибыл в лагерь под Очаковом и 25.VII во время рекогносцировки крепости был ранен пушечным ядром в пах. Он стоял в двух шагах от Потемкина. В ответ на сочувственные слова Светлейшего раненый просил его "не подвергать себя такой опасности, ибо Потемкина в России другого нету" (*РС*, 1895, № 9. С. 175). Через два дня Синельникову ампутировали ногу, но операция не спасла его.

[2] *Весьма жаль, что Алек*[*сандр*] *Вас*[*ильевич*] *Суворов столько потерял людей и что сам ранен.* – В отзыве Екатерины Храповицкому (запись от 14.VIII) слышится раздражение, вызванное общей тяжелой обстановкой: "Он, конечно, был пьян; не сказывай ничего о Суворове".

882. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.VIII.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 264–265об.
Публикуется впервые.

[1] *Вылазки по сие время мы прогоняем со вредом, но не даром и нам приходят.* – Гарнизон Очакова мужественно защищался, совершая дерзкие вылазки. Во время вылазки 27.VII был ранен Суворов, его войска понесли серьезные потери. 18.VIII с большим трудом удалось отразить новую вылазку турок. Были ранены генерал-майор М.И. Голенищев-Кутузов, граф Роже де Дама и другие офицеры и солдаты.

[2] *Я на сих днях неприятные имел два случая. Первый – бомбарду мою взорвало от собственного огня во время действия. Второй – незнаемо как загорелся в Кинбурне магазейн снарядов флотилии принадлежащих.* – 13.VIII во время бомбардировки Очакова судами гребной флотилии и парусной эскадры взорвалась одна бомбарда (судно, вооруженное сильной артиллерией). Экипаж погиб. 20.VIII в Кинбурнской крепости при отпуске на "гребную флотилию бомб, бранскугелей и протчих снарядов двум офицерам, оные и рабочие с ними подняты на воздух, а потому и аккуратного о сем происшествии сведения взять не от кого" (Из рапорта Ю.Б. Бибикова А.В. Суворову от 20.VIII.1788 г. // *СД*. Т. 2. С. 441). Находившийся с своей квартире Суворов (лечившийся от раны, полученной 27 июля) получил от взрыва ожоги и контузию. Потемкин близко к сердцу принял новое несчастье, приключившееся с заслуженным генералом, и прислал ему теплое письмо и сиделку.

[3] *И при столь сильной эксплозии...* – Т.е. при столь сильном взрыве.

[4] *Прилагаю у сего сообщение Графа Петра Алекса*[*ндровича*]... – Приложения в деле нет.

883. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VIII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 134–135.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 581–582.

[1] *Финны... прислали просить амнистию.* – Речь идет о переговорах финских офицеров с русскими властями. Противодействие финнов сорвало планы Густава III нанести сильный внезапный удар с суши на Петербург.

[2] *Что с Разумовским случилось, усмотришь из посланных к тебе бумаг.* – Приложение не обнаружено. Разумовский не успел покинуть Стокгольм до начала военных

действий и подвергался преследованиям со стороны короля. Только в конце августа ему удалось покинуть Швецию на купеческом судне.

[3] *С завтрешним праздником тебя поздравляю.* – 30.VIII праздновался день памяти Св. князя Александра Невского.

884. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

31.VIII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 136–137.
Публикация – *PC*, 1876, август. С. 582–583.

[1] *Отпиши, каков Кутузов и как он ранен? И от меня прикажи неведываться.* – Замечательно внимание Екатерины к Михаилу Илларионовичу *Кутузову* (1745 или 1747–1813). Возможно, это связано с его первым ранением 23.VII.1774 г. под Алуштой, когда подполковник Голенищев-Кутузов повел свой гренадерский батальон в атаку. "Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая ударивши его между глаз и виска, вышла на пролет в том же месте на другой стороне лица", – говорилось в реляции генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова об отражении турецкого десанта в Крыму (*КД*. Т. 1. С. 17). Рана считалась смертельной, но Кутузов после лечения за границей вскоре вернулся в строй. 18.VIII.1788 г. во время вылазки турок Кутузов, находившийся на одной из осадных батарей, снова был ранен мушкетной пулей в голову. Очевидец его ранения принц Де Линь сообщил в письме императору Иосифу II о том, что, по его мнению, генерал-майор Кутузов не доживет до утра. Потемкин написал о ранении Кутузова в своем донесении от 22.VIII (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 160–161.).

885. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 267–268.
Публикуется впервые.

[1] *Прилагаю здесь письмо и сообщение графа Петра Александровича.* – Приложения в деле нет. 27.VIII Румянцев писал Потемкину о разбитии "кучи некрасовцев", о действиях своих войск (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 344). Потемкин, осаждавший Очаков, беспокоился, как бы противник не подал помощи с сухого пути – со стороны Хаджибея и Бендер. Активные действия армии Румянцева должны были прикрыть очаковскую осаду.

[2] *На сих днях потерял я бригадира Корсакова, человека с большими талантами.* – Инженер-полковник (приравнивался к чину армейского бригадира) Николай Иванович *Корсаков* 24.VIII, осматривая осадные батареи, поскользнулся, упал в ров и накололся на собственную шпагу. Суворов, узнав о гибели талантливого инженера, которого он знал с детства, писал И.М. Рибасу: "Отечество теряет в нем человека редкого" (*СП*. С. 171).

[3] *Редлихкейт* Корнелий – инженер-подполковник, принят в русскую службу из голландской в 1786 г. Участвовал в возведении оборонительных сооружений и батарей под Херсоном и Кинбурном, в осаде Очакова.

[4] *Генерал-Маиору Кутузову становится легче. Рана его была опасна.* – См. письмо № 890 и примеч. к нему.

[5] *Я положил послать лутчего капитана флот*[*ского*] *Винтера, но он занемог.* – В ответ на просьбу Екатерины прислать опытного командира для спешно строив-

шейся гребной флотилии Потемкин остановил свой выбор на капитане 2-го ранга голландце де Винтере, одном из героев сражений на Лимане. Винтер принял участие в войне на севере и был смертельно ранен в сражении гребной флотилии со шведами 13.VIII.1789 г. Победа была полная, но Безбородко отметил гибель Винтера, как важную потерю.

886. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 269.
Публикуется впервые.

[1] *Здесь приложенные уведомления о занятии Ясс разногласны, как усмотреть изволите.* – Приложения не обнаружены.

887. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.IX.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 138.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 583.

[1] *...посылаю письмо, полученное мною от Императора вчерашний день.* – Иосиф II в письме от 27.VII/7.VIII.1788 г. писал о своем удовольствии, которое он испытал, узнав об исходе морской битвы адмирала Грейга со шведами. Он желал бы видеть в руках императрицы флаг герцога Зюдерманландского, который приятнее флага капитан-паши. О Густаве III император сообщал, что тот предлагал ему устроить отдельный мир с Портою и спрашивал об условиях. Иосиф II прибавляет, что он "хотя много видал дураков, но не знавал таких, которые бы других считали себя глупее" (см. – *РА*. 1880. Кн. 1. С. 342).

888. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 270–271.
Публикуется впервые.

[1] *Прилагаю здесь письмы Г*[*рафа*] *Петра Алекс*[*андровича*]. *Перевод с греческого от Мавроения к Манулу-Воде писанного.* – 2.IX.1788 Румянцев сообщил Потемкину о перехвате курьера из Бухареста от господаря Валахии Мавроени к господарю Молдавии Манулу-Воде. В письме Мавроени говорилось о планах военных действий турок против австрийцев (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 344–345).

[2] *Ежели бы угодна была моя мысль о Графе Вахтмейстере, не лутче ли его послать в Калугу к Кречетникову или в Тулу...* – Плененный Вахтмейстер был видным масоном (главой шведских масонов являлся принц Карл Зюдерманландский). Потемкин предлагал изолировать шведского вице-адмирала от влиятельных московских масонов (Н.И. Новиков, И.В. Лопухин и др.).

[3] *Я все силы употребляю перевооружением судов, кои носили малые пушки ...Имея здесь восемь линейных по своей артиллерии, прикажу и Войновичу итить и соединенно, призвав Бога в помощь, атаковать флот турецкий. Лишь бы он не ушел.* – Перевооружая фрегаты пушками большого калибра, Потемкин усилил мощь Лиманской парусной эскадры (имея всего 1 линейный корабль, она сравнялась по мощи артиллерийского огня с 8 линейными кораблями). Объединив силы Лиманской эскадры с Севастопольским флотом, можно было рассчитывать на серьезный успех в борьбе с турецким флотом. Но Войнович не оправдал надежд Потемкина.

[4] *Намедни ездил реко[г]носировать на шлюбке в такой близости, что турецкие картечи чрез шлюбку летали.* – Этот эпизод подробно описан графом Дама. 5/16 сентября главнокомандующий (до которого доходила критика его действий со стороны иностранцев) пригласил принцев Нассау, Де Линя, и Ангальта вместе с графом Дамá отправиться на весельной шлюбке для осмотра цитадели Очакова – замка Гассан-паши. Турки заметили шлюбку и устроили погоню. Момент был критический. Турецкие картечи летали над головами. "Князь Потемкин, сидя один на кормовой банке, со своими тремя орденскими звездами на виду, держался поистине с поразительным по благородству и хладнокровию достоинством", – вспоминал Дамá, всерьез опасавшийся попасть в плен. Положение спас князь Репнин, прикрывший отход шлюбки огнем батарей. 4–5 тысяч зрителей встретили Потемкина и его спутников на берегу. В тот же день противник совершил вылазку, но был отброшен отрядом А.Н. Самойлова (*СИН*, 1914. Т. 18. С. 45–46).

889. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 272–273.
Публикуется впервые

[1] *Получил я уведомление от Николая Ивановича Салтыкова, что угодно Вам, чтобы я представил для командования лейб-гранодерского полку достойного человека.* – Уведомления Н.И. Салтыкова не обнаружено. 1.IX.1788 г. скончался вице-полковник лейб-гренадерского полка Семен Федорович *Уваров*. Полк был выдвинут на защиту подступов к столице. Потемкин нелестно отзывается об Уварове, что отметил в своем Дневнике осведомленный Храповицкий (23.IX.1788 г.).

[2] *Берхман* (Бергман) Петр Федорович – генерал-майор, командир Тобольского пехотного полка. В молодости служил в Преображенском полку, участвовал в архипелажской экспедиции. 3.Х.1788 г. назначен командиром лейб-гренадер.

[3] *В Очакове на сих днях удавили двух из знатных жителей, которые были в числе восьми, предлагающих паше о сдаче города.* – В письме Безбородко Потемкин уточнил: "Терпение и оружие употребляемое противу города не произвело еще желания здаться. Был заговор у жителей, в котором и комендант, по их диздар, был, но, узнав, паша ево и двух еще старшин удавил" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 96).

[4] *Из приложенного здесь сообщения Графа Петра Александровича изволите усмотреть, что он недоволен условиями, но как бы они худы ни были, хорошо однако же, что Хотин сдался, чрез что Г[енерал] Граф Салтыков употребиться может.* – Приложения не обнаружено. Об окончательной сдаче турецкой крепости Хотин принцу Кобургу Румянцев писал Потемкину 21.IX (*СБВИМ*. Вып IV. С. 345–346). Турецкий гарнизон был выпущен на почетных условиях. Корпус графа И.П. Салтыкова, вместе с австрийцами блокировавший Хотин, высвобождался для активных действий против скоплений противника в Молдавии.

890. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 97.
Публикуется впервые. Ответ на письмо императрицы от 31.VIII. (письмо № 884).

[1] *Влагаю здесь записочку о ране генерал-маиора Кутузова. Судьба ево получать тяжелые раны.* – Потемкин, как и Екатерина II, обладал редким даром находить и смело выдвигать талантливых людей. Кутузов был в числе его любимцев (см. отзыв

о нем в письме Суворову накануне штурма Измаильской твердыни – *СП*. С. 609). В приложенной к письму записочке (л. 98) хирурга-француза Массо говорилось: "Его Превосходительство Господин Генерал Кутузов был ранен мушкетной пулей – от левой щеки до задней части шеи. Часть внутреннего угла челюсти снесена. Соседство существенно важных для жизни с пораженными частями делало состояние сего Генерала весьма сомнительным. Оно стало считаться вне опасности лишь на 7-ой день и продолжает улучшаться" (подлинник на фр.языке). Достойно внимания: тремя неделями ранее Массо оперировал раненного в шею Суворова. В конце года Кутузов вернулся в строй.

891. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.IX.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 141–142об.
Публикация – *PC*, 1876, август. С. 583–585.

[1] *Шведы и финны у Короля требовали Сейма, Сенат также, но он им отказал, уехал в Далекарлию, чтобы тамо мужиков взбунтовать и вести их в Стокгольм, взять банк и объявить себя самодержавным. Но и в том едва ли успеет...* – Густаву III удалось выполнить свое намерение и, опираясь на крестьян, установить военную диктатуру. Офицеры, составившие Аньяльский союз, действовали нерешительно и позволили королю разгромить дворянскую оппозицию. 87 аньяльцев были приговорены к смертной казни, замененной тюрьмой и ссылкой. Полковник Хестеско был обезглавлен. Несколько человек бежали в Россию.

[2] *Касательно рекрутского набора, думаю, что теперь очень трудно оный исправить по твоей записке.* – В записке от 1.IX.1788 г. Потемкин подверг резкой критике практику рекрутских наборов. Помещики сдают слабых здоровьем крестьян. Этим объясняется ужасная смертность среди рекрут. Время набора (обычно осенью) не позволяет обучить рекрут к началу кампании. "Во всем государстве должен быть поставлен срок службы. Перепись верная могущим служить, а потому уставить и очередь на службу известную всякому мужику. Заступающие должны быть наименованы и обязаны выучиться стрелять, еще в крестьянстве будучи. В мирное время четвертую часть армии отпускать в домы. Сим способом сохранится много казны, людей и уничтожатся побеги", – писал Потемкин, далеко опережая свое время (*СБВИМ*. Вып. VII. С. 14–15).

[3] *Драгунский полк будем формировать, гусарский также. Старшины казацкие приехали и вступят в дело.* – В той же записке Потемкин предложил сформировать из Псковского и Ямбургского карабинерных полков 10-и эскадронный драгунский Псковский полк, а из 2-х оставшихся эскадронов – новый легкоконный полк, из ямщиков – казацкие полки. Для этого в Петербург им были командированы донские старшины.

[4] *Я же писала своей рукою к Мальтийскому Гроссмейстеру, прося его самого, чтобы выбрал и прислал мордашек...* – Мальтийские кавалеры славились, как знающие дело морские офицеры. Героем прошлогодних боев на Лимане был мальтиец Дж. Ломбард. Письмо Екатерины к Гроссмейстеру ордена не разыскано. 68-м гроссмейстером с 1775 г. был герцог Жан Эммануэль Мария *Роган Поль* (1725–1797). Он послал в Россию несколько кавалеров, которые приняли участие в войне против шведов.

[5] *Еропкин* Петр Дмитриевич (1724–1805) – генерал-аншеф, сенатор, главнокомандующий в Москве. Пользовался особым доверием императрицы, не забывавшей его твердости и распорядительности во время "Чумного бунта".

892. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 274.
Публикуется впервые.

893. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 275–276об.
Публикуется впервые.

[1] *Получил я знаки Вашей Высочайшей милости.* – В ознаменование побед над турецким флотом на Лимане императрица приказала сделать золотое блюдо с надписью: "Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, яко строителю военных судов". На блюдо была положена богато украшенная шпага с лаврами и надписью: "Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, успехами увенчанному" (Дневник Храповицкого. Запись от 13.VII.1788 г.). Потемкин получил эти награды в конце сентября.

[2] *Прилагаю здесь письмы Графа Петра Алекс*[андровича]. *Он меня спрашивает о том, чего я не знаю.* – Письма Румянцева Потемкину от конца сентября не разысканы.

[3] *Ежели бы он вместо Лассия (Улисса своего) пустил Лаудона, иные бы были следствия...* – Главой австрийского Гофкригсрата был фельдмаршал Франц *Ласси* (1725–1801), друг императора Иосифа II. Потемкин сравнивает его с Улиссом (Одиссеем) – главным советником предводителей греческих войск под стенами Трои. Ласси придерживался кордонной тактики, растянул силы вдоль границ и обрек австрийские войска на поражения. Императору пришлось вызвать престарелого фельдмаршала Гедеона Эрнста *Лаудона* (1716–1790), героя Семилетней войны, жившего в имении. Лаудон со своей армией прошел Хорватию и взял несколько крепостей, переломив ход боевых действий.

[4] *На сих днях удавили они коменданта, который предлагал город сдать.* – Русская разведка имела обширную агентуру среди турецких военачальников, но попытки Потемкина принудить Очаков к сдаче не увенчались успехом. В 1789 г. путем военных демонстраций (и, очевидно, подкупа) ему удалось без штурма овладеть мощнейшей турецкой крепостью Бендеры.

894. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.IX.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 294.
Публикуется впервые.

[1] ... *письмо о Короле Шведском Императорово означает северного Амадиса ветренность, но я бы желал знать, что Цесарь его министру отвечал.* – О письме Иосифа II с отзывом о шведском короле см. примеч. 1 к письму № 887. Потемкин сравнивает Густава III с Амадисом – героем рыцарских романов XV и XVI вв., известным своими фантастическими похождениями и подвигами.

[2] *А как линия королевская коротка, то не худо в тайне подумать Константина Павловича к ним в Короли.* – Густав III был всего лишь вторым представителем правившей в Швеции династии. Его отец Адольф-Фредрик, принц Гольштейн-Готторпский (родной брат матери Екатерины II) был избран наследником шведской

короны по условиям Абоского мира, завершившего русско-шведскую войну 1741–1743 гг. Потемкин (в духе времени) предложил кандидатуру внука императрицы великого князя *Константина Павловича* (1779–1831) в короли шведские, чтобы этой династической комбинацией снять постоянное напряжение вблизи столицы империи. См. ответ Екатерины II на это предложение в письме № 896.

[3] *... сына не признает законным, а братьям можно другую судьбу зделать: одного князем Померанским, а другого – куда сыщется.* – Малолетний сын Густава III после гибели отца был провозглашен королем Густавом IV Адольфом при регентстве своего дяди принца Карла Зюдерманландского. В 1809 г. был низложен и Карл стал королем. Второй брат Густава III Фредрик-Адольф (1750–1803) активной роли в политике не играл.

895. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.IX.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 143.
Публикация – *PC*, 1876, август. С. 585.

896. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.X.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 58–59.
Публикация – *PC*, 1876, август. С. 585–586.

[1] *Все же Адмирал Грейг при смерти: был болен горячкою, а без него не думаю, чтоб что быть могло очень знаменитое на нынешнее время.* – Еще 22.IX Грейг выходил со своим флотом в море на перехват шведских кораблей, якобы пытавшихся прорваться из блокированного Свеаборга. 23-го Грейг занемог. Императрица послала к нему своего лейб-медика Роджерсона (как и Грейг, шотландца) и приказала флагманскому кораблю "Ростислав" идти в Ревель.

[2] *... вспомнить надлежит правила Адмирала Нольса...* В ответ на сообщение Потемкина (по рапорту Войновича) о плохо построенных Адмиралтейством таганрогских фрегатах, Екатерина напомнила правила английского адмирала Чарлза *Ноульса,* служившего в России с 1770 по 1774 г. Назначенный на должность генерал-интенданта флота Ноульс много сделал для улучшения постройки судов и их вооружения.

[3] *Сей с матерью нам бы был всего полезнее, а Константина никак туда не дам...* – Ответ на предложение Потемкина (письмо № 894). После совершеннолетия Густава IV Адольфа (1778–1837) Екатерина намеревалась выдать за него свою внучку великую княгиню Александру Павловну (1783–1801). Обручение не состоялось из-за неожиданно заявленного шведами требования о перемене невестой веры. Этот удар ускорил кончину императрицы, мечтавшей утвердить своего внука Константина на троне восстановленной Греческой империи.

897. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.X.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 144.
Публикация – *PC*, 1876, август. С. 587.

898. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17.X.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 278–278об.
Публикуется впервые.

[1] *Головатый* Антон Андреевич (1744–1797) – В юности бежал из Киевской бурсы в Запорожскую Сечь. Участник первой русско-турецкой войны. Вместе с Сидором Белым, Захаром Чепегой формировал кош верных казаков. Доблестно сражался в войне 1787–1791 гг. Награжден орденами и золотым оружием. Участник штурмов Очакова и Измаила. После ранения Чепеги в 1789 г. стал кошевым атаманом. Последний чин – бригадир.

[2] *Сей человек неспособен к начальству...* – Здесь и ниже речь идет о Джоне Поль Джонсе. Своей нерешительностью американец быстро растерял авторитет среди моряков. Потемкин отослал его в Петербург, поручив парусную эскадру контр-адмиралу Н.С. Мордвинову. В столице Джонс не получил назначения и вскоре попал под суд по обвинению в покушении на девичью честь. "Пред отъездом прислали ко мне дело из Адмиралтейств – коллегии Контр-Адмирала Пауль Жонеса, – писал Потемкин Безбородко в мае 1789 г., – будто бы им следовать его не можно, потому что он не им, а Черноморскому флоту принадлежит. Мне его ни удобности, ни способу следовать нет, вина его в Петербурге, там и свидетели. И как мне заниматься, имея своих недосугов много. Не будет ли угодно сие кончить посылкою ево в Архипелаг, дав ему тамо судна два, чтобы особо он тамо делал поиски, или так же противу шведов". (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 121). Императрица распорядилась прекратить дело и Джонс покинул Россию. Он писал Екатерине жалобы, оправдания и проекты, оставленные без ответа. Умер в Париже в разгар революции, в 1792 г., в полной безвестности. В начале XX в. (после многолетних поисков) тело Джонса было эксгумировано и с воинскими почестями перевезено в Аннаполис в США. В городе, где находится военно-морская академия, в присутствии президента Соединенных Штатов, первый адмирал в истории северо-американского флота был торжественно погребен. Напомним, что Джонс был контр-адмиралом русской службы.

[3] *Из реляции Генерала Текеллия усмотрите, что Селим-Гирей командует противу своих и взял знамя.* – Племянник хана Шагин-Гирея Селим-Гирей был принят в русскую службу и дослужился до чина бригадира. Потемкин покровительствовал ему, как и многим другим инородцам. Селим-Гирей храбро сражался в корпусе генерала Текеллия, действовавшем в Прикубанье, но в 1789 г. бежал к туркам. Погиб во время штурма Измаила.

[4] *На сих днях ранен у нас в голову подполковник Князь Лобанов.* – Князь Дмитрий Иванович *Лобанов-Ростовский* (1758–1838) с отличием участвовал в русско-турецкой войне, был тяжело ранен. Впоследствии имел чин полного генерала, вел переговоры о заключении Тильзитского мира с Наполеоном, был министром юстиции.

[5] *Александр Николаевич* – Самойлов. Активный участник осады Очакова и штурма крепости.

[6] *В письме его ко мне...* – 9.X фельдмаршал писал о поездке принца Де Линь в Яссы. Обеспокоенный тем, что уже месяц не имеет известий из Императорского лагеря, Де Линь хотел узнать новости и получить указания. По слухам, цесарцы терпели поражения от турок. В другом письме от того же числа Румянцев жаловался на медлительность своих подчиненных (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 347–348).

[7] *Лига сформирована противу Вас. От разума Вашего зависит избавить Россию от бедствий, а, может быть, и Европу от диктаторства прусского.* – Пруссия и поддерживающая ее Англия сумели создать сильную коалицию (лигу), в которую вошли Голландия, Турция, Швеция, Польша. Связав Россию и Австрию войной на юге с Портой, угрожая России атакой шведов, прусский король Фридрих-Вильгельм II и его министры мечтали существенно расширить территорию Пруссии (за счет Польши, Швеции, обещая своим союзникам территориальную компенсацию в России и в Австрии). Потемкин считал, что русская дипломатия и лично императрица не использовали все возможности для поддержания нормальных отношений с Пруссией и Англией. См. ответ Екатерины II в письме. № 901.

[8] *Чуть было и самого в куче не застрелили.* – Речь идет об императоре Иосифе II, лично прибывшим в армию и едва не погибшего при панике, охватившей австрийские войска при столкновении с турками в деле при Лугоше 10/21.IX. 1788. После этой неудачи император вернулся в Вену.

[9] *Королева французская* – сестра Иосифа II *Мария-Антуанетта* (1755–1793). Во время революционных событий проявила силу характера и личное мужество в отличие от своего слабовольного супруга Людовика XVI. После процесса короля и его казни был устроен процесс королевы, сопровождавшийся грязными инсинуациями относительно личной жизни Марии-Антуанетты. Погибла на гильотине.

[10] *Копии с сообщений и писем Г[рафа] Петра Алекс[андровича] и Принца Линя представляю при сем.* – Приложений в деле нет.

899. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.X.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 145–147.
Публикация – *PC*, 1876, август. С. 587–589.

[1] ... *Король Прусский зделал декларации...* 12.X Храповицкий записывает отзыв императрицы в ответ на сведения из Берлина об угрозе прусского короля атаковать датчан, если они вступят в Швецию: "... таковой поступок между частными людьми почитается гнусным". По словам Екатерины, все эти интриги грозят "третьей войной". 13.X курьер из Варшавы привез депеши российского посла графа Штакельберга "с Декларациею Короля Прусского, что он не допустит Польшу заключить с нами союз, предлагая таковой же с собою...." Эти угрозы ободрили Густава III и пропрусскую партию в Польше, запугали офицеров, составивших Аньяльский союз, и вскоре принудили датчан выйти из войны.

[2] ... *Адмирал Грейг... ко всеобщему сожалению, скончался.* – Храповицкий отмечает (запись от 18.X): «Получено известие о смерти почтенного Адмирала Грейга, приключившейся 15 октября, в 8 часов вечера. Чувствительная прискорбность и слезы: "Это великая потеря, потеря для государства"».

[3] *Спиридов* Алексей Григорьевич (1753–1828) – контр-адмирал, сын знаменитого флотоводца адмирала Г.А. Спиридова, героя Чесмы. С детских лет плавал с отцом, участвовал в Чесменском сражении. Командовал отдельными кораблями. В 1788 г. флагман в эскадре, входившей в состав флота Грейга. Впоследствии адмирал.

[4] *К корпусу, который я полагаю собрать в Лифляндии и Белорусии...* – В ответ на угрозы прусского короля на западных границах России стала собираться армия.

900. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.XI.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 284–285об.
Публикуется впервые.

901. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

7.XI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 152–153об.
Публикация – *РС*, 1876, август. С. 589–590.

[1] *Я удивляюсь, как капитан-паша может держаться в море в бурливую и позднюю осень. Я думаю, что он опасается возвратиться в Стамбул и чтоб визирь его не лишил места или жизни.* – Между капитан-пашой Газы-Хасаном и везиром Юсуф-пашой существовала давняя непримиримая вражда. Газы-Хасан, имея султанский фирман, сделал все возможное для поддержки очаковского гарнизона. 21.X корабли капитан-паши подвезли в крепость продовольствие и 1500 человек подкрепления. Но 4.XI турецкий флот был вынужден уйти зимовать на юг. 7.XI кош верных казаков при поддержке фрегатов и канонерских лодок овладел о. Березань, где противник имел сильное укрепление. Были взяты 23 орудия и 11 знамен.

[2] *Ты увидишь, какой странный договор о перемирии Король Прусский принудил датчан учинить...* – 27.X Храповицкий записывает в Дневнике: "В перлюстрации есть подтверждение..., что точно Принц Гессенский (командовавший датскими войсками. – *В.Л.*) утвердил с Шведами перемирие. Прочитав сего, отмечено, что мы без согласия союзников таких дел не делаем".

[3] *Elliot – Эллиот* Хью (1752–1830) – английский дипломат был полномочным министром в Мюнхене, Берлине, в Дании (1782–1791) и Саксонии. Содействовал выходу Дании из войны, для чего ездил в Стокгольм. "Государь, вручите мне вашу корону, – говорил он Густаву III, – я верну ее вам с удвоенным блеском" (*ВИ*, 1948, № 11. С. 32–33).

[4] *Какие дурачествы делает Княгиня Дашкова в своей ссоре с обер-шенком Нарышкиным... все над ними смеются.* – Загородные имения Дашковой и Нарышкина находились по соседству. Ссора возникла из-за разводимых у Нарышкиных свиней, которые перерыли клумбы в саду Дашковой. Княгиня приказала своим слугам убить их. Возникло целое дело, о котором Храповицкий упоминает 23, 30, 31.X и 2.XI, ссылаясь на слова государыни по этому делу.

[5] *Ничего на свете так не хочу, как чтоб ты мог по взятьи Очакова... приехать на час сюда...* – Важное признание. Императрица нетерпеливо ждала взятия Очакова, связывая с этим и свой личный престиж, и престиж Потемкина, и важные дипломатические ходы (см. Дневник Храповицкого. Записи от 26.X, 26 и 27.XI, 10.XII.1788). Гарновский писал Попову о недовольстве, с каким государыня встретила предложения князя о перемене системы отношений с европейскими державами. Против сближения с Англией и Пруссией были А.Р. Воронцов и Завадовский. Говоря о необходимости приезда Светлейшего в столицу, Гарновский уточнил: "Сие требует странное дел течение и состояние Государыни, смущенной в духе, подверженной беспрестанным тревогам и колеблющейся без подпоры. Есть надежда, что по прибытии сюда Его Светлости пойдут дела по желанию его" (письмо от 29.XI.1788 – *РС*, 1876. Т. XVI. С. 229–230).

902. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17.XI.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 286–287.
Публикуется впервые.

[1] *Березань, место неприступное, но ни к чему не служит нам.* – Взятие Березани после ухода турецкого флота должно было стать прологом к штурму Очакова. Но неожиданные снегопады отсрочили атаку, которую Потемкин хотел приурочить ко дню тезоименинства императрицы (24.XI).

[2] *Верным казакам Черноморским следует по регламенту получить за взятое... Головатому орден военный. Другому же – капитану Мокею – Володимерский...* – Верные запорожцы (переименованные в Черноморских казаков) должны были получить долю добычи, взятой ими на о. Березань. Командовавший ими Головатый получил Георгия 4-ой степени, а капитан Мокей Владимира 4-ой степени.

[3] *Чепега* Захар Алексеевич (ок. 1726–1797) – настоящая фамилия Кулиш. С 1750 г. в запорожском войске. Участник русско-турецкой войны 1768–1775 гг. После уничтожения Сечи сохранил полковое знамя, которое передал в войсковой штаб лишь в 1792 г. Один из первых откликнулся на призыв Потемкина сформировать кош верных запорожцев. Возглавил войско после смерти атамана Белого. За смелые поиски на Кочабей (Гаджибей) был награжден Георгием 4-ой степени. Отличился в кампаниях 1789, 1790 и 1791 гг. За штурм Измаила награжден Георгием 3-ей степени и золотым крестом. Руководил после войны переселением Черноморских казаков на Тамань и Кубань, основал Екатеринодар. За штурм предместья Варшавы Праги в 1794 г. награжден Владимиром 2-ой степени. Последний чин генерал-майор.

[4] *Паша, находящийся здесь...* – Двухбунчужный Осман-паша, командовавший гарнизоном на о. Березань. Сдался в плен. По повелению Екатерины II был отпущен с несколькими своими чиновниками. На этом настоял Потемкин, стремившийся таким способом установить доверие турецких военачальников для начатия переговоров о мире.

[5] *Сих турков число хотя не велико, однако же все отборные и равняются с гарнизоном Дубицы.* – На о. Березань было взято в плен около 350 человек. 15.VIII.1788 австрийцы взяли турецкую крепость Дубицу и сообщали об этом, как о значительном успехе своих войск.

[6] *Максимович* Степан Петрович – генерал-майор, погиб 11.XI во время дерзкой вылазки очаковцев, которые воспользовались отсутствием должного боевого охранения. Потери составили: 2 офицера, 15 рядовых. По турецкому обычаю голова генерала была выставлена на очаковских стенах.

[7] *Полученные сообщения и письмы от Графа Петра Александровича здесь подношу.* – Румянцев писал о неожиданно выпавшем снеге в Молдавии, о размещении союзников на винтер-квартирах, упоминая о трудном положении войск под Очаковом – в степи, без крова и дров (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 353–354).

903. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.XI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 150–151об.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 21–22.

[1] *Теперь Аглинский Король умирает, и естьли он околеет, то авось-либо удастся с его сыном (который Фокса и патриотической аглинской партии доныне слушался, а не ганноверцев) установить лад.* – Георг III пережил Екатерину на 24 года. Ему делалось то хуже, то лучше. Только в 1811 г. было установлено регентство

наследника – принца Уэльского, будущего короля Георга IV (1762–1830). Принц был известен своими кутежами, любовными похождениями и долгами. Вопреки Королевскому акту (1772), запрещавшему членам королевской семьи браки с католиками, принц тайно женился на католичке – красавице Марии Фицгерберт. Оппозиция (радикальные виги) использовала наследника в своих целях. Чарлз Джеймс *Фокс* (1749–1806) – был известным политическим деятелем и талантливым оратором. Возглавляя оппозицию кабинету Питта, Фокс своими выступлениями в парламенте весной 1791 г. способствовал провалу попыток Питта начать войну против России (см. примеч. к письму № 1120). Надежды на то, что враги России угомонятся, не оправдалась. Пруссия и Англия сумели не только спасти Густава III от катастрофы в 1788 г., но и убедили нового турецкого султана Селима III продолжать войну, обещая свое вооруженное вмешательство и нападение на Россию.

904. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.XI.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 148.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 22–23.

905. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

7.XII.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 288–289.
Публикуется впервые.
Написано на другой день после взятия Очакова штурмом. 1.XII Потемкин отдал приказ о штурме. Тем же числом подписана диспозиция, лично составленная главнокомандующим. 4.XII Светлейший сделал прибавление к диспозиции, потребовав от командующих назначенных к штурму шести колонн решительности и личного примера.

[1] *Дело столь славно и порядочно произошло, что едва на экзерциции бывает лутче.* – В донесении о штурме Потемкин уточнил: "... подобного никто из служащих здесь не видел. Смелость, с которую все шли, неописанная; стремление столь сильно, что чрез пять четвертей часа все пало по милости Божией под российский меч" (Автограф, помеченный 20 генваря. Очевидно, описка и следует читать "20 декабря". 20.XII.1788 г. это и другие донесения повез вместе с ключами Очакова в Петербург дежурный генерал Рахманов, о котором говорится в конце донесения (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 258–261).

[2] *Гарнизон до двенадцати тысяч отборных людей – не меньше на месте положено семи тысяч, что видно. Но в погребах и землянках побито много.* – Официально объявленные потери очаковского гарнизона составили 9,5 тысяч убитыми и 4 тысячи пленными. Всего в крепости (с жителями) находилось до 25 тысяч человек. Сохранилось свидетельство о том, что Потемкин не мог сдержать слез, видя начавшуюся резню. "Твоему упрямству обязаны мы этим кровопролитием!" – крикнул он плененному очаковскому коменданту трехбунчужному Гусейн-паше. "Оставь напрасные упреки, – отвечал турок, – Я исполнил свой долг, а ты свой. Судьба решила дело" (*КС*, 1888, декабрь. С. 587). По обычаям того времени Светлейший разрешил своим войскам "добыч". Было захвачено много оружия. "Несколько тысяч легких войск сим вооружились и возами сверх того продавали, – доносил Потемкин. – Город был торговый и богатый, множество досталось денег... Достали жемчугу и уборов золотых и серебряных. Многие солдаты шли домой в

горностаевых шубах..." (Автограф, помеченный 20.XII. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 255–256).

[3] *Урон наш умеренный, только много перебито и переранено офицеров...* – Потери составили более 2,5 тысяч убитыми и ранеными, в том числе 147 офицеров.

[4] *Генерал-маиор Князь Волконский* Сергей Авраамович – представитель младшей ветви обширного рода, ведущего свое происхождение от Рюриковичей.

[5] Бригадир *Горич* Иван Петрович Большой – родной брат Ивана Меньшого, упоминавшегося в письме № 716. Родом черкес. Вместе с братом добровольцем вступил в русскую армию. С отличием сражался в первую турецкую войну. Кавалер Георгия 4-ой степени. Потемкин, у которого служили оба брата, протежировал им. Так, в переговорах с представителями армян относительно закавказской военной экспедиции (1780 г.) Горич Большой принимал участие вместе с Потемкиным и Суворовым. Экспедиция не состоялась. Во время штурма Очакова командовал 6-ой колонной. Похоронен в Херсоне. В Очакове установлен памятник "бригадиру Горичу".

[6] *Александр Николаевич вошел первый в крепость, а потом с другой стороны Ангальт.* – *Самойлов* за очаковский штурм был награжден Георгием 2-й степени. Принц Виктор-Амадей *Ангальт*-Бернбург-Шаумбург (1744–1790) с 1772 г. находился на русской службе. Участвовал в первой турецкой войне, награжден Георгием 4-ой степени. Генерал-адъютант. С 1782 г. генерал-поручик. Во время штурма Очакова командовал 2-ой колонной и получил Георгия 2-ой степени. С отличием сражался в кампании 1789 г. Награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного. В 1790 г. был смертельно ранен в сражении со шведами.

[7] *Пашу с чиновниками отправлю в Петербург. То же и знамена.* – Гусейн-паша и несколько плененных в Очакове чиновников (офицеров) были отправлены в Петербург и 11.III.1789 г. представлены Екатерине II. Месяцем ранее 11.II мимо Зимнего дворца в Петропавловскую крепость торжественно были препровождены захваченные в крепости знамена (до 200). Следует упомянуть о взятых в Очакове 310 пушках.

[8] *Боур* (Баур) Карл Федорович за привоз известия о взятии Очакова пожалован в полковники. Накануне получения этого известия императрица заявила Храповицкому по поводу слов принца Нассау (из его перлюстрированного письма) о том, что Очаков можно было взять в апреле-июне: "Это правда: я сама не велела идти на приступ для сбережения людей" (*ДХ*. 10.XII. 1788).

906. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.XII.1788

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 149–149об.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 23–24.

Боур привез письмо Потемкина с известием о взятии Очакова 15.XII в 7-ом часу вечера. Настоящее письмо написано на другой день.

[1] *Всем, друг мой сердечный, ты рот закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще способ оказать великодушие слепо и ветренно тебя осуждающим.* – Екатерина была счастлива. Потемкину был пожалован Георгий 1-ой степени, всем войскам половинное жалованье не в зачет. Начались усиленные дипломатические демарши в Варшаве, Берлине и других европейских столицах. Из множества поздравлений Потемкина с победой отметим письмо Румянцева от 18.XII.1788 г. "Великое дело, что Вы, мой Милостивый Князь и благодетель, совершили и российское оружие и себя вечно прославили, было здесь всеобщим торжеством... Вы покрыли стыдом и безчестием всех нам зломыслящих и тех особливо, кои нередко покушались похищать Ваше право, не уважая ни на какие Ваши к ним благотво-

рения" (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 354). В письме своему старому начальнику и учителю Потемкин признался: "Я уверен, что Вы по любви и милости Вашей ко мне возьмете участие и для меня, сверх общей пользы. Ей Богу, не могу отдохнуть, устал, как собака" (*СБВИМ*. Вып. VII. С. 87).

907. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

26.XII.1788

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 290–293.
Публикуется впервые.

[1] *Напрасно, матушка, гневаешься в последних Ваших письмах... Я не по основаниям Графа Панина думаю, но по обстоятельствам.* – Ответ на письма Екатерины II (№ 901, 903). После взятия Очакова Потемкин решил объясниться с государыней. Не возврат к пропрусской политике Панина, а более осторожная и искусная дипломатическая борьба с целью нейтрализации Пруссии и Англии и недопущения новой войны на западных границах – вот суть его мыслей. Гарновский сообщал в своих письмах о давлении на императрицу таких членов Совета, как граф А.Р. Воронцов, который настаивал на ужесточении дипломатических переговоров с прусским королем. Из всех членов Совета только граф А.П. Шувалов решительно выступил против подобной тактики. Гарновский действовал и через Мамонова. "Сие то дел положение заставляло Государыню скорбеть, сердиться и пребывать в суете, нерешительности и задумчивости... сегодня решилась Государыня вести с Королем Прусским переписку учтивее прежней" (Начало октября 1788 г. *РС*, 1876. Т. XVI. С. 222).

[2] *Посланный с донесениями мой Генерал дежурный...* – С подробными донесениями о штурме Очакова и ключами этой турецкой твердыни в Петербург поскакал дежурный генерал Николай Михайлович *Рахманов* (1744–1793), генерал-майор, кавалер Георгия 4-ой степени. Храповицкий записал 2.I.1789 г. слова Екатерины: "Вчера, сказывают, все ожидали, чем пожалую Рахманова, и он в вечеру пустил слух, будто должен отправить офицера к Князю; вот моя записка, чтоб дать ему Владимира 2-го класса и шпагу с каменьями: как ты думаешь?" Изъясняя должность его, как Дежурного Генерала при осаде, сослался на Князя Г.А. Потемкина-Таврического. – "Он просто рекомендует, чтоб от него отделаться. О, я знаю моего человека, точно он мой собственный выкормыш" (Последние слова на фр. яз.). Рахманов получил награды, продолжал служить. Последний чин – генерал-поручик.

[3] *Изволите говорить: я, как крот, роюсь. По холоду, какая зима здесь, немудрено бы жить в землянках, но как про меня редко доносят правду, то и тут солгали. Я все жил в ставке, которую отдал раненым, а сам в одной маленькой кибитке живу и то в чужой.* – Недруги Потемкина изображали очаковскую осаду в самых черных красках. Отголоском этих слухов стала глава "Спасская Полесть" из книги А.Н. Радищева, в которой он описал "сон" некоего монарха. "Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении: жизнь их ни во что вменялася..." Как известно, Радищев служил под начальством графа А.Р. Воронцова – одного из самых последовательных противников князя. Даже такой строгий критик Светлейшего, как А.Ф. Петрушевский (лучший биограф Суворова), отмечал, что "забота Потемкина о солдатах была изумительная". Свою просторную, теплую палатку (ставку) князь отдал раненым, а сам переселился в маленькую кибитку. Войска были обеспечены тулупами, валенками, войлочными аулами и кибитками.

1789

908. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.I.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 257–258об.
Публикуется впервые.

Потемкин после штурма Очакова почти месяц приводил дела в порядок, устраивая войска на зимних квартирах, заботясь о постройке в Херсоне новых кораблей и проводке в Севастополь из Лимана кораблей и фрегатов ставшей (после падения Очакова) не нужной здесь парусной эскадры. 23.XII Суворов (так и не участвовавший в штурме) горячо поблагодарил главнокомандующего за приглашение отправиться вместе с ним в Петербург (*СП*, с. 174).

909. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.I.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 154.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 24.

910. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

31.I.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 259.
Публикуется впервые.

911. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.II.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 155.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 25.

[1] ... *буде приедешь сюда больной, то сколько ни обрадуюсь твоему приезду, однако, при первом свиданьи за уши подеру, быть уверен. Морщись, как хочешь, а со здоровьем не шути. Вот какая у нас готовится встреча победителю*! – Очень теплое письмо. Несмотря на переживаемые Россией трудности, императрица уверена в успехе. 26.I Храповицкий записывает ее слова: «Князю Г.Г. Орлову за чуму сделаны мраморные ворота, Графу П.А. Румянцеву-Задунайскому поставлены были триумфальные в Коломне, а Князя Г.П. Потемкина-Таврического совсем позабыла". – Ваше Величество так его знать изволите, что сами никакого с ним расчета не делаете. – "То так; однако же все человек, может быть ему захочется". Было приказано, – добавляет Храповицкий, – иллюминировать мраморные ворота в Царском Селе и украсить их надписью (из Оды на Очаков Петрова) "Ты в плесках внидешь в храм Софии". Государыня, заканчивая беседу, заметила: "Ничего сказать не могут, ибо в Софии (т.е. подле Царского Села. – *В.Л.*) есть Софийский собор; но он будет в нынешнем году в Цареграде, о том только не вдруг мне скажите"». В Петербурге с неоправданным оптимизмом смотрели на ход и исход войны. Потемкин в своих оценках и планах был осторожнее (см. письма № 912, 913).

912. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 4.II.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 299–303об.
Публикуется впервые.
Потемкин прибыл в Петербург 4.II в 7-ом часу вечера. Это и последующие письма датируются условно. Они написаны в столице и главным образом посвящены планам ведения войны на юге и на севере с учетом возможных осложнений на северо-западной границе (со стороны Пруссии).

[1] *Армия Украинская всю бы имела удобность вытеснить неприятеля из обеих княжеств*. – Т.е. из Молдавии и Валахии. Этот план в значительной части был осуществлен в кампании 1789 г.

[2] *Я не нахожу невозможности, лишь бы живее действовать в политике и препоручить людям к тебе преданным*. – Потемкин настаивал на переговорах с прусским королем и с английским кабинетом с целью не допустить вооруженного столкновения с ними. Он полагал, что некоторые из наших посланников (в Лондоне, Варшаве, Вене) недостаточно надежны и изворотливы и должны быть заменены. Екатерина согласилась сменить лишь графа Штакельберга (в Варшаве), да и то лишь в 1790 г. На его место был назначен выпущенный из турецкого плена Булгаков.

[3] *Неможно никак рапортировать войск той стороны, не знав – армия Украинская на месте остается или обратится в другую сторону, вся или частью*. – В случае осложнения отношений с Пруссией предполагалось направить Украинскую армию (во главе с Румянцевым) против новых неприятелей. Против турок должна была действовать одна Екатеринославская армия Потемкина. В ходе уточнения планов было решено объединить обе армии под командованием Потемкина (см. письмо № 914 и примеч. к нему).

[4] *... четыре полка пехотных я от себя вывел к Лубнам ради обращения в Лифляндию, и десять эскадронов драгун*. – По повелению императрицы под Ригой собиралась новая армия, часть которой располагалась в Белоруссии.

[5] *Планы барона Спренгпортена и Егерсгорна*... – Перешедший в 1786 на русскую службу генерал-майор, барон Георг Магнус *Спренгпортен* (1741–1819), финский дворянин, участник переворота 1772 г., совершенного Густавом III, выступал за независимость Финляндии от Швеции. При Павле I генерал от инфантерии, при Александре I стал первым генерал-губернатором присоединенной к России (на особых правах) Финляндии. Граф. В 1788 вместе с *Егергорном* предлагал под прикрытием русских войск собрать финский сейм и объявить об отделении Финляндии от Швеции. Екатерина считала, что русские войска могут войти в Финляндию только после созыва сейма и провозглашения независимости княжества. В противном случае Англия и Пруссия могли объявить войну России. В январе 1789 г. по приказу Густава III начались аресты среди участников Аньяльского союза.

[6] *Хорошо бы поддержать угнетенное дворянство отвлечением финнов, но как два другие ордена поднялись на них, то начатие действ от нас в Финляндии паче будет угрозою дворянскому сословию от помянутных орденов*... – Густаву III удалось настроить крестьян и мещан против фрондирующего дворянства в самой Швеции и в Финляндии. При решающей финансовой и дипломатической поддержке Англии и Пруссии король преодолел кризис и готовился к новой кампании на суше и на море.

[7] *... естли б повелись дела по моим мыслям и с равным моим к Вам усердием, при котором обороте с подкреплением нашего корпуса вся бы польская конница обратилась на Пруссию и, конечно, бы его кавалерию истребила в одну кампанию*. – См. предложения Потемкина о формировании 3-х бригад польской народовой конницы (письмо № 833) для войны против турок. Ответ императрицы был отрицательный (письмо № 839).

913. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 4.II.1789

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 13. Л. 126–127об.
Публикуется впервые.

[1] *Я предполагал, говоря с послом, уже давно, что турки усилят свои войски к Измаилу.* – Потемкин обсуждал с австрийским послом графом Кобенцелем планы будущей кампании. Хорошо поставленная разведка (даже Булгаков сумел переслать из цареградской тюрьмы сведения о турецких планах на суше и на море) позволила Светлейшему правильно оценить обстановку и сделать надлежащие выводы. Основные события кампании 1789 г. развернулись в треугольнике Измаил – Бендеры – Фокшаны.

[2] *Флот неприятельский... расположится у мыса Таклы между Еникольского полуострова и Анапы. Может быть часть его и у Аккермана будет.* – И этот прогноз Потемкина оправдался. Турецкий флот сначала долго находился в окрестностях Константинополя, затем пытался оказать помощь осажденному Гаджибейскому замку (будущая Одесса), но был оттеснен в море Черноморским флотом и Лиманской гребной флотилией. В кампании 1790 г. Ушаков нанес поражение турецкому флоту у Еникольского пролива и у о. Тендра.

[3] *Польша страшит немало...* – Прусская дипломатия сумела сколотить сильную партию магнатов. Через польскую территорию шли коммуникации Украинской армии, которая снабжалась покупаемым в Польше хлебом.

914. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

После 4.II.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 427–427об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 2–3.
Ответ на письма № 912 и 913.

[1] *Мое мнение есть – Фельдм*[аршала] *Рум*[янцева] *отозвать от армии и поручить тебе обе армии, дабы согласнее дело шло.* – 3.III.1789 г. императрица повелела объединить обе армии под командованием Потемкина. Еще до этого решения фельдмаршал Румянцев, отбросив личное самолюбие, писал Потемкину о необходимости объединения армий: "А по моему обыкновению не скрываясь, Вам говорю, что не может лучше и пойтить наше дело в сем краю, верно как под одним Вашим начальством" (*СБВИМ*. Вып. IV. С. 357).

[2] *Все что пишешь о операции армии, весьма хорошо, и мое мнение было всегда, чтоб Бендеры и Бессарабия были предметом сей кампании, а на Ольту незачем.* – Императрица утвердила потемкинский план. Попытки австрийцев притянуть русские войска к своим владениям были отвергнуты.

915. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.II.1789

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 2. Л. 2.
Публикация – *РА*, 1865. Стб. 396–397.

[1] *... в морском деле моя система состоит в калибре пушек, с чего меня не собьют все адмиралы в свете.* – Это и письма № 917, 919, 924, 929, 931 относятся к планам войны на суше и на море против шведов. В минувшей кампании впечатляющие победы гребной флотилии над корабельным флотом турок во многом были обеспечены большим калибром пушек, установленных, по предложению Потемкина, на русских судах.

916. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.II.1789

Автограф. *ГИМ ОПИ*. Ф. 197. Д. 1. Л. 5.
Публикация – *РА*, 1865. Стб. 396.

Через Польшу шли коммуникации Украинской армии. Там же находились некоторые части русских войск. Командирам было строго приказано не давать повода к конфликтам с местными властями и населением. 7.III.1789 г. в ордере Потемкина генералу Меллеру (оставленному старшим после отъезда князя) говорилось: "Генерал-майор Неранчич не имел права в Польшу ездить на расправу, а еще меньше вводить эскадрон. Сие дело надлежит строго исследовать..." (*СБВИМ*. Вып. VII. С. 119).

917. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

II–III.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 295.
Публикуется впервые.

918. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

II–III.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 331.
Публикуется впервые.

[1] *Можно ли, матушка, оставаться везде, куда поиски делаются. Неслыхано, чтобы держать все сие несогласно ни с пользою, ни с возможностию. Действия наступательные не должны быть связаны ничем.* – Отголоски обсуждения планов кампаний на юге. Австрийцы продолжали придерживаться кордонной стратегии, против которой выступал Потемкин. 9.IV он поручил командование Украинской армией князю Н.В. Репнину.

919. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

II–III.1789

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *РА*, 1875, октябрь. С. 254.

[1] *Мне луче нравится дефензива, нежели офензива.* – Как и в кампании 1788 г., императрица предпочитала оборону в Финляндии наступлению. По имевшимся сведениям Густав III созвал шведский сейм и, опираясь на поддержку духовенства, мещанства и крестьян, предпринял репрессии против дворянства. Король готовился к новой кампании, рассчитывая на успех.

920. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

II–III.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 308.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 412–413.

[1] *Пора тебе унимать Браницкого.* – Это и письма № 921, 922 и 923 относятся к тревожным сообщениям, поступавшим из Польши. Прусская дипломатия развила большую активность, вербуя среди польских магнатов свою партию. На их сторону переметнулся граф Браницкий, недовольный тем, что Екатерина ответила отказом

на предложение набрать три бригады польской конницы, с которыми он мог бы воевать против турок и татар, чтобы вернуться в Польшу в ореоле славы. Тогда бы Браницкий мог реально противопоставить себя королю Станиславу Августу, своему давнему сопернику. В начале марта 1789 г. Потемкин в своих ордерах сообщал о том, что "Граф Браницкий, добиваясь получить в свои руки командование над войсками в Украйне, разсеивает чрез своих о бунтах, подкупает таможенных, чтоб рапортовали всякую дичь". Стараясь предотвратить попытки Браницкого и его сторонников использовать в своих целях недовольство крестьян Польской Украйны (не забывших Колиевщины), Потемкин (владелец десятков тысяч крестьян в Польской Украйне) требовал: "Всем моим подданным объявить, чтоб хранили тишину и что я не потерплю никаких беспорядков в предосуждении блага Республики" (*СБВИМ.* Вып. VII, с. 118–120).

2 *Он в конфедерации ищет Короля ссадить...* – Браницкий вел в Варшаве переговоры с маркизом Дж. Луккезини (полномочным министром Пруссии). Если Пруссия поддержит создаваемую им конфедерацию, – заявлял Браницкий, – он сумеет поднять против короля всю Польшу.

921. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

II–III.1789

Автограф. *АВПРИ.* Ф. 5. Д. 585. Л. 244.
Публикуется впервые.

1 *Вы увидите, что с Польшей иной нужен оборот.* – Потемкин пытался опереться на представителей "русской партии" и удержать политическое равновесие в Польше путем активной дипломатической борьбы.

922. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

II–III.1789

Автограф. *РГАДА.* Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 307.
Публикация – *СБРИО.* Т. 42. С. 412.

923. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

II–III.1789

Автограф. *РГАДА.* Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 309.
Публикация – *СБРИО.* Т. 42. С. 413.

1 *А из таковой конфеде*[*рации*] *выйдет Прусский Король новый в Польше.* – Императрица реально видела цели прусской политики в Польше. Фридрих-Вильгельм II, связав Россию и Австрию войной с турками, мечтал расширить прусские владения за счет Речи Посполитой, осуществить планы своего великого дяди. Как известно, Фридрих II был инициатором первого раздела Польши и перед смертью постоянно изучал карту республики, намечая очередные захваты.

924. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

II–III.1789

Автограф. *АВПРИ.* Ф. 5. Д. 585. Л. 296–297.
Публикуется впервые.

1 *Когда буду иметь случай объясниться, Вы увидите, что я с Вами одно мыслю.* – Храповицкий отмечает напряженную обстановку, царившую при дворе. 11.II, после

торжественной процессии с трофейными турецкими знаменами и обеда (на котором присутствовали Потемкин и Суворов) Екатерина поссорилась с Мамоновым. "Слезы; вечер проводили в постеле..." 12.II: "Весь день тоже; по причине слез меня не спрашивали, Вице-Канцлера не приняли, ходил один только Граф А.А. Безбородко. После обеда К[нязь] Г.А. Потемкин Таврический миротворствовал". 13.II: "Есть известия о Шведских приготовлениях к войне, с надеждою на победы; равным образом готовятся и в Константинополе, намереваясь с лучшими войсками опрокинуться на нас, по внушениям Прусского двора". Очевидно, в один из таких напряженных дней Потемкин написал настоящее письмо.

[2] *Армию Кавказскую с Кубанской препоручить в попечение начальнику, кого из старших генералов избрать изволите...* – Командование Кавказским и Кубанским корпусами было поручено графу И.П. Салтыкову. Через год он был отозван и возглавил русские войска, действовавшие в Финляндии.

[3] *Я теперь с Спренгпортеном... он мне записывает родню Г[рафа] Ферзена, которая в армии в разных чинах. То же и других арестованных.* – Густав III арестовал престарелого графа Фредрика Акселя фон *Ферзена* – лидера дворянской оппозиции и еще несколько представителей знати. Потемкин хотел получить от Спренгпортена сведения об их родственниках, служивших в шведской армии.

[4] *Денег на всякий случай тысячу червоных дать Спренгпорт[ену] и две – Пушкину для нужного употребления, из которых Гинзелю теперь тысячу.* – Секретные переговоры с финскими и шведскими офицерами велись В.П. Мусиным-Пушкиным и К.Х. Гинцелем при посредстве Спренгпортена.

925. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 3.III.1789

Автограф. *ГА РФ*. Ф. 728. Оп. 1. Д. 417. Л. 16.
Публикуется впервые.

Получив в командование Украинскую армию (3.III.1789), Потемкин знакомился с состоянием ее частей, их снабжением. В апреле корпус генерал-поручика В.Х. Дерфельдена нанес поражения крупным турецким партиям в междуречье Прута и Серета. Немедленно туда был направлен Суворов.

926. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 21.III.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 245.
Публикуется впервые.

[1] *О бывшем флота капитане Баранове подношу здесь мнение...* – Капитан 2-го ранга Андрей Гаврилович *Баранов* (опытный моряк, участник Чесменского сражения) был предан суду (вместе с капитанами С.Г. Коковцевым и С.А. Валронтом) за то, что в сражении 6.VII.1788 г. со шведским флотом они не подали помощи кораблю "Владислав", захваченному противником. Баранов был разжалован в рядовые на месяц. 10.III последовала высочайшая конфирмация: он исключался из службы, чтобы "впредь вечно в оную ни к каким делам не употреблять". Однако Потемкин, нуждавшийся в знающих морских офицерах, настоял на отмене приговора. К письму приложено "Мнение о капитане Баранове" (л. 247), в котором следственная комиссия оправдывала его в главных обвинениях. 21.III.1789 г. последовал указ Екатерины II: Баранов был переведен на Черноморский флот. В 1790 г. командовал фрегатом и за отличия в сражениях против турок был награжден чином капитана 1-го ранга.

927. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III–IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 473.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 395.

[1] *При первом случае при прочтении проекта о мещанах встречаются вопросы.* – См. объяснение Потемкина о формировании казачьих войск из мещан и ямщиков – письмо № 928.

[2] *У меня в городовом положении...* – В Грамоте на права и выгоды городам Российской Империи (от 21.IV.1785 г.) оговаривались права и обязанности мещан – основного населения городов.

928. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

III–IV.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 304–305.
Публикуется впервые.

Потемкин питал особую слабость к казачьим войскам и считал их важнейшей частью вооруженных сил России, с ее огромными по протяженности границами. В трудное для страны время (две войны, угроза третьей) он формировал казачьи полки из однодворцев южных губерний, из бывших запорожцев, из ямщиков. Крепостное право серьезно ограничивало возможности страны для пополнения армии. Потемкин решил привлечь к казачьей службе свободное население городов, входившее в мещанское сословие.

[1] *Будут из них храбрые люди и генералы, как Федор Петрович Денисов.* – Один из самых прославленных героев Дона *Денисов* Федор Петрович (1738–1803) начал службу с 18-ти летнего возраста. Прославился отважными делами против турок в войне 1768–1774 г., захватив тысячи пленных и более 60 пушек и 120 знамен. Несколько раз был ранен. Войну закончил в чине полковника, кавалером Георгия 4-ой степени. Потемкин покровительствовал храброму казаку, состоял с ним в переписке, заботился о его продвижении по службе. Денисов отличился в 1779 г. в Крыму во время мятежа татар, участвовал в 1788 г. в осаде и штурме Очакова. Потемкин решил перевести Денисова в Финляндскую армию. В войне со шведами герой-казак стяжал новую славу. В кампании 1794 г. генерал-поручик Денисов в битве при Мацеёвицах пленил Т. Костюшко, под командованием Суворова штурмовал предместье Варшавы Прагу и завершил войну пленением остатков польской армии. Последний чин – генерал от кавалерии. Награжден русскими и иностранными орденами, в том числе Георгием 2-ой степени. В 1799 г. Павел I возвел Денисова в графское достоинство и он стал первым графом среди донцов. См. о мещанах письма № 1043, 1047.

929. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

III–IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 152.
Публикация – *РА*, 1886, № 6. С. 162.

Письмо написано после одной из бесед с императрицей. Свидетельство замечательной способности Потемкина в трудных обстоятельствах находить новые неожиданные решения. Учитывая отличные навыки царских егерей в стрельбе, он предложил создать из них лейб-егерский корпус, а построенный в Осиновой Роще замок превра-

тить в армейскую школу по подготовке егерей. Именно при Потемкине егерская пехота стала заметной силой в русской армии. В 1777 г. было всего 8 егерских батальонов. В 1787 – 43. Объединенные в егерские корпуса (фактически полки) 4-х батальонного состава, они прекрасно зарекомендовали себя в сражениях на севере и на юге, положив начало новому типу боевого порядка – рассыпному строю.

1 *...определя им место в Осиновой Роще.* – Бывшее имение Потемкина, очевидно, было куплено в казну.

2 *Обер-егермейстером* с 1782 г. был князь Петр Алексеевич *Голицын* (1731–1810). Впоследствии тайный советник и сенатор.

930. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

III–IV.1789

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 161.
Публикуется впервые.

931. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

III–IV.1789

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 162.
Публикуется впервые.

1 *Ежели, Матушка, позволите, я бы послал весьма проворного курьера за Денисовым, чтоб он сам сюда приехал.* – Судя по письму, отважный казачий генерал уже находился в передовых частях Финляндской армии. Он мог сообщить сведения, необходимые для уточнения военных планов.

932. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 16.
Публикуется впервые.

1 *...Князь Давыдов Генерал-Маиор...* – Один из лучших специалистов своего времени по зажигательным снарядам князь Михайла Михайлович *Давыдов* (в сл. с 1749) по представлению Потемкина был переведен на юг и трудился по обеспечению Черноморского флота боеприпасами.

2 *...отставлен по ссоре с Романом Ларионовичем...* – Граф Роман Илларионович *Воронцов* (1707–1783) был наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний. За свою страсть к стяжательству получил прозвище "Роман – большой карман". Ссора с Давыдовым и отставка последнего произошли не позднее 1783 г.

3 *...его ученики делали фейерверк прекрасный, что изволили видеть в Карасу-Базаре.* – Во время поездки Екатерины на юг в ее честь устраивались красочные иллюминации и фейерверки.

4 *...у меня уже готова записка...* – В официальном представлении говорилось: "Генерал-Маиор Князь Михайла Давыдов по особливому искусству в артиллерии, а паче в составлении снарядов, может с пользою употреблен быть в службе Вашего Императорского Величества для флота Черноморского, чего он сам желает и о чем осмеливаюсь испрашивать Высочайшее соизволение" (*АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 184. От 4.V.1789 г.).

933. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 17.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 410.

Датируется условно. И Потемкин, и Екатерина любили делать друг другу подарки.

934. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 494.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 6.

1 *У Вас достоинства не по платью принимаются... прошу Денисову позволить быть в Эрмитаже.* – Денисов носил казачью форму. Потемкин хотел, чтобы прославленный герой был допущен в узкий кружок приближенных императрицы, собиравшихся по вечерам в Эрмитаже.

935. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 14.IV.1789

Подлинник. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 162.
Публикуется впервые.

Этот документ и письма № 936, 937, 946 и 947 являются официальными представлениями. Публикуем их ради полноты картины занятий Потемкина в столице и ради некоторых имен, о которых в них говорится.

1 *...бригадира и флота капитана Ушакова, офицера весьма искусного и храброго, которого и приемлю смелость удостоить в Контр-Адмиралы.* – Это пишется до того, как Федор Федорович *Ушаков* (1745–1817) прославил Черноморский флот блестящими победами. Потемкин выдвинул талантливого моряка на пост командующего Севастопольской корабельной эскадрой вместо Войновича. См. отзывы Потемкина об Ушакове в письмах № 1043, 1066, 1079.

2 *Полковника и мастера корабельного Афанасьева... в обер-интенданты с чином бригадирским.* – Семен Иванович *Афанасьев* был одним из главных строителей Черноморского флота. Потемкин очень его ценил.
На документе помета: "Пожалованы Апреля 14 1789".

936. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 14.IV.1789

Подлинник. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 165.
Публикуется впервые.

1 *Нащокин* Воин Васильевич (1742–1804) – заслуженный боевой генерал. Со слов его сына Павла Воиновича А.С. Пушкин записал несколько рассказов из жизни екатерининского генерала, отличавшегося независимым, вспыльчивым характером. Известна ссора его с Суворовым. Самому императору Павлу I Нащокин якобы ответил отказом на предложение продолжать службу, сославшись на свою и на его вспыльчивость.

2 *Генерал-Маиору Голенищеву-Кутузову пожаловать Третий класс Георгия.* – После тяжелого ранения Кутузов уже был в строю и командовал передовыми частями Екатеринославской армии. Через два года за Мачинскую победу (в которой Кутузов сыграл выдающуюся роль) он был награжден Георгием 2-ой степени. В 1812 г.

за разгром полчищ Наполеона генерал-фельдмаршал Кутузов получил Георгия 1-ой степени. Михаил Илларионович стал первым в истории русской армии кавалером всех 4-х степеней Военного ордена (кроме Кутузова кавалерами всех 4-х степеней ордена Св. Георгия были фельдмаршалы М.Б. Барклай-де-Толли, И.И. Дибич и И.Ф. Паскевич).

На документе помета: "Зделано Апреля 14 1789".

937. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 17.IV.1789

Подлинник. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 169.
Публикуется впервые.

На документе помета: "По сему дан указ Военной коллегии Апреля 17 1789".

938. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 17.IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 496.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 6–7.

В "Дневнике" Храповицкого под 17.IV.1789 г. записано: «Генерал-Маиор Денисов, перешед за Кюмень, сорвал Шведский пост; их убито 17, в плен взято 7. Подписан указ к Графу В.П. Мусину-Пушкину, чтоб в разных местах сильнее ударить и привесть их в неизвестность, откуда опасаться им нападения; а теперь двух пленных отпустить для истолкования, что переходили за Кюмень для того, что они начали нападать на наши посты. В Эрмитаже играли "Горе-богатыря"». Следует отметить, что эта опера, в которой высмеивался Густав III (создана при прямом участии Екатерины), по настоянию Потемкина не была показана на публике, как того хотела государыня.

939. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 17.IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 474.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 7.

1 *Подношу здесь от Спренгпортена Хванису. Что он предлагает зделать, исполнится Денисовым.* – Приложения в деле нет. После неудачной экспедиции в Карелии (в 1788 г.) Спренгпортен служил в Финляндской армии. Очевидно, он предлагал одному из своих офицеров (Хванису?) сорвать шведский пост.

2 *Позвольте о сем сказать Пушкину...* – Граф В.П. Мусин-Пушкин до конца года оставался главнокомандующим в Финляндии, несмотря на недовольство императрицы его пассивностью.

3 *Время близко к открытию Бельта, прикажите Козляинову скорей ехать.* – Это место в *СБРИО* прочитано неверно: "Время близко к отправлению, для того прикажите Козляинову..." Потемкин торопил вице-адмирала Тимофея Гавриловича *Козляинова* (Козлянинова) (ум. в 1798) с началом кампании. Ему была поручена эскадра, находившаяся в Дании. Безбородко в своих письмах в Лондон С.Р. Воронцову нелестно отзывается о русских адмиралах (Чичагове, Козлянинове, Крузе), командовавших после смерти Грейга кораблями Балтийского флота, и просит подыскать кого-либо из английских адмиралов (*АКВ*. Кн. 13. С. 173, 177–178). Козлянинов был опытным моряком. За Гогландское сражение был награжден Георгием 3-ей степени. В 1792 г. командовал Балтийским флотом, был членом Адмиралтейств-коллегии.

940. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 17.IV.1789

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 163.
Публикуется впервые.

941. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.IV.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 203.
Публикуется впервые.

[1] *Вчерашний день дети Ваши составляли собою главное украшение пиршества, увеселяющее сердца всех*. – 21.IV.1789 г. в "день торжества рождения Ея Императорского Величества", как отмечено к *КФЖ*, государыня не выходила из внутренних своих покоев и обеденного стола не было. Стол был у Их Императорских Высочеств, после чего состоялся (там же) большой прием. Очевидно, Потемкин решил теплым, сердечным письмом, наполненным похвалами внукам императрицы (называет их "дети Ваши") и особенно 12-летнему великому князю Александру Павловичу, утешить Екатерину. Храповицкий отметил под 21.IV.1789 г. "Не показывались. Объявлено произвождение Бригадиров и Полковничье. Вице-Канцлер получил письма из Вены, что Императору после причастия стало несколько лучше, не харкает кровью и мог сидеть на постеле. Со вчерашнего вечера плакали и весь день провели в постеле". 22.IV. – "Остаток болезни и безпокойства – на канапе. Гр[аф] В.П. Мусин-Пушкин рапортует, что Шведы приготовляются во всех местах, таскают пушки и порох, и после Денисова нападения больше остерегаются". См. письмо № 942 и примеч. к нему.

942. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 71.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 8.

[1] *Подношу здесь Булгакова письмо. Тут изволишь увидеть, в каких руках наши интересы. Они были наши враги и навсегда будут*. – 21.I/1.II.1789 г. Булгаков сумел переслать (одному ему известным способом) запись беседы французского посла в Константинополе графа Шуазель-Гуфье с капудан-пашой. Посол предлагал "обратить всю силу против России", нанося внезапные удары армией и флотом: блокировать Севастополь, высадить десанты в Крыму, напасть на Кинбурн и послать крупные силы под Очаков. В конце письма Булгаков писал: "...Не знаю, дошли ли мои прежние? Ниоткуда и ни от кого не получаю ни ответа, ни одобрения; и в сем состоянии стражду уже семнадцать месяцев. Дай Боже, чтоб только доходило, что я пишу. Сего довольно для моего утешения. Истощил все каналы, подвергая себя всем опасностям. Что могу я больше сделать для пользы Отечества?" (*РА*, 1866. Стб. 1577–1586). В своем ответе императрица напоминает о враждебности Франции в период первой русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Мирные переговоры в Фокшанах были сорваны из-за неуступчивости турок, за спиной которых стояли Франция и Австрия. Екатерина не пишет об Австрии (нынешней союзнице), а зачисляет в разряд врагов пруссаков (тогдашних союзников), сделавшихся главными поджигателями новой войны. Приходившие отовсюду вести были неутешительны. "Хотя Турки наклонны были к миру, – записывает 19.IV. Храповицкий слова французского посланника графа Сегюра, – но по сильным внушениям Прусского, Английского, Голландского и Шведского Министров (в Константинополе. – *В.Л.*) намереваются войну продолжать".

943. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Конец IV.1789

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *РА*, 1875, октябрь. Стб. 254.

[1] *Господин Круз думает не кораблями, но сам собою бить шведов.* – Вице-адмирал Александр Иванович *Круз* (1727–1799) – сын служившего в России датчанина, был известен своей храбростью. В Чесменском сражении он командовал флагманским кораблем "Св. Евстафий", на который перекинулся огонь с горящего турецкого корабля. Круз успел проводить с почестями адмирала Спиридова и Федора Орлова. Спасся среди немногих после взрыва корабля. Награжден Георгием 4-ой степени. В кампании 1789 г. со своей эскадрой должен был прикрывать подступы к столице и прервать сообщения гребной флотилии шведов между Свеаборгом и Стокгольмом. Задачу свою Круз выполнил. Отличился в кампании 1790 г. Награжден чином адмирала и Георгием 2-ой степени.

944. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

Конец IV.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 471–471об.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 9–10.

Ответ на предложения Потемкина (не разысканы) о преобразованиях на флоте и в артиллерийском ведомстве. Потемкин начал реформы, вводя принцип единоначалия и сосредоточивая в Военной коллегии все отделы военного управления. Он предлагал покончить с самостоятельностью артиллерийского и инженерного ведомства. Государыня не решалась на столь важную перемену во время войны. Идеи Потемкина были реализованы несколько позднее, подготовив почву для учреждения Военного министерства при Александре I.

945. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 1.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 125.
Публикуется впервые.

28.IV императрица переехала в Царское Село. Потемкин оставался в Петербурге, стараясь завершить наиболее важные дела до своего отъезда в действующую армию. Интересен отзыв Безбородко о Потемкине: "Прибытие князя Потемкина, естьли не принесло пособия нам большого в публичных делах... для меня, по крайней мере, доставило, хотя может быть, минутное облегчение. Уже ненавидящий меня (вице-канцлер Остерман. – *В.Л.*) до того простирал свои происки, чтоб меня привести в ничтожество и по части политической... Князь Потемкин, приехав, неинако как со мною по делам работал, и чрез меня во всем относился; и, по крайней мере, я лично им доволен, зная, что он отдает мне справедливость во всяком случае. Знаю, что по отъезде его и паки за меня примутся..." (письмо графу С.Р. Воронцову в Лондон от 7.III.1789. – *АКВ*. Кн. 13. С. 180–181).

946. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.V.1789

Подлинник. Подпись – автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 182.
Публикуется впервые.

На представлении помета: "Пожалован мая 4 1789".

947. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.V.1789

Копия. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 551. Ч. 1. Л. 7об.
Публикуется впервые.

[1] *Доктор хирургии Массо...* – Не удалось установить даже имени этого французского хирурга, который прибыл в русскую армию в 1788 г. В "Записках" графа Роже де Дама упоминается о том, что его влиятельные родственники способствовали положительному решению вопроса об отпуске известного хирурга Массо на русскую службу (*СИН*. Кн. 18. С. 14). Массо оперировал Суворова и Кутузова, раненых под стенами Очакова. Он был в числе 3-х врачей, проведших последние дни с умирающим Потемкиным. За время пребывания в России Массо успел написать и издать две работы по полевой хирургии. Дальнейшая его судьба неизвестна.

948. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.V.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 157.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 25.

В "Дневнике" Храповицкого (3.V.1789) говорится: "Сказывать изволила, что Султан умер; известие получено от иностранных, в Балаклаву приехавших". Абдул-Гамид I (Абдул-Хамид) умер 27.III/7.IV.1789 г. Об этом стало известно от французского капитана, пришедшего из Константинополя в Балаклаву. Императрица предположила, что его послал французский посол Шуазель-Гуфье. Потемкин посмотрел на дело иначе (см. письмо № 949).

949. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

2.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 243.
Публикуется впервые.

[1] *...показание его о флоте турецком весьма преувеличено.* – Показания французского капитана в деле нет.

950. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.V.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 156.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 25.

951. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

7.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 240.
Публикуется впервые.

[1] *Каменский прислал в запас прямо и к Вам реляцию на случай, ежели б меня не нашли.* – Еще 4.V.1789 г. в Петербург пришло донесение Каменского (временно командовавшего Украинской армией) о разгроме крупных турецких сил в Молдавии. Корпус в 12 тысяч человек был разбит генерал-поручиком В.Х. Дерфельденом близ г. Сабач. 1 500 турок попали в плен. Победителям досталась вся артиллерия и припасы (*КФЖ*). По пути на юг Потемкин получил новое донесение Каменского о

поражении Дерфельденом неприятеля у Галаца 20.IV. В рапорте от 30.IV Каменский извещал князя о "новом поражении 21-го числа чрез подполковника Смоленского пехотного полку графа Апраксина оставшей от разбития при Галаце малой неприятельской партии, искавшей переправиться на правую сторону реки Серета" (Копия. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 12. Л. 21).

[2] *Ибраим-паша меня знает.* – Турецкий военачальник, взятый в плен при Сабаче. Возможно, знал Потемкина еще со времени первой турецкой войны.

952. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 241–242.
Публикуется впервые.

[1] *Рапорт Войновича...* – Войнович доносил об успешной экспедиции 18 греческих судов к Румелийским берегам. Крейсеры захватили и сожгли несколько торговых судов. Десант, высаженный в гавани Констанцы, разрушил укрепления, сжег "магазейны и разбил отряды прикрытия" (Рапорт от 3.V.1789 г. из Херсона. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 12. Л. 15–16об.). Моряки-греки прислали в подарок захваченные на турецких судах апельсины, которые Потемкин ("право, не съел ни одного") переправил государыне.

[2] *Каменский рапортует...* – В рапортах Каменского от 1.V.1789 г. сообщалось о недостатках в снабжении Украинской армии, о планах противника и союзников (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 12. Л. 27–32).

[3] *Вы, матушка Государыня, не написали ко мне письма французского, которое б я мог показать Артиллерии Генералу Г[рафу] Потоцкому... Не худо будет, если тут включите поклониться его жене.* – Потемкин пытался противопоставить пропрусской партии в Польше партию сторонников России. Письмо предназначалось графу Щенсны-Потоцкому, командовавшему войсками в Польской Украйне, и его жене Йозефине Амалии (урожденной Мнишек) (1752–1798), пожалованной в 1792 г. в статс-дамы. 13.V. Екатерина послала письмо для Потоцких, заверив их в своей благосклонности и поддержке (см. письмо № 954).

[4] *Из донесений Графа Войновича усмотрите, какой недостаток в чинах для кораблей, готовящихся на Азовском море.* – Донесений найти не удалось. Потемкин энергично наращивал силы флота. Корабли строились в Херсоне, в Таганроге, при устье Хопра. 5 новых эллингов были готовы на устье р. Ингул. Для новых судов не хватало морских специалистов. В ордере Войновичу от 6.VI.1789 г. Потемкин распорядился взять в службу бывшего капитана 1-го ранга С.Г. Коковцева (разжалованного по суду вместе с Барановым и Валронтом), но именовать его не матросом, а "ученым навигатором" и дозволять ему командование нижними чинами (*СБВИМ*. Вып. VII. С. 152).

953. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 119.
Публикуется впервые.

[1] *Каменского рапорты здесь подношу... Я считаю, что сие произошло от приезда Князя Репнина.* – Самолюбивый генерал-аншеф М.Ф. Каменский рассчитывал получить командование Украинской армией. Узнав, что командование поручено князю Репнину, Каменский подал прошение об отставке, сославшись на болезнь. См. отзывы о нем Екатерины и Потемкина в письма № 1136, 1138.

954. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.V.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 229–229об.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 25–26.

1 *...о крейсерах: видно, что люди храбрые.* – См. примеч. 1 к письму № 952.

2 *При сем прилагаю письмо к тебе, которое показать можешь Графу и Графине Потоцким.* – В письме говорилось: "Прошу Вас, Князь, уверить артиллерии Генерала Графа Потоцкого... в полном моем уважении за его истинно-патриотические действия.., я поспешу воспользоваться случаями, когда могу доказать ему, его супруге (которй поклонитесь от меня) и детям мою признательность..." (пер. с фр. – *PC*, 1876, сентябрь. С. 27).

955. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.V.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 159–159об.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 27.

1 *Преоб[раженского] полку капитан Уваров ко мне написал письмо, жалуясь на выпуск молодшего его.* – Письмо не разыскано. *Уваров* Платон Федорович в 1777 г. пожалован из полковых сержантов в прапорщики. В 1790 г. из гвардии капитанов уволен бригадиром. Храповицкий записывает 16.V.1789: «"За столом говорено с жаром, что можно быть обижену в производстве по полку, а не по выпуску; это милость": "Кого хочу, выпускаю..."» Выпуск гвардейских офицеров в армию был важным шагом в служебной карьере. Капитаны, как правило, получали чин полковника.

2 *Я призвала Татищева...* – Н.А. Татищев командовал преображенцами. Потемкин был о нем невысокого мнения.

3 *Также ротмистр Олсуфьев...* – Сергей Адамович *Олсуфьев* (1755–1818) в 1774 был пожалован из вахмистров в корнеты Конной гвардии. В 1784 – в ротмистры. 15.III.1792 г. выпущен в армию полковником. Впоследствии генерал-майор. Он был сыном статс-секретаря императрицы А.В. Олсуфьева. Отзыв Екатерины о недовольном конногвардейце крайне неблагоприятен: "Олсуфьев пьяница. Нет ни одного путного сына от Адама Васильевича" (*ДХ*, 16.V.1789).

956. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 123.
Публикуется впервые.

1 *Приехав в Кременчуг, нашел его весь в воде... я приказал переходить правлениям в Новый Екатеринослав.* – Губернским городом Екатеринославского наместничества должен был стать Екатеринослав, заложенный в 1787 г. в присутствии Екатерины II и Иосифа II. Временно наместническое правление находилось в Кременчуге. В официальном донесении от 22.V Потемкин уточнил: "Третий уже день, как буря прервала все переправы, но зачинает утихать... вода попортила много. Эллинги в Херсоне, так и в моих имениях в Польше, залиты и работа всюду остановилась". Далее в донесении сообщалось о готовности Севастопольского флота выйти в море, об учении флотилии Черноморских казаков под Очаковом и о проводке из Херсона

по большой воде вновь построенных кораблей. "Поляки гораздо мягче стали, но к несчастию вновь встревожены шайкою казаков под именем запорожцев... они грабят и разглашают прибытие двадцати тысяч таковых. Партии для сыску их посланы и польским начальникам писано о нелепости таких слухов. Коронные войски от границ Екатеринославских отступили в Подолию" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 12. Л. 42–43).

957. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 230.
Публикуется впервые.

1 *Я ожидаю от Генерал-Порутчика Кречетникова из Киева донесений обо всех транспортах, которым я указал, куда итить.* – Для улучшения снабжения Украинской армии Потемкин приказал Кречетникову направлять транспорты через Киев на Ольвиополь (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 12. Л. 42).

958. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.V.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 228.
Публикуется впервые.

1 *...получил я жезл повелительный.* – Потемкин уехал в армию, не дождавшись изготовления "фельдмаршальского повелительного жезла, алмазами и бриллиантами украшенного", которым он был пожалован за победное завершение кампании 1788 г. Он получил также в награду "похвальную грамоту с изложением заслуг его, памятную медаль да денег 100 000 рублей" (*КФЖ*. Запись от 15.IV.1789 г.). Суворову, не участвовавшему в штурме Очакова, по представлению Потемкина было пожаловано "перо бриллиантовое на шляпу". Генерал-аншеф вместе со своим начальником оказался главным действующим лицом на торжественной церемонии в Зимнем Дворце. Потемкин не забыл выдающихся заслуг "своего друга сердешного" под Кинбурном (в 1787 г.) и на Лимане (в 1788 г.).

959. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

31.V.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 161.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 27–28.

1 *Наша гребная флотилья поплыла в Кронштадт и оттудова пойдет сутки чрез двое. Есть известия, будто шведский флот будет крейсировать в близости Карлскроны. Ревельский и Кронштадтский – соединились.* – Главные события кампании разворачивались на море. Гребная флотилия под командованием принца Нассау должна была противодействовать сильной шведской флотилии у берегов Финляндии. Шведский флот крейсировал неподалеку от своей главной базы Карлскроны. Со стороны Дании ему противостояла соединенная русско-датская эскадра, действовавшая оборонительно, для защиты рейда столицы и берегов. Ревельская и Кронштадтская эскадры соединились и были готовы поддержать гребную флотилию.

960. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.VI.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 170.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 28.

[1] *Сей час получила я... уведомление, что... Михельсон пошел 31 мая в Шведскую Финляндию, где разбил неприятельский пост...* – Храповицкий уточняет: бой был при деревне Кири в пяти верстах от границы, разбита1000 шведов. "Принято с удовольствием и писано о том собственноручно к Князю Г.А. Потемкину" (*ДХ*. 2.VI.1789 г.).

961. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.VI.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 169.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 28.

В письме говорится о продлении союзного договора с Австрией. Император Иосиф II оставался верен договору 1781 г., но его состояние вызывало беспокойство Екатерины. "Император еще болен, – говорит она 5.VI Храповицкому, – и ежели ныне не оправится, то в осень худа надежда".

962. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.VI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 339–340.
Публикуется впервые.

[1] *Трудно сбирать войск из-за Днепра. Во ожидании их, то что есть легких войск – я двинул открыть Бендеры и Аджи-бей. А Кутузову с корпусом егерским приказал следовать к Балте.* – Потемкин перегруппировывал свои силы в соответствии с планом кампании. 4.VI в ордере Кутузову он приказал бригадам донских казаков (во главе с походными атаманами В.П. Орловым и И.И. Исаевым) идти "за Буг даже до Бендер", "открыть степь". Туда же направлялись конные команды запорожцев во главе с З.А. Чепегой и бугских казаков П.М. Скаржинского. Самому Кутузову – с Бугским егерским корпусом, подкрепленным пехотным полком, выдвинуться к Балте, соблюдая особую осторожность в отношении польских границ (*СБВИМ*. Вып. VII. С. 150).

[2] *Еду завтре в Ольвиополь, где собираются полки.* – Главные силы Екатеринославской армии концентрировались у Ольвиополя и могли поддержать выдвинутые в Молдавию войска Украинской армии.

[3] *Эльмпт не был у меня, написал Попову, что просился в отставку, приехал без спросу.* – В кампании 1788 г. генерал-аншеф Эльмпт командовал одним из корпусов в армии Румянцева. Отставку он не получил и был назначен в войска, прикрывавшие западные границы империи.

963. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

11.VI.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 165–165об.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 30.

[1] *...Михельсон занял Христину, потом пошел к Сент-Михелю, но тут ему не сщастливилось как-то. А сию ночь получила известие, что 8 июня все сие поправилось...* – В письме Попову Гарновский уточнил: "По взятии Христины г. Михельсон произвел другую, но неудачную атаку, стоившую нам весьма много людей. Все

отдают честь г. Денисову, что он тут явил много храбрости и благоразумия, ибо спас весь наш бывший в разстройстве корпус от гибельного преследования шведов, а особливо наших многочисленных раненых, которые бы без помощи его всеконечно в руки неприятелям достались". В конце письма Гарновский добавляет, что государыня не хотела писать Потемкину о неудаче под Сент-Михелем и написала лишь после успешной повторной атаки (Письмо от 13.VI.1789 г. – *PC*, 1876. Т. XVI. С. 237–238).

2 *Шульц* – барон Вильгельм Васильевич, фон (в службе с 1768), генерал-майор. 8–9.VII.1789 был разбит шведами, потерял 600 человек и пушки. 13.VIII Гарновский сообщил Попову, что "Шульцу сходно с советом Его Светлости не велено вверять никаких особых отрядов" (Там же. С. 411).

3 *Вице-канцлер Келлеру сказал, что ты все транспорты и магазины выводишь из Польши, тогда он... скрыть не мог, колико ему неприятна была сия весть.* – Официальные переговоры с иностранными дипломатами вел вице-канцлер граф И.А. Остерман. Барон *Келлер*, прусский посланник в Петербурге, вскоре был сменен графом Гольцем.

4 *Лорд Стормонт Дэвид Мюррей* (1727–1796) – видный английский дипломат. Занимал пост британского посла в Париже до начала северо-американской войны. Находился в оппозиции к кабинету У. Питта Младшего.

964. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.VI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 234–234об.
Публикуется впервые.

1 *Весьма трудно было проводить пленных между Бендер и границы Польши...* – Партии турок, плененных в Молдавии в апреле 1789 г., переводились в Россию. В донесении от 19.VI Потемкин сообщил об отказе Польши (на запрос князя Репнина) пропустить пленных. Ходили слухи, будто бы польский генерал Держек получил приказ отбить турок, если бы они оказались близ границы. "Я, не подавая веры во всем реченном, однако же должен был взять меры. И для сего все легкие войски подвину к Бендерам, а корпусу егерскому приказал иттить до самой переправы и, соединясь с конвоем, при пленных отправленном, препровождать их до Буга. Турки Днестр перешли и уже на обратном пути. Генерал Кутузов с ними завтре в Балту прибудет" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 12. Л. 100об.–101).

2 *Погонщики разбежались Я еще не получил об них в Губернии указов Сенатских, а без них нельзя.* – Погонщики набирались из вольнонаемных за установленную плату. Сенатские указы определяли условия их найма во время войны.

965. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.VI.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 171.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 28–29.

1 *Молю Бога о твоем здоровье и надеюсь, что по твоему благому обыкновению преодолеешь все затруднения. Желаю везде щастия и удачу.* – Письмо написано Екатериной в трудные для нее дни. Она еще не решается сказать Потемкину об измене Мамонова. 18.VI Храповицкий записывает: "Не веселы. Слезы. Мамонов женится на Щербатовой. После обеда и во весь вечер была только Анна Никитиш-

на Нарышкина". В письме Потемкину (№ 969) Екатерина начинает изложение конфликта с фаворитом Мамоновым с понедельника 18.VI. Осведомленный Гарновский со слов крайне взволнованного Мамонова сообщает Попову, что поутру 16.VI императрица "по претерпении многих по сей части безпокойств, нутренно ее терзавших, решилась написать" письмо фавориту. Мамонов дал его прочесть Гарновскому, и тот цитирует по памяти: "Желая всегда тебе и фамилии твоей благодетельствовать и видя, сколько ты теперь состоянием своим скучаешь, я намерена иначе счастие тебе устроить. Дочь Графа Брюса составляет в России первейшую, богатейшую и знатнейшую партию. Женись на ней... Анна Никитична употребит все силы привести дело сие к желаемому результату. Я буду помогать, а притом ты и в службе остаться можешь". Мамонов ответил отказом и просил позволения жениться на фрейлине княжне Щербатовой, в которую он, по его словам, "полтора года влюблен смертельно". 16.VI "после обеда двери у Графа заперты были для всех. Государыня была у него более 4-х часов. Слезы текли тут и потом в своих комнатах потоками. После сего была у Графа Анна Никитична. Но ничего не могло его склонить, ни здесь остаться, ни на женитьбу с графинею Брюсовою. 17-е число препровождено в беспокойствах, и, хотя отправление к Его Светлости и было готово, но мне оное отдано 18-го числа, в 10-м часу в вечеру" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 399–401). В этот же день Екатерина напишет второе письмо Потемкину – "секретное", по словам Гарновского. См. примеч. к письму № 969.

966. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25.VI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 347–348.
Публикуется впервые.

1 *Пруссаки обратились пакостить лично мне, столь их испугало учтивое мое обхождение с поляками. Луккезини тайно составил сам либель, которую здесь прилагаю, а я смеюсь.* – Маркиз Джироламо *Луккезини* (1751–1825), выходец из Лукки, выдвинулся на прусской службе, будучи чтецом у короля Фридриха II. С 1789 г. посланник в Варшаве. Подкупом, интригами, широкими обещаниями вернуть земли, утраченные Польшей по первому разделу (но только не те, что достались Пруссии) маркиз сумел сколотить сильную антирусскую партию польских магнатов. Луккезини лично составлял либели (пасквили), направленные против России и Потемкина. Приложения в деле нет. Потемкина, владевшего обширными имениями в Польской Украйне, обвиняли в тайном изготовлении оружия для своих сторонников среди православного населения республики. Луккезини сумел добиться заключения союзного договора между Пруссией и Польшей, направленного против России и Австрии. Когда же прусские планы отчуждения польских торговых городов Гданьска и Торуня (плата за услуги) вызвали бурю негодования в Польше, маркиз сделался одним из главных инициаторов второго раздела Речи Посполитой.

2 *...прикажите нового их посланника хорошенько трактовать.* – Новым прусским посланником в Петербурге стал граф Бернгард фон дер Гольц, занимавший до того пост посланника в Версале.

3 *Противу Польши нужно запасаться. Черноморских казаков я умножаю... Да на всякий будущий случай нужно заготовить ружья... закажу в Туле... Такого оружия нужно много для того, что в Польше у всех нашего закона оружие отобрано.* – После кровавого восстания в 1768 г., вошедшего в историю под именем "Колиевщины" польские власти отобрали оружие у православного украинского населения. Потемкин, внимательно наблюдая за сближением Польши с Пруссией, увеличивал

численность казачьего войска, составленного из бывших запорожцев, и делал запасы оружия на тот случай, если бы Польша в союзе с Пруссией объявила войну России. Оружие предназначалось для населения Правобережной Украины, не забывшего Колиевщины.

4 *Казаки щегольски поступили под Бендерами.* – Попытка турок отбить у русского конвоя своих пленных привела к ожесточенному сражению подле переправы через Днестр. В жестоком 5-часовом бою была разбита и прогнана партия неприятеля (до 3 000), значительно превосходившая численность донских, бугских и черноморских казаков. Кошевой черноморцев Чепега был тяжело ранен.

5 *Принц Виртембергский приехал...* – Младший брат жены наследника престола, генерал-майор принц Карл Фридрих Александр проделал кампанию 1789 г. под начальством Потемкина. О его дальнейшей судьбе см. письма № 1051, 1054, 1145.

6 *Не знаю, отправился ли Граф Салтыков, а нужно им взять движение.* – «Дан указ Графу И.П. Салтыкову об отъезде в Кавказ, – отмечает Храповицкий 5.VI.1789 и приводит слова императрицы: "Все взял и не едет; буде идет в отставку, то на его место сыщется другой. У меня 40 тысяч там без действия и не делают диверсии"».

967. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25.VI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 232.
Публикуется впервые.

1 *Граф Петр Александрович все в Яссах, укладывает обоз и раскладывает по несколько раз в день.* – Сдав в марте 1789 г. командование Украинской армией, Румянцев почти год жил в Молдавии, в непосредственной близости от театра военных действий. Фельдмаршал ссылался на свою болезнь (он действительно был серьезно болен, страдал от отеков ног и был тяжел на подъем), как на причину задержки. 23.IV.1789 Екатерина II своим рескриптом подтвердила Румянцеву, что отзыв от армии не имел "иного вида, кроме употребления Вас к служению в другом месте, соразмерно Вашим степени и искусству" (*ДХ*. 23.IV.1789). Румянцев отвечал: "Всемилостивейшее писание мою до крайности прискорбную душу вновь оживило, за исключением той скорби, которою я долго буду страдать, как долго я буду лишен случаев и способов на доказательство моего горячего усердия в военной службе Вашего Императорского Величества, коей я мою всю жизнь посвятил" (*ДХ*. 24.V.1789). Его пребывание в Молдавии порождало слухи в Петербурге и в армии, беспокоило Потемкина.

968. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VI.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 172–172об.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 29.

Это ответ на письмо № 964. Но в тот же день 29.VI Храповицкий записывает в "Дневнике": "Чрез меня отправлено к Князю письмо о домашних обстоятельствах". 17.VII императрица (ожидающая ответа) спрашивает Храповицкого, когда оно отправлено. "Доносил по справке с Гарновским, что письмо к Князю отправлено 3 июля..." (*ДХ*. 18.VII). "Домашние обстоятельства" касались разрыва с Мамоновым. См. письмо № 969.

969. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VI.1789

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – Соч. имп. Екатерины II. Т. 12. 2-ой полутом. С. 699–701.

Это второе письмо, которым Екатерина извещает Потемкина о случившемся. Первое было написано по горячим следам 20.VI. О нем упоминает Гарновский в своем письме Попову от 21.VI.1789. "Может быть, Граф (Мамонов. – *В.Л.*) поджидал обстоятельнейшего письма, нежели то, которое, не заключая в себе ничего до сей истории касающегося, предпровождается теперь в письме его к Его Светлости, и Граф отнюдь того не знает, что секретно отдано Николаю Ивановичу (Салтыкову. – *В.Л.*) (сей дежурным, а Граф Безбородко в городе) другое – для доставления к Его Светлости... Николай Иванович мне ничего об оном не сказывал, а я узнал о том от Захара (старшего камердинера императрицы. – *В.Л.*)" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 401). Это секретное письмо не разыскано. Возможно, императрица сама уничтожила его, когда после смерти Потемкина получила назад свои письма к нему. Данное письмо написано уже после того, как страсти несколько улеглись. "Со вчерашнего дня Государыня сделалась повеселее", – отмечает Гарновский 21.VI, сообщая о "весьма ласковом обращении" с Зубовым. Сравнение текста этого письма с изложением событий Гарновским (см. примеч. к письму № 965) позволяет сделать вывод о том, что императрица, любя Мамонова и заметив его охлаждение к себе, решилась после долгих страданий и колебаний вызвать молодого человека на откровенность и развязать затянувшийся любовный узел. Как женщина, она не могла не почувствовать себя униженной, старалась переложить всю вину на Мамонова, но все таки нашла силы достойно выйти из положения.

1 *...Граф Брюс через неделю примет дежурство, я прикажу ему вызвать его дочь...* – Графиня Екатерина Яковлевна *Брюс* была богатейшей невестой. Хотя ей исполнилось всего 13 лет, Екатерина отозвалась о ней Храповицкому, как о вполне сформировавшейся девушке. Впоследствии она была замужем за графом В.В. Мусиным-Пушкиным (сыном известного генерала). Брак не был счастливым.

2 *...он мне сознался, что вот уже год, как он влюблен в княжну Щербатову, испрашивая у меня формального разрешения на брак с ней.* – Генерал-адъютанты и фрейлины императрицы должны были испрашивать разрешения на брак. Княжна Дарья Федоровна *Щербатова* (1762–1801) осталась в малолетстве без матери, была забрана теткой у деспотичного отца и воспитывалась при дворе. Сохранилось ее письмо Потемкину, в котором молодая женщина с большим достоинством просит доставить ей место фрейлины, напомнив князю о его племянницах и своей беззащитности (Автограф на фр. языке. Без даты. – *РГАДА*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 863. Л. 1). 1.I. 1787 г. она была пожалована во фрейлины. Ее роман с Мамоновым длился 8 месяцев. Брак (как и предсказала Екатерина) не был счастливым.

3 *На следующий день он попросил меня, чтоб я дала обещания, что я и сделала в среду.* – В среду 20.VI "Пред вечерним выходом сама Ея Величество изволила обручить Графа и Княжну; они, стоя на коленях, просили прощения и прощены", – записывает Храповицкий. Помимо обручения, государыня приказала в среду (Храповицкому) заготовить указ о пожаловании Мамонову деревень (2 250 душ). 22-го "в пятницу указ был положен на стол". Подписан 23-го вместе с указом о выдаче Мамонову 100 000 рублей из собственного Кабинета Ее Императорского Величества.

[4] *После чего он попросил о свадьбе, которая состоится в воскресенье 1 июля; пост не дозволяет им обвенчаться ранее.* – Петровский пост начинался в воскресенье после Троицы и длился до 1.VII. Гарновский сообщает в письме от 4.VII: "1-го числа сего июля совершилась графская свадьба здесь в придворной церкви (в Царском Селе. – *В.Л.*), куда по желанию его во время бракосочетания, кроме на свадьбу и потом к ужину малого числа приглашенных особ, никого не пускали. Теперь смело можно сказать, что никогда подобное сему происшествие не восприяло счастливее сего конца и великодушие, при сем случае Графу оказанное, превзошло всех и всякое чаяние" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 402). Храповицкий уточняет: "В 9 часу вечера невесту нарядили (т.е. наряжала сама государыня. – *В.Л.*) и благословили образом, после чего пошли в церковь одни званые" (Запись под 1.VII.1789). Гарновский приводит важное свидетельство об отношении Екатерины к Мамонову. Когда придворные, заискивавшие прежде перед фаворитом, перестали к нему ходить, императрица сказала: "Теперь я вас знаю, для чего не бываете у графа. Знаете ли, что я навсегда буду к нему расположена так, как и была" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 403).

[5] *...новобрачные отправятся в Москву. Именно я настояла на этом, так как я почувствовала, что он вопреки браку чуть было не пожелал остаться здесь.* – Новобрачные отправились в имение Мамонова Дубровицы в ночь на 3.VII. Екатерина настояла на этом не без некоторых колебаний. "Бог знает, что будет впереди, – замечает Гарновский 4.VII. – Зубов не заменит того, что был Граф Александр Матвеевич, это доказывают слезы, пролитые в день свадьбы" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 403).

[6] *Через неделю я вам поведаю больше относительно некоего Чернявого, знакомство с которым, возможно, зависит только от меня самой, но я сделаю это лишь в последней крайности.* – Речь идет о Платоне Александровиче *Зубове* (1767–1822) – последнем фаворите императрицы. Анна Никитична Нарышкина проявила завидную придворную ловкость и воспользовалась кризисом в отношениях между Екатериной и Мамоновым для того, чтобы провести в фавориты своего ставленника. Уже 19.VI Храповицкий записывает в "Дневнике": "Захар (старший камердинер императрицы Зотов. – *В.Л.*) подозревает секунд-ротмистра П.А. Зубова, и дело идет через Анну Никитичну Нарышкину..." Старинная подруга Екатерины бранит перед ней Мамонова и тихонько нашептывает о страсти молодого конногвардейца. 3.VII Зубов пожалован в полковники и во флигель-адъютанты. До тонкости изучивший придворные хитросплетения Гарновский спешит уведомить Потемкина: "Николай Иванович был и есть Зубовым протектор, следовательно, и полковнику Зубову наставник. Зубов-отец – друг Князя Александра Алексеевича (генерал-прокурора Вяземского. – *В.Л.*), а Анна Никитишна предводительствует теперь Зубовым и посему играет тут первую и знатную ролю. Вот новая перемена со своею лигою, которые однако же все до сих пор при воспоминовении имяни Его Светлости неведомо чего трусят и беспрестанно внушают Зубову иметь к Его Светлости достодолжное почтение..." (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 404). Это описание дает представление о способах борьбы за власть, которая держит в постоянном напряжении придворные круги. Очевидно, что новый фаворит принадлежит к партии, члены которой – Николай Иванович Салтыков (вице-президент Военной коллегии, человек, близкий к наследнику престола) и Анна Никитична Нарышкина (двоюродная сестра фельдмаршала Румянцева) – не являются сторонниками Потемкина. Может быть, именно по этой причине императрица, рассказывая своему мужу и соправителю о Зубове, очень осторожна и берет извинительный тон: договоренность нарушена: новый фаворит обязан своим возвышением "лиге", а не Светлейшему.

970. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.VII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 336.
Публикуется впервые.

[1] *Замешкал я несколько сим отправлением, дожидаясь моего посланного по требованию той особы в Польше, о которой мне изволили в письме писать.* – Потемкин сообщает о переговорах с польским генералом графом Щенсны-Потоцким, которому он переслал письмо императрицы (см. письмо № 952, примеч. 3 и 954 примеч. 2).

[2] *La France est en délibre и никогда не поправится. А будет у них хуже и хуже.* – Замечание Потемкина о "расстройстве", охватившем Францию, и его прогноз событий оправдались вполне, хотя все это написано 5/16.VII. 1789 г., т.е. на второй день после взятия Бастилии, о чем он узнает лишь в августе. В Петербурге известие о революции и падении Бастилии получили 27.VII/7.VIII.1789. Храповицкий записывает отзыв императрицы о парижских событиях: "Зачем там Король? Им управляет, кто хочет, сперва Бретейль, партии королевской, потом Конде Принц и Граф Д' Артуа и, наконец, Лафайетт, уговорили его итти в Собрание Депутатов" (Запись под 29.VII.1789).

971. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.VII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 7–7об.
Публикация – *РА*, 1865. Стб. 1518–1519.

Ответ на неизвестное письмо Екатерины от 20.VI (см. примеч. 1 к письму № 965 и примеч. к письму № 969), посланное через Н.И. Салтыкова. Известно письмо Потемкина Н.И. Салтыкову от 5.VII. 1789 г. из Ольвиополя. "Милостивый Государь мой Николай Иванович! – говорилось в письме. – Вложенное здесь письмо прощу поднести Государыне.

Бог один видит, сколь заботы мои неописанные. Украинская Армия разсыпана по всему свету, все должно собирать. Запасу хлебного не было поблизости, жили со дня на день. Рекруты не дошли до полков и нескоро дойдут. Ремонты тоже. Голова, право, в круг идет. Постарайтесь о наборе рекрут прежде сентября, а то никогда к поре не поспеют..." (Автограф. – *РГБ ОР*. Ф. 178. Кар. 5. Ед./хр. 25. Л. 1).

[1] *Матушка Всемилостивейшая Государыня, всего нужней Ваш покой; а как он мне всего дороже, то я Вам всегда говорил не гоняться; намекал я Вам и о склонности к Щербатовой...* – Очевидно, не разысканное письмо Екатерины было написано в крайнем раздражении и наполнено упреками по адресу Мамонова. 20.VI Екатерина сама заводит с Храповицким разговор о "здешней истории" и сознается, что "Мне Князь зимой еще говорил: "Матушка, плюнь на него" и намекал, но я виновата, я сама его (т.е. Мамонова. – *В.Л.*) пред Князем оправдать старалась" (см. письмо № 975 примеч. 2).

[2] *Я у Вас в милости, так что ни по каким обстоятельствам вреда себе не ожидаю, но пакостники мои неусыпны в злодействе; конечно будут покушаться.* – Намек на тайные узы, связывающие Потемкина с императрицей. Его недруги не догадываются об этом и используют падение Мамонова для нападок. См. ответ Екатерины: письмо 975 и примеч. 4 к нему.

[3] *Я справедлив, отнюдь Графа Безбородку не почитаю себе недоброхотом, но напротив; а есть много других.* – Ответ на слова Екатерины из неразысканного письма. Безбородко и Мамонов находились в очень натянутых отношениях. В письме в Лондон графу С.Р. Воронцову Безбородко так отозвался о происшедшей перемене: "Она, конечно, была нечаянна, ибо Мамонов всем столько уже утвердившимся казался, что, исключая Князя Потемкина, все предместники его не имели подобной ему власти и силы, кои употреблял он на зло, а не на добро людям. Ланской, конечно, не хорошего был характера, но в сравнении сего был сущий ангел..." Безбородко жалуется на причиненные ему досады Мамоновым, обвиняет его друга Рибопьера в том, что тот "продавал и его, и нас (т.е. самого Безбородко. – *В.Л.*) Пруссакам и что Келлер чрез него действовал на изгнание нас из министерства. Расшифрованные депеши Прусские служили нам самым лучшим аттестатом, что нас купить нельзя; они тем наполнены были, что и мы одних мыслей с Государынею..." (Письмо от 5.VII.1789. – *АКВ*. Кн. 13. С. 163–164). Иначе смотрел на отношения Мамонова к Безбородко Гарновский, видя в фаворите важный противовес самому талантливому и влиятельному сотруднику императрицы по внешним делам: "Я не сумневаюсь нимало в усердии и преданности Графа Александра Андреевича, – писал он 21.VI. 1789 г. на юг Попову, – но иногда и нередко нужны нам у двора и такие люди, которые не только потакать, но, имея бодрый дух, и противуречить к пользе дел умели" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 402). Переписка Потемкина с Безбородко свидетельствует о том, что до самой смерти князя ими поддерживался откровенный обмен мнениями по самым насущным делам войны и мира. Их взгляды на способы борьбы против мощной антирусской коалиции в самых принципиальных вопросах совпадали.

972. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.VII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 163–164.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь, с. 29–30.

[1] *Михельсон, поссорясь с Денисовым, сказался болен, а мой гранадерский полк так зол на Михельсона, что его называют изменником.* – Война в Финляндии шла с переменным успехом. Михельсон рассорился не только с Денисовым, но и с Мусиным-Пушкиным, и был вынужден проситься в отставку. Потемкин взял его в свою объединенную армию.

[2] *...естьли б тебе рассказать все, что было и происходило чрез две недели, то ты скажешь, что он совершенно с ума сошел; даже и друг его и конфидент Рибопьер и тот говорит, что он аки сумашедший...* – Рибопьер был вызван из армии именным указом императрицы "Кажется, как будто б всех подозревать будут, кто только был вхож к Александру Матвеевичу", – доносил Гарновский, но вскоре успокоил известием о том, что "с Иваном Степановичем (Рибопьером. – *В.Л.*) обошлись весьма ласково, ибо сей в интригах графских, до любви касавшихся, не участвовал" (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 401–402, 404).

[3] *При сем прилагаю к тебе письмо рекомендательное самой невинной души... Я знаю, что ты меня любишь и ничем меня не оскорбишь.* – Речь идет о письме Платона Зубова Потемкину, написанном, без сомнения, по внушению Екатерины. См. ответ Потемкина императрице – письмо № 979. Письма Платона Зубова Потемкину не разысканы.

973. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.VII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 236.
Публикуется впервые.

[1] *Здесь прилагаю записку всему, что мне сообщил словесно Г[раф] П[отоцкий]*. – См. письмо № 974.

974. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.VII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 345–346.
Публикуется впервые.

[1] *Бок* Карл, фон (в службе с 1758) – генерал-майор, боевой офицер, кавалер Георгия 4-ой степени. 19.V.1789 Потемкин приказал ему отправиться в Польшу и обеспечить вывод команд и вывоз магазейнов на Днестр (*СБВИМ*. Вып. VII. С. 145).

[2] *Потоцкий* Игнаций (1750–1809) – великий маршал Литовский, дипломат. Один из самых активных деятелей 4-х летнего Сейма, на котором сторонники прусского короля подавили попытки Станислава Августа и сторонников России заключить союзный договор. В 1794 г. во время восстания Т. Костюшко руководил внешней политикой повстанческого правительства. Вел переговоры с Суворовым о сдаче Варшавы. Вместе с тремя другими вождями восстания 1794 г. был отправлен в Петербург и содержался там в заключении (довольно мягком). Амнистирован Павлом I.

[3] *Герлич* Рош (род. ок. 1740) – генерал-майор польской кавалерии.

[4] *...теперь умыслы идут о заключении алиянса с Прусским Королем, которого гарант Аглинский Король будет; потом положить наследность короне навсегда Саксонского дому. Затем зделать России предложение об удовлетворении Радзивилла и Огинского за отобранные у них имения, а когда Королю Прусскому утвердится владение прочное взятым краем, то он с ними предложит отобрание назад у нас и у цесарцев*. – Довольно точное изложение планов пропрусски настроенных кругов в Польше, которые не хотели видеть, что прусская дипломатия использует их в своих целях. Разжигая ненависть к России и Австрии, обещая вернуть земли, утраченные по первому разделу (за исключением тех, которые отошли к Пруссии), Фридрих-Вильгельм II и его дипломаты Герцберг и Луккезини готовили новый раздел республики. Английские политики, стоявшие у власти, советовали полякам во всем держаться Пруссии и даже идти на территориальные уступки по ее требованиям.

975. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.VII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 166–167об.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 31–32.

[1] *Теперь шведы до Аньялы прогнаны, осталось их выжить из Кюменогородского поста*. – Императрица описывает успехи отрядов генералов Денисова и Кнорринга, оттеснивших в начале июля шведов за Кюмень и далее за Аньялу. Она еще не знает, что генерал Шульц потерпел поражение от шведов и отступил к Нейшлоту. Бои на сухом пути шли с переменным успехом.

[2] *На второе письмо твое, полученное чрез Н[иколая] И[вановича] Салт[ыкова], я тебе скажу, что я все твои слова и что ты мне говорил зимой и весною приводила*

на память, но признаюсь, что тут есть много несообразного. – Ответ на слова Потемкина в письме № 971. Екатерина все еще испытывает муки ревности и старается восстановить картину романа Мамонова с Щербатовой. Она ссылается на Рибопьера, женатого на Аграфене Ильиничне Бибиковой (взятой из уважения к заслугам ее умершего отца во фрейлины). В их доме Мамонов встречался с княжной Щербатовой. Об этом знал и младший брат жены Рибопьера Александр Бибиков. Екатерине кажется, что Потемкин утаил от нее правду и продлил муки. См. ответ Потемкина – письмо № 979.

3 *Правду говоришь, когда пишешь, что ты у меня в милости ни по каким обстоятельствам, кои вреда тебе причинить не могут.* – Высказав свои подозрения, государыня хочет успокоить своего мужа и соправителя, подтвердив свое неизменное и полное доверие к нему.

4 *У нас сердце доброе и нрав весьма приятный...* – Эти и последующие комплименты относятся к Платону Зубову. Современники невысоко оценивали нравственные качества и ум капризного и надменного фаворита. Поначалу многим опытным царедворцам казалось, что он недолго удержится в любимцах. "Он мальчик почти. Поведения пристойного, ума недалекого, и я не думаю, чтоб был долговечен на своем месте", – писал Безбородко С.Р. Воронцову 9.VII.1789 (*АКВ*. Кн. 13. С. 164). Но острый Гарновский уже почувствовал, что дело не так просто. Он приводит слова Екатерины Н.И. Салтыкову, сказанные по поводу появления Зубова: "Я делаю и государству не малую пользу, воспитывая молодых людей". Из сего видно, что Зубова хотят втравить в государственные дела, подобно Мамонову, коего почитают за немалого в оных знатока, собственными трудами десницы ему благодеющей к сему приуготовленного... Между тем Зубов успевает. Привязанность к нему усиливается, к удивлению всех, почитающих его за второй том Ермолова, и если ему здоровье сколько-нибудь послужит, то доверенность, которою после Мамонова еще никто не пользуется, уповательно присвоена будет ему и купно с ним наставнику его (Н.И. Салтыкову)..." Гарновский оказался прав. Даже слабое здоровье Зубова пошло ему на пользу. Екатерина ухаживала за больным, давала ему лекарство. Она распорядилась купить для Зубова на 4 тыс. рублей французских книг и стала "втравливать" его в государственные дела. Не без опасения она пишет о Зубове Потемкину (Гарновский прямо отмечает, что Екатерина "боится Его Светлости... и, пребывая в сем положении, нетерпеливо ожидает на второе о перемене к Его Светлости письмо его отзыва" (*РС*. 1876. Т. XVI. С. 406–407). Зубов после смерти Потемкина стал графом, затем князем, шефом кавалергардов и начальником артиллерии. В его ведение были переданы южные губернии, в которых он никогда не бывал. Суворов, чья дочь стала женой старшего брата фаворита, называл Платона Зубова "дуралеюшкой". Нелестно отзывался о нем и Державин. Эти отзывы кажутся односторонними: Екатерина не выносила дураков. Поручая Зубову все новые и новые дела, осыпая его новыми милостями, стареющая государыня пыталась заполнить пустоту, образовавшуюся после смерти Потемкина. Разумеется, Зубову было далеко до Светлейшего, которого при жизни наблюдательные современники называли гением.

6 *Это второй том ево житья в Данциге.* – В конце Семилетней войны Румянцев командовал заграничной армией, действовавшей против Пруссии. Он не хотел присягать Екатерине II и не возвращался в Россию (после отстранения от командования), живя в Данциге. Императрице с трудом удалось убедить генерала в своем уважении к его талантам. Румянцев вернулся на службу и никогда не жалел об этом.

976. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

18.VII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 3–4.
Публикация – *РА*, 1865. Стб. 1516–1518.

Ответ Потемкина (на письмо № 969), которого (не без опасений) ждала императрица. Хорошо изучивший сильные и слабые черты характера своей жены, Потемкин нарочитой грубоватостью тона послания хотел помочь Екатерине преодолеть душевный кризис. С другой стороны, он решительно отвергал подозрения о своей роли в деле Мамонова. Важно отметить, что он пока ни словом не обмолвился о "Чернявом" (Зубове). Его отзыв о новом любимце Екатерины см. в письме № 979.

[1] *Я ему писал письмо короткое, но довольно сильное.* – Письмо Мамонову не разыскано. Гарновский приводит важную подробность: Мамонов в разговоре с ним (сразу же после решительного объяснения с императрицей) признается в том, что его не страшит ревность Екатерины, но страшит, как отнесется к его поступку князь. "Дай Бог, чтобы это не потревожило Князя, – уверяет он Гарновского. – Просите Его Светлость (тут он заплакал), чтобы он был навсегда моим отцом. Мне нужны его милость и покровительство, ибо со временем мне, конечно, будут мстить" (*РС*. 1876. Т. XVI. С. 400. Письмо Попову от 21.VI.1789).

[2] *Здешние обстоятельства идут во многом нехудо, ежели Турки не пойдут к проливу Еникольскому. А то нехорошо будет нашим безоружным кораблям у Таганрога, пока войски на Таман не придут.* – Опираясь на данные разведки, Потемкин внимательно следил за подготовкой противника к новой кампании на суше и на море. Турецкий флот мог помешать соединению построенных в Таганроге 2 кораблей с Севастопольской эскадрой. Для их охранения он приказал посадить на корабли и прикрывавшую их флотилию 2 батальона егерей, а Севастопольскому флоту быть готовым к выходу в море. В сентябре таганрогские корабли соединились с главными силами флота в Севастополе.

[3] *...все приступили к Ивану Ивановичу, чтоб им быть при мне.* – Начальником артиллерии соединенной армии был генерал-аншеф И.И. Меллер. Участвовавшая в осаде Очакова бомбардирская рота лейб-гвардии Преображенского полка просила Меллера о назначении в главный корпус, которым предводительствовал сам Потемкин.

977. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.VII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 168–168об.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 32.

[1] *Что враги России и мои равномерно и тебе ищут делать досады – сему дивиться нечего, ибо ты им опаснее по своим качествам и моей к тебе доверенности.* – И друзья, и враги России отмечали исключительное положение Потемкина в государстве, его выдающиеся таланты (это признавали даже авторы таких антипотемкинских памфлетов, как "Пансалвин Князь Тьмы", изданных после смерти соправителя Екатерины II). См. письмо № 1049, в котором императрица предупреждает Потемкина об угрозе отравления, на которое могут решиться ненавистники России.

[2] *Охранительный, от тебя обещанный план ожидаю теперь, и что скорее пришлешь, то лутче.* – Потемкин обещал прислать план охраны (обороны) западных границ

империи на случай войны с Пруссией и Польшей. За множеством дел он задержал его составление.

[3] *...а мы ждем от тебя ответа на посланные отселе пред сим письмы.* – Екатерине не терпится узнать реакцию своего мужа на появление нового любимца – Зубова. См. ответ Потемкина в письме № 979.

978. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

30.VII.1789

Черновой автограф. *РГБ ОР*. Ф. 201. Кар. 48. Ед. хр. 9. Л. 1.
Публикуется впервые.

Этот текст в расширенном виде вошел в донесение Потемкина от 30.VII.1789 из Ольвиополя (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 13. Л. 129–129об.). Приводим его, как пример работы Потемкина над официальными донесениями, обычно диктовавшимися секретарям (вся канцелярия главнокомандующего и президента Военной коллегии насчитывала не более 20 человек). Возможно, Потемкин начал набрасывать этот текст до того, как получил письмо Екатерины от 14.VII (№ 975) и до получения краткого донесения Суворова о победе при Фокшанах. Он собственноручно написал донесение о суворовском деле (помечено 29.VII.1789 – см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 13. Л. 122) и после этого принялся за письмо, в котором откровенно высказался о Мамонове (см. № 979).

[1] *...копии у сего... подношу.* – Перечисленные документы приложены к официальным донесениям Потемкина от 29 и 30.VII.1789 (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 13. Л. 122–137). Князь Репнин, получив сведения о намерениях Газы-Хасана наступать со стороны Измаила, решил, что начинается "генеральное почти дело" и что главный удар наносится по его войскам. Он сообщал о решении подтягивать к себе корпус Суворова и другие части. "Призвав единого нашего покровителя Всемогущего Бога на помощь, – доносил Репнин Потемкину, – пойду навстречу неприятелю с тем, чтобы его самого атаковать". Потемкин успокоил Репнина, сообщив ему, что собранные им крупные силы в любой момент готовы поддержать его.

[2] *Французская навигация много мне безпокойств причиняет. Сокровенность – душа войны, а они обнажают все. Рапорт о прибывшем в Балаклаву их судне* [*подношу*], *здесь следует и мой ответ.* – Генерал М.В. Каховский рапортовал из Крыма 22.VII о пришедшем в Балаклаву из Константинополя французском судне. Купец Л. Бало показал (сведения от конца апреля), что новый султан казнит чиновников, народ волнуется, а бывший капитан-паша с войском пошел к Очакову. По другим сведениям и ему "секретно отрублена голова". Потемкин приказал не выпускать французские торговые суда из российских гаваней до начала кампании на море.

979. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

30.VII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 42–43.
Публикуется впервые.

[1] *Матушка моя родная, могу ли я не любить искренно человека, который тебе угождает. Вы можете быть уверены, что я к нему нелестную буду иметь дружбу*

за его к Вам привязанность. – Слова умного человека. Потемкин понимает состояние своей жены-императрицы. На ее плечах лежит огромная ответственность. Она нуждается в поддержке.

2 *Тут вся семья была в секрете и Генерал Апраксин.* – Потемкин уже знает, о чем осведомлена Екатерина и может быть откровенным. *Семья* – Рибопьеры – Бибиковы; *Апраксин* Степан Степанович (1747–1827), единственный сын фельдмаршала С.Ф. Апраксина, отстраненного в 1757 от командования армией и умершего во время следствия ("бестужевское дело"). Генерал-майор, сражался на Сев. Кавказе. Впоследствии генерал от кавалерии. Приятель Мамонова.

3 *...он из-за Вашего стола посылал к ней фрукты, а когда итить наверх, то збирался с великой ленностью, а по утрам прилежно бегал. Теперь я слышу, что она с ним по утрам встречалась...* – Слова "теперь я слышу" прямо указывают на получение Потемкиным нужных сведений из столицы. Покои фаворита помещались в Зимнем дворце под покоями императрицы. Фрейлины также жили во дворце.

4 *Слава Богу, неприятель разбит хорошо под Фокшанами соединенными войсками. У нас мал урон.* – В первом донесении о Фокшанской победе Потемкин был вынужден повторить краткую реляцию Суворова (см. *СД*. Т. 2. С. 462 и 464), сделав строгий запрос победителю: почему не прислана подробная реляция. Одновременно он выговорил князю Репнину, поспешившему поздравить принца Кобурга. "В письме Кобурху Вы некоторым образом весь успех ему отдаете. Разве так было? А иначе не нужно их так подымать. И без того они довольно горды. Они, не бывши в Галацком деле, а умели в газетах написать, что с содействием их мы получали успех" (*ЗООИД*. Т. 8. С. 206). При Фокшанах соединенные силы русских (5 тыс.) и австрийцев (12 тыс.) разгромили 30-тысячный корпус сераскера Мустафы-паши. Главная роль в руководстве сражением принадлежала Суворову. Его войска увлекли своим примером австрийцев. Урон по официальной реляции Суворова показан: 15 человек убитыми и 67 ранеными. Военные историки считают эти цифры заниженными.

5 *Легко ранены бригадиры Левашов и Вестфален.* – *Левашов* Федор Иванович (1752 – после 1817) командовал в сражении двумя батальонными каре Апшеронского полка. Впоследствии генерал-майор. *Вестфален* Федор (Фридрих) Антонович, фон (1749–1798) командовал частью кавалерии. Вскоре он отличился в Рымникском сражении. В 1790 г. в чине генерал-майора командовал при штурме Измаила резервом.

6 *У австрийцев убит полковник Ауэрсберг. Генерал Суворов хвалит их гусар Баркова полку.* – Граф *Ауэрсберг* (правильно Ауэршперг) принадлежал к известной аристократической фамилии. Генерал-майор барон Феликс *Барко* (1756–1829) командовал гусарским полком, носившим его имя.

7 *С двумя корпусами егерей, 10 эскадр[онами] конницы и тысячью казаков Павел Сергеевич первого августа будет у Дубосар, а протчие войски подходят к Балте.* – Потемкин точно оценивал обстановку. Он указал Репнину на поспешность его выводов о готовности неприятеля к генеральному сражению. По плану Светлейшего корпус П.С. Потемкина занял позицию у Дубоссар и в нужный момент мог двинуться на подкрепление Репнина или Суворова. Генеральное сражение произошло (как и предполагал Потемкин) только через полтора месяца.

8 *Беринг* Антон Ионович (ок. 1763–1807) – вахмистр Конной гвардии, внук знаменитого мореплавателя. Был послан в Петербург с кратким донесением о Фокшанской победе. Пожалован чином ротмистра и, очевидно, вышел в отставку.

980. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.VIII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 173–173об.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 33.

[1] *Теперь жду нетерпеливо твои ответы на посланное мое письмо...* – Екатерина ждет ответа не на свое письмо (она его уже получила), а на письмо, которое Платон Зубов по ее совету (и возможно под ее диктовку) написал могущественному соправителю императрицы. См. примеч. 2 к письму № 982.

[2] *Сей уже несказанно обрадован тем, что ты большого его брата взял к себе в дежурные. Он пишет и хвалится ласкою твоих племянников.* – Старший брат фаворита *Зубов* Николай Александрович (1763–1805) служил в армии в чине подполковника. Потемкин взял его в дежурные, чтобы сделать приятное государыне. Николай Зубов успел оповестить об этом брата и похвалился "ласкою племянников" Светлейшего. В генеральских чинах при армии состояли А.Н. Самойлов, В.В. Энгельгардт и Н.П. Высоцкий – сыновья родных сестер Потемкина. За привоз в столицу известия о Рымникской победе Николай Зубов был пожалован в полковники. Впоследствии генерал-поручик, шталмейстер. Был женат на дочери Суворова. Тесть считал его человеком грубым и недалеким.

[3] *Есть у него меньшой брат...* – Говорится о *Зубове* Валериане Александровиче (1771–1804) – самом талантливом из братьев. Императрица выпустила его из поручиков Конной гвардии в подполковники в армию и отправила к Потемкину (см. письма № 995 и 998 и примеч. к ним). За участие в штурме Измаила Валериан Зубов получил Георгия 4-й степени. В Польской кампании 1794 г. Зубов (уже генерал-майор) потерял ногу. Екатерина осыпала его милостями. Он был назначен командовать войсками, отправленными в Персидский поход. В 25 лет получил чин генерал-аншефа. За покорение Дербента награжден Георгием 2-ой степени. Вместе с братьями возведен в графское достоинство. При Павле I все три брата были в опале. Прощенные императором, приняли самое деятельное участие в заговоре и убийстве Павла I. После восшествия на престол Александра I потеряли свое влияние.

[4] *Генерал Меллер приехал и привез мне твое письмо.* – Потемкин писал: "Всемилостивейшая Государыня. Подноситель сего Генерал, преисполненный усердия и достоинств военных. Отдавая ему справедливость, не могу умолчать о состоянии его. Он, имея семью, которой сам основатель, и хотя награжден деревнями, но скуден доходами. Вы по Евангелию насыпайте меру благу и преливающуюся. Поставьте его в изобилие" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 23. Л. 124). На письме помета: "Зделано. Июля 30 1789 году". Свою просьбу Потемкин подкрепил письмом к Безбородко: "Я просил Государыню об нем, – писал он главному докладчику императрицы. – Ежели б на теперешний случай хорошую аренду без платежа. Он впредь заслужит получить и в вечность. Баронство с хорошим названием в России ему, кажется, идет" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 144). Заслуженный генерал получил аренду и стал именоваться бароном Меллер-Закомельским. О его гибели см. письмо № 1091.

[5] *Измаил-бей* Атажукин – колоритнейшая фигура, герой поэмы М.Ю. Лермонтова. Кабардинский князь, адъютант Потемкина, подполковник. Участвовал в осаде Очакова. "Вручитель сего Измаил-бей, племянник первого в Кабарде князя Мисоуста, храбрейший наездник, – писал в рекомендательном письме к Безбородко Потемкин, – желает оказать себя противу шведов... Просит он и я о медали, убранной каменьями, снабдить его также и нужным для походу. Он подполковник, то по прибытии татар крымских может частью командовать" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52.

Оп. 2. Д. 37. Л. 129). После заключения мира со Швецией в 1790 г. храбрый кабардинец успел вернуться на юг и за отличие при штурме Измаила (заслужил похвалу самого Суворова) был награжден Георгием 4-ой степени – высшей офицерской наградой за мужество и доблесть. Измаил-бей в начале XIX в. принял участие в восстании горцев и погиб (по преданию) от руки своего двоюродного брата Росламбека Миостова в 1813 г. Лермонтов в финале своей поэмы мастерски использовал георгиевский орден, который князь-мусульманин тайно продолжал носить на шее, сражаясь против русских войск. После гибели Измаил-бея горцы (среди них любящая его женщина, переодетая в мужское платье) хотят омыть в реке тело героя. Они расстегивают его бешмет и видят "белый крест на ленте полосатой". С презрением они оставляют тело Измаил-бея на съедение шакалам.

981. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.VIII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 215–216.
Публикуется впервые.

[1] *О бывшем сражении на море получил я, не доезжая до Очакова 40 верст, самого того дни.* – В донесении от 10.VIII описано сражение легких сил Лиманской эскадры с турецким флотом 2.VIII.1789. В ходе боя пять наших лансонов, увлекшихся преследованием неприятеля, оказались отрезанными. Увидев это, командиры русских судов (в основном греки) с такой силой ударили на врага, что заставили его поспешно отступить и спасли своих товарищей, не потеряв ни одного человека (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 13. Л. 140–141).

[2] *Цесарцы, кажется, выполняют по моим советам. Даже и армию у Гаддика взяли и определили Лаудона...* – Командовавший главной австрийской армией, нацеленной на Белград, фельдмаршал граф Андрей *Гаддик* (1710–1790) был сменен фельдмаршалом Лаудоном, который взял Белград.

[3] *Сплиени* (Шплени) Габриэль фон Михальду (1734–1818) – фельдмаршал-лейтенант австрийской армии (соответствовал чину русского генерал-поручика) был направлен принцем Кобургом к Потемкину для обсуждения планов совместных военных действий. См. о планах Кобурга в письме № 986.

982. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VIII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 175–176.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 33–34.

[1] *...приносили Богу благодарение за дарованную победу при Фокшане, и все люди несказанно обрадованы сею победою.* – Храповицкий 7.VIII записывает краткий, но точный отзыв Екатерины о победе: "Получено известие, что турки разбиты при Фокшанах нами и Цесарцами вместе; довольны: "Это зажмет рот тем, кои разсевали, что мы с ними не в согласии".

[2] *Вложенное твое письмо ответное я немедленно вручила кому надлежало, и оно принято было огненными и радостию наполненными глазами...* – Потемкин, идя навстречу Екатерине, написал письмо Зубову. Характерно, что до самого конца августа 1789 г. императрица в письмах Потемкину не решается назвать нового фаворита по имени. Письмо не разыскано.

[3] *Я нарочно зберегла последние его письмы о сей материи...* – Одно из таких писем, относящихся ко времени решительного объяснения Мамонова с императрицей,

хранится в *РГАЛИ* (Копия. Ф. 46. Оп. 2. Д. 682). Мамонов упрекает Екатерину в недостатке искренности, хотя и благодарит за обещание продолжения милостей, "которые я три года от Вас видел... Терпеливо сносить буду все, даже презрение тех людей, которые онаго от всех заслужили, а Вас не прогневлю и никакой, конечно, неприятности не сделаю".

[4] *...хотя здешние дела еще не так идут, как бы желательно было. Однако худого нету.* – Императрица умалчивает о поражении генерала Шульца, о сражении Чичагова с шведским флотом 15.VII, закончившегося безрезультатно, но стоившего жизни талантливому моряку капитану бригадирского ранга Муловскому.

983. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VIII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 177.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 34.

984. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.VIII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 174.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 34.

[1] *Штакельберг* – один из двух сыновей графа О.М. фон Штакельберга, посла в Варшаве. Возможно, граф Густав Оттонович (1766–1850), ставший впоследствии видным дипломатом и дослужившийся до чина действительного тайного советника.

985. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.VIII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 178–178об.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 34–35.

[1] *...ко мне прислал приложенное к тебе письмо.* – Принц Нассау писал президенту Военной коллегии о победе гребной флотилии над шведами, одержанной 13.VIII.1789. Письмо не обнаружено.

986. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21.VIII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 218–219.
Публикуется впервые.

[1] *Неприятель собирается в Измаиле и в Браилове.* – Новый верховный везир Хасан-паша Дженазе задумал двойной удар: вспомогательный от Измаила на север и главный на Фокшаны, где находился австрийский корпус принца Кобурга. Маневр главной турецкой армии был проведен столь искусно, что не был вовремя обнаружен ни русской, ни австрийской разведкой.

[2] *Из сообщений Принца Кобурха изволите усмотреть, что он после Фокшан храбрится на Валахию, а в другом месте на Браилов, но в самом деле загадка состоит, что коли не будет удачи, то у Бузео ускользнет в Трансильванию, а нас бросит.* – Принц Фридрих Иосия *Саксен-Кобург Заальфельд* (1737–1817) в чине генерала от кавалерии командовал цесарским корпусом, действовавшим против турок совместно с русской армией. В кампании 1789 г. его соседом оказался Суворов. Победы при Фокшанах и Рымнике доставили Кобургу чин фельдмаршала, но он честно называл Суворова "своим учителем". Потемкин 21.VIII приложил к донесению переписку с принцем.

[3] *Флот турецкий так стоит, что нашим, естли бы итить, то должно на самой ближней дистанции всю проходить их линию между их судов и подводной банкой.* – Турецкий флот препятствовал гребной флотилии, если бы она двинулась на поддержку сухопутных сил, наступающих на Хаджи-бей.

[4] *Готовлю к тебе мои мысли по нынешним обстоятельствам. Они к тебе в откровенность. Прими, коли угодны, но прошу ради Бога, не сердись.* – Записка не разыскана. О ее содержании можно судить по письму Потемкина Безбородко от 22.IX.1789: "При успехах наших, естли мы Прусского Короля не поманим, то родятся, конечно, новые хлопоты. Что бы мешало отозваться Его министру, что Государыня, на доброхотство Его Короля надеяся, возлагает на Его попечение промышлять о мире, что в полной надежде остается, что он сам, видя наши издержки по причине войны неправильной и не от нас начатой, отдаст справедливость желать нам удовлетворений без пристрастия". Потемкин полагал, что прусского короля можно поманить обещанием союза, заверив его в том, что Россия готова мириться со Швецией на условиях статус кво. "На сие, конечно, Король чем ни есть отзовется, а мы на то будет отвечать и, между тем, и время выиграем. Пожалуй, при удобном случае донеси Государыне". (Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 146–146об.). Екатерина болезненно воспринимала любые уступки Фридриху-Вильгельму II, диктовавшему ей свои условия. Она презирала толстяка-короля как личность, считала его ничтожеством, пытающимся следовать путем своего великого дяди. См. отзыв Екатерины II по этой записке: письма № 991, 1008.

987. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

23.VIII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 179.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 35.

[1] *Усердность греков мне весьма приятна.* – См. примеч. 1 к письму № 981.

[2] *Что здесь происходило на водах финских, усмотришь из подробностей, сегодня к тебе отправленных.* – Екатерина в рескрипте на имя Потемкина (от 23.VIII.1789) рада, наконец-то, отплатить первым большим успехом в кампании 1789 г. против шведов. Однако победа Нассау не принесла тех результатов, которых от нее ждали, из-за несогласованности действий сухопутных и морских сил и нераспорядительности Мусина-Пушкина (см. отрицательный отзыв императрицы о нем в письме № 995).

988. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24.VIII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 246.
Публикуется впервые.

[1] *Мне кажется, галеры взорваны от своей стрельбы.* – По первому известию о победе Нассау Екатерина сообщила Потемкину:"у нас две галеры взорвало". Поскольку во время кампании 1788 г. на Лимане было несколько случаев взрыва галер от собственной стрельбы, Потемкин уже интересовался этим вопросом и приказал разработать новый тип мореходного судна, способного ходить на веслах и под парусами.

989. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.VIII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 180.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 35.

[1] *...шведы выгнаны из Гекфорса, о чем я приказала Плат*[*ону*] *Алексан*[*дровичу*] *к тебе написать.* – Первый раз в письме к Потемкину Екатерина называет нового фаворита по имени и отчеству. Она поручает ему написать первое официальное сообщение самому Светлейшему. Гарновский, перед которым Зубов заискивает, сообщил о недовольстве графа А.А. Безбородко тем, что "г. Зубова употребляют к отправлению к Его Светлости писем и что его вообще приучают к делам, по которым и Храповицкий употребляется" (*PC*, 1876. Т. XVI. С. 413).

[2] *...папá прибыл из Москвы...* – *Зубов* Александр Николаевич (1727–1795) – действительный статский советник, отец фаворита. Поспешил в Петербург, чтобы воспользоваться случаем сына. Уже 21.IX.1789 был пожалован членом в Сенат вместо удаленного оттуда Д.Ф. Сухарева. Беззастенчивый, корыстолюбивый Зубов-старший несколько раз попадал в громкие истории, но благодаря заступничеству сына не понес наказания. В 1793 г. вместе с женой и детьми пожалован в графское достоинство.

990. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

31.VIII.1789

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2115. Л. 15.
Публикация – *PC*, 1875, октябрь. С. 218–219.

[1] *От поляков много хлопот. Я жду писем от известной нам дружественной особы секретных и доставлю.* – Пропрусская партия господствовала в Сейме и правительстве. Положение сторонников России делалось катастрофическим, о чем Потемкин получал сведения от графа Щенсны-Потоцкого и других лиц.

991. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.IX.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 181–183.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 36–37.

[1] *В тебе в одном более ревности к общему делу и к моей службе, нежели в протчих, и ты же замысловатее.* – Приводим этот отзыв императрицы о Потемкине и его деятельности и как важное свидетельство того исключительного положения, какое он занимал в мыслях и чувствах Екатерины, и как подтверждение оценки, сообщенной князю в эти же дни Гарновским: "Никогда Государыня не была лучше расположена к Его Светлости, как теперь; в день вспоминает его раз по нескольку и весьма его здесь видеть желает" (*PC*, 1876. Т. XVI. С. 415).

[2] *Говорят... будто Булгаков освобожден...* – Известие об освобождении из цареградской тюрьмы посланника Я.И. Булгакова оказалось ложным. Он был освобожден лишь в середине ноября 1789 г. после громких побед армии Потемкина в Приднестровье и в Валахии.

[3] *Французские суда перестанут ходить к нам: Монморен писал к Шуазелю, чтоб перестал оные пос*[*ы*]*лать.* – Сторонник Неккера Монморен после взятия Бастилии был возвращен на пост министра иностранных дел и пытался умеренными уступками революционным партиям спасти монархию. Франция, которую Екатерина и ее

сотрудники пытались использовать против Англии и Пруссии, совершенно утратила свое положение великой державы. Монморен по настоянию русского правительства распорядился, чтобы посол в Царьграде Шуазель-Гуфье запретил французским негоциантам плавать в порты России на Черном море.

[4] *Французские безпокойства переносятся в Брабантию и в Голландию и озабочивают уже Берлинский двор.* – Выступления бельгийских патриотов против австрийского господства (1787–1788 и особенно 1789–1790) получали поддержку со стороны радикальных кругов Франции. Оппозиция штатгальтеру Голландии также оживилась. Пруссия и Англия недооценили положения и через 3 года в Бельгии и Голландии господствовали французы, несшие на своих штыках идеи и лозунги революции.

[5] *...Пушкина ничем принудить не можно было воспользоваться сим случаем, чтоб нанести шведам наивящщий вред. Сей мешок нерешимый мне весьма надоел, и воистину он командовать не умеет.* – Мусин-Пушкин не воспользовался победой Нассау и позволил Густаву III избежать окружения. 24.XI.1789 Екатерина приказала графу И.П. Салтыкову спешно прибыть в Петербург. 17.I.1790 ему была поручена Финляндская армия (см. ответ Потемкина в письме № 996).

[6] *Преображенского полка капитана Черткова, да прапорщиков Сизирева и Терскова приказала послать к тебе, чтоб ты их притравил, либо из полку выгнал.* – Во время сражения со шведами 13.VIII.1789 эти трое офицеров отсутствовали (самовольно сошли на берег перед сражением) и их галерой командовали сержанты. Последние были пожалованы "гвардии в подпоручики", а первые посланы в армию Потемкина. 25.III.1791 прощены по ходатайству Потемкина. Они заслужили это в боях (участвовали в штурме Измаила). Дмитрий *Чертков* и Иван *Терской* продолжали служить в полку до конца 1790-х годов. Павел Александрович *Цызарев* в 1798 г. имел чин генерал-майора.

992. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.IX.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 184–184об.
Публикация – *PC*, 1876, сентябрь. С. 37.

[1] *Пл[атон] Ал[ександрович] очень скромен... не нужен ли тебе корнет...* – Желая укрепить положение Зубова, Екатерина пишет Потемкину (в самый разгар кампании) это письмо. По оценке наблюдательного Гарновского "случай Зубова продлится, без всякого сомнения, по крайней мере, до возвращения Его Светлости" (*PC*, 1876. Т. XVI. С. 415). Светлейший пошел навстречу императрице. 22.IX.1789 он набрасывает "Записку к докладу": "Как нет теперь командира, отсудствием моим, в Кавалергардском корпусе, то всеподданнейше прошу о пожаловании в Корнеты Вашего Императорского Величества флигель-адъютанта Зубова..." (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 147).

[2] *На сих днях Мар[ья] Вас[ильевна] Шкурина отпросилась от двора, и я ее отпустила...* – Дочь преданного Екатерине (в бытность ее еще великой княгиней) В.Г. Шкурина, пожалованного после переворота из обер-камердинеров в гардеробмейстеры с чином бригадира, в 1763 г. возведенного в потомственное российское дворянство. Марья Васильевна (1755–1824) 14-ти лет взята во фрейлины. Способствовала роману Мамонова с Щербатовой и была вынуждена покинуть двор. Екатерина выдала ей 12 тыс. рублей на приданое и 12.IX.1789 г. Шкурина уехала к Мамоновым. Не ужилась с ними, постриглась в монахини. Сменила несколько обителей. Похоронена в московском Новодевичьем монастыре.

993. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

7.IX.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 185.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 37.

[1] *Посылаю тебе медали три, кои ныне лишь поспели.* – За взятие Очакова Потемкин (помимо других наград) удостоился памятной медали. Ее резал К. Леберехт. На лицевой стороне массивного золотого диска изображен Светлейший князь Таврический. На оборотной – павшая турецкая твердыня.

994. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.IX.1789

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2115. Л. 11–11об.
Публикация – *РС*, 1875, октябрь. С. 220–221.

[1] *Грозный исполин, бывший капитан-паша, поражен будучи казаками, ушел тайно, не дождавшись атаки от войск.* – Репнин, шедший со своими войсками навстречу Хасан-паше, выдвинул вперед казаков для разведки. Столкнувшись с противником, донцы Василия Орлова опрокинули передовые части бывшего капитан-паши и гнали их до самого лагеря. В своем рапорте от 8.IX.1789 Репнин пишет о том, что он подкрепил казаков Киевским карабинерным полком и вторая атака была проведена совместными усилиями казаков и карабинер под командованием генерал-поручика князя Г.С. Волконского. Было взято 9 знамен и 64 пленных. После этого сражения на р. Сальче Хасан-паша поспешно отступил в Измаил, бросив часть обоза и 3 пушки, (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 14. Л. 8–9). Потемкин не упоминает этой подробности ни в письме к Екатерине, ни в письме к Безбородко, в котором говорилось: "Сей славимый Алжирский рыцарь ушел, будучи проучен ладно полковником Орловым. Прилагаю Вам письмо Михайла Никитича Кречетникова. Тут увидите, как мой Донец ударил. Я прилагаю об нем просьбу. Хлопочу я об Кобурхе, хотя, кажется, он и силен..." (*РА*, 1873. Кн. II. Стб. 1687).

[2] *Кобурх почти караул кричит. Суворов к нему пошел, но, естли правда, что так неприятель близко, то не успеют наши притить, хотя верно визирь не сильней Кобурха.* – 5.IX в Берлад к Суворову прискакал курьер принца Кобурга с известием о том, что огромная армия везира Хасана-паши Дженазе надвигается на его корпус (17 тыс. человек). Суворов выждал день, уточняя обстановку и готовя войска к походу. 7.IX. новый курьер привез письмо принца, взывавшего о помощи: противник находится в 4-х часах марша. Суворов сообщил Потемкину свое решение: "От Принца Кобурха полученное мною письмо Вашей Светлости прилагаю, по которому немедленно выступил я чрез Текуч к Фокшанам..." (*СД*. Т. 2. С. 474). Потемкин оценил маневр противника, но он (как, впрочем, и Суворов, и Кобург) не смог получить надежные данные о численности армии везира. Суворов успел на выручку союзника. Его войска (8 тыс. человек) проделали 100-верстный марш за двое с половиной суток, по размытым дождями дорогам, форсируя разлившиеся реки. О Рымникском сражении – см. примеч. к письму № 996.

995. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.IX.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 186–186об.
Публикация – *РС*, 1876, сентябрь. С. 38.

996. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.IX.1789

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2115. Л. 13–14.
Публикация – *РС*, 1875, октябрь. С. 222–223.

[1] *Еду теперь к Хаджи-бею чрез Паланку, которую послал занять. Все войски, кроме тех, что за Прутом, собираю к Бендерам...* – В донесении от 16.IX.1789 г. Потемкин, не получив еще подробных сведений о генеральном сражении при Рымнике, сообщил в Петербург краткую сводку о ходе боевых действий: "Всевышний благословил оружие Вашего Императорского Величества повсюду", – писал главнокомандующий и перечислял победы: 7-го при Сальче, 11-го Генерал Суворов с Принцем Кобурхом разбил наголову визиря, взято 80 пушек, 50 знамен, весь лагерь и убито до 6 тысяч, 12-го сераскир Гассан-паша загнан в крепость Измаильскую, где и сидит. 13-го взятье трехбунчужного Загналы-паши в Каушанах казаками под командою полковника Платова с подкреплением конных егерей. 14-го "взят Ген[ерал]-Маиором Рибасом замок Аджибейский в виду всего флота, о чем еще не имею рапортов обстоятельных. Флотилия не могла за равноденственными бурями приближиться... Еду обозревать Бендеры со всею моею конницею, пехоты со мною только три полка..." (Автограф, – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 14. Л. 16–16об.).

[2] *Скажу Вам с Ломоносовым, как он Петру Великому придал...* – Цитата из героической поэмы "Петр Великий" М.В. Ломоносова.

[3] *Скоро пришлю подробную реляцию о суворовском деле; ей, матушка, он заслуживает Вашу милость и дело важное.* – 15.IX Потемкин, получив краткое донесение Суворова о победе, сердечно поздравил героя; "Объемлю тебя лобызанием искренним и крупными словами свидетельствую мою благодарность. Ты, мой друг любезный, неутомимой своею ревностию возбуждаешь во мне желание иметь тебя повсеместно... Будь уверен, что в полной мере прославлю Вашу ревность, храбрость и труды..." (*СП*. С. 595). Было ясно, что генеральное сражение, к которому так долго готовились, выиграно. См. ответ императрицы – письмо № 999. Потемкин, узнав подробности Рымникского сражения, настоял на награждении Суворова высшим боевым орденом России. См. письма № 1000, 1003.

[4] *Русанова прочь. Кнорринга сюда...* – Еще 4.VII.1789 г. Гарновский сообщил Попову о худом ходе дел в Финляндии, ссорах Мусина-Пушкина с Михельсоном, Михельсона с Денисовым. "Ропщут также на графа Валентина Платоновича г-н Рек и Принц Насавский, чему, как говорят, способствуют большею частию интриги Кнорринговы и несколько секретарство г. Русанова (*РС*, 1786. Т. XVI. С. 404). Генерал-майор Б.Ф. Кнорринг исполнял должность генерал-квартирмейстера, а надворный советник Иван Русанов служил секретарем Мусина-Пушкина, когда тот был вице-президентом Военной коллегии. Неудачи в Финляндии заставили Екатерину сменить командование Финляндской армией. См. примеч. 5 к письму 991.

[5] *...кавказскую и кубанскую попрежнему ко мне, а я туда пошлю Репнина или Суворова...* – Ни тот, ни другой на Кавказ не поехали. Там был второстепенный театр военных действий. Суворов, резко выдвинувшийся вперед в кампании 1789 г., был использован Потемкиным для особо важных заданий.

997. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.IX.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 134.
Публикуется впервые.

[1] *Кстати, изображен я сердитым, ибо сержусь, что не в силах заслужить бездны твоих милостей.* – Получив медали (см. письмо № 993 и примеч. к нему). Светлей-

ший (в разгар выдающихся успехов своей армии) признается своей жене-императрице, что он сверх меры взыскан ее милостями. См. также письмо № 1014 и ответ Екатерины № 1016. На медали действительно Потемкин изображен "сердитым".

998. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.IX.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 187–187об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 205–206.

1 *Орлов* Василий Петрович (1745–1801) – казачий атаман, имел чин армейского полковника. За победу на р. Сальче пожалован в бригадиры. Отличился в войнах против Турции и Польши. С 1797 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал от кавалерии.

2 *С будущими твоими имянинами тебя поздравляю и посылаю к тебе с Валерьяном, чего он тебе вручит по прочтении сего письма.* – См. письмо № 1014. Екатерина прислала в подарок с В. Зубовым драгоценный перстень.

999. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.IX.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 189–189об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 206.

1 *...я, к удивлению моему, увидела, что тут не одна, но множество побед.* – См. примеч. 1 к письму № 996.

2 *Подарок один послан к Кобургу, а шпаги для него и для Суворова делаются.* – В донесении Потемкина императрице от 10.IX говорилось о письме императора Иосифа II Суворову и награждении его бриллиантовой табакеркой за победу при Фокшанах. Екатерина в ответ послала драгоценную табакерку Кобургу. Для него и Суворова были заказаны шпаги, украшенные бриллиантами. Известие о Рымникской победе произвело огромное впечатление. "О победе всем рассказывали с удовольствием и Совет приходил поздравлять, – записывает 25.IX Храповицкий. – Велено Вице-Канцлеру сообщить об оном всем нашим Министрам (дипломатическим представителям. – *В.Л.*) с уверением, что, не взирая на победы, согласны принять мирные предложения". В тот же день, рассуждая о положении французского короля, Екатерина сказала, что она предпочла бы видеть его "изгнанным из Версаля и укрывшимся в Меце" – приграничной крепости. "И как можно сапожникам править делами?" – заявляет Российская императрица и самодержица, получая все новые и новые сведения о революции.

3 *Напиши ко мне именно, кто битый визирь, ибо, по нашим вестям, Юсуф-паша сменен, и на его место кто зделан – тот умер.* – Султан Селим III сменил воинственного и удачливого полководца Юсуфа-пашу Коджа. Верховным везиром стал Хасан-паша Дженазе. Он не пережил рымникского разгрома своей 80 тысячной армии и вскоре скончался. На его место был поставлен старый моряк Газы Хасан-паша, бывший капудан-паша, противник войны.

4 *Курьера твоего я пожаловала полковником.* – Курьером был старший брат фаворита Н.А. Зубов.

1000. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

2.X.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 132–132об.
Полностью публикуется впервые.

[1] *Белградская крепость...* – Белгород Днестровский (Аккерман) – старинная крепость, превращенная турками в мощную твердыню, сдалась на капитуляцию 30.IX. Первым к Аккерману подошел казачий атаман М.И. Платов. Имея повеление Потемкина, он вступил в переговоры о сдаче крепости. Турки пытались тянуть время, обстреливали парламентеров, но решительной демонстрацией подтянутых к Белгороду войск, канонадой с суши и воды Потемкин принудил трехбунчужного пашу Тайфура с 3 тыс. гарнизона сдаться.

[2] *Естли бы не Суворов, то бы цесарцы были на голову разбиты. Турки побиты русским имянем.* – Это отзыв Потемкина о Рымникской победе и Суворове впервые опубликован в кн. "Потемкин и Суворов". С. 171.

[3] *Завтре отправляю курьера с подробным описанием визирского дела.* – С подробной реляцией о Рымникском сражении, написанной Суворовым, в Петербург поскакал 5.X его любимец полковник В.И. Золотухин. См. письмо № 1009.

1001. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.X.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 194–194об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 206–207.

[1] *Прусского Геркулеса либо дубину его стараемся угомонить всевозможной ласкою, а Англию также.* – По дипломатическим каналам русское правительство зондировало почву (особенно в Берлине и Лондоне) для начала мирных переговоров, но первый шаг должны были сделать (как начинатели войны) турки и шведы, терпевшие поражения.

[2] *Из рескрипта увидишь, что я Суворова пожаловала Графом Суворовым-Рымникским.* – Рескрипт был подписан 3.X.1789. Гарновский поспешил известить Потемкина о "плодах его благотворений, Александру Васильевичу Суворову графское достоинство исходатайствовавших. Многие здесь, однако же одни только чиновники, завидуют ему, почитая успехи Александра Васильевича произшедшими от счастья, а не от распоряжения его. Но Государыня уважила об нем рекомендацию Вашей Светлости столько же, сколько и службу его" (*ЗООИД*. Т. 8. С. 345. Письмо от 5.X.1789). Специальным рескриптом на имя Потемкина Екатерина разрешила Суворову принять и титул графа Священной Римской империи, пожалованный ему Иосифом II.

[3] *Корнет в Кавалер[гардском] корпусе зделан.* – Платон Зубов получил это звание, которое приравнивалось к чину армейского генерал-майора.

[4] *Граф Гуровский.* – Скорее всего, речь идет об одном из сыновей графа Рафала Гуровского, кастеляна Познанского – Яне Непомуке или Владиславе. "Он привязан к нам до бесконечности, несмотря на злобу общую нации против нас, я его ввел в мой штаб генеральс-адъютантом, но он у себя мог бы быть больше, то и прошу всеподданнейше о пожаловании его в полковники, а на место его ко мне в штаб Конной гвардии порутчика Зубова", – писал 22.IX.1789 в официальном представлении Потемкин. (Автограф, – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 14. Л. 147). Валериан Зубов, выпущенный в армию с чином подполковника, занял место Гуровского.

1002. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.X.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 330–330об.
Публикуется впервые.

1003. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.X.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 245–245об.
Публикуется полностью впервые. Частично – в кн. "Потемкин и Суворов". С. 172.

[1] *Сей час получил, что Кобург пожалован фельдмаршалом, а все дело было Александра Васильевича. Слава Ваша, честь оружия и справедливость требуют знаменитого для него воздаяния...* – Для терпевших неудачи австрийцев Рымникская победа (они называли ее сражением при Мартинешти) была из ряда вон выходящей. Принц Кобург получил чин фельдмаршала. Потемкин решил (имея на руках подробную реляцию и оценив роль Суворова и руководимых им войск в генеральном сражении) ходатайствовать о награждении Суворова высшим отличием за боевые заслуги – орденом Св. Георгия 1-ой степени. Свою просьбу перед императрицей он поддержал письмом к Безбородко, в котором говорилось: "Кобург пожалован фельдмаршалом за то, что Суворов его вынес на своих плечах. Уже цесарцы бежали. Я просил об нем. Честь оружия требует ознаменить его подвиг" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 148).

[2] *И статут Военного ордена весь в его пользу.* – По статуту ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 1-ая степень полагалась за победу в генеральном сражении (полевая битва или взятие штурмом крепости первого класса).

[3] *Вот и письмо Кобурхово, и реляция.* – В письме к Потемкину от 17/28.IX.1789 Кобург писал о заслуге Суворова в составлении диспозиции сражения, о доблести руководимых им войск (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 49. Л. 10). Реляция, которую Потемкин обещал отправить 3.X. (письмо № 1000), была отправлена 5.X. вместе с письмами № 1002 и 1003.

1004. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.X.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 195.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 207.

[1] *Извини меня, мой друг, что я тебя утруждаю чтением сих строк при твоих протчих забот*[*ах*], *... естли б ты был здесь, то бы мы о сем поговорили же. Покои твои я приказала убирать почище.* – Похоже, Екатерина все еще переживает измену Мамонова. Относительно покоев Потемкина в Шепелевском доме (примыкавшем к Зимнему дворцу) Гарновский еще в августе месяце сообщал, что императрица хотела показать Платону и Валериану Зубовым картины, собранные Светлейшим. Но, обратив внимание на ветхость обоев, она распорядилась их переменить и, несмотря на просьбы Платона, решила отложить осмотр до другого времени (*РС*, 1876. Т. XVI. С. 411).

1005. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.X.1789

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 39.

[1] *... не нужно ли унтер-офицерам и рядовым, бывшим в сражении с визирем и в других делах, дать по рублю на человека.* – Эта, имевшая давнюю традицию, награда рядовым участникам сражения была роздана не только русским, но и австрийцам. Император в свою очередь прислал в корпус Суворова "на нижних чинов семь тысяч гульденов, полагая по гульдену на человека" (донесение Потемкина от 4.XI.1789. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 2).

1006. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.X.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 196–196об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 208–209.

[1] *Пишет ко мне Ге[нерал] Граф Ив[ан] Петр[ович] Салтыков, что бригадир Селим-Гирей ушел к туркам и живет теперь у Калги-султана в турецком войске.* – Донесение Салтыкова не обнаружено (см. ответ Потемкина в письме № 1012).

1007. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.X.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 197.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 209.

[1] *Сия весть к нам пришла в самый день молебна за взятье Белграда на Дунае.* – 13.X Храповицкий отметил в "Дневнике": "Получено из Вены известие, что Белград сдался Барону Лаудону 27 сентября". 14.X: "Приехал курьер с известием, что 30 сентября нам сдался Аккерман; два Белграда взяты... почти в одно время... Веселы. Благодарственный молебен за обе крепости при 101 выстреле".

[2] *К вещам для Суворова я прибавила еще перстень, буде вещи тебе покажутся не довольно богаты.* – За Фокшанскую победу Суворов по представлению Потемкина был награжден алмазными знаками к ордену Св. Андрея Первозванного. См. об этих и других наградах ниже – письма № 1008 и 1009.

1008. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.X.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 199–199об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 209–210.

[1] *Александру Васильевичу Суворову посылаю орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет.* – Шпага сначала предназначалась Суворову (такая же и принцу Кобургу) за Фокшанскую победу. Но после Рымника Потемкин просил в записке к докладу о богатой шпаге "с надписью его дела". Эта шпага с надписью "За разбитие Визиря", а также бриллиантовый эполет, были готовы к отправлению, когда прискакал полковник Золотухин с подробной реляцией и письмами Потемкина от 5.X (№ 1002 и 1003). См. следующее письмо – № 1009.

[2] *Мы пруссаков ласкаем, но каково на сердце терпеть их грубости и ругательством наполненные слова и поступки, один Бог весть.* – Несмотря на победы, настроение

у Екатерины невеселое: кампания не привела к решительным результатам. Англия и Пруссия, воспользовавшись резким ослаблением Франции и нарушением европейского равновесия, заняли по отношению к России и Австрии положение диктаторов, требуя от них территориальных уступок в пользу Швеции, Турции и Польши.

1009. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.X.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 198–198об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 210.

[1] *Третье письмо, мой друг сердечный, сегодня я к тебе пишу: по написании двух первых приехал Золотухин...* – Письмо написано по прочтении подробной реляции Суворова о рымникском деле (см. примеч. 2). *Золотухин* Василий Иванович (1758–1792) – полковник Фанагорийского гренадерского полка, шефом которого был Суворов. Отличился при Фокшанах и Рымнике. "Быв при нем дежурным, – писал Потемкин, посылая Золотухина с подробной реляцией в Петербург, – может подробно донести Вашему Величеству, колико ознаменовал себя в тот день господин Суворов. Его искусством и храбростию приобретена победа" (*РС*, 1876, октябрь. С. 208). Храбрый офицер очень ценился Суворовым, который одно время подумывал о выдаче за него дочери. Кавалер Георгия 4-ой степени Золотухин геройски штурмовал Измаил. Погиб в польской кампании 1792 г.

[2] *Я любопытна знать, кто у Суворова генералы, кои за болезнию остались позади?* – Неосторожная фраза из реляции Суворова, привезенной Золотухиным, обратила на себя внимание императрицы. Перечислив генералов и бригадиров своего корпуса, выступившего в поход 8.IX, в полночь на соединение с австрийцами, Суворов написал: "...протчей Генералитет за болезнию остался назади" (*СД*. Т. 2. С. 476–477). Очевидно, речь шла о генерал-поручике В.Х. Дерфельдене (был серьезно болен) и генерал-майоре князе Б.Г. Шаховском (лечился после полученной при Фокшанах раны). Екатерина, недовольная действиями генералов Финляндской армии, могла подумать, что у Потемкина имеются нерасторопные и неинициативные генералы.

1010. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.X.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 202–202об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 210–211.

[1] *Я жалею, что Князь Бернбургский – из молодых Генерал-Поручиков.* – Екатерина весьма невысоко ставит полководческие способности графа И.П. Салтыкова, которого Потемкин (за неимением лучших) рекомендовал на место графа В.П. Мусина-Пушкина. Генерал-аншефы, имевшие репутацию крупных военачальников (князь Н.В. Репнин, М.В. Каховский, барон И.И. Меллер., князь Ю.В. Долгоруков), служили в Соединенной армии. Назначить командующим генерал-поручика в обход генерал-аншефов невозможно. Повысить в чине принца Виктора Амадея Ангальт-Бернбургского также невозможно, ибо даже после его отличия в осаде и штурме Очакова (награжден Георгием 2-ой степени) принц оставался (в списке по старшинству) 12-м или 13-м генерал-поручиком.

[2] *Определить надлежит Нумсена, Корсакова, Берхмана.* – Перечисленные генералы уже служили в Финляндской армии. Императрица подтверждает свое согласие на то, чтобы включить их в "расписание" на будущую кампанию. Генерал-поручик Федор

Михайлович *Нумсен* (ум. в 1800) поступил из датской службы. Его очень хвалил Безбородко в письме в Лондон С.Р. Воронцову. Впоследствии имел чин генерала от кавалерии. Бригадир Александр Михайлович *Римский-Корсаков* (1753–1840) за отличия в боях против турок совсем недавно был пожалован в кавалеры Георгия 4-ой степени. Впоследствии генерал от инфантерии. Печально известен проигрышем Цюрихского сражения 14–15.IX.1799 г., едва не приведшего к катастрофе суворовской армии в Швейцарии. О генерал-майоре П.Ф. Берхмане см. примеч. к письму № 889.

[3] *Боувера я здесь оставляю, Странтманн почти ослеп...* – Генерал-майоры Иван Васильевич *Боувер* (в сл. с 1760) и Отто фон *Штрандман* (в сл. с 1758) проделали кампанию 1789 г., причем последний только 14.IV.1789 г. получил генеральский чин. В кампании 1790 г. он не участвовал.

[4] *Левашов никуда не годится...* – Екатерина была очень недовольна действиями генерал-поручика и премьер-майора лейб-гвардии Семеновского полка В.И. Левашова. В кампании 1790 г. он не участвовал.

[5] *...Волков-вял.* – Скорее всего, речь идет о генерал-поручике А.А. Волкове, который сменил отбывшего на юг Михельсона. Но в Финляндской армии значился еще генерал-майор Петр Лукич *Волков* (в сл. с 1758), кавалер Георгия 4-ой степени, о котором неодобрительно отзывается Безбородко, как о поклоннике Бахуса.

[6] *Смотря по списку, я нашла, что Кречетников и Игельстром старшие Генер*[*ал*]*-Поручики; я б согласилась на кого их них, наипаче первого.* – Кречетникова Потемкин оставил в своей армии, ценя его как крупного администратора и военачальника. Командовавший Оренбургским корпусом Игельстром был переведен в Финляндскую армию, усиленную такими боевыми генералами, как принц Ангальт, И.Е. Ферзен и П.А. фон дер Пален (участник штурма Очакова). В Финляндию был направлен и бригадир В.С. Байков, также отличившийся на очаковском штурме.

1011. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21.X.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 237–238.
Публикуется впервые.

[1] *Прости, матушка родная, благодарю за Графство Суворову. И Император прислал ему диплом...* – 21.X Суворов в письме Потемкину сообщил о получении копии Высочайшего рескрипта (от 3.X.1789 г. о возведении его в графское достоинство Российской империи) и первый раз подписался новым титулом – "Граф Александр Суворов-Рымникский".

К сожалению, не разысканы два письма Потемкина Суворову, которыми он уведомил его о высочайшей милости и поздравил с графским достоинством.

1012. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.X.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 135–136.
Публикуется впервые.

1013. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4.XI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 332–333.
Публикуется впервые.

[1] *Вот, матушка Всемилостивейшая Государыня, и Бендеры у ног Ваших.* – Разгром армии верховного везира при Рымнике, серия побед в Молдавии позволили Потемкину отрезать Бендеры от сообщения с турецкой армией и принудить к сдаче.

Находившиеся в крепости трое трехбунчужных пашей (полные генералы по европейским меркам) согласились на условия капитуляции, предложенные Потемкиным. Жители и гарнизон получили право выхода, оставляя крепость, пушки и огромные запасы победителям.

[2] *Естли б я был хвастун, то б сказал, что в точности исполнил все те предположения, которые на будущую кампанию представил Вам в Петербурге.* – См. письма № 912, 913. Кампания 1789 г. может быть названа не просто "щегольской" (по словам Екатерины II), но классической. Поражают и ее результаты, подтвердившие план Потемкина, и мастерство, с каким план был претворен в жизнь, и великолепную выучку и боевой дух предводимых Потемкиным войск. После этого как-то неловко читать у отечественных и зарубежных авторов фразы о том, что Потемкин не обладал полководческим талантом, был всего лишь крупным администратором, мешал своему гениальному подчиненному Суворову и пр.

[3] *Я здесь всем награждениям подношу записку, что я достал на сих днях.* – См. приписку к настоящему письму.

[4] *Получил я письмы от Господаря Волоского с предложениями о перемирии, письмо от бывшего капитана-паши.* – Письмо господаря Николая Мавроени от 14.X и письмо Газы Хасана вместе с ответами Потемкина приложены к донесению от 10.XI.1789 г. из Бендер (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 21–30).

[5] *Тут же и план, касательный Польши.* – В критических обстоятельствах, когда получаемые отовсюду сведения подтверждали угрозу начала третьей войны (на этот раз на западных границах империи, со стороны Пруссии и шедшей в фарватере ее политики Польши), Потемкин предложил план радикального ответа на новую опасность. "О Польше. Хорошо, естли б ее не делили, но, когда уже разделена, то лутче, чтоб вовсе была она уничтожена, соседи уже сближены. В таком случае зло будет меньше, ежели между нами не будет посредства, ибо самому иметь кому-либо из них войну трудно, нежели действовать интригами, подущая третьего, и нас тем тяготить, не теряя для себя ни людей, ни иждивения. И так оставить Польшею только княжество Мазовецкое + и нечто Литвы. Естли б первый Прусский Король взял, сие было бы еще полезнее, тогда мы могли бы цесарцев вовлечь...", – писал Потемкин. Главной мыслью плана была опора на православное население восточных областей Польши. "У них у всех желание возобновить прежнее состояние, как они были под своими гетманами, и теперь все твердят, что должно опять им быть по прежнему, ожидая от России вспоможение. Сие дело исполнить можно самым легким образом. По начальству моему над казаками, имянуйте меня Гетманом войск казацких Екатеринославской губернии". Таким образом, не русская армия должна была освободить своих единокровных и единоверных братьев, а казацкое войско, заставляющее вспомнить время Богдана Хмельницкого. Зная тайные планы прусского короля использовать поляков для борьбы против России, а затем потребовать от них новых территориальных уступок, Потемкин, мечтавший в начале войны привлечь Польшу взаимовыгодным союзом, вынужден был в изменившейся обстановке искать способы противодействия диктаторской политике Фридриха-Вильгельма II. Его план должен был нейтрализовать агрессивные аппетиты Пруссии. Когда же война с Портой была бы кончена, Потемкин предлагал "обратиться на Геркулесову дубину и... отмстить (прусскому королю. – *В.Л.*), как должно. Я в сем случае жизнью Вам ручаюсь, что, конечно, заплачу во всей силе за оскорбления, Вам нанесенные". Тот же план действий Потемкин предлагал и по отношению к шведскому королю, вероломно нарушившему мир (Автограф. – *АВПРИ*. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 589. Л. 214–216 об.). См. ответы Екатерины II в письмах № 1016, 1018, 1019, 1031 и 1092.

[6] *Вот и молодой человек возвращается с добрыми вестьми и здоров.* – Говорится о В.А. Зубове, который повез письмо и донесения в Петербург.

[7] *Суворову отправил звезду и орден бриллиантовые. Перстень и эполет удержал до нового случая. Большую ленту послал и о шпаге уведомил.* – "Я с удовольствием сердечным препровождаю Вам, мой любезный друг, милости Монаршие. Вы, конечно, во всякое время равно бы приобрели славу и победы; но не всякий начальник с удовольствием, моему равным, сообщил бы Вам воздаяние. Скажи, Граф Александр Васильевич! что я добрый человек; таким я буду всегда. Бендеры, когда Богу угодно, завтре будут наши! О! как трудно улаживать с тремя пашами, и все трехбунчужными, – писал Потемкин Суворову из лагеря под Бендерами 3.XI.1789 г., прибавив в самом конце письма. – Еще будет Вам и шпага богатая" (*СП*. С. 599).

1014. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.XI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 326–327об.
Публикуется впервые.

[1] *Вот и Бендеры бог дал даром.* – Настоящее письмо послано вместе с подробным донесением о блокаде и сдаче Бендер (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 9–12), которое повез в Петербург В.С. Попов. Он должен был вручить императрице и ключи крепости; гарнизон с пришедшими войсками насчитывал 16 тыс. человек; артиллерия – 300 пушек и 25 мортир; пороху – 12 тыс. пудов; огромные запасы провианта, холодного оружия, ядер и пр.

[2] *Из прилагаемой ведомости изволишь увидеть, во всю кампанию, что мы потеряли и цесарцы, – за пять тысяч.* – В ведомости приведены данные о потерях: при Рымнике убито 45, ранено 111; под Измаилом – 4 и 23; под Бендерами ранено 10 человек. Всего: убито 110, ранено 305. Потери цесарцев были в десять с лишним раз больше. Очевидно, приведенные цифры несколько занижены, но, без сомнения, выдающиеся успехи кампании были достигнуты малой кровью.

[3] *Рад бы я был Булгакову, ибо лично трактовать мне неловко.* – Я.И. Булгаков 22.XI/3.XII прибыл на французском фрегате в Триест. Потемкин хотел заполучить опытного в делах с турками дипломата для ведения предварительных переговоров о мире.

[4] *Шувалова нету, который его баловал и подавал советы.* – Граф А.П. Шувалов, женатый на родной сестре графа И.П. Салтыкова, скончался в Петербурге 24.IV.1789 г.

[5] *...из Александра Николаевича выходит генерал достойный храбростию, искусством и добронравием... Василий Васильевич храбр, отменный хозяин...* – Похвалы племянникам генерал-поручику А.Н. Самойлову и генерал-майору Василию Васильевичу *Энгельгардту* (1758 – после 1800) – единственному брату знаменитых фрейлин. Флигель-адъютант императрицы. 5.II. 1790 пожалован в генерал-поручики. При Павле I переведен в гражданскую службу. 4.IX.1800 уволен.

1015. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.XI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 144.
Публикуется впервые.

Потемкин, как и. Екатерина любил разные курьезы и решил рассказать "сон" турецких военачальников о необходимости сдать Бендеры. См. ответ Екатерины в письме № 1018.

1016. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.XI.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 204–205.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 211–212.

[1] *Я посылаю к тебе лавровый венец, который ты заслужил (но он еще неготов).* – См. письмо № 1029.

[2] *Теперь, мой друг, прошу тебя не спесивься, не возгордися, но покажи свету великость своей души, которая в щастии столь же ненадменна, как и не унывает в неудаче.* – Этот совет вызвал горячую реакцию Потемкина, напомнившего своей жене-императрице давно известные ей принципы, на которых основаны их отношения. См. письмо № 1021.

[3] *Присланного от тебя молодца я пожаловала полковником и в флигель-адъютанты за добрые вести.* – Валериану Зубову не было еще 20 лет. Так делали карьеру обласканные императрицей братья ее нового фаворита. Напомним, что Суворов получил чин полковника 32 лет от роду, имея за плечами боле 10 лет действительной службы и богатый боевой опыт.

[4] *Брат их Дмитрий женится у Вяземского на третьей дочери.* – Дмитрий Александрович *Зубов* (1764–1836) 31.X был пожалован в камер-юнкеры. Женился на княжне Прасковье Александровне Вяземской (ум. в 1835), дочери генерал-прокурора. Сам князь Александр Алексеевич Вяземский был другом отца Зубовых. После приключившегося с ним удара и паралича (в июле 1789) он несколько оправился и продолжал исполнять должность генерал-прокурора.

1017. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

22.XI.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 334–335об.
Публикуется впервые.

[1] *Кауниц набирает уже кучу советников Тугутов, Гербертов и над ними Кобурха, которого всякий писарь поведет за нос.* – Блестящие успехи кампании породили надежды на мир. С императором Иосифом II было условлено: кто первый кончит с турками, "обратится на стражу против Короля Прусского" (*АКВ*. Кн. 13. С. 172). Князь Кауниц, готовясь к переговорам с турками, посылал к принцу Кобургу опытных дипломатов – бывшего посла в Константинополе (интернунция) Петера-Филиппа барона *Герберта* (1735–1802) и Франца де Паула барона *Тугута* (1736–1818), сделавшего головокружительную карьеру. Посланник в Турции, Польше, Неаполе, Париже, Тугут в 1794 г. стал министром иностранных дел. Его коварство и вероломство привели к распаду 2-й антифранцузской коалиции и поставили Австрию на грань национальной катастрофы. В 1800 г. Тугут был уволен в отставку.

1018. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.XI.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 206–207.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 212–214.

[1] *Как Брабантские дела идут весьма плохо по сю пору, то думать можно, что цесарцы в мире имеют столько же нужды, как и мы, а захватывают Валахию для того, чтоб удержать лишь нужное.* – Австрийские войска под напором восстания, охватившего всю Бельгию, были вынуждены очистить страну. В 1790 г. цесарцы (уже

при новом императоре Леопольде II) согласились (под нажимом Пруссии и Англии) заключить мир с Портой на условиях статус-кво.

[2] *Я решилась взять сюда Салтыкова с Кубани...также Игельстрома и Принца Ангальта. Письмоводец Графа Пушкина уже отходит, а Генерал-Маиоров прошу прислать хороших и не все немцев.* – 24.XI.1789 императрица послала графу И.П. Салтыкову повеление прибыть поспешно в Санкт-Петербург, оставив команду (войсками на Кубани) старшему из генералов. Еще до официальной сдачи командования Салтыкову граф В.П. Мусин-Пушкин был вынужден согласиться на отзыв из армии своего "письмоводца" И.И. Русанова. Армия была укреплена генералами, имевшими боевую репутацию. Большинство из них оказались немцами.

[3] *Александру Николаевичу Самойлову посылаю Александра Невского, и Энгельгардту – Владимира второго класса.* – Императрица поняла намек Потемкина (см. письмо № 1014) и наградила его племянников. В письме описка – Самойлов назван Николаем Александровичем.

[4] *Касательно Польши – сие нужно сообразить с другими делами и настоящим нашим положением, чтоб каши не заводить более теперяшнего. После мира и белоруссов прибрать можно.* – Ответ на присланный Потемкиным план (письмо № 1013 и примеч. 5 к нему) еще не созрел. См. письма № 1019, 1031.

1019. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

2.XII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 208–209об.
Публикация – *PC*, 1876, октябрь. С. 214–215.

[1] *Я полагаю, что для надежного производства в действие твоего плана необходимо нужен мир с турками и шведом.* – Безбородко, с которым императрица поделилась потемкинским планом, писал в Лондон С.Р. Воронцову: "Мы теперь мыслим, чтоб ускорить миром с турками и тем развязать себе руки против шведов и Прусского Короля, но сей последний на все решился, и в нашем образе ведения дел Бог знает, что выйдет..." (Письмо от 9.XII.1789. – *СБРИО*. Т. 29. С. 67). Потемкин, ссылаясь на свои каналы, сообщил Безбородко сведения, полученные им из Вены: "...пали бы турки у ног, но держат их известные дворы. Я нетерпеливо жду Попова, ибо от решения на мои мнения зависеть во многом должны будущие предположения" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 158. Письмо от 5.XII.1789).

[2] *Для безопасности наших границ со стороны Польши нужно будет, чтоб место Фельдмаршала Румянцева праздно не осталось, но командующий генерал туда послан был, к чему, думаю, Кречетников всего бы полезнее был.* – Для командования войсками, собранными на западных границах, поначалу намечался Румянцев. Ссылаясь на болезнь, он отказался. Императрица просит Кречетникова, но Потемкин уже решил поручить ему Малороссийские губернии до выздоровления фельдмаршала. Остановились на кандидатуре князя Ю.В. Долгорукова.

[3] *Касательно Белоруссии и прекращения унии твои примечания равно основательны... Но принуждать помещиков жить в Белоруссии будет нарушением трактата, да и у нас многие живут и ездят, в силу законов, вне Империи.* – В Белорусских губерниях, присоединенных после первого раздела Польши, крепостные крестьяне-белоруссы в большинстве своем были увлечены в униатство, а помещики-поляки исповедовали католицизм. Потемкин предлагал решительно поддержать восстановление православия. Для разрыва связей с Польшей помещикам, по его мнению, следовало бы на время запретить покидать свои имения. Но это было бы нарушением трактата о разделе Польши и нарушением установлений, принятых в самой империи.

1020. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.XII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 212–212об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 215.

[1] *Еще, мой друг, прошу тебя в досужий час вспомнить приказать Сартию зделать хоры для "Олега"* – Пьеса "Начальное управление Олега" создавалась Екатериной в конце 1786 г. Летом 1789 было решено поставить ее в Эрмитажном театре. 5.IX.1789 Храповицкий отметил в "Дневнике": "Не показался хор Чимарозов для "Олега": "Это не пойдет, я послала "Олега" к Князю, пусть музыку сочинит Сарти". Несмотря на огромное напряжение, связанное с борьбой против коалиции, государыня не прекращала своих литературных занятий. Премьера "Олега" состоялась в октябре 1790 г.

[2] *У Короля Аглинского в Ганновере поднялся бунт против капитации.* – Представители Ганноверской династии английские короли (начиная с Георга I) одновременно были курфюрстами Ганновера. Вызванные введением подушной подати (capitation – *фр.*) беспорядки очень встревожили британское правительство (король Георг III хотя и несколько поправился, но не влиял на политические решения).

1021. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

5.XII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф 5. Д. 585. Л. 128–131об.
Публикуется впервые.
Датируется на основании донесения от 5.XII.1789 (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 140–140об.), в котором говорилось, что бывший капитан-паша Газы Хасан "имянуется еще сераскиром,.. о визирстве с известием только приехал курьер, но печать (символ власти. – *В.Л.*) еще в дороге".

[1] *При всех Ваших милостях совет, чтоб я не заспесивился, меня удивляет.* – Ответ на дружеское пожелание Екатерины в письме № 1016.

[2] *Посыланный от меня в Вену с донесением к Императору предупрежден был двумя часами... Появились пояса у дам и перс[т]ни с моим названием. Здесь подношу перстень, который курьеру с руки отдала Princesse Esterhazy.* – Курьером был барон Карл Яковлевич *Бюллер* (1749–1811), статский советник, возглавлявший дипломатическую канцелярию у Потемкина. Впоследствии крупный дипломат, тайный советник, сенатор, член Государственной коллегии иностранных дел. Население Вены и высший свет восторженно встретили посланца Потемкина, привезшего донесения о блестящем завершении кампании. Моцарт в честь побед написал героический марш. Живописцы создавали аллегорические картины. Все с надеждой встречали новый год. Пояса и перстни с именем Потемкина свидетельствовали о необычайной популярности победителя оттоманов. Их носили даже такие знатные аристократки, как княгиня Эстергази – представительница фамилии крупнейших венгерских магнатов.

[3] *Сей привез седьмое уже одно за одним письмо – все о перемирии...* – После тяжелых поражений в кампании 1789 г. турки были в нерешительности. "Умные Турки, мать Султана и весь Сераль хотят мира, – делится императрица последними новостями с Храповицким 24.XII.1789, – но Султан и Турки-христиане намереваются продолжать войну. Семь раз писали к Князю о перемирии, но наш ответ: или мир, или война".

[4] *...но, матушка, не верю Г[рафу] Штакельберху.* – Главнокомандующий настойчиво советует заменить посла в Варшаве. Вместо Штакельберга он предлагает Булгакова. "О Польше пора думать. Надеясь на Вашу дружбу, не могу не сказать, что там есть

посол, но есть ли от него нам прибыль, не знаю, – писал он Безбородко в январе 1790 г. – Сверх того, нельзя знать о точности дел чрез него, все ирония да роман. Пошлите ево хотя Архипослом, куда ни есть, а в Польше нужен русский" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 162).

5 *Воля Ваша, Король Польский плутишка и весь пруссак.* – Ставленник Екатерины король Станислав Август пытался вести свою политику, но он и его партия буквально были смяты пропрусской группировкой, господствовавшей в Польше. Королю приходилось маневрировать, идти на бесконечные уступки.

6 *Подношу здесь письмо Императорово в копии.* – Иосиф II в письме от 20.XI/1.XII. 1789 г. поздравлял Потемкина с блестящей кампанией, завершившейся взятием Бендер (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 46. Л. 3).

1022. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

7.XII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 203–203об.
Публикация – *РС*, 1876, октябрь. С. 215–216.

1 *Я бы того и желала, чтоб не чрез французов и не чрез кого сие дело происходило, но безпосредственно.* – Обычно воюющие страны избирали посредников для ведения переговоров об условиях мира. Турки по давней традиции хотели привлечь Францию, но Пруссия настойчиво предлагала свои услуги, одновременно форсируя переговоры о заключении прусско-турецкого союза, направленного против России и Австрии. И Екатерина, и Потемкин были за прямые переговоры с Портой.

1023. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.XII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 273–274об.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 403–404.

1 *О Польше я писала к тебе чрез Попова и жду твоих ответных писем о сем. О Кубанских и Кавказских войсках также чрез него к тебе писано.* – О приезде В.С. Попова (награжденного орденом Св. Анны и денежным подарком) Потемкин уведомил в письме от 26.XII.1789 (№ 1026). Императрица послала с Поповым составленную Безбородко Записку (в виде вопросов к Потемкину, по которым он должен был высказать свое мнение). В Записке намечались различные варианты мира с Портой и варианты предложений Польше (вплоть до присоединения к ней Молдавии, Валахии и Бессарабии), которые могли бы оторвать ее от сближения с Пруссией. Потемкин высказался против подобных комбинаций, настаивая на своем плане (см. примеч. 5 к письму № 1013). Кубанский и Кавказский корпуса после отзыва Салтыкова снова подчинялись Потемкину.

1024. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

21.XII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 213.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 404.

Уже написав предыдущее письмо, Екатерина перечитывает письмо "своего друга сердечного" от 5.XII.1789 и делает коротенькую приписку, отдавая должное чувствам Потемкина.

1025. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

26.XII.1789

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 9.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 394.

[1] *Полк твой Кирасирский я велела назвать твоим именем.* – Еще в 1775 г. Потемкин был назначен шефом Ново-Троицкого кирасирского полка. 28.VI.1783 полк наименован Екатеринославским кирасирским. С 26.XII. 1789 стал именоваться Кирасирским князя Потемкина полком.

1026. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

26.XII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 137–138.
Публикуется впервые.

Написано до получения письма № 1024.

[1] *Последние известия из Вены гласят, что Император болен очень... из Лаудоновой армии до двадцати тысяч пошло в Галицию: там начинались безпокойства.* – Иосиф II доживал последние месяцы. У него выпали волосы – признак, указывающий на следы отравления. Волнения в Галиции заставили принять меры и перебросить туда значительные силы, взятые из главной армии фельдмаршала Лаудона, сосредоточенной в Сербии.

[2] *В Венгрии ропщут громко.* – Венгерское дворянство было недовольно тем, что Иосиф II не исполнил своего обещания и не короновался Венгерским королем.

[3] *Свидетельства Ваши о моем кавалергардском корнете... обязывают меня просить Вас об отличении его прикрасой.* – Идя навстречу пожеланиям Екатерины, Потемкин (шеф кавалергардов и, стало быть, прямой начальник Зубова) просит наградить "корнета" орденом. 3.I.1790 г. Платон Зубов стал кавалером ордена Св. Анны.

1027. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.XII.1789

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 101–102.
Публикуется впервые.

[1] *Загналы-паша* (Загналы Гассан-паша) – трехбунчужный, был взят в плен при Каушанах 13.IX.1789 казаками полковника М.И. Платова. Это был старый опытный военачальник. В одном из донесений Потемкин ссылается на письмо фельдмаршала Румянцева, который в кампании 1770 г. имел с ним дело: Загналы-паша командовал турецкими войсками у Рябой Могилы. Сведения о казнях турецких начальников – сторонников мира с Россией – свидетельствовали о сложной обстановке в высших кругах Османской империи. Селим III готовился к новой кампании. Гассан-паша (Газы Хасан-паша), сделавшись везиром, осторожничал и тянул время.

[2] *Тайфур-паша* – командовал гарнизоном Аккерманской крепости. По условиям капитуляции был отпущен с гарнизоном на свободу. Казнен вместе с несколькими чиновниками (офицерами).

[3] Султан *Селим Ш* (1761–1808) правил в 1789–1807 гг. Вступил на престол в разгар неудачной для Порты войны. Воинственность султана, подкрепленная посулами Пруссии и Англии, привела к новым поражениям. Селим пытался провести реформы, но был свергнут, а через год убит.

1790

1028. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10.I.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 214–215.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 404–405.

[1] *...не осталося почти никакого сумнения, чтоб Король Прусский не имел в намерении обще с поляками весною напасть на наши владения, как ты то усмотришь из предлинного рескрипта...* – Рескрипт помечен 10.I.1790. Его основное содержание кратко выразил Безбородко в письме к С.Р. Воронцову в Лондон от 20.XII.1789: "Между тем уже открылися прямые намерения Короля Прусского. Мы имеем секретным образом копии переписки Короля и Герцберга с Дицем (посланником в Турции. – *В.Л.*), из коих видно, что они предложили Порте оборонительный союз, гарантируя целостность ея за Дунаем и полагая действовать, естьли бы мы перенесли оружие за помянутую реку..." (*АКВ*. Кн. 13. С. 170–171). Министр иностранных дел Пруссии Герцберг предлагал: Густав III должен получить от России земли, потерянные по Абоскому миру (в Финляндии). Ему будет оказана денежная и, может быть, военная поддержка. Порта должна вернуть себе Крым и земли, потерянные по Кучук-Кайнарджийскому миру. Польше обещано возвращение Галиции (полученной по первому разделу Австрией). За эти услуги Пруссия намеревалась получить шведскую Померанию и польский Данциг, не возвращая республике земель, занятых по первому разделу. Все эти сложные переделы должны были оплатить Россия и Австрия. Потемкин получил от государыни полную мочь на ведение мирных переговоров с Портой, причем, условия мира (первоначально предполагалось границу провести по реке Прут, Молдавию и Валахию сделать независимыми от Порты) были сокращены: граница по Днестру, подтверждение всех ранее заключенных трактатов, контрибуция за военные издержки.

[2] *...Салтыков приехал сегодни. Сей говорит, будто с Кубани тысяч десять взять можно, не испортив дела.* – См. ответ Потемкина в письме № 1033.

1029. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.I.1790

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.
Публикация – *РА*, 1878. Кн. 1. С. 20.

Давно обещанный лавровый венец (из золота с бриллиантами) был послан Потемкину в качестве награды за "щегольскую кампанию" 1789 г.

1030. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.I.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 323–325об.
Публикуется впервые.

[1] *Что турки делают попытку ради выиграния времени, сие несумненно, как и то, что новому визирю дана полная власть для заключения мира...есть надежда при первом будущем поражении добиться миру...* – Между новым везиром Газы Хасан-пашой и Потемкиным установилась регулярная переписка. Бывший капудан-паша вел переговоры, не желая слишком рисковать. Если бы не нажим Пруссии

(поддержанной Англией), мир можно было заключить весной 1790 г., до начала новой кампании. По плану Потемкина военные действия должен был начать флот, на который не распространялись условия перемирия.

[2] *План будет секретный.* – Речь идет о формировании большого казацкого войска во главе с Потемкиным (великим гетманом), которое в критической обстановке должно было занять три правобережные воеводства Польши с православным населением. Безбородко, посвящая С.Р. Воронцова в планы будущей кампании, писал: "В Украине Польской мы сделаем конфедерацию наших единоверных примерную той, которая Гетманом Хмельницким была сделана, и тем поставим столько войска, что займем всю Польскую армию" (*АКВ*. Кн. 13. С. 183).

[3] *Я тут себе ничего не хочу; ежели б не польза Ваша требовала, принял ли бы в моем степени фантом, больше смешной, нежели отличающий.* – Речь идет о степени "Великого Гетмана", о которой просил Потемкин в соответствии со своим планом. Ему – генерал-фельдмаршалу и президенту Военной коллегии, главнокомандующему армией и флотом – этот титул действительно ничего не прибавлял. Но его противники уже успели пустить слух о намерении Светлейшего сделаться полунезависимым властителем южных областей и Крыма. Императрица, разумеется, знала цену подобным слухам, но гетманство (не так давно упраздненное) могло вызвать у нее неприятные ассоциации.

[4] *...писал я о боярах, желающих к нам со всем имуществом переходить. А естли б Молдавия и вольна осталась, то и тогда в Крыму хотят иметь земли.* – Потемкин был встречен в Яссах с почестями местными боярами и населением. Учитывая неопределенность обстановки и результатов войны, многие молдавские бояре просились переселиться в Россию, в Крым.

1031. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.II.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 216–217об.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 405–407.

[1] *Теперь жду нетерпеливо твоего ответа на мой рескрипт и репортиции войск. Пуще всего, чтоб упор нашли, где хотят нападать.* – В рескрипте от 10.I.1790 говорилось об опасности, грозящей от происков Прусского короля, и о мерах по предупреждению ее. Потемкин должен был представить репортицию войск – указать полки, которые он из своей армии передвинет на угрожающее направление в район Могилева.

[2] *Изволь трудиться, господин Великий Гетман.* – Указом от 10.I.1790 Потемкин был наименован Великим Гетманом Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск.

[3] *Что же было диковинкою короноваться Королем Венгерским, благо что подданные привязаны к короне: матерь его они спасли в 1740 году от потери всего.* – После смерти императора Карла VI, завещавшего своей дочери *Марии-Терезии* (1717–1780) престол Австрийской монархии (в нарушение традиций и законов), началась война за Австрийское наследство. Прусский король Фридрих II (в союзе с Францией) захватил Силезию, почти удвоив территорию своего королевства. В критический момент молодая правительница обратилась к венгерскому дворянству, которое защитило ее права и спасло государство от катастрофы.

1032. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

8.II.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 127.
Публикуется впервые.

1033. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

8.II.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 328–329об.
Публикуется впервые.

[1] *Я противу рескрипта зделал отметки.* – В приложении к донесению от 9.II.1790 Потемкин откровенно высказался по поставленным вопросам. На вопрос о "распоряжениях к ограждению пределов от прусских и польских набегов" Светлейший отвечал: "...к времени нельзя поспеть полкам, которые отсюда или других мест полуденных обратятся, и выдет, что их ни здесь, ни там не будет. До лета же из мест, степями отделенных, нет возможности итти". Он сообщал, что разрабатывает план решения этой задачи. По вопросу о способах войны с Портой Потемкин предлагал обороняться на главном театре военных действий и наносить удары флотом и южнее Кубани "чрез что Крым и берега его обезпечатся, а потому и войск уже тамо меньше держать нужно". В рескрипте одобрялся его план относительно Польши, намеревавшейся "присоединиться к неприятелям нашим". Потемкин пояснил: "Сей план поднес я, предвидя, что буря будет... Я из-под руки готовиться буду и поляков до времени ласкать не премину", но, по его мнению, титул Великого Гетмана следовало сразу сделать гласным для пользы дела. Относительно времени открытия конфедерации и планов действий – все вверялось его попечению. "Время и успехи откроют тут и способы, а более всего надежда на милость Божию, которая во всех тесных обстоятельствах Вашему Императорскому Величеству оказывалась" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 57–65).

[2] *Естли бы возможно было хотя шесть месяцев выиграть, то исправил бы.* – Этот срок – шесть месяцев – для приведения всех сил страны в нужную готовность для отпора неприятелям стал важной задачей, над которой трудились российские дипломаты. Особенно важно было ослабить связь Англии с Пруссией, и Безбородко, обрисовав перед графом С.Р. Воронцовым обстановку, настойчиво просил его добиваться заключения торгового (и союзного) договора с Лондонским кабинетом.

1034. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25.II.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 142.
Публикуется впервые.

Датируется на основании донесения от 25.II.1790, в котором Потемкин сообщал: "Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление о всемилостивейшем наименовании меня Великим Гетманом казацких войск Екатеринославских и Черноморских я имел счастие получить и, как восприятие сего звания по соображению обстоятельств, Ваше Императорское Величество моему предоставить изволили рассмотрению, то я ныне, находя к тому удобность и время, ознаменил повсюду о сем высочайшем Вашего Императорского Величества благоволении..." (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 76–76об.).

1035. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25.II.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 140–141.
Публикуется впервые.

[1] *Текутьев* Николай Григорьевич (в сл. с 1761) командовал Херсонским пехотным полком. В 1790 г. был представлен Потемкиным в бригадиры. Очевидно, императрица утвердила списки генералитета, отправленные Потемкиным вместе с другими 23.I.1790, но несколько задержала список полковников, поступающих в бригадиры.

[2] *...визирь и риджалы хотят миру, Султан же сваливает все с себя на них, чтоб не быть упрекаему, а притом пьянствует.* – Везир Газы Хасан-паша и главные чиновники (риджалы) были за прекращение войны, не сулившей ничего, кроме поражений. Султан Селим III колебался. То он отдавал дворцовое серебро на переплавку для уплаты жалованья войскам и заявлял, что сам поведет их в поход, то предавался разгулу. Но главным фактором в продолжении бесперспективной войны было давление европейских держав и прежде всего Пруссии и Англии.

[3] *...он уже скончался...* – Император Иосиф II скончался 9/20.II.1790 г.

[4] *Цесарцы не понимают хитрости турецкой в назначении места конгресса в их владении, а я вижу, что турки хотят впустить и других министров, которые не поедут на место, которое в наших руках.* – Везир Газы Хасан-паша предложил Рущук в качестве места для мирного конгресса. Австрийцы готовы были согласиться. Потемкин решительно возражал, предвидя, что мнимые друзья Порты (Англия, Пруссия, Голландия, Швеция и Польша) постараются принять участие в выработке мирных условий, действуя в пользу турок.

[5] *Бароций (*Бароцци) Иван Степанович – в 1789 г. определен в Коллегию Иностранных дел и отправлен к Потемкиину. Имел чин майора. Был послан к везиру и вел с ним предварительные переговоры. В 1791 г. после смерти Потемкина состоял при главном уполномоченном России Безбородко, подписавшим Ясский мир с Портой. Впоследствии действительный статский советник, генеральный консул в Рагузе, Венеции до 1805 г. Письма Потемкина к Бароцци опубликованы (*ЗООИД*. Т. 8) и дают представление о напряженной дипломатической борьбе в феврале–апреле 1790 г., об искреннем желании Светлейшего заключить мир, об основательности его взгляда на европейскую и мировую политику. См. примеч. 6.

[6] *Нужно мне иметь по записке здесь приложенной повеление, обещая им союз наш: мы отвлечем их от всех других и тем, может быть, навсегда инфлуенцию пресечем других дворов. Кажется, что турки сему будут рады.* – В письме к Бароцци Потемкин просил передать везиру на словах, что он "расположен искренне постановить мир", что Россия не боится угроз, а русская армия превосходит во всем турецкую и готова встретить самого султана, если он пойдет в поход. "Я бы дорого заплатил, естли б он пришел", – диктует Потемкин и предлагает мир на 15 лет и верный союз. "Франция сосет их по торговле и завладела почти всем их продуктом. Теперь явилась Швеция у них на жалованье. Все указывают на Россию, что она опасна, а, между тем, Индию разобрали с ея богатствами под носом у турков по своим рукам и уже сокровищи отголь все везутся вокруг земли морем, которые ходили чрез их владения прежде и обогащали жителей. Я честный человек и всегда говорю откровенно, ибо лукавством я гнушаюсь...Я открыто им сказываю, что, конечно, в войне нет человека, кто бы так жаден был к победам, как я; но естли будет мир, найдут во мне такова друга, который всей пользы для них искать будет и, конечно, после моего Отечества им душевно буду доброжелательствовать и смело скажу, что во многом открою им глаза..." (*ЗООИД*. Т. 8. С. 197).

[7] *Я отправляю барона Биллера в Вену, чтоб узнать, как у них мыслят и какое разположение нового Государя.* – На престол вступил брат Иосифа II (не имевшего детей) *Леопольд* II (1747–1792), который в течение 25 лет правил в Великом Герцогстве Тосканском, где провел ряд реформ в духе просвещенного абсолютизма.

1036. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25.II.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 139.
Публикуется впервые.

[1] *Не худо иметь порасторопнее Князя Голицына теперь в Вене для настроения дел с новым Государем. Не мудрено бы было Его поладить с Прусским Королем и с Англией и тем нам развязать руки кончить дела.* – Потемкин настойчиво доказывает (см. письма № 1021, 1030, 1040 и др.) необходимость активизации дипломатической борьбы. Для этого нужны более решительные и молодые дипломаты, нежели засидевшиеся на своих местах князь Д.М. Голицын и граф. О.М. Штакельберг. (См. ответ в письме № 1045). По мнению Потемкина, новый император мог бы добиться в Лондоне и Берлине ослабления нажима на Австрию и союзную ей Россию.

1037. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25.II.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 364.
Публикуется впервые.

Письмо не нуждается в комментариях: в разгар войны с турками по настоянию Потемкина был переведен и издан Коран.

1038. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.III.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 218–219.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 407–408.

[1] *Из рескрипта, мною подписанного, увидишь положение дел до сего часа, и колико нужно готовиться к отпору злых намерений врагов наших.* – 28.II.1790 Екатерина подписала рескрипт Потемкину о действиях Берлинского и Лондонского дворов и способов противодействия опасности, возникающей от союза Пруссии с Портой (договор был подписан в Константинополе 20/31.I.1790). В приложениях говорилось об отказе Лондонского двора заключить союз с Россией, а также о неприемлемости для него условий мира, предложенных Россией Швеции и Турции.

[2] *Они из оных зделали употребление коварное, злое и гордое, доказующее умоположение того двора и бешеных намерений Герцберга, который Королем властвует. Теперь требуют у Польши Торун и Данциг.* – В том же рескрипте (в приложенном письме Штакельберга из Варшавы от 15/26.II) говорилось о впечатлении, произведенном на Польский Сейм предложением прусского короля уступить ему Данциг и Торн. Луккезини 13.II формально предложил польскому правительству эту уступку за уменьшение таможенных пошлин на прусско-польских границах, окружавших республику со всех сторон. Этот демарш вызвал бурю возмущения и заставил Герцберга дать указание взять назад сделанное предложение. Пропрусская партия не сделала выводов и продолжала форсировать заключение польско-прусского союза.

[3] *Питт старается доныне отвратить войну, но, может быть, заведен будет Берлинским двором и Принцессою Оранскою по неволе. Теперь еще быть может и то, что выбором Короля Римского аттенция несколько оборотится на ту сторону.* – Британский кабинет постепенно втягивался в интриги Берлинского двора. Все попытки России и Австрии к сближению с Англией отвергались. Императрица рассчитывает, что выборы "Римского Короля" – императора Священной Римской Империи (по давней традиции германские князья избирали в императоры главу австрийской монархии) несколько отвлекут внимание пруссаков.

1039. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.III.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 352–353.
Публикуется впервые.

[1] *Я как верный и взысканный подданный советую – пора его оттуда.* – Штакельберг (непосредственный участник первого раздела Польши) растерял свой кредит и не соответствовал резко осложнившейся обстановке. В августе 1790 г. он был сменен Булгаковым.

[2] *Мое поведение на Украине всех привлекает поляков.* – В эти дни (и несколько ранее) Потемкин направляет императрице прошения о зачислении на русскую службу польских генералов Витта (бывшего коменданта Каменца-Подольского), Шембека и Коссаковского, вставших в оппозицию господствующей в Варшаве группировке (см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 72, 74, 107).

1040. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.III.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 354–355об.
Публикуется впервые. Датируется на основании донесения от 10.III.1790 (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 110–110об. и 121).

[1] *Занятие в Польше трех воеводств... долженствует быть произведено согласно с союзниками, иначе мы останемся одни загребать жар, ежели они пребудут на дефензиве.* – В соответствии с секретным планом (см. примеч. 5 к письму № 1013) в случае кризиса с Польшей и Пруссией казачье войско Великого Гетмана должно было занять Брацлавское, Киевское и Подольское воеводства в Польской Украйне. Выдвижение австрийских войск в Галицию создавало предпосылку для совместных действий против нового противника.

[2] *... лутче ничего никому не давать.* – Потемкин предлагал использовать Данциг в качестве приманки, которая должна была раскрыть вероломство прусской политики.

[3] *Нужно конечно торговый трактат заключить с Англией и тем нацию интересовать...* – Попытки графа С.Р. Воронцова (имевшего обширные связи в правящих кругах Англии) заключить торговый трактат терпели неудачу из-за противодействия главы кабинета Питта. Неудачны были и попытки австрийской дипломатии сблизиться с Лондоном и ослабить его союз с Берлином.

[4] *Дурак Бибиков ушел за Кубань почти со всеми войсками.* – Командовавший Кавказским корпусом генерал-поручик Юрий Богданович *Бибиков* (1743–1812) в ответ на набег закубанцев в январе 1790 г. самовольно двинул свои части в поход на Анапу. Самолюбивый генерал, сделавший карьеру благодаря покровительству графа П.И. Панина, не рассчитал ни сил, ни средств, ни времени. Его отряд понес большие потери. См. письма № 1051, 1052, 1100 и примеч. к ним.

[5] *Требование для примирения, чтоб Король Шведский был без власти начинать войну, было напрасно. Ибо сим способом никогда не помиримся. Брат его? Так можно будет его после, без труда оставить бобылем.* – В период зимнего затишья шли секретные переговоры с Густавом III о мире. Король не соглашался вернуться к довоенному положению, когда согласно конституции только сейм мог объявлять войну. Екатерине пришлось отступить от этого требования, (см. письмо № 1047). Слова Потемкина о "брате" короля, очевидно, вызваны обсуждавшимся вопросом, кому наследовать престол в случае отречения Густава III. Его сын был еще мальчик. К тому же король отрекался от своего отцовства. Брат Карл Зюдерманландский еще не был женат. Для России было выгодно регентство при малолетнем сыне Густава III.

[6] *Крайне бы годились войски теперь из мещан составленные в России, ими граница была бы охранена.* – См. примеч. 1 к письму № 928. Потемкину было разрешено сформировать казачьи полки из мещан вверенных его управлению губерний.

1041. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

18.III.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 220.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 408.

1042. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

18.III.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 320.
Публикуется впервые.
После этого письма было написано секретное письмо-мнение о положении дел, условиях мира с Портой, планах кампании. См. письмо № 1043.

[1] *...позвольте, Всемилостивейшая мать, оставить по Днестр.* – Речь идет о новой границе с Турцией, которую удалось отстоять, несмотря на происки союзников султана.

[2] *Крепости разорить, как я представлял...* – В записке от конца февраля 1790 г. Потемкин приводил расчеты – количество войск для занятия бывших турецких крепостей – Очакова, Аккермана и Бендер. Получалось более 20 тыс. человек. "Сии крепости совсем в другом для нас положении, нежели как были у турков, – писал он. – Нам нужно защищать входы в реки, а сии на то неудобны и политические резоны и локальные требуют скорее об них решения". Он предлагал их срыть, а захваченные там разнокалиберные пушки перелить и снабдить новыми орудиями флот и флотилию. (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 97–99об.).

[3] *В Венецию нужен хороший министр, а находящийся тамо крайне плох.* – Посланником в Венеции (имевшей давние, прочные каналы получения важных сведений в Турции) был брат адмирала Н.С. Мордвинова Александр Семенович (р. в 1753).

1043. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.III.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 356–359об.
Публикуется впервые.
Датируется на основании донесения от 19.III.1790 (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 128–128об.).

[1] *Письмо от Мавроения ничего не замыкает важного, которое у сего подносится.* – Не обнаружено.

[2] *Вышеупомянутый турок остался навсегда в России, чтобы жить при мне.* – Салиг-ага пользовался доверием князя, имел чин бригадира. См. ответ императрицы и ее опасение на счет Салиг-аги в письме № 1049.

[3] *Из моих заметок Бароцию...* – Очевидно, речь идет о наставлениях, данных Бароцци 16 и 22.II.1790 (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 90–95). В них Потемкин уведомляет везира о неудобстве Рущука как места для переговоров, о готовности начать прямые переговоры (без посредников), которые со стороны России уполномочен вести генерал-поручик П.С. Потемкин. В противном случае – продолжение войны на море и на суше.

[4] *Отправляю туда Кречетникова все заготовить и доставить мне верные ведомости о военных поселянах.* – Кречетников, только что по представлению Потемкина пожалованный в генерал-аншефы, был послан в Малороссию приводить в комплект малороссийские полки и собирать новые "казацкие войска на время военное, в течение которого и служба их только продолжаться должна; в мирное же [время] будут они распускаться по домам своим".

[5] *Есть во флоте Севастопольском Контр-Адмирал Ушаков. Отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник.* – Предполагая начать кампанию 1790 г. действиями флота, Потемкин утвердил Ушакова в должности командующего корабельным флотом. "Предположа лично командовать флотом Черноморским, – говорилось в ордере Светлейшего Черноморскому Адмиралтейскому правлению от 14.III.1790, – назначил я начальствовать подо мною господину Контр-Адмиралу и Кавалеру Ушакову. Господин Контр-Адмирал и Кавалер Граф Войнович отряжен в командование морских сил Каспийских..." (*УД*. Т. I. С. 117–118).

1044. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.III.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 225–226об.
Публикация – *PC*, 1876, ноябрь. С. 408–410.

[1] *Новый Король Венгеро-богемский... еще из Флоренции... ко мне писал самое дружеское письмо, на которое я ответствовала.* – Австрийский монарх носил короны Богемских (чешских) и Венгерских королей. Письма, которыми обменялись Леопольд и Екатерина после смерти Иосифа II, были полны заверений в верности союзным обязательствам.

[2] *... Юсуф-пашу привезли в Стамбул.* – В связи со слухами о болезни, а затем о смерти везира Газы Хасана (в литературе бытует версия о его отравлении) в Петербурге пристально следили за тем, кто займет место везира. Юсуф-паша (см. отзывы о нем в письмах № 1048 и 1049) считался яростным сторонником войны.

[3] *В рескрипте найдешь разрешения, кои ты требуешь о мире и крепостях.* – Рескриптом от 19.III.1790 Потемкин получал своего рода карт-бланш на ведение переговоров с турками о мире. Это было вызвано точными сведениями о заключении союзного трактата между Пруссией и Портой. Решение о бывших турецких крепостях оставлялось на усмотрение князя.

1045. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.III.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 224–224об.
Публикация – *PC*, 1876, ноябрь. С. 410–411.

[1] *Из рескрипта и к нему приложенных бумаг увидишь, колико стараются постыдными делами вовлещи нас в унизение и посрамление...* – В рескрипте от

30.III.1790 сообщалось о заявлениях английского и голландского министров в Берлине об условиях примирения России с Портой. Приложенная дипломатическая переписка свидетельствовала об ужесточении позиции Лондона и его поддержке Пруссии, начавшей приготовления к войне.

1046. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.IV.1790

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 321.
Публикуется впервые.

[1] *Из Вены я получаю столько безделицы, но что касается до разположений королевских и общих мыслей в рассуждении союза нашего, – нет ни слова. Что получил из Варшавы здесь подношу.* – Донесений Голицына из Вены и Штакельберга из Варшавы в деле нет.

1047. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.IV.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 222–223об.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 411–412.

[1] *Ничего на свете так не желаю, как мира, а тогда... не найду нигде охотников наказать Бранденбургского Курфюрста за все его обиды и неправду, и я так уверена, как здесь сижу, что он останется безвреден. Вот как я применяться к обстоятельствам приучилась. Мы выиграем время, колико можно; но, выиграв, об заклад бьюся, что будет ничего, а великодушно скажем: "Бог с ними, что с ними связываться?"* – Весьма прочувствованное и непосредственное признание императрицы, уже 28 лет стоящей во главе Великой державы. Оскорбления, нанесенные России, Екатерина воспринимает, как личное унижение и жаждет достойно наказать оскорбителей (см. ответ Потемкина в письме № 1051).

1048. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

17.IV.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 10–10об.
Публикуется впервые.

[1] *Австрийцы получили чрез капитуляцию Орсову...* – В донесении от 15.IV Потемкин уточнил: "Орсова здалась австрийцам. В ней и в укреплении Св. Елизаветы было турков до тысячи. Капитуляция такая ж, как с Белградом" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 17. Л. 42).

[2] *Генерал-Порутчик Бибиков... ушел,.. не дождавшись утвержу ли я его тамо командиром. Уже месяц, как нет никакого об нем слуху. Я отправил барона Розена принять команду...* – Потемкин сообщал в донесении от 15.IV, что по слухам Бибиков пошел к Анапе, что специальный курьер еще не возвратился и что он приказал Каховскому (командовавшему войсками в Крыму) послать "чрез Таман наведаться и подать способы". В этом же донесении Потемкин еще раз посетовал на несвоевременность смерти везира Газы Хасана, который "много унес с собою нашей пользы. Теперь враждующие нам будут иметь силы у Порты".

Розен Владимир Иванович, фон (1742–1790) – барон, генерал-поручик. За отличия в первой турецкой войне награжден Георгием 4-ой степени. Был женат на двоюродной племяннице А.В. Суворова, который считал Розена смелым и решительным военачальником (см. *СП*. С. 230, 629–630).

1049. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

19.IV.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 227–227об.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 412–413.

[1] *Кажется, вести из Вены удовлетворительны: Король Венгеро-богемский уверяет меня в своих письмах, что он намерен содержать все брата своего обязательства с нами.* – Сменивший Иосифа II Леопольд одновременно зондировал почву для выхода из войны и начал переписку с Фридрихом Вильгельмом II. Прусский король счел это за проявление слабости и повторил требования Пруссии помириться с Портой на условиях статус-кво, прибавив, что, по его мнению, интересы государств, "участвующих в теперешних смутах", можно примирить посредством "уравновешенного обмена" некоторыми территориями (см. *Соловьев*. С. 204).

[2] *Бароциев журнал довольно показывает положение дел.* – Потемкин переслал императрице журнал Бароцци, возвратившегося от везира Газы Хасана (тот еще был жив). В нем отмечалась готовность турок к переговорам.

[3] *Поберегись, Христа ради, от своего турка... у меня в голове опасение, извини меня, чтоб он тебя не окормил. У них таковые штуки водятся, и сам пишешь, что Гассан-паша едва ли не отравлен.* – Очень важное признание роли Потемкина, ставшего ведущей политической фигурой своего времени. Смерть Иосифа II (49 лет), смерть Газы Хасана в разгар переговоров (Потемкин прямо писал к Безбородко: "Я почитаю, что визирь отравлен") – все это заставляло Екатерину быть настороже и предупредить своего мужа о грозящей ему опасности.

[4] *К Фельдмаршалу Румянцеву от меня сего же дня отправлено письмо, где к нему пишу начисто, чтоб выехал из Молдавии либо к водам, либо в Россию, ибо его пребывание вредно моим делам.* – Еще 8.III.1790 Храповицкий отметил, что Румянцев в ответ "на указ, в генваре к нему посланный, по жалобе Князя, будто его пребывание в Молдавии вредные для нас в Польше слухи производят", писал, что "о пребывании его других... слухов не было, как что он тяжело болен или уже умер". Получив новое повеление, фельдмаршал назвал все слухи клеветою, повторил жалобы о своих болезнях и заверил, что он уже приказал везти себя в Малороссийские имения (письмо Екатерины II от 19.IV.1790 и ответ Румянцева от 8.V.1790 напечатаны в журнале "Москвитянин", 1843, № 1. С. 243–244). Только в 1792 г. Румянцев переехал из с. Лазорени в Молдавии в свое имение Ташань на Полтавщине.

1050. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

2.V.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 18.
Публикуется впервые.

Датируется на основании содержания письма. Занятый переговорами об условиях мирного договора с Портой, Потемкин даже забыл поздравить государыню со днем рождения (см. ответ Екатерины в письме № 1054).

1051. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

2.V.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 20–21об.
Публикуется впервые.

[1] *Матушка, Всемилостивейшая Государыня, каких пакостей наделал безбожный Бибиков, дурак, пьяница и трус...* – В письме к Безбородко Потемкин еще более

резок: "Сей негодяй в короткое время все разстроил. Я не знаю, как он оставлен от бывшего командира (И.П. Салтыкова. – *В.Л.*) но ведаю, что естли бы с полным наставлением, как и должно при сдаче команды, то, думаю, чтоб не так скоро он решился напакостить, ибо и бывший начальник не мог делать движения так вдаль без моего согласия. Всего страннее, что сей новый Мазепа побежал, взявши с собою все суммы и остающимся не дал ни копейки,.. он достоин виселицы". (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 200–200об.). Раздражение Светлейшего можно понять: в напряженнейший момент переговоров (при смене везира) любая неудача могла существенно повлиять на их ход. К чести Потемкина, он сумел подавить вспышку гнева и добился снисхождения для Бибикова (см. письмо № 1100).

2 *... нечто похоже на Мазепу.* – Имя малороссийского гетмана, переметнувшегося в разгар войны России со Швецией на сторону врага, было символом коварства и предательства. Недаром Петр I, всецело доверявший Мазепе, придумал для него небывалую награду: был отлит из меди в единственном экземпляре "Орден Иуды" (весом в несколько пудов), который царь мечтал "возложить" на Мазепу. К слову сказать, гетман умер и был похоронен в Бендерах, совсем недавно покорившихся Потемкину.

3 *Изволите писать в письме минувшем Вашем и, кажется, гневно касательно положения дел с Прусским Королем.* – См. письмо № 1047. Достойно внимания упомянуть об обмене мнениями между Потемкиным и Суворовым относительно планов войны против прусского короля (см. *СП*. С. 196, 198 и 603–604).

4 *Визирь новый, кажется, как нарочно выбран, чтобы не мешать миру...* – В донесении от 2.V.1790 говорилось: "На место умершего визиря произведен Шериф Гассан-паша, рущуцкий уроженец, человек небольших достоинств и никогда в делах не бывший. Я знал его отца и его самого в прошедшую войну, после которой был он пашою в Очакове. Хорошо то, что он миролюбивый; но будучи маломощен, не посмеет громко о сем говорить" (Подлинник. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 17. Л. 68). Оценки нового везира подтвердились. Шериф Хасан-паша вел себя нерешительно, фактически сорвал переговоры о мире и после Измаильской катастрофы был умерщвлен по приказанию Селима III.

5 *Я надеюсь, что Булгаков при удобном случае успеет переворотить.* – Булгаков находился в ставке Потемкина в Яссах и только в августе 1790 г. прибыл в Варшаву (посланником, так как поляки настаивали на понижении ранга российского представителя). Обстановка в Польше, за которой внимательно следил Потемкин, несколько изменилась: умножение податей, набор рекрут (согласно союзному договору с Пруссией Польша намеревалась увеличить свою армию), тяжелый финансовый кризис и расстройка в управлении государством – все это порождало недовольство в народе и особенно среди многочисленной рядовой шляхты. Булгаков должен был использовать это недовольство в целях ослабления влияния Пруссии.

6 *Принц Виртембергский, садясь на лошадь, повредил себя, и нет надежды, опричь операции... Я его отпустил.* – Брат великой княгини прибыл в Петербург 28.VI. Впечатление императрицы о состоянии принца Карла см. в письме № 1054. В связи с его болезнью между Потемкиным и великокняжеской четой состоялся обмен письмами. Павел Петрович и Мария Федоровна благодарили Светлейшего за заботу о принце. Отношения императрицы с малым двором оставались весьма натянутыми.

1052. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

12.V.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 15.
Публикуется впервые.

Троица в 1790 г. приходилась на 12 мая.

[1] *Бибиков возвратился, слава Богу.* – Барон Розен рапортом от 18.IV.1790 сообщил о прибытии отряда Бибикова к Римскому редуту на Кубани и о больших трудностях личного состава с продовольствием. Были приняты экстренные меры по снабжению корпуса, прошедшего с боями по трудно проходимой местности более 300 верст. Бибиков, успешно преодолевая сопротивление турок и горцев, попытался сходу взять Анапу, но был отбит. Окруженный со всех сторон, корпус прорвался к своим, вывезя раненых, но потеряв часть обоза и много лошадей. По первым сведениям потери составили 516 человек (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 17. Л. 87–88, 96–104). Вскоре Потемкин переслал новый рапорт Розена (помеченный 21.V), согласно которому из 7 609 человек, выступивших в поход, возвратилось 6 503. Из них раненые и больные составляли 1 096 человек (там же. Л. 28–30).

1053. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

13.V.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 230–231.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 413–414.

[1] *Как они втрое были сильнее, то хотели наши корабли, окружа, корабль за кораблем пленить.* – 2.V.1790 шведский флот (26 линейных кораблей и фрегатов) атаковал на Ревельском рейде эскадру адмирала В.Я. Чичагова (10 линейных кораблей и 1 фрегат). Противник стремился не допустить соединения этой эскадры с Кронштадтской, разбить флот по частям и обеспечить действия своей флотилии в финских шхерах. В сражении шведы потеряли корабль и были вынуждены отступить.

[2] *Теперь Кронштадтский флот пошел на соединение с Ревельским...* – См. письмо № 1057 и примеч. 1 к нему.

[3] *... шведы и турки дерутся в угодность врага нашего скрытного, нового европейского диктатора, который вздумал отымать и даровать провинции, как ему угодно...* – Фридрих-Вильгельм II и его дипломаты пытались использовать войну в своих целях и поживиться за счет других.

[4] *... Шведский Король писал к Шпанскому министру...* – Испанский посланник в Петербурге маркиз Гальвец вступил (по поручению своего двора, услуги которого были приняты Россией) в переписку с Густавом III, зондируя условия прекращения войны. Шведский король не шел на уступки, уповая на прусскую поддержку. Екатерина умалчивает о неудаче отряда гребной флотилии (под командованием капитана бригадирского ранга Слизова), воспользовавшись которой Густав III потребовал сдать Фридрихсгам. "Почти всю ночь не спали, – отмечает 3.V.1790 Храповицкий. – Граф Безбородко плакал".

1054. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

14.V.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 69–70.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 414–415.

[1] *Сие дело несколько похоже на Тотлебеново и Сухотина во время прошедшей войны.* – В 1768 г. было решено послать в Грузию русские войска для помощи царям

Ираклию II и Соломону I. Отрядом командовал генерал-майор граф Готлиб Курт Генрих *фон Тотлебен* (1710–1773), который в конце Семилетней войны был уличен в шпионаже в пользу Пруссии. Его спасла перемена на российском престоле. Действия Тотлебена вызвали недовольство местных правителей и открытое неповиновение войск во главе с бригадиром Александром Николаевичем *Сухотиным* (1726–1805).

[2] *Я писала без гнева, одно мое опасение, что обиды, зделанные Российской Империи, иногда не принимались с тем чувством, которое рвение к достоинству ея в моей душе впечатлело...* – Ответ на слова Потемкина в письме № 1051.

[3] *С другой же стороны дела дошли до крайности, как увидишь из бумаг.* – В рескриптах от 10, 13 и 14.V.1790 (с приложениями дипломатической переписки) императрица извещала Потемкина об ультимативных требованиях прусского короля к России и Австрии. Пруссия, поддержанная Англией, настаивала на заключении мира с Турцией и Швецией на условиях статус-кво, продолжая требовать возвращения Галиции Польше. Король навязывал свое посредничество в мирных переговорах, предлагая собрать конгресс европейских держав. Потемкин был в курсе событий. Еще 2.V австрийский канцлер князь Кауниц извещал его о риске всеобщей войны и трудности противостоять мощной коалиции. Австрийское руководство склонялось к уступкам (за исключением вопроса о Галиции: если и возвращать ее Польше, то пусть возвратят свои доли и Пруссия, и Россия) и соглашалось на участие в мирном конгрессе. Екатерина проявила твердость, заявив, что она предпочитает прямые переговоры с Портой. (*Соловьев*. С. 206).

[4] *Принц Виртембергский приехал и в жалком состоянии.* – 9.VI Гарновский уведомил об операции (паховой грыжи), сделанной принцу Карлу лейб-медиком И.Л. Блоком в присутствии трех других хирургов, среди которых находился Массо, "который почел себе за обиду, что не ему операция досталась". По словам Гарновского Массо был доволен приемом, оказанным ему великокняжеской четой и собирался к отъезду в Яссы в связи с началом новой кампании (*РС*. 1876. Т. XVI. С. 433). Операция, по мнению врачей, прошла успешно и вскоре принц вернулся в армию. Через год он скончался от тяжелой болезни.

1055. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.V.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 24–26об.
Публикуется впервые.

Датируется по содержанию письма и ответа Екатерины II от 8.VI.1790. – № 1057.

[1] *Вы, матушка... милостивы были обещанием деревень покойному Принцу Ангальту.* – 19.IV при атаке шведской позиции при Пардакоске были тяжело ранены генерал-поручик принц Ангальт-Бернбургский и бригадир Байков, которые вскоре умерли. Атака была отбита с большими потерями. В письмах к Потемкину Екатерина умолчала об этой серьезной неудаче. 23.IV Храповицкий записывает: "Плакали о Принце Ангальте. Опасение, чтоб не убили Принца Нассау; присяга Совета о хранении тайны по Прусским делам. При первом разрыве вступят войска наши в Польшу и примкнут к Галиции, следовательно, и к войскам Австрийским". Через несколько дней неудача постигла шведов. Нумсен перешел Кюмень, атаковал самого короля, захватив 17 пушек и до 200 пленных. Денисов преследовал противника и захватил его обоз.

[2] *Граф Ангальт...* – Директор Сухопутного кадетского корпуса, которого императрица отказалась направить в действующую против шведов армию из-за его непомерных требований (см. письмо № 866). Намек Потемкина на "пакостные склонности" графа понятен.

[3] *Пален* Петр Алексеевич, фон дер (1745–1826) – из лифляндских дворян, барон, генерал-майор, заслуживший Георгия 4-ой степени в первую турецкую войну. Командовал одной из 6 колонн при штурме Очакова, награжден Георгием 3-ей степени. Исполняя просьбу государыни усилить армию в Финляндии опытными генералами, Потемкин командировал Палена на север. Пален успешно действовал в кампании 1790 г., после заключения мира со шведами выполнял важные дипломатические поручения (послан к Густаву III представлять интересы России). При Павле I подвергся недолгой опале, был возведен в графское достоинство, имел чин полного генерала и был назначен генерал-губернатором в Петербурге. Сыграл решающую роль в устранении Павла I и возведении на престол его сына. Вскоре после переворота Александр I удалил Палена из столицы. Граф жил в своем имении в Прибалтике. Два его сына стали видными генералами и доблестно сражались в 1812 г. против Наполеона. Вспоминая время Екатерины Великой, Пален отзывался о Потемкине, как о "безусловно гениальном человеке".

[4] *... я предложил, чтобы... во время войны до Фельдмаршала мундиры бы носили из сукна солдатского! Вы похвалили, и я сегодня, одевшись так, всем офицерам приказал то же зделать... Похвалите меня за это в письме, а я покажу, то и генералы все оденутся.* – Современники любили вспоминать о мундире Потемкина, украшенном алмазами, в котором он появился на знаменитом празднике в Таврическом дворце. Никто не вспомнил о мундире из солдатского сукна. Это могло бы считаться одной из причуд Светлейшего. Между тем, такая простая мера уменьшила издержки на "построение" офицерских мундиров и спасла многим офицерам жизнь: противник в бою старался выбить прежде всего командный состав, заметно выделявшийся среди нижних чинов своим обмундированием.

[5] *Хорошо, ежели бы Алопеуса взять из Берлина... – Алопеус* Максим Максимович (1748–1822) находился в столице Пруссии с особым заданием, не имея официального дипломатического ранга. Через него шли важные переговоры с представителями правящих кругов. Возможно, Безбородко сообщил Потемкину о своих подозрениях (он прямо обвинял Алопеуса в предательстве – см. *СБРИО*. Т. 29. С. 126). Впоследствии Алопеус был полномочным министром в Берлине (1795). Действительный тайный советник.

[6] *Таков ли мягкий Васильчиков... – Васильчиков* Григорий Алексеевич (ум. в 1838) – офицер-кавалерист, в службе с 1765 г. В кампании 1790 г. командовал преображенцами в боях против шведов. Впоследствии генерал-лейтенант.

[7] *Марков* (правильно *Морков*) Ираклий Иванович (ок. 1750–1829) – боевой офицер, полковник, кавалер Георгия 4-ой степени. Участник штурма Очакова. Императрица уважила представление Потемкина и Морков был пожалован в секунд-майоры лейб-гвардии Преображенского полка. По окончании войны со шведами он вернулся на юг и отличился при штурме Измаила, командуя 3-ей колонной. Наградой стал Георгий 3-ей степени. За отличия в войнах против поляков получил Георгия 2-ой степени; впоследствии генерал-лейтенант, граф. Участник Бородинского сражения.

1056. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.V.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 22.
Публикуется впервые.

1057. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.VI.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 232–234об.
Публикация – *PC*, 1876, ноябрь. С. 415–417.

[1] *Когда шведы узнали, что Круз с флотом вышел из Кронштадта, они вздумали помешать соединению обеих эскадр и... атаковали Кронштадтскую эскадру 23 маия без всякого успеха.* – Речь идет о морском сражении у Красной Горки 23–24.V.1790. Не добившись успеха, шведский флот отступил. Когда же противник узнал о подходе эскадры Чичагова, шведский корабельный флот вошел в Выборгскую губу с целью прикрыть свою флотилию.

[2] *... естьли Бог поможет, то, кажется, что из сей мышеловки целы не выйдут.* – Шведские флот и флотилия оказались запертыми в Выборгском заливе. 28.V. Храповицкий отмечает: "С малой свитой поехали к обеду в Петергоф. Чичагову предписано атаковать и истреблять Шведский флот, а Графу Салтыкову напасть на десанты, ибо Король намерен отрезать дорогу между Петербурга и Выборга". На следующий день императрица посетила Кронштадт и даже хотела "ехать во флот", чтобы побудить моряков к решительным действиям. Таково было нетерпение Екатерины, мечтавшей поквитаться со своим вероломным двоюродным братом.

[3] *Милосин...* – Очевидно, Мелиссино Алексей Петрович (1761–1813), сын директора Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса генерала П.И. Мелиссино.

[4] *Хрущев* Алексей Иванович (ум. в 1805) – генерал-майор. Направлен Потемкиным в Финляндскую армию по просьбе императрицы, желавшей иметь опытных боевых командиров. Впоследствии генерал от кавалерии.

[5] Владетелем княжества Ангальт-Бернбург-Шаумбург был принц *Карл Людвиг*, старший брат погибшего генерал-поручика принца Виктора Амадея.

1058. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.VI.1790

Местонахождение подлинника неизвестно.
Публикация – *PC*, 1876, ноябрь. С. 417–418. Датируется по содержанию письма, которое является ответом на предыдущее письмо Екатерины II.

[1] *Давно уже написав мое отправление, ожидая всякий день возвращения из посланных моих к визирю; получа перевод теперь, подношу копию с письма визирского.* – Потемкин задержал отправление донесения (от 6.VI.1790) не из-за перевода письма везира Шериф Хасана от 31.V. Сообщая императрице о благоприятных новостях – готовности послать на переговоры полномочных из Царьграда с инструкциями (для цесарцев еще сочиняются), – Потемкин требовал от везира решительного ответа о сроке прибытия полномочных и направил к нему опытного дипломата С.Л. Лашкарева. "Ежели они станут торговаться, – говорилось в наставлении Лашкареву, – то наотрез сказать, что подтверждение старых трактатов и граница по Днестр – последняя черта наших требований. Условия при возвращении Молдавии не важны будут; Шведам мир доставится в уважение дружбы с Портою, без всякого от них приобретения" (*PA*, 1884, № 3. С. 27).

[2] *О брате его я все приложу попечение зделать его годным в военном звании, в котором проведу чрез все наши мытарства. Не упущу ничего к его добру, а баловать не буду.* – Отправляя Валериана Зубова снова в армию на юг, Екатерина просила "иметь о нем попечение" (конец письма № 1057). Ответ Потемкина не нуждается в комментарии.

1059. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

19.VI.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 17–17об.
Публикуется впервые.

[1] *Так испортил глупый Кобурх, что и поправить трудно, наипаче для них.* – Войска принца Кобурга осадили крепость Журжу на Дунае. Гарнизон в несколько раз уступал силам осаждающих, но турки сделали вылазку и застали австрийцев врасплох. Потеря убитыми и пленными составила до 1 тысячи человек (в их числе 2 генерала), были оставлены 24 пушки и мортиры. Кобург запросил помощи и Потемкин приказал Суворову с его корпусом перейти р. Серет и подвинуться к Фокшанам (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 8–8об. Донесение Потемкина от 18.VI.1790).

1060. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.VI.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 235–236об.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 418–419.

Это письмо послано вместе с рескриптом (от 29.VI), в котором подробно изложен ход и результаты Выборгского морского сражения. Шведский корабельный флот понес большие потери, но большей части кораблей и флотилии удалось прорваться.

[1] *Слизов* Петр Борисович – капитан бригадирского ранга. В службе с 1749 г. Участник Семилетней войны и Архипелажской экспедиции. В Чесменском сражении едва не погиб, находясь на взорвавшемся "Св. Евстафии". С началом войны со шведами командовал шхерным отрядом и флотилией. Сменен принцем Нассау. За 1-ое Роченсальмское сражение награжден Георгием 4-ой степени. Впоследствии капитан генерал-майорского ранга.

[2] *Повалишин* Илларион Афанасьевич (ок. 1739–1799) – контр-адмирал. Сменил Фон-Дезина во главе Копенгагенской эскадры. За участие в Выборгском сражении награжден Георгием 2-ой степени. Впоследствии адмирал.

[3] *Ханыков* Петр Иванович (1744–1813) – контр-адмирал. За Ревельское морское сражение награжден Владимиром 2-ой степени, за Выборгское – Георгием 3-ей и золотой шпагой. Впоследствии адмирал.

[4] *Пушкин* – вице-адмирал Алексей Васильевич *Мусин-Пушкин* (в службе с 1746). Участник Семилетней войны. Служил главным образом на Балтике и на Белом море. Один из флагманов Балтийского флота с 1789 г. За Ревельское сражение награжден золотой шпагой. Впоследствии адмирал. Уволен от службы в 1800 г.

[5] *... чево они взяли и разбили – прошу прочесть также.* – Потери шведов составили 8 линейных кораблей, 6 фрегатов, 2 брандера, несколько галер. Убито до 3 тысяч, пленено до 5 тысяч человек (среди них контр-адмирал и до 200 офицеров).

[6] *Кровн* – правильно *Кроун* Роман Васильевич (1754–1841) – капитан 2-го ранга. Шотландец, перешедший в 1788 г. на русскую службу из британского флота. За отличия в кампаниях против шведов награжден Георгием 4-й степени и золотой шпагой. Впоследствии адмирал.

[7] *Король – сказывают розно...* – Гарновский в письме к Попову (от 1.VII.1790) сообщает, что именно Густав III настоял (вопреки мнению моряков) на прорыве, чтобы спасти флотилию даже ценой потери корабельного флота. Во время сражения след его потерялся. Несколько иронично Гарновский пишет о том, что "заперши шведские флоты в Выборгской бухте, мы все уверены были, что ни одно шведское

судно не уйдет из рук наших" и рассказывает о плане капитана 1-го ранга Джеймса Тревенена (погибшего в сражении) – закрыть один из выходов (затопив старые корабли) и сосредоточить все силы у другого. Чичагов не согласился. Гарновский писал это после тяжелого поражения флотилии Нассау при Роченсальме 28.VI.1790, а по горячим следам Выборгского сражения Екатерина обсуждала с Безбородко вопрос, что делать с королем, если он попадется в плен.

8 ... *обрадовал тебя Чичагов еще раз...* – За Выборгское сражение Чичагов был награжден Георгием 1-ой степени, став первым и единственным моряком, имевшим эту награду за всю историю Военного ордена.

9 ... *переговоры доныне еще идут в Рейхенбахе.* – 9/20.VI.1790 в Рейхенбахе, в Силезии открылась конференция (конгресс), задуманная англо-прусской дипломатией. Австрия под нажимом союзников Порты согласилась на посредничество Англии и Пруссии в выработке условий мирного договора с турками. Россия отказалась от "посредничества" и продолжала настаивать на прямых переговорах.

1061. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.VII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 237–238.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 419–420.

1 *Сего утра получила твои письмы из Кокотени от 18 и 23 июня. Вижу я из оных, что полномочные из Царяграда после Байрама отправятся...* – Среди многочисленных донесений от 18 и 23.VI Потемкин послал и донесение, составленное 6.VI, в котором он писал (сославшись на свои каналы, а не на сообщения везира), что первым полномочным "назначен Ибраим Мениб–Эфенди,.. султанский фаворит,.. что после Байрама, конечно, полномочные выедут" (со ссылкой на письмо турецкого министра иностранных дел к везиру), (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 17. Л. 168–168об.). Но везир, узнав об открытии конгресса в Рейхенбахе, решил выждать его результатов и тянул время. 28.VI в письме к нему Потемкин потребовал возвращения Лашкарева и сообщил о своем приказании находящемуся при нем Капуджи Баше Бекир-аге отправиться восвояси (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 77).

2 *Союзник, каков ни есть, но без него еще тяжелее быть может, ибо законы принять от Прусского Короля мне не сродно, а России – еще менее.* – Это пишется в часы, когда императрица уже знает о тяжелом поражении флотилии Нассау. "В 3 часа по полуночи, – записывает 1.VII Храповицкий, – прискакал Турчанинов, разбудил Графа Безбородко. Таятся и невеселы для того, что 28-го числа Принц Нассау, атаковав Шведов в Роченсальме, потерял прамы, 8 галер, 4 фрегата да и свою голову; к сему случаю прибавила беды буря". 2.VII "Продолжают писать примечания на книгу Радищева, а он, сказывают, препоручен Шешковскому и сидит в крепости". Кажется, ни один из комментаторов и авторов, писавших о судьбе Радищева ("первого, по словам В.И. Ленина, русского революционера"), не удосужился обратить внимания на такой очевидный факт, как гром вражеских орудий в непосредственной близости от Петербурга. Выпуск в свет анонимно книги, призывающей к истреблению правящего класса – дворянства, был не столько актом гражданского мужества мыслителя-идеалиста, сколько актом предательства. 7.VII Храповицкий записывает в "Дневнике": "Примечания на книгу Радищева посланы к Шешковскому. Сказывать изволила, что он бунтовщик, хуже Пугачева..." См. ответ Потемкина на слова Екатерины о союзниках в письме № 1064.

1062. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.VII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 28–28об.
Публикуется впервые.

[1] *Король Венгерский трактует с Королем Прусским. Чтобы они не оставили нас одних в игре, ибо ничего сюда не сообщают.* – Среди донесений от начала июля находится собственноручная записка Потемкина – его отклик на доходящие сведения из Рейхенбаха. "Союзники наши... при всяких для них добрых случаях искали мир делать особо, а в несчастливых обстоятельствах жались к нам и настояли, чтоб мы делали все заодно. Ныне весьма скрытно сладили с пруссаками и Бог весть на каких условиях... должно меня разрешить на всякий случай, что я должен делать, ежели Берлинский двор успеет Порту принудить, как уже известно, на уступку Баната, прекрасной земли, состоящей из 5 уездов, с Орсовою, а нам еще и степь спорить будут. Но естли бы Турки не согласились мириться с такими пожертвованиями, то, поддерживая австрийцев, терять ли тысячи русских душ для их пользы... На случай, естли с австрийцами особо турки помирятся, следует уже нам сократить линию локального театра, тогда прижаться к своим границам, которую я почитаю между Буга и Днестра (главный пункт Бендеры), препятствовать соединению с поляками, для того главные силы разположить по их границе... В случае возвращения туркам Хотина, вступиться ли мне противуречить по резону, что турки сдали сию крепость вообще и нам" (*Автограф. – РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 85–86).

1063. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

13.VII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 6–6об.
Публикуется впервые.

[1] *Получил я от посла нашего из Вены копию с его донесений... Но он не знал, что делалось: у австрийцев с Прусским Королем уже слажено было, как изволите усмотреть из записки моего корреспондента.* – Потемкин, которому было предоставлено право давать наставления российским послам, имел в европейских столицах и свои надежные каналы для получения важной информации. Приложений не обнаружено. В Рейхенбахе австрийцы согласились заключить мир с Портой на условиях статус-кво, но прусская дипломатия потерпела жестокое фиаско. Англия не поддержала прусских претензий на получение земель в Польше за счет уступки австрийцами полякам части Галиции. Австрийцев должна была вознаградить Порта. Английский представитель заявил, что если Пруссия объявит войну Австрии (после сделанных последней уступок), то будет воевать одна, без Англии. (*Соловьев*. С. 207).

[2] *Я подвинул Генерала Суворова по дороге к Букарешту.., хотя сие во многом разстраивает пользу дел Вашего Императорского Величества.* – Поскольку мир с турками еще не был заключен, принц Кобург опасался активизации действий прстивника и просил Потемкина о поддержке.

1064. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

13.VII.1790

Автограф. *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2115. Л. 9.
Публикуется впервые.

Ответ на слова Екатерины II в письме № 1061.

1065. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

17.VII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 239–240.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 420–421.

[1] *Дай Боже, чтоб турки нашим флотом от предприятья на Тавриду отражены были, подобно как шведы при выходе из Выборгской бухты...* – Прошло две с половиной недели после Роченсальмского поражения флотилии Нассау-Зигена и Екатерина решается написать об этом Потемкину. Она предваряет неприятное известие напоминанием о Выборгской победе и выражением надежды на успех Черноморского флота.

[2] *... по отправлении твоих писем от 5 июля...* – 5.VII помечены несколько донесений Потемкина и его доклад о способах переформирования морских батальонов в полки, которые сверх пехотной службы должны быть обучены "матрозству".

[3] *Но после сей прямо славной победы, шесть дней [спустя], последовало нещастное дело с гребной флотилиею, которое мне столь прискорбно, что после разнесения Черноморского флота бурею при начатии нынешней войны, ничто столько сердце мое не сокрушило, как сие.* – Императрица мужественно пережила тяжелое поражение, которое пришлось на ее праздник – день восшествия на престол. Нассау упустил возможность поразить флотилию в день Выборгского сражения и старался атаковать корабельный флот. Он переоценил свои силы и начал атаку 28.VI, несмотря на противный ветер, чтобы сделать подарок к торжественному дню. Шведы имели выгодную позицию и буквально расстреливали суда флотилии, безрассудно бросаемые в атаку принцем. Всего было потеряно до 55 судов флотилии и более 4 000 человек. В отчаянии Нассау послал Екатерине II полученные им за победы на Лимане и на Балтике ордена. Императрица вернула их ему, написав в полном достоинства письме, что она "не забыла, что принц семь раз был победителем на юге и на севере". 3.VII отмечает Храповицкий, государыня написала Безбородко, "чтоб взяли пример с покойного Короля Прусского, бывшего не раз множеством окруженным". См. примеч. 4.

[4] *20 июля барон Игельстром будет иметь свидание с обер-камер-юнкером Армфельдом.* – По русской поговорке "нет худа без добра" победа шведов при Роченсальме дала Густаву III возможность сохранить престиж и благополучно выйти из не сулившей никаких лавров войны. Он пытался требовать территориальных уступок в Финляндии, но Екатерина твердо заявила, что он должен подтвердить мирный договор, заключенный в 1743 г. в Або, иначе она прерывает переговоры. После свидания с Армфельтом Игельстром поспешил донести, что "к миру надежда есть".

1066. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

20.VII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 13–14.
Публикуется впервые.

Датируется на основании донесения от 20.VII о победе Ушакова, отправленном вместе с данным письмом. Донесение хранится в *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 101–104об.

[1] *... не мог я изъяснить всей радости, какую я чувствовал одержанной Богом победе.* – Потемкин пишет о Выборгском морском сражении, еще не зная о поражении флотилии Нассау.

[2] *Здесь не получено в добычь судов, но бой был жесток и для нас славен тем паче, что и жарко, и порядочно Контр-Адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее, у которого были учители...* – Сражение 8.VII в Керченском проливе началось в 12 часов пополуночи и продолжалось до 5 часов пополудни. Турецкий флот (10 линейных кораблей, 8 фрегатов и 36 других судов) потерпел жестокий урон от русских пушек и бежал, используя более быстрый ход своих кораблей. Ушаков имел 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 15 других судов. Потемкин отдал должное мужеству моряков и их предводителя (его характеристика адмирала, которого он сравнивает с прославленными английскими флотоводцами того времени, никогда не публиковалась и неизвестна биографам Ушакова). В коротком представлении от того же 20.VII Потемкин испрашивал для контр-адмирала орден Св. Владимира 2-ой степени.

[3] *Знающ, как Гоу, и храбр, как Родней.* – Эта оценка Ушакова приводится впервые. О Гоу см. примеч. к письму № 838; о Роднее – к письму № 622.

[4] *А турки, между тем, упрямятся, по морю ходя, а я к осени – к ним.* – Настойчивость Потемкина в наращивании морских сил на Черном море начала приносить плоды. Если в кампании 1789 г. турецкий флот еще мог свободно маневрировать, полагаясь на свое превосходство, то первое же сражение 1790 г. показало противнику, что инициатива перешла к севастопольцам. План Потемкина блестяще осуществил Ушаков, одержавший 28–29.VIII.1790 решительную победу в сражении у о. Тендра.

1067. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.VII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 241–242об.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 421–422.

[1] *Дарованная нам от Бога над турецким флотом победа, о которой ты краткую записку приложил при отправлении твоих писем от 13 июля, меня много обрадовала.* – 13.VII.1790 помечены два письма и два донесения Потемкина (опубликованы в *СБРИО*. Вып. VIII. С. 111–112), в которых он сообщал о соглашении, заключенном австрийцами с пруссаками в Рейхенбахе. Возможно, он задержал курьера с этими донесениями, так как узнал о победе Ушакова только 16.VII (См. *УД*. Т. I. С. 239). "Краткая записка" о победе над турецким флотом не разыскана.

1068. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

27.VII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 105.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 537.

Ответ на письмо от 13.VII.1790 – № 1064.

1069. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 41.
Публикуется впервые.

[1] *... как то Ланжероны, Родригесы, Де Сурсы, Цуккаты и, наконец, Де Стадт – сколь от них огорчаться должны русские, какому же теперь и унынию должно быть в*

той части. – Из перечисленных волонтеров-иностранцев более других известны в отечественной истории граф Александр Федорович *Ланжерон* (1763–1831) и итальянец граф Егор Гаврилович *Цукато* (ум. в 1810). Первый покинул охваченную смутой Францию, сражался против шведов, получил Георгия 4-ой степени и с рекомендательным письмом императрицы отправился в армию Потемкина. Отличился при штурме Измаила. При императоре Александре I сделал блестящую карьеру. Участник войн против Наполеона, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Новороссии. Второй с отличием сражался под знаменами Суворова в Польше и Италии, дослужился до чина генерал-майора. Ланжерон оставил интересные воспоминания, лишь частично переведенные на русский язык. Цукато в 1794 г. обращался к Суворову с просьбой разрешить написать о нем книгу, но не написал ее.

[2] *Здесь дела теперь иной во всем берут вид от окончания австрийских негоциаций: Суворов с корпусом не может остаться в Букарештах, ибо все на него навалится.* – 20.VII.1790 Суворов донес Потемкину о получении письма принца Кобурга, сообщавшего о намерении турецкий армии переправиться через Дунай и просившего о поддержке. Корпус Суворова подвинулся к Бухаресту. Но 31.VII Потемкин уведомил генерала об изменении обстановки. "Вот, мой милостивый друг, – писал он, – австрийцы кончили. Пруссаки домогаются, чтоб и вспомогательного корпуса нам не давать, да я думаю и успеют. Слышно, что букарестскому корпусу будет повелено иттить восвояси. Что курьер приедет, то Вы в свое место" (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 127). Хорошо поставленная разведка позволила Суворову узнать о выходе австрийцев из войны еще 30.VII. 4. VIII его корпус начал отход на север.

1070. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 40.
Публикуется впервые.

[1] *Полученное... письмо за письмом от Барона Аша из Варшавы и от Александры Васильевны здесь подношу.* – Барон *Аш* Иван Федорович (1726–1807) – русский дипломат, информировал Потемкина о положении в Польше. Впоследствии тайный советник. Аш и графиня Браницкая прислали какие-то важные сведения. Возможно, они сообщали о слухах в Польше, будто бы Потемкин сам претендует на польский трон и хочет свергнуть короля.

[2] *Поспешно Г[осподина] Де Больи уведомил. – Де Больи (Деболи)* Антони Августин (1747–1810) – последний полномочный министр Речи Посполитой при петербургском дворе (с 1780). Женился на русской – княжне Голицыной. Во время восстания Т. Костюшко (с которым он учился в рыцарской кадетской школе) уже отозванный из России Деболи уехал сначала на Волынь, затем в Австрию. О состоянии дел в Польше дает представление письмо Потемкина Безбородко: "Поляки теперь, пока Сейм, не будут наши. Король пруссакам предан и двор Его подкуплен даже до поваров. Я бы знал как, но видно, что не должно мне мешаться. Неужели я в подозрении и у вас. Простительно слабому Королю думать, что я хочу Ево места. По мне – черт тамо будь. И как не грех, ежели думают, что в других могу быть интересах, кроме Государственных" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 207).

1071. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

5.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 243–244.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 422.

[1] ***Сего утра я получила от барона Игельстрома курьера, который привез подписанный им и бароном Армфельдом мир без посредничества – 3 августа.*** – "Довольны, в церкви отправлено молебствие, – записывает 5.VIII Храповицкий,.. – тем более довольны, что ни Англичане, ни Пруссаки сего не знают..." Шведский король согласился на мир, получив сведения о рейхенбахской договоренности австрийцев заключить с турками мир на условиях статус-кво. Русская дипломатия воспользовалась этим и убедила короля (ссылавшегося на верность своим союзническим обязательствам перед Портой) в том, что и мир России с Турцией близок и что его условия очень умеренны. Екатерина обещала королю денежную субсидию с тем, чтобы он мог освободиться от тяготивших его обязательств относительно Пруссии.

[2] ***Пришли... скорее расписку Очаковского паши о получении денег, от турок пересланных к нему...*** – Ответ Потемкина помечен 10.IX. "Присланные от Султана паше Очаковскому и тефтердарю деньги в свое время им доставлены. Расписки их, тоже и письмы с кратким их переводом всеподданнейше подношу..." (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 19. Л. 119). Плененные в Очакове Хуссейн-паша и его казначей (тевтердар) получили посланные им деньги.

1072. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 245–246.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 422–423.

[1] ***Сегодня разменяют в Вереле ратификации мирные со шведом...*** – "Шведская ратификация привезена в Царское Село вскоре после обеда, – отмечает 11.VIII Храповицкий. – Доклад о Радищеве; с приметною чувствительностию приказано разсмотреть в Совете, чтоб не быть пристрастною и объявить "дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю". С.Н. Глинка приводит в своих воспоминаниях беседу с сыном Радищева (офицером, окончившим кадетский корпус, куда он был помещен на казенный счет после ссылки отца) и делает интересное примечание. «В сильной вылазке против Князя Григория Александровича он представил его каким-то восточным сатрапом, роскошествующим в великолепной землянке под стенами какой-то крепости. По этому случаю Князь Таврический писал к Екатерине: "Я прочитал присланную мне книгу. Не сержусь. Рушеньем очаковских стен отвечаю сочинителю. Кажется, матушка! он и на Вас возводил какой-то поклеп. Верно и Вы не понегодуете. Ваши деяния – Ваш щит". Екатерина не сердилась, но сказала: "Грех ему! что я ему сделала? Я занималась его воспитанием; я хотела сделать из него человека, полезного Отечеству". Екатерина о нем жалела; но настоятельство других лиц, на которых он бросил стрелы в книге своей, было причиною его изгнания...» (*РВ*, 1842, № 7–8. С. 17–18). Письма, на которое ссылается Глинка, обнаружить не удалось. Возможно, автор воспоминаний передает дошедшие до него слухи о беседе Потемкина с императрицей весной 1791 г. Брат Радищева (таможенник в Архангельске) писал 7.V.1791 графу А.Р. Воронцову (начальнику сочинителя) о том, что он получил известие из Петербурга, в котором говорилось, "что несчастному брату моему дана свобода и что послан к нему курьер, дабы он

возвратился. Сия Монаршая милость исходатайствована Князем Григорием Александровичем. Я сие доношу Вашему Сиятельству для того, что ни от кого достовернее о нашем благополучии известия получить не могу" (*АКВ*. Кн. 5. С. 402).

2 *... курьер отправляется к тебе, чтоб тебе сообщить сюда присланные, по-моему постыдные, декларации, размененные в Рейхенбахе.* – Уступки, которые сделал Леопольд II, на фоне успеха, достигнутого Екатериной, действительно можно было считать "постыдными".

3 *... предписываю тебе непременно отнюдь не посылать никого на их глупый конгресс в Букарест...* – Участники рейхенбахского конгресса решили собраться в Бухаресте на новый конгресс, куда приглашалась Турция и Россия. См. ответ Потемкина на это предупреждение в письме № 1075.

4 *... Пл[атон] Алек[сандрович] мне отдал Сартиевы хоры. Два очень хороши, а "Тебе Бога хвалим" – жаль, что в церкви петь нельзя по причине инструмента – он всего искуснее.* – В ответ на просьбу (письмо № 1020) Потемкин переслал через П.А. Зубова хоры к "Олегу", написанные Сарти. Лучший из них – "Тебе Бога хвалим" – был написан с оркестровым сопровождением и не мог исполняться в православной церкви.

5 *Hertzberg dit à qui veut bien l'entendre qu'il est, lui, accablé de chagrin...* – Герцберг был взбешен провалом прусских планов, на которые он рассчитывал, собирая конгресс в Рейхенбахе. Он обвинял Луккезини, заверявшего о согласии поляков уступить Данциг и Торн в обмен на возвращение от Австрии части Галиции; уверял (по возвращении в Берлин) Алопеуса "в своей честной игре", пытаясь добиться от России поддержки в вопросе о Данциге и Торне, обещая помочь в переговорах с турками в приобретении Очакова. Русское правительство проявило твердость и принципиальность и не пошло на соглашение с Пруссией. (См. *Соловьев*. С. 208).

1073. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.VIII. 1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 38.
Публикуется впервые.

1 *Последний мой термин с возвращением Лашкарева, который ответа от Султана к визирю ожидает.* – В ордере Лашкареву от 16.VIII Потемкин, сообщив о подписании вечного мира со Швецией, писал: "Визирь говорил вам о перемирии. На что оно, когда мы мир сделать готовы? Кондиции, которые я предложил, суть крайние и маловажные. Ежели они хотят быть чистосердечны, то все кончится вскорости; ежели ответ замешкается, то долго не ожидайте, ибо я терпеть не буду..." (*РА*, 1884, № 3. С. 27–28).

2 *... не оставил бы я просить о милостивом воззрении на Графа Безбородку.* – В связи с ожидавшимися награждениями по случаю окончания войны со шведами Потемкин ходатайствовал о Безбородко, который играл неоценимую роль в делах. Екатерина пожаловала Безбородко в действительные тайные советники.

3 *Булгаков крайне нужен...* – В письме к Безбородко Потемкин напоминал: "Булгакова нет еще в Варшаве. Чрез сие упустятся случаи к приобретению на нашу сторону лиц, которые нам были столь вредны и которые начинали уже колебаться. Я не знаю, должен ли я ему что сообщать, а без дозволения слова не молвлю... Сейм и замешательство синонимы, пусть путаются. Обещать им гарантию на владения, а

отнюдь не на законы, они будут наши. В протчем, что лутче, то и делайте. Вспомните только, что я предписаниями зделал обсервационным: большая часть и лутчая войск обращена быть наготове" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 213–213об.).

1074. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

18.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 37.
Публикуется впервые.

1075. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

29.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 30.
Публикуется впервые.

1076. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 251–254.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 424–426.

[1] *От Короля Шв[едского] сюда едет Ген[ерал] Стединг, а я посылаю фон дер Палена на первый случай.* – Густав III, рассыпавшийся в письмах к Екатерине в любезностях, направил посланником в Россию барона *Стединга* (Штединга) Курта Богислава-Людвига-Христофора (1746–1836), одного из самых способных шведских генералов, блестяще зарекомендовавшего себя в минувшей войне. Впоследствии от стал графом и генерал-фельдмаршалом. В Швецию был направлен барон фон дер Пален, не менее доблестно сражавшийся в кампании 1790 г. 22.VIII Храповицкий записал примечательные слова императрицы о шведской войне: «"Я правила всем, как командующий Генерал, и много было забот"... я напомнил о намерении с резервным корпусом итти к Осиновой роще. "Да, буде бы нужда потребовала, в последнем баталион-каре сама бы голову положила. Я никогда не трусила... Но заметила Графа Ивана Петровича Салтыкова и никогда его не употреблю"».

[2] *...часто, мой друг, чувствую, что во многих случаях хотелось бы с тобою говорить четверть часа.* – Важное признание.

[3] *Булгаков уже должен теперь быть в Варшаве.* – 28.VIII.1790 Булгаков известил Потемкина о своем прибытии в польскую столицу в качестве нового посланника России.

[4] *Завтра в день Святаго Александра Невского кавалеры перенесут мощи его в соборную того монастыря церковь и ее освятят в моем присутствии.* – Троицкий собор Александро-Невского монастыря был сооружен по проекту любимого архитектора Потемкина И.Е. Старова. Им построен для князя дворец, названный впоследствии Таврическим.

1077. ЕКАТЕРИНА II– Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 250.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С.426.

1078. ЕКАТЕРИНА II– Г.А. ПОТЕМКИНУ

29.VIII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 272.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 102.

1079. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 55–56.
Публикуется впервые.

[1] *Бог даровал победу и другую над флотом турецким, где он совершенно разбит.* – Контр-Адмирал Ушаков 30.VIII писал Потемкину с борта флагманского корабля "Рождество Христово" (до марта 1790 назывался "Иосиф II"): "От истинного усердия имею честь поздравить Вашу Светлость с победою, одержанною Черноморским флотом сего августа 28 и 29 чисел над флотом неприятельским, со взятием одного 66-пушечного корабля и лансона, также Адмиральский корабль был взят в плен, но весьма разбит и загорелся, отчего и подорвало. Адмирала трех-бунчужного пашу Саит-бея с его капитаном и прочими чиновниками при сем препроводить честь имею, флаги кормовые, несколько раз переменяемые, сбиты во время бою, а стеньговый на упавшей мачте погруз в воду и взять не успели..." (*УД*. Т. 2. С. 294–295).

[2] *Считаю, что уже он и пожалован капитан-пашою.* – Взятый в плен Саит (Саид)-бей был полным адмиралом (по европейским меркам), но капитан-пашою был Хусейн-паша. Правда, бывший капитан-паша Газы Хасан при назначении его верховным везиром добился от султана чрезвычайных полномочий и назначил капитан-пашой Юсуфа (бывшего везира). Но Селим III отказался утвердить эту перемену.

[3] *Капитан взятого корабля также храбрейший, и тот убит из пушки.* – Захваченный 70-ти пушечный турецкий корабль именовался "Мелеки-Бахри". Капитан был убит в сражении. Потонул "80-пушечный главнейший корабль во флоте турецком" – "Капитания". "Мелкие суда большею частию потоплены; взяты большая батарея, бомбарда, бригантина ... большая часть кораблей так разбиты, что трудно им дойти до места, наипаче по восставшему шторму при их побеге", – писал Потемкин в донесении от 5.IX. Р. Скаловский в своей книге "Жизнь адмирала Ф.Ф. Ушакова" на с. 126 указывает, что во время бегства потонул 74-пушечный корабль и несколько мелких судов (См. *УД*. Т. 1. С. 315).

[4] *Он достоин ордена 2-го класса Военного, но за ним тридцать душ, и то в Пошехонье. Пожалуйте душ 500, хорошенькую деревеньку в Белоруссии, и тогда он будет кавалер с хлебом.* – См. ответ Екатерины в письме № 1085.

[5] *На сухом пути на сих днях два корпуса двинутся к Татарбунару, и я их уже тамо найду.* – Переговоры с везиром зашли в тупик не по вине Потемкина. Турки были ободрены рейхенбахскими декларациями и намерением Пруссии и Англии созвать новый конгресс в Бухаресте. После побед флота Потемкин начал приготовления к кампании на суше. "Полки от Аккермана, Паланки и Бендер, – доносил от 10.IX. 1790, – завтре выступают к Татарбунару, где и составится под командою Генерала и Кавалера Барона Меллера-Закомельского корпус из 16 баталионов пехоты и большого числа конницы, куда и я, возвратясь, поеду. Корпус Генерал-порутчика и Кавалера Потемкина по соображению обстоятельств возьмет движение. Тоже и Генерал Граф Суворов-Рымникский с Его и резерфным корпусами" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 19. Л. 116–117). Начиналась задуманная Потемкиным Нижне-дунайская

операция, в которой принимали участие сухопутные войска, гребная флотилия и большой корабельный флот. Суворов с двумя корпусами занимал позиции у Галаца на Дунае и должен был перехватить армию везира в случае ее попытки форсировать реку.

[6] *Львов* Михаил – питомец Морского кадетского корпуса. С 1775 г. в плаваниях, с 1788 г. генеральс-адъютант Потемкина. В кампании 1789 г. командовал кораблем "Св. Николай". Впоследствии капитан 1-го ранга.

[7] *Поскочин* Федор Васильевич – капитан 2-го ранга. Питомец Морского кадетского корпуса. С 1774 г. в плаваниях. В сражениях в Керченском проливе и у о. Тендра командовал кораблем "Св. Георгий Победоносец". Награжден чином капитана 1-го ранга и Военным орденом 4-ой степени. Впоследствии контр-адмирал.

1080. ЕКАТЕРИНА II– Г.А. ПОТЕМКИНУ

8.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 255.
Публикация – *РС*, 1876, ноябрь. С. 426.

1081. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.IX. 1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 59–60об.
Публикуется впервые.

[1] *Двинская армия одна должна быть с частью, что в Белоруссии...* – Войска, собираемые для защиты западных границ, состояли из двух корпусов (армий): Двинской (в Лифляндии под Ригой) и Белорусской (под Могилевом). Потемкин считал, что они должны находиться под главным командованием одного генерала.

[2] *Я писал к Булгакову, чтоб ловить на нашу сторону Маршала Лит[овского] Потоцкого и Сапегу с матерью.* – Маршалом Литовским был граф Игнаций *Потоцкий* – один из самых рьяных ненавистников России и поборников польско-прусского союза. Князь Казимеж Нестор *Сапега* (1750–1797) в 1788 г. был маршалом Сейма и одним из вождей так называемой патриотической партии, последовательный противник России. В 1794 г. он был капитаном артиллерии в армии Т. Костюшко и после поражения восстания эмигрировал. Умер в Вене.

3 *Малаховский* Станислов (1736–1809) – видный деятель 4-летнего Сейма. В 1788 г. избран маршалом Сейма. Как и Сапега, и Потоцкий, он был сторонником пропрусской ориентации. С 1792 г. жил в Вене.

[4] *Довольно я имел, но нет места, где б приятно мог я голову приклонить. Прошу у тебя, матушка родная, пожалуй мне ту дачу, о которой я приложил записку к Графу Безбородке...* – В письме к Безбородко Потемкин просил поддержать представление о награждении "храбрых моряков" за победу у о. Тендра, а затем прибавил: "Еще другое меня интересующее дело: между упраздненными здесь монастырями дача Святогорской пустыни столь прекрасна положением, что я, прельстясь, писал об ней к Государыне мое прошение. В ней состоит меньше полторы тысячи душ, никуда по отписанию пустыни не обращенных. Все малороссияне. Это рай в нашей Губернии, и я бы его еще прибрал. Пустыня обращена в приходскую церковь и было бы кстати. Сия бы милость мне была приятнее великих тысячей, я буду весел от одной идеи иметь столь прекрасный край..." (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 224–224об.). См. ответ Екатерины – письмо № 1089.

1082. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

10–11.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 256–257.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 635–636.

Письмо начато 10, окончено (из-за болезни императрицы) 11.IX.1790.

[1] *Утомясь до крайности в первый день празднества мира и пролежа вчерашний весь день... теперь лишь могу принимать перо, дабы к тебе писать.* – 8.IX записывает Храповицкий: "Торжество шведского мира – у трона читал я роспись милостям и награждениям Монаршим – пожаловано мне в 6 тыс. перстень и пенсии 2 тыс. руб." После чрезмерного напряжения, связанного с организацией отпора шведам на суше и на море, государыня, заключив мир, крайне необходимый для России в тогдашних условиях, тяжело заболела. Месяц спустя Гарновский уведомил Попова: "Государыня еще слаба здоровьем, так как и Великий Князь, коего здоровье разстроил не один физический припадок, происшедший от простуды, но к оному присовокупился и нравственный, угрожением прусской войны навлеченный" (*РС*. 1876. Т. XVI. С. 438). См. примеч. 3.

[2] *Денисов имел с Королем Шведским разговор образцовый, но переводчик не все перевел, чево он ему сказать велел.* – Содержание разговора отважного донского атамана с романтичным шведским королем неизвестно. 10.IX Екатерина, несмотря на болезнь, "была на бале, ужинала и играла в карты со Стедингом" – новым шведским посланником. 12.IX Храповицкий записывает беседу с императрицей, которая сообщила ему о намерении Густава III "начать мирное торжество" наказанием нескольких арестованных офицеров, участников Аньяльской конфедерации, – "в такое время, когда обыкновенно Государь делает амнистию и имеет случай оказать милости и награждения. Я велела, чтоб Барон Игельстром сказал Стедингу, что это ужасно".

[3] *...вдруг прусский поверенный в делах Гюттель... получив вертиж, упал на землю так жестоко, что лоб и нос разшиб до крови...* – Это тот самый Гюттель, о котором Г.В. Вернадский сообщает, что именно через него наследник престола Павел Петрович вел тайную переписку с Фридрихом-Вильгельмом II – злейшим врагом своей матери. Другим каналом сношений великого князя с прусскими правящими кругами был кружок московских масонов Новикова. Прусский король и его ближайшие сотрудники Герцберг, Бишофсвердер и другие были масонами. Посланный в Берлин (без дипломатического ранга) Алопеус (интимный друг Бишофсвердера, масон) также трудился в пользу Павла Петровича и придерживался пропрусской ориентации. Болезнь наследника, о которой упоминает Гарновский (см. примеч. 1), скорее всего была вызвана опасениями Павла за свое политическое будущее в случае раскрытия его тайных сношений с берлинским двором. (См. *Вернадский*. С. 239).

1083. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 57.
Публикуется впервые.

[1] *Турков всячески принуждать буду...* – "Наскучили уже турецкие басни, – писал Потемкин находившемуся при везире Лашкареву 7.IX – Их министерство и нас, и своих обманывает. Тянули столько и вдруг теперь выдумали медиацию Прусскую, да и мне предлагают. Это дело не мое, а дворам принадлежит. Мои инструкции: или

мир, или война. Вы им изъясните, что коли мириться, то скорее, иначе буду их бить". Далее Потемкин высмеивал распространяемые капитан-пашою слухи о победе турецкого флота в сражении у о. Тендра. "Государыня при всех авантажах, можно сказать, им дарует мир, – писал он в заключение, – ибо что значит пустая степь и та ханская, она же безводная. С прусским продолжайте быть ласково. Ежели упомянет о медиации, то отвечайте, что сие принадлежит дворам. А ежели турки упомянут что о Польше, отвечайте, что мы не намерены им вредить. Сами проситесь прочь и, конечно, скорее приезжайте" (*ЗООИД*. Т. 8. С. 30–31).

1084. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 27.
Публикуется впервые.

Датируется условно. Упоминание о Данциге, как предмете спора, который может столкнуть друг с другом Пруссию и Польшу (которые только что – 18/29.III.1790 заключили союзный договор, резко заостренный против России), тесным образом связано со сведениями о концентрации польских войск и о приготовлениях пруссаков к войне.

1085. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 258–259.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 636–637.

[1] *Вчерашний день от меня назначен был для обеда со всеми офицерами четырех полков гвардии, коим давно обеда не было.* – В связи с началом шведской войны гвардейские полки были переброшены из столицы на театр военных действий и приняли участие в боях. Традиционные обеды императрицы с гвардейскими офицерами в дни полковых праздников пришлось отменить. Назначая общий обед, Екатерина хотела тем самым поблагодарить гвардию за мужество и ревность, проявленные в защите Отечества.

[2] *Награждения же оному прочтешь в рескрипте, мною сегодня подписанном.* – Рескрипт от 16.IX.1790 сообщал главнокомандующему Черноморским флотом Потемкину о богатых награждениях моряков за одержанную победу над флотом противника. См. ниже о награждении контр-адмирала Ушакова. Он получил и Георгия 2-ой степени (что было исключительной наградой при его чине), и деревни.

[3] *Я всегда отменным оком взирала на все флотские вообще дела.* – Действительно, флот, пришедший в упадок после смерти Петра Великого, в царствование Екатерины II добился выдающихся успехов и на Балтике, и в Средиземном, и на Черном море, которое в течение трех веков считалось внутренним бассейном Оттоманской Порты.

[4] *...для подчивания пашей, кои к тебе приедут... для трактования мира.* – Надежды на мир с турками в 1790 г. не сбылись. Ослепленные посулами мнимых друзей и союзников они продолжили войну и потерпели страшные поражения.

1086. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

23.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 34.
Публикуется впервые.

В донесении от того же числа Потемкин сообщал о прибытии корпуса Меллер-Закомельского в Татарбунар, корпуса Павла Потемкина в урочище Табак (в нижней части Дуная). Флотилия была готова идти к устьям Дуная. "А как везде будет все готово и флоты приближатся, паки поеду и начну действовать. Да поможет Бог, а Вы подайте мне матернее и монаршее благословение" (Автограф. – *РГАДА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 19. Л. 128–128об.).

1087. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 260–261.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 637–638.

[1] *...Прусский Король уже изволит изъясниться, что нас не атакует, чему нетрудно и поверить, паче же, ежели Бог тебе поможет турок побить, а потом мир заключить.* – В рескрипте от 30.IX сообщалось о неизбежности продолжения войны с Портой. В приложенных копиях дипломатической переписки российских представителей в Берлине графа Нессельроде и Алопеуса говорилось о примирительных заявлениях прусского короля, обескураженного рейхенбахской неудачей.

[2] *Гр[афу] Ив[ану] Салтыкову поручила команду над Двинской армией, а под ним Игельстром и Кн[язь] Юр[ий] Долгорукой.* – Граф. И.П. Салтыков, используя возросшее за время отсутствия Потемкина влияние своего родственника Н.И. Салтыкова (вице-президента Военной коллегии, только что получившего по случаю мира графский титул) и его протеже П.А. Зубова, сумел заполучить пост командующего Двинской армией. На этот пост претендовал барон Игельстром. Обиженный князь Ю.В. Долгоруков подал прошение об отставке.

[3] *Плюнь на пруссаков, мы им пакость их отмстим авось-либо.* – Ответ на письмо № 1084.

1088. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

30.IX.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 48.
Публикуется впервые.

1089. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.X.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2 Л. 262.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 638.

Ответ на просьбу Потемкина о пожаловании ему поместья в Екатеринославской губернии (см. письмо № 1081 и примеч. 4 к нему). Вместе с данным письмом был отправлен рескрипт от 30.IX.1790, утверждавший за князем его новое владение.

1090. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

6.X.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 264.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 638.

[1] *Из подписанного сегодня к тебе рескрипта увидишь, в каком положении дела находятся и что... Король Прусский снова весьма горячо за вооружения принялся.* – В рескрипте Потемкину поручалось сообщить план отпора пруссакам в случае их наступления на Ригу. В приложениях (донесения из Берлина Нессельроде и Алопеуса от 24.IX) говорилось о приготовлениях прусского короля к войне.

[2] *...известие есть, что Люзи пишет, что после 25 конференций он в турках не более произвел к миру склонности, как усмотрел при первой.* – В Систове собралась конференция (в составе Пруссии, Англии, Голландии, Австрии и Турции), которая должна была выработать условия мирного договора. Турки не шли ни на какие уступки. Прусскую делегацию возглавлял маркиз Луккезини. Из текста письма можно заключить, что "Люзи" – это его прозвище. Составители *СБРИО* утверждают, что это прусский полковник граф Люзи, направленный королем в ставку верховного везира (см. *СБРИО*. Т. 42. С. 119).

1091. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.X.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 49–50.
Публикуется впервые.

[1] *Я был в большой заботе о кавказской части, но Бог так устроил, что и в ум не приходило.* – Еще в августе, когда стало ясно, что турки под видом переговоров тянут время, Потемкин послал приказания командующим Кубанского и Кавказского корпусов нанести удары по неприятелю. 30.IX турецкая армия была разгромлена на берегах Кубани отрядом генерал-майора И.И. Германа.

[2] *Батал же пашу пришлю в Петербург для многих причин. Пусть посмотрят также и Адмирала.* – *Батал-паша Хюсейн* (ум. в 1801), сын крупного турецкого феодала Хаджи Али Джаныклы-паши, одно время искавшего убежища в России. Командовал армией, состоявшей из турок и горцев (до 25 тыс.). В сражении потерял всю артиллерию, обоз и сам попал в плен со своей свитой. "Известная Вам знаменитость Батал-паша, коварные планы недоброхотов и самое ополчение – все изчезло в миг, а мы не потеряли сорока человек!" – писал Потемкин Безбородко. (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 230). Вместе с плененным Ушаковым адмиралом Саид-беем паша должен был стать живым опровержением враждебных России слухов о поражениях ее армии и флота. О степени дезинформации свидетельствует письмо Потемкина Булгакову в Варшаву от 8.IX.1790: "Плюйте на ложные разглашения, которые у вас на наш счет делают. Суворов, слава Богу, целехонек. На сухом пути дела не было нигде, турки и смотреть на нас близко не смеют. Как им не наскучит лгать, лучше бы подумали, что естли бы были с нами дружны, то бы Молдавия была их уже. На море нам Бог помог совершенно разбить флот неприятельский" (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 159).

[3] *Жаль Ивана Йв*[ановича] *Меллера...* – Генерал-аншеф Меллер-Закомельский должен был по приказу Потемкина сходу овладеть крепостью Килия, гарнизон которой, по данным разведки, был небольшой. Однако первая попытка оказалась неудачной. Большой урон русским войскам нанесла турецкая флотилия на Дунае. Наша фло-

тилия из-за сильных ветров не успела прийти к началу операции. Меллер начал переговоры о сдаче крепости и получил выговор от Потемкина. 6.X при попытке занять ретраншемент Килии генерал был смертельно ранен. "Милостивый Государь мой Иван Иванович! С чувствительнейшим сожалением уведомился я о полученной Вами ране. Я отправил тотчас обоих моих медиков Массота и Лансмана, чтоб всевозможное подать способствование к скорейшему Вашему излечению", – писал ему Потемкин 8.X, но спасти генерала не удалось. (См. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Ч. 1. Л. 586об.). В письме к Безбородко Потемкин более категоричен: "Здесь занятие ретраншемента Килиского было не без конфузии. Ив[ан] Ив[анович], получа рану, недолго жил; а все от того, что предприняли действовать ночью и, прямо сказать, сами перестрелялись, да чуть ли покойнику не своя попала" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 230–230об.). Войска возглавил старший генерал-поручик И.В. Гудович.

1092. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

1.XI.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 266–269об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 639–641.

[1] *Адъютанта твоего Армфельда я пожаловала в премьер-майоры...* – По окончании русско-шведской войны Потемкин взял в адъютанты шведского офицера, родственника любимца короля Густава Маврикия и генералов Фромхельта и Карла Густава Армфельтов. Последний командовал частью войск в Финляндии и был арестован 7.I.1789 г. по делу Аньяльской конфедерации.

[2] *Сутерланд Ричард* – придворный банкир. В Дневнике Храповицкого приведен разговор с Екатериной после смерти Сутерланда 4.X.1791 г. «Мне сказано о Сутерланде: "Говорят, что это от большого гурманства". Я отвечал, что, по словам Блока (лейб-хирурга. – *В.Л.*) два года он был болен...» (см. о смерти Сутерланда примеч. к письму № 1162).

[3] *Чтоб умы польские обращать на путь нами желаемый, о сем Булгаков имеет от меня...довольные предписания.* – Ответ Потемкина в письме № 1096.

[4] *Касательно твоего дома я уже приказала его осмотреть и, ежели можно будет, то в нем Артиллерийский кадетский корпус помещу.* – Потемкин просил купить построенный для него И.Е. Старовым дворец, нуждаясь в крупных суммах для выплаты долгов по своим польским имениям. Императрица купила дом, но вскоре подарила его Потемкину – за победы, одержанные в 1790 г.

[5] *Потоцкого проект, дабы зделать Прусского Короля Королем Польским и соединить Пруссию с Польшею – не рассудишь ли за благо сообщить туркам...* – Игнаций Потоцкий действительно предлагал "воспользоваться дружбой с Пруссией для увеличения могущества Польши". Императрица уведомила Потемкина об этом плане рескриптом от 2.XI.1790, приложив к нему наставления Булгакову.

1093. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.XI.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 271–271об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 642.

[1] *Письма твои от 26 октября привез вчерась Г[енерал]-М[аиор] Бенкендорф.* – Христофор Иванович фон *Бенкендорф* (1749–1823) – генерал-майор и кавалер Георгия 4-ой степени. В службе с 1761 г. Участник 1-ой и 2-ой русско-турецких войн.

Он привез ключи сдавшейся на капитуляцию крепости Килия. Впоследствии полный генерал. Писем Потемкина от 26.X.1790 обнаружить не удалось. Известно его донесение от 27.X о сдаче Килии (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 184).

[2] *Вскоре услышим, что агличане начнут войну с Гишпаниею.* – Напряженные отношения между двумя странами из-за столкновений в колониях едва не привели к войне.

[3] *Гудовича я пожаловала Генералом-Аншефом... – Гудович* Иван Васильевич (1741–1820) – боевой офицер, затем генерал. Участник 3-х русско-турецких войн. По представлению Потемкина 12.XI. 1790 пожалован в новый чин. Гудович должен был возглавить войска под Измаилом. Не проявил решительности и был сменен Суворовым. В 1791 взял штурмом Анапу. Павел I пожаловал его в графское достоинство. При Александре I командовал войсками в Закавказье. Генерал-фельдмаршал.

[4] *...к Пр*[*инцу*] *Виртембергскому посылаю синюю ленту...* – Недавно перенесший тяжелую операцию принц Карл вернулся в армию. Потемкин в письме к Безбородко писал, что он "служит хорошо и ей Богу усерден и храбр. Он и так из старших, я представил о ленте ему Андреевской" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 232). Принц был награжден не за выдающиеся заслуги, а потому, что Потемкину было важно поддержать добрые отношения с малым двором.

1094. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.XI.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 44–45.
Публикуется впервые.

[1] *...Рибас безпрерывно в действии и летает с флотилии на флотилию...* – Важной частью нижнедунайской операции (по плану Потемкина) должен был стать прорыв флотилии Рибаса и флотилии черноморских казаков в Дунай и их содействие сухопутным силам в овладении цепью турецких крепостей. 20.X уже после сдачи Килии (18.X) флотилия Рибаса прорвалась в Дунай, дерзким десантом с судов захватив сулинские укрепления. Потемкин приказал Ушакову, прикрывавшему поход флотилии, возвращаться в Севастополь.

[3] *...прилагаю письмо Рибасово.* – Приложения отыскать не удалось. Очевидно, Рибас доносил о походе флотилии и прорыве в Дунай.

[3] *От Кавказа по причине смерти Бальменовой не имею подробностей.* – Еще 19.X Потемкин, поддерживавший с Суворовым постоянную переписку, сообщая ему о сдаче Килии, приписал в конце послания: "Граф Бальмен умер чахоткою, но турки разбиты и славно истреблены..." (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Ч. 1. Л. 604об.). Главнокомандующий ждал подробного донесения о разгроме Батал-паши.

1095. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.XII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 107–110об.
Публикуется впервые.

[1] *...Тульча покорена, флотилия турецкая разбита и крепость Исакча, магазейн или депо всей армии турецкой и флотилии, занята со множеством разных припасов.* – Флотилия Рибаса и подчиненная ему флотилия черноморских казаков добились больших успехов. От устья Дуная до Галаца все турецкие укрепления и крепости, кроме главной твердыни Измаила, были взяты. Гудович, Павел Потемкин, Самойлов, Кутузов и другие генералы получили приказания овладеть Измаилом. Инициатива шла от Рибаса, засыпавшего Потемкина и Суворова своими письмами и донесениями.

[2] *Я приказал взять лутчие меры, произвести штурм и для сего нарядил туда Генерала Графа Суворова-Рымникского.* – Русские войска под Измаилом (с учетом сил флотилий) насчитывали не более 30 тысяч человек. Около половины составляли казаки. По сведениям разведки гарнизон Измаила вместе с отошедшими в него гарнизонами покоренных крепостей, составлял целую армию, превышающую силы осаждавших. Гудович собрал военный совет, который вынес решение о формальной осаде крепости. Это означало отказ от решительных действий и командиры корпусов (под предлогом позднего времени) начали отводить войска. Еще не зная об этом, Потемкин оценил положение под Измаилом и направил туда лучшего полевого генерала русской армии – Суворова. (См. *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. С. 189–193).

[3] *Из приложенной записки изволите, матушка, увидеть, что Луккезини сбирается ко мне приехать.* – Маркиз Луккезини намеревался оказать давление на Потемкина от имени собравшегося в Систове конгресса. Англо-прусская дипломатия изображала русского главнокомандующего чуть ли не главным противником прекращения войны. В случае отказа пойти (по примеру австрийцев) на уступки, России грозили войной на западных границах. Таким образом, взятие Измаила приобретало, помимо военного, чрезвычайно важное значение в большой дипломатической борьбе. "Я намерен показаться в великолепии, – писал Потемкин Безбородко по поводу визита Луккезини, – то и прошу Вас зделать мне одолжение купить, ежели сыщется, хорошую Андреевскую звезду и орден, коли есть готовые,.. То же хороших кованых две звезды Георгиевскую и Володимерскую, и скорей ко мне прислать: (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 235об. – 236).

[4] *Для чего же Вам не обещать завоеванного Польше при установлении их союза, когда Прусский Король дерзновенно посужи*[*ва*]*ется Вашими давними владениями.* – См. подробнее об отношении к Польше в письме № 1096.

[5] *Графу Разумовскому, едучи в Вену, прикажите заехать ко мне условиться и многие от меня получить примечания.*– Императрица прислушалась к совету Потемкина (см. письмо № 1036) и направила графа Ан. К. Разумовского в Вену, в помощь престарелому князю Д.М. Голицыну. Разумовский благодарил Светлейшего за это назначение и писал о своем желании навестить его по пути в столицу Австрии (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 75. Письмо от 30.IX.1790).

[6] *...сие было прусского двора коварство, как и дисидентское дело, дабы нас ввести в ненависть.* – Напоминание о прусской политике графа Н.И. Панина, который ориентировался на Фридриха II. Опытный и вероломный политик король поддержал кандидатуру Понятовского в качестве претендента на польский престол, а затем использовал дисидентский вопрос (о предоставлении лицам православного, униатского и протестантского вероисповедания равных прав с католиками) для ослабления республики. Восстание православного населения в Польской Украйне, барская конфедерация, вооруженное вмешательство России на стороне короля Станислава Августа, война с Портой – весь этот противоречивый ход событий позволил Фридриху II без единого выстрела захватить (по первому разделу) часть территории Польши, переложив ответственность главным образом на Россию, ибо православное население Речи Посполитой во много раз превышало число протестантов, о правах которых якобы заботился король.

[7] *Чтобы заставить Прусского Короля говорить иным голосом, следует в будущую кампанию противу Порты оставить войски – тысяч до двадцати... Протчее все обратить на пруссака и сказать ему решительно и с твердостию, что Вы достоинство Вашей Империи будете защищать до последней капли крови.* – Этот план,

в основном, был принят. Но, учитывая продолжение войны с Портой, колебания шведского короля, угрозу Англии послать свой флот к Кронштадту, Потемкин, взвесив все за и против, настоял на дипломатическом выходе из трудной борьбы.

8 *Противу английских угроз изготовьте флот и сколь можно больше, а меня уведомите для соображений, сколько будет...* – Здесь и ниже мысли о противостоянии английскому флоту в Финском заливе.

9 *Лодками для Двины поспешить прикажите и, когда Вам мои сии усердные мысли покажутся, объявите мне: я тотчас подробный план на сем основании пришлю для операции генеральной.* – См. письмо № 1112.

10 *Флотилия Ваша останется в Дунае... Флот выдет рано к берегам Румелийским... войски кубанские с таврическими предпримут на Анапу. Потом, коли Бог поможет, Суджук-Кале, а там и на Синоп.* – В основных чертах этот план кампании 1791 г. был с поразительной точностью выполнен, за исключением похода на Синоп.

11 *...употребите все возможное привязать к себе Швецию, для чего бы из Великих Княгинь не обещать в супружество за принца их.* – Для коалиции большим ударом был выход Швеции из войны, ибо британский флот при атаке Кронштадта планировал базироваться на шведские порты. На Густава III оказывалось давление, дабы принудить его к возобновлению войны. Предложение Потемкина о династическом союзе не было оставлено без внимания: в 1796 великая княжна Александра Павловна едва не сделалась женой Густава IV.

1096. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

3.XII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 19–23об.

Публикация – частично – *РА*, 1865. Стб. 68–69: со слов "Булгакову в Варшаве говорить должно..." до слов: "и мы не выдеремся из грязи". Издатель "Русского Архива" П.И. Бартенев сопроводил публикацию примечанием: "Я.И. Булгаков находился послом в Варшаве в 1790–1793 гг. Читатели, знакомые с превосходною книгою С.М. Соловьева о падении Польши, вполне оценят важность этих бумаг. Впрочем, оне одинаково достойны внимания как по отношению к тогдашним обстоятельствам России (находившейся в войне с Турциею, в остуде с Англиею и почти в явном разрыве с Пруссиею), так и вообще относительно русской политики Екатерининского века. Эта бумага, очевидно, отрывок из письма Потемкина к Екатерине". Бартенев, судя по всему, воспользовался отрывком (автографом), хранящимся в *РГАДА* (Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 47. Л. 55). Публикуемый текст помещен на полях письма Екатерины (от 11.XI.1790 – См. № 1092), собственноручно переписанного с тем, чтобы князь мог написать ответы по каждому из поставленных вопросов. Датировать эти ответы позволяет письмо Потемкина к Безбородко от 1.XII.1790, в котором говорится: "Я получил в предпоследнем письме Ея Вел[ичества] по польским делам, но все нерешительно. Я не знаю, что будет из недействия. Пишу теперь еще". (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 235–236). Письмо не требует комментария. В дополнение к мыслям, высказанным Бартеневым, следует добавить характеристику ответов Потемкина императрице, их властный, повелительный тон, вызванный критическими обстоятельствами тех дней: ожидание штурма Измаила, приезда Луккезини, угрозы Англии и Пруссии, сумевших вывести из игры единственного союзника России – австрийского монарха. Достойно внимания упомянуть о позиции старого князя Кауница (одного из главных творцов внешней политики Австрии во времена правления Марии-Терезии и Иосифа II): он не был согласен с уступчивостью Леопольда II и одобрял твердость Екатерины II и Потемкина.

1097. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

18.XII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 35–35 об.
Публикуется впервые.

[1] *Вот моя кампания, которая была скрыта от глазу недоброхотов.* – Написано после взятия Измаила Суворовым 11.XII.1790, послано вместе с кратким донесением о штурме (см. *СБВИМ*. Вып. VIII. С. 197–198). Противники России считали, что, оставшись одна, без союзников, она не посмеет продолжать борьбу. Измаил стал венцом кампании, блестяще начавшейся морскими победами, продолженной на Кубани и закончившейся падением всей системы турецких крепостей на нижнем Дунае, где после австро-турецкого соглашения только и могли вестись боевые действия.

[2] *...Измаил – первая и сильная их крепость, построенная по-европейски, с заключенной в ней армией выше тридцати тысяч. Пленных я написал, но более уже выходит: сей час получил рапорт, что уже девять их тысяч.* – В кратком донесении о взятии крепости говорилось: "Не Измаил пал, но армия турецкая, состоящая в 30 слишком тысячах, истреблены в укреплениях пространных... Храбрый Генерал Граф Суворов-Рымникский избран был мною к сему предприятию. Бог помог. Неприятель истреблен, более уже 20 тысяч сочтено тел, а слишком семь тысяч взято в плен, а еще отыскивают. Знамен 310 уже привезено, а еще собирают. Пушек будет до 300. Войска оказали мужество примерное и неслыханное. Обстоятельно донесу после..."

[3] *Урон наш гораздо больше очаковского, но в сравнении силы истребленной – мал.* – Из 31 тысячи человек, участвовавших в штурме, по первым сведениям (рапорт Суворова от 13.XII) погибло 2 тысячи, ранено более того. По другим данным убито и ранено более 4500 человек. Особенно большие потери были среди офицерского корпуса. Были ранены начальники колонн генерал-майоры И.А. Безбородко, Ф.И. Мекноб, С.Л. Львов, Б.П. Ласси; в числе убитых оказались бригадир И.С. Рибопьер и внучатый племянник Потемкина подполковник А.Н. Раевский.

[4] *Валериан Алекс*[андрович] *оказал себя достойным Вашей милости... В нем много надежды, что изволите увидеть из письма, что его генерал пишет к Попову.* – Письмо не разыскано. В.А. Зубов находился в колонне генерал-майора Н.Д. Арсеньева. Вместе с двумя другими колоннами она высадилась с судов флотилии Рибаса и штурмовала крепость со стороны Дуная. Зубов был послан в Петербург с кратким донесением о победе и получил Георгия 4-ой степени.

[5] *Я не получил еще подробной реляции и думаю сам найтить ее в Измаиле.* – Подробный рапорт Суворова о ходе штурма Измаила помечен 21.XII.1790 (*СД*. Т. 2. С.543–577). Потемкин собирался посетить Измаил. Назначенный комендантом крепости М.И. Кутузов сообщал Попову о готовности для него квартиры на берегу Дуная. Поездка не состоялась, очевидно, из-за болезни князя, его занятости неотложными делами и его известной чувствительности. В Измаиле побывал В.С. Попов.

1098. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

20.XII.1790

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 275–275об. и 248–248об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 643–644.

[1] *Что Луккезини к тебе приедет, о сем и здесь слышно было, но что он тебя не обманет, я уверена. Посылаю к тебе, чем щеголять пред ним.* – Безбородко по-

делился с государыней просьбой Потемкина (см. примеч. 3 к письму № 1095) и она сама приняла участие в отправке к нему орденских знаков и звезд, в которых он должен был встречать прусского дипломата.

[2] *По польским же делам поступать надлежит с крайней осторожностью, дабы не от нас был первый выстрел...* – 20.XII помечен рескрипт Екатерины Потемкину о твердой решимости не делать уступок Пруссии и о плане отпора в случае начала военных действий. К рескрипту была приложена дипломатическая переписка, в частности, донесение Алопеуса о беседе с любимцем короля И.Р. фон Бишофсвердером, который заявил, что Пруссия не желает войны, но связанная соглашением с Портой не может отступить от своих обещаний Султану. Неустойчивое положение в Польше могло стать детонатором новой войны, на грани которой балансировали союзники Турции англичане и пруссаки.

1791

1099. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.1.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 277–278об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 645–646.

[1] *Я думаю, что теперь последует смена визиря...* – Опыт сношений с Портой не обманул императрицу. 3/14.II.1791 Шериф Хасан-паша был умершвлен в Шумле по приказу Селима III. Новым везиром стал во второй раз Коджа Юсуф-паша, сторонник войны.

[2] *Пожалуй, напиши ко мне: поручил ли ты Фериери трактовать о чем в Вене? Сейчас он ко мне прислал курьера и щет в 3000 и столько червонных, кои издержал...* – Консул в Смирне Петр Фериери имел старые связи среди греков и занимался делами по снабжению действовавшей в Архипелаге греческой флотилии, подчинявшейся Потемкину. См. ответ в письме № 1105.

1100. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

8.I.1791

Подлинник. Подпись – автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 61.
Публикуется впервые.

Только после победоносного окончания кампании Потемкин подал императрице официальное представление по делу генерал-поручика Ю.Б. Бибикова, который за самовольный поход к Анапе весной 1790 г. должен был предстать перед военным судом (см. о его походе письма № 1040, 1051 и 1052). Представление об исключении из службы (без суда) боевого генерала было уважено.

1101. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

11.I.1791

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 217.
Публикуется впервые.

[1] *Здесь по покорении Измаила страх повсюду велик...* – Штурм крепости, считавшейся неприступной, и гибель целой армии произвели огромное впечатление в Турции и в Европе. Сначала этому известию не хотели верить. Но приехавшие в Бухарест и в Систов австрийские офицеры (свидетели штурма) подтвердили

сведения о катастрофе. Везир горячо упрекал "союзников" – английских и прусских дипломатов – в продлении войны и напрасном кровопролитии. Австрийцы воспрянули духом и заявили новые требования об условиях мира. Из Бельгии пришло известие о покорении страны, ставшей ареной междоусобицы двух враждующих партий, австрийскими войсками. Венгерское дворянство, недовольное условиями мира с Портой, выставляло 80 тысяч войска и требовало продолжения войны.

2 *Дайте мне на себя посмотреть, хотя мало.* – Отсутствие Потемкина в столице продолжалось год и десять месяцев. Из письма в письмо он будет настаивать на желательности своего приезда в Петербург (см. письма № 1102, 1104, 1105). Он чувствовал, что начинается решающий этап борьбы с закулисными врагами России и хотел лично участвовать в дипломатических баталиях с целью не допустить новой войны на западных границах.

3 *Луккезини из Сиштова скачет в Варшаву. Знать испугался, чтоб не попался в руки.* – Не только Луккезини, собиравшийся грозить Потемкину англо-прусским ультиматумом, изменил свои планы. Весь Систовский конгресс был вынужден прекратить свои заседания.

1102. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

13.I.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 51–54.
Публикуется впервые.

1 *...изволите усмотреть из ведомости.* – Не обнаружена.

2 *...я на себя не беру ни знания, ни хитрости, искусству принадлежащей, хотя действии постепено произведены были на пространстве, почти четверть глобуса составляющем, везде с успехом... а движения были скрыты так, что и свои обманулись, не только чужие.* – Еще в 1893 г. известный русский военный историк профессор Д.Ф. Масловский, готовя к печати документы Г.А. Потемкина, сделал вывод о том, что «Потемкин в эту войну является первым главнокомандующим нескольких армий, оперировавших на нескольких театрах..., что он имел вполне самостоятельный и верный взгляд на сущность самых сложных действий войск на полях сражений,... что 2-ая турецкая война, конечно, должна быть названа "Потемкинскою". Великий Суворов, столь же великий Румянцев занимают в это время вторые места» (*СБВИМ*. Вып. IV. С. II–IV, VII–VIII). Однако до самого последнего времени Потемкину отказывали в праве быть причисленным к разряду полководцев.

3 *Убегая быть спесиву, следуя Вашему матернему совету после прошлой кампании, должен ныне еще более смириться, поелику кампания сия несравненно знаменитей и редкая или, лутче сказать, безпримерная.* – См. ответ Екатерины в письме № 1108.

4 *Евгении, Короли Прусский и другие увенчанные герои много бы таковою хвастали...* – Перечисляя знаменитых полководцев – принца *Евгения Савойского* (1663–1736), Фридриха Великого, Потемкин словно предчувствовал несправедливый приговор, который ему вынесут современники и потомки.

5 *Я здесь оставлю Князя Репнина на время моего отсутствия.* – Героем двух минувших кампаний, несомненно, был Суворов. Но Репнин оставался старшим из генерал-аншефов и поручение ему временного командования армией было вполне естественным. К тому же Потемкин хотел иметь своим заместителем на время зимнего затишья исполнительного Репнина, нежели горячего и предприимчивого

Суворова. В начинавшемся ответственном этапе дипломатической борьбы с коалицией Потемкин стремился избежать малейшего риска.

[6] *Пруссаки натянули все способы видимые и невидимые, чтобы меня повредить у Вас. Я не сумневаюсь в Вашей непременной милости, но старания их велики, чтобы Вас привести в колеблемость, а меня вывести из терпения.* – Очень откровенное признание. Екатерина сама писала своему мужу и соправителю о ненависти берлинского двора к нему (см. письмо № 1049), готовности врагов России прибегнуть к любым средствам для его устранения. Потемкина обвиняли в стремлении стать польским королем, в намерении отделить южные губернии и Крым от России и сделаться самостоятельным государем. Его власть, его выдающиеся успехи на поле брани использовались противниками России для противопоставления Потемкина самой императрице. Одновременно с этим шло давление на придворные круги в Петербурге, шли тайные переговоры с наследником престола. Не случайно, именно весной 1791 г. в берлинских придворных кругах распространились слухи о скорой смене царствующей особы на российском престоле.

1103. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.I.1791

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 208.
Публикуется впервые.

1104. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.I.1791

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 213–214.
Публикуется впервые.

[1] *Сколь полезны казаки пешие, уже сие доказано под Очаковом и в Измаиле. Нигде от гранодер не отстали. А Черноморские – безценны.* – Донские и черноморские казаки, сражавшиеся в пешем строю, действительно на штурмах Очакова и Измаила показали чудеса храбрости и ничем не уступали регулярной пехоте. Их предводители атаманы Орлов, Платов, Чепега, Головатый и многие казачьи офицеры получили высокие награды.

[2] *Австрийцы вяжут меня во многом. Первое, что к Браилову заградили путь.* – До заключения мира с Портой австрийцы продолжали занимать оккупированную ими Валахию. Русские войска могли вести боевые действия только в узком пространстве нижнего Дуная. Суворов предлагал Потемкину удар на Браилов, но эта крепость оказалась как бы прикрытой с тыла вышедшими из войны австрийцами.

[3] *Теперь смешно, что Герберт на конгрессе поговаривает об уступке для них Орсовы и части Баната...* – Бывший интернунций Герберт возглавлял австрийскую делегацию на конгрессе в Систове и, опираясь на новые успехи русской армии и флота, решил поднять ставки на переговорах о мире. Через семь месяцев в том же Систове австрийцы заключили мир с Портой, выторговав себе некоторые территории.

1105. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.I.1791

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 209–210.
Публикуется впервые.

[1] *По званию Вашего Военного Президента нельзя мне пренебречь в надзирании порядка, хотя и в отсутствии.* – Потемкин подкрепляет свою просьбу о

разрешении на приезд в Петербург новым аргументом: давно не занимался накопившимися делами по военному ведомству.

2 *...предоставил было все Коллегии, но, увидя нерачение или, лутче сказать, злоупотребление, которое из подносимой записки усмотреть изволите, обязанным нашелся требовать о непомещении впредь без моего соглашения...* – Предоставление комендантского места было важной наградой за службу. Записка Потемкина (с перечнем упущений Военной коллегии) не разыскана, но совершенно очевидно, что он требовал назначать комендантами в первую очередь боевых, заслуженных генералов и офицеров, а не выслуживших чины тыловиков.

3 *Касательно Фериерия донесу, что он приехал ко мне с депутатами албанскими... Я его отправил в диспозицию назначенного туда Г[енерал]-Маиора Тамары.* – Еще 3.VIII.1790 в письме к Безбородко Потемкин упомянул о желании греков (их звали албанцами), "составляющих флотилию Архипелажскую, быть в зависимости от находящегося в Венеции Министра Мордвинова.. Генерал-Маиору Тамаре препоручил я подать мне обстоятельные сведения о точном состоянии морских сил в Средиземном море и Архипелаге, под флагом Российским находящихся, дабы потом мог я учредить все тамошние предприятия". В этом же письме упоминался Фериери, выполняющий какие-то поручения. (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 209). Очевидно, он превысил данные ему полномочия и был дезавуирован.

1106. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 18.I.1791

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 204.
Публикуется впервые. Датируется на основании содержания письма: Попов собирался в Петербург и повез императрице письма от 16 и донесения от 17.I. По поручению Потемкина он должен был показать Екатерине орден с фальшивыми бриллиантами: см. примеч. 2.

1 *Получа Высочайшее повеление о принятии дому моего в казну, чувствую, как милость мне, а не покупку.* – "Конногвардейский дом", по словам М.И. Пыляева (см. "Старый Петербург". СПб, 1889. С. 306), был взят в казну за 460 тыс. рублей. Когда же Потемкин прибыл в Петербург, императрица подарила ему этот же дворец в ознаменование его побед.

2 *Получил бриллианты и много благодарен. Но как я никогда от Вас фальшивого ничего не получал, то приказал Попову показать орден, где большие камни – все хрустали-смазки, а верно в казну пришло недешево.* – Присланный самой императрицей орден Св. Андрея Первозванного (см. примеч. 3 к письму № 1095 и прим. 1 к письму № 1098) оказался украшенным фальшивыми бриллиантами. Попов повез его в Петербург показать государыне.

1107. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.I.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 279–280.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 646–647.

1 *О смерти Ген[ерал]-Поруч[ика] Розена весьма жалею и почитаю ее потерею.* – В донесении от 10.I 1791 Потемкин сообщил о смерти от болезни командующего Кавказским корпусом барона В.И. Розена, последовавшей 17.XII.1790 г.

2 *Касательно до твоего приезда сюда я тебе скажу...* – Колебания Екатерины относительно приезда Потемкина в столицу связаны прежде всего с ее отношениями к Платону Зубову. Она опасалась, как бы Потемкин, заметив возросшее противостояние части придворных кругов его влиянию, не потребовал смены фаворита.

1108. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.I.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 276–276об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 647–648.

[1] *Не самые недоброхоты, хотя злятся, но оспаривать не могут великие тобою приобретенные успехи... Что же оными не гордишься по совету моему, сие хвалю; и да не будет в тебе также уничижение, паче гордости.* – Ответ на признания Потемкина в письме № 1102. Измаильская победа заставила противников России на время притихнуть. По словам Храповицкого, Екатерина нарочно посылает письмо доктору И.Г. Циммерману по почте через Берлин, в котором говорится, что "все усилия врагов России произвели ее славу и победы"... "Хочу доказать пруссакам, что их не боимся и чтобы они дважды подумали, прежде чем что-то препринять". (*ДХ*. 26.I.1791).

1109. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.II.1791

Автограф. *АВПРИ*. Ф. 5. Д. 585. Л. 205–205об.
Публикуется впервые.

[1] *В Царьград от визиря посылан был рейс-эфенди с предложением о мире, но чуть Султан не отрубил ему головы. Посланник отправлен в Берлин с вопросами. С его возвращением решится, чему быть.* – Еще 17.I.1791 Потемкин переслал Екатерине сведения, полученные через конфидентов, о панике, охватившей гарнизон Браилова, о борьбе среди правящих группировок в Константинополе, о кознях дипломатов. "Прусский министр при дворе Султана: сей столь попечительный в подаянии туркам доброй надежды и возбуждении против россиян твердо Султана уверил, что Англия при открытии весны выставит флот из 80-ти кораблей, коих одна часть поплывет в Балтийское море для действия с шведами, принудя их к разрыву мира, другая ж обратится на Черное море, дабы тем уклонить россиян к желаемому турками полезному миру. Прельщающиеся турки сими важными обещаниями сего счастливого приключения ожидают между страха и боязни" (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 219–222).

[2] *Отправляясь отсюда, препоручил команду Князю Репнину с полным предписанием.* – Подробная инструкция князю Н.В. Репнину помечена 9.II.1791 и опубликована в *РВ* (1841, № 8. С. 356–358). Ему предписывалось держать войска в готовности дать отпор противнику, быть осмотрительным и не пускаться в рискованные предприятия. Если же турки начнут переговоры о мире, условия неизменны: подтверждение прежних договоров, граница по р. Днестр.

[3] *Получил я письмо от Императора весьма милостивое и от многих поздравления из Вены.* – Письма Леопольда II Потемкину отыскать не удалось.

1110. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

15.II.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 281.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 648.

[1] *Во ожидании скорого твоего приезда не ответствовала я доныне на письмы, привезенные Г[енерал]-М[аиором] Поповым.* – Среди писем и донесений от 16 и 17.I находились и более ранние донесения. Именно Попов доставил в столицу подробное донесение о взятии Измаила (от 8.I.1791), в котором приводились обстоятельства

штурма, список отличившихся генералов и офицеров. В заключение главнокомандующий писал: "Отдав справедливость исполнившим долг свой военачальникам, не могу я достойной приписать похвалы искусству, неустрашимости и добрым распоряжениям главного в сем деле вождя Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Его неустрашимость, бдение и прозорливость всюду содействовали сражающимся, всюду ободряли изнемогающих и, направляя удары, обращающие вотще отчаянную неприятельскую оборону, совершили славную сию победу" (*РВ*, 1841. № 8. С. 349–350). Эта реляция была почти дословно воспроизведена в "Санкт-Петербургских ведомостях" 5.II.1791 г. Потемкин прибыл в столицу 28.II.1791. Храповицкий в своем "Дневнике" отметил важные политические новости, предшествовавшие его приезду. «2.II. Получено с курьером письмо Барона Палена от 24 генваря / 4 февраля: Шведский Король имеет предложение от Англии; говорил формально с Бароном Паленом, чтоб мы решились и не принудили его принять партию, ему противную". (Далее со слов Армфельта излагались предложения англичан о возможных военных действиях флотом против России вместе со шведами или без них, но с опорой на их военный порт. За все были обещаны деньги, в которых Густав III очень нуждался). Екатерина замечает в разговоре с Храповицким: "Шведский Король воспитан Французом и не терпит Англичан".

6.II. Из разных сообщений и дел политических заключить можно: 1-е, мирясь мы с Турками, оставляем за собой Очаков, и граница будет Днестр. 2-е. Турки, ни на что не соглашаясь, даже и на уступку нам Тавриды, хотят продолжать войну обще с Пруссией и Польшей. 3-е. Король Прусский к тому готов, ждут последнего отзыва Англии, которая к тому же наклонна и подущает уже Шведа. 4-е. Австрийцы за нас не вступятся: им обещан Белград от Пруссии, кои с согласия Англичан берут себе Данциг и Торунь. Послано письмо к Циммерману в Ганновер по почте, через Берлин, дабы чрез то дать знать, что турок спасти не могут. "Я таким образом сменила Шуазеля, переписываясь с Вольтером" (говорит Екатерина Храповицкому, вспоминая минувшую войну с турками. – *В.Л.*).

11.II. Возвратился наш курьер от Барона Палена. Король к нам преклонен и прислал проект трактата. Надобны деньги на первый подъем 150 т[ысяч] таллеров, да лично Королю 200 т[ысяч]..."» Храповицкий не знает, что Густав III, беседуя с Паленом, заявил: "Вы видите, Господин Пален, мои вооружения. Я не скрываю от вас, что оные употреблены будут в одну или в другую сторону". Король пригрозил, что если данные ему в Вереле обещания о выплате субсидий не будут выполнены, он будет считать договор анулированным. (См. *ВИ*, 1948, № 11. С. 47). Хотя посланник в Лондоне граф С.Р. Воронцов писал, что угрозы короля имели целью "продать себя дороже", положение оставалось очень серьезным. В марте 1791 г. Лондон и Берлин (в ответ на военные успехи России) достигли соглашения о совместном ультиматуме, направленном Екатерине II. Если она откажется удовлетворить их требования об условиях мира с Портой (при их посредничестве), то они откроют военные действия. Питт обратился к парламенту с просьбой о кредитах для войны против России. Британский флот начал приготовления к походу.

1111. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

III.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 249.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 644.

Письма этого периода (март–июль 1791 г.) представляют собой главным образом записочки, которыми обменивались Екатерина и Потемкин. Часто на них отсутствуют даты. Камер-фурьерский журнал под 28.II.1791 отметил: "В пятницу по утру в

6 часов прибыл в Санкт-Петербург из Главной Российской армии Главнокомандующий оною Господин Генерал-Фельдмаршал Его Светлость Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, который потом вскоре имел счастие предстать пред Ея Императорским Величеством во внутренних Ея Величества покоях". 6.III Храповицкий записывает в Дневнике: «В Эрмитаже игра, бал, певчие пели арии из оперы "Федула". Ужин у Князя Григория Александровича, где изволил быть и Его Высочество Государь Цесаревич с Великой Княгинею». 15.III следует короткая запись: "Безпокойство относительно Пруссии давно уже продолжается". Через день, 17.III Храповицкий сообщает важные подробности отношений князя и государыни (старые историки ошибочно сводили напряжение в их отношениях к Зубову, не желая понять суть происходящего. – *В.Л.*). "Захар Зотов (старший камердинер императрицы, креатура Потемкина. – *В.Л.*) из разговора с Князем узнал, что упрямясь, ничьих советов не слушают. Он намерен браниться. Плачет с досады, не хочет снизойти и переписаться с Королем Прусским. Князь сердит на Мамонова, зачем, обещав, его не дождался и оставил свое место глупым образом". 22.III "Нездоровы, лежат; спазмы и сильное колотье с занятием духа. Князь советует лечиться; не хотят, полагаясь на натуру". 23.II "Продолжение слабости; я был с почтой. Всем скучает. Малое внимание к делам". Очевидно, в один из таких дней и написано настоящее письмо.

[1] *...останусь дома, да велю читать.* – Императрица могла слушать представление Потемкина о наградах за Измаил (см. письмо № 1113 и примеч. к нему). Но это могли быть и составленные князем планы отпора англо-прусской агрессии (см. письмо № 1112).

1112. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

III.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 64.
Публикуется впервые.

Потемкин разрабатывает большой план отпора возможному нападению Англии и Пруссии (см. примеч. к письму № 1114). Данный отрывок касается срочных мер по усилению флота.

[1] *Флот в одном месте лутче будет...* – Балтийский флот России насчитывал до 30 линейных кораблей. В кампании 1790 шведы пытались разбить его по частям, не допуская до соединения Кронштадтской и Ревельской эскадр. Англия собиралась послать более 30 линейных кораблей, поэтому Потемкин обращает особое внимание на брандеры и огненосные орудия.

[2] *Не угодно было принять о мещанах, хотя и пробовано было мое представление.* – Старая идея Потемкина не получила поддержки. Ему было разрешено набрать полки из мещан Екатеринославской губернии и только 6.V. 1791 было позволено обратить мещан на комплектование сухопутной и морской артиллерии.

1113. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 24.III.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 69.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 643.

[1] *...не благоугодно ли будет отличить его гвардии подполковника чином или Генерал-Адъютантом.* – Перечислив (с большим знанием дела) заслуги Суворова в минувшей кампании, Потемкин оставил на выбор императрице награждение. Екатерина пожаловала героя Измаила в подполковники лейб-гвардии Семеновского полка, хотя сам он хотел получить звание генерал-адъютанта. Суворов прибыл в

столицу 3.III.1791. Накануне дочь его была пожалована во фрейлины. Старый воин был недоволен этой милостью и уже 28.III хлопотал перед Потемкиным об "увольнении" Наташи Суворовой "в Москву, к ее тетке К[нягине] Горчаковой года на два" (*ЗООИД*. Т. 8. С. 229–230). Очевидно, до государыни дошли отзывы боевого генерала о царивших при дворе нравах, заставлявших его опасаться за честь дочери, и Екатерина не пожелала иметь Суворова среди своих генерал-адъютантов. 9.III состоялась торжественная церемония: мимо Зимнего дворца "везены турецкие знамена и другие трофеи, взятые под Измаилом Российскими войсками" (*КФЖ*). Екатерина и многочисленная свита, в которой находился и сам покоритель Измаила, смотрела на шествие из окон. 24.III императрица подписала производение за Измаил. Награды были обильны и превосходили очаковские.

1114. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.IV.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 288–288об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 648–649.

1 *...первое письмо королевское от 30 января я читала... Письмо, писанное Игельстромом, мною апробовано и поправлено было.* – Письмо Густава III не разыскано. Несомненно, в нем речь шла о выплате обещанных в июле 1790 г. субсидий. Переговоры вел по поручению императрицы Игельстром, который письменно заверил короля от имени Екатерины о субсидиях. 2.II.1791 Храповицкий записывает разговор с государыней о требованиях Густава III. "...Король просил денег, но нельзя дать, для того, что их нет, и чтоб не похвастал Туркам и прочим, будто бы это последовало в исполнение секретных артикулов мирного трактата".

2 *...они посылку Игельстрома отклоняют и что болезнь королевская будет служить предлогом к несвиданию, чем я весьма сама довольна.* – Король воспротивился назначению барона Игельстрома посланником в Швецию. Екатерина направила в Стокгольм графа Штакельберга (не так давно отозванного из Варшавы). Под предлогом болезни Густав III отказался от свидания с Екатериной II.

3 *...я сама сказала Стедингу, что король не имеет причину сумневаться обо мне, что я готова заключить с ним союз и что в оном договоримся о субсидии.* – Храповицкий со слов императрицы записал ее беседу со шведским посланником бароном Стедингом: "Я сказала Стедингу, что ежели дойдет до дела, то Шведскую армию и флот беру я на свое содержание; изъяснила ему свои правила, и он, встав со стула и поцеловав мою руку, отвечал, что никогда против меня воевать не будет" (*ДХ*. 2.II.1791). Екатерина обусловливала выплату субсидий Густаву III заключением союзного договора.

4 *О границе зимою располагать неудобно было, а контр-проект остановился лишь за тем, что тебе от них же предложено было свидание, которое не сбудется же.* – Густав III настаивал на изменениях границы, предлагая за уступку Нейшлота земли в Карелии. Он же, узнав о приезде Потемкина в Петербург, предложил встретиться с ним на границе. (Письмо от 18/29.III. 1791. Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 63. Л. 2–2об.). Потемкин в письме к Палену сообщил о своей готовности "встретиться с Его Величеством Королем" (*ЗООИД*. Т. 8. С. 209). Встреча не состоялась.

5 *Пугательным прусским выдумкам, пришедшим сего утра, я еще отлагаю придать веру, дондеже подтвердятся.* – О чем идет речь, установить не удалось. Из "Днев-

ника" Храповицкого видно, что в середине апреля напряжение в отношениях с Пруссией и Англией достигло кульминации. См. письмо № 1115 и примеч. к нему.

6 *План твой получила, написав сие, и, положа перо сие на стол, стану читать.* – Возможно речь идет о представленном Потемкиным плане обороны западных границ (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 54–56об.). "Я сужу, что пруссаки двинутся для возбуждения поляков и, пустя их на нас, станут делать оказательства к Риге". Однако, по его мнению, и сами укрепления Риги, и собранные под ней войска, и наличие широкой реки (на которой должна была действовать хорошо вооруженная флотилия) – все это давало надежные гарантии безопасности рижского направления. Со стороны залива город должна была предохранять галерная флотилия. В Белоруссии у Могилева и на Украине под Киевом собирались два корпуса, имевшие связь с Двинской армией и с главной армией, выдвинутой к польской границе от Бендер. Все эти войска должны были перейти в наступление в случае польско-прусской агрессии. Против турок в европейской части предполагалось действовать оборонительно, а Таврическому и Кавказскому корпусам наступать на Анапу. Севастопольский флот должен был "искать турецкого и сражаться, силясь наводить страх, при устье Босфора становясь всегда так, чтобы ничто ходить не могло от устьев Дунайских к Царь Граду, ни от сего к ним". Относительно английского флота главной задачей Потемкин считал надежную договоренность с Густавом III, которая должна была лишить англичан возможности пользоваться шведскими портами.

1115. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

До 10.IV.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 72.
Публикуется впервые.

Скорее всего, письмо написано до 10.IV, когда, по сообщению Храповицкого, Потемкин отправился в придворную церковь причащаться вместе с Платошей Зубовым. Князь решил использовать влияние юного фаворита на императрицу, чтобы добиться от нее дипломатических уступок недругам России. Письмо не нуждается в комментариях. "Дневник" Храповицкого дает представление о напряжении тех дней. "7 и 8 апреля. Разные перебежки. Упрямство доводит до новой войны" (Очевидно, слова Потемкина по адресу Екатерины). "9 апреля. Сказали (Екатерина. – *В.Л.*), что пива и портера не будет; но сего же утра Князь с Графом Безбородко составили какую-то записку для отклонения войны. Князь был ввечеру у Государыни, а оттуда пошел на исповедь". "10 апреля. В день омовения ног Князь в большой придворной церкви приобщался с П[ла]т[о]ш[ей] вместе".

1116. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.IV.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 287.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 151.

Написано после получения кратких рапортов Репнина (не разысканы) об удачной экспедиции за Дунай. Корпус князя С.Ф. Голицына и корпус М.И. Голенищева-Кутузова 28.III под Мачином разгромили крупный отряд турок. Взято 27 знамен, 26 пушек. В плен попал трехбунчужный паша Арслан. Эти сведения приведены Потемкиным в его подробном донесении от 21.IV.1791 (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 129–139).

1117. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.IV.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 290.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 649.

К середине апреля напряжение в отношениях с Англией и Пруссией достигает кульминации. Питт посылает гонца для объявления войны России. "15 апреля, – записывает Храповицкий, – Призван Чичагов; выводит на рейду наши корабли. Разсуждение в Совете, где взять выгодную позицию против Английского флота. Князь говорил Захару: "Как рекрутам драться с Англичанами! Разве не наскучила здесь Шведская пальба?" Но уже 17.IV приходит первая утешительная весточка из Лондона, императрица говорит Храповицкому "с приметным на лице удовольствием, что в Парламенте спорили очень жарко против Питта о войне с нами. Фокс, Портланд и Девонширская партия за нас. Многие друзья от Питта отстали. Призывали Графа Безбородка, чтоб скорее сообщил Графу С.Р. Воронцову все бумаги, до дел с Англиею касающиеся, для отдачи оппозиции, ибо Министерство их не открывает, а мы чрез то докажем, что справедливость на стороне нашей..." "23 апреля. Говорили, что 6 кораблей уже выведены на рейду Кронштадтскую, а те ракальи не придут, но только людей в холод занимают. Почти сквозь слезы говорили". "26. Граф Суворов-Рымникский послан осмотреть Шведскую границу. Недоверчивость к Шведскому Королю внушил Князь. Говорят, будто для того, чтоб отдалить Суворова от праздника и представления пленных пашей". Передавая придворную сплетню относительно посылки Суворова на шведскую границу, Храповицкий противоречит самому себе: он писал о колебаниях Густава III и нажиме на него Англии. В такой кризисной обстановке присутствие на границе прославленного полководца могло охладить не одну горячую голову. 19.IV императрица утверждает план Потемкина об обороне границ на западе. В тот же день она пишет доктору Циммерману: "...я занимаюсь со свойственной мне энергией и деятельностью приготовлениями к приему, который мне придется оказать грозному английскому флоту, собирающемуся посетить нас... обещаю Вам, что Вы будете иметь обо мне известия, если на меня нападут с моря или с сухого пути, и ни в каком случае не услышите, что я согласилась на те постыдные уступки, которые неприятель позволит себе мне предписать" (*РС*, 1887. Т. 55. С. 317). 25.IV Екатерина подписала рескрипт Суворову: "Граф Александр Васильевич! Я желаю, чтоб Вы съездили в Финляндию до самой Шведской границы для спознания положений мест для обороны оной" (*СД*. Т. 3. С. 4). 28.IV "в понедельник в 3/4 7-го часа вечера Ея Императорское Величество изволила восприять высочайшее шествие в... дом Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического" (*КФЖ*). На грандиозном празднике, устроенном Светлейшим, присутствовали высшие чины двора, дипломатический корпус, генералитет (не было только никого из Зубовых). Екатерина II в речи, обращенной к хозяину, выразила ему свою полную доверенность и дала понять враждующим дворам о готовности к непоколебимой защите чести и достоинства России.

1118. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

V.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 170.
Публикуется впервые.

Эта и последующая записка подтверждают результаты хозяйственной деятельности Потемкина на юге, не прекращавшейся даже в годы изнурительной войны. Еще один красноречивый пример того, как далеки мифы о "потемкинских деревнях" (и им подобные) от реальной жизни.

1119. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

V.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 171–172.
Публикуется впервые.

Заложенный после взятия Очакова (в день Св. Николая) город Николаев стал центром кораблестроения на юге России.

1120. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

До 11.V.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 289.
Публикация – *PC*, 1876, декабрь. С 649.

Датируется на основании ордеров Г.А. Потемкина генералу князю Н.В. Репнину и контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову, помеченных 11.V, которыми предписывалось: Ушакову – "искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать там так, чтобы наши берега были ему неприкосновенны"; Репнину – "препоручаю произведение поисков на неприятеля, где только случаи удобные могут представиться, но с таким рассмотрением, чтобы действовать наверное. Большое предприятие на противную сторону я почитаю удобным тогда, как флот наш выйдет в море... Узнав, где большое их скопище, цельте на Бабаду (Бабадаг. – *В.Л.*)..." (*PB*, 1841. № 8. С. 366–367). К этому времени произошли важные перемены в международных делах. "Курьер с известием, что Англия, повидимому, в войну с нами не вступит", – записывает Храповицкий 30.IV. К изумлению премьер-министра Великобритании У. Питта-Младшего правительственное большинство в парламенте стало катастрофически уменьшаться. Возражения против войны с Россией появились на страницах печати. Докеры и моряки, имевшие твердый заработок благодаря торговле с русскими, выражали свое отношение к войне надписями на стенах домов. Оппозиция во главе с Фоксом воспользовалась переданными ей через Воронцова документами. Питту пришлось спешно посылать другого гонца, чтобы остановить первого, везшего послание о разрыве отношений. 14.V в Петербург прибыл английский "путешественник" Фалькенер (Фоукнер). Он был секретарем королевского Совета и партии Питта. И Безбородко, и Храповицкий сразу отметили, что Фалькенер, представленный 21.V в Царском Селе императрице, как "вояжер", приехал для важных переговоров. 9.VI вице-канцлер граф И.А. Остерман "подал записку о Конференции с Фалькенером, – отмечает Храповицкий. – Он доволен ответом, ему сделанным; подал кредитивную свою грамоту и просил аудиенции в качестве Чрезвычайного Посланника для открытия негоциации".

1121. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

9.VI.1791

Подлинник. Подпись – инициалы – автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 153.
Публикуется впервые.

[1] *Изволите усмотреть из письма посла французского, что он, хотя скрытно, но устами турецкими проповедует.* – В письме из Константинополя Шуазель-Гуфье сообщал Потемкину о том, на какие условия может согласиться Порта при заключении мира (Письмо от 18.V.1791. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 154–157).

[2] *Князю Репнину предпишется безпрестанно делать поиски на противоположный берег.* – В донесении от 9.VI Потемкин сообщал о подготовке Репнина к переправе через Дунай – "на пост ему назначенный" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 145–149).

[3] *Ожидаю, что Бог даст у Анапы, ибо сей удар важнее всех будет.* – В том же донесении говорилось о движении войск генерала Гудовича, который 4.V пришел к Кубани и собирался переправляться через нее. От Таврического корпуса на Таман был послан сильный отряд для содействия Гудовичу в овладении Анапой.

1122. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24.VI.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 189.
Публикуется впервые.

Датируется на основании текста следующего письма, в котором Екатерина сообщает о приезде графа А.Г. Орлова (согласно *КФЖ*, приехал в Царское Село 24.VI).

[1] *По записке на апробацию подношу я проект письма моего к Королю Шведскому.* – Еще в мае Потемкин получил письмо от Густава III (не разыскано) и просил Безбородко об услуге: "Ответное мое письмо к Королю не послано, потому что я хотел отправить одного из шведов, при мне находящихся, а именно Армфельда, но он болен. А главное, что по истине не знаю, что писать. Узнайте и прямо доложите от меня, что прикажут писать. Да нет ли чего нового" (Автограф. – *РГАДА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 242). Шведский король отправился в Пруссию, и Екатерина (на основании сообщений барона Палена) внимательно следила за этой поездкой. В письме к графу Штакельбергу от 13.VI.1791 она сообщала об успешных переговорах с Фоукнером, который признал условия мира с Портой (давно отстаиваемые Россией) и заявил о готовности начать официальные переговоры. "Если эти переговоры протянутся до Петрова дня, то очень вероятно, что Английский флот появится в Балтийском море не ранее осени и бурь... Что касается до моих кораблей, то они все еще стоят на якоре на Кронштадтском рейде". Сообщив о решении выплатить Густаву III крупную субсидию, Екатерина упомянула о письме Потемкина королю. "Князь Потемкин, вероятно, хотел сделать свое письмо чересчур прекрасным и потому оно до сих пор не написано. Он из тех людей, которые на знают ни часа, ни числа, ни года. Мне досадно, что я не узнала этого вовремя, а то бы я сама написала письмо и послала бы ему его только для подписи" (*Письма Екатерины II к Стакельбергу*. С. 44).

[2] *Сей час есть кто-то, курьером приехавший из Пруссии, и объявил, что полки входят там в квартеры.* – Миссия Фоукнера означала важный поворот событий. Уже 18.VI от имени английского правительства Фоукнер и британский посланник Уитворт вручили ноту, в которой основанием для мира с Портой признавалась граница по р. Днестр. Очаков с буджацкой степью также отходил к России. Пруссия после некоторых колебаний была вынуждена присоединиться к своим союзникам-англичанам. 16.VI императрица говорит Храповицкому, что хочет заказать мраморный бюст лидера оппозиции Фокса, сделать с него бронзовую копию и поставить его в своей любимой колоннаде (Камероновой галерее) рядом с бюстом Демосфена: "Он красноречием своим не допустил Англию до войны с Россиею".

1123. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

24.VI.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 479.
Публикация – *СБРИО*. Т. 27. С. 459.

1124. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24.VI.1791

Подлинник. Подпись – инициалы – автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 174.
Публикация – *КД*. Т. 1. С. 149.

Приписка на представлении к наградам отличившихся в первом поиске на Мачин 28.III.1791 (см. письмо № 1116). В донесении от 19.VI.1791 Потемкин сообщил императрице о новой победе генерал-поручика М.И. Голенищева-Кутузова 4.VI. Корпус Кутузова, переправившись через Дунай у Тульчи, атаковал и разбил "знатный корпус неприятеля" в укрепленном лагере при Бабаде (Бабадаге). Противник насчитывал более 20 тысяч человек (помимо турок, в корпус входили отряды татар, некрасовцев и запорожцев). В руки победителей достался весь лагерь, 8 пушек и знамена (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 163–165). Представление было уважено. Кутузов получил орден Св. Александра Невского.

1125. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24.VI.1791

Подлинник. Подпись – инициалы – автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 21. Л. 170.
Публикация – *СП*. С. 617.

Отрывок из официального представления Потемкина Екатерине II, свидетельствующий о благожелательном отношении князя к Суворову, который оказался вовлеченным в дворцовые интриги и примкнул к партии Зубова. (См. подробнее в кн.: *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. С. 224–236). Представление было уважено 28.VI.1791.

[1] *Горчаков* Алексей Иванович (1769–1817), князь, родной племянник А.В. Суворова (сын его сестры Анны Васильевны и генерал-поручика князя Ивана Романовича Горчакова). В 1787 г. имел чин сержанта гвардии. Суворов просил у Потемкина разрешения взять племянника к себе во флигель-адъютанты и получил его. Зная о хорошей боевой и деловой школе, какую проходили молодые офицеры, состоявшие в штабе Потемкина, Суворов добился перевода Горчакова в штаб Светлейшего. За отличие при штурме Очакова Горчаков был награжден Георгием 4-ой степени. Быстро продвигался в чинах. Впоследствии генерал от инфантерии. Управлял Военным министерством в начале Отечественной войны 1812 г. Уволен в отставку с поста военного министра в 1815 г. по недоказанному обвинению в злоупотреблениях, связанных со снабжением армии во время войны.

1126. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

25.VI.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 70.
Публикуется впервые.

Датируется на основании записи в *КФЖ* о прибытии 26.VI.1791 Екатерины со свитой из Царского Села в столицу. На обеде в Зимнем дворце среди гостей показан Потемкин.

[1] *Подношу здесь... рапорты Генералов Каховского и Гудовича...* – Не обнаружены.

1127. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

VI.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 18.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 410.

[1] *Длинное письмо Линя и короткое сына его я получила.* – Императрица поддерживала деятельную переписку с принцем Де Линь, посылая ему письма по почте для того, чтобы секретные службы Пруссии и Австрии (вскрывавшие письма) могли получить из первых рук информацию о ее твердости перед лицом новых угроз. Известен ответ государыни на большое письмо Де Линя, помеченный 30.VI.1791; в нем она упоминает его сына, награжденного за отличие при штурме Измаила Георгием 3-ей степени. Данное письмо-ответ на неизвестную записочку Потемкина, в которой он передал поклон Зубову.

1128. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

2.VII.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.
Публикуется впервые.

Датируется на основании записи в *КФЖ:* "2 июля, в среду, по утру в 3 часа, в Петергоф прислан из Санкт-Петербурга от Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического к Ея Императорскому Величеству курьер армейский подпоручик, с полученным объявлением, присланный из Первой армии от Генерал-Поручика Дерфельдена о взятии турецкого города крепости Анапа".

[1] *...получил известие от Генерала Каховского...* – Не разыскано. Известие, посланное через Крым Каховским (по дороге его обогнал курьер от Дерфельдена) пришло все же раньше донесения Гудовича. Его курьер прибыл в столицу 4.VII. В донесении, помеченном 22.VI.1791 говорилось о том, что Анапа была взята кровопролитным штурмом. Причем в разгар штурма атакующие подверглись нападению с тыла турок и черкес. Последние были отбиты с большим уроном. В крепости были взяты большие трофеи: 71 пушка, 9 мортир, до 100 знамен, тысячи пленных во главе с командующим пашой Мустафой, сыном Батал-паши. Среди пленных оказался и Шейх-Мансур.

[2] *От Генерала Гудовича ожидаю курьера обстоятельного.* – См. письмо № 1129.

В этот день – 2.VII – императрица с небольшой свитой (камер-фрейлина А.С. Протасова, генерал-адъютант граф Ф.Е. Ангальт, камергер граф А.С. Строганов и братья П.А. и В.А. Зубовы) отправилась из Петергофа в Петербург и обедала у Потемкина в его доме "в Конной гвардии". Сверх свиты присутствовали посол Австрии граф Кобенцель и шведский посланник барон Штединг (Стединг). "Ее Императорское Величество изволила пить за здравие гостеприимца, а перед началом обеденного стола представил Ее Императорскому Величеству Его Светлость Князь Г.А. Потемкин-Таврический приезжего из Турции армии курьером армейского сержанта, который пожалован прапорщиком и жалован к руке..." (*КФЖ*). Вечером гости отъехали в Царское Село.

1129. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

12.VII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 91–91об.
Публикуется впервые.

Датируется на основании записи в *КФЖ*: "12 июля, в субботу, по утру в 10 часов в Царское Село прибыл полковник Князь Лобанов, присланный курьером из армии от

Генерал-Аншефа и Кавалера Князя Николая Васильевича Репнина, с донесением об одержанной победе Российскими войсками, под командою помянутого Князя Репнина, разбитием неприятельской турецкой армии в 80 тыс. человек состоящей и предводимой верховным визирем Юсуф-пашею, произшедшем за Дунаем при Мачине в 28-й день минувшего июня". На следующий день императрица назначила торжественное молебствие в церкви Рождества Пресвятыя Богородицы и приказала разослать повестки. "В 6 часу в Царское Село прибыли из Российской армии присланные от Генерала Гудовича курьерами бригадир Поликарпов, с донесением к Генерал-Фельдмаршалу, что по покорении города Анапы, сожегши сами турки город Суджук-Кале, разбежались и оный войсками Ее Величества занят..." Поликарпов привез ключи Анапы, а сопровождавший его офицер трофейные знамена.

[1] *Поликарпов* Александр Васильевич (1753–1811) – бригадир. За участие с отличием в штурме Анапы и привоз ключей от города награжден Георгием 3-ей степени. Впоследствии губернатор в Твери, действительный тайный советник и сенатор.

1130. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 432.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 651.

Судя по содержанию письма, это ответ за присланные Потемкиным утром 12.VII донесения о Мачинской победе с приложением рапорта князя Н.В. Репнина (см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 11–16). Потемкин повторил слова рапорта Репнина о том, что турецкой армией командовал сам везир Юсуф-паша. Как выяснилось позже, в день Мачинского сражения везира не было при армии.

1131. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 430.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 651.

Это письмо написано вечером, после получения известия от Гудовича о занятии Суджук-Кале. Храповицкий записал в "Дневнике" о приезде курьера Репнина и курьера Гудовича с известием об оставлении Суджук-Кале (ДХ – 11.VII.1791). Трудно поверить, чтобы Потемкин потратил целый день на доставление донесения в Царское Село. Возможно, запись сделана задним числом.

[1] *В один день, мой друг, два праздника, да сверх того еще чудесные дела: принятие наших кондиций союзниками...* – Под 11.VII Храповицкий отметил: "Подписана нота Витвортом, Графом Гольцем и Фалькенером, в которой, отдавая справедливость умеренности Ея Величества, ответствуют за своих Королей, что к миру с Турками в основание полагают уступку Очакова до реки Днестра, которая будет границею с свободною навигациею, ни с нашей, ни с Турецкой стороны невозбраняемою; буде же Турки на то не согласятся, то Дворы их от медиации отступят". Две победы и фактическая сдача союзников Порты (два года продержавших ее в войне с Россией) явились закономерным признанием выдающихся успехов русской армии и флота, русской дипломатии и твердости, проявленной Екатериной II и ее ближайшими соратниками, в первую очередь Потемкиным.

13.VII в Казанской церкви на Невском проспекте состоялся торжественный молебен.

1132. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

14.VII.1791

Подлинник. Подпись – инициалы – автограф. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 138–138об.
Публикуется впервые.

Это и следующие письма являются официальными представлениями Потемкина и включены в книгу для напоминания о той роли, которую сыграл президент Военной коллегии (фактически с 1774 г., официально с 1784 г.) в учреждении постоянной и правильной инспекции в войсках.

1 *...подношу... штаты армейского инспекторского департамента и експедиции инспекторской при Военной коллегии.* – Штатов в деле нет. На документе помета – "Представленный штат высочайше конфирмован июля 18 1791".

1133. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

14.VII.1791

Подлинник. Подпись – инициалы – автограф. *АВПРИ* Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 139.
Публикуется впервые. Датируется на основании предыдущего письма.

1134. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.VII.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 21.
Публикуется впервые.

Датируется условно – находится среди документов, помеченных 15.VII.1791.

1 *Анапа и Суджук-Кале – места отнюдь неспособные для удержания за собою...* – После согласия союзников Порты на русские условия мира взятие Анапы и занятие Суджук-Кале (будущий Новороссийск) поставило вопрос: что делать с новыми завоеваниями? В записке к Безбородко Потемкин предложил временно удерживать Анапу для понуждения "Порты скорей преклониться на мир" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 243). 20.VII в Царском Селе был дан большой обед. Императрица на отпускной аудиенции, данной Фоукнеру, выразила признательность посланцу Питта и подарила ему драгоценную табакерку. Потемкин присутствовал на этом воскресном обеде, как и на обедах 21 и 22.VII.

1135. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

22.VII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 499–500.
Публикация – *СБРИО*. Т. 42. С. 141–142.

Датируется на основании представления Потемкина от 21.VII.1791, в котором говорилось: "В обер-штер-кригскомиссары, при Генерал инспекторе положенные, всеподданнейше прошу повелеть переименовать двора Вашего Императорского Величества камерюнкера Князя Михайла Голицина" (Подлинник. Подпись – инициалы – автограф. – *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 141). Существует еще один документ (очевидно, записка Потемкина главному докладчику императрицы Безбородко), позволяющий почувствовать некоторое охлаждение в отношениях князя и государыни. "По записке об определении ко мне по званию Генерал инспектора камерюнкера Князя Михайлу Голицына я прошу покорно доложить. Он человек честной и за собою имеет 12-ть тысяч душ. Сего и было бы достаточно для его рекомендации, но, оставя

все, главный резон есть, что сия милость будет собственно мне, которая столь меня интересует, что я поеду с веселым духом. Ежели Ея Имп[ераторское] Вел[ичество] осыпала меня полезными милостьми, то тут будет приятная. Повергните мою прозьбу с изъяснением, сколь я буду чувствовать". (Автограф. – *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/8а. Д. 21. Л. 145). Несмотря на это, представление о Голицыне не было уважено императрицей, а сам тон написанного ею по этому поводу ответа непривычно резок и раздражителен. Г.Р. Державин в своих "Записках" довольно подробно пишет о том, что "в сие время крылося какое-то тайное в сердце Императрицы подозрение против сего фельдмаршала" и связывает это с происками Платона Зубова. Великому поэту екатерининского времени, склонному к преувеличениям, следует верить с известной долей осторожности. Конечно, Зубов и его родня, вошедшие в силу, боялись Потемкина и тайно подкапывались под него. Но несомненно и другое: Светлейший оставался самым доверенным, самым надежным другом и сотрудником Екатерины, разделявшим вместе с нею бремя управления Великой державой. До публикации их переписки, до выхода в свет 4-х томного собрания документов Потемкина, осуществленного Д.Ф. Масловским и Н.Ф. Дубровиным в 1893–1895 гг., жизнеописание Великолепного Князя Тавриды носило анекдотический характер. Даже издатели журнала "Русская старина", сделавшие так много для популяризации Екатерины и ее соправителя (издали сотни документов!), не устояли против сложившихся мифов и в статье, посвященной последним дням пребывания Потемкина в Петербурге, писали: "Прекращение военных действий... давало Князю Таврическому полное право не спешить с отъездом..." Но пребывание его в Санкт-Петербурге, опасное властолюбивым замыслам Зубова, было неприятно двору. Оно казалось ему дерзостью назойливого человека, лишнего, уже не нужного ни в совете, ни в делах военных. Решено было объявить ему повеление ехать в Молдавию. На объявление опальному герою монаршей воли не отважился никто из вельмож и тогда сама государыня взяла на себя труд объясниться с Потемкиным. Еще недавно "раздражительный, озлобленный, грозный князь Таврический смирился пред волею обожаемой им монархини, с кротостью выслушал ея повеление и безропотно покорился своему жребию" (*РС*, 1876, сентябрь. С. 48). Все это домыслы. Потемкин считал своим долгом подвести итоги войне, которой он руководил в течение 4-х лет и которая утверждала Россию в ранге Черноморской державы. Его переписка с императрицей, Безбородко и другими лицами за июль – сентябрь 1791 г. (по день кончины) не оставляет в этом никаких сомнений.

[1] *Он тебе честь в Армии не принесет.* – Князь Михаил Андреевич *Голицын* (1765–1812) – камерюнкер. Впоследствии камергер и тайный советник. Его жена Прасковья Андреевна (урожденная графиня Шувалова) (1767–1828) была известна как писательница; по матери она принадлежала к влиятельному семейству графов Салтыковых. Возможно, что именно к ней относятся страстные письма Потемкина, опубликованные в 1875 г. в журнале "Русская старина", как письма Прасковье Андреевне Потемкиной.

1136. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

25.VII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 291.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 649.

Камер-фурьерский церемониальный журнал сообщает: "24 июля, четверг. Сего числа по утру в 4 часа Его Светлость Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический из Царского Села предпринял путь к армии".

[1] *Репорт к тебе Князя Репнина от 14 июля я, раскрыв, читала...* – Не обнаружен.

[2] *Просил ты меня, чтоб я тебя избавила от Каменского, а ныне от Графа Безбородка слышу, что просишь его к себе.* – Каменский отличался вспыльчивым характером и бешеным темпераментом. См. ответ Потемкина в письме № 1138.

1137. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

27.VII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 99.
Публикуется впервые.

[1] *...получил я... рапорты Генерала Каховского и письмо от него к Попову...* – Не обнаружены. В.С. Попов задержался в Петербурге и прибыл на юг через две недели после Потемкина. В письмах к императрице и к Безбородко он подробно описал ход предсмертной болезни князя и саму его кончину.

[2] *Я полагаю, что неприятель будет убегать драться в море, а искать будет где ни есть, под крепостью своею, стать на шпринг. Но лишь бы ветр мы взяли.* – Действительно, Севастопольский флот, выйдя 10.VII (по повелению Потемкина) на поиски турецкого флота, несколько раз пытался навязать ему сражение в море. Противник, используя большую легкость хода своих судов, уходил. Как и предвидел Потемкин, сражение произошло у мыса Калиакрия, где турецкий флот стоял на якорях под прикрытием береговых батарей.

1138. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

28.VII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 95.
Публикуется впервые.

1139. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

1.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 93–94.
Публикуется впервые.

[1] *Из донесения К[нязя] Репнина изволите увидеть, что визирь отозвался, хотя и с глупою гордостию, но уже мне известно по другому донесению, что переговоры о прелиминариях берут хорошее начало.* – Письмо было отправлено вместе с официальным донесением от 1.VIII.1791, к которому были приложены письмо визиря к Репнину, ответ последнего и рапорт Репнина Потемкину от 16.VII.1791 с оценкой хода переговоров (см. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 77–82).

[2] *У цесарцев мир подписан.* – 24.VII/4.VIII.1791 г. в Систово австрийцы и турки подписали мирный договор. Используя успехи российского оружия, австрийские дипломаты сумели выторговать себе Старое Орсово и территорию, примыкающую к Банату.

[3] *Губернатор лишь только теперь приехал из Екатеринославля и мне помогает.* – Губернатором был брат генерала М.В. Каховского (командовавшего войсками в Крыму) Василий Васильевич *Каховский* (ум. в 1796), офицер генерального штаба, перешедший на гражданскую службу, друг Я.И. Булгакова. Впоследствии действительный тайный советник.

1140. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 293.
Публикация – *PC*, 1876, декабрь. С. 650.

Несмотря на дипломатический успех, достигнутый в ходе переговоров с представителями Англии и Пруссии, Екатерину беспокоили требования шведского короля о субсидиях и исправлении границы в Финляндии. 29.VII она говорит Храповицкому: "Дайте мне кончить с Турками. Я рада, что могла на время занять Шведов Французскими делами". Густав III одним из первых поставил вопрос о создании коалиции, направленной против революционной Франции. После неудачного бегства Людовика XVI 9/20.VI из Парижа королевская семья находилась в заключении.

1 *О Каменском посылаю к тебе повеление.* – Принятие на службу М.Ф. Каменского обернулось серьезным конфликтом между ним и М.В. Каховским, которого Потемкин, чувствуя, что силы его наисходе, вызвал из Крыма для поручения главного командования армией. Каменский, как старший генерал-аншеф, попытался взять в свои руки командование, вызвав гнев императрицы. Вскоре последовала его отставка.

1141. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 97.
Публикуется впервые.

1 *Слава Богу прелиминары, подписанные при отъезде моем, утверждены.* – Прелиминары (предварительные условия мира) были заключены 24.VII.1791 и утверждены Репниным и везиром 31.VII. Порта пошла на условия, еще два года назад заявленные от имени России Потемкиным.

2 *Я 7-го числа буду в Галаце и постараюсь кончить все скорей положенного сроку.* – Князь Репнин действовал в соответствии с оставленными ему Потемкиным инструкциями. Он заключил перемирие на 8 месяцев, не зная последних соглашений с Англией и Пруссией. См. письмо № 1144.

3 *Флот до получения моего ордера паки вышел к Румелийским берегам искать неприятеля.* – Ушаков, имея приказ Потемкина – сразиться с неприятелем, 29.VII (после небольшой починки кораблей и фрегатов) снова вышел в море и 31.VII разгромил турецкий флот при Калиакрии Потемкин еще не знает об этом и послал легкое судно "Березань" сообщить Ушакову или капитан-паше о заключенном перемирии.

1142. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

6.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 89.
Публикуется впервые.

1 *...рапорты и письмы, полученные от Князя Репнина, все здесь подношу.* – Эти письма и рапорты Репнина Потемкину (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 90–103) опровергают давно бытующую в литературе версию о том, что Репнин, воспользовавшись отсутствием Светлейшего, действовал по собственной инициативе, разбил неприятеля и подписал мир, вызвав якобы страшный гнев Потемкина. Приводим (для исторической точности) отрывки из писем Репнина Потемкину. "Сергей Лазоре-

вич Лашкарев вчерась после обеда воротился от визиря. Был там чрезвычайно и ласково принят. Вашу Светлость турки с крайним желанием и нетерпением ожидают. Сам визирь приказал меня просить, чтобы я его известил, сколь скоро узнать точно о Вашем приезде сюда, дабы он немедленно прислал поздравить Вашу Светлость с благополучным прибытием..." (Автограф. – Там же. Л. 103). "Присудствие Вашей Светлости, крайне здесь нужное, все решит и увенчает скоро всю Вашу славу славным же и полезным для Отечества миром. Чем скорее Ваша Светлость прибыть сюда изволите для разрешения всего, тем менее иметь будут времени чужестранные державы как-либо своими каверзами внедриться в сии дела, а теперь визирь о них и не мыслит". (Там же. Л. 97). Репнин получил за Мачинскую победу Георгия 1-ой степени и Потемкин сердечно его поздравил и с наградой, и с миром.

1143. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

9.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 295–295об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 650.

[1] *...заготовленным рескриптом ответствую.* – Рескрипт от 9.VIII.1791 подтверждал полученные известия о том, что турки начинают склоняться к заключению мира, и выражал уверенность в благополучном исходе миссии Потемкина.

1144. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

12.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 296–296об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 650–651.

[1] *Осьмимесячный срок перемирия долог.* – Безбородко, взявший в свои руки переговоры (после смерти Потемкина) резко осуждает Репнина за "слабость" и неуместные уступки туркам (см. его письмо П.В. Завадовскому от 17.XI.1791 г. – *СБРИО*. Т. 29. С. 220–222).

[2] *Естьли в четыре месяца турки не кончат, тогда их покинут, а нам вольно уже и повысить кондиции.* – Подписанные в Петербурге соглашения с "медиаторами" – посредниками (англичанами и пруссаками) оговаривали 4-х месячный срок для заключения Портой мира на выработанных условиях. В случае отказа турок мириться они оставляли Порту один на один с Россией, которая могла повысить требования.

1145. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

15.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 100.
Публикуется впервые.

[1] *...прислал визирь меня поздравить драгомана своего и Бин-чауша.* – Турки уважали и ценили положение и влияние Потемкина (Булгаков еще в 1784 г. писал Светлейшему князю из Константинополя о том, что они почитают его "нашим верховным визирем"). Драгоман (переводчик) и Бин-чауш (адъютант) были важными лицами при везире.

[2] *...будто Султан не апробовал ничего и ему беда.* – Высоко оценивает действия Потемкина Безбородко: "На попытку турок говорить, что визирь будто бы в

великой опасности и что Султан его поступков не апробовал, Князь им дал окрик, сказав, что в их воле разорвать положенное, но с той минуты уже кондиций нет. После прислал визирь другого чиновника..." (*СБРИО*. Т. 29. С. 121–122). По поведению турок, Потемкин, еще не зная о победе Ушакова, верно оценил обстановку.

[3] *Я болен крайне и, ежели обратится моя лихорадка в гнилую горячку, как то здесь обыкновенно, то уже не в силах буду выдержать.* – Прибывший в Галац Попов писал Безбородко: "Сия мучительная болезнь была желчная горячка и господин Тиман посылал за другим доктором, чтоб зделать консилиум". (Письмо от 24.VIII.1791 г. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 38. Л. 18).

[4] *Принц Виртембергский скончался, и я, на выносе его будучи, занемог.* – Карл Александр принц *Виртемберг-Штутгардтский* скончался 13.VIII.1791 г. "от горячки". Получив это горестное известие, императрица "изволила ездить в Павловск для утешения Ея Высочества, Великой Княгини, и возвратилась в 9 часов вечера в Царское Село" (*ДХ*. 26.VIII.1791). Согласно известному анекдоту, Потемкин при выносе тела принца из храма по ошибке сел не в свой экипаж, а на погребальные дроги.

[5] *Прилагаю письмо визирское и рапорт при выходе его из Севастополя.* – Письма в деле нет. Рапорт Ушакова от 29.VII.1791 г. о выходе с флотом из Севастополя помещен в *МИРФ*. (Ч. XV. С. 399–400).

1146. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

После 15.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 101.
Публикуется впервые.

[1] *Я еду в Гущ, куда и полномочные будут.* – В Галаце свирепствовала эпидемия. Потемкин приказал Репнину выводить оттуда войска, а сам отправился в Гущ, где в 1711 г. дипломаты Петра I подписали спасительный мир с Портой, по которому Россия утрачивала все приобретения в Приазовье. Там же ожидались турецкие полномочные, которые совсем недавно завершили переговоры и подписали мир с австрийцами в Систове.

1147. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 104.
Публикуется впервые.

[1] *Еду к Яссам в Чердан.* – И Попов, и Репнин в своих письмах сообщали о тяжелой болезни Потемкина. 24.VIII Попов писал Безбородко: "Славу Богу, что Князь, убежденный нашими прозьбами, принял лекарство, которое много помогло. Один только сильный и долговременный параксизм был после сего лекарства, но потом становились они легче и оставили только по себе крайнюю слабость, которая до сих пор держит Его Светлость в постеле, но не препятствует уже течению дел, хоть то и стоит немалого Его Светлости труда..." (Письмо из Гущ. Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 38. Л. 18). Известны два письма Потемкина Репнину, посланные в разгар болезни. "Продолжающиеся мои страдания и лечение довели меня до совершенной слабости, – писал он, настаивая на скорейшем выводе войск из пораженного эпидемией места. – Одно средство к сохранению людей нахожу я в удалении их из Галац..." (*РВ*. 1841. № 8. С. 372).

1148. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

24.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 19.
Публикуется впервые.

Датируется на основании официального донесения Потемкина императрице от 24.VIII.1791 г., написанного после получения подробного рапорта Ушакова о сражении при Калиакрии (донесение опубликовано в *СБВИМ*. Вып. VIII. С. 247–252).

1 *От визиря письмо получил, все с уверениями о полномочных.* – Письмо не разыскано, но Попов в упоминавшемся выше письме к Безбородко, назвал имена турецких уполномоченных, "которые и должны к Их Светлости собраться в Яссы": первый – Абдулла Рейс-эфенди, второй Измет-бей – войсковой судья и третий Дурри-Заде Рузнабеджи (Попов называет его "Еничар-эфенди") (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 38. Л. 18об.).

1149. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

28.VIII.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 298–298об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 651.

1 *Но о чем я всекрайне сожалею и что меня жестоко безпокоит – есть твоя болезнь...* – Храповицкий записывает 28.VIII.1791: "Получено известие чрез Кречетникова из Киева, что Кн[язь] Потемкин очень болен и к нему поехала племянница его Гр[афиня] Браницкая. Сей курьер из Киева от 21 августа; – печаль и слезы. 29 августа. Ездили в Невский монастырь ко всенощной; дано в церковь большое серебряное паникадило, к раке Св. Александра Невского золотая лампада, сверх того, сосуды золотые с антиками и брильянтами". По-русскому обычаю императрица бьет поклоны и делает богатые вклады в храм, моля Бога о сохранении жизни ее мужа.

1150. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

4.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 302–302об.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 651–652.

1 *Я весьма любопытна видеть журнал обещанный.* – См. письмо № 1147.

2 *Пожалуй, напиши ко мне – чрез кого ты послал к Дюку Ришелье орден Св. Георгия, шпагу и мое к нему письмо.* – Герцог Арман Эммануэль *Ришельё*, граф Шинон дю Плесси (1766–1822) принял участие в штурме Измаила в числе других волонтеров-иностранцев, под именем Дюка де Фронсака. Был награжден Георгием 4-й степени и золотой шпагой. Впоследствии перешел на русскую службу, был градоначальником Одессы и губернатором Новороссии. После реставрации Бурбонов вернулся во Францию и возглавил правительство. В Одессе ему был установлен памятник работы И.П. Мартоса, уцелевший после революции. См. ответ Потемкина в письме № 1154.

1151. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

6.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 106.
Публикуется впервые.

1 *Я во власти Божией, но дела Ваши не потерпят остановки до последней минуты.* – Потемкин не пишет о том, что 27.VIII он пригласил к себе духовника, исповедовался

и причастился. (См. – *РВ*, 1841, № 8. С. 372). "С приезду сюда (в Яссы. – *В.Л.*) день от дня становилось Его Светлости лутче, – писал Попов к Безбородко 6.IX.1791, – но с 3-го числа паки мы в великой заботе. Жар и тоска особливо ж в ночи мучили его несказанно. Вчера с полдня зделалось облегчение". (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 38. Л. 22). В том же письме Попов сообщает, что больных в Яссах "весьма много, но Славу Богу, что все почти выздоравливают и умирающих очень мало", что и князь Репнин, державшийся дольше всех, тоже тяжело заболел. Все ждут приезда турецких полномочных. С. 6.IX Попов начинает сообщать о ходе болезни князя самой императрице (по ее повелению от 28.VIII.1791).

1152. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

10.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 105.
Публикуется впервые.

Этим же числом помечены несколько донесений, подписанных Потемкиным. В одном из них сообщается о прибытии турецких полномочных в Браилов, откуда они прислали ему письмо, уведомляющее о скором приезде в Яссы. (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 256). В письме к Безбородко Потемкин просит передать Ея Императорскому Величеству прошение бригадира М.Л. Фалеева "об утверждении части имения его и фамилии двум его питомцам... Господин Фалеев весьма был болен и теперь еще в крайнем изнеможении. Моя слабость еще продолжается, но страдания мои, слава Богу, уменьшились", – заканчивает письмо Потемкин (Подлинник. Подпись–автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 256). Попов отправляет Екатерине сообщение о ходе болезни князя по дням (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 3).

1153. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

16.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 303.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 652.

[1] *Твои письмы от 29 августа и 6 сентября мною получены.* – 29.VIII помечены донесения Потемкина о возвращении флота в Севастополь и получении от везира подарков (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 254–255). Письма Потемкина, на которое ссылается императрица, в деле нет. 16.IX Екатерина пишет к племяннице Потемкина графине А.В. Браницкой: "Теперь все наши безпокойствия кончились. Тревожит меня одно: болезнь дядюшки вашего Князя Григорья Александровича. Пожалуй, Графиня, напишите ко мне, каков он, и постарайтесь, чтоб он берегся как возможно от рецидивы, коя хуже всего, когда кто от болезни уже ослаб. Я знаю, как он безпечен о своем здоровье" (*АКВ*. Кн. 25. С. 467). Храповицкий записывает в эти дни беседы с государыней, которая обсуждает с ним полученные известия о намечающемся союзе Пруссии и Австрии (к ним готов присоединиться английский двор), направленном в защиту французского короля. Нассау ведет от имени Екатерины II переговоры о поддержке этой коалиции Россией.

1154. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

16.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 103.
Публикуется впервые.

[1] *Турков жду чрез четыре дни.* – Вместе с этим письмом в Петербург пошло донесение о прибытии турецких полномочных в Берлад (Бырлат). Из-за дождей,

испортивших дорогу, они задерживаются и приедут в Яссы через 4 дня (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 256).

[2] *Описание всему, что было говорено с драгоманом и другими, пришлю с будущим курьером.* – В деле (донесения Потемкина от сентября 1791 г.) этого описания бесед с турецкими дипломатами нет.

[3] *Ей Богу, не могу написать, так голова слаба.* – Попов письмом от 16.IX сообщает императрице: "...Князь Григорий Александрович при наступившей весьма ненастной погоде переехал из загородного дома в Яссы. Здоровье Его Светлости при наблюдаемой им умеренности в пище час от часу становится лутче. Не было уже ни жару, ни ознобу, а только часто страдает Его Светлость от жестокого стреляния в ушах. Боль сия весьма для него мучительна, и мы всевозможное употребляем к облегчению ево, но как причину ея полагают в великой еще слабости Его Светлости и в свойстве продолжительных здешних болезней, то и остается ожидать излечения ея от времени и диеты, которую Его Светлость весьма строго хранит" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 5–5об.). Тем же 16.IX помечено собственноручное письмо Потемкина Безбородко: "Когда дела много тут, сил нет. Но я, верьте, себя не щажу. Ежели дело кончится, как иначе Армии выходить, как чрез П[ольшу]. И на то надлежит решиться. Извини, Милостивый Государь, устал, как собака..." (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 255). Смертельно больного Потемкина беспокоит, как выводить вверенные ему войска в Россию. С Польшей отношения остаются напряженными. В одном из донесений (от 29.VIII.1791) он сообщал: "Между тем, делают они по границе ко всему прицепки и ожидают полезного решения участи своей от свидания с Императором Короля Прусского" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 123).

[4] *К Ришелье я посла все с П[ринцем] Нассау... Да я его считал едущего в армию по его письму, но узнал от Сомбрюля, что он не поехал.* – Речь идет об ордене и шпаге, отправленных при письме императрицы к герцогу Ришелье. См. запрос Екатерины в письме № 1150. Очевидно, еще в бытность Потемкина в Петербурге он получил письмо от герцога о его возвращении из Парижа в Россию, но потом Сомбрюль (французский волонтер?) сообщил, что герцог не поехал.

1155. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 7.
Публикуется впервые.

В этот день Попов посылает тревожное письмо Екатерине: "...третьего дни в четыре часа пополудни открылась у него лихорадка жесточайшим ознобом, которому последовал сильный жар. Параксизм продолжался с чувствительнейшими страданиями до самого утра. Весь вчерашний день и сегодни Князь провел весьма тяжело и слабость его паче умножилась. Сегодни мы опасались паки параксизма, все были к тому признаки, но благодаря Бога онаго не было... Графиня Александра Васильевна, будучи все это время неотлучно при Князе, много приносит ему облегчения своими услугами. Медики опасаются, чтоб не было параксизма завтра, ибо здешние четверодневные лихорадки и продолжительны, и мучительны. Нужно Его Светлости принимать лекарство. При всем его от оных отвращении убеждаем Его Светлость к принятию Высочайшим Вашего Императорского Величества имянем" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 6–7).

1156. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

21.IX.1791

Автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 187.
Публикуется впервые.

Одно из последних служебных донесений, написанных Потемкиным императрице. Документ не нуждается в комментарии. Этим же днем помечено и еще одно донесение, продиктованное Потемкиным: о прибытии турецких полномочных в Яссы, о том, что они просят три дня отдыха перед началом мирных переговоров (*СБВИМ*. Вып. VIII. С. 257). О состоянии князя дает представление продиктованное им и подписанное одними инициалами письмо к Безбородко. "Милостивый Государь мой Граф Александр Андреевич! Стал было я и бродить, но третьего дни схватил меня сильный параксизм и держал более двенадцати часов так, что и по сие время не могу отдохнуть, крайне ослабевши. Вообразите, что все больны в Яссах и у меня в доме скоро некому будет служить. Прошу отыскать для меня шлафрок китайский и прислать. Оный крайне мне нужен" (*РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 257).

1157. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

26.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 8.
Публикуется впервые.

На письме дата читается, как "26 сентября", но, судя по ответу Екатерины (см. письмо № 1161) и письму Попова императрице от 25.IX, оно написано в этот день.

[1] *Попов донесет Вашему Величеству о моем состоянии...* – В письме от 25.IX Попов сообщал: "От 21-го сентября до нынешнего дня Князь Григорий Александрович подвержен был безпрестанным и жестоким страданиям. Все признаки открывали тяжкую и мучительную болезнь. Горестные его стенания сокрушали всех окружающих его. Когда только боли унимались, то Его Светлость начинал говорить о безнадежности своей жизни и со всеми прощался, не внемля никаким нашим вопреки сего уверениям..." (после принятия лекарств 22 и 23 ему стало лучше) "...Севодни в полдень Его Светлость уснул часа четыре и, проснувшись в поту, почувствовал облегчение. Все наличные тут доктора (Тиман, Массо и Санковский. – *В.Л.*) держали консилиум о болезни Его Светлости и о способах ея врачевания и согласно положили давать Его Светлости хину, которую уже он и принимает" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 8–8об.). К письму приложен составленный докторами журнал болезни.

Описание этих дней оставил митрополит Руисский грузин Иона, приехавший в ставку Потемкина. "Преосвященный Амвросий и я повестили его и слезно умоляли беречь себя, принимать лекарства и воздерживаться от вредной пищи. "Едва ли я выздоровею, – отвечал на это Князь, – сколько уже времяни, а облегчения нет, как нет. Но да будет воля Божия! Только вы молитесь о душе моей и помните меня. Ты, духовник мой, – продолжал он, обращаясь к Амвросию, – и ведаешь, что я никому не желал зла. Осчастливить человека было целию моих желаний". Зарыдали мы от этой предсмертной речи доблестного мужа. Вышедши, мы нашли в гостиной генерал-доктора француза (Массо. – *В.Л.*), от которого узнали, что положение Князя безнадежно, что никаких лекарств он не принимает, а болезнь уже в таком развитии, что обыкновенное врачество едва ли поможет. Глубокое отчаяние овладело нами, но нечего было делать". (Пер. с груз. – *ЗООИД*. Т. 3. С. 559).

1158. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

27.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 102.
Публикуется впервые.

Как следует из письма Попова императрице от 27.IX, Потемкин написал это (состоящее из одной строчки) письмо после получения подарка – шубенки и шлафрока при письме Екатерины от 16.IX (№ 1153). Попов сообщал о ходе болезни: "Состояние Светлейшего Князя, слава Богу, переменилось в лутчее. Прошедшую ночь проводил он без страдания, сон имел хороший, проснулся спокойно и сие спокойствие во весь день продолжается. Доктора весьма довольны, все их признаки идут к добру, и сам Князь перестал уже говорить о смерти. Севодни в двенадцатом часу Его Светлость приобщился Святых Таин и после того стал довольно весел. Много принесло Его Светлости радости и удовольствия получение вчера Всемилостивейшего Вашего Императорского Величества письма и с оным шубы и шлафрока. При напоминании Высочайшего Вашего Величества имяни всегда льются обильныя слезы из глаз его. Крайняя слабость после претерпенных мучений не позволила ему много писать к Вашему Императорскому Величеству, но я надеюсь, что с первым курьером Его Светлость напишет более" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 15–16). К письму приложен журнал докторов с изложением хода болезни.

1159. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

30.IX.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 304.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 652.

1 *Христа ради, ежели нужно, прийми, что тебе облегчение, по рассуждению докторов, дать может.* – Совет, сделанный после получения письма Попова от 21.IX.1791 (см. примеч. 1 к письму № 1157).

2 *С имянинами тебя поздравляю и посылаю шубенку.* – Именины Потемкина приходились на 30.IX. Это запоздалое поздравление и посылка шубенки (уже полученной в Яссах 26-го числа – см. примеч. к письму № 1158) создают впечатление, что императрица, обеспокоенная тяжелым состоянием своего мужа, ошиблась в написании даты настоящего письма. Как правило, курьеры привозили письма за 9–10 дней. Только два последних курьера проскакали из Ясс в Петербург с невероятной скоростью (см. примеч. к письмам № 1161 и 1162) – за 6 и 7 дней. Скорее всего, шубенка была отправлена заблаговременно (при письме от 16.IX – № 1153), хотя не исключено, что в собрании писем не достает еще одного письма Екатерины Потемкину, посланного 19–20.IX. Шлафрок, о котором Потемкин просил Безбородко 21.IX (см. примеч. к письму № 1156), тоже был привезен невероятно быстро (26.IX). Очевидно, кто-то (Браницкая или Попов) успели еще раньше уведомить о желании больного и Екатерина поспешила удовлетворить эту просьбу.

1160. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

2.X.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 43. Л. 9.
Публикуется впервые.

Последнее собственноручное письмо Потемкина государыне. В этот день Попов сообщил о ходе болезни императрице: с 27-го возобновились "параксизмы" со рвотой и обилием желчи. "30-е число, день рождения и имянин Его Светлости. Все окружающие его старались утешать его разными опытами усердия своего. Несколько раз

вспоминал он священное Вашего Императорского Величества имя и горько плакал, воображая, что, может быть, не будет иметь счастие Ваше Императорское Величество увидеть... Ночь Его Светлость проводил, то засыпая, то пробужаясь. 1-е октября с самого утра безпокоила Его Светлость сильная мокрота... В течение дня не было никакого другого припадка, а только слабость чрезвычайная. С вечера начался жар, который около полуночи так усилился, что Его Светлость пал в обморок. Остаток ночи были мы в крайнем о нем безпокойстве. 2-е октября около семи часов утра Его Светлость почувствовал облегчение и стал спокоен. Я просил Его Светлость убедительнейшим образом о принятии хины, но ничто не может преодолеть совершенного его от нея отвращения... Теперь желает Его Светлость, чтоб везли его отсюда в здоровейшее место, но я не знаю, как тронуться ему отсюда, когда все силы его изнурены до крайности" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 19–20).

1161. ЕКАТЕРИНА II – Г.А. ПОТЕМКИНУ

3.X.1791

Автограф. *РГАДА*. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 429.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 652.

Последнее письмо государыни князю. Этим же числом помечено ее письмо графине А.В. Браницкой, в котором говорилось: "Графиня Александра Васильевна! Из письма Вашего от 27 сентября вижу я, что Князю есть полегче; но со всем тем я весьма безпокойна о его состоянии. Пожалуй, останься с ним; а пуще всего, чтоб во время продолжительного выздоровления поберегся. Прощай, душа, Бог с тобою" (*АКВ*. Кн. 25. С. 467).

[1] *Письмы твои от 25 и 27 я сегодня чрез несколько часов получила...* – Эти письма (и письмо Браницкой) курьер доставил в Петербург за 6 дней.

[2] *И доктора твои уверяют, что тебе полутче.* – Из присланного Поповым журнала докторов и из его письма от 27.IX можно было сделать вывод, что кризис уже миновал. Поэтому в письме к Браницкой (и в настоящем письме) Екатерина выражает надежду на выздоровление, хотя на душе у нее тревожно. 3.X Храповицкий записывает: "Два курьера, что Князь Потемкин опасно болен и теперь еще лихорадка продолжается; он приобщен Святых Таин; послано описание болёзни от Массо и Тимана; слезы".

1162. Г.А. ПОТЕМКИН – ЕКАТЕРИНЕ II

4.X.1791

Подлинник без подписи. Приписка – автограф. *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 191.
Публикация – *РС*, 1876, декабрь. С. 652.

Слова "одно спасение уехать" написаны прыгающим, угловатым почерком и читаются с трудом. Журнал "Русский Вестник" в большом и богато документированном исследовании о Потемкине (автор А.В. Висковатов) приводит сведения о последних днях князя. Так, там сообщается, что 2.X Потемкин подписал свое полномочие на ведение переговоров Самойлову, Рибасу и Лашкареву. 3.X он подписывал бумаги Черноморскому Адмиралтейскому правлению, а также ордера Фалееву и маиору Фрелиху. "То были последние его почерки", – сообщает автор, не зная о приписке на настоящем письме. Попов в письме к императрице от 4.X подробно рассказывает о происходящем. «3-е число сего месяца Его Светлость Князь Григорий Александрович провел всю ночь и до десяти часов утра в таком состоянии, которое приводило в отчаяние всех медиков. Девять часов не находили они пульса. Его Светлость не

узнавал людей, руки его и ноги были холодны, как лед, и цвет лица весьма изменился. К полудню, благодарение Богу, опасность миновала, но жестокость страданий его умножила в нем слабость. Не взирая на оную, Его Светлость непрестанно требовал, чтоб везли его отсюда. На 4-е число Его Светлость проводил ночь довольно покойно и, хотя сна совсем почти не было, но не было и тоски. Как выезд из Ясс назначен был по утру, то Князь поминутно спрашивал: "Который час? и все ли готово?" (Далее Попов описывает, как рано утром, несмотря на густой туман, Потемкин приказал положить себя в большие кресла и в них снести к карете.)... Тут Князь подписал письмо к Вашему Императорскому Величеству (не подписал, а сделал приписку. – *В.Л.*) и в восемь часов пополуночи пустился в путь своей к Николаеву. С Его Светлостию поехали, но в других экипажах, Графиня Александра Васильевна Браницкая, Генерал-Порутчик Князь Голицын, Генерал-Маиор Львов и оберштер-кригскомиссар Фалеев, доктора Тиман и Массот и штаблекарь Санковский. Всю дорогу ехали тихо и в два часа пополудни прибыли благополучно на первый ночлег в село Пунчешты, в тридцати верстах отсюда. Доктора удивляются крепости, с которою Его Светлость совершил переезд сей. Они нашли у него пульс лучше и гораздо более свежести в лице. Жаловался только, что очень устал. Естьли Его Светлость следующую ночь проведет сносно, то мы уверены о скором его выздоровлении в Николаеве, тем паче, что Его Светлость восприял несумненную о том надежду и сия надежда сильно в нем действует» (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 24–26об.).

Попов не поехал с князем, приказавшим ему "остаться здесь на некоторое время в разсуждении начинающихся конференций... Рейс-эфенди был болен, тож и Мурузий, драгоман Порты, но как уже они теперь на ногах, то и положено послезавтре первый иметь съезд, и все, что только возможно, будет употреблено к скорейшему совершению мирного дела. Князь Николай Васильевич (Репнин. – *В.Л.*) выдержал горячку и после оной, испрося отпуск, отправился в Москву" (Из письма Попова к Безбородко от 2.X. Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 38. Л. 39–39об.).

В эти самые дни Храповицкий записывает в Дневнике: "4 октября. Поутру Рожерсон (придворный лейб-медик. – *В.Л.*) донес Ея Величеству, что Сутерланд едва ли день сей переживет: он умер во втором часу пополуночи..." Это сообщение о смерти придворного банкира Р. Сутерланда накануне смерти Потемкина послужит основанием для одного из мифов, о которых речь ниже. "11 октября, – продолжает записывать Храповицкий, – в обед приехал курьер, что 1-го октября Князю Потемкину опять хуже: – опять слезы и отчаяние. В 8 ч. пустили кровь, в 10 легли в постель. 12 октября. Курьер к пяти часам пополудни, что Потемкин повезен из Ясс и, не переехав сорока верст, умер на дороге, 5-го октября, прежде полудня... Слезы. – Жаловались, что не успевают приготовить людей: теперь не на кого опереться".

5.X.1791 Попов из Ясс посылает два письма императрице с разницей в несколько часов. В первом он сообщает, что до получения журнала медиков о болезни князя "по вчерашний вечер" он удерживал курьера "до сего утра и теперь имею счастие донести, что Его Светлость прошедшую ночь провел до первого часу спокойно и раза два засыпал по получасу, но потом часто жаловался на слабость и что все кости болят. Сие он и вчера чувствовал к удовольствию медиков, находящих в том хороший признак. Нетерпеливость ехать так была велика, что едва только стало разсветать, то Его Светлость приказал положить себя в коляску и в седьмом часу утра благополучно в путь отправился" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 27–27об.). Но в конце дня прискакал курьер с известием о смерти Потемкина. Попов пишет к Безбородко и просит его "подать письмо Ея Величеству, доносящее о кончине Светлейшего Князя" (Там же. Д. 38. Л. 68). Во втором письме Попова Екатерине говорилось: "Удар свер-

шился, Всемилостивейшая Государыня. Светлейшего Князя Григория Александровича нет более на свете. По утру он зделался очень слаб, но приказывал скорее ехать. Наконец, не доезжая Большой горы, верстах в сорока от Ясс, так ослабел, что принуждены были вынуть его из коляски и положить на степи. Тут и испустил он, к горестнейшему нашему сожалению, дух свой. В горьком отчаянии, сирый, оставленный, прибегаю под матерний покров твой" (Автограф. – *РГВИА*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 94. Л. 30).

16.X Храповицкий записывает: «Продолжение слез; мне сказано: "Как можно мне Потемкина заменить: он был настоящий дворянин, умный человек, его нельзя было купить. Все будет не то. Кто мог подумать, что его переживет Чернышев и другие старики? Да и все теперь, как улитки, станут высовывать головы". Я отражал тем, что "все это ниже Вашего Величества". "Так, да я стара. Он настоящий был дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить". Граф Ал[ександр] Андреевич Безбородко поехал перед полуднем...» (на мирный конгресс, заменить умершего. – *В.Л.*).

Все эти подробности приведены с целью дать читателю возможность получить из первых рук картину болезни и смерти Потемкина, которая быстро стала обрастать легендарными подробностями. Уже в 1792 г. в антипотемкинском романе-памфлете "Пансалвин Князь Тьмы" (антитеза: Светлейший князь – князь Тьмы, была слишком очевидной) рассказывалось о дуэли Пансалвина с генералом, которого он оскорбил. Противник Пансалвина якобы случайно задел кончиком обнаженной шпаги ядовитую южную траву и было достаточно пустяковой царапины, чтобы могущественный соправитель знаменитой царицы Миранды заболел и скончался. После бурного и недолгого царствования Павла I (переделывавшего все, что было создано его матерью и Потемкиным) граф А.Ф. Ланжерон уже слышал версию об отравлении князя. Историк А.Г. Брикнер, имевший возможность ознакомиться с "Записками" Ланжерона, хранившимися в парижском архиве, писал, что мемуарист упоминает о "нелепом слухе, будто бы Потемкина отравил доктор Тиман". "Кто бы мог приказать это сделать? Екатерина ли? Зубовы ли? Я их знал и утверждаю, что это положительно невозможно", – приводит Брикнер слова Ланжерона и добавляет (ссылаясь на его мемуары): "Зато Ланжерон знал, что императрица оплакивала кончину Потемкина, что она в нем нуждалась и считала его своим защитником и сотрудником" (*ИВ*. 1895. Декабрь. С. 841–842). Стоит напомнить, что Брикнер был единственным российским историком, который написал монографию о Потемкине, опираясь на новые материалы, введенные в научный оборот в конце XIX в. Другой известный историк В.А. Бильбасов, собиравший в те же годы материалы для своей многотомной истории Екатерины Великой, снял копию с маленькой записочки, составленной сенатором Р.И. Рербергом (ум. в 1871). В ней говорилось: "Фельдмаршал Потемкин был отравлен по приказанию Екатерины II доктором Тиман, при нем находившемся в Яссах; доктор получил хорошую пенсию и отправлен за границу. Я знал этого доктора" (*РНБ ОР*. Ф. 73. Д. 315. Л. 1). Составители Русского биографического словаря, готовя статью о И.К. Тимане (1906 г.) ни словом не упоминают о "страшном преступлении" доктора, пользовавшегося, по их словам, расположением и покровительством Потемкина. Зато они приводят факт, не известный Рербергу: 12.II.1792 Екатерина II пожаловала Тимана в лейб-медики. Пожалование немыслимое, вызывающее, если принять на веру слова сенатора. Наконец, известный мемуарист А.М. Тургенев, вспоминавший и действительно происходившие события, и слухи (он писал свои полуанекдотические "Записки" стариком), упомянул версию об отравлении Потемкина. «Лучше было бы, когда бы Князь не объявил намерения своего "вырвать зуб". Князь приехал в Петербург, и, как все утверждают, ему был дан медленно-умерщвляющий яд. Банкир Сутер-

ланд, обедавший с Князем вдвоем в день отъезда, умер в Петербурге, в тот же день, тот же час и чувствуя такую же тоску, как Князь Потемкин чувствовал, умирая на плаще среди степи, ехавши из Ясс в Николаев» (*Былое*, 1918, № 13. С. 156). Эту версию растиражировал автор романа "Фаворит". Но никто из упомянутых "свидетелей" не только не знал, но даже не подозревал о письмах Екатерины князю и о его ответных письмах, впервые представленных в настоящем издании. Не знали они о письмах В.С. Попова, рисующих тяжелую картину эпидемии, свирепствовавшей в Галаце и Яссах летом–осенью 1791 г. Смерть принца Виртембергского, болезнь князя Репнина и турецкого министра иностранных дел, прибывшего на переговоры (как, впрочем, почти всех членов русской и турецкой делегаций), болезнь генералов, офицеров и солдат – вот фон, на котором развивался предсмертный недуг Светлейшего, прибывшего на юг завершить дело всей своей жизни – утвердить Россию в ранге Черноморской державы. "Он творил чудеса, – писал Ланжерон. – Он занял Крым, покорил татар, положил начало городам Херсону, Николаеву, Севастополю, построил везде верфи, основал флот, который разбил турок; он был виновником господства России в Черном море и открыл новые источники богатства для России". "Ему обязаны мы Черным морем", – вторил Ланжерону молодой Пушкин.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Курсивом выделены страницы, на которых приведены биографические сведения об упоминаемых в письмах лицах. Их титулы даны на 6.XI.1796 – день смерти императрицы Екатерины Великой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
АГС	Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование имп. Екатерины II-й (1768–1796). Протоколы Совета... СПб., 1864. Ч. 1, 2
АКВ	Архив князя Воронцова. М., 1870–1895. Кн. 1–40
Бантыш-Каменский	*Бантыш-Каменский Н.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840–1841. Ч. 1–4
Бильбасов	*Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. СПб., 1890–1891. Т. 1–2
Бильбасов. Ист. монографии	*Бильбасов В.А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 1–5
Бутков	*Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1–3
Валишевский К.	*Валишевский К.* Роман одной императрицы. СПб., 1909
Васильчиков	*Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880–1894. Т. 1–5
ВЕ	Вестник Европы
Вернадский	*Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917
ВИ	Вопросы истории
ВИЛ	Вестник иностранной литературы
ГА РФ	Гос. архив Российской Федерации (бывш. ЦГАОР)
ГИМ ОПИ	Гос. исторический музей. Отдел письменных источников
ГМИИ	Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГМТСЛ	Гос. музей Троице-Сергиевой лавры
ГРМ	Гос. Русский музей
ГТГ	Гос. Третьяковская галерея
ГЭ	Гос. Эрмитаж
ДВС	Дух великого Суворова или анекдоты подлинные о князе Италийском, графе Александре Васильевиче Суворове-Рымникском... СПб., 1808

ДКМ	Дмитровский краеведческий музей
Дружинина	*Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959
Дубровин	*Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1–3
ДХ	Дневник А.В. Храповицкого 1782–1793 (по подлинной его рукописи...). СПб., 1874
ЖМЮ	Журнал министерства юстиции
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИВ	Исторический вестник
ИРЛИ	Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом). Отдел рукописей
КД	М.И. Кутузов. Документы. М., 1950–1956. Т. 1–5
Крестьянская война	Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961–1970. Т. 1–3
КС	Киевская старина
Кротков	*Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893
КХМ	Краснодарский художественный музей
КФЖ	Камер-фурьерский церемониальный журнал
Лебедев	*Лебедев П.С.* Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863
Лопатин	*Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М., 1992
Массон	*Массон К.* Секретные записки о России... Казань, 1918. Т. 1
МИРФ	Материалы для истории русского флота
ММС	Мемориальный музей А.В. Суворова. СПб.
МОКМ	Московский областной краеведческий музей
МТ	Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени
Орлов-Давыдов	*Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Т. 1–2
Осм. век	Осмнадцатый век. Исторический сборник / Изд. П. Бартеневым. М., 1868–1869. Кн. 1–4.
ПДМ	Павловский дворец-музей
Письма Безбородко	Письма А.А. Безбородко к графу П.А. Румянцеву. 1775–1791. СПб., 1900
Письма Екатерины Второй Панину	Письма и записки Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. М., 1863
Письма Екатерины II Стакельбергу	Письма Екатерины II к графу Стакельбергу. 1773–1793. СПб., 1871
Письма и бумаги Екатерины II	Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке / Изд. А.Ф. Бычковым. СПб., 1873

Письма Завадовского	Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву 1775–1791 годов. СПб., 1901
Письма Румянцевой	Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762–1779 гг. СПб., 1888
ПКР	*Дубровин Н.Ф.* Присоединение Крыма к России. СПб., 1885–1889. Т. 1–4
ПСЗ	Полное собрание законов Российской Империи
Пушкин	*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 17-ти т. М.; Л., 1937–1959
РА	Русский Архив
РБС	Русский биографический словарь. СПб., 1896–1918. Т. 1–25
РВ	Русский вестник
РГАДА	Российский гос. архив древних актов
РГБ	Российская гос. библиотека
РГВИА	Российский гос. военно-исторический архив
РД	П.А. Румянцев. Документы. М., 1953–1959. Т. 1–3
РИЖ	Русский исторический журнал
РИХМ	Рыбинский историко-художественный музей
РНБ	Российская гос. библиотека. Отдел редких книг и письменных источников
Русская портретная галерея	Русская портретная галерея / Изд. А.С. Суворина СПб., 1887
РС	Русская старина
Русские портреты	Русские портреты XVIII–XIX столетий / Изд. вел. князя Николая Михайловича. СПб., 1905–1909. Т. 1–5
Русский двор сто лет тому назад	Русский двор сто лет тому назад по донесениям английских и французских посланников. СПб., 1907
СА	Северный архив
СБК	*Панчулидзев С.А.* Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901–1908. Т. 1–4
СБВИМ	Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893–1895. Вып. IV, VI–VIII
СБРИО	Сборники Императорского Русского исторического общества. СПб., 1867–1916. Т. 1–148
СГХМ	Саратовский гос. художественный музей им. А.Н. Радищева
СД	А.В. Суворов. Документы. М., 1949–1953. Т. 1–4
Семь собственноручных писем Потемкина	Семь собственноручных писем и записок князя Г.А. Потемкина-Таврического к графу П.А. Румянцеву-Задунайскому (1769–1788). СПб., 1902
СИН	Старина и новизна

Смирдин	Соч. императрицы Екатерины II. Т. 1–3/Изд. А.Ф. Смирдин. СПб., 1849–1850
Соловьев	*Соловьев С.М.* История падения Польши. М., 1863
Соч. имп. Екатерины II	Соч. императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1901–1907. Т. 1–5, 7–12
СП	*А.В. Суворов.* Письма. М., 1986
СПБИИ	Санкт-Петербургское отделение института истории Российской Академии наук. Фонды
УД	Ф.Ф. Ушаков. Документы. М., 1951–1956. Т. 1–3
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846–1918

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

ЕКАТЕРИНА II
и Г.А. ПОТЕМКИН

Личная переписка

1769–1791

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Литературные памятники"

Заведующая редакцией
"Наука–культура"
А.И. Кучинская

Редактор
Н.А. Алпатова

Художник
Б.И. Астафьев

Художественный редактор
Г.М. Коровина

Технический редактор
З.Б. Павлюк

Корректоры
Н.П. Круглова, Р.В. Молоканова,
Н.И. Харламова, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1762

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 14.10.96

Формат 70 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ. л. 75,03. Усл.кр.-отт. 77,4. Уч.-изд.л. 81,0
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 1054

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2 РАН
121099, Москва Г-99б Шубинский пер., 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·